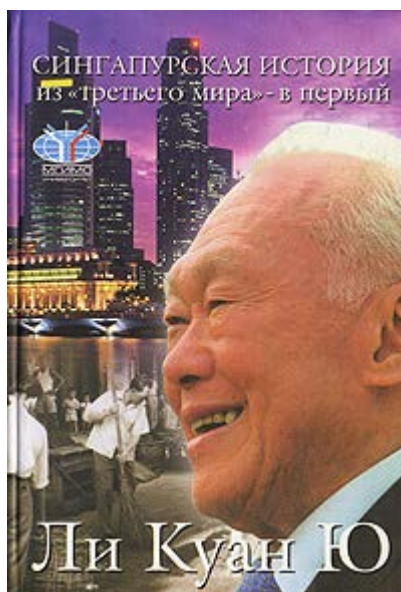

Ли Куан Ю

Сингапурская история: из «третьего мира» – в «первый»

Аннотация

Ли Куан Ю, автор впервые публикуемых на русском языке воспоминаний, выдающийся политический деятель второй половины XX века. С именем этого человека неразрывно связана вся история создания, развития и процветания такого уникального образования как город-государство – Сингапур. Республика Сингапур менее чем за 40 лет национального суверенитета превратилась в один из самых индустриальных центров в Юго-Восточной Азии, заняв важное место не только в региональной политике и экономике, но и в системе мирохозяйственных связей и международной политике.

Книга – это не просто мемуары политического деятеля. Это поучительные размышления о том, как добиться признания и успеха.

Предисловие переводчика

В Большой Советской Энциклопедии Ли Куан Ю посвящена статья длиной менее 500 печатных знаков: «Ли Куан Ю (р. 16.9.1923, Сингапур), государственный деятель Сингапура. По образованию юрист. С 1951 занимался адвокатской практикой в Сингапуре. В 1951-59 участник профсоюзного движения. В 1954 избран генеральным секретарем Партии народного действия. В 1955 стал депутатом Законодательного собрания. После всеобщих выборов 1959, когда Партия народного действия собрала большинство голосов, получил пост премьер-министра Сингапура». Биографический словарь еще лаконичнее: «Ли Куан Ю (р. 1923), премьер-министр Сингапура в 1959-90». Это не удивительно: в годы «холодной войны» Ли Куан Ю последовательно занимал антисоветскую, проамериканскую позицию, поэтому популяризация его достижений вряд ли являлась приоритетной задачей.

«Холодная война» закончилась десятилетие назад, но на русский язык так и не была переведена и издана массовым тиражом ни одна книга, речь или статья человека, которого по праву можно считать одним из наиболее выдающихся политических деятелей второй половины XX столетия.

Послушаем, что говорят о нем крупнейшие политики современности. Бывший премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер без обиняков признает: «Будучи

премьер-министром, я читала и анализировала каждую речь Ли Куан Ю. Он умел развеять пропагандистский туман и с уникальной ясностью высказать свои взгляды на основные проблемы современности и пути их решения. Он ни разу не ошибся».

Экс-президент США Джордж Буш-старший не менее щедр на похвалу: «Ли Куан Ю – один из наиболее ярких и способных людей, которых я когда-либо встречал. Эта книга – обязательное чтение для всех, кто интересуется историей успешного развития Азии. Из этой книги мы также многое узнаем об образе мышления одного из наиболее дальновидных государственных деятелей XX столетия».

Бывший премьер-министр Японии Киичи Миядзава идет еще дальше: «Это история жизни человека, который, практически в одиночку, превратил маленький островок в великое государство... Это первый в мире учебник по строительству государства».

Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан также не скрывает своего уважения к автору предлагаемой читателю книги: «Название этой книги – Из „третьего мира“ – в первый – выражает мечту всех развивающихся стран, воплощенную, увы, лишь немногими из них. Сингапур – одна из этих немногих стран. Поэтому рассказ о раннем периоде независимости страны, написанный отцом-основателем Сингапура Ли Куан Ю, представляет собой исключительный интерес, как для народов развивающихся стран, так и для всех тех, кто интересуется их судьбой. Кроме того, эта книга написана с предельной ясностью и прямоотой. Это – захватывающее чтение». Добавить что-либо к этим высказываниям сложно.

Только ли потому, что мы «ленивы и нелюбопытны», имя Ли Куан Ю практически неизвестно на постсоветском пространстве? Позволю высказать предположение, что причины этого несколько глубже. На смену тотальному единомыслию советской эпохи пришел отнюдь не плюрализм, а попытки не менее тотального насаждения основных положений западного неолиберализма. Вместе с традиционным евроцентристским видением истории человечества это отодвинуло в тень не одну ценную идею и концепцию. Тем не менее, ценности англо-саксонской цивилизации, ставшей колыбелью неолиберализма и распространителем его идей на протяжении последних двух-трех столетий, не являются ни самыми древними, ни, тем более, универсальными. Упорство, с которым эти идеи пропагандируются в качестве общечеловеческих ценностей, а то и просто навязываются (за последние 10 лет, по данным журнала «Экономист» примерно 100 государств мира вольно или невольно перешли к более демократичной форме правления), оставляет мало сомнений в том, что они используются в корыстных интересах отдельных стран и народов, подлинным приоритетом которых являются их собственные узкие корыстные интересы, а отнюдь не благо человечества в целом. Взгляды всех тех, кто высказывает сомнение в том, что предлагаемый апологетами неолиберализма путь к процветанию и свободе не является единственным, тем более те, кто подвергает сомнению основные положения неолиберальной доктрины и практические результаты ее воплощения, подвергаются замалчиванию, а если заставить их замолчать не удастся – огульному охаиванию и остракизму.

Ли Куан Ю – один из немногих политиков нашего времени, кто на протяжении нескольких десятилетий последовательно отстаивал и отстаивает право идти собственным, «третьим» путем, который многими евангелистами неолиберализма давно осмеян и ошельмован как несуществующий. Суть его – в тщательном учете конкретно-исторических условий общества, его национальных, религиозных, культурных особенностей; сочетании экономического прогресса с традиционными моральными и культурными ценностями; приоритете старого доброго здравого смысла над умозрительными теориями; примате патриотизма, прагматизма и творческой практики над идеологическими концепциями. Практические результаты воплощения подобного подхода в Сингапуре, Гонконге, Южной Корее, Китае, на Тайване говорят сами за себя. Сингапур, – город, построенный на болотистом островке, несколько уступающем по площади Киеву, и несколько превосходящий его по численности населения, – по размерам ВВП превосходит Украину примерно в 1.3 раза, уступая по этому показателю огромной России лишь в 5 раз. А ведь даже строительный песок, даже пресную воду приходится завозить в Сингапур из Малайзии и Индонезии...

Пересказывать содержание этой книги, повествующей об исторических достижениях Сингапура, бессмысленно, – читатель сам во всем разберется. Этот перевод не затевался с

целью изваять очередного кумира. Ли Куан Ю – политик сложный и неоднозначный, проницательный читатель многое уловит между строк. К счастью, люди, внимание которых привлекают подобные книги, в особых пояснениях не нуждаются. Искушенный читатель без труда рассмотрит за политическими интригами и сложными маневрами в бурных волнах переменчивой политической конъюнктуры главное: преданность своей стране и народу, здравый смысл, высокую мораль, глубокий государственный ум, практическую сметку и железную волю политика, полностью уверенного в правоте своего дела.

Что оказалось возможным в Сингапуре – стократ возможно в бывшем СССР. «В отличие от коммунистической системы, русские – не те люди, которых можно выбросить на свалку истории», – пишет Ли Куан Ю. Со стороны, как говорится, виднее. День, когда на постсоветском пространстве будут написаны мемуары о еще более ярких и впечатляющих достижениях, обязательно придет. Пусть выход этой книги в свет приблизит его.

Доктор Генри А. Киссинджер. Предисловие

Во второй половине двадцатого столетия, с появлением множества новых государств, международная политика и экономика впервые в истории стали действительно глобальными. Одновременно, технология позволила практически каждой стране мира оказывать влияние на события в любой части планеты, где бы они ни происходили.

К сожалению, информационный взрыв не сопровождался соответствующим приращением знаний. Континенты взаимодействуют, но не обязательно понимают друг друга. Однородность технологии создает иллюзию, что политика, и даже культура, тоже станут гомогенными. Для существующих долгое время наций Запада особенно велика опасность оценивать каждое новое государство в соответствии с критериями западной цивилизации, игнорируя историю молодых государств. При этом часто упускается из виду, что государственные и общественные учреждения Запада не возникли в одночасье на глазах современников, а развивались на протяжении веков, в течение которых сформировались законы, конституции и основные ценности общества.

И все-таки, история государств имеет большое значение. Государственные и общественные учреждения Запада развивались постепенно, в большинстве же новых государств они сразу создавались в достаточно развитой форме. На Западе гражданское общество развивалось параллельно с созревaniem современного государства. Это сделало возможным рост законодательных учреждений, которые ограничили и свели власть государства к кругу вопросов, которые общество не могло разрешить собственными силами. Политические конфликты сглаживались верховенством интересов общества в целом.

Многие постколониальные государства не имеют подобной истории. Задачи, которые на Западе решались в течение столетий, должны были быть решены в одно – два десятилетия в гораздо более сложных обстоятельствах. Там же где весь общенациональный опыт сводится к жизни в условиях иностранного колониального господства, а население государства состоит из разнообразных этнических групп, политическая оппозиция часто рассматривается не как выражение несогласия с правительством, а как посягательство на государственные устои.

Сингапур – наглядный тому пример. В качестве главной британской военно-морской базы на Дальнем Востоке город не имел ни перспектив, ни стремления обрести статус государства. Тем не менее, после Второй мировой войны, с крахом европейского колониального владычества, политическая карта Юго-Восточной Азии изменилась. На гребне первой волны деколонизации Сингапур стал частью Малайи, а затем его население, в значительной степени состоявшее из китайцев, отвергло попытки государства и малайского большинства изменить его национальную принадлежность. Малайя отторгла Сингапур, потому что не была готова иметь дело со столь с большим китайским населением, как и не была в состоянии подчинить Сингапур, даже если бы удалось силой заставить его войти в созданную впоследствии Федерацию Малайзия.

Тем не менее, история показывает, что ординарные благоразумные расчеты могут быть изменены экстраординарными людьми. В случае с Ли Куан Ю, отцом сингапурской государственности, старый спор о том, обстоятельства или индивидуальность оказывают

решающее влияние на развитие событий, решен в пользу последней. Обстоятельства не могли быть менее благоприятными. Расположенный на песчаной полоске суши, лишенной всяких природных ресурсов, Сингапур имел в 1950-ых годах разноязыкое население, численностью немногим более одного миллиона жителей (сегодня более трех миллионов), 75.4 % которого составляли китайцы, 13.6 % – малайцы, и 8.6 % – индийцы. Он граничил на юге с Индонезией, население которой насчитывало более 100 миллионов человек (сегодня – вдвое больше), а на севере – с Малаей (позднее – Малайзией), с населением в 6.28 миллиона человек. Будучи самой маленькой страной в Юго-Восточной Азии, Сингапур казался просто созданным для того, чтобы стать государством, зависевшим от более мощных соседей, даже если бы ему вообще удалось сохранить свою независимость.

Ли Куан Ю думал иначе. Каждое большое достижение, прежде чем оно осуществится, – это просто мечта, а он мечтал о государстве, которое не просто выживет, но и превзойдет другие страны. Недостаток ресурсов должен был компенсироваться превосходством в интеллекте, дисциплине и изобретательности. Ли Куан Ю призвал соотечественников сделать то, что они прежде никогда не считали своей обязанностью: сначала очистить свой город, а затем, преодолев исконную вражду к соседям и собственные этнические разногласия, показать всем пример превосходной работы.

Сегодняшний Сингапур – воплощение его мечты. Ежегодный доход на душу населения вырос с менее чем 1,000 долларов США в момент обретения независимости до почти 30,000 долларов США сегодня. Сингапур – лидер в области высоких технологий в Юго-Восточной Азии, ее коммерческие ворота и научный центр. Сингапур играет большую роль в политике и экономике Юго-Восточной Азии и за ее пределами.

Этот том – отчет Ли Куан Ю о его экстраординарных достижениях. Он вел государственный корабль, сообразуясь не только с требованиями собственного общества, но и с потребностями и интересами его соседей. Вдумчивый анализ проблем Индонезии и причин падения ее бывшего президента Сухарто сменяется рассказом Ли Куан Ю о его столкновениях с Китаем и его лидерами. Его повествование о неудачном участии Сингапура в создании города – спутника Сучжоу особенно поучительно для анализа трудностей сочетания рыночной экономики даже столь дружественного партнера как Сингапур с политическими и социальными реалиями Китая, застрявшего на полпути между эпохой Мао и созданием современной рыночной экономики.

Ли Куан Ю не был бы верен себе, если бы он был менее откровенен в своем анализе различий между западным индивидуализмом и социальными ценностями его страны и многих других стран Азии. Он не требует от нас, чтобы мы изменили наши взгляды, а лишь просит, чтобы мы воздержались от их прямого приложения к обществам с различной историей и потребностями.

Эти представления Ли Куан Ю подвергались серьезной критике со стороны Запада. Те из нас, кто уважает западные ценности, но при этом понимает всю сложность становления нового государства в иной культурной среде, готовы предоставить истории рассудить вопрос о том, имелся ли иной, реально осуществимый путь преобразований. Несмотря на это, на протяжении жизни целого поколения, каждый американский лидер, сотрудничавший с Ли Куан Ю, извлекал реальную выгоду из того, что в решении международных проблем он связывал будущее своей страны с судьбой демократических государств. И это было не пассивной позицией, а активным и оригинальным политическим вкладом в борьбу за идеалы нашей эпохи.

Предисловие Ли Куан Ю

Я написал эту книгу для молодых жителей Сингапура, которые воспринимают общественную стабильность, экономический рост и процветание как нечто само собой разумеющееся. Я хотел, чтобы они знали, как трудно было выжить маленькой стране с территорией в 640 кв. км., лишенной каких-либо природных ресурсов, окруженной большими, только что получившими независимость государствами, проводившими националистическую политику.

Те, кого в 1942 году обожгла война, кто пережил японскую оккупацию Сингапура, кто

принимал участие в создании новой экономики Сингапура, – смотрят на вещи куда реалистичнее. Мы не можем позволить себе забыть, что общественный порядок, личная безопасность, экономический и социальный прогресс и процветание не возникают сами по себе, а являются результатом непрерывных усилий и постоянного внимания со стороны избранного народом честного и эффективного правительства.

В предыдущей книге я описал годы моего становления в довоенном Сингапуре, период японской оккупации, коммунистических мятежей, за которыми последовали расовые волнения в течение тех двух лет, пока Сингапур находился в составе Малайзии.

Годы японской оккупации (1942–1945) наполнили меня ненавистью к тем преступлениям, которые совершали японцы по отношению к другим азиатским народам, разбудили во мне национализм, чувство собственного достоинства и стремление избавиться от угнетения. В течение четырех послевоенных студенческих лет, проведенных в Великобритании, моя решимость избавиться от британского колониального господства только окрепла.

Я вернулся в Сингапур в 1950 году, полный уверенности в правоте своего дела, и совершенно не подозревая о тех препятствиях и опасностях, которые ждали меня впереди. Волна антиколониальной борьбы подхватила меня и многих людей моего поколения. Я работал в профсоюзах, занимался политикой, формировал политическую партию и в 1959 году, в возрасте 35 лет, стал первым премьер-министром демократически избранного правительства самоуправяемого Сингапура. Мои друзья и я сформировали Объединенный фронт (United front) с коммунистами. С самого начала мы знали, что в будущем наши пути разойдутся. Когда это случилось, между нами завязалась ожесточенная борьба, и нам повезло, что мы вышли из нее победителями.

Мы полагали, что в интересах будущего Сингапура нам следовало воссоединиться с Малайей, поэтому в сентябре 1963 года мы вошли в состав единого государства, – Малайзии. Но не прошло и года, как в июле 1964 года Сингапур стал ареной расовых столкновений между малайцами и китайцами. Мы попали в ловушку и оказались вовлеченными в тяжелую борьбу с малайскими экстремистами из правящей Объединенной малайской национальной организации (ОМНО – United Malay National Organisation). Они стремились создать «Малайзии для малайцев», в которой малайцы играли бы доминирующую роль. Малайские националисты использовали межобщинные столкновения, чтобы запугать нас. Чтобы противостоять им, мы сплотили малайцев и немалайцев по всей Малайзии в Малайзийское объединение солидарности (Malaysian Solidarity Convention), целью которого было создание «Малайзии для малазийцев». Тем не менее, к августу 1965 года у нас уже не оставалось иного выбора, кроме как выйти из состава Малайзии.

Столкнувшись с угрозой межрасовых столкновений и запугиванием, жители Сингапура исполнились решимости пережить все трудности, связанные с созданием независимого государства. Болезненный опыт межрасовых столкновений сделал меня и моих коллег убежденными сторонниками построения многонационального общества, в котором всем гражданам, независимо от расы, языка или религии были бы гарантированы равные права. Это было кредо, определявшее нашу политику.

Эта книга охватывает длинный, трудный период времени, на протяжении которого мы искали пути сохранения независимости Сингапура от Малайзии и обеспечения его жителей средствами существования. Для того чтобы за три десятилетия пройти путь от бедности до процветания, нам пришлось преодолеть практически непреодолимые препятствия.

После 1965 года Сингапур пережил беспокойный, напряженный период времени, в течение которого мы пытались встать на ноги. Облегчение наступило только в 1971 году, когда стало ясно, что, несмотря на вывод британских войск из Сингапура, нам удалось создать достаточное количество рабочих мест и предотвратить массовую безработицу. Но только после того как мы преодолели последствия международного нефтяного кризиса 1973 года, когда цена на нефть выросла в четыре раза, мы окончательно обрели уверенность в том, что сможем прожить самостоятельно. Но и после этого нам пришлось упорно трудиться, планировать и импровизировать, чтобы утвердиться в качестве жизнеспособного государства, связанного посредством торговли и инвестиций с крупными индустриальными странами, стать преуспевающим центром обмена товарами, услугами и информацией в нашем регионе.

В 1959 году, когда я стал премьер-министром, объем валового национального продукта (Gross Domestic Product) на душу населения составлял 400 долларов США. В 1990 году, когда я ушел в отставку, он вырос до 12,200 долларов, а в 1999 году достиг 22,000 долларов США. Этот рост проходил на фоне огромных политических и экономических изменений в мире.

Сингапур преодолел проблемы бедности, свойственные странам «третьего мира». Тем не менее, потребуется время жизни еще одного поколения сингапурцев, прежде чем уровень развития культуры, искусства и социальные стандарты Сингапура придут в соответствие с уровнем развития инфраструктуры, присущим странам «первого мира», которого мы уже добились. В 60-ых-70-ых годах, когда было далеко не ясно, кто победит в «холодной войне», Сингапур встал на сторону стран Запада. Раздел мира на два лагеря делал международную политику в годы «холодной войны» проще. Наши ближайшие соседи были антикоммунистами, поэтому между странами региона существовала солидарность, мы также пользовались международной поддержкой со стороны Америки, стран Западной Европы и Японии. К концу 80-ых годов стало ясно, что Сингапур был на стороне победителей.

Эта книга не является набором практических рекомендаций относительно того, как развивать экономику, создавать армию или строить государство. Это рассказ о тех проблемах, с которыми столкнулись я и мои коллеги, и о том, как мы их решали. Повествование в моей предыдущей книге велось в хронологическом порядке. При таком подходе этот том получился бы слишком объемным, поэтому я построил книгу по тематическому принципу, сжав 30 лет в 700 страниц текста.

Глава 1. Отправляясь в одиночное плавание

Есть книги, по которым можно научиться построить дом, отремонтировать двигатель или написать книгу. Но мне никогда не попадался учебник по созданию нации из разношерстного состава иммигрантов, прибывших из Китая, Британской Индии, Голландской Ост-Индии, или книга о том, как обеспечить население города средствами к существованию в условиях, когда он утратил свою прежнюю экономическую роль торговых ворот региона.

Я никогда не думал, что в 1965 году, в возрасте 42 лет, мне придется встать во главе независимого Сингапура и принять на себя ответственность за жизнь его двухмиллионного населения. Начиная с 1959 года (мне было тогда 35 лет), я был премьер-министром самоуправяемого штата Сингапур. Мы присоединились к Федерации Малайзия в сентябре 1963. Между Сингапуром и федеральным правительством имелись фундаментальные разногласия по политическим вопросам, и это привело к тому, что 9 августа 1965 года федеральное правительство потребовало от нас выйти из состава Федерации. Так мы стали независимым государством, идущим по непроторенному пути.

Мы столкнулись с огромными препятствиями, и наши шансы на выживание были невероятно малы. Сингапур являлся искусственным образованием. Созданный англичанами в качестве торгового форпоста, он постепенно стал центральным пунктом их всемирной морской империи. С ее крахом мы унаследовали остров без материка, сердце без тела.

Комментарии иностранных прессы, последовавшие сразу за провозглашением независимости, в один голос предсказывали нашу гибель, усугубляя мое и без того мрачное настроение. Один автор сравнил уход Британской империи из ее колоний с упадком Римской империи. Тогда, с уходом римских легионов, рухнули закон и порядок, ибо их место заняли варварские орды. 10 августа 1965 года корреспондент «Сидней Морнинг Геральд» (Sydney Morning Herald) Дэнис Уорнер (Denis Warner) писал: «Независимый Сингапур не рассматривался в качестве жизнеспособного образования три года назад, ничто в текущей ситуации не предполагает, что он более жизнеспособен сегодня». Ричард Хьюз (Richard Hughes) высказался в лондонской «Санди Таймс» (Sunday Times) от 22 августа 1965 года следующим образом: «Сингапурская экономика разрушится, если будут закрыты британские военные базы, на содержание которых ежегодно расходуется более чем 100 миллионов фунтов стерлингов». Я разделял эти опасения, но не высказывал их открыто: моя обязанность состояла в том, чтобы дать людям надежду, а не деморализовывать их.

Действительно, наиболее важным из всех занимавших меня вопросов был вопрос о том,

как долго англичане хотели или могли удерживать свои военные базы в Сингапуре. Сократят ли они сроки своего пребывания в Сингапуре из-за того, что мы отделились от Малайзии? Гарольд Вильсон (Harold Wilson) (тогдашний премьер-министр Великобритании) уже сталкивался с оппозицией внутри его собственной парламентской фракции. Политика сохранения военного присутствия Великобритании «к востоку от Суэца» была дорогостоящей и мешала лейбористскому правительству в борьбе за голоса избирателей. Правительство нуждалось в деньгах для реализации социальных и иных программ, приносивших голоса избирателей. Соединенные Штаты – единственный гарант безопасности и стабильности в Восточной Азии – глубоко увязли в партизанской войне во Вьетнаме, которая была чрезвычайно непопулярна среди их европейских союзников и правительств африканских и азиатских государств. Антиамериканская пропаганда, которая велась Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, была особенно эффективна в странах «третьего мира». Я чувствовал, что смена британского военного присутствия на американское была бы для Сингапура политически дорогостоящей, а то и вообще неосуществимой затеей. А Новая Зеландия и Австралия не могли гарантировать нашу безопасность своим силами.

Я боялся, что постепенно, но неуклонно британское влияние будет уменьшаться, а американское – расти. Для моего поколения, родившегося и выросшего в Британской империи, это было сложной переменой. Мне пришлось бы договариваться с американцами самостоятельно, без посредничества англичан. Англичане правили империей с некоторой долей любезности. Американцы же вели себя совсем иначе, насколько я мог видеть по тому, как они обращались с южновьетнамскими лидерами и даже с правительствами Таиланда и Филиппин, которые были в не столь бедственном положении, как их коллеги в Сайгоне. Америка была на подъеме, обладала огромной мощью и привыкла демонстрировать ее.

К этому добавилось назойливое бремя строгой личной безопасности. Сразу после отделения от Малайзии полицейский, отвечавший за обеспечение моей безопасности, предупредил меня, что я стал главным объектом ненависти в «Мэлэйжиэн» (Malaysian) – газете, выходившей на малайском языке, а также в малайских радио- и телепередачах, принимавшихся в Сингапуре. Он посоветовал мне переехать из моего дома на Оксли Роуд (Oxley Road), пока служба безопасности не произведет некоторых изменений в доме. Вместо одного офицера обеспечением моей безопасности стали заниматься множество сотрудников. Он также наладил негласную охрану моей жены Ква Гок Чу (Kwa Geok Choo) и наших детей. В отличие от коммунистов, которые были рациональны и не видели бы никакой выгоды в нападении на Чу или наших детей, угроз, исходивших от расовых фанатиков, предсказать было нельзя. Три-четыре месяца Чу и я жили в Чанги (Changi), – правительственном особняке у моря, – около авиабазы британских ВВС Чанги, внутри охраняемой территории. В течение этого времени я проводил заседания правительства нерегулярно, так как поездки в мой офис в здании муниципалитета вызывали нарушение дорожного движения непривычным эскортом, состоявшим из мотоциклистов и автомобиля с охраной. Я принимал срочные решения, проводя телефонные конференции с соответствующими министрами, что избавило меня от бесконечных заседаний в здании правительства. Мои личные помощники и секретарь правительства Вон Чул Сен (Wong Chooi Sen) ежедневно приезжали в дом, где я работал. На небольшом расстоянии от него находилось поле для игры в гольф, принадлежавшее британским ВВС. Это позволяло на время отвлекаться от ежедневного перемалывания бумаг и отчетов. Как правило, я проходил 9 лунок,¹ иногда с другом, а иногда без партнеров, в сопровождении Чу, которая поддерживала мне компанию.

Трое наших детей должны были посещать школу, но вынуждены были оставаться дома и мириться с неудобствами. К примеру, была построена кирпичная стена, отгородившая передний подъезд нашего дома от дороги. Временно, пока пуленепробиваемые стекла отсутствовали, наши окна были закрыты стальными пластинами. Это сделало комнаты похожими на тюремные камеры, и вся семья почувствовала огромное облегчение, когда через несколько месяцев были, наконец, вставлены стеклянные окна. Когда я возвратился на Оксли Роуд, его охрана была поручена полицейским-гуркам (Gurkhas), завербованным англичанами в

¹ Прим. пер.: то есть половину обычной партии в гольф, которая состоит в прохождении 18 лунок

Непале. Если бы возникла ситуация, в которой полицейские-китайцы были бы вынуждены стрелять в малайцев, или полицейские-малайцы – стрелять в китайцев, то это могло бы повлечь за собой серьезные последствия. Гурки же были нейтральны и, кроме того, отличались строгой дисциплиной и преданностью. Все это усиливало мое чувство незащищенности и только подчеркивало безотлагательную необходимость создания армии для защиты нашей хрупкой независимости.

У меня было множество неотложных проблем. Во-первых, необходимо было добиться международного признания независимости Сингапура, включая вступление в Организацию Объединенных Наций (ООН – United Nations). Я назначил министром иностранных дел Синатамби Раджаратама (Sinnathamby Rajaratnam) (которого все по-дружески называли Раджой). Он подходил для этой должности, будучи известен своими антиколониалистскими и националистическими взглядами со студенческих дней в Лондоне до и во время войны, хотя и не отличался радикализмом. Обаятельный, учтивый, искренний, – он умел находить правильный баланс между твердым отстаиванием принципов и достижением дипломатических компромиссов. Его должны были любить и уважать все, с кем он работал дома и за границей. В сентябре 1965 года, после того, как стали поступать сообщения о дипломатическом признании Сингапура, заместитель премьер-министра То Чин Чай (Toh Chin Chye) и министр иностранных дел Раджа отправились в Нью-Йорк, чтобы добиться вступления Сингапура в ООН.

Моим следующим заданием была организация обороны государства. У нас совсем не было армии. Два наши батальона находились под командованием малайского бригадного генерала. Как же нам было создать хоть какие-то вооруженные силы, причем быстро? Мы должны были быть в состоянии сдерживать и, в случае необходимости, предотвратить любую безрассудную попытку малайских экстремистов в Куала-Лумпуре совершить переворот в Сингапуре. Используя живших в городе малайцев, они могли попытаться уничтожить нашу только что обретенную независимость. Многие малайские лидеры в Куала-Лумпуре полагали, что ни в коем случае нельзя было позволить Сингапуру оставить Малайзию, что его необходимо было подчинить. Если бы что-нибудь случилось с премьер-министром Малайзии Тунку Абдулом Рахманом (Tunku Abdul Rahman), то премьер-министром стал бы Тун Абдул Разак (Tun Abdul Razak), и тогда лидеры малайских экстремистов могли бы отменить решение Тунку о выводе Сингапура из состава Федерации. Это был период большой неопределенности.

Напряженно работая над этими, главными вопросами, я должен был уделять внимание и другой неотложной задаче – поддержанию общественного порядка. Мы опасались, что поддерживавших ОМНО малайцев охватит безумие, когда они поймут, что правительство Малайзии бросило их, и они снова стали меньшинством в Сингапуре. Наша полиция, главным образом, состояла из малайцев. Если бы полиции пришлось бороться против малайских мятежников, которые хотели бы воссоединиться с Малайзией, то лояльность полиции оказалась бы под вопросом. Два наши батальона также были, в основном, укомплектованы малайцами – уроженцами Малайи.

К моему облегчению, Го Кен Сви (Goh Ken Swee) стремился взять ответственность за создание вооруженных сил на себя. Я решил, что он будет отвечать и за министерство обороны, и за министерство внутренних дел, объединив их в единое министерство внутренних дел и обороны (МВДО – Ministry of Interior and Defense). Это позволило бы ему использовать полицию в ходе начальной военной подготовки армейских новобранцев. (Номерные знаки транспортных средств вооруженных сил Сингапура до сих пор имеют серию МВДО). Переход Кен Сви в МВДО оголил министерство финансов. Я обсудил с ним этот вопрос и решил назначить на должность министра финансов Лим Ким Сана (Lim Kim San). Ким Сан был человеком практического склада, а кроме того, он мог тесно работать с Кен Сви безо всяких трений, позволяя последнему неофициально влиять на финансовую политику.

Третьей и наиболее болезненной проблемой была экономика: как обеспечить население города средствами существования? Индонезия находилась с нами в состоянии «конфронтации», что вело к застою в торговле. Малайзия хотела обойти Сингапур и вести дела напрямую со всеми торговыми партнерами – импортерами и экспортерами – и только через собственные порты. Каким образом мог выжить независимый Сингапур, не являясь более центром обширного региона, которым Великобритания когда-то управляла как единым целым? Нам

необходимо было найти ответы на эти вопросы, причем достаточно быстро, поскольку 14 %-ый уровень безработицы, тревожный сам по себе, имел тенденцию к повышению. Кроме того, мы должны были научиться зарабатывать на жизнь как-то иначе, чем в условиях британского правления. Мне приходилось видеть наши склады полными каучука, перца, копры, ротанговой пальмы, видеть рабочих, трудолюбиво очищавших и сортировавших сырье для последующего экспорта. Импорта такого сырья из Малайзии и Индонезии для обработки и сортировки больше не предвиделось. Мы должны были создать новую экономику, опробовать новые методы и схемы работы, никогда прежде не испытанные где-либо в мире, потому что другой страны, подобной Сингапуру, просто не было. Более всего на Сингапур был похож Гонконг, который также был островом, но им все еще управляла Великобритания, а в тылу у него был Китай. Экономически Гонконг, в значительной мере, являлся частью Китая, выполняя роль посредника в торговле Китая с капиталистическим миром.

Размышляя над всеми этими проблемами и ограниченным набором возможных решений, я пришел к выводу, что островное государство-город в Юго-Восточной Азии не смогло бы выжить, если бы пыталось идти обычным путем. Нам следовало предпринять экстраординарные усилия, чтобы стать сплоченными, твердыми, и приспособляющимися к различным обстоятельствам людьми, способными делать все лучше и дешевле чем наши соседи, которые хотели обойти нас в качестве посредников в региональной торговле, сделать ненужной нашу роль торговых ворот региона. Мы должны были отличаться от других.

Нашим самым ценным активом было доверие людей, которое мы заслужили борьбой против коммунистов и малайских экстремистов, а также тем, что нас не удалось запугать тогда, когда полиция и армия были в руках центрального правительства. Коммунисты высмеивали моих коллег как «гончих псов колониалистов – империалистов» и проклинали нас как лакеев и прихвостней малайских феодалов. Тем не менее, когда ситуация осложнилась, то даже скептически настроенные, склонявшиеся к левым китайцы увидели в нашей группе буржуазных, получивших английское образование лидеров, защитников своих интересов. Мы действовали осторожно, чтобы не подорвать это недавно завоеванное доверие плохим управлением и коррупцией. Я нуждался в этой политической силе, чтобы максимально использовать те немногочисленные активы, которые имелись в нашем распоряжении, в первую очередь, природную гавань мирового класса, стратегически расположенную на одном из самых оживленных перекрестков всемирной сети морских путей.

Другим ценным активом были наши люди: трудолюбивые, бережливые, стремившиеся учиться. Хотя они и принадлежали к различным расам, я верил, что проведение справедливой и беспристрастной политики позволило бы им мирно жить вместе, особенно если бы такие трудности и лишения как безработица были распределены равномерно, а не легли, в основном, на плечи национальных меньшинств. Было критически важно удержать вместе разноразличное, сочетавшее в себе различные культуры и религии общество, сделать его устойчивым и достаточно динамичным, чтобы Сингапур смог успешно конкурировать на мировых рынках. Но как выйти на эти рынки? Этого я не знал. Никто не заставлял нас избавляться от британского владычества, – мы добились этого, движимые нашими внутренними убеждениями. Теперь мы сами отвечали за безопасность и обеспечение средствами существования двух миллионов людей. Мы должны были добиться успеха, поскольку, если бы мы потерпели неудачу, нашим единственным выбором было бы воссоединение с Малайзией, но теперь уже на их условиях, т. е. на правах одного из штатов, подобно Малакке (Malacca) или Пенангу (Penang).

Я плохо спал. Чу заставила моих докторов прописать мне успокоительное, но пиво или вино за обедом помогали лучше таблеток. Мне было тогда сорок с небольшим, я был молод и энергичен. Каким бы трудным и беспокойным не выдавался день, в конце его я находил пару часов, чтобы попрактиковаться в игре в гольф, размявшись 50 – 100 ударами и пройдя девять лунок с одним – двумя партнерами. Тем не менее, я недосыпал. Однажды утром, уже довольно поздно, когда недавно прибывший британский верховный комиссар, Джон Робб (John Robb), явился ко мне со срочным правительственным сообщением, я принял его дома, все еще находясь в постели из-за физического истощения. Британскому премьер-министру Гарольду Вильсону (Harold Wilson), должно быть, доложили об этом, поскольку он выразил мне свое беспокойство. 23 августа 1965 года я написал ему: «Не беспокойтесь о Сингапуре. Мои коллеги

и я и в трудных обстоятельствах остаемся нормальными, рациональными людьми. Мы взвешиваем все возможные последствия прежде, чем делаем любой ход на политической шахматной доске... Наши люди имеют желание и ресурсы, чтобы бороться за выживание.»

Тревожный звонок, раздавшийся ночью 30 сентября 1965 года, прервал размышления об этих проблемах, – мне сообщили о перевороте в Индонезии. Прокоммунистические офицеры убили шесть индонезийских генералов, подавление переворота генералом Сухарто сопровождалось кровопролитием. Мое беспокойство из-за ситуации, становившейся все более неопределенной, еще более усилилось.

Итак, в тот памятный день 9 августа 1965 года я с огромным трепетом отправился в путь по неизведанному пути к еще неведомой цели.

Глава 2. Как создавалась армия

В декабре 1965 года, спустя четыре месяца после нашего отделения от Малайзии, должно было состояться открытие парламента. Ко мне обратился бригадный генерал Саид Мохамед бин Саид Ахмад Алгасофф (Syed Mohamed bin Syed Ahmad Algasoff), командовавший малайзийской бригадой, расквартированной в Сингапуре, настаивая, чтобы эскорт его мотоциклистов сопровождал меня по пути в Парламент. Алгасофф был крепким, коренастым, усатым мусульманином арабского происхождения. Он родился в Сингапуре и поступил на службу в вооруженные силы Малайи. К моему изумлению, он действовал так, будто являлся главнокомандующим армии Сингапура, готовым в любое время захватить контроль над островом. В то время Первый и Второй Сингапурский пехотный полки (1-ый и 2-ой СПП), приблизительно по 1,000 военнослужащих каждый, находились под командованием Малайзии. Правительство Малайзии откомандировало 300 сингапурских солдат из этих полков в различные подразделения в Малайзии, заменив их 700 малайцами.

Я взвесил ситуацию и пришел к заключению, что Тунку хотел напомнить нам и иностранным дипломатам, которые должны были присутствовать на открытии парламента, что Малайзия все еще руководила Сингапуром. Если бы я отчитал его за самонадеянность, Алгасофф сообщил бы об этом вышестоящему руководству в Куала-Лумпуре (Kuala-Lumpur), и они бы предприняли иные шаги, чтобы показать мне, кто обладал реальной властью в Сингапуре. Я решил, что лучше было согласиться. Таким образом, во время церемониального открытия первого заседания парламента Республики Сингапур, малайзийский армейский эскорт «сопровождал» меня от здания муниципалитета (City Hall) до Дома Парламента (Parliament House).

Вскоре после этого, во вторник, 1 февраля 1966 года, в 16:00, Кен Сви внезапно прибыл в муниципалитет с тревожным известием, что в армейском тренировочном центре, расположенном на Шентон Вэй (Shenton Way), неподалеку от Политехнического института (Polytechnic), начались беспорядки. Когда, к своему удивлению, Кен Сви обнаружил, что 80 % новобранцев являлись малайцами, он приказал прекратить набор и подготовку новобранцев. Командующий войсками интерпретировал этот приказ по-своему и, по собственной инициативе, отдал приказ майору-китайцу, чтобы тот распустил всех малайских новобранцев. Майор выстроил всех на плацу, приказал немалайцам выйти из строя и заявил малайцам, что они уволены. В течение нескольких минут малайцы были ошеломлены такой дискриминацией, а когда они оправались от удара, то вспыхнули беспорядки: они напали на немалайцев с палками, бутылками, сожгли два мотоцикла, повредили мотороллер и опрокинули фургон. Прибывший по срочному вызову полицейский патрульный автомобиль был встречен градом бутылок и не смог проехать по перекрытой опрокинутым фургоном дороге. Пожарная машина, приехавшая позднее, была встречена и атакована подобным же образом.

Огромная толпа собралась на Шентон Вэй, чтобы понаблюдать за происходящим. Студенты Политехнического института бросили занятия и наблюдали за развитием событий с балконов и крыш. В 14:45 прибыли специальные силы по борьбе с беспорядками и рассеяли толпу слезоточивым газом. После этого специально обученные силы по борьбе с беспорядками арестовали мятежников и доставили их в полицейских фургонах в Департамент уголовного розыска (ДУР – Criminal Investigation Department), находившийся в здании через дорогу. Там их

и держали под арестом, ожидая приказа о том, выпустить ли их под залог или продолжать держать в заключении.

Кен Сви боялся, что, если бы мы отпустили арестованных, то, стоило им только добраться до Гейлан Серая (Geylang Serai) и других малайских районов и распространить историю о своем увольнении, как в городе начались бы беспорядки и столкновения между малайцами и китайцами. Я немедленно вызвал британского верховного комиссара Джона Робба в свой офис и попросил его предупредить командующего британскими силами в Сингапуре на случай, если межобщинные беспорядки выйдут из-под контроля, поскольку полиция и армия Сингапура все еще состояли почти сплошь из малайцев, которые сочувствовали бы мятежникам. Я сказал ему, что лично отправлюсь в ДУР и займусь решением проблемы. Если бы мы смогли разрядить ситуацию, то арестованные были бы отпущены по домам; если же нет, – то им были бы предъявлены обвинения и они находились бы под следствием в заключении. Но, в этом случае, в 365 семьях всю ночь волновались бы о судьбе своих сыновей, и слухи о притеснении малайцев распространялись бы по всему Сингапуру.

Джон Робб сказал, что сообщит о возникшей ситуации, но не преминул осторожно заметить, что британские вооруженные силы не могли вмешиваться в наши внутренние дела. Я сказал, что командующий британского гарнизона должен был обеспечить готовность британских войск, в случае необходимости, предотвратить выход мятежников из-под контроля, в результате чего те могли бы напасть на семьи белых, как это случилось во время религиозных беспорядков в 1950 году.

Я поделился своими соображениями с Османом Воком (Othman Wok), министром по социальным вопросам, и пригласил его и Кен Сви сопровождать меня во время посещения ДУРа. Во дворе ДУРа, взяв мегафон, я выступил перед мятежниками. Я говорил по-малайски. Я сказал, что майор неверно истолковал приказ, распространявшийся только на граждан Сингапура. Он ошибочно полагал, что приказ означал, что нельзя было вербовать малайцев вообще, на самом деле, малайцы – граждане Сингапура имели право служить в нашей армии. Я заявил, что те 10 малайцев, которым полицией было предъявлено обвинение как главарям бунта, будут оставаться в заключении, но остальные могли идти по домам. Я сказал, что они не должны были распространять слухов, когда доберутся домой. Если же те из них, кому будет разрешено идти домой, станут впоследствии участвовать в беспорядках, то им тоже будут предъявлены обвинения. Я добавил, что те из них, кто имел гражданство Сингапура, должны были завтра вернуться назад в лагерь для продолжения нормального обучения. Право на это имели только граждане Сингапура, а те, кто не имел гражданства, должны были искать себе работу в Малайзии. Это заявление было встречено аплодисментами. Я должен был принять решение на месте, и наименее опасным выбором было наказать нескольких главарей, позволив большинству разойтись по домам. Я надеялся, что они будут вести себя хорошо из-за перспективы получить работу.

На пресс-конференции я попросил репортеров освещать эти события тактично, особенно в малайских газетах. Когда на следующее утро я прочитал газеты, то вздохнул с облегчением. Четырнадцать мятежникам было предъявлено обвинение в организации беспорядков. Позднее министр юстиции и генеральный прокурор сочли за лучшее снять эти обвинения. Тем не менее, это явилось недвусмысленным напоминанием правительству, что решать расовые вопросы следовало с предельной осторожностью.

Мы снова пережили беспокойное время в ноябре 1967 года, когда в Пинанге и Баттерворсе (Butterworth), – городе, расположенном на полуострове, лежащем напротив острова Пинанг, начались китайско-малайские столкновения. После отделения Сингапура межрасовые отношения в Малайзии стали быстро ухудшаться. Возмущение китайцев ассимиляторской языковой политикой правительства Малайзии нарастало. Это так нас встревожило, что мы сформировали комитет, состоявший из министров и высших чинов армии и полиции во главе с Го Кен Сви, для подготовки планов на тот случай, если расовые бунты, которые могли вспыхнуть среди населения Малайского полуострова, распространятся на Сингапур.

После девальвации британского фунта стерлингов примерно на 14 % министр финансов Малайзии Тан Сю Син (Tan Sew Sin) принял не вполне благоразумное решение изменить соотношение даже между старыми мелкими монетами, отчеканенными британским

колониальным правительством, и новыми малайзийскими монетами. Это привело к спорадическим забастовкам и акциям протеста, которые, в свою очередь, привели к расовым столкновениям. Китайцы из сельских районов переезжали в города, и мы боялись, что вооруженные силы Малайзии столкнулись бы с трудностями, если бы широкомасштабные расовые конфликты вспыхнули во многих городах.

Мы беспокоились, что эти волнения могли охватить и Сингапур, и это вынудило нас ускорить создание собственных бронетанковых частей. В январе 1968 года мы решили закупить в Израиле легкие французские танки AMX-13, которые израильтяне, после модернизации, продавали со скидкой. 30 танков было доставлено в Сингапур к июню 1969 года, еще 42 – в сентябре 1969 года. Мы также приобрели 170 полно приводных бронетранспортеров V200.

Англичане не предложили нам оказать какую-либо помощь в создании армии, подобно той, которую они оказали малайцам в 50-ых годах. Они скрытно поддерживали Сингапур, когда он находился в составе Малайзии, и навлекли этим недовольство правительства Малайзии. Теперь англичанам приходилось иметь дело с Малайзией, которая проявляла по отношению к ним открытое недовольство. Так как Малайзия поддержала наше членство в Британском Содружестве наций (Commonwealth) и ООН, то Великобритания, должно быть, полагала, что Малайзия также предоставит нам военных инструкторов (пусть лишь только с той целью, чтобы не научить нас в вопросах обороны ничему сверх того, что знали и умели они сами).

Нам было необходимо вернуть два сингапурских полка под свое командование и сделать их действительно сингапурскими, а не малайскими, чтобы гарантировать их лояльность. Го Кен Сви, тогдашний министр финансов, предложил свою кандидатуру на должность министра обороны сразу после провозглашения независимости. Он собирался строить армию на пустом месте, хотя все его познания в военном деле сводились к тому, чему он научился во время службы в чине капрала в находившемся под британским командованием Сингапурском Добровольческом корпусе (Singapore Volunteer Corps), пока этот корпус не сдался в плен японцам в феврале 1942 года. Тем не менее, я согласился. Кен Сви обратился к Мордехаю Кидрону (Mordecai Kidron), послу Израиля в Бангкоке, с просьбой о помощи. Через несколько дней после отделения от Малайзии, 9 августа 1965 года, Кидрон прилетел из Бангкока, чтобы предложить помощь в обучении войск, и Кен Сви устроил ему встречу со мной. Кидрон несколько раз обращался ко мне в 1962–1963 годах с просьбой об открытии израильского консульства в Сингапуре. Он уверял меня, что Тунку был согласен с этими планами, и что нам не следовало ждать, пока Федерация Малайзия будет окончательно оформлена. Я ответил, что, раз Тунку был согласен, то не должно было возникнуть никаких препятствий для открытия консульства после того, как Малайзия была бы сформирована. Но, если бы мы открыли консульство до этого, то это могло вызвать недовольство мусульман-малайцев и нарушить мои планы по объединению с Малайзией. Он был разочарован, но, как я и ожидал, после образования Малайзии Тунку уже не мог и не разрешил открыть в Сингапуре израильское консульство.

Я принял к сведению предложения Кидрона по организации военного обучения. Тем не менее, я сказал Кен Сви, чтобы он подождал с принятием решения до тех пор, пока я не получу ответ на свои послания с просьбой об оказании срочной помощи в создании вооруженных сил от Лал Бахадур Шастри (Lal Bahadur Shastria), премьер-министра Индии, и президента Египта Насера (Nasser).

Я написал Шастри, что нам был необходим военный советник, который помог бы нам создать пять батальонов. Через два дня Шастри прислал «искренние пожелания счастья и процветания народу Сингапура», даже не упомянув о моем запросе. В свое ответном послании Насер заявил о признании Сингапура в качестве независимого и суверенного государства, но и он не ответил на мою просьбу о направлении в Сингапур военно-морского советника для создания береговой обороны. Я ожидал, что индийское правительство могло не захотеть противопоставлять себя Малайзии. В конце концов, Индия была сравнительно близким соседом. Но я был разочарован, когда нам отказал в помощи Насер, – мой хороший друг. Возможно, это было проявлением исламской солидарности с мусульманскими лидерами Малайзии.

Я сказал Кен Сви, чтобы он принял предложение израильтян, но так, чтобы это не стало

достоянием гласности как можно дольше, чтобы не вызывать недовольства со стороны мусульман Малайзии и Сингапура. Маленькая группа израильтян во главе с полковником Жаком Еллазари (Jak Ellazari) прибыла в Сингапур в ноябре 1965 года, вслед за ними в декабре прибыла вторая группа советников из шести человек. Чтобы скрыть их присутствие, мы называли их «мексиканцами», ибо они выглядели достаточно смуглыми.

Мы должны были располагать достаточными силами, чтобы защитить себя. У меня не было каких-либо опасений, что Тунку мог изменить свое мнение по вопросу об отделении Сингапура. Однако такие влиятельные малайские лидеры как Саид Джафар Албар (Syed Ja'afar Albar), который так упорно противился отделению, что подал в отставку с поста Генерального секретаря ОМНО, могли бы убедить бригадного генерала Алгасоффа в том, что покончить с разделением государства являлось его патриотическим долгом. Генерал со своей расквартированной в Сингапуре бригадой мог бы без труда арестовать меня и всех министров. Поэтому мы держались тихо, без всякого вызова, в то время как Кен Сви в качестве министра обороны лихорадочно работал, чтобы создать хоть какие-то вооруженные силы, способные нас защитить.

Расовый состав нашей армии и полиции представлял собой опасность иного рода. Независимый Сингапур не мог продолжать старую британскую традицию охраны города, населенного на три четверти китайцами, силами армии и полиции, сплошь состоявшими из малайцев. Англичане вербовали в армию и полицию, главным образом, малайцев, уроженцев Малайи, которые традиционно приезжали в Сингапур, чтобы поступить на военную службу. Малайцам нравилась военная служба, а китайцы избегали ее, что было следствием исторически сложившейся антипатии к хищническим привычкам солдат, выработавшейся на протяжении многих лет восстаний и междоусобиц в Китае. Вопрос заключался в том, будут ли армия и полиция лояльными по отношению к правительству, которое было уже не британским или малайским, а воспринималось малайцами как китайское. Мы были должны найти способ привлечь в армию и полицию возможно большее число китайцев и индусов, чтобы их состав лучше отражал состав населения.

Вскоре после отделения, по просьбе правительства Малайзии, мы отправили 2-ой батальон в Сабах (Sabah) для участия в начавшейся «конфронтации» с Индонезией. Мы хотели продемонстрировать свои искренние намерения и солидарность с Малайзией в условиях отсутствия формального соглашения об оборонительном союзе. Их казармы в лагере Темасек (Temasek) освободились, и мы согласились с предложением малайзийской стороны расквартировать там один малайзийский полк. 2-ой батальон должен был вернуться по окончании выполнения задания на Борнео в феврале 1966 года, и на штабном уровне готовились к выводу малайзийского полка. Министр обороны Малайзии потребовал, чтобы, вместо возвращения в лагерь Темасек, один сингапурский батальон был послан в Малайю, что позволило бы малайзийскому полку остаться в Сингапуре. Кен Сви не соглашался, – мы хотели, чтобы оба наши батальона находились в Сингапуре. Мы полагали, что малазийцы изменили свое мнение относительно раздела страны и хотели держать один батальон малайзийских сил в Сингапуре, чтобы контролировать нас.

Малазийцы отказались покинуть казармы, так что первой партии нашего батальона, прибывшей в город, пришлось жить в палатках, разбитых в Фаррер Парке (Farrer Park). Кен Сви срочно прибыл ко мне и предупредил, что, если бы наши войска пробыли в палатках слишком долго, то, учитывая плохие санитарные условия, они могли взбунтоваться. Он сравнил себя с британским генералом, командующим армией, большинство которой составляют итальянцы. Малазийцы могли этим воспользоваться и, через генерала Алгасоффа, устроить переворот. Он посоветовал мне переехать из моего дома на Оксли Роуд в Виллу Истана (Villa Istana) и, на всякий случай, организовать охрану из полицейских-гурков. В течение следующих нескольких недель моя семья и я оставались там в окружении гурков, в состоянии полной готовности.

Вскоре после того англичане освободили лагерь Хатиб (Khatib) к северу от Сингапура, у Сембаванга (Sembawang). Мы предложили его малазийцам, и они согласились в середине марта 1966 года передислоцироваться из нашего лагеря в Хатиб, где они оставались в течение 18 месяцев, до вывода из Сингапура в ноябре 1967 года, который был осуществлен по их собственному решению.

Их неблагоразумие только усилило нашу решимость создать вооруженные силы Сингапура (ВСС), чтобы малазийцы больше не могли запугивать нас подобным образом. Это заставило нас с головой уйти в работу. Кен Сви, бесстрашный борец, писал в своем докладе Совету Оборона (Defense Council): «Было бы глупо, если бы мы позволили загипнотизировать себя неравенством в численности населения между Сингапуром и его соседями. На войне имеет значение боеспособность армии, а не размер населения... В течение пяти лет после введения воинской повинности, путем мобилизации резервистов, мы сможем выставить армию численностью в 150,000 человек. Используя пожилых людей и женщин для выполнения небоевых задач, мы должны быть способны, в конечном счете, выставить армию, равную по боевой мощи армии численностью 250,000 военнослужащих-мужчин в возрасте от 18 до 35 лет. Ни в коем случае не следует недооценивать военный потенциал небольшого, но энергичного, образованного и активного населения».

Это был честолюбивый план, основанный на израильском опыте мобилизации максимального числа людей в кратчайшие сроки. Мы считали важным, чтобы в Сингапуре и за его пределами знали, что, несмотря на наше маленькое население, мы смогли бы в кратчайшие сроки мобилизовать значительную армию. Для нас это было нелегкой задачей. Мы были должны изменить настроение людей, добиться того, чтобы они поняли необходимость армии и преодолели традиционную неприязнь к военной службе. Все китайские родители знают пословицу: «Из хорошей стали не делают гвозди, хороший парень не идет в солдаты». Мы учредили национальные кадетские корпуса и полицейские кадетские корпуса во всех средних школах с тем, чтобы родители могли распознать склонность их сыновей и дочерей к службе в армии и полиции. Мы хотели, чтобы люди ценили наших солдат как своих защитников, а не смотрели, как в былые времена, на армейские и полицейские мундиры с опаской и негодованием, как на символы колониального угнетения.

Люди должны были восхищаться военной доблестью. Кен Сви как-то с горечью сказал: «Спартанский образ жизни не возникает сам по себе в обществе, живущем куплей-продажей». Мы должны были заставить людей изменить их отношение к армии, улучшить физическую подготовку нашей молодежи, приучая ее заниматься спортом и физической культурой, развивать вкус к приключениям и напряженным, захватывающим, даже опасным видам деятельности. Одного убеждения тут было недостаточно. Необходимо было создать общественные учреждения, – хорошо организованные, хорошо укомплектованные и хорошо управляемые, – чтобы подкрепить увещевания реальными мерами. Главная ответственность за это легла на министерство просвещения. Только изменив образ мыслей и отношение людей, мы смогли бы собрать большую народную армию, состоявшую из граждан, наподобие швейцарской или израильской. Мы задались целью добиться этого в течение десяти лет.

Во время празднования первой годовщины независимости мы собрали те немногочисленные вооруженные силы, которыми мы располагали, чтобы поднять дух наших людей. Мы организовали Народные силы самообороны (НСС – People's Defence Force) под руководством разношерстного собрания государственных служащих, членов парламента и министров, прошедших начальный курс военной подготовки. Солдатами были гражданские люди, главным образом, из числа китайцев, получивших образование на китайском языке, завербованных через общинные центры. Несколько взводов прошли парадным маршем на торжествах по поводу первого Национального праздника Сингапура, 9 августа 1966 года. Они имели бравый вид и были с энтузиазмом встречены как руководителями, стоявшими на трибуне, так и толпами народа на улицах, которые узнали в загоревших военнослужащих в военной форме министров и членов парламента, старавшихся усердием восполнить недостаток военной подготовки.

Лидеры различных общин, представлявшие все национальности, приняли участие в параде, маршируя с транспарантами и лозунгами. Китайцы, индусы, малайцы, лидеры британских деловых кругов участвовали в шествии, которое прошло мимо президента, приветствовавшего их у здания муниципалитета. Представители профсоюзов, члены Партии народного действия (ПНД) и работники государственных учреждений также принимали участие в шествии. Полиция и пожарники участвовали в параде, чтобы увеличить массу людей в мундирах. Наша военная мощь не могла напугать малазийцев, но решимость, с которой мы

создавали вооруженные силы для защиты нашего неоперившегося государства, не могла не произвести на них впечатление.

Первоначальный план Кен Сви состоял в том, чтобы в течение 1966–1969 годов создать регулярную армию в составе 12 батальонов. Я не согласился с этим планом и предложил создать небольшую регулярную армию, дополнив ее потенциально возможной мобилизацией всего гражданского населения, которое должно было пройти военную подготовку и состоять в резерве. Кен Сви спорил, что нам следовало сначала обучить большое число кадровых офицеров и сержантов в составе 12 батальонов, прежде чем мы смогли бы начать военное обучение гражданского населения в таком массовом масштабе.

Я не хотел расходовать средства на содержание большой армии, – было бы лучше потратить их на создание инфраструктуры, в которой мы нуждались для создания и обучения батальонов национальной гвардии. Национальная гвардия имела свои политические и социальные преимущества. Кен Сви рассуждал с позиций профессионального военного, считая, что непосредственной угрозе со стороны Малайзии необходимо было противопоставить регулярные, боеспособные вооруженные силы, созданные в течение следующих трех лет. Я же считал, что малазийцы вряд ли напали бы на нас, пока вооруженные силы Великобритании и стран Британского Содружества наций были расквартированы в Сингапуре. Их присутствие являлось бы средством устрашения даже при отсутствии договора об оборонительном союзе. Я хотел, чтобы наши оборонные планы, по возможности, основывались на мобилизации как можно большей части населения. Это воодушевляло бы наших людей, у которых в ходе недавней борьбы за независимость развилось сильное чувство патриотизма, на защиту Родины.

Измененный план Кен Сви, принятый в ноябре 1966 года, предусматривал мобилизацию значительной части населения при наличии регулярных вооруженных сил в составе 12 батальонов. Я очень хотел, чтобы наши женщины также служили в национальной гвардии, как в Израиле, потому что это укрепляет решимость людей защищаться. Но Кен Сви не хотел, чтобы его новое министерство несло это дополнительное бремя. Поскольку другие министры в Совете Обороны также не желали призывать женщин в армию, я не стал настаивать на своем.

Лучшим средством устрашения против любых планов Малайзии по восстановлению контроля над Сингапуром было бы знание того, что, даже в том случае, если бы они смогли победить нашу армию, им пришлось бы еще подавить весь народ, прошедший хорошую военную подготовку. Помимо объединения людей в более сплоченное сообщество путем создания равных условий для новобранцев, независимо от их социального происхождения или расовой принадлежности, мы нуждались в привлечении и сохранении некоторых наиболее способных людей в самых высоких эшелонах ВСС. Наиболее важно было гарантировать, чтобы ВСС оставались в подчинении у политического руководства путем сохранения кадровых и финансовых вопросов под контролем гражданских чиновников в министерстве обороны. Совет Обороны поддержал эти планы.

В феврале 1967 года я подготовил законопроект о внесении изменений в «Закон о воинской службе» (National Service Ordinance), принятый англичанами в 1952 году. Тем, кто завербовался в ВСС на постоянной основе, гарантировались те рабочие места в правительстве, государственных учреждениях или частном секторе, которые они оставляли в связи с уходом в армию. Когда месяц спустя законопроект был принят, он получил полную поддержку в обществе. В связи с этим я вспомнил первый призыв в армию, проходивший согласно тому же самому постановлению в 1954 году, и вызванные этим беспорядки среди китайских учащихся. На этот раз у нас не возникло каких-либо проблем с призывом 9,000 молодых людей, отобранных в качестве первой партии новобранцев. Я оказался прав, – отношение к армии в обществе изменилось.

Тем временем Кен Сви подобрал команду людей и, с помощью израильтян начал работу по созданию вооруженных сил. Он использовал полицейский персонал, средства связи, другое имущество, чтобы запустить этот процесс. Помощник начальника полиции Тан Тен Ким (Tan Ten Khim) стал начальником Генерального штаба.

Мы начали обучение отборной группы новобранцев, в которую входили лучшие 10 % призывников августовского призыва 1967 года. Чтобы бороться с традиционным предубеждением по отношению к военной службе, мы устраивали церемонии проводов

новобранцев в общинных центрах каждого избирательного округа. Члены парламента, министры и лидеры общин посещали эти мероприятия и произносили короткие речи перед тем, как военные грузовики увозили новобранцев в тренировочные лагеря. На протяжении ряда лет нам удалось постепенно разрушить негативное отношение к воинской службе.

Это была очень интенсивная программа обучения, – все начинали с нуля. Было много неразберихи, все никогда не было подготовлено на 100 %, постоянное преодоление кризисных ситуаций было в порядке вещей. Но это была срочная и критически важная задача, которую необходимо было решить в кратчайшие сроки. У наших людей не было большого опыта или выдающихся способностей, но их боевой дух был превосходен, и они добились успеха.

Пока мы второпях создавали вооруженные силы, нам пришлось пережить еще один нелегкий период. В октябре 1968 года были повешены два индонезийских командос за убийство трех граждан Сингапура, в результате взрыва бомбы в здании «Гонконг энд Шанхай Бэнк» (Hongkong and Shanghai Bank) на Орчард Роуд (Orchard Road) в 1964 году. Когда их апелляции о помиловании были отклонены Тайным Советом (Privy Council) в Лондоне, Президент Индонезии Сухарто (Suharto) прислал своего близкого помощника, бригадного генерала, к нашему президенту с просьбой о помиловании и замене смертной казни на тюремное заключение.

Члены правительства встретились заранее, чтобы определиться относительно того, какой совет дать президенту. Мы уже освободили 43 индонезийцев, задержанных за преступления, совершенные в ходе «конфронтации». Мы также освободили, в ответ на просьбу Индонезии, двух индонезийцев, осужденных и приговоренных к смерти за нелегальный провоз в Сингапур бомбы с часовым механизмом. Но все эти люди были арестованы прежде, чем успели нанести какой-либо вред, в отличие от этого случая, когда погибли трое гражданских жителей. Мы были малы и слабы. Если бы мы уступили, принцип верховенства закона не только внутри Сингапура, но и в отношениях между Сингапуром и его соседями стал бы пустым звуком, поскольку мы были бы всегда открыты для давления извне. Если бы мы побоялись применить закон, когда британские силы все еще находились в Сингапуре, хотя англичане и объявили о выводе войск к 1971 году, то наши соседи, будь-то Индонезия или Малайзия, могли бы безнаказанно перешагнуть через нас после 1971 года. Так что мы решили оставить ходатайство без удовлетворения и не отменять законного приговора. 17 октября командос были повешены. Я находился тогда с официальным визитом в Токио. От 20 до 30 индонезийцев собрались около японской правительственной резиденции Гейхинкан (Geihinkan), когда я прибыл туда, с плакатами и транспарантами, чтобы выразить свой протест.

В Джакарте (Jakarta) толпа индонезийцев разгромила наше посольство, рвала портреты президента Сингапура, круша все, что было можно, но не сожгла посольство, как это ранее случилось с посольством Великобритании. Наш посол, П.С. Раман (P.S. Raman), до того работавший директором радио и телевидения Сингапура (Radio and Television Singapore), был смелым человеком, тамильским брамином, перешедшим в христианство. Он и его сотрудники держались с таким же достоинством и честью, как и британский посол в 1963 году, когда толпы индонезийцев громили британское посольство. Правда, в отличие от Гилкрайста (Gilchrist), у персонала нашего посольства не было шотландских волынок, чтобы продемонстрировать свое хладнокровие с чисто британским щегольством.

На следующий день вооруженные силы Индонезии объявили о проведении маневров в своих территориальных водах у островов Риау (Riau), в непосредственной близости от Сингапура. Командующий военно-морскими силами Индонезии заявил, что лично возглавит группу вторжения в Сингапур. Тысячная студенческая демонстрация требовала от командующего индонезийскими вооруженными силами на Восточной Яве отомстить Сингапуру. Пресса сообщала, что в индонезийской армии полагали, что коммунистический Китай оказал давление на Сингапур, чтобы добиться казни этих двух человек. Через неделю правительство Индонезии объявило о сокращении торговли с Сингапуром путем введения внушительных экспортных ограничений. Наша разведка пришла к выводу, что, хотя открытая агрессия вряд ли была возможна, саботаж был вполне вероятен. В любом случае, ни того, ни другого не произошло.

Еще более серьезный кризис мы пережили, когда над Сингапуром нависла густая тень

напряженности в сфере межрасовых отношений, возникшая после кровавых расовых беспорядков, имевших место в Куала-Лумпуре 13 мая 1969, через несколько дней после всеобщих выборов. Это встревожило как китайцев, так и малайцев, проживавших в Сингапуре, – все боялись, что расовые волнения перекинутся на Сингапур. Так и случилось. Китайцы, бежавшие в Сингапур из Малайзии, рассказывали многочисленные истории об ужасах, пережитых их родственниками. По мере распространения известий о преступлениях, совершенных малайцами при попустительстве малайзийских вооруженных сил, гнев и тревога в Сингапуре нарастали.

Пользуясь своим численным превосходством, китайцы, проживавшие в Сингапуре, отомстили за то, что случилось в Куала-Лумпуре. 19 мая от 20 до 30 молодых китайцев напали на нескольких малайцев около мечети Султана в районе Султан гейт (Sultan Gate). Когда 20 мая я возвратился в Сингапур из Америки, мне сказали, что недалеко от Института Раффлса (Raffles Institution) группой головорезов был застрелен малаец. Столкновения периодически происходили на протяжении нескольких недель.

1 июня я посетил малайский поселок в Гейлан Серай – район серьезных межрасовых столкновений. Моим спутником был министр обороны Лим Ким Сан. Мы ехали в «Лэндровере» (Land Rover), которым управлял полицейский-малаец, в сопровождении начальника полиции района, сидевшего рядом с водителем. Ким Сан и я сразу заметили угрюмые, недружелюбные взгляды наших солдат – малайцев, несших службу в этом районе. Даже у начальника полиции, малайского офицера, с которым я был лично знаком на протяжении нескольких лет, лицо было кислым. Я чувствовал, что что-то было не так, ощущалось, что малайцы были напуганы. Ситуация отличалась от расовых беспорядков, имевших место в 1964 году, когда полиция и армия, которые в значительной степени состояли из малайцев и находились под командованием малайских лидеров в Куала-Лумпуре, защищали преимущественно малайцев, а карали, в основном, китайцев. На этот раз проживавшие в Сингапуре малайцы были напуганы. Хотя полиция по своему составу была все еще в значительной степени малайской, малайцы опасались, что китайские руководители, стоявшие во главе правительства Сингапура, могли быть настроены против малайцев и могли бы соответственно направлять действия полиции и армии. Я был полон решимости объяснить всем, в особенности китайцам, составлявшим теперь большинство населения, что правительство будет соблюдать закон беспристрастно, независимо от расы и религии.

В результате решительных действий полиции было арестовано 684 китайца и 349 малайцев, но достаточных улик для того, чтобы возбудить уголовное дело против всех арестованных, не было. Было осуждено только 36 человек: 18 китайцев и 18 малайцев. Наиболее серьезное обвинение в покушении на убийство было предъявлено китайцу. Он был признан виновным и приговорен к 10 годам заключения. Один китаец и трое малайцев были убиты, 11 китайцев и 49 малайцев – ранены.

Мы были потрясены тем, насколько поляризованными стали межрасовые отношения в Сингапуре. Даже малайцы, прослужившие в нашей полиции и вооруженных силах по много лет, под влиянием расовых беспорядков в Малайзии стали очень чувствительны к расовым вопросам.

Мне необходима была уверенность в том, что межобщинная рознь не будет ослаблять полицию и армию. Меня также интересовало, почему так много солдат-малайцев было дислоцировано в районе Гейлан Серай, китайское меньшинство которого чувствовало бы себя куда более спокойно при наличии войск смешанного национального состава. В результате было решено пересмотреть расовый состав новобранцев, призывавшихся в ВСС.

Ким Сан изучил этот вопрос и обнаружил, что, несмотря на инцидент, случившийся в 1966 году в учебном лагере на Шентон Роуд, мы вновь призывали в ВСС слишком много малайцев. Джордж Богаарс (George Bogaars), тогдашний постоянный секретарь министерства обороны и один из наших наиболее доверенных чиновников, до того руководил спецслужбами. Он привык не доверять людям, получившим образование на китайском языке, потому что таковыми являлись почти все коммунисты. Он предпочитал вербовать в качестве вольнонаемных и кадровых офицеров ВСС малайцев, основываясь на убеждении, что китайцы, получившие образование на китайском языке, имели склонность к китайскому шовинизму и

коммунизму. Это предубеждение следовало преодолеть. Мы поручили это деликатное задание группе людей, возглавляемой Богаарсом. Молодой подполковник Эдвард Ен (Edward Yong), на протяжении нескольких лет работал над реализацией плана, выполнение которого позволило уменьшить долю малайцев в ВСС, в основном, путем преимущественного призыва немалайцев.

Я пригласил министров обороны пяти государств-членов Британского Содружества наций (Малайзии, Великобритании, Австралии и Новой Зеландии) посетить празднование 150-ой годовщины основания Сингапура. 9 августа 1969 года Разак, представлявший Малайзию, присутствовал на параде по поводу Национального праздника. Ким Сан включил в состав войск, участвовавших в параде, подразделение танков AMX-13 и бронетранспортеров V200. На жителей Джохора (Johor), смотревших вечером парад по телевидению, и на всех жителей Малайзии, увидевших фотографии танков в газетах на следующий день, это произвело огромное впечатление. У Малайзии тогда еще не было танков. В тот же вечер, за ужином, Разак сказал Кен Сви, что многие в Малайзии проявляли беспокойство по поводу наших вооруженных сил, но что лично он был спокоен. Он также заметил, что жители Джохора были обеспокоены тем, не намеревался ли Сингапур вторгнуться в пределы штата. Разак предложил, чтобы наш министр обороны Ким Сан посетил Куала-Лумпур и убедил людей в отсутствии у Сингапура враждебных намерений по отношению к Малайзии. В своем докладе Совету Обороны Кен Сви сделал вывод: «Единственным светлым пятном во всей мрачной истории с расовыми беспорядками в Куала-Лумпуре является тот положительный эффект, который произвели наши бронетанковые подразделения на малайские политические круги».

Решение закупить танки и бронетранспортеры пришлось кстати. Расовые беспорядки в Куала-Лумпуре 13 мая 1969 года накалили межрасовые отношения в Малайзии. У меня вновь появились опасения, что, в условиях растущего влияния малайских ультранационалистов, Тун Абдул Разак, являясь главой государства, мог бы оттеснить Тунку, и тогда радикальные лидеры могли бы принять решение об использовании армии для насильственного возвращения Сингапура в состав Федерации. Во время визита в Сингапур Ен Пун Хай (Yong Pung How), моего друга со времен учебы в Кембридже, жившего тогда в Куала-Лумпуре (позднее он стал верховным судьей Сингапура), я поинтересовался у него, каково было восприятие ВСС малайзийской общественностью. Он сказал, что в 1966 году ВСС не воспринимались всерьез, но теперь все изменилось. В высшем обществе Куала-Лумпура распространилось мнение, что Сингапурский институт вооруженных сил (СИВС – Singapore Armed Forces Training Institute) подготовил хороших солдат (сотрудники британского посольства подтвердили эту информацию).

К 1971 году наши вооруженные силы насчитывали 17 кадровых батальонов (16,000 военнослужащих) и 14 батальонов резервистов (11,000 военнослужащих). Мы располагали пехотными частями и подразделениями коммандос; артиллерией и минометами; имели по батальону танков, бронетранспортеров, саперов, связистов, а также полевой госпиталь, тыловые подразделения и транспортные средства. Мы учредили школы базовой военной подготовки и подготовки младших офицеров, артиллеристов, инженеров, саперов и военных моряков. Наши военно-воздушные силы располагали эскадрильей самолетов «Ховкер хантер» (Hawker Hunter), тренировочных самолетов «Страйкмастер» (Strikemaster), вертолетов «Алуэт» (Aluette) и транспортных самолетов.

Мы рассчитывали, что до начала 70-ых годов, пока мы достаточно укрепим свою обороноспособность, Сингапур мог бы полагаться на британское военное присутствие. Мы надеялись, что англичане останутся в Сингапуре еще в течение 5 – 10 лет и прикроют нас щитом, за которым мы сможем создавать наши собственные вооруженные силы. Но Великобритания объявила о выводе своих войск в январе 1968 года. Это вынудило нас заняться созданием эскадрильи истребителей и небольшого флота, который смог бы обеспечить охрану побережья от нарушителей еще до 1971 года, когда англичане должны были покинуть город. Эти скромные задачи потребовали значительного напряжения сил от нашей экономики, располагавшей ограниченными ресурсами квалифицированной рабочей силы. Мы послали первую группу в составе шести пилотов на стажировку в Англию в августе 1968 года, через 7 месяцев после объявления о предстоящем выводе английских войск. К сентябрю 1970 года эскадрилья в составе 16 истребителей «Ховкер Хантер» была полностью боеспособна.

Израильтяне помогли нам в создании нашего военного флота, а новозеландцы обучили экипажи наших быстроходных патрульных судов. Менее чем за два года были созданы две эскадры по три корабля в каждой. После этого мы приступили к созданию подразделения ракетных катеров.

Израильтяне были компетентны в передаче военных навыков, они также обучали нас той военной доктрине, на которой эти навыки основывались. Их методы обучения были полной противоположностью британским. Англичане создавали 1-ый и 2-ой СПП постепенно, начиная обучение офицерского корпуса с командиров взводов, командиров рот и, наконец, после 15–20 лет службы, – командиров батальонов и подполковников. Израильтяне с самого начала настаивали, чтобы наши офицеры учились у них и перенимали функции инструкторов как можно быстрее. В отличие от американцев, которые, при президенте Кеннеди (Kennedy), направили от 3,000 до 6,000 военнослужащих в составе первой партии «советников», чтобы помочь президенту Вьетнама Нго Динь Дьему (Ngo Dinh Diem) создать армию Южного Вьетнама, израильтяне прислали к нам только 18 офицеров. Чтобы они ни делали, их действия изучались и дублировались их сингапурскими коллегами, от командиров взводов и рот до начальника Генерального штаба. Мы призвали в армию полицейских и бывших офицеров Сингапурского Добровольческого корпуса, существовавшего во время правления англичан, которые обладали некоторым военным опытом. Некоторые из них были правительственными служащими, другие пришли из частного сектора. Мы предложили им службу в армии в качестве основной работы. Британская армия уделяла большое внимание соблюдению внешних форм и применению телесных наказаний для поддержания дисциплины и выполнения приказов командиров. Израильтяне же делали упор на обучении военным навыкам и создании высокой мотивации военнослужащих. ВСС не научились от «мексиканцев» парадом и изяществу военной формы, – если у ВСС и был какой-то лоск, то он был усвоен от британских офицеров, командовавших 1-ым и 2-ым СПП в ранние годы их существования.

Как только израильские офицеры во главе с Еллазари приступили к работе, и мы оказались на крючке у израильтян, Кидрон потребовал, чтобы Сингапур официально признал Израиль и обменялся с ним послами. Он постоянно оказывал нажим в этом вопросе, но я сказал Кен Сви, что мы на это не пойдем. Мы вызвали бы этим возмущение мусульман-малайцев в Сингапуре и Малайзии, чьи симпатии были на стороне их мусульманских братьев, – палестинцев и арабов. Мы не могли пойти на это, даже если бы израильтяне решили прекратить свою помощь нам. Когда они узнали о нашей позиции, из Тель-Авива сообщили, что они понимали наше положение, обещали продолжить оказание помощи Сингапуру, но, в конечном счете, надеялись, что мы позволим им открыть посольство в Сингапуре.

Когда в июне 1967 года вспыхнула арабо-израильская Шестидневная война, в которой израильтяне не были побеждены, мы почувствовали облегчение, иначе наши военнослужащие могли бы утратить доверие к израильским инструкторам. Когда Генеральная Ассамблея ООН обсуждала резолюцию, осуждавшую Израиль, Раджаратнам, наш министр иностранных дел и ярый поборник афро-азиатской солидарности, был настроен в ее поддержку. Кен Сви встретился со мной и попросил, чтобы я нажал на Раджу и приказал нашему представителю в ООН, чтобы тот не голосовал за эту резолюцию, иначе израильтяне могли уйти.

Поскольку я не мог присутствовать на заседании правительства, то я изложил свою позицию в записке, содержание которой сводилось к следующему. Мы были должны защищать права маленьких наций на существование. Свобода навигации на всех международных морских путях, будь-то Тиранский пролив² или Малаккский пролив, являлась жизненно важной, и ООН должна была играть роль в сохранении мира или разрешении проблемы после окончания военных действий. Я добавил, что не верил, чтобы израильские советники уехали, даже если бы мы проголосовали за афро-азиатскую резолюцию. Я предлагал воздержаться при голосовании. Члены правительства согласились с моими взглядами, мы воздержались при голосовании, израильтяне не уехали. Но теперь, когда об израильском присутствии в Сингапуре стало известно, мы позволили им открыть дипломатическую миссию. Они настаивали на открытии

² Прим. пер.: по версии Израиля, блокада Тиранского пролива в Красном море арабскими силами послужила поводом для Шестидневной войны

посольства, но мы решили сначала открыть торговое представительство в октябре 1968 года. В мае следующего года, после того как мусульмане-малайцы в Сингапуре и во всем регионе привыкли к израильскому присутствию, мы разрешили им открыть посольство.

Наши резервисты должны были находиться в постоянной боевой готовности. Мы изменили их название с «резервистов» на «оперативный состав» только в 1994 году, чтобы подчеркнуть этим их постоянную боеготовность. Ежегодно, в течение нескольких недель, они проходят обучение в лагерях в составе тех же самых подразделений, чтобы поддерживать дух товарищества. Раз в несколько лет их посылают на Тайвань, в Таиланд, Бруней или Австралию для полевых учений, проведения учебных стрельб и упражнений в составе бригады или батальона. К ежегодному обучению в лагере все относятся серьезно, включая даже работодателей, которые каждый год на протяжении нескольких недель остаются без своих работников.

Для того чтобы быть по-настоящему боеспособными, ВСС должны мобилизовывать и вовлекать в решение оборонных задач всех членов общества. Руководители школ, преподаватели, родители, предприниматели, лидеры общин, – все вовлечены в осуществление программы «тотальной обороны». Это помогает поддерживать боевой дух на высоте.

За последние 30 лет служба в ВСС оказала глубокое воздействие на сингапурское общество. Она стала частью нашего образа жизни, своего рода ритуалом для нашей молодежи, помогла объединить наших людей. Они учатся жить и работать друг с другом, независимо от расы, языка или религии. В армии соблюдаются все религиозные обряды: буддистов, индусов, мусульман, сикхов, христиан, зороастрийцев –, уважаются все табу и запреты в отношении питания у мусульман и индусов. Является ли отец военнослужащего министром, банкиром, служащим, чернорабочим, таксистом или лоточником, – его положение в армии зависит только от его личных результатов.

Чтобы привлечь в ВСС не только физически крепких, но и интеллектуально развитых людей, с 1971 года Кен Сви и я стали направлять в ВСС некоторых наших наиболее способных студентов. Мы ежегодно отбирали нескольких лучших младших офицеров для обучения за границей, в Оксфорде, Кембридже и других английских университетах, где они проходили полный академический курс гуманитарных, инженерных, точных наук или профессиональную подготовку. В течение всего срока обучения они получали полный оклад лейтенанта дополнительно к стипендии, которая покрывала плату за учебу, жилье, питание и иные расходы, связанные с пребыванием за границей. Они должны были подписать обязательство прослужить в армии в течение восьми лет после получения диплома. На протяжении этого периода их посылают в Америку или Англию два или три раза. Сначала их направляют для прохождения специального обучения в качестве артиллеристов, танкистов или связистов; в середине карьеры – для штабного и командного обучения в Америке или Англии; и, наконец, – для изучения курса гражданской или деловой администрации в таких ведущих американских университетах как Гарвард (Harvard) или Стэнфорд (Stanford).

В конце восьмилетнего срока службы военнослужащие могут остаться в ВСС, перейти на гражданскую службу в качестве административных чиновников или гражданских служащих высшего ранга, перейти в органы государственного управления или найти работу в частном секторе. Ежегодно они проходят военное обучение в течение 2–3 недель. По этой, предложенной мною и отработанной Кен Сви схеме, мы привлекли в ВСС некоторых наших лучших студентов. Без ежегодного набора в ВСС примерно десяти наших лучших студентов, ВСС располагали бы только военной техникой, но не интеллектуальной элитой, способной использовать ее наилучшим образом.

Уровень людей, входивших в состав первых партий призывников, направлявшихся на учебу, обнадеживал. К 1995 году четыре бывших стипендиата ВСС, дослужившись до высших армейских званий, ушли в политику и позднее стали членами правительства: мой сын, бригадный генерал Ли Сьен Лунг (Lee Hsien Loong), бригадный генерал Джордж Ео (George Yeo), подполковник Лим Эн Киан (Lim Hng Kiang) и контр-адмирал Тео Чи Хин (Teo Chee Hean).

Маленькие размеры Сингапура были серьезным препятствием для развития вооруженных сил, – мы нуждались в полигонах за границей, позволявших развернуть бригаду, а потом и

дивизию. Мне удалось добиться прорыва в решении этой проблемы в 1975 году, когда президент Цзян Цзинго (Chiang Ching-kuo) разрешил нашей пехоте, бронетанковым частям и артиллерии проходить обучение на Тайване. Мы также проводили на Тайване совместные учения с Зигфридом Шульцем (Siegfried Schulz), отставным генералом из Федеративной Республики Германии, который сопровождал наших высших офицеров в ходе «штабных рейдов», чтобы научить их тому, как лучше выбирать местность для полевых маневров.

В конце 70-ых годов президент Филиппин Маркос (Marcos) и Министерство обороны США разрешили военно-воздушным силам Сингапура использовать тренировочные средства ВВС США на авиабазе Кларк (Clark). Когда американцы оставили авиабазу Кларк в 90-ых годах, мы стали проводить учения в Австралии и Америке. Для решения оборонных проблем Сингапуру приходилось использовать нетрадиционные подходы.

Обороноспособность страны необходимо постоянно поддерживать, непрерывно модернизируя военную технику, ибо новая технология, особенно информационная технология, все больше применяется при создании систем вооружений. Для этого необходима здоровая экономика, позволяющая оплачивать приобретение новых вооружений, и наличие высокообразованных и обученных людей, способных эффективно их применять.

Высокая боеспособность армии помогает снизить риск опрометчивых политических действий. Например, всякий раз когда малайзийские лидеры были нами недовольны, они регулярно произносили угрозы в прессе прекратить поставки воды в Сингапур.

В 1990 году, когда я уже ушел с поста премьер-министра, международный журнал «Милитари тэкнолоджи» (Military Technology), написал: «В 1965 году, когда Сингапур стал независимым государством, он, фактически, не располагал армией для своей защиты. К 1990 году вооруженные силы Сингапура стали вполне уважаемой и профессиональной армией, эффективно использующей современную военную технику и способной защитить территориальную целостность и независимость государства». С тех пор боеготовность ВСС не раз получала высокую оценку военных журналов, включая «Джейнз» (Jane's) и «Эйжиа пасифик дифэнс рипортер» (Asia Pacific Defence Reporter).

Но тогда, в апреле 1966 года, когда я летел в Лондон, надеясь получить от премьер-министра Гарольда Вильсона гарантии того, что британские войска останутся в Сингапуре еще на протяжении нескольких лет, я был далек от мысли добиться подобных результатов.

Глава 3. Великобритания уходит

Когда в октябре 1966 года Кен Сви и я попросили Дэниса Хили (Denis Healey) продать Сингапуру эскадрилью истребителей «Ховкер Хантер», он рассмеялся, погрозил нам пальцем и поинтересовался, что это мы такое задумали, – ведь заботиться о нашей безопасности должны были британские вооруженные силы. Мы покинули Лондон, получив заверения, что королевские военно-воздушные силы Великобритании (Royal Air Force) останутся в Сингапуре.

Мы очень нуждались в той стабильности, которую создавали британские войска, расквартированные в Сингапуре. Если бы англичане вывели войска до того, как мы стали способны сами защитить себя, то я не думаю, что мы бы выжили. Их присутствие создавало чувство безопасности, без которого нельзя было бы привлечь инвестиции и экспортировать наши товары и услуги. А это было единственным способом создать достаточное число рабочих мест, чтобы трудоустроить выпускников школ и предотвратить массовую безработицу. В январе того же года я встретился с Гарольдом Вильсоном, британским премьер-министром, на чрезвычайной конференции премьер-министров государств Содружества наций в Лагосе (Lagos), посвященной одностороннему провозглашению независимости Родезией (Rhodesia).³ В перерыве между встречами мы обсудили будущее британских войск в Сингапуре. Он сказал мне, что ему придется вывести 25,000 из 50,000 военнослужащих, находившихся в Малайзии. Хотя он сказал, что решение еще не было принято, у меня осталось впечатление, что он склонялся именно к этому варианту.

³ Прим. пер.: ныне Зимбабве

Чтобы лучше понять намерения англичан, в апреле 1966 года я посетил Лондон для обсуждения с ними планов в области обороны. Меня тревожило растущее лоббирование вывода британских войск из стран, расположенных к востоку от Суэцкого канала, как лейбористами, так и консерваторами, как партийными лидерами, так и политическими обозревателями. Хили, поддерживаемый британской прессой, заявил, что в правительстве имелись влиятельные сторонники быстрого поэтапного вывода войск, во главе с заместителем Вильсона Джорджем Брауном (George Brown). Пол Джонсон (Paul Johnston), редактор журнала «Нью стейтсмен» (New Statesman), зашел так далеко, что даже назвал срок вывода войск – 1968 год. Эта точка зрения легко получила бы поддержку со стороны лейбористской партии (Labour Party) и лейбористов – депутатов парламента. Ян Маклеод (Iain MacLeod), бывший министр в правительстве консерваторов (Conservative Party), тогдашний министр финансов и экономики теневого кабинета министров, сказал мне, что многие «европейцы» (т. е. сторонники интеграции в Европу) в его партии поддерживали вывод войск.

Я чувствовал, что Вильсон, по крайней мере в течение срока его пребывания на посту премьер – министра, будет стремиться сохранить военное присутствие в Сингапуре и Малайзии. Должно быть, американцы предложили англичанам за это что-то взамен. Послы дружественных государств сообщали мне, что американцы помогали поддерживать курс фунта стерлингов при условии, что Великобритания сохраняла свое военное присутствие к востоку от Суэцкого канала. Американцы имели серьезные основания поддерживать британское военное присутствие в регионе. К январю 1966 года численность американских вооруженных сил в Южном Вьетнаме достигла 150,000 человек, а американские военно-воздушные силы выборочно бомбили цели в Северном Вьетнаме. Впоследствии Джордж Браун подтвердил, что так оно и было: американцы поддерживали курс британского фунта стерлингов, находившегося под угрозой девальвации, в обмен на сохранение британского военного присутствия к востоку от Суэца.

Дэнис Хили, секретарь правительства по вопросам обороны, был наиболее влиятельным лидером, после Вильсона, с которым я должен был встретиться. Лично мне он нравился. Его мощный интеллект, подобно компьютеру, выдавал все новые и новые решения по мере поступления новых данных, он всегда был готов отказаться от прежних взглядов. Его гибкий ум и красноречие делали его замечательным собеседником и компаньоном для застолья; он располагал интересной и полезной информацией о нужных мне людях. Иногда Хили бывал резок в своих оценках. Однажды, говоря о премьер-министре Содружества наций, он сказал, показывая на свой лоб: «Он – деревянный от сих, до сих».

Хили хорошо обобщил позицию лейбористского кабинета министров. Он полагал, что для правительства Великобритании сохранение военного присутствия на Дальнем Востоке в 70-ых годах было бы возможно, но затруднительно. Большинство министров одобряло поэтапный вывод войск в течение следующих пяти лет. Только «мощная коалиция» в составе Гарольда Вильсона, Майкла Стюарта (Michael Stewart) и самого Хили, – желала сохранения присутствия британских войск к востоку от Суэца в течение следующего десятилетия. После встречи с Майклом Стюартом, министром иностранных дел, показавшимся мне твердым и надежным человеком, я почувствовал себя обнадеженным.

Хили сказал, что серьезным аргументом в пользу полного вывода британских вооруженных сил из-за рубежа среди членов лейбористской партии было мнение о том, что эти войска на Дальнем Востоке являлись не столько средством поддержания мира и безопасности, сколько арбитром в распрях между правительствами стран региона. Он предупредил, что британская военная политика на Дальнем Востоке вполне могла измениться еще при нынешнем правительстве. Так как неуверенность относительно продолжительности британского военного присутствия была постоянной, то Кен Сви и я пришли к выводу, что, к какому бы решению англичане, в конце концов, ни пришли, нам следовало самим как можно скорее создавать вооруженные силы, сделав очевидным для жителей Сингапура и его соседей, что мы не были беззащитны.

В понедельник 25 апреля, в день перед отъездом, я провел заключительную встречу с Гарольдом Вильсоном. Он спросил о вкладе, который вносили расходы на содержание британских военных баз в экономику Сингапура. Я оценил эту долю приблизительно в 20 %

валового национального продукта (ВНП – Gross Domestic Product). Сворачивание баз привело бы к репатриации заметного числа малайцев и индусов. Это было бы ударом по экономике Сингапура, но больше всего я боялся влияния вывода войск на моральное состояние наших людей. Нам пришлось приложить огромные усилия, чтобы завоевать их доверие и убедить, что коммунизм не являлся неизбежным будущим Сингапура. Вывод британских войск и закрытие военных баз привели бы к серьезному упадку морали среди наших людей, – они могли сломаться перед лицом китайской военной мощи.

Я пришел к выводу, что Вильсон и его правительство были не в состоянии оказать серьезную помощь Сингапуру в заключении оборонного и экономического соглашения с Малайзией. Влияние англичан ослабло, особенно по мере того, как «конфронтация» с Индонезией становилась все менее острой. Визит оправдал мои ожидания. Все британские лидеры, особенно Вильсон и Хили, подчеркивали, что они были потрясены отделением Сингапура от Малайзии, и что нам не следовало идти на столь решительный шаг без консультаций с ними, особенно в тот период, когда мы находились под их защитой в ходе «конфронтации» с Индонезией. После этого англичанам нелегко было решить, стоило ли оставаться в Юго-Восточной Азии, – они делали ударение на этом, чтобы подчеркнуть серьезность ситуации. Я получил заверения, что в ближайшем будущем Сингапур мог рассчитывать на поддержку как со стороны дружественно настроенных членов лейбористского правительства, так и со стороны лидеров консервативной оппозиции. Я надеялся, что это даст нам несколько лет для создания вооруженных сил, восстановления нашей экономики, возобновления торговли с Индонезией, и, самое главное, привлечения инвестиций в промышленность.

В течение той апрельской недели, проведенной мною в Лондоне, Вильсон всячески демонстрировал свое дружелюбие. Он дал завтрак в мою честь в резиденции на Даунинг-стрит, 10 (Downing Street, 10), на котором присутствовали ключевые министры правительства и члены оппозиции, председатель Палаты лордов Питер Каррингтон (Peter Carrington) и их жены. Он произнес очень теплую импровизированную речь. В ответ я поблагодарил его за его дружбу и поддержку. Вскоре после того как я покинул Лондон, Вильсон оказался под давлением со стороны членов лейбористской партии, требовавших сокращения зарубежных военных обязательств Великобритании. На встрече парламентской группы лейбористов в июне 1966 года ему пришлось апеллировать к их социалистическим чувствам:

«Откровенно говоря, если бы мы думали только о себе, то мы были бы рады вывести войска из Сингапура как можно быстрее. Тем не менее, мы не можем сказать, как в Адене (Aden), что местное население и правительство не желают нашего присутствия. Ли Куан Ю, такой же левый социал-демократ, как и любой присутствующий в этой комнате, наверняка хочет, чтобы мы остались. Давайте вспомним о политических баталиях в Юго-Восточной Азии и его собственной предвыборной кампании, в которой он проявил огромное мужество в борьбе с коммунизмом в регионе, который коммунисты так хотели бы держать под контролем.

Мы считаем, что правительство Сингапура является, в нашем понимании этого слова, единственным социал-демократическим правительством в Юго-Восточной Азии. Его социальная деятельность, например, осуществление жилищной программы, способна поспорить с любыми достижениями в этой области, достигнутыми в наиболее развитых социал-демократических государствах».

После завершения визита в Лондон я принял участие в конференции Социалистического Интернационала (Socialist International) в Стокгольме, чтобы наладить контакты с лидерами британской и других европейских социалистических партий. Там, во время завтрака, я встретился с Джорджем Брауном. Он выражался вполне откровенно и прямолинейно и выступал за скорейший вывод британских войск из Юго-Восточной Азии. Он признавал, что находился в меньшинстве, но не скрывал своих намерений и в дальнейшем настаивать на своем. Браун сказал, что Вильсон и Хили хорошо относились ко мне и к правительству Сингапура, но лично он был сыт по горло тем, что это приводилось в качестве оправдания сохранения британского военного присутствия к востоку от Суэца. Он добивался включения недвусмысленного заявления о выводе войск в военный отчет правительства, опубликованный в октябре 1965 года, но предложение было забаллотировано. Я возразил на это, что, если бы

Великобритания вывела свои войска, то американцы прекратили бы поддержку британской валюты. Тогда фунт пришлось бы девальвировать, и лейбористы потерпели бы поражение на выборах. Он обиженно пробормотал, что соглашение между Линдоном Джонстоном (Lyndon Johnston) и Гарольдом Вильсоном в долгосрочной перспективе не сулило Англии ничего хорошего.

В июле 1966 года Хили посетил Сингапур и сказал мне, что численность британских войск в Сингапуре и Малайзии должна быть сокращена до уровня, предшествовавшего началу «конфронтации» с Индонезией. Он уже побывал в Куала-Лумпуре. Глядя мне прямо в глаза, он сказал, что он заявил представителям прессы, что никаких антибританских настроений в Малайзии не было, и никаких иных причин для прекращения помощи Малайзии, кроме экономических трудностей, переживаемых Великобританией, также не было. Он подмигнул и продолжил, что малазийцы поняли, что то, что он назвал «Месячником ненависти к Англии» («Hate Britain Month») произвело плохое впечатление и причинило ущерб развитию отношений между странами. Лидеры Малайзии сердито отреагировали на критику их расовой и языковой политики в британских средствах массовой информации, и отношение к Великобритании изменилось в худшую сторону. Но ко времени его приезда «Месячник ненависти к Англии» превратился в «Месячник любви к Англии» («Love Britain Month»).

Он был весел, дружелюбен и обнадеживал. Временами я даже надеялся, что англичане будут оставаться в Сингапуре еще в течение десятилетия, на протяжении всех 70-ых годов. А иногда я боялся, что время Вильсона и Хили подходило к концу. Члены парламента от лейбористской партии были решительно настроены в пользу сокращения оборонных расходов за рубежом и использования имевшихся ресурсов на нужды самой Великобритании.

Хили вторично посетил Сингапур 22 апреля 1967 года. Он дал ясно понять, что к концу 70-ых годов Великобритания уйдет из Азии. Я настаивал на необходимости укрепления безопасности в регионе и просил воздержаться от резких перемен.

Хили пояснил, что решение о выводе войск было принято по экономическим, а не по военным причинам и поэтому вряд ли могло быть изменено. Никакого иного пути решения финансовых проблем Великобритании не существовало. Имелись также опасения, что Великобритания могла оказаться втянутой в кровопролитную войну во Вьетнаме, которая потрясла англичан.

Во время следующей встречи, два дня спустя, он попробовал смягчить удар, пообещав оказать Сингапуру существенную помощь. В конце концов, говорил он, речь шла о частичном, а не о полном выводе войск. Он сказал, что понимает значение фактора доверия и пообещал попробовать убедить в этом своих коллег. Тем не менее, ему приходилось строить долгосрочные планы обороны Великобритании, а здесь полумерами было не обойтись. Он спросил о наших планах в отношении военно-морской верфи. Я ответил, что мы хотели передать ее для реструктуризации британской судостроительной фирме «Свон и Хантер» (Swan and Hunter), и что я уже убедил эту компанию взять в управление нашу гражданскую верфь Кеппел (Kerppel) с целью лучшего ознакомления с местными условиями.

И премьер-министр Австралии Гарольд Холт (Harold Holt), и премьер-министр Новой Зеландии Кит Холиоук (Keith Holyoake) также связались со мной, чтобы предупредить, что серьезное сокращение вооруженных сил Великобритании в регионе рассматривалось ими всерьез, и что оно привело бы к демонтажу существовавших оборонительных структур в рамках Содружества наций.

Британские военачальники в Сингапуре не ожидали ускоренного вывода войск. В мае, через месяц после визита Хили, Кен Сви и я встретились за обедом с главнокомандующим британскими вооруженными силами на Дальнем Востоке сэром Майклом Карвером (Sir Michael Carver). Он весьма обнадежил нас, сказав, что основная роль вооруженных сил Сингапура должна была состоять в предотвращении государственного переворота со стороны внутренних или внешних сил. В случае же продолжительных военных действий мы должны были полагаться на союзников. Его позиция поддерживала мою уверенность в том, что британские войска останутся в Сингапуре еще на протяжении некоторого времени.

На тот случай, если бы политические руководители Карвера считали иначе или оказались бы под давлением ускорить вывод войск, 26 мая я написал Гарольду Вильсону, что любые

разговоры об «оказании существенной помощи» звучали для нас зловеще. Угроза экономических последствий вывода войск была вторичной по сравнению с серьезной угрозой для безопасности Сингапура, возникшей, когда стало известно, что Великобритания решила осуществить вывод войск к середине 70-ых годов. Вильсон прислал успокаивающий ответ, а затем пригласил меня в Лондон для предварительных переговоров.

Когда Кен Сви и я встретились с Хили в июне 1967 года, он представил детальный план сокращения британских вооруженных сил на период до 31 марта 1968 года и дальнейшего сокращения численности войск на период с 1968 до 1971 год. После 1971 года Великобритания располагала бы в Юго-Восточной Азии только частями морских десантников, своего рода «полицейскими по вызову».

Обсуждение экономических проблем вел Кен Сви. Как и меня, его больше волновало обеспечение безопасности, чем экономические последствия сокращения британских вооруженных сил. Мы чувствовали, что мы еще как-то смогли бы справиться с экономическим спадом, если бы наша безопасность была гарантирована, а уверенность в стабильности Сингапура – сохранена. Я спросил одного из чиновников британского министерства по делам заморских территорий (Ministry of overseas development), курировавшего выполнение программы сокращения британских войск на Мальте (Malta), возможно ли было использовать оставленные военные аэродромы в гражданских целях. Он сказал, что, исходя из британского опыта, брошенные аэродромы либо превращались в сельскохозяйственные угодья, либо, в некоторых случаях, использовались для развития легкой промышленности. Я не считал сельское хозяйство или легкую промышленность перспективными для Сингапура и попросил предоставить нашему Управлению экономического развития (Economic Development Board) возможно более ранний доступ к трем британским аэродромам – Тенга (Tengah), Селетар (Seletar) и Чанги (Changi) – для принятия решения об их дальнейшем использовании.

Британские военные инструкции предписывали уничтожить избыточное военное оборудование, но Хили согласился пересмотреть их с тем, чтобы подобное оборудование можно было бы передать Сингапуру для обучения войск и использования в иных целях. Он и его помощники склонялись к тому, чтобы помочь нам. Эти две встречи принесли нам большое облегчение. Мы почувствовали, что сможем справиться со своими проблемами к середине 70-ых годов, а большего мы от англичан требовать не могли. Компания «Свон энд Хантер» подтвердила, что военно-морская верфь в Сембаванге имела очень хорошие перспективы, и комитет, включавший представителей Военно-морского Департамента (Navy Department), компании «Свон энд Хантер» и правительства Сингапура смог приступить к планированию ее конверсии для коммерческого использования.

26 июня 1967 года, в частной беседе, Вильсон пообещал, что текущий оборонный отчет правительства должен был стать последним в работе британского парламента нынешнего созыва. Хили также пообещал, что оборонных отчетов больше не будет. У меня сложилось впечатление, что Вильсон даже больше чем Хили хотел сохранить для Великобритании свободу выбора в отношении дальнейших действий к востоку от Суэца. Он хотел, чтобы во время моего визита в Лондон я не столько обсуждал преимущества сохранения британского военного присутствия к востоку от Суэца, сколько попытался повлиять на тех парламентариев-лейбористов и членов правительства, которые были против этого.

В тот же день, после обеда, у меня состоялась беседа с членами парламента от лейбористской партии. Я подчеркнул, что афро-азиатская сцена стремительно менялась: Неру (Nehru) умер, Сукарно (Sukarno) был дискредитирован, а Мао – вовлечен в безумие «культурной революции». Полмиллиона американских военнослужащих находились в Южном Вьетнаме. Эпоха правления белых в Азии закончилась. Вместо этого, некоторые азиаты настаивали на поиске азиатских решений для азиатских проблем с тем, чтобы большие азиатские державы могли уладить свои проблемы с небольшими государствами. Последние имели право попросить своих западных друзей помочь поддержать баланс сил.

Я провел несколько часов, разговаривая с министрами правительства Вильсона. Запланированная получасовая встреча с Джимом Каллагэном (Jim Callaghan), тогдашним канцлером Казначейства (Chancellor of the Exchequer) (с которым я встречался несколько раз на протяжении предыдущих 15 лет), продолжалась полтора часа. Время от времени, всякий раз,

когда раздавались звонки на перерыв в заседании парламента, он отправлялся в зал для голосования, но просил, чтобы я остался. В завершение беседы он сказал: «Я уже давно хотел назвать дату вывода войск, но теперь должен обдумать то, что Вы мне сказали, и пока что оставляю все варианты открытыми». Он попросил, чтобы я встретился с Роем Дженкинсом (Roy Jenkins), тогдашним министром внутренних дел. Рой Дженкинс спокойно выслушал меня и сказал, что воздержится от определения каких-либо сроков и дат, но, тем не менее, Великобритания должна будет уйти из Азии к 1975 году.

Наиболее оппозиционно настроенным по отношению к нам министром был тогдашний лидер Палаты общин британского парламента Дик Кроссман (Dick Crossman). В течение целого часа он отчитывал и ругал меня за то, что я ввел в заблуждение и обманул его коллег в отношении сохранения присутствия британских войск к востоку от Суэца. Он хотел шокировать меня и держался намеренно грубо. Он хотел, чтобы Великобритания вывела войска как можно скорее, к 1970 году. Он и его парламентская фракция стремились сэкономить средства для повышения пенсий по старости, понижения процентов по внутренним займам, рассчитывая, в результате, получить большее число голосов избирателей. Он расстроено сказал: «Вас не должно волновать мое мнение, поскольку в настоящее время я нахожусь в меньшинстве в правительстве, но я завоевываю все больше сторонников, и все большая часть партии поддерживает мою точку зрения». Наш посол, А.П. Раджа (A.P. Rajah), присутствовавший на встрече, считал, что Кроссман горячился из-за того, что приведенные мною доводы усилили позицию тех, кто хотел, чтобы британские войска оставались в Сингапуре.

Я полагал, что на сей раз все обойдется, но не было никаких гарантий того, что фунт стерлингов снова не окажется под ударом, что привело бы к очередному приступу депрессии в британском правительстве, к подготовке нового оборонного отчета и к дальнейшему сокращению вооруженных сил. Эта опасность была неподконтрольна даже британскому правительству. Грустно было видеть апатию британской нации и неспособность ее лидеров воодушевить людей. И министры-лейбористы, и члены парламента были подавлены тем, что им приходилось делать то, что, по их словам, им не хотелось бы делать, включая проведение непоследовательной экономической политики, за которую они прежде критиковали правительство консерваторов.

Материалы из архивов президента США Линдона Джонсона показали, что в июне 1967 года в Вашингтоне он убеждал Вильсона «не предпринимать никаких шагов, которые бы противоречили британским или американским интересам и интересам свободных государств Азии». Но Джонсон не настаивал на этом столь же твердо, как это делали его помощники в своих представлениях к нему перед встречей. Роберт Макнамара (Robert McNamara), министр обороны в администрации Джонсона, еще в декабре 1965 года писал Джонсону, что Америка считала более ценным британское присутствие на Дальнем Востоке, чем в Европе.

В британской «Белой книге по вопросам обороны» (The British Defense White Paper), изданной в июле 1967 года, было объявлено о намерении сократить вооруженные силы в Юго-Восточной Азии на 50 % к 1970–1971 году и полностью завершить их вывод к середине 70-ых годов. Встревоженный Гарольд Холт написал письмо Вильсону, а затем ознакомил со своими взглядами и меня: «Мы видим, что британское правительство приняло историческое решение об уменьшении роли Великобритании в мире и существенном облегчении бремени международной ответственности, которое она несла на протяжении долгих лет», и что австралийцы должны были теперь «заново осмыслить ситуацию в целом».

Вскоре Вильсон пригласил меня произнести речь на ежегодной конференции лейбористской партии в октябре 1967 года. Я согласился, зная, что он хотел, чтобы я убедил членов его партии не выступать против его позиции в отношении Сингапура. Я был основным приглашенным оратором, делегатом дружественной партии на собрании, состоявшемся в канун конференции в воскресенье, 1 октября, в Скарборо (Scarborough). Я выразил надежду, что длительные, сложившиеся на протяжении 150 лет, связи между Сингапуром и Великобританией могли бы позволить нам провести разделение так, «чтобы создать лучшие условия для нашей безопасности и стабильности». Я добавил, что, если бы нам дали немного времени, то к середине 70-ых годов Сингапур смог бы прожить без расходов на содержание британских

военных баз не хуже, чем сейчас. Я знал, что делегаты будут озабочены положением во Вьетнаме и не мог проигнорировать этот вопрос, заявив: «Я не хочу, чтобы меня воспринимали ни как „ястреба“, ни как „голубя“. И уж если бы мне пришлось выбирать метафору из мира пернатых, то лучше всего подошла бы сова. Любой наблюдатель за происходящим во Вьетнаме должен хорошо видеть в темноте. Прежде в этом не было нужды. Возможно, это было не самое подходящее и не самое безопасное место в Азии для отстаивания наших принципов. Но огромные жертвы уже понесены, много вьетнамской и американской крови пролито». В аудитории, столь сильно настроенной против войны во Вьетнаме, я не мог более прозрачно намекнуть на то, что вывод американских войск привел бы к серьезным последствиям для всей Юго-Восточной Азии.

Не прошло и шести недель, как безо всякого предупреждения, в воскресенье, 18 ноября 1967 года, Кен Сви получил от Каллагэна, канцлера Казначейства, сообщение, которое тот, должно быть, послал всем министрам финансов стран Содружества наций. В нем говорилось, что Великобритания девальвировала фунт стерлингов с \$2.80 до \$2.40. Это означало, что мы потеряли 14.3 % валютных резервов, которые мы хранили в Лондоне в фунтах стерлингов. Британская валюта оказалась под угрозой девальвации вскоре после того, как лейбористское правительство пришло к власти в 1964 году, но мы не конвертировали наши резервы в другую валюту. Британские вооруженные силы защищали нас во время «конфронтации» с Индонезией, и мы не хотели стать причиной обвала британской валюты. В тот же самый воскресный вечер Вильсон, в ходе телепередачи сказал: «Мы должны теперь опираться на наши собственные силы, а это означает, что интересы Великобритании для нас, – прежде всего». Для нас это прозвучало зловеще. Но Хили вновь обнадежил нас, сказав в речи в Палате общин 27 ноября: «Я полагаю, что все правительство разделяет мои взгляды, что, проводя сокращение вооруженных сил, мы, прежде всего, должны поддерживать веру в наши собственные силы и доверие со стороны наших союзников. Мы ни в коем случае не можем аннулировать принятые в июле решения... Именно поэтому мой глубокоуважаемый друг, канцлер Каллагэн, сказал в прошлый понедельник, что сокращение войск должно быть проведено в соответствии с основными положениями оборонной политики, принятой прошлым летом. Позвольте мне заявить, что это не означает никакого ускорения в проведении сокращения или передислокации наших вооруженных сил».

Я написал Хили, чтобы поблагодарить за предоставленные гарантии, но я ошибался. Хили не имел полномочий, чтобы высказывать точку зрения всего правительства. Вильсону же, как премьер-министру, надо было спасать правительство, и именно это подразумевалось, когда он сказал «интересы Великобритании для нас, – прежде всего». Вильсон также сказал, что «ни одна статья расходов не является более неприкосновенной». 18 декабря я написал Вильсону, чтобы напомнить, что правительство Сингапура добросовестно поддерживало фунт стерлингов и потеряло в результате его девальвации 157 миллионов сингапурских долларов (в том числе Валютный комитет (Currency Board) – 69 миллионов, правительство Сингапура – 65 миллионов, другие государственные органы – 23 миллиона долларов). Я закончил свое письмо так: «Я не хочу верить, что временные трудности могут разрушить взаимное доверие, доброжелательность и честные намерения в наших отношениях. Я остаюсь на позициях, заявленных в Скарборо, и, со своей стороны, мы сделаем все, чтобы торжественно и с почетом проводить оставшиеся британские войска в середине 70-ых годов».

Это были неоправданные надежды. В ходе первого же серьезного правительственного кризиса Вильсону стало не до того, чтобы спасать преданных друзей и союзников. Вместо ответа, 9 января 1968 года он прислал с визитом Джорджа Томсона (George Thomson), секретаря правительства по делам Содружества наций. Томсон был настроен примирительно и защищал британскую позицию. Он сказал, что девальвация дала британскому правительству шанс раз и навсегда навести порядок в экономике. Сокращение вооруженных сил означало бы фундаментальные изменения в исторической роли Великобритании и ее долговременной оборонной стратегии. Великобритания сохраняла бы присутствие в Европе, хотя ее вооруженные силы могли бы использоваться для помощи союзникам за пределами Европы. Я поинтересовался, оставалось ли в силе намерение Хили оставить в Сингапуре подразделения морских десантников. Он ответил, что и это подлежало пересмотру, – после 1971 года в

Юго-Восточной Азии не должно было остаться никаких военно-морских сил. На мой вопрос о том, насколько твердым являлось решение о выводе войск к 1971 году, Томсон ответил, что это было очень твердое решение, но англичане предполагали принять во внимание мнение своих партнеров по Содружеству наций. Томсон вел себя любезно, был настроен дружелюбно, его симпатии были на нашей стороне. Он просто выполнял данное Вильсоном неприятное поручение. Чтобы смягчить удар, Вильсон пригласил меня для консультаций в Чекерс (Chequers), официальную загородную резиденцию премьер-министра.

Я был расстроен и рассержен полным игнорированием торжественно данных обязательств и сказал, что мы также могли поставить интересы Сингапура на первое место и сохранить наши валютные ресурсы, конвертировав их в иную валюту. Тем не менее, я решил поехать в Лондон и встретиться с Вильсоном в Чекерс.

Вильсон изменил место встречи: вместо Чекерс она состоялась на Даунинг-стрит 10, в воскресенье. Когда я прибыл туда в 16:30, там уже находились Дэнис Хили (министр обороны), Джордж Браун (министр иностранных дел) и Джордж Томсон (министр по делам Содружества наций). Вильсон несколько обнадежил, сказав, что члены правительства согласились не принимать окончательного решения до его встречи со мной.

Я сказал, что любое заявление об ускоренном выводе британских войск с азиатского континента к 1971 году подрвет уверенность инвесторов, особенно инвесторов из Гонконга, в нашей стабильности, заставит их уйти из Сингапура. Чтобы восстановить доверие инвесторов и укрепить свою обороноспособность, Сингапуру пришлось бы пойти на масштабные закупки оружия. Я доказывал, что британские вооруженные силы владели в Сингапуре ценной недвижимостью, домами и казармами, стоимостью более 55 миллионов фунтов стерлингов. Если бы вывод войск был осуществлен в течение всего лишь трех лет, то англичане не получили бы за них на рынке и половину этой цены.

Вильсон повторил то, что Хили сказал мне годом ранее в Сингапуре: решение о выводе войск было принято по экономическим соображениям и не подлежало пересмотру. Решение относительно времени вывода (март 1971 года) было довольно единодушным и присутствовавшие министры представляли мнение всего правительства. Он хотел обсудить со мной, какого рода экономическая помощь могла бы реально облегчить положение Сингапура. Я ответил, что моей главной заботой было обеспечение безопасности, поскольку без этого мы не смогли бы привлечь инвестиции, в которых мы нуждались гораздо больше, чем в помощи.

Вильсон предоставил Хили изложить аргументы в пользу ускоренного вывода войск, а сам в это время сидел, посасывая свою трубку и сочувственно наблюдая за происходящим. По его жестам я понял, что добиться от него выполнения первоначального решения оставить войска до середины 70-ых годов будет невозможно.

Британские министры сочувствовали нашему тяжелому положению. Джордж Браун был настроен наиболее благосклонно. Помня, как категорично он высказывался за вывод британских вооруженных сил из Сингапура во время нашей встречи в Стокгольме в 1966 году, я был удивлен, когда он спросил, какая дата вывода войск устроила бы меня. Я назвал 31 марта 1973 года. Много лет спустя он сказал мне, что президент США Джонсон убедил его в том, что, пока продолжалась война во Вьетнаме, Америка не могла заменить британские силы в Персидском заливе и Сингапуре, а потому британское военное присутствие там было политически неоправдано.

Примерно в 19:00 к нам присоединился Рой Дженкинс, замещавший Каллагэна в качестве канцлера Казначейства. Он начал с того, что экономическое положение Сингапура отличалось от положения других стран региона, – мы преуспевали. Положение же Великобритании было весьма серьезным. Он сравнил валютные резервы Великобритании и Сингапура и показал, что, в расчете на душу населения, в Сингапуре они были выше. Он критиковал правительство Сингапура за инвестирование бюджетных излишков в других странах, без консультаций с британским правительством. Он настаивал, что, хотя Сингапур никогда не изымал своих валютных резервов, деноминированных в фунты стерлингов, но никогда и не предпринимал никаких попыток инвестировать бюджетные излишки в британскую валюту. А поскольку мы не стремились помочь Великобритании изо всех сил, то теперь мы не могли рассчитывать на особое отношение со стороны Великобритании.

Мы проговорили весь обед, снова и снова повторяя свои доводы и попивая из стаканов кларет, – любимое вино Дженкинса. Встреча продолжалась пять с половиной часов и завершилась в 22:50. Подводя итоги, Вильсон сказал, что британское правительство понимало необходимость оказания помощи Сингапуру в поддержании стабильности. Но он подчеркнул, что на постоянной основе безопасность Сингапура можно было обеспечить только в рамках более широкого регионального оборонительного союза с другими заинтересованными государствами Содружества наций. По его мнению, Сингапуру было бы нецелесообразно принимать поспешные решения относительно приобретения военной техники до тех пор, пока возможность заключения такого соглашения не будет проработана более детально. Он обещал, что британское правительство сделает все, чтобы помочь Сингапуру в обеспечении безопасности, насколько это было возможно в контексте выполнения главной задачи – полного вывода войск к 1971 году. Он подчеркнул, что британское правительство надеялось, что правительство Сингапура последует этому совету.

На следующий день, в понедельник, 15 января 1968 года, выступая в Палате общин, Хили объявил, что британские вооруженные силы к востоку от Суэца будут выведены в 1971 году, но он изменил фактическую дату окончательного вывода с марта на декабрь 1971 года. Эти девять месяцев играли существенную роль, потому что всеобщие выборы должны были состояться до декабря 1971 года. Иными словами, решение о дате окончательного вывода войск могло либо быть подтверждено новым лейбористским правительством, либо отложено правительством консерваторов. Мне пришлось довольствоваться этой уступкой. Военные корреспонденты, сообщавшие о речи Хили, отметили, что он оставил эту лазейку открытой. Моя поездка в Лондон, в целом, не была напрасной.

Но Вильсон понимал, что это было конец эпохи. Во время дебатов в парламенте он процитировал стихотворение Кипплинга («Recessional»):

Костры погасли в наступившей мгле,
Исчезли корабли в безбрежной шире.
Взгляни, весь наш вчерашний яркий блеск, –
Он тот же, что в Ниневи и Тире.
(Far-called our navies melt away
On dune and headland sinks the fire
Lo, all our pomp of yesterday
Is one with Nineveh and Tyre).

В течение тех пяти дней в январе 1968 года я упорно трудился в Лондоне, чтобы продлить сроки британского военного присутствия в Сингапуре. Помимо дискуссий с Вильсоном, я обсуждал свои проблемы с лидерами консервативной партии, в первую очередь, с Тэдом Хитом (Ted Heath), Реджинальдом Маудлингом (Reginald Maudling) и Яном Маклеодом. Они были настроены весьма сочувственно и благосклонно, заверяя меня, что, если бы они были у власти, то они не стали бы долго тянуть с обнародованием даты окончательного вывода войск. Это повлияло на конечный результат переговоров. Британское телевидение и пресса широко освещали мой визит, я имел возможность аргументировано, без ненужных эмоций, изложить свою позицию. Я играл на глубоких чувствах англичан, говоря, что наш долгий и плодотворный союз не должен был закончиться так, чтобы повредить будущему Сингапура. Я пытался произвести наилучшее впечатление. Но Кен Сви, вернувшись домой раньше меня, высказал прессе свое разочарование уже в аэропорту Сингапура: «Лейбористская партия забрала назад свои обещания, – это позорное нарушение данных нам обязательств».

Я не видел никакого смысла в том, чтобы открыто выражать свое раздражение. Мои коллеги, включая Раджу, Чин Чая и Суй Сена были глубоко разочарованы позицией англичан и опасались за последствия их действий для нашей безопасности и экономики. Но они не ругали англичан, ибо это только ухудшило бы отношения с британскими министрами и британскими военачальниками в Сингапуре, которые, в конце концов, были лояльными британскими подданными. Мы нуждались в развитии сотрудничества и проявлении доброй воли со стороны англичан, чтобы осуществить вывод войск с минимальными сложностями и максимальной

доброжелательностью, а не принять от них военные базы раскуроченными, как это случилось в Гвинее (Западная Африка) после вывода французских войск в 60-ых годах.

Этот неожиданный поворот событий только усилил то давление, под которым мы уже находились. Наши экономические проблемы, включая безработицу, должны были еще усугубиться. Проблем в сфере обороны также стало больше, ибо теперь мы нуждались в создании военно-воздушных сил. Нам необходимо было создать военно-воздушные силы с нуля и иметь в своем распоряжении боееспособную эскадрилью истребителей к концу 1971 года. Но как? Когда мы во второй раз попросили Хиля продать нам эскадрилью истребителей «Ховкер Хантер», он с готовностью согласился. Он также пообещал помочь нам в организации эксплуатации этих самолетов, что было радикальным изменением его позиции по сравнению с октябрём 1966 года. Тогда, менее чем за два года до того, в ответ на нашу просьбу продать Сингапуру истребители он погрозил нам пальцем за то, что мы, по его мнению, вынашивали «зловещие намерения».

Британские средства массовой информации выражали свои симпатии по отношению к Сингапуру, но, в целом, были пессимистично настроены относительно его будущего. Прекращение финансирования Великобританией своих военных расходов в Сингапуре означало бы потерю Сингапуром примерно 20 % ВВП, а без военной помощи со стороны Великобритании наши перспективы представлялись им весьма сомнительными. На моей пресс-конференции в январе, по возвращении из Лондона в Сингапур, присутствовал председатель «Дейли миррор групп» (Daily Mirror Group) Сэсиль Кинг (Cecil King). Он сказал моему пресс-секретарю Алексу Джоси (Alex Josey), что он поддерживал нас всем сердцем, но положение наше было безнадежным. Высокая безработица и отсутствие гарантий безопасности после вывода британских войск должны были привести к упадку экономики. В своих пессимистических взглядах на будущее Сингапура Кинг не был одинок.

Чтобы заполнить вакуум, образовавшийся с окончанием Англо-Малайского оборонного соглашения (АМОС – Anglo-Malayan Defense Agreement), Великобритания предложила заключить Оборонное соглашение пяти держав (ОСПД – Five-Power Defense Agreement), которое носило бы консультативный характер, и не налагало бы строгих обязательств в сфере обороны. Я знал, что австралийцы опасались того, что у Индонезии могло возникнуть неверное впечатление, что пять государств: Великобритания, Австралия, Новая Зеландия, Малайзия и Сингапур, – хотели заключить союз, направленный против Индонезии. В феврале 1968 года министр иностранных дел Австралии Пол Хаслук (Paul Hasluck), находясь в Сингапуре, сказал мне, что Австралия будет сохранять свои силы в регионе на прежнем уровне до 1971 года, а вот что случится после того, – было пока неясно. Другими словами, австралийцы могли уйти вместе с англичанами. Во время беседы с ним я подчеркнул, что было необходимо дать ясно понять всем, что после 1971 года западные союзники не намеревались оставить в регионе вакуум, который мог быть заполнен Россией, Китаем, или кем-либо еще. Он подчеркнул, что сотрудничество между Малайзией и Сингапуром играло исключительно важную роль в оборонительных планах Австралии. Я заверил его, что мы рассматривали любое нападение на Малайзию как угрозу в адрес Сингапура, но я попросил его дать ясно понять правительству Малайзии, что заключение любого двустороннего соглашения с Австралией, которое не включало бы Сингапур, просто исключалось. Я рассказал ему, как во время моей поездки в Мельбурн (Melbourne) для участия в церемонии по увековечиванию памяти премьер-министра Гарольда Холта, на борту самолета вместе со мной находился руководитель Малайзии Разак, который буквально игнорировал меня. Тем не менее, после того как заместитель премьер-министра Австралии Макивен (McEwen), выполнявший обязанности премьер-министра до Джона Гортон (John Gorton), категорически отказал Разаку в заключении двустороннего оборонительного соглашения между Австралией и Малайзией, поведение Разака мгновенно изменилось. На обратном пути он был сама любезность и благоразумие, обсуждая со мной в самолете проблемы обороны и безопасности Малайзии на протяжении трех часов. После этого двусторонние отношения между Малайзией и Сингапуром в сфере обороны значительно улучшились.

В самом деле, в марте 1968 года Разак заявил Ким Сану и Кен Сви, что в деле обеспечения безопасности наши две страны были неразделимы, что Малайзия не могла расходовать

значительных средств на оборону, а Сингапур, будучи маленьким островом, был весьма уязвим для внезапного нападения. Поэтому он считал, что Сингапуру следовало сосредоточиться на создании военно-воздушных сил, а Малайзии, с ее длинной береговой линией, – на создании флота. В этом случае мы могли бы дополнять друг друга: «В качестве двух отдельных государств мы говорим друг с другом на равных. Там, где мы можем достичь соглашения – мы работаем вместе, а где не можем, – там торопиться не следует».

Вскоре после расовых волнений в Куала-Лумпуре, которые произошли в мае 1969 года, за которыми последовал роспуск парламента Малайзии, Разак должен был представлять Малайзию в Канберре (Canberra), на встрече премьер-министров пяти государств, посвященной организации сотрудничества в сфере обороны после вывода британских войск в 1971 году. Перед началом конференции австралийский постоянный секретарь по вопросам обороны заявил, что премьер-министр Джон Гортон не будет присутствовать на конференции. В частной беседе постоянный секретарь департамента иностранных дел сказал, что Гортон сомневался в способности правительства Малайзии удержать ситуацию под контролем и считал, что расовые волнения будут продолжаться, а Сингапур окажется втянутым в конфликт. Гортон полностью потерял доверие к Малайзии и не хотел, чтобы Австралия заключала какие-либо оборонительные соглашения с Малайзией. Австралийцы были уже весьма недовольны тем, что англичане собирались уйти из региона и не хотели взваливать на себя бремя ответственности за оборону Малайзии и Сингапура. Гортон предсказывал катастрофу и боялся реакции австралийских избирателей на любые обязательства по оказанию помощи Малайзии и Сингапуру в сфере обороны, которые могла бы взять на себя Австралия.

Тем не менее, в последний момент Гортон прибыл, чтобы открыть конференцию, но, произнеся речь, немедленно покинул заседание. Он подчеркнул необходимость достижения расовой гармонии в регионе, и потребовал недвусмысленных заверений со стороны Малайзии и Сингапура, что оборона этих стран являлась «неразделимой». Разак и официальные лица Малайзии выглядели исключительно подавленными.

В тот же вечер я беседовал с Разаком в его гостиничном номере. Я решил оставить свои сомнения и поддержать его предложение о том, чтобы после 1971 года командующий вооруженными силами в рамках ОСПД был подотчетен правительствам всех пяти государств, а не только правительствам Сингапура и Малайзии, как предлагала Австралия. Это подняло ему настроение. Перед окончанием конференции министр иностранных дел Австралии Гордон Фрит (Gordon Freeth) разъяснил, что, если бы Малайзия подверглась нападению, то австралийские войска могли быть размещены в Восточной или Западной Малайзии.

Английские консерваторы были ошеломлены решением лейбористов вывести британские войска, находившиеся к востоку от Суэца. В январе 1970 года лидер оппозиции Эдвард Хит (Edward Heath) посетил Сингапур. Я организовал для него встречи со всеми ключевыми министрами, чтобы он мог получить всестороннее представление о политической и общественной ситуации, экономическом развитии и прогрессе в создании вооруженных сил Сингапура. Я также договорился с командованием британских военно-воздушных сил, чтобы ему показали Сингапур с борта вертолета. На него это произвело впечатление, и он заявил в прессе, что, в случае прихода к власти, он «остановит» проведение лейбористской политики вывода британских войск, находившихся к востоку от Суэцкого канала. Он заявил: «О выводе британских войск и их возвращении не могло бы быть и речи. Британские войска еще находятся здесь, и консервативное правительство прекратит их вывод». Он добавил, что на него «произвели огромное впечатление замечательные достижения, которых добился остров... Основой для них является уверенность в будущем, мир и стабильность во всем регионе». Я надеялся, что британские военачальники обратят внимание на его слова и не будут слишком торопиться с выводом войск.

Пять месяцев спустя, в июне 1970 года, консервативная партия победила на выборах, и Эдвард Хит стал премьер-министром. В том же месяце министр обороны Питер Каррингтон посетил Сингапур, чтобы объявить, что вывод войск будет продолжаться, как планировалось ранее. Он добавил, что Великобритания сохранит часть своих сил на паритетных началах с Новой Зеландией и Австралией. В частной беседе Каррингтон сказал мне, что Великобритания не оставит в Сингапуре ни одного истребителя или транспортного самолета. Планировалось

оставить только 4 разведывательных самолета «Нимрод» (Nimrod), звено вертолетов «Вирлвинд» (Whirlwind) и батальон, который должен был размещаться в одном из британских лагерей Ни Сун (Nee Soon). Предполагалось, что к востоку от Суэцкого канала будут курсировать пять британских фрегатов и миноносцев, а АМСО будет заменено «политическими обязательства консультативного характера». Англичане дали ясно понять, что они хотели принимать участие в ОСПД не в качестве лидера, а в качестве партнера «на равноправной основе».

В середине апреля 1971 года пять премьер-министров встретились в Лондоне, чтобы заключить политическое соглашение, которое должно было заменить АМСО. Наиболее существенная часть соглашения гласила: «В случае любого организованного или поддерживаемого извне вооруженного нападения или угрозы нападения на Малайзию и Сингапур правительства приступят к немедленным совместным консультациям с целью принятия решения о мерах, которые необходимо будет предпринять совместно или поодиночке по отношению к такому нападению или угрозе». Что ж, «немедленные консультации» были все же лучше, чем никаких консультаций.

1 сентября 1971 года была организована совместная система противовоздушной обороны. 31 октября 1971 года на смену АМСО пришло ОСПД. Эра гарантированной безопасности закончилась, с этого момента мы должны были сами отвечать за обеспечение собственной безопасности.

Но обеспечение безопасности было не единственной нашей проблемой. Мы должны были добывать средства к существованию, убедить инвесторов вложить свои деньги в промышленные предприятия и другие деловые проекты в Сингапуре. Мы должны были научиться выживать в одиночку, без британского «военного зонтика» и без связи с внутренними районами Малайзии.

Глава 4. Выживание в одиночку

В 1965 году, через несколько месяцев после обретения независимости, экономический советник, присланный в Сингапур индийским правительством, предоставил мне толстый отчет. Я просмотрел предисловие, убедился, что все его планы были основаны на сохранении общего рынка с Малайзией, поблагодарил его и никогда больше не возвращался к этому отчету. Он не понимал, что, раз уж Малайзия не желала сохранения общего рынка с Сингапуром, когда он являлся ее частью, то она и подавно не согласилась бы на такие условия после провозглашения нами независимости. Сингапур потерял свою роль административного, коммерческого и военного центра Британской империи в Юго-Восточной Азии, и если бы мы не смогли найти новую парадигму развития, то наше будущее выглядело бы довольно мрачно.

За несколько недель до того я встретил доктора Альберта Винсемиуса (Dr. Albert Winsemius) – нашего экономического советника из Голландии. Он нарисовал мрачную, но не безнадежную картину. В результате «конфронтации» с Индонезией уровень безработицы в Сингапуре вырос. Если бы мы продолжали развиваться в условиях отсутствия общего рынка с Малайзией и торговли с Индонезией, то к концу 1966 года уровень безработицы превысил бы 14 %. Это могло привести к серьезным социальным волнениям. «Сингапур ходит по лезвию бритвы», – подытожил советник. Он порекомендовал заключить соглашение с Малайзией (это было нереально) и возобновить бартерную торговлю с Индонезией. Он также советовал нам попробовать договориться о более благоприятных условиях продажи произведенных в Сингапуре товаров в США, Великобритании, Австралии и Новой Зеландии.

Винсемиус впервые прибыл в Сингапур в 1960 году, когда он руководил Программой развития ООН (UN Development Program), в качестве советника по вопросам индустриализации Сингапура. Я запомнил его первый отчет, предоставленный мне в 1961 году, в котором он изложил два главных условия успешного развития Сингапура: во-первых, отстранение коммунистов от власти (ибо они делали любой экономический прогресс невозможным); во-вторых – сохранение статуи основателя Сингапура Стамфорда Раффлса (Stamford Raffles). Его требование об отстранении коммунистов от власти в 1961 году, когда Объединенный фронт коммунистов был в зените своего могущества, ежедневно подвергая нападкам правительство

ПНД, лишило меня дара речи, – я просто смеялся над нелепостью его простого решения. Не убирать статую Рафлса было легко. Я и мои коллеги не имели ни малейшего желания переписывать прошлое или увековечивать самих себя, переименовывая улицы и здания или помещая собственные портреты на денежных знаках или почтовых марках. Он пояснил, что нам понадобится широкомасштабная помощь со стороны стран Европы и Америки в развитии техники, предпринимательства и маркетинга. Инвесторы интересовались, что новое правительство в Сингапуре собиралось делать со статуей Рафлса. Если бы мы оставили ее, это послужило бы символом признания британского наследия и могло оказать положительное влияние. Я так не считал, но решил оставить этот памятник, потому что Рафлс был основателем Сингапура. Если бы Рафлс не прибыл сюда в 1819 году, чтобы основать торговую колонию, мой прадед не иммигрировал бы в Сингапур из графства Дапу (Dapu) в провинции Гуандун (Guangdong) на юго-востоке Китая. Созданный англичанами торговый центр дал возможность моему прадеду и тысячам подобных ему китайцев жить лучше, чем на родине, которая в тот период переживала эпоху хаоса и разброда, связанную с дезинтеграцией и упадком династии Цин (Qing).

А тогда, в 1965 году, положение было настолько серьезным, что я попросил тогдашнего министра финансов Ким Сана послать делегацию наших торговых палат и ассоциаций производителей в Африку, чтобы «попытаться заключить хоть какие-нибудь контракты». Делегация нанесла визит в некоторые страны Восточной и Западной Африки, но без особого успеха.

С тех пор как мы пришли к власти в 1959 году, мы постоянно сталкивались с проблемой безработицы. Поэтому все члены правительства знали, что единственным способом выжить для нас было проведение индустриализации. Развитие посреднической торговли в Сингапуре достигло предела, угроза ее упадка была реальной. Мы по-прежнему находились в состоянии «конфронтации» с Индонезией, а Малайзия всячески стремилась обойти Сингапур в развитии своих внешнеэкономических связей. Мы хватались за любую идею, которая сулила нам создание новых рабочих мест и позволяла обеспечить людей средствами к существованию. Один из предпринимателей, занимавшийся выпуском безалкогольных напитков, предложил мне развивать туризм – трудоемкий бизнес, который требовал большого количества поваров, горничных, официантов, уборщиков, гидов, водителей, производителей сувениров, а также требовал незначительных капиталовложений. Мы, создали Агентство по развитию туризма (Singapore Tourist Promotion Board) и назначили сингапурского кинопромышленника Ранм Шоу (Ranme Shaw) из компании «Шоу бразерс» (Shaw Brothers) его председателем. Здесь он был человеком на своем месте, ибо, работая в киноиндустрии и индустрии развлечений, он знал все о том, как продавать достопримечательности и развлекать иностранных туристов. Он создал специальный рекламный знак «Мерлион» – лев с хвостом русалки. Я открыл монумент в виде этого рекламного знака, сооруженный в устье реки Сингапур. Тем не менее, за исключением редких выступлений на встречах с бизнесменами, я мало что делал для развития туризма. К моему облегчению, туризм действительно способствовал созданию многих рабочих мест и дал средства к существованию многим нуждавшимся. Развитие туризма несколько смягчило, но не решило проблему безработицы.

Для решения этой проблемы мы сконцентрировали наши усилия на создании промышленности. Несмотря на то, что наш внутренний рынок был очень мал – наше население составляло всего два миллиона человек – мы ввели протекционистские меры для защиты произведенных в Сингапуре автомобилей, холодильников, кондиционеров, радиоприемников, телевизоров и магнитофонов в надежде на то, что в будущем мы сможем производить их у себя. Мы также поощряли наших бизнесменов, которые основывали небольшие фабрики по производству растительного масла, косметики, москитовых сеток, крема для волос, туалетной бумаги и даже нафталиновых шариков. Мы сумели привлечь инвесторов из Гонконга и Тайваня, которые построили фабрики по производству игрушек, текстиля, и готовой одежды.

Начало было мало обещающим. Индустриальный район Джуронг (Jurong) на западе Сингапура пустовал, несмотря на то, что мы вложили значительные средства в развитие его инфраструктуры. Мы делали много ошибок. Так, невзирая на то, что Сингапур не имел достаточных ресурсов пресной воды, а его территория была слишком мала, чтобы допустить

загрязнение прибрежных вод, наше Управление экономического развития пошло на создание совместного предприятия по переработке макулатуры с бизнесменом, у которого не было никакого опыта работы в этой отрасли. Мы также вложили средства в производство керамики, в этой сфере у нас также не было никакого технического опыта. Оба предприятия потерпели неудачу. Мы основали на судовой верфи в Джуронге (Jurong Shipyard) совместное предприятие с «ИХИ» (Ishikawajima-Harima Heavy Industries) по постройке и ремонту кораблей, и начали производить суда водоизмещением 14,000 тонн типа «Фридом» (Freedom), а позднее – танкеры водоизмещением 90,000 тонн. Но Сингапур не производил ни стального листа, ни двигателей и должен был импортировать их из Японии. Построив 16 судов типа «Фридом» и 3 танкера, мы прекратили строительство судов, за исключением строительства маленьких судов водоизмещением до 10,000 тонн. Это было просто невыгодно, в отличие от судоремонта, который требовал значительных затрат труда.

В то время мы приветствовали инвестиции в создание любых предприятий. К примеру, в январе 1968 года, когда я находился с визитом в Лондоне, обсуждая проблемы вывода британских войск из Сингапура, Маркус Сифф (Marcus Sieff), глава фирмы «Маркс энд Спенсер» (Marks amp; Spenser), встретился со мной в одном из лондонских отелей. Он видел меня до того по телевидению. Он предложил Сингапуру взяться за производство крючков и приманок для ловли форели, – ведь китайцы обладают ловкими пальцами. Это была довольно квалифицированная работа, ибо перья должны быть умело прилажены к крючкам. Существовали также и другие изделия, производство которых не требовало значительных затрат, оборудования и капитала, но создавали много рабочих мест. Его розничная сеть могла бы помочь сбыту этих товаров. Наверное, на экране телевизора я имел жалкий вид, раз он решил встретиться со мной. Я поблагодарил его, но из этого начинания ничего не вышло. Вскоре норвежская фирма по производству крючков для ловли рыбы «Мастэд» (Musted) основала в Сингапуре фабрику, создала несколько сот рабочих мест и производила миллионы крючков всех форм и размеров, хотя и без перьев для ловли форели.

Потеря доходов от содержания британских баз в Сингапуре в 1971 году явилась ударом по нашей экономике. Эти доходы составляли 20 % нашего ВВП, базы давали работу более чем 30,000 человек непосредственно, и еще 40,000 человек – в смежных отраслях. Я был решительно настроен на то, что наше отношение к британской помощи, а также к любой помощи вообще должно быть полностью противоположным тому, что я видел на Мальте. Во время визита на Мальту в 1967 году я был изумлен их подходом к решению проблем, возникших после сокращения численности британских войск на острове. Из-за случившейся тремя месяцами ранее, в июне, Шестидневной арабо-израильской войны Суэцкий канал был закрыт, и суда по нему больше не ходили. Из-за этого верфь на Мальте была закрыта, но рабочие получали полную заработную плату, играя в водное поле в сухом доке, который они заполнили водой! Я был потрясен их полной зависимостью от британской помощи. Англичане предоставили довольно щедрые пособия по сокращению штатов, уплатив уволенным работникам по пять недельных зарплат за каждый год, отработанный на верфи. Они также оплатили стоимость переквалификации уволенных работников в правительственных учреждениях Мальты на протяжении трех месяцев. Это приучало людей зависеть от чьей-то помощи, а не полагаться на самих себя.

В 1967 году Хили пообещал мне «существенную» помощь, чтобы возместить потери от сокращения численности британских войск в Сингапуре. Я был убежден, что наши люди ни в коем случае не должны были развить в себе привычку надеяться на чью-то помощь. Если мы хотели преуспевать, мы должны были надеяться только на самих себя. Еще до начала переговоров об оказании британской помощи, 9 сентября 1967 года, в своей речи в парламенте я сказал: «Сингапур был процветающим городом еще до того, как были построены и укомплектованы военные базы. Если мы разумно подойдем к делу, то, после того как базы будут ликвидированы, Сингапур станет еще более развитым и экономически самостоятельным». Мой подход состоял в том, чтобы англичане уведомили нас как можно раньше о тех объектах (например, о военно-морской верфи), которые они больше не планировали использовать, и передали их в наше управление еще в тот период, когда они продолжали ими пользоваться. Далее, помощь должна была быть направлена на создание

рабочих мест в Сингапуре путем строительства предприятий, и не должна была сделать людей зависимыми от постоянных подачек. Я предупредил наших рабочих: «Мир не обязан нас кормить. Мы не можем кормиться нищенством».

Хон Суй Сен (Hon Sui Sen) – наш наиболее способный правительственный секретарь – составил список британских активов, которые можно было использовать в гражданских целях. Англичане определились со своим подходом к тому, как распорядиться 15,000 акрами (6,000 га) земли и недвижимости, которые они занимали, что составляло 11 % территории Сингапура. Земля, которая могла быть использована для экономических или оборонных целей, должна была быть предоставлена Сингапуру бесплатно. Правительство Сингапура должно было помочь продать оставшуюся землю на свободном рынке. Но в январе 1968 года, до того как переговоры были закончены, Великобритания объявила о полном выводе войск к 1971 году.

По возвращению в Сингапур, в январе, в выступлении по радио я заявил:

«Если бы мы были слабыми людьми, то уже погибли бы. Слабые люди голосуют за тех, кто обещает вести по легкому пути, в то время как на самом деле таких путей нет. Нет ничего такого, что Сингапур получал бы бесплатно, даже за воду нам приходится платить. Но город будет оставаться оживленным индустриальным, коммерческим и транспортным центром и после ухода англичан». Я чувствовал, что дух людей и их доверие имели решающее значение в надвигавшемся сражении за выживание Сингапура.

В феврале того же года мы создали Департамент по экономической конверсии военных баз (Bases Economic Conversion Department) во главе с Суй Сеном. Я непосредственно курировал работу этого органа в правительстве, чтобы позволить Суй Сэну сильнее влиять на работу других министерств. В его обязанности входило переобучение и трудоустройство высвобождавшихся рабочих. Он также должен был вступить во владение землей и другими активами, которые оставляли англичане, обеспечить их наилучшее использование, а также вести переговоры о предоставлении помощи.

Было очень важно, чтобы передача активов и предоставление помощи не испортили отношений с англичанами, иначе это подорвало бы доверие инвесторов. Если бы отношения с Великобританией испортились, то никакая помощь не могла бы компенсировать этого. Кроме того, я все еще надеялся на сохранение хотя бы символического военного присутствия Великобритании, Австралии, Новой Зеландии после 1971 года. В феврале 1968 года я сказал вновь прибывшему британскому послу сэру Артуру де ла Мар (Arthur de la Mare), что Сингапур был готов принять все условия британского правительства и не собирался оказывать на него давление. Я также попросил его, чтобы англичане оставили нам все имущество, которое они не собирались использовать, а не уничтожали его, как это было принято. Это улучшило бы отношение жителей Сингапура к англичанам и укрепило бы пробританские настроения в городе.

В марте 1968 года переговоры о предоставлении Великобританией помощи на сумму в 50 миллионов фунтов стерлингов были завершены. 25 % этой суммы было предоставлено в виде безвозмездной помощи, а 75 % – в виде займов. Мы истратили половину помощи на проекты по развитию экономики, а половину – на закупку британских вооружений. Англичане согласились передать нам военную верфь в Сембаванге, включая два очень ценных плавучих дока, которые британский флот мог бы легко отбуксировать в другую страну. В качестве условия правительство Сингапура обязалось передать верфь в управление фирме «Свон энд Хантер» сроком на 5 лет. Я встретился с сером Джоном Хантером (John Hunter), когда я был в Лондоне в июне 1968 года, а затем в октябре, когда я посетил его верфи в Тайнсаиде (Tyneside) после конференции лейбористской партии в Скарборо (Scarborough). Американцы, которые стремились поддерживать военно-морскую верфь в работоспособном состоянии, в январе и феврале направили бригады армейских специалистов для осмотра имевшегося оборудования. В апреле 1968 года Суй Сен сказал мне, что американцы согласились на пробное использование ремонтных верфей в Сембаванге с апреля по июнь 1968 года и были готовы заплатить за это от 4 до 5 миллионов долларов. Это весьма обнадеживало.

Конверсия военных верфей для использования в гражданских целях была успешной. Бизнес фирмы «Свон энд Хантер» процветал и на гражданской верфи в Кеппеле (Keppel), и в Сембаванге. Когда в 1978 году срок пятилетнего контракта истек, один из главных

управляющих, Нэвил Уотсон (Neville Watson), остался работать в компании «Судоверфь Сембаванг» (Sembawang Shipyard Limited), которую мы создали для управления верфью. Он стал ею руководить. Компания процветала и росла, превратившись впоследствии в «Сембкорп индастриз» (SembCorp Industries), – конгломерат, акции которого котируются на Фондовой бирже Сингапура.

Остров Блакан Мати (Blakang Mati – «позади смерти»), находившийся в гавани Сингапура, на котором размещался батальон британских гурков, стал туристским курортом Сентоса (Sentosa – «спокойствие»). Доктор Винсемиус удержал меня от того, чтобы превратить его в военный полигон, казино или построить там нефтеперерабатывающий завод, как это предлагали различные министерства. Форт Кэннинг (Fort Canning), являвшийся штаб – квартирой британской армии до того, как японцы захватили Сингапур, со всеми его туннелями и бункерами также был сохранен, а его здание было превращено в клуб. Военный аэродром Селетар (Seletar) после конверсии стал использоваться для обслуживания небольших грузовых и коммерческих самолетов. Авиабазы королевских военно-воздушных сил Чанги (Changi) были расширены и превращены в Международный аэропорт Чанги (Changi International Airport) с двумя взлетно-посадочными полосами. Военный комплекс Пасир Панджанг (Pasir Panjang) стал студенческим городком Кент Ридж (Kent Ridge) Университета Сингапура, вмещающим 25,000 студентов.

Работая спокойно и методично, Суй Сен проводил конверсию армейского недвижимого имущества, а сотрудники УЭР привлекали инвесторов со всего мира, чтобы те основывали предприятия на бывших британских военных базах. Нам повезло, что передача объектов недвижимости началась в 1968 году и закончилась к 1971 году, до того как разразился нефтяной кризис 1973 года. Мировая экономика в тот период процветала, объем международной торговли рос на 8-10 % в год, – это делало конверсию военных объектов для использования в гражданских целях более легкой.

Вывод британских войск был проведен в обстановке взаимной доброжелательности. Высвободившиеся в результате этого 30,000 рабочих были трудоустроены на промышленных предприятиях, созданных зарубежными инвесторами, которых удалось привлечь. Когда в 1971 году вывод войск был завершен, наши люди восприняли это спокойно. Никто не остался без работы, ни одно здание, ни один участок земли не остались без присмотра. Единственный оставшийся британский батальон, вместе с эскадрильей вертолетов, австралийским и новозеландским батальонами, сформировали силы ОСПД и продолжали вносить вклад в обеспечение стабильности и безопасности Сингапура.

После того как я разрешил проблемы, связанные с сокращением британских военных расходов, осенью 1968 года, я взял короткий отпуск и провел его в Гарварде (Harvard), в США. Я непрерывно работал на протяжении девяти лет и нуждался в том, чтобы «подзарядить» свои батареи, набраться новых идей и поразмышлять над будущим. Школа правительственного управления имени Кеннеди (The Kennedy School of Government) сделала меня почетным студентом и устраивала завтраки, обеды, ужины и семинары, на которых я встречался с выдающимися учеными и преподавателями. Во время этих бесед они познакомили меня с множеством интересных и полезных идей. Я многое узнал об американском обществе и экономике, разговаривая с такими преподавателями Гарвардской бизнес – школы (Harvard Business School) как профессор Рэй Вернон (Ray Vernon). Он преподавал мне ценные уроки, касавшиеся постоянных изменений в технологии, индустрии, рынка, а также пояснил мне как затраты, особенно заработная плата в трудоемких отраслях, влияют на прибыль. Именно на этой основе предприниматели из Гонконга сумели создать такую процветающую промышленность по производству тканей и швейных изделий. Они были очень предприимчивы, непрерывно изменяя дизайн изделий в соответствии с постоянно менявшейся модой. Это было бесконечное соревнование с одинаково ловкими и предприимчивыми производителями из Тайваня и Южной Кореи. Их коммерческие представители постоянно летали в США, чтобы консультироваться с покупателями в Нью-Йорке и других больших американских городах. Рэй Вернон рассеял мою былую веру в то, что отрасли промышленности изменяются постепенно и редко перемещаются из развитой страны в менее развитую. Дешевый и надежный воздушный и морской транспорт сделали возможным перемещение отраслей

промышленности в новые страны, если только их население было достаточно дисциплинированным и способным к обучению, чтобы работать на новом оборудовании, а также имелось устойчивое и эффективное правительство, которое могло поддерживать стабильные условия работы для иностранных предпринимателей.

Во время моего первого официального визита в Америку в октябре 1967 года, на деловым завтраке в Чикаго, на котором присутствовало примерно 50 деловых людей, я рассказал о том, как Сингапур вырос из деревни, в которой в 1819 году проживало 120 рыбаков, в город с двухмиллионным населением. Мы добились этого, потому что нашим кредо было: либо производить товары и оказывать услуги дешевле и лучше, чем кто-либо другой, либо погибнуть. Я произвел на них благоприятное впечатление, потому что я не протягивал руку за помощью, к чему они привыкли, общаясь с лидерами других независимых стран. Я обратил внимание на их благосклонную реакцию.

В ноябре 1968 года я поехал в Нью-Йорк, чтобы произнести речь перед примерно 800 высшими представителями делового мира в Экономическом клубе Нью-Йорка (Economic Club of New York). Мой анализ проблем Сингапура и региона, возникших в результате войны во Вьетнаме, был хорошо воспринят. Я изо всех сил старался дать трезвый, но оптимистичный анализ ситуации. Я отвечал на их трудные вопросы искренне и непосредственно. Некоторые руководители написали мне письма, чтобы поздравить меня с успешным выступлением. Начиная с того вечера Чан Чин Бок (Chan Chin Bok), руководитель представительства УЭР в Нью-Йорке, обнаружил, что ему стало намного легче получить доступ к высшим руководителям делового мира США. Впоследствии, во время моих визитов в Америку он организовывал для меня встречи с 20–50 управляющими американских компаний. Обычная повестка такой встречи включала в себя аперитив за завтраком, беседу за столом с руководителями крупных компаний, а затем двадцатиминутную речь, после чего я отвечал на вопросы. Чин Бок объяснил мне, что большинство высших управляющих американских компаний не имело времени для того, чтобы посетить Сингапур, но они хотели бы увидеть и оценить человека, который находился во главе государства, перед тем как основать фабрику в Сингапуре. Мои встречи были продуктивны, потому что Винсемиус разъяснил мне образ их мышления. Его сын работал в большой американской консультативной фирме и хорошо знал, как американцы подходили к оценке делового риска. Их привлекали политическая, экономическая и финансовая стабильность, нормальные трудовые отношения. Наличие этих факторов убедило бы их, что в работе предприятий, снабжавших их клиентуру и компании во всем мире, не будет никаких перебоев.

В декабре того же года я встретился с другой группой американских предпринимателей в Американском Дальневосточном совете (Far East American Council). Первоначально планировалось, что на встрече будет присутствовать только 100 деловых людей. Но после того ужина в Нью-Йорке распространилось мнение, что меня стоило послушать и встречи со мной стоило посещать. В результате число присутствовавших увеличилось до двухсот. В отчете правительству я жаловался: «Есть и одновременно говорить во время обеда, не разрешая себе выпить, чтобы не потерять остроту мышления – довольно сложно, но это та цена, которую мы платим, чтобы получить американские инвестиции».

После нескольких лет проб и ошибок, зачастую обескураживающих, мы пришли к выводу, что наилучшим выходом для нас было бы привлечение в Сингапур американских многонациональных корпораций (МНК). Когда в 60-ых годах на сингапурский рынок пришли предприниматели из Гонконга и Тайваня, они принесли с собой такие достаточно простые технологии как производство тканей и игрушек. Эти производства являлись трудоемкими, но не крупномасштабными. Американские МНК принесли бы с собой высокие технологии, использовавшиеся в крупномасштабных производствах, и создали бы множество рабочих мест. Американцы имели вес и обладали уверенностью в своих силах. Они полагали, что правительство США намерено сохранять американское присутствие в Юго-Восточной Азии, и их бизнес будет, таким образом, защищен от возможной конфискации или потерь в результате военных действий.

Постепенно мои идеи оформились в рамках двуединой стратегии, направленной на преодоление наших недостатков. Во-первых, нам следовало выйти за пределы нашего региона,

как это сделал до нас Израиль. Эта идея возникла в ходе обсуждения с экспертом Программы развития ООН, который посетил Сингапур в 1962 году. В 1964 году, во время моего турне по Африке, я снова встретил его в Малави. Он рассказал мне, как израильяне, столкнувшись с еще более враждебным окружением, чем мы, сумели обойти эти трудности и начали торговать со странами Европы и Америкой в обход своих арабских соседей, которые бойкотировали их. Так как наши соседи в перспективе собирались сократить свои экономические связи с Сингапуром, мы должны были наладить связи с развитыми странами: Америкой, Европой, Японией, – привлекать их производителей для создания предприятий в Сингапуре и последующего экспорта своей продукции в развитые страны.

Общепринятой мудростью экономистов того времени было то, что МНК являлись эксплуататорами дешевой земли, труда и сырья. Эта «школа зависимости» доказывала, что МНК продолжали политику колониальной эксплуатации, которая обрекала развивающиеся страны продавать сырье развитым странам и закупать у них товары. МНК контролировали технологию и вкусы потребителей в своих странах и формировали союзы с правительствами развивающихся стран, чтобы эксплуатировать народы и держать их в отсталости. Многие лидеры стран «третьего мира» верили этой теории колониальной эксплуатации, но Кен Сви и меня она не впечатляла. Мы должны были решать насущные проблемы страны и не могли позволить себе быть опутанными какими-то теориями или догмами. В любом случае, каких-либо природных ресурсов, которые МНК могли бы эксплуатировать, в Сингапуре не было. Все, что у нас было, – это трудолюбивые люди, хорошая базовая инфраструктура и правительство, которое решило быть честным и компетентным. Нашим долгом было обеспечить два миллиона жителей Сингапура средствами к существованию, и если МНК могли обеспечить нашим рабочим занятость и научить их техническим, инженерным и управленческим навыкам, значит, нам следовало иметь дело с МНК.

Второй частью моей стратегии было создание оазиса «первого мира» в регионе «третьего мира». Это было чем-то таким, чего не смог добиться и Израиль, потому что он находился в состоянии войны со своими соседями. Если бы Сингапур смог выйти на уровень принятых в странах «первого мира» стандартов общественной и личной безопасности, здравоохранения, образования, телекоммуникаций, транспорта и обслуживания, то он стал бы базовым лагерем для предпринимателей и инженеров, менеджеров и других профессионалов, которые собирались заняться бизнесом в нашем регионе. Но это означало, что мы должны были обучить наших людей, обеспечить их всем необходимым для того, чтобы они смогли достичь стандартов обслуживания, принятых в развитых странах. Я полагал, что это было возможно, что мы могли перевоспитать, переориентировать людей с помощью школ, профсоюзов, общественных центров и организаций. Если коммунисты в Китае смогли уничтожить всех мух и воробьев, то мы тем более сумели бы заставить наших людей изменить привычки жителей стран «третьего мира».

В борьбе за выживание мы руководствовались простым принципом: Сингапур должен был стать более организованным, более эффективным и более энергичным, чем другие страны региона. Если бы мы были просто так же хороши, как наши соседи, у предпринимателей не было бы никаких оснований для того, чтобы обосноваться в Сингапуре. Мы должны были создать для инвесторов возможности работать в Сингапуре успешно и прибыльно, несмотря на отсутствие внутреннего рынка и природных ресурсов.

В августе 1961 года мы образовали Управление экономического развития (УЭР). Винсемиус рекомендовал создать его так, чтобы инвесторы имели дело с одним агентством, а не с большим числом отделов, департаментов и министерств. Это агентство должно было решать все проблемы, возникавшие у инвесторов, – будь-то земельные вопросы, снабжение электроэнергией и водой или охрана окружающей среды и обеспечение безопасности труда. В течение нескольких первых месяцев работы УЭР использовало экспертов Программы развития ООН и Международной Организации Труда (МОТ – International Labour Office), чтобы справиться с этой задачей. Главные усилия УЭР были направлены на привлечение инвестиций в четыре основные отрасли промышленности, которые Винсемиус рекомендовал в своем отчете: разборка и ремонт кораблей, машиностроение, химическая промышленность, производство электрооборудования и приборов.

Кен Сви выбрал Хон Суй Сена первым председателем УЭР, он также предоставил ему право выбрать себе наших лучших выпускников и ученых, возвращавшихся из Англии, Канады, Австралии и Новой Зеландии. Суй Сен – спокойный человек и выдающийся администратор – обладал удивительной способностью вдохновлять этих молодых людей и добиваться от каждого из них наилучших результатов в соответствии с их способностями. Он сформировал особую культуру, присущую УЭР: энтузиазм, изобретательность, которую они проявляли, чтобы преодолевать препятствия, высокую мораль. Это позволяло его сотрудникам привлекать инвестиции и создавать рабочие места. Он сделал УЭР настолько большим и эффективным учреждением, что ему пришлось, со временем, выделить из состава учреждения два независимых агентства, превратив отдел промышленного развития в «Джуронг таун корпорэйшен» (Jurong Town Corporation), а отдел развития финансов – в «Дэвэллопмэнт бэнк оф Сингапур» (Development Bank of Singapore). Обе новые организации вскоре стали лидерами в своих сферах деятельности. Банк помогал финансировать наших предпринимателей, которым был необходим капитал, потому что наши старые банки не обладали опытом работы за пределами сферы финансирования торговых операций, были слишком консервативными, не желая одалживать деньги потенциальным производителям.

Чтобы заинтересовать иностранных инвесторов возможностями ведения бизнеса в Сингапуре, убедить их прислать сюда свои миссии и лично убедиться в этом, чиновникам УЭР пришлось хорошенько потрудиться. Поначалу, когда Чин Бок посещал офисы МНК, их управляющие не всегда даже знали, где находится Сингапур, так что ему приходилось показывать им на глобусах небольшую точку на крайней оконечности Малайского полуострова в Юго-Восточной Азии. Служащим УЭР иногда приходилось посетить 40–50 компаний, пока одна из них направляла свою миссию в Сингапур. Они работали с неистощимой энергией, потому что чувствовали, что от них зависело выживание Сингапура. Нгиам Тон Доу (Ngiam Tong Dow), молодой директор УЭР, а позднее – постоянный секретарь министерства торговли и промышленности, запомнил, как Кен Сви однажды сказал ему, что каждый раз, когда он ехал к себе домой мимо школы и видел сотни детей, выходявших из ее дверей, он чувствовал себя очень грустно, задаваясь вопросом, как создать рабочие места для выпускников школ.

Служащие УЭР разделяли взгляды своих руководителей – министров, проявляя готовность учиться у кого угодно и принять любую помощь, от кого бы она ни исходила. Им очень помогало их образование. От англичан мы унаследовали английский язык и приняли его в качестве рабочего языка. Трое членов этой дееспособной команды УЭР позднее стали министрами правительства: С. Данабалан, Ли Ек Суан, Е Чеу Тон (S. Dhanabalan, Lee Yock Suan, Yeo Cheow Tong). Несколько служащих, включая Джо Пили (Joe Pillay) и Нгиам Тон Доу, стали просто выдающимися секретарями министерств. Кроме того, Пили был управляющим авиакомпания «Сингапур эйрлайнз» (Singapore Airlines), где его финансовые и деловые навыки позволили превратить авиакомпанию в наиболее прибыльную в Азии, а Нгиам стал председателем правления «Дэвэллопмэнт бэнк оф Сингапур».

В качестве экономического советника Винсемиус играл критически важную роль, работая с нами на протяжении 23 лет, вплоть до 1984 года. Он посещал Сингапур два раза в год, каждый визит длился около трех недель. Мы оплачивали только его авиабилеты и счета за гостиницы в Сингапуре. Чтобы держать его в курсе событий, я посылал ему регулярные отчеты и ежедневные выпуски газеты «Стрэйтс таймс» (Straits Times). Обычно он проводил первую неделю в Сингапуре в дискуссиях с нашими официальными лицами, следующую неделю – встречаясь с управляющими МНК и некоторых сингапурских компаний, а также с лидерами Национального конгресса профессиональных союзов (НКПС – National Trades Union Congress). Он предоставлял свой отчет и рекомендации министру финансов и мне, затем мы обычно устраивали деловой обед, на котором присутствовали только он и я. Управляющие МНК скоро поняли ценность контактов с ним и свободно обсуждали с Винсемиусом свои проблемы: избыточное регулирование со стороны правительства, растущий курс сингапурского доллара, слишком высокую текучесть кадров, слишком суровые ограничения на привлечение иностранных рабочих и так далее. Винсемиус был прагматиком, смотрел на вещи практически, имел отличную память на цифры и умел решать вопросы с официальными лицами, не отвлекаясь на ненужные детали. Самым же ценным в нем было то, что он был мудр и

осторожен, многому меня научил, в особенности тому, как мыслили и работали руководители европейских и американских компаний.

В перерывах между посещениями Сингапура он встречался со мной всякий раз, когда я посещал Лондон, Париж, Брюссель или Амстердам. Для этого ему приходилось мириться с одним затруднением: он был заядлым курильщиком, а у меня была аллергия на табачный дым, так что всякий раз наш деловой обед представлял для него серьезное испытание. Всегда, когда было возможно, завтрак или обед подавали на открытой террасе, что позволяло ему курить. Он хорошо говорил по-английски, хотя не всегда грамматически верно и с заметным голландским акцентом. У него был глубокий гортанный голос, мясистое лицо с покрытым глубокими морщинами лбом, зачесанные назад волосы, он носил очки в роговой оправе. Как-то он сказал мне, что чувствовал какую-то духовную близость со мной и Суй Сеном, отметив, что единственное, что он мог предположить по этому поводу – это близость философии конфуцианства и кальвинизма. Как бы там ни было, Сингапуру очень повезло, что нам пришлось работать именно с ним.

Ключевую роль в привлечении инвестиций играло правительство. Мы создавали инфраструктуру и хорошо спланированные промзоны, предоставляли финансы для развития промышленности, налоговые и экспортные льготы. Наиболее важным было проведение разумной макроэкономической политики и установление хороших отношений в трудовой сфере, – то есть создание тех основ, которые позволяют работать частному предприятию. Самым большим проектом по созданию инфраструктуры было строительство промышленной зоны Джуронг, которая, в конечном итоге, заняла площадь в 9,000 акров (3,600 га), на которой были проложены дороги, канализация, дренаж, линии электро-, газо- и водоснабжения. Начало было медленным. К 1961 году мы выдали предпринимателям всего 12 сертификатов на право работы в этой зоне, (а в течение 1963–1965 годов, когда Сингапур был в составе Малайзии, центральное правительство в Куала-Лумпуре не выдало ни одного сертификата). В качестве министра финансов, Кен Сви обычно присутствовал на церемонии закладки фундамента, а потом – на церемонии открытия фабрики. Таким образом, каждая фабрика создавала две возможности для рекламы. Он не упускал случая посетить даже самую маленькую фабрику с горсткой работников, например, фабрику по производству нафталиновых шариков. Когда промзона Джуронг в основном пустовала, люди прозвали ее районом «Безумный Го» (Goh's Folly), и сам Го Кен Сви впоследствии, после того как инвестиции потекли в эту промышленную зону рекой, любил вспоминать это название. Правда, когда Джуронг пустовал, Кен Сви не проявлял такого самоуничижения.

Тем не менее, к концу 1970 года мы выдали 390 сертификатов, предоставлявших инвесторам право на освобождение от налогов сроком на 5 лет, который был продлен до 10 лет для тех, кому сертификаты были выданы после 1975 года. Джуронг гудел от деловой активности, как улей. Перелом произошел в октябре 1968 года, после визита делегации компании «Тэксас инструментс» (Texas Instruments). Американцы хотели основать здесь предприятие по производству полупроводников, что в то время считалось высокотехнологичным производством, и обещали начать производство в течение 50 дней после принятия решения. За ними по пятам последовала компания «Нэшенэл сэмикондактор» (National Semiconductor).

Вскоре после этого их конкуренты, компания «Хьюллет – Паккард», прислала своего «разведчика». Служащий УЭР работал с ним день и ночь, немедленно предоставляя любую информацию, в которой тот нуждался и не отстал от него до тех пор, пока он все-таки согласился посетить Сингапур, чтобы самому посмотреть все на месте. На него, как и на представителей «Тэксас инструментс», Сингапур произвел хорошее впечатление. К нему был приставлен руководитель проекта УЭР, который заботился о делегации, так что все было организовано быстро и удобно. Когда представители компании «Хьюллет – Паккард» вели переговоры о строительстве фабрики, они решили первоначально взять в аренду два верхних этажа шестиэтажного здания. Лифт для подъема большого технического оборудования нуждался в трансформаторе, которого у нас к моменту визита самого господина Хьюлетта не было. Вместо того чтобы заставить его подниматься на шестой этаж пешком, сотрудники УЭР проложили огромный кабель из соседнего здания, и в день его визита лифт работал. «Хьюллет –

Паккард» основал предприятие в Сингапуре.

Истории, подобные этой, распространились среди американских производителей электроники, и вскоре другие компании по производству электроники последовали за ними. В этот период в Китае бушевала маоистская «культурная революция». Большинство инвесторов считало, что Тайвань и Гонконг находились слишком близко от Китая, и устремились в Сингапур. Мы приветствовали каждого инвестора, но, когда мы находили большого инвестора с потенциалом для серьезного роста, мы просто из шкуры лезли, чтобы помочь ему начать производство.

К 70-ым годам отчеты о Сингапуре появились в американских журналах, включая «Ю.С. ньюз энд уорлд рипорт», «Харперз» и «Тайм» (US News and World Report, Harper's, Time). В 1970 году компания «Дженерал электрик» (General Electric), основала в Сингапуре шесть различных предприятий по производству электрических и электронных изделий, предохранителей, электродвигателей. В 70-ых годах эта компания стала самым большим работодателем в Сингапуре. Американские МНК заложили фундамент развития масштабной, высокотехнологичной электронной промышленности Сингапура. Тогда мы еще не знали, что электронная промышленность позволит Сингапуру преодолеть проблему безработицы, а в 80-ых годах превратит его в крупного экспортера электроники. Позже они стали расширять свое производство в Малайзии и Таиланде.

Посещавшие Сингапур управляющие обычно звонили мне, прежде чем принять решение об инвестировании средств. Я считал, что лучший способ убедить их принять такое решение состоял в том, чтобы сделать дорогу от аэропорта до гостиницы, и от гостиницы до моего офиса чистой, элегантной, обсаженной деревьями и кустами. Прибывая в центральный район Истана, они видели прямо в центре города зеленый оазис – 90 акров (36 гектаров) безупречных лужаек и кустарника, а между ними – поле для игры в гольф. Безо всяких слов они уже знали, что сингапурцы – люди компетентные, дисциплинированные, надежные, способные быстро обучиться тем навыкам, которые от них требовались. Вскоре объем американских инвестиций превысил объем английских, голландских и японских капиталовложений.

С тех пор как мы пришли к власти в 1959 году, нам приходилось бороться с безработицей: в Сингапуре было слишком много молодых людей, искавших работу, которой не было. Но в 1971 году, когда англичане закончили вывод своих войск, я почувствовал, что худшее – позади. Число безработных не увеличилось, хотя из-за ухода англичан потеряли работу 30,000 человек, непосредственно работавших у них, и еще 40,000 человек, работавших в сфере обслуживания.

Американские компании по производству электроники создали так много рабочих мест, что безработица больше не являлась проблемой. Но после этого, в результате арабо-израильской войны 1973 года, на нас внезапно обрушилось нефтяное эмбарго, которое привело к увеличению цен на нефть в четыре раза и больно ударило по мировой экономике. Мы убеждали наших людей экономить энергию, уменьшить потребление топлива и электричества. Нам пришлось затянуть пояса, но это не привело к особым лишениям. Экономический рост значительно замедлился: с 13 % в 1972 году до 4 % в 1975 году, а инфляция выросла – с 2.1 % в 1972 году до 22 % в 1974 году. К счастью, мы не понесли значительных потерь в сфере занятости, – уровень безработицы остался на уровне 4.5 %.

Когда в 1975 году экономический рост возобновился, мы смогли позволить себе стать уже более разборчивыми в деле привлечения инвестиций. Когда служащий УЭР спросил, как долго нам придется сохранять протекционистские тарифы для сборочного автозавода, которым владела местная компания, то финансовый директор компании «Мерседес-Бенц» (Mercedes-Benz) резко ответил: «Всегда». Он так считал, ибо наши рабочие были не столь производительны, как немецкие. Мы без колебаний отменили тарифы, и позволили заводу обанкротиться. Вскоре после этого мы также постепенно начали отменять тарифы, защищавшие предприятия по сборке холодильников, кондиционеров, телевизоров, радиооборудования и других потребительских электротоваров и электронных изделий.

К концу 70-ых годов старые проблемы безработицы и нехватки инвестиций остались позади. Новой проблемой было улучшение качества новых инвестиций, а с ними – образования и квалификации наших рабочих. Мы нашли новые рынки в Америке, Европе и Японии. Современные средства коммуникаций и транспорта позволили нам наладить связи с этими

когда – то далекими странами.

В 1997 году в Сингапуре работало более 200 американских компаний, инвестировавших более 19 миллиардов сингапурских долларов. Они не только были нашими самыми крупными иностранными инвесторами, но также постоянно повышали уровень технологии и производимой продукции. Это сокращало их затраты на рабочую силу и позволяло платить более высокую зарплату, сохраняя конкурентоспособность.

По сравнению с британскими и голландскими капиталовложениями, объем японских инвестиций в 60-ых – 70-ых годах был невелик. Я упорно старался привлечь японцев вкладывать деньги в Сингапуре, но они не перемещали производство в страны Юго-Восточной Азии, чтобы производить там товары на экспорт. В 60-ых и 70-ых годах японцы вкладывали капитал за границей только для того, чтобы продавать товары на внутренних рынках этих стран, и не вкладывали значительных капиталов в Сингапуре из-за малых размеров нашего внутреннего рынка. Тем не менее, впоследствии успехи американских МНК побудили японцев производить товары в Сингапуре для экспорта в США, потом в Европу, а еще позже – и в саму Японию. Китай открыл свою экономику в 70-ых годах, и японские инвестиции начали просачиваться и туда. Когда в 1985 году, в результате «Соглашения Плаза» (Plaza Accord – соглашение ведущих капиталистических стран о повышении курса иены для уменьшения торгового дисбаланса) курс японской иены по отношению ко всем остальным валютам значительно вырос, японские производители стали перемещать свои фабрики с технологией средней сложности на Тайвань, в Корею, Гонконг и Сингапур, а фабрики с низким уровнем технологии – в Индонезию, Таиланд и Малайзию. Когда они обнаружили, что их инвестиции в этих странах давали более высокую отдачу, чем инвестиции в Америке и Европе, Восточная Азия стала основным регионом инвестиционной деятельности японцев. К середине 90-ых годов японцы стали самыми крупными инвесторами в производственную сферу в странах Восточной Азии.

Нашими первыми инвесторами были англичане. После того, как британские войска были выведены из Сингапура, многие английские компании тоже уехали. Я очень старался заставить их вкладывать капитал, но они страдали от синдрома разрушения империи и возвращались домой, хотя там, из-за проблем в отношениях с профсоюзами уровень производительности труда был невысок. Только в конце 70-ых годов, после того как Сингапур показал, на что он способен, англичане стали всерьез возвращаться сюда, но на этот раз не для ведения торговли и обработки сырья, а для производства таких высокотехнологичных изделий как лекарства. Компания «Бичем фармасютикалс» (Beecham Pharmaceuticals) основала в Сингапуре технологически передовое предприятие по производству и продаже синтетического пенициллина на азиатском рынке, особенно в Японии.

Англичане, голландцы и французы были первыми, кто прибыл в Юго-Восточную Азию и включил эти страны в мировую экономическую систему, сделав их частью своих империй. Тем не менее, эти бывшие колониальные державы медленно приспосабливались к новым торговым и инвестиционным реалиям пост-колониальной эры, и оставленные и распаханые ими поля были засеяны американцами и японцами.

Несколько инвестировавших в Сингапуре известных МНК стали жертвами международной реструктуризации производства, технических открытий или изменений на рынке. Сотрудники УЭР несколько лет убеждали немецкую компанию по производству фотоаппаратов «Роллей» (Rollei) переместить свое производство в Сингапур. Наконец, это удалось сделать, ибо высокая заработная плата в Германии сделала камеры «Роллей» неконкурентоспособными. Я посетил заводы «Роллей» в Брунсвике (Brunswick) в 1970 году, непосредственно перед тем, как компания стала перемещать свое производство в Сингапур, планируя изготавливать там фотоаппараты, фотовспышки, проекторы, линзы и затворы, а также производить фотоаппараты иных известных немецких марок. Совместно с УЭР компания «Роллей» основала центр обучения рабочих по специальностям, необходимым для производства точной механики, точной оптики, инструментов и электромеханических изделий. Компания «Роллей – Сингапур» производила превосходные аппараты, но из-за изменений в технологии и на рынке продавались они плохо. Исследовательский центр фирмы находился в Германии, а производственная база – в Сингапуре, что ухудшало планирование и координацию

между ними. Предприятие концентрировалось на исследованиях и разработке новых моделей профессионального фотооборудования, которое являлось медленно развивавшимся сектором рынка, в то время как японцы занялись производством более простых фотоаппаратов с видоискателями, автофокусом, автоматическим наведением резкости, что стало возможным в результате применения компьютерных микросхем, которые немцы внедряли очень медленно. 11 лет спустя фирма «Роллей» обанкротилась и в Германии, и в Сингапуре.

Неудача этой компании была большим ударом для Сингапура, потому что европейские инвесторы интерпретировали ее как неудачу в передаче технологии из Европы в Сингапур. УЭР пришлось нелегко, объясняя инвесторам, что неудача фирмы «Роллей» была вызвана изменениями на рынке и в технологии. Единственным утешением было то, что 14,000 рабочих, получивших подготовку в области точной механики, стали кадровым фундаментом для организации промышленности по производству компьютерных дисководов, которая переместилась в Сингапур в 70-ых годах.

УЭР был нашим основным органом по привлечению устойчивого потока иностранных инвестиций во все более высокотехнологичные сферы. Это позволило Сингапуру оставаться конкурентоспособным, несмотря на рост заработной платы и других затрат. В УЭР по-прежнему работают наиболее способные выпускники университетов, особенно из числа получивших образование в Америке, Великобритании и Европе. Нынешний председатель УЭР Филипп Ео (Philip Yeo) хорошо известен руководителям МНК в качестве энергичного и надежного человека, способного выполнить все данные УЭР обещания.

Оглядываясь назад, я могу утверждать, что наше экономическое развитие и индустриализация протекали успешно, потому мы занимались планированием. Наши ранние планы были основаны на предположении о сохранении общего рынка с Малайзией. Например, компания «Гиннес» (Guinness) уже оплатила депозит за участок в Джуронге для строительства пивоваренного завода, когда Тан Сю Син, министр финансов Малайзии, заявил председателю компании «Гиннес» Алану Ленокс-Бойду (Alan Lennox-Boyd), что он не позволит импортировать в Малайзию ни одной бутылки пива. Тогда Ленокс-Бойд решил построить пивоварню в Куала-Лумпуре и предложил нам оставить его депозит. Мы вернули ему депозит. Несколько лет спустя мы «вернули долг» Тан Сю Сину, отказавшись уменьшить налог на импорт пива из Малайзии. «Гиннес» основал фабрику в Сингапуре, чтобы производить пиво по лицензии.

В большинстве случаев наш выбор инвесторов был удачен. Некоторые из них: предприятия по восстановлению и ремонту судов, нефтепереработке и нефтехимии, банки и финансовые компании, – были подобраны УЭР, Суй Сеном, нашим министром финансов, или мною лично. Наше министерство торговли и промышленности также полагало, что нам следовало вкладывать средства в области, где были возможны технологические прорывы: биотехнологию, компьютерную индустрию, производство специальных химикатов, коммуникационного оборудования, сферу услуг. Но когда мы не были уверены в том, каковы будут результаты новых исследований, мы старались диверсифицировать риск.

Наша работа заключалась в планировании, постановке крупных экономических задач на длительный период времени, в течение которого мы могли их достичь. Мы регулярно рассматривали планы и корректировали их по мере того, как менялась ситуация. Чтобы удовлетворить потребности предпринимателей, планирование развития инфраструктуры, обучения и подготовки рабочих должно было осуществляться за многие годы до того, как в них возникала нужда. Мы не располагали прослойкой готовых предпринимателей, как Гонконг, куда китайские промышленники и банкиры прибыли, спасаясь бегством из Шанхая, Кантона и других городов, захваченных коммунистами. Если бы мы ждали, пока наши торговцы выучатся и дорастут до того, чтобы стать промышленниками, мы бы умерли с голоду. Совершенно абсурдным являлось предположение наших критиков, высказанное в 90-ых годах, что, если бы мы вырастили собственных предпринимателей, то меньше зависели бы от безжалостных МНК. Даже тот опыт, который принесли в Гонконг китайские беженцы, не позволил им поднять технологический уровень производства до уровня предприятий МНК в Сингапуре.

Правительство взяло на себя инициативу основания новых отраслей: сталелитейной (National Iron and Steel Mills), паровой компании «Нептун ориент лайнз» (НОЛ – Neptun

Orient Lines), авиакомпания «Сингапур эйрлайнз». Два наших министра проявили себя в качестве потрясающе разносторонних людей. Хон Суй Сен основал «Дэвэлупмэнт бэнк оф Сингапур», «Страховую корпорацию Сингапура» (The Insurance Corporation of Singapore) и «Сингапурскую нефтяную компанию» (Singapore Petroleum Company). Го Кен Сви основал наше пароходство (НОЛ) и, через правительство Пакистана, нанял капитана М. Дж. Саида (M.J.Sayeed), чтобы начать операции. С помощью австралийского эксперта в производстве артиллерийских систем сэра Лоренса Хартнета (Sir Lawrence Hartnett), Кен Сви основал наш монетный двор – «Чартэд индастриз оф Сингапур» (Chartered Industries of Singapore) – и фабрику по производству боеприпасов, которые размещались вместе, так как оба производства предъявляли высокие требования к обеспечению безопасности и наличию хорошего инструментального производства. Под руководством практичного и находчивого директора Он Ка Кока (Ong Kah Kok) предприятие успешно развивалось. Молодой постоянный секретарь правительства, а впоследствии – председатель УЭР Филипп Ео вскоре взял руководство этим предприятием на себя и основал на нем новые производства, которые потом привели к созданию высокотехнологичной компании «Сингапур тэкнолоджиз» (Singapore Technologies). Эта компания также основала совместные предприятия по производству микросхем с ведущими МНК.

Мы верили в наших молодых служащих, в их честность, интеллект, энергию, пусть даже и при полном отсутствии делового опыта. Из каждого выпуска мы отбирали и посылали лучших выпускников наших школ в лучшие университеты Великобритании, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Германии, Франции, Италии, Японии, а впоследствии, когда у нас появились средства, – США. Мы вырастили из них наших собственных предпринимателей, чтобы основать такие преуспевающие компании как «Нептун ориент лайнз» и «Сингапур эйрлайнз». Я боялся, что эти предприятия превратятся в убыточные, субсидируемые, национализированные корпорации, как это случилось во многих молодых независимых государствах. Тем не менее, Суй Сен, который знал своих молодых сотрудников, убедил меня, что успех был возможен, и что они вполне могли конкурировать с другими компаниями. Он также дал прямо и ясно понять, что эти предприятия либо должны были стать прибыльными, либо должны были быть закрыты. И Кен Сви, и Ким Сан, с которыми я обсуждал эти смелые планы, считали, что нам стоило рисковать, учитывая дефицит предпринимателей. Я полагался на суждения Суй Сена, который осуществлял отбор служащих для этих компаний. И компании преуспели. В результате этого было основано множество новых компаний под эгидой министров и соответствующих министерств. Когда и эти компании оказались преуспевающими, мы превратили такие государственные монополии, как «Паблик ютилитиз боард» (Public Utilities Board), «Порт оф Сингапур осорити» (Port of Singapore Authority) и «Сингапур телеком» (Singapore Telecom) в самостоятельные компании, свободные от министерского контроля. Они управлялись как частные, эффективные, конкурентоспособные и прибыльные предприятия.

Ключом к успеху являлось качество людей, отвечавших за дело. Не все наши высшие администраторы обладали деловой хваткой, но у некоторых она была. Компания «Нэшенэл айрон энд стил милз» (National Iron and Steel Mills), директором которой являлся Хау Юн Чон (Howe Yoon Chong), «Кеппел корпорэйшен» (Keppel Corporation) – директор Сим Ки Бун (Sim Kee Boon) и «Сингапур эйрлайнз» – директор Джо Пилэй (Joe Pillay), – заняли ведущее место на Фондовой бирже Сингапура (Singapore Stock Exchange). Когда авиакомпания «Сингапур эйрлайнз» была приватизирована, нам было очень сложно найти руководителей высшего ранга, чтобы заменить Джо Пилэй, – таким острым был дефицит предпринимателей.

Если бы я должен был описать одним словом, почему Сингапур преуспел, то этим словом было бы «доверие» (confidence). Именно доверие к нам позволяло иностранным инвесторам основывать свои фабрики и нефтеперегонные заводы в Сингапуре. Через несколько дней после начала нефтяного кризиса в октябре 1973 года, я решил подать ясный сигнал нефтяным компаниям, что мы не станем требовать никаких специальных привилегий в отношении запасов нефти, которые они имели на нефтеперегонных заводах в Сингапуре. Если бы мы блокировали те запасы нефти, которые они имели в Сингапуре, то нам хватило бы ее для обеспечения собственных нужд на протяжении двух лет. Но это показало бы, что мы являлись ненадежными партнерами. 10 ноября 1973 года я встретился с руководителями и управляющими всех

нефтеперегонных заводов: «Шелл», «Мобил», «Эссо», «Сингапур петролеум», «Бритиш петролеум» (Shell, Mobil, Esso, Singapore Petroleum, British Petroleum). Я публично заверил их, что Сингапур был готов урезать свою квоту потребления в той же степени, в какой они собирались урезать ее для своих клиентов в других странах. Их клиенты находились в государствах, расположенных далеко друг от друга: на Аляске, в Австралии, Японии, Новой Зеландии, – не говоря уже о государствах нашего региона.

Это решение повысило доверие к правительству Сингапура, ибо в наших долгосрочных интересах было стать надежным местом для нефтяного и иного бизнеса. В результате, нефтяная промышленность Сингапура значительно расширилась, в конце 70-ых годов в городе начала развиваться нефтехимия. К началу 90-ых годов, располагая предприятиями по переработке нефти общей мощностью 1.2 миллиона баррелей в день, Сингапур стал третьим крупнейшим мировым центром нефтепереработки после Хьюстона (Houston) и Роттердама (Rotterdam); третьим крупнейшим мировым центром торговли нефтью после Нью-Йорка и Лондона; самым большим в мире центром торговли мазутом. Сингапур также является крупным центром нефтехимии.

Чтобы преодолеть опасения инвесторов относительно качества нашей рабочей силы, я попросил японцев, немцев, французов и голландцев основать в Сингапуре собственные центры по подготовке наших технических специалистов, в которых обучение проводилось бы их собственными инструкторами. Некоторые центры финансировались правительством, другие были созданы совместно с такими корпорациями как «Филипс», «Роллей» и «Тата» (Tata). В течение 4–6 месяцев обучения рабочие, проходившие подготовку в условиях, близких к производству, могли ознакомиться с системой работы и культурой других наций, так что компании охотно принимали их на работу. Эти центры обучения стали полезными еще и потому, что они помогали инвесторам сравнить уровень подготовки наших рабочих с рабочими из других стран, что способствовало повышению стандартов подготовки рабочих в Сингапуре.

Глава 5. Создание финансового центра

Любого, кто в 1965 году, когда мы отделились от Малайзии, предположил бы, что Сингапур станет крупным финансовым центром, посчитали бы безумцем. Откуда же взялись эти сверкающие современные здания в центре города с размещившимися в них банками, связанными компьютерными сетями с Лондоном, Нью-Йорком, Токио, Франкфуртом, Гонконгом и другими важнейшими финансовыми центрами?

Начало этой истории было неправдоподобным. Доктор Винсемиус вспоминает, как в 1968 году он позвонил своему другу, вице-президенту сингапурского отделения «Бэнка оф Америка» (Bank of America), который был тогда в Лондоне: «Господин Ван Онен (Van Oenen), мы (Сингапур) хотим в пределах следующих 10 лет стать финансовым центром Юго-Восточной Азии». Ван Онен ответил: «Хорошо, приезжайте в Лондон. Вы сможете добиться этого в течение 5 лет». Винсемиус немедленно выехал в Лондон, где Ван Онен подвел его к большому глобусу, стоявшему в зале заседаний, и сказал: «Взгляните: финансовый мир начинается в Цюрихе. Банки Цюриха открываются в 9:00 утра, чуть позже открываются банки во Франкфурте, еще позже – в Лондоне. После обеда банки в Цюрихе закрываются, затем закрываются банки во Франкфурте и в Лондоне. В это время банки в Нью-Йорке еще открыты. Таким образом, Лондон направляет финансовые потоки в Нью-Йорк. К тому времени, когда после обеда закроются нью-йоркские банки, они уже переведут финансовые потоки в Сан-Франциско. К тому времени как закроются банки в Сан-Франциско, до 9:00 утра швейцарского времени, когда откроются швейцарские банки, в финансовом мире ничего не происходит. Если мы расположим Сингапур посередине, то, до закрытия банков в Сан-Франциско, Сингапур сможет принять от них эстафету, а когда закроются банки в Сингапуре, они смогут перевести финансовые потоки в Цюрих. Таким образом, впервые в истории, станет возможным глобальное круглосуточное банковское обслуживание». По просьбе Винсемиуса Ван Онен изложил свои соображения на бумаге и послал Хон Суй Сену, председателю УЭР, игравшему роль связного между Винсемиусом и мной. Суй Сен встретился со мной, чтобы предложить полностью отменить контроль и ограничения на операции с

иностранной валютой, осуществлявшиеся между Сингапуром и государствами, лежащими за пределами «стерлинговой зоны». Мы все еще были частью «стерлинговой зоны», и это требовало от нас осуществления валютного контроля. Суй Сен обсудил с представителем «Бэнк оф Ингланд» (Bank of England) возможность перехода к использованию Сингапуром корзины иностранных валют, наподобие Гонконга, что позволило бы нам участвовать в операциях на рынке «азиатских долларов». Ему ответили, что использование такой системы в Гонконге было обусловлено историческими причинами, и что в этом случае Сингапуру, возможно, пришлось бы покинуть «стерлинговую зону». Я решил, что такой риск был оправдан и дал распоряжение Суй Сену приступить к делу. «Бэнк оф Ингланд» не настаивал на нашем выходе из «стерлинговой зоны», но, в любом случае, через 4 года Великобритания вынуждена была ликвидировать ее.

В отличие от Гонконга, Сингапур не мог ни опереться на репутацию лондонского Сити, признанного финансового центра с многолетними традициями международных банковских операций. Мы не могли рассчитывать и на поддержку со стороны «Бэнк оф Ингланд», являвшегося символом надежности, пользовавшегося доверием клиентов, сотрудники которого имели репутацию финансовых экспертов. В 1968 году Сингапур был государством «третьего мира». Необходимо было убедить зарубежных банкиров в наличии стабильных социальных условий, хороших условий для работы и жизни, эффективной инфраструктуры, достаточного количества квалифицированных и хорошо адаптирующихся к новым условиям профессионалов. Мы также должны были убедить их, что наш Валютный комитет (Currency Board) и Управление монетарной политики Сингапура (УМПС – Monetary Authority of Singapore) были способны осуществлять надзор за банковской индустрией. В 1965 году, вскоре после обретения независимости, Кен Сви и я решили, что в Сингапуре не должно было быть центрального банка, который мог бы осуществлять денежную эмиссию. Мы были настроены не допустить обесценивания нашей валюты относительно валют больших государств, особенно доллара США. В результате мы сохранили систему, при которой Валютный комитет выпускал в обращение сингапурские доллары только в том случае, если они были обеспечены эквивалентной суммой в иностранной валюте. УМПС располагало всеми полномочиями центрального банка, за исключением права осуществлять денежную эмиссию.

Служащие УМПС профессионально осуществляли финансовый надзор, работая в соответствии с законами, правилами и инструкциями, которые периодически пересматривались, чтобы поспевать за развитием финансовой сферы. Доверие к нашей честности и компетенции собиралось по крохам. История нашего финансового центра – это история того, как мы укрепляли доверие к Сингапуру как к месту, где бизнес ведется честно. Это история того, как мы воспитывали чиновников, обладавших знаниями и навыками, чтобы они так регулировали и осуществляли надзор за финансовыми учреждениями и биржевыми организациями, чтобы свести до минимума риск сбоев в финансовой системе.

Начало нашей работы на азиатском офшорном долларовом рынке было скромным. Этот рынок являлся аналогом рынка «евродолларов», и мы называли его рынком «азиатских долларов» (Asian dollar market). Первоначально этот рынок сводился к операциям на финансовом рынке Сингапура по привлечению фондов зарубежных банков в иностранной валюте для кредитования банков стран региона, и наоборот. Впоследствии, рынок «азиатских долларов» перешел к торговле иностранными валютами, фьючерсами и опционами, ценными бумагами, деноминированными в иностранной валюте, проводил синдицирование займов, выпуск облигаций и управление инвестиционными фондами. В 1997 году объем операций на рынке «азиатских долларов» превысил 500 миллиардов долларов США, что было примерно втрое больше размеров нашего внутреннего банковского рынка. Темпы роста были огромными, ибо этот рост был вызван потребностями рынка. По мере того как международная торговля и инвестиции принимали глобальный характер, охватывая Азию и Сингапур, как один из ключевых узлов региона, объем международных финансовых операций рос экспоненциально.

В начальный период, с 1968 по 1985 год, у Сингапура не было конкурентов в странах региона. Мы привлекли международные финансовые институты тем, что отменили налог на вывоз доходов, полученных вкладчиками – нерезидентами. Все депозиты, деноминированные в «азиатских долларах», не учитывались при расчете нормативов ликвидности и банковских

резервов. К 90-ым годам Сингапур стал одним из крупнейших финансовых центров мира. По объему валютных операций Сингапур уступает только Лондону, Нью-Йорку и лишь немного отстает от Токио. Успех Сингапура побудил другие страны региона с середины 80-ых годов развивать собственные международные финансовые центры, зачастую предлагая еще более щедрые налоговые льготы. Фундаментом для развития нашего финансового центра было соблюдение принципа верховенства закона, существование независимого суда и стабильного, компетентного и честного правительства, проводившего разумную макроэкономическую политику, практически ежегодно сводя бюджет с профицитом. В результате этого сингапурский доллар был стабильной и сильной валютой, что предотвращало импорт инфляции.

В 70-ых годах у нас произошел конфликт с одним из наиболее известных представителей лондонского Сити. В марте 1972 года Джим Слэтер (Jim Slater), широко известный британский инвестор, специализировавшийся в сфере реструктуризации активов, прибыл в Сингапур, чтобы встретиться со мной. Когда Тэд Хит стал премьер-министром Великобритании, в прессе сообщалось, что он отдал в управление Джиму Слэтеру все свои активы и ценные бумаги на условиях полного доверия. Следовательно, Слэтер обладал солидной репутацией. За год до того я встретил его за ужином, который устроил Тэд Хит на Даунинг-стрит, 10. Я приветствовал участие Слэтера в развитии нашего фондового рынка.

Позднее, в 1975 году, Суй Сен, бывший министр финансов Сингапура, сказал мне, что компания «Слэтер Уолкер Секьюритиз» (Slater Walker Securities) была замешана в манипулировании акциями компании «Хо Пар бразерс интернэшнэл» (Haw Par Brothers International), которые котируются на фондовом рынке Сингапура. Они нелегально выкачивали (strip off) активы компании из ее филиалов, извлекая выгоду для себя и некоторых директоров компании. Подобного рода действия квалифицировались как преступное злоупотребление доверием: они обманывали собственников компании «Хо Пар» и других компаний. Тем не менее, если бы расследование действий компании, имевшей такую солидную репутацию на Лондонской фондовой бирже, не было оправдано, это нанесло бы удар по нашей собственной репутации. Следовало ли нам возбудить уголовное дело против Джима Слэтера? Я решил, что, если Сингапур хотел поддержать репутацию хорошо управляемой фондовой биржи, мы были просто обязаны это сделать.

В результате расследования был раскрыт заговор, заключавшийся в систематическом выкачивании активов компании «Хо Пар». Но и это оказалось только верхушкой куда более масштабного мошенничества. Преступные действия фирмы «Слэтер Уолкер секьюритиз» охватывали Сингапур, Малайзию, Гонконг и Лондон, – конечный пункт, где накапливалось краденое. Они использовали филиалы компании «Хо Пар» в Гонконге, чтобы скупать акции, котирувавшиеся в Гонконге, затем продавали их компании «Спайдер Секьюритиз» (Spider Securities), полностью находившейся в собственности управляющих компаний «Слэтер Уолкер Секьюритиз», которые и делили нечестно полученную прибыль. Ответственными за проведение этих махинаций были: Джим Слэтер, Ричард Тарлинг (Richard Tarling), – председатель правления компании «Хо Пар», и Огилви Уотсон (Ogilvy Watson) – управляющий директор. Уотсон вернулся в Великобританию до того, как бежать в Бельгию, с которой у нас не было договора об экстрадиции. Слэтер и Тарлинг проживали в Лондоне. Мы потребовали их экстрадиции, но руководство Великобритании не выдало их. Вместо этого, в 1979 году, после трехлетней тяжбы в лондонских судах, британский министр внутренних дел распорядился выдать Тарлинга на основании только пяти из семнадцати пунктов обвинения, причем эти пять пунктов обвинения влекли за собой наименее тяжкое наказание. Тарлинга осудили, он получил по шесть месяцев тюрьмы за каждый из инкриминировавшихся ему трех эпизодов умышленного неразглашения важной информации в консолидированном отчете о прибыли и убытках компании «Хо Пар» за 1972 год. Годы спустя, когда Гордон Ричардсон (Gordon Richardson) уже не являлся управляющим «Бэнк оф Ингланд», он высказал свое сожаление по поводу того, что не смог помочь Сингапуру передать Слэтера в руки правосудия.

Репутация УМПС как дотошного и бескомпромиссного органа финансового надзора, позволявшего работать на нашем рынке только финансовым учреждениям с безупречной репутацией, подверглась испытанию в 70-ых и 80-ых годах, когда УМПС отказало в лицензии «Бэнк оф кредит энд интернэшнэл коммэрс» («БКИК» – Bank of Credit and International

Commerce). В результате афер «БКИК» был нанесен ущерб практически всем международным финансовым центрам, пока его деятельность удалось пресечь. Этот банк, учрежденный в Люксембурге гражданином Пакистана, включал, в качестве своих собственников, королевские семьи Саудовской Аравии, Бахрейна, Абу-Даби и Дубая. Он располагал примерно 400 отделениями и филиалами в 73 странах Европы, Ближнего Востока, Африки и Америки. Банк обратился к Сингапуру за офшорной банковской лицензией в 1973 году. Мы отвергли просьбу, потому что банк был основан совсем недавно (в 1973 году) и имел недостаточный капитал. Повторное обращение за лицензией последовало в 1980 году, и снова не было одобрено УМПС, так как международная репутация банка была плохой.

«БКИК» не оставил своих попыток получить лицензию. В 1982 году Ван Онен, который помог нам в развитии азиатского долларового рынка, поинтересовался, как обстояло дело с предоставлением лицензии этому банку. Ко Бен Сен (Koh Beng Seng), который был назначен на должность управляющего Департамента банковских и финансовых учреждений УМПС, уже слышал от нескольких управляющих центральных банков различных стран, что у них были сомнения относительно «БКИК». Поэтому, когда Ван Онен встретился со мной, я решил, что будет лучше поддержать Ко Бена Сена.

Представителей «БКИК» это не остановило, и они снова попытались добиться своего – на сей раз через Гарольда Вильсона. Полученное от него письмо выглядело несколько странно. Обычно он подписывал письма собственноручно: «Искренне Ваш, Гарольд». В этот раз «Искренне Ваш» было напечатано на машинке, а подписался он собственноручно: «Вильсон де Риво». Я решил, что письмо он написал для проформы, в качестве дружеского одолжения.

Нечистоплотные операции «БКИК» причинили огромные убытки другим банкам. Когда в июле 1991 года банк был закрыт, вкладчики и кредиторы выставили банку претензии в размере 11 миллиардов долларов. Сингапур остался невредим, потому что мы не нарушили своих правил.

УМПС также отказал в лицензии «Нэшэнэл бэнк оф Бруней» (National Bank of Brunei), которым управлял известный бизнесмен китайского происхождения Ку Тек Пуат (Khoo Tek Puat). Он приобрел «Нэшэнэл бэнк оф Бруней» и попросил брата султана, принца Мохамеда Болкиа (Mohamed Bolkiah), который являлся президентом банка, обратиться в УМПС с просьбой об открытии филиала в Сингапуре в 1975 году. Несколько месяцев спустя, в другом письме, он проинформировал нас, что его брат, принц Суфри Болкиа (Sufri Bolkiah) был назначен исполнительным президентом банка. Так как королевская семья Брунея явно оказывала Ку политическую поддержку, УМПС направил этот вопрос на рассмотрение мне. Я поддержал решение УМПС об отказе в выдаче лицензии банку в 1975 году, а потом и в 1983 году, когда банк вторично обратился к нам с этой просьбой.

В 1986 году султан Брунея выпустил чрезвычайный указ о закрытии «Нэшэнэл бэнк оф Бруней». Этому предшествовало паническое изъятие вкладов, а, кроме того, существовали подозрения в нарушении правил при предоставлении займов группе компаний принадлежавших Ку, на сумму 1.3 миллиарда сингапурских долларов. Ресурсы этого банка использовались им для достижения своих собственных целей, среди которых была попытка приобрести контрольный пакет банка «Стандард чартэрд бэнк оф Лондон» (Standard Chartered Bank of London). Его старший сын, который был председателем правления банка, был арестован в Брунее. Некоторые, в основном иностранные, банки, расположенные в Сингапуре, предоставили «Нэшэнэл бэнк оф Бруней» кредиты на общую сумму в 419 миллионов сингапурских долларов. Ку потребовалось два года, чтобы выплатить эти долги.

Политика строгого надзора за соблюдением законов и правил, проводившаяся УМПС под руководством Ко Бена Сена, помогла Сингапуру утвердиться в роли крупного финансового центра. Чтобы помочь местным банкам конкурировать с международными банками, УМПС поощряло четыре крупнейших местных банка (известные как «большая четвертка») поглощать меньшие банки, чтобы становиться больше и сильнее. Американское рейтинговое агентство «Мудиз» (Moody's), присвоило банкам «большой четверки» рейтинги, соответствующие рейтингам наиболее надежных банков мира.

В 1985 году УМПС вынужден был помочь разрешить кризисную ситуацию, возникшую на Фондовой бирже Сингапура. Спекулянты ценными бумагами из Малайзии, в первую

очередь, Тан Кун Свон (Tan Koon Swan), передали нашим биржевым брокерам в залог, для получения кредитов, акции компании «Пан электрик индастриз» (Pan Electric Industries) и нескольких малайзийских компаний, по цене, превышавшей их рыночную стоимость. Они обязались выкупить эти акции к определенной дате по еще более высокой цене. Это был грязный бизнес. Когда курс ценных бумаг на фондовом рынке понизился, спекулянты не смогли выкупить акции по установленной цене. Это привело к тому, что несколько больших брокерских фирм – членов ФБС оказались неплатежеспособными. ФБС закрылась на три дня, пока официальные лица во главе с Ко Бен Сеном день и ночь работали с банками «большой четверки», чтобы организовать выделение 180 миллионов сингапурских долларов для спасения биржевых брокеров. Усилия Ко Бен Сена позволили ФБС предотвратить системный крах рынка и восстановить доверие инвесторов.

Чтобы избежать повторения подобного кризиса, мы пересмотрели закон, регулировавший деятельность брокерских компаний, повысив требования к ним. Теперь клиенты были лучше защищены в случае дефолта фирм – членов ФБС, которые, в свою очередь, обязались увеличить размеры своего капитала. Правительство разрешило иностранцам приобретать акции фирм-членов ФБС, а также деятельность компаний, полностью принадлежавших зарубежным фирмам, что принесло в работу ФБС необходимый опыт и знания. В результате этих изменений ФБС смогла успешно пережить «черный понедельник» 19 октября 1987 года, когда, в результате глобального краха фондовых рынков, Фондовая биржа Гонконга вынуждена была закрыться на 4 дня.

Следующим этапом в развитии нашего финансового рынка была организация Сингапурской международной денежно – кредитной биржи (СМДКБ – Singapore International Monetary Exchange). В 1984 году Биржа золота Сингапура (Gold Exchange of Singapore) стала, кроме золотых фьючерсных контрактов, торговать финансовыми фьючерсными контрактами и изменили свое название на СМДКБ. Чтобы завоевать доверие международных финансовых институтов, мы избрали в качестве модели для СМДКБ Чикагскую торговую биржу (ЧТБ – Chicago Mercantile Exchange), на которой торги ведутся путем выкрикивания котировок брокерами. Мы также убедили ЧТБ принять систему взаимозачета с СМДКБ, что позволило осуществлять круглосуточные торги. Такой революционный подход позволял инвесторам открывать позиции на ЧТБ в Чикаго и закрывать позиции на СМДКБ в Сингапуре, и наоборот, без уплаты дополнительных комиссий и залогов. Это получило одобрение Комиссии по торговле товарными фьючерсами США (US Commodity Futures Trading Commission). Договоренность о взаимозачете функционировала без сбоев с самого начала деятельности СМДКБ. В 1995 году, когда один из трейдеров СМДКБ, Ник Лисон (Nick Leeson), работавший в уважаемом банке «Бэрингз» (Baring's), потерял более миллиарда долларов США, спекулируя на фьючерсных контрактах на индекс Никкей (Nikkei), это привело к катастрофе «Берингс бэнк», но на СМДКБ, членах СМДКБ и их клиентах это никак не отразилось.

В 1984 году СМДКБ приступила к торговле фьючерсными контрактами на ставку процента по займам в «евродолларах», а вскоре после этого – в «евроиенах». К 1998 году на ФМДКБ проводились торги по целому ряду региональных фьючерсных контрактов, включая фьючерсные контракты на индексы фондовых рынков Японии, Тайваня, Сингапура, Таиланда и Гонконга. Лондонское «Интернэшнэл фاینэншел ревю» (International Financial Review) присудило СМДКБ награду «Международной биржи года» (International Exchange of the Year). В 1998 году СМДКБ получила ее в четвертый раз, ни одной другой азиатской бирже эта награда никогда не присуждалась.

Наши финансовые резервы, сбережения в Центральном фонде социального обеспечения (ЦФСО) и финансовые излишки бюджета возрастали, между тем как УМПС не занималось инвестированием этих средств в наиболее высокодоходные проекты. Я распорядился, чтобы Кен Сви пересмотрел эту политику. В мае 1981 года он сформировал Инвестиционную корпорацию правительства Сингапура (ИКПС – Government of Singapore Investment Corporation). Я стал председателем корпорации, он – заместителем председателя, а Суй Сен и несколько министров – членами правления. Используя связи Кен Сви с Дэвидом Ротшильдом (David Rothschild), мы пригласили компанию «Н.М. Ротшильд энд санз» (N.M. Rothschild amp; Sons) в качестве своих консультантов. Они направили к нам высококвалифицированного

специалиста, который несколько месяцев работал вместе с нами, помогая наладить работу ИКПС. Мы также наняли американских и японских управляющих, чтобы развивать инвестиционную деятельность в различных сферах. Для повседневного управления работой ИКПС мы назначили ее первым управляющим директором Ен Пун Хау. Ему удалось привлечь к работе в качестве советника по вопросам инвестиционной стратегии Джеймса Вулфенсона (James Wolfensohn), который позднее стал президентом Мирового банка. Постепенно они создали команду сингапурцев, возглавляемую Эн Кок Соном (Ng Kok Song) и Те Кок Пенем (The Kok Peng), которые перешли туда из УМПС. К концу 80-ых годов они и их подчиненные уже отвечали за ключевые вопросы управленческой и инвестиционной деятельности.

В начале своей деятельности ИКПС занималась размещением только правительственных финансовых ресурсов. К 1987 году корпорация уже была способна взять на себя управление валютными резервами Сингапура (The Board of Commissioners for Currency of Singapore) а также долгосрочными активами УМПС. В 1997 году в ее управлении находилось более 120 миллиардов сингапурских долларов. Главной проблемой, которая решалась ИКПС, было распределение наших инвестиций между акциями, облигациями (в основном правительственных займов разных стран) и наличными деньгами. Существует немало книг, описывающих принципы работы фондового рынка, но в них нельзя найти ничего определенного по поводу изменения стоимости активов в будущем, не говоря уже об обеспечении определенного уровня их доходности. В условиях значительных колебаний рынка, имевших место в 1997–1998 годах, ИКПС могла бы заработать или потерять несколько миллиардов долларов только в результате колебаний курса иены и марки по отношению к доллару США. Инвестирование капитала – опасный бизнес. Моей главной целью было не столько добиться максимального дохода на инвестиции, сколько сохранить стоимость наших сбережений и обеспечить разумный уровень дохода на инвестиции. За 15 лет, прошедших с 1985 года, ИКПС удалось добиться результатов, превосходящих сопоставимые международные показатели инвестиционной деятельности и приумножить стоимость наших активов.

Тем не менее, сравнивая Сингапур с Гонконгом, инвесторы считали наше финансовое регулирование чрезмерным. Критики писали, что «в Гонконге было разрешено все, что не было запрещено, а в Сингапуре было запрещено все, что не было разрешено». Они забывали, что Гонконг находился под британской юрисдикцией и мог полагаться на поддержку «Бэнк оф Инглад». Сингапур, у которого такого страхового полиса не было, не смог бы так легко оправиться в случае серьезного финансового кризиса. Иностранные банкиры, которые посещали меня, обычно говорили, что финансовый рынок Сингапура мог бы развиваться быстрее, если бы мы разрешили им внедрять новые виды финансовых инструментов и операций, не дожидаясь их проверки и испытания на других рынках. Я обычно внимательно их выслушивал, но не вмешивался в эти вопросы, потому что считал, что нам было необходимо больше времени, чтобы упрочить нашу репутацию и положение.

После того, как в 1990 году я ушел с поста премьер – министра, у меня появилось время заняться нашим банковским сектором, и я провел несколько встреч с сингапурскими банкирами. Одним из них был Лим Хо Ки (Lim Ho Kee) – проницательный, преуспевающий валютный дилер, управлявший крупным иностранным банком в Сингапуре. Он убедил меня пересмотреть нашу политику, которую он считал слишком осторожной, не дававшей нашему финансовому центру возможности расширяться и выйти на уровень более развитых финансовых центров мира. В середине 1994 года я также провел несколько деловых совещаний с другими сингапурцами – управляющими иностранных финансовых организаций. Они убедили меня, что слишком большая доля наших сбережений находилась в ЦФСО, что наши законодательные органы и связанные с правительством компании были слишком консервативны, размещая свои финансовые излишки в виде банковских депозитов. Они могли бы получать от размещения своих финансовых ресурсов куда большую отдачу, инвестируя эти средства через опытных и квалифицированных управляющих международных инвестиционных фондов в Сингапуре. Это позволило бы значительно расширить деятельность инвестиционных фондов, которые, в свою очередь, смогли бы привлечь иностранные средства для инвестиций в регионе.

Мои взгляды на деятельность наших банков и систему регулирования стали меняться

после 1992 года, когда Джордж Шульц (George Shultz), бывший государственный секретарь США и председатель Международного наблюдательного совета (International Advisory Board) высококлассного американского банка «Джи Пи Морган» (J.P.Morgan), пригласил меня стать членом этого совета. Получая регулярные отчеты, непосредственно общаясь с работниками банка во время встреч, проводившихся раз в два года, я получил лучшее представление о том, как они работали и готовились к тому, чтобы вести свои дела в условиях глобализации банковского дела. Меня поразили уровень членов этого совета, который включал директоров банка. В нем были представлены способные и преуспевающие управляющие компаний, бывшие политические деятели из всех крупных экономических регионов мира, каждый из которых вносил свой вклад в работу этого органа. Я был полезен им, ввиду того, что я хорошо знал наш регион. Другие члены совета также приносили в его работу свои личные знания о своих регионах и сферах деятельности. Я узнал об их взглядах на Юго-Восточную Азию по сравнению с другими регионами: Латинской Америкой, Россией, республиками бывшего Советского Союза и странами Восточной Европы. На меня произвело большое впечатление то, как они приветствовали новшества в развитии банковского дела, особенно в области информационной технологии, и готовились к ним. Я пришел к выводу, что Сингапур значительно отставал от них.

В качестве председателя правления ИКПС я обсуждал широкий круг банковских проблем с управляющими крупных американских, европейских и японских банков, изучал их взгляды на развитие глобальной банковской системы в будущем. По сравнению с ними банки Сингапура интересовались, в основном, только внутренним рынком. Члены правлений и управляющие этих банков были, главным образом, жителями Сингапура. Я выразил свое беспокойство председателям правлений трех крупнейших банков Сингапура: «Оверсиз чайниз бэнкинг корпорэйшен» (Overseas Chinese Banking Corporation), «Юнайтед оверсиз бэнк» (United Overseas Bank), «Оверсиз юнион бэнк» (Overseas Union Bank). Из их ответов я заключил, что они не сознавали угрозы, возникшей в результате стремительной глобализации, ибо не думали о будущем и об окружающем мире. В условиях отсутствия конкуренции извне они преуспевали и хотели, чтобы правительство продолжало практику ограничения создания филиалов иностранных банков или даже установки ими банкоматов в Сингапуре. Рано или поздно, в результате двухсторонних соглашений с США или возможного вступления Сингапура во Всемирную торговую организацию (ВТО – World Trade Organization), нам придется открыть банковскую индустрию для конкуренции и убрать протекционистские барьеры.

В 1997 году я решил порвать с этой системой. Сингапурские банки нуждались в приходе талантливых иностранцев и смене образа мышления. Если эти три банка не собирались меняться, значит, «Дэвэлупмэнт бэнк оф Сингапур», в котором правительство имело пакет акций, должен был показать пример. В 1998 году, проведя предварительный отбор талантливых руководителей, банк пригласил Джона Олдса (John Olds), опытного высокопоставленного банкира, который собирался уходить из банка «Джи Пи Морган», занять должности заместителя председателя правления и главного управляющего банка, чтобы превратить банк в крупного игрока на азиатском рынке. Вскоре «Оверсиз чайниз бэнкинг корпорейшен» пригласил в качестве управляющего банкира из Гонконга Алекса Ау (Alex Au).

В течение более чем трех десятилетий я поддерживал Ко Бен Сена в проведении политики ограничения доступа иностранных банков на местный рынок. Теперь пришло время позволить жестким игрокам международного финансового рынка заставить нашу «большую четвертку» либо улучшить качество своих услуг, либо потерять свою долю рынка. Существовал серьезный риск, что они могли оказаться неспособными конкурировать, в результате чего мы могли оказаться без банков, принадлежавших и управляемых жителями Сингапура, на которые мы могли бы опереться в случае финансового кризиса.

Постепенно я пришел к выводу, что Ко, заместитель управляющего Департамента банковских и финансовых учреждений УМПС, не поспевал за огромными изменениями, происходившими в мировой финансовой системе. Он слишком заботился о защите наших инвесторов. Я посоветовался по этому поводу с Джеральдом Корриганом (Gerald Corrigan), бывшим президентом Федерального резервного банка Нью-Йорка и Брайаном Квинном (Brian Quinn), который прежде работал в «Бэнк оф Ингленд». Они убедили меня, что Сингапур мог

изменить свой стиль банковского надзора безо всякого ущерба для строгости этого надзора и без увеличения риска краха банковской системы. Такие крупные финансовые центры как Нью-Йорк и Лондон сосредотачивали свое внимание на защите самой финансовой системы, а не различных участников рынка или индивидуальных инвесторов. Корриган и Квин убедили нас в том, что более крупные и хорошо управляемые финансовые учреждения должны были иметь больше свободы в том, что касалось финансовых рисков.

Поскольку я не хотел заниматься реформированием УМПС самостоятельно, в начале 1997 года, с разрешения премьер-министра, я привлек к этой работе Лунга. Он стал встречаться с банкирами и управляющими инвестиционных фондов и постепенно разобрался в работе нашего финансового сектора. К 1 января 1998 года, когда премьер-министр назначил его председателем УМПС, он уже был готов начать преобразования. С помощью нескольких ключевых сотрудников он реорганизовал и переориентировал УМПС, чтобы внедрить новые подходы к регулированию и развитию финансового сектора.

Лунг и его команда сменили свой подход к финансовому регулированию, они стали проводить его несколько мягче и стали более открытыми для предложений и мнений, исходивших от представителей финансовых кругов. С помощью консультантов и отраслевых комитетов они произвели изменения в политике, которые оказали влияние на все части финансового сектора. Они предприняли шаги, способствовавшие развитию деятельности по управлению финансовыми активами, и приняли меры, касавшиеся повышения международного статуса сингапурской валюты, чтобы улучшить условия для развития рынка капитала. УМПС способствовало слиянию Фондовой биржи и Фьючерсной биржи Сингапура, а также отмене фиксированных комиссий на биржевую торговлю и обеспечению свободного доступа к биржевым торгам.

УМПС облегчило иностранцам доступ на наш внутренний финансовый рынок, позволяя иностранным банкам, удовлетворявшим нашим требованиям, открывать филиалы и устанавливать банкоматы. УМПС также отменило ограничения на долю иностранной собственности в капитале местных банков, в то же время, потребовав от банков организовать в составе правлений банков комитеты, как это делается в американских банках. Эти комитеты представляют кандидатуры членов правлений банков и ключевых руководителей, чтобы гарантировать назначение на эти должности способных людей, которые заботились бы об интересах всех акционеров, а не только собственников, владеющих контрольным пакетом акций.

Банки считали, что более мягкий подход УМПС к осуществлению финансового надзора позволит им более успешно предлагать на рынке новые финансовые продукты. Наверное, нам следовало провести эти изменения раньше. Но только после того, как УМПС продемонстрировало, что устойчивость нашей финансовой системы достаточна для преодоления финансовых кризисов 1987 года и 1997–1998 годов, я почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы перейти к такой системе, когда «разрешено все, что не запрещено». Наш осторожный подход помог нам пережить финансовый кризис, разразившийся в Восточной Азии в 1997–1998 годах. Наши банки были в хорошей форме, наш фондовый рынок не лопнул. Нам потребовалось 30 лет с момента начала операций на рынке «азиатских долларов» в 1968 году, чтобы создать репутацию хорошо управляемого международного финансового центра.

Начиная с июля 1997 года, когда девальвация тайландского бата послужила началом финансового кризиса в Восточной Азии, валюты, фондовые рынки и экономики стран региона прошли через полосу разрушения. Но ни один банк в Сингапуре не зашатался. Инвесторы торопились покинуть страны с развивающейся экономикой (emerging markets), в число которых входил и Сингапур. В тот момент, когда управляющие инвестиционными фондами более всего опасались скрытых ловушек, отказывать им в предоставлении информации было неразумно. Мы решили предоставить им максимально возможное количество информации. Чтобы позволить инвесторам лучше оценить стоимость наших активов, мы убедили банки прекратить практику создания скрытых резервов и утаивания информации о невозврате кредитов. Банки заранее создали значительные резервы на случай невозврата кредитов, выданных клиентам из стран региона, не дожидаясь, пока невозврат кредитов станет свершившимся фактом. В результате этих разумных и компетентных мер, принятых УМПС для преодоления кризиса,

Сингапур консолидировал свои позиции в качестве международного финансового центра.

Глава 6. Профсоюзы – на стороне правительства

Я начал свою политическую карьеру, работая в профсоюзах в качестве юрисконсульта и участвуя в переговорах. К середине 50-ых годов коммунисты захватили контроль над большинством профсоюзов, и как прокоммунистические, так и некоммунистические профсоюзы стали очень воинственными. Чтобы перехватить инициативу у коммунистов, нам необходимо было убедить профсоюзных руководителей и рабочих в необходимости привлечения инвестиций для создания новых рабочих мест. Но это было легче сказать, чем сделать.

Учитывая, что профсоюзы контролировались коммунистами, было практически неизбежно, что с конца 40-ых и до 60-ых годов Сингапур страдал от бесконечных забастовок и беспорядков. В период между июлем 1961 и сентябрем 1962 года в Сингапуре произошло 153 забастовки, что было «рекордом» для Сингапура, а в 1969 году, впервые после окончания Второй мировой войны, в Сингапуре не было ни одной забастовки. Как мы добились этого?

Методы работы сингапурских профсоюзов были скопированы с профсоюзов Великобритании и являлись бичом сингапурского рабочего движения. Чтобы противостоять влиянию коммунистов, колониальное правительство привлекло таких советников как Джек Брэйзер (Jack Brazier) из Британского конгресса профсоюзов (British Trade Union Congress). Чтобы воспрепятствовать коммунистическому влиянию на некоммунистических профсоюзных руководителей, эти советники прививали им все дурные привычки британских профсоюзов, обучали методам выжимания из предпринимателей все более высокой заработной платы и льгот, независимо от того, каковы были последствия этого для компании. В июле 1966 года, на встрече с работниками Армейского профсоюза государственных служащих (Army Civil Service Union), я убеждал их отказаться от этих методов британских профсоюзов, которые разрушили экономику Великобритании. Я признал и собственную вину в применении подобных методов в тот период, когда я участвовал в переговорах на стороне профсоюзов. В то время эксплуатация наших рабочих была чрезмерной. Но последствия этой тактики, включая рост безработицы, оказались настолько плохими, что позднее я пожалел об этом. Например, мы добились выплаты тройной заработной платы за работу в выходные дни для рабочих, которые занимались уборкой улиц. В результате, они преднамеренно позволяли мусору накапливаться перед выходными днями, чтобы гарантировать себе работу по выходным. Хотя смысл выходных состоял в том, чтобы дать рабочему отдохнуть, наши рабочие хотели не отдыхать, а побольше заработать. Поэтому я попросил наших профсоюзных руководителей изменить методы работы профсоюзов.

Чтобы подчеркнуть, что я последовательно придерживался этих взглядов, я повторил их в присутствии должностных лиц Международной организации труда и профсоюзных руководителей из других стран Азии на встрече Азиатского консультативного комитета в ноябре 1966 года. Я сказал нашим профсоюзным лидерам, что им не стоило резать курицу, несущую золотые яйца. Я отметил, что наши профсоюзы были частью политического движения, направленного против британского колониализма. Политические лидеры, одним из которых был я, привлекали рабочих перспективой независимости, говоря: «Идите за нами к свободе, и мы дадим вам все то, что британский работодатель дает британскому рабочему». Теперь мы были обязаны выполнить это обещание, но чтобы сделать это, нам следовало восстановить «контроль, дисциплину и рабочие нормы», чтобы повысить эффективность работы.

Ежегодно 30,000 выпускников школ отправлялись на поиски работы. Я пояснял, что методы работы наших профсоюзов вынуждали наших предпринимателей внедрять больше оборудования, делать производство более капиталоемким, чтобы выполнять тот же объем работы меньшим числом рабочих, как в Великобритании. В результате, образовалась небольшая группа привилегированных рабочих и членов профсоюзов, получавших высокую заработную плату, и растущая группа малооплачиваемых и частично занятых работников. Если мы хотели поддерживать стабильность и сплоченность в обществе, не повторять старых ошибок, которые подрывали доверие к нам, мы должны были решить эти проблемы. Нам

следовало воспитать новое отношение к работе, наиболее важной частью которого было то, что заработная плата должна была зависеть от результатов работы, а не от затраченного на нее времени.

Рабочие и профсоюзы были настолько потрясены отделением Сингапура от Малайзии, так напуганы перспективой вывода британских войск из Сингапура, что согласились с моим изворотливым подходом к проблеме. Они знали, что мы находились в критическом положении, и само существование Сингапура как независимого государства могло оказаться под угрозой.

Генеральный секретарь Национального конгресса профсоюзов Сингапура Хо Си Бен (Ho See Beng), член парламента от ПНД и мой старый коллега со времен работы в профсоюзах, возражал против таких предлагавшихся мною мер как отмена тройной платы за работу в выходные дни. Он и его коллеги по профсоюзу должны были найти способы, чтобы удержать рядовых членов профсоюзов на своей стороне, не допустить, чтобы контроль над ними захватили коммунисты. Хотя мне и пришлось отвергнуть его возражения, я все же старался конфиденциально встречаться с профсоюзными руководителями для обсуждения насущных проблем. Эти встречи без протокола позволили им понять, почему я хотел добиться установления новых правил игры, которые позволили бы сделать труд наших рабочих более производительным.

У меня произошел серьезный конфликт с невежественным и нерационально настроенным профсоюзным деятелем, который не желал понять, насколько изменились обстоятельства. К. Суппия (K. Suppiah) являлся президентом Федерации профсоюзов рабочих – поденщиков (Public Daily Rated Employees' Unions Federations). В ультиматуме правительству, выдвинутом 18 октября 1966 года, он потребовал удовлетворения всех претензий членов профсоюзов, вытекавших из невыполнения правительством условий коллективного договора, заключенного в 1961 году. Он настаивал на увеличении заработной платы 15,000 поденщиков на один доллар в день.

В 50-ых годах Суппия и я на протяжении многих лет вместе работали в муниципалитете. Он был необразованным человеком, родившимся в Индии, хорошим оратором, говорившим на тамильском языке, упрямым и настойчивым лидером. Вести переговоры с ним было довольно трудно, потому что он страдал косоглазием и, казалось, смотрел не на оппонента, а в сторону. Он возглавлял профсоюз, большинством членов которого были индийские эмигранты, неквалифицированные рабочие, привезенные англичанами из Мадраса (Madras) для уборки города. Он не понимал, что на дворе были не счастливые, бунтарские 50-ые годы, когда профсоюзы были мощными и боевыми. В недавно получившем независимость и весьма уязвимом Сингапуре правительство не могло позволить любому профсоюзу подвергать опасности само выживание государства. Я встретился с ним и руководителями его профсоюза. В ходе 40-минутной дискуссии я заявил, что мог бы рассмотреть вопрос о повышении заработной платы, начиная с 1968 года, но не с 1967 года. Я также предупредил его, что 7,000 членов его профсоюза были индийскими подданными, которые теперь нуждались в получении разрешения на работу в Сингапуре. Если бы они забастовали, то вполне могли бы потерять рабочие места и должны были бы вернуться в Индию. На Суппию это не произвело никакого впечатления. Он ответил, что лишь 2,000 – 3,000 рабочих нуждались в получении разрешения на работу, и что он – за продолжение забастовки. Он добавил, что, если уж профсоюз окажется разрушенным, то пусть он будет разрушен премьер – министром Ли Куан Ю. Он обвинил меня в том, что я забыл, насколько я был обязан профсоюзам своим положением премьер – министра.

29 декабря, как раз перед новогодними праздниками, Суппия призвал Федерацию профсоюзов поденных рабочих к забастовке. Я попросил, чтобы они пересмотрели свое решение, и обратился с иском в Промышленный арбитражный суд (Industrial Arbitration Court). Это сделало забастовку незаконной, и я обратился к рабочим с заявлением, в котором обратил их внимание на это обстоятельство.

В январе 1967 года министерство здравоохранения внедрило новую систему организации труда для рабочих, занятых уборкой мусора. 1 февраля 1967 года около 2,400 рабочих – членов профсоюза рабочих – мусорщиков, членов Федерации профсоюзов поденных рабочих, начали рискованную забастовку. Не желавший смириться Суппия предупредил правительство, что,

если претензии рабочих не будут удовлетворены в течение недели, то все 14,000 рабочих – членов других профсоюзов поденщиков, входивших в его Федерацию, начнут забастовку в поддержку их требований.

Полиция арестовала и предъявила обвинение в организации нелегальной забастовки Суппия и четырнадцати другим лидерам профсоюза. Представитель регистра профессиональных союзов вынес постановление профсоюзу и Федерации с требованием предоставить обоснования для перерегистрации. Одновременно, министерство здравоохранения объявило об увольнении всех бастовавших, а те из них, кто хотел снова устроиться на работу, должны были сделать это на следующий день. Эти скоординированные решительные действия привели к панике среди забастовщиков. 90 % из них обратились с просьбой об устройстве на работу. Два месяца спустя регистрация профсоюза поденных рабочих и Федерации профсоюзов, которую возглавлял Суппия, была аннулирована.

Эта забастовка стала поворотным пунктом в истории промышленности Сингапура. Действия правительства в данной ситуации получили одобрение общественности. Эти события изменили культуру профсоюзного движения, сделали его законопослушным, разумным и сбалансированным. Я получил возможность влиять на общественное мнение. В целом ряде речей, произнесенных перед членами профсоюзов, я готовил рабочих к тем изменениям, которые мы планировали внести в трудовое законодательство. Мы запретили любые забастовки в некоторых жизненно важных сферах экономики и потребовали, чтобы каждая компания организовала собственный профсоюз.

На конференции делегатов НКПС, проходившей в начале 1968 года, я убедил профсоюзных деятелей, что хорошие отношения между предпринимателями и рабочими были более важны для выживания Сингапура, чем увеличение заработной платы. Мы должны были вместе изменить формы и методы рабочего движения в лучшую сторону, в том числе ограничить злоупотребления дополнительными льготами и ликвидировать ненужные ограничения. Я зависел от лидеров профсоюзов в деле создания нового рабочего движения, которое проводило бы реалистичную политику, приносящую пользу рабочим. Я напомнил им о том, какой вред нанесли забастовки в британских портах в 1967 году (это привело к девальвации фунта стерлингов). Я предупредил, что «если подобное случится в нашем порту, то я объявлю эти действия государственной изменой. Я буду решительно бороться с лидерами забастовки, вплоть до обвинения их в суде, но порт возобновит работу незамедлительно. Мы никогда не девальвируем сингапурский доллар, и, я думаю, что народ Сингапура ожидает от правительства именно этого». Я также особо упомянул об «эгоизме хорошо устроившихся рабочих». В 1967 году грузооборот сингапурского порта увеличился более чем на 10 %, но число рабочих не увеличилось, потому что дополнительная работа выполнялась в сверхурочное время. В условиях высокой безработицы это было безнравственно. Я сказал делегатам конференции, что нам следовало избавиться от пагубных методов работы профсоюзов британского стиля.

Справедливости ради, я также сказал на встрече с предпринимателями, что, если они хотели добиться от рабочих максимальной отдачи, то им следовало быть максимально справедливыми по отношению к рабочим. Если бы профсоюзы и предприниматели не смогли найти общего языка по основным вопросам, последствия для нашей экономики были бы губительны. Я убеждал наших предпринимателей внести свой вклад в создание таких условий, при которых максимальные результаты труда рабочих приносили бы им максимальное вознаграждение – как непосредственно, в виде заработной платы, так и косвенно, в виде предоставления социальных благ, финансируемых правительством за счет полученных налогов. Это включало в себя обеспечение жильем, охрану здоровья, образование и другие социальные блага.

Сделанное Великобританией в январе 1968 года заявление о выводе войск из Сингапура усилило беспокойство людей. Я использовал этот момент, чтобы провести радикальные реформы и избавиться от тех методов в деятельности профсоюзов, которые узурпировали прерогативы предпринимателей и нарушали их права по управлению предприятием. После того как в апреле 1968 года мы снова победили на выборах с подавляющим перевесом, парламент принял «Закон о занятости» (Employment Act) и поправку к «Закону о трудовых отношениях в

промышленности» (Industrial Relations Act). Несколько позже был изменен «Закон о профсоюзах» (Trade Unions Act). Эти законы оговаривали минимальные условия занятости и пределы сверхурочных работ, дополнительных льгот, и льгот в результате сокращения персонала. Они также содержали единые правила, регулировавшие количество дней отдыха, выходных и рабочих дней, продолжительности ежегодного отпуска, декретного отпуска, отпуска по болезни. Они восстановили права управляющих нанимать и увольнять работников, повышать их, переводить по службе, на которые профсоюзы посягали на протяжении долгих лет забастовочной борьбы. Эти законы заложили основу для классового мира в промышленности.

Мы запретили профсоюзам проводить забастовки без предварительного тайного голосования. В случае если это требование закона не выполнялось, профсоюз и его официальные лица могли быть подвергнуты уголовному и судебному преследованию. Это покончило с практикой открытого голосования, которая способствовала подавлению инакомыслящих.

Один из профсоюзных руководителей и член парламента от ПНД, мой старый друг со времени работы в профсоюзах Си Муй Кок (Seah Mui Kok), возражал против предоставления предпринимателям широких прав при приеме на работу и увольнении с работы, но согласился с необходимостью сделать профсоюзы менее склонными к конфронтации, чтобы создать более благоприятный климат для зарубежных инвесторов. Тогда я включил в законы гарантии против злоупотребления этими правами. Эти изменения в трудовом законодательстве принесли ощутимые выгоды. В течение 1969 года было построено 52 новые фабрики, создано 17,000 рабочих мест. В 1970 году, в результате роста инвестиций, было создано 20,000 новых рабочих мест. Доходы населения увеличились.

В 1972 году мы основали Национальный Совет по заработной плате (НСЗП – National Wages Council), состоявший из представителей профсоюзов, правительства, а также управляющих и предпринимателей. Ежегодно, на основе имеющихся в распоряжении правительства цифр и фактов, НСЗП дает рекомендации, принимаемые на основе консенсуса, предусматривающие такое увеличение заработной платы и такие изменения в условиях работы в течение следующего года, которые способствовали бы дальнейшему экономическому росту. Все стороны согласились с использованием этих совместных рекомендаций в качестве общих директив, которые, с некоторыми изменениями для различных отраслей экономики, используются в ходе переговоров между предпринимателями и профсоюзами. С самого начала все стороны согласились следовать тому принципу, что темпы увеличения заработной платы не должны опережать темпов роста производительности труда.

Острое ощущение кризиса, преобладавшее в обществе, позволило мне в течение нескольких лет изменить позицию профсоюзов. Угроза экономической катастрофы в результате вывода британских сил изменила отношение и настроение людей. Они поняли, что, если бы мы не развернулись на 180 градусов и не перешли от забастовок и насилия – к стабильности и экономическому росту, то погибли бы.

Я также заставил предпринимателей установить с рабочими новые отношения сотрудничества – без этого производительность труда было не поднять. Одними строгими законами и жестким отношением этого было не достичь. Общей целью нашей политики было убедить рабочих и профсоюзных руководителей поддержать нашу главную цель – укрепить доверие иностранных инвесторов к Сингапуру, привлечь инвестиции, создать рабочие места. Тем не менее, в конечном счете, именно то доверие, которое члены профсоюзов испытывали ко мне, доверие, которое я заслужил за долгие годы работы в профсоюзах, было тем фактором, который позволил превратить отношения конфронтации в отношения сотрудничества и товарищества.

В 1969 году Деван Наир (Devan Nair) вернулся по моей просьбе из Куала-Лумпура в Сингапур, чтобы снова возглавить НКПС. Он оставался в Малайзии после избрания в парламент страны в 1964 году. Деван был необходим мне в Сингапуре, он должен был играть ключевую роль в поддержании классового мира в промышленности, убеждать наших рабочих повышать производительность и эффективность труда. В качестве Генерального секретаря НКПС он был для меня огромным подспорьем. Деван координировал и регулировал мою

политику, настраивал профсоюзы на позитивный лад. Будучи лидером НКПС с 1970 по 1981 год, когда парламент избрал его президентом Сингапура, он заставил лидеров профсоюзов повернуться лицом к тому вызову, который бросала им конкуренция на мировых рынках. Всякий раз, когда д-р Винсемиус посещал Сингапур, он и его помощник Нгиам Тон Доу предоставляли ему обзор экономической ситуации и положения в сфере занятости. Деван учил профсоюзных лидеров основным принципам экономики и способствовал успешной работе трехстороннего НСЗП.

Одной из проблем, с которой он столкнулся, было снижение численности членов профсоюзов, ввиду того, что профсоюзы стали менее агрессивными. Чтобы противостоять этой тенденции, в ноябре 1969 года Деван провел семинар по проблемам модернизации профсоюзов и убедил делегатов профсоюзов в необходимости изменить свои функции, чтобы соответствовать изменившимся обстоятельствам. Они основали несколько профсоюзных кооперативных предприятий. В 1970 году НКПС учредил кооператив таксистов, получивший название «НКПС Комфорт» (NTUC Comfort), что позволило бороться с пиратским «таксистским рэкетом», который в 60-ых годах был необузданным. Предприятие начинало с 200 британских такси «Моррис Оксфорд» (Morris Oxford) и 200 британских микроавтобусов «Остин» (Austin), которые были получены в счет британских кредитов в рамках программы помощи. К 1994 году предприятие, которое располагало уже 10,000 такси и 200 школьными автобусами, превратилось в корпорацию «Комфорт групп Лимитед» (Comfort Group Limited), акции которой котируются на Фондовой бирже Сингапура. Чтобы снизить стоимость жизни для членов профсоюзов, в 1973 году НКПС основал потребительский кооператив, названный «НКПС Велком» (NTUC Welcome), в состав которого входили магазины, склады и супермаркеты. Позднее он превратился в компанию «НКПС Фэйрпрайс» (NTUC Fairprice), став весьма доходной сетью супермаркетов, которые поддерживали цены основных потребительских товаров на уровне оптовых цен. В 1970 году страховой кооператив «НКПС инкам» (NTUC Income) начал операции по страхованию жизни, а затем расширил сферу деятельности и перешел к страхованию автомобилей и иным видам страховой деятельности. В компании работали профессиональные страховые агенты и управляющие. Лидеры профсоюзов занимали должности в совете директоров этих предприятий, осуществляя надзор за деятельностью профессиональных управляющих предприятиями и скоро поняли, что хорошее управление играло критическую роль в обеспечении успеха этих предприятий.

Обновление руководства позволило НКПС привлечь представителей молодого поколения работников. Когда в 1981 году Деван ушел в отставку, чтобы стать президентом Сингапура, Лим Чи Он (Lim Chee Onn), 37-летний политический секретарь, занял должность Генерального секретаря НКПС. Он работал с Деваном после того, как стал членом парламента в 1977 году. Лим Чи Он был высококлассным дипломированным специалистом в области военного кораблестроения, он получил образование в Университете Глазго (Glasgow), в Великобритании. Он привнес разумные методы управления в работу профсоюзов. Тем не менее, его умение работать с людьми было не столь хорошим, как у Девана, и вскоре между ним и представителями старшего поколения руководителей, которые считали, что он был несколько высокомерен, стали возникать недоразумения.

Я сталкивался с этой проблемой всякий раз при смене поколений руководителей. Лим Чи Он был на двадцать с лишним лет моложе Девана. Профсоюзные руководители, принадлежавшие к тому же поколению, что и Деван, привыкли к нему и не воспринимали стиль работы Лим Чи Она. Главная проблема состояла в том, что старые лидеры противились притоку «молодой крови». По моему предложению Лим Чи Он привлек себе в помощь нескольких молодых дипломированных специалистов. Это еще более усилило дискомфорт, который испытывали представители старшего поколения лидеров. Я пришел к выводу, что ему будет трудно работать с ними дальше. Лим Чи Он воспринял это как личную неудачу и в 1982 году ушел из политики. Он нашел работу в частном секторе, в одной из наших самых больших компаний, связанных с правительством, «Кеппел корпорэйшен» (Keppel Corporation). Здесь он добился успеха в качестве руководителя и незаменимого помощника для Сим Ки Буна (Sim Kee Boon), который также уволился с поста главы государственной службы, чтобы стать председателем правления корпорации.

Деван и я пришли к выводу, что Он Тен Чион, тогдашний министр связи и одновременно министр труда, мог найти общий язык со старшим поколением профсоюзных лидеров. Ему было за сорок, он был на девять лет старше Лим Чи Она, и я полагал, что у него будет меньше разногласий с ними. Я убедил Тен Чиона перейти на работу в профсоюзы, он согласился, и в 1983 году был избран Генеральным секретарем НКПС. Он продолжал оставаться членом правительства, что принесло пользу профсоюзам, так как они получили возможность представлять свои интересы в правительстве, а правительство получило возможность учитывать их взгляды и принимать к сведению их соображения при принятии политических решений. Тен Чион, архитектор по образованию, получил образование в Университете Аделаиды (Adelaide University), в Австралии, и хорошо говорил по-английски. Получив начальное образование на китайской языке, он также хорошо говорил и на китайском литературном языке, и на диалекте хоккиен (Hokkien), языке его матери. Тен Чион наладил хорошие отношения и с профсоюзными руководителями, и с простыми рабочими. Он расширил сферу деятельности НКПС, обеспечивая членов профсоюза лучшими возможностями для проведения досуга и отдыха. Я старался поощрять его в этих начинаниях, но это был не тот человек, которого нужно было побуждать к деятельности. Ему были необходимы только политическая поддержка и финансовые ресурсы, и я предоставлял ему их.

Расширившаяся сфера деятельности НКПС охватывала медицинское обслуживание, охрану материнства и детства, радиостанции, отель на морском курорте для рабочих «Пасир рис ризорт» (Pasir Ris Resort), клуб в загородной зоне, а также «Орхид кантри клуб» (Orchid Country Club) с полем для игры в гольф, расположенном возле водохранилища Селетар. НКПС также занимался строительством многоквартирных домов, которые приобретались его членами. Эти новые кооперативные предприятия дали большому числу профсоюзных лидеров практический опыт в управлении предприятиями. Сменявшие друг друга профсоюзные руководители учились управлять предприятиями. Клубы, курорты и другие объекты социальной сферы изменили образ жизни рабочих, они могли теперь позволить себе то, что раньше позволяли себе только зажиточные люди. Я считал, что это позволяло сгладить то чувство социального неравенства, которое испытывали рабочие, чувствуя, что они принадлежали к низшему классу, которому недоступен образ жизни представителей высших социальных групп. Чтобы сделать эти блага более доступными, правительство предоставляло государственную землю под эти объекты по номинальным ценам.

На протяжении многих лет я убеждал НКПС открыть колледж по изучению трудовых отношений. В 1990 году, с помощью руководителя Раскин Колледжа (Ruskin College), Тен Чион основал Институт изучения проблем труда (Institute of Labour Studies), чтобы обучать в нем дисциплинам, связанным с отношениями на производстве и развитием руководящих качеств.

Когда в 1993 году Тен Чион был избран президентом Сингапура, Лим Бун Хен (Lim Boon Heng), который был на 12 лет младше его, тогдашний заместитель министра торговли и промышленности, стал Генеральным секретарем НКПС. Он получил образование в области кораблестроения в Университете Ньюкасла-на-Тайне (Newcastle-upon-Tyne) и работал в профсоюзах начиная с 1981 года, где его умение работать с людьми играло важную роль. Он привлек образованных и талантливых молодых людей в возрасте 20–30 лет, которые успешно закончили зарубежные университеты, у которых имелись новые идеи. Этот прилив свежей крови обновил мышление и изменил отношение к делу среди профсоюзных руководителей, что принесло пользу профсоюзам. Как и Тен Чион, Бун Хен оставался членом правительства, устанавливая, таким образом, формальные рамки между профсоюзами и правительством, что хорошо послужило на благо Сингапура.

По примеру японцев, в начале 80-ых годов я начал движение за повышение производительности труда. Я поощрял сотрудничество НКПС с управляющими предприятий, организацию кружков контроля качества (ККК – Quality control circles), – групп рабочих, которые вместе готовили предложения по улучшению работы, экономии времени и затрат, достижению нулевого уровня брака. Прогресс был медленным. Следуя японскому опыту, члены ККК, чьи предложения вели к реальной экономии и улучшению производства, получали небольшие премии, их фотографии вывешивались на стендах. Японский Центр производительности (Japan Productivity Centre) оказал нам помощь, предоставив экспертов,

обучающие материалы, оборудование и программное обеспечение. Время от времени я выступал на церемониях награждения и вручал ежегодные награды за повышение производительности труда. Во время одной из таких церемоний в 1987 году, после вручения приза управляющему японской компанией в Сингапуре, я спросил его, почему его местные рабочие были менее производительны, чем японские рабочие, хотя они использовали одинаковое оборудование. Он откровенно ответил, что японские рабочие были более квалифицированы, владели большим числом специальностей, более гибко перестраивались и приспосабливались к новым условиям, меньше отсутствовали на работе и реже меняли ее. Сингапурские технические специалисты, бригадиры, мастера не желали делать грязную работу. В отличие от них, японские коллеги не относили себя к рабочим или служащим, но всегда были готовы провести обслуживание оборудования или помочь в работе на нем и, таким образом, лучше понимали проблемы рабочих.

Деван был поражен достижениями японских профсоюзов. Он заставил реорганизовать два наших профсоюза с чрезвычайно сложной структурой, превратив их в девять отраслевых профсоюзов. В 1982 году Лим Чи Он, который был тогда Генеральным секретарем НКПС, преобразовал отраслевые профсоюзы в профсоюзы предприятий. Это позволило наладить лучшие контакты между профсоюзными руководителями и рабочими, лидеры профсоюзов могли сосредоточиться на конкретных проблемах их компаний и решать их совместно с предпринимателями. В 1984 году НКПС, убедившись в преимуществах подобной структуры, принял резолюцию, поддерживавшую создание профсоюзов предприятий.

В большинстве случаев, создание профсоюзов предприятий вело к увеличению членства в них. Они поощряли открытость, доверие, создавали хорошую атмосферу в отношениях между рабочими и управляющими. Но в 90-ых годах Бун Хен заметил, что местные профсоюзы не функционировали столь же успешно, как в Японии. Сингапурские компании были слишком малы, как правило, на них было занято менее тысячи рабочих, по сравнению с десятками тысяч занятых в японских компаниях. Кроме того, в отличие от Сингапура, в Японии в профсоюз могли вступать управляющие, дипломированные специалисты, другие инженерно – технические работники. Профсоюзы предприятий в Сингапуре не имели достаточного числа хорошо образованных членов, которые могли бы занять руководящие посты в профсоюзах. Им приходилось зависеть от помощи НКПС в ведении переговоров с предпринимателями. Нам следовало найти решение этой проблемы без того, чтобы вновь воспроизвести все недостатки отраслевых профсоюзов.

Мы смогли добиться этих изменений в профсоюзном движении Сингапура без серьезных забастовок и индустриальных конфликтов. Повышению зрелости профсоюзного движения и его лидеров помогли несколько настойчивых и способных служащих, которые в 1962 году были направлены в Отдел изучения труда НКПС (Labour Research Unit). Это произошло вскоре после того, как в 1961 году коммунистические профсоюзы откололись от Конгресса профсоюзов Сингапура (Singapore Trade Union Congress), чтобы сформировать собственную федерацию профсоюзов, оставив некоммунистические профсоюзы без достаточного числа квалифицированных руководителей, готовых вести переговоры с предпринимателями. Одним из них был С.Р.Натан (S.R. Nathan), который до того был социальным работником. Он обладал здравым смыслом и неплохо сработался с профсоюзными лидерами. Впоследствии Натан стал постоянным секретарем Министерства иностранных дел и нашим послом в Вашингтоне. В 1999 году он был избран президентом Сингапура. Другим был Су Це Кван (Hsu Tse Kwang), – энергичный практик, который впоследствии стал главой налоговой администрации. Они помогали лидерам некоммунистических профсоюзов вести переговоры с предпринимателями и представлять их интересы в Индустриальном арбитражном суде. Они также знакомили профсоюзных лидеров с реалиями экономического выживания Сингапура и, в процессе этого, способствовали формированию реалистично мыслящего и практичного руководства НКПС. Позднее, в 90-ых годах, я поощрял перспективных выпускников университетов, возвращавшихся из-за рубежа, поступать на работу в НКПС, чтобы усилить эту организацию, ее способность к ведению переговоров с предпринимателями. К тому времени наша система всеобщего образования и многочисленные стипендии, выделявшиеся государством, позволяли всем детям бедных родителей поступить в университет. В результате, способные руководители

профсоюзов, выбившиеся из низов благодаря своим способностям, но не имевшие образования, стали редкостью.

Чтобы поддерживать символические отношения между правительством ПНД и НКПС, я поощрял НКПС привлекать некоторых членов парламента к работе в профсоюзах на постоянной основе, а других – в качестве советников. Они поднимали проблемы профсоюзов в парламенте. Такое усиление профсоюзов качественно изменило ситуацию. Без интеллектуального вклада членов парламента, без их свободного доступа к министрам, профсоюзам было бы сложно добиться рассмотрения своих вопросов и проблем, а время от времени – добиться изменения политики.

Мы установили справедливые правила игры в отношениях между рабочими и предпринимателями. Ограничение эксцессов в деятельности профсоюзов было сбалансировано внедрением консультативных и арбитражных процедур, с помощью которых профсоюзы могли защитить интересы рабочих. Ключ к миру и гармонии в обществе – это ощущение того, что игра ведется честно, что каждый получает свою долю общественного пирога.

Конструктивный подход НКПС к решению наших проблем помог снизить уровень безработицы с 14 % в 1965 году до 1.8 % в 1997 году. На протяжении 25 лет, с 1973 по 1997 год, реальная средняя заработная плата увеличивалась в среднем на 5 % в год. В 1997 году, во время азиатского финансового кризиса, эта тенденция изменилась (в 1998 году безработица выросла до 3.2 %). Тогда с целью восстановления конкурентоспособности Сингапура, профсоюзы и правительство достигли соглашения и провели в жизнь комплекс мер, которые позволили уменьшить заработную плату и другие издержки производства на 15 %, начиная с 1 января 1999 года.

Глава 7. Справедливое общество, а не «государство благосостояния» (welfare state)

Мы верили в социализм, в то, что каждый имеет право на справедливую долю общественного богатства. Позже мы узнали, что для успешного развития экономики личная заинтересованность в результатах работы и вознаграждение за труд также являются жизненно важными. Но так как способности людей различны, то, если результаты работы и распределение вознаграждения за труд регулируются рынком, то неизбежно наличие незначительного числа тех, кто получил бы очень много, множество тех, кто довольствовался бы средним вознаграждением, и значительное количество проигравших. Это привело бы к возникновению социальной напряженности, ибо такое распределение являлось бы вызовом идее социальной справедливости.

Существовавшая в колониальном Гонконге 60-ых годов общественная система, основанная на конкуренции, в которой «победитель получал все», являлась неприемлемой для Сингапура. Колониальное правительство Гонконга не сталкивалось с перспективой переизбрания каждые пять лет, а для правительства Сингапура это было реальностью. Чтобы сгладить крайности рыночной конкуренции, нам приходилось перераспределять национальный доход, субсидируя те виды деятельности, которые увеличивали возможности граждан зарабатывать себе на жизнь, например, образование. Субсидирование жилья и общественного здравоохранения также было бы весьма желательно, но поиск правильных решений, касавшихся охраны здоровья людей, пенсионного обеспечения и льгот по старости, был нелегким делом. Мы подходили к решению каждого вопроса прагматично, хотя и понимали, что злоупотребления и потери были вполне возможны. Если бы мы перераспределяли слишком большую часть национального дохода путем более высокого налогообложения, то наиболее преуспевающие члены общества утратили бы стимулы к достижению высоких результатов. Сложность заключалась в том, чтобы найти «золотую середину».

Моей главной заботой было обеспечение каждому гражданину его доли в богатстве страны и места в ее будущем. Я хотел, чтобы наше общество состояло из домовладельцев. Я видел своими глазами разницу между многоквартирными домами с низкой арендной платой, находившимися в плачевном состоянии и жильем, принадлежавшим частным домовладельцам,

которым они гордились. Я был убежден, что, если бы каждая семья владела жильем, то это сделало бы ситуацию в стране более стабильной. Когда мы победили на всеобщих выборах в сентябре 1963 года, Сингапур еще находился в составе Малайзии. С моей подачи Управление жилья и городского развития (УЖГР – Housing and Development Board) обнародовало программу развития частного домовладения. Мы образовали УЖГР в 1960 году в качестве правительственной организации, занимавшейся строительством недорогого жилья для рабочих. В 1964 году УЖГР предложило всем желающим приобретать жилье и стало выделять жилищные займы под низкие проценты с выплатой на протяжении 15 лет. Схема не получила поддержки, так как потенциальные покупатели не могли собрать деньги на первоначальный 25 %-ый взнос.

После провозглашения независимости в 1965 году меня беспокоил тот факт, что электорат Сингапура полностью состоял из горожан. Я уже видел в других странах, что жители столичных городов обычно голосовали против правительства, находившегося у власти. Поэтому я был убежден, что без того, чтобы превратить жильцов в домовладельцев, нам не удалось бы укрепить политическую стабильность. Другим важным мотивом была необходимость дать родителям сыновей, которые служили в вооруженных силах Сингапура, тот отчий дом, который их сыновья должны были защищать. Если бы у семьи солдата не было своего дома, то он не стал бы сражаться, чтобы защитить имущество богатых. Я верил, что чувство собственности жизненно важно для нашего общества, которое не имело глубоких корней, уходивших в общее историческое прошлое. В этом вопросе наш министр обороны, Кен Сви, являлся моим самым ярким сторонником. Другие министры полагали, что частное владение жильем было желательным, но не жизненно важным.

Колониальное правительство Сингапура создало Центральный фонд социального обеспечения, задуманный в качестве простой пенсионной сберегательной схемы. Работник и работодатель ежемесячно вносили по 5 % заработной платы, и работник мог получить накопленные средства, когда ему исполнялось 55 лет. Для системы пенсионного обеспечения этого было недостаточно. Кен Сви и я решили расширить эту обязательную сберегательную схему и превратить ее в фонд, который позволил бы каждому рабочему стать владельцем жилья. В 1968 году, после внесения изменений к «Закону о ЦФСО» (CPF Act), в результате которых были увеличены нормы отчислений в фонд, УЖГР обнародовало измененную схему приватизации жилья. Рабочим разрешалось использовать накопленные в ЦФСО сбережения для выплаты первоначального 25 %-го взноса и выплат по жилищному займу, которые теперь можно было делать ежемесячно на протяжении более чем 20 лет.

Предварительно я обсудил этот план с лидерами профсоюзов. Поскольку я пользовался их доверием, то чувствовал, что мне удастся преодолеть все трудности и выполнить свое обещание, данное профсоюзам, что каждый рабочий получит возможность стать домовладельцем. Поэтому я уделял этой схеме постоянное внимание, время от времени внося в нее изменения по мере того, как ситуация на рынке вносила коррективы в уровень заработной платы, стоимость строительства и цену земли. Ежегодно Национальный совет по заработной плате вносил предложения по увеличению заработной платы, основываясь на показателях экономического роста, достигнутых в предшествующем году. Я знал, что как только рабочие привыкнут к более высокой «чистой» заработной плате, они будут сопротивляться любому увеличению взносов в ЦФСО, которая уменьшила бы сумму денег, которую они могли бы свободно тратить. Поэтому практически ежегодно я увеличивал уровень отчислений в ЦФСО, но делал это таким образом, чтобы количество денег, которое рабочие приносили домой, все-таки увеличивалось. Это было безболезненно для рабочих и позволяло держать инфляцию под контролем. Подобное увеличение зарплаты было возможно только в результате того, что экономика ежегодно росла быстрыми темпами. И, поскольку правительство выполняло свое обещание дать рабочим справедливую долю общественного богатства через программу приватизации жилья, между рабочими и промышленниками складывались преимущественно мирные отношения.

С 1955 по 1968 год ставка отчислений в ЦФСО оставалась неизменной. Я постепенно увеличил ее с 5 % до максимального уровня в 25 % в 1984, в результате чего норма сбережений достигла 50 % зарплаты. Позднее она была снижена до 40 %. Министр труда всегда больше

всего беспокоился по поводу увеличения суммы «чистой» заработной платы рабочих и настаивал, чтобы я откладывал поменьше средств в ЦФСО, но я всегда настаивал на своем. Я был решительно настроен не перекладывать затраты на социальное обеспечение ныне живущих людей на плечи будущих поколений.

В 1961 году большой пожар полностью уничтожил поселение, состоявшее из трущоб, площадью 47 акров⁴ в Букит Хо Сви (Bukit Ho Swee). Примерно 16,000 семей остались без жилья. Я немедленно внес изменения в законодательство, что позволило правительству приобретать землю после пожара по такой цене, как если бы жилье все еще было цело. Это увеличивало стоимость земли примерно в три раза. При принятии этого законопроекта я доказывал, что «было бы отвратительно позволять кому-либо наживаться на пожарах. Это только создавало бы стимулы для поджогов трущоб владельцами земельных участков, занятых поселенцами».

Позже я внес дополнительные изменения в закон, позволив правительству приобретать землю для общественных нужд, по цене, сложившейся на 30 ноября 1973 года. Я не видел никаких оснований позволять собственникам земли наживаться за счет увеличения ее стоимости, вызванного ростом экономики и развитием инфраструктуры, которые оплачивались из общественных фондов. По мере того, как общество становилось все более процветающим, мы постепенно сдвигали дату, на которую фиксировалась цена земли: январь 1986 года, январь 1992 года, а затем – январь 1995 года. Это приблизило фиксированную цену земли к рыночному уровню.

Число желавших купить новые квартиры в УЖГР быстро росло: с 3,000 человек в 1967 – до 70,000 человек в 1996 году. Более половины тех, кто покупал жилье в 90-ых годах, уже были домовладельцами, желавшими улучшить свои жилищные условия. В 1996 году у нас было 750,000 квартир УЖГР, из которых только 9 % сдавались в наем, остальные были заняты собственниками. Цена этих квартир была в пределах от 150,000 долларов за самую маленькую трехкомнатную квартиру до 450,000 долларов за роскошные апартаменты.

Время от времени я вмешивался в решение этих вопросов непосредственно, как это случилось в мае 1984 года, когда я потребовал от руководителя УЖГР улучшить качество жилья и внести разнообразие в проекты строительства жилья и благоустройства новых районов, чтобы они не выглядели так однообразно. Архитектурные изменения, которые были сделаны после этого, придали новым районам своеобразие, используя такие уникальные черты ландшафта как водоемы и холмы.

В течение первого десятилетия, начиная с 1965 года, новые жилые районы были расположены на окраинах центральной зоны: в Тион Бару, Квинстауне, Тоа Пейо и Макпирсон (Tiong Bahru, Queenstown, Toa Payoh, MacPearson). После 1975 года мы начали строить жилье подальше, на месте бывших полей и ферм. После обсуждения с чиновниками УЭР я распорядился, чтобы УЖГР оставляло при застройке этих районов участки земли для строительства предприятий, не загрязнявших окружающую среду, на которых могли бы работать многочисленные домохозяйки и молодые женщины, чьи дети уже ходили в школу. Идея оказалась хорошей, что подтвердилось, когда в 1971 году компания «Филипс» (Phillips) построила фабрику в Тоа Пейо. После этого в большинстве новых районов были построены чистые, оснащенные кондиционерами фабрики, принадлежавшие МНК и производившие компьютерные компоненты и электронику: «Хьюлетт-Паккард», «Компак», «Тэксас инструментс», «Эппл компьютер», «Моторола», «Сигейт», «Хитачи», «Айва», «Митцубиси» и «Сименс» («Compaq», «Apple Computer», «Motorola», «Seagate», «Hitachi», «Aiwa», «Mitsubishi», «Siemens»). Они создали более 150,000 рабочих мест, в основном для женщин, живших неподалеку. Это помогло удвоить, а то и утроить семейные доходы.

Когда 30 лет работы сжимаются в несколько страниц, все выглядит простым и легким. Между тем мы столкнулись с огромными проблемами, особенно на раннем этапе, когда нам пришлось переселять фермеров и других жителей из деревянных, построенных на незаконно захваченной земле хижин, не имевших ни воды, ни электричества, ни канализации, ни счетов за квартплату и коммунальные услуги. Многоэтажные дома, в которые мы переселяли людей,

⁴ Прим. пер.: 1 акр = 0.4 га

обладали всеми коммунальными удобствами, но за удобства нужно было ежемесячно платить. В личном, социальном, экономическом плане это было для них мучительно.

Приспособление к новым условиям давалось нелегко и зачастую вело к комичным, даже абсурдным результатам. Несколько фермеров, разводивших свиней, не могли расстаться со своими животными и забрали их в многоэтажные дома. Надо было видеть, как некоторые из них гоняли свиней по лестницам многоэтажных зданий. Одна семья, в которой насчитывалось 12 детей, переезжая из хижины в новую квартиру УЖГР на Олд эйрпорт роуд (Old Airport Road), взяла с собой десяток курей и уток, чтобы держать их на кухне. Мать семейства построила деревянную загородку, чтобы птицы не могли попасть в жилые помещения. По вечерам дети искали червяков и насекомых на газонах, чтобы кормить ими птиц. Они занимались этим на протяжении следующих 10 лет, пока не переехали в другую квартиру.

Малайцы предпочитали жить поближе к земле. Они разводили овощи вокруг многоэтажных домов, – как привыкли в своих деревнях. На протяжении еще долгого времени многие китайцы, малайцы и индусы не пользовались лифтами, а ходили по лестницам, и не из желания поразмяться, а из боязни к лифтам. Находились люди, которые пользовались керосиновыми лампами вместо электрического света; другие продолжали заниматься своим старым бизнесом, продавая сигареты, сладости и всякую мелочь из окон квартир первого этажа, выходящих на улицу. Все эти люди страдали от культурного шока.

Успех принес с собой новые проблемы. Люди, стоявшие в очереди на приобретение жилья, заметили, что цены на квартиры ежегодно росли по мере повышения цен на землю, стоимости импортных стройматериалов и заработной платы. Их охватывало нетерпение, они хотели приобрести квартиры как можно скорее, но существовали пределы того, что мы могли построить с надлежащим качеством. В 1982–1984 годах мы совершили одну из самых прискорбных ошибок, увеличив количество строившихся квартир более чем вдвое по сравнению с предшествующим периодом. В 1979 году я назначил министром национального развития Те Чин Вана (The Cheang Wan). До этого он был председателем УЖГР. Он заверил меня, что мы были в состоянии удовлетворить растущий спрос на жилье и сдержал обещание, но подрядчики не смогли справиться с растущим объемом работ. В результате, плохое качество строительства повлекло за собой значительное число жалоб, когда через несколько лет стали проявляться недоделки и дефекты. Их исправление дорого обошлось УЖГР и причинило большие неудобства владельцам жилья.

Мне следовало понимать, что нельзя было уступать требованиям людей, требовавших от нас сделать больше, чем мы реально могли. Тем не менее, в начале 90-ых годов мы приняли еще одно похожее ошибочное решение, за которое я частично нес ответственность. По мере того, как цены на недвижимость росли, каждому хотелось заработать на продаже своего старого жилья и приобрести новое жилье – как можно более просторное и качественное. Вместо того чтобы ограничить спрос путем налогообложения прибыли от продажи жилья, я согласился увеличить количество строившихся домов, чтобы удовлетворить требования избирателей. Это еще больше вздуло цены на рынке недвижимости и ухудшило последствия кризиса, разразившегося в 1997 году. Если бы мы ограничили спрос раньше, в 1995 году, мы бы от этого неизмеримо выиграли.

В 1989 году я предложил министру национального развития заняться реконструкцией старого жилья за счет общественных средств, с тем, чтобы качество этого жилья примерно соответствовало качеству нового, а старые районы не выглядели как трущобы. Он согласился и послал несколько делегаций за границу, для изучения того, каким образом подобная реконструкция могла быть произведена в условиях, когда жильцы оставались в своих домах. Эти делегации нашли подходящие примеры в Германии, Франции и Японии. УЖГР начало пилотный проект по реконструкции старых квартир, расходуя в среднем 58,000 долларов на реконструкцию одной квартиры, что включало в себя реконструкцию санузла, ванной или расширение кухни, а также улучшение внешнего вида домов. Владельцам жилья эти работы обходились всего в 4,500 сингапурских долларов. Фасады домов и прилегающие к ним территории были обновлены и доведены до уровня новых районов, а коммунальные удобства соответствовали удобствам частных многоквартирных домов, включая наличие крытых галерей, общих закрытых помещений для общественных и социальных нужд и благоустройство

прилегающей к ним территории. Рыночная стоимость реконструированных домов существенно выросла.

Другой сложной проблемой являлось здравоохранение. В 1947 году, когда я учился в Великобритании, лейбористское правительство создало Национальную службу здравоохранения (НСЗ – National Health Service). Вера лейбористов в то, что все люди были равны, а потому каждый имел право на получение наилучшей медицинской помощи была идеалистичной, но не слишком практичной, ибо это вело ко все возрастающим затратам. Британская НСЗ оказалась неудачным начинанием. Американская система страховой медицины была очень дорогой. Страховые премии были очень высокими, потому что страховым компаниям приходилось оплачивать расточительные и экстравагантные диагностические исследования. Нам следовало найти собственное решение этой проблемы.

Идеал бесплатного медицинского обслуживания сталкивался с реалиями человеческой натуры, по крайней мере, в Сингапуре. Свой первый урок я получил в правительственных клиниках и госпиталях. Когда доктора приписывали пациентам бесплатные антибиотики, пациенты принимали лекарства пару дней, не чувствовали улучшения и выбрасывали оставшиеся таблетки. После этого они обращались к частным докторам, платили за лекарства сами, проходили полный курс лечения и выздоравливали. Я решил ввести плату в размере 50 центов за каждое посещение поликлиники. Со временем размер этой платы постепенно увеличивался в соответствии с увеличением доходов и ростом инфляции.

Мне приходилось бороться с бесконтрольным увеличением бюджетных расходов на здравоохранение. В 1975 году я обсудил с некоторыми членами правительства предложение о выделении части ежемесячных личных взносов в ЦФСО на частичную оплату личных медицинских счетов. Кен Сви, заместитель премьер – министра, поддержал предложение установить эти взносы для оплаты больничных счетов на уровне 2 % заработной платы. Я согласился, что такая система была лучше, чем общее медицинское страхование, потому что в этом случае расходы оплачивались бы индивидуально, что предотвращало бы злоупотребления.

То Чин Чай, занимавший тогда пост министра здравоохранения, хотел отложить этот проект. Он тогда только что вернулся из Китая, где посетил несколько госпиталей в Пекине, и находился под впечатлением от великолепного медицинского обслуживания, которое было бесплатным и обеспечивало одинаковое лечение для всех, независимо от социального статуса. Я не поверил, что китайцам удалось обеспечить подобные стандарты медицинского обслуживания для всех даже в Пекине, не говоря уже обо всем Китае.

Я решил не спорить по этому поводу. Вместо этого, я попросил постоянного секретаря министерства здравоохранения д-ра Эндрю Чу Гуан Хуана (Dr. Andrew Chew Guan Khuan) подсчитать, какую часть взносов в ЦФСО необходимо было выделить на частичную оплату медицинских расходов. Он доложил, что эта часть должна была быть в пределах 6–8 % ежемесячных взносов в ЦФСО. Начиная с 1977 года, я потребовал от всех членов ЦФСО откладывать 1 % их ежемесячного дохода на специальный счет, который мог использоваться для частичной оплаты их личных медицинских расходов и расходов членов их семей. Постепенно размер этого взноса был увеличен до 6 %.

После выборов, состоявшихся в конце 1980 года, я назначил Го Чок Тонга (Goh Chok Tong) министром здравоохранения. Он был избран в парламент в 1976 году и вполне соответствовал новой должности. Я поделился с ним своими мыслями по поводу развития системы здравоохранения и дал ему некоторые исследовательские отчеты и другие статьи, касавшиеся стоимости медицинского обслуживания. Он понял, чего я хотел: наличия хорошей системы здравоохранения, при которой затраты и расточительство разного рода ограничивались бы путем частичного покрытия расходов со стороны пациентов. Субсидии на содержание системы здравоохранения были необходимы, но они также могли привести к расточительству и стать просто губительными для государственного бюджета.

К тому времени как в 1984 году мы внедриli систему «Медисэйв» («Medisave»), на каждом спецсчете в ЦФСО накопились изрядные суммы. Мы увеличили размер месячного взноса на специальный счет «Медисэйв» до 6 % заработной платы, установив в 1986 году верхний предел для такого взноса на уровне 15,000 сингапурских долларов. Этот предел регулярно увеличивался через определенные промежутки времени. Сбережения, превышавшие

эту сумму, переводились на общий личный счет ЦФСО и могли использоваться для выплаты жилищного займа или других инвестиций. Чтобы усилить семейную солидарность и ответственность, счета «Медисэйв» разрешалось использовать для оплаты медицинских счетов ближайших родственников: бабушек, дедушек, родителей, супругов и детей.

Частичная оплата медицинских услуг пациентами предотвращала расточительство. Субсидии на оплату медицинских расходов в государственных больницах составляли до 80 % стоимости услуг, в зависимости от типа лечения и качества ухода за больным, который избирали сами пациенты. По мере роста доходов все меньшее число людей предпочитали недорогие виды услуг, которые в наибольшей степени субсидировались правительством, и выбирали лечение в более комфортных условиях, которые стоили дороже, но субсидировались правительством в меньшей степени. Правительство рассматривало введение такого порядка, при котором тип ухода, на который пациент имел право, определялся бы согласно определенным критериям, но потом отказалось от этой идеи, ибо реализовать ее на практике было бы сложно. Вместо этого мы поощряли людей выбирать более качественное лечение, в пределах того, что они могли себе позволить, оборудуя различные по стоимости отделения больниц так, что они значительно отличались по уровню комфорта. В результате, каждый пациент мог выбрать то, что ему было по карману. Растущие доходы людей привели к увеличению сбережений на счетах «Медисэйв» и позволили людям, почувствовавшим себя достаточно состоятельными, выбирать лучше оснащенные отделения.

Мы разрешили использовать средства со счетов «Медисэйв» для оплаты счетов частных клиник, установив при этом предельные цены для различных видов лечения. Такая конкуренция заставляла правительственные больницы улучшать качество лечения. Но мы не разрешали использовать средства со счетов «Медисэйв» для оплаты посещения поликлиник или частных терапевтов. Мы считали, что если дать людям возможность оплачивать эти расходы со счетов «Медисэйв», то большее число людей станет обращаться к доктору без особой необходимости, по незначительным поводам, чем в том случае, если бы они платили за эти услуги наличными.

В 1990 году мы дополнили эту систему системой «Медишилд» (Medishield) – добровольным страхованием для покрытия стоимости лечения фатальных заболеваний. Страховые премии можно было платить за счет средств на счетах «Медисэйв». В 1993 году мы учредили фонд «Медифанд» (Medifund), существовавший за счет правительственных поступлений и предназначавшийся для покрытия медицинских расходов тех, кто исчерпал средства со счетов «Медисэйв», «Медишилд» и не имел близких родственников, которые могли бы помочь. Такие пациенты могли обращаться за помощью в оплате всех медицинских расходов, которые потом покрывались за счет «Медифанд». Таким образом, в то время как все нуждающиеся получали необходимую медицинскую помощь, у нас не было ни значительной утечки ресурсов на содержание системы здравоохранения, ни длинных очередей пациентов на операцию.

Универсальной проблемой, которую нам предстояло разрешить, была проблема пенсионного обеспечения рабочих, которые достигли возраста, когда они не могли больше работать. В Европе и Америке пенсионным обеспечением занимается правительство, а платят за это – налогоплательщики. Мы решили, что все работники должны откладывать сбережения на старость в ЦФСО. В 1978 году правительство разрешило использовать средства ЦФСО в качестве личного сберегательного фонда для инвестирования. В начале 1978 года правительство провело реструктуризацию автобусного сообщения в Сингапуре. Мы учредили компанию «Сингапур бас сервисиз» (Singapore Bus Services), выпустили ее акции на фондовой бирже и разрешили членам ЦФСО использовать до 5,000 долларов на их счетах для покупки акций компании. Я хотел, чтобы число владельцев компании было максимальным, так что прибыль от ее работы возвращалась бы рабочим, которые регулярно пользовались услугами общественного транспорта. У них также было бы меньше стимулов требовать установления более низкой платы за проезд в общественном транспорте и выделения правительственных субсидий на его развитие.

Окрыленные этим успехом, мы разрешили использование средств ЦФСО для инвестиций в частные коммерческие и промышленные объекты, акции, золото и акции инвестиционных

фондов. Если доход по этим инвестициям превышал сумму процентов, начисляемых на остатки по счетам ЦФСО, владельцы счетов могли снять излишки со счетов ЦФСО. Мы ввели некоторые ограничения, чтобы предотвратить потерю членами ЦФСО их сбережений. К 1997 году полтора миллиона членов ЦФСО инвестировали средства в ценные бумаги и акции крупнейших компаний, котирувавшихся на биржах Сингапура.

Когда в 1993 году мы начали продажу акций компании «Сингапур телеком», мы продали значительную их часть всем взрослым гражданам страны за половину стоимости. Мы сделали так, чтобы перераспределить излишки госбюджета, накопившиеся за годы устойчивого экономического роста. Мы хотели, чтобы наши люди владели акциями крупной сингапурской компании – осязаемой частью материального богатства страны.

Чтобы предотвратить немедленную продажу акций для получения прибыли, как это случилось, когда Великобритания приватизировала компанию «Бритиш телеком» (British Telecom), мы предложили акционерам право на получение бесплатных акций после одного, двух, четырех и шести лет владения акциями при условии, что они не продадут первоначально полученные акции. В результате 90 % всех работников владели акциями «Сингапур телеком». Вероятно, это наивысший показатель в мире.

После того, как я заметил разницу в отношении людей к уходу за собственными домами и за жильем, которое они снимали, я убедился, что чувство собственности имеет глубокие корни в человеческой натуре. Во время беспорядков, имевших место в 50-ых – 60-ых годах, люди присоединялись к толпе, били ветровые стекла автомобилей, переворачивали машины и сжигали их. А когда беспорядки вспыхнули в середине 60-ых годов, после того, как многие из них стали владельцами жилья и собственности, люди вели себя иначе. Я наблюдал, как молодые люди уносили свои мопеды и мотороллеры, припаркованные на обочинах дорог, чтобы закрыть их в безопасных местах – на лестницах домов УЖГР, в которых они жили. Моя убежденность в том, что каждая семья должна владеть собственностью, которую, я был уверен, она будет охранять и оберегать, только окрепла. Особенно это касалось домов. И я не ошибся.

Мы решили перераспределять общественное богатство не через субсидирование потребления, а через накопление собственности. Даже те, кто не смог завоевать высших наград в рыночной конкуренции, все – таки получали достаточно ценные подарки за участие в жизненном марафоне. Тот, кто хотел потратить накопленные средства, мог продать активы, которыми он владел. Замечательно, что таких людей было немного. Вместо этого, люди предпочитали инвестировать и увеличивать стоимость своих активов, используя на потребление только полученный с них доход. Они хотели сохранить свой капитал на «черный день», а впоследствии оставить его своим детям и внукам.

Членство в ЦФСО выросло с 420,000 человек в 1965 году до более чем 2.8 миллиона человек в 1998 году. Стоимость активов ЦФСО в 1998 году равнялась 85 миллиардам сингапурских долларов, не считая 80 миллиардов сингапурских долларов, использованных на покупку жилья УЖГР, частной собственности и инвестиций в ценные бумаги. Практически каждый работник имеет свой личный пенсионный фонд. В случае его смерти, сбережения, накопленные работником на счету в ЦФСО, будут выплачены наследникам в соответствии с его завещанием, безо всяких задержек и судебных формальностей.

Наблюдая за постоянно растущей стоимостью социального обеспечения в Великобритании и Швеции, мы решили отказаться от подобной практики. Уже к 70-ым годам мы заметили, что там, где правительство брало на себя ответственность за выполнение функций главы семьи, люди начинали расслабляться. Система социального обеспечения подрывала в людях сознание того, что в жизни следует полагаться на себя. Им не надо было больше работать на благо своей семьи, подачки становились образом жизни. Эта нисходящая спираль становится бесконечной, по мере того как мотивация людей к труду ослабевает, а производительность труда снижается. Люди утрачивают стремление добиваться успеха, потому что они платят слишком много налогов. С другой стороны, они начинают зависеть от государства в удовлетворении своих основных потребностей.

Мы считали, что наилучшим решением проблемы являлось укрепление традиционной конфуцианской веры в то, что мужчина является ответственным за свою семью: родителей, жену и детей. Нас часто критиковали представители оппозиционных партий и корреспонденты

западных средств массовой информации в Сингапуре за то, что мы проводили такую жесткую политику и не желали субсидировать потребление. Нам было трудно бороться с искушением пойти на поводу у предвыборных обещаний оппозиции в сфере социального обеспечения. В 60-ых – 70-ых годах крах европейской модели «государства благосостояния» не был еще столь очевиден. Потребовалось два поколения, чтобы понять, какой ущерб наносит такая политика в области социального обеспечения, подрывая производительность труда людей, замедляя экономический рост и увеличивая дефицит бюджета. Нам потребовалось значительное время, чтобы накопить достаточные сбережения в ЦФСО и сделать значительное число людей собственниками жилья. Но после этого люди больше не желали, чтобы их индивидуальные сбережения шли в общий котел для обеспечения каждому равных прав в сфере социального обеспечения, – владения одинаковыми домами или получения примерно одинакового уровня медицинского обслуживания в больнице. Я был убежден, что люди предпочли бы больше работать, чтобы быть в состоянии заплатить за лучшее и более просторное жилье или за более качественное лечение. Хорошо, что я не поддался критике, звучавшей в ходе одной избирательной кампании за другой до 80-ых годов, когда западные средства массовой информации все-таки признали крах модели «государства благосостояния».

ЦФСО сделал наше общество другим. Люди, обладающие значительными сбережениями и активами, по-другому относятся к жизни. Они более уверены в собственных силах и принимают на себя ответственность за себя и за свои семьи. Они не подвержены «буфетному синдрому», который возникает, когда, заплатив страховую премию, люди стараются пройти через такое количество медицинских обследований и процедур, какое только заблагорассудится их докторам или им самим.

Чтобы сбережения, накопленные членом ЦФСО на его счету, оказались достаточными при его выходе на пенсию, мы не разрешаем использовать деньги, находящиеся на этом счету, и активы, приобретенные за счет этих сбережений, для покрытия долгов или судебных исков. Жилье УЖГР, купленное за счет средств ЦФСО, также не может стать добычей кредиторов. Только само УЖГР может принимать меры против владельца жилья, который не расплатился по жилищному займу, выданному на приобретение дома.

ЦФСО позволил работникам самим финансировать личный фонд всестороннего социального обеспечения, не уступающий любым системам пенсионного или социального обеспечения, не перекладывая этот груз на плечи следующего поколения работников. Это и более справедливо, и более разумно, когда каждое поколение платит за себя, и каждый работник откладывает деньги в личный пенсионный фонд.

Такая система социального обеспечения и частного домовладения обеспечила политическую стабильность в течение 30 лет. Жители Сингапура находятся в иной ситуации, нежели жители Гонконга, Тайбэя, Сеула или Токио, которые получают высокую заработную плату, но при этом платят высокую квартплату за проживание в крошечных комнатках, которыми они никогда не будут владеть. Подобный электорат не позволил бы ПНД побеждать на одних выборах за другими, набирая подавляющее большинство голосов.

Предпосылкой создания подобной ЦФСО системы социального обеспечения, является наличие экономики с низким уровнем инфляции и поддержание ставки банковского процента на уровне, превышающем уровень инфляции. Люди должны быть уверены, что их сбережения не пропадут в результате инфляции и девальвации национальной валюты. Другими словами, разумная финансовая и бюджетная политика являлись предпосылками успешного функционирования ЦФСО.

Если бы мы не перераспределяли те блага, которые наши люди создавали в условиях рыночной конкуренции, мы бы ослабили чувство солидарности между жителями Сингапура, ослабили бы чувство того, что все они – люди одной судьбы. Я попробую объяснить необходимость правильного баланса между индивидуальной конкуренцией и групповой солидарностью, используя восточные символы «инь» и «янь» (Yin, Yang). Эти округлые символы, похожие на рыбок, вместе образуют круг. «Инь» представляет собой женский элемент, «янь» – мужской. Чем больше «янь» (мужского элемента), то есть, чем больше конкуренции в обществе, тем больших результатов оно добивается. Если «победитель получает все», то конкуренция будет острой, но групповая солидарность – слабой. Чем больше «инь»

(женского элемента), то есть, чем равномернее распределены результаты работы, тем сильнее групповая солидарность, но тем ниже общие достижения ввиду ослабления конкуренции.

В азиатском обществе Сингапура родители обычно хотят, чтобы их дети имели лучшие стартовые условия в жизни, чем они сами. Из-за того, что практически все сингапурцы являются иммигрантами, их стремление к безопасности, особенно для своих детей, огромно. Владение собственностью, вместо выделения субсидий на социальное обеспечение, предоставило людям широкие возможности и возложило на них ответственность за то, на что потратить свои деньги.

Безответственные и неспособные люди будут в обществе всегда, и в нашем обществе они составляют примерно 5 % населения. Такие люди растратят любые активы, будь-то дом или ценные бумаги. Мы прикладываем большие усилия, чтобы заставить этих людей быть настолько независимыми, насколько это возможно, и не оказаться в благотворительном заведении. Что еще более важно, мы пытаемся уберечь их детей от повторения безответственных поступков родителей. Мы предоставляем таким людям помощь, но лишь в том случае, если никакого другого выхода у них нет. Такой подход представляет собой полную противоположность социальной политике западных стран, в которых либералы активно поощряют людей обращаться за социальной помощью безо всякого чувства стыда, что приводит к огромному росту затрат на социальное обеспечение.⁵

Наша социальная политика побуждала людей добиваться в работе наивысших результатов. Финансовая стабильность, сбалансированный бюджет, низкие налоги поощряли значительные инвестиции и высокую производительность. Кроме обязательных сбережений в ЦФСО, составлявших 40 % заработной платы, многие люди дополнительно добровольно сберегали деньги в Почтовом сберегательном банке, который позже был переименован в ПОС-банк (POSBank). Все это позволило правительству инвестировать в развитие инфраструктуры: дорог, мостов, аэропортов, контейнерных портов, электростанций, водохранилищ и метрополитена (mass rapid transit system). Мы не допускали расточительных затрат, и это позволяло сохранить низкий уровень инфляции и не прибегать к иностранным займам. Начиная с 60-ых годов, мы ежегодно сводили бюджет с профицитом, за исключением 1985–1987 годов, когда экономика переживала спад. Правительственные расходы составляли 20 % ВВП, по сравнению с 37 % в странах «большой семерки». С другой стороны, наши затраты на развитие страны намного превышали подобные расходы в странах «большой семерки».

Практически ежегодно мы стремились к тому, чтобы собрать бюджетные поступления в объемах, достаточных для финансирования текущих расходов и инвестиций, оставаясь при этом конкурентоспособными по отношению к другим странам в налоговой сфере. В 1984 году прямые налоги составляли две трети общих налоговых поступлений. Мы прогрессивно снижали ставку подоходного налога, – как личного, так и корпоративного, – и в 1996 году прямые налоги составляли примерно половину общих налоговых поступлений, по сравнению с тремя четвертями в странах «большой семерки». Мы переходили от налогообложения дохода к налогообложению потребления. Максимальная ставка налогообложения доходов частных лиц (income tax) была снижена с 55 % в 1965 году до 28 % в 1996 году. Налог на прибыль корпораций сократился за тот же период с 40 % до 26 % процентов. В Сингапуре нет налога на прирост капитала (capital gains tax). Наш налог с оборота – эквивалент НДС – составляет 3 %. Наши импортные тарифы составляют примерно 0.4 %.

Первоначально у нас была очень высокая ставка налогов на продажу собственности (estate duty), основанная на воззрениях британской социалистической философии, призывавшей высасывать соки из богатых. Но квалифицированные налоговые юристы и бухгалтеры мало что оставляли на долю налоговых инспекторов. В 1984 году мы снизили ставку налога на продажу собственности с 60 % до 5 – 10 %, в зависимости от стоимости собственности. В результате объем налоговых поступлений увеличился, так как богатые считали, что уклоняться от этого налога больше не имело смысла. Мы также имеем значительные неналоговые поступления в

⁵ Прим. пер.: согласно нормам конфуцианской морали, сторонником которой является Ли Куан Ю, получать не заработанное из любого источника – стыдно

бюджет от обложения широкого круга пользователей и потребителей товаров и услуг, предоставляемых государством. Целью этих сборов является частичное или полное возмещение стоимости этих товаров и услуг. Это предотвращает чрезмерное потребление субсидируемых социальных благ и уменьшает диспропорции в распределении ресурсов.

Сбалансированный рост экономики обеспечивает стабильность, которая, в свою очередь, поощряет инвестиции, способствующие созданию дополнительных материальных благ. В самом начале мы приняли трудные решения, что позволило создать благоприятные условия для экономического развития. Мы удерживали государственные расходы и затраты на социальное обеспечение на невысоком уровне, одновременно поддерживая высокий уровень сбережений и инвестиций. Мы накапливали активы на протяжении последних 30 лет. В этот период темпы экономического роста были высоким, а рабочая сила – сравнительно молодой. На протяжении следующих 20 лет экономический рост замедлится, а население постареет. Уровень частных сбережений снизится, расходы на здравоохранение, с ростом числа пожилых людей, – резко возрастут, в то время как доля налогоплательщиков в общей численности населения снизится. Частично мы можем подготовиться к решению этой проблемы загодя, приняв меры к увеличению сбережений пожилых людей на счетах «Медисэйв». Еще лучшим решением было бы привлечение образованных и квалифицированных иммигрантов для увеличения числа талантливых людей, роста ВВП и налоговых поступлений. Правительство также должно увеличить финансовую и административную поддержку социальных проектов, осуществляемых по месту жительства добровольцами, выполняющими и контролирующими эти работы на общественных началах.

Вся эта деятельность по налаживанию экономики была бы невозможной, если бы угнетающее влияние коммунистов на экономику сохранялось. Вместо этого, после провозглашения независимости Сингапура в 1965 году, лидеры коммунистов колебались и занимались политической возней. Они сами ушли с арены конституционной и законодательной деятельности, предоставив ПНД возможность самостоятельно строить планы относительно будущего страны. Мы использовали эту возможность и полностью изменили политическую жизнь Сингапура.

Глава 8. Политическое самоубийство коммунистов

Утром 17 ноября 1965 года начальник тюрьмы Чанги (Changi Prison) заметил, что Лим Чин Сион (Lim Chin Siong), который обычно приветствовал его, был необычайно тих. Лидер Объединенного фронта коммунистов в 50-ых и 60-ых годах, а также член Законодательного собрания от ПНД находился в заключении с 1963 года. Лим дрожал, его одежда была в беспорядке, брюки разорваны, казалось, что он участвовал в драке. Он попросил перевести его в другую камеру. Лима допросили в присутствии начальника тюрьмы. В сильном расстройстве Лим пробормотал: «Они будут бить меня, они меня отравят... Я покончу с собой, или они прикончат меня... Идеологические разногласия». По его просьбе его перевели в камеру в другой части тюрьмы.

На следующий день он заболел и был переведен сначала в тюремный госпиталь, а затем в гражданскую больницу. Примерно в 3:00 часа утра надзиратель заметил, как Лим что-то искал около тележки с медицинскими инструментами. На вопрос надзирателя он пояснил, что ищет нож. В 6:15 утра Лим встал и попросился в туалет, надзиратель ждал его за дверью. Когда Лим не вышел оттуда через три минуты, надзиратель постучал в дверь. Ответа не последовало. Надзиратель заглянул в его кабинку со стороны смежного туалета и увидел Лима повесившимся на трубе, идущей от бака с водой. Для этого он использовал свою пижаму. Надзиратель выбил дверь и вынул Лима из петли, доктора откачали его.

Коммунисты, находившиеся в заключении, были растеряны и разобщены после тех неудач, которые обрушились на них. Во-первых, поражением на референдуме о воссоединении с Малайзией в 1962 году; во-вторых, поражением на выборах в сентябре 1963 года. Партия Объединенного фронта «Барисан социалис» (Barisan Sosialis) получила только 33 % голосов избирателей и, завоевав 13 из 51 места в парламенте, оказалась второй по величине партией в парламенте. Когда Сингапур отделился от Малайзии, доктор Ли Сью Чо (Lee Sew Choh),

председатель партии «Барисан социалист», осудил независимость Сингапура как «фиктивную». На выборах в парламент он потерпел поражение и не присутствовал в парламенте, когда тот собрался на заседание в декабре 1965 года. От имени членов парламента от партии «Барисан» он заявил, что они будут бойкотировать парламент. Через некоторое время Ли Сю Чо объявил, что коммунисты отказываются от конституционной политики и «переносят сражение на улицу». Он подражал безумным идеям «культурной революции» в Китае, распространявшимися «Радио Пекина» (Radio Beijing). Он приказал, чтобы члены «Барисана», подобно «красным охранникам», бушевавшим на китайских улицах, проводили демонстрации в центрах лоточной торговли, на ночных базарах, и везде, где были скопления людей. Подобно «красным охранникам», коммунисты также выходили на демонстрации с флагами и транспарантами и устраивали столкновения с полицией. Полиция разогнала их демонстрации и предъявила обвинения организаторам демонстраций в организации беспорядков.

Вместо того, чтобы помочь завоевать общественную поддержку, эта тактика расколола и разрушила «Барисан». В январе 1966 года Лим Хуан Бун (Lim Huan Boon), лидер оппозиционной фракции «Барисан» в парламенте, объявил о своей отставке с поста члена парламента. Он сказал, что Сингапур стал независимым государством, и политика «Барисана» не соответствовала новым условиям, ибо проводилась в интересах международного коммунистического движения, а не в интересах народа Сингапура. На следующий день его исключили из партии. Он, в свою очередь, заявил, что партия «Барисан» не только разуверилась в демократической системе, но и обманула доверие людей, голосовавших за нее. Через неделю еще два члена парламента от партии «Барисан» подали в отставку, заявив, что под руководством Ли Сю Чо партия зашла в тупик, ошибочно полагая, что независимость Сингапура была «фиктивной». Два дня спустя другой член парламента от партии «Барисан» С. Т. Бани (S.T.Bani), находившийся тогда в заключении, также сложил депутатский мандат, отрекся от коммунизма и навсегда ушел из политики. В Объединенном фронте коммунистов царил полный разброд.

Ли Сю Чо не только сделал Объединенный фронт коммунистов неэффективным, но и, практически, сдал ПНД арену конституционной политической борьбы. Эта ошибка дорого обошлась коммунистам и дала ПНД полное господство в парламенте на протяжении следующих 30 лет.

Я почувствовал фундаментальное изменение в настроении людей, — они поняли, что Сингапур был их государством. Англичане должны были скоро уйти из Сингапура, Малайзия не испытывала к нам никакой симпатии, а Индонезия хотела нас уничтожить. Политика перестала быть игрой в митинги и демонстрации, она стала вопросом жизни и смерти. Каждый китаец знает поговорку: «Большая рыба ест маленькую рыбку, а маленькая рыбка ест креветку». Сингапур был «креветкой». Людей волновало одно: как выжить. Они знали, что только ПНД была испытанной и проверенной силой, и имела необходимый опыт, чтобы вывести их из угрожающей ситуации.

На промежуточных выборах в январе 1966 года в округе Букит Мера (Bukit Merah) ПНД победила с подавляющим превосходством, получив 7,000 из 11,000 голосов. На призыв «Барисана» опускать в урны чистые избирательные бюллетени откликнулось не более 400 человек. Мы выиграли шесть промежуточных выборов подряд, во всех округах — без конкуренции, чтобы заполнить вакантные места в парламенте, освободившиеся после отставки депутатов парламента от партии «Барисан». В парламент пришли хорошо подготовленные люди, многие из которых получили образование на китайском языке в Университете Наньян. Они помогли сдвинуть массы людей, говоривших на китайском языке, поближе к политическому центру.

В январе 1968 года, вскоре после объявления Великобританией о предстоящем выводе войск, я назначил всеобщие выборы. Партия «Барисан» их бойкотировала. Это была очередная серьезная ошибка, которая, в итоге, лишила коммунистов представительства в парламенте раз и навсегда. Мы добились переизбрания своих депутатов в 51 избирательном округе, где нашим кандидатам никто не противостоял, а в 7 оставшихся избирательных округах мы победили, получив 80 % голосов. Будущее Сингапура выглядело настолько мрачно, что оппозиционные партии просто уступили нам поле деятельности. После завоевания всех мест в парламенте я

решил расширить базу нашей поддержки, с тем, чтобы опираться на максимально широкие слои населения. Я решил оставить оппозиции только крайний левый и крайний правый фланги политического спектра. Нам следовало быть осторожными, чтобы не злоупотреблять той абсолютной властью, которую мы получили. Я был уверен, что если мы будем оставаться честными, и оправдаем доверие людей, то они пойдут за нами, какой бы жесткой ни была наша политика.

В политическом климате Сингапура 90-ых годов невозможно представить себе то психологическое влияние, которое имели коммунисты на этнических китайцев Сингапура и Малайи в 50-ых и 60-ых годах. Коммунисты убедили людей, что то, что произошло в Китае, произойдет и в Малайе, что коммунизм был делом будущего, а те, кто сопротивлялся этому, будут похоронены историей. Твердые сторонники коммунистов составляли от 20 % до 30 % электората. Нам не удалось лишить коммунистов этой поддержки на протяжении многих лет, несмотря на те экономические блага, которое приносила наша политика в течение следующего десятилетия.

Наша политическая стратегия и тактика сформировалась в то время, когда с 1954 по 1959 год мы боролись в оппозиции, и в период с 1959 по 1965 год, когда мы находились у власти. Ловкие и жесткие методы, применявшиеся коммунистами, наряду с безжалостными методами ультранационалистов из ОМНО, стали для нас незабываемыми уроками политической борьбы. Уличная борьба с ними походила на рукопашный бой без правил, в котором все приемы были разрешены, а победитель получал все. Мы научились не поддаваться нашим противникам, иначе они уничтожили бы нас. Даже после того, как мы подорвали силы коммунистов в организациях, входивших в состав Объединенного фронта, нам приходилось считаться с их подпольем. В любой момент они могли прибегнуть к насилию или восстановить легальные организации, либо использовать и то и другое. Еженедельные разведывательные отчеты Департамента внутренней безопасности постоянно напоминали нам об их присутствии в Сингапуре, и об их секретной сети, которая связывала их с вооруженными группировками на Малайском полуострове.

После того как партия «Барисан» стала неэффективной, коммунисты обратились к насилию и террору. Они вновь возродились под эгидой Малайского национального фронта освобождения (МНФО – Malayan National Liberation Front), который являлся придатком Коммунистической партии Малайи (КПМ – Malayan Communist Party), и в 70-ых годах взорвали несколько бомб в Джуронге и Чанги, пригородах Сингапура. Среди погибших была шестилетняя дочь британского служащего.

К 70-ым годам их силы пошли на убыль. Примерно 2,000 партизан находилось в Таиланде, у границы с Малайзией, несколько сот партизан было рассеяно в джунглях Малайского полуострова, существовало также несколько террористических групп в городах. Смогли бы мы одержать победу над ними, если бы действовали по отношению к ним в соответствии со всеми формальностями гражданского судопроизводства и отказались от практики содержания коммунистов в заключении без суда? Я сомневаюсь в этом. Никто не решался выступить против них, не говоря уже о том, чтобы дать показания в суде. Тысячи коммунистов содержались в заключении в концентрационных лагерях в Малайзии, сотни – в Сингапуре. В 40-ых и 50-ых годах англичане выслали тысячи коммунистов в Китай.

Среди тех, кого англичане не выслали, был и Лим Чин Сион. Ценой, которую он заплатил, когда коммунизм предал его, была попытка самоубийства. В декабре 1965 года начальник тюрьмы снова напомнил об этом факте во время процесса над двумя редакторами печатного органа партии «Барисан», издававшегося на китайском языке. Они были обвинены в подстрекательстве к мятежу, потому что написали, что режим ПНД «составил заговор, чтобы убить товарища Лим Чин Сиона». Защита привела показания многих лжесвидетелей, которые поддерживали абсурдное заявление о существовании заговора с целью убийства Лима в гражданском госпитале. Редакторы были осуждены.

В июле 1969 года, через три с половиной года после попытки самоубийства, Лим попросил о встрече со мной. Я не встречался с ним с тех пор, как он возглавлял движение за отделение партии «Барисан» от ПНД в июне 1961 года. Когда вечером 23 июля Лим прибыл в мою официальную резиденцию Шри Темасек, он выглядел разочарованным человеком. Он

решил уйти из политики навсегда и хотел уехать на учебу в Лондон. Он хотел, чтобы его подруга и товарищ, находившаяся вместе с ним в заключении, бывший профсоюзный деятель профсоюза рабочих фабрик и магазинов в 50-ых годах, которая освободилась ранее, сопровождала его. Я с готовностью согласился и пожелал ему всего хорошего в его новой жизни в Лондоне. Он потратил впустую лучшие годы своей жизни, разочаровавшись в своих прежних товарищах и ожесточившись из-за их ограниченности и бессмысленного нежелания считаться с реальностью.

В открытом письме, адресованном Ли Сью Чо, он писал: «Я полностью потерял доверие к международному коммунистическому движению». Лим подал в отставку со всех постов в партии «Барисан». Ли немедленно осудил его как «бесхребетного и бесстыдного предателя» и исключил его из партии. Исключение Лима из партии, которую он основал, ознаменовало окончательный распад партии «Барисан» как политической силы.

В 80-ых годах, после более чем 10 лет жизни в Англии, Лим вернулся в Сингапур. Мы никогда не встречались с ним снова, хотя и обменивались поздравлениями в новогодних открытках. Когда в 1996 году он умер, его прежние товарищи простили его. Хотя в 1969 году они осудили как «бесхребетного и бесстыдного предателя», сотни бывших коммунистов и их сторонников провожали его в последний путь. На похоронах его восхваляли как «народного героя и героя нации». Примерно 500 сторонников провели мемориальную службу в Куала-Лумпуре. Они сделали это скорее для того, чтобы продемонстрировать миру, что они все еще были сильны и тверды в своих убеждениях, чем для того, чтобы отдать ему последние почести. Лим был более мудрым, признав раньше, чем они, что дело коммунизма было проиграно. В открытом письме соболезнования его жене я выразил свое уважение к его личной честности и преданности своему делу.

В Сингапуре и Малайзии коммунисты проиграли свою битву задолго до краха коммунистической системы в Советском Союзе и намного раньше, чем Китай отказался от коммунизма в 80-ых годах. Тем не менее, один коммунистический активист не отказался от коммунистических идеалов даже после 20 лет заключения, даже после того, как коммунизм потерпел крах во всем мире. Это был Чиа Тай По (Chia Thye Poh). Он был убежденным человеком с твердыми, если и неверными убеждениями. Будучи членом КПМ, он упорно отрицал любые связи или симпатии по отношению к коммунистам, несмотря на то, что его членство в партии подтвердили в своих показаниях ДВБ несколько членов КПМ, двум из которых он непосредственно подчинялся.

Он был освобожден из заключения в 1989 году и поселился на острове-курорте Сентоса (Sentosa), где работал переводчиком неполный рабочий день. Все ограничения были сняты с него в 1998 году. Он не мог согласиться с тем, что его мечта о коммунистическом будущем потерпела крах. Он продолжал отрицать свои связи с коммунистами, играя на правозащитных настроениях западных средств массовой информации. Несмотря на давление со стороны западных средств массовой информации, его заключение послужило тому, чтобы не позволить другим коммунистам оживить свою деятельность под прикрытием осуществления их демократических прав. Коммунисты были серьезными противниками, поэтому мы должны были проявлять решительность и упорство в этой борьбе характеров и воли.

Время от времени нам напоминали, что коммунисты никогда не сдаются. Переход к обучению в школах на английском языке значительно уменьшил приток в их организации новых членов, получивших образование на китайском языке, так что они очень старались привлечь новых членов, получивших англоязычное образование. Зная, насколько коммунисты умелы, находчивы и настойчивы в своих методах проникновения в организации и в манипулировании людьми, мы были настроены не дать им ни малейшего шанса на восстановление их легальных организаций, особенно в профсоюзном движении. Их способность проникать в легальные организации путем внедрения влиятельных активистов для установления контроля над этими организациями внушала страх.

В 1985 году небольшая группа промарксистских активистов, получивших образование на английском языке, попыталась использовать в своих целях Рабочую партию (Workers' Party), посылая статьи в партийную газету «Хаммер» (Hammer) и скрытно помогая выпускать ее. Они не хотели открыто взять на себя ответственность за издание газеты, хотя этого от них требовала

партия. Это встревожило ДВБ. Группа включала некоторых выпускников Университета Сингапура, связанных с Тан Ва Пио (Tan Wah Piow), прокоммунистическим студенческим активистом, который сбежал в Лондон в 1976 году. Другие члены группы Тана уехали в Китай, чтобы работать на подпольном радио КПМ. Сотрудники ДВБ рассматривали эту группу промарксистских активистов, получивших образование на английском языке, в качестве угрозы безопасности государства и в 1987 году порекомендовали задержать их. Я последовал их рекомендациям, не желая позволить нескольким прокоммунистически настроенным активистам, включая Тана, в отношении которого мы имели явные доказательства связей с КПМ, восстановить свое влияние, используя невинных, одурманенных активистов. Среди членов нового Объединенного фронта был и католик, который предпочел не принимать сан священника, чтобы заняться «теологией освобождения».

Опыт, приобретенный Сингапуром в борьбе с проникновением и подрывной деятельностью коммунистов, заставляет ДВБ всегда проявлять подозрительность по отношению к любому тайному проникновению коммунистов в легальные организации, особенно в профсоюзы и ассоциации ветеранов. Чтобы затруднить коммунистам манипулирование неполитическими организациями, мы требуем от всех, кто выходит на политическую арену, формировать законные политические партии. Это заставляет их играть «в открытую» и облегчает наблюдение за ними. Именно так нам удалось предотвратить проникновение коммунистов в наши профсоюзы и удерживать наши общественные, культурные и профессиональные организации свободными от коммунистического влияния. Важной причиной, по которой мы не позволяли оставшимся коммунистам вернуться из Таиланда без того, чтобы они сначала «свели счеты» с ДВБ, заключалась в том, чтобы не позволить им проникнуть в легальные организации и передать навыки подрывной деятельности более молодому поколению активистов, получивших образование на английском языке.

Наиболее видным и высокопоставленным политическим лидером, которому мы разрешили вернуться в Сингапур из Китая, был Еу Чуй Ип (Eu Chooi Yip), старый друг и соученик Кен Сви по Рафлс Колледжу. Кен Сви неоднократно встречался с ним во время поездок в Китай в конце 80-ых годов и был убежден, что тот отказался от идей коммунизма. Кен Сви спросил меня, не позволю ли я Чуй Ипу вернуться. Я разрешил, и в 1989 году он вернулся в Сингапур с женой и двумя дочерьми. Вскоре после этого П.В.Шарма (P.V. Sharma) также попросил разрешения вернуться обратно из Китая, где он жил после того, как был выслан из Сингапура. Он был бывший президентом Союза учителей Сингапура (Singapore Teachers' Union), и был арестован в 1951 году, одновременно с Деван Наиром и Самадом Исмаилом (Samad Ismail), и выслан в Индию, где он родился. Из Индии Шарма уехал в Китай. Он также вернулся в Сингапур с женой и детьми.

В КПМ Еу Чул Ип был прямым и непосредственным руководителем Фан Чуан Пи (Fang Chuang Pi), лидера коммунистов в Сингапуре, с которым я встречался в 50-ых годах. Его называли «Плен» (Plep – сокращенное название «полномочный представитель коммунистов»). В середине 90-ых годов Чул Ип через Кен Сви спросил меня, не позволю ли я сыну «Плена» устроиться на работу в Сингапуре. Я согласился, после того как Кен Сви заверил меня, что сын не представлял угрозы для безопасности страны. Офицер ДВБ допросил молодого человека и подтвердил, что тот не являлся коммунистом. Он родился в конце 1965 года на островах Риау, где его отец скрывался после того, как покинул Сингапур в 1962 году. В возрасте пяти лет он был послан в Китай и ходил в школу в городе Чанша (Changsha), в провинции Хунань (Hunan), где была расположена радиостанция КПМ «Голос малайской революции» (The Voice of the Malayan Revolution). Он изучал инженерное дело в университете Цинхуа (Qinghua), который являлся одним из лучших в Китае. Он и его отец, видимо, полагали, что в Сингапуре он устроится лучше, чем в Китае. Он прибыл в Сингапур в сентябре 1990 года, чтобы работать в качестве инженера в компании, связанной с правительством. Эту работу подыскал ему Кен Сви.

Вскоре после того как его сын прибыл в Сингапур, «Плен» прислал мне через китайского журналиста в Сингапуре письмо с тем, чтобы «искать примирения». Он также прислал мне документальный видеофильм под название «Славное мирное урегулирование» (Glorious Peace Settlement). Это была типичная пропаганда КПМ: капитуляция и сдача оружия назывались «славным мирным урегулированием». Я смотрел, как «Плен», одетый в форму с красной

звездой на кепке, говорил со своими людьми, одетыми в форму, об успешных мирных переговорах. Потом фильм рассказывал о посещении лагеря лидером КПМ Чин Пенем (Chin Peng), который присутствовал на отвратительном концерте. После концерта «Плен» произнес речь, прервав ее для того, чтобы начать аплодировать. Я выключил видео.

«Плен» прислал еще одно письмо с просьбой о возвращении в Сингапур. В марте 1992 года я ответил ему, что я больше не был премьер – министром, но добавил, что политика правительства состояла в том, чтобы не поддерживать никаких контактов с КПМ как политической организацией. Любой член КПМ, который хотел вернуться в Сингапур, должен был порвать свои связи с партией, полностью рассказать о своих действиях в составе КПМ, и получить согласие ДВБ. Я добавил, что именно на этих условиях правительство позволило Еу Чул Ипу, его руководителю по партии, вернуться в Сингапур из Китая. «Плен» немедленно прислал мне ответ, выразив свое разочарование. Он считал такой подход недопустимым, на этом дело и закончилось. Его игра закончилась, когда КПМ официально прекратила вооруженное восстание, подписав соглашение с представителями правительства Малайзии в Хатъяй (Haadyai), на юге Таиланда. Правительство Таиланда разрешило ему и его последователям официально проживать в «мирной деревне» неподалеку.

Тем не менее, порядка 15–20 последователей «Плена» спокойно вернулись в Сингапур, предоставив ДВБ полный отчет о своей прошлой деятельности, и начали новую жизнь в теперь уже совершенно ином Сингапуре. Так же как и Еу Чул Ип, Шарма, и сын «Плена», они тоже чувствовали, что здесь им будет лучше, чем в Китае или Таиланде.

Когда я прибыл в Пекин в августе 1995 года, наш посол передал мне письмо от «Плена». Он хотел встретиться со мной. Наша первая встреча произошла в 1958 году, когда я был простым членом Законодательного собрания. Через своего эmissара он попросил о встрече со мной, и я тайно встретился с ним на улице у Законодательного собрания и провел его в помещение комитета. Он заверил меня в поддержке со стороны его партии и предложил работать вместе с ПНД. Я попросил его предоставить доказательства того, что он действительно стоял во главе организации КПМ в Сингапуре. Он сказал, что я должен был верить ему на слово. Я предложил доказать свои полномочия и организовать отставку городского советника Рабочей партии, который, по моим убеждениям, был коммунистическим активистом. Он согласился и попросил подождать. Через неделю советник ушел в отставку. Это было впечатляющей демонстрацией его способности контролировать членов партии, даже находясь на нелегальном положении. Мы встретились еще трижды, перед тем как я сформировал правительство. Наша последняя встреча произошла 11 мая 1961 года, когда я уже был премьер-министром. Он пообещал мне поддержку и сотрудничество в обмен на предоставление коммунистам более широких возможностей для организационной работы. Я не дал ему таких гарантий, и, перед тем как исчезнуть, он приказал организациям Объединенного фронта низложить правительство ПНД.

Наша последняя встреча происходила в немеблированной квартире в недостроенном доме УГЖР в Вампоа (Whampoa), которая освещалась свечами. На этот раз я принял его в Дяюйтай (Diaoyutai), в государственном доме приемов для официальных лиц Китайской Народной Республики. Встреча состоялась 23 августа, в 9 часов вечера. Меня интересовало, понимал ли он всю иронию ситуации, состоявшую в том, что мы встречались с ним в Пекине, где я был почетным гостем коммунистического правительства и партии, вдохновлявшей его на борьбу.

«Плен» постарел, располнел и больше не напоминал голодного, яростного, изможденного и преследуемого революционера-подпольщика. Во время нашей последней встречи он угощал меня теплым пивом. В этот раз я предложил ему на выбор пиво, вино или «маотай» (maotai). Он поблагодарил меня, но сказал, что из-за проблем со здоровьем станет пить только обычный китайский чай. Мы говорили на китайском, он сделал мне комплимент, похвалив мое хорошее знание китайского языка, я также сделал ему комплимент, похвалив его знание английского языка. Он поблагодарил меня за то, что в 1990 году мы разрешили его сыну переехать в Сингапур, и за то, что мы предоставили ему работу. Чу и мой секретарь, Алан Чан (Alan Chan), сидели здесь же, и «Плен» согласился с тем, чтобы нашу беседу записали на магнитофон.

Он разговаривал со мной так, будто бы ситуация была все еще той же, что и в 50-ые годы. Он хотел обсудить условия, на которых он и примерно 30 его товарищей могли бы вернуться в

Сингапур. Сначала он попробовал вести беседу в дружественном ключе, сказав, что нам следовало уладить старые проблемы. Так как КПМ и ПНД когда-то были друзьями, почему бы им было не стать друзьями снова? Я сказал, что мы могли бы стать друзьями, но только как частные лица. Он сказал, что его люди тоже должны иметь какие-то права, было несправедливо, что он не мог вернуться в Сингапур. Я сказал, что он может вернуться, но должен сначала получить согласие ДВБ и продемонстрировать, что он порвал связи с КПМ.

Когда мягкий подход потерпел неудачу, он заговорил жестко, напомнив мне, что он отвечал за мою безопасность и много сделал, чтобы защитить меня. Я ответил ему, что это был риск, на который я вынужден был пойти; его люди могли бы убить меня, но дорого заплатили бы за это. Кроме того, я поступил честно, предупредив его в публичном выступлении, что он должен был покинуть страну перед Национальным праздником Малайзии в сентябре 1963 года, потому что после этого контроль над безопасностью в городе переходил к малазийцам.

Он сказал, что спецслужбы Малайзии (Malaysian Special Branch) приглашали его вернуться, почему же я не мог проявить такую же щедрость, как и правительство Малайзии? Я сказал ему очевидную истину: КПМ не могла рассчитывать на то, чтобы завоевать массовую поддержку среди малайцев, а в случае с китайцами Сингапура это было не так. Я предложил ему принять предложение правительства Малайзии. Ему это не понравилось.

Когда я спросил его, как он узнал о моем приезде, он сказал, что это было совпадение: он пришел навестить своего дядю и узнал о моем визите из сообщений по телевидению. Это было совершенно невероятно. Отставной чиновник китайского министерства иностранных дел передал его письмо нашему послу. Должно быть, «Плену» сказал о моем визите его китайский товарищ, и он ждал моего прибытия. Он также отрицал то, что Лим Чин Сион уже раскрыл представителям ДВБ, а именно, – что после нашей последней встречи в 1961 году он лично встретился с ним и приказал разрушить ПНД и низложить правительство. Перед тем как уйти, он достал фотоаппарат и попросил сфотографироваться на память с моей женой и со мной. Я был рад получить сувенир от загадочного лидера подпольщиков, который, даже находясь в Сингапуре на нелегальном положении, имел такую всеобъемлющую власть над своими подчиненными в легальных организациях. Когда-то он внушал мне страх и опасения. Теперь же, лишенный загадочности и власти над коммунистическим подпольем, он выглядел безопасным пожилым человеком.

Коммунисты потерпели поражение, несмотря на то, что использовали безжалостные методы и руководствовались принципом «цель оправдывает средства». Но до того как это случилось, они поломали судьбы многим людям, которые боролись с ними и испортили жизнь многих других людей, которые, вступив в их ряды, впоследствии поняли, что их дело было ошибочным.

Глава 9. Центристская политика правительства

Начиная с 1959 года, на протяжении сорока лет, ПНД десять раз подряд побеждала на выборах. Такое не по плечу дряхлым и слабым. Как же мы добились этого? В период между 1959 и 1965 годами у нас происходили серьезные столкновения: сначала с коммунистами, затем – с малайскими националистами. Получив независимость, мы столкнулись со страшными угрозами, исходившими сначала от Индонезии, находившейся с нами в состоянии «конфронтации», а затем – со стороны Малайзии, решившей избавиться от Сингапура в качестве торгового посредника. В ходе этих событий между старшим поколением избирателей и «старой гвардией» лидеров ПНД сформировались отношения доверия.

Наши критики считали, что нам удалось удержаться у власти, потому что мы жестко относились к нашим противникам. Это – слишком упрощенное видение ситуации. Если бы мы предали доверие людей, они отвергли бы нас. Мы вывели людей из отчаянной ситуации 60-ых годов и привели их в эру беспрецедентного экономического роста и развития. Мы воспользовались расширением мировой торговли, привлекли инвестиции и на протяжении жизни одного поколения жителей Сингапура перескочили из «третьего мира» в «первый».

Мы учились у наших самых жестких противников – коммунистов. Сегодняшние лидеры оппозиции пытаются обхаживать избирателей, думают, где и как им лучше проводить свою

работу, основываясь на том, как люди реагируют на их выступления на рынках, в кофейнях, магазинах и супермаркетах, или как люди воспринимают содержание раздаваемых листовок и памфлетов. Я в такие методы работы с электоратом никогда не верил. Исходя из опыта многих неудачных столкновений с моими коммунистическими оппонентами, я понял, что, в то время как общее настроение масс действительно играет важную роль, главная роль в обеспечении массовой поддержки избирателей принадлежит организационным структурам. Когда мы пытались распространить свое влияние в тех районах, где доминировали коммунисты, мы неизменно терпели неудачу. Ключевые фигуры в избирательных округах, включая лидеров профсоюзов, деятелей ассоциаций розничных и уличных торговцев, лидеров кланов и обществ выпускников учебных заведений, были связаны коммунистическими активистами в единую сеть, чувствовали себя членами единой команды – победительницы. Какие бы усилия не предпринимали мы в ходе предвыборных кампаний, мы не могли добиться никакого успеха. Единственный способ противостоять влиянию коммунистов в массах заключался в том, чтобы самим проводить работу в массах на протяжении долгих лет в промежутках между выборами.

Чтобы конкурировать с «вечерними школами самоусовершенствования» (self-improvement night classes), открытыми при прокоммунистически настроенных профсоюзах и ассоциациях, мы создали Народную Ассоциацию (НА – People's Association). Мы приняли в НА в качестве корпоративных членов многие землячества, коммерческие палаты, клубы отдыха, а также группы досуга, искусства и другие общественные организации. Они стали основой более чем 100 основанных нами общинных центров, в которых работали курсы по ликвидации неграмотности на английском и китайском языках, курсы кроя и шитья, приготовления пищи, ремонта автомобилей, электроинструментов, радиоприемников и телевизоров. Конкурируя с коммунистами, превосходя их в этой работе, мы постепенно завоевали влияние среди той части избирателей, которая находилась под их влиянием.

Во время моих поездок по избирательным округам в 1962–1963 годах я собирал активистов в маленьких городках и деревнях по всему острову. Все они являлись местными лидерами различных ассоциаций и клубов и приходили на эти встречи, чтобы обсудить со мной и членами моей команды вопросы улучшения дорог, уличного освещения, установки водонапорных колонок, проведения осушительных работ и работ по предотвращению наводнений. После моих визитов создавались рабочие группы, которые занимались выделением средств для осуществления подобных проектов.

Находясь в составе Малайзии, после расовых беспорядков 1964 года, мы сформировали «комитеты доброй воли» (goodwill committees), чтобы предотвратить обострение межобщинных отношений. Члены этих комитетов были избраны из числа лидеров местных общинных организаций. Я работал над тем, чтобы включать наиболее активных и перспективных членов местных комитетов и «комитетов доброй воли» в состав комитетов управления (КУ – management committees) общинных центров и совещательных комитетов граждан (СКГ – citizens' consultative committees). КУ общинных центров занимались организацией образования и досуга людей. СКГ, используя выделенные средства, занимались реализацией местных проектов по благоустройству, а также самостоятельно занимались сбором средств для предоставления социальной помощи и стипендий нуждавшимся гражданам.

В тот период лидеры общинных организаций не желали, даже боялись, открыто заявлять о своих связях с той или иной политической партией, – они предпочитали быть связанными с правительством. Это было наследием колониальных времен, особенно того периода, когда в Сингапуре активно действовали коммунисты, для борьбы с которыми колониальным правительством было введено чрезвычайное положение.⁶ В то время коммунисты могли отомстить за связь с любой политической партией, боровшейся с КПМ. Создавая такие связанные с правительством организации как КУ и СКГ, мы смогли привлечь на свою сторону значительное число старейшин, пользовавшихся уважением в своих общинах. В период между выборами они работали с нашими членами парламента, а во время выборов их влияние и поддержка оказывали влияние на исход голосования, даже тогда, когда некоторые из них оставались нейтральными, не участвуя в избирательной кампании непосредственно.

⁶ Прим. пер.: в 1948 году

Позднее, когда люди стали переселяться в многоэтажные дома УЖГР, я сформировал комитеты жителей (КЖ – residents' committee), каждый из которых охватывал жилой квартал из 6 – 10 домов. Это создало условия для более тесного взаимодействия между руководителями и местными жителями. Так нам удалось создать в новых районах, застроенных многоквартирными домами, сеть общественных организаций, нити которой тянулись от КЖ к КУ и СКГ, и далее, – к кабинету премьер-министра, являвшемуся «нервным узлом» сети. В результате этого лидерам оппозиции приходилось работать на территории, тщательно «возделанной» ПНД. Разумеется, существует прослойка колеблющихся избирателей. Тем не менее, есть также и костяк местных лидеров, которые знают, что избранный от их округа член парламента от ПНД, располагающий поддержкой правительства, будет заботиться о нуждах избирателей, как в период проведения избирательной кампании, так и в промежутках между выборами.

Поворотным пунктом явились всеобщие выборы 1968 года, которые проводились вскоре после заявления правительства Великобритании о предстоящем выводе британских войск из Сингапура. Мы завоевали все места в парламенте, получив подавляющее большинство голосов избирателей. Через четыре года, в 1972 году, настроение людей изменилось, – они почувствовали облегчение и были счастливы, потому что нам удалось добиться практически невозможного. Несмотря на вывод британских войск, который привел к потере 50,000 рабочих мест и 20 % национального дохода, экономика Сингапура продолжала расти, а уровень безработицы оставался низким. Американские МНК создали тысячи рабочих мест на предприятиях по производству электротоваров и электронных изделий. На выборах, проведенных в сентябре 1972 года, было переизбрано 57 из 65 депутатов парламента. Мы завоевали все 57 мандатов, получив 70 % голосов избирателей.

Мы вновь добились 100 %-го результата на выборах 1976 года, завоевав 37 мандатов в округах, где против наших кандидатов не было выставлено кандидатов от оппозиции, и 38 мандатов – в округах, где оппозиция выставила своих кандидатов. Репутация руководства ПНД и успехи, которых мы добились, сделали для оппозиции участие в выборах трудным делом. Люди полностью доверяли руководству ПНД и не были заинтересованы в наличии оппозиции в парламенте. Избиратели хотели продолжения экономического роста; хотели переехать из трущоб в новые дома, которые они могли приобрести за счет доходов, получаемых от высокооплачиваемой работы; хотели, чтобы их дети учились в тех отличных школах, которые мы строили. «Прилив поднимал все лодки», – жизнь подавляющего большинства людей становилась лучше.

В 1980 мы в четвертый раз победили на выборах «вчистую», завоевав 37 мест в одномандатных и 38 – в многомандатных округах, получив при этом 77.5 % голосов. Некоммунистическая оппозиция, появившаяся, чтобы заполнить вакуум, оставленный коммунистами, в основном состояла из оппортунистов. Во время предвыборных кампаний эти политики выдвигали программы, которые нравились их прокоммунистическим последователям. Но они не представляли для нас угрозы, потому что среди них не было лидеров, получивших хорошее образование на английском языке, которые могли бы придать некоторую респектабельность коммунистическому фронту, как это когда-то делала старая Рабочая партия (Workers' Party) Дэвида Маршала (David Marshall). Именно в таком политическом контексте следует рассматривать появление обновленной Рабочей партии Д. Б. Джеяретнама (J.B. Jeyaretnam). Он был юристом и в качестве кандидата своей партии на выборах 1972 года выступал за отмену «Закона о внутренней безопасности» (Internal Security Act). Ранее, в 60-ых годах, он обещал добиться воссоединения с Малайзией. Он хотел стать преемником Маршала, но не обладал таким же остроумием и красноречием.

Тем не менее, Джеяретнаму удалось прервать полосу беспрецедентной 100 %-ой поддержки ПНД избирателями на промежуточных выборах 1981 года, через год после всеобщих выборов. Деван Наир сложил свой депутатский мандат по округу Ансон (Anson) в связи с избранием на пост президента страны. Я поручил организацию предвыборной кампанией новому помощнику Генерального секретаря ПНД Го Чок Тонгу (Goh Chok Tong). Наш кандидат, активист ПНД, не был хорошим оратором. Я не принимал участия в избирательной кампании на промежуточных выборах, полностью положившись на Го Чок

Тонга и более молодых лидеров. Они были уверены в победе, но когда голоса избирателей были подсчитаны, оказалось, что мы проиграли. Это был шок. Я был обеспокоен не столько самим поражением, сколько тем, что не получил от Го никаких предупреждений о возможном поражении. Меня беспокоило то, насколько было развито его политическое чутье. Джеймс Фу (James Fu), мой пресс-секретарь, сказал мне, что люди в низовых организациях были недовольны самонадеянным отношением партийных лидеров к проведению избирательной кампании. Одна из причин поражения была вполне очевидна. Значительное число рабочих сингапурского порта, проживавших в многоквартирных домах, вынуждены были выселяться из них, чтобы освободить территорию для строительства контейнерного терминала, а альтернативного жилья им предоставлено не было. Управление порта Сингапура (Port of Singapore Authority) и УЖГР перекладывали ответственность за это друг на друга.

Джеяретнам весь обратился в крик и ярость. Он доходил до абсурда, обвиняя полицию в произволе, повторяя все обиды, которые высказывали ему рассерженные избиратели. Он абсолютно не считался с фактами. У него не было никакой принципиальной позиции, потому что никакой реальной альтернативы он предложить не мог. Я решил, что он будет полезен в качестве спарринг-партнера для новых членов парламента, которые не прошли через школу борьбы с коммунистами и ультранационалистами из ОМНО. Кроме того, он занял ту часть политического спектра, которая предназначалась оппозиции и, вероятно, тем самым вытеснил более опасных оппонентов. Его слабость была в рассеянности. Он говорил и говорил, его речи были явно не подготовлены, и вся его аргументация рассыпалась, когда ему предъявляли детально проанализированные факты.

Тем не менее, теперь избиратели уже хотели слышать в парламенте голос оппозиции. Ощущение кризиса 60-ых – 70-ых годов прошло, жители Сингапура стали более уверенными в себе и хотели, чтобы ПНД не принимала их поддержку как должное. На выборах 1984 года мы потеряли два мандата: первый завоевал Джеяретнам в Ансоне, второй – юрист и Генеральный секретарь Демократической партии Сингапура (СДП – Singapore Democratic Party) Чиа Си Тонг (Chiam See Tong) в округе Потонг Пасир (Potong Pasir). Чиа избрал более тонкую линию, чем Джеяретнам, – она более соответствовала настроениям населения. Он говорил, что ПНД хорошо справлялась со своими обязанностями, но могла бы работать еще лучше, а потому должна прислушиваться к критике. Этим он улучшил свою репутацию. Он и его люди, входившие в СДП, относились к совсем другому типу людей, чем те, которых коммунисты использовали в своей легальной деятельности. И мы относились к нему по-другому, с уважением и достаточно либерально. Мы надеялись, что, если он расширит свою базу поддержки среди избирателей, то те, кто находился к нам в оппозиции, перестанут поддерживать нелегальную оппозицию.

Эти деятели оппозиции не были похожи на тех серьезных противников, с которыми мы сталкивались в лице Лим Чин Сиона и его товарищей по компартии, которые были серьезными, преданными своему делу людьми. Джеяретнам был просто позером, всегда искавшим известности, безразлично хорошей или плохой.

В отсутствие серьезной оппозиции я не занимался в парламенте текущими вопросами. Я восполнял этот пробел, выступая с большой ежегодной речью. Воскресным вечером, через неделю после моего выступления по телевидению в день Национального праздника, я обычно выступал на посвященном ему торжественном заседании перед примерно 1,200 лидерами общин. Я мог говорить один-два часа о насущных, текущих проблемах, располагая только набросками речи. Но перед этим я занимался серьезным изучением этих вопросов и продумывал свою речь, делая ее доступнее для понимания. Опросы показывали, что я собирал большую телеаудиторию. Я научился удерживать внимание слушателей, как присутствовавших в Национальном театре, так и смотревших телевизор, заставляя их следить за ходом моих размышлений. Обычно я сначала говорил на малайском, затем на хоккиен (позднее – на литературном китайском языке) и заканчивал на английском, которым я владел лучше всего.

Мне было легче установить контакт с аудиторией, когда я выражал свои мысли так, как думал. Если бы передо мной лежала заранее написанная речь, я не смог бы донести до слушателей мысли с той же убежденностью и страстностью. Эта ежегодная речь была важным событием, во время которого я старался сплотить людей для совместной работы с

правительством, направленной на решение наших проблем.

Во время избирательных кампаний в 70-ых и 80-тых годах я по вечерам произносил речи на массовых митингах в избирательных округах, а с 1:00 до 2:00 пополудни, в самый разгар жаркого тропического дня, я выступал на Фуллертон сквер (Fullerton Square), чтобы иметь возможность обратиться к служащим. Иногда шел тропический ливень, и тогда я промокал до нитки, в то время как толпа пряталась под зонтиками или под крытыми галереями учреждений, расположенных вокруг площади. Но слушатели стояли, и я продолжал говорить. И как бы я не намокал, у меня никогда не бывало простуды, – адреналин бил во мне ключом. Речь, произнесенная по телевидению, оказывает намного большее влияние, чем речь, напечатанная в газете, поэтому умение выступать перед аудиторией было моей сильной стороной на протяжении всей политической карьеры.

Сталкиваясь с оппозицией, я всегда задавался двумя вопросами: «Не используют ли этих людей коммунисты? Не является ли деятельность оппозиции нелегальной операцией, финансируемой и проводимой иностранными спецслужбами, чтобы нанести вред Сингапуру?» Именно последнее соображение привело к расследованию деятельности бывшего юриста Фрэнсиса Сью (Francis Sew). Марксистская группа, о которой я упоминал выше, стала пользоваться влиянием в Юридическом обществе (Law Society). Эта группа вела агитацию в пользу Фрэнсиса Сью и добилась его избрания президентом общества. В результате, Юридическое общество стало политизироваться, критикуя и подвергая нападкам правительственное законодательство не с профессиональной, а с политической точки зрения. До тех пор с этой профессиональной организацией, призванной по закону поддерживать дисциплину и определенные стандарты в юридической сфере, этого никогда не случалось.

Примерно в это же время, в 1987 году, советник американского посольства Хендриксон (Hendrickson) встретился с Фрэнсисом Сью, предложив ему возглавить оппозиционную группу на следующих выборах. Сотрудники ДВБ рекомендовали задержать и допросить Сью, чтобы разобраться в этом вопросе, я согласился с их доводами. Нам следовало прекратить иностранное вмешательство во внутренние дела Сингапура и продемонстрировать, что это было недопустимо для всех стран, включая США. На допросе Сью под присягой показал, что Хендриксон предложил ему возглавить группу юристов, чтобы принять участие в выборах, находясь в оппозиции к ПНД. Он также признал, что до того побывал в Вашингтоне и встречался с руководителем Хендриксона в Госдепартаменте США, который заверил его, что, если у него возникнут проблемы с правительством Сингапура, США предоставят ему политическое убежище. Мы опубликовали это признание, сделанное им под присягой. Затем мы освободили Сью за два месяца до всеобщих выборов. Он участвовал в выборах, но проиграл. В тот момент он был обвинен в мошенничестве за предоставление ложной налоговой декларации, но мы разрешили ему поехать в США, чтобы проконсультироваться у нью-йоркского кардиолога и принять участие в конференции по проблемам прав человека. Он не вернулся в Сингапур и не явился в суд. Вместо этого его адвокаты предоставили несколько медицинских заключений от двух докторов. Первый, доктор Джонатан Е. Файн (Dr. Jonathan E. Fine), который подписался в качестве исполнительного директора на бланке организации «Врачи за права человека» (Physicians for Human Rights), заявил, что Сью были противопоказаны зарубежные поездки. Второй доктор выдал заключение, что, до окончания курса лечения, Сью были противопоказаны любые авиаперелеты. Когда прокурор предоставил доказательства того, что с декабря по январь Сью совершил, по крайней мере, 7 авиаперелетов, суд постановил, чтобы Сью предоставил более детальные медицинские заключения. После того, как Сью не смог предоставить более детальных медицинских заключений, его адвокаты, один из Английского королевского совета (English Queen's Council), а другой – сингапурский адвокат, обратились в суд с просьбой освободить их от выполнения этих обязанностей. Один из докторов позже признал, что на самом деле он не исследовал больного и не возобновил своего разрешения заниматься медицинской практикой. Юридическое общество Сингапура наказало Сью за финансовые нарушения, запретив ему заниматься адвокатской практикой. Его репутация в Сингапуре была уничтожена. Когда группы американских правозащитников попытались раздуть дело и представить его крупным диссидентом, на жителей Сингапура это не произвело впечатления. Несколько лет спустя мы узнали, что правительство США

действительно предоставило Сью политическое убежище.

У нас были достаточные причины для расследования деятельности Фрэнсиса Сью. Мы знали, что он задолжал сингапурскому банку примерно 350,000 сингапурских долларов и не выплачивал этот долг на протяжении многих лет. В 1986 году, перед выборами, банк потребовал уплаты долга, – он уплатил. Откуда же появились деньги? Мы арестовали его документы для проверки уплаты налогов, и было ясно, что у него не было средств для уплаты долга. Под присягой он показал, что долг был выплачен его подругой или, как он назвал ее, невестой, Мэй Сиа (Mei Sia). В 1989 году, после того, как Сью сбежал из Сингапура, она сказала Кен Сви в Бангкоке, что одолжить деньги для Сью ее попросил некий сингапурский бизнесмен. Управляющий директор одной крупной компании, любовницей которого Мэй Сиа была на протяжении многих лет, сказал, что она была исключительно прижимистой по отношению к деньгам и никогда не рассталась бы с 350,000 сингапурских долларов для кого угодно. Он добавил, что она задолжала ему еще большую сумму денег. Это позволяет предположить, что деньги поступили от некой заинтересованной организации.

Одним из наших императивов была решительная борьба с теми, кто обвинял меня в коррупции или злоупотреблении властью. Я всегда встречал подобные обвинения с открытым забралом. Во время избирательных кампаний во многих развивающихся странах обвинения во взяточничестве и коррупции являются обычным делом и никогда не опровергаются из страха причинить еще больший ущерб в случае, если министр, предъявляющий иск за клевету, не сможет выдержать перекрестного допроса в суде. Я обращался в суд только после тщательных консультаций с советниками в Сингапуре и в Лондоне, поскольку, если бы я проиграл процессы, я был бы вынужден лично покрывать значительные судебные издержки – плату собственным адвокатам и адвокатам моих противников. С другой стороны, меня никогда не преследовали за клевету, потому что я никогда не делал никаких клеветнических заявлений. Если я выступал с каким-либо заявлением в адрес своих оппонентов, то у меня всегда были достаточные доказательства правдивости своих слов, и мои оппоненты знали это.

Впервые я обратился в суд с иском о защите чести и достоинства в 1965 году. Ответчиком был Саид Джафар Албар, тогдашний Генеральный секретарь ОМНО. В тот момент Сингапур еще находился в составе Малайзии. В статье, опубликованной в органе ОМНО «Утусан мелаю» он заявил: «Премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю является агентом коммунистов и режима в Джакарте, вынашивающих злоешие планы разрушения Малайзии. Ли Куан Ю намерен разрушить Малайзию и натравить малайцев и китайцев друг на друга». «Утусан мелаю» и Албар в суде не защищались, принесли свои извинения и оплатили судебные издержки.

Я также подал в суд на оппозиционных кандидатов, которые в своих предвыборных речах обвиняли меня в коррупции. Например, в 1972 году один из них заявил в речи, произнесенной на китайском языке, что всякий раз, когда люди хотели купить или поменять свое жилье УЖГР, они обращались в юридическую фирму «Ли энд Ли» (Lee and Lee), в которой моя жена была старшим партнером. В большинстве случаев эти кандидаты не имели никаких активов, не прибегали к защите в суде и, проигрывая, вынуждены были начинать процедуру банкротства.⁷

Д. Б. Джеяретнам, будучи юристом, являлся в этом отношении исключением. Во время предвыборного митинга в 1976 году он выступил с обвинениями, что я обеспечивал покровительство фирме «Ли энд Ли» и своей семье, был виновен в коррупции и кумовстве и потому не мог занимать должность премьер-министра. Суд решил дело в мою пользу и присудил выплату ущерба и судебных издержек. Джеяретнам подал апелляцию в суды всех инстанций, вплоть до Тайного совета в Лондоне (Privy Council), но проиграл и там.

Более чем через 10 лет, в 1988 году, вновь выступая на предвыборном митинге, Джеяретнам выступил с инсинуациями, что я посоветовал министру национального развития Те Чин Вану совершить самоубийство; а также что я якобы хотел предотвратить полномасштабное расследование обвинений в коррупции, потому что это дискредитировало бы и меня. Он мог бы поднять вопрос о самоубийстве Те Чин Вана двумя годами ранее, но ждал до выборов. Суд снова приговорил его к уплате судебных издержек и компенсации за нанесенный ущерб.

Я обратился с иском против издававшегося в Гонконге американского еженедельника

⁷ Прим. пер.: именно так была прервана политическая карьера Д.Б. Джеяретнама

«Фар истэрн экономик ревью» (Far Eastern Economic Review), и его редактора Дэрека Дэвиса (Derek Davis). Он отказался выступить с опровержением и извиниться за цитирование высказывания разжалованного священника, Эдгара Д'суза (Edgar D'Souza), который заявил, что правительство притесняло католическую церковь путем содержания в заключении 16 марксистских заговорщиков. Я выступал в суде в качестве свидетеля, и адвокаты журнала на протяжении более двух дней подвергали меня агрессивному перекрестному допросу. Когда пришла очередь редактора отвечать на вопросы, Дэрек Дэвис не предоставил никаких доказательств, иначе бы и он подвергся перекрестному допросу.

Я также обратился с иском к газете «Интернэшнэл геральд трибьюн» (International Herald Tribune), которой владели «Нью-Йорк таймс» (New-York Times) и «Вашингтон пост» (Washington Post), за опубликованную 2 августа 1994 года клеветническую статью комментатора Филиппа Боуринга (Philip Bowring), прежде работавшего в «Фар истэрн экономик ревью». Боуринг писал: «В случае с Китаем, история, кажется, состоит из битвы между потребностями государства и интересами семей, которые им правят. Династическая политика в коммунистическом Китае стала уже вполне очевидной; она очевидна и в Сингапуре, несмотря на официальные заверения в приверженности к бюрократической меритократии» (meritocracy).⁸ В 1984 году мой сын Лунг был избран в парламент, и было понятно, что Боуринг имел в виду. «Интернэшнэл геральд трибьюн» признала, что эти слова дискредитировали меня, подразумевая, что я отстаивал интересы семейства Ли за счет интересов государства. Газета принесла свои извинения, уплатила судебные издержки и возместила нанесенный моральный ущерб.

2 июня 1996 года выходящая на китайском языке газета «Ячжоу Чжоукан» (Yazhou Zhoukan – «Азиатский еженедельник») процитировала юриста Тан Лиан Хона (Tang Liang Hon), обвинявшего меня в коррупции при покупке двух квартир. Еженедельник сразу признал свою вину и уплатил значительную сумму, чтобы заключить мировое соглашение, но Тан Лиан Хон не захотел принести извинения и отказаться от своих утверждений. Шесть месяцев спустя, на митинге, проходившем в самом конце предвыборной кампании, Тан зашел в своих заявлениях еще дальше, сказав, что если он будет избран в парламент, то поднимет там тот же самый вопрос и что «это явится для них смертельным ударом». Во время судебного процесса судья заметил, что на следующий день после опубликования клеветнических заявлений в газетах Тан перевел значительную сумму денег с банковского счета своей жены, полностью исчерпав ее кредит по текущему счету, на свой банковский счет в Джохор Бару, который находился вне юрисдикции Сингапура. По словам судьи «это было косвенным доказательством его злобных намерений». Поскольку Тан сбежал из Сингапура и не появился в зале суда, решение суда было в мою пользу. Тан подал апелляцию в Лондонский королевский совет (London QC), но и там клеветнический характер его заявлений не был подвергнут сомнению. Суд отклонил апелляцию.

Мои оппоненты обычно дожидались начала предвыборных кампаний, чтобы выступить с клеветническими заявлениями, надеясь нанести мне максимальный ущерб. Если бы я не обращался в суд, то этим обвинениям могли бы поверить. Западные либеральные критики доказывали, что моя репутация была настолько непорочна, что все равно никто бы не поверил возмутительным заявлениям в мой адрес. Поэтому, по их мнению, мне следовало бы великодушно игнорировать эти заявления, а не преследовать их авторов в суде, добиваясь возмездия. Но этим возмутительным заявлениям потому и не верили, что они были решительно опровергнуты. Если бы я не обращался в суд, это расценивалось бы как доказательство того, что «нет дыма без огня».

В случае с Таном, вопрос о приобретении мною двух квартир на протяжении некоторого времени стал острой политической проблемой. Если бы я не подал в суд на Тана за его заявление в «Ячжоу Чжоукан», на следующих всеобщих выборах он обратился бы к народным массам с еще более безумными обвинениями. И тогда было бы слишком поздно пытаться опровергнуть его, так что даже сторонники ПНД стали бы задаваться вопросом о том, не

⁸ Прим. пер.: «меритократия» – система продвижения в соответствии со способностями и заслугами людей, а не их происхождением

совершил ли я каких-либо нарушений. Поскольку все жители Сингапура знали, что я стану оспаривать любое дискредитирующее меня ложное заявление в судебном порядке, то, когда Тан попытался опорочить меня, он немедленно подготовился к возможным последствиям своих действий, перечислив все свои деньги за пределы Сингапура.

Была еще одна важная причина для того, чтобы подавать в суд на тех, кто пытался опорочить меня. Начиная с 50-ых годов, мы создали такой политический климат, в котором политикам приходилось защищаться от любых обвинений в проступках либо в недостойном поведении. Члены парламента от оппозиции также подавали в суд, когда кто-то порочил их репутацию. Чиам Си Тон выиграл в суде иски против двух министров ПНД, Хов Юн Чона (Howe Yoon Chong) и С. Данабалана, и получил возмещение за нанесенный моральный ущерб, а дело было улажено по соглашению сторон. В 1981 году Джеяретнам подал в суд на Го Чок Тонга, тогдашнего министра торговли и промышленности, но проиграл. Он подал апелляцию в Тайный совет, но проиграл и там. Наши избиратели привыкли к тому, что любые обвинения в нечестности или непорядочности будут оспариваться в судебном порядке. Министры ПНД вызывали уважение людей, потому что они были всегда готовы предстать перед следствием, подвергнуться перекрестному допросу в суде для выяснения любых обвинений. Те, кто обвинял меня в том, что я подавал в суд за клевету, чтобы заставить оппозицию замолчать, не понимали того, как легко поверили бы люди обвинениям в нечестности и коррупции в регионе, где взяточничество, кумовство и блат все еще остаются страшным недугом общества.

Некоторые критики обвиняли нас в том, что наши судьи были послушны. На самом деле, судьи, слушавшие эти дела, были высокопоставленными членами судебной коллегии и имели соответствующую репутацию. Вынесенные ими решения публиковались в юридических отчетах и создавали судебные прецеденты, которые подвергались тщательному разбору более чем 2,000 юристов судебной коллегии, а также студентов и преподавателей юридического факультета Национального Университета Сингапура.

7 октября 1994 года «Интернэшнэл геральд трибьюн» опубликовала статью американского преподавателя Национального Университета Сингапура Кристофера Лингла (Cristopher Lingle), в которой он выступал с нападками в мой адрес. Лингл обвинял меня в использовании судебной системы для того чтобы добиться банкротства политических оппонентов в ходе процессов по защите чести и достоинства: «Нетолерантные режимы региона демонстрируют значительную изобретательность в методах подавления инакомыслия... Некоторые действуют более тонко: они полагаются на послушную судебную систему, добиваясь банкротства оппозиционных политиков». Я подал в суд на редактора, на владельца издания и на автора статьи. В присутствии значительного числа представителей иностранных средств массовой информации, которые были призваны обеспечить широкую огласку процессу, редактор и издатель, через своих адвокатов, признали, что заявления были лживы и принесли свои извинения. Суд постановил, что «Интернэшнэл геральд трибьюн» должна была выплатить судебные издержки и компенсацию за нанесенный моральный ущерб. Чтобы избежать перекрестного допроса в суде, Лингл покинул Сингапур, когда постановление суда было обнародовано.

Я был далек от того, чтобы притеснять оппозицию или прессу, которые подвергали мою репутацию несправедливым нападкам. Всякий раз, появляясь в суде в качестве истца, я делал свою частную и общественную жизнь объектом пристального расследования. Не будь я чист, это было бы опасно. Но именно потому, что я так поступал, а также передавал все полученные в качестве компенсации морального ущерба средства благотворительным организациям, мне удалось сохранить свою репутацию.

Чтобы сохранять политическую стабильность и побеждать на выборах, мы должны были задавать тон в политической жизни общества. Это было бы возможно только в том случае, если бы в спорах с нашими критиками мы одерживали верх. Они жаловались, что в спорах с ними моя позиция была слишком жесткой. Но с неверными идеями следует бороться до того, как они начнут оказывать влияние на общественное мнение и, тем самым, создавать проблемы. Те же, кто пытается казаться слишком умным за счет правительства, не должны жаловаться, что мои ответы являются столь же острыми, как и их критика.

В то же время ПНД стремилась наладить контакт с теми, кто находился вне партии, с

молодым поколением сингапурцев. Эти люди получили хорошее образование, являются лучше информированными, они желают принимать участие в национальном диалоге. ПНД располагала огромным большинством мест в парламенте, уровень депутатов оппозиции был низким, и это привело к тому, что наши люди чувствовали, что альтернативные взгляды не получали в парламенте достаточного освещения. В 1990 году мы изменили конституцию, создав институт назначаемых, а не избираемых членов парламента, которые могли бы выражать независимые и непартийные взгляды. Эта система зарекомендовала себя хорошо. Она позволила людям, обладавшим несомненными достоинствами и не входившим в ПНД, войти в состав парламента. Эти члены парламента играли конструктивную роль, выступая с хорошо продуманной критикой политики правительства, а правительство воспринимало их всерьез. Один из них, Уолтер Вун (Walter Woon), внес в парламент законопроект, который был принят в качестве «Закона о содержании родителей» (The Maintenance of Parents Act).

После выборов 1984 года мы создали Отдел отзывов (Feedback unit), предоставив людям возможность выражать свои политические взгляды на форумах и отчетных собраниях. На этих собраниях председательствовали члены парламента, которые сочувственно выслушивали избирателей, защищали свои взгляды, но не пытались переубедить людей. Это поощряло людей высказывать свое мнение. Не все критические высказывания вели к пересмотру нашей политики, но отзывы людей помогали ее улучшить.

После отделения от Малайзии в 1965 году и начала вывода английских войск в 1968 году выборы превратились просто в референдум, показывавший уровень поддержки ПНД избирателями. Вопрос о том, победим мы на выборах или нет, не стоял. Процент голосов, поданных за ПНД, начал снижаться в середине 80-ых годов, в основном из-за того, что молодые избиратели, число которых выросло, не принимали участия в борьбе на ее ранних этапах, а потому и не были так преданы ПНД. Они хотели, чтобы оппозиция контролировала ПНД, оказывала давление на правительство, заставляла его делать уступки и смягчать жесткую политику. Это могло привести к тому, что в парламент могли быть избраны менее достойные люди, что иногда и случалось.

Когда в 1991 году премьер-министр Го назначил всеобщие выборы, оппозиция сменила тактику. Вместо того, чтобы выставить большее число слабых кандидатов, представители оппозиции позволили ПНД получить на выборах большинство мандатов безо всякой конкуренции. Они знали, что люди хотели, чтобы оппозиция в парламенте была, но люди также хотели, чтобы правительство формировала ПНД. Они назвали это своей «стратегией промежуточных выборов», и она сработала. Представитель Рабочей Партии Лоу Тиа Кьян (Low Thia Kiang), выпускник Университета Наньян, «теочью» (Teochew) по происхождению, победил в населенном, главным образом, его земляками избирательном округе Хуган (Hougang).⁹ Он оказался хорошим лидером масс. Возглавляемая Чиаом СДП завоевала три места в парламенте, став самой большой партией оппозиции, которую возглавил сам Чиаи. Новые члены парламента от СДП были заурядными людьми и «не тянули» на серьезных политиков. Позиция Чиаи была конструктивной, и он мог бы создать солидную политическую партию, если бы лучше разбирался в людях. В 1992 году он с гордостью выдвинул молодого преподавателя в качестве лучшего кандидата на промежуточных выборах. Не прошло и двух лет, как его протееже сместил его с поста лидера партии, и Чиаи вынужден был формировать новую партию.

На выборах 1997 года из 83 мест в парламенте ПНД уступила только два места Лоу Тиа Кьяну и Чиаи, который к тому времени представлял уже новую партию. Доля голосов избирателей, поданных за ПНД, выросла на 4 % и достигла 65 %. Тенденция снижения доли голосов, подаваемых за ПНД, была преодолена. Мы победили двух членов парламента от СДП, которые хотя и завоевали мандаты в 1991 году, но впоследствии разочаровали своих избирателей. ПНД удалось переиграть «стратегию промежуточных выборов» оппозиции, выступив с предвыборным обещанием, что приоритет в реконструкции общественного жилищного фонда в избирательных округах будет зависеть от того, насколько сильной являлась

⁹ Прим. пер.: «теочью» – так называют выходцев из города Шанью (Swatow) в китайской провинции Гуандун (Guandun)

поддержка ПНД избирателями данного округа. Американские либералы критиковали эту практику как нечестную, забывая, что предвыборные обещания (pork barrel politics) существуют во всем мире.

Нынешние лидеры ПНД налаживают связи с молодым поколением сингапурцев. Финансовый кризис, разразившийся в 1997–1999 годах в странах региона, явился испытанием для поколения, которое не знало трудностей. Совместной работой народа и правительства удалось преодолеть кризис, из которого страна вышла сильнее. Этот кризис и периодически повторяющиеся трудности в отношениях с Малайзией позволили жителям Сингапура хорошо осознать реалии жизни в Юго-Восточной Азии.

Будет ли созданная мною и моими коллегами политическая система оставаться более – менее неизменной на протяжении жизни следующего поколения? Я сомневаюсь в этом. Технология и глобализация меняют образ жизни людей. Сингапурцы будут по-другому работать, изменится их образ жизни. В качестве международного центра экономики, основанной на знании (knowledge-based economy), в эру информационной технологии, Сингапур будет становиться все более открытым для влияния извне.

Сохранит ли ПНД свою доминирующую роль в политической жизни Сингапура? Насколько серьезным окажется вызов со стороны демократической оппозиции в будущем? Это зависит от того, как лидеры ПНД смогут приспособиться к изменениям в запросах и чаяниях более образованных людей, их растущему желанию более активно участвовать в принятии решений, влияющих на их жизнь. Но реальное число вариантов развития Сингапура, из которых можно выбирать, не столь велико, чтобы между сторонниками различных политических взглядов на то, как решать наши проблемы, возникли непреодолимые разногласия.

Глава 10. Пестуя и привлекая таланты

Вечером 14 октября 1983 года, в выступлении по телевидению по поводу Национального праздника Сингапура, я сделал заявление, которое произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Во время прямой трансляции по обоим телевизионным каналам, которую смотрело максимальное число телезрителей, я заявил: если наши мужчины-выпускники высших учебных заведений хотят, чтобы их дети преуспевали в жизни как и они, то было бы очень глупо с их стороны выбирать себе в жены менее образованных и менее интеллектуально развитых жен. Пресса назвала развернувшуюся вслед за этим заявлением дискуссию «великими брачными дебатами». Как я и ожидал, моя речь расшевелила осиное гнездо. Моя жена Чу предупреждала меня, что женщин, окончивших школу, было намного больше, чем женщин с университетскими дипломами. Эта полемика повлекла за собой сокращение числа избирателей, проголосовавших за ПНД на выборах следующего года, на 12 пунктов, – урон был больше, чем я ожидал.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять очевидную вещь: талантливые люди являются наиболее ценным достоянием страны. А для маленького, бедного ресурсами Сингапура, население которого в момент обретения независимости в 1965 году составляло 2 миллиона человек, это был просто определяющий фактор. Китайцы Сингапура, в основном, были потомками сельскохозяйственных рабочих из южных провинций Китая, многие из которых были привезены в качестве контрактников – поденщиков для выполнения тяжелой ручной работы, погрузки и разгрузки судов, а также для работы рикшами. Первые иммигранты из Индии также приехали в Сингапур в качестве рабочих – контрактников для работы на каучуковых плантациях, постройке дорог и рытье траншей. Многие из них принадлежали к низшим кастам. Среди них имелась небольшая группа индийских торговцев и служащих. Наиболее способными были торговцы – сикхи и индуистские брамины, в особенности священники, потомки которых являются очень способными людьми. Малайцы, как правило, лучше преуспевали в искусстве и ремеслах, чем в науках.

Нам повезло, что во время британского владычества Сингапур был региональным центром образования. В городе были хорошие школы, велась подготовка учителей, имелся Медицинский колледж имени короля Георга VII (King Edward VII Medical College) и Рафлс Колледж, в котором преподавались точные и гуманитарные дисциплины. Уровень обучения в

этих колледжах был высоким, и позже они были объединены в Университет Малайи (University of Malaya) в Сингапуре. Наиболее способные студенты, получившие образование на английском языке в Малайе и на Борнео, получали образование в учебных заведениях Сингапура, в закрытых школах-интернатах, существовавших при христианских миссиях. Самые лучшие студенты получали в Сингапуре образование и дипломы докторов, учителей и администраторов. Они были лучшими из лучших среди примерно шести миллионов китайцев и индусов, проживавших в Малайе, на Борнео и даже в Голландской Ост – Индии, которая позднее стала Индонезией. В Сингапуре также находились лучшие в регионе школы, и преуспевающие родители-китайцы из соседних стран посылали сюда своих сыновей для обучения в школах, а потом и в Университете Наньян (Nanyang University), где обучение велось на китайском языке. До начала японской оккупации и образования независимых государств после Второй мировой войны китайцы свободно передвигались по «странам Наньян» (по-китайски «страны южных морей», то есть территория нынешней Юго-Восточной Азии). Многие оставались здесь в поисках лучшей работы, увеличивая прослойку талантливых людей.

После нескольких лет работы в правительстве я понял, что, чем больше талантливых людей работало в качестве министров, администраторов и специалистов, тем более эффективной была политика правительства, тем лучше – ее результаты. Я вспоминал принца Камбоджи Нородома Сианука (Norodom Sianouk). Когда он снимал свои фильмы, ему приходилось быть актером, сценаристом, директором и режиссером. В Камбодже не было достаточного числа образованных и талантливых людей, а те немногие что были, были убиты Пол Потом (Pol Pot). Это было одной из причин трагедии Камбоджи.

К тому, чтобы выступить со своей речью, положившей начало «великим брачным дебатам», меня подтолкнул отчет, анализировавший результаты переписи населения 1980 года. Отчет показывал, что наши наиболее способные женщины не выходили замуж и, следовательно, не воспроизводили себя в следующем поколении. Это вело к серьезным последствиям. Наши лучшие женщины не воспроизводили себя, потому что мужчины их образовательного уровня не хотели на них жениться. Женщины составляли примерно половину выпускников университетов, и почти две трети из них были незамужними. Азиатский мужчина, будь-то китаец, индус или малаец, предпочитает жену с более низким уровнем образования, чем у него самого. В 1983 году только 30 % мужчин с высшим образованием были женаты на женщинах с высшим образованием.

Продолжать и дальше закрывать глаза на эту проблему было нельзя. Я решил шокировать наших молодых мужчин, чтобы помочь им избавиться от глупых, старомодных предрассудков, наносивших ущерб обществу. Я привел в качестве примера результаты исследования близнецов, выполненного в Миннесоте (Minnesota), в США, в 80-ых годах, которые доказывали, что эти близнецы были сходны во многих отношениях. Несмотря на то, что они выросли порознь в разных странах, примерно 80 % их словарного запаса, их привычки, пристрастия и антипатии в отношении еды, черты характера, коэффициент развития интеллекта (IQ), – были идентичными. Другими словами, почти 80 % личности человека закладывается природой, а примерно 20 % – является результатом воспитания.

Большинство детей обладает такими же способностями, как и их родители, и лишь немногие дети отличаются по уровню развития интеллекта от своих родителей. Таким образом, мужчины – выпускники высших учебных заведений, которые женились на менее образованных женщинах, не увеличивали шансов на то, что их дети также закончат университет. Я убеждал их жениться на женщинах с равным уровнем образования, и поощрял образованных женщин иметь двух и более детей.

Женщины, окончившие высшие учебные заведения, были недовольны, что я выставил напоказ их семейную неустроенность. Женщины без высшего образования и их родители были рассержены на меня за то, что я отговаривал мужчин с высшим образованием жениться на них. На меня обрушился целый поток комментариев и писем в газеты с обвинениями в элитизме, ибо я верил, что способности передаются по наследству, а не являются результатом образования, питания и подготовки. Так, семейная чета дипломированных специалистов обвиняла меня в предположении, что семьи с низким уровнем доходов произведут на свет менее способных детей. (Я этого не утверждал). Они писали: «Посмотрите на скрипача Ли Пан

Хона (Lee Pan Hon). Он вышел из трущоб Чайнатауна (Chinatown)...Если бы у него не было возможностей для развития способностей, он никогда не развил бы своего таланта. Это пахнет элитизмом». (Ли Пан Хон, ребенок из Чайнатауна, был отобран в школу Иегуди Менухина (Yegudi Menuhin) в Великобритании, позднее он стал первой скрипкой оркестра г. Манчестера). Некая женщина писала мне: «Я – незамужняя преуспевающая женщина-профессионал в возрасте сорока лет. Я осталась одинокой, потому что мне так нравится. Я оскорблена предположением, что какие-то нищенские финансовые стимулы заставят меня прыгнуть в постель с первым встречным привлекательным мужчиной, чтобы произвести на свет талантливого ребенка ради будущего Сингапура». Даже тогдашний член парламента от ПНД То Чин Чай высмеивал мои взгляды, доказывая, что его мать никогда не ходила в школу, отец был клерком, которому едва удалось окончить среднюю школу, и, если бы его способности зависели от образовательного уровня родителей, то у него не было бы в жизни каких-либо шансов.

Я обосновывал свои взгляды путем обнародования анализа статистических данных за последние несколько лет об образовательном уровне родителей учеников в возрасте 12, 16 и 18 лет, которые входили в число 10 % лучших студентов по результатам экзаменов. Эти цифры не оставляли никакого сомнения в том, что решающим фактором, определявшим успехи детей в учебе, было наличие высокообразованных родителей. Я также приводил анализ данных за 60-ые – 70-ые годы, который показывал, что большинство наших лучших студентов, получивших стипендии для обучения в университетах за границей, не являлись детьми высокообразованных родителей. Это были дети владельцев магазинов, уличных торговцев, водителей такси и рабочих. Я сравнил эту статистику с данными за 80-ые – 90-ые годы, которые показывали, что более чем у 50 % лучших стипендиатов, по крайней мере, один из родителей имел высшее образование. Было ясно, что родители стипендиатов 60-ых – 70-ых годов сами окончили бы университеты, если бы они родились на поколение позже, когда образование стало всеобщим, а стипендии, гранты и займы для обучения за границей стали широко доступны способным студентам.

Эта дискуссия широко освещалась западными средствами массовой информации. Либеральные западные авторы и комментаторы высмеивали мое невежество и предрассудки. Тем не менее, один ученый, Р.Х.Хернштейн (R.H. Herrnstein), профессор психологии Гарвардского университета, вступился за меня. В своей статье «Показатель интеллектуального развития и снижение уровня рождаемости» (IQ and Falling Birth rates), в майском номере журнала «Атлантик мансли» (Atlantic Monthly) за 1989 год он писал: «Уже в наши дни премьер – министр Сингапура Ли Куан Ю заявил, что „уровень компетентности понизится, экономике будет нанесен ущерб, управление страной будет страдать, а общество придет в упадок“, потому что столь многие образованные мужчины не в состоянии найти образованных женщин для вступления в брак, и вместо этого женятся на женщинах без образования или не вступают в брак. Увы, Ли является исключением, ибо лишь немногие политические лидеры решаются публично заявить о качественном аспекте низкой рождаемости». Несколько лет спустя Хернштейн в соавторстве выпустил книгу «Кривая нормального распределения» (The Bell Curve), в которой были изложены данные, показывавшие, что интеллект передается по наследству.

Чтобы решить проблему незамужних образованных женщин, мы создали специальное «Агентство социального развития» (АСР – Social Development Unit), чтобы создать возможности для общения между мужчинами и женщинами с высшим образованием. Я лично поставил во главе его доктора наук Эйлин О (Dr. Eileen Aw) из Национального Университета Сингапура. Ей было под пятьдесят, она была замужем за доктором наук, и двое их детей учились в университете. Мягкая, доступная, обладавшая умением располагать к себе молодежь, она была просто создана для этой работы. Создание АСР было первоначально встречено с презрением и мужчинами, и женщинами. У международной прессы появилась еще одна возможность развернуться, высмеивая как нашу деятельность по подбору будущих супругов, так и различные виды деятельности АСР: от организации симпозиумов и семинаров до

создания компьютерных классов, проведения круизов и отпусков в «Клуб-мед».¹⁰

На самом же деле, родители были обеспокоены все возрастающим числом незамужних дочерей, окончивших высшие учебные заведения. Они отчаянно нуждались в помощи. Однажды вечером, в 1995 году, после приема в Истане, Чу сказала мне, что женщины ее поколения обсуждали на приеме тяжелое положение их дочерей, получивших образование, и сочувствовали друг другу. Они оплакивали те времена, когда родители устраивали браки своих дочерей с помощью профессиональных свах. В то время образовательный уровень женщин был невысок, и очень способные и менее способные женщины имели приблизительно одинаковые шансы выйти замуж, ибо никто не классифицировал их по наличию диплома о среднем или высшем образовании. Но для современных женщин, получивших образование, подобная практика заключения брака стала неприемлемой.

Это было ошибкой и мужчин, получивших образование, и их матерей. Не получившие образования матери предпочитали невесток без высшего образования, с которыми, как они считали, им было бы легче поладить. Наиболее трудно было стереть предубеждение, согласно которому мужчина, который не был главным кормильцем семьи и главой домашнего хозяйства, был достоин сожаления и осмеяния. Этот предрассудок бытовал среди китайцев, еще больше – среди индусов, а больше всего – среди малайцев.

Эта тенденция прослеживалась на всех образовательных уровнях. Значительное число женщин, закончивших колледж, не могли найти себе пару среди мужчин, закончивших колледж. То же самое происходило и с женщинами, окончившими общеобразовательную школу. Женщины хотели выйти замуж за высокообразованных мужчин, мужчины хотели жениться на менее образованных женщинах. В результате, мужчины с более низким уровнем образования не могли жениться, потому что женщины, которые оставались незамужними, были более образованы и не хотели выходить за них замуж. Чтобы дополнить деятельность АСР, я попросил исполнительного директора Народной Ассоциации сформировать «Секцию социального развития» (ССР – Social Development Section) для работы с людьми со средним образованием. Количество членов ССР быстро росло, и к 1995 году организация насчитывала 97,000 членов. 31 % членов ССР, которые повстречались в результате ее деятельности, вступили в брак. Поскольку традиционные методы поиска партнеров для вступления в брак были разрушены системой всеобщего образования, правительству пришлось создать альтернативу свахам прошлого.

Данные переписи населения 1980 года также показали, что высокообразованные женщины усугубляли наши проблемы, рожая намного меньше детей, чем менее образованные женщины. На каждую женщину с высшим образованием приходилось, в среднем, по 1.6 ребенка; со средним образованием – также по 1.6 ребенка; с начальным образованием – по 2.3 ребенка; без начального образования – по 4.3 ребенка. Для простого воспроизводства населения необходимо, чтобы в каждой семье было в среднем 2.1 ребенка. В результате, мы более чем удваивали наше малообразованное население, но даже не воспроизводили наших наиболее образованных людей.

Чтобы изменить эту тенденцию, Кен Сви, тогдашний министр образования, и я в 1984 году решили предоставить матерям с высшим образованием, которые родили третьего ребенка, приоритет в выборе лучших школ для всех троих детей, что являлось целью для всех родителей. Это был очень деликатный вопрос, мнения по которому разделились. Сторонники равенства в правительстве во главе с Раджой негодовали. Он не соглашался с тем, что более способные родители имели более способных детей. Раджа доказывал, что даже если это и было правдой, то нам не следовало задевать чье-либо самолюбие. Эдди Баркер был недоволен не потому, что соглашался с Раджой, а потому, что он считал это оскорблением по отношению к менее способным родителям и их детям. Более молодые министры также разделились на три лагеря в соответствии со взглядами их старших коллег. Кен Сви, твердый и последовательный реалист, согласился со мной в том, что мы должны были подтолкнуть наших мужчин с высшим образованием расстаться с устаревшими культурными предрассудками, заставлявшими их

¹⁰ Прим. пер.: Club Med – международная сеть высокочеловеческих курортов и отелей, предназначенных, в первую очередь, для отдыха одиноких молодых людей

вступать в брак с менее образованными женщинами. Мы получили поддержку большинства в правительстве.

Кен Сви и я ожидали, что среди женщин без высшего образования подобная дискриминация вызовет недовольство. На самом деле, нас ошеломило, когда против нашего решения стали протестовать матери с высшим образованием. Они не хотели пользоваться этой привилегией. И все же наш призыв к молодым мужчинам был услышан: все большее их число женилось на ровне, хотя прогресс был медленным. После выборов я согласился с тем, что Тони Тан (Tony Tan), который сменил Кен Сви на посту министра образования, отменил это решение, а с ним – и приоритет для матерей с высшим образованием в выборе школ для своих детей. Мне удалось пробудить наших людей, особенно мужчин и женщин с высшим образованием, заставить их осознать всю тяжесть нашего положения. Тем не менее, поскольку женщины с высшим образованием считали для себя неудобным пользоваться этой привилегией, – ее следовало отменить.

Вместо этого я предоставил специальные налоговые льготы замужним женщинам. На этот раз льготы распространялись на женщин с высшим образованием, средним специальным образованием, а также на женщин, окончивших высшую и общеобразовательную школу, увеличив, таким образом, число пользовавшихся льготами и смягчив ощущение элитизма. Женщины получили право на значительное уменьшение подоходного налога на свой доход или доход их мужей после рождения третьего и четвертого ребенка. В результате, семей с тремя и четырьмя детьми стало больше.

Многие критики обвиняли правительство в бездумном проведении политики «Остановитесь на втором ребенке» (Stop-at-Two) в 60-ых годах. Была ли она неправильной? И да, и нет. Без проведения этой политики планирования семьи мы не смогли бы снизить темпы прироста населения, нам не удалось бы решить проблему безработицы и улучшения школьного образования. Но нам следовало предвидеть, что у более образованных людей будет по двое детей или меньше, а у менее образованных – по четверо детей или больше. Западные ученые, занимавшиеся проблемами планирования семьи, не привлекали внимания к этому факту. Все это было хорошо известно по опыту развития их более зрелых государств, но говорить об этом считалось политически некорректным. Если бы мы знали об этом раньше, то изменили бы нашу политику и направили бы ее с самого начала кампании по планированию семьи в 1960 году в другое русло, создав стимулы для женщин с более высоким уровнем образования иметь по трое и более детей. К сожалению, мы об этом не знали и не меняли нашу политику до 1983 года, когда анализ переписи населения 1980 года продемонстрировал наличие различий между социально-экономическими группами в плане воспроизводства населения.

Начиная с того памятного выступления в 1983 году, я стал регулярно обнародовать статистический анализ образовательного уровня родителей 10 % лучших студентов по результатам экзаменов. Сингапурцы больше уже не спорят с тем, что, чем выше уровень образования и способностей родителей, тем более вероятно, что их дети также достигнут высокого образовательного уровня. Моя речь имела целью встряхнуть наших молодых мужчин и женщин и их родителей, заставить их что-то делать для решения этой серьезной проблемы. Вызванная ею открытая дискуссия произвела некоторый эффект. Тем не менее, через пару лет после моего шокирующего заявления Кен Сви, профессиональный статистик, проанализировав некоторые данные, с сожалением сказал мне, что нам не удастся решить эту проблему достаточно быстро, не позволив нашим женщинам с высшим образованием остаться одиночками. Анализ этих данных показывал, что, несмотря на некоторое улучшение, изменение негативных тенденций займет много лет. Наши наиболее способные женщины страдали бы от этого, а с ними страдал бы и Сингапур. К 1997 году 63 % мужчин с высшим образованием вступили в брак с женщинами – выпускницами университетов, по сравнению с 32 % в 1982 году. Большее число женщин с высшим образованием также выходили замуж за мужчин без высшего образования, вместо того, чтобы оставаться одиночками. Преодолеть давно сложившиеся предрассудки было трудно. Умом я соглашался с Кен Сви, что преодоление этого культурного предубеждения будет медленным процессом, но сердцем я не мог согласиться с тем, что нам не удастся быстрее заставить наших мужчин отказаться от этих предрассудков.

Наши трудности еще более усугубились, когда богатые западные страны изменили свою

политику по отношению к иммиграции из стран Азии. В 60-ых годах, когда США вели войну во Вьетнаме, Америка хотела, чтобы в мире ее не рассматривали в качестве враждебно настроенного по отношению к Азии государства. Поэтому США разрешили иммиграцию из стран Азии, изменив, таким образом, иммиграционную политику более чем столетней давности, в рамках которой разрешалась иммиграция только белого населения. Канада, Австралия, Новая Зеландия, – страны с большой территорией и маленьким населением, – вскоре последовали за США, хотя до того они долгое время запрещали иммиграцию из стран Азии. Когда эти страны изменили иммиграционные правила и разрешили иммиграцию более образованных жителей Азии, мы потеряли значительную часть притока китайцев и индийцев из Малайзии. Многие малазийцы китайского и индийского происхождения, представители образованного среднего класса, переехали на постоянное место жительства в Австралию, Новую Зеландию и Канаду. Все меньшее число иностранцев стало приезжать в Сингапур для получения образования. В некоторых странах уже были собственные университеты, а многие студенты могли позволить себе получить образование в Австралии, Новой Зеландии, Великобритании, США и Канаде.

Не все лидеры государств разделяли мои взгляды на отрицательный эффект эмиграции. Когда в начале 70-ых годов я сказал премьер – министру Малайзии Тан Разаку, что Малайзия страдала от «утечки умов», теряя многих высокообразованных китайцев и индийцев, уезжавших в Австралию и Новую Зеландию, он ответил: «Это не „утечка умов“, а утечка проблем».

С конца 70-ых годов дефицит талантливых, образованных людей еще более обострился, – примерно 5 % высокообразованных людей стали эмигрировать ежегодно. Слишком многие способные студенты получили ученую степень доктора наук. Многие из них эмигрировали, ибо считали, что в Сингапуре они не могли добиться того уровня преуспевания, который соответствовал бы их уровню образования. Некоторые студенты, которые учились в Австралии, Новой Зеландии и Канаде, эмигрировали, потому что их продвижение по карьерной лестнице в Сингапуре было недостаточно быстрым. В отличие от японцев или корейцев, сингапурцы получали образование на английском языке и, обосновываясь за границей, сталкивались с незначительными языковыми или культурными проблемами. Для обеспечения потребностей растущей экономики Сингапура в достаточном количестве талантливых людей я решил привлекать и сохранять талантливых предпринимателей, профессионалов, людей творческих профессий и высококвалифицированных рабочих. В 1980 году мы сформировали два комитета, один из которых занимался их трудоустройством, а второй решал их социальные проблемы. С помощью советников по студенческим вопросам посольств Сингапура в Великобритании, США, Австралии, Новой Зеландии и Канаде наши служащие организовывали встречи с подающими надежды азиатскими студентами, которые учились в тамошних университетах, чтобы заинтересовать их в получении работы в Сингапуре. Мы сконцентрировали свои усилия на наборе студентов из стран Азии, ибо Сингапур являлся азиатским обществом с более высоким уровнем и качеством жизни, и они могли легко ассимилироваться в нашем обществе. Систематический поиск талантливых студентов по всему миру позволял ежегодно привлекать в Сингапур несколько сот выпускников, что восполняло потери, понесенные в результате эмиграции в более развитые страны 5 % – 10 % наших высокообразованных граждан.

Чтобы заполнить исключительно способных студентов, комитет пытался использовать тактику «зеленой жатвы», которую используют американские компании, предлагая студентам работу еще до выпускных экзаменов, по результатам текущей успеваемости. К 90-ым годам, благодаря активной вербовке, приток специалистов в три раза превысил «утечку мозгов». Мы стали ежегодно предлагать несколько сот стипендий способным студентам из Индии, Китая и других стран региона в надежде на то, что некоторые из них останутся в Сингапуре ввиду лучших перспектив получения работы. А те из них, кто вернется в свои страны, все равно смогут быть полезны нашим компаниям, работающим за рубежом.

Мы также создали две целевые группы, специально занимавшиеся привлечением талантливых людей из стран региона. Привлекать индийцев было легче, чем малайцев. В Малайзии и Индонезии для коренных жителей было создано слишком много привилегий, чтобы побудить их не покидать свою страну.

Новым феноменом является растущее число белых мужчин (Caucasian), которые женятся на наших женщинах, особенно на женщинах с высшим образованием. Сингапурские мужчины с высшим образованием опасались жениться на них, чего не скажешь о дипломированных специалистах-иностранцах. Многим из этих женщин пришлось эмигрировать из-за наших законов, которые разрешали мужчинам-гражданам Сингапура жениться на иностранках и привозить их в страну, но не наоборот. Мы выдавали такое разрешение только в том случае, если муж – иностранец имел в городе постоянную работу. В январе 1999 года мы изменили эту политику, что позволит усилить космополитичный характер Сингапура. Более того, значительное число наших мужчин, получивших образование за границей, женились на японках, белых и азиатских женщинах, с которыми они повстречались в университетах. Их дети увеличивают число талантливых людей в Сингапуре. Старые препятствия для межрасовых браков были разрушены путем смешения людей, путешествующих и работающих за границей. Мы должны изменить свое отношение к талантливым иностранцам, которые когда-то рассматривались как люди, не подлежащие ассимиляции. Нам следует использовать новую ситуацию для собственной выгоды, ибо мы не можем позволить, чтобы старые предрассудки препятствовали развитию Сингапура в качестве международного центра торговли, промышленности и услуг.

Помимо естественного консерватизма людей, серьезным препятствием для ускорения этого процесса является нежелание усиления конкуренции за рабочие места. И на уровне специалистов с высшим образованием, и на более низком уровне, существует сопротивление притоку большего числа талантливых иностранцев. Сингапурцы знают, что талантливые иностранцы будут способствовать созданию большего числа рабочих мест, но они хотят, чтобы это случилось в какой –нибудь другой отрасли экономики, а не в их собственной.

Не будь талантливых иностранцев, Сингапур не стал бы таким преуспевающим государством. В составе первого правительства, состоявшего из десяти человек, я был единственным, кто родился и получил образование в Сингапуре. Кен Сви и Чин Чай родились в Малайзии, Раджа – на Цейлоне. Наш нынешний верховный судья Ен Пун Хау и генеральный прокурор Чан Сек Кеон (Chan Sek Keong) приехали из Малайзии. Я мог бы продолжить этот список. Тысячи инженеров, управляющих и других специалистов, прибывших из-за рубежа, способствовали росту и развитию Сингапура и стали дополнительными «мегабайтами» в сингапурском «компьютере». Если же мы не сможем усилить свою команду талантливыми иностранцами, то и попасть в высшую лигу государств мира нам тоже не удастся.

Глава 11. Много наречий – один язык

И Чу, и я получили образование в школе с преподаванием на английском языке. Когда во время обучения в Великобритании мы встретили студентов из Китая, то ощутили, насколько мы оторвались от китайской культуры. В этом отношении мы были практически на одном уровне с китайскими студентами – выходцами из стран Карибского бассейна. Мы чувствовали, что много потеряли, получив образование на неродном языке, но, так и не восприняв ценностей британской культуры, которая была для нас чужой. Я чувствовал себя отрезанным от массы простых китайцев Сингапура, которые разговаривали на диалекте хоккиен¹¹ или китайском литературном языке. Мир моих учебников и учителей не имел абсолютно ничего общего с тем миром, в котором я жил. Как и сотни других выпускников Рафлс Колледжа, мы потерялись между двух культур, так и не восприняв полностью британской культуры и не познакомившись с азиатской культурой в ходе своего образования.

Чу и я решили, что этот культурный пробел не должен был отражаться на наших детях, и мы отдали их в китайскую школу. Мы хотели, чтобы они стали частью яркого, энергичного, уверенного в себе сообщества китайцев Сингапура, даже если бы от этого несколько пострадало их знание английского языка. Мы старались восполнить этот пробел, так что Чу разговаривала с детьми на английском языке, а я разговаривал с ними на китайском, чтобы улучшить свое знание языка!

¹¹ Прим. пер.: южно-китайский диалект, на котором разговаривает большинство китайцев Сингапура

Это пошло на пользу всем трем детям. Они получили образование на китайском языке и были воспитаны в китайских культурных традициях, что сделало их преданными детьми и хорошими гражданами. При этом они одинаково хорошо говорили на английском языке. Они хорошо учились в школе, получая награды и отличия, что широко рекламировалось и их школами, и китайской прессой, побуждавшей других родителей посылать своих детей в китайские школы. Это также помогло убедить китайцев Сингапура в том, что я не собирался ликвидировать образование на китайском языке. Те люди, которые родились и выросли в обществе, состоящем из одной нации, могут не понять, почему язык, на котором я решил дать образование своим детям, имел такое политическое значение.

В Сингапуре никогда не существовало единого языка. Это был город-полиглот, находившийся под властью колониального правительства. Решение вопроса о том, на каком языке давать детям образование, англичане оставляли на усмотрение родителей. Колониальная администрация основала несколько школ с преподаванием на английском языке, чтобы готовить учеников для работы клерками, учетчиками, чертежниками и тому подобными второстепенными чиновниками. Англичане также учредили начальные школы для малайцев, где преподавание велось на малайском языке. У индийцев были свои школы, где обучение велось на тамильском языке и на хинди. Китайские школы с преподаванием на китайском языке финансировались преуспевающими членами китайской общины. Из-за того, что члены различных общин получали образование на своем родном языке, их привязанность к родному языку была глубока. Они были подобны 5 миллионным жителям Квебека (Quebec), которые стойко держатся за французский язык на континенте с 300– миллионным англоязычным населением.

Когда в 1959 году мы сформировали правительство, то решили, что государственным языком будет малайский, что должно было подготовить условия для воссоединения с Малайей. Но вскоре мы поняли, что рабочим языком и языком межнационального общения должен был стать английский язык. Являясь, по сути, международным сообществом торговцев, Сингапур не смог бы выжить, если бы его жители пользовались малайским, китайским или тамильским языками. Использование английского языка не давало преимущества представителям ни одной национальности. Но этот вопрос был слишком деликатным, чтобы немедленно произвести радикальные перемены. Если бы правительство провозгласило, что все жители Сингапура должны были учить английский язык, притом, что представители каждой национальности были так сильно и страстно преданы своему родному языку, то это обернулось бы катастрофой. В результате, мы решили оставить все, как было, то есть сохранить в Сингапуре четыре официальных языка: малайский, китайский, тамильский и английский.

Необходимость наличия общего языка остро почувствовалась в вооруженных силах Сингапура. Мы были обременены целой коллекцией диалектов и языков и столкнулись с реальной опасностью того, что в бой пришлось бы вступать армии, военнослужащие которой не понимали друг друга на любом из четырех официальных языков. Многие разговаривали на диалектах, из-за чего приходилось создавать специальные взводы, в которых военнослужащие разговаривали на хоккиен. Китайцы в Сингапуре разговаривали дома на одном из семи диалектов китайского языка, а в школе изучали английский и китайский литературный языки, на которых они дома не говорили.

Не желая создавать языковую проблему, я ввел в английских школах преподавание трех родных языков: китайского, малайского и тамильского. Родителям это понравилось. В качестве ответной меры я дополнительно ввел преподавание английского языка в китайских, малайских и тамильских школах. Родители – малайцы и индусы приветствовали этот шаг, но растущее их число посылало своих детей в английские школы. Наиболее закоренелая часть тех, кто получил образование на китайском языке, не приветствовала этого шага, ибо усматривала в нем попытку введения английского языка в качестве общего рабочего языка. Они выражали свое недовольство в китайских газетах.

Не прошло и восьми недель после отделения Сингапура от Малайзии, как Китайская коммерческая палата (Chinese Chamber of Commerce) публично потребовала от правительства придать китайскому языку статус одного из официальных языков Сингапура. Казначей палаты Кен Чин Хок (Kheng Chin Hock), ярый поборник китайского языка еще с тех времен, когда

Сингапур не был в составе Малайзии, подчеркивал, что на китайском языке разговаривало более 80 % населения Сингапура. Я решил прекратить это движение в зародыше, пока оно не превратилось в кампанию. Ведь стоило Китайской коммерческой палате начать активно поднимать этот вопрос, как учительский совет каждой китайской школы и оба профсоюза китайских учителей наверняка начали бы работу в массах. 1 октября я вновь заявил, что все четыре главных языка Сингапура являлись равноправными и официальными. Я напомнил Кен Чин Хоку и другим активистам Китайской коммерческой палаты, что они хранили подозрительное молчание по вопросу языка и другим, жизненно важным вопросам, когда Сингапур находился под контролем малайской полиции и малайского воинского контингента. Пять дней спустя я встретился с представителями всех четырех коммерческих палат на телевидении. Я не оставил у китайских представителей никаких сомнений в том, что я не позволю эксплуатировать вопрос о статусе китайского языка в политических целях. Это положило конец их попыткам повысить статус китайского языка.

Несмотря на это, оппозиция со стороны студентов китайского Университета Наньян (Nanyang University) и Колледжа Нджи Энн (Ngee Ann College) продолжалась. В октябре 1966 года, когда я открывал библиотеку, построенную в Университете Наньян, 200 студентов вышли на демонстрацию протеста. Несколько дней спустя студенты колледжа Нджи Энн провели демонстрацию у моего офиса, вступили в схватку с полицией, а после этого устроили сидячую забастовку в колледже. После того как я депортировал двух малазийцев, руководивших этими демонстрациями, студенческие волнения поутихли.

Правительство терпеливо выжидало, наблюдая, как год за годом все большее число родителей посылало своих детей в английские школы, невзирая на решительную оппозицию со стороны профсоюзов китайских учителей, комитетов по управлению китайскими школами, владельцев, редакторов и журналистов китайских газет, лидеров общин и Китайской коммерческой палаты. Ежегодно, в тот период, когда родители обычно должны зарегистрировать своих детей в какой-либо школе, эти группы проводили кампанию с целью убедить родителей послать своих детей в китайские школы для сохранения китайской культуры и самобытности. Они ругали тех, кто выбирал английские школы, как людей близоруких и думавших только о деньгах.

Многие китайские родители были приверженцами своего языка и культуры. Они не могли понять, почему в период британского правления их дети могли получить образование исключительно на китайском языке, а под властью избранного ими правительства они должны были учить еще и английский язык. Несмотря на это, чтобы улучшить перспективы получения их детьми хорошей работы, многие родители посылали своих детей в английские школы. Эти противоречивые тенденции создавали благоприятную почву для политической агитации.

В конце 1970 года крупная китайская газета «Наньян сиан пау» (Nanyang Siang Pau) заняла яростно прокоммунистическую и прокитайскую позицию в области языка и культуры. Она подвергала нападкам правительство, обвиняя его в попытках подавления китайского языка, образования и культуры и изображала меня в качестве угнетателя, возглавлявшего правительство «псевдо-иностранцев, забывших своих предков».

Нам пришлось арестовать генерального директора газеты Ли Мау Сена (Lee Mau Seng), главного редактора Шамсуддина Тун Тао Чана (Shamsuddin Tung Tao Chang) и ведущего публициста Лай Синко (Ly Singko) за пропаганду коммунизма и разжигание шовинистических настроений по поводу китайского языка и культуры. Доказательством того, что они занимались этим только в Сингапуре, было то, что номера этой же газеты, распространявшиеся в Малайзии, не содержали подобных материалов.

Другим источником оппозиции являлись выпускники Университета Наньян. Во время предвыборной кампании в 1972 и 1976 годах они поднимали проблему китайского языка и культуры. Когда я попытался сменить язык преподавания в Университет Наньян с китайского на английский, Хо Хуан Тай (Ho Juan Thai), президент студенческого союза, подстрекал своих товарищей пользоваться китайским, а не английским языком при написании своих экзаменационных работ. Университет сместил его с поста председателя союза. По окончании Университета он участвовал во всеобщих выборах 1976 года как кандидат от Рабочей партии, обвиняя правительство в уничтожении китайского образования и убеждая людей, говоривших

на китайском языке, перейти в оппозицию правительству, в противном случае рискуя утратить свою культурную самобытность. Он знал, что во время предвыборной кампании мы не станем предпринимать против него никаких действий. Он проиграл на выборах, получив только 31 % голосов, и сбежал в Лондон.

Оппозиция против английского языка как языка межнационального общения была упорной. Ирония состояла в том, что я, как никто другой, стремился сохранить лучшие черты китайского образования. В 50-ых годах, работая юрисконсультom у руководителей китайских средних школ, я был поражен их динамизмом, жизненной силой, преданностью общественным и политическим идеалам. В то же время, я был встревожен апатией, самовлюбленностью и отсутствием уверенности в себе у китайских студентов, получивших образование на английском языке. Сложность проблемы заключалась в том, что в нашем многонациональном и разноязыком обществе английский язык был единственным нейтральным языком, не говоря уже о том, что этот язык помог бы нашему общению с внешним миром. Тем не менее, обучение на английском языке, по-видимому, лишало наших студентов их культурной самобытности, способствовало развитию у них апатии.

И все-таки, образование, полученное на английском языке, дало мне одно политическое преимущество: мой круг общения не был ограничен людьми, говорившими на китайском языке. Я чувствовал себя как дома среди людей, говоривших на английском и малайском языках. Мне было легче работать с людьми, ибо они видели во мне не исключительно китайского лидера. Малайцы и индусы воспринимали меня как малайского (а позже сингапурского) националиста, а не как китайского шовиниста. Позднее я выучил и китайский язык. Китайцы видели мои интенсивные усилия по изучению и китайского литературного языка, и диалекта хоккиен, видели, что я вполне мог общаться с ними, поэтому они считали меня своим лидером.

В 50-ых годах люди, получившие образование на китайском языке, чувствовали прилив гордости, вызванный у них подъемом Китая и китайского языка. Торговцы Китайской коммерческой палаты процветали в результате бума в торговле каучуком, вызванного войной в Корее. В 1953 году палата предложила создать в Сингапуре университет с преподаванием на китайском языке для китайских студентов из стран Юго-Восточной Азии. Поскольку выпускникам китайских школ запрещалось продолжать свое образование в коммунистическом Китае, они верили, что университет в Сингапуре привлечет многих студентов. Идея получила поддержку у китайских торговцев в Сингапуре, Малайе и на Борнео. Главным вдохновителем этой идеи был богатый торговец каучуком Тан Лак Сай (Tan Lark Sye), который лично внес пять миллионов сингапурских долларов. Этот проект увлек всю китайскую общину и вызвал такой прилив энтузиазма, что все таксисты, уличные торговцы и рикши пожертвовали на создание университета дневной заработок. Когда в марте 1956 года британский губернатор торжественно открыл Университет Наньян, уличное движение было запружено на всем протяжении от города до студенческого городка в Джуронге, находившемся в 20 милях к северо-востоку от города. Университет стал символом китайского языка, культуры и образования, – символом, который коммунисты захватили и использовали в своих целях, используя свое влияние среди симпатизировавших им членов Китайской коммерческой палаты, общинных организаций и комитетов управления школ.

Но у Университета Наньян были и свои проблемы. Рабочих мест для его выпускников было мало. По мере того как в школах расширялось преподавание на английском языке, все большее число выпускников школ поступало в Университет Сингапура, где обучение велось на английском языке. Лучшие студенты китайских школ в частном порядке сдавали экзамен по английскому языку с получением Кембриджского школьного сертификата (Cambridge school certificate examinations), чтобы получить право на поступление в Университет Сингапура или некоторые зарубежные университеты в качестве стипендиатов правительства Сингапура. Университет Наньян, в качестве ответной меры, снизил требования для поступления и получения дипломов, еще более ухудшив свою академическую репутацию и ценность выдаваемых дипломов. Последней каплей, переполнившей чашу моего терпения, был отчет Народной Ассоциации, в котором сообщалось, что при поступлении на работу выпускники Университета Наньян предъявляли дипломы об окончании школы, а не университетские дипломы.

Я решил перевести обучение в Университете Наньян на английский язык. В 1975 году, по единодушному согласию совета университета, я назначил министра образования, доктора Ли Чао Мэна (Dr. Lee Chiaw Meng), вице-канцлером (проректором) университета. Он получил образование на китайском языке, но имел также степень доктора технических наук, полученную в Лондонском университете. Его задачей было превращение Университета Наньян в англоязычный университет. Это оказалось слишком трудным делом. Преподавательский состав в большинстве своем состоял из профессоров, получивших образование на китайском языке, преподавать на английском они не могли. Несмотря на то, что они, в основном, получили докторские степени в американских университетах, вернувшись домой, они снова начинали говорить на китайском языке и забывали английский.

Ситуация была настолько плачевной, что в 1978 году те члены парламента, которое были выпускниками Университета Наньян, попросили меня вмешаться и не допустить, чтобы университет развалился. Одним из тех, на чьи суждения я привык полагаться, был государственный министр Чан Чжит Кун (Ch'ng Jit Koon). У него были отличные навыки работы с людьми, и он работал в тесном контакте со мной на протяжении многих лет, включая работу в моем избирательном округе. Он убедил меня в том, что, если бы мы пустили процессы, протекавшие в Университете Наньян, на самотек, то это привело бы к появлению еще более серьезных проблем. Ввиду того, что карьера столь многих студентов оказалась бы загубленной, китайская часть населения города обвиняла бы правительство и в том, что мы ничего не сделали, чтобы помочь студентам, и в том, что мы позволили университету развалиться. Хо Ка Леон (Ho Kah Leong), Чин Хан Тон (Chin Harn Tong), Ли Ек Сен (Lee Yiok Seng), являвшиеся парламентскими секретарями и выпускниками Университета Наньян, решительно поддерживали взгляды Чана.

Большинство моих коллег в правительстве было настроено против вмешательства в дела университета, ибо политические издержки такого вмешательства могли быть велики. Чин Чай и Эдди Баркер были против этого. Даже по обыкновению здравомыслящий и решительный Кен Сви и отличавшийся прагматизмом Ким Сан не выказывали никакого энтузиазма. Они обещали поддержать меня, если я все-таки приму решение вмешаться, но не понимали, зачем нам самим было лезть в это осиное гнездо. Они помнили о наших проблемах с китайскими школами и Университетом Наньян в 60-ых годах. Я был ошеломлен, когда Он Пан Бун (Ong Pang Boon), получивший образование на китайском языке в Конфуцианской высшей школе в Куала-Лумпуре (Confucian High School), также выразил свои сомнения. Он соглашался с нашими членами парламента – выпускниками Университета Наньян, что ситуация в университете являлась серьезной, но был обеспокоен возможной ответной политической реакцией доноров и сторонников университета в Сингапуре и Малайзии. Тем не менее, я не мог мириться с перспективой того, что ежегодно несколько сот студентов фактически лишались будущего. Поскольку Университет Наньян не мог перейти на преподавание на английском языке, я убедил совет университета и членов сената перевести студентов в студенческий городок Университет Сингапура. В этом случае и преподаватели, и студенты были бы вынуждены пользоваться английским языком, ввиду численного превосходства англоязычных преподавателей и студентов в университетском городке Букит-Тимах (Bukit Timah).

Какими бы ни были чувства и мысли преподавателей и студентов Университета Наньян по этому поводу, с начала 1978 учебного года им пришлось «погрузиться» в англоязычную среду. Большинство родителей и студентов-китайцев смирилось с переходом из университета с преподаванием на китайском языке в университет с преподаванием на английском языке как с неизбежностью. Более всего этому противились выпускники Университета Наньян. Те из них, которые проживали в Сингапуре, если и не поддерживали произошедшие перемены, то понимали их необходимость. Выпускники же университета, проживавшие в Малайзии, были рассержены и обвиняли нас в предательстве. Со своей стороны, я сожалел, что мне не удалось произвести этих изменений раньше. Это позволило бы поднять статус нескольких тысяч выпускников Университета Наньян, которые страдали из-за недостаточного знания английского языка.

Приспособление к новым условиям было болезненным, больше даже для студентов, чем для преподавателей. Преподавательский состав Университета Сингапура взвалил на себя

основную нагрузку, пока преподаватели, пришедшие из Университета Наньян, смогли свободно преподавать на английском языке. Я дважды встречался со студентами, выражая свое сочувствие по поводу тех трудностей, с которыми они столкнулись, и убеждая их продолжать упорно заниматься. Примерно 70 % студентов сдало выпускные экзамены. Я провел опрос среди выпускников, чтобы выяснить, предпочитали ли они получить диплом Университета Сингапура, диплом Университета Наньян, или совместный диплом двух университетов. Подавляющее большинство студентов предпочло диплом Университета Сингапура. Тогда я решил слить два университета в Национальный Университет Сингапура (НУС – National University of Singapore) и выдавать выпускникам дипломы НУС. В учебных корпусах и студенческом городке Университета Наньян разместился Технологический институт Наньян (Nanyang Technological Institute), связанный с НУС. В 1991 году он стал Технологическим Университетом Наньян (ТУН – Nanyang Technological University). Некоторые выпускники Университета Наньян хотели, чтобы ТУН оставался Университетом Наньян. Теперь это уже не так важно. Старое название может быть восстановлено, если этого захотят выпускники Университета Наньян и ТУН. Работодатели знают, что, независимо от названия учебного заведения, нынешние выпускники ТУН соответствуют предъявляемым к ним требованиям.

Я обладал достаточным политическим влиянием, чтобы произвести эти перемены, потому что, в отличие от многих поборников китайского языка, посылавших своих детей в английские школы, трое моих детей получили образование в китайских школах. Когда я выступал перед преподавателями и студентами Университета Наньян в конце 60-ых годов, я был вправе сказать, что я никогда не жертвовал образованием своих детей ради политических целей. Я был убежден, что обучение в китайской школе было для них полезно, потому что они могли овладеть английским языком дома. Но я также сказал, что я не послал бы их для продолжения образования в университет с преподаванием на китайском языке. Их будущее зависело от знания языка, на котором были написаны новейшие учебники, а таким языком являлся английский язык. Все родители, независимо от того, получили ли они образование на китайском или английском языках, пришли бы к такому же выводу. Так как я сказал это, выступая в Университете Наньян, и об этом заявлении сообщалось в прессе, то мне удалось повлиять на выбор университетов родителями и выпускниками китайских школ.

Если бы мои дети плохо учились в китайских школах, я бы не смог говорить с людьми столь же авторитетно. Многие годы спустя я спросил своих детей, не жалели ли они о том, что закончили китайскую, а не английскую школу. Все трое были единодушны в том, что, получив образование в китайских школах, они только выиграли.

В общей сложности Университет Наньян окончили 12,000 студентов. Если бы все они получили образование на английском языке, их карьера сложилась бы более успешно, а их вклад в развитие Сингапура и Малайзии был бы более весомым. Проблема заключалась в том, что при основании Университета Наньян на него возлагались очень большие надежды, но ход исторического процесса был против него. Ни одна страна Юго-Восточной Азии не желала иметь у себя университет с преподаванием на китайском языке. Напротив, все они постепенно сокращали количество китайских школ. Возможности трудоустройства для выпускников китайских школ и университетов быстро сокращались, даже китайские банки переходили на английский язык, чтобы удержаться на плаву.

После того как два университета были объединены, я заставил все китайские школы перейти на английский язык в качестве основного языка обучения, при этом китайский язык использовался как второй язык преподавания. Это повлекло за собой переоценку ценностей среди людей, получивших образование на китайском языке, включая членов парламента от ПНД. Никто не мог согласиться с сокращением количества часов преподавания китайского языка в этих школах, хотя все соглашались с тем, что студенты должны были овладеть английским языком, чтобы иметь возможность продолжать политехническое и университетское образование, не затрачивая дополнительный год на улучшение знания английского языка. Я с симпатией относился к их сомнениям, но, поскольку они согласились сделать английский нашим рабочим языком, то это было неизбежно.

По мере того как осуществлялись эти изменения, я стал опасаться, что мы могли утратить то хорошее, что было в китайских школах: дисциплину, уверенность в себе, прививаемые

студентам моральные и социальные ценности, основанные на китайских традициях и культуре. Я хотел сохранить все это. Нам следовало передать эти ценности студентам новых двуязычных школ, иначе они лишились бы своей культуры. Если преподавание в школе ведется на английском языке, то такая школа не может привить конфуцианские нормы семейных отношений. Ведь и учителя, и ученики принадлежат к различным нациям и не используют в обучении учебники, написанные на китайском языке. Кроме того, в результате растущего воздействия западных средств массовой информации, общения с иностранными туристами в Сингапуре и путешествий за границу, происходит эрозия традиционных моральных ценностей наших студентов. Ценности американского «общества потребления» проникали в Сингапур быстрее, чем в другие страны региона, потому что у нас обучение велось на английском языке.

Эта проблема еще более усугублялась переоценкой ценностей среди молодых преподавателей. Старшее поколение учителей знало трудности и видело, как тяжело было добиться стабильности и гармонии в многонациональном обществе Сингапура. Когда Кен Сви в 1979 году стал министром образования, я писал ему: «Учителя учат философии жизни, наполняют своих студентов чувством решимости, долга и ответственности. Китайские учителя более требовательны и энергичны, чем большинство англоязычных преподавателей». Молодые учителя, получившие образование на английском языке, для которых китайский являлся вторым языком, уже не разделяли этих традиционных идеалов в той же степени.

Мы хотели сохранить ярко выраженные традиционные культурные ценности различных народов, населяющих Сингапур. Японцы оказались способными впитать американское влияние и остаться, по существу, японцами. Молодые японцы, выросшие в достатке, не так преданы тем компаниям, в которых они работают, как их родители. Тем не менее, по своей сути, они остаются японцами и являются более трудолюбивыми и более преданными работе на благо общества, чем европейцы или американцы. Я считал, что раз японцы смогли этого добиться, то мы также сможем этого достичь.

Я решил сохранить 9 лучших китайских школ в рамках специального плана помощи (СПП – Special assistance plan). В эти школы СПП принимали 10 % лучших учеников по результатам экзаменов, сдаваемых по окончании начальной школы. В этих школах количество часов преподавания китайского языка – такое же, как в школах, где китайский язык является основным языком обучения, но, как и в других школах, преподавание основных предметов ведется на английском языке. В этих школах есть дополнительные учителя для обучения английскому и китайскому языкам путем погружения в языковую среду. Школы СПП преуспели в сохранении порядка, дисциплины и норм поведения, присущих традиционным китайским школам. Этика в этих школах была и до сих пор остается выше, чем в школах с преподаванием на английском языке. Сегодня большинство школ СПП, включая когда-то контролировавшуюся коммунистами Китайскую высшую школу (Chinese High School), являются лучшими учебными заведениями, в которых уровень современных средств обучения соответствует их славной истории и традициям.

После решения о слиянии Университета Наньян с Университетом Сингапура в 1978 году я решил, что наступил подходящий момент для того, чтобы побудить наших китайцев использовать китайский литературный язык (Mandarin) вместо диалектов. Если бы наши ученики разговаривали дома на китайском языке, а не на диалектах, если бы они не были обременены использованием диалектов, это облегчило бы им изучение английского и китайского языков в школе. Я начал ежегодно проводить месячник под девизом «Говори на китайском литературном языке» (Speak Mandarin).¹²

Чтобы подчеркнуть важность использования китайского литературного языка, я прекратил произносить речи на диалекте хоккиен. Мы прекратили трансляцию всех теле- и радиопередач, в которых использовались диалекты, хотя для людей старшего поколения новости все еще передавались на диалектах. К сожалению, во время выборов нам приходилось

¹² Прим. пер.: многочисленные (семь основных) диалекты китайского языка настолько сильно различаются между собой, в том числе фонетически, что люди, разговаривающие на разных диалектах, могут совершенно не понимать друг друга. Отсюда и стремление Ли Куан Ю расширить применение так называемого северного или пекинского диалекта (Mandarin), который далее по тексту называется китайским литературным языком

говорить на диалектах, иначе кандидаты от оппозиции пользовались бы преимуществом перед нами. Даже в ходе предвыборной кампании, проходившей в январе 1997 года, наилучший отклик избирателей все еще вызывали речи, произнесенные на диалекте хоккиен. Для людей старшего поколения именно диалекты являются родным языком.

Изменить привычки людей в китайских семьях было трудно, а это мешало изучению китайского литературного языка. До 70-ых годов примерно 80 % китайцев разговаривало дома на диалектах. В телевизионных интервью молодые рабочие не могли бегло говорить на китайском литературном языке, потому что дома и на работе они разговаривали на диалектах. Я использовал свой авторитет, чтобы убедить людей в необходимости этих изменений. Люди знали, что трое моих детей изучали китайский литературный язык, английский и малайский языки. Они с уважением относились к моим взглядам на образование. Во время наших прогулок по паркам родители часто разговаривали со своими детьми на диалектах, пока не замечали Чу и меня. Тогда им становилось неудобно, что они не следовали моему совету, и они переходили на литературный язык. Перемена оказалась особенно трудной для бабушек и дедушек, но большинству из них удалось наладить общение с внуками, – они разговаривали с ними на диалектах, а те отвечали им на литературном языке. Без этого активного содействия использованию китайского литературного языка наша политика двуязычия по отношению к китайским студентам провалилась бы. Число семей, в которых разговаривали на китайском литературном языке, выросло с 26 % в 1980 году до более чем 60 % в 1990 году и продолжает расти. При этом число семей, в которых говорят на английском языке, выросло с 20 % в 1988 году до 40 % в 1998 году.

Переход Китая к политике «открытых дверей» привел к решительным переменам в отношении китайцев к изучению китайского литературного языка. Специалисты и руководители, владеющие и английским, и китайским языком, ценятся больше, так что жалобы относительно использования китайского литературного языка вместо диалектов прекратились. В 1965 году, провозгласив независимость, мы приняли правильное решение о преподавании китайского литературного языка как второго языка. То, что в Сингапуре использовалось семь различных южно-китайских диалектов, облегчало нам работу, когда мы убеждали людей использовать китайский литературный язык. Если бы в Сингапуре, как в Гонконге, 95 % людей говорило на кантонском диалекте (Cantonese), то это было бы трудной, а то и вовсе неразрешимой задачей. Для многих китайцев Сингапура настоящим родным языком является диалект, а китайский литературный язык является приобретенным. Несмотря на это, в течение следующих двух поколений китайский литературный язык станет их родным языком.

Необходимость изучения двух языков: английского и малайского, китайского или тамильского, – является тяжелым грузом для наших детей, ибо все три родных языка не имеют ничего общего с английским языком. Тем не менее, если бы мы продолжали говорить только на родных языках, то мы не смогли бы выжить. Использование только английского языка тоже было бы шагом назад, ибо мы утратили бы свою культурную самобытность, спокойную уверенность в себе и понимание нашего места в мире. В любом случае, мы не смогли бы убедить наших людей отказаться от использования родного языка. Несмотря на раздающиеся в наш адрес критические замечания, такой подход остается наиболее перспективным. Использование английского языка в качестве нашего рабочего языка предотвратило конфликты, возникавшие между людьми различных национальностей. Это также повысило конкурентоспособность Сингапура, поскольку английский язык является международным языком бизнеса, дипломатии, науки и технологии. Без этого нам не удалось бы привлечь в Сингапур многие крупнейшие межнациональные компании и более 200 крупнейших банков мира, а наши люди не смогли бы так быстро освоить компьютеры и Интернет.

Глава 12. Борьба с коррупцией

Когда правительство ПНД пришло к власти в 1959 году, его члены решили бороться с коррупцией, блюсти моральную чистоту правительства. У нас вызывали отвращение жадность, взяточничество и моральное разложение многих азиатских лидеров. Борцы за свободу угнетенных народов стали грабителями их богатств, их государства приходили в упадок. Мы

поднялись на гребне революционной волны в Азии и были полны решимости избавиться от колониального правления; но мы также с негодованием относились к тем националистическим азиатским лидерам, чья неспособность жить в соответствии с провозглашенными идеалами разочаровывала нас.

После войны я встречал в Англии студентов из Китая, горевших желанием избавить Китай от коррупции и некомпетентности китайских националистических лидеров. Гиперинфляция и тотальное разграбление страны привели этих лидеров к поражению и бегству на Тайвань. Именно отвращение к жадности, продажности и безнравственности этих людей сделало многих китайских студентов в Сингапуре сторонниками коммунистов. Студенты воспринимали коммунистов, как пример преданности делу, самопожертвования, самоотдачи, – достоинств, которые проявлялись в спартанском образе жизни коммунистических лидеров. Такая точка зрения в то время преобладала.

Перед всеобщими выборами, проходившими в мае 1959 года, мы приняли важное решение: выдвинуть на первый план борьбу с коррупцией. Правительство Лим Ю Хока (Lim Yew Hock) (1956–1959) становилось все более коррумпированным. Министр просвещения этого правительства Чью Сви Ки (Chew Swee Kee) получил миллион сингапурских долларов из американских источников для борьбы с коммунистами на предстоящих выборах. Широко распространились слухи о меньших суммах, которые переходили из рук в руки по причинам, не связанным с идеологией. Мы опасались за исход выборов, потому что чувствовали себя неподготовленными и недостаточно организованными, чтобы бороться с коммунистами, которые, в случае нашей победы на выборах, стали бы бороться с нами. Но оставить эту группу негодяев у власти на следующий пятилетний срок означало бы заразить коррупцией и тех государственных служащих, которые, в целом, были честными людьми. Случись это, мы бы уже не смогли управлять государством. Мы решили бороться за победу.

Искушения есть повсюду, не только в Сингапуре. К примеру, первыми официальными лицами, с которыми сталкиваются иностранцы при въезде в страну, являются служащие эмиграционных и таможенных служб. Во многих аэропортах стран Юго-Восточной Азии путешественники сталкиваются с задержками при прохождении таможенного и эмиграционного контроля, которые возникают, если не находится соответствующих стимулов для ускорения этих процедур, зачастую в виде наличных. То же самое происходит на дорогах: будучи остановленным полицейским за предполагаемое превышение скорости, водители передают им свое водительское удостоверение вместе с определенной суммой в долларах, чтобы избежать наказания. Вышестоящие служащие также не подают достойного примера. Во многих городах региона даже госпитализация после дорожно-транспортного происшествия требует дачи взятки, чтобы поскорей привлечь к себе внимание. Небольшая власть, данная людям, которые не могут достойно прожить на свое жалованье, создает стимулы для ее неправильного использования.

Наша борьба за чистое, не коррумпированное правительство имела глубокий смысл. Принимая присягу в здании муниципалитета в июне 1959 года, мы все надели белые рубашки и брюки, что должно было символизировать честность и чистоту нашего поведения в личной и общественной жизни. Люди ожидали этого от нас, и мы хотели оправдать их ожидания. Коммунисты демонстрировали свою близость с рабочим классом, одеваясь в простые рубашки со свободными рукавами и брюки, пользуясь автобусами и такси, проживая в небольших комнатах в зданиях профсоюзов, отдавая детей в школы с преподаванием на китайском языке. Они высмеивали мой кабинет и дом, оборудованные кондиционерами, мою большую американскую машину «Студэбэкер» (Studebaker), мою привычку играть в гольф и пить пиво, мое буржуазное происхождение и кембриджское образование. Но они не могли обвинить меня и моих коллег в том, что мы наживались за счет рабочих и профсоюзов, которым мы помогали.

Все министры моего правительства, кроме одного, получили университетское образование. Мы все были вполне уверены, что смогли бы обеспечить себя средствами к существованию и не работая в правительстве, – мне и подобным мне профессионалам это было вполне по силам. Поэтому у нас не было необходимости запасать что-либо впрок. Еще важнее было то, что у большинства из нас работали жены, которые могли бы содержать семью, если бы мы находились в заключении или отсутствовали. Это и сформировало отношение к работе у

моих министров и их жен. А поскольку министры вызывали уважение и доверие людей, то и государственные служащие вели себя с достоинством и принимали решения с уверенностью. Это было критически важно в нашей борьбе против коммунистов.

С самого первого дня нашего нахождения у власти в июне 1959 года мы добились того, что каждый доллар, поступавший в бюджет, был надлежащим образом учтен и доходил до своих получателей до единого цента, не прилипая по пути к чьим-либо рукам. С самого начала мы уделяли специальное внимание тем видам деятельности, где властные полномочия могли быть использованы для извлечения личной выгоды, и усилили контроль за тем, чтобы этого не происходило.

Главным органом, который занимался борьбой с коррупцией, было Бюро по расследованию коррупции (БРК – Corrupt Practices Investigation Bureau). Оно было основано англичанами в 1952 году для борьбы с растущей коррупцией, особенно в нижних и средних эшелонах полиции, среди инспекторов, контролировавших лоточную торговлю, инспекторов по землеустройству, которые по долгу службы должны были бороться со многими из тех, кто нарушал закон, занимая общественные места и дороги для нелегальной лоточной торговли или занимая государственную землю для строительства хижин. Эти инспектора могли либо принять предусмотренные законом меры, либо, получив взятку, отвернуться в сторону и не замечать нарушений.

Мы решили сосредоточить внимание БРК на крупных взяточниках в высших эшелонах власти. С мелкой сошкой мы намеревались бороться путем упрощения процедур принятия решений и удаления всякой двусмысленности в законах путем издания ясных и простых правил, вплоть до отмены разрешений и лицензирования в менее важных сферах общественной жизни. Так как мы столкнулись с проблемой осуждения коррупционеров в судах, мы стали постепенно ужесточать законы.

В 1960 году мы изменили устаревший «Закон о борьбе с коррупцией» (Anticorruption Law), принятый в 1937 году, и расширили определение взятки так, что оно стало включать любые блага, имевшие какую-либо стоимость. Поправки к законам дали широкие полномочия следователям, включая поиск, арест и расследование банковских счетов и банковских документов подозреваемых и их жен, детей и агентов. Отпала необходимость доказывать, что человек, получивший взятку, действительно имел возможность оказать требуемую услугу. Налоговые инспектора обязаны были выдавать любую информацию, касающуюся подследственного. Существовавший закон, который гласил, что показания сообщника были недействительны, если не подтверждались еще кем-либо, был изменен, чтобы позволить судье приобщать показания сообщников к делу.

Наиболее важное изменение в законе, сделанное нами в 1960 году, позволяло судам трактовать то обстоятельство, что обвиняемый жил не по средствам или располагал объектами собственности, которые он не мог приобрести на свои доходы, как подтверждение того, что обвиняемый получал взятки. Директор БРК, работая под эгидой канцелярии премьер – министра, обладал острым чутьем и властью расследовать действия любого служащего и любого министра. Он справедливо заслужил репутацию борца с теми, кто предал доверие людей.

С 1963 года мы ликвидировали анонимность, то есть ввели обязательное правило для свидетелей, вызываемых БРК для дачи информации, представить себя. В 1989 году мы увеличили максимальный штраф, налагаемый за коррупцию, с 10,000 до 100,000 сингапурских долларов. Дача ложных показаний БРК или введение следствия в заблуждение стало нарушением, каравшимся тюремным заключением и штрафом до 10,000 сингапурских долларов. Суды были уполномочены проводить конфискацию доходов, полученные в результате коррупции.

В некоторых сферах коррупция была организованной и приняла большие масштабы. В 1971 году БРК прекратил существование синдиката, состоявшего из более чем 250 передвижных полицейских патрулей, которые получали платежи в размере от 5 до 10 сингапурских долларов с владельцев грузовиков, чьи транспортные средства они распознавали по адресам, написанных на бортах грузовиков. Те владельцы грузовиков, которые отказывались платить, находились под угрозой бесконечных штрафов.

Таможенные чиновники получали взятки за «ускорение» проверки транспортных средств, перевозивших контрабанду и запрещенные товары. Персонал Центральной службы обеспечения (Central Supplies Office – правительственный департамент, занимавшийся заготовками и поставками) за определенную мзду давал заинтересованным лицам информацию о заявках, поступивших на тендер. Чиновники Импортно-экспортного департамента (Import and Export Department) получали взятки за ускорение выдачи разрешений. Подрядчики давали взятки клеркам, чтобы те закрывали глаза на определенные нарушения. Владельцы магазинов и жители домов платили рабочим Департамента общественного здравоохранения за уборку мусора. Директора и учителя некоторых китайских школ получали комиссионные от поставщиков канцелярских товаров. Человеческая изобретательность практически бесконечна, когда дело касается конвертации власти в личную выгоду. Избавиться от этого организованного рэкета было не слишком трудно. Труднее было обнаружить изолированные акты коррупции, а, обнаружив – бороться с ними.

Серьезные случаи коррупции попадали на полосы газет. Несколько министров были признаны виновными в коррупции, – по одному за каждое десятилетие, – начиная с 60-ых до 80-ых годов. Тан Киа Ган (Tan Kia Gan) был министром национального развития, пока не проиграл на выборах в 1963 году. Мы тесно сотрудничали с начала 50-ых годов, когда он был лидером профсоюза инженеров авиакомпании «Мэлэйжизн эйрвэйз» (Malaysian Airways), а я работал там в качестве юридического советника. Мы назначили его директором «Мэлэйжиен эйрвэйз». На заседании правления в августе 1966 года Тан категорически возражал против покупки самолетов «Боинг» (Boeing). Через несколько дней господин Лим (Lim) связался с «Ферст нэшенэл сити бэнк» (First National City Bank), который обслуживал счета компании «Боинг», чтобы предложить свои услуги за вознаграждение. Он был деловым партнером Тан Киа Гана. Банк знал о строгом отношении правительства к коррупции и заявил о случившемся. Лим отказался дать показания против Тан Киа Гана, и Тан не был наказан. Но я был убежден, что Тан стоял за этим. Как ни болезненно и неприятно было мне принимать такое решение, я выступил с заявлением, в котором сказал, что, в качестве представителя правительства в правлении «Мэлэйжиен эйрвэйз» Тан не был безупречен в выполнении своих обязанностей. Я уволил его с поста председателя правления и всех других постов, которые он занимал. Ким Сан сказал мне, что Тан сильно опустил и не мог ничего делать, потому что подвергся остракизму. Мне было грустно, но у меня не было другого выхода.

Ви Тун Бун (Wee Toon Boon) был министром министерства охраны окружающей среды в 1975 году, когда он совершил поездку в Индонезию со своей семьей. Поездка была оплачена подрядчиком, строившим жилье, интересы которого он представлял перед государственными служащими. Он также получил от этого подрядчика особняк стоимостью 500,000 сингапурских долларов, а также два кредита на имя его отца на общую сумму 300,000 сингапурских долларов для спекуляций на фондовом рынке, которые были выданы под гарантии этого подрядчика. Ви Тун Бун был преданным некоммунистическим лидером, начиная с 50-ых годов, поэтому мне было больно стоять перед ним и выслушивать неубедительные попытки доказать свою невиновность. Он был обвинен, осужден и приговорен к четырем годам и шести месяцам тюрьмы. Он обжаловал приговор, но обвинение было оставлено в силе, хотя срок заключения и был уменьшен до 18 месяцев.

В декабре 1979 года нас неожиданно постигла серьезная неудача, когда президент НКПС и член парламента от ПНД Фей Ю Кок (Phey Yew Kok) был обвинен по четырем эпизодам в преступном злоупотреблении властью. Общая сумма ущерба оценивалась в 83,000 сингапурских долларов. Он также был обвинен по двум эпизодам, подпадавшим под действие «Закона о профсоюзах» (Trade Unions Act) за инвестирование 18,000 долларов, принадлежавших профсоюзам, в частный супермаркет без одобрения министра. В рамках обычной судебной практики он был освобожден под залог.

Деван Наир, бывший Генеральный секретарь НКПС, был близким Фей Ю Коку человеком и верил в его невиновность. Он хотел, чтобы БРК пересмотрело этот случай, утверждая, что невиновный человек был осужден путем предъявления фальшивых обвинений. Я читал материалы расследования и разрешил БРК продолжить его. Он был настолько убежден в невиновности Фей Ю Кока и так озабочен потерей ценного помощника в профсоюзном

движении, что однажды в субботу, за завтраком, стал запальчиво убеждать меня пересмотреть дело. Я позвонил директору БРК в его присутствии и попросил его сразу после завтрака показать Деван Наиру, при условии соблюдения строгой конфиденциальности, доказательства, которые он имел против Фей Ю Кока. После того, как Диван прочитал свидетельские показания, он больше не беспокоил меня. Фей Ю Кок был освобожден под залог в 50,000 сингапурских долларов, сбежал, и два его поручителя потеряли эту сумму, так как он никогда больше не вернулся в Сингапур. Мы слышали, что он влачил жалкое существование в Таиланде, постоянно шантажируемый полицейскими и эмиграционными властями.

Наиболее драматичным был случай с министром национального развития Те Чин Ваном. В ноябре 1986 года один из его старых партнеров на допросе в БРК признал, что дал Те Чин Вану две суммы наличными по 400,000 сингапурских долларов каждая: в одном случае, чтобы позволить строительной компании оставить за собой часть земли, которая предназначалась для обязательной передачи правительству, а во втором случае, – чтобы помочь подрядчику в приобретении государственной земли для нужд частного строительства. Эти взятки имели место в 1981–1982 годах. Те Чин Ван отрицал получение взяток и пытался торговаться со старшим помощником БРК, чтобы делу не давали ход. Секретарь правительства сообщил мне об этом и сказал, что Те Чин Ван попросил о встрече со мной. Я сказал, что не смогу встретиться с ним до тех пор, пока расследование не будет закончено. Через неделю, утром 15 декабря 1986 года, офицер безопасности сообщил мне, что Те Чин Ван умер и оставил мне письмо:

«В течение последних двух недель я был очень печален и находился в состоянии депрессии. Я чувствую свою ответственность за возникновение этого неприятного инцидента, и полагаю, что я должен ответить за это в полной мере. Как благородный восточный джентльмен я считаю, что будет справедливо, если я заплачу за свою ошибку самую высокую цену.

Искренне Ваш,
Те Чин Ван».

Я посетил вдову и увидел его тело, лежавшее в кровати. Она сказала, что ее муж служил правительству на протяжении всей своей жизни и хотел спасти свою честь. Она спросила, возможно ли было не проводить вскрытия тела, но это было бы возможно лишь в том случае, если бы она получила от доктора заключение о том, что покойный умер в результате естественных причин. Вскрытие показало, что он покончил с собой в результате отравления амиталом натрия (sodium amytal). Оппозиция подняла этот вопрос и потребовала создания комиссии по расследованию. Я немедленно согласился. Огласка была столь болезненна для его жены и дочери, что они покинули Сингапур и уже никогда и не вернулись в город. Они потеряли лицо.

Нам удалось добиться того, что общественное мнение рассматривало коррупцию в правительстве в качестве угрозы обществу. Те Чин Ван предпочел самоубийство позору и остракизму. Я так никогда и не смог понять, зачем он взял эти 800,000 долларов. Он был очень способным и трудолюбивым архитектором и мог бы честно заработать миллионы, занимаясь частной практикой.

Начать с проповеди высоких моральных принципов, твердых убеждений и самых лучших намерений искоренить коррупцию – легко. А вот жить в соответствии с этими добрыми намерениями – трудно. Для этого требуются сильные лидеры и решимость бороться со всеми нарушителями, безо всяких исключений. Служащие БРК должны были располагать полной поддержкой политического руководства, чтобы действовать без страха и в соответствии с законом.

Институт развития управления (The Institute of Management Development) в своем ежегодном обзоре конкурентоспособности стран мира за 1997 год (World Competitiveness Yearbook 1997) ранжировал все страны мира по уровню коррупции в них, используя десятибалльную шкалу. Страна, в которой коррупция полностью отсутствовала, получала 10 баллов. Сингапур оказался наименее коррумпированной страной Азии и получил 9.18 балла, опередив Гонконг, Японию и Тайвань. В 1998 году организация «Транспарэнси интернэшнэл» (Transparency International) поместила Сингапур в число семи наименее коррумпированных государств мира.

«Процент», «вознаграждение», «бакшиш», «грязь», – как бы ни называли коррупцию на местном жаргоне, суть остается одной и той же, – коррупция является одной из черт азиатского образа жизни. Люди открыто принимают вознаграждение, это является частью их жизни. Министры и должностные лица не могут прожить на свое жалование так, как того требует их положение. Чем выше должность, тем больше их дома, тем более многочисленны их жены, любовницы или сожительницы, украшенные драгоценностями в соответствии с положением и влиянием их мужчин. Сингапурцы, которые занимаются бизнесом в таких странах, должны быть начеку, чтобы не занести подобные привычки домой.

Когда китайские коммунисты пришли к власти, они выставляли напоказ свою полную честность и преданность делу. В 50-ых и 60-ых годах китайские официанты и горничные возвращали любые вещи, забытые посетителями в гостиницах, даже те, которые гости оставляли специально. Так они демонстрировали полное отсутствие материальной заинтересованности. Во время «культурной революции», в 1966–1976 годах, эта система была разрушена. Фаворитизм, кумовство и коррупция проникли довольно высоко. Все общество деградировало по мере того, как оппортунисты, маскировавшиеся под революционеров, делали головокружительные карьеры («helicopter promotion») путем предательства и преследования своих коллег и руководителей. Ситуация еще более ухудшилась, когда в 1978 году Китай провозгласил политику «открытых дверей». Многие коммунистические активисты почувствовали себя обманутыми и стремились любыми путями компенсировать себя за прошедшие впустую лучшие годы их жизни. То же самое случилось и с коммунистами во Вьетнаме. После того, как в конце 80-ых годов вьетнамцы открыли страну для иностранных инвестиций и стали развивать свободную рыночную экономику, вирус коррупции поразил Коммунистическую партию. Оба режима, когда-то гордившиеся полной самоотверженностью коммунистов и их преданностью коммунистическому делу, были поражены коррупцией в большей степени, чем любая из тех приходивших в упадок капиталистических азиатских стран, которые они так любили критиковать и высмеивать.

Необходимым предварительным условием для существования честного правительства является то, что кандидатам на правительственные посты не требуются большие деньги, чтобы добиться избрания, иначе они приводят в действие порочный круг коррупции. Высокая стоимость выборов являлась и является проклятием многих азиатских стран. Затратив значительные средства на избирательную кампанию, победители должны не только вернуть потраченные деньги, но и накопить средства для следующих выборов. Эта система воспроизводит себя вновь и вновь. В 90-ых годах для избрания в Законодательное собрание (Legislative Yuan) Тайваня некоторые кандидаты от правящей партии Гоминьдан (КМТ – Kuomintang) тратили порядка 10–20 миллионов долларов. Добившись избрания, они должны были вернуть затраты и подготовиться к следующим выборам, используя свое влияние на правительственных министров и официальных лиц, добываясь от них одобрения контрактов или выведения земли из сельскохозяйственного оборота для нужд промышленного или городского строительства. Бывший государственный министр Таиланда назвал такую систему «коммерческой демократией» (commercial democracy), а избранных – «купленными мандатами» (purchased mandate). В 1996 году примерно 2,000 кандидатов истратили на проведение выборов порядка 13 миллиардов батов (1.2 миллиарда долларов США). Одного из премьер-министров называли «мистер банкомат», потому что он был широко известен раздачей денег кандидатам и избирателям. В ответ премьер-министр заявил, что он являлся не единственным банкоматом в стране.

В Малайзии лидеры ОМНО называют эту систему «денежной политикой» (money politics). В своей речи перед партийными делегатами в октябре 1996 года премьер – министр страны доктор Махатхир Мохамад (Dr. Mahathir Mohamad) отметил, что некоторые депутаты, стремившиеся попасть на высокие должности «предлагали взятки делегатам» в обмен на голоса. Доктор Махатхир выразил сожаление по поводу существования «денежной политики» и даже расплакался, убеждая делегатов партии «не позволить взяточничеству разрушить малайскую расу, религию и нацию». Согласно сообщениям малайских информационных агентств, в 1993 году, во время пика избирательной кампании, перед конференцией делегатов ОМНО, «Бэнк Негара» (Bank Negara) испытывал дефицит банкнот номиналом в 1,000 и 5,000

малайзийских ринггитов.

Индонезия стала хрестоматийным примером коррупции в таких масштабах, что индонезийские средства массовой информации даже изобрели специальный термин «СКК» (сговор, коррупция, кумовство). Дети президента Сухарто, его друзья и сподвижники подавали в этом пример, сделав «СКК» неотъемлемой частью индонезийской культуры. Американские средства массовой информации оценивали состояние семейства Сухарто в 42 миллиарда доллара, до того как его стоимость резко упала в результате финансового кризиса 1997 года. Коррупция стала еще хуже при президенте Хабиби (Habibi). Министры и должностные лица, испытывая неуверенность в том, удастся ли им сохранить свое положение после выборов нового президента, старались максимально использовать отведенное им время. Помощники Хабиби накопили огромные фонды для покупки голосов депутатов Народного совещательного собрания (НСС – People's Consultative Assembly), чтобы добиться своего переизбрания. Согласно некоторым сообщениям, цена одного голоса в парламенте установилась на уровне четверти миллиона долларов.

Самой дорогой является японская избирательная система. Заработная плата и дотации на покрытие расходов, получаемые министры и члены японского парламента (Diet), невелики. При этом члену японского парламента требуется более миллиона долларов в год, чтобы содержать штат своих помощников в Токио и в избирательном округе, а также делать подарки избирателям ко дню рождения, к свадьбе и на похоронах. В год, когда проводятся выборы, депутату необходимо более пяти миллионов долларов. В финансовом отношении депутат зависит от лидера своей фракции. Поскольку власть, которой располагает лидер фракции, зависит от числа членов парламента, которых он поддерживает и которые от него зависят, то ему необходимо сосредотачивать в своих руках огромные суммы денег, чтобы финансировать своих сторонников во время выборов.

Сингапуру удалось избежать использования денег в избирательной борьбе. В 1959 году, будучи лидером оппозиции, я убедил премьер – министра Лим Ю Хока сделать голосование обязательным и запретить практику использования автомобилей для доставки избирателей на избирательные участки. После прихода к власти мы очистили политику от влияния триад (triad – китайская мафия). Наши самые опасные конкуренты, коммунисты, не пользовались деньгами, чтобы заполучить голоса. Наши собственные издержки на ведение избирательных кампаний были невелики, намного ниже уровня, разрешенного законом. Поэтому у партии не было необходимости пополнять казну после выборов, а в период между выборами мы не раздавали подарков избирателям. Мы добивались того, что люди вновь и вновь голосовали за нас тем, что создавали рабочие места, строили школы, больницы, общественные центры и, что было важнее всего, дома, которыми они владели. Эти социальные блага изменили жизнь людей и убедили их в том, что будущее их детей – с ПНД. Оппозиционные партии также не нуждались в деньгах. Они побеждали наших депутатов, потому что избиратели хотели, чтобы оппозиция в парламенте оказывала давление на правительство.

Западные либералы доказывали, что полностью свободная пресса выставит коррупцию напоказ и сделает правительство чистым и честным. До сих пор свободная и независимая пресса в Индии, на Филиппинах, в Таиланде, на Тайване, в Южной Корее и Японии не смогла остановить распространяющуюся и глубоко укоренившуюся в этих странах коррупцию. Наиболее ярким примером того, как свободные средства массовой информации становятся частью коррумпированной системы, построенной их владельцем, является пример с бывшим премьер – министром Италии Сильвио Берлускони (Silvio Berlusconi).¹³ Он является владельцем большой сети средств массовой информации, но при этом сам находился под следствием и был обвинен в коррупции еще до того, как стал премьер – министром.

С другой стороны, Сингапур продемонстрировал, что система чистых, свободных от денег выборов помогает сохранить честное правительство. Правительство Сингапура сможет оставаться чистым и честным только в том случае, если честные и способные люди будут проявлять желание бороться на выборах и занимать официальные должности. Для этого необходимо платить им заработную плату, сопоставимую с той, которую человек, обладающий

¹³ Прим. пер.: В мае 2001 года Сильвио Берлускони был вновь избран премьер – министром Италии

их способностями и честностью мог бы заработать, занимая должность управляющего крупной корпорацией, или занимаясь частной юридической либо иной профессиональной практикой. Эти люди так управляли экономикой Сингапура, что она в среднем росла на 8–9% в год на протяжении последних двух десятилетий, в результате чего, по данным Мирового банка, в 1995 году Сингапур вышел по уровню ВВП на душу населения на девятое место в мире.

У представителей первого поколения лидеров Сингапура честность была привычкой. Мои коллеги отвергли бы любую попытку подкупить их. Они подвергали свою жизнь опасности, добиваясь власти не для того, чтобы разбогатеть, а для того, чтобы изменить общество. Но воспроизвести этих людей было нельзя, потому что нельзя было воспроизвести те условия, в которых они стали такими. Наши последователи становились министрами, выбирая такую карьеру из числа многих других, причем работа в правительстве не являлась самым привлекательным выбором. Если недоплачивать способному человеку, занимающему должность министра, то сложно будет ожидать от него, чтобы он проработал на такой должности долгое время, зарабатывая лишь часть того, что он мог бы заработать в частном секторе. В условиях быстрого экономического роста и постоянного увеличения заработной платы в частном секторе заработная плата министров должна была быть сопоставимой с заработной платой руководителей их уровня в частном секторе. Малооплачиваемые министры и государственные служащие разрушили не одно азиатское правительство. Адекватное вознаграждение жизненно важно для поддержания честности и морали у политических лидеров и высших должностных лиц.

Во время бюджетных прений в марте 1985 года я столкнулся с оппозицией увеличению заработной платы министров. Член парламента от Рабочей партии Д.Б.Джеяретнам сравнил мой месячный заработок (29,000 сингапурских долларов) с заработной платой премьер – министра Малайзии, который получал только 10,000 сингапурских долларов, а «чистыми» – только 9,000 долларов. Я привел дополнительное сравнение и указал, что ежегодное жалование президента Филиппин Маркоса (Marcos) составляло только 100,000 песо или 1,000 сингапурских долларов в месяц, а президент Индонезии, управлявший страной с населением 150 миллионов человек, ежемесячно получал 1,200,000 рупий или 2,500 сингапурских долларов. Тем не менее, они были куда богаче меня. Лидер Индонезии сохранил за собой свою резиденцию и после отставки; премьер – министру Малайзии предоставляли дом или землю для строительства частного дома; моя официальная резиденция принадлежала правительству. У меня не было никаких льгот, не было автомобиля, не было водителя, как не было и садовников, поваров и прочей прислуги. Я установил практику, при которой премьер – министр и другие министры ежемесячно получали определенную сумму денег и сами решали, на что ее потратить.

Я также упомянул о разрыве в оплате труда в Китайской Народной Республике, где минимальная заработная плата составляла 18 юаней, а максимальная – 560 юаней. Таким образом, соотношение между ними было примерно 1:31. Но это не отражало разрыва в качестве жизни между наименее оплачиваемыми работниками и наиболее высокооплачиваемыми руководителями, которые жили за стенами Чжуннаньхай (Zhongnanhai), неподалеку от «Запретного города» (Forbidden City). Это соотношение также не принимало во внимание ни того, что возможности приобретения товаров и услуг были различны, ни наличия поваров, прислуги и элитного медицинского обслуживания. В целом это вело к различному качеству жизни.

Показной эгалитаризм – хорошая политика. В течение десятилетий люди носили однотипные жакеты и брюки в стиле Мао, одного и того же плохого покроя, пошитые якобы из одного и того же материала. На самом же деле, существовали различные типы жакетов. Один из провинциальных лидеров, отвечавший за развитие туризма, объяснил одному из моих министров, что, хотя они выглядели практически одинаковыми, на самом деле качество ткани было различным. Для иллюстрации он расстегнул свой жакет и показал, что тот был на меховой подкладке.

Стремление завоевать общественную поддержку, как правило, побуждает правительство, находящееся у власти, поменьше платить своим министрам. При этом стоимость жилищных льгот, покрытие текущих расходов и затрат на пользование автомобилем, путешествия, расходов на образование детей зачастую превышает размеры их жалования.

Во время неоднократных дискуссий в парламенте в 80-ых-90-ых годах я указывал, что заработная плата министров и других политических деятелей в Великобритании, в США и в большинстве стран Запада не поспевала за темпами экономического роста. Подразумевалось, что люди, которые приходили в политику, располагали частными средствами. Действительно, в довоенной Англии людей без собственного источника дохода можно было встретить в парламенте крайне редко. Хотя это больше и не является правилом в Великобритании или США, тем не менее, наиболее способные люди слишком заняты и слишком много зарабатывают, чтобы стремиться попасть в правительство.

В США высокооплачиваемые представители частного сектора назначаются президентом в правительство на один или два срока (4–8 лет). После этого они возвращаются в частный сектор и работают в качестве адвокатов или руководителей компаний. Зачастую они становятся лоббистами чьих-либо интересов, и их «ценность» значительно возрастает, ибо они имеют свободный доступ к ключевым фигурам в администрации президента. Такая система «вращающихся дверей» (revolving door) казалась мне нежелательной.

После получения независимости я заморозил заработную плату министров и ограничил рост заработной платы работников госсектора, чтобы успешней бороться с безработицей и экономическим спадом, а также, чтобы подать пример самоограничения. Когда к 1970 году мы решили проблему безработицы, и всем стало немного легче, я увеличил жалование министров с 2,500 до 4,500 сингапурских долларов в месяц. Я оставил собственное жалование неизменным (3,500 сингапурских долларов в месяц), чтобы напомнить работникам госсектора, что некоторое самоограничение все еще было необходимо. Каждые несколько лет я вынужден был увеличивать жалование министров, чтобы сократить нараставший отрыв в оплате их труда по сравнению с частным сектором.

В 1978 году доктор Тони Тан (Dr. Tony Tan) занимал должность генерального директора крупного местного банка «Овэрсиз чайниз бэнкинг корпорэйшн», при этом его зарплата составляла 950,000 сингапурских долларов в год. Я убедил его уйти в отставку и занять пост государственного министра, предложив зарплату, которая составляла менее трети его жалования, не считая потери льгот, наиболее ценной из которых было наличие автомобиля с шофером. Министр коммуникаций Он Тен Чеон также многим пожертвовал, бросив карьеру преуспевающего архитектора во время строительного бума.

В 1994 году, будучи уже старшим министром, я внес на рассмотрение парламента предложение о внедрении правительством системы, согласно которой пересмотр жалования министров, судей и высших государственных служащих стал бы автоматическим, привязанным к сумме налогов на доходы, уплачиваемых частным сектором. Экономика Сингапура росла на 7-10 % в год на протяжении двух десятилетий, и увеличение заработной платы в государственном секторе всегда отставало от частного сектора на 2–3 года. В 1995 году премьер – министр Го Чок Тонг остановился на предложенной мною формуле, которая увязывала жалование министров и высших государственных служащих с заработной платой работников сопоставимого ранга в частном секторе. Это позволяло автоматически увеличивать им заработную плату, поскольку доходы в частном секторе постоянно росли. Это изменение в системе оплаты труда, устанавливавшее заработную плату работников госсектора на уровне 2/3 дохода работников частного сектора сопоставимого ранга, показанного ими в налоговых декларациях, вызвало острую полемику. Особенно недовольны были специалисты, работавшие в частном секторе, ибо они считали, что зарплата наших министров, в этом случае, будет совершенно непропорциональна той, которую получают правительственные чиновники в наиболее развитых странах. Люди настолько привыкли к существованию государственных служащих, получавших скромное жалование, что им казалась неуместной сама мысль о том, что министр не только обладает властью, но что его труд также должен оплачиваться в соответствии с важностью его работы. Я помог премьер – министру обосновать эти изменения. Мы отвергли аргументы оппонентов, которые доказывали, что та честь, которую общество оказывает министрам, доверяя им право занимать высокую должность и распоряжаться связанной с ней властью, уже являлась более чем достаточным вознаграждением. Они настаивали на том, что служба обществу должна всегда влечь за собой потерю в доходах. Я полагал, что, при всем его благородстве, такой подход нереалистичен и является самым верным

средством не позволить министрам занимать должности на протяжении длительного времени. А ведь именно непрерывность и преемственность в исполнении служебных обязанностей и накопленный таким образом опыт давал нам большое преимущество и являлся сильной стороной правительства Сингапура. Опыт и здравый смысл наших министров, который правительство продемонстрировало при принятии своих решений, было результатом их способности мыслить и планировать на долгосрочную перспективу.

Хотя оппозиция сделала вопрос о жаловании министров важным пунктом предвыборной борьбы, результаты всеобщих выборов, проходивших 18 месяцев спустя, показали, что премьер – министр сохранил поддержку избирателей. Люди хотят видеть у власти честное, хорошее, чистое правительство, которое добивается реальных результатов, – а это именно то, что обеспечивала им ПНД. Принять на работу в правительство талантливого человека из частного сектора теперь стало легче. До того, как была введена новая схема оплаты труда, лучшие адвокаты зарабатывали от 1 до 2 миллионов сингапурских долларов в год, в то время как судьям платили меньше 300,000. Без такого изменения в системе оплаты труда мы никогда не смогли бы привлечь некоторых из наших лучших адвокатов на должности судей. Мы также привели жалование докторов и других специалистов в правительственных учреждениях в соответствии с жалованием их коллег, занимающихся частной практикой.

Эта формула не означает ежегодного автоматического увеличения жалования, потому что доходы частного сектора то повышаются, то понижаются. Когда в 1995 году доходы в частном секторе снизились, в 1997 году было соответственно уменьшено и жалование всех министров и высших должностных лиц.

Чтобы застраховаться от необдуманного избрания в правительство менее честных и благородных людей, в августе 1984 года, в речи на собрании, посвященном Национальному празднику Сингапура, я предложил избирать президента страны. Он являлся бы хранителем национального достояния, а также имел бы полномочия для того, чтобы отменять распоряжения премьер – министра, если бы тот препятствовал расследованию дел по подозрению в коррупции против себя, министров и высших государственных служащих. Президент также имел бы право накладывать вето при назначении на должности Верховного судьи, начальника Генерального штаба и начальника полиции. Такому президенту требовался бы независимый мандат избирателей. Многие полагали, что я готовил этот пост для себя, чтобы занять его после того, как я уйду с должности премьер – министра. На самом деле, у меня не было никакого интереса к этой должности, потому что для человека моего склада это была бы слишком пассивная работа. Это предложение и его возможные последствия обсуждались в «Белой книге» (white paper) парламента в 1988 году. Несколько лет спустя, в 1992 году, премьер – министр Го Чок Тонг изменил конституцию и ввел пост избираемого президента. Мы должны были поддерживать правильный баланс между властью президента и властью премьер – министра и правительства.

Когда страны Восточной Азии – от Южной Кореи до Индонезии – были опустошены финансовым кризисом 1997 года, коррупция и кумовство только ухудшили их проблемы. Сингапур легче перенес этот кризис, потому что у нас не было коррупции и кумовства, которые причинили другим странам многомиллиардные убытки.

Те высокие моральные стандарты, которые мы установили, позволили премьер – министру Го Чок Чону назначить расследование покупки двух объектов недвижимости, сделанных в 1995 году моей женой на мое имя и моим сыном Ли Сьен Лунгом, заместителем премьер – министра. Они оба получили от застройщика скидки в размере 5 % – 7 % при покупке недвижимости. Застройщик предоставлял скидки в размере 5 % – 10 % и другим покупателям, – так он прощупывал рынок в период относительного застоя. Сразу после приобретения этих объектов недвижимости в сфере недвижимости начался бум, и цены на рынке недвижимости резко поднялись. Те, кто не успел приобрести недвижимость в период относительного застоя на рынке, обратились с жалобой в комитет Фондовой биржи Сингапура, ибо акции данной компании по торговле недвижимостью котировались на фондовом рынке. В результате расследования ФБС пришла к выводу, что при совершении этих сделок закон нарушен не был. Поскольку мой брат был одним из директоров этой компании, то распространились слухи, что я и мой сын нечестно нажились на покупке недвижимости.

Управление монетарной политики Сингапура провело расследование и доложило премьер – министру Го Чок Тонгу, что в получении нами скидок не было ничего незаконного.

Чу была возмущена неуместностью обвинений. Она работала адвокатом на протяжении 40 лет, и знала, что предоставление скидок было обычной практикой при торговле недвижимостью. Я тоже негодовал и решил развеять подозрения в незаконной деловой активности путем предания гласности сведений о наших приобретениях и скидках. Мы уплатили стоимость скидок, составивших около миллиона сингапурских долларов, министру финансов, т. е. правительству. Премьер – министр приказал вернуть нам эти деньги, потому что он убедился, что в этих сделках не было ничего незаконного, и правительство не могло претендовать на эти деньги. Лунг и я не хотели, чтобы дело выглядело таким образом, что мы извлекали выгоду из родственных отношений с братом, являвшимся директором компании по торговле недвижимостью и решили перечислить миллион сингапурских долларов на благотворительные нужды.

Я попросил, чтобы премьер – министр поднял этот вопрос в парламенте, чтобы всесторонне обсудить проблему. Во время дебатов члены парламента от оппозиции, включая двух адвокатов, один из которых являлся лидером оппозиции, заявили, что, согласно их опыту работы, предоставление таких скидок было стандартной маркетинговой практикой, а потому в наших приобретениях не было ничего незаконного. В результате столь открытого и полного обсуждения данного инцидента годом спустя, на всеобщих выборах, этот вопрос даже не поднимался. Выступая в парламенте, я отметил, что тот факт, что созданная мною система позволила расследовать и предать гласности мои собственные действия, доказал, что она была беспристрастной и эффективной. Перед законом у нас все равны.

Глава 13. Озеленение Сингапура

В 1976 году, во время моего первого посещения Большого Дворца Народов (Great Hall of the People) в Пекине, я заметил в нем плевательницы. Китайские лидеры действительно пользовались ими. В 1977 году, когда Дэн Сяопин посетил Сингапур, мы также поставили рядом с его стулом в зале заседаний бело-голубую плевательницу эпохи династии Мин (Ming), но он не пользовался ею. Очевидно, он заметил, что китайцы в Сингапуре не плевались. В 1980 году, во время моего следующего визита, я заметил, что плевательницы из Большого Дворца Народов были убраны. Несколько лет спустя, когда я обедал в Сингапуре с членом Госсовета КНР, отвечавшим за экономические вопросы, я упомянул, что китайцы перестали пользоваться плевательницами в Большом Дворце Народов. Он усмехнулся и сказал, что они действительно удалили плевательницы из зала приемов, но все еще пользовались ими в своих кабинетах, – привычка была слишком старой, чтобы от нее отказаться.

Я начал кампанию против плевания в 60-ых годах, но еще и в 80-ых годах некоторые водители плевали из окон машин, а некоторые люди все еще продолжали сплевывать в магазинах и на рынках. Мы упорно продолжали борьбу с этим злом, распространяя через школы и средства массовой информации сообщения о том, что плевание способствует распространению таких болезней как туберкулез. Теперь уже редко можно увидеть людей, плюющих в общественном месте. Мы – нация эмигрантов, которые снялись с насиженных мест и, следовательно, были готовы отказаться от старых привычек, чтобы построить лучшую жизнь в новой стране. Успехи этой кампании ободряли меня и вдохновляли на борьбу за изменение плохих привычек людей.

После провозглашения независимости я искал некий способ выделить Сингапур из числа других стран «третьего мира». Я остановился на том, чтобы привести Сингапур в порядок и озеленить его. Частью моей стратегии было превращение Сингапура в оазис «первого мира» в Юго-Восточной Азии, ибо, если бы мы добились стандартов благоустройства города, присущих развитым странам, то бизнесмены и туристы сделали бы Сингапур базой для бизнеса и путешествий в регионе. Улучшить физическую инфраструктуру было легче, чем изменить привычки людей. Многие из них переселялись из лачуг с отверстием в земле или ведром в надворных постройках для отправления естественных надобностей, в квартиры в высотных домах с современной канализацией, но их поведение оставалось точно таким же, как и ранее.

Нам пришлось упорно потрудиться, чтобы избавиться от мусора, шума, грубости и заставить людей быть вежливыми и внимательными друг к другу.

Мы начинали с очень низкого уровня. В 60-ых годах на наших «встречах с народом» (мероприятиях, на которых министры и члены парламента помогали решать проблемы избирателей) выстраивались длинные очереди. Безработные, часто сопровождаемые женами и детьми, приходили с просьбами о трудоустройстве, о выделении лицензий на ведение лоточной торговли, лицензий на право эксплуатации такси или за разрешением на продажу продуктов питания в школьных кафетериях. Это были человеческие лица за скупой статистикой безработицы. Тысячи из них могли бы зарабатывать себе на жизнь приготовлением блюд на тротуарах и улицах. При этом они проявляли полное безразличие к правилам дорожного движения, санитарным нормам и другим требованиям. В результате, мусор, грязь, беспорядок и зловоние от гниющих остатков пищи превратили многие части города в трущобы.

Многие из них стали «пиратскими таксистами», не имевшими лицензий и страховки и подвергались эксплуатации со стороны бизнесменов, которые арендовали для них поношенные частные автомобили. Они брали за проезд несколько больше, чем автобусы, но меньше, чем лицензированные такси. Они останавливались без предупреждения, чтобы подобрать пассажиров или высадить их, и представляли собой угрозу для других участников дорожного движения. Сотни, а впоследствии тысячи «пиратские такси» запруживали улицы и подрывали развитие общественного транспорта.

В течение нескольких лет правительство не могло очистить город, просто удалив с улиц нелегальных лоточников и «пиратских» таксистов. Только после 1971 года, когда мы создали много рабочих мест, у нас появилась возможность применить закон и очистить улицы. Мы ввели лицензирование лоточников, готовивших пищу, и переместили их с обочин дорог и тротуаров в оборудованные надлежащим образом центры, с проточной водой, канализационными коллекторами и мусоропроводами. К началу 80-ых годов мы переместили в эти центры всех лоточников. Некоторые из них были такими превосходными поварами, что стали своего рода туристской достопримечательностью нашего города. А некоторые из них стали миллионерами, добравшимися на работу в «Мерседесах» и нанимавшими официантов. Предприимчивость, энергия и талант таких людей создали Сингапур. «Пиратские» такси были убраны с дорог только после того, как нам удалось реорганизовать систему автобусного сообщения и предоставить таксистам альтернативные рабочие места.

За время нашего пребывания в составе Малайзии город значительно обветшал, особенно после межобщинных столкновений, имевших место в июле и октябре 1964 года. Дисциплина и мораль людей значительно упали. Два происшествия подтолкнули меня к действиям. Однажды утром, в ноябре 1964 года, я посмотрел из окна своего кабинета в здании муниципалитета и увидел несколько коров, которые паслись на Эспланаде (Esplanade). Спустя несколько дней адвокат, ехавший по главной магистрали Сингапура, столкнулся за городом с коровой и погиб. Индийские пастухи приводили коров в город, чтобы выпастить их на обочинах дорог и даже на самой Эспланаде. Я созвал совещание со служащими, отвечавшими за вопросы здравоохранения и предписал им принять меры для решения этой проблемы. Мы установили для владельцев коров и коз срок до 31 января 1965 года, после которого всех беспризорных животных следовало конфисковывать и забивать на бойнях, а мясо – передавать в приюты. К декабрю 1965 года мы действительно конфисковали и забили 53 коровы. Вскоре после этого весь крупный и мелкий рогатый скот был убран с улиц.

Чтобы добиться стандартов благоустройства, принятых в государствах «первого мира», мы решили превратить Сингапур в тропический город-сад. Я высаживал деревья на церемониях открытия общественных центров, во время визитов в различные учреждения, на обочинах дорог, во время церемоний открытия дорожных развязок. Многие деревца принимались, а многие – нет. Повторно посещая общественные центры, я иногда находил новые молодые деревья, только что пересаженные перед моим визитом. Я понял, что мы нуждались в специальном органе, который занимался бы сохранением зеленых насаждений, и создал такой департамент в Министерстве национального развития (Ministry of national development).

Добившись некоторого прогресса в этой сфере, я встретился со всеми высокопоставленными чиновниками правительственных и законодательных учреждений, чтобы

вовлечь их в движение за чистоту и озеленение. Я подсчитал, что я посетил почти пятьдесят стран и останавливался почти в таком же количестве домов для официальных приемов. Меня поражал не размер этих зданий, а уровень обслуживания гостей. Наблюдая за тем, как содержались эти здания, я всегда мог определить, была ли страна и ее администрация деморализованы, – это было видно по разбитым умывальникам, протекавшим кранам, не работавшим туалетам и общему упадку зданий, в том числе, по плохо ухоженным садам. Высокие официальные лица точно также судили бы о Сингапуре.

Мы высадили миллионы деревьев, пальм и кустов. Озеленение подняло мораль людей и позволило им гордиться городом, в котором они жили. Мы учили их беречь деревья, и не делали различия между районами, в которых жил рабочий класс и представители среднего класса. Британцы имели превосходные районы для белых в Танлине (Tanglin) и вокруг Дома правительства (Government House). Дома там были более опрятны, а прилегающая территория – более чистой и зеленой, чем в районах, в которых жило местное население. Для демократически избранного правительства такое положение было бы политически бедственным. Мы уничтожали мух и комаров, чистили вонючие отстойники и каналы. В пределах года все места общественного пользования были приведены в порядок.

Для борьбы со старыми привычками была необходима настойчивость. Люди ходили по газонам, мяли траву, портили клумбы, воровали саженцы, припарковывали велосипеды и мотоциклы у больших деревьев, ломая их. Причем нарушителями были не только бедные люди. Например, был пойман доктор, выкапывавший с разделительной полосы дороги недавно высаженную там сосну ценной породы (Norfolk Island pine), которую он решил пересадить в свой сад. Чтобы преодолеть безразличие людей к озеленению, мы приучали детей в школах заботиться о растениях и ухаживать за садами, а они передавали свой опыт родителям.

Природа не наградила Сингапур сочной зеленой травой, как Новую Зеландию или Ирландию. В 1978 году, по моей просьбе, австралийский специалист по озеленению и новозеландский почвовед прибыли в Сингапур для оценки наших условий. Их отчет заинтересовал меня, и я попросил о встрече с ними. Они пояснили, что Сингапур был расположен в экваториальной части тропической лесной зоны, для которой характерно большое количество ливней и яркое солнце на протяжении всего года. Если вырубить деревья, то сильные дожди смоют верхний слой почвы и вымоют из нее питательные вещества. Чтобы вырастить зеленую и пышную траву, нам следовало регулярно вносить удобрения, предпочтительно, компост, который не так легко смыть, и известь, потому что наша почва была слишком кислой. Садовник на Вилле Истана решил проверить эти советы на наших лужайках. И действительно, трава стала более зеленой. Мы сделали то же самое на всех школьных дворах, спортивных площадках и стадионах, голые заплатки вокруг футбольных ворот с редкой желтой травой вскоре покрылись зеленью. Постепенно весь город зазеленел. Посетивший нас в 70-ых годах французский министр, который был гостем на нашем приеме в честь Национального праздника, был в восторге от города и поздравил меня по-французски. Я не говорил по-французски, но понял слово «зелень» (verdure). Он был просто очарован зеленым нарядом города.

Большинство азиатских стран в то время уделяло мало или совсем не уделяло внимания озеленению. Сингапур отличался в этом отношении, и в ноябре 1969 года американский журнал «Лук» (Look) напечатал статью о наших мерах против бродячего рогатого скота. Воодушевленный посещением Сингапура, директор Информационной службы (information services) Гонконга заявил, что он начнет двухлетнюю кампанию за чистоту, основанную на нашем опыте.

Во время проведения конференции премьер-министров стран Британского Содружества наций в середине января 1971 года, я убедил наших должностных лиц приложить дополнительные усилия для того, чтобы создать у посетителей еще лучшее впечатление от Сингапура. Работники сферы услуг, продавцы магазинов, водители такси, персонал гостиниц и ресторанов были проинструктированы относиться к посетителям более учтиво и приветливо. Они отнеслись к этому с пониманием и получили хорошую оценку посетивших нас премьер-министров, президентов и сопровождавших их лиц. Ободренное этим успехом, Агентство по развитию туризма начало кампанию среди работников, занятых в торговле и

сфере услуг, по улучшению качества обслуживания и более вежливому отношению к клиентам. Я вмешался. Было бы абсурдно, если бы наш обслуживающий персонал был вежливым только по отношению к туристам, а не к жителям Сингапура. Я заставил министерство обороны, отвечавшее за военнослужащих, министерство просвещения, которое заботилось о полумиллионе студентов, и НКПС, в который входило несколько сот тысяч рабочих, проводить разъяснительную работу с населением. Вежливость должна была стать частью нашего образа жизни, сделать город более приятным местом для жизни жителей Сингапура, а не только для туристов.

А наибольшие дивиденды наша программа озеленения принесла тогда, когда лидеры стран АСЕАН решили конкурировать с нами в озеленении городов. Премьер – министр Малайзии доктор Махатхир, который останавливался в Вилле Истана в 70-ых годах, поинтересовался у меня, каким образом удалось поддерживать лужайки такими зелеными. Когда он стал премьер-министром, он занялся озеленением Куала-Лумпура. Президент Сухарто настойчиво проводил озеленение Джакарты, президент Маркос – Манилы, а премьер-министр Танин (Thanin) – Бангкока. Все это происходило в конце 70-ых годов. Я подбадривал их, напоминая, что в их распоряжении имелось большее число разнообразных растений и похожий благоприятный климат.

Ни один другой проект не принес региону большей пользы. Наши соседи пытались превзойти друг друга в озеленении и красоте своих городов. Конкуренция в озеленение приносила пользу каждому, – это хорошо отражалось на морали населения, развитии туризма, привлечении инвестиций. Это было так здорово, что мы все соревновались за то, чтобы стать самым зеленым и чистым городом в Азии. Соревнование во многих других областях могло быть вредным и даже смертельным.

В первое воскресенье ноября 1971 года мы впервые провели ежегодный «День посадки деревьев» (Tree Planting Day), в котором приняли участие все члены парламента, все общинные центры и их лидеры. С тех пор мы не пропустили ни одного «Дня посадки деревьев». Саженцы, посаженные в ноябре, требуют минимального полива, потому что в ноябре начинается сезон дождей.

Так как выбор подходящих деревьев, кустов и лиан был ограничен, я послал группы исследователей посетить ботанические сады и парки в тропических и субтропических зонах, чтобы выбрать новые растения из стран с похожим климатом в Азии, Африке, странах Карибского бассейна и Центральной Америки. Они привезли с собой множество деревьев и растений, чтобы проверить их в наших условиях. К сожалению, некоторые деревья с красивыми цветами из стран Карибского бассейна не хотели цвести в Сингапуре, потому что у нас не бывает прохладной зимы. Растения из Индии и Мьянмы (Бирмы) редко цвели в Сингапуре, потому что они ежегодно нуждались в длинном сухом сезоне между периодами муссонов, как в их родной среде обитания. Из 8,000 различных растений, привезенных нашими ботаниками, в Сингапуре прижились примерно 2,000. Они успешно размножались в наших условиях и разнообразили нашу флору.

Главным исполнителем моей «зеленой политики» был способный служащий Вон Ю Кван (Wong Yew Kwan). Малаец по происхождению, он был лесоводом по образованию, и намеревался работать на каучуковых и пальмовых плантациях в Малайзии. Он применил свои знания для озеленения обочин дорог, создания парков и зеленой зоны в Сингапуре. Я буквально заваливал его записками и поручениями, на которые он усердно отвечал и успешно осуществлял многие из возложенных на него заданий. Его приемник Чуа Сиан Эн (Chua Sian Eng) был агрономом, который стал экспертом по уходу за деревьями. Он продолжал вести работу на столь же высоком уровне.

Всякий раз, возвращаясь в Сингапур после нескольких недель отсутствия, проезжая по «Ист коаст парквэй» (East Coast Parkway), я вижу деревья, пальмы, зеленую траву и цветущий кустарник, и мое настроение поднимается. Озеленение города – это один из самых рентабельных из начатых мною проектов.

Одной из главных причин, побуждавших содержать Сингапур в чистоте, была настоящая потребность собирать и максимально сохранять воду, источником которой были осадки, выпадавшие в виде дождя в количестве 2400 миллиметров в год. Я назначил Ли Ек

Тьена (Lee Ek Tieng), строительного инженера, тогдашнего руководителя Отдела по борьбе с загрязнением окружающей среды (Anti Pollution Unit), ответственным за осуществление проекта по строительству запруд на всех наших ручьях и реках. Осуществление этого плана заняло 10 лет. Он должен был обеспечить отвод всех сточных вод от домов и фабрик в канализационные коллекторы; только стоки чистой дождевой воды с крыш, садов и открытых площадей должны были попадать в водоемы и запруженные реки. К 1980 году мы обеспечили сбор примерно 63 миллионов галлонов воды в день,¹⁴ что составляло половину ежедневного потребления воды в городе.

Моим наиболее честолюбивым планом являлась очистка реки Сингапур и бассейна реки Каланг (Basin Kallang) и возвращение рыбы в водоемы. Когда в феврале 1977 года я впервые вышел с этим предложением, многие, особенно промышленники, спрашивали: «Зачем заниматься очисткой? Канал Рочор (Rochore), который впадал в реку Каланг и река Сингапур всегда были грязными, это часть сингапурского наследия!» Я хотел отказаться от такого наследия. От водоемов пахло гнилью. Слепой телефонист, работавший в конторе юридической фирмы моей жены Чу, знал, когда его автобус приближался к реке Сингапур по тому зловонию, которое от нее исходило. Половину загрязнения воды давали наши ремесленники. Мы решили очистить от грязи каждый ручей, поток и водоем. Те Чин Ван, тогдашний руководитель УЭР, язвительно заметил: «Нам обошлось бы намного дешевле покупать живую рыбу и выпускать ее в реку каждую неделю»

Но это не остановило Ли Ек Тьена. Он работал в тесном контакте со мной и был уверен в моей полной поддержке. Очистка вод рек Сингапур и Каланг потребовала осуществления значительного объема технических работ, были проложены подземные канализационные коллекторы под всем островом, что было особенно трудно в плотно застроенном городе. Мы переместили примерно 3,000 мелких мастерских в промышленную зону, оборудованную специальными отстойниками для нефти, масла и других отходов. Начиная с основания Сингапура в 1819 году, лодки, барки и открытые баржи покрывали реку. Их работники жили, готовили пищу и опраивали естественные надобности на этих судах. Мы заставили всех их переместиться в Пасир Панджанг (Pasir Panjang) на западном побережье острова, в то время как плавучие жилища с реки Каланг были перемещены в Туас (Tuas) и на реку Джуронг. 5,000 уличных торговцев продовольствием и другими товарами были перемещены подобным же образом в специально отведенные торговые центры. Люди, привыкшие к торговле на дорогах и тротуарах, где им не надо было платить арендную плату, а доступ к клиентам был легким, они сопротивлялись перемещению в центры, где им приходилось платить арендную плату, а также плату за электричество и воду. Мы мягко, но твердо перемещали их в эти центры и субсидировали арендную плату, но и в этом случае некоторые сопротивлялись.

Мы постепенно сокращали стоки от более чем 900,000 свиней, которых разводили на 8,000 ферм, так как свиной навоз и отходы загрязняли наши ручьи. Мы закрыли множество мелких водоемов по разведению рыбы, оставив только 14 из них в агропарках и несколько – для любительского лова рыбы. Рыбу теперь разводят на некотором расстоянии от берега, в садках, на мелководье, в проливе Джохор, а также в садках в более глубоководных местах у наших южных островов.

Мы создали специальный отдел, занимавшийся переселением людей, который занимался бесконечными переговорами, связанными с каждым переселением лоточников, фермеров и ремесленников. Они всегда были недовольны, когда мы переселяли их или заставляли сменить род занятий. Это была политически опасная задача. Если бы мы не решали ее осторожно, относясь к людям сочувственно, то это могло бы привести к потере голосов на следующих выборах. Комитет, состоявший из должностных лиц и членов парламента, в чьих избирательных округах проводилось переселение, помогал нам уменьшить политический ущерб от этих мероприятий. Самым тяжелым было переселение фермеров. Мы выплачивали им компенсацию, основанную на стоимости строений фермы, площади фермы с твердым покрытием, количества фруктовых деревьев и рыбных садков. Так как наша экономика процветала, то мы могли себе позволить увеличить размеры компенсации, но даже самые

¹⁴ Прим. пер.: примерно 240,000 кубометров

щедрые компенсации были недостаточны. Фермеры старшего поколения не знали, чем заниматься и что делать с полученной компенсацией. Живя в квартирах, они скучали по своим свиньям, уткам, курам, плодовым деревьям и грядкам с овощами, которые снабжали их бесплатной пищей. Даже через 15–20 лет после переселения в новые районы многие все еще голосовали против ПНД. Они считали, что правительство разбило их жизнь.

В ноябре 1987 года я испытал большое удовлетворение, участвуя в церемонии открытия чистого бассейна реки Каланг и реки Сингапур, которые до того были просто канализационными коллекторами под открытым небом. На этой церемонии я наградил золотыми медалями людей, ответственных за осуществление проекта. Впоследствии мы построили восемь новых водоемов, которые были открыты для катания на лодках и ловли рыбы. Сбор питьевой воды вырос до 500,000 кубометров в день. За каждым успешно осуществленным проектом стоял способный и преданный делу служащий, получивший образование в данной отрасли и успешно применявший знания для решения наших уникальных проблем. Без Ли Ек Тьена не было бы чистого и зеленого Сингапура. Я мог только поставить широкие концептуальные задачи, но он должен был разработать технические решения. Позднее он стал главой государственной службы.

В 1993 году Винсемиус отправился порыбачить на реку Сингапур и испытал большое удовлетворение, когда ему удалось поймать рыбу. Чистые реки значительно улучшили качество жизни. Стоимость земельных участков, особенно на городских территориях, примыкающих к рекам и каналам, значительно повысилась. Мы закупили песок в Индонезии и насыпали его на пляжах по берегам реки Каланг, где люди сегодня загорают и катаются на водных лыжах. На месте маленьких и неприглядно выглядевших верфей сегодня стоят многоэтажные дома. Для тех, кто помнит реку Сингапур, когда она была канализационным коллектором, пройти по ее берегам сегодня, – это что-то фантастическое. Здания складов и мастерских были отреставрированы и превращены в кафе, рестораны, магазины, гостиницы, где люди ужинают на открытом воздухе у реки или на традиционных китайских барках, причаленных к берегу.

Вы можете легко определить, насколько загрязнен город по тому, как выглядит в нем зелень. Избыток выхлопных газов от автомобилей, автобусов, дизельных грузовиков покрывает растения частицами сажи, и растения умирают. Осенью 1970 года в Бостоне я удивился, увидев длинные очереди у бензоколонок. Мой водитель объяснил мне, что это был последний день для владельцев автомобилей, чтобы возобновить лицензию на следующий год, а для этого они должны были сначала пройти проверку на пригодность автомобилей к эксплуатации на специально уполномоченных бензоколонках. Я решил создать в правительстве Отдел по борьбе с загрязнением окружающей среды. Мы установили на оживленных автодорогах контрольное оборудование для измерения концентрации пыли, плотности дыма, содержания двуокиси серы, выбрасываемых автомобилями. В других городах есть чистые и зеленые пригороды, которые позволяют их жителям отдохнуть от центра города. Маленькие размеры Сингапура вынуждали нас работать, отдыхать и жить в пределах того же самого маленького пространства, и это сделало необходимым сохранение окружающей среды и для богатых, и для бедных.

В самом центре города Джуронг, окруженного сотнями фабрик, мы построили птичий зоопарк в 1971 году. Без соблюдения строгих правил, регулирующих нормы загрязнения окружающей среды, эти птицы, собранные со всего мира, не выжили бы. Мы проводили озеленение и в самом Джуронге, – все предприятия обязаны озеленить свою территорию и посадить деревья, прежде чем начать работать.

Хотя нам удалось решить наши внутренние проблемы загрязнения воздуха, Сингапур и весь окружающий регион был покрыт дымом от лесных пожаров на Суматре (Sumatra) и Борнео в 1994–1997 годах. После заготовки ценной древесины лесозаготовительные компании поджигали оставшуюся часть леса, чтобы освободить участки для разведения масличных пальм и посевов зерновых культур. Во время сухого сезона пожары бушевали на протяжении нескольких месяцев. В середине 1997 года густое облако ядовитого дыма распространилось над Малайзией, Сингапуром, Таиландом, Филиппинами, в результате чего тысячи людей заболели, а некоторые аэропорты пришлось закрыть.

Мне также пришлось бороться с шумом от транспортных средств, строительных работ, громкоговорителей, телевизоров и радио, от которого Сингапур страдал в прошлом. Действуя

постепенно и систематически, нам удалось снизить уровень шума, предписывая все новые и новые правила. Наиболее шумной и опасной была традиция взрывать петарды и ракеты во время празднования китайского Нового года. Многие люди, особенно дети, получали серьезные ожоги и увечья. Иногда пожары уничтожали целые деревни, застроенные деревянными хижинами. После того, как в 1970 году произошел огромный пожар в последний день китайского Нового года, в результате которого погибло 5 человек, и многие были ранены, я запретил эту старую китайскую традицию. Но еще и два года спустя два невооруженных полицейских были жестоко избиты, когда они попробовали запретить группе людей взрывать петарды. Мы пошли дальше и запретили импорт фейерверков вообще. В условиях, когда население живет в 10-20-этажных зданиях, некоторые традиционные привычки следует изживать.

В 60-ых годах темпы переустройства города ускорились. Мы прошли стадию, на которой мы опрометчиво уничтожали старый центр города, чтобы построить новые здания. К концу 70-ых годов правительство было настолько обеспокоено уничтожением нашего прошлого, что в 1971 году мы основали Управление по охране памятников (Preservation of Monuments Board), чтобы идентифицировать и сохранить здания, имевшие историческое, археологическое, архитектурное или художественное значение. Эти здания включали старые китайские, индийские храмы, мечети, англиканские и католические церкви, еврейские синагоги, традиционную китайскую архитектуру XIX-го столетия и прежние колониальные правительственные учреждения в старом центре города. Гордостью колониального прошлого был Дом Правительства, когда-то являвшийся резиденцией британских губернаторов (ныне Истана), и где теперь располагаются офисы президента и премьер-министра.

Мы старались сохранять отличительные черты Сингапура, чтобы напоминать о нашем прошлом. К счастью, мы не уничтожили исторические районы Кампонг Глам (Kampong Glam) – бывшую резиденцию малайских королей, Литтл Индия (Little India), Чайнатаун и старые склады на реке Сингапур.

В 70-ых годах, чтобы уберечь молодежь от опасной привычки, мы запретили любую рекламу сигарет. Затем мы запретили курение во всех общественных местах, автобусах, поездах и станциях и, в конечном итоге, во всех офисах с кондиционированным воздухом и ресторанах. Я следовал в этом за Канадой, подававшей пример всему миру. Американцы были в этом отношении далеко позади, потому что их табачное лобби было слишком мощным.

Мы ежегодно проводили «Неделю без дыма» (Smoke-Free Week). Составной частью этой кампании были мои выступления по телевидению с изложением личного опыта. Я имел привычку выкуривать приблизительно по 20 сигарет в день до 1957 года, когда после трех недель предвыборной кампании по выборам в муниципалитет я потерял свой голос и даже не мог поблагодарить своих избирателей за поддержку. Так как я не мог ограничить курение в разумных пределах, я прекратил курить вообще. Я страдал в течение двух недель. В 60-ых годах у меня развилась аллергия на табачный дым, и я запретил курение в моем офисе и кабинете. В течение нескольких лет большинство министров бросило курить, за исключением двух заядлых курильщиков: Раджи и Эдди Баркера. Они покидали заседания правительства на десять минут, чтобы закурить на открытой веранде. Борьба с курением – это непрекращающееся сражение, которое мы все еще ведем. Богатство и рекламные возможности американской табачной индустрии делают курение серьезным врагом. Число старых курильщиков уменьшилось, но молодые люди, включая девушек, все еще попадают в ловушку этой вредной привычки. Мы не имеем права позволить себе проиграть это сражение.

Запрет на употребление жевательной резинки вызвал в Америке множество насмешек над нами. Уже в 1983 году министр национального развития предложил, чтобы мы запретили жевательную резинку из-за проблем, возникавших в результате ее использования, – жевательную резинку вставляли в замочные скважины, почтовые ящики, кнопки лифтов. Брошенная на пол жевательная резинка значительно увеличивала стоимость уборки и портила уборочное оборудование. Сначала я сам считал тотальный запрет слишком крутой мерой, тем не менее, когда вандалы прикрепили жевательную резинку на датчики дверей поездов метро, движение поездов на некоторое время остановилось. Я больше не был премьер-министром, но премьер-министр Го Чок Тонг и его коллеги решили полностью запретить употребление

жевательной резинки в январе 1992 года. Некоторые министры, которые учились в американских университет, припоминали, как нижняя часть сидений в аудиториях бывала загажена жевательной резинкой, прикрепленной к ним наподобие моллюсков. Этот запрет значительно уменьшил проблемы, связанные с употреблением жевательной резинки, и после того как ее запасы были удалены из магазинов, проблемы на станциях метро и в поездах стали незначительными.

У иностранных корреспондентов в Сингапуре нет каких-либо поводов, чтобы сообщать о коррупции или серьезных происшествиях, поэтому им приходилось писать о том усердии, с которым мы проводили эти кампании, высмеивая Сингапур как «государство-няньку» (Nanny State). Они насмехались над нами, но я был уверен, что мы будем смеяться последними. Не приложи мы усилий, чтобы убедить людей изменить свои привычки, мы жили бы в куда более грубом и диком обществе. Сингапур не был выпестованным, цивилизованным обществом, и мы не стыдились своих попыток стать таким обществом в течение самого короткого времени. Мы начали с воспитания наших людей. После того, как мы убедили большинство из них, мы стали издавать законы, чтобы наказывать меньшинство людей, преднамеренно нарушавших правила. Это сделало Сингапур более приятным местом для жизни. И если это «государство-нянька», то я горжусь его созданием.

Глава 14. Управление средствами массовой информации

В течение 40 лет, прошедших с 1959 года, сингапурская пресса далеко ушла в своем развитии от норм, установленных колониальным правительством. Мы добились этого путем введения определенных ограничений, особенно для газет, выходивших на английском языке. Они находились под влиянием британских редакторов и репортеров, которые руководили издательской группой «Стрэйтс таймс». Прошло немало лет, прежде чем молодое поколение журналистов 80-ых годов поняло, что культура Сингапура отличалась, отличается и будет отличаться от западной. Тем не менее, наши журналисты подвержены влиянию политических взглядов и стиля репортеров американских средств массовой информации, всегда скептично и цинично настроенных по отношению к властям. Китайская и малайская пресса не копирует западную, наша культура побуждает их оказывать конструктивную поддержку политике правительства, с которой они согласны, и выступать со взвешенной критикой политики, с которой они не согласны.

К 90-ым годам все наши журналисты в возрасте до 40 лет прошли обучение в похожих сингапурских школах. Тем не менее, различия между англо – , китайско– и малайско-язычной прессой сохраняются, культурные различия между ними не исчезли. Эти различия явно проявляются в редакционных комментариях, заголовках, подборе новостей и в выборе писем читателей для публикации. Читатели, получившие образование на китайском языке, имеют иные политические и социальные ценности, нежели те, кто учился в английской школе, – они придают большее значение групповым интересам по сравнению с индивидуальными.

Главная английская газета «Стрэйтс таймс» находилась в собственности англичан и открыто отстаивала их интересы. Она находилась под покровительством британских коммерческих фирм, которые поддерживали ее, размещая в газете рекламу, и колониального правительства, которое снабжало ее новостями и поступлениями от публикации официальных сообщений. Ни одна местная газета, выходившая на английском языке, и близко не могла достичь даже доли ее тиража и влияния.

Газеты, выходившие на китайском языке, работали иначе. Их владельцы, богатые китайские торговцы, использовали эти газеты для отстаивания собственных интересов. Чтобы привлечь читателей, они выдвигали на первый план новости о Китае, китайском образовании и культуре, сообщения о войне в Китае. Две главных газеты: «Наньян сиан пау» и «Син чу чжит по» (Sin Chew Jit Poh), – находились в собственности двух богатых китайских семей. Во главе этих газет стояли редакторы-оппортунисты, в основном, правых политических убеждений. Они работали с молодыми китайскими журналистами, многие из которых принадлежали к левой части политического спектра, а некоторые, и таких было немало, являлись активистами компартии.

Газеты, выходившие на диалектах китайского языка, на тамильском и других языках, не имели никакой особой сингапурской идентичности и обслуживали узкие общинные интересы своих читателей. Малайская газета «Утусан мелаю», выходившая на джави (Jawi – малайский язык, использующий арабскую письменность) превратилась в орудие панмалайско-индонезийского национализма.

Практически с самого начала «Стрэйтс таймс» была настроена по отношению к ПНД исключительно враждебно, рассматривая некоммунистическое руководство ПНД в качестве «тройного коня» китайских коммунистов. «Наньян сиан пау» и «Син чу чжит по» и несколько китайских газет поменьше решительно поддерживали ПНД, входившую вместе с коммунистами в состав Объединенного фронта и проводившую левую политику. Многие из китайских журналистов были настроены прокоммунистически. Несмотря на наши связи с китайскими коммунистами, «Утусан мелаю» была настроена по отношению к нам дружески, потому что Юсуф Ишак (Yusof Ishak), ее владелец и главный редактор, был моим другом и назначил меня юрисконсультom этой газеты. Впоследствии он стал первым президентом Сингапура. Тот первый, ранний опыт работы в Сингапуре и Малайе сформировал мое отношение к заявлениям о том, что пресса является защитником правды и свободы слова. Свобода прессы была свободой ее владельцев отстаивать свои личные и классовые интересы.

В мае 1959 года, по мере приближения первых всеобщих выборов в получившем самоуправление Сингапуре, «Стрэйтс таймс» превратилась в ярого противника ПНД, задавшись целью предотвратить нашу победу на выборах и последующее формирование нами правительства. Мы решили вступить с ними в открытое противостояние. Раджа, когда-то работавший в «Стрэйтс таймс» в качестве старшего репортера, подтвердил, что газета полностью отстаивала британские интересы. Ею управлял большой, грузный, подозрительно выглядевший, но, тем не менее, компетентный газетчик Билл Симмонс (Bill Simmons). Симмонс всерьез воспринял мою открытую угрозу свести счеты с газетой, если, вопреки оппозиции с ее стороны, мы все-таки победили бы на выборах. В этом случае он готовился перенести редакцию в Куала-Лумпур. В середине апреля, за две недели до выборов, я сделал предупредительный выстрел: «Ни для кого не является секретом, что редакция газеты „Стрэйтс таймс“ сбежит в Куала-Лумпур». Я перечислил скандально-тенденциозные статьи, помещенные в газете белыми журналистами – экспатриотами, предупредив, что мы оплатим им той же монетой.

На следующий день Раджа поддержал меня в статье, помещенной в выходившей на английском языке газете «Сингапур стандарт» (Singapore Standard), которой владели два китайских миллионера братья О (Aw), владельцы знаменитого «тигрового бальзама» (Tiger Balm – мазь-панацея от любой боли). «Сингапур стандарт» также находилась в оппозиции к ПНД. Радже, работавшему в этой газете заместителем редактора на протяжении пяти лет, было предложено либо изменить политику, либо уйти. Он ушел.

Я заявил, что мы будем проявлять толерантность к критике со стороны газет, которыми владели местные жители. Мы верили в их добрые намерения, потому что они жили в Сингапуре и на себе испытали бы последствия предлагаемой ими политики. Но с «перелетными птицами», которые управляли «Стрэйтс таймс», дело обстояло иначе. Они бы сбежали в Малайю, откуда провозгласили бы свою готовность умереть за свободу прессы в Сингапуре. Чтобы выступить с опровержением, они воспользовались услугами своего наиболее высокопоставленного сотрудника из числа местных жителей Лэсли Хофмана (Leslie Hoffman), полуевропейца – полуазиата: «Я – не „перелетная птица“. Я, который отвечает за политику и содержание этой газеты, намерен оставаться в Сингапуре, даже если мистер Ли Куан Ю и Партия народного действия придут к власти, и даже если они используют в борьбе против меня „Закон об обеспечении общественной безопасности“ (Preservation of Public Security Ordinance)... Сингапур будет моим домом».

Какие мужественные слова! Накануне выборов Хофман уехал в Куала-Лумпур. За несколько дней до того, выступая на ежегодном собрании Международного института прессы (International Press Institute) в Западном Берлине, он сказал, что мои угрозы были «излияниями группы одержимых жаждой власти политических деятелей». Он заявил, что «Стрэйтс таймс» являлась газетой, в которой «малайцы пишут статьи, издают газету и контролируют ее. Это

люди, которые родились в Сингапуре, прожили там всю свою жизнь и являются искренними в своем национализме и преданности к своей стране». Он знал, что все это было неправдой. Он призвал Международный институт прессы «раз и навсегда прекратить попытки политической партии завоевать массовую поддержку обнародованных ею планов ограничить свободу прессы». Но на это мы как раз-то и имели полное право. Мы добивались мандата на то, чтобы проводить решительную политику по отношению к прессе, отстаивавшей иностранные, а в данном случае, – колониальные интересы. Иностранцы не должны были владеть газетами в Сингапуре, – это была наша политика, и мы о ней заявили открыто.

Мы победили на выборах. Владельцы и руководители редакции газеты «Стрэйтс таймс» переехали в Куала-Лумпур, чем и доказали справедливость наших утверждений, что они были трусами, отстаивавшими британские интересы, а не свободу прессы и право на получение информации. После того, как мы обрели независимость в 1965 году, редакция «Стрэйтс таймс» переехала обратно в Сингапур, полностью изменила свою позицию и стала поддерживать ПНД. Это не прибавило им уважения в моих глазах. Когда проводимая в Малайзии промалайская политика вынудила «Стрэйтс таймс груп» (Starits Times Group) продать свою компанию в Куала-Лумпуре правящей партии ОМНО, именно правительство ПНД позволило британским акционерам по-прежнему владеть газетой и продолжать ее издание в Сингапуре. Симмонс вернулся, чтобы заключить мир, газета приобрела чисто коммерческий характер и совершенно не вмешивалась в политику. Лэсли Хофман обосновался в Австралии и больше не вернулся в Сингапур.

Так как я хотел существования конкуренции в этой сфере, то создание новых газет поощрялось. Некоторые издатели потерпели в этом деле неудачу. После более чем 100 лет британского владычества в Сингапуре «Стрэйтс таймс» доминировала на газетном рынке. «Сингапур стандарт» закрылась в 60-ых годах. В 1966 году была основана газета «Истэрн сан» (Eastern Sun). Ее основателем был О Кау (Aw Kow), сын одного из братьев О, владельцев «тигрового бальзама», имевший скорее репутацию повесы, чем серьезного «газетного барона». После секретных переговоров с высокопоставленными представителями некоего агентства Китайской Народной Республики, расположенного в Гонконге, он получил от этого агентства в долг 3 миллиона сингапурских долларов. Он должен был выплатить этот долг на протяжении пяти лет, а процентная ставка по этому кредиту была смехотворной – 0.1 % годовых. Секретным условием предоставления этого займа было то, что газета не должна была находиться в оппозиции к КНР по основным политическим вопросам, соблюдая нейтралитет по незначительным проблемам. В результате плохого руководства газета «Истэрн сан» понесла значительные убытки. В 1968 году она получила дополнительную дотацию в размере 600 тысяч сингапурских долларов. В 1971 году мы публично обнародовали эту «секретную операцию», финансировавшуюся иностранной державой. О Кау признал, что это – правда. Разъяренные и униженные члены редакции подали в отставку, и газета закрылась.

Другой «секретной операцией» было создание газеты «Сингапур геральд» (Singapore Herald). На этот раз деньги поступили из некоммунистических источников. Газета была учреждена в 1970 году, она целиком принадлежала иностранным собственникам, а ее редакторами и сотрудниками были местные и иностранные журналисты. Сначала я удивился тому, что два иностранца, являвшиеся ее номинальными владельцами, вдруг решили основать газету, выходящую на английском языке, чтобы в своих редакционных статьях и сводках новостей выступать против правительства по таким вопросам как служба в вооруженных силах, ограничение свободы печати и свободы слова. Газета терпела убытки. Сотрудники ДВБ сообщали, что крупнейшим владельцем акций газеты являлась компания «Хида энд компани» (Heeda amp; Company), зарегистрированная в Гонконге на подставных лиц. Газета вскоре израсходовала 2.3 миллиона сингапурских долларов, составлявших ее оборотный капитал, и филиал «Чейз Манхэттэн бэнк» (Chase Manhattan Bank) в Сингапуре предоставил ей необеспеченные займы в размере 1.8 миллиона сингапурских долларов. После того, как я потребовал объяснений, мне позвонил из Нью-Йорка управляющий банком Дэвид Рокфеллер (David Rockefeller) и сказал, что второй вице-президент и управляющий филиалом в Сингапуре не знали о существовавшем в банке правиле не предоставлять займов газетам! Я отнесся к этому заявлению скептически.

Я спросил недавно назначенного сингапурского редактора газеты о том, кто распоряжался деньгами газеты от лица компании «Хида энд компани» в Гонконге. Он полагал, мне было известно, что этим человеком был Дональд Стивенс (Donald Stephens), посол Малайзии в Канберре, бывший главный министр штата Сабах в Малайзии. Я спросил его, верил ли он сам тому, что Дональд Стивенс, сменивший свое имя на Фуад Стивенс (Fuad Stephens) после того, как он принял ислам, стал бы рисковать 1.5 миллионами долларов, вложенными в газету, боровшуюся с правительством Сингапура. Он согласился, что в это было трудно поверить.

Когда я обнародовал этот разговор в публичном выступлении в середине мая 1971 года, Стивенс, которого я хорошо знал со времени нашего пребывания в составе Малайзии, написал мне из Канберры: Я чувствую, что мне следует сказать Вам, что единственным мотивом вложить деньги в «Геральд» было то, что я занимался газетным бизнесом до того и считал, что в Сингапуре мои инвестиции будут в безопасности. Я старею, и думаю, что, если в скором времени мне придется уйти в отставку, то я смог бы жить на доходы от своих инвестиций в «Геральд».

Он не объяснил мне, почему он сначала не поставил меня в известность об этой инвестиции и не обратился ко мне за поддержкой и одобрением. Любая газета влияет на политику страны. Когда в середине 60-ых годов британский газетный барон Рой Томсон (Roy Thomson) решил открыть газету в Сингапуре, он сначала обсудил этот вопрос со мной. Я отговорил его, потому что я не хотел, чтобы иностранец, не имевший корней в Сингапуре, оказывал влияние на нашу политическую жизнь.

Когда «Геральд» осталась практически без средств, гонконгская журналистка О Сиан (Aw Sian), сестра О Кау, но, в отличие от него, серьезная деловая женщина, при загадочных обстоятельствах прибыла в Сингапур, чтобы спасти газету и перевела на ее счет полмиллиона сингапурских долларов. Она была предприимчивой женщиной, владевшей китайской газетой в Гонконге. Она показала мне квитанцию о перечислении денег, но не предъявила никаких документов о приобретении акций газеты. Я спросил ее, не собиралась ли она вложить дополнительные средства в газету. Сиан ответила отрицательно и немедленно уехала в Гонконг.

Азиатский фонд прессы (Press Foundation for Asia), филиал Международного института прессы, выступил с заявлением, требуя от правительства Сингапура не аннулировать лицензию газеты, и пригласил меня выступить с речью на ежегодном собрании Международного института прессы в Хельсинки в июне 1971 года. Перед тем, как отправиться в Хельсинки, я аннулировал лицензию на издание «Сингапур геральд».

Если бы я не присутствовал на конференции, в мое отсутствие была бы принята резолюция, осуждавшая Сингапур. Я изложил свои взгляды на роль средств массовой информации в таком молодом государстве, как Сингапур. Мы нуждались в средствах массовой информации, которые «усиливали бы, а не подрывали культурные ценности и социальные отношения, которые воспитываются в наших школах и университетах. Средства массовой информации могут создать атмосферу, в которой люди будут стремиться приобрести знания, навыки и соблюдать дисциплину, как это присуще жителям развитых стран. Без этого мы не можем даже надеяться улучшить условия жизни наших людей».

Я напомнил собравшимся, как в Сингапуре, где соседствовали друг с другом люди различных национальностей, культур и религий, статьи и фотографии, помещенные в прессе, становились причиной беспорядков, повлекших за собой человеческие жертвы. Я привел два примера. Во время беспорядков, возникших в 50-ых годах из-за «девочки из джунглей», газета «Сингапур стандарт» поместила на первой полосе статью о голландской девочке, которую ее приемная мать-малайка обратила в ислам. Газета поместила фотографию девочки, стоявшей на коленях перед образом Девы Марии. Антикитайские беспорядки, случившиеся в июле 1964 года, в день рождения пророка Мухаммеда (Prophet Mohammed), явились результатом продолжительной кампании в малайской газете, день за днем ложно утверждавшей, что китайское большинство угнетало малайское меньшинство.

Я заявил о своем несогласии с правом владельцев газет печатать все, что им заблагорассудится. В отличие от министров правительства Сингапура, владельцев газет и их журналистов никто не выбирал. Я закончил свою речь на конференции следующими словами:

«Свобода прессы, свобода средств массовой информации должна быть подчинена насущным потребностям Сингапура, подчинена примату задач, решаемых избранным народом правительством». На последовавшие за этим провокационные вопросы я дал подчеркнуто вежливые ответы. Несколько лет спустя, в 1977 году, мы приняли закон, запрещающий любому частному лицу или уполномоченным им лицам владеть более чем 3 % простых акций (common shares) газеты, и создали специальную категорию акций под названием «управленческих акций» (management shares). Право решать, кому из акционеров предоставить право распоряжаться «управленческими акциями», принадлежало министру. Он отдал эти акции в управление четырем крупнейшим банкам Сингапура. Их собственные деловые интересы побуждали их соблюдать политический нейтралитет и способствовать поддержанию стабильности и ускорению экономического роста в стране. Я не согласен с западной практикой, предоставляющей богатым газетным магнатам право решать, что следует читать избирателям.

В 80-ых годах присутствие западных газет и журналов, выходивших на английском языке, стало в Сингапуре значительным. Изучение английского языка в наших школах увеличило число людей, читавших по-английски. Мы всегда запрещали коммунистические издания, и ни одно западное средство массовой информации или организация никогда против этого не протестовали. Правительство никогда не запрещало распространять в городе ни одно западное издание, тем не менее, они часто отказывали нам в праве ответить им в тех случаях, когда они сообщали о нас неверные сведения. В 1986 году мы решили принять закон, ограничивавший тираж или продажу иностранных изданий, вмешивавшихся во внутреннюю политику Сингапура. Одним из тестов для определения «вмешательства в политику Сингапура» являлось предоставление изданием возможности опубликовать наш ответ в том случае, если издание публиковало неверные или тенденциозные материалы о Сингапуре. Мы не запрещали эти издания, а только ограничивали число экземпляров, которые они могли продавать в городе. Те читатели, которые не могли купить эти газеты или журналы, могли сделать ксерокопию или получить их по факсу. Это уменьшало доход изданий от рекламы, но не препятствовало распространению их материалов. Они не могли обвинить нас в том, что мы боялись, чтобы люди читали их статьи.

Первым изданием, нарушившим этот закон, был американский еженедельник «Тайм» (Time). В своей статье в октябре 1986 года журнал сообщил, что член парламента от оппозиции был признан сингапурским судом виновным в манипуляциях активами с целью обмана кредиторов и в лжесвидетельстве. Мой пресс-секретарь послал в журнал письмо с требованием исправить три фактических ошибки, содержащихся в сообщении. «Тайм» отказался опубликовать письмо и, вместо этого, предложил напечатать две собственных версии опровержения, каждая из которых искажала его смысл. Мой пресс-секретарь хотел, чтобы его письмо было опубликовано без изменений. Когда журнал снова отказался сделать это, мы уменьшили тираж журнала, распространявшийся в Сингапуре, с 18,000 до 9,000, а затем – до 2,000 экземпляров. После этого «Тайм» опубликовал наше письмо без изменений. Мы отменили ограничения на распространение журнала, но сразу, а через 8 месяцев.

В декабре 1986 года журнал «Эйжиэн Уол стрит джорнэл» (Asian Wall Street Journal) опубликовал лживую историю о создававшемся нами вторичном рынке ценных бумаг СЕСДАК (SESDAQ – Stock Exchange of Singapore Dealing in Automated Quotation System). Журнал обвинял нас в том, что правительство создавало его с целью продажи гражданам Сингапура акций несуществующих правительственных компаний. Управление монетарной политики Сингапура направило в журнал опровержение этих ложных обвинений. Журнал не только отказался напечатать это письмо, но заявил, что статья была точной и справедливой, что подобная подставная компания существовала, и что наше письмо порочило репутацию корреспондента журнала. УМПС снова направило в журнал письмо, в котором указало на новые ошибки в письме журнала, и предложило назвать имя этой подставной компании, а также конкретно указать, какие именно отрывки нашего письма порочили репутацию корреспондента журнала. Мы также попросили опубликовать переписку между нами, чтобы читатели могли сами разобраться в том, кто был прав. Журнал отказался назвать имя подставной компании или указать на оскорбительные выражения, якобы содержащиеся в письме. В феврале 1987 года правительство ограничило распространявшийся в городе тираж

журнала с 5,000 до 400 экземпляров и обнародовало переписку между УМПС и журналом. Сингапурские газеты опубликовали ее. Мы также предложили корреспонденту журнала подать на нас в суд, если мы действительно опорочили его. Он этого не сделал.

К нашему изумлению, по сообщениям «Эйжиэн Уол стрит джорнэл», представитель американского Госдепартамента выразил свое сожаление по поводу ограничений на распространение журналов «Эйжиэн Уол стрит джорнэл» и «Тайм» в Сингапуре. Наше министерство иностранных дел попросило подтвердить упомянутое сообщение, которое, оказавшись оно правдой, представляло бы собой «беспрецедентное вмешательство во внутренние дела Сингапура». Представитель Госдепартамента подтвердил это сообщение, но подчеркнул, что правительство США не поддерживало позицию какой-либо из сторон в конфликте с обоими изданиями. Тогда мы обратились к представителям Госдепартамента с запросом, не следовало ли им, исходя из тех же самых соображений беспристрастности, выразить свое сожаление по поводу отказа журнала напечатать наш обмен письмами. Представители Госдепартамента повторили, что они не занимали чью-либо сторону в этом конфликте, а их заявление просто являлось выражением озабоченности, вызванной «фундаментальной и долговременной поддержкой принципа свободы прессы». Этот принцип означал, что «пресса является свободной в своем желании публиковать или не публиковать все, что она считает нужным, какими бы безответственными или тенденциозными не казались ее действия».

Наше министерство иностранных дел ответило, что мы не обязаны были следовать американским законам, регулировавшим свободу прессы. В Сингапуре действовали свои законы, и мы сохраняли за собой право отвечать на неверные сообщения. Иностранные издания не обладают правом продажи и распространения в Сингапуре. Мы даем им эту привилегию, но только на наших собственных условиях, одним из которых является наше право на публичный ответ. Госдепартамент США не ответил.

Две недели спустя «Эйжиэн Уол стрит джорнэл» обратился в наше министерство информации и коммуникаций с предложением бесплатно направить журнал всем подписчикам, которые не получали журнала из-за введенного нами ограничения. Журнал соглашался даже «забыть о поступлениях от продажи, ради того, чтобы помочь деловым людям Сингапура, жалующимся на то, что они не могут получать журнал». Министерство согласилось, но при условии, что журнал будет выходить без размещавшейся в нем рекламы. Мы сделали это, чтобы доказать, что реальным мотивом, стоявшим за предложением журнала, было не желание помочь деловым людям в получении информации, а стремление увеличить тираж с целью оправдания более высоких цен на рекламу. Журнал отклонил наше предложение, доказывая, что реклама являлась неотъемлемой частью издания, и что отказ от нее привел бы к увеличению расходов и дополнительным сложностям в выпуске журнала. Мы предложили оплатить за свой счет половину расходов, связанных с отказом от рекламы. Журнал отверг наше предложение. Тогда мы ответили: «Вы не заинтересованы в том, чтобы деловое сообщество Сингапура получало информацию. Вы хотите свободы зарабатывать деньги на продаже рекламы». Журнал не ответил.

В сентябре 1987 года американское издание «Эйжиа уик» (Asia Week) выступило с нападками на нас. Пресс-секретарь министерства внутренних дел написал в журнал с указанием ошибок, содержащихся в журнальной статье. Журнал опубликовал часть его письма в виде статьи («Вы называете это искажением фактов?») приписав искажение фактов пресс-секретарю. Журнал не только вырезал значительную часть его письма, но также добавил более 470 собственных слов, увеличив письмо более чем наполовину, без согласия пресс-секретаря и не сообщив об этом своим читателям. Пресс-секретарь написал в журнал, протестуя против изменений в тексте его письма, и потребовал, чтобы это письмо и последующие его письма были опубликованы в неизменном виде. Журнал отказался. Мы ограничили тираж журнала, распространявшийся в Сингапуре, с 11,000 до 500 экземпляров. Месяц спустя журнал опубликовал письма в оригинале. Мы отменили ограничение, но только через год.

В декабре 1987 года американское издание «Фар истэрн экономик ревью» (Far Eastern Economic Review) опубликовало отчет о встрече между мной и католическим архиепископом Сингапура, во время которой речь шла об аресте 22 лиц, замешанных в марксистском заговоре. Статья основывалась на заявлениях, сделанных бывшим священником, который не

присутствовал на встрече. Журнал обвинял меня в том, что я созвал пресс-конференцию без ведома архиепископа, обманным путем привлек его к участию в ней и предотвратил публикацию его комментариев. В статье также говорилось, что арест заговорщиков представлял собой атаку на католическую церковь.

Мой пресс-секретарь обратился в журнал, интересуясь, почему статья основывалась на заявлениях человека, который не присутствовал на встрече, а факты не были сверены с ее участниками. Редактор журнала Дерек Дэвис (Derek Davies) опубликовал это письмо, но не ответил на содержащиеся в нем вопросы. Мы вновь написали в журнал и повторили свой вопрос. Редактор опубликовал наше письмо, но, в то же время, добавил, что священник говорил правду. Он заявил, что газета имеет законное право публиковать все, что она считает нужным, независимо от того, являются ли эти сообщения правдивыми или ложными, если только газета в состоянии указать на источник информации. По его мнению, газета не несла каких-либо обязательств по проверке фактов, чтобы убедиться в правдивости источника информации, или по проверке заявлений с другими очевидцами, а также не может отвечать за любую ложь и клевету, опубликованную таким образом. Тон Дэвиса был воинственным и твердым. Мы ограничились тиражом «Ревю» с 9,000 до 500 копий, а я подал на Дэвиса и журнал в суд за клевету. Суд решил дело в мою пользу.

После этого он опубликовал еще одно письмо того же самого бывшего священника, в котором тот уже по-другому рассказывал о моей встрече с архиепископом. Мы написали в журнал, спрашивая, какая из двух версий была верна. Еженедельник опубликовал отредактированную версию письма моего пресс-секретаря, многое вырезав из него, и заявил, что разглашение информации по этому поводу невозможно, ибо тяжба между нами находилась в суде. Тем не менее, когда правительство Сингапура приобрело рекламную полосу в «Ревю» для опубликования письма, письмо было опубликовано, а юридические отговорки – отброшены.

В 1989 году, после того как Дэвис отказался подвергнуться перекрестному допросу в суде, я выиграл дело по обвинению Дэвиса в клевете. Вскоре после этого он оставил «Ревю».

Еще до того, как мы уладили разногласия с «Эйжиэн Уол стрит джорнэл», меня пригласили выступить перед Американским обществом редакторов газет (American Society of Newspaper Editors) на встрече, проходившей в Вашингтоне в апреле 1986 года. Я принял приглашение. Я процитировал выступление чиновника Госдепартамента США: «...там, где пресса свободна, рынок идей сам отсортировывает безответственных издателей от ответственных и вознаграждает последних». Я подчеркнул, что американская модель прессы не являлась универсальной. Пресса на Филиппинах была построена по американскому образцу, она обладала всей мыслимой свободой, но подвела народ Филиппин: «Заангажированная пресса помогла филиппинским политикам наводнить рынок идей мусором, запутать и одурманить людей так, что они не могли понять, в чем состояли их жизненные интересы в развивающейся стране». Я высказал свою позицию: «Внутренние дебаты, происходящие в Сингапуре, являются внутренним делом самих сингапурцев. Мы разрешаем присутствие американских журналистов в Сингапуре для того, чтобы они сообщали о происходящих там событиях своим согражданам. Мы разрешаем их изданиям продаваться в Сингапуре, чтобы знать, что иностранцы читают о нас. Но мы не можем позволить им взять на себя в Сингапуре ту роль, которую американские средства массовой информации играют в Америке, то есть роль надсмотрщика, противника и инквизитора правительства. Ни одна иностранная телевизионная станция не заявляла о своих правах транслировать программы в Сингапуре. На деле, правила Американской федеральной комиссии по коммуникациям (America's Federal Communication Commission) запрещают иностранцам владеть более чем 25 % акций теле- или радиостанций. Только американцы могут контролировать бизнес, который влияет на общественное мнение в Америке. Например, Руперт Мердок (Rupert Murdoch) вынужден был принять американское гражданство перед тем, как в 1985 году он приобрел независимую телевизионную станцию „Метромидия груп“ (Metromedia Group)».

Все эти примеры убедили сингапурцев в том, что подлинной целью представителей зарубежной прессы являлась продажа своих изданий растущей англоязычной аудитории Сингапура. Они старались добиться этого путем тенденциозного искажения фактов.

Естественно, им не нравилось, когда мы поправляли их тенденциозные статьи. Когда же они обнаружили, что правительство отвечает ударом на удар, искажение фактов стало менее частым.

В июле 1993 года влиятельный британский еженедельник «Экономист» (The Economist) опубликовал статью, в которой критиковал нас за судебное преследование правительственного чиновника, а также редактора и журналиста газеты на основании «Закона об официальных секретах» (Official Secrets Act). Мы послали письмо редактору с требованием исправить ошибки, допущенные в статье. Журнал опубликовал письмо, заявив что он публикует его «почти без изменений, практически целиком». Но ключевое предложение было опущено: «Правительство не станет мириться с нарушениями „Закона об официальных секретах“, а также не позволит кому бы то ни было нарушать, постепенно изменять закон и бросать ему вызов, как это случилось в Великобритании в случае с публикацией книги Клайва Понтинга (Clive Ponting) и Питера Райта (Peter Wright) „Спайкетчер“ (Spycatcher)».

В этом предложении заключался весь смысл письма, – мы не допустили бы, чтобы наша пресса нарушала и постепенно изменила закон, охранявший официальные секреты. Британской прессе удалось этого добиться, когда государственный служащий Клайв Понтинг обнародовал секретную информацию о том, как во время войны на Фолклендских островах (Falklands War), был потоплен аргентинский корабль «Бельграно» (Belgrano), и когда Райт, офицер британской разведки МИ-6 (MI-6), нарушил правила о неразглашении секретов, опубликовав свою книгу. Мы послали письмо с требованием исправить упущения. Редактор прибег к отговоркам и отказался. Правительство выступило с официальным сообщением и ограничило тираж журнала до 7,500 экземпляров. Мы также дали ясно понять, что уменьшим тираж журнала еще больше, и опубликовали переписку с журналом. После этого «Экономист» опубликовал наше письмо, включая это предложение. Спустя некоторое время мы сняли ограничение на распространение журнала.

Кроме ответов на атаки в наш адрес в средствах массовой информации, я проявлял готовность встретиться со своими критиками лицом к лицу. В 1990 году Бернар Левин (Bernard Levin) выступил с ожесточенными нападками на меня и юридическую систему Сингапура в лондонской газете «Таймс» (Times). Он обвинил меня в «плохом управлении», а также в «безумном намерении не позволить никому бросить ему вызов в его царстве». Подавать на Левина в суд в Англии, где я не был широко известен, и где у меня не было избирателей, было бы бесполезно. Вместо этого я прислал ему приглашение принять участие в дебатах в прямом эфире в Лондоне. Редактор Левина ответил, что ни одна телевизионная станция не проявит интереса к трансляции дебатов. Я загодя принял меры предосторожности, предварительно написав председателю Би-би-си (BBC), своему другу Мармадуку Хуссу (Marmaduke Hussey), который согласился предоставить 30 минут эфирного времени и беспристрастного посредника в дебатах. Когда я проинформировал «Таймс» об этом предложении, редактор, защищая Левина, стал пятиться, доказывая, что мой ответ должен был быть помещен в той же самой газете, в которой Левин подверг меня нападкам, а именно, – в «Таймс». Я написал письмо с выражением сожаления по поводу нежелания Левина принять участия в дебатах. Когда «Таймс» отказалась опубликовать мое письмо, я приобрел половину рекламной полосы в другой британской газете – «Индэпэндэнт» (Independent). В интервью Всемирной службе Би-би-си (BBC World Service) я сказал: «В той среде, из которой я происхожу, считается, что если обвинитель не готов встретиться с обвиняемым лицом к лицу, то говорить больше не о чем». С тех пор Левин больше никогда ничего не писал обо мне или о Сингапуре.

В другом случае я с готовностью согласился вступить в дискуссию, записываясь на магнитофон, с моим неистовым критиком Вильямом Сафиром (William Safire), который на протяжении многих лет неоднократно осуждал меня как диктатора, сравнивая с Саддамом Хусейном (Saddam Hussein). В январе 1999 года, когда мы оба находились в Давосе, он на протяжении часа интервьюировал меня. На основе этого интервью он опубликовал две статьи в газете «Нью-Йорк Таймс», а также опубликовал полный текст интервью на веб-сайте газеты. Сингапурские газеты перепечатали его статьи. Согласно откликам американцев и других людей, прочитавших полный текст интервью на веб-сайте, я не проиграл дебаты.

Если мы не будем противостоять нашим критикам из зарубежных средств массовой

информации и отвечать им, то сингапурцы, особенно журналисты и ученые, будут считать, что их лидеры боятся или являются недостаточно подготовленными к дебатам, и потеряют к нам уважение.

Прогресс в развитии информационной технологии и спутникового телевидения, развитие Интернета позволит западным средствам массовой информации наводнить нашу внутреннюю аудиторию своими сообщениями, пропагандировать свои взгляды. Страны, которые попытаются блокировать использование информационной технологии, проиграют. Мы должны научиться управлять этим бесконечным потоком информации таким образом, чтобы точка зрения правительства Сингапура не подавлялась иностранными средствами массовой информации. Хаос в Индонезии и беспорядки в Малайзии в 1998 году, последовавшие за валютным кризисом, являются примером той значительной роли, которую сыграли западные средства массовой информации, как электронные, так и печатные, в ходе внутренней полемики в этих странах. Мы должны добиться того, чтобы среди всей этой какофонии голосов голос сингапурского правительства был слышен. Жителям Сингапура важно знать официальную позицию их правительства по основным вопросам.

Глава 15. Дирижер оркестра

Министры моего кабинета и я оставались друзьями на протяжении 3–4 десятилетий. Некоторые из нас дружили еще со студенческих лет в Англии, где мы обсуждали будущее Малайи и Сингапура. Потом мы вернулись домой и вместе работали, чтобы завоевать массовую поддержку в профсоюзах и ПНД. Наша преданность общему делу и друг другу была глубока. У нас были твердые политические убеждения, иначе бы мы не боролись одновременно с англичанами и коммунистами, а позже – еще и с малайскими ультранационалистами. Самые прочные связи между нами возникли на раннем этапе борьбы, когда часто казалось, что мы будем уничтожены превосходящими силами наших противников. Мы держали свои политические разногласия внутри правительства, пока нам не удавалось согласовать свои позиции и достичь консенсуса. Только после этого мы выдвигали ясную политическую платформу, которую люди могли понять. Но уж если правительство принимало решение, то его выполнение было для всех обязательно.

Мы хорошо знали сильные и слабые стороны друг друга, и у нас сложилась хорошая команда. Когда министры, входившие в «старую гвардию», приходили к соглашению между собой, остальные члены правительства обычно соглашались с ними. У меня были хорошие отношения с коллегами, мне удавалось вписать общие принципы и идеи в рамки их функциональных обязанностей, не вступая в конфликт с их взглядами и убеждениями. В конце концов, они знали, что именно мне придется отчитываться перед избирателями и убеждать их переизбрать нас на следующий срок, так что я нуждался в убедительных аргументах.

Руководство работой правительства не слишком отличается от дирижирования оркестром. Любой премьер-министр не очень-то преуспеет без способной команды. Хотя сам дирижер не обязательно должен быть выдающимся исполнителем, он обязан в достаточной мере знать основные инструменты: от скрипки до виолончели, и от французского рожка до флейты, – иначе он не будет знать, чего ожидать от каждого исполнителя. Мой подход заключался в том, чтобы поставить наиболее способного человека, имевшегося в моем распоряжении, во главе наиболее важного министерства. Обычно это было министерство финансов, а в период обретения независимости – министерство обороны. Этим человеком был Го Кен Сви. Следующий наиболее способный из оставшихся министров получал наиболее важный из оставшихся портфелей. Обычно я ставил перед министром задачу и предоставлял ему решать ее, – мы использовали целевое управление. Лучше всего такая система работала, когда министр был находчивым человеком, способным использовать новшества, сталкиваясь с новыми, неожиданными проблемами. Тогда мое вмешательство в работу такого министерства ограничивалось только политическими вопросами.

В то же самое время, мне необходимо было достаточно знать о функциях министерств, чтобы время от времени вмешиваться в решение тех вопросов, которые я считал важными. Это были проблемы не вставшей на ноги авиакомпания; борьба с дорожными заторами; расселение

национальных общин; улучшение успеваемости студентов-малайцев; обеспечение законности и правопорядка. В некоторых случаях мое вмешательство было критически важным, без этого могли возникнуть проблемы. В конечном итоге, ответственность за неудачи правительства лежит на премьер-министре.

Авиакомпания «Сингапур эйрлайнз» и аэропорт Чанги.

Нам приходилось буквально лелеять любое предприятие, обладавшее потенциалом для ускорения экономического роста и создания рабочих мест. Я подозревал, что Малайзия хотела выйти из совместного малайзийско – сингапурского авиапредприятия, называвшегося «Мэлэйжиэн – Сингапур эйрлайнз» («МСА» – Malaysian-Singapore Airlines). В сентябре 1968 года Тунку заявил в прессе, что он был недоволен тем, что предприятие не развивало инженерные и другие службы в аэропорту Куала-Лумпура, доминированием сингапурцев над малайзийцами в штате авиакомпании, а также тем, что Сингапур удерживал все валютные поступления «МСА».

Я ответил в прессе, что в соглашении между двумя правительствами делался особый упор на то, что авиакомпания должна была управляться «на разумных коммерческих началах». Поступления в иностранной валюте распределялись в виде прибыли в соответствии с долей собственности сторон в авиакомпании; что развитие служб аэропортов и структура штата авиакомпании отражали ее сингапурское происхождение. Реальной основой разногласий являлись полеты по убыточным маршрутам в Малайзии, на что мы соглашались только при том условии, что Малайзия покрывала бы убытки.

Этот конфликт произошел в тот критический момент, когда истекал срок британских обязательств по защите Малайзии, а позиции Австралии и Новой Зеландии еще не были четко определены. Газали Шафи (Ghazali Shafie) написал мне письмо с изложением сущности разногласий. Он был способным человеком, занимавшим пост постоянного секретаря министерства иностранных дел Малайзии, имел хороший доступ к Тунку и Разаку и помог решить много трудных вопросов во время наших переговоров об объединении с Малайзией. Я ответил, что проблемы авиакомпании сами по себе не являлись столь уж важными. Тем не менее, если бы мы продолжали препирательства, то тем самым поставили бы под угрозу безопасность наших государств, ибо в течение 1–2 лет Великобритания, Австралия и Новая Зеландия должны были принять решение о своих планах в области обороны на период после 1971 года. Я высказал пожелание, чтобы он помог двум правительствам выработать новый подход к решению проблем, основанный на здравом смысле. Это способствовало бы сохранению хотя бы некоторых оборонных обязательств со стороны Великобритании, Австралии и Новой Зеландии в период после 1971 года. Газали помог сделать тон публичных дебатов более умеренным. Авиакомпания продолжала работать, во главе ее был поставлен новый руководитель, приемлемый для обеих сторон. Но было ясно, что Тунку хотел разделить совместную авиакомпанию и учредить собственную, которая бы выполняла полеты в столицы штатов Малайзии. Тогда я согласился помочь Малайзии построить мастерские в аэропорту Куала-Лумпура и подготовить их рабочих для выполнения ремонта самолетов «Фоккер-фрэндишип» (Fokker-Friendship), которые использовались на внутренних авиалиниях.

Я решил лично заняться проблемами авиакомпании. Я знал, что после раздела авиакомпании Малайзия захочет обойти Сингапур везде, где только было возможно. И международный аэропорт Пая-Лебар (Paya Lebar), и три аэродрома королевских военно-воздушных сил Чанги, Тенга и Селетар располагались в пределах нашей маленькой островной республики, поэтому наша авиакомпания могла летать только за границу. Уже до того я побуждал руководство авиакомпании развивать международные маршруты. Я регулярно встречался с нашим представителем в «МСА» Лим Чин Беном (Lim Chin Beng), тогдашним директором администрации и службы обслуживания пассажиров. Уравновешенный, надежный человек, хорошо разбиравшийся в работе авиакомпании, он был назначен на должность управляющего директора в 1971 году. Он также знал, что Малайзия хотела разделить авиакомпанию, не оставив за нами никаких иных маршрутов, кроме полетов в Куала-Лумпур. Лим Чин Бен энергично работал над тем, чтобы обеспечить авиакомпании право на обслуживание потенциально прибыльных международных линий. Одновременно он поддерживал настроение летчиков и рабочих и их уверенность в будущем авиакомпании,

базирующейся в Сингапуре и находящейся в его собственности. Председатель правления и управляющий директор компании сталкивались с постоянным давлением со стороны Малайзии и со стороны Сингапура, которое прекратилось только в октябре 1972 года, когда авиакомпания разделилась на «Сингапур эйрлайнз» и «Мэлэйжиа эйрлайн системз» (Malaysia Airline System). Мы договорились, что малазийская компания получит контроль над всеми внутренними, а «Сингапур эйрлайнз» – над всеми международными маршрутами.

Мы добились права летать в Гонконг в 1966 году, Токио и Сидней – в 1967 году, Джакарту и Бангкок – в 1968 году. Наиболее важным маршрутом были полеты в Лондон, но Великобритания отказывалась предоставить нам право на обслуживание этого маршрута. В августе 1970 года, перед тем как отправиться на встречу неприсоединившихся стран в Лусаке (Lusaka), я спросил Нгиам Тон Доу, постоянного секретаря министерства коммуникаций, о состоянии наших переговоров с Великобританией о получении разрешения на полеты в Лондон. Когда он сказал, что переговоры были очень трудными, я попросил его уведомить об этом Генерального секретаря НКПС Деван Наира. Я уже до того договорился с Деваном, что в том случае, если переговоры с Великобританией окажутся сложными, он согласует с союзом работников аэропорта меры по оказанию давления на Великобританию путем медленного обслуживания английских самолетов. Как только члены НКПС начали свою акцию протеста по отношению к самолетам британской авиакомпании в аэропорту Пая-Лебар, посол Великобритании Артур де ла Мар (Arthur de la Mare) явился ко мне с визитом. Я попросил его убедить правительство Великобритании проявить благоразумие: британская авиакомпания могла летать в Сингапур, а сингапурская авиакомпания не могла летать в Лондон. В течение нескольких недель разрешение на полеты в Лондон было получено, и мы смогли летать по одной из главных авиамагистралей мира: Лондон-Сингапур-Сидней. Это позволило «Сингапур эйрлайнз» выйти на международную арену. Возможно, решение этой проблемы облегчило то, что Эдвард Хит в тот период был премьер-министром Великобритании.

В июле 1972 года, еще до того как мы организовали «Сингапур эйрлайнз», выступая на обеде в присутствии всех профсоюзных лидеров и высших руководителей компании, я разъяснил, что «Сингапур эйрлайнз» должна была стать конкурентоспособной и самокупающейся компанией. Если бы она терпела убытки, то мы вынуждены были бы ее закрыть. У Сингапура не было средств, чтобы содержать авиакомпанию в качестве национального символа, как это делали другие страны. С самого начала профсоюзы и руководители компании понимали, что их выживание зависело от прибыльной работы предприятия. Сотрудничество между администрацией и профсоюзами способствовало успеху «Сингапур эйрлайнз».

Освободившись от постоянных препирательств, авиакомпания сконцентрировалась на освоении международных маршрутов, и с каждым годом летала все дальше и дальше. К 1996 году компания обладала одним из самых больших парков современных «Боингов» и «Эйрбасов» (Airbus) в Азии, совершая полеты практически на все континенты. Это была самая прибыльная авиакомпания в Азии, а, учитывая ее размеры, – и одна из наиболее прибыльных в мире.

Главную роль в развитии авиакомпании сыграло мое решение построить аэропорт Чанги. В феврале 1972 года правительство согласилось с рекомендациями британского авиационного консультанта построить вторую взлетно-посадочную полосу в аэропорту Пая-Лебар и ввести ее в эксплуатацию в 1977–1978 годах. Для этого потребовалось бы отвести воды реки Серангун (Serangoon River). Ввиду того, что плотность грунта речного русла была сомнительной, это повлекло бы за собой определенные инженерные проблемы, но дало бы возможность до минимума сократить затраты на приобретение земли и потребовало бы минимального отселения людей. В отчете также говорилось, что, в случае строительства нового аэропорта на бывшей базе королевских ВВС Чанги, ввести в действие две взлетно-посадочные полосы к 1977 году было бы невозможно. В октябре 1973 года разразился нефтяной кризис, цены на авиатопливо и авиабилеты выросли, а рост мировой экономики замедлился. Я вновь попросил произвести оценку проекта, на этот раз – американскую консультационную компанию. Американцы также порекомендовали придерживаться плана развития аэропорта Пая-Лебар. Такой ответ меня не удовлетворил, и я захотел еще раз вернуться к варианту переноса

аэропорта в Чанги.

Мне как-то пришлось лететь через аэропорт Логан города Бостон (Boston Logan Airport). На меня произвело большое впечатление, что наиболее шумная часть полета, связанная с взлетом и приземлением самолета, проходила над океаном. Строительство второй взлетно-посадочной полосы в аэропорту Пая-Лебар привело бы к тому, что самолеты взлетали и садились бы над самым центром Сингапура. Комитет, состоявший из высокопоставленных официальных лиц, снова изучил альтернативный проект строительства и ввода в эксплуатацию двух взлетно-посадочных полос в аэропорту Чанги к 1977 году, и порекомендовал мне остановиться на варианте строительства второй взлетно-посадочной полосы в аэропорту Пая-Лебар. Тем не менее, построй мы ее, – нам пришлось бы мириться с шумом самолетов на протяжении многих лет. Я решил еще раз полностью пересмотреть все варианты развития, перед тем как отказаться от строительства аэропорта в Чанги. Я поставил во главе комитета Хоу Юн Чона (Howe Yoon Chong), председателя Управления порта Сингапура, который имел репутацию «бульдозера».

Находясь в апреле 1975 года в Вашингтоне, я получил письмо от Кен Сви, который в мое отсутствие исполнял обязанности премьер-министра. Комитет считал, что первая взлетно-посадочная полоса аэропорта Чанги могла быть готова к 1980 году, а вторая – к 1982 году, в то время как вторая взлетно-посадочная полоса аэропорта Пая-Лебар могла быть построена только к 1984 году, ввиду необходимости отвода вод реки Серангун и проведения работ по уплотнению грунта речного русла. Как раз в этот момент Сайгон и Южный Вьетнам попали в руки коммунистов. Рост экономики в Юго-Восточной Азии, по мере распространения коммунистических мятежей в регионе, вероятнее всего, должен был замедлиться. Тем не менее, если строить планы, основываясь на пессимистическом сценарии, то зачастую он и реализуется. Я поразмышлял над проблемой еще несколько дней. Новый аэропорт Чанги обошелся бы нам в один миллиард сингапурских долларов. На расширение пассажирских и грузовых терминалов аэропорта Пая-Лебар в период между 1975 и 1982 годами нам потребовалось бы еще 400 миллионов сингапурских долларов. Я послал Кен Сви указание приступить к работам.

Аэропорт подобного размера обычно строится на протяжении десяти лет, мы закончили строительство аэропорта Чанги за шесть. Мы снесли сотни домов, эксгумировали тысячи могил, осушили болота и отвоевали участок земли у моря. Когда в июле 1981 года мы открыли аэропорт, он был самым большим в Азии. Мы списали более 800 миллионов сингапурских долларов, вложенных в старый аэропорт, и истратили 1.5 миллиарда сингапурских долларов на строительство двух взлетно-посадочных полос в аэропорту Чанги, вторая из которых была готова к 1984 году.

Чанги представляет собой прекрасный уголок на восточной оконечности острова. Из аэропорта можно попасть в город по новой автомагистрали длиной 20 километров (примерно 12 миль), построенной на земле, отвоеванной у моря. На этой дороге нет заторов. С одной стороны взгляду открываются прекрасные морские пейзажи, а с другой, – жилые районы, застроенные домами УЖГР, и частные многоэтажные дома. Сам аэропорт и приятная 20-минутная поездка на автомобиле в Сингапур служат замечательной визитной карточкой города. Это лучшая полутора миллиардная инвестиция, которую мы когда-либо сделали. Благодаря этому Сингапур превратился в центральный аэропорт региона. Конкуренция является сильной и беспрестанной. Более новые и большие по размерам аэропорты в Гонконге и Куала-Лумпуре, оснащенные самым современным оборудованием, вынуждают нас постоянно обновлять и переоснащать аэропорт в Чанги для поддержания его конкурентоспособности.

Главная заслуга в успешном осуществлении проекта принадлежала двум людям. Хоу Юн Чон был сильным исполнителем. Он побудил меня переместить аэропорт из Пая-Лебар в Чанги, заверив, что у него была команда людей, способных своевременно реализовать проект. Он выполнил свое обещание. Ему активно помогали служащие Управления порта Сингапур, включая главного инженера А. Виджаратнама (A. Vijiaratnam) и Лим Хок Сана (Lim Hock San), подававшего надежды служащего, который занимался осуществлением проекта и стал директором гражданской авиации в 1980 году. Когда в 1981 году меня пригласили на церемонию открытия аэропорта, я попросил Хоу Юн Чона, занимавшего тогда пост министра обороны, поехать вместо меня. Он заслужил, чтобы именно его имя было выбито на

мемориальной доске.

Другим человеком, сыгравшим ключевую роль в осуществлении проекта, был наиболее искушенный среди всех секретарей правительства Сингапура Сим Ки Бун. Он организовал управление аэропортом. Многие богатые страны с помощью зарубежных подрядчиков построили прекрасные аэропорты, сложность же состоит в том, чтобы обеспечить быстрое прохождение пассажиров через таможенные и иммиграционные службы, получение багажа и проезд в город. Если же пассажиры делают в аэропорту пересадку, то должны быть созданы условия для их отдыха, восстановления сил и работы. В Чанги все это есть: комнаты отдыха, душевые, плавательный бассейн, тренировочный зал и бизнес-центр, а также помещение для детей, в котором расположены развлекательные аттракционы и выставка научных достижений. На посту руководителя управления гражданской авиации Сингапура Сим Ки Бун превратил Чанги в аэропорт мирового класса, практически ежегодно получавший наивысшие оценки в опросах, проводимых журналами для авиапассажиров.

Борьба с заторами на дорогах.

К 1975 году пробки на дорогах в час пик стали невыносимыми. В одной из газет я прочитал предложение о введении платы за въезд автомобилей в центральный деловой район (ЦДР – Central business district) в часы пик, с целью уменьшения заторов. Я дал указание нашим служащим проработать это предложение, и они нашли его выполнимым. Они предложили оборудовать пункты пропуска в ЦДР и потребовать, чтобы водители, въезжавшие в определенное время суток в пределы лицензированной территории, которая покрывала ЦДР, помещали пропуск на въезд под лобовым стеклом автомобиля. Я устроил публичное обсуждение этого плана на протяжении нескольких месяцев, что позволило лучше продумать правила. Например, машинам, перевозившим четырех пассажиров, разрешалось въезжать в ЦДР без пропуска; плата за въезд была установлена на уровне 3 сингапурских долларов в день, месячный пропуск стоил дешевле. Этот план позволил уменьшить заторы на дорогах, и был хорошо воспринят населением.

Я знал, что это была лишь временная передышка. Доходы людей росли, и количество ежегодно регистрировавшихся автомобилей росло по экспоненте. Я считал, что решение проблемы состояло в ограничении темпов роста парка автомобилей до такого уровня, который позволил бы избежать заторов на дорогах. Сколько бы подземных туннелей, эстакад и скоростных магистралей мы не строили, рост парка автомобилей все равно привел бы к образованию пробок.

Я предложил, чтобы желающие приобрести новый автомобиль приобретали право на покупку и эксплуатацию автомобиля на аукционах. Число сертификатов, выдаваемых ежегодно, зависело бы от пропускной способности дорожной сети. Мы подсчитали, что тогдашняя дорожная сеть могла справиться с ежегодным 3 %-ым приростом числа автомобилей. Министр коммуникаций внес законопроект на рассмотрение специального парламентского комитета, с тем, чтобы в его обсуждении могли принять участие все парламентарии. Мы остановились на схеме, согласно которой будущие владельцы автомобилей должны были приобретать на аукционах сертификаты на право эксплуатации нового автомобиля в течение 10 лет.

Эта система оказалась эффективной и ограничила темпы ежегодного прироста парка автомобилей до трех процентов. Первые лоты на аукционах по продаже сертификатов ушли недорого, но потом цены стали просто астрономическими. В 1994 году стоимость сертификата на право эксплуатации автомобиля с объемом двигателя более 2,000 кубических сантиметров превысила 100,000 сингапурских долларов. Кроме того, существовали еще и высокие импортные пошлины. Сертификаты стали весьма непопулярны, и в бесконечных письмах в газеты потенциальные владельцы автомобилей доказывали, что автомобильные дилеры и спекулянты манипулировали ценами на аукционах. В ответ на просьбы людей правительство запретило автомобильным дилерам участвовать в аукционах на приобретение сертификатов с их последующим переводом на имя своих клиентов и вообще запретило перевод сертификатов на другое имя. Эти меры ничего не изменили. С ростом экономики и повышением курса ценных бумаг на фондовой бирже росли и цены на сертификаты, и наоборот, как это случилось во время экономического кризиса 1997–1998 годов.

Методом проб и ошибок я убедился в том, что, если мы хотели, чтобы проводимые нами меры были хорошо восприняты людьми на всех уровнях, нам следовало сначала обсудить свои идеи с министрами, которые потом обсудили бы их с постоянными секретарями правительства и официальными лицами. Ознакомившись с их реакцией на предложение, я затем обсуждал его с теми, кому непосредственно предстояло работать над его воплощением в жизнь. Если же, как в случае с транспортной системой, эти предложения затрагивали интересы большого числа людей, я выносил этот вопрос для публичного обсуждения в средствах массовой информации. Так, перед тем как мы приняли решение о строительстве метрополитена, мы в течение года публично обсуждали преимущества метрополитена по сравнению с организацией системы автобусного сообщения с использованием специально выделенных для движения автобусов полос движения. Над оценкой двух этих вариантов также работали американские консультанты. Они убедили нас, что развитие автобусной системы не решило бы проблему, потому что в дождливую погоду автобусы двигались медленнее, что приводило к заторам, а поездам это не грозило.

Строительство метрополитена не уменьшило спрос на личные автомобили, который ежегодно возрастал, несмотря на то, что мы пытались ограничить его путем введения сертификатов и платы за въезд на лицензионную территорию. В 1998 году мы ввели систему электронных дорожных платежей. Под лобовым стеклом каждого автомобиля размещается электронная карточка, так что соответствующая плата автоматически вычитается всякий раз, когда автомобиль проезжает через пропускные пункты, установленные на главных стратегических развязках города. Размер взимаемой платы колеблется в зависимости от участка дороги и времени суток. Эта технология позволила отрегулировать систему лицензионной территории и расширить ее на все дороги, переполненные транспортом. Поскольку объем поступлений от этих платежей прямо зависит от того, насколько интенсивно используется дорожная сеть, это стимулирует правительство находить оптимальное соотношение между количеством автомобилей и степенью загруженности дорожной сети.

Деликатные проблемы малайского меньшинства.

Некоторые деликатные проблемы нельзя было выносить на публичное обсуждение. Одной из таких проблем, требовавших решения, была высокая концентрация малайцев, проживавших в плохих условиях в районах, существовавших еще с колониальных времен. Они были специально отведены англичанами для создания так называемых «малайских поселений». Во время отделения Сингапура от Малайзии в 1965 году Тунку предложил выделить бесплатную землю в Джохоре тем малайцам, которые проживали в Сингапуре и чувствовали себя покинутыми. Этим предложением мало кто воспользовался. Тем не менее, подобная сегрегация усугубила чувство изоляции и разочарования, потому что эти поселения превратились в настоящие гетто, состоявшие из грязных, кривых, не мощеных переулков, застроенных деревянными лачугами с цинковыми или соломенными крышами. Наиболее тревожное положение сложилось в Гейлан Серай, который, наряду с Кампонг Уби (Kampong Ubi) и Кампонг Кембанган (Kampong Kembangan), являлся наибольшим малайским поселением. Более 60,000 малайцев жили там в плохих санитарных условиях, без проточной воды и канализации. Люди набирали воду из общественных колонок, стоявших на обочинах дорог, и носили ее ведрами, либо платили водоносу за доставку воды. Электричество отсутствовало, хотя некоторые частные компании занимались нелегальной продажей электричества. В сентябре 1965 года, через месяц после отделения от Малайзии, я сказал жителям этого района, что через 10 лет все их лачуги будут уничтожены, и Гейлан Серай станет еще одним «Квинстауном» (Queenstown), который тогда был наиболее современным многоэтажным районом, только лучше.

Мы выполнили свое обещание. Частью нашего долгосрочного плана перестройки Сингапура и предоставления каждому жителю нового жилья являлось рассредоточение и смешение малайцев, китайцев, индусов и людей других национальностей, чтобы помешать их сосредоточению в одном районе, что поощрялось англичанами. Ведь после переселения они должны были голосовать вместе со своими соседями по многоэтажным домам.

Кроме того, чтобы предотвратить возникновение опасной ситуации в случае расовых беспорядков, я решил расширить четыре основных дороги, проходивших через малайское

поселение Гейлан Серай, одновременно расширив существовавшие переулки и установив уличное освещение на основных магистралях. В течение 6–7 лет одно большое гетто было разделено на 9 небольших поселков. Наиболее сложной задачей было первоначальное переселение людей, которое началось в феврале 1970 года. Когда мы объявили о переселении, жители-малайцы отнеслись к этому настороженно. Критически важную роль в переговорах между правительственными чиновниками и жителями играли члены парламента – малайцы. Радио и пресса широко освещали вопросы предоставления компенсаций и жилья для переселенцев. К тому времени газета «Утусан мелаю» уже не распространялась в Сингапуре и не могла раздувать необоснованные страхи, как это имело место в 1964 году во время переселения в Кроуфорде (Crawford).

Зданием, которое с политической точки зрения было снести сложнее всего, была маленькая обветшалая мечеть. При каждом храме, каким бы маленьким он не был, имелся комитет религиозных старейшин и активистов, занимавшихся сбором церковной десятины и пожертвований на содержание храма. Когда подошло время сносить мечеть, они сели на корточках в помещении храма и отказались покинуть его. Они рассматривали действия правительства как антиисламские. В сентябре 1970 года члены парламента – малайцы устроили встречу в муниципалитете, где находился мой кабинет, с членами комитета мечети, чтобы те смогли представить свою позицию высокопоставленным чиновникам Департамента общественных работ (Public Works Department) и УЖГР. С помощью парламентариев-малайцев мы убедили их разрешить снести старое деревянное здание мечети, заверив, что новая мечеть будет построена недалеко от того места, где стояла старая. На следующий день, в пятницу, после молитвы, члены парламента – малайцы и президент МУИС (MUIS – Muslim Governing Board), главного мусульманского органа Сингапура, обратились в мечети к более чем 200 верующим. На встрече присутствовал член парламента, бывший профсоюзный лидер малаец Рахмат Кенап (Rahmat Kenap), – смелый человек, которого не поколебало резкое осуждение лидеров ОМНО во время расовых беспорядков 1964 года, когда его поносили как «неверного». Он заверил присутствовавших верующих, что правительство пообещало построить новую мечеть взамен существующей. Наконец, они согласились. Это позволило нам приступить к сносу и строительству примерно 20 других маленьких мечетей, находившихся в этом поселении. Мы предложили отстроить мечети на другом месте и изыскивали возможности для финансирования строительства. Ответственность за строительство новых мечетей была возложена на МУИС. Был также создан специальный фонд строительства, в который каждый рабочий – мусульманин ежемесячно отчислял один сингапурский доллар через нашу систему ЦФСО. Малайцы гордились тем, что мечети были построены на их собственные средства.

Переселять жителей из домов было легче. Они получали компенсацию установленного размера, в зависимости от того, имелось ли у них разрешение на строительство старых домов. Кроме того, они получали компенсацию «за беспокойство» в размере 350 сингапурских долларов, что в то время равнялось месячной зарплате рабочего. Они также пользовались приоритетом в выборе жилья и новых районов расселения. Несмотря на все эти уступки, группа из 40 семей отказывалась освободить занимаемое жилье, пока мы не подали на них в суд.

Когда дороги были, наконец, проложены и ярко освещены, я испытал большое облегчение, проезжая однажды ночью через этот район. Здесь явно стало намного безопаснее, улучшилась социальная атмосфера. После переселения населения Гейлан Серая нам было уже гораздо легче переселять жителей другие малайских поселений.

Несмотря на то, что при переселении нам удалось смешать людей разных национальностей, вскоре мы обнаружили, что они снова собирались вместе. Когда владельцы жилья получили возможность продавать свои квартиры и покупать жилье по своему выбору, они снова стали селиться вместе. Это вынудило нас в 1989 году установить квоты (25 % для малайцев, 13 % для индусов и других национальных меньшинств), сверх которых семьи представителей национальных меньшинств не могли селиться в жилых районах.

Установление этих квот уменьшило число покупателей продаваемых квартир и, таким образом, способствовало снижению цен. Если малаец или индус не могли продать квартиру китайцу, потому что квота для китайцев была уже исчерпана, то квартиру приходилось продавать по более низкой цене, потому что покупатели-малайцы или индусы были не в

состоянии платить такую высокую цену, как представители китайского большинства. Тем не менее, это – невысокая цена, которую мы платим за достижение нашей цели – смешение различных рас.

Данабалан, министр, стоявший во главе УЖГР, индус по происхождению, и Джаякумар (Jayakumar), министр юстиции, тоже индус, Ахмад Маттар (Ahmad Mattar), министр по делам окружающей среды, малаец арабского происхождения, – полностью согласились со мной. Если бы мы вновь допустили сегрегацию различных рас, то это было бы шагом назад и перечеркнуло наши достижения в этой сфере. Другие члены парламента – малайцы и индусы – также разделяли эти взгляды, что облегчало проведение этой политики.

Когда к 80-ым годам эта задача была выполнена, я решил, что было необходимо изменить наш избирательный закон, чтобы позволить совместным кандидатам баллотироваться в двух и более избирательных округах. После продолжительных дискуссий в правительстве мы вынесли этот вопрос на рассмотрение парламента. Суть предложения заключалась в том, что три или четыре одномандатных округа сливались в групповые избирательные округа, в которых три или четыре кандидата баллотировались в составе единой команды, которая включала одного кандидата – представителя национальных меньшинств, – индуса или малайца. Без этой меры китайское большинство во всех избирательных округах, вероятнее всего, избирало бы кандидатов-китайцев. В 50-ых и 60-ых годах люди голосовали за партию, независимо от национальности кандидата. В 80-ых годах, после того как ПНД утвердилась в качестве доминирующей партии, которая, вероятнее всего, оставалась бы у власти, люди голосовали уже не за партию, а за конкретного депутата парламента. Они предпочитали тех, кто симпатизировал им, говорил на их диалекте или языке и был одной с ними национальности. Все кандидаты, участвовавшие в выборах, очень хорошо об этом знали. Кандидату-малайцу или индусу было бы очень сложно победить кандидата-китайца. Если бы в парламенте не оказалось малайцев, индусов и представителей других меньшинств, это нанесло бы вред. Нам следовало изменить правила. Одним из преимуществ групповых избирательных округов было то, что китайские кандидаты не могли бы выступать с шовинистическими лозунгами, не потеряв при этом 25–30 % голосов избирателей других национальностей. Кандидаты-китайцы должны были включать в свою команду малайца или индуса, который помог бы им получить голоса представителей национальных меньшинств.

Другой деликатной расовой проблемой, волновавшей меня, была более низкая успеваемость значительного числа студентов-малайцев по математике и точным наукам. Я решил, что мы не сможем на протяжении длительного времени держать эти результаты в секрете. Люди верили, что все дети, независимо от расы, были равны и обладали равными возможностями для поступления в университет. Реальная же ситуация была иной, и это могло привести к недовольству, ибо менее способные студенты считали бы, что правительство относится к ним с предубеждением. В 1980 году я конфиденциально пригласил лидеров малайской общины на встречу, чтобы открыто обсудить с ними деликатную проблему плохой успеваемости малайских студентов. Я предоставил лидерам общины, включая редакторов газет, результаты экзаменов за предыдущие 10–15 лет и подчеркнул тот факт, что подобные же различия существовали и до войны, когда Сингапур был британской колонией. Ничего нового в этом не было.

После того как у лидеров общины и руководителей средств массовой информации прошел первоначальный шок, мы предложили им найти решение, полностью полагаясь на поддержку правительства. Я рассказал им о результатах исследований, которые показывали, что, если родители и студенты были заинтересованы в результатах учебы и прилагали дополнительные усилия к их достижению, то успеваемость можно было повысить на 15–20 %. Их реакция была позитивной. В 1982 году лидеры малайской общины при поддержке правительства сформировали Исламский совет по образованию детей-мусульман («Мендаки» – *Majlis Pendidikan Anak-Anak – Islam Council on Education for Muslim Children*), включавший представителей малайских общественных, литературных и культурных органов и членов парламента – малайцев от ПНД. Мы предоставили им помещение. Как и в случае со строительством мечетей, для финансирования «Мендаки» правительство отчисляло 50 центов из ежемесячного взноса в ЦФСО каждого рабочего малайца. По мере роста доходов эти взносы

постепенно увеличились до 2.5 долларов. На каждый перечисленный таким образом доллар правительство добавляло доллар из своих фондов.

Перед тем как принять любое политическое решение, затрагивавшее интересы малайцев, я неизменно консультировался со своими малайскими коллегами, включая Османа Вока (Othman Wok) и Рахима Исхака (Rahim Ishak). Они были весьма практичными людьми. Когда дело касалось ислама, я также консультировался с Ясибом Мохамедом (Yaaccib Mohamed). Он был проповедником в Келантане (Kelantan), и был весьма уважаемым религиозным наставником. Ахмад Маттар был реалистом и считал такие консультации лучшим способом добиться желаемых результатов.

Не все министры старшего поколения поддерживали организацию подобных групп взаимопомощи, основанных по национальному признаку. Раджа был убежденным сторонником мультирасового общества и считал, что мой план был не прагматичным отражением реальности, а шагом назад. Он не хотел использовать кровные узы, чтобы повлиять на родителей, дабы те заставили своих детей учиться. Он опасался, что это могло привести к усилению межнациональной розни.

Хотя я и его разделял идеал мультирасового общества, мне приходилось считаться с реальностью, чтобы добиваться результатов. По опыту мы знали, что китайские или индийские официальные лица не могли оказать на родителей и студентов-малайцев такое же влияние, как лидеры малайской общины. Уважение, которым пользовались эти лидеры и их искренний интерес к обеспечению благосостояния молодых людей, отстававших в учебе, убедили родителей и детей приложить дополнительные усилия. Чиновники-бюрократы никогда не смогли бы побудить родителей и их детей к действию с тем же интересом, убежденностью и личным участием. Лидеры китайской общины также не могли наладить связей с родителями и детьми-малайцами. В таких глубоко личных, эмоциональных вопросах, которые затрагивали национальную и семейную гордость, только лидеры этнической общины могли обратиться к родителям и детям.

Через несколько лет после начала деятельности «Мендаки» усилия лидеров малайской общины и дополнительные занятия по вечерам принесли плоды. Наблюдался постоянный рост числа малайских студентов, успешно сдавших экзамены, существенный прогресс был достигнут в области точных наук. В 1991 году группа молодых дипломированных специалистов-мусульман сформировала Ассоциацию специалистов-мусульман (Association of Muslim Professionals). Организация преследовала те же цели, что и «Мендаки», но хотела работать независимо от правительства. Премьер-министр Го Чок Тонг предоставил им финансовую поддержку. По мере роста поддержки со стороны общинных лидеров, оказывавших помощь неуспевающим студентам-мусульманам, результаты улучшались.

В 1995 году, в ходе Третьего международного исследования в области математики и точных наук (Third International Mathematics and Science study), наши студенты-малайцы показали результаты, превышавшие средний международный уровень. В 1987 году только 7 % выпускников школ-малайцев поступили в университеты и политехнические институты. К 1999 году эта цифра возросла в 4 раза – до 28 %, в то время как в среднем по стране она выросла лишь вдвое. В 1996 году стипендиатка-малайка с отличием окончила факультет английского языка в университете Беркли, в Калифорнии. Другой студент-малаец в 1999 году получил золотую медаль и занял первое место среди выпускников факультета архитектуры Национального Университета Сингапура. Еще один студент получил правительственную стипендию для обучения в Кембридже, где он получил диплом с отличием по физике и продолжил обучение, получив в 1999 году докторскую степень. Малаец был избран президентом студенческого союза Национального Технического Университета в 1998–1999 годах. Теперь у нас есть растущий средний класс малайцев, состоящий из управляющих МНК, консультантов в сфере информационной технологии, начинающих предпринимателей, валютных дилеров, банковских служащих, инженеров, докторов и деловых людей, занимающихся туризмом, производством продуктов питания, строительством, производством мебели и торговлей одеждой.

Прогресс, достигнутый «Мендаки», побудил индийскую общину в 1991 году организовать Ассоциацию содействия развитию индийцев Сингапура (Singapore Indian Development

Association). На следующий год китайцы сформировали Китайский совет содействия развитию (Chinese Development Assistance Council), чтобы помочь своим неуспевающим студентам – китайцам. В процентном отношении таких студентов было меньше, чем студентов-малайцев, но общее число их было больше. А вскоре была создана и Евразийская Ассоциация (The Eurasian Association).

Обеспечение верховенства закона.

Закон и порядок в обществе создают основу для стабильности и развития. Получив образование в области права, я впитал важность принципа равенства всех граждан перед законом для правильного функционирования общества. Тем не менее, жизненный опыт, полученный во время японской оккупации Сингапура, за которой последовал период анархии, в течение которого британская военная администрация пыталась восстановить законность, сделал меня более прагматичным и менее догматичным в моем подходе к проблемам преступления и наказания.

Вскоре после того как в 1951 году я стал членом Коллегии адвокатов Сингапура (Singapore Bar), мне было поручено мое первое дело. Я защищал в суде четырех участников расовых волнений, которых обвиняли в убийстве сержанта королевских британских вооруженных сил, совершенном во время расовых волнений мусульман, направленных против белых, имевших место в декабре 1950 года из-за «девочки джунглей». Я добился оправдания всех четверых, но у меня остались серьезные сомнения относительно практической ценности суда присяжных в условиях Сингапура. Наличие жюри в составе семи присяжных заседателей, выносивших приговор большинством голосов, позволяло легко добиваться оправдательных приговоров. Индия также пыталась ввести суд присяжных, но попытка потерпела неудачу, и эта система была отвергнута. Вскоре после того как в 1959 году я стал премьер-министром, я отменил использование суда присяжных, за исключением рассмотрения дел об убийствах. Это исключение было сделано, потому что такое правило существовало тогда в Малайе. В 1969 году, после отделения Сингапура от Малайзии, я поручил Эдди Баркеру, тогдашнему министру юстиции, направить в парламент законопроект о прекращении практики использования суда присяжных при рассмотрении дел об убийствах. Во время слушаний парламентского комитета один из лучших адвокатов Сингапура Дэвид Маршал, занимавшийся защитой уголовных преступников, заявил, что он добивался оправдательных приговоров в 99 случаях из 100, когда ему приходилось защищать убийц. Когда я спросил его, считал ли он, что 99 оправданным были предъявлены ложные обвинения, Маршал ответил, что его обязанности состояли в том, чтобы защищать, а не судить обвиняемых.

Судебный репортер газеты «Стрэйтс таймс», который наблюдал за многими судебными процессами, проводившимися судами присяжных, на заседании того же парламентского комитета подтвердил, что суеверие и общее нежелание брать на себя ответственность за серьезные наказания, особенно смертную казнь, вели к тому, что присяжные заседатели – азиаты весьма неохотно выносили обвинительные приговоры. Они предпочитали оправдывать подсудимых или выносить более мягкие приговоры. Репортер сказал, что, если в состав жюри присяжных входила беременная женщина, то было легко предсказать, что обвинительный приговор по делу об убийстве вынесен не будет, иначе ее ребенок будет якобы проклят с рождения. Когда этот закон был принят, и суд присяжных – отменен, количество судебных ошибок, возникавших в результате капризов присяжных заседателей, уменьшилось.

После того, что я увидел в годы лишений и трудностей в период японской оккупации Сингапура, я больше не воспринимал теорий о том, что преступник якобы является жертвой общества. Наказания были тогда настолько суровы, что даже в 1944–1945 годах, когда многие люди голодали, в городе не было краж, и жители могли спокойно оставлять двери домов открытыми днем и ночью. Устрашение действовало эффективно. Англичане использовали в Сингапуре телесные наказания: порку пятижильной плеткой или пальмовой тростью (rattan). После войны они отменили порку плеткой, но сохранили телесное наказание палками. Мы считали, что телесные наказания являются более эффективными, чем длительные сроки тюремного заключения, и ввели эти наказания за преступления, связанные с наркотиками, за торговлю оружием, изнасилования, нелегальный въезд в Сингапур и порчу общественной собственности.

В 1993 15-летний американский школьник Майкл Фэй (Michael Fay) и его друзья решили повеселиться. Они ломали дорожные знаки и светофоры и раскрасили из пульверизаторов более 20 автомобилей. Ему было предъявлено обвинение в суде, он признал себя виновным, но его адвокат подал просьбу о помиловании. Судья приговорил Майкла к шести ударам палками и четырем месяцам тюрьмы. Американские средства массовой информации пришли в ярость от перспективы того, что жестокие азиаты в Сингапуре будут избивать американского мальчика палками по ягодицам. Они подняли такой шум, что президент США Клинтон обратился к президенту Он Тен Чиону с просьбой о помиловании подростка. Положение Сингапура стало невозможным: если мы не могли подвергнуть этого мальчика телесному наказанию только потому, что он был американцем, как мы могли подвергать телесным наказаниям своих собственных нарушителей?

После дискуссии в правительстве премьер-министр посоветовал президенту уменьшить наказание до четырех ударов. Американские средства массовой информации не были удовлетворены. Тем не менее, не все американцы осуждали такое наказание за вандализм. Вскоре после того как история с Майклом Фэем попала на первые полосы газет, моя дочь Линь была арестована в американском штате Нью-Гэмпшир (New Hampshire) за то, что она не остановилась, как того требовал полицейский патруль, пытавшийся остановить ее за превышение скорости. Когда полицейский офицер отвез ее в участок, в ответ на его вопросы она ответила, что она – из Сингапура, и что он, вероятно, относится с предубеждением к ее стране из-за случая с Майклом Фэем. Полицейский ответил, что мальчишка заслужил телесное наказание, отвез ее обратно к машине и пожелал удачи.

Фэй пережил четыре удара палками и вернулся в Америку. Через несколько месяцев американская пресса сообщила, что однажды ночью он пришел домой поздно, в состоянии опьянения, и напал на своего отца, избив его. А месяц спустя, вдыхая бутан, он получил сильные ожоги, когда его друг чиркнул спичкой. Он признал, что являлся токсикоманом еще в Сингапуре.

Подобные меры обеспечили соблюдение в Сингапуре законности и правопорядка. В 1997 году в отчете Всемирного экономического форума (World Economic Forum), посвященном анализу конкурентоспособности стран мира, Сингапур получил наивысшую отметку в качестве страны, в которой «организованная преступность не является фактором, увеличивающим издержки на ведение бизнеса». В 1997 году Международный институт управления в своем ежегодном обзоре конкурентоспособности стран мира также поставил Сингапур на первое место в сфере безопасности, указав, что в городе «существует полная уверенность людей в том, что их личность и собственность защищены».

Развитие информационной технологии.

Компьютерная революция меняет наш образ жизни и работы. Интернет и его многочисленные приложения требуют от всех, кто хочет стать частью «новой экономики», овладеть компьютерной грамотой и пользоваться Интернетом.

Я был ранним энтузиастом использования компьютеров, которые стали важным фактором повышения производительности труда. В 1973 году, когда мой сын Лунг окончил курс математики в Кембридже, я посоветовал ему закончить аспирантуру в области информатики, – науки, которую я считал ценным инструментом для выполнения вычислений и хранения информации. Я также поручил государственной комиссии поощрять лучших студентов поступать в аспирантуру по компьютерным дисциплинам. Один из них, Тео Чи Хин, в 1997 году ставший министром образования, внедрил программу для учителей, предусматривавшую использование компьютеров в качестве средств обучения. Теперь в Сингапуре один компьютер приходится на двух учащихся.

В 1984 году я принял решение выплачивать зарплату всем правительственным служащим, используя электронную систему платежей. Многие мелкие служащие и рабочие предпочитали получать заработную плату наличными, не желая, чтобы их жены знали, сколько они получают. Мне удалось преодолеть эти возражения путем открытия им счетов в Почтовом сберегательном банке, так что они могли бы получать наличные из банкоматов. Это сделало ненужной перевозку наличных денег дважды в месяц в сопровождении полиции. Частный сектор последовал этому примеру. После этого мы стали поощрять электронные платежи также при

уплате налогов и сборов.

Возглавляя движение за компьютеризацию и внедрение электронных платежей, я сам не пользовался компьютером, хотя они стали уже достаточно распространенными. В то время как в середине 90-ых годов молодые министры посылали друг другу электронную почту, мою электронную почту мне все еще распечатывали, а ответы я посылал по факсу.

Чувствуя, что я отстал от других, в возрасте 72-х лет я решил подучиться. В моем возрасте это было нелегко. Прошло много месяцев, прежде чем я смог работать с «Майкрософт-ворд» (Microsoft Word) и электронной почтой без постоянной помощи моих секретарей. Еще и много месяцев спустя я мог потерять файл из-за того, что нажимал не на ту клавишу, либо компьютер обвинял меня в том, что я выполнил «запрещенную операцию» и закрывал программу. На работе мне помогали секретари, а дома я звонил Лунгу, который, выслушав мой горестный рассказ, руководил моими действиями по телефону, шаг за шагом восстанавливая утерянные плоды многих часов тяжелого труда. Если же это не помогало, то Лунг приезжал в воскресенье, чтобы найти утерянный файл на жестком диске компьютера, или разгадать какую-либо иную загадку. Больше года потребовалось мне, чтобы освоиться с компьютером. Одно из преимуществ работы на компьютере – это та легкость, с которой я мог исправлять и перестраивать фразы и целые параграфы на экране компьютера при написании этой книги. Теперь я не отправляюсь в путешествие без моего портативного компьютера, позволяющего получить доступ к электронной почте.

Выбор Верховного судьи и президента.

Подбор подходящих людей на ключевые конституционные должности Верховного судьи и президента республики является жизненно важным. Неправильный выбор может обернуться годами затруднений и бесконечными проблемами. Намного легче определить, кто из людей является наиболее способным, чем решить, кто обладает характером, необходимым для данной работы. До назначения Верховного судьи и президента я близко знал обоих на протяжении многих лет. Тем не менее, назначение одного явилось беспрецедентным успехом, а другого – несчастным случаем, которого можно было бы избежать.

Верховный судья задает тон всей юридической системе. В августе 1963 года, накануне нашего объединения с Малайзией, последний британский Верховный судья, сэр Алан Роуз (Sir Alan Rose), ушел в отставку, чтобы дать мне возможность назначить первого сингапурского Верховного судью. Для назначения на эту должность я искал человека, который разделял бы мою философию развития общества. Четкое понимание Верховным судьей своей роли, целей и задач правительства является жизненно важным.

У меня состоялся один запомнившийся мне разговор с сэром Аланом. В начале 60-ых годов несколько коммунистических заговорщиков должны были предстать перед судом, и я опасался того, что их дело будет слушаться британским судьей-экспатриотом, который мог оказаться не слишком чувствительным к политическим настроениям того времени. Я попросил о встрече с Верховным судьей и объяснил ему, что, если это случится, то правительство обвинят в том, что оно является марионеткой правительства Великобритании. Сэр Алан насмешливо посмотрел на меня и сказал: «Господин премьер-министр, когда я был Верховным судьей на Цейлоне, мне приходилось руководить работой правительства вместо генерал-губернатора. Во время волнений он всегда отсутствовал. Вам не следует бояться, что вы окажетесь в затруднительном положении». Он понимал необходимость соблюдения политического такта.

После некоторых колебаний я назначил на должность Верховного судьи Ви Чон Чжина (Wee Chong Jin), члена Верховного суда, назначенного на эту должность британским губернатором. Он был выходцем из среднего класса и, как и я, получил образование в Кембридже. Ви Чон Чжин был строг в вопросах соблюдения законности и правопорядка. Сэр Алан порекомендовал мне его как человека, обладавшего твердостью, необходимой для поддержания дисциплины в судах и способного заставить суды следовать установленным им нормам.

Ви Чон Чжин оставался Верховным судьей до 1990 года, когда ему исполнилось 72 года. Когда он достиг пенсионного возраста (65 лет), я продлил срок его пребывания на должности Верховного судьи, потому что не мог найти ему подходящего преемника. Ви Чон Чжин знал

закон и весьма авторитетно председательствовал в Верховном суде и как в суде первой инстанции, и при рассмотрении апелляций. Воспитанный на традициях британской эпохи, он, в основном, концентрировался на собственных суждениях и прецедентах, уже созданных Верховным судом, но не уделял слишком серьезного внимания решениям нижестоящих судов и прецедентам, созданным юридической системой в целом. Из-за значительного увеличения числа тяжб старая судебная система, как в судах первой инстанции, так и в судах высшей инстанции, оказалась перегруженной. Колеса юридической машины крутились медленно, работа накапливалась, и от подачи иска до начала процесса проходило от четырех до шести лет. Почти столь же низкой была скорость рассмотрения дел и в судах низшей инстанции, которые рассматривали большинство дел.

В 1988 году я решил уйти в отставку с поста премьер-министра в конце 1990 года. Зная, что моему преемнику Го Чок Тонгу, не имевшему ничего общего с юриспруденцией, было бы сложно подобрать Верховного судью, я начал искать подходящего человека для назначения на эту должность до своего ухода в отставку. Я встретился со всеми судьями порознь и попросил каждого из них перечислить мне, основываясь на достоинствах этих людей, трех человек, которых они считали наиболее подходящими кандидатами на эту должность, исключая самих себя. Затем, с каждым судьей мы просматривали список членов Юридической коллегии, а также списки лучших юристов, входивших в состав Юридической коллегии Малайзии (Malaysian Bar). Четверо судей: А.П.Раджа (A.P. Rajah), П. Кумарасвами (P. Coomaraswamy), Л.П.Тин (L.P. Tean) и С.К.Чан (S.K. Chan), – поставили во главе списка Ен Пун Хау, назвав его лучшим из лучших.

Ен Пун Хау был тогда председателем правления крупнейшего банка Сингапура «Овэрсиз чайниз бэнкинг корпорэйшен». После расовых волнений, имевших место в Куала-Лумпуре в 1969 году, он бросил там процветающую юридическую практику, в которой являлся старшим партнером, и переехал вместе со своей семьей в Сингапур, где стал председателем правления нового торгового банка.

Мы вместе изучали право в Кембридже на протяжении трех лет, и я знал, что он – очень способный человек. Я одолжил у него конспекты лекций сентябрьского семестра 1946 года, которые я пропустил. Они были полными, упорядоченными, содержали отличное резюме лекций. Шесть месяцев спустя, в июне 1947 года, я получил высшую награду на экзаменах по праву за первый год обучения, Пун Хау также получил награду. Мы поддерживали отношения и после того как вернулись домой. В конце 60-ых годов правительства Малайзии и Сингапура, совместно владевшие авиакомпанией «Мэлэйжиэн – Сингапур эйрлайнз» назначили его ее председателем. Я снова стал поддерживать с ним тесные отношения, когда в 1981 году он был направлен своим банком на должность управляющего директора Инвестиционной правительственной корпорации, которую мы сформировали, чтобы инвестировать валютные резервы Сингапура. Он очень тщательно относился к деталям, проявлял скрупулезную честность, представляя нам различные альтернативные варианты инвестирования средств, хотя и высказывал при этом свои собственные соображения. Для юриста это было очень важным качеством.

В 1976 году я предложил ему должность судьи в Верховном суде. Он занимал тогда должность заместителя управляющего банком и отказался от моего предложения. За обедом, в начале 1989 года, я предложил ему подумать о должности Верховного судьи. Я аргументировал свое предложение тем, что он уже достиг наивысшей позиции в нашем самом большом банке, и что его усилия могли принести пользу лишь нескольким тысячам служащих и акционеров банка. На должности Верховного судьи он мог бы улучшить управление юридической системой, привести ее в соответствие с требованиями сегодняшнего дня, что принесло бы неизмеримую пользу всему обществу и нашей экономике. В случае согласия, ему пришлось бы проработать судьей Верховного суда на протяжении года, чтобы вернуться, таким образом, к юридической практике, а потом он был бы назначен на должность Верховного судьи. Он попросил у меня некоторое время на размышление, ибо для него это означало бы перемену образа жизни, он также много потерял бы в финансовом плане. В банке он получал более двух миллионов сингапурских долларов в год, на должности Верховного судьи он зарабатывал бы менее 300,000, – в семь раз меньше. Через месяц он принял мое предложение, мотивируя это

чувством долга перед Сингапуром, который стал его вторым домом.

Я назначил его на должность судьи Верховного суда 1 июля 1989 года, а в сентябре 1990 года, когда Верховный судья Ви Чон Чжин ушел в отставку, я назначил Ен Пун Хау Верховным судьей. Он пережил годы японской оккупации, расовые беспорядки в Малайзии, и обладал твердыми принципами относительно применения закона для обеспечения правопорядка в обществе. Его взгляды на развитие и управление мультирасовым обществом, его подход к обеспечению законности и правопорядка в таком обществе в данном регионе мира не отличались от моих. Он понимал, что для того, чтобы справиться с возросшей нагрузкой, суды низшей и высшей инстанции должны были отбросить устарелые методы и принять на вооружение новые процедуры. Я высказал предположение, что ему следовало лично посещать суды низшей инстанции, даже участвовать в заседаниях судов магистратов и районных судов, чтобы получить непосредственное представление об их работе, оценить способности судей, навести порядок в системе, привлечь в нее талантливых людей. Следовало восстановить дисциплину в работе. Юристы жаловались мне, что некоторые судьи магистратов и районных судов парковали свои машины прямо за пределами городской черты, чтобы избежать уплаты небольшого сбора, взимавшегося за въезд в город в час пик. Как только час пик заканчивался, они откладывали рассмотрение дел и покидали суды, чтобы перепарковать свои машины в городе. Таков был застой, царивший в юридической системе.

Ен Пун Хау оказался выдающимся Верховным судьей. Он обеспечил руководство судьями и повысил требования к адвокатам. В течение нескольких лет он реформировал суды и судебные процедуры, сделав их современными, добился сокращения накопившихся завалов дел, ожидавших рассмотрения в судах, а также сократил задержки в рассмотрении дел. Он изменил правила и процедуры, которые юристы использовали для того, чтобы затянуть рассмотрение дел или отложить их. Чтобы справиться с возросшим количеством дел, он порекомендовал назначить дополнительных судей в Верховный суд, а также назначить такое количество юридических уполномоченных (judicial commissioners) (высокопоставленных юристов, исполнявших обязанности судьи), как того требовала работа. Его методы подбора кадров были систематичными и справедливыми. Он встречался со значительным числом юристов, которые считались ведущими членами Коллегии адвокатов, отбирал 20 из них, а затем просил судей и юридических уполномоченных оценить честность, юридические способности и вероятный «юридический темперамент» кандидатов. После этого он направлял свои рекомендации премьер-министру.

Чтобы назначить судей апелляционного суда (Court of Appeal), он попросил всех судей и юридических уполномоченных назвать двух судей, которых они считали наиболее подходящими кандидатами на этот пост, исключая себя. Две кандидатуры, которые он, в конечном счете, представил, были единогласно избраны коллегами. Его методы работы, хорошо известные всем судьям и высокопоставленным юристам, подняли репутацию и престиж всех судей и юридических уполномоченных.

С целью ускорения работы судебной системы он поощрял использование в судах достижений информационной технологии. Юристы могли теперь хранить свои судебные документы и вести поиск информации, используя компьютеры. К 1999 году репутация наших судов повысилась настолько, что судьи и Верховные судьи из развивающихся и развитых стран приезжали к нам, чтобы изучать опыт реорганизации судебной системы. Мировой банк рекомендовал юридическую систему Сингапура, как на уровне Верховного суда, так и на уровне судов низшей инстанции, для изучения другими странами.

Мировые рейтинговые агентства высоко оценили юридическую систему Сингапура. В течение 90-ых годов, в ежегодных обзорах конкурентоспособности стран мира, издаваемых расположенным в Швейцарии Международным институтом управления, Сингапур регулярно назывался лучшим государством в Азии в плане обеспечения «честного правосудия в обществе». В 1997–1998 годах Сингапур вошел в десятку лучших стран мира, опередив США, Великобританию, Японию и большинство стран, входящих в ОЭСР. Начиная с 1995 года, когда расположенная в Гонконге организация, занимающаяся оценкой политического и экономического риска, начала проводить оценку юридических систем стран Азии, она неизменно присваивала юридической системе Сингапура высший рейтинг в Азии.

С назначением президента я оказался менее удачливым. К тому времени, когда в 1981 году я вынес на обсуждение парламента кандидатуру Деван Наира для избрания президентом, я работал с ним уже на протяжении 27 лет, начиная с 1954 года. Вечером 15 марта 1985 года я был шокирован известием о том, что Деван вел себя неподобающим образом во время визита в Кучинг (Kuching), расположенный в штате Саравак (Sarawak), на востоке Малайзии. Врач из штата Саравак позвонил личному врачу Наира, доктору Д.А.Тамбия (Dr. J. A. Tambyah), и попросил его забрать президента и отвезти его домой ввиду его неподобающего поведения. Наир приставал к жене помощника министра, сопровождавшего его в автомобиле, к женщинам, присутствовавшим на обеде и к горничным, которые обслуживали его. Он компрометировал их, делал им непристойные предложения, обнимал их и приставал с ласками. Поставив в известность директора медицинской службы, доктор Тамбия немедленно вылетел в Кучинг, где обнаружил, что Наир полностью потерял контроль над собой. Доктор сопровождал его по пути домой 15 марта.

В тот же вечер, примерно в 9 часов вечера, я встретился с женой Наира в Истана Лодж (Istana Lodge). Чтобы помочь сгладить впечатление от несчастного известия, я взял с собой Чу, которая хорошо ее знала. В своем докладе правительству на следующий день я писал:

«Госпожа Наир была собрана и лишь с трудом подавляла свое отвращение и гнев в связи с известием о поведении Девана в Кучинге. Она сказала моей жене и мне, что Деван стал другим человеком, что, время от времени, он начинал сильно пить, и что на протяжении последних нескольких месяцев он каждый вечер выпивал по бутылке виски. Она отпустила прислугу пораньше, чтобы они не могли видеть, как он напивался до бесчувствия, после чего часто бил ее. Она знала, что это же случится и в Сараваке, и потому отказалась поехать с ним».

В течение нескольких недель, предшествовавших визиту в Саравак, Деван Наир неоднократно выезжал на машине из Истаны в одиночку. Чтобы замаскироваться, он надевал парик и выезжал без офицера охраны или водителя, чтобы встретиться с женщиной-немкой. Однажды утром, после того как он отсутствовал всю ночь, госпожа Наир отправилась в Чанги Коттедж (Changi Cottage), чтобы посмотреть, что там произошло. Она обнаружила бутылки из-под алкогольных напитков, стаканы со следами помады и сигареты. Деван Наир также пригласил женщину-немку в Истана Лодж на ужин. Когда госпожа Наир выразила свой протест, он устроил скандал и избил ее. Он не контролировал себя и свое поведение во время запоев.

Несколько наших лучших специалистов обследовали Девана и лечили его. Самый заслуженный из них, доктор – психиатр Р. Нагулендран (Dr. R. Nagulendran), в своем отчете от 23 марта писал: «Он (Наир) страдает алкоголизмом, характеризующимся многолетним употреблением алкоголя, периодическими запоями, психологической зависимостью от алкоголя, провалами в памяти, галлюцинациями, импотенцией, изменением личности, разрушением супружеской гармонии».

Согласно Конституции, президента нельзя обвинить ни в каком преступлении. Тем не менее, если бы президент убил кого-то, находясь за рулем в состоянии алкогольного опьянения, это вызвало бы общественное возмущение. Правительство обсудило сложившуюся ситуацию на нескольких заседаниях и пришло к выводу, что Деван Наиру следовало подать в отставку до того, как он будет выписан из госпиталя и снова начнет свою деятельность, иначе парламенту пришлось бы сместить его. Старые министры, особенно Раджа, Эдди Баркер и я были расстроены необходимостью отставки нашего старого коллеги с такой видной государственной должности. Мы сочувствовали его семье, но пришли к выводу, что у нас не было выбора: оставь мы его на должности, это причинило бы еще больший вред.

27 марта, когда он пришел в себя в достаточной степени, чтобы понимать последствия содеянного, Раджа и я навестили его в больнице. После некоторых колебаний он согласился подать в отставку.

На следующий день, 28 марта, Наир написал мне: «Примерно год назад я уже знал, что являюсь законченным алкоголиком. Это стало ясно тогда, когда я начал обманывать. Я иногда думал о том, чтобы довериться Вам, но из-за трусости так и не решился. В последний раз я готов был признаться Вам во всем во время нашей встречи примерно две недели назад в моем кабинете, перед моим отъездом в Кучинг. Я упустил последнюю возможность выйти из игры

чистым. Этим я заслужил свое унижение».

Две недели спустя, 11 апреля, Наир писал в другом письме:

«Кроме того, я все еще могу помнить несколько других событий, включая некоторые моменты моего неадекватного поведения в Сингапуре в течение двух недель перед отъездом в Кучинг. Тем не менее, меня пугает то, что я просто не могу вспомнить большинство из того, что сообщалось о моем поведении в Кучинге, но эти свидетельства должны быть верны, потому что о моем поведении и о том, что я говорил, сообщали несколько очевидцев. Еще больше меня смущает то, что, по крайней мере, в двух случаях, которые я ясно помню, их свидетельства противоречат моим воспоминаниям. Я не лжец, но, увы, хотя некоторые свидетели и могли, как я полагаю, оказаться лгунами, но все они лгать не могли. В старые времена сказали бы, что человек одержим дьяволом. Был ли я одержим? Или это была ситуация доктора Джекила и мистера Хайда?¹⁵ Наверное, мой мозг был несколько поврежден. Почти наверняка моим мозговым функциям был нанесен ущерб, но в какой степени, – это еще предстоит понять. И до какой степени эти нарушения могут быть излечены или восстановлены? Это тоже еще предстоит узнать».

Мне пришлось играть две роли. Являясь премьер-министром, я должен был защищать честь и достоинство президента и репутацию Сингапура. В качестве личного друга Девана, я хотел спасти его. После нескольких дней пребывания в госпитале мы отослали его в Чанги Коттедж, чтобы там он прошел курс лечения от алкоголизма. Он настаивал на том, чтобы удалиться в одно из мест религиозного уединения в Индии, чтобы излечиться путем медитации. Я не считал, что таким путем он добился бы улучшения, и настаивал на том, чтобы он прошел курс лечения. После долгих уговоров со стороны Раджи, Эдди и некоторых других старых друзей, включая С.Р.Натана, его близкого друга со времен работы в НКПС (впоследствии ставшего президентом Сингапура), он согласился поехать в «Кэрон фаундэйшен» (Caron Foundation), в США. Через месяц лечение, казалось, привело к положительным результатам.

Наир настоял на том, чтобы мы назначили ему пенсию. В Конституции ничего не говорилось относительно пенсии для президента. Правительство решило назначить Девану пенсию по состоянию здоровья, но при условии, что группа правительственных докторов будет время от времени осматривать его. Эдди Баркер согласовал это решение с Наиром и передал его на утверждение парламента. После того как парламент принял его, Наир отверг это решение, отрицая, что он когда-либо согласился с этим условием. Правительство отказалось убрать условие, и Наир озлобился.

Полтора года спустя, он написал письмо, опубликованное в «Фар истэрн экономик ревю» от 29 декабря 1987 года, в котором отрицал, что когда-либо страдал алкоголизмом. Постоянный секретарь министерства здравоохранения послал Наиру и в редакцию журнала письмо, датированное 14 февраля 1987 года, подписанное всеми семью докторами, которые занимались лечением Девана Наира в марте и апреле 1985 года, в котором они подтверждали диагноз «алкоголизм». Ни один доктор не опроверг этого диагноза.

В мае 1988 Наир вмешался в дело бывшего генерального поверенного Фрэнсиса Сью, который признал, что получил от официального лица Госдепартамента США гарантии предоставления политического убежища, если в этом возникнет нужда. Наир выступил с нападками на меня, заявив, что я сделал то же самое в тот период, когда добивался международной поддержки во время борьбы с малайскими экстремистами в Малайзии. Когда он не захотел отказаться от своих обвинений, я подал на него в суд и передал на рассмотрение парламента документы, касавшиеся алкоголизма Наира.

После опубликования этих документов Наир оставил Сингапур и больше не возвращался в город. В 1999 году, 11 лет спустя, в Канаде, он сказал в интервью, что ему поставили неверный диагноз, и что я заставил докторов подсыпать ему психотропных таблеток, чтобы он выглядел, как алкоголик. Как предупреждал нас когда-то доктор Р. Нагулендран, налицо были «изменения личности».

Я ошибся с назначением Наира, ибо предполагал, без всякой проверки, что с ним было все нормально. После его падения я советовался с Хо Си Беном, – одним из его ближайших друзей

¹⁵ Прим. пер.: литературные персонажи, олицетворяющие собой синдром «раздвоения личности»

по НКПС. Хо Си Бен, член парламента, подтвердил, что Наир сильно выпивал еще до того, как парламент назначил его президентом. Когда я спросил его, почему он не предупредил об этом меня, он ответил, что Наир никогда не терял контроля над собой. Если бы неверно понимаемая лояльность не удержала Хо Си Бена от того, чтобы предупредить меня об опасности, нам удалось бы избежать многих ненужных затруднений и страданий.

Несмотря на все это, Деван Наир сыграл значительную роль в созидании современного Сингапура. Его позиция в ходе противостояния ПНД и коммунистов в 60-ых годах сыграла важную роль. Именно он начал модернизацию рабочего движения, превратив НКПС в важного партнера правительства в работе по развитию нашей экономики.

Глава 16. Подъемы и спады в отношениях с Малайзией

20 марта 1966 года, через месяцев после нашего отделения от Малайзии, премьер-министр Малайзии Тунку Абдул Рахман посетил Сингапур. Я принимал его в Доме Федерации (Federation House), неподалеку от ботанического сада. Мы разговаривали три часа, после этого нам подали китайский ужин, потом мы смотрели телевизор и продолжали бесконечный разговор. Кроме нас самих, в тот вечер присутствовали только его жена и посол Малайзии в Сингапуре Джамал Абдул Латиф (Jamal Abdul Latif). Это был стиль Тунку, – он говорил о чем угодно, за исключением того вопроса, который занимал его больше всего.

Тунку предложил, чтобы сингапурские министры встретились с его министрами во время игры в гольф в Камерон Хайлэндс (Cameron Highlands) в апреле, когда он будет в отпуске после коронации короля. В результате мы могли бы лучше познакомиться друг с другом, и все сложности в отношениях между нами разрешились бы. Он говорил, что хотел бы вернуться к старым, добрым, мягким отношениям между нами, чтобы уменьшить трения между своими малайскими и немалайскими коллегами. Я сказал, что апрель был не очень подходящим временем, ибо я собирался посетить Лондон, а затем, вероятно, Стокгольм в июне. За ужином он в завуалированной форме угрожал мне, вскользь заметив, что выживание Сингапура зависело от Малайзии, и поэтому Сингапуру следовало тесно сотрудничать с ней. Он спросил, почему мы больше не разрешали безработным из Малайзии искать работу в Сингапуре. Я объяснил ему, что мы не могли позволить свободную трудовую миграцию в Сингапур. Он не понимал, каким бременем это ложилось на нашу экономику, хотя подобный эффект можно было наблюдать и в Куала-Лумпуре. Он также попросил, чтобы Федеральное агентство промышленного развития (Federal Industrial Development Agency) основало предприятия передовых отраслей промышленности в Куала-Лумпуре, Ипохе (Ipoh), Пинанге (Penang) и Джохор-Бару (Johor Bahru). По его мнению, Сингапуру следовало проводить именно такую политику, – ведь это большой город! Я терпеливо объяснил ему, что Сингапур не мог нести ответственность за положение с безработицей в Малайзии, – у нас было достаточно своих безработных, для которых нам следовало найти работу.

Он жаловался, что Чин Чай и Раджа произносили речи, содержавшие критику в адрес Малайзии. Я объяснил, что те министры, которые были малайцами по происхождению, в эмоциональном плане все еще реагировали на события как малайцы, будучи не в состоянии отделить себя от страны, в которой они родились и выросли. Им требовалось время, чтобы осознать, что они являлись гражданами Сингапура – отдельного и независимого государства.

Выказывая нетерпение и раздражение, он сказал: «Им следует поторопиться, потому что я не собираюсь с этим мириться. Эти люди руководствуются другими соображениями и идеями, а Раджа, может быть, даже лоялен к Индии». Тунку ошибался. Раджа был полностью предан Малайзии, хотя и родился в Джафне (Jaffna), на Цейлоне. Уже у дверей, прежде чем покинуть дом, я сказал, что нам следовало выйти на новый уровень в наших рабочих отношениях и сотрудничать на взаимовыгодной основе, чрезвычайно мягко намекнув, что возврата к старым, добрым временам, когда мы стремились к объединению с Малайзией, не будет.

После нашей первой, после отделения от Малайзии, встречи с Тунку, у меня остались смешанные чувства. Он все еще чувствовал себя так, будто я был обязан ему. Но эта встреча позволила мне удостовериться, что он все еще находился у руля. Я знал, что он стремился к тихой и спокойной жизни, ибо не любил продолжительных кризисов и периодов

напряженности в отношениях.

Лидеры Малайзии продолжали относиться к нам так, будто мы все еще жили в начале 60-ых годов и стремились к объединению с Малайзией. Мы покинули их парламент, и ушли из их политической жизни для их же собственного блага. Но и тогда, невзирая на то, что Сингапур стал независимым, суверенным государством, Тунку все еще верил, что находившегося в Сингапуре батальона малайзийской армии и возможности прекратить подачу воды в Сингапур, или прервать сообщение на главной транспортной магистрали – Каузвэй (Causeway), остановив всю торговлю и пассажирское сообщение, было бы достаточно, чтобы заставить нас подчиниться. Но если бы этого удалось добиться, используя его старомодное аристократическое обаяние, что ж, – тем лучше. В 1966 году, начиная с апреля, я отсутствовал в Сингапуре на протяжении двух месяцев. На протяжении всего этого периода времени Тунку, Разак и Газали критиковали То Чин Чая, тогдашнего заместителя премьер-министра Сингапура, и меня за то, что, как им казалось, мы были готовы восстановить связи с Индонезией до того, как это сделает Малайзия. Тунку угрожал Сингапуру неприятностями. Чин Чай, исполнявший обязанности премьер-министра, приветствовал решение Индонезии признать Сингапур. Весьма недовольное этим, правительство Малайзии выступило со следующим заявлением:

«Решение Сингапура приветствовать решение Индонезии о признании Сингапура ясно показывает, что Сингапур собирается установить некоторые отношения или связи с Индонезией, что приведет к появлению граждан Индонезии в Сингапуре. Если это произойдет, то это явно создаст угрозу нашей безопасности, поскольку Индонезия неоднократно заявляла и продолжает заявлять, что она намеревается усилить „конфронтацию“ с Малайзией. В результате этого Малайзия будет продолжать предпринимать любые меры, которые она считает необходимыми, для защиты своих интересов».

Сразу после этого, 18 апреля, министр внутренних дел Малайзии, доктор Исмаил (Dr. Ismail), ввел пограничный контроль для сингапурских граждан, пересекавших Каузвэй.

Когда я встретился с Тунку по возвращению из поездки в Великобританию и страны Восточной Европы, он выразил свое недовольство по поводу моих визитов в коммунистические страны. Он сказал, что теперь эти страны откроют посольства в Сингапуре и будут представлять угрозу для Малайзии. Он недоумевал по поводу сделанного мною заявления о том, что Сингапур хотел развивать дружеские отношения с Китаем и Индонезией. Я ответил, что, хотя мой стиль и отличался от его, в мои намерения не входило быть проглоченным коммунистами. Я напомнил, как мы отказали в праве сойти на берег команде китайского корабля, капитан которого отказался подписать обязательство не распространять пропагандистские материалы «культурной революции». «Радио Пекина» подвергло нападкам нашу иммиграционную службу. Я объяснил, что восточноевропейские страны, за исключением Румынии, поддерживали советскую внешнеполитическую линию, которая была противоположна китайской. Их поддержка или нейтралитет помогли бы предотвратить изоляцию, в которой мы могли оказаться из-за наличия в Сингапуре британских военных баз, что являлось недопустимым с точки зрения неприсоединившихся стран.

Тем временем лидеры ОМНО продолжали использовать газету «Утусан мелау», выходившую в обеих странах на джави, чтобы настраивать малайцев враждебно по отношению к «китайскому» правительству Сингапура. «Утусан мелау» сообщила, что Ахмад Хаджи Таф (Ahmad Haji Taff), лидер ОМНО в Сингапуре, являвшийся в прошлом одним из двух сенаторов, представлявших Сингапур в Федеральном сенате, потребовал, чтобы наша конституционная комиссия зафиксировала в Конституции Сингапура специальные права для малайцев. Такая конституционная норма была в конституции Малайзии, но она никогда не применялась в Сингапуре.

Наш информационный отдел перевел подстрекательские, расистские заявления «Утусан мелау» на английский, китайский и тамильский язык и распространил их в прессе, на телевидении и радио. Это повредило отношениям лидеров ОМНО с немалайцами, как в Сингапуре, так и в Малайзии, Исмаил и Газали проявляли недовольство по этому поводу. По мнению Исмаила, это подвергало Малайзию опасности, а потому, до полного политического отделения Сингапура, не следовало развивать какое-либо экономическое сотрудничество между нашими странами. Мы не должны были вмешиваться во внутренние дела Малайзии,

поскольку Сингапур являлся отдельным, суверенным и независимым государством. Газали пошел еще дальше, настаивая, чтобы Малайзия установила специальные отношения с Сингапуром. Он был недоволен, что мы не проинформировали Малайзию о развитии торговых отношений Сингапура с Россией и другими социалистическими странами. (Малайзия не имела подобных соглашений с социалистическими странами). Он считал, что подобные соглашения подпадали под условия нашего договора с Малайзией об экономическом сотрудничестве и обороне, предусматривавшем, что ни одна из сторон не будет предпринимать каких-либо шагов или входить в любые соглашения, которые могли бы угрожать безопасности другой стороны. Я заявил, что подобные уступки должны были быть взаимными. Газали также хотел, чтобы мы не возобновляли бартерную торговлю с Индонезией, пока Малайзия не восстановит отношения с ней. Он настаивал на том, чтобы мы разрешали входить в наш главный порт только большим судам с водоизмещением более 200 тонн и запретили входить туда меньшим судам, особенно парусным лодкам, по соображениям безопасности. По сведениям нашего Специального Департамента (Special Branch), который ныне переименован в Департамент внутренней безопасности, сами малазийцы открыто занимались бартерной торговлей на западном побережье Малайи, разрешая небольшим маленьким судам с Суматры (Sumatra) заходить в порты Джохора и Малакки. Чтобы обсудить этот вопрос Кен Сви настаивал на созыве Объединенного оборонного совета (Combined Defence Council), который был сформирован после провозглашения независимости Сингапура. Они условились о дате встречи, но, к его удивлению, встреча была отменена, потому что Малайзия заявила, что мы уже приняли их условия. Мы пошли дальше и определили, что остров Пулау Сенанг (Pulau Senang) на южной оконечности Сингапура, станет центром для индонезийских бартерных торговцев, которые приплывали в Сингапур на своих парусных лодках даже из таких отдаленных мест, как Сулавеси (Sulawesi) (Целебес (Celebes) – старое название Сулавеси). Разак раздраженно возразил против этого. Одностороннее принятие решений представителями Малайзии и их чрезмерные требования заставили нас выйти из Объединенного оборонного совета.

Бесконечная вереница маленьких суденышек, некоторые из которых имели подвесные моторы, а некоторые – только паруса, доставляла в Сингапур сырой каучук, копру, древесный уголь и другие продукты. Они покидали Сингапур, груженные транзисторными приемниками, рубашками, брюками, тапочками, обувью, пиджаками, куртками и шляпами. Некоторые даже покупали целые короба хлеба. В августе 1966 года, после официального окончания в июне «конфронтации» с Индонезией, мы отменили все ограничения на бартерную торговлю. Маленькие индонезийские суда снова приходили в Телок Айер Базин (Telok Ayer Basin), одну из старейших гаваней Сингапура.

Последовавшее за нашим отделением давление было беспрестанным, с Малайзией никогда не приходилось скучать. Несмотря на все наши усилия, мы так и не смогли достигнуть соглашения о сохранении общей валюты, и в августе 1966 года оба правительства заявили о выпуске в обращение собственных валют, начиная с июня 1967 года. Затем так поступил и Бруней, который также использовал общую валюту еще со времен британского правления. Международная коммерческая палата Сингапура (Singapore International Chamber of Commerce), представлявшая британские компании, Совет ассоциации банков Малайзии (Council of the Association of Banks in Malaysia) и Китайская коммерческая палата Сингапура были обеспокоены. Это разделение создавало неопределенную ситуацию, и они обратились к правительствам двух стран с предложением продолжить переговоры с целью сохранения общей валюты.

Министр финансов Малайзии Тан Сью Син заявил, что введение собственных валют не являлось концом света. Он доказывал, что уступки, на которые ему приходилось прежде идти для того, чтобы удовлетворить требования Сингапура, включали в себя значительное ослабление суверенитета Малайзии над частью «Бэнк Негара Мэлэйжиа» (Bank Negara Malaysia – Центральный банк Малайзии) и, в конечном итоге, вели к ослаблению власти правительства Малайзии. Сингапур, по его словам, боялся, что Малайзия могла не выполнить обязательства по переводу в Сингапур всех активов и пассивов Сингапура, отраженных в бухгалтерской отчетности Центрального банка. Тем не менее, по его словам, это была лишь техническая, а не настоящая причина для отделения. Он намекал, что мы не были уверены в их честности.

Действительно, защита валютных резервов Сингапура не могла основываться на одном лишь доверии.

Мы решили не создавать центральный банк, и продолжили работу Валютного комитета (Currency Board), что подразумевало 100 %-ое покрытие валютными резервами каждого сингапурского доллара, который мы выпускали в обращение. Министр финансов Лим Ким Сан выразил свою уверенность в силе и стабильности сингапурской валюты, которая требовала жесточайшей экономической и социальной дисциплины. Выступая в парламенте, Ким Сан пояснил, что: «Наличие Центрального банка является легким выходом для министра финансов, который, имея бюджетный дефицит, хочет манипулировать цифрами. Я думаю, что мы не должны вводить в подобное искушение министра финансов Сингапура». Тан Сью Син ответил: «Если финансовая система, включающая Центральный банк, является несовершенной, то это является ошибкой, которую совершили все промышленно развитые страны Запада и все развивающиеся страны... Каждое независимое государство в мире имеет Центральный банк или находится в процессе его создания». Позднее, Тан заявил в парламенте, что раздел валютных систем двух стран был к лучшему, потому что, в отличие от прошлого, государственный Центральный банк теперь стал мощным оружием министра финансов в проведении монетарной и фискальной политики.

Оба министра финансов заявили, что они собирались поддерживать курс своих валют на уровне 2 шиллингов 4 пенсов за доллар, что являлось эквивалентом 0.290299 грамма золота. Они также согласились на «взаимозаменяемость» (interchangeability) двух валют: в каждой из стран валюта другой страны свободно принималась в качестве платежного средства, а затем возвращалась в страну, выпустившую ее, в обмен на эквивалент в твердой валюте. Такая практика сохранялась с 1967 года по май 1973 года, когда, по просьбе Малайзии, ее пришлось отменить. В январе 1975 года курс малайзийского ринггита (ringgit) незначительно понизился, – до 0.9998 сингапурского доллара. К 1980 курс упал на пять центов, а к 1997 году малайзийский ринггит стоил менее 50 сингапурских центов. Министры финансов и председатели Центрального банка Малайзии проводили менее жесткую фискальную и монетарную политику, чем Сингапур. Ни один министр финансов Сингапура никогда не отклонялся от принципа: не тратить больше средств, чем мы собирали в качестве налогов, за исключением периодов экономического спада.

После выхода Сингапура из состава Малайзии в 1965 году, контролируемое ОМНО федеральное правительство настояло на придании малайскому языку статуса единственного государственного и официального языка и изменило свою политику в области образования, чтобы добиться этого. Недовольство немалайского населения этими переменами нарастало, а тон националистических заявлений лидеров ОМНО не способствовал снижению этого недовольства. В 1968 году, в выпущенной правительством Малайзии «белой книге» говорилось, что коммунисты проводили подрывную работу в независимых китайских средних школах. Это усилило опасения, что эти школы могли закрыть.

Во время избирательной кампании в апреле-мае 1969 года лидеры Альянса (Alliance) выступали с беспочвенными и необоснованными обвинениями по поводу якобы имевшего место вмешательства лидеров Сингапура во внутренние дела Малайзии. Тан Сью Син, также являвшийся президентом Ассоциации китайцев Малайзии (АКМ – Malaysian Chinese Association), сказал, что он располагал «явными доказательствами» того, что ПНД, если не само правительство Сингапура, финансировала Партию демократического действия Малайзии (ПДД – Democratic Action Party), в прошлом ПНД Малайзии. Министр иностранных дел Сингапура Раджа выразил свое беспокойство послу Малайзии, который согласился, что эти высказывания не способствовали развитию хороших отношений между странами. Но двумя днями позже он сообщил, что Тунку поддержал обвинения Тана, заявив, что, согласно имевшимся сведениям, эти обвинения были правдивы. Затем Тунку лично появился на предвыборном митинге, чтобы заявить, что лидеры ПНД Сингапура надеялись победить на выборах в Малайзии и, «зная, что у них не было шансов получить голоса китайцев, у них не оставалось иной альтернативы, как расколоть малайский электорат. Поэтому они использовали Всемалайзийскую исламскую партию (ВМИП – Pan Malaysian Islamic Party), в качестве своего агента». Он сказал, что человеку, который снабжал ВМИП средствами, был запрещен въезд в Малайзию, но отказался

назвать его имя.

В то время как предъявлялись все эти вздорные обвинения, я был в Лондоне. Я написал Лим Ким Сану, нашему министру обороны: «Я несколько изумлен безумными обвинениями Тунку и Сью Сина о нашем предполагаемом вмешательстве в ход предвыборной кампании в Малайзии. Меня также беспокоит, что все это может закончиться расовыми столкновениями и партизанской войной. Нам следует максимально ускорить создание наших вооруженных сил. Я уверен, что неприятности распространятся на Сингапур. Если уже сейчас тысячи людей в Куала-Лумпуре открыто протестуют и участвуют в уличной похоронной процессии, то будущее выглядит действительно мрачно». Я имел в виду похороны китайского юноши, члена группы, рисовавшей антиправительственные предвыборные лозунги, который был убит полицией.

На выборах, проходивших 10 мая 1969 года, ОМНО потеряла 8 парламентских мандатов из 59, которыми она располагала. ПДД получила 14 мест в парламенте, победив, в основном, в городских избирательных округах, включая Куала-Лумпур, нанеся поражение АКМ, партнеру ОМНО, в 13 из них. ПДД и «Геракан» (Gerakan) (еще одна партия, организованная не по расовому признаку) устроили парад в Куала-Лумпуре, чтобы отпраздновать свою победу, – они завоевали половину всех мест в ассамблее штата Селангор (Selangor). Малайские ультра из ОМНО ответили на это еще большим парадом, организованным главным министром штата Селангор, Харуном Идрисом (Harun Idris). 13 мая начались расовые столкновения. Статистика жертв волнений в Куала-Лумпуре была подобна статистике жертв расовых волнений 1964 года в Сингапуре, который тогда находился под контролем Куала-Лумпура. В то время и Куала-Лумпур, и Сингапур были, в основном, населены китайцами, а малайцы составляли в них меньшинство. Тем не менее, китайцев погибло больше, чем убитых в отместку малайцев. Официальный Куала-Лумпур сообщил, что было убито 25 малайцев, 13 индийцев, 141 китаец, 15 представителей других национальностей, ранено – 439 человек. Этого не могло бы произойти, если бы армия и полиция соблюдали нейтралитет. Зарубежный корреспондент, который был очевидцем волнений, оценил численность убитых в 800 человек.

На следующий день король Малайзии ввел чрезвычайное положение и приостановил деятельность парламента. Правительство создало Национальный операционный совет (НОС – National Operations Council), возглавляемый Разаком, который должен был управлять с помощью декретов и восстановить в стране закон и порядок. Официально Тунку еще находился во главе государства, но учреждение НОС ознаменовало собой конец эры Тунку. Расовые беспорядки изменили природу малайзийского общества, – с этого момента Малайзия стала государством, в котором доминирование малайцев было явным.

Беспорядки в Куала-Лумпуре вызвали серьезное беспокойство среди китайцев и малайцев Сингапура, так как и те и другие чувствовали, что межрасовые волнения неизбежно перекинутся на Сингапур. Китайцы, которые бежали в Сингапур из Малайзии, пересказывали истории зверств, совершенных по отношению к их родственникам. По мере того, как распространялись сведения о зверствах малайцев и об односторонней позиции малайских вооруженных сил в ходе конфликта, тревога и гнев нарастали. Когда я прочитал сообщение о волнениях, я был в Америке, проводя беседы со студентами Йельского (Yale) Университета. Через несколько дней после начала беспорядков в Куала-Лумпуре начались нападения со стороны китайцев на малайцев в Сингапуре. Эти бессмысленные акты возмездия против невинных малайцев были пресечены полицией, в город были введены войска. Против нескольких нападавших, захваченных на месте преступления, были возбуждены уголовные дела, впоследствии они были осуждены.

Через четыре месяца после окончания беспорядков я встретился с Тунку в резиденции посла Малайзии в Сингапуре. Он выглядел истерзанным и подавленным. Доктор Махатхир Мохамад (Dr. Mahathir Mohamad) (тогдашний член Центрального исполнительного совета ОМНО, а впоследствии – премьер-министр страны) в широко распространенном письме обвинил его в распродаже страны китайцам. Я чувствовал, что Тунку хотел поддерживать дружественные отношения с Сингапуром и пытался убедить китайцев, живших в Малайзии, не проявлять враждебности к лидерам ОМНО. В докладной записке своим коллегам я писал: «Меня волнует не столько то, приведет ли наша поддержка Тунку к потере нашей поддержки среди немалайцев, а то, не приведет ли это к потере Тунку его поддержки среди малайцев, что,

в результате, может привести к его отставке».

Через неделю Ким Сан встретился в Куала-Лумпуре с Разаком и сообщил, что на этот раз «от былой позиции „старшего брата“ не осталось и следа. Они готовы выслушать наши советы, если мы будем давать их тактично, безо всякого проявления превосходства... Нам стоило бы поддержать их еще немного, всеми средствами, которые у нас есть». Мы боялись, что Тунку и его умеренных коллег сменят ультранационалисты. Международная репутация Малайзии катастрофически ухудшилась, и Разак перешел к обороне. По иронии судьбы, отношения между Сингапуром и Малайзией улучшились. Он нуждался в нас, чтобы успокоить и обнадежить китайцев, живших в Малайзии, на которых мы все еще сохраняли влияние со времени нашего пребывания в составе федерации.

После отделения Сингапура от Малайзии практика выпуска газет единой редакцией для их последующего распространения в обеих странах продолжалась. Тем не менее, после расовых беспорядков, имевших место в Куала-Лумпуре в мае 1969 года, газета «Утусан мелаю» стала еще более промалайской и еще более враждебной по отношению к правительству Сингапура, всячески умаляя наши усилия, направленные на оказание помощи малайцам Сингапура. Чтобы прекратить эту пропаганду межнациональной розни в Сингапуре, мы изменили правила и потребовали, чтобы все газеты, которые хотели получить лицензию на издание и распространение в Сингапуре, издавались в Сингапуре, а их редакции – находились в городе. «Утусан мелаю» закрыла свой офис в Сингапуре, и распространение газеты в городе прекратилось. Вскоре после этого вступило в силу правило, согласно которому газеты, издаваемые в Малайзии, нельзя было импортировать и распространять в Сингапуре, и наоборот. Это правило остается в силе и по сей день. Оба правительства признали, что между ними существуют такие фундаментальные различия в отношении расовой, языковой и культурной политики, что то, что являлось ортодоксией в Сингапуре, было ересью в Малайзии, и наоборот.

К 31 августа 1970 года, Национальному празднику Малайзии, позиции Тунку ослабели настолько, что он заявил о своем намерении уйти в отставку с поста премьер-министра. Мне было его жаль. Не так он должен был раскланяться после 15 лет пребывания на должностях главного министра, а затем – премьер-министра, в течение которых он много сделал для примирения всех народов, населявших Малайзию, для экономического и социального прогресса страны. Он заслужил, чтобы уйти с большими почестями. Расовые беспорядки 1969 года разрушили его мечту о счастливой Малайзии, которую он так стремился осуществить. Лично мне он нравился. Он был джентльменом – старомодным джентльменом со своим собственным кодексом чести. Он никогда не подводил близких ему людей. Хотя я и не входил в их число, я продолжал встречаться с ним всякий раз, когда он приезжал в Сингапур на скачки или когда я посещал Пинанг, где он поселился после отставки. Последний раз я посетил его в Пинанге за год до его смерти в 1990 году. Он выглядел слабым, но, когда я уходил, он провел меня к подъезду и держался достаточно твердо, чтобы сфотографироваться для прессы.

Разак, который стал премьер-министром в 1970 году, отличался от Тунку. Он не обладал ни обаянием Тунку, ни его солидностью и лидерскими качествами. По сравнению с ним он казался менее решительным. Разак был моим соучеником по Рафлс Колледжу с 1940 по 1942 год. Он был сыном вождя из Паханга (Pahang). В их обществе господствовала строгая иерархия, и он пользовался большим уважением студентов-малайцев. Среднего сложения, со спокойным круглым лицом и зачесанными назад волосами, – Разак выглядел спокойным. Он был способным и трудолюбивым, а также хорошо играл в хоккей на траве, но в его отношениях с людьми, если только они не были ему хорошо знакомы, отсутствовала непринужденность. Во время нашего пребывания в составе Малайзии, когда мы боролись за голоса одного и того же электората, он относился ко мне настороженно и подозрительно. Вероятно, он рассматривал меня в качестве угрозы господству малайцев и их политическому превосходству. Он предпочитал иметь дело с Кен Сви, с которым он чувствовал себя более удобно, не рассматривая его в качестве конкурента в борьбе за голоса избирателей. Когда Сингапур вышел из состава Малайзии, отношение Разака ко мне стало более непринужденным, – я больше не был его конкурентом в борьбе за электорат.

Разак и другие малайские лидеры ОМНО отбросили подход Тунку к китайским

бизнесменам как устарелый. Располагая всей полнотой политической и военной власти, они стали совершенно откровенны относительно целей их экономической политики, которая благоприятствовала коренным малайцам (bumiputra – «сыновья земли») в каждой отрасли экономики. Они проводили «Новую экономическую политику», преследовавшую целью «уничтожение бедности» и «достижение большего равенства в распределении богатства». Согласно принятым законам, к 1990 году малайцы должны были владеть 30 % всего частного капитала, китайцы и индийцы – 40 %, а долю всех остальных иностранных собственников, в основном англичан, следовало уменьшить до 30 %. Разак также провозгласил национальную идеологию «Рукунегара» (Rukunegara), согласно которой малазийцы всех рас должны были вместе двигаться вперед к справедливому и прогрессивному обществу. Основой для этого должны были стать вера в Бога, лояльность к королю и стране, верховенство конституции и закона, укрепление моральной дисциплины, терпимости и взаимного уважения. Только в августе 1970 года, более чем через год после окончания расовых волнений, они отменили комендантский час и разрешили политическую деятельность. Но теперь понятие мятежа было расширено и включало в себя любой вызов господству малайцев и идеологии «Рукунегара».

Разак был, в основном, озабочен тем, как вернуть страну в нормальное русло, залечить раны, нанесенные расовыми беспорядками. Это, а также провозглашение его «Новой экономической политики», дало нам возможность жить относительно спокойно. Тем не менее, время от времени в отношениях между нами возникали как серьезные, так и незначительные проблемы. В 1971 году в Сингапуре проводилась кампания по борьбе с длинными волосами, поскольку мы не хотели, чтобы наши молодые люди подражали внешнему виду хиппи. Мужчины с длинными волосами принимались во всех правительственных учреждениях и во всех пунктах въезда в страну: в аэропорту, порту и на Каузвэй, – в последнюю очередь. Три молодых человека, два малайца и китаец, были задержаны на стоянке на Очард Роуд и допрошены по подозрению в принадлежности к подпольной организации. Они находились в заключении 16 часов, тюремный парикмахер остриг их длинные волосы, и их выпустили. Они оказались гражданами Малайзии. «Утусан мелаю» преподнесла эту историю так, что разыгралась маленькая буря. Правительство извинилось за этот инцидент. Тем временем назревали серьезные разногласия относительно нашего порта и раздела активов нашей совместной авиакомпании и нашего общего Валютного комитета.

Вскоре после нашего отделения от Малайзии поступили сообщения о том, что Тан Сью Син якобы угрожал приступить к развитию малазийских портов Порт-Суэттенем (Swettenham) (позже переименованного в порт Келанг (Kelang)) и Пинанг, чтобы получить возможность торговать в обход Сингапура. Он заявлял, что тот факт, что 40 % оборота внешней торговли Малайзии проходило через Сингапур, являлся «пережитком колониального прошлого». Вслед за этим Малайзия предприняла ряд шагов, чтобы уменьшить экспорт и импорт товаров через Сингапур. В августе 1972 года Малайская коммерческая палата Джохора (The Johor Malay Chamber of Commerce) призвала федеральное правительство прекратить железнодорожное сообщение с Сингапуром, как только порт Пасир-Гуданг (Pasir Gudang), находившийся недалеко от Джохор-Бару (Johor Bahru), будет готов. В октябре 1972 года правительство Малайзии объявило, что с 1973 года все товары, перевозимые из одной части Малайзии в другую, должны были отгружаться только через малазийские порты, чтобы избежать уплаты импортных пошлин по прибытию к месту назначения. Если же эти товары отправлялись через порт Сингапур, то на них следовало уплачивать пошлину. Они также запретили экспорт древесины в Сингапур, нанеся значительный ущерб нашим лесопилкам и фанерным фабрикам. Правда, после некоторого перерыва, мы смогли наладить поставки древесины из Индонезии.

Тогдашний министр финансов Сингапура Хон Сун Сей, – наиболее терпеливый и благоразумный из всех моих коллег, писал мне: «Отношение Малайзии к экономическому сотрудничеству с нами представляет собой смесь зависти и презрения. Они верят, что Сингапур не сможет выжить без Малайзии, и что наше процветание полностью зависит от них. Тем не менее, их раздражает тот факт, что, несмотря на наши размеры и уязвимость, наши успехи превзошли их ожидания».

В конце 60-ых годов мы обнаружили, что Малайзия сформировала комитет «С» («S» committee) для координации своей политики по отношению к Сингапуру. Его председателем

был глава государственной службы Малайзии, а членами – генеральные секретари министерства обороны, МИД и министерства внутренних дел. Мы также узнали, что время от времени они включали в состав комитета бывших прокоммунистически настроенных членов ПНД, включая Сандру Вудхалл (Sandra Woodhull) и Джеймса Пусучири (James Puthuchery), чтобы они помогли разобраться в логике наших действий. Когда мы впервые услышали о комитете «С», нам послышался в его названии зловещий подтекст, но понять их политику нам было легко: они хотели душить экономическое развитие Сингапура, где только и когда их экономика давала такую возможность. Через много лет, когда премьер-министром Малайзии стал Хусейн Онн (Hussein Onn), и наши отношения стали менее напряженными, я предложил образовать межправительственный комитет для решения двухсторонних проблем. 13 мая 1980 года министр иностранных дел Малайзии Тенгку Ритаудин (Tengku Rithaudin) на встрече в Шри Темасек сказал мне, что у них уже был комитет «С» для изучения проблем в отношениях с Сингапуром. К октябрю 1986 года комитет «С» расширил сферу своей деятельности, которая теперь включала вопросы двусторонних отношений с Индонезией, Таиландом и Брунеем. Он был переименован в Комитет по международным отношениям (КМО – Foreign Relations Committee). После этого представители Малайзии стали открыто говорить с нашими официальными лицами о КМО и его роли в развитии двухсторонних отношений. Шпионская окраска комитета «С» исчезла.

Единственным министром правительства Малайзии, который не имел предубеждений против Сингапура, был заместитель премьер-министра доктор Тун Исмаил (Dr. Tun Ismail). Когда в апреле 1971 года он посетил Сингапур, чтобы познакомиться с осуществлением нашей жилищной программы, у нас состоялась хорошая беседа. Он хотел развивать сотрудничество с Сингапуром и высказывался в прессе в том плане, что различия во мнениях не должны были этому препятствовать. В 1971 году, по его инициативе, наше государственное торговое агентство «Интрако» (Intraco) подписало соглашение о сотрудничестве в торговле с третьими странами с соответствующим агентством «Пернас» (Pernas) в Малайзии. Это не слишком способствовало развитию торговли, – одинокий голос доктора Исмаила не мог перевесить голосов других лидеров ОМНО.

В марте 1972 года, чтобы ознаменовать улучшение двухсторонних отношений, вместе с Суй Сеном я совершил первый официальный визит в Малайзию. В ходе переговоров мы уладили проблему распределения избыточных фондов Валютного комитета и его остаточных активов. Мы вели переговоры в деловой манере, хотя с Разакom это было сложно, – он снова и снова менял свою точку зрения, начиная обсуждать вопросы, по которым уже были достигнуты договоренности.

Разак нанес ответный визит в Сингапур в 1973 году. Он хотел прекратить «взаимозаменяемость» наших валют. Я согласился. В 1973 году Малазийско-сингапурская фондовая биржа (Malaysia-Singapore Stock Exchange) была разделена, были образованы Фондовая биржа Сингапура и Фондовая биржа Куала-Лумпура (Kuala Lumpur Stock Exchange). Сингапурские и малазийские ценные бумаги продолжали котироваться на обеих биржах. Разак был доволен тогдашним состоянием отношений между странами: они были не настолько близкими, чтобы вызвать недовольство им со стороны поддерживавших его малайцев, и не настолько плохими, чтобы вызвать недовольство поддерживавших его китайцев. Разак сказал, что неопределенность ситуации в Таиланде и Индокитае грозила неприятностями Сингапуру и Малайзии, а потому нам не стоило усугублять свои трудности, создавая дополнительные проблемы в отношениях между нами. Я согласился. Он был обеспокоен поддержкой своего правительства китайским населением Малайзии и недостаточной поддержкой со стороны АКМ на предстоящих выборах и спросил меня, не мог ли я ему помочь. Я не ответил. В тот период цены на сырьевые товары выросли, что прибавило ему уверенности в себе и уменьшило чувство недовольства по поводу куда более значительных успехов Сингапура.

Разак пригласил меня нанести ответный визит. Отношения между нами были равными, мы спокойно сотрудничали, серьезных разногласий было немного. Так продолжалось на протяжении следующих трех лет, затем я узнал, что у Разака была лейкемия. Он часто летал в Лондон на лечение. По публиковавшимся в газетах фотографиям и по телевизионным трансляциям было заметно, как месяц за месяцем он становился все тоньше и тоньше. Когда в

январе 1976 года он умер, я воздал ему последние почести, посетив его дом в Куала-Лумпуре.

После Разака премьер-министром Малайзии стал Хусейн Онн. В 1968 году, когда премьер-министр Разак привел его в политику, он был адвокатом. Они были зятями, женатыми на двух родных сестрах. Внешность Хусейна не была типичной для малайца. У него была бабушка – турчанка, он обладал громким голосом, а его кожа была слишком светлой для малайца. Он носил очки, имел курчавые волосы, был выше и плотнее, чем Разак. В своей деятельности он был очень осторожен. Во время официальных встреч он всегда имел при себе заранее подготовленные документы, от которых он никогда не отклонялся. Наиболее важные абзацы в документах были выделены цветным карандашом, – он не надеялся только на свою память. Хусейн был прямым и открытым и, когда имел дело со мной, в отличие от Разака, сразу переходил к сути дела. Мне он нравился. Он был одного возраста со мной. Его отец Дато Онн бин Джафар (Dato Onn bin Jaafar) был премьер-министром штата Джохор и первым лидером ОМНО, которая была сформирована вскоре после того, как в 1945 году англичане вернулись и провозгласили Малайский Союз (Malayan Union).

Хусейн решил придать нашим отношениям новый импульс. Через несколько недель после похорон Разака он посетил Сингапур, сказав, что хотел бы наладить хорошие личные отношения, чтобы иметь возможность обсуждать и преодолевать проблемы в двухсторонних отношениях. У нас состоялась встреча один на один. Я высказал ему свои опасения по поводу влияния малайских коммунистов, их проникновения в средства массовой информации, в руководство профсоюзов и в организации радикально настроенных малайских студентов. Мы свободно и откровенно говорили о проникновении малайских коммунистов в средства массовой информации, включая деятельность Самада Исмаила, члена КПМ со времени его пребывания в Сингапуре в 50-ых годах, и его группы. Когда Разак был премьер-министром, Самаду удалось вступить в ОМНО и стать влиятельной фигурой в газетах «Нью Стрэйтс таймс» (New Straits Times) и «Берита Хариан» (Berita Harian), создав там группу своих сторонников. Хусейн согласился, что это представляло собой угрозу, но добавил, что нельзя было арестовывать коммунистов и радикально настроенных студентов, без того чтобы вызвать недовольство его малайских сторонников. Позже, в июне 1976 года, сотрудники ДВБ арестовали Хусейна Джахидина (Husein Jahidin), редактора газеты «Берита Хариан», одного из учеников Самада в Сингапуре. Он признал, что Самад и несколько других малайских коммунистов в Куала-Лумпуре являлись сторонниками коммунистов. Спецслужбы Малайзии (Malaysian Special Branch) арестовали Самада и его группу в Куала-Лумпуре. Хусейн Онн имел мужество бороться с прокоммунистически настроенной малайской интеллигенцией, хотя это, вероятно, несколько подрывало его поддержку со стороны избирателей.

У Хусейна были приятные воспоминания о Сингапуре. В 1933–1934 годах он учился в английской школе Телок Курау (Telok Kurau English School). В тот же период там учился и я. Вначале он был несколько застенчив и был счастлив, что я относился к нему с уважением, – на меня произвели хорошее впечатление его честность и добрые намерения. Я принял его приглашение посетить Малайзию в декабре 1976 года, когда он проинформировал меня о проблемах внутренней безопасности Малайзии и проблемах, возникших на границе с Таиландом. Мы также обсудили вопросы экономического сотрудничества.

Наши отношения с ним начинались хорошо, но, к сожалению, на него оказывали влияние анти-сингапурские настроения лидеров ОМНО Джохора, в особенности, старшего министра (menteri besar) Османа Саата (Othman Saat), наиболее влиятельного лидера ОМНО в родном штате Хусейна. Осман буквально вливал в Хусейна свою подсознательную неприязнь к Сингапуру, а тот потом повторял мне все жалобы Османа: Сингапур якобы был причиной недостатка рабочих на их фабриках, потому что рабочие уехали в Сингапур, где платили больше; владельцы магазинов в Джохор-Бару страдали от конкуренции с магазинами в Вудлэндс Нью Таун (Woodlands New Town) на нашей стороне Каузвэя. (В 1990 году, когда курс сингапурского доллара превысил два ринггита, они стали жаловаться, что сингапурцы наводнили их магазины, в результате чего повысились цены на товары для местных жителей).

Наиболее абсурдным из обвинений старшего министра, которое повторил Хусейн, было обвинение в том, что свиной навоз с наших ферм загрязнял пролив между Джохором и Сингапуром. Наконец, он жаловался, что наши работы по отвоевыванию побережья у моря

(land reclamation) на северном берегу пролива привели к затоплению южных прибрежных деревень в районе Тебрау (Tebrau). Я детально объяснил ему, что эти работы на северном берегу пролива не могли привести к наводнениям в Джохоре, это было просто невозможно с гидрологической точки зрения. Что касалось загрязнения пролива свиным навозом, то Сингапур был здесь ни при чем, так как все наши стоки были отведены в реки, которые были запружены, чтобы создать резервуары с водой, которую, благодаря строгим мерам по борьбе с загрязнением воды, мы использовали для питья. Он согласился с моими объяснениями.

Несмотря на дружественные отношения с Хусейном, Малайзия продолжала предпринимать действия, которые, по ее мнению, могли замедлить рост нашей экономики. Сначала правительство штата Джохор запретило экспорт в Сингапур песка и торфа, затем федеральное правительство распорядилось, что, начиная с 1977 года, весь экспорт из штата Джохор в Восточную Малайзию должен был проходить через порт Пасир-Гуданг, а не через Сингапур. Начиная с 1980 года, все перевозки внутренних грузов между малайзийскими портами должны были осуществляться только их собственными судами. Они продолжали проводить эту политику, невзирая даже на то, что это вело к дополнительным издержкам для них самих. Лидеры штата Джохор убедили Хусейна, что Сингапур вредил экономическому развитию Джохора. В январе 1979 года они даже убедили Хусейна сказать в интервью прессе, что он рассматривал вопрос о том, чтобы сделать конечной станцией железной дороги Джохор, а не Сингапур, чтобы развивать порт Пасир-Гуданг.

В декабре 1976 года, после проведения всеобщих выборов в Сингапуре, произошел инцидент, который добавил горечи в отношения между нами. Сотрудники ДВБ обнаружили, что генеральный секретарь Народного фронта (People's Front) и кандидат от оппозиции Леонг Мун Квай (Leong Mun Kwai) во время предвыборной кампании выступал с дискредитирующими меня заявлениями, потому что ему платили за это спецслужбы Малайзии. Мы вынудили его признать это в выступлении по телевидению. Он был обвинен в распространении преступной клеветы и приговорен к 18 месяцам тюремного заключения. Леонг показал сотрудникам ДВБ, что лидер ОМНО Сену Абдул Рахман (Senu Abdul Rahman), бывший министр культуры, молодежи и спорта Малайзии, лично просил его попытаться запятнать мою репутацию.

Что касалось развития экономического сотрудничества, то я заявил, что Сингапур переходил от развития производств с простой технологией к производству все более высокотехнологичных изделий, требовавших большего количества оборудования. Мы также развивали сферу услуг: ремонт самолетов, сферу компьютерных услуг и т. д. Мы были бы довольны, если бы наши фабрики, для которых в Сингапуре не хватало рабочей силы, переместились в Джохор. Блокировать развитие порта Пасир-Гуданг также было не в наших интересах.

Несмотря на то, что лидеры ОМНО из штата Джохор внушали Хусейну подозрения по отношению к Сингапуру, я считал его справедливым человеком. Он хотел делать то, что считал правильным для своей страны и для тех, с кем ему приходилось иметь дело. Хусейн не был так же быстр, как Разак, но он был осторожен, тщательно относился к мелочам и никогда не изменял принятого решения. Он тщательно взвешивал свои слова.

В 1981 году Хусейн полетел в Лондон для проведения медицинского обследования. У него обнаружили болезнь сердца, и вскоре он подал в отставку. Он вернулся к адвокатской деятельности и умер 1990 году. Я уважал его как честного человека. Занимая высшую позицию в аппарате ОМНО, — организации, в которой деньги играли такую важную роль, Хусейн оставался абсолютно честным человеком. Он пробовал бороться с коррупцией, особенно в штатах. В ноябре 1975 года он распорядился начать судебное преследование против старшего министра штата Селангор Датук Харун Идриса. Харун был обвинен и приговорен к четырем годам тюремного заключения. Но Хусейн не смог расширить масштабы своей чистки из-за сопротивления лидеров ОМНО в других штатах.

В мае 1965 года, выступая в парламенте в Куала-Лумпуре, доктор Махатхир Мохамад, член парламента от округа Кота Стар Селатан (Kota Star Selatan) в штате Кедах, предупредил меня о возможных последствиях моих попыток бросить вызов правлению малайцев. Он осудил ПНД как прокитайскую, прокоммунистическую и открыто антималайскую партию. «В

некоторых полицейских участках китайский язык является официальным языком, и заявления принимаются на китайском языке... В промышленности политика ПНД сводится к тому, чтобы поощрять малайцев становится только рабочими, а возможностей для инвестирования у малайцев нет... Конечно, необходимо подчеркнуть, что есть два типа китайцев. Одни, понимающие необходимость того, чтобы люди всех национальностей имели равный уровень благосостояния, – это те китайцы, которые поддерживают АКМ. Они встречаются среди китайцев, которые поколениями жили вместе с малайцами и другими коренными народами. Другие же принадлежат к замкнутому, эгоистичному и высокомерному типу китайцев, хорошим образчиком которого является мистер Ли Куан Ю. Последние живут в чисто китайской среде, в которой малайцы присутствуют только в качестве прислуги. Они никогда не знали, что такое малайское правительство и не могут смириться с мыслью о том, что люди, которых они так долго держали под своей пятой, теперь управляют ими».

В тот период, когда представители ОМНО требовали моего ареста и заключения, сжигали на митингах мои изображения, эти слова звучали зловеще. Я нанес ответный удар, добившись принятия Конституции Малайзии, в которой было закреплено положение о власти жителей Малайзии, а не малайцев. Это был далеко не безобидный обмен ударами в обычных парламентских дебатах, – Махатхир подразумевал, что в Малайзии мне следовало знать свое место.

В своей автобиографии, выпущенной издательством «Нихон Кейзай Симбун» (Nihon Keizai Simbun) в 1975 году, Махатхир упомянул, что его «предки по линии отца, вероятно, являлись выходцами из индийского штата Керала (Kerala State)». Его мать была малайкой, уроженкой штата Кедах. Но он считал себя стопроцентным малайцем и был решительно настроен бороться за права малайцев.

Когда Хусейн Онн назначил его заместителем премьер-министра и министром образования, я решил протянуть руку дружбы для развития сотрудничества в будущем, независимо от глубоких разногласий между нами в прошлом. В 1978 году я передал Махатхиру через Деван Наира, который хорошо знал его со времен работы в парламенте Малайзии, приглашение посетить Сингапур. Я полагал, что Махатхир сменит Хусейна на посту премьер-министра и хотел оставить старые разногласия между нами в прошлом. Я знал, что он – упорный и жесткий борец. Я видел, как он боролся с Тунку, когда Тунку был в зените своего могущества. Махатхира исключили из ОМНО, но это не удержало его от продолжения борьбы. Я был не прочь бороться с ним, когда мы были в составе Малайзии, но вражда между двумя суверенными государствами была бы чем-то совсем иным. Я инициировал этот диалог, чтобы расчистить завалы прошлого.

Он принял мое приглашение и несколько раз посетил Сингапур. Долгие и откровенные обмены мнениями, по несколько часов каждый, должны были очистить атмосферу подозрительности по отношению друг к другу.

Он прямо спросил меня, зачем мы создавали вооруженные силы Сингапура (ВСС). Я с той же прямотой ответил, что мы опасались таких случайных безумных действий со стороны Малайзии как прекращение подачи воды в Сингапур, о чем они публично заявляли всякий раз, когда в отношениях возникала напряженность. Мы не хотели отделения от Малайзии, – нас на это толкнули. Соглашение об отделении от Малайзии (Separation Agreement), содержало условия нашего выхода из федерации, этот договор был представлен в ООН. В этом соглашении правительство Малайзии гарантировало нам подачу воды. Если бы это условие было нарушено, мы бы обратились в Совет Безопасности ООН. Тем не менее, если бы недостаток воды стал угрожающим, тогда, в чрезвычайных обстоятельствах, нам пришлось бы прибегнуть к вторжению, с применением военной силы, чтобы отремонтировать разрушенные трубы и оборудование и восстановить подачу воды. Я выложил свои карты. Он отрицал, что что-либо подобное могло произойти. Я ответил, что не верю, чтобы он стал делать что-либо подобное, но, в то же время, мы должны были быть готовы к любым непредвиденным обстоятельствам.

Махатхир откровенно говорил о своем глубоком чувстве неприязни к Сингапуру. Он вспоминал, как будучи студентом-медиком, в Сингапуре, он попросил таксиста – китайца довезти его до дома своей знакомой, и тот подвез его к половине дома, в которой проживала

прислуга. Это было оскорблением, которого он не забыл. Китайцы в Сингапуре смотрели на малайцев сверху вниз.

Он хотел, чтобы я прервал связи с китайскими лидерами в Малайзии, особенно с лидерами ПДД. В свою очередь, он ручался не входить в сношения с малайцами, жившими в Сингапуре. Я сказал, что мы хотели «жить и давать жить другим», пообещал не поддерживать контактов с ПДД на высоком уровне. Он ясно заявил о своем признании независимости Сингапура и об отсутствии намерений подрывать ее. Я ответил, что на этой основе мы сможем строить доверительные отношения. Если бы мы считали, что они хотели вернуть Сингапур в состав Малайзии, то мы не доверяли бы им, усматривая в каждом их неоднозначном действии зловещие намерения.

Он отличался от своих предшественников. Тунку, Разак и Хусейн Онн были выходцами из аристократии или семей традиционной правящей элиты, близкой к султанам. Как и я, Махатхир был «простым смертным», получившим медицинское образование. Он пришел в политику и добился в ней всего самостоятельно. Я полагал, что он будет удовлетворен тем, что я не собирался перехитрить его, и хотел развития нормальных деловых отношений. Начатый диалог позволил нам развивать такого рода отношения. Если бы мы продолжали тянуть за собой в будущее старые противоречия, то от этого страдали бы обе страны.

В декабре 1981 года Махатхир посетил Сингапур в качестве премьер-министра. Он перевел время на полчаса вперед в той части Малайзии, которая лежала на полуострове, так что Западная и Восточная Малайзия стали находиться в пределах одного часового пояса. Я сказал, что Сингапур сделает то же самое, чтобы всем было удобно. Это ему понравилось. Он объяснил мне, что ему пришлось убеждать официальных лиц Малайзии сменить их отрицательное отношение к полетам авиакомпании «Сингапур эйрлайнз» в Пинанг. В результате этого отели в Пинанге были заполнены, а обе авиалинии работали с полной загрузкой, получая выгоду от сотрудничества. Он сказал своим министрам и чиновникам, что им следовало учиться у Сингапура. Ни один премьер-министр или министр Малайзии до него никогда публично не сказал, что малайцы должны были чему-либо учиться у Сингапура, Махатхир же подобных предубеждений не имел. Непредубежденное стремление учиться у кого угодно, если он хотел повторить чей-то успех в Малайзии, выгодно отличало его от предшественников.

Во время нашей встречи один на один он сказал, что жители Джохора завидовали жителям Сингапура. Он посоветовал мне уменьшить это чувство зависти путем расширения контактов на официальном уровне. Я ответил, что министр иностранных дел Малайзии Висма Путра (Wisma Putra) был против такого братания. Он сказал, что он передаст ему, что это предложение исходило от него самого. Это представляло собой значительное изменение в политике. Махатхир сухо заметил, что малайцы в Малайзии были недовольны Сингапуром, считая его преуспевающим китайским городом, точно так же, как они были недовольны китайцами в малайских городах. Он заверил, что правительство в Куала-Лумпуре понимало эту проблему.

Я выразил надежду, что нам удастся установить разумные и стабильные отношения, так что наши проблемы не будут разрастаться до немыслимых размеров. Он стремился к развитию открытых и откровенных отношений, основанных на справедливости и равноправии сторон. Махатхир приказал отменить запрет на экспорт строительных материалов в Сингапур. Об этом не сообщалось официально, но он сказал властям Джохора, что это был вопрос федерального значения, в который они не могли вмешиваться.

После этого мы присоединились к нашим министрам и официальным лицам. По вопросу малайских претензий на маленький каменистый остров Педра Бранка (Pedra Branca), на котором был сооружен маяк, (остров принадлежал Сингапуру на протяжении более 100 лет) – Махатхир сказал, что обе стороны могли бы сесть за стол переговоров, обменяться документами и разрешить проблему. Я согласился. Он также хотел провести границу в проливе Джохор по тальвег линии (линии наибольшей глубины между двумя берегами) и не изменять ее в случае изменения береговой линии. Я согласился и на это. Я потребовал вернуть Сингапуру военный лагерь, который занимали их войска, и попросил продать Сингапуру участок земли на станции Танджонг-Пагар (Tanjong Pagar Station), принадлежавший «Малайан рэйлвэй» (Malayan Railway), для удлинения скоростной железной дороги. Он дал свое согласие. После

ужина он с удовлетворением сказал: «Почти все двусторонние проблемы были решены». Я ответил: «Давайте продолжать в том же духе». Это была хорошая первая встреча, нам удалось установить хорошие отношения.

Вскоре после этого наш посол в Куала-Лумпуре сообщил о заметном улучшении отношения к Сингапуру среди членов парламента, государственных служащих и министров Малайзии. Они хотели учиться у Сингапура и не скрывали этого. Они хвалили аэропорт Чанги и надеялись, что аэропорт Субанг (Subang) хотя бы наполовину приблизится к этому уровню. Участились визиты делегаций в Сингапур для изучения проблем производительности, городского планирования и других вопросов.

В следующем, 1982 году, я встретился с Махатхиром в Куала-Лумпуре. Во время двухчасовой встречи один на один мы перешли от простого разрешения двухсторонних проблем к обсуждению развития сотрудничества в новых сферах. Махатхир сказал, что Оборонительное соглашение пяти держав и Совместная система противовоздушной обороны должны были уравновесить советские базы во Вьетнаме. Я сказал ему, что мы приобрели четыре американских разведывательных самолета (E2C Hawkeye) для системы раннего предупреждения о любой воздушной атаке на Сингапур. Мы вместе сообщили нашим министрам и официальным лицам о вопросах, по которым нам удалось достичь согласия, включая подтверждение со стороны Малайзии Соглашения о поставках воды (Water Agreement), заключенного в 1962 году, согласно которому она должна была поставлять в Сингапур 250 миллионов галлонов (946,000 кубометров) воды в день.

Эта встреча была определенно теплее предыдущей. Подход Махатхира к отношениям с Сингапуром стал прагматичнее. На пресс-конференции я сказал, что это была встреча людей, чьи головы работали на одной и той же волне. Улучшившиеся отношения между руководителями способствовали установлению более теплых личных отношений между офицерами наших вооруженных сил, которые прежде практически не взаимодействовали друг с другом.

Оттепель длилась недолго. Антипатия и зависть к Сингапуру всегда подталкивала малайских лидеров к поиску популярности у широких масс малайцев путем выступлений против Сингапура. Хуже того, правительство Малайзии вновь стало принимать меры, которые наносили ущерб Сингапуру. В январе 1984 года был введен сбор в размере 100 малайзийских ринггитов на каждый грузовой автомобиль, пересекавший границу Малайзии и Сингапура.

Два месяца спустя я спросил заместителя премьер-министра Малайзии Мусу Хитама (Musa Hitam), находившегося в Сингапуре, зачем они приняли меры, которые препятствовали бы перемещению промышленных предприятий японских и американских МНК из Сингапура в Малайзию. Эти МНК основали в Джохоре сборочные предприятия по производству электронных компонентов, которые затем транспортировались в Сингапур для осуществления более сложных технологических операций. Введение сбора в размере 100 ринггитов было сигналом к тому, что подобное перемещение предприятий не приветствовалось. Муса ответил, что это были издержки процесса обучения государственных служащих. Он полагал, что кто-то предложил простой путь увеличения поступлений в казну, но позднее будут осознаны и более долгосрочные последствия такого шага. Увы, Муса не имел никакого влияния на политику Махатхира. Вместо отмены сбора, они увеличили его до 200 малайзийских ринггитов, чтобы препятствовать использованию сингапурского порта.

В октябре того же года Малайзия уменьшила импортные пошлины на различные пищевые продукты, в основном произведенные в Китае, при условии, что они импортировались в Малайзию из страны происхождения напрямую. Мы сказали министру финансов Малайзии, Даиму Зайнуддину (Daim Zainuddin), что это нарушало правила Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ – General Agreement on Tariffs and Trade), и что мы сообщим об этом нарушении в эту организацию. Он внес изменения в их инструкцию и освободил от пошлины товары, импортированные морским и воздушным, но не наземным путем, например, через Каузвэй. Было ясно, что эта мера была направлена против Сингапура.

В 1986 году наше министерство иностранных дел объявило, что в ноябре того же года, по приглашению нашего президента, в Сингапур должен был прибыть с государственным визитом президент Израиля Хаим Герцог (Chaim Herzog). Это вызвало протесты в Малайзии,

демонстрации и пикеты у здания нашего посольства в Куала-Лумпуре, в штатах Малайзии и на Каузвэе. Малайзия выступила с официальным протестом. Даим, который был близок к Махатхиру, сказал нашему послу, что этот визит был оскорблением по отношению к Малайзии и к мусульманам. Он сказал, что, хотя Махатхир и заявил в парламенте, что Малайзия не станет вмешиваться во внутренние дела другого государства, в личном плане он был очень недоволен этим. Я попросил нашего посла объяснить, что, поскольку мы уже объявили о визите, мы не могли отменить его без того, чтобы нанести ущерб самим себе. Махатхир отозвал посла Малайзии в Сингапуре на все время визита президента Герцога, заявив, что отношения с Сингапуром больше не являлись хорошими, хотя связи между государствами и оставались нормальными.

Время от времени, малазийцы хотели настоять на своем, даже если речь шла о внутренних делах Сингапура, – тогда отношения с Малайзией становились напряженными. Они хотели установления отношений, называемых в малайском языке отношениями между «старшим и младшим братом» (*abang-adik*), подразумевая, что младший брат должен всегда любезно уступать старшему. Когда дело касалось второстепенных вопросов, мы были готовы в шутку играть роль «младшего брата», но не тогда, когда «младшему брату» приходилось защищать свои законные интересы, как это произошло в случае с малайцами в вооруженных силах Сингапура. В феврале 1987 года мой сын Лунг, тогдашний министр торговли и промышленности и заместитель министра обороны, на встрече с избирателями отвечал на вопрос о малайцах в ВСС. Малайцы Сингапура спрашивали членов парламента, почему в таких ключевых подразделениях ВСС как военно-воздушные силы и бронетанковые части не было военнослужащих малайского происхождения. Правительство решило открыто обсудить этот вопрос. Лунг сказал, что, в случае конфликта, ВСС не хотели ставить солдат в трудное положение, когда их преданность нации могла бы вступить в конфликт с эмоциями и религиозными убеждениями. Мы не хотели, чтобы какой-нибудь солдат почувствовал, что он сражается не за правое дело или, еще хуже, что он сражается не на той стороне. Со временем, по мере развития нашего национального самосознания, эта проблема стала бы не такой острой. Средства массовой информации Малайзии расценили это заявление как намек на то, что Малайзия являлась врагом Сингапура. Последовал бесконечный поток критических статей.

Министр иностранных дел Малайзии Раис Ятим (*Rais Yatim*) поднял этот вопрос на встрече с нашим министром иностранных дел. Он сказал, что Малайзия была в этом отношении «теплицей», потому что китайцы были представлены в вооруженных силах и высших эшелонах государственной власти Малайзии в весьма незначительной степени. Он добавил, что АКМ это ясно понимала и принимала, ибо внутренняя политика в Малайзии основывалась на доминировании малайцев. Следовательно, Малайзия не могла критиковать Сингапур по этому вопросу. В то же время, публичное обсуждение этих проблем создавало давление на лидеров ОМНО внутри страны, вынуждая их отвечать, потому что для малайцев Малайзии было сложно отделить себя от малайцев Сингапура. В свою очередь, мы никогда не критиковали их политику создания вооруженных сил, доминируемых малайцами.

Позднее, в октябре 1987 года, я встретил Махатхира на встрече глав государств Британского содружества наций в Ванкувере. Он сказал мне, что сотрудничество с Сингапуром во всех сферах пошло по неправильному пути, не так, как он рассчитывал. По его словам, все началось с визита израильского президента Герцога, затем возникла проблема малайцев в ВСС. В апреле 1987 года два патрульных катера с четырьмя военнослужащими ВСС по ошибке вошли на 20 минут в небольшой ручей Сунгей мелаю (*Sungei Melayu*), находящийся в территориальных водах Малайзии прямо напротив Сингапура. Малайзия заявила устный протест, – они подозревали нас в шпионской деятельности. Я принес извинения за этот инцидент, но указал, что ни о какой шпионской деятельности не могло быть и речи, поскольку военнослужащие были одеты в форму. Махатхир сказал, что он не мог посетить Сингапур с визитом, ибо атмосфера в отношениях между двумя странами оказалась испорченной. Он также предложил, чтобы в составе военно-воздушных сил Сингапура появилось несколько пилотов-малайцев, чтобы продемонстрировать малайцам в Малайзии, что мы доверяли малайцам Сингапура и не рассматривали Малайзию в качестве своего врага. При этом он подчеркнул, что оба правительства должны были признать свои ошибки, ибо Малайзия также

постоянно отрицала дискриминацию по отношению к китайцам в вооруженных силах Малайзии. Поэтому Сингапуру также следовало выступить с публичным отрицанием дискриминации по отношению к малайцам в ВСС. Для поддержания хороших сингапуро-малазийских отношений он советовал нам вести себя таким образом, чтобы не возбуждать у малайцев Малайзии недовольство по поводу положения малайцев в Сингапуре.

Эта встреча, тем не менее, помогла восстановить некоторые личные контакты. Он также попросил меня о помощи в развитии туристского курорта Ланкави (Langkawi), острова у побережья штата Кедах (Kedah), предоставив взамен нашей авиакомпании «Сингапур эйрлайнз» право возить туда пассажиров. «Сингапур эйрлайнз» попыталась предложить трехдневный тур в Ланкави в Японии и Австралии, но без особого успеха. Я сказал ему, что Ланкави не мог конкурировать с Пинангом и островом Пхукет (Phuket) в Таиланде, расположенными неподалеку, потому что курорт не располагал необходимой инфраструктурой. Он попросил меня обсудить эту проблему с Даимом.

Даим Заинуддин являлся его близким помощником и старым другом, выходцем из его родного штата Кедах. Он быстро соображал, хорошо считал, был человеком решительным и преуспевал еще до того, как стал министром финансов. В качестве министра финансов Даим начал приватизацию государственных предприятий. Без его активного участия переход Малайзии к рыночной экономике не был бы таким широким и успешным. Даим был проницательным и искушенным бизнесменом, он держал свое слово.

Перед тем как я ушел в отставку с поста премьер-министра в 1990 году, я решил довести до конца решение некоторых проблем, чтобы не оставлять их тому, кто сменит меня на этом посту. Торговцы наркотиками, прибывавшие в Сингапур на поездах «Малайан рэйлвэй» из Джохор-Бару, выбрасывали пакеты с наркотиками из окон поездов своим сообщникам, ожидавшим в заранее условленных местах. Поэтому в 1989 году я сказал Махатхиру, что мы намереваемся перенести нашу таможню и пункт иммиграционного контроля со станции Танджонг-Пагар, на юге, к станции Вудлэндс на нашей стороне Каузвэй, чтобы производить проверку пассажиров непосредственно при въезде в страну. Я предполагал, что когда работы по переносу таможни будут завершены, пассажиры будут выходить из поезда в Вудлэндс, пересаживаться в наши автобусы, такси или поезда городской транспортной системы. Малайзия была бы недовольна таким шагом, ибо по закону земля, принадлежавшая железной дороге, в случае прекращения железнодорожного сообщения, должна была быть возвращена Сингапуру. Поэтому я предложил Махатхиру участие в совместном проекте по перепрофилированию использования участков земли, ранее принадлежавших железной дороге. Махатхир поручил Даиму Заинуддину договориться со мной об условиях участия Малайзии в проекте. После нескольких месяцев переговоров мы, наконец, договорились о совместном использовании трех основных участков земли в Танджонг-Пагаре, Кранджи (Kranji) и Вудлэндс. Доля Малайзии в проекте составляла бы 60 %, Сингапура – 40 %. Протокол о намерениях был подписан 27 ноября 1990 года – за день до моего ухода в отставку. Как оказалось, я не преуспел в том, чтобы передать свой пост Го Чок Тонгу без застарелых проблем. Через три года после подписания соглашения Даим написал мне, что Махатхир считал, что соглашение было несправедливым, поскольку оно не включало в себя участок земли, принадлежавший железной дороге в Букит-Тимахе. Я ответил ему, что соглашение было справедливым, потому что доля Малайзии в проекте по освоению трех участков земли составляла 60 %, а не 50 %. Это была сделка, заключенная между мною и им, и премьер-министру Го Чок Тонгу было бы сложно вновь возвращаться к этому вопросу.

И до того, как мы вошли в состав Малайзии, и во время нашего пребывания в составе федерации, и после нашего отделения, – малазийцы всегда предпринимали шаг за шагом, чтобы ограничить доступ Сингапура к своей экономике. Они вводили налоги, принимали законы и правила, которые уменьшали либо вообще запрещали использование наших портов, аэропортов и других услуг, особенно финансовых. Они требовали от своих банков не обращаться за получением кредитов к иностранным банкам, расположенным в Сингапуре, а использовать те иностранные банки, которые имели филиалы либо в Куала-Лумпуре, либо в Лабуане (Labuan) – «налоговом рае», который они создали на острове у побережья штата Сабах. Так они заставляли Сингапур постоянно повышать свою конкурентоспособность.

Начиная с 1990 года, я воздерживался от официальных контактов с правительствами всех стран АСЕАН, включая Малайзию, чтобы не переходить дорогу премьер-министру Го Чок Тонгу. К сожалению, в январе 1997 года, во время судебного разбирательства по делу о клевете, я сказал под присягой, что Джохор-Бару был «печально известен перестрелками, грабежами и угонами автомобилей». Когда это заявление было публично обнародовано в Малайзии ответчиком, сбежавшим в Джохор, оно произвело там фурор.

Рассерженное правительство Малайзии потребовало опровержения и извинений. Я извинился. Это их не удовлетворило, и они потребовали, чтобы мое заявление было изъято из документов суда. Я не видел никакого резона отказать им в этом, — я сам проявил неосторожность и был наказан за это. Я подписал заявление, в котором снова повторил свои извинения и заявил, что я дал указания своему адвокату «изъять все оскорбительные выражения из судебного отчета». Члены правительства Малайзии собрались на заседание и огласили, что принимают мои извинения. Тем не менее, мы заметили, что они прекратили все двухсторонние контакты и фактически заморозили все связи между странами. Махатхир также заявил, что Сингапур всегда создавал трудности в отношениях и привел, в качестве примера, разногласия по поводу земли, принадлежавшей железной дороге. Шквал протестов и обвинений продолжался на протяжении нескольких месяцев и, как и в прошлом, достиг своего апогея в угрозах прекратить поставки воды в Сингапур.

Начиная с 1992 года, наши таможенные и иммиграционные власти проводили консультации и переговоры с «Малайан рэйлвэй», иммиграционными и таможенными службами Малайзии о перемещении железнодорожной линии, с тем, чтобы она проходила через наш таможенный, пограничный и карантинный пост в Вудлэндс. В апреле 1992 года премьер-министр Махатхир подтвердил в своем письме премьер-министру Го Чок Тонгу: «Фактически, мы считаем, что для обеих стран было бы более удобно, если бы у нас был совместный контрольный пункт в Вудлэндс». Тем не менее, в 1997 году мы вновь получили от малазийцев заявление о том, что они хотели оставить контрольный пост в Танджонг-Пагаре.

В июле 1997 года Сингапур ответил, что малазийцы не могли больше оставаться в Танджонг-Пагаре, потому что это создавало серьезные проблемы для обеих стран. Фактически, пересекавшие границу пассажиры оформлялись пограничными властями как въехавшие на территорию Малайзии до того, как они покидали Сингапур. Кроме того, действия официальных лиц Малайзии, проверявших пассажиров на нашей территории в отсутствие официальных лиц Сингапура, которые давали бы им полномочия для совершения этих действий, не имели юридической силы.

В июле 1998 года, в ходе экстренных переговоров, официальные лица министерства иностранных дел Малайзии впервые заявили, что Малайзия имела юридическое право осуществления таможенного и иммиграционного контроля в Танджонг-Пагаре. Мы дали им три месяца на то, чтобы предоставить нам для рассмотрения свои юридические аргументы в письменной форме. Когда подошел срок, они попросили продлить его до декабря 1998 года.

Своими публичными комментариями, сделанными во время пребывания в Намибии, премьер-министр Махатхир не сделал ситуацию легче. Журналисты из Малайзии предъявили ему более ранние письма и документы, которые официальные лица Малайзии направляли в адрес официальных лиц Сингапура, соглашаясь, что пункт контроля Малайзии будет перемещен в Вудлэндс. Махатхир ответил, упомянув Протокол о намерениях: «По нашему мнению, для заключения международного соглашения недостаточно, чтобы оно было подписано только двумя официальными лицами. Такое соглашение должно быть одобрено главами правительств и ратифицировано правительствами и парламентом». (Так сообщалось в малайских газетах от 28 июля 1998 года). Это была довольно необычная трактовка закона. Махатхир также добавил, что Малайзия не станет переносить пункт контроля из Танджонг-Пагара в Вудлэндс, заявив что «это наша позиция, и мы с нее не сойдем». (После того как эта дискуссия стала публичной, министр иностранных дел Сингапура Джаякумар, выступая в парламенте в июле 1998 года, обнародовал обмен корреспонденцией, происходивший между двумя правительствами).

Более старые лидеры ОМНО еще не забыли ту интенсивную кампанию брани и запугивания, которую они устроили против меня в середине 1965 года. Тогда они нападали на

меня, выступая за «Малайзию для малайцев», сжигали мое чучело и требовали моего ареста. Это происходило в то самое время, когда они находились во главе армии и полиции. Я не мог позволить себе сдаться. Тогда они решили добиться отделения Сингапура от Малайзии. Нынешний шквал обвинений предназначался уже не для меня: мои младшие коллеги знали, что фейерверк предназначался для них. Тем не менее, они знали и то, что, если они поколеблются, то их политическая позиция изменится. Когда члены парламента начали задавать вопросы, премьер-министр Го Чок Тонг и министр иностранных дел Джаякумар изложили в парламенте факты, касавшиеся земли, принадлежавшей железной дороге, включая Протокол о намерениях и последовавшую за этим переписку между Даимом и мною. Го Чок Тонг заявил, что он говорил Махатхире о том, что этот Протокол являлся формальным договором, и он не мог изменить его условий. Тем не менее, в интересах развития более широкого сотрудничества между нашими странами, которое включало в себя долговременные поставки воды в Сингапур, он мог несколько изменить условия соглашения. В последовавших за этим серьезных дебатах представители молодого поколения парламентариев показали, что на них можно положиться. Лидеры общин также дали ясно понять, что на них не произвели хорошего впечатление методы, которые Малайзия использовала для установления хороших отношений с соседями и для увещевания Сингапура.

В то время как происходил этот обмен заявлениями, 16 сентября 1998 года, к моему 75-летию вышел первый том моих воспоминаний «Сингапурская история» (The Singapore Story). За две недели до выхода книги в свет сингапурские газеты напечатали выдержки из описания событий, которые привели к отделению Сингапура от Малайзии. Это рассердило лидеров Малайзии, средства массовой информации разразились лавиной громогласной критики и обвинили меня в том, что «я был бесчувственным», выбрав для публикации своих мемуаров момент, когда их страна испытывала экономические трудности. Я также якобы задел чувства детей главных участников событий 60-ых годов, в особенности Наджиба Абдул Разака (Najib Abdul Razak), сына Тун Разака, который был министром образования, и Саида Хамид Альбара (Syed Hamid Albar), сына Саида Джафар Альбара, который был министром обороны. Они отрицали, что моя версия событий была правдивой. На пресс-конференции я ответил, что я проверил и перепроверил факты, тщательно подбирал слова, и отвечаю за все написанное своей репутацией. 18 сентября, два дня спустя, министр обороны Малайзии запретил самолетам военно-воздушным силам Сингапура пролетать над их территорией, причем решение вступало в силу немедленно. Малазийцы решили затруднить нашим самолетам, взлетающим с аэродромов в Сингапуре, доступ к их тренировочным базам в Южно-Китайском море.

После нашего отделения от Малайзии 9 сентября 1965 года динамика сингапуро-малайских отношений фундаментально не изменилась. Малайзия настаивала на нашем выходе, потому что мы отстаивали идею «Малайзии для малазийцев», а они – «Малайзии для малайцев». Лидеры ОМНО не воспринимали идею мультирасового общества равноправных граждан в 1965 году, не смирились они с ней и в 1999 году. В мае того года малазийский оппозиционный лидер Лин Кит Слэнг (Lim Kit Slang) возродил концепцию «Малайзии для малазийцев». Махатхир остро прореагировал на это, сказав, что это являлось угрозой их (малайской) идентичности, ибо Малайзия исторически называлась «Танак мелаю» (Tanak Melayu – «земля малайцев»). Два месяца спустя («Стрэйтс таймс» от 30 июля 1999 года) он заявил, что, если бы Малайзия перешла к системе продвижения по заслугам (meritocracy), как того добивался Запад, то возглавляемый правительством процесс сокращения разрыва между расами сошел бы на нет. Махатхир сказал, что путем проведения «Новой экономической политики» правительство предоставило малайцам помощь в развитии бизнеса и в получении образования, и многие из малайцев, к примеру, уже занимали должности профессоров и проректоров университетов. «Если мы откажемся от этой политики, – добавил он, – то малайцы и коренные жители страны станут неквалифицированными рабочими и не будут в состоянии занять те высокие должности, которые они занимают сегодня. Многие местные жители тогда потеряют свою работу, их дети не будут иметь возможности поступить в университеты и стать профессорами и преподавателями». Он также жаловался на то, что студенты-малайцы не стремились к изучению точных наук, предпочитая изучение малайской культуры и религии.

Махатхир был настроен изменить экономическое равновесие между расами. К

сожалению, когда наступил финансовый кризис, многие малайские предприниматели оказались в тяжелом положении, потому что во время экономического подъема они наделали слишком много долгов на рынке недвижимости и ценных бумаг. Только у Махатхира хватило мужества сказать своим малайским согражданам («Стрэйтс таймс» от 6 августа, 1999 года): «В прошлом страна растратила множество ресурсов на подготовку неквалифицированных людей. Мы не принимали во внимание способности людей, которым мы предоставляли возможности в сфере бизнеса. Их опыт был недостаточен, из-за этого многие наши начинания потерпели неудачу, привели к убыткам. Несмотря на наличие потенциально выгодных проектов, они не оправдали вложенных в них инвестиций... Основной целью политики Национального экономического совета (National Economic Council Policy) и „Новой экономической политики“ было создание большого количества местных предпринимателей. Теперь мы стремимся к появлению местных предпринимателей мирового уровня».

В октябре 1999 года Махатхир призвал Объединенную Китайскую коммерческую и промышленную палату в Малайзии (Associated Chinese Chambers of Commerce and Industry in Malaysia) помочь местным предпринимателям восстановить их долю в национальном богатстве, потерянную в результате экономического кризиса, потому что многие компании, возглавляемые местными предпринимателями, были обременены долгами. «Местные бизнесмены понесли большие убытки, потому что они не обладали достаточным опытом и вынуждены были обслуживать огромные долги, что заставляло некоторых из них в отчаянии продавать свои компании китайским бизнесменам». («Стар» (Star) от 13 октября 1999 года). «Мы должны не только помочь этим бизнесменам, но также создать новый корпус местных предпринимателей, и поэтому мы обращаемся к Китайской торговой палате с просьбой о сотрудничестве». («Стрэйтс таймс» от 13 октября 1999 года). Президент Палаты Датук Лим Гуан Теик (Datuk Lim Guan Teik) ответил: «Я считаю, что для нас, граждан мультирасовой страны, является справедливым, что сильный должен помочь слабому». («Стрэйтс таймс» от 13 октября 1999 года).

В момент отделения Сингапура от Малайзии Тунку не ожидал, что мы будем преуспевать. Он пробовал использовать три различных рычага для того, чтобы подчинить Сингапур своей воле: военные, экономические и воду. Мы устояли против военного давления, создав ВСС. Мы устояли против экономического давления, наладив связи с индустриально развитыми странами мира через голову Малайзии и других стран региона. Что касается воды, то и тут у нас есть альтернативные источники: наши собственные резервуары обеспечивают 40 % нашего внутреннего потребления, а использование современной технологии опреснения воды и рециркуляции использованной воды позволяет нам справиться с проблемой своими силами.

Говорить о сингапуро-малазийских проблемах как об «историческом багаже» неверно. Если бы это был только «исторический багаж», тогда, после более чем 30 лет существования двух независимых государств, наши отношения должны были бы стабилизироваться. Основной же причиной постоянно возникающих проблем в сингапуро-малазийских отношениях является диаметрально противоположность наших подходов к решению проблем, с которыми сталкиваются наши мультирасовые государства.

Народ Сингапура решил строить мультирасовое общество равноправных граждан, где все люди пользовались бы равными возможностями, а вклад каждого человека в развитие общества признавался и вознаграждался по заслугам, независимо от расы, языка, культуры или религии. Несмотря на наши скудные природные ресурсы, мы добились немалых успехов, а наша политика принесла пользу всем нашим гражданам, включая малайцев. В Сингапуре есть растущий средний класс специалистов, руководителей и предпринимателей, включая малайцев, которые добились всего в жестокой конкуренции и гордятся тем, что то, чего они достигли, является их заслугой. Всякий раз, когда нашей авиакомпанией, аэропорту, контейнерному порту присуждают награды как лучшим в Азии или в мире, это напоминает всем гражданам Сингапура, что лучше жить в мультирасовом обществе, основанном на признании заслуг всех его членов, чем в обществе, которое доминировалось бы китайцами, но в котором отсутствовала бы солидарность граждан. Когда в 1965 году лидеры Малайзии настояли на том, чтобы мы вышли из состава федерации, они не рассчитывали на такой результат.

Когда политики из ОМНО используют кодированные фразы типа «особые отношения»,

или «исторические связи», или «быть бесчувственным», они дают понять, что Сингапuru следует не защищать свои законные права, а проявлять сговорчивость и уступчивость по отношению к Малайзии. Малайзийские министры китайского и индийского происхождения говорили нашим министрам, что мы были слишком заиклены на юриспруденции, не знали, как вести дела с лидерами ОМНО. Они утверждали, что если бы мы проявляли такт и верили словам малайских лидеров, то они были бы более отзывчивыми. При этом они упускают с виду, что мы несем ответственность перед избирателями очень разных стран. Жители Сингапура ожидают от своего правительства, что оно будет представлять их интересы в сообществе равных и независимых стран.

Поэтому подъемы и спады в отношениях между Малайзией и Сингапуром будут продолжаться. Гражданам Сингапура следует относиться к этим колебаниям хладнокровно, не испытывая эйфории, когда отношения улучшаются, и не впадая в депрессию, когда они ухудшаются. Нам нужны крепкие нервы, стойкость и терпение в отстаивании наших законных прав.

Малайзия пыталась произвести индустриализацию путем замещения импорта, но безуспешно. Они видели, как мы добились успеха путем привлечения инвестиций МНК. Даим поощрял Махатхира приватизировать неэффективные государственные предприятия и привлекать зарубежные инвестиции, он изменил политику и добился успеха. Махатхир хотел, чтобы Малайзия превзошла другие страны, он построил лучший аэропорт и контейнерный порт, создав более крупный финансовый центр и «мультимедийный суперкоридор» (Multi-Media Super Corridor). Именно поэтому он построил современные контейнерные причалы в порту Келанг и новый супер-аэропорт в 75 километрах (приблизительно 46 милях) к югу от Куала-Лумпура. Это заставило нас проанализировать собственную конкурентоспособность, улучшить нашу инфраструктуру и работать лучше, повышать производительность. Неожиданно для всех, в странах региона разразился финансовый кризис, в результате которого резко понизились курсы региональных валют, стоимость ценных бумаг и недвижимости. Тем не менее, в конечном итоге, кризис будет преодолен, и экономический рост возобновится.

Несмотря на мои разногласия с Махатхиром, в течение 9 лет его пребывания на посту премьер-министра, с 1981 по 1990 год (когда я ушел в отставку), мы добились с ним большего прогресса в решении двусторонних проблем, чем за предыдущие 12 лет с Тун Разак и Хусейном Онном. Он обладал решительностью и политической поддержкой, позволявшей ему преодолевать предрассудки масс, когда того требовали интересы страны. Махатхир тащил малайцев от мракобесия к науке и технологии. У него хватало мужества публично осудить использование женщиной-доктором карандаша для исследования мужчины-пациента (как того требовали мусульманские лидеры). И даже тогда, когда его популярность резко упала, как во время волнений, которые возглавлял Анвар Ибрагим (Anwar Ibrahim), жители Малайзии, особенно китайцы и индусы, знали, что лучшей альтернативы Махатхиру в качестве лидера ОМНО и Национального фронта, нет. Он дал образование молодым малайцам, дал им видение будущего, основанное на науке и технологии, особенно использовании компьютеров и Интернета, символом которого стал «мультимедийный суперкоридор». Большинство малайцев, и все китайцы и индусы Малайзии хотят именно такого будущего, а не возврата к исламскому экстремизму.

Казалось бы, мой взгляд противоречит результатам ноябрьских всеобщих выборов 1990 года, когда Махатхир завоевал две трети мест в парламенте, но потерпел поражение от ПДД в штатах Келантан (Kelantan) и Тренгану (Terengganu), а также потерял порядка двадцати мест в парламенте, занимаемых ОМНО. Я не уверен, что причиной этого был сдвиг в настроениях электората в пользу общества, основанного на исламских ценностях. Эти потери были в немалой степени вызваны смещением с должности в сентябре 1998 года Анвара Ибрагима, заместителя премьер-министра и протеже Махатхира на протяжении 17 лет. Он был арестован через три недели после снятия с должности на основании «Закона о внутренней безопасности» (Internal Security Act). Через две недели после ареста он был доставлен в суд с синяком под глазом, обвинен в коррупции и приговорен к шести годам заключения. После этого он также был осужден за мужеложство. Такое изменение в отношениях между двумя людьми, оба из которых пользовались большим уважением, было слишком неожиданным. Сомнительные

разоблачения, которые последовали за этим, оттолкнули многих малайцев, особенно молодежь. Это позволило жене Анвара выставить свою кандидатуру на выборах и завоевать место своего мужа в парламенте.

Назначая членов своего нового кабинета, Махатхир заявил, что это будет его последний срок на посту премьер-министра. У него есть время, чтобы подготовить преемника, способного реализовать его стратегию превращения Малайзии в современное, высокотехнологичное государство к 2020 году.

Через три десятилетия после отделения тесные семейные и дружеские связи все еще объединяют два народа. В конце концов, какими бы глубокими не были различия между нами, обе страны знают, что, если они не будут проявлять сдержанность, существует риск разрушения межрасовой гармонии, которая скрепляет многонациональное общество обеих стран. Малайзия в той же степени нуждается в межнациональной терпимости, что и Сингапур. Вскоре во главе обеих стран станет молодое поколение лидеров. Будучи свободными от личных травм прошлого, они смогут придать новый импульс практическим и деловым отношениям между странами.

Глава 17. Индонезия: от вражды – к дружбе

Когда в 1957 году в Индонезии вспыхнули восстания сепаратистов, западные торговцы оружием прибыли в Сингапур, чтобы продавать оружие повстанцам на Суматре и Сулавеси. В 1958 году, в качестве лидера оппозиции, я встретился с Генеральным консулом Индонезии, генерал-лейтенантом Джатикусомо (Jatikusomo). Я заверил его, что, в случае нашего прихода к власти, эти торговцы оружием будут выдворены из Сингапура. Когда ПНД победила на всеобщих выборах 1959 года, я сдержал свое слово, и Джатикусомо – щеголеватый, умный, учтивый и деятельный аристократ с острова Ява (Java) – предложил мне, чтобы я укрепил отношения между Сингапуром и Индонезией, посетив Джакарту с официальным визитом. Я согласился.

В августе 1960 года наша делегация прибыла во дворец Мердека (Merdeka), бывшую резиденцию голландского генерал-губернатора, для встречи с президентом Сукарно (Sukarno). Он был одет в шикарный бежевый мундир, а в руке у него был жезл полевого маршала или трость. Это было жаркое, влажное, душное утро в Джакарте, но во дворце не разрешалось включать ни вентиляторы, ни кондиционеры, – Сукарно их не любил. Я видел, как пот проступает через рубашку на китель его мундира. Как и остальные члены моей делегации, я был в пиджачной паре и также обильно потел.

Сукарно был харизматическим лидером, выдающимся оратором и организатором масс. Однажды в феврале 1959 года, по дороге из Сингапура во Фрейзерз хилл (Fraser's Hill), которая занимает около семи часов, я слушал по радио трансляцию его речи на митинге, проходившем на Центральной Яве, в котором участвовало несколько сот тысяч индонезийцев. Я настроился на волну в 8:30 утра, но вскоре потерял ее, потому что радио в движущемся автомобиле принимало плохо. Три часа спустя, когда я уже был в Малакке (Malacca), он все еще говорил в полную силу. Его красивый голос был настолько выразителен, что толпа кричала и ревела, внимая ему. С тех пор я с нетерпением ждал встречи с этим великим человеком.

Сукарно проговорил большую часть нашей встречи, продолжавшейся 20 минут. Он говорил на общепринятом в Индонезии языке бахаса (Bahasa), который похож на малайский язык. Сукарно спросил: «Сколько в Сингапуре жителей?» «Полтора миллиона», – ответил я. Население Индонезии составляло 100 миллионов человек. «Сколько в Сингапуре автомобилей?» «Приблизительно 10,000»-, ответил я. Только в Джакарте было 50,000 автомобилей. Меня это слегка озадачило, но я с готовностью признал, что по размерам Индонезия занимала первое место в Юго-Восточной Азии. Затем он начал распространяться о своей политической системе «управляемой демократии» (guided democracy): «Индонезийский народ хочет революционизировать все сферы жизни, включая экономику и культуру – западная демократия для этого не очень подходит». Он говорил об этом во многих своих речах до того, так что я был разочарован не слишком содержательной беседой.

Голландцы не оставили Индонезии достаточного количества подготовленных

администраторов и специалистов; в стране было не так уж много учреждений, которые могли бы двигать страну вперед, а три с половиной года японской оккупации разрушили даже ту администрацию, какая существовала. Последовавшая за этим борьба между индонезийскими националистами и голландцами, которая периодически вспыхивала между 1945 и 1949 годом, когда голландцы наконец-то признали независимость Индонезии, нанесла еще больший ущерб экономике и инфраструктуре страны. Национализация иностранных предприятий и националистическая экономическая политика, проводившаяся Сукарно, препятствовали расширению внешней торговли и притоку инвестиций и привели к еще большему обнищанию этой огромной, разбросанной на значительном пространстве республики.

В Джакарте мы остановились в гостинице «Де Инд» (Hotel Des Indes), который по статусу соответствовал «Рафлс отелю» (Raffles Hotel) в Сингапуре. Когда шел дождь, крыша отеля начинала течь, и персонал отеля привычно расставлял емкости и ведра, чтобы собирать капавшую воду. Когда я по недоразумению потянул дверь в своей спальне, не поняв, что она была закрыта на замок, защелка замка отломил кусок штукатурки. Когда я вернулся после обеда к себе в номер, там уже был произведен «ремонт»: поверх штукатурки была наклеен и отретуширован лист бумаги.

Когда я попросил парламентского секретаря министерства культуры Сингапура Ли Кун Чоя (Lee Khoon Choy), купить несколько индонезийско-английских и английско-индонезийских словарей, то оказалось, что они стоили меньше двух долларов за книгу. Члены нашей делегации скупили почти все словари в магазинах для своих друзей, изучавших малайский язык. Индийская валюта, рупия, в результате инфляции была в плачевном состоянии.

Из Джакарты наша автоколонна в сопровождении эскорта мотоциклистов отправилась в Богор (Bogor), бывший летний курорт голландского генерал-губернатора, а затем в Бандунг (Bandung). Оттуда мы вылетели в Джокарту (Jogjakarta), древнюю столицу Индонезии, расположенную в Центральной Яве, на личном президентском двухмоторном самолете, подаренном правительством Советского Союза. Самолет был больше, чем коммерческий «ДС-3», на котором прилетел я. Часы над проходом в салоне самолета остановились, поколебав мое доверие к советской технологии и индонезийскому обслуживанию. Если это могло случиться с часами в президентском самолете, чего же было ждать от двигателей?

Перед отъездом мы подписали с премьер-министром Джуандой (Djuanda) совместное заявление по торговым и культурным вопросам. С момента встречи в аэропорту Джакарты нам удалось несколько раз побеседовать с ним. Он был превосходным человеком: высокообразованным, способным, трезвомыслящим и отзывчивым к проблемам своей страны. Мы разговаривали часами, иногда – на бахаса. Во время одного разговора за ужином я сказал, что Бог наделил Индонезию очень плодородной почвой, прекрасным климатом и богатыми природными ресурсами. Он грустно посмотрел на меня и ответил: «Бог за нас, но мы сами против себя». Я чувствовал, что с таким искренним и честным человеком можно было иметь дело. Я уезжал, чувствуя, что мы подружились. Я разговаривал с Джуандой на малайском, и он воспринимал меня скорее как индонезийского «перанакана» (peranakan – китаец, родившийся в Индонезии), а не как «тотока» (totok – китаец, недавно иммигрировавший в страну, не ассимилировавшийся и говоривший на китайском).

По мере ухудшения экономической ситуации в стране Сукарно стал уделять больше внимания международным делам. В деле развития дипломатических отношений с афро-азиатским миром он опирался на министра иностранных дел доктора Субандрио (Dr. Subandrio) – умного, хотя и несколько авантюристически настроенного человека. В течение всего 1963 года он часто встречался со мной – всякий раз, когда пролетал через Сингапур транзитом.

Когда наше объединение с Малайзией стало неизбежным, его тон стал достаточно высокомерным. Однажды утром, сидя рядом со мной на диване, в моем кабинете в здании муниципалитета, он хлопнул меня по колену, указал рукой в окно и сказал: «Посмотрите на все эти высокие здания в Сингапуре. Все они построены на индонезийские деньги, украденные у индонезийцев путем контрабанды. Не волнуйтесь, в один прекрасный день Индонезия придет сюда, позаботится об этой стране и приведет все в порядок». Под «контрабандой» Субандрио подразумевал экспорт, осуществлявшийся через Сингапур их собственными торговцами,

которые уклонялись в Индонезии от уплаты налогов и соблюдения правил валютного регулирования. Я понимал его чувства, лично убедившись в том, сколь ужасными были условия жизни в Джакарте, где люди мылись, стирали одежду, промывали рис и отправляли естественные надобности в каналах (kali), не стесняясь окружающих. Поэтому я не считал его разговоры о стремлении занять Сингапур пустой болтовней.

Когда в 1965 году мы обрели независимость, Индонезия находилась в состоянии «конфронтации» с Сингапуром и Малайзией. Президент Сукарно и доктор Субандрио пытались сыграть на сложностях в отношениях между Сингапуром и Малайзией, предлагая Сингапуру немедленное дипломатическое признание на условиях, которые могли оскорбить и возмутить Малайзию. Поворотный момент в развитии событий наступил через несколько недель, 30 сентября, когда произошли события, получившие название «гестапу» (gestapu – сокращенное индонезийское название «Движения 30 сентября»). Тогда генерал Сухарто, командовавший силами безопасности, подавил предпринятую коммунистами попытку государственного переворота. Опираясь на поддержку войск, находившихся под командованием лояльных к нему командиров в армии, полиции, военно-морских и военно-воздушных силах, Сухарто потребовал от вооруженных отрядов повстанцев, захвативших президентский дворец, радиостанции и центры связи, сдаться без боя. Напуганные демонстрацией силы, мятежники рассеялись, и переворот закончился.

В тот момент мы не поняли, насколько важным был этот неудавшийся переворот, потому что мы были слишком озабочены зверским убийством нескольких высокопоставленных индонезийских генералов и последовавшим за этим убийством тысяч людей, по некоторым оценкам, – полумиллиона человек, некоторые из которых были этническими китайцами. Этих людей обвинили в поддержке коммунистов. Сухарто разыгрывал свою комбинацию медленно и тонко, как в индонезийском театре марионеток (wayang kulit), где на экране движутся тени и силуэты. Эта игра теней была режиссирована так тщательно, а шаги по лишению Сукарно власти были настолько постепенными, что в течение некоторого времени мы даже не осознавали, что власть практически уже перешла от Сукарно к Сухарто. На протяжении более чем полугода Сухарто не свергал президента, но действовал от его имени, соблюдая приличия и потихоньку собирая рычаги власти в своих руках, удаляя сторонников Сукарно, ослабляя его позиции. Никаких перемен во внешней политике при новом министре иностранных дел Адаме Малике (Adam Malik) не произошло. В марте 1966 года Сукарно подписал президентский декрет, который давал генералу Сухарто полномочия предпринимать все необходимые шаги для обеспечения безопасности и сохранения стабильности. Я все еще не был уверен, что Сукарно был уже не у дел, таким сильным было его харизматическое влияние на людей. Лишь год спустя, в феврале 1967 года, Национальная ассамблея (National assembly) формально избрала Сухарто действующим президентом.

К июню 1966 года позиции Сухарто достаточно укрепились, чтобы одновременно прекратить «конфронтацию» с Сингапуром и Малайзией. Нормализация двусторонних связей заняла некоторое время. В июне и июле 1966 года Индонезия направила в Сингапур экономические делегации, но это были скорее публичные жесты, чем реальные шаги по развитию сотрудничества. В августе мы сделали ответный шаг, направив в Индонезию торговую делегацию. Некоторое движение вперед в психологическом плане наметилось, когда Сингапур предложил предоставить индонезийским торговцам коммерческий кредит в размере 150 миллионов долларов и позволил «Бэнк Негара Индонезии» (Bank Negara Indonesia), принадлежавшему правительству Индонезии, снова открыть филиал в Сингапуре. (Эта сделка получила название «рукопожатие стоимостью в 150 миллионов долларов»). Мы также согласились возобновить двустороннюю торговлю на равноправных условиях. Индонезия снова открыла все свои порты для наших судов и обещала, что, после внесения поправок в законодательство, нашим банкам будет разрешено открывать филиалы в Индонезии, но так и не позволила открыть ни одного филиала до начала 90-ых годов. (Те банки, которым все – таки удалось открыть филиалы в стране, постигла неудача. Через 6 лет, в 1997 году, они увязли в охватившем Индонезию финансовом кризисе, возврат выданных ими кредитов оказался под вопросом).

В основе препятствий для восстановления отношений лежали различные взгляды на

проблемы политики, обеспечения безопасности, развития экономики, разногласия по вопросу о морских границах, правилах судоходства в проливах и о регулировании двусторонней торговли. То, что они называли «контрабандой», в Сингапуре было совершенно законно, – Сингапур был свободным портом. Мы не вполне понимали, как работало их правительство, и нам потребовалось немало времени, чтобы научиться лавировать в его лабиринтах.

На протяжении нескольких лет отношения между нами оставались прохладными, а прогресс в их развитии – медленным. Со стороны Индонезии просматривалась тенденция вести дела с Сингапуром с позиций «старшего брата». В марте 1968 года Адам Малик, выступая перед членами Индонезийского землячества в Сингапуре, сказал, будто он заверил меня, что Индонезия была готова защитить Сингапур против коммунистов после того, как англичане выведут свои войска в 1971 году: «Мы защитим их (200 миллионов человек, населяющих страны АСЕАН), даже если угроза будет исходить от Чингисхана». Язык совместного коммюнике, принятого в конце его визита, был более дипломатичным: «Усиливать существующие связи на основе равноправия, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела друг друга».

Несколько месяцев спустя, в середине октября 1968 года, после того как мы повесили двух индонезийских командос, приговоренных к смерти за убийство трех человек в результате взрыва ими бомбы в 1964 году в отделении «Гонконг энд Шанхай бэнк» на Очард Роуд, отношения между нами катастрофически ухудшились. (Об этом говорилось в Главе 2). Реакция Индонезии была сильнее, чем мы ожидали. Толпа из 400 студентов, одетых в мундиры, разгромила наше посольство в Джакарте и резиденцию посла. Индонезийская охрана посольств отсутствовала. Министр иностранных дел Адам Малик призвал к спокойствию, говоря, что у него не было никакого желания принимать ответные меры против Сингапура!

Раздавались призывы к полному бойкоту торговли и судоходства и к пересмотру двухсторонних отношений, на 5 минут были отключены все линии связи с Сингапуром. Толпы студентов также разгромили два оставшихся здания, принадлежавших сингапурской миссии. Страсти вылились в беспорядки, которые произошли в Сурабае (Surabaya) на Центральной Яве и Джамби (Djambi) на Суматре, в ходе которых пострадали граждане Индонезии китайского происхождения.

Тем не менее, к концу октября, когда страсти поутихли, Адам Малик заявил, что прекращение торговли с Сингапуром только повредило бы Индонезии. Он упомянул о бедственном состоянии портового оборудования в их собственных гаванях и подчеркнул: «Нам не следует забывать о наших ограниченных возможностях». Он также выразил надежду на то, что эти ссоры не нарушат гармонию в отношениях между странами АСЕАН, иначе международное положение Индонезии ухудшилось бы. Затем последовала частичная отмена запрета на судоходство, а к началу ноября все санкции были отменены. В конце ноября делегация парламента Индонезии в составе трех человек посетила Сингапур, чтобы «зарыть топор войны».

Лед в отношениях таял очень медленно. В июле 1970 года мы назначили Ли Кун Чоя послом в Джакарте. «К. Ч.» – как называли его друзья – был хорошим лингвистом, свободно владевшим бахаса и интересовавшимся индонезийской культурой и искусством. Он настойчиво и плодотворно трудился, завязывая близкие отношения с высшими индонезийскими генералами, которые были близки к Сухарто. Они хотели лучше понять нас, и нашли в нем дружески настроенного переводчика с хорошими связями. Постепенно он наладил контакты и взаимопонимание с ними и заслужил их доверие.

В сентябре того же года, на встрече неприсоединившихся стран в Лусаке, я впервые встретился с Сухарто, на общем заседании. После этого я прибыл в его резиденцию, и мы провели полчаса, обмениваясь шутками и обсуждая нашу позицию по отношению к Вьетнаму и Камбодже. Он спросил о моих взглядах на участие США в войне во Вьетнаме и внимательно выслушал меня. Я подчеркнул, что вывод американских войск имел бы серьезные последствия для стабильности в регионе. Победа коммунистов во Вьетнаме и Камбодже, вероятно, изменила бы позицию Таиланда, который традиционно проводил политику приспособления к новым веяниям и влияниям. Сухарто согласился со мной. Мы обнаружили, что у нас были общие взгляды по некоторым вопросам, касавшимся ситуации в регионе и опасностей, угрожавших

ему. Для начала это было неплохо.

Большой шаг вперед в развитии наших отношений был сделан, когда в апреле 1981 года Сингапур посетил генерал-майор Суджоно Хоемардани (Sudjono Hoemardani). Он верил в сверхъестественные силы и был одним из доверенных лиц Сухарто в духовных и мистических вопросах. Как сообщал «К. Ч.», перед принятием серьезных решений Сухарто отправлялся вместе с Хоемардани в специальную пещеру для занятий медитацией. В течение часа мы не обсуждали с ним никаких серьезных проблем, разговаривая на бахаса, но его секретарь сообщил «К.Ч.», что генерал был весьма удовлетворен результатами встречи. Хоемардани ожидал, что я окажусь «твердым и высокомерным снобом», а на самом деле нашел во мне «дружески настроенного, доброго и откровенного человека».

Еще через год, в марте 1972 года, «К.Ч.» организовал конфиденциальный визит генерал-лейтенанта Сомитро (Soemitro), командующего национальными силами безопасности (National Security Command). Даже посол Индонезии в Сингапуре ничего не знал об этом визите. Он не хотел, чтобы министерство иностранных дел знало о секретной миссии, выполнявшейся по указанию президента. Сомитро, говоривший по-английски, отличался предельной откровенностью. Сухарто хотел развеять сомнения относительно позиции Сингапура по некоторым вопросам и настаивал, чтобы я лично прояснил ситуацию. Он сказал, что Индонезия считала, что государства, расположенные на берегах Малаккского пролива, должны контролировать его. Я сказал, что этот пролив был свободным для судоходства на протяжении столетий, и что это являлось основой для выживания Сингапура. Мы поддерживали бы Индонезию и Малайзию в проведении мер, рекомендованных международными организациями для обеспечения безопасности мореплавания, но мы не хотели бы участвовать в каких-либо действиях по установлению контроля над проливом или сбору дани за проход судов через пролив. Это могло бы привести к конфликту с русскими, японцами и другими великими державами. Сомитро ответил, что Индонезия примет меры по установлению своего суверенитета над проливом, а если бы русские попытались занять твердую позицию, то Индонезия без колебаний вступила бы в конфронтацию с ними. Наверное, я посмотрел на него с недоверием, поскольку он серьезно добавил, что, если бы русские попытались оккупировать Индонезию, то их бы постигла неудача.

Через месяц Сухарто прислал в Сингапур для встречи со мной генерала Ранггабина (Ranggabean), наиболее высокопоставленного из своих министров, курировавшего вопросы обороны и безопасности. Он был прямолинейным, разговаривавшим «открытым текстом» батском, уроженцем Суматры.¹⁶ Его стиль отличался от спокойных манер Сухарто, который был выходцем с Центральной Явы.

Ранггабин сказал, что Индонезия попусту потратила много драгоценного времени, которое должно было использоваться для экономического развития. Он хотел, чтобы Сингапур, как экономически более развитое государство, оказал Индонезии помощь. Я заверил его, что Сингапур был весьма заинтересован в экономическом развитии Индонезии.

Они пригласили Кен Сви посетить Индонезию в октябре 1972 года, зная, что он был моим ближайшим коллегой. После моих встреч с тремя высокопоставленными генералами он обнаружил, что индонезийцы стали менее подозрительными. Кроме того, регулярные контакты между разведками наших стран, – между руководителем нашей разведки С. Р. Натаном и его индонезийским коллегой, генерал-лейтенантом Сутупом Джувон (Sutupo Juwono), – убедили их, что мы разделяли их взгляды по основным вопросам. Теперь был открыт путь для моего визита в Индонезию, намеченного на май 1973 года. Он был тщательно подготовлен. «К. Ч.», цитируя индонезийских генералов, сообщил о наличии «серьезного национального препятствия для развития искренних дружественных отношений». Если мы хотели установления настоящей дружбы с президентом Сухарто, то эпизод с казнью двух коммандос следовало окончательно закрыть. Мы должны были сделать дипломатический жест, который отвечал бы «яванской вере в душу и чистую совесть». Представители Индонезии предложили, чтобы во время официального возложения венков на кладбище Героев Калибата (Kalibata Heroes Cemetery), воздав почести генералам, убитым во время переворота 1965 года, я также посетил могилы двух

¹⁶ Прим. пер.: батаки – народность в Индонезии, проживающая преимущественно на острове Суматра

коммандос и рассыпал на них лепестки цветов. «К.Ч.» считал, что это явилось бы ключевым моментом в улучшении отношений, потому что индонезийские генералы придавали большое значение этому жесту. Я согласился.

Когда я прибыл в Индонезию утром 25 мая, меня встречал выстроенный для осмотра почетный караул в составе представителей всех родов войск и полиции. Прогремело 19 залпов орудийного салюта. Это был сигнал, что в отношениях двух стран должна была быть перевернута новая страница. Редакционная статья в одной из газет комментировала мой приезд следующим образом: «Оказалось, что для часового перелета из Сингапура в Джакарту требуется значительное время. Ему предшествовали многочисленные визиты в Великобританию, США, страны Европы, Японию и на Тайвань. Лишь объездив с официальными визитами весь мир, Ли Куан Ю приехал с официальным визитом в Индонезию». Редактор был прав, – я должен был вначале продемонстрировать, что Сингапур мог выжить без Индонезии и Малайзии. Мы не были иждивенцами, паразитировавшими на теле наших соседей. Мы налаживали связи с промышленно развитыми странами, старались стать полезными им, производя товары на основе использования их технологий и экспортируя эти изделия во все страны мира. Мы изменили формулу нашего выживания.

Решающее значение имела встреча Сухарто один на один, как они говорили – «в четыре глаза» (*empat mata*). Без переводчиков и стенографистов мы могли говорить открыто. Моего знания малайского было достаточно. Хотя я не говорил на бахаса изысканно, я понимал его и мог выразить свои мысли так, что Сухарто понимал меня. Мы проговорили больше часа.

Сухарто ясно заявил о своем намерении сдвинуть Индонезию с мертвой точки после 20 лет топтания на месте. Он сказал, что высоко ценит возможности Сингапура по оказанию помощи в осуществлении «геркулесовой» задачи восстановления Индонезии и по достоинству оценивает руководителей Сингапура. У меня сложилось впечатление, что, вероятнее всего, он станет относиться к нам справедливо, даже сердечно, основываясь на реалистичной оценке сильных сторон и слабых мест двух стран.

Со своей стороны, я вежливо, тактично, но ясно дал понять, что Сингапур хотел быть самостоятельной частью Юго-Восточной Азии, основываясь на собственном праве, а не на чьей-то милости. Мы также не могли пойти на уступки по таким фундаментальным вопросам как свобода мореплавания в Малаккском проливе. Я сказал, что экономическое сотрудничество должно было строиться на основе тесного и взаимовыгодного обмена, а не в форме взаимоотношений, которые лидеры Индонезии поддерживали со своими гражданами китайского происхождения. (Эти «компрадоры» потворствовали прихотям своих патронов для получения привилегий и лицензий, которые позволяли им разбогатеть). Я сказал, что в основе взаимоотношений лежал вопрос о том, доверяем ли мы долгосрочным намерениям друг друга.

Он дал ясно понять, что Индонезия не имела территориальных претензий к Сингапуру и Малайзии и требовала только возврата территорий, входивших в состав Голландской Ост-Индии. Он хотел сосредоточиться на развитии Индонезии, а не на зарубежных делах. Наиболее важным для меня было то, что он не верил коммунистам, особенно китайским коммунистам, которые в прошлом причинили Индонезии серьезные неприятности. Я сказал, что китайские коммунисты хотели уничтожить нас, используя своих помощников, – Коммунистическую партию Малайи. Я был решительно настроен не позволить им преуспеть в этом. Я не хотел распространения влияния Китая в Юго-Восточной Азии. Для Сухарто это было главным пунктом, и он поверил моим честным намерениям в этом вопросе.

Сухарто показался мне осторожным, вдумчивым человеком, представлявшим собой полную противоположность Сукарно. Он не был экстравертом, не стремился произвести на людей впечатление своим ораторским искусством, орденами и медалями, хотя их у него было много. Он вел себя по-дружески и скромно, но было ясно, что он был твердым человеком, который не станет мириться ни с какой оппозицией тому, что он намеревался делать. Мне он понравился, я чувствовал, что мы с ним поладим.

Через год, в августе 1974 года, Сухарто нанес ответный визит в Сингапур. Чтобы отблагодарить его за прием, оказанный мне в Джакарте, я распорядился выстроить в аэропорту почетный караул в составе 400 военнослужащих всех родов войск и полиции. Прозвучал орудийный салют из 21 залпа. Главным моментом его визита стал обмен документами о

ратификации договора о территориальных морских границах между Сингапуром и Индонезией. И вновь ключевую роль сыграла встреча с Сухарто «в четыре глаза». Он излагал свои мысли на бахаса, без черновиков. Он говорил настолько сосредоточенно, что два коротких перерыва, во время которых подали чай и печенье, привели его в некоторое раздражение. Сначала он изложил свою «концепцию архипелага» (Archipelago concept). Он сказал, что Индонезия, как и некоторые другие островные государства, настаивала на своей территориальной юрисдикции над всеми водами, находившимися между ее островами. Сухарто считал, что странам АСЕАН следовало продемонстрировать солидарность и единство в поддержке этой позиции. (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (The Association of Southeast Asian Nations) была сформирована в августе 1967 года в Бангкоке, и включала Индонезию, Малайзию, Филиппины, Сингапур и Таиланд). Затем он дал мне свою оценку трудностей, переживаемых Индонезией и перспектив ее развития.

Я ответил, что главным для Сингапура в «концепции архипелага» было право свободного прохода через проливы. Сингапур был частью Юго-Восточной Азии. Нас исключили из состава Малайзии, и мы должны были найти новые источники средств существования, а это требовало свободы мореплавания, что обеспечивало связи Сингапура с Америкой, Японией и Западной Европой. Любое препятствие свободе мореплавания было бы для нас смерти подобно. Поэтому мы могли поддержать «концепцию архипелага» только при условии официального заявления со стороны Индонезии о признании традиционной свободы мореплавания. В свою очередь, мы не предъявляли никаких претензий в отношении разведки и добычи нефти или других минеральных ресурсов с морского дна.

Он спросил меня о моих взглядах на войну во Вьетнаме. Я сказал, что со времени нашей прошлогодней встречи общая ситуация ухудшилась. Президент Никсон ушел в отставку, и, на чем бы ни настаивал президент Форд, Конгресс США был настроен урезать помощь Вьетнаму и Камбодже наполовину. Я сомневался, что эти два режима продержатся. Моя суровая оценка ситуации, казалось, огорчила его.

Я боялся, что после того, как Вьетнам и Камбоджа попадут под власть коммунистов, нестабильная ситуация в Таиланде могла стать причиной возникновения серьезных проблем для Малайзии и Сингапура. Хотя китайцы и составляли более 75 % населения Сингапура, но мы являлись частью Юго-Восточной Азии, и я бы не позволил, чтобы Китай или Россия использовали нас. Это его явно обнадежило.

На следующий день, выступая перед более чем 1,000 граждан Индонезии в своем посольстве, он, в присутствии представителей прессы, заявил, что, поскольку опыт Индонезии в развитии экономики был ограничен, то его правительство попытается привлечь техническую помощь и инвестиции отовсюду, в том числе и из Сингапура. Публично признав Сингапур равноправным независимым государством, которое вносило вклад в развитие Индонезии, он дал ясно понять, что в отношениях между Индонезией и Сингапуром произошли большие изменения.

В сентябре 1975 года, после падения Пномпеня (Phnom Penh) и Сайгона (Saigon), я встретился с Сухарто на Бали (Bali). Коммунисты были на подъеме, и казалось, что волна этого прилива зальет остальную часть Юго-Восточной Азии. В мае 1974 года Разак посетил Пекин и установил дипломатические отношения с Китаем. Малайзия признала правительство «красных кхмеров» (Khmer Rouge) в Пномпене сразу после того, как они захватили город. Сухарто сказал, что он говорил Разаку о том печальном опыте, который Индонезия вынесла из отношений с Пекином, напомнив о поддержке Китаем переворота, предпринятого Коммунистической партией Индонезии в сентябре 1965 года. Он повторил то же самое премьер-министру Таиланда Кукриту Прамою (Kukrit Pramoj) в Джакарте. После этого, в июне 1975 года, через два месяца после падения Сайгона, Кукрит посетил Пекин и установил дипломатические отношения с Китаем. Сухарто видел, что ситуация в Малайзии и Таиланде ухудшалась. Он полагал, что, если бы страны АСЕАН продолжали проводить такую разрозненную политику, стараясь наперегонки и порознь признать новые коммунистические правительства Вьетнама и «красных кхмеров», то стремление противостоять коммунистам было бы утеряно. Он отметил, что Индонезия и Сингапур имели схожие взгляды и темперамент. Мы не горячились, «ухаживая» за правительствами Индокитая, и не произносили

ярких речей, восхваляя коммунистический режим, как это сделал незадолго до того в Пекине президент Филиппин Маркос.

Несмотря на то, что проблемы безопасности стран АСЕАН были для нас главными, мы согласились, что АСЕАН должна была делать упор на развитие сотрудничества в экономической и политической областях, а не в обеспечении безопасности. Мы согласились продолжать сотрудничество, особенно в сфере разведки, не выставляя его напоказ. Индонезия и Сингапур должны были консолидировать свои возможности и дожидаться более благоприятного момента для развития экономического сотрудничества в рамках АСЕАН. Он ничего не упомянул о Восточном Тиморе (East Timor), который Индонезия оккупировала через две недели. Это была хорошая встреча. Когда мы сталкивались с неожиданными ситуациями в регионе, наша реакция была сходной.

Но 3 месяца спустя, когда Сингапур воздержался во время голосования в ООН по резолюции, осуждавшей оккупацию Индонезией Восточного Тимора, в наших отношениях снова наступило похолодание. Другие страны АСЕАН голосовали на стороне Индонезии. Военные руководители Индонезии бойкотировали наш прием в Джакарте по случаю Дня вооруженных сил Сингапура и Национального праздника Сингапура. Наш советник в Джакарте сообщил, что несколько генералов сказали ему, что Сухарто рассердился по поводу голосования больше, чем по поводу казни двух командос.

Прошел год, прежде чем удалось восстановить личные связи, – Сухарто неофициально посетил Сингапур 29 ноября 1976 года. Я сказал, что Сингапур не станет чинить Индонезии препятствий в ее повседневных отношениях с Восточным Тимором, мы признавали Тимор частью Индонезии, но мы не могли публично одобрить оккупацию Тимора. Он понял мою позицию. Если бы Сингапур проголосовал на стороне Индонезии, тем самым мы бы подали всему миру неверный сигнал в плане обеспечения нашей собственной безопасности.

Вне всякой связи с этим я согласился неофициально предоставить ему данные нашей торговой статистики, чтобы помочь ему бороться с «контрабандой», но попросил, чтобы он не обнародовал этого факта. Это ему понравилось. Он хотел опубликовать эти цифры, но я объяснил ему, что, поскольку наша статистическая классификация отличалась от принятой в Индонезии, то такая публикация только привела бы к еще большему недоразумению. Сухарто ответил, что он был уверен в своей способности управлять прессой Индонезии. Наконец, мы согласились тщательно исследовать долгосрочные последствия такой публикации перед тем, как обнародовать эти данные. Кроме того, мы согласились проложить подводную линию связи между Джакартой и Сингапуром и условились, что технические детали проекта будут согласованы специалистами.

Несмотря на то, что наша встреча прошла хорошо, наш посол в Индонезии Рахим Исхак предупреждал меня, что индонезийцы – как лидеры, так и простые люди смотрели на Сингапур как на китайский город. Он говорил, что отношение индонезийцев к Сингапуру было неразрывно связано с их отношением к этническим китайцам в Индонезии, и предупреждал, что Сингапур мог оказать подходящим «мальчиком для битья», если в Индонезии возникнет недовольство. Когда в 1998–1999 годах Индонезию охватил кризис, эти слова оказались пророческими.

Нам просто повезло, что характер, темперамент и цели, которые преследовал президент Сухарто, позволили мне наладить с ним хорошие личные отношения. Он был спокойным, учтивым человеком, проявлявшим пунктуальность в соблюдении протокольных форм. Его характер проявился в том, как тщательно он прощупывал и оценивал мою позицию перед моим визитом в Джакарту. После нашей второй встречи мы уже доверяли друг другу. Встречаясь с ним на протяжении многих лет, я убедился, что он был человеком слова. Он мало что обещал, но всегда выполнял обещанное, его сила была в постоянстве. Сухарто был на три года старше меня. Его широкое лицо с широким носом имело довольно сдержанное выражение. Потом, узнав меня получше, он стал улыбаться легко и часто. Он любил поесть, особенно ему нравился десерт, но он поддерживал свой вес в норме, играя в гольф и прохаживаясь. Несмотря на то, что он говорил спокойно и мягко, он оживлялся, переходя к обсуждению важных вопросов. Он не был интеллектуалом, но обладал даром подбирать способных экономистов и администраторов в качестве своих министров. Это он выбрал получивших образование в Беркли (Berkeley)

экономистов: профессора Виджойо Нитисастро (Widjojo Nitisastro) и Али Вардхана (Ali Wardhana), которые открыли экономику Индонезии для международной торговли и инвестиций и постепенно превратили Индонезию в одну из наиболее успешно развивавшихся стран «третьего мира».

Наша дружба преодолела многие предрассудки, существующие между жителями Сингапура китайского происхождения и индонезийцами. На протяжении 70-ых – 80-ых годов мы встречались практически ежегодно, чтобы поддерживать контакты, обмениваться взглядами и обсуждать возникавшие вопросы. Я объяснял ему, что различия в языке и культуре являлись сложными и эмоциональными проблемами, к решению которых я должен был подходить с большой осторожностью. Английский был нашим общим языком, но кампания «Говори на китайском литературном языке» (Speak Mandarin) была необходима, потому что китайцы в Сингапуре говорили более чем на семи различных диалектах. Жители Сингапура малайского и индонезийского происхождения также начали говорить только на малайском языке, прекратив использование яванского, боенского и сунданского диалектов (Javanese, Boyanese, Sundanese). Что же касалось поддержки китайской сборной по бадминтону во время ее матча с командой Индонезии, то я объяснил, что это было проявлением глупости членов прокитайских группировок, которые осистывали даже сингапурских игроков в настольный теннис, когда те играли со сборной Китая, тогдашним чемпионом мира. Он согласился с моими взглядами на то, что, в долгосрочной перспективе, китайцы Сингапура станут сингапурцами.

Сухарто хотел развивать Батам (Batam), остров в 20 километрах (приблизительно 12 миль) к югу от Сингапура, занимавший площадь, составлявшую две трети площади Сингапура. В 1976 году он предложил мне, чтобы Сингапур помог Индонезии в развитии Батама, на котором проживало немногочисленное население, состоявшее из рыбаков, а необходимая инфраструктура отсутствовала. Он прислал ко мне своего недавно назначенного советника по развитию технологии доктора Б.Д. Хабиби (Dr. B.J.Habibi). Задача Хабиби состояла в том, чтобы содействовать развитию Батама. Я поощрял его использовать Сингапур в качестве мотора для развития Батама, но пояснил, что остров нуждался в развитии инфраструктуры: дорог, водопровода, линий электропередачи и связи, а также в устранении бюрократических препон. Я пообещал, что, если Хабиби добьется финансирования проекта министерствами торговли и экономики Индонезии, то мы сделаем движение товаров и людей между Сингапуром и Батамом свободным, чтобы позволить Батаму включиться в экономическую систему Сингапура.

Индонезийской прессе понадобилось несколько лет, чтобы понять, что деньги в развитие Батама должны были вкладываться предпринимателями, которые считали бы подобные инвестиции прибыльными и осуществимыми. Все основные проекты, осуществляемые в Индонезии, были результатом правительственных инвестиций, будь-то сталелитейные, цементные заводы или нефтехимические комбинаты. Мне пришлось неоднократно объяснять, что правительство Сингапура могло только создать условия для облегчения движения капитала, товаров и рабочей силы между Сингапуром и Батамом и поощрять, но не принуждать наших предпринимателей вкладывать там свой капитал.

Я пробовал убедить Сухарто разрешить предприятия со 100 %-ым иностранным капиталом на Батаме, при условии, что вся их продукция шла на экспорт. Когда мы встретились в октябре 1989 года, Сухарто сказал, что он разрешит, чтобы предприятия, экспортировавшие всю продукцию, полностью принадлежали иностранцам в течение первых 5 лет, но после этого они должны были продать часть акций индонезийцам. Эти условия были не столь привлекательны, как те, что существовали в Сингапуре, но они были достаточно хороши, чтобы побудить некоторые компании перенести производство из Сингапура на Батам. Издержки производства там были ниже. Компания «Сингапур тэктолоджиз индастриэл корпорэйшен» (Singapore Technologies Industrial Corporation), тесно связанная с правительством Сингапура и группа индонезийских компаний создали совместное предприятие по развитию на Батаме индустриального парка площадью 500 гектаров. Компания активно продвигала этот проект среди МНК и промышленников Сингапура. Проект оказался успешным, – к ноябрю 1999 года в парк было инвестировано 1.5 миллиарда долларов, создано 74,000 рабочих мест. Несмотря на финансовый кризис, охвативший Индонезию в 1997 году, парк продолжал расти.

Это проложило дорогу к сотрудничеству с соседними островами Бинтан (Bintan) и Каримун (Karimun). После этого Сухарто предложил нам, чтобы мы помогли направить в Индонезию поток туристов, посещавших Сингапур (7 миллионов человек ежегодно). Сотрудничество в сфере туризма распространилось на всю территорию Индонезии, а наши авиакомпании получили право перевозить пассажиров на те курорты, которые мы совместно развивали.

Как и в большинстве случаев, в этом сотрудничестве были и отрицательные стороны. Многие наши индонезийские партнеры были этническими китайцами, что питало подспудное чувство недовольства. В наши намерения входило налаживание контактов и сотрудничество с «прибуми» (pribumi – коренные индонезийцы). Это было сложно, потому что преуспевающими предпринимателями в Индонезии были этнические китайцы, но мы сумели создать совместные предприятия и с «прибуми».

Во время всех наших встреч, Сухарто и я всегда находили время для беседы «в четыре глаза», во время которых мы могли свободно обсудить широкий круг вопросов. Я также мог проверить свои идеи, которые он мог отвергнуть без каких-либо затруднений. Это создавало атмосферу доверия и способствовало развитию личных отношений. Например, я заверил его, что мы не станем устанавливать дипломатических отношений с Китаем, пока этого не сделает Индонезия. Поэтому, перед тем, как обменяться с Китаем коммерческими представительствами, я встретился с ним лично, чтобы пояснить, что такой обмен коммерческими представительствами с целью развития торговли не означал дипломатического признания. Он согласился с этим.

К середине 80-ых годов руководители Индонезии пришли к выводу, что Сингапур не являлся сторонником Китая, а настойчиво защищал собственные интересы в качестве государства Юго-Восточной Азии. Наши экономические отношения также улучшились. Индонезия открыла все порты для всех судов и ослабила контроль над экспортом и импортом. Они больше не подозревали Сингапур в «контрабанде». (Конечно, были новые жалобы на то, что индонезийские торговцы занимаются контрабандой электронных изделий и других товаров длительного пользования из Сингапура в Индонезию, чтобы избежать уплаты высоких импортных пошлин. Но это была таможенная проблема Индонезии, в которой нас обвинить было нельзя). К тому же, вопрос о роли Сингапура как посредника в торговле между Индонезией и Китаем отпал сам по себе, так как Индонезия стала торговать с Китаем напрямую.

Хорошие отношения между Сухарто и мною привели к тому, что в 80-ых годах тогдашний министр обороны и безопасности Индонезии Бенни Моердани (Benny Moerdani) предложил и практически реализовал проект по совместному развитию военно-воздушного полигона в Сиабу (Siabu Air Weapons Range), возле города Пекан-Бару (Pekan Baru) на Суматре. Полигон совместно использовался военно-воздушными силами двух стран. Он был официально открыт двумя министрами обороны в 1989 году, став вехой в развитии наших отношений в сфере обороны.

Когда я встретился с Сухарто в феврале 1989 года на похоронах императора Хирохито (Hirohito) в Токио, он сообщил мне о развитии процессов, которые должны были, в конечном итоге, привести к восстановлению дипломатических отношений Индонезии с Китаем. Китай был готов недвусмысленно и публично заявить, что он не станет вмешиваться во внутренние дела Индонезии, будь-то отношения между партиями или правительствами. После того, как в августе 1990 года Индонезия восстановила дипломатические отношения с Китаем, в октябре того же года Сингапур также восстановил дипломатические отношения с КНР во время моего визита в Пекин.

В ноябре 1990 года, за несколько дней до моего ухода в отставку с поста премьер-министра, я встретился с Сухарто на коронации императора Акихито (Akihito). Его жена Ибу Тьен (Ibu Tien) не могла поверить, что я собирался уйти в отставку, находясь в добром здравии и будучи на три года моложе ее мужа. Я объяснил, что это была бы первая отставка премьер-министра в истории Сингапура, и что для меня самого было бы лучше оставить пост в тот момент, который я сочту наиболее удобным, а условия для этого – наиболее благоприятными.

Начиная с 1965 года, на протяжении долгих лет, развитие наших двусторонних отношений зависело от того, насколько нам удавалось примериться друг к другу и научиться сосуществовать. Проблемы были всегда, но нам удавалось решать их или отложить их в сторону, чтобы попытаться решить их позднее. В ретроспективе, мне было бы труднее сблизиться и сработаться с президентом Индонезии, которой обладал бы характером и темпераментом Сукарно. В этом случае история Индонезии и, вероятно, всей Юго-Восточной Азии, сложилась бы иначе.

В апреле 1996 года умерла жена Сухарто. Когда моя жена и я посетили его в ноябре, он выглядел несчастным человеком, пережившим тяжелую утрату. В 1997 году, когда мы в следующий раз встретились с ним в Джакарте, он уже обрел самообладание, но существенные перемены все же произошли. Его дети стали ему ближе. Когда мы встретили дочерей Сухарто на королевской свадьбе в Брунее 18 августа 1996 года, они были увешаны драгоценностями. Жена нашего посла, которая знала их, прожив много лет в Джакарте во время предыдущего назначения ее мужа, сказала, что пока их мать была жива, она сдерживала их, но после ее смерти эта сдержанность исчезла, и они стали выставлять свои драгоценности напоказ.

Никто не ожидал кризиса индонезийской рупии. Когда 2 июля 1997 года Центральный банк Таиланда прекратил поддерживать таиландский бат, эпидемия распространилась на все валюты региона, ибо охваченные паникой управляющие инвестиционных фондов начали продавать акции и валюты стран региона. Министр финансов Индонезии поступил мудро и попросил о помощи Международный валютный фонд (МВФ). В октябре 1997 года, прежде чем заключить соглашение с МВФ, президент Сухарто через своего эmissара попросил премьер-министра Го Чок Тонга о поддержке на переговорах с МВФ. Тот обсудил этот вопрос с министром финансов Ричардом Ху (Richard Hu) и мною перед тем, как вынести его на рассмотрение правительства. Мы были уверены в том, что состояние экономики Индонезии было лучше, чем экономики Таиланда. У Индонезии не было большого дефицита бюджета и дефицита платежного баланса, внешний долг был небольшим, а темпы инфляции – низкими. В результате мы согласились выделить для поддержания экономики Индонезии 5 миллиардов долларов США, но только после того, как Индонезия исчерпает 20 миллиардов долларов, полученные в виде займов от МВФ, Мирового банка, Азиатского банка развития (Asian Development Bank), а также свои собственные резервы. Сингапур также пообещал произвести интервенцию на мировом валютном рынке для поддержания курса рупии, как только Индонезия заключит соглашение с МВФ. МВФ выделил на поддержку экономики Индонезии 40 миллиардов долларов США. Япония также согласилась поддержать Индонезию кредитами на общую сумму 5 миллиардов долларов США. Сразу после подписания соглашения с МВФ центральные банки Индонезии, Японии и Сингапура, координируя свои действия, провели интервенцию на валютном рынке, что позволило повысить курс рупии с 3,600 до 3,200 рупий за доллар США. До кризиса курс составлял 2,200 рупий за доллар США.

Но эта положительная тенденция сошла на нет, когда президент Сухарто распорядился продолжить работы по осуществлению 14 крупных инфраструктурных проектов, которые были приостановлены по соглашению с МВФ. Среди этих проектов было и строительство электростанции, в которой имела долю старшая дочь Сухарто, Сити Хардиянти Рукмана (Тутут) (Siti Hardiyakni Rukmana (Tutut)). Кроме того, один из 16 обанкротившихся банков, которым владел сын Сухарто, получил разрешение возобновить операции под другим именем. Валютный рынок отреагировал массовой продажей рупий. Эти 16 банков были лишь небольшой частью куда большей проблемы. В стране насчитывалось более 200 банков, многие из которых были маленькими, плохо управляемыми, а регулирование и надзор за ними были недостаточными. Затем, вопреки соглашению с МВФ, монетарная политика была ослаблена. Доверие инвесторов было подорвано еще сильнее, когда президент Коммерческой палаты Индонезии (Indonesian Chamber of Commerce) объявил, что президент Сухарто согласился использовать средства из пятимиллиардного фонда, выделенного Сингапуром, для предоставления льготных кредитов местным компаниям, которые испытывали сложности с получением кредитов. Вдобавок ко всему, в декабре 1997 года, в результате переутомления, вызванного зарубежными поездками, ухудшилось состояние здоровья Сухарто.

Обеспокоенный быстрым падением рупии, я сказал нашему послу в Джакарте попросить

Тутут встретиться со мной в Сингапуре, чтобы поделиться с ней моими соображениями по поводу ситуации, которые она потом могла бы передать отцу. Последний раз я видел ее в 1997 году, во время моего посещения Сухарто в Джакарте. На Рождество (25 декабря 1997 года) премьер-министр Го Чок Тонг и я встретились с ней в Сингапуре, в Вилле Истана. Мы объяснили ей, насколько серьезным станет положение Индонезии, если доверие инвесторов не будет восстановлено. Речь шла, во-первых, о состоянии здоровья ее отца; а во-вторых, о его желании выполнять условия МВФ. Я настоятельно просил ее и ее братьев и сестер понять, что внимание управляющих международными инвестиционными фондами в Джакарте было сконцентрировано на тех экономических льготах, которыми обладали дети президента. Поэтому им было бы лучше полностью отказаться от участия в новых проектах и каких-либо операциях на финансовом рынке на все время кризиса. Я прямо спросил ее, могла ли она добиться понимания этого от своих родственников. Она тут же откровенно сказала, что нет. Чтобы помочь ей понять, какие последствия влекут за собой ежедневные отчеты рыночных аналитиков, я послал Тутут через нашего посла в Джакарте копии подшивок ежедневных отчетов наиболее влиятельных аналитиков. Судя по действиям детей Сухарто, на них это не произвело никакого эффекта.

6 января 1996 года президент Сухарто обнародовал проект государственного бюджета Индонезии, который не обсуждался с МВФ и не соответствовал параметрам, оговоренным в соглашении с МВФ. В течение следующих двух дней курс индонезийской рупии снизился с 7,500 до 10,000 за доллар США, так как и заместитель управляющего директора МВФ Стэнли Фишер (Stanley Fischer) и заместитель секретаря казначейства США Лоуренс Саммерс (Lawrence Summers) подвергли бюджет критике, как не отвечающий условиям, согласованным ранее с МВФ. В девять часов вечера 8 января я услышал сообщение по радио, что толпы людей в Джакарте в панике очистили полки магазинов и супермаркетов, чтобы избавиться от обесценивавшихся рупий и запастись товарами. Я позвонил нашему послу в Джакарте, который подтвердил это сообщение, добавив, что один супермаркет был сожжен, а курс рупии у уличных менял понизился до 11,500 рупий за доллар США.

Я тут же позвонил премьер-министру Го Чок Тонгу, который немедленно послал сообщение в Госдепартамент США и МВФ с просьбой выступить с заявлениями, чтобы прекратить панику на рынках. В противном случае существовал серьезный риск того, что на утро могли возникнуть беспорядки. В семь часов утра по сингапурскому времени, президент Клинтон (Clinton) позвонил премьер-министру Го Чок Тонгу, чтобы обсудить с ним последние события и после этого поговорить с президентом Сухарто. Клинтон заявил, что он послал Саммерса, чтобы помочь решить возникшие проблемы. Тем временем Фишер выступил с заявлением, сказав, что реакция рынка была чрезмерной. Эти действия дали надежду, что проблемы будут решены, а беспорядки и бунты – предотвращены. 15 января президент Сухарто лично подписал второе соглашение с МВФ, предусматривавшее проведение более глубоких реформ.

9 января 1998 года, за несколько дней до подписания второго соглашения с МВФ, вторая дочь Сухарто – Сити Хедиати Херияди Прабово (Титиек) (Siti Hediati Heriyadi Prabowo), жена генерал-майора Прабово Субьянто (Prabowo Subianto), командира «Копассуса» (Kopassus – подразделения «красных беретов» по проведению специальных операций), встретила со мной в Сингапуре. Она приехала в Сингапур с ведома своего отца и просила нас о помощи по размещению в Сингапуре облигаций долларового займа. Некий международный банкир посоветовал им, что доллары, полученные в результате размещения такого займа, помогли бы стабилизировать рупию. Я ответил, что в той кризисной ситуации, когда дилеры валютного рынка сомневались в стабильности рупии, возможная неудача с выпуском облигаций могла вызвать дальнейшее падение доверия к валюте. Затем она пожаловалась, что, по слухам, Сингапур способствовал ослаблению рупии, и добавила, что наши банкиры поощряли индонезийцев держать свои деньги в Сингапуре. Она спросила, не могли ли мы прекратить эти действия. Я сказал, что любые меры были бы абсолютно неэффективны, поскольку индонезийцы могли перевести деньги из Индонезии в любую страну мира простым нажатием клавиши компьютера. Кроме того, слухи не могли бы повредить рупии, если бы экономика была здоровой. Чтобы восстановить доверие инвесторов, необходимо было показать, что ее

отец действительно выполнял реформы, согласованные с МВФ. Если он считал, что некоторые условия являлись слишком жесткими или их выполнение не имело практического смысла, он мог бы пригласить к себе в качестве советника кого-либо вроде Пола Уолкера (Paul Volcker), бывшего председателя Федеральной резервной системы США. В МВФ, скорее всего, внимательно прислушались бы к аргументам Волкера. Этот совет был услышан. Я узнал от одного из представителей банковских кругов, что Уолкер действительно приезжал в Джакарту, но, после встречи с Сухарто, уехал, так и не став его советником.

Проблемы Сухарто усугублялись все возрастающим участием его детей во всех выгодных контрактах и государственных монополиях. МВФ обращал особое внимание на отмену некоторых из этих монополий, включая монополию на торговлю гвоздикой и национальную автомобильную монополию, принадлежавшую его сыну Томми (Tommy), участие его дочери Тутут в строительстве электростанции, отмену банковских лицензий, выданных другим его сыновьям, и многое другое. Сухарто не понимал, почему МВФ вмешивался в его внутренние дела. В действительности же, эти монополии и концессии стали серьезной проблемой в отношениях с управляющими инвестиционных фондов. Кроме того, высшие технократы из окружения Сухарто рассматривали финансовый кризис, охвативший Индонезию, как удобную возможность для того, чтобы пересмотреть те методы, использование которых ослабило экономику страны и привело к росту недовольства. Но самым главным было то, что в МВФ знали, что Конгресс США не проголосует за предоставление дополнительных фондов, чтобы пополнить ресурсы МВФ, если эта практика не прекратится.

Критически важной для преодоления кризиса была позиция Америки, которую Саммерс изложил премьер-министру Го Чок Тонгу и мне 11 января 1998 года, остановившись в Сингапуре по пути в Индонезию. Необходим был «разрыв» с теми методами управления правительством, которые использовал Сухарто; следовало отменить привилегии членам его семьи и друзьям и установить одинаковые для всех правила игры. Я, в свою очередь, указал на то, что необходимо было обеспечить преемственность власти, ибо кто бы ни сменил Сухарто на посту президента, он не обладал бы таким же влиянием, как Сухарто, чтобы провести в жизнь выполнение тех условий, на которых настаивал МВФ. Поэтому нам следовало помочь Сухарто выполнить условия МВФ и стремиться к достижению оптимального результата, а именно: добиться назначения вице-президента, который восстановил бы веру финансового рынка в будущее Индонезии после того, как Сухарто уйдет в отставку. Администрация Клинтона не разделяла моих взглядов, американцы были непреклонны, требуя от Индонезии перейти к демократии, прекратить нарушения прав человека и начать борьбу с коррупцией. «Холодная война» закончилась, и у них больше не было оснований «трястись» (mollycoddle) над Сухарто, как выразился Клинтон во время предвыборной кампании 1992 года.

Через два месяца, в марте 1998 года, бывший вице-президент США Уолтер Мондэйл (Walter Mondale) привез Сухарто послание президента Клинтона. Возвращаясь домой, он встретился в Сингапуре с премьер-министром Го Чок Тонгом и мною. После обмена взглядами на то, каковы могли быть наиболее вероятные действия Сухарто по проведению реформ, Мондэйл спросил у меня: «Вы знали Маркоса. Был ли он героем или мошенником? Как бы Вы могли сравнить Маркоса и Сухарто? Кто такой Сухарто: патриот или мошенник?» Я чувствовал, что Мондэйл пытается прийти к определенному мнению относительно действий Сухарто перед тем, как представить какие-либо рекомендации своему президенту. Я ответил, что Маркос, возможно, начинал как герой, но закончил как мошенник. Сухарто отличался от него. Идеалом для него служили не Вашингтон (Washington), Джефферсон (Jefferson) или Медисон (Madison), а султаны Соло (Solo) правившие на Центральной Яве. Жена Сухарто была младшей принцессой этой королевской семьи. На посту президента Индонезии он был мега-султаном мега-страны. Сухарто верил, что его дети обладали правом на привилегии, подобно принцам и принцессам династии султанов Соло. Поэтому, раздавая эти привилегии, он не испытывал никаких затруднений. Он считал себя патриотом, и я не назвал бы Сухарто мошенником.

Премьер-министр Го Чок Тонг посетил Сухарто трижды: в октябре 1997 года, в январе и феврале 1998 года, пытаясь объяснить, что экономика Индонезии была в состоянии серьезного кризиса, и что Сухарто следовало бы отнестись к проведению согласованных с МВФ реформ

серьезно. В противном случае, паника на валютном и фондовом рынках могла привести к краху. Когда он вернулся в Сингапур после последней встречи в феврале 1998 года, он сказал мне, что Сухарто вел себя так, словно его осаждали, он верил, что Запад решил свергнуть его. Го Чок Тонг выразил Сухарто свое беспокойство относительно того, что продолжавшееся ухудшение экономической ситуации могло привести к нехватке продовольствия, социальным волнениям и потере доверия к Индонезии. Тогда президент столкнулся бы с серьезными трудностями. Поэтому было важно стабилизировать экономику с помощью МВФ. В ответ Сухарто с уверенностью заявил, что армия полностью поддерживала его. Го Чок Тонг намекнул, что бывают обстоятельства, когда народ так голодает, что солдаты могут отказаться стрелять. Сухарто отверг это предположение, – к сожалению, он утратил связь с реальностью. В это самое время, как сообщил посол США нашему послу в Индонезии, один из индонезийских генералов сказал: «Если на улицы выйдет тысяча студентов, мы обрушимся на них со всей силой. Если их будет десять тысяч, – силы безопасности (ABRI) будут пытаться контролировать толпу. Если же их будет сто тысяч, – силы безопасности перейдут на сторону студентов».

Несколько следующих шагов, сделанных Сухарто, привели к дальнейшему понижению курса индонезийской валюты и стоимости ценных бумаг, несмотря на подписание в январе 1998 года второго соглашения с МВФ. Еще не закончился январь, как в индонезийской прессе появились сообщения о критериях, которые президент использовал для подбора кандидатов на пост вице-президента. Эти статьи привели многих к заключению, что наиболее вероятным кандидатом на этот пост был Б. Д. Хабиби. Он получил известность в результате осуществления таких дорогостоящих, высокотехнологичных проектов как создание авиастроительного предприятия.

Несколько зарубежных лидеров были обеспокоены этим и тайно посетили Сухарто, чтобы попытаться отговорить его от такого выбора. Среди них были бывший премьер-министр Австралии Пол Китинг (Paul Keating), которого Сухарто считал своим хорошим другом, премьер-министр Го Чок Тонг и заместитель премьер-министра Малайзии Анвар Ибрагим. В конце января 1998 года Даим Заинуддин, экономический советник правительства Малайзии, прислал мне письмо. Он просил меня встретиться с Сухарто и убедить его не назначать на пост вице-президента Хабиби. Министры Сухарто сказали ему, что было необходимо, чтобы соседи Малайзии дали Сухарто совет. Я не мог поехать в Джакарту в разгар кризиса, чтобы не сложилось впечатление, что я вмешивался во внутренние дела страны. Вместо этого я решил пойти на хорошо рассчитанный риск и в речи, произнесенной 7 февраля в Сингапуре, предостерег: «Рынок обеспокоен его (президента Сухарто) критериями для выбора вице-президента, от которого якобы требовались глубокие знания в области науки и техники. Об этих критериях было объявлено вскоре после достижения второго соглашения с МВФ... Если рынок будет недоволен этим выбором, то, кто бы ни стал вице-президентом, это вновь ослабит рупию». Хотя я не упомянул Хабиби по имени, после этого заявления его сторонники выступили с нападками на меня.

Когда же Сухарто решил все же назначить на пост вице-президента Хабиби, управляющие инвестиционными фондами и валютные дилеры отреагировали так, как и ожидалось. Они стали продавать рупию, и ее курс понизился до 17,000 рупий за доллар США, потянув за собой вниз курсы валют и акций компаний стран региона.

В начале февраля 1998 года сын президента Бамбанг (Bambang) привез на встречу с Сухарто Стива Хенка (Steve Hanke), американского профессора из университета Джона Гопкинса (Johns Hopkins University), который посоветовал ему, что простым решением проблемы стабилизации курса рупии было бы учреждение Валютного комитета (currency board). Пока он публично обсуждал идею учреждения валютного комитета, курс рупии продолжал сильно колебаться. Рынок терял доверие к президенту, который до того считался опытным и рассудительным человек.

Последние назначения на высшие военные и министерские посты, сделанные в феврале и марте 1998 года, были наиболее катастрофическими просчетами Сухарто. Он назначил Хабиби на пост вице-президента, потому что, как сказал Сухарто за 48 часов до собственной отставки, никто не желал бы видеть того на посту президента. Сухарто полагал, что никто в Индонезии и

ни одна зарубежная держава не стремилась бы устранить его от власти, если бы они знали, что президентом станет Хабиби. Его партнер по игре в гольф, лесопромышленник Боб Хасан (Bob Hasan), был назначен министром торговли и промышленности, а его дочь Тутут – министром социального обеспечения. Почти все другие назначенцы были лояльны по отношению к нему либо к его детям. Наиболее серьезным просчетом было назначение генерала Виранто (Wiranto) главнокомандующим вооруженных сил, одновременно с присвоением зятю Президента Прабово Субьянто звания генерал-лейтенанта с назначением его на должность командующего стратегическими силами «Кострад» (Kostrad). Сухарто знал, что Прабово был ярким и честолюбивым человеком, в то же время отличавшимся порывистостью и опрометчивостью.

Я дважды встречался с Прабово за обедом в Джакарте в 1996 и 1997 году. Он обладал быстрой реакцией, но его откровенность порой была неуместна. 7 февраля 1997 года, встретившись порознь со мной и премьер-министром Го Чок Тонгом, он сделал странные заявления. По его словам, китайцы в Индонезии находились в опасности, потому что в случае любых волнений или бунтов они пострадали бы как представители меньшинства. Он добавил, что известный преуспевающий индонезийский бизнесмен китайского происхождения Софьян Вананди (Sofian Wanandi), принимавший активное участие в политике, был в опасности как «представитель двойного меньшинства», ибо являлся китайцем и католиком. Софьян якобы сказал ему и нескольким другим генералам, что президент Сухарто должен уйти в отставку. Когда я высказал свои сомнения по этому поводу, Прабово стал настаивать, что Софьян действительно сказал это, и что католики – китайцы представляли опасность для самих себя. И премьер-министр, и я ломали голову над тем, почему он решил сделать такое заявление о Софьяне, – ведь было крайне маловероятно, чтобы какой-либо индонезиец сказал зятю президента, что президент должен уйти в отставку. Мы гадали, не готовил ли он нас к чему-либо такому, что должно было вскоре произойти с Софьяном и другими бизнесменами китайского происхождения.

9 мая 1998 года недавно ушедший в отставку заместитель председателя Объединенного комитета начальников штабов США (The US Joint Chief of Staff) адмирал Вильям Оуэнс (William Owens), встретился со мной в Сингапуре. Он рассказал мне о странном заявлении, сделанном Прабово во время их встречи в Джакарте за день до того. За обедом, в присутствии двух молодых помощников, подполковников, один из которых был доктором, Прабово сказал: «Старик не протянет и девяти месяцев, наверное, он умрет». Будучи в приподнятом настроении по поводу присвоения ему очередного звания и назначения на должность главы «Кострада», он пошутил, что ходят сплетни, что он может сам предпринять попытку переворота. Оуэнс сказал, что, хотя они были знакомы с Прабово на протяжении двух лет, такие шутки в присутствии иностранца были вряд ли уместны. Я ответил, что Прабово поступил по отношению к нему опрометчиво.

На протяжении нескольких месяцев, начиная с января 1998 года, студенческие протесты не выходили за пределы студенческих городков, в которых преподаватели, бывшие министры и генералы открыто обращались к толпам студентов, поддерживая требования о проведении реформ. Чтобы продемонстрировать, что он полностью контролирует ситуацию, в разгар кризиса, 9 мая 1998 года, Сухарто уехал в Каир, чтобы принять участие в конференции. Студенты тут же вышли с демонстрациями на улицы и, после нескольких столкновений с полицией по борьбе с беспорядками, 12 мая шесть студентов Университета Трисакти (Triskati) были застрелены в тот момент, когда толпа отступала в университетский городок. Последовавшие за этим беспорядки привели к полнейшей анархии, – полиция и солдаты практически сдали город бандам, которые крушили, грабили и жгли магазины и дома этнических китайцев и насиловали китайских женщин. Было общеизвестно, что бунты были организованы людьми Прабово. Он хотел продемонстрировать некомпетентность генерала Виранто, чтобы по возвращении из Каира Сухарто назначил его (Прабово) главнокомандующим вооруженными силами. Но к 15 мая – моменту возвращения Сухарто из Каира – его игра была уже проиграна.

Один за другим ближайшие и наиболее лояльные помощники и министры покидали его, после того как наиболее послушный из его подчиненных, Хармоко (Harmono), назначенный Сухарто на должность спикера Национального собрания, публично потребовал отставки

президента. Драма закончилась в 9:00 часов утра 21 мая, когда Сухарто выступил по телевидению с заявлением об отставке, и Хабиби был приведен к президентской присяге.

Кризис, который начался с обострения экономических проблем, которые требовали для своего разрешения поддержки со стороны МВФ, закончился свержением президента. Это явилось огромной личной трагедией лидера, превратившего доведенную к 1965 году до нищеты Индонезию в экономически бурно развивавшуюся страну, давшему образование ее народу и создавшего инфраструктуру для дальнейшего развития Индонезии. В этот критический момент человек, который до того так хорошо умел оценивать людей и подбирать себе помощников, ошибся в выборе лиц на ключевые позиции в государстве. Его ошибки оказались бедственными для страны и для него самого.

Сухарто никогда не думал об изгнании. Все его состояние и состояние членов его семьи было вложено в Индонезии. Американский журналист, который написал в журнале «Форбс» (Forbes), что семейство Сухарто владело активами стоимостью 42 миллиарда долларов, в октябре 1998 года сказал мне в Нью-Йорке, что большая часть этого богатства была вложена в Индонезии. После пережитого Индонезией кризиса он оценивал стоимость этих активов всего в 4 миллиарда долларов. В отличие от президента Филиппин Маркоса Сухарто не переводил свои активы за границу, чтобы подготовить почву для своего бегства. Он остался в своем доме в Джакарте. После пребывания на посту президента в течение 32 лет он не собирался убегать. Я не понимал, зачем его детям нужно было столько денег. В результате этих излишеств его место в истории Индонезии стало иным.

Генерал Бенни Моердани, его доверенное лицо, преданный ему человек, долгие годы прослуживший на посту начальника разведки вооруженных сил, а позднее – главнокомандующего вооруженных сил, в конце 80-ых годов сказал мне, что он советовал Сухарто обуздать бесконечные требования его детей о предоставлении все большего количества привилегий для ведения бизнеса. Если бы Сухарто слушал Моердани, он не пришел бы к такому трагическому финалу.

Я смотрел телевизионную передачу об его отставке. Он заслужил, чтобы уйти с куда большим почетом. Сухарто концентрировал свою энергию на обеспечении стабильности и развитии экономики, его политика создала условия для быстрого экономического роста в странах АСЕАН с 70-ых по 90-ые годы. Это были золотые годы для стран Юго-Восточной Азии.

Несмотря на то, что Хабиби стал президентом случайно, он считал, что был предназначен управлять Индонезией самой судьбой. Он был высокообразованным, но очень непостоянным и весьма разговорчивым человеком. В интервью журналу «Эйжиэн Уол стрит джорнэл» от 4 августа 1998 года он описал свой стиль работы как «параллельную обработку 10–20 различных вопросов одновременно», сравнивая себя с компьютером. Он также жаловался, что когда 21 мая 1998 года он пришел к власти, то получил поздравления из многих стран на следующий день, а Сингапур не присылал свои поздравлений «почти что до июня, прислав их с большим опозданием. Мне все равно, но (в Индонезии) проживает 211 миллионов человек. Посмотрите на карту. Все окрашенное зеленым – это Индонезия. А вот эта красная точка – Сингапур. Посмотрите на это». (Сингапур направил ему официальные поздравления 25 мая). Несколько дней спустя премьер-министр Го Чок Тонг в своей речи на заседании по поводу Национального праздника Сингапура заявил, что Сингапур – город с населением 3 миллиона человек – располагал ограниченными ресурсами, а потому существовали пределы того, что «маленькая красная точка» могла сделать для своих соседей.

Мы хорошо знали Хабиби, потому что он руководил осуществлением проекта по развитию острова Батам. Он был настроен против индонезийцев китайского происхождения, и это отношение распространялось и на Сингапур, большинство населения которого составляли китайцы. Он хотел обращаться с нами так, как в Индонезии обращались с этническими китайцами, – то есть оказывать на нас давление и облагать нас данью. Такой подход изменил бы основу, на которой Сухарто и я сотрудничали как главы равноправных независимых государств, и превратил бы их в отношения между «старшим и младшим братом» (abang-adik). Тем не менее, в частном порядке, Хабиби посылал настойчивые приглашения премьер-министру Сингапура встретиться с ним в Джакарте, а также пригласил Ли Сьен Лунга

(заместителя премьер-министра) и его жену на ужин. Хабиби хотел продемонстрировать, что мы поддерживали его, считая, что индонезийские бизнесмены китайского происхождения прониклись бы к нему доверием и стали бы вкладывать деньги в экономику. Мы не представляли себе, каким образом подобные визиты могли привести к такому результату. Через два дня после упомянутого интервью он на протяжении 80 минут отчитывал министра просвещения и заместителя министра обороны Сингапура Тео Чи Хина. Тео доставил гуманитарную помощь в Джакарту, генералу Виранто, главнокомандующему вооруженных сил Индонезии. По словам Тео Чи Хина, «Хабиби был очень оживлен, размахивал руками, а выражение его лица и тон голоса быстро менялись. Он едва мог спокойно сидеть, его голос звучал страстно, он выглядел взволнованным. Хабиби чередовал перечисление собственных достижений и особых качеств с плохо завуалированными угрозами в адрес Сингапура, напомнив, что он прожил в Европе 25 лет, начиная с 18-летнего возраста, и усвоил такие ценности как демократия и соблюдение прав человека».

Хабиби хотел, чтобы Сингапур знал свое место и понимал уязвимость своего положения. Он вновь указал, что «Сингапур лежит внутри Индонезии». Соскочив с места, он подбежал к карте, висевшей на стене, и, вытянув обе руки, продемонстрировал, как закрашенная зеленым территория Индонезии окружает «красную точку» – Сингапур.

Спустя некоторое время, вечером 27 января 1995 года, оправляясь в Давос, я был поражен, услышав по радио, что Хабиби решил предоставить населению Восточного Тимора право выбора между независимостью и полной автономией. Это был внезапный отказ от политики, которую Индонезия проводила, начиная с 1976 года, настаивая на необратимости включения Восточного Тимора в состав Индонезии.

В Давосе я встретился со Стэнли Росом (Stanley Roth), проницательным, постоянно путешествовавшим, неутомимым помощником Госсекретаря США по странам Восточной Азии и Тихоокеанского региона. Мы согласились, что предложение Хабиби раз и навсегда изменило ситуацию, и теперь можно было ожидать провозглашения независимости Восточного Тимора. Рос сухо заметил, что премьер-министрам следует быть осторожней, когда они пишут письма таким президентам как Хабиби. (Мы оба читали сообщение, что решение Хабиби было вызвано письмом премьер-министром Австралии Джона Говарда (John Howard), который предлагал, чтобы жители Восточного Тимора сделали свой выбор на референдуме).

Вскоре после этого заявления по Восточному Тимору, 4 февраля 1999 года, министр связи Сингапура Ма Боу Тан (Mah Bow Tan), посетил Хабиби, который напомнил ему, что посол Австралии проинформировал его о варианте, использованном Францией в Новой Каледонии. Этот подход заключался в том, чтобы организовать референдум и быть готовым к тому, чтобы предоставить независимость после 15-летнего подготовительного периода. Хабиби сказал послу Австралии, что Индонезия не станет использовать этот подход. По его словам, Индонезия не получила от Восточного Тимора ни природных, ни людских ресурсов, ни золота, поэтому австралийцы не имели права настаивать, чтобы Индонезия предоставила автономию или право на самоопределение Восточному Тимору.

«Мир не понимает и всегда неправильно нас оценивает», – сказал Хабиби Ма Боу Тану. Он был «сыт этим по горло» и дал задание своему правительству изучить возможные варианты отделения Восточного Тимора от Индонезии, предоставив его жителям право выбирать между автономией и независимостью. Хабиби заявил, что в том случае, если жители Восточного Тимора откажутся принять автономию, но, в то же время, будут ожидать от Индонезии помощи в подготовке к независимости, ему придется сказать им «извините». Он не собирался играть по отношению к Восточному Тимору роль «богатого дядюшки». Он попросил посла передать это премьер-министру Австралии Джону Говарду. Следовательно, письмо полученное им от Говарда в январе 1999 года, содержало идеи Хабиби относительно будущего Восточного Тимора. Когда Хабиби получил его, он немедленно набросал на полях соответствующих параграфов заметки, содержавшие рекомендации членам правительства. Так была приведена в движение цепь событий, обозначивших поворотный пункт в истории Индонезии.

Я получил подтверждение того, как он принял решение по Восточному Тимору, когда встретился с Джинанджаром Картасасмитом (Ginandjar Kartasasmita). В ночь, предшествовавшую заявлению Хабиби, этот способный министр экономики Индонезии летел

из Сингапура в Цюрих на Всемирный экономический форум в Давосе. Мы сидели через проход друг от друга, между нами завязалась часовая дискуссия об экономических и политических процессах в Индонезии. Больше всего его занимала проблема Восточного Тимора. Решение было принято на заседании правительства, на основе заметок Хабиби, после того как этот вопрос был поднят впервые. Дискуссия продолжалась два часа, после чего все министры, включая министра обороны генерала Виранто, согласились с предложением президента. С тревогой в голосе он спросил, будет ли это иметь иные последствия для Индонезии. Я дипломатично ответил, что не могу с уверенностью говорить о последствиях этого решения, но подчеркнул, что оно представляло собой серьезное изменение в политике.

Советники Хабиби считали, что предложение автономии или независимости Восточному Тимору позволит им получить финансовую поддержку МВФ и Мирового банка, приобрести в США и странах Европы репутацию демократа и реформатора, что должно было помочь его переизбранию. На самом деле, он настроил против себя своих генералов, многие из которых провели годы, умиротворяя Восточный Тимор. В августе, во время встречи членов Организации по экономическому сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТЕС – Asia Pacific Economic Cooperation) в Окленде (Auckland), Джинанджар сказал премьер-министру Го Чок Тонгу, что в феврале 1999 года они совершили ошибку, вооружив местную милицию. Правительство стремилось «убедить жителей Восточного Тимора не голосовать за провозглашение независимости». В голосовании приняло участие 99 % жителей Восточного Тимора, имевших право голоса. Подавляющее большинство из них (80 %) высказалось за независимость. После этого Восточный Тимор был выжжен и разрушен, якобы членами местной милиции. Репутация вооруженных сил Индонезии и правительства от этого пострадала, а образу Хабиби как индонезийского националиста был нанесен ущерб.

Чтобы добиться переизбрания Хабиби, команда его советников пыталась представить его реформатором, желавшим порвать с прошлым. Он освободил политических заключенных. При Сухарто было три политических партии, Хабиби разрешил зарегистрировать более 50 политических партий. Он часто встречался с прессой и высказывался вольно, слишком вольно. Его советники вмешивались и держали его на «коротком поводке», останавливая, когда его «заносило». Он нуждался в деньгах, чтобы получить поддержку. Официальные лица ожидали после выборов больших перемен. Опасаясь, что им будут предложены должности, на которых возможности получения взяток будут ограничены, они полностью использовали этот период «междоцарствия». Коррупция на всех уровнях была сильнее, чем в худшие годы правления Сухарто. Возможности для этого были огромны, потому что многие банки и большие компании были неплатежеспособны и зависели от помощи правительства. Одним из них был «Бали бэнк» (Bali Bank), из которого ближайшими помощниками Хабиби было выкачано 70 миллионов долларов. МВФ и Мировой банк прекратили помощь Индонезии до проведения тщательного аудита и наказания всех виновных. Хабиби блокировал публикацию аудиторского заключения, потому что оно якобы нарушало принятые в Индонезии правила о сохранении тайны вкладов. Индонезийские средства массовой информации сообщали, что следы этих денег тянулись к членам его семьи.

Тем не менее, он мобилизовал для своего переизбрания всю поддержку, которую могла дать его репутация мусульманина и положение президента. Его помощники способствовали тому, что, в результате своих неуверенных действий он «сорвался в штопор». Он отказался снять свою кандидатуру, несмотря на давление со стороны средств массовой информации, лидеров оппозиции, политических партий и его собственной партии Голкар (Golkar). Хабиби сказал, что он – не трус и снимет свою кандидатуру только в том случае, если она будет отклонена Народным консультативным собранием (НКС – People's Consultative Assembly). Так и получилось. Ранним утром 20 октября 355 членов НКС проголосовало «против» одобрения его отчета, 322 – «за». Те, кто знаком с махинациями в индонезийской политике, говорили мне, что они никогда еще не видели, чтобы столько денег было получено столь многими делегатами НКС в столь короткий промежуток времени. Хабиби сдался.

Выход Хабиби из борьбы за президентское кресло привел к драматическим, сделанным в последний момент, изменениям в составе парламентских коалиций, которые повлияли на судьбу двух главных претендентов на этот пост: Абдурахмана Вахида (Abdurrahman Wahid),

или Гус Дура (Gus Dur, т. е. «старший брат Дур»), и Мегавати Сукарнопутри (Megawati Sukarnoputri). Гус Дур является лидером традиционной деревенской мусульманской организации «Нахдлатул Илама» (Nahdlatul Ulama), насчитывающей около 30 миллионов членов. Его Партия национального пробуждения (ПНП – National Awakening Party) получила 12,6 % голосов на июньских выборах. Мегавати, дочь президента Сукарно, возглавляла Индонезийскую демократическую партию «Борьба» (ИДПБ – Indonesian Democratic Party – Struggle) во время шумных массовых митингов и получила наибольшее число голосов – 34 %, намного оторвавшись от партии Хабиби Голкар. Тем не менее, 20 октября, в 4:00 часа утра, НКС, в котором заседали 695 депутатов (из которых двести были назначены, а не избраны на выборах) провозгласило Гус Дура президентом. Он получил 373 голоса, Мегавати – 313 голосов. Последовавшие за этим лихорадочные политические маневры завершились лишь на следующий день, в три часа пополудни, когда собрание приступило к голосованию по кандидатуре вице-президента. В борьбу вступили три кандидата: Акбар Танчжунг (Akbar Tanjung) от партии Голкар, главнокомандующий вооруженных сил Индонезии Виранто от партии ТНИ (Tentara Nasional Indonesia), и Хазма Хаз (Hazmah Haz) от Исламской коалиции. Мегавати отказалась выставить свою кандидатуру, опасаясь потерпеть унизительное поражение. Гус Дур потратил немало времени, чтобы убедить ее изменить решение и, в конечном итоге, заверил, что он располагал необходимой для победы поддержкой достаточного количества партий. Он нуждался в ней как в вице-президенте, чтобы укрепить легитимность своего президентства. Тем временем в нескольких городах на Яве и Бали, где она завоевала почти все голоса избирателей, начались вспышки насилия и поджоги.

Так уж совпало, что в этот момент Стэнли Рос находился в Сингапуре, чтобы выступить на заседании Мирового экономического форума (World Economic Forum). Он встретился с премьер-министром Го Чок Тонгом и мною в 8:00 часов вечера, через несколько часов после избрания Гус Дура президентом. И он, и мы были убеждены, что в том случае, если путем политических интриг НКС лишит Мегавати поста вице-президента, Индонезия не избежит кровопролития и еще больших беспорядков. Обе стороны решили сделать все возможное, чтобы дать понять ключевым индонезийским политикам, какой эффект это произведет на международных инвесторов.

22 декабря газета «Джакарта пост» (Jakarta Post) сообщила, что государственный секретарь США Маделин Олбрайт (Madelein Albright) (находившаяся тогда в Африке) рано утром, за день до выборов, позвонила Гус Дуру, чтобы «донести точку зрения Вашингтона»: Мегавати должна быть избрана вице-президентом. Мегавати убедительно победила на выборах, получив 396 голосов «за» и 284 – «против». Это спасло Индонезию от второго раунда беспорядков.¹⁷

В сложившихся обстоятельствах это было наилучшим исходом. Гус Дур, новый президент, потерял зрение, в течение 1998 года он пережил два инсульта. Тем не менее, 20 октября Гус Дур был достаточно ловок и осторожен, чтобы действовать стремительно, максимально использовать свои шансы и добиться избрания. После того, как НКС отклонило отчет Хабиби, Гус Дур сумел собрать большинство промусульманских голосов, которые, в противном случае, были бы поданы за Хабиби. В течение недели, прошедшей с момента его избрания, он быстро назначил министров правительства национального примирения, в котором были представлены все главные политические партии и вооруженные силы. Возможно, это правительство не будет самым эффективным из-за дробления власти между различными политическими силами, но оно поможет помочь залечить раны, нанесенные в течение 17 месяцев кровавых столкновений. В ходе этих беспорядков коренные индонезийцы конфликтовали с китайцами, мусульмане – с христианами, даяки и малайцы – с мадурцами,¹⁸ сепаратисты из Ачеха (Aceh) – с индонезийской армией. Перед Гус Дуром и Мегавати стоят две огромные задачи: восстановить социальную структуру индонезийского общества и возродить экономику.

¹⁷ Прим. пер.: в июле 2001 года Мегавати Сукарнопутри сменила Гус Дура на посту президента Индонезии

¹⁸ Прим. пер.: речь идет о столкновениях коренных жителей острова Калимантан с переселенными на остров жителями острова Мадуро

В годы правления Сухарто, чтобы избежать разногласий с президентом и его помощниками, мы не встречались с лидерами индонезийской оппозиции. В отличие от американцев и европейцев, мы не поддерживали оппонентов Сухарто: Мегавати Сукарнопутри, Амьен Раиса (Amien Rais) и даже Гус Дура. Мы поддерживали тесные связи с министрами Сухарто и ТНИ. Именно они, в особенности министр иностранных дел Али Алата, и министр обороны и шеф ТНИ генерал Виранто, помогли стабилизировать двухсторонние отношения во время президентства Хабиби. Тем не менее, в период между январем и апрелем 1999 года С. Р. Натан, тогдашний директор Института оборонных и стратегических исследований (ИОСИ – The Institute of Defense and Strategic Studies), а позже, с сентября 1999 года, – президент Сингапура, приглашал лидеров политических партий Индонезии для выступлений в его институте. Их визиты широко освещались в местной и международной прессе. Во время этих визитов министры Сингапура встречались с ораторами во время обедов и ужинов, чтобы понять их позицию и установить личные контакты. Так мы познакомились с Гус Дуром (позднее ставшим президентом), Мегавати Сукарнопутри (впоследствии – вице-президента страны), Амьен Раисом (впоследствии – председателем НКС) и Марзуки Дарусманом (Marzuki Darusman) из партии Голкар (впоследствии – генеральным прокурором в правительстве Гус Дура).

Это рассердило Хабиби и его помощников, которые публично выразили свое недовольство нашим вмешательством в их внутренние дела. Представители ИОСИ ответили, что они приглашали и представителей партии Голкар. В институте выступал Марзуки Дарусман, кроме того, ИОСИ неоднократно приглашал председателя партии Голкар Акбара Танчжунга, который так и не смог приехать. Это не удовлетворило доктора Деви Фортуна Анвар (Dr. Dewi Fortuna Anwar), советника Хабиби по международным делам, – она обвинила Сингапур в поддержке Мегавати.

Я встретился с Гус Дуром в Джакарте в 1997 году, когда он выступил перед неофициальным собранием инвесторов с речью, в которой разъяснил роль ислама в Индонезии и заверил, что ислам в Индонезии отличался от его ближневосточной разновидности. Он был очень умен, обладал хорошими ораторскими навыками, хорошо говорил по-английски и по-арабски. Тогда я не думал, что он станет президентом и унаследует Индонезию Сухарто после «междоусобия» Хабиби.

В ту ночь, когда он был приведен к президентской присяге, премьер-министр Го Чок Тонг и я направили ему наши поздравления. Мы не хотели, чтобы у них были какие-либо сомнения по поводу нашей поддержки нового президента.

Вскоре после выборов он собрал всех послов стран АСЕАН, чтобы сообщить им, что он посетит все страны АСЕАН, начиная с Сингапура. Обращаясь к нашему послу Эдварду Ли (Edward Lee), он намеренно подчеркнул: «Индонезия хочет развивать хорошие отношения с Сингапуром и надеется, что Сингапур поможет в восстановлении страны». Далее он объяснил свое видение будущего: Китай, Индия и Индонезия – три наиболее населенные державы мира,¹⁹ должны были образовать союз; Япония и Сингапур оказали бы им финансовую и технологическую помощь; в результате этого страны Азия стали бы меньше зависеть от Запада.

Перед его прибытием в Сингапур министр иностранных дел Индонезии доктор Алви Шихаб (Dr. Alwi Shihab), способный и практичный человек, который до того был бизнесменом и профессором богословия в американском колледже, посетил Эдварда Ли в посольстве Сингапура, чтобы продемонстрировать, что Индонезия не собиралась вести себя как «старший брат», а искренне хотела развивать сотрудничество с нами. Эдвард Ли заверил его, что Сингапур окажет Индонезии помощь, но финансовые и технологические возможности трех миллионов сингапурцев были ограничены. Сингапур не располагал ресурсами Америки или Японии, чтобы вновь привести в движение экономику Индонезии. Алви Шихаб сказал ему, что мы могли бы сыграть роль катализатора, чтобы восстановить доверие инвесторов к Индонезии. В результате, моя первая встреча с Гус Дуром в качестве президента Индонезии была теплой и конструктивной.

6 ноября 1999 года премьер-министр Го Чок Тонг встретился с президентом Гус Дуром в

¹⁹ Прим. пер.: по численности населения Индонезии уступает еще и США

аэропорту, и у них состоялась хорошая дискуссия до и во время обеда. Затем, выступая в набитой до отказа аудитории, в которой присутствовало 500 бизнесменов и дипломатов, Гус Дур впечатляюще продемонстрировал свою политическую хватку и качества, которых ожидали от нового президента Индонезии в эпоху большей открытости и ответственности. Когда я встретился с ним, он предложил мне стать членом его международного совета по экономическому восстановлению Индонезии. Это была честь, от которой я не мог отказаться. Гус Дур говорил об этических стандартах и чистом правительстве. Я сказал ему, что если он хотел, чтобы его министры были честными, ему следовало платить им так, чтобы они могли жить в соответствии с их статусом, не получая взяток. Его министр по делам экономики, финансов и промышленности Квик Киан Джай (Kwik Kian Gie), который присутствовал при этом, сказал Джорджу Ео, нашему министру без портфеля, что он только что обсуждал этот деликатный вопрос с президентом, – они могли позволить себе платить высокое жалованье только высшим чиновникам, а не всем подряд.

С целью свободного обмена мнениями мы провели встречу «в четыре глаза». Его подвижность, несмотря на возраст, два перенесенных инсульта и беспокойное утро, обнадеживала. Он никогда не терял чувства юмора. Гус Дур вел себя как президент, полностью владевший ситуацией. По его словам, мусульманские партии, которые избрали его, должны были стать на более реалистичные позиции, столкнувшись с реальными проблемами, а также под его влиянием. Через пять лет они изменились бы. Он хотел, чтобы премьер-министр Сингапура и я приняли вице-президента Мегавати и помогли ей приобрести как можно больше опыта. Он сказал, что у него были хорошие отношения с генералом Виранто и ясное понимание того, как должна была постепенно измениться роль вооруженных сил. Он знал, что в его правительстве было много несовместимых людей, особенно в сфере финансов и экономики, но верил, что эти проблемы будут разрешены. Он был настроен сделать свое правительство последовательным и согласованным.

Его чувство юмора соответствовало его реальной самооценке. Он пошутил: «Первый президент Индонезии (Сукарно) сходил с ума по женщинам, второй президент (Сухарто) сходил с ума по деньгам; третий президент (Хабиби) просто сошел с ума». Его дочь, которая сопровождала его, спросила: «А как насчет четвертого президента?» Он мгновенно ответил: «Представление, театр» (Wayang). Одним словом он суммировал свою роль в Индонезии: он был уверен, что сумеет играть роль президента Индонезии в новую эпоху большей открытости средств массовой информации и деятельности неправительственных организаций, которые боролись за проведение реформ и развитие демократии. Тем не менее, Индонезия сильно изменилась. Власть больше не сосредотачивалась в руках президента, опиравшегося на всемогущие вооруженные силы. Выборы вынесли на поверхность большое количество небольших исламских партий, но они не смогли сформировать большинства. Партия Мегавати завоевала наибольшее количество голосов – 34 %. Амьен Раис, лидер мусульманской партии, получившей 7 % голосов, умело сформировал коалицию мусульманских партий «Средняя ось» (Middle Axis), которая заключила соглашение с другими группами и позволила ему занять место спикера Национального консультативного собрания, победив кандидата партии Мегавати. «Средняя ось» также не позволила Мегавати занять место президента, избрав Гус Дура, – традиционного лидера мусульман Центральной и Восточной Явы. Несмотря на то, что Гус Дур является мусульманским клерикалом, он приемлем для националистов, потому что всегда выступал за отделение религии (включая ислам) от государства. Тем не менее, он был избран президентом только благодаря голосам мусульман из «Средней оси». Сухарто держал ислам под контролем до конца 80-ых годов, когда он стал культивировать ислам, чтобы противопоставить мусульман влиянию вооруженных сил. Находясь на посту президента, Хабиби активно помогал им, с целью мобилизации поддержки мусульман для своего переизбрания. Войдя в коридоры власти, политический ислам является сейчас главной силой в Индонезии, и будет оставаться ею. Теперь главным испытанием для Индонезии является поддержание равновесия, которое позволит населяющим ее народам различных рас и религий объединиться в одну нацию, основываясь на лозунге отца-основателя Индонезии президента Сукарно: «Единство в многообразии» (Bhinneka Tunggal Ika). Эти слова написаны на государственном гербе Индонезии.

Глава 18. Развитие связей с Таиландом, Филиппинами и Брунеем

Мои ранние впечатления о Таиланде сформировались в 50-ых годах, во время остановок в Бангкоке по пути в Лондон и обратно. Меня поразили высокий уровень официальных лиц, отвечавших за внешнюю политику Таиланда. В МИД Таиланда попадали на работу самые яркие и способные студенты, получившие образование в британских, западноевропейских и латиноамериканских университетах. Это была престижная, высокооплачиваемая работа, весьма ценящаяся из-за зарубежных поездок, которые в то время были редкостью. Уровень чиновников внутренней администрации был гораздо ниже. Исторически, Таиланд бросал свои лучшие силы на то, чтобы отразить вторжение англичан из Бирмы и французов – из Индокитая. Таиланд – единственная страна Восточной Азии, которая никогда не была колонией.

В 1966 году я встретился в Бангкоке с премьер-министром Таиланда маршалом Таном Киттикачорном (Thanom Kittikachorn). Таном был стойким сторонником американского вторжения во Вьетнам. Несмотря на это, к январю 1973 года его настроение изменилось, он сказал мне, что полный вывод американских войск из Индокитая был в перспективе неизбежен. Он хотел, чтобы страны региона объединились в рамках АСЕАН путем приема в эту организацию Северного и Южного Вьетнама, Лаоса, Камбоджи и Бирмы, но только после достижения полного перемирия с Северным Вьетнамом.

Таном был простым человеком, преданным своим друзьям и союзникам. Он обращался со мной как со своим другом, а потому мы обменивались мнениями свободно и открыто. Он беспокоился, что из-за той поддержки, которую Таиланд предоставлял американцам, включая использование огромных военно-воздушных баз, с которых американские ВВС бомбили Северный Вьетнам, нельзя было исключить, что Вьетнам станет относиться к Таиланду враждебно и мстительно. Он сожалел, что американцы воевали вполсилы: они атаковали Северный Вьетнам только с воздуха и вели оборонительную войну в Южном Вьетнаме. Это была стратегия, которая не могла привести к победе, – американцы могли надеяться лишь не проиграть. Теперь Таиланд был вынужден приспособливаться к новым реалиям.

В октябре того же года проходившие в Бангкоке огромные демонстрации, требовавшие принятия более демократической конституции, привели к отъезду Танома в США. Он и его жена были очень несчастны, проживая в своей бостонской квартире. Они тосковали по теплым тропикам, друзьям и родственникам, а больше всего – по острой тайской кухне.

В декабре 1974 года Таном вернулся в Бангкок без предупреждения. Правительство Таиланда хотело отправить его обратно в США, но он отказался покинуть страну без того, чтобы его больной отец сопровождал его в более близкую, чем Америка, страну. Я согласился с просьбой правительства Таиланда позволить Таному проживать в Сингапуре, но выдвинул в качестве условия отказ от политической деятельности на время пребывания в Сингапуре. Я полагал, что нам пошло бы на пользу, если бы Сингапур стал такой же нейтральной страной, как Швейцария в Европе.

Я пригласил его, его жену, дочь и зятя, которые были вместе с ним в Бостоне, на ужин. Он перечислял страдания, пережитые в ссылке: непривычный холод Новой Англии, чувство изоляции, соседи, жаловавшиеся на острые запахи тайской кухни. В Сингапуре его посещала бесконечная череда родственников и друзей, так что его образ жизни был более домашним. Но правительство Таиланда (через сотрудников своего посольства в Сингапуре) внимательно наблюдало за возможной политической деятельностью Танома и его посетителей.

Таном вернулся в Бангкок два года спустя, в монашеской рясе, публично заявив, что хочет уйти в монастырь, и был принят некоторыми членами королевской семьи Таиланда. Жизнь ушла вперед, и Таном никогда не вернулся к власти, хотя ему и удалось убедить правительство Таиланда вернуть ему значительную часть активов, которые были конфискованы или заморожены. Так вообще вели дела в Таиланде, – стараясь избежать грубой и тотальной конфронтации, там, где было возможно достичь компромисса. Способность прощать – неотъемлемая часть буддизма.

В результате проведенных ранее, в 1975 году, всеобщих выборов, премьер-министром стал традиционный монархист Кукрит Прамой (Kukrit Pramoj). Он возглавлял коалицию в

парламенте, в котором его Партия общественного действия (Social Action Party) имела только 18 мест из 140.

Таиланду нужно было что-то предпринимать ввиду надвигавшейся победы Северного Вьетнама над Южным. Кукрит показался мне человеком проницательным, с философским складом ума, с острым, если и несколько мрачным, чувством юмора. Временами он мог вести себя достаточно фривольно. Разговорчивый, обладавший выразительной мимикой лица и активно жестикулировавший руками, он не произвел на меня впечатления человека, преследовавшего серьезные политические цели. Он вел себя, как премьер-министр в голливудском фильме «Тихий американец» (The Quiet American). Кукрит развелся со своей женой и жил в большом, живописном, старомодном тайском доме из тикового дерева в центре Бангкока, куда он пригласил меня, чтобы поужинать на открытом воздухе.

Как человек, отвечавший за формирование политики Таиланда, Кукрит не внушал мне доверия. Я посетил его в Бангкоке 17 апреля 1975 года, через неделю после того, как «красные кхмеры» захватили Пномпень, и за две недели до падения Сайгона. Для моего визита нельзя было бы даже специально подобрать более напряженного момента, но он мало что мог сказать о позиции Таиланда. Наш посол, который вырос в Таиланде и знал его лидеров и их культуру, полагал, что они все еще думали над тем, какой будет новая внешняя политика Таиланда. Кукрит сказал, что американцы эвакуируют свои базы в течение года. Он больше не был уверен в необходимости присутствия США в Таиланде. Из «сдерживателя» США превратились в «мишень», и присутствие американских войск компрометировало Таиланд, делало его положение более сложным. Я сказал ему, что нам не следовало сбрасывать США со счетов, – американский Конгресс мог изменить свою позицию по ходу развития событий. Позиция Сингапура заключалась в том, что присутствие 7-го флота США облегчало наши отношения с Советским Союзом и Китаем. Без этого присутствия влияние русских было бы просто подавляющим. Когда Советский Союз потребовал, чтобы Сингапур позволил хранить топливо для советского рыболовного флота на одном из наших островов, мы посоветовали приобретать топливо у американских нефтяных компаний, расположенных в Сингапуре. Не будь 7-го флота, мы не смогли бы дать русским подобный ответ.

Через две недели после посещения Пекина, в июле, Кукрит прибыл в Сингапур. Он уже встретился с делегацией Северного Вьетнама в Бангкоке. Он сказал, что во Французском Индокитае реализовался «принцип домино», и что Северный Вьетнам хотел теперь править Индокитаем. Я спросил его, почему передачи «Радио Ханоя» (Radio Hanoi) были такими враждебными по отношению к Таиланду в тот момент, когда правительство Вьетнама протягивало руку дружбы. Кукрит сказал, что тактика вьетнамцев заключалась в том, чтобы запугать Таиланд, принудить его к установлению дипломатических отношений, поэтому они хотели, чтобы весь мир видел, что Таиланд напуган. Он рассказал о своей встрече с руководителями делегации Северного Вьетнама в Бангкоке. Они не казались высокомерными, заявили, что хотели бы забыть прошлое и тепло обнимались при встрече с ним. Кукрит сказал, что он «дрожал в их объятиях». Они холодно улыбались, и когда пятеро из них находились в комнате для переговоров, ему показалось, что температура в ней значительно понизилась. Руководитель делегации вел себя расслабленно, но остальные просто напряженно сидели. Они требовали вернуть южновьетнамский самолет, который улетел из Вьетнама в Таиланд незадолго до падения Сайгона.

Кукрит считал, что страны АСЕАН должны были быть сильными и играть роль «старшего брата» по отношению к странам Индокитая. Мы смогли бы время от времени помогать им, чтобы не допускать голода в этих странах. Мы должны были демонстрировать им свое богатство, силу, солидарность и иногда приглашать их принимать участие в фестивалях песни и танца. Его позиция по отношению к Северному Вьетнаму стала более твердой после встречи с их делегацией в Бангкоке, и, что было еще более важным, после его визита в Китай. Когда дело касалось их суверенитета, тайцы проявляли ловкость и быстроту.

Он передал слова Чжоу Энлая (Zhou Enlai), которые сказал обо мне: «Он (Ли Куан Ю) удивляет меня. Мы с ним одной крови. Почему он боится, что Китай захватит Сингапур? Его проблема в том, что он пытается предотвратить возвращение китайцев в Сингапур». Я попросил Кукрита передать Чжоу Энлаю, что меня не беспокоило ни возвращение китайцев в

Сингапур, ни желание китайцев Сингапура вернуться в Китай, ни желание Китая захватить Сингапур. Сингапур был слишком мал для Китая и не стоил тех проблем, которые возникли бы в результате его захвата Китаем. Я выразил свое беспокойство по поводу приветственных посланий, направленных Китаем в адрес Коммунистической партии Малайи и Коммунистической партии Индонезии по случаю годовщины их основания. Эти послания вызвали приступ острой антипатии и враждебности в Куала-Лумпуре и Джакарте, и я не хотел, чтобы это враждебное отношение было перенесено на Сингапур, только потому, что мы были одной крови с Чжоу Эньлаем. Я риторически спросил, вступится ли Китай за Сингапур в случае столкновения Сингапура с Индонезией. В недобрый час, Кукрит обнародовал эти слова в тайландской прессе.

Наши отношения с Таиландом стали ближе после того, как в декабре 1978 года Вьетнам напал на Камбоджу. Генерал Криангсак (Kriangsak), тогдашний премьер-министр Таиланда, не имел внешнеполитического опыта. Министр иностранных дел его правительства доктор Упадит Пачарьяндкун (Dr. Upadit Pachariyandkun) был способным, очень умным человеком, получившим образование в Германии, но он также не имел опыта ведения дел с вторгнувшимися в Камбоджу вьетнамцами. Это происходило в тот критический момент, когда вьетнамцы предложили не приближаться к границе Таиланда на расстоянии менее двадцати километров, в обмен на обязательство Таиланда сохранять нейтралитет и не осуждать вьетнамского вторжения в Камбоджу. Я послал Криангсаку письмо через министра иностранных дел Сингапура Раджаратнама, убеждая его не соглашаться. Если бы он согласился, а вьетнамцы впоследствии нарушили бы свои обещания, то Таиланд не располагал бы какой-либо поддержкой на международной арене, чтобы атаковать Вьетнам. Было бы гораздо лучше предупредить международное сообщество о той угрозе, которую Вьетнам представлял для остальных стран Юго-Восточной Азии. Я верил, что китайцы, должно быть, заверили его, что они вступятся за Таиланд, если он подвергнется нападению, при условии что Криангсак займет определенную позицию, выступит с протестом против вторжения, и предоставит убежище отступавшим войскам Камбоджи и десяткам тысяч беженцев. Криангсак не был столь же сообразителен, как Кукрит. Он пришел к власти, потому что являлся главнокомандующим армии Таиланда. Он переживал по поводу последствий конфликта в Камбодже и сделал все свои ставки на Китай. Когда в ноябре 1978 года, еще до вьетнамского вторжения в Камбоджу, Дэн Сяопин посетил Бангкок, Куала-Лумпур и Сингапур, Криангсак оказал ему самый теплый прием. Как я сказал Дэн Сяопину в машине по пути в аэропорт, после переговоров в Сингапуре, Криангсак четко высказал этим свою позицию, тем самым, оказавшись на линии огня. Если бы Китай позволил Вьетнаму свободно хозяйничать в Камбодже, Таиланд оказался бы под угрозой. Дэн Сяопин помрачнел, когда я описал ему последствия возможного изменения позиции Таиланда, полагая, что в этом случае Советский Союз добился бы господства в Юго-Восточной Азии.

Преемником Криангсака был генерал Прем Тинсуланонда (Prem Tinsulanonda). Он был холост, являлся человеком исключительной честности и возглавлял правительство, в основном чистое от коррупции. В течение восьми лет его пребывания на посту премьер-министра (1980–1988 годы) Таиланд процветал, экономика, несмотря на войну в Камбодже, продолжала развиваться. Он был уравновешенным, надежным лидером, проводившим последовательную политику, человеком немногословным, не ученым, а практиком. Прем пользовался доверием короля. Он не так хорошо говорил по-английски как Кукрит, но у него было более развито стратегическое мышление, а его опрятная одежда и хорошие манеры отражали его дисциплинированный, воздержанный, почти аскетичный образ жизни. Наши личные отношения с ним сложились хорошо. Время от времени он серьезно и пристально смотрел на меня и говорил: «Я согласен с Вами. Вы – друг Таиланда».

Министр иностранных дел его правительства Сиддхи Саветсила (Siddhi Savetsila) был маршалом авиации, получившим степень мастера в Массачусетском технологическом институте (МИТ – Massachusetts Institute of Technology). (Руководители военно-воздушных сил Таиланда были обычно весьма образованными людьми). Но у Сиддхи была не только хорошая голова. Способный и твердый человек, он обладал сильным характером и настойчивостью в достижении цели. Он был потомком тайцев и европейцев, со смешанными, евроазиатскими

чертами лица, но воспринимался тайцами, как преданный таец. Он знал, что вьетнамцы – очень коварны, но умел разгадать каждый их маневр. Без Према на должности премьер-министра и Сиддхи на должности министра иностранных дел мы не смогли бы так успешно сотрудничать в том, чтобы ограничить действия Вьетнама в Камбодже. Эти два человека были членами хорошей команды, которая сумела укрепить безопасность и наладить экономическое развитие Таиланда. Не будь их, вьетнамцы могли бы добиться успеха в манипулировании правительством Таиланда.

Когда в августе 1988 года генерал Чатичай Чунхаван (Chatichai Choonhavan) стал премьер-министром Таиланда, он заявил о намерении превратить Индокитай из поля сражения в рынок. Сиддхи остался министром иностранных дел, но его положение вскоре стало шатким. Чатичай неоднократно публично противоречил ему, пока Сиддхи не ушел в отставку. Играя на стремлении Чатичая обеспечить участие деловых людей Таиланда в реконструкции Вьетнама, вьетнамцы продолжали оставаться в Камбодже, затягивая Парижские мирные переговоры, на протяжении еще трех лет, до 1991 года.

Когда Чатичай был министром иностранных дел в правительстве Кукрита, он однажды сказал мне, что, в свой избирательный округ, расположенный в сельской местности на северо-востоке Таиланда, он обычно ездил на мощном и дорогом «Порше» (Porsche). Когда я поинтересовался, почему он так поступал, Чатичай ответил, что, приедь он в обычной машине, крестьяне не поверили бы, что он мог им чем-то помочь. Когда же он приезжал на «Порше», они знали, что он – богатый человек и располагал средствами помочь им. Он не рассказал мне о том, что, как я узнал из газет, старейшины деревень часто получали от кандидата деньги за «голоса» жителей деревни.

Чатичай был человеком вальняжным. В 60-ых годах он оказался замешан в военном перевороте, после чего его отослали в Аргентину, а затем в Швейцарию, где у него была вила. Он годами жил в Европе, разъезжая на спортивных автомобилях и наслаждаясь жизнью. В тот период, когда он был премьер-министром Таиланда, его правительство имело репутацию наиболее коррумпированного в истории страны. Взяточничество в Таиланде было в порядке вещей. Только в середине 90-ых годов, по мере увеличения численности образованного среднего класса, в Таиланде стали выражать обеспокоенность по поводу коррупции. Огромные суммы денег были необходимы для проведения избирательных компаний. Партийные лидеры должны были финансировать поддерживавших их кандидатов, но после выборов и партийные лидеры, и члены парламента должны были вернуть потраченные средства. Такова была «денежная» политика в Таиланде. В Японии расходы на ведение избирательной кампании оплачивались с помощью предоставления строительных контрактов. А в Таиланде каждый контракт должен был приносить комиссионные, иначе просто не было бы средств для участия в следующих выборах.

Во время моего следующего визита, в январе 1998 года, премьер-министр Чуан Ликпай (Chuan Leekpai), являвшийся до того заместителем премьер-министра и министром финансов, продемонстрировали свое понимание необходимости совместной работы с МВФ для восстановления доверия к Таиланду. К 1999 году репутацию Таиланда среди международных инвесторов и МВФ удалось улучшить.

Прикрытые американским «военным зонтиком», Филиппины жили в совершенно ином мире, их правительство и политическая жизнь совершенно отличались от наших. Я посетил президента Маркоса (Marcos) в Маниле только в январе 1974 года. Когда самолет авиакомпании «Сингапур эйрлайнз», на котором я летел, пересек воздушную границу Филиппин, небольшая эскадрилья истребителей филиппинских ВВС сопровождала его до аэропорта Манилы. Маркос принимал меня с большой помпой, по-филиппински. Меня поселили в гостевое крыло дворца Малаканан (Malacanang). Роскошно обставленные комнаты были набиты ценными произведениями искусства, приобретенными в Европе. Наши хозяева были очень любезны, а их гостеприимство – экстравагантно. Наши страны были разделены примерно тысячей миль океана, между нами не было трений, а объем торговли был весьма незначителен. Мы играли в гольф, говорили о будущем АСЕАН и пообещали поддерживать контакты.

Министр иностранных дел Карлос Ромуло (Carlos Romulo) был невысокого роста (примерно пять футов – 152 см.). Он был старше меня примерно на 20 лет, отличался

остроумием и уничижительно выражался о своем росте и других недостатках. Ромуло обладал хорошим чувством юмора, был красноречив, обладал писательским даром и был прекрасным сотрапезником, обладавшим огромным репертуаром анекдотов и шуток. Он не скрывал своего глубокого восхищения американцами. Одной из его любимых историй был рассказ о его возвращении на Филиппины с генералом Макартуром (MacArthur). Когда корабль Макартура подошел к берегу у Лейте (Leyte), генерал спрыгнул в воду в том месте, где вода доходила ему до колен, но Ромулу она доставала до груди, и он вынужден был плыть к берегу. Его хорошие отношения с лидерами стран АСЕАН и американцами повышали престиж администрации Маркоса. Ромуло был человеком безупречной честности и чести, который помогал Маркосу придать некоторую респектабельность его режиму, когда в 80-ых годах он стал приобретать дурную славу.

В 1976 году на Бали, во время первой встречи стран АСЕАН, проходившей после падения Сайгона, Маркос проявил заинтересованность в развитии более тесного экономического сотрудничества между странами АСЕАН. Тем не менее, две наши страны не могли двигаться в этом направлении быстрее других членов организации. Чтобы подать пример сотрудничества, Маркос и я договорились о двустороннем 10 %-ом сокращении импортных тарифов на все товары и о содействии в развитии торговли между странами АСЕАН. Мы также договорились проложить подводный кабель между Филиппинами и Сингапуром. Вскоре я обнаружил, что для Маркоса подписание коммюнике уже являлось достижением, а его выполнение являлось делом второстепенным, требовавшим дополнительных обсуждений на следующей конференции.

Мы встречались каждые два-три года. Однажды он провел меня в свою библиотеку во дворце Малаканан и показал полки с подшивками газет с материалами о его деятельности на протяжении многих лет, – с тех пор, как он впервые принял участие в выборах. Здесь же стояли тома размерами с энциклопедию, посвященные культуре Филиппин, на которых его имя значилось в качестве автора. На застекленных стеллажах были выставлены его награды за участие в антияпонской партизанской борьбе, лидером которой он являлся. Он был бесспорным боссом всех филиппинцев. Его жена Имельда (Imelda) имела склонность к роскоши и богатству. Когда они посетили Сингапур перед встречей на Бали, супруги прилетели на двух самолетах «ДС-8», – ее и его.

В отличие от Японии, Маркос не рассматривал Китай в качестве угрозы в ближайшем будущем. Но он не исключал возможности того, что Япония могла стать агрессивной, если бы обстоятельства изменились. У него остались воспоминания об ужасах, связанных с вторжением императорской армии в Манилу. Наши взгляды относительно вьетнамского вторжения в Камбоджу значительно расходились. В то время как он, для проформы, осуждал вьетнамскую оккупацию, он не рассматривал Вьетнам в качестве угрозы Филиппинам. Их разделяло Южно-Китайское море, в котором находился американский флот, гарантировавший безопасность Филиппин. В результате, Маркос не проявлял активности в решении проблемы Камбоджи. Кроме того, он был озабочен ухудшавшейся обстановкой в стране.

Маркос управлял страной, находившейся на военном положении. Он держал в заключении лидера оппозиции Бениньо Акино (Benigno Aquino), имевшего репутацию харизматического и сильного лидера масс. Он освободил Акино и разрешил ему уехать в США. По мере того как экономическая ситуация на Филиппинах ухудшалась, Акино заявил о своем решении вернуться. Госпожа Маркос несколько раз выступила с завуалированными угрозами в его адрес. Когда в августе 1983 года его самолет прибыл в Манилу из Тайбэя, при выходе из самолета Акино был застрелен. Целого отряда иностранных корреспондентов и телеоператоров, сопровождавших его в полете, оказалось недостаточно, чтобы защитить его.

Международное возмущение по поводу убийства привело к тому, что иностранные банки прекратили предоставление кредитов. Филиппины имели внешний долг, превышавший 25 миллиардов долларов США, и не могли выплатить даже процентов по займам. Маркос стал неплатежеспособным. Он прислал ко мне своего министра торговли и промышленности Бобби Онпина (Bobby Ongpin) с просьбой о предоставлении кредита в размере от 300 до 500 миллионов долларов для уплаты процентов по займам. Посмотрев ему прямо в глаза, я сказал: «Мы никогда не дождемся возврата этих денег». Я добавил, что все знали о том, что Маркос был серьезно болен и нуждался в постоянном лечении болезни, истощавшей его силы.

Филиппины нуждались в сильном и здоровом лидере, а не в дополнительных займах.

Вскоре после этого, в феврале 1984 года, Маркос встретился со мной в Брунее, на празднике провозглашения независимости султаната. Он страшно изменился внешне. Хотя он казался менее опухшим, чем на телеэкране, кожа его потемнела, будто бы он сильно загорел. Во время разговора он тяжело дышал, голос его был мягким, глаза – мутными, а волосы – тонкими. Он очень нездорово выглядел. Неподалеку от особняка, в котором он жил, дежурила машина «скорой помощи» с бригадой филиппинских докторов. Маркос потратил много времени, рассказывая мне совершенно невероятную историю о том, как якобы был убит Акино.

Как только все наши помощники удалились, я перешел прямо к делу, сказав, что ни один банк не станет одалживать ему деньги. Банкиры хотели знать, кто станет его преемником, – все видели, как нездорово он выглядел. Банки Сингапура одолжили 8 из 25 миллиардов долларов, составлявших внешний долг Филиппин. Было ясно, что в течение ближайших 20 лет они вряд ли получат свои деньги назад. Маркос возразил, что на выплату долгов потребуется всего 8 лет. Я ответил, что банкиры хотели бы видеть во главе Филиппин сильного лидера, который мог бы восстановить стабильность в стране, и что американцы надеялись, что на выборах в мае появится кто-то, кто мог бы стать таким лидером. Я спросил его о том, кого он собирался выдвинуть в качестве кандидата на выборах. Он назвал имя премьер-министра Сезара Вирата (Cesar Virata). Я прямолинейно заявил, что у Вирата не было никаких шансов, потому что он был первоклассным администратором, но не политическим лидером. Кроме того, его политически проницательный коллега, министр обороны Хуан Энриле (Juan Enrile), не был в фаворе. Маркос помолчал, а потом признал, что поиски преемника являлись сложной проблемой. Если бы он мог найти преемника, это решило бы проблему. Когда я уходил, он сказал: «Вы – настоящий друг». Я не понял его. Это была странная встреча.

Поддерживаемый врачами, Маркос продолжал оставаться у власти. Сезар Вирата встретился со мной в Сингапуре в январе следующего года. Он был абсолютно бесхитростным, политически невинным человеком. Он сказал, что госпожа Имельда Маркос будет, вероятнее всего, выдвинута в качестве кандидата в президенты. Я поинтересовался тем, насколько реально это было, учитывая, что имелись другие серьезные кандидаты, включая Хуана Энриле и министра труда Бласа Опле (Blas Ople). Вирата ответил, что речь шла о «денежных потоках»: у нее было больше денег, чем у других кандидатов, чтобы заплатить за голоса, необходимые для выдвижения партийного кандидата в президенты, а также для того, чтобы победить на выборах. Он добавил, что, если она станет кандидатом в президенты, оппозиция выдвинет госпожу Кори Акино (Mrs. Cory Aquino) и попытается сыграть на чувствах людей. Вирата сказал, что в отсутствие политической стабильности упадок экономики продолжался.

Развязка наступила в феврале 1986 года, когда Маркос провел президентские выборы, после которых он объявил себя победителем. Корасон Акино, кандидат от оппозиции, возразила против этого и начала кампанию гражданского неповиновения. Министр обороны Хуан Энриле оставил Маркоса и признал, что подтасовка выборов имела место, а командующий филиппинской полицией генерал – лейтенант Фидель Рамос (Fidel Ramos) присоединился к нему. Массовое проявление «народовластия» на улицах Манилы привело к зрелищному свержению диктатуры. Финал наступил 25 февраля 1986 года, когда Маркос и его жена бесславно сбежали из дворца Малаканан на вертолетах американских ВВС. Их доставили на американскую военную базу Кларк, откуда они улетели на Гавайи. Такая мелодрама в голливудском стиле могла произойти только на Филиппинах.

Госпожа Акино была приведена к президентской присяге в обстановке всеобщего ликования. У меня были надежды на то, что эта честная, богобоязненная женщина поможет восстановить доверие к Филиппинам и направит страну по правильному пути. Я посетил ее в июне того же года, через три месяца после этих событий. Она была искренней, набожной католичкой, которая хотела действовать в интересах страны, делая то, что, как она полагала, делал бы ее муж, если бы он остался в живых. По ее мнению, первым делом, надо было восстановить демократию на Филиппинах, а уж демократия решила бы экономические и социальные проблемы. За ужином госпожа Акино посадила рядом со мной председателя конституционной комиссии, Верховного судью Сесилию Муноз-Палму (Cecilia Munoz-Palma). Я спросил эту ученую женщину, какие уроки ее комиссия извлекла из опыта последних сорока

лет, прошедших с момента обретения страной независимости в 1946 году, и как она собиралась использовать эти выводы при составлении проекта Конституции. Безо всяких колебаний она ответила: «Наша демократия не должна иметь никаких ограничений. Мы обязаны сделать так, чтобы никакой диктатор не смог когда-либо прийти к власти и растоптать конституцию». Я спросил ее, не существовало ли какой-либо несовместимости между культурой и привычками филиппинцев и политической системой, основанной на американской модели разделения властей, что могло бы быть источником проблем и для президентов, предшествовавших Маркосу. По ее мнению, такой несовместимости не существовало.

Проблемы, стоявшие перед госпожой Акино, усугублялись бесконечными попытками переворотов, армия и полиция были политизированы. Перед встречей стран АСЕАН в январе 1987 года над страной вновь нависла угроза переворота. Без твердой поддержки президента Сухарто встреча была бы отложена, а доверие к правительству Акино – подорвано. Правительство Филиппин согласилось разделить ответственность за обеспечение безопасности участников конференции с другими правительствами стран АСЕАН, в особенности с правительством Индонезии. Обеспечением безопасности занялся Бенни Моердани, доверенное лицо президента Сухарто. Он расположил в центре Манильской бухты корабль военно-морских сил Индонезии с вертолетами и десантниками на борту, готовыми спасти глав правительств стран АСЕАН, если бы во время встречи случилась попытка переворота. Я сомневался в том, удастся ли подобная операция, но решил следовать их сценарию, надеясь, что демонстрация силы испугает главарей переворота. Мы все были заперты в филиппинском отеле «Плаза» (Hotel Plaza), стоявшем на берегу Манильского залива, так что мы могли видеть индонезийский корабль, стоявший на якоре. Отель был полностью блокирован и тщательно охранялся. Встреча прошла хорошо, безо всяких неприятностей. Мы все надеялись, что эта демонстрация поддержки правительства госпожи Акино в тот период, когда происходили многочисленные попытки его дестабилизации, поможет разрядить ситуацию.

На самом деле, это не оказало никакого влияния на развитие ситуации. Попытки переворота следовали одна за другой, отпугивая инвесторов, чьи инвестиции были крайне необходимы для создания рабочих мест. Это было досадно, потому что в стране было много способных людей, получивших образование на Филиппинах и в США. Филиппинские рабочие, по крайней мере, в Маниле, говорили по-английски. Причин, по которым Филиппины не могли бы стать одной из преуспевающих стран АСЕАН, не существовало. В 50-ых – 60-ых годах это была наиболее развитая страна региона, потому что Америка оказывала Филиппинам щедрую помощь в послевоенном восстановлении страны. В стране не хватало того «клея», который держит общество вместе. Верхушка общества, помещики, относились к крестьянам так же, как помещики на гасьендах Латинской Америки – к своим пеонам. Существовало два различных общества: верхушка жила в исключительной роскоши и комфорте, а крестьяне с трудом зарабатывали себе на жизнь. А их жизнь на Филиппинах была очень тяжелой. У крестьян не было земли, и им приходилось работать на сахарных и кокосовых плантациях. Крестьянские семьи были многодетными, потому что церковь препятствовала ограничению рождаемости. Конечным результатом была растущая бедность людей. Было очевидно, что Филиппины никогда не смогут подняться без существенной помощи со стороны США. Госсекретарь США Джордж Шульц (George Shultz) симпатизировал Филиппинам и хотел помочь им, но дал ясно понять мне, что Соединенные Штаты могли бы добиться большего, если бы страны АСЕАН продемонстрировали свою поддержку и внесли вклад в это дело. США не хотели помогать Филиппинам в одиночку, будто бы это была только их проблема. Шульц хотел, чтобы страны АСЕАН играли более важную роль в этом вопросе, что позволило бы президенту США собрать необходимые голоса в Конгрессе. Я убедил Шульца начать осуществление помощи в 1988 году, до окончания второго срока пребывания Рейгана на посту президента. Ему это удалось. Состоялось две встречи участников Многосторонней инициативы по оказанию помощи Филиппинам (Multilateral Assistance Initiative – Philippines Assistance Programme). Первая из них произошла в Токио в 1989 году. В результате, были приняты обязательства по оказанию помощи Филиппинам в размере 3.5 миллиардов долларов США. Вторая встреча была проведена в Гонконге в 1993 году, во время правления администрации президента Буша, на ней были приняты обязательства о предоставлении помощи в размере 14 миллиардов долларов. Но

нестабильность на Филиппинах продолжалась, поэтому доноры колебались и откладывали осуществление намеченных проектов.

Преемник госпожи Акино, Фидель Рамос, которого она поддержала, был более практичным политиком и способствовал стабилизации обстановки в стране. В ноябре 1992 года я нанес ему визит. В своей речи на 18-ой Филиппинской бизнес конференции (18th Philippine Business Conference) я сказал: «Я не верю, что демократия обязательно способствует развитию. Я считаю, что для успешного развития государства больше нуждаются в дисциплине, чем в демократии». В частной беседе президент Рамос сказал, что он был согласен со мной. Британская конституция парламентарного типа работала бы в его стране лучше, потому что партия, имевшая большинство в Законодательном собрании, формировала бы и правительство. Тем не менее, публично Рамос вынужден был не соглашаться со мной.

Он хорошо знал, как трудно управлять страной в условиях четкого разделения властей по американскому образцу. Сенат уже отверг предложение госпожи Акино о сохранении американских военных баз. На Филиппинах имелась воинственная пресса, но это не помогло справиться с коррупцией. Отдельных репортеров можно было купить, как и многих судей. Что-то серьезно разладилось в обществе. Миллионы филиппинских мужчин и женщин вынуждены были покинуть свою страну и искать работу за рубежом, которая по квалификации была намного ниже их образовательного уровня. Филиппинские специалисты, которых мы нанимали для работы в Сингапуре, – так же хороши, как и наши, а филиппинские архитекторы, художники и музыканты, – даже более творчески одаренные и артистичные люди. Сотни тысяч филиппинцев уехали на Гавайи и в США. Это было проблемой, решение которой не становилось легче от наличия на Филиппинах конституции американского типа.

Разница заключается в культуре. Филиппинцы – мягкие люди, способные прощать. Только на Филиппинах лидер, подобный Фердинанду Маркосу, грабивший страну на протяжении двадцати лет, мог рассчитывать на похороны с почестями. Лишь незначительная часть награбленного им была возвращена, тем не менее, его жене и детям было разрешено вернуться на Филиппины и заниматься политикой. Используя свои значительные ресурсы, они поддерживали перспективных кандидатов на президентских выборах и выборах в Конгресс, и вновь оказались в центре внимания в 1998 году, когда президентом был избран Джозеф Эстрада (Joseph Estrada). Генерал Фабиан Вер (Fabian Ver), который при Маркосе был главнокомандующим сил безопасности в тот момент, когда был убит Акино, покинул Филиппины вместе с Маркосом в 1986 году. Когда он умер в Бангкоке, правительство президента Эстрады похоронило его с воинскими почестями. 22 ноября 1998 года филиппинская газета «Тудэй» (Today) писала: «Вер, Маркос и другие члены его семьи погрузили страну в два десятилетия лжи, пыток и грабежа. На протяжении следующего десятилетия друзья и ближайшие родственники Маркоса один за другим на цыпочках вернулись в страну. Несмотря на все общественное негодование и отвращение к ним, они показали, что с деньгами все возможно». Филиппинцы страстно говорили и писали. Чего бы они могли достичь, если бы смогли заставить свою элиту разделять их чувства и действовать?

В середине 50-ых годов, когда я занимался адвокатской практикой в судах Брунея, это был тихий, мирный, богатый нефтью султанат. В августе 1960 года султан Брунея сэр Оман Али Сайфуддин (Sir Oman Ali Saifuddien) пригласил меня, в качестве премьер-министра, вместе с главой государства Юсуфом Исхаком, на празднование своего дня рождения. Он был спокойным человеком, с мягкой речью и дружеской, привлекательной улыбкой. У него было мало друзей, ибо почти все обращались к нему за деньгами. Я несколько раз встречался с ним в Лондоне, где я вел переговоры по поводу объединения с Малайзией в 1962–1963 годах. Он никогда не был в восторге от идеи вступления султаната в Малайзию в качестве штата. В этом случае большинство доходов от продажи нефти шло бы федеральному правительству, и он не был уверен, что то особое внимание, с которым относился к нему Тунку, оставалось бы таким же, если бы Бруней вступил в состав федерации. В этом случае он стал бы лишь одним из многих султанов Малайзии. Я объяснил ему причины, по которым Сингапур хотел вступить в состав федерации, но при этом ни на чем не настаивал и предоставил ему принять собственное решение. У него были свои юридические советники, и он, в конечном итоге, принял политическое решение не вступать в состав федерации. Ретроспективно, это было правильное

решение. Великобритания продолжала сохранять свое присутствие в Брунее с 1963 года до февраля 1984 года, когда султанату была предоставлена независимость.

Во время одного из визитов в Сингапур, состоявшегося вскоре после нашего отделения от Малайзии, сэр Омар широко улыбнулся и сказал: «Теперь Сингапур – как Бруней. Так будет лучше для вас». В самом деле, у нас было много общего: мы были маленькими странами, окруженными большими соседями. Я не завидовал его богатству и никогда не занимал у него денег. Я давал ему советы, только когда он просил меня об этом. Султан доверял мне. В 1967 году, когда Малайзия прекратила функционирование общего Валютного комитета, его члены, – Малайзия, Бруней и Сингапур, – согласились, что между нашими новыми валютами будет существовать взаимозаменяемость и паритет. Когда в 1973 году соблюдение этого порядка прекратилось, старый султан решил сохранить эту договоренность по отношению к Сингапуру. Он был самым скромным султаном, совершенно отличавшимся от других султанов региона. Он привил Брунею понятие о финансовой дисциплине и приступил к накоплению огромных активов, которые управлялись его агентами в Лондоне (Султан Брунея считается одним из богатейших людей мира, чье состояние оценивается примерно в 50 миллиардов долларов США).

Когда британское правительство стало оказывать на него давление, вынуждая его провести конституционные реформы с целью введения демократии, тогда, чтобы потянуть и выиграть время, он в 1967 году отрекся от престола в пользу своего старшего сына Хасанала Болкиа (Hassanal Bolkiah). Его сын был тогда еще совсем молодым человеком, проходившим подготовку в британской военной академии в Сандхерсте (Sandhurst). Султан провел много времени, размышляя над тем, как сохранить роль Великобритании в качестве гаранта безопасности Брунее. Он отказывался иметь дело с Индонезией и Малайзией. Он не доверял Индонезии из-за поддержки ею лидера Народной партии Брунея (Brunei People's Party) Азахари (Azahari), который возглавлял восстание в декабре 1962 года. Он опасался малайзийцев, потому что малайзийские служащие, направленные на работу в Бруней в конце 50-ых – начале 60-ых годов, покровительственно относились к чиновникам Брунея, обращаясь с ними как с деревенскими родственниками. Я был достаточно осторожен, чтобы не послать ни одного сингапурского чиновника в Бруней даже на самое короткое время, а когда такое случалось, то их надлежащим образом инструктировали, чтобы они обращались с жителями Брунея вежливо и с достоинством.

Во время частной встречи в марте 1979 года я убеждал сэра Омара, бывшего султана (Сери Бегавана (Seri Begawan), как его стали называть после отречения), наладить частичные связи с АСЕАН перед обретением независимости в 1984 году. Я сказал ему, что президент Индонезии Сухарто и премьер-министр Малайзии Хусейн Онн были дружелюбно и благосклонно настроены по отношению к Брунею. Он согласился рассмотреть вопрос о получении Брунеем статуса наблюдателя в АСЕАН, но дальше этого дело не пошло. Я объяснил ему, что мир сильно изменился. Сэр Омар продолжал подсознательно верить в англичан, надеясь, что они всегда поддержат его. Он не хотел согласиться с тем, что положение Великобритании изменилось, и что у англичан не было ни военно-морских, ни военно-воздушных сил, с которыми они могли бы прийти на помощь Брунею.

После того как премьер-министром Великобритании стала Маргарет Тэтчер, посещавшие Сингапур британские министры стали часто заводить со мною речь о Брунее. Они хотели убедить султана провести выборы, придать монархии современный вид, отказаться от протектората и предоставить Брунею независимость. Я старался изо всех сил убедить Сери Бегавана, сэра Омара и султана начать движение по этому пути, но безуспешно. Наконец, британское правительство решило, что, независимо от того, будет ли в Брунее избрано демократическое правительство или нет, султанат должен взять на себя ответственность за свое собственное будущее. Великобритания обещала продолжать оказывать Брунею поддержку, сохраняя в султанате батальон гурков, за который Бруней должен был платить. В 1979 году я также попытался убедить лорда Каррингтона, вскоре после того как он стал министром иностранных дел Великобритании, проявить твердость по отношению к тем британскими чиновниками, которые хотели продлить срок своего пребывания в Брунее. Тем самым они не позволяли официальным лицам Брунея, которые практически поголовно получили образование

в Великобритании, накопить опыт, в котором они нуждались для управления своей собственной страной. После этого разговора в данной сфере произошли серьезные перемены. К 1984 году, когда Бруней получил независимость, местные жители уже занимали практически все высшие должности в султанате.

В 1980 году я обсудил с президентом Сухарто вопрос о возможном вступлении Брунея в АСЕАН после получения независимости. Сухарто сказал, что, в том случае, если Бруней захочет вступить в организацию, он будет только приветствовать это. Затем я попытался убедить султана пересмотреть взгляды его отца на то, что АСЕАН не являлась важной организацией. Ему следовало нанести визит президенту Сухарто и другим лидерам стран АСЕАН. В конце концов, в апреле 1981 года он так и поступил. Сухарто оказал ему в Джакарте теплый прием. Затем султан посетил Малайзию и Таиланд. Когда в 1984 году Бруней вступил в АСЕАН, то членство в этой организации не только обеспечило ему некоторые гарантии безопасности, но и облегчило султану общение с соседями.

С момента обретения независимости в Брунее царил мир и стабильность. Султан стал более уверенным в собственных силах. Принц Мохамед (Prince Mohamed) стал знающим министром иностранных дел, а высокопоставленные брунейские чиновники набрались опыта, выполняя свои обязанности и участвуя в международных конференциях. Сери Бегаван, который умер в 1986 году, был бы доволен такими результатами.

Дружба между отцом султана и мною получила продолжение в дружбе между нынешним султаном, его братьями и министрами, и премьер-министром Го Чок Тонгом и его коллегами. Между нашими странами существуют отношения доверия, а наши взаимные намерения являются предельно честными.

Глава 19. Вьетнам, Мьянма и Камбоджа: возвращение в современный мир

29 октября 1977 года старый вьетнамский самолет «ДС-3 Дакота» (DC-3 Dakota), выполняя рейс по маршруту внутри страны, был угнан и приземлился в Сингапуре. Мы не могли предотвратить его приземления на авиабазе Селетар и разрешили Вьетнаму прислать новый экипаж, чтобы вместе со старым экипажем и пассажирами, находившимися на борту, забрать самолет обратно во Вьетнам. Мы заправили самолет топливом, провели необходимое обслуживание. Угонщики были преданы суду и приговорены к 14 годам тюремного заключения.

Вьетнам так и не рассчитался за топливо и обслуживание. Вместо этого на нас обрушился бесконечный поток требований вернуть угонщиков и предупреждений о возможных последствиях в случае, если мы откажемся это сделать. Мы заняли твердую позицию и не позволили запугать себя, иначе подобным проблемам не было бы конца. Отношения Сингапура с Вьетнамом, который объединился в 1975 году, начались с противостояния.

Вьетнамцы ловко эксплуатировали опасения стран АСЕАН и их желание поддерживать дружеские отношения с Вьетнамом. Тон их радиопередач и газетных публикаций был угрожающим. Их лидеры казались мне невыносимыми людьми, – они были полны чувства собственной значимости и сравнивали себя с «пруссаками Юго-Восточной Азии». Действительно, они пережили много страданий, вынеся на себе все ужасы, причиненные американской военной машиной, и, проявив огромную выносливость и замечательную изобретательность в использовании американских средств массовой информации в пропагандистских целях, победили американцев. Вьетнамцы были уверены, что смогут победить любую страну в мире, которая напала бы на них, даже Китай. К нам, маленьким государствам Юго-Восточной Азии, они не испытывали иных чувств, кроме презрения. Вьетнам заявил, что установит дипломатические отношения с каждой страной АСЕАН в отдельности, и отказался иметь дело с организацией в целом. Вьетнамские газеты критиковали Филиппины и в Таиланд за наличие там военных баз США и говорили о существовании сговора в отношениях между Китаем и Сингапуром.

К 1976 году все более углублявшиеся разногласия в отношениях с Китаем вынудили

вьетнамцев послать дипломатические миссии в страны АСЕАН. Во время поездки по странам региона министр иностранных дел Фан Хиен (Phan Hien) говорил о мире. Первоначально он исключил посещение Сингапура из программы своей поездки, но затем изменил свои планы и прибыл к нам в июле 1976 года. Он сказал, что Вьетнам не вмешивался во внутренние дела других стран, но провел различие между народом и правительством Социалистической Республики Вьетнам. По его словам, народ Вьетнама поддерживал справедливое дело народов Юго-Восточной Азии, боровшихся за независимость (под этим он подразумевал коммунистические мятежи); а правительство Вьетнама хотело установить двусторонние отношения с этими странами. Я ответил, что эта дипломатическая казуистика не позволяла нам избавиться от впечатления, что такой двойной подход представлял собой вмешательство во внутренние дела других государств. Говоря о советской помощи Вьетнаму, я заметил, что великие державы знали, что непосредственно воевать друг с другом было опасно, так что они использовали третьи страны для расширения своего влияния. Разногласия же между странами АСЕАН разрешались внутри этой организации, так что ни Советский Союз, ни Соединенные Штаты не могли использовать их в своих целях.

Год спустя премьер-министр Фам Ван Донг (Pham Van Dong) также первоначально не включил Сингапур в план своего визита по странам региона, вероятно, чтобы припугнуть нас. Мы не испугались, – вьетнамцы пока что не могли причинить нам никакого вреда. Он прибыл 16 октября 1978 года и показался мне высокомерным и недоброжелательным человеком. Вьетнамцы были прекрасными режиссерами. Первым к нам приехал Фан Хиен, чтобы показать нам слащавое, улыбчивое лицо коммунистического Вьетнама. Теперь Фам Ван Донг, пожилой человек в возрасте 72 лет, приехал показать нам, что они были тверды, как сталь. Во время дискуссии, продолжавшейся 2.5 часа, мы расточали любезности и говорили иносказательно, а откровенный и прямой разговор между нами начался в машине по дороге из аэропорта.

Я начал с комплиментов по поводу желания Вьетнама работать вместе с нами для укрепления мира, стабильности и процветания. Тем не менее, прослушивание передач «Радио Ханоя» и чтение газеты «Нян зан» (Nhan Dan) порождало у меня некоторые сомнения: их тон был недружественным, даже угрожающим. Фам Ван Донг ответил, что Вьетнам – социалистическая страна, а он – коммунист, исповедующий марксизм-ленинизм. Он приехал в Сингапур, чтобы вести переговоры в качестве премьер-министра Социалистической Республики Вьетнам. Вьетнам внес свой вклад в дело революции и мира в Юго-Восточной Азии и во всем мире. По его словам, это не должно было беспокоить Сингапур. Вьетнам – страна с населением в 50 миллионов человек; это мужественные и образованные люди; страна богата природными ресурсами. И США, и Япония говорили вьетнамцам, что их страна станет экономически сильной, а потому и США, и Япония будут нуждаться в развитии торговых и экономических отношений с Вьетнамом.

После такого уверенного вступления, отвечая на мои вопросы, он заявил, что Пекин подстрекал 140–150 тысяч этнических китайцев, проживавших на севере Вьетнама, покинуть Вьетнам и вернуться в Китай. Он сказал, что вьетнамцы не понимали, почему Китай делал это. Причиной возникновения этих проблем было отношение Китая к Вьетнаму после победы Вьетнама над Америкой. Он сказал, что Китай продолжал свою экспансионистскую политику в отношении Вьетнама. Пекин использовал «красных кхмеров» для организации нападений на территорию Вьетнама и совершения ужасных преступлений. Кампания, развернутая китайским посольством в Ханое, привела к массовому отъезду из Вьетнама людей народности хоа, которые затем получали в Китае специальную подготовку с целью возвращения на вьетнамскую территорию. Китайцы зарубежья всегда чувствовали приверженность к своей родине, – это искреннее и достойное уважение чувство, но Пекин играл на этих чувствах.

Я спросил его, станет ли Пекин проводить подобную политику в отношении Сингапура, если откроет в городе свое посольство. Фам Ван Донг ответил, что он так не думает, ибо в планы Китая не входило возвращение на родину всех китайцев, живших за рубежом. Китай предпочитал оставить их там, где они жили и использовать в качестве инструмента своей политики. Многозначительно посмотрев на меня, он сказал, что проживающие за рубежом китайцы всегда будут поддерживать Китай, так же как проживающие за рубежом вьетнамцы всегда будут поддерживать Вьетнам.

После этого он перешел к экономическим взаимоотношениям, удивив меня заявлением, что Сингапур мог бы внести вклад в восстановление Вьетнама. Когда я мягко возразил, что мы должны получать что-то взамен за наши товары и услуги, он прямо сказал, что экономика Вьетнама была слаборазвитой, а возможности для торговли – ограниченными. В тот же вечер, когда мы прохаживались перед ужином, он снова сказал, что Вьетнаму было нечем торговать, но он нуждался в помощи. Поскольку Сингапур извлекал выгоду из войны во Вьетнаме, продавая американцам военные материалы и сырье, то нашим долгом было помочь Вьетнаму. Я был ошеломлен этим высокомерным и воинственным отношением.

Когда на следующий день мы ехали в машине по набережной, он увидел множество кораблей, стоявших в порту. Он снова подчеркнул, что мы извлекли огромную выгоду из войны во Вьетнаме и развивали Сингапур за их счет, так что нашим долгом было помочь им. Я не верил своим ушам и не мог понять, почему мы должны были помогать им, – только ли потому, что они обнищали в результате войны, которую мы не развязывали и в которой не участвовали? Я сказал, что основными военными материалами, которые мы поставляли американским войскам, были ГСМ (горюче-смазочные материалы), продававшиеся американскими и британскими нефтяными компаниями. Прибыль, получаемая Сингапуром от этой торговли, была ничтожна. Он посмотрел на меня скептически. Я сказал, что мы были готовы торговать, а не предоставлять безвозмездную помощь. Это ему не понравилось, и мы расстались вежливо, но холодно.

12 лет спустя, в 1990 году, на Всемирном экономическом форуме в Давосе, заместитель председателя правительства Вьетнама Во Ван Киет (Vo Van Kiet) попросил о встрече со мной. Он хотел оставить в стороне разногласия между нами и приступить к сотрудничеству. Я посетовал на то, что, начиная с декабря 1978 года, из-за вьетнамской оккупации Камбоджи, было упущено столько времени. Я подчеркнул, что до тех пор, пока этот конфликт не будет разрешен, какие-либо межправительственные связи были невозможны. Киет сказал, что Вьетнам – страна огромных возможностей, и что правительство выдало более 100 инвестиционных лицензий зарубежным компаниям. Я ответил, что, независимо от того, выдадут ли вьетнамцы 100 или 1000 лицензий, вьетнамская экономика не начнет бурно развиваться до тех пор, пока США не одобрят выделение Мировым банком льготных кредитов на восстановление Вьетнама, а крупные американские банки не сочтут, что риск, связанный с инвестициями во Вьетнаме, является приемлемым. Тем не менее, как только Вьетнам выведет свои войска из Камбоджи, мы снова начнем с того же самого места, где мы остановились в 1978 году.

В октябре 1991 года Вьетнам и все заинтересованные стороны подписали в Париже соглашение о всеобъемлющем политическом урегулировании в Камбодже. Через неделю Во Ван Киет, теперь уже в качестве премьер-министра, посетил Сингапур. Хотя я уже не был премьер-министром, мы встретились на обеде, который дал в его честь мой преемник, премьер-министр Го Чок Тонг. Когда обед подходил к концу, Во Ван Киет поднялся, подошел ко мне и, пожав мои руки в типичном партийном рукопожатии, спросил, смогу ли я помочь Вьетнаму. Я поинтересовался, чем я могу помочь. Он сказал, что хотел бы предложить мне стать их экономическим советником. Я потерял дар речи. Я был мишенью их язвительных нападок с момента начала вьетнамской оккупации Камбоджи. Придя в себя от изумления, я сказал, что мой опыт был ограничен рамками государства-города, и что у меня не было опыта управления такой большой страной как Вьетнам, с населением 60 миллионов человек. К тому же страна была разрушена войной, в ней сохранялась коммунистическая система, которую следовало трансформировать в рыночную. Он продолжал настаивать на своем и прислал мне два письма, в которых повторил свою просьбу.

После обмена письмами я согласился приехать во Вьетнам, но не в качестве советника, а только для участия в дискуссии и обмене взглядами о путях перехода Вьетнама к рыночной экономике. Когда я посетил Ханой в апреле 1992 года, отношения между нами полностью изменились. Заседания проводились в украшенном орнаментом зале, в центре которого стоял бюст Хо Ши Мина (Ho Chi Minh). Я провел целый день с Во Ван Киетом и командой его министров и официальных лиц. У них было пять основных вопросов, начиная с того, на производстве каких товаров следовало сосредоточиться Вьетнаму в ходе своей модернизации, с

какими партнерами и на каких рынках работать. Я ответил им, что в самом вопросе отражался образ мышления, воспитанный долгими годами централизованного планирования, ибо они исходили из того, что какие-то определенные товары, рынки или торговые партнеры приведут к трансформации их экономики. Я предложил им изучить опыт Тайваня и Южной Кореи, которые сами преобразовали себя из аграрных государств в новые индустриальные страны. Я сказал, что хорошей стратегией было бы использование Южного Вьетнама, особенно Хо Ши Мина (бывший Сайгон) в качестве двигателя экономического роста для всей страны. Коммунистическая система существовала на севере на протяжении 40 лет, а на юге – только 16 лет. Люди на юге Вьетнама были знакомы с рыночной экономикой и могли легко вернуться к старой системе. Наилучшим катализатором развития были бы их эмигранты – вьетнамские беженцы, покинувшие страну после 1975 года, которые успешно занимались бизнесом в Америке, Западной Европе, Австралии и Азии. Я посоветовал пригласить их вернуться и запустить процесс экономического развития на юге Вьетнама, ибо они наверняка захотели бы помочь своим родственникам и друзьям.

Мне показалось, что мое предложение понравилось Киету. Он был выходцем с юга, но другие, более высокопоставленные лидеры, хотели, чтобы развитие экономики шло равномерно, – как на юге, так и на севере страны. Невысказанными оставались опасения по поводу того, что эмигранты принесли бы с собой подрывные идеи, а также могли бы оказаться связанными с иностранными спецслужбами, например, с ЦРУ. После десятилетий партизанской войны они подозревали каждого.

Киет прилетел в Хо Ши Мин из Ханоя для заключительной встречи со мной. Он попросил меня приезжать ежегодно, сказав, что я оказался настоящим другом, ибо давал искренние и честные советы, как ни больно было подчас их выслушивать. Я пообещал приехать через два года. В течение этого периода времени я пообещал прислать команду специалистов для изучения недостатков развития их инфраструктуры и подготовки рекомендаций по подготовке морских портов, аэропорта, дорог, мостов, средств связи и электростанций.

Наши сотрудники считали, что вьетнамцы хотели наладить контакты со мной, чтобы развивать более близкие отношения со странами АСЕАН и чувствовать себя в большей безопасности по отношению к Китаю. Сингапур был самым ярким оппонентом Вьетнама, так что если бы им удалось нормализовать отношения с нами, то зарубежные инвесторы относились бы к Вьетнаму с большим доверием. Мы решили оставить прошлое позади и помочь им приспособиться к рыночной экономике и стать более подходящими партнерами для стран АСЕАН.

В Ханое я попросил о встрече с Фам Ван Донгом. Хотя он уже ушел в отставку, мы встретились с ним в правительственном здании, – каменном особняке постройки 1920-ых годов, – который когда-то был резиденцией французских губернаторов. Он встретил меня у дверей на самом верхнем пролете лестницы. Он был очень слаб, стоять прямо ему давалось с большим трудом, а к креслу, стоявшему поодаль, он подошел неуверенной походкой. Кондиционеры были выключены, так как он не мог переносить холода. Он был очень дряхлым, но говорил твердо и с глубоким убеждением. Он напомнил о нашей встрече в Сингапуре и сказал, что прошлое осталось позади, Вьетнам открывал новую страницу в своей истории. Он поблагодарил меня за дружеское отношение и согласие приехать, чтобы помочь Вьетнаму. В его голосе звучали горе и ожесточенность. Я вспомнил того высокомерного и надменного лидера, который приезжал в Сингапур в 1978 году. Видя, каким твердым он оставался, потерпев поражение, я почувствовал благодарность к Дэн Сяопину, который наказал вьетнамцев.²⁰ В качестве победоносных «пруссаков Юго-Восточной Азии» вьетнамцы были бы просто невыносимы.

Вьетнамские лидеры впечатляли. Киет был мягким на вид человеком, но его внешность была обманчива, ибо в прошлом он был бойцом коммунистического подполья. Они были серьезными противниками, решительными и сильными духом людьми. В своей докладной записке правительству я описал то ужасное состояние, в котором находился Вьетнам, несмотря на то, что прошло уже 6 лет после того, как они открыли экономику страны. В 1975 году город

²⁰ Прим. пер.: имеется в виду нападение Китая на Вьетнам в 1979 году

Хо Ши Мин мог поспорить с Бангкоком, теперь же (в 1992 году) он отставал более чем на 20 лет. Я чувствовал, что народ утратил веру в своих лидеров, а лидеры утратили веру в свою систему. Тем не менее, они были энергичными и образованными людьми, конфуцианцами до мозга костей. Я верил, что в течение 20–30 лет они смогут поправить дела. Каждая встреча начиналась и заканчивалась в точно назначенное время, – вьетнамские лидеры были серьезными людьми.

И Киет, и бывший Генеральный секретарь Коммунистической партии Вьетнама Нгуен Ван Линь (Nguen Van Lihn), которого я встретил в Хо Ши Мине, независимо друг от друга сказали мне, что им следовало переобучить свои кадры для работы в условиях рыночной экономики и освободиться от неверных марксистских идей. Один иностранный банкир в Хо Ши Мине сказал мне, что из-за серьезной «утечки умов» они испытывали недостаток подготовленных, обученных людей. Они рассматривали всех иностранцев как потенциальных врагов, о чьей деятельности вьетнамские служащие должны были доносить. Он верил, что вьетнамцы готовились к следующей войне.

Их подходы во многом все еще оставались коммунистическими. Например, после дискуссии, состоявшейся в первый день утром и после обеда, Киет вел себя уклончиво. Сразу после этих двух встреч меня отвезли на встречу с Генеральным секретарем Коммунистической партии Вьетнама До Мьюй (Do Moui). В течение тех двадцати минут, которые прошли с тех пор как я расстался с премьер-министром, его проинформировали о содержании наших дискуссий. Видимо, после моей встречи с До Мьюй Киет получил знак одобрения, ибо в тот же вечер, в своей речи за ужином, он упомянул о сделанном мною предложении, от ответа на которое он ранее уклонялся. Оно состояло в том, что Вьетнаму не следовало иметь слишком много международных аэропортов и морских портов, но необходимо было сконцентрироваться на строительстве одного большого международного аэропорта и большого международного морского порта, которые могли бы войти в мировую сеть аэропортов и портов.

Мы обсудили проблему убыточных государственных предприятий. Они хотели приватизировать их или продать рабочим и другим лицам. Я объяснил им, что такой метод приватизации не дал бы им того, в чем они нуждались больше всего – эффективного управления. Государство владело 100 % акций «Сингапур эйрлайнз», но она являлась эффективной и прибыльной компанией, потому что ей приходилось конкурировать с международными авиакомпаниями. Мы не субсидировали компанию, – если бы она не являлась прибыльной, нам пришлось бы ее закрыть. Я порекомендовал им, чтобы они приватизировали свои государственные предприятия путем привлечения иностранных компаний, чтобы заполучить знания в области управления и иностранный капитал для внедрения новых технологий. Изменения в системе управления было жизненно необходимы, вьетнамцы должны были работать рука об руку с иностранцами, чтобы учиться в процессе работы. Приватизация предприятий внутри страны, путем продажи их акций собственным гражданам, ничего бы этого не дала.

Мы направили команду специалистов, подготовившую отчет о развитии инфраструктуры, который был принят правительством Вьетнама. Мы создали Фонд помощи Индокитаю (Indochina Assistance Fund) в размере 10 миллионов долларов для технической подготовки их должностных лиц.

До Мьюй посетил Сингапур в октябре 1993 года. Он был поражен высоким качеством зданий и инфраструктуры. Когда он посетил универмаг НКПС «Фэйрпрайс», то был впечатлен, как и премьер-министр СССР Николай Рыжков в 1990 году, разнообразием и изобилием потребительских товаров, доступных нашим рабочим. Когда месяц спустя я нанес ответный визит, то узнал от вьетнамских официальных лиц, что их ведомства были даны указания учиться у Сингапура и везде, где только было возможно, отдавать предпочтение проектам, предложенным сингапурскими инвесторами. Тем не менее, несмотря на то, что было подписано немало соглашений, наши инвесторы вскоре убедились в том, что они не выполнялись. Нижестоящие официальные лица использовали эти соглашения для того, чтобы заполучить еще лучшие предложения от других бизнесменов.

До Мьюй был самым влиятельным человеком во Вьетнаме. Крепкого сложения, с большим лицом, широким носом, темной кожей и прямыми волосами, зачесанными на пробор,

он выглядел опрятно и аккуратно. В отличие от Киета, который носил пиджачные пары, он носил вьетнамскую версию костюма в стиле Мао. Он не был столь реформистки настроен как Киет, но не был и столь консервативен как президент, генерал Ле Дук Ан (Le Duc Ahn). Он был арбитром, человеком, поддерживавшим равновесие между двумя крыльями партии.

Он сказал мне, что ему дали две мои книги, когда он был в Сингапуре. У него была книга моих речей, переведенная с китайского языка на вьетнамский. Он прочитал их все, подчеркнул главные части, касавшиеся экономики, и разослал всем своим министрам и высокопоставленным руководителям для изучения. Он мало спал, – с полуночи до трех часов утра, – потом полчаса занимался зарядкой и читал до половины восьмого утра, до начала работы. Сотрудники нашего посольства сообщили, что книга моих речей была переведена на вьетнамский язык и продавалась. Об авторских правах вьетнамцы не слышали.

Когда он спросил меня, как можно было бы увеличить объем инвестиций, я посоветовал ему отказаться от партизанских привычек. Проекты, осуществлявшиеся на юге Вьетнама, которые были одобрены властями Хо Ши Мина, затем подлежали одобрению официальными лицами в Ханое, которые мало что знали о местных условиях. Это была пустая трата времени. Затем проекты, одобренные правительством в Ханое, часто блокировались местными властями, исходя из унаследованного со времен партизанской войны принципа, согласно которому верховной властью обладал командир, находившийся на месте.

Он с болью говорил о тяжелом прошлом Вьетнама: тысяча лет войны с Китаем, затем еще 100 лет борьбы с французским колониализмом и империализмом, затем война за независимость после Второй мировой войны. Им пришлось воевать с японцами, французами, американцами, а позднее – еще и с кликой Пол Пота. Он не упомянул о нападении Китая в 1979 году. На протяжении 140 лет вьетнамцы успешно воевали за освобождение своей страны. Нанесенные войной раны были глубокими, промышленность – слабой, технология – отсталой, а инфраструктура – в прискорбном состоянии. Я отнесся к его словам с симпатией, сказав, что война была трагедией и для США, и для Вьетнама. Он вздохнул и сказал, что, не будь войны, Вьетнам был бы развитым, современным государством, как и Сингапур.

Я заверил его, что, в конечном счете, Вьетнам мог добиться большего, чем Сингапур. Не существовало каких-либо причин, по которым мир и стабильность в регионе не могли продолжаться на протяжении длительного времени. В течение последних 40 лет Восточная Азия на горьком опыте убедилась, что воевать не имело смысла. В войнах в Корее, во Вьетнаме, в партизанской войне в Камбодже не было победителей, – одни жертвы. До Мьюй с грустью согласился.

Фактически, Вьетнам добился прогресса. В результате расширившихся контактов с иностранцами, лучшей информированности о работе рыночной экономики, министры и официальные лица стали лучше разбираться в том, как работает свободный рынок. Увеличилась активность на улицах, стало больше магазинов, появились иностранные бизнесмены и гостиницы, – все эти признаки процветания в Хо Ши Мине и Ханое были налицо.

Во время другого визита, в марте 1995 года, первый заместитель премьер-министра Вьетнама Фан Ван Кхай (Phan Van Khai) провел обмен мнениями по проблемам экономической реформы. Он обладал репутацией реформатора. Наши инвесторы сталкивались с бесчисленными проблемами. Я сказал Фан Ван Кхаю, что, если Вьетнам хотел привлечь инвесторов, то было необходимо создать наиболее благоприятные условия для тех из них, кто пришел раньше других. Им следовало помогать добиться успеха тем инвесторам, которые уже имели недвижимость и оборудование во Вьетнаме. Относиться к таким инвесторам как к заложникам, было вернейшим способом отпугнуть других инвесторов. Их официальные лица вели дела с инвесторами так, как они вели себя с американскими солдатами, то есть рассматривали их как врагов, которых следовало заманить в засаду и уничтожить. Вместо этого к инвесторам следовало относиться как к ценным друзьям, которые нуждались в помощи, чтобы пробираться через лабиринты их бюрократии, начиненные минами и другими ловушками.

Я привел ему некоторые примеры трудностей, с которыми столкнулись наши инвесторы. Один предприниматель, работавший в сфере недвижимости, строил гостиницу в Ханое. Примерно 30 домовладельцев, живших вокруг стройплощадки, жаловались на шум и вибрацию.

Он согласился платить каждому домовладельцу компенсацию в размере 48 долларов в месяц. Стоило ему согласиться на это, как еще 200 домовладельцев потребовали компенсации. Предприниматель решил использовать оборудование, позволявшее забивать сваи без шума и вибрации. Ему не разрешили этого сделать, поскольку он имел лицензию на использование старого оборудования.

Другая компания, «Сингапур телеком» (Singapore Telecom), подписала соглашение о создании совместного предприятия по развитию системы пейджинговой связи с почтовой и телефонной компанией Хо Ши Мина (Ho Chi Mihn Post and Telecoms). Первоначально договор был заключен на срок один год, после чего они могли обратиться за лицензией на 10 лет. После того как компания «Сингапур телеком» израсходовала миллион долларов, и система заработала, вьетнамская компания предложила купить ее. Я сказал премьер-министру Во Ван Киету, что речь шла не о миллионе долларов, а о принципе. Если вьетнамцы не будут выполнять условий контрактов, то они потеряют доверие сингапурских инвесторов. Проект был осуществлен, но, опять-таки, не без дополнительных изменений в тексте первоначального договора, а некоторые проблемы так и не удалось разрешить.

Отзывы некоторых иностранных инвесторов показывали, что мои слова дошли до вьетнамских официальных лиц, которые стали лучше относиться к инвесторам. Управляющий одной крупной немецкой компании, посетивший Сингапур после визита во Вьетнам, сказал мне, что вьетнамцы дали ему гида. Я довольно улыбнулся.

Напуганные социальными последствиями «политики открытых дверей» по отношению к внешнему миру, опасаясь потерять политический контроль над обществом, высшее руководство Вьетнама продолжало тормозить либерализацию. В отличие от Китая, в котором большинство мэров и руководителей провинций были молодыми людьми с высшим образованием, высшие руководители вьетнамских городов и провинций, все как один, были бывшими партизанскими командирами. Они были ошеломлены тем, что случилось в Москве и в Советском Союзе, и не одобряли тех социальных зол, которые поразили китайские прибрежные города. Это было не то, за что они воевали.

В 1993 году я предложил Во Ван Киету и его команде назначить ветеранов партизанской войны на важные должности советников и позволить молодым людям, предпочтительно имевшим опыт общения с Западом, заняться текущим руководством. Они нуждались в людях, которые понимали рыночную экономику и могли работать с иностранными инвесторами. Тем не менее, ветераны, которые воевали и победили в войне, находились во главе страны и хотели вести страну по своему пути. Я верю, что когда власть перейдет к молодому поколению руководителей, вьетнамская экономика станет развиваться быстрее. Важные перемены в руководстве произошли в сентябре 1997 года, когда вице-премьер Фан Ван Кхай стал премьер-министром, а вице-премьер Чан Дык Лыонг (Tran Duc Luong) сменил генерала Ле Дук Ана на посту президента. Это были шаги по передачи власти представителям молодого поколения руководителей, которые больше путешествовали и соприкасались с внешним миром, и слишком хорошо знают, как далеко отстал Вьетнам от своих соседей.

В ноябре 1997 года я посетил Хо Ши Мин, где встретился с мэром города и секретарем городского комитета партии Труон Тан Саном (Truong Tan Sang), который становился все более влиятельным. Страна находилась в подвешенном состоянии. Наши инвесторы в Хо Ши Мине и иностранные банкиры были ошеломлены введенным незадолго до того запретом на конвертацию вьетнамских донгов в иностранную валюту. Каким образом они должны были уплачивать свои долги в зарубежных банках, кредиты по текущим счетам, процентные платежи по кредитам, которые они получили в зарубежных банках, чтобы инвестировать во Вьетнаме? Как продолжать бизнес? Министерство торговли и промышленности решительно возражало против этой меры, которая, как они знали, должна была обескуражить инвесторов, но ничего не могло поделать. Центральный банк Вьетнама и министерство финансов были встревожены валютным кризисом в регионе и беспокоились из-за своих незначительных валютных резервов.

В Ханое я пояснил Фан Ван Кхаю, что такие неожиданные изменения наносят серьезный ущерб стране. Да и многие другие проекты пошли не так. Компания «Сингапур телеком» уладила проблемы с пейджинговым проектом только для того, чтобы столкнуться с неприятностями в реализации проекта по созданию мобильной телефонной связи. Вьетнамцы

не хотели давать обещанную ранее лицензию, они хотели управлять предприятием сами. Я указал, что Сингапуру пришлось, вслед за более развитыми странами, приватизировать свои телекоммуникации, чтобы сделать их более конкурентоспособными на международной арене. Единственным способом справиться с жесточайшей конкуренцией было превращение «Сингапур телеком» в частную компанию, работавшую с иностранными партнерами, внедрявшими самую современную технологию. Он понял меня, как и Чан Дык Лыонг, с которым я обсудил тот же круг вопросов.

Мне снова устроили встречу с До Мьюй. Как и во время предыдущих встреч у нас состоялась хорошая дискуссия, но я боялся, что ее влияние снова будет ограниченным. Вьетнамцам потребуется некоторое время, чтобы сбросить с себя коммунистическую смиренную рубашку и начать двигаться свободно и гибко. Но я не сомневаюсь, что, как только это произойдет, вьетнамцы покажут, на что они способны. То умение, с которым они использовали советское оружие, изобретательность, с которой они преодолевали нехватку всего необходимого во время войны, и достижения вьетнамских беженцев в Америке и во Франции являются напоминаниями об их значительных достоинствах.

Я впервые посетил Рангун (Rangoon) (ныне Янгон – Yangon) в апреле 1962 года. Премьер-министр Бирмы (после 1989 года страна стала называться Мьянмой (Myanmar)) У Ну (U Nu) попросил генерала У Не Вина (Ne Win) встать во главе государства в 1958 году, потому что демократически избранное правительство не могло подавить мятежи и восстания многих национальных меньшинств. После 18 месяцев военного правления были проведены всеобщие выборы. Когда партия У Ну победила на выборах, У Не Вин вернул им бразды правления. Но вскоре У Ну вновь столкнулся с трудностями, и У Не Вин захватил власть в марте 1962 года, как раз накануне моего визита.

В отличие от Коломбо, который я посетил в 1956 году, Рангун казался обветшалым и пришедшим в упадок городом. Он находился под японской оккупацией, и хотя худшего при освобождении города британцами, наступавшими из Бенгалии, удалось избежать, разрушения все же были значительными. У Не Вин тепло принимал Чу и меня в своем доме. Я был смущен, увидев, что дом был окружен танками и орудиями. Было очевидно, что У Не Вин не рисковал. Мой визит должен был призван развеять пропагандистские заявления президента Индонезии Сукарно о том, что образование Малайзии было заговором неоколониалистов. За обедом У Не Вин слушал мои объяснения, но не слишком внимательно. Он был озабочен поддержанием законности и порядка, подавлением восстаний и сохранением целостности Бирмы.

У Не Вин жил в пригороде, в бунгало средних размеров. Он был дружелюбным человеком, как и его жена Кин Мэй Тан (Khin May Than) (Китти) – весьма оживленная женщина, бывшая до того медсестрой. Они были образованными, умными людьми и говорили по-английски. Бирма была одной из наиболее обеспеченных стран Юго-Восточной Азии, до войны страна экспортировала рис и продовольствие. Тем не менее, демократическая система правления в стране не работала. Народы Бирмы принадлежали к различным расам и говорили на разных языках. Англичане свели в одно государство множество различных народов, живших в разных частях этой страны.

Лозунгом, который У Не Вин выдвинул в качестве идеологической основы Социалистической Республики Бирманский Союз (Socialist Republic of the Union of Burma) был «Бирманский путь к социализму». Его политика была простой: добиться самообеспечения и избавиться от индусов и китайцев, прибывших в Бирму вместе с англичанами. Китайцы начали покидать страну еще при У Ну, многие из них осели в Таиланде и Сингапуре. Индийцы, которых англичане набирали на государственную службу, были многочисленны, но и их потихоньку вытесняли.

Мое следующее посещение Рангуна состоялось в мае 1965 года, после участия в конференции азиатских социалистов в Бомбее. У Не Вину понравилась та часть моей речи, в которой я сказал: «Если мы будем смотреть на азиатские проблемы бедности и отсталости через розовые очки западноевропейских социалистов, то мы наверняка потерпим неудачу». Тогда я еще не знал, насколько решительно он был настроен добиться самодостаточности Бирмы, чтобы как можно меньше общаться с окружающим миром и вернуться к тому романтическому, идиллическому прошлому, когда Бирма была богатой и ни в ком не

нуждалась.

Во время этого визита у меня состоялся незабываемый разговор с дворецким в гостинице «Стрэнд» (Strand Hotel), – пожилым индусом в возрасте около 60 лет, с седеющими волосами и бородой. Он принес мне завтрак и с несчастным и удрученным видом сказал по-английски: «Сэр, сегодня – мой последний день, завтра меня здесь уже не будет». Он сомневался, сможет ли его помощник-бирманец подать мне такой же завтрак: английский чай с молоком и сахаром, поджаренный хлеб и омлет. Я спросил его, почему он хотел уехать. Он ответил мне: «Я вынужден уехать. Я родился в Бирме и прожил здесь всю свою жизнь, но правительство хочет, чтобы все индусы уехали. Я не могу взять с собой ничего, кроме небольшой суммы денег и личных вещей». Я спросил его, куда он ехал. «В Индию», – ответил он. Я поинтересовался, были ли у него там родственники, он ответил, что не было. Его бабушки и дедушки были привезены в Бирму англичанами, а теперь правительство хотело отослать его обратно в Индию. Относительно моего завтрака он оказался прав, – на следующий день поднос уже не был таким чистым, а тосты не хрустели.

В тот же день, после обеда, мы играли с У Не Вином в гольф в бывшем британском гольф клубе Рангуна. Это было необыкновенная игра. По обе стороны каждой площадки, а также вокруг нас, четырех игроков, стояли солдаты с дулами автоматов, направленными наружу. В те моменты, когда была не его очередь бить по мячу, У Не Вин носил стальную каску. Не без колебаний я поинтересовался, почему он так делал, и один из его министров, участвовавших в игре, что-то пробормотал об угрозе покушения.

Когда У Не Вин посетил Сингапур в 1968 году, мы снова играли в гольф, но он не заботился о безопасности и играл без стальной каски. Когда он снова приехал с визитом в 1974 году, я предложил ему скоординировать нашу политику и договориться с Соединенными Штатами, Советским Союзом и Китаем об их присутствии в регионе, чтобы создать в нем некий баланс сил. Его это совершенно не интересовало, – он предпочитал оставить решение этих вопросов сверхдержавам.

В последний раз я посетил Рангун в январе 1986 года. У У Не Вина была новая жена, доктор, хорошо образованная и намного моложе Китти, которая умерла. У Не Вин прекрасно помнил события, случившиеся 15 и 30 лет назад. За обедом я понял, что, несмотря на 20 лет застоя в экономике Бирмы, он по-прежнему не доверял иностранным государствам. Он говорил о том, что страна была втянута в борьбу «против тех элементов за пределами Бирмы, которые хотели поживиться за счет страны, насколько это было возможно».

Было грустно видеть, что со времени моего последнего визита в 1965 году Рангун стал выглядеть еще хуже. Новых дорог или зданий не было, все было в очень плохом состоянии, а на главных дорогах были выбоины. Те немногие автомобили, которые ездили по городу, были 50-ых-60-ых годов выпуска. Его министры ничего не могли изменить в рамках проводимой им политики. Выходившая на английском языке газета представляла собой одну полосу, сложенную вчетверо, бирманская газета была несколько толще. Одежда служащих, находившихся у знаменитой пагоды Шве Дагон (Shwe Dagon), была бедной и поношенной. Насколько я смог разглядеть из окна своего автомобиля, полки магазинов были пусты.

Когда премьер-министр Бирмы Маунг Маунг Ка (Maung Maung Kha) посетил Сингапур в сентябре 1986 года, я постарался привлечь его внимание к развитию туризма. Я привел в качестве примера статью, опубликованную в «Сингапур америкэн» (Singapore American), – газете, издававшейся американской общиной Сингапура, в которой два учителя американской школы описывали свой визит в Рангун, Мандалай (Mandalay) и Паган (Pagan). Часть пути они проехали на попутных машинах и отзывались о поездке, как о замечательном приключении. Я предложил ему открыть Бирму, построить гостиницы и наладить безопасное авиасообщение между Рангуном, Мандалаем и Паганом. Это привлекло бы значительное количество туристов и принесло бы Бирме хорошие доходы. Он внимательно выслушал, но ничего не сказал. Из этого ничего не получилось: У Не Вин не хотел, чтобы иностранцы приезжали в Бирму.

Только в 1993 году, когда генерал-лейтенант Кин Ньунт (Khin Nyunt), который был одной из ключевых фигур в бирманском руководстве, встретился со мной в Сингапуре, я обнаружил в нем отзывчивого лидера. Видимо, к этому времени У Не Вин изменил свою позицию. Очевидно, У Не Вин отрекомендовал меня как старого друга, потому что Кин Ньунт спокойно

слушал мои объяснения относительно того, что Мьянме следовало приспособиться к изменившимся международным условиям после окончания «холодной войны». Им следовало открыть свою экономику и заняться развитием всей страны. Я привел в качестве примера Китай и Вьетнам, которые были в прошлом закрытыми государствами, а теперь развивали туризм и приглашали зарубежных инвесторов с целью создания рабочих мест и повышения благосостояния страны.

Кин Ньунт являлся тогда руководителем разведки и одной из ключевых фигур военной хунты, носившей название Государственный совет по восстановлению законности и порядка (ГСВЗП – State Law and Order Restoration Council). Я предложил ему изменить политику по отношению к Аун Сан Су Ки (Ong San Suu Kyi), дочери национального героя и первого премьера-министра Бирмы. Она вышла замуж за англичанина, но вернулась в Бирму, чтобы возглавить борьбу с военным правительством. Они не могли вечно удерживать ее под домашним арестом, иначе она бы постоянно создавала проблемы для их правительства.

Мьянма нуждалась в улучшении жизни своих людей, необходимо было ввести в состав правительства способных людей, имевших опыт работы за границей. Правительство, состоящее из военных, никогда не сможет добиться успешного развития экономики. Я предложил ему обеспечить условия для оказания Сингапуром экономической помощи Мьянме. Если бы эти отношения и помощь были направлены не на поддержание существующей системы, а на возврат Мьянмы к нормальной жизни, это позволило бы Сингапуру оправдать отношения с Мьянмой перед международным сообществом. Мой секретарь, присутствовавший на встрече, чиновник министерства иностранных дел, отвечавший за отношения с Мьянмой, опасался негативной реакции со стороны моего собеседника, и был приятно удивлен, когда тот поблагодарил меня за высказанное мной «ценное мнение».

Когда генерал премьер-министр Мьянмы, председатель ГСВЗП Тан Шве (Than Shwe), посетил Сингапур в июле 1995 года, я посоветовал ему посетить Индонезию, чтобы изучить опыт перехода страны от правления военных, во главе с генералом Сухарто, к системе выборной президентской власти. Конституция Индонезии предоставляла армии возможность непосредственно оказывать влияние на правительство через своих представителей в Законодательном собрании в рамках так называемой двуфункциональной системы. Конституционная роль армии заключалась также в обеспечении безопасности и территориальной целостности страны. Выборы президента и депутатов Законодательного собрания проводились каждые пять лет. Если Мьянма хотела стать похожей на другие страны Юго-Восточной Азии, она должна была двигаться в том же направлении.

Я встретился с У Не Вином годом ранее, в 1994 году, когда он приехал в Сингапур на лечение. Он говорил со мной о покое и ясности ума, которого он добился путем медитации. На протяжении двух лет после ухода из правительства в 1988 году он пребывал в мучениях, беспокоясь и переживая о том, что происходило в стране. Затем, в 1990 году, он начал читать о медитации. Теперь он медитировал по много часов в день: утром, после обеда и вечером. Он определенно выглядел намного лучше, чем тот болезненный человек, с которым я встречался в Рангуне в 1986 году. Он снова приехал в Сингапур в 1997 году, чтобы встретиться со своими докторами. В возрасте 86 лет он выглядел даже лучше, чем во время своего последнего визита. В этот раз он говорил только о медитации, давая мне советы по поводу улучшения моей практики медитации. Я спросил его, не волнуется ли он о болезнях своих близких, детей и внуков. Он ответил, что волнуется, но теперь он мог контролировать, уменьшить и забыть эти страдания путем медитации. Я поинтересовался, не переживает ли он, когда старые генералы спрашивают его совета. У Не Вин ответил отрицательно, добавив, что когда генералы пытались это делать, он сказал им никогда больше не говорить с ним о своих делах, ибо он удалился от мирских проблем. Тем не менее, дипломаты говорили мне, что он пользовался уважением и авторитетом среди военных и все еще мог оказывать влияние на события.

Страны Запада, особенно США, считали, что экономические санкции заставят военных передать власть Аун Сан Су Ки, которая получила Нобелевскую премию мира за 1991 год. Я считал это маловероятным. Правительство являлось единственным источником власти в Бирме с тех пор, как У Не Вин захватил власть в 1962 году. Военных лидеров можно было бы убедить разделить власть с гражданскими лицами и постепенно сделать правительство гражданским.

Тем не менее, если США или ООН не готовы послать вооруженные силы, чтобы сохранить целостность страны, как они это делают в Боснии, управлять Мьянмой без армии будет невозможно. Страны Запада проявляют недоумение по поводу конструктивного подхода стран АСЕАН и были озадачены, когда Бирма была принята в члены организации в июле 1997 года. Только есть ли у нас лучший путь для того, чтобы помочь этой стране развиваться, открыться и постепенно измениться? Силы ООН, наблюдавшие за проведением выборов в Камбодже, не смогли добиться передачи власти победителю, потому что фактическое правительство под руководством Хун Сена (Hun Sen) контролировало армию, полицию и администрацию.

Генералы, в конечном итоге, будут вынуждены приспособиться и изменить форму правления, сделав ее более похожей на правительства своих соседей по АСЕАН. Это произойдет скорее, если их контакты с международным сообществом расширятся.

Я предпочитаю вспоминать о Камбодже как об оазисе мира и процветания в растерзанном войной Индокитае 60-ых годов. Чу и я впервые посетил столицу Камбоджи Пномпень в 1962 году. Принц Нородом Сианук лично приветствовал нас в аэропорту. Когда мы шли к автомобилям после осмотра почетного караула, танцовщицы в национальных костюмах разбрасывали лепестки цветов по красному ковру. Пномпень был похож на тихий, мирный провинциальный французский город. К обсаженным деревьями широким бульварам, напоминавшим Елисейские поля (Champs Elysees) в Париже, примыкали тенистые улицы. В центре города, на главном перекрестке, площади Независимости, была даже построена монументальная арка, некая кхмерская версия Триумфальной арки (Arc de Triomphe) в Париже. Мы остановились во Дворце Правительства (Palais du Gouvernement), который ранее являлся резиденцией французского генерал-губернатора. Дворец стоял на берегу реки Меконг (Mekong). Сам Сианук жил в старом дворце. Он устроил в нашу честь пышный ужин, а затем мы полетели на его личном самолете советского производства осматривать Ангкор Ват (Angkor Wat).

Сианук был необыкновенным человеком, – исключительно образованным, жизнерадостным и полным энергии. Он обладал манерами образованного французского джентльмена, со всеми сопутствующими жестами и манерами и говорил по-английски с французским акцентом. Он был среднего роста, несколько полным, у него было широкое лицо с ноздрями, напоминавшими каменные изваяния в храмах вокруг Ангкор Вата. Он был прекрасным, гостеприимным хозяином, который превращал каждый визит в запоминавшееся и приятное событие. На банкетах, которые он устраивал, подавались прекрасные блюда французской кухни, а сервировка стола и лучшие французские вина были под стать им. Я вспоминаю о своей поездке в его дворец в столице провинции Баттамбанг (Batambang). Когда мы подъехали к высокому крыльцу, типичному для французских шато, невысокие охранники-камбоджийцы, которых черные, сверкавшие высокие наполеоновские ботфорты и шлемы делали похожими на карликов, отсалютовали нас сверкающими мечами. В роскошно обставленной гостиной и банкетном зале работал кондиционер, играли европейский и камбоджийский оркестр, присутствовали зарубежные дипломаты. Это был поистине королевский прием.

Принц отличался переменчивостью нрава и чрезмерной чувствительностью к критике. Он отвечал на каждую статью в прессе, в которой содержались любые критические замечания в его адрес. Политика для него сводилась к прессе и общественному мнению. Когда в 1970 году Сианук был свергнут с престола в ходе переворота, он искал убежища в Пекине, ибо, по его словам, опасался за свою жизнь. Я полагаю, что, вернись он тогда в Камбоджу, ни один солдат не посмел бы выстрелить в него в аэропорту. Он был их королем-богом. Он сохранял Камбоджу в качестве оазиса мира и изобилия в беспокойном, разоренном войной Индокитае, поддерживая сомнительный баланс сил между коммунистами и Западом. Принц пытался наладить дружественные отношения с Китаем, найти там защиту и, в то же время, поддерживал связи с Западом при посредничестве Франции. Когда он, вместо того, чтобы вернуться и бросить вызов совершившим переворот мятежникам, остался в Пекине, старая Камбоджа была разрушена.

Я снова встретился с ним, когда он приехал в Сингапур в сентябре 1981 года для переговоров о формировании коалиции с «красными кхмерами». Это был уже другой Сианук. Он вернулся в Пномпень и стал пленником «красных кхмеров». Он пережил страшное время,

многие его дети и внуки были убиты Пол Потом, и он сам опасался за свою жизнь. Того старого, бодрого Сианука больше не было: его смех, голос, который становился высоким и пронзительным, когда он возбуждался, его жесты, – все стало более приглушенным. Он был живой трагедией, олицетворением того, что случилось с его страной и народом. Китайцы спасли его как раз накануне захвата Пномпеня вьетнамцами в начале 1979 года. Он выступал перед Советом Безопасности ООН против вьетнамского вторжения и стал международным символом кампучийского сопротивления. На протяжении долгого времени он был неумолим и непреклонно выступал против создания коалиционного правительства с «красными кхмерами».

После того как «красные кхмеры» оккупировали Пномпень, камбоджийцы, или кампучийцы как они стали называть себя во время правления режима Пол Пота, не проявляли активности в регионе. Старший министр Иенг Сари (Ieng Sari) нанес мне визит в марте 1977 года. Он был мягким, круглолицым, полным человеком и выглядел добряком, который мог бы нежно заботиться о младенцах. Он был зятем и доверенным лицом печально известного Пол Пота, лидера «красных кхмеров», уничтожившего от одного до двух миллионов человек из семи миллионов жителей страны, включая большинство наиболее образованных и способных кампучийцев. Он ничего не упомянул об этом геноциде, и я не стал расспрашивать его. Он все равно стал бы отрицать сам факт геноцида, как это делало радио «красных кхмеров». Иенг Сари был реалистом, – он хотел наладить бартерную торговлю. Они нуждались в запасных частях для фабрик, насосах для орошения и подвесных моторах для рыбацких лодок. В обмен он предложил рыбу из Тонлесап (Tonle Sap), знаменитого озера в Кампучии, где после ежегодных наводнений ловилась отличная рыба. Эта бартерная торговля не процветала (у них были проблемы с доставкой), так что мы мало торговали и практически не поддерживали никаких других отношений с ними.

В результате пограничных столкновений отношения между Вьетнамом и Камбоджей ухудшились. Вьетнам напал на Камбоджу и захватил ее в январе 1979 года. Начиная с этого момента, Камбоджа существовала в моем сознании только в результате нашей деятельности в ООН, направленной на то, чтобы собрать необходимые голоса и предотвратить захват места Камбоджи в ООН марионеточным вьетнамским правительством. Мы также поддерживали силы камбоджийского сопротивления, действовавшие в районах, прилегавших к границе между Камбоджей и Таиландом.

С 1981 по 1991 год я несколько раз встречался с сыном Сианука – принцем Ранаритом (Ranariddh). Сианук поставил его во главе сил монархистов, базировавшихся у границы Таиланда с Камбоджей. Ранарит напоминал своего отца голосом, манерами, выражением лица и жестами. Он был ниже ростом, его кожа была темнее, он обладал более ровным характером и был менее подвержен минутным колебаниям настроения, но в целом был человеком того же склада. Как и его отец, он бегло говорил по-французски и изучал право в университете Лиона (Lyon), до тех пор, пока не стал во главе сил монархистов.

Когда в 80-ых годах я посетил их тренировочный лагерь на северо-востоке Таиланда, то заметил, что войска были не слишком организованы, а боевой дух отсутствовал. Это было все, чего Ранарит мог добиться, потому что и он, и его офицеры и генералы проводили больше времени в Бангкоке, чем в лагере. Поскольку мы поддерживали их оружием и средствами радиосвязи, я чувствовал себя разочарованным. После подписания соглашения в 1991 году оказание помощи Камбодже взяли на себя крупные доноры. Когда его партия победила на выборах, организованных ООН в 1993 году, Ранарит стал первым премьер-министром, а Хун Сен – вторым премьер-министром). Когда мы встретились в Сингапуре в августе того же года, я предупредил его, что коалиция с Хун Сеном была делом сомнительным. Армия, полиция и администрация подчинялись Хун Сену. Если Ранарит хотел выжить, ему необходимо было подчинить себе часть офицеров армии и полиции и некоторых провинциальных губернаторов. В том, чтобы носить титул первого премьер-министра и назначить своего человека министром обороны, было мало толку, ибо все офицеры и войска были лояльны по отношению к Хун Сену. Он не принял мои слова близко к сердцу, очевидно, полагая, что его королевская кровь гарантирует ему поддержку народа, и что он будет незаменим.

Я встретился с Хун Сеном в Сингапуре в декабре того же года. Это был человек совершенно иного склада, прошедший жестокую школу выживания в условиях режима

«красных кхмеров». Он был назначен вьетнамцами премьер-министром в 80-ых годах, но оказался достаточно ловким, чтобы дистанцироваться от них и стать приемлемым для американцев и европейцев. Он произвел на меня впечатление человека сильного и безжалостного. Понимание власти Хун Сеном соответствовало знаменитому выражению Мао о том, что «власть происходит из дула винтовки», и он был решительно настроен удержать ее. Когда в 1997 году силы «красных кхмеров» стали таять, а Ранарит не смог больше блокироваться с ними, чтобы противостоять ему, Хун Сен сверг его и взял в свои руки всю полноту власти, номинально оставаясь вторым премьер-министром. Сианук снова стал королем после выборов 1993 года, но его плохое здоровье и частые отлучки из Камбоджи для прохождения курса лечения от рака в Пекине не позволили ему утвердиться на капитанском мостике, теперь уже полностью занятом Хун Сеном и его армией.

Камбоджа напоминает фарфоровую вазу, которую разбили на мелкие кусочки. Снова склеить ее будет тяжело, это потребует много времени. И как это всегда бывает со склеенным фарфором, она не сможет противостоять давлению. Пол Пот убил 90 % представителей интеллигенции и специалистов; в стране отсутствует согласованная администрация; люди так долго жили в условиях беззакония, что больше не являются законопослушными и боятся только винтовки.

Народ Камбоджи потерпел поражение, страна опустошена, ее экономика разрушена. Вступление Камбоджи в АСЕАН было отложено в связи с переворотом, осуществленным Хун Сеном. В конце концов, Камбоджа была принята в организацию в апреле 1999 года, потому что ни одна страна не хотела израсходовать еще 2 миллиарда долларов для осуществления еще одной операции ООН по проведению честных выборов. После переворота, совершенного Лон Нолом (Lon Nol) в 1970 году, Камбоджа 27 лет находилась в состоянии войны. Ее настоящие лидеры являются продуктом жестокой, бесконечной борьбы, в которой противников или уничтожали, или нейтрализовывали. Это абсолютно безжалостные люди, лишенные гуманных чувств. История жестоко обошлась с камбоджийцами.

Глава 20. АСЕАН: малообещающий старт, многообещающее будущее

АСЕАН была сформирована в августе 1967 года, в период, когда ситуация в регионе отличалась большой неопределенностью. На лишенной всякой помпезности церемонии подписании декларации в Бангкоке присутствовали министры иностранных дел Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда. Война во Вьетнаме начинала распространяться на Камбоджу, а коммунистические повстанцы орудовали в регионе повсюду. Я не испытывал слишком большого энтузиазма относительно достижения тех высоких целей, которые провозглашались в декларации: ускорение экономического роста, обеспечение социального прогресса, содействие культурному развитию, борьба за укрепление мира и стабильности, развитие сотрудничества в сфере сельского хозяйства и промышленности, расширение торговли. У организации также была цель, которая не провозглашалась – усиление наших позиций путем укрепления солидарности, чтобы противостоять тому вакууму власти, который мог образоваться в регионе в результате приближавшегося вывода британских, а затем, возможно, и американских войск. Индонезия также хотела заверить Малайзию и Сингапур, что с окончанием эры Сукарно ее намерения стали мирными, и она отказывалась от агрессивной политики, проводившейся Сукарно. Таиланд стремился развивать более тесные связи с некоммунистическими соседями, которые являлись членами Движения неприсоединения. Филиппины хотели создать форум, с которого они смогли бы заявить о своих претензиях на Северный Борнео. Сингапур был заинтересован в понимании и поддержке со стороны своих соседей с целью укрепления стабильности и безопасности в регионе.

Прошло десять лет, пока наши действия стали согласованными и целенаправленными, а лидеры и официальные лица государств поближе познакомились и примерились друг к другу. У нас был общий враг – коммунистическая угроза, проявлявшаяся в партизанском движении, получавшем поддержку со стороны Северного Вьетнама, Китая и Советского Союза. Мы нуждались в укреплении стабильности и ускорении экономического роста, чтобы противостоять коммунистам и ликвидировать социальные и экономические условия

революции. Америка и Запад были готовы помочь нам.

Президент Индонезии Сухарто сыграл решающую роль в успешном развитии АСЕАН. После нескольких казусов, случившихся из-за чрезмерной настойчивости официальных лиц Индонезии, Сухарто полностью изменил подход к работе организации. Его политика была диаметрально противоположна той, которую проводила Индия в отношении стран Южно-азиатской ассоциации регионального сотрудничества (South Asian Association for Regional Cooperation). При Сухарто Индонезия не вела себя как гегемон, она не настаивала исключительно на своей точке зрения, а принимала во внимание политику других членов организации. Именно поэтому страны региона стали относиться к Индонезии как к первой среди равных.

Несмотря на то, что АСЕАН провозгласила своей целью развитие экономического, социального и культурного сотрудничества, все знали, что прогресс в сфере экономического сотрудничества будет медленным. Мы объединились, в основном, для достижения политических целей, – обеспечения стабильности и безопасности в регионе. АСЕАН добилась успехов в создании атмосферы стабильности и безопасности, но, как и ожидалось, осязаемых результатов прогресса поначалу было немного. Когда я выступал с приветственной речью на пятой встрече министров иностранных дел стран АСЕАН в Сингапуре в апреле 1972 года, я привлек внимание участников к той огромной разнице, которая существовала между большим числом предложенных и весьма незначительным количеством реализованных проектов. Ежегодно мы принимали от 100 до 200 рекомендаций, из которых только 10–20 действительно выполнялись.

Захват коммунистами Сайгона в апреле 1975 года усилил чувство опасности, исходившее от подрывной деятельности и мятежей. Странам АСЕАН следовало более основательно заняться экономическим развитием, чтобы уменьшить социальную напряженность в обществе. В сентябре 1975 года, во время двусторонней встречи с Сухарто на Бали, я попытался убедить его, чтобы во время первой встречи стран АСЕАН на высшем уровне, которая должна была проходить в Индонезии, мы попытались бы договориться о постановке общих экономических задач. Я предлагал заняться либерализацией торговли, начав с 10 %-ого уменьшения странами АСЕАН импортных тарифов на отдельные товары, имея в виду, в конечном итоге, создание зоны свободной торговли в регионе. Мне показалось, что идея ему понравилась. Для того чтобы встреча на высшем уровне прошла успешно, мы договорились сосредоточиться на тех вопросах, обсуждение которых должно было продемонстрировать нашу солидарность, и оставить в стороне те проблемы, которые разделяли нас.

Близкий помощник Сухарто Али Моэртопо (Ali Moertopo) позднее сказал нашему послу в Индонезии К. Ч. Ли, что после встречи со мной президент встретился со своими советниками, и те высказались против идеи создания зоны свободной торговли. Они усматривали в свободной торговле угрозу развития свободной конкуренции, в которой Индонезия могла бы проиграть и стать жертвой демпинговой политики других стран АСЕАН, что создало бы угрозу индустриализации страны.

С политической точки зрения встреча стран АСЕАН на высшем уровне в феврале 1976 году на Бали была успешной. В условиях существования большой неопределенности в регионе страны АСЕАН продемонстрировали свою солидарность. Индонезия, где состоялась эта встреча, извлекла из ее проведения дополнительные выгоды. Так как встреча состоялась сразу вслед за кризисом, вызванным оккупацией Индонезией Восточного Тимора, то ее проведение позволило президенту Сухарто укрепить свои позиции на международной арене. Тем не менее, во время заседаний Сухарто чувствовал себя скованно, – он разговаривал только на бахаса и не мог принимать участие в свободном обмене репликами, проходившем на английском языке. Он предпочитал двусторонние встречи, во время которых он оживленно и энергично говорил на бахаса. С конца 80-ых годов Сухарто использовал и английские слова и фразы, чтобы лучше пояснить свои идеи. Следующая встреча на высшем уровне была проведена через год, в 1977 году, в Куала-Лумпуре. И снова я заметил, что Сухарто чувствовал себя скованно, видимо, поэтому следующая встреча состоялась только через десять лет, в Маниле. Сингапур дождался своей очереди стать местом проведения встречи на высшем уровне только в 1992 году, когда я уже не был премьер-министром, а потому и не присутствовал на ней.

Нам не удалось добиться успеха в снижении импортных тарифов, но регулярные и частые встречи позволили улучшить деловые отношения между министрами и официальными лицами стран АСЕАН. Это помогало им решать двухсторонние проблемы до того, как они попадали в поле зрения третьих лиц. Министры и официальные лица выработали такой стиль работы, который позволял им если не разрешить, то приглушить имевшиеся разногласия, а также нацелить все стороны на развитие более тесного сотрудничества. Во время встреч они вместе играли в гольф, по ходу игры обсуждая идеи и предложения, которые в такой неформальной обстановке могли быть легко отвергнуты. После официальных обедов они устраивали вечера пения, во время которых каждый министр должен был обязательно спеть какую-то народную песню своей страны. Сингапурские министры были застенчивы и неуклюжи, а филиппинцы, тайцы и индонезийцы вели себя естественно, поскольку пение было необходимой составной частью избирательных кампаний в их странах. Западным дипломатам подобного рода занятия могли бы показаться глупостью, на самом же деле это помогло растопить лед в отношениях между людьми, которые, несмотря на близкое географическое соседство, являлись, по сути, иностранцами, ибо на протяжении более чем столетия находились в различных сферах колониального владычества. В ходе этих консультаций и встреч, во время которых работа и отдых играли одинаково важную роль, сложились традиции сотрудничества и достижения компромиссов. Официальные лица стран АСЕАН старались избежать конфронтации, пытаясь, в идеале, достичь консенсуса. Если же достичь консенсуса не удавалось, они останавливались на компромиссном решении или договаривались о продолжении сотрудничества в будущем.

Там, где странам АСЕАН приходилось иметь дело с развитыми странами, сотрудничество между ними возникало естественным путем. Мы осознали ценность политической координации своих действий при переговорах с американцами, европейцами в составе Европейского Экономического Сообщества, и японцами. Со своей стороны, эти промышленно развитые страны предпочитали вести с нами дела как с группой стран. Они поощряли АСЕАН за ее рациональную и умеренную позицию на международных форумах, что помогало добиться практических результатов. Они также хотели, чтобы и другие региональные объединения развивающихся стран взяли на вооружение прагматический подход к проблемам, принятый странами АСЕАН.

Одним из примеров того, как членство в АСЕАН приносило пользу ее участникам, является ситуация, возникшая в результате попыток Австралии изменить правила в области гражданской авиации. В октябре 1978 года Австралия обнародовала новую «Австралийскую международную политику в сфере гражданской авиации» (Australian International Civil Aviation Policy), согласно которой только национальная австралийская авиакомпания «Квонтас» (Qantas) и «Бритиш эйрвэйз» (British Airways) имели право на перевозку пассажиров между конечными пунктами отправления в Австралии и Великобритании, причем по исключительно низким тарифам. Авиакомпании стран, являвшихся местом промежуточной посадки, включая Сингапур и столицы других стран АСЕАН, были исключены из этого правила. Специальные низкие тарифы делали промежуточные остановки невыгодными для пассажиров. Австралийцы также планировали сократить объемы перевозок пассажиров авиакомпаниями стран АСЕАН и уменьшить частоту полетов авиакомпании «Сингапур эйрлайнз» между Сингапуром, Австралией и Великобританией. Они также хотели запретить тайландской авиакомпании «Тай интернэшнэл» (Thai International) перевозить пассажиров из Сингапура, — пункта промежуточной посадки на пути из Таиланда в Австралию. Австралийцы хотели обсудить эти меры с каждой страной в двустороннем порядке, но министры стран АСЕАН, отвечавшие за развитие экономики, выступили против этого предложения единым фронтом. Чтобы сорвать эти попытки, наши партнеры по АСЕАН попросили предоставить им некоторое время для рассмотрения долговременных последствий этих изменений, которые угрожали отсечь авиакомпании стран АСЕАН от обслуживания магистральных международных маршрутов, превратив их в мелкие региональные авиакомпании. В результате, нам удалось согласовать различия в наших интересах и выступить единым фронтом.

Я пришел к выводу, что «Боинг-747», выполняющий полет из Австралии в Европу, на пути в Лондон должен был совершить посадку либо в Сингапуре, либо в Куала-Лумпуре, либо в Бангкоке. Джакарта была расположена слишком близко к Австралии, а Коломбо слишком

далеко, – обе эти остановки были бы неэкономичны. Мы решили привлечь на свою сторону Малайзию и Таиланд, для чего я проинструктировал наших официальных лиц сделать этим странам достаточные уступки.

В январе 1979 года я написал премьер-министру Таиланда генералу Крингсаку, что предпринимаемые Австралией меры были «явно протекционистскими», и что австралийцы хотели сыграть на наших разногласиях, предлагая нам различные стимулы и прибегая к различным угрозам. Отношения с генералом Криангсаком были близкими, так что он поддержал меня. Мы также пошли на достаточные уступки авиакомпании «Мэлэйжиэн эйрлайнз», чтобы обеспечить поддержку Малайзией совместных требований стран АСЕАН. Поначалу Австралии практически удалось изолировать Сингапур и разделить страны АСЕАН, сталкивая их между собой. Но солидарность стран АСЕАН стала крепче после встречи с государственным секретарем транспорта Австралии, на которой он выдвинул жесткие условия перед официальными представителями гражданской авиации стран АСЕАН. Об этом было доложено доктору Махатхиру, тогдашнему заместителю премьер-министра Малайзии и министру торговли и промышленности. Он все еще был сердит после своего визита в Австралию, где он и премьер-министр Малайзии Тун Разак подверглись нападкам со стороны демонстрантов. Махатхир ужесточил позицию Малайзии в отношении Австралии. В результате, двусторонний диспут между Сингапуром и Австралией перерос в конфликт между Австралией и АСЕАН. Стороны обменялись жесткими заявлениями в прессе. Раздраженные пренебрежительным отношением официальных лиц Австралии, представители Индонезии выступили с угрозой закрыть свое воздушное пространство для австралийских самолетов, в случае, если бы Австралия продолжала настаивать на введении новых правил. Министр иностранных дел Австралии Эндрю Пикок (Andrew Peacock) приехал в Сингапур, чтобы разрядить обстановку. Австралия согласилась позволить «Сингапур эйрлайнз» сохранить маршруты и объемы перевозки пассажиров в Австралию, а также позволила авиакомпаниям других стран АСЕАН увеличить объемы перевозки пассажиров. Это был урок того, какие выгоды может принести солидарность.

Оккупация Камбоджи Вьетнамом стала испытанием солидарности стран АСЕАН в период с 1978 по 1991 годы. После того как 25 декабря 1978 года Вьетнам напал на Камбоджу, министр иностранных дел Сингапура Раджа проявил инициативу и 12 января 1979 года созвал специальную встречу министров иностранных дел стран АСЕАН в Бангкоке. В совместном заявлении они осудили вторжение и призвали к выводу всех иностранных войск из Камбоджи. Приближение вьетнамских войск, наступавших в Камбодже, к границе с Таиландом сделало положение угрожающим, но китайская карательная экспедиция против Вьетнама в феврале 1979 года стабилизировала ситуацию. Вопрос теперь заключался в том, как предотвратить режим Хенг Самрина (Heng Samrin), установленный вьетнамцами в Пномпене, от захвата места в ООН, которое занимало правительство «красных кхмеров». Геноцид, развязанный ими против своего собственного народа, привел к возмущению и неприятию правительства «красных кхмеров» во всем мире. Тем не менее, если мы хотели помешать Вьетнаму добиться международного признания установленного им марионеточного режима, то у нас не оставалось иного выбора, кроме поддержки правительства «красных кхмеров».

Раджа был прирожденным борцом за правое дело, и вторжение Вьетнама в Камбоджу стало поводом, подхлестнувшим его врожденный идеализм. Он писал и направлял правительствам неприсоединившихся стран короткие послания, в которых описывалось как агрессивные и сильные вьетнамцы, «пруссак Юго-Восточной Азии», стерли в порошок и угнетали слабую и беззащитную Камбоджу, которая была в десять раз меньше Вьетнама. Раджа был обаятельным человеком, ни высокомерным, ни кротким, дружески настроенным, теплым и очень искренним. Его усилия облегчили задачу нашему представителю в Нью-Йорке Томми Ко (Tommy Koh), а также посла и официальным лицам других государств, которые собирали голоса против Вьетнама в ООН и других международных организациях. При этом ему удавалось не перейти дорогу министру иностранных дел Индонезии Мохтару Кусумаатмаджа (Mochtar Kusumaatmadja), который получил от своего президента указания не предпринимать шагов по изоляции Вьетнама на международной арене. В интересах Сухарто было существование сильного Вьетнама, который блокировал бы любую потенциально возможную

экспансию Китая в южном направлении. Раджа и министр иностранных дел Малайзии Тенгку Ритауддин убедили Мохтара, чтобы тот, по крайней мере, не препятствовал политике Таиланда и не ослаблял единства стран АСЕАН. Борьба за изоляцию Вьетнама на международной арене продолжалась десять лет, и Раджа играл в этом деле значительную роль.

Неожиданно, год спустя, 24 декабря 1979 года, Советский Союз вторгся в Афганистан. Это явилось поворотным пунктом; по выражению президента Картера «с глаз упала завеса». Американское правительство стало более решительно выступать против Советов и против Вьетнама, а также изменило свое отношение к двум нашим мусульманским соседям: Индонезии и Малайзии. Президент Сухарто и премьер-министр Махатхир ужесточили свою позицию по отношению к Советскому Союзу. Они с подозрением относились к целям, преследовавшимся Советским Союзом, а также к тому, как русские использовали Вьетнам. Индия оказалась в изоляции в качестве единственной азиатской страны, признавшей режим Хенг Самрина.

Донесения нашей разведки, подтвержденные Таиландом, показывали, что вьетнамская оккупационная армия численностью 170,000 военнослужащих контролировала все основные населенные пункты и большую часть территории Камбоджи. Вооруженные силы Хенг Самрина, насчитывавшие 30,000 человек, страдали из-за низкого морального духа солдат и дезертирства. Сообщения о растущем сопротивлении населения вьетнамской оккупации поднимали нам настроение. Силы «красных кхмеров» отступили в гористый регион на западе страны, у границы с Таиландом. Для совместной борьбы с вьетнамцами с ними объединились некоммунистические группы сопротивления, которые боролись с «красными кхмерами» под руководством командиров, преданных старому правительству Лон Нола. Наши официальные лица напряженно работали над тем, чтобы заставить принца Сианука и Сон Сена (Son Sann) сформировать с «красными кхмерами» коалиционное правительство, но они оба боялись и ненавидели «красных кхмеров».

Отношения между Сон Сеном и Сиануком были отношениями простолюдина и принца. На встрече с его сторонниками, проходившей в Сингапуре в 1981 году, Сон Сену сказали, что принц Сианук хотел немедленно увидеть его. Все члены его делегации заволновались, исполнились благоговения и не смогли отказать во встрече, несмотря на то, что Сианук больше не обладал какой-либо властью.

Потребовался еще год, пока Китаю, Таиланду и Сингапуру удалось убедить Сианука и Сон Сена встретиться в Куала-Лумпуре с «красными кхмерами» для подписания формального соглашения о создании Коалиционного правительства демократической Кампучии (КПДК – Coalition Government of Democratic Kampuchea). Китай и Таиланд убедили все три стороны согласиться с тем, чтобы принц Сианук занял должность президента, Кхиеу Самфан (Khieu Samphan) – вице-президента, а Сон Сен – премьер-министра. Я убедил подписать соглашение в Куала-Лумпуре, а не в Пекине, чтобы это правительство не выглядело как коалиция, создаваемая Китаем, что не позволило бы обеспечить ей широкую поддержку в ООН. Я полагал, что было важно, чтобы Вьетнам знал, что коалиционное правительство являлось не «таиландско-сингапурским проектом», а пользовалось объединенной поддержкой всех стран АСЕАН. Весьма способный министр иностранных дел Малайзии Газали Шафи стремился принимать в этом деле активное участие, и мне удалось убедить премьер-министра Махатхира поддержать его. Поскольку соглашение о создании Коалиционного правительства было подписано в Куала-Лумпуре, Индонезия не могла отвергнуть его без того, чтобы подвергнуть себя риску оказаться в изоляции в рамках АСЕАН. Теперь и министр иностранных дел Индонезии согласился с тем, что АСЕАН должна была оказать поддержку некоммунистическим силам.

Сильной стороной принца Сианука была пропаганда и дипломатические маневры, но реальной военной силой обладали «красные кхмеры». Как только «красным кхмерам» удалось с помощью Сианука и Сон Сена, вошедших с ними в состав КПДК, выйти из международной изоляции, они стали наращивать свои силы. Китай хорошо снабжал их деньгами и оружием, они также располагали доходами от контролировавшихся ими шахт по добыче драгоценных камней и поступлениями от заготовки древесины вдоль границы с Таиландом.

Для Вьетнама формирование КПДК было плохим известием, на которое они отреагировали ядовито, назвав это правительство «монстром, задуманным китайскими

экспансионистами и американскими империалистами». Министр иностранных дел Вьетнама неоднократно заявлял, что ситуация в Камбодже являлась необратимой и не подлежала обсуждению. Китай не соглашался с этим, а США поддерживали Китай. По мере того, как международная поддержка КПДК возрастала, всякая перспектива признания марионеточного вьетнамского режима Хенг Самрина исчезла.

После того как в 1975 году вьетнамцы победили американцев и захватили Сайгон, страны «третьего мира» восхищались ими как героями. Теперь же, захватив своего маленького соседа, они бросили вызов международному сообществу и выступили в роли международных разбойников. Вьетнамцы оказались втянутыми в партизанскую войну, в которой они, как и американцы во Вьетнаме, не могли победить. Они пробыли в Камбодже еще семь лет, до полного вывода войск в сентябре 1989 года, но продолжали политическое вмешательство во внутренние дела страны до заключения Парижского мирного соглашения в октябре 1991 года. Мы потратили три года, напряженно работая над урегулированием разногласий между кампучийцами, согласовывая позиции Китая, Таиланда и Сингапура, привлекая на свою сторону Малайзию и Таиланд, а также пытаясь удовлетворить требования американцев, возражавших против возврата к власти «красных кхмеров».

Раджа и я упорно работали над тем, чтобы сохранить интерес США к нашему региону. Я обнаружил, что и президент Картер с Госсекретарем Сайрусом Вэнсом (Cyrus Vance), и президент Рейган с Госсекретарем Джорджем Шульцем не стремились играть слишком важную роль в регионе, не желая быть вовлеченными в еще одну партизанскую войну на азиатском материке. Нам удалось убедить их предоставить скромную помощь двум некоммунистическим группам сопротивления, – для начала гражданскую, а потом и военную. Тем не менее, американцы не оказывали нам помощи по сбору голосов против Вьетнама в ООН.

Постоянный представитель в ООН Томми К^о играл ключевую роль в лоббировании кампучийского вопроса и сборе голосов в ООН. На Генеральной Ассамблее ООН в 1982 году принц Сианук, в качестве президента вновь сформированного КПДК, обратился к членам ООН с призывом восстановить независимость и суверенитет Камбоджи. В итоге, за резолюцию ООН на стороне Демократической Кампучии проголосовало 105 государств – членов ООН. Набирая с каждым годом все больше и больше голосов в ООН, мы заставляли Вьетнам чувствовать растущую международную изоляцию.

Дэн Сяопин предотвратил возможное нападение на Таиланд, напав на Вьетнам в феврале 1979 года, – цена была заплачена китайской кровью. В 1980 году, в Пекине, Чжао Цзыян (Zhao Ziyang) объяснил мне, что в результате военной операции, проведенной против Вьетнама в 1979 году, Китай вынудил Вьетнам держать 60 % своих лучших войск вдоль китайско-вьетнамской границы. Если бы Вьетнам мог использовать эти войска для ведения войны в Камбодже, то следующая международная конференция проводилась бы уже по мирному урегулированию в Таиланде, а не в Камбодже. Фактически, Чжао Цзыян молчаливо подтвердил, что Китай в одиночку не мог решить проблему Камбоджи, – чтобы обеспечить международную поддержку, требовались усилия США и стран АСЕАН.

В июне 1981 года, в Вашингтоне, во время встречи один на один с президентом Рейганом, я говорил о проблемах в Юго-Восточной Азии, создаваемых Советским Союзом. Я сообщил ему, что Дэн Сяопин заверил меня, что в планы Китая не входило создание вокруг себя стран – сателлитов, и что китайцы были готовы согласиться с любыми результатами свободных выборов в Камбодже. Это помогло обеспечить поддержку со стороны Рейгана, ибо он был настроен категорически против вьетнамцев и их марионеточного режима.

В ноябре 1981 года в Сингапуре я предложил Джону Холдриджу (John Holdridge), помощнику Госсекретаря США по странам Восточной Азии и Тихоокеанского региона, согласиться с тем, что, кто бы ни победил на проходивших под эгидой ООН выборах, ему следовало гарантировать право встать во главе Камбоджи. Я добавил, что победа на выборах Хенг Самрина была вполне возможной, и он запальчиво перебил меня: «Я не уверен, что это приемлемо, он слишком предан Советам». Его выражение лица, тон голоса и манера оставляли мало сомнений в том, что победа Хенг Самрина на выборах была так же неприемлема для американцев, как и для китайцев. В августе 1982 года официальные лица Госдепартамента США и сотрудники ЦРУ сказали сотрудникам нашей миссии в США, что Соединенные Штаты

были готовы предоставить некоммунистическим группам сопротивления в Камбодже помощь в размере четырех миллионов долларов на приобретение продовольствия и медикаментов с целью поддержки усилий стран АСЕАН. Это было скромное начало, но это был также и важный прорыв. Администрация Рейгана постепенно преодолевала «вьетнамский синдром» и была готова, выполняя вспомогательную роль, поддерживать некоммунистические группы сопротивления. Это подтолкнуло Малайзию предоставить силам сопротивления обмундирование и помочь им в подготовке войск. Сингапур предоставил первые несколько сот автоматов АК-47, ручных гранат, амуницию и средства связи.

С помощью Великобритании мы наняли британских техников и журналистов для обучения 14 кампучийцев с целью организации радиовещания на коротких волнах из Сингапура, а позднее – на средних волнах, из района неподалеку от границы с Таиландом. Они научились работать с мобильными японскими передатчиками мощностью 25 киловатт. Вместе с Таиландом и Малайзией Сингапур участвовал в подготовке партизан. В 1983–1984 годах силы сопротивления во главе с «красными кхмерами» впервые продолжили свое наступление в Камбодже и во время сухого сезона, не отступая на территорию Таиланда.

Встретившись в июле 1984 года в Сингапуре с Госсекретарем США Джорджем Шульцем, я настаивал на пересмотре американской политики предоставления ограниченной помощи силам сопротивления, ибо такая политика США давала максимальные выгоды Китаю. Мы оказывали «красным кхмерам» и Китаю политическую поддержку на международной арене, которую они не смогли бы получить самостоятельно. В результате того, что Китай оказывал «красным кхмерам» военную помощь, они оставались наиболее сильной группировкой сил сопротивления в Камбодже. Соединенным Штатам следовало вкладывать деньги в некоммунистические группы сопротивления, чтобы помочь им максимально увеличить свой потенциал, особенно после того, как они продемонстрировали свою боеспособность. Эти группы располагали большей поддержкой со стороны народа Камбоджи, чем «красные кхмеры». Шульц согласился, что попробовать стоило, но указал, что американская помощь должна была быть постоянной, а если бы размеры этой помощи стали значительными, то обеспечить ее ежегодное одобрение Конгрессом США было бы сложно. Шульц знал о настроении, царившем в американском Конгрессе.

Шульц оказался прав: Конгресс США не поддержал бы программы предоставления помощи в значительных размерах. Наши сотрудники в группе, состоявшей из представителей Таиланда, Малайзии, Сингапура и США, которая регулярно встречалась в Бангкоке для координации нашей программы по оказанию помощи, подсчитали, что Соединенные Штаты оказали некоммунистическим группам сопротивления тайную и явную помощь в размере примерно 150 миллионов долларов. Помощь со стороны Сингапура составила 55 миллионов, Малайзии – 10 миллионов. Таиланд предоставил помощь в размере нескольких миллионов долларов, в основном в виде подготовки войск, снабжения амуницией, продовольствием, а также покрывал текущие расходы. Это было совсем немного по сравнению с размерами помощи, оказанной Китаем некоммунистическим силам сопротивления Сон Сена и Сианука. Китай предоставил им помощь в размере около ста миллионов долларов, а «красным кхмерам» – примерно в 10 раз больше.

В этот период Советский Союз истекал кровью в результате войны в Афганистане, а также предоставляя огромную по размерам помощь Вьетнаму, Эфиопии, Анголе и Кубе. К концу 80-ых годов советская помощь прекратилась, и Вьетнам стал испытывать экономические трудности. В 1988 году уровень инфляции во Вьетнаме превысил 1000 %, в стране начался продовольственный кризис. Вьетнаму пришлось уйти из Камбоджи. Вьетнамская «старая гвардия» уступила место лидерам, которые хотели урегулировать проблему Камбоджи с Китаем и открыть экономику страны, чтобы спасти ее от коллапса. В июле 1988 года вьетнамцы в одностороннем порядке заявили о выводе 50,000 военнослужащих из Камбоджи.

Американский конгрессмен Стивэн Соларц (Stephen Solarz), который отвечал за развитие отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона в Комитете по международным делам Конгресса США, встретился со мной в Сингапуре и высказал предложение о создании сил ООН, чтобы заполнить вакуум власти и провести выборы. Я одобрил это предложение. Когда министр иностранных дел Австралии Гарет Эванс (Gareth Evans) формально внес это

предложение в ООН, Сингапур и другие члены АСЕАН поддержали его. После того как 23 октября 1991 года в Париже было подписано заключительное соглашение, ООН послала в Камбоджу миротворческие силы, за которыми последовала Переходная администрация ООН в Камбодже (UN Transitional Authority in Cambodia (UNTAC)). Сианук вернулся в Пномпень из Пекина в ноябре 1991 года, сопровождаемый Хун Сеном, который сменил Хенг Самрина.

Деятельность Переходной администрации ООН в Камбодже была самой масштабной и наиболее дорогостоящей миротворческой операцией ООН по сей день, – на содержание контингента из 20,000 гражданских лиц и военнослужащих было израсходовано более двух миллиардов долларов США. В мае 1993 года в Камбодже были успешно проведены выборы. Партия принца Сианука, возглавляемая его сыном, принцем Ранаритом, получила наибольшее число мест в парламенте. Она завоевала 58 мест, а сторонники Хун Сена – 51 место. В этот момент американцы изменили свою политику по отношению к вьетнамскому марионеточному правительству. Должно быть, они были удовлетворены тем, что Хун Сен стремился к независимости Камбоджи от Вьетнама, а потому были готовы позволить ему захватить власть. У ООН не было сил или желания поставить у власти принца Ранарита. Это потребовало бы разоружения войск Хун Сена и борьбы с «красными кхмерами». В итоге, ООН способствовала достижению компромисса, в результате которого Ранарит стал номинальным первым премьер-министром, но передал реальную власть в руки второго премьер-министра, Хун Сена, который оказался во главе армии, полиции и администрации.

Представители Переходной администрации ООН начали покидать Камбоджу в ноябре 1993 года, завершив свою ограниченную миссию, заключающуюся в проведении выборов с минимальным кровопролитием. После этого Сингапур стал простым наблюдателем драмы в Камбодже. Великие державы стали поддерживать контакты друг с другом в решении этой проблемы непосредственно. Китай был единственной страной, которая поддерживала «красных кхмеров». Премьер-министр Китая Ли Пэн (Li Peng) сказал мне в Пекине в октябре 1990 года, что, хотя «красные кхмеры» делали ошибки в прошлом, у них также были и заслуги. Другими словами, они заслужили место в правительстве. Тем не менее, как только Советский Союз достиг соглашения с американцами о прекращении войны, прекратив свою военную помощь, особенно поставки нефти, Вьетнаму, влияние Китая на решение этой проблемы уменьшилось.

С уходом Вьетнама из Камбоджи солидарность стран АСЕАН стала ослабевать. Премьер-министр Таиланда Чатичай Чунхаван хотел использовать возможности для развития торговли и инвестиций, открывавшиеся в связи с восстановлением экономики Вьетнама. Он проигнорировал мнение своего министра иностранных дел Сиддхи Саветсила, который говорил, что время делать уступки Вьетнаму еще не пришло. Когда Таиланд двинулся навстречу Вьетнаму, за ним последовала и Индонезия. В интересах Индонезии было существование сильного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, чтобы предотвратить возможную китайскую экспансию.

Сингапур направил в Камбоджу контингент полиции для оказания помощи Переходной администрации ООН. Во время конфликта лишь немногие страны предоставляли помощь некоммунистическим группам сопротивления, мы предоставляли такую помощь, и наши поставки вооружения, амуниции, оборудования, а также политические и дипломатические усилия, направленные на поддержку этих сил, помогли обеспечить желаемый конечный результат. Но мы знали об ограниченности своего влияния и согласились с решением ООН об организации переходного правительства и проведении честных выборов. Обе эти цели были более или менее достигнуты. Хун Сен, его армия, полиция и администрация продолжают контролировать ситуацию. Принц Ранарит и его министры придали Хун Сену и бывшим провьетнамски настроенным коммунистам некую респектабельность на международной арене, в которой те нуждались для получения международной помощи. «Красные кхмеры» потерпели полную неудачу, – столь сильным оказалось негодование мирового сообщества из-за совершенного Пол Потом геноцида. Несмотря на огромную цену, которую Вьетнам платил на протяжении 13 лет оккупации Камбоджи, ему так и не удалось превратить ее в своего сателлита.

Мы потратили много времени и ресурсов, чтобы сорвать планы Вьетнама в Камбодже, ибо в наших интересах было добиться того, чтобы агрессия никем не рассматривалась в

качестве выгодного предприятия. Действительно, печальный опыт Индонезии с оккупацией Восточного Тимора подтвердил этот вывод. Через 24 года после оккупации Восточного Тимора, после проведенного в сентябре 1999 года под наблюдением ООН референдума, Индонезия была вынуждена вывести оттуда свои войска.

К середине 80-ых годов АСЕАН утвердилась в качестве уважаемого объединения стран «третьего мира» и превратилась в один из его наиболее динамично развивавшихся регионов. Сделав, согласно рекомендациям Мирового банка и МВФ, экономики своих стран открытыми для международной торговли и зарубежных инвестиций, страны АСЕАН добились ежегодных темпов экономического роста на уровне 6–8% на протяжении более чем десятилетия. Это динамичное экономическое развитие сделало их привлекательными экономическими и политическими партнерами для других государств. Начался регулярный диалог стран АСЕАН с Австралией, Новой Зеландией, а затем и с Японией, Америкой и странами Западной Европы. По мере того как АСЕАН становилась все более согласованной организацией, члены которой совместно выступали на международной арене по основным вопросам, все больше стран хотело присоединиться к нашим ежегодным встречам для участия в обсуждении политических и экономических проблем.

Коммунистическая угроза со стороны Северного Вьетнама, Китая и Советского Союза способствовала укреплению солидарности между странами АСЕАН. После развала коммунизма АСЕАН нуждалась в новой общей цели, которая помогла бы объединить эти страны. Ко времени проведения четвертой встречи на высшем уровне, которая состоялась в Сингапуре в январе 1992 года, страны АСЕАН были готовы поддержать идею создания в регионе зоны свободной торговли. На протяжении длительного времени Сингапур настаивал на том, чтобы уделять больше внимания развитию экономического сотрудничества, которое дополняло бы развитие отношений в политической сфере. Наши усилия не приносили успеха, ибо предложения Сингапура о развитии экономического сотрудничества рассматривались другими странами АСЕАН с подозрением. Поскольку наша экономика была более развитой, более открытой и более свободной от таможенных тарифов и иных барьеров для развития торговли, они боялись, что Сингапур будет извлекать слишком большую выгоду в результате создания зоны свободной торговли.

В конце 80-ых годов сначала Китай, а затем Индия сделали свои экономики более открытыми, им удалось привлечь огромный объем иностранных инвестиций. После этого взгляды лидеров стран АСЕАН изменились. В 1992 году премьер-министром Таиланда стал Ананд Паннярачун (Anand Panyarachun), который после пребывания на посту министра иностранных дел Таиланда сделал успешную карьеру в качестве преуспевающего бизнесмена. Он понимал экономические основы торговли и инвестиций во взаимозависимом мире. Чтобы избавиться от тайных подозрений относительно подлинных мотивов предложений Сингапура в экономической сфере, я посоветовал премьер-министру Го Чок Тонгу предложить Ананду взять на себя инициативу по созданию зоны свободной торговли в странах АСЕАН (Asean Free-Trade Area). Ананд настолько преуспел в этом, что на встрече руководителей стран АСЕАН в Сингапуре было решено создать зону свободной торговли к 2008 году. Позднее, министры экономики стран АСЕАН решили перенести эту дату на 2003 год.

Это решение является важной вехой в развитии АСЕАН. Первоначально, целью организации являлось поддержание взаимоотношений между членами АСЕАН, которые ревниво охраняли свой суверенитет, а также оказание помощи в разрешении политических проблем до того, как они становились причиной конфликта. Создание зоны свободной торговли приведет к усилению экономической интеграции стран Юго-Восточной Азии. На встрече глав правительств стран АСЕАН в 1992 году в Сингапуре было решено, что ежегодные конференции министров должны стать форумом для обсуждения политических проблем и вопросов, связанных с обеспечением безопасности в регионе. Это проложило дорогу к организации ежегодных встреч Регионального форума АСЕАН (Asean Regional Forum) с участием стран – партнеров АСЕАН: США, Японии, Австралии, Канады, Новой Зеландии, Республики Корея, Европейского Союза, а также Китая, России и Индии. Это позволило потенциальным противникам свободно обсуждать такие деликатные проблемы, как территориальные притязания на острова Спратли (Spratly islands), что стало важным изменением в политической

сфере, позволившим привлечь великие державы к обсуждению проблем безопасности в регионе.

В то же время, АСЕАН должна решать проблемы, связанные с расширением организации. В 1995 году в АСЕАН был принят Вьетнам, в 1997 году – Мьянма и Лаос, а в 1991 году – Камбоджа. Этим четырем странам еще предстоит достичь уровня развития старых членов организации и добиться признания в качестве приемлемых партнеров в диалоге с США и Европейским Союзом.

Глава 21. Кризис в Восточной Азии в 1997–1999 годах

Неожиданный и опустошительный экономический кризис, разразившийся в странах АСЕАН в 1997 году, ослабил их позиции и способность играть важную роль на международной арене. Президент Индонезии Сухарто, который поднял страну из руин, получив за это уважение и признание, был смещен. Премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад был раскритикован западными средствами массовой информации за то, что он выступил с обвинениями в адрес валютных спекулянтов и евреев, включая Джорджа Сороса (George Soros). Премьер-министру Таиланда Чуан Ликпаю также потребовалось время, чтобы восстановить свою международную репутацию. Что же произошло?

В марте 1997 года министр финансов Сингапура Ричард Ху сообщил членам правительства, что Таиланд попросил Сингапур о помощи в стабилизации курса своей валюты, бата (baht), которая находилась под давлением. Мы были единодушны в том, что нам не следовало этого делать. Тем не менее, представители Таиланда попросили его помочь, используя финансовые ресурсы Таиланда. В Таиланде не хотели, чтобы на валютном рынке узнали, что бата скупал только Центральный банк Таиланда. Управление монетарной политики Сингапура выполнило их просьбу, но предупредило, что это не приведет к успеху. Когда атака спекулянтов, игравших на понижении бата, была отражена, в Таиланде посчитали, что мы ошиблись. Мы предупредили их, что спекулянты, игравшие на понижении курса бата, вернуться. И они вернулись, – в мае. 2 июля, после того как Центральный банк Таиланда израсходовал на поддержание курса бата более 23 миллиардов долларов, исчерпав валютные резервы страны, его председатель предложил ввести плавающий курс бата. Курс сразу понизился на 15 %, жители Таиланда бросились скупать доллары, что привело к дальнейшему понижению валютного курса. Тогда мы еще не понимали, что это приведет к экономическому краху во всей Восточной Азии.

Валюты Таиланда, Индонезии, Малайзии и Филиппин были тесно привязаны к американскому доллару. Ставки процента по займам в американских долларах были намного ниже, чем процентные ставки по кредитам в национальной валюте. Пока курс доллара падал, цены на экспортные товары этих государств становились все ниже, объем экспорта рос, и все шло хорошо. Когда же с середины 1995 года курс американского доллара стал повышаться, цены на продукты тайландского экспорта повысились, и объем экспорта сократился. Тайландские компании набрали кредитов в американских долларах, предполагая, что, когда придет время выплачивать долги, обменный курс будет оставаться примерно таким же. Если бы курс бата был плавающим, то заемщики сопоставляли бы возможный риск девальвации валюты с выгодой от получения валютных кредитов под низкие проценты. И если бы иностранные заимодавцы осознавали возможность неожиданного изменения валютного курса, то они не были бы так уверены в способности должников выплатить долги.

В 1996 году несколько американских банкиров, работавших в Сингапуре, обсуждали со мной свои рекомендации председателям центральных банков Таиланда и других стран АСЕАН. Они предостерегали об опасности, возникшей в результате попыток контролировать курсы валют и уровень процентных ставок по кредитам в условиях отсутствия ограничений на движение капитала. Банкиры рекомендовали ввести более гибкую систему регулирования обменных курсов, но руководители центральных банков не прислушались к этому предупреждению, и дефицит платежного баланса этих стран вырос.

Начиная с 1995 года, в результате превышения объема импорта над экспортом Таиланд сводил платежный баланс со значительным дефицитом. Если бы так и продолжалось, то страна

столкнулась бы с недостатком иностранной валюты для выплаты иностранных долгов. В результате, зарубежные валютные дилеры стали продавать бат, ожидая, что Центральный банк Таиланда столкнется с трудностями, пытаясь поддержать высокий курс бата по отношению к доллару США. Как только спекулянты, игравшие на понижении курса бата, начали выигрывать, управляющие солидных инвестиционных фондов присоединились к ним, начав продавать валюты Малайзии, Индонезии, Филиппин и Таиланда. А когда центральные банки этих государств отменили фиксированный курс своих валют по отношению к американскому доллару, то курс всех этих валют понизился.

В отличие от них, сингапурский доллар не был привязан к американскому доллару, – его курс колебался по отношению к корзине валют наших основных торговых партнеров. До середины 90-ых годов курс нашей валюты по отношению к доллару США стабильно повышался. Процентные ставки по кредитам были в Сингапуре намного ниже, чем процентные ставки по кредитам в американских долларах. Так как сингапурским компаниям было невыгодно делать займы в американских долларах, то таких долгов было немного.

Премьер-министра Таиланда Чавалит Йонгчайюд (Chavalit Yongchaiyudh), мой старый друг с того времени, когда он был генералом таиландской армии, попросил премьер-министра Го Чок Тонга предоставить займ в размере 1 миллиарда долларов США. Го Чок Тонг обсудил этот вопрос с членами правительства, и было решено, что мы предоставим заем, если Таиланд сначала попросит помощи у Международного валютного фонда. Так и получилось.

По мере распространения кризиса, в июле, премьер-министр Малайзии Махатхир осудил Джорджа Сороса как спекулянта, ответственного за кризис. После этого «Бэнк Негара Мэлэйжиа» (Bank Negara Malaysia) объявил об изменениях в правилах валютного регулирования, ограничив сумму в малазийских ринггитах, которую можно было обменять на иностранную валюту. Чтобы ограничить падение курсов ценных бумаг, Фондовая биржа Куала-Лумпура изменила свои правила, потребовал у продавцов предъявления документов на продажу акций за день до продажи. Были также введены ограничения на торговлю акциями ста крупнейших компаний, чьи курсы использовались для определения курса индекса фондовой биржи. В результате, инвестиционные фонды стали продавать валюты и ценные бумаги Малайзии и стран АСЕАН.

В сентябре 1997 года, на встрече с представителями МВФ, Мирового банка и международными банкирами в Гонконге д-р Махатхир заявил: «Торговля валютой не нужна, непродуктивна и абсолютно аморальна. Она должна быть прекращена, надо сделать ее противозаконной». За этим последовал очередной «сброс» валют и ценных бумаг всех стран АСЕАН.

Таиланд и Индонезия согласовали условия предоставления помощи с МВФ. Тем не менее, после достижения соглашения в августе 1997 года, Таиланд не выполнил его условий: ограничение объема денежной массы, повышение ставки процента по займам, наведение порядка в банковской системе, включая прекращение деятельности 58 неплатежеспособных финансовых компаний. Опиравшееся на многопартийную коалицию правительство Чавалита было не в силах провести такие болезненные реформы. Лидеры всех политических партий Таиланда имели тесные связи с банкирами и деловыми людьми, в чьей поддержке они нуждались, чтобы собирать средств на проведение избирательных кампаний. В ноябре парламент вынес его правительству вотум недоверия, и Чавалит ушел в отставку. В январе 1998 года в Бангкоке он рассказал мне, что многие тайские банкиры убеждали его поддерживать бат, а он, будучи солдатом, а не специалистом по финансовым вопросам, следовал их советам. Наверное, его друзья-банкиры не сказали ему о том, что они позаимствовали в общей сложности более 40 миллиардов долларов США, и потому противились понижению курса бата, ибо это затруднило бы возврат ими долларовых займов.

Оглядываясь назад, попытаемся объяснить, в чем были корни проблемы. К началу 90-ых годов экономики Таиланда, Индонезии и Кореи уже работали на полную мощность. Многие дополнительные инвестиции были вложены в сомнительные проекты. Пока эйфория продолжалась, никто не обращал внимания на имевшиеся в экономике этих стран структурные и институциональные проблемы.

Для этих стран было бы лучше, если бы либерализация движения капитала была

проведена постепенно. Тогда у них было бы время, чтобы создать систему контроля и наблюдения за потоком не прямых иностранных инвестиций и убедиться, что эти инвестиции носили производительный характер. На самом же деле, значительные объемы капитала были инвестированы в ценные бумаги и недвижимость, офисные здания и многоквартирные дома. В свою очередь, эти ценные бумаги и недвижимость использовались как залог для получения новых займов, что еще сильнее вздувало цены активов. Заемщики знали об этих слабостях, но считали, что это и был тот путь, по которому должно было идти развитие бизнеса в странах с развивающейся рыночной экономикой (emerging markets). Некоторые даже рассматривали наличие деловых партнеров с хорошими политическими связями как своего рода правительственные гарантии по кредитам и продолжали игру.

Министры финансов стран «большой семерки» оказывали на эти страны нажим с целью либерализации финансовых рынков и движения капиталов. Но они не объяснили руководству центральных банков и министрам финансов развивающихся стран, какую угрозу представляют современные глобальные финансовые рынки, которые позволяют переводить огромные суммы денег из страны в страну простым нажатием кнопки компьютера. Либерализацию следовало проводить постепенно, в соответствии с уровнем компетентности специалистов и степенью сложности финансовых систем этих стран. Эти страны должны были встроить в свои финансовые системы «предохранители», которые позволили бы справиться с неожиданным притоком или оттоком средств.

Хотя экономические условия этих стран отличались друг от друга, паника среди иностранных инвесторов повлияла на весь регион. То, что начиналась как классическая рыночная мания, сопровождаемая избыточным притоком средств в страны Восточной Азии, стало классической рыночной паникой, сопровождаемой давкой инвесторов, стремившихся вывезти свои деньги из стран региона.

В январе 1997 года южнокорейский конгломерат «Ханбо груп» (chaebol Hanbo Group) обанкротился, став жертвой скандала, в ходе которого были выдвинуты обвинения в коррупции в адрес сына президента Ким Ен Сама (Kim Young Sam). Предполагалось, что многие другие банки и конгломераты находились в подобной ситуации, поэтому курс южнокорейской валюты, вона, (won) упал. Центральный банк Южной Кореи поддерживал курс валюты до тех пор, пока в ноябре не истощились валютные резервы страны, и корейцы были вынуждены обратиться за помощью к МВФ. На протяжении следующих нескольких недель финансовый тайфун накрыл всю Восточную Азию, включая Гонконг, Сингапур и Тайвань.

Валюта Гонконга была привязана к американскому доллару с 1983 года. В условиях разразившегося кризиса Гонконгу пришлось повысить ставку процента по кредитам до уровня, который намного превышал ставку процента по кредитам в американских долларах. Эта разница являлась премией за риск, и должна была побудить людей не продавать гонконгские доллары. Высокая ставка процента ударила по рынку недвижимости и ценных бумаг. Гонконг потерял свою конкурентоспособность, потому что подешевевшие валюты его соседей нанесли ущерб индустрии туризма Гонконга, оставив гонконгские отели пустыми. Поддержание фиксированного курса гонконгской валюты по отношению к американскому доллару сразу после возвращения Гонконга Китаю было правильной мерой, призванной поддержать доверие инвесторов, но по мере того как кризис продолжался, эта проблема стала обостряться.

Между кризисом в Латинской Америке и кризисом в Восточной Азии существуют значительные различия, которые подчеркивают фундаментальные различия в культуре и социальных ценностях этих стран. В отличие от правительств Латинской Америки, правительства стран Восточной Азии не сорили деньгами. Не все из них занимались реализацией экстравагантных престижных проектов или перекачивали полученные в долг деньги для размещения на фондовых рынках Лондона или Нью-Йорка. Бюджеты азиатских стран были сбалансированы, инфляция – низкой, а темпы роста экономики на протяжении нескольких десятилетий – высокими. Виновниками кризиса являлись корпорации частного сектора, которые на протяжении нескольких последних лет набрали слишком большое количество краткосрочных кредитов, вложив эти средства в непродуманные долгосрочные проекты по строительству недвижимости и созданию избыточных производственных мощностей.

Западные критики приписывали этот крах тому, что они называют «азиатскими ценностями»: блату, связям, коррупции, закулисным махинациям и так далее. Бесспорно, все это внесло свой вклад в возникновение кризиса и усугубило нанесенный им ущерб. Но являлось ли все это первопричиной? На этот вопрос следует ответить отрицательно, потому что все эти недостатки присутствовали и были характерными для этих стран с самого начала «азиатского чуда» в 60-ых годах, более 30 лет назад. Но только на протяжении последних нескольких лет некоторые страны, чья экономика бурно развивалась, стали «баловаться» чрезмерным привлечением кредитов в иностранной валюте, что и стало причиной кризиса. Даже чрезмерное заимствование могло бы не привести к такому краху, если бы не их совершенно неадекватная финансовая система, включавшая наличие слабых банков, несовершенное регулирование и надзор за деятельностью финансовой сферы, неверный подход к регулированию валютных курсов. Плохие культурные привычки усугубили ущерб, ибо в условиях, когда система была непрозрачной, нарушения было сложно обнаружить и преследовать.

Наличие в Азии коррупции, кумовства и блата осуждалось западными критиками как доказательство фундаментальной слабости системы «азиатских ценностей». В Азии есть много различных систем ценностей: индуистская, мусульманская, буддистская, конфуцианская, – я могу дискутировать только по поводу последней. Коррупция и кумовство не входят в конфуцианскую систему моральных ценностей. Наличие обязательств конфуцианского джентльмена по отношению к семье и к друзьям подразумевает, что он помогает им, используя свои личные, а не общественные средства. Слишком часто должностные лица используют служебное положение, чтобы извлечь пользу для семьи и друзей. Это разлагает правительство. Там, где существует достаточно прозрачная система управления, позволяющая обнаружить и проверить злоупотребление властью и привилегиями, как в Сингапуре и Гонконге (бывших британских колониях), подобные злоупотребления редки. Сингапур лучше пережил кризис, потому что коррупция и кумовство не влияли здесь на распределение ресурсов, а государственные служащие являлись арбитрами рынка, а не его участниками. К сожалению, в нестабильных странах слишком многие политические деятели и должностные лица пользуются властью и ответственностью не как чем-то таким, что доверено им народом для использования на благо общества, а как возможностью для извлечения персональной выгоды. Еще больше усугубляет эту проблему нежелание многих политических лидеров и должностных лиц согласиться с приговором, оглашенным рынком. На протяжении длительного времени они продолжали обвинять спекулянтов и заговорщиков в разрушении экономики, что заставило многих инвесторов покинуть их страны.

Ни один из лидеров этих стран не понял последствий глобализации финансового рынка. Связь между финансовыми учреждениями в главных мировых финансовых центрах: в Нью-Йорке, Лондоне, Токио, – и их представителями в столицах стран Восточной Азии стала мгновенной. Приток средств из индустриальных стран приносит не только выгоды в виде ускорения темпов экономического роста, но также и риск внезапного оттока этих средств. В каждой столице: в Бангкоке, Джакарте, Куала-Лумпуре, Сеуле, – находятся сотни международных банков, которых поддерживает штат местных сотрудников. Любой неправильный шаг правительства немедленно анализируется и сообщается их клиентам во всем мире. А Сухарто действовал так, будто на дворе были все еще 60-ые годы, когда финансовые рынки были более изолированными и реагировали на события куда медленнее.

Было ли «азиатское чудо» лишь миражом? На протяжении нескольких десятилетий, до того как компании стран региона начали брать кредиты в международных банках, экономика этих стран росла высокими темпами, инфляция была низкой, а бюджеты – сбалансированными. Существование отсталого сельскохозяйственного уклада экономики способствовало поддержанию стабильности, накоплению сбережений и привлечению инвестиций из развитых стран. Населяющие их народы отличаются трудолюбием и скромностью, а уровень сбережений достигает 30–40 % доходов. Правительства этих государств инвестировали в создание инфраструктуры, концентрировались на образовании и подготовке людей. В странах региона достаточно предприимчивых деловых людей, их правительства – прагматичны и поддерживают бизнес. Экономическая основа этих государств была стабильно здоровой. Уже к 1999 году, всего через два года после кризиса, восстановление экономики, похоже, шло полным ходом.

Высокий уровень сбережений позволил удерживать процентные ставки на достаточно низком уровне, чтобы обеспечить быстрое возобновление экономического роста. Управляющие зарубежных инвестиционных фондов вновь исполнились оптимизма и вернулись на фондовые рынки этих стран, что повысило курсы их валют. Тем не менее, эти положительные тенденции могут побудить некоторые страны замедлить реструктуризацию банков и компаний, что может дорого обойтись в случае экономического спада в будущем.

Лидеры всех стран Юго-Восточной Азии были шокированы неожиданным крахом валют, фондовых рынков и рынков недвижимости в их государствах. Наведение порядка в этих странах займет некоторое время, но это будет сделано. Необходимость сотрудничества стран региона для повышения веса стран Юго-Восточной Азии на переговорах с ведущими державами мира: Соединенными Штатами, Китаем, Японией, – еще сильнее сблизит их в рамках АСЕАН. Лидеры Соединенных Штатов и стран Европы будут продолжать относиться к странам региона с симпатией и поддержкой, но для того, чтобы к лидерам стран региона стали относиться с прежним уважением, потребуется некоторое время.

Этот кризис убедит лидеров стран АСЕАН в необходимости создания более сильной финансовой и банковской системы, включая строгое регулирование и наблюдение за ее деятельностью. Инвесторы вернутся в эти страны, потому что экономика будет продолжать расти высокими темпами на протяжении следующих 15–20 лет. Связи и коррупцию будет трудно уничтожить полностью, но при наличии адекватного надзора за исполнением законов, с этими эксцессами можно будет справиться. Пока боль и страдания этого кризиса не будут забыты, его повторение маловероятно. В течение десятилетия рост экономики пяти стран-основателей АСЕАН возобновится, на этой основе вырастут новые лидеры, которые будут пользоваться уважением и доверием.

Есть и более глубокий урок, который должен быть извлечен из этого кризиса. В глобальной экономике правила игры устанавливаются американцами и европейцами через ВТО и другие многосторонние организации. Поэтому вкладывать капитал без учета действия рыночных сил, как это делали японцы и корейцы, становится накладно. Чтобы финансировать расширение японских и корейских конгломератов с целью захвата зарубежных рынков, их правительства выжимали из населения максимум сбережений. Эти сбережения направлялись правительством через банковскую систему в определенные конгломераты с целью захвата рынков определенных товаров. Результатом этого, зачастую, было создание и развитие неконкурентоспособных отраслей промышленности. Пока эти страны догоняли в своем развитии более развитые государства, еще можно было определить, в какие отрасли экономики инвестировать. Сейчас, когда они уже догнали Запад, выбирать сферы инвестирования стало непросто. Как и все остальные страны, они должны распределять ресурсы в соответствии с требованиями рынка. Судя по их прошлому, было бы ошибочно полагать, что японцы и корейцы утратили свои сильные качества. Они проведут реструктуризацию экономики и научатся вести бизнес, руководствуясь критериями прибыльности и доходности акционерного капитала (rates of return on equity).

Глава 22. Сингапур – член Британского Содружества наций

Когда мы провозгласили независимость, я предложил, чтобы Сингапур вступил в Британское Содружество наций. Британское правительство и премьер-министр Малайзии Тунку поддержали нас. Тогда я не знал, что Пакистан первоначально выступал против нашего вступления в члены Содружества, ибо считал, что Малайзия занимала слишком проиндийскую позицию в конфликте между Индией и Пакистаном из-за Кашмира (Kashmir). Генеральный секретарь Содружества Арнольд Смит (Arnold Smith) писал, что антагонизм между Пакистаном и Малайзией распространялся и на отношение Пакистана к правительству Сингапура, которое симпатизировало Индии. Но Смит убедил Пакистан воздержаться при голосовании и не препятствовать вступлению Сингапура в члены организации. В октябре 1965 года Сингапур стал двадцать вторым членом Содружества наций. Для молодого независимого государства членство в Содружестве представляло большую ценность, ибо оно позволяло наладить связи с целым рядом похожих на нас правительств и их лидерами. Все они говорили по-английски, а их

административная, юридическая и образовательная система была создана по британскому образцу.

Вскоре после нашего вступления в Содружество, 11 января 1966 года, премьер-министр Нигерии сэр Абубакар Тафава Балева (Sir Abubakar Tafawa Balewa) созвал конференцию премьер-министров стран Содружества наций в Лагосе, для обсуждения Односторонней Декларации о провозглашении независимости Родезии (Rhodesia's Unilateral Declaration of Independence). Тогдашняя Родезия представляла собой самоуправляемую колонию, в которой белое меньшинство численностью 225,000 человек управляло четырьмя миллионами африканцев. Я решил поехать.

На борту самолета «Бритиш овэрсиз эйрвэйз корпорэйшен» (British Overseas Airways Corporation), выполнявшего семичасовой перелет из Лондона в Лагос, находилось еще несколько премьер-министров и президентов небольших стран Содружества. Между нами завязалась беседа. Одним из запомнившихся мне пассажиров был президент Кипра архиепископ Макариос (Archbishop Makarios). В качестве архиепископа греческой православной церкви он носил черную рясу и высокий черный клобук. На борту самолета он снял рясу и клобук и выглядел совершенно по-иному: небольшой лысый человек, с усами и большой бородой. Он сидел через проход от меня, и я смог хорошенько его рассмотреть. Я наблюдал как зачарованный, как он одевался и приводил себя в порядок, когда самолет подруливал к терминалу аэропорта. Он старательно и тщательно расчесал усы и бороду, поднялся, чтобы надеть рясу поверх белой одежды, затем надел золотую цепь с большим медальоном и после этого осторожно надел клобук на голову. Его помощник тщательно вычистил его рясу, чтобы убрать с нее мелкие соринки и пылинки, затем подал ему полагавшиеся архиепископу регалии. Лишь после этого его Преосвященство архиепископ Макариос был готов спуститься с трапа самолета и предстать перед поджидавшими нас кинооператорами. Вряд ли можно было представить себе политического деятеля, более заботившегося о том, как его воспринимала публика. Другие премьер-министры задержались в самолете и позволили ему выйти первым: он был не только президентом, но и архиепископом.

В аэропорту нас приветствовали, мы по очереди обошли строй почетного караула, а затем поехали в Лагос. Он выглядел так, словно находился на осадном положении. Полиция и солдаты были выстроены на всем пути от аэропорта до отеля «Федерал Пэлис» (Federal Palace Hotel), который был окружен колючей проволокой и оцеплен войсками. Ни один лидер не покинул гостиницу за те два дня, пока продолжалась конференция.

Вечером, накануне встречи, сэр Абубакар Тафава Балева, которого я посетил за два года до того, устроил в гостинице обед в нашу честь. Раджа и я сидели напротив огромного нигерийца, Чифа Фестуса (Chief Festus), который был министром финансов. Разговор между нами сохранился в моей памяти по сей день. Чиф Фестус сказал, что вскоре собирался подать в отставку. Он достаточно сделал для своей страны и теперь должен был уделить внимание своему бизнесу, – обувной фабрике. В качестве министра финансов он ввел налог на импорт обуви, с тем, чтобы Нигерия смогла наладить собственное производство обуви. Раджа и я не верили своим ушам. Чиф Фестус обладал хорошим аппетитом, что было заметно по его плотной фигуре, элегантно задрапированной в нигерийские одежды с золотым орнаментом и увенчанной роскошной шляпой. В тот вечер я отправился спать с глубоким убеждением, что нигерийцы были другими людьми, игравшими по иным правилам.

На открытии встречи, состоявшемся 11 января, речь произнес премьер-министр Абубакар. Он был высоким поджарым человеком, с полной достоинства осанкой и медленной, размеренной речью. Он был племенным вождем с головы до пят, это проявлялось в его осанке, исполненной уверенности в себе, в плавных одеждах народности хауса (Hausa), проживавшей в Северной Нигерии. Он сказал, что созвал эту конференцию, чтобы срочно обсудить незаконное провозглашение независимости Родезией, что требовало немедленных действий со стороны Великобритании. Вслед за ним произнес речь вице-президент Замбии Ретибен Каманга (Retiben Kamanga), а затем выступил Гарольд Вильсон. Было ясно, что Вильсон не мог и не собирался использовать силу против незаконного режима Яна Смиа (Ian Smith), провозгласившего независимость Родезии. Такое вмешательство могло бы дорого стоить, как с точки зрения поддержки правительства британскими избирателями, так и с точки зрения того

экономического ущерба, который был бы нанесен Родезии и окружающим ее африканским государствам.

Я выступил на второй день. У меня не было заранее подготовленной речи, только несколько тезисов и заметок, которые я набросал во время выступления премьер-министра Абубакара и других ораторов. Я бросил широкий философский взгляд на проблему. Триста лет назад англичане решили занять Северную Америку, Австралию и Новую Зеландию и колонизовать значительную часть Азии и Африки. Они пришли и поселились в наиболее привлекательных регионах Африки в качестве господ и завоевателей. Но теперь, в 1966 году, премьер-министр Великобритании на равных говорил с главами правительств бывших колониальных территорий. Это были постоянно развивавшиеся отношения. Премьер-министр Сьерра-Леоне сэр Альберт Маргаи (Sir Albert Margai), сказал, что только африканец мог принять близко к сердцу ситуацию в Родезии и беспокоиться по этому поводу. Я не мог согласиться с тем, что эта проблема касалась только африканцев, – мы все были обеспокоены и заинтересованы в ее решении. Сингапур был тесно связан с Великобританией в сфере обороны. Мы оказались бы в трудном положении, если бы Великобританию заклеили, как сторонницу нелегального захвата власти Яном Смитом.

Я не согласился с премьер-министром Уганды доктором Милтоном Оботе (Dr. Milton Obote), что Великобритания не желала призвать англичан в Родезии к порядку или согласиться с введением санкций ООН из-за зловещего плана Великобритании дать Яну Смиту время для консолидации его режима. Разговаривать с белыми поселенцами и эмигрантами на языке расовой сегрегации было бесполезно. Как и белые поселенцы в Канаде, Австралии и Новой Зеландии, я тоже был эмигрантом. Если бы мы считали, что все эмигранты являлись расистами, то миру пришлось бы столкнуться с тяжелыми проблемами. Было два альтернативных решения проблем, созданных миграцией, которая происходила в мире повсюду: либо согласиться с тем, что все люди имеют равные права, либо вернуться к временам господства сильных над слабыми. Если бы цветные народы мира стали требовать возмездия за ошибки прошлого, то это не помогло бы им в борьбе за выживание. По моему мнению, основной проблемой в Африке была не Родезия, а отношения между различными расами в Южной Африке.

Я не верил, что Великобритания отказывалась положить конец правлению режима Яна Смита, потому что его пребывание у власти угрожало отношениям Запада со всеми неевропейскими народами. Тем не менее, если бы Вильсон использовал силу для подавления незначительного белого меньшинства, он столкнулся бы с неприятием этих действий общественным мнением Великобритании. Я верил, что британское правительство было настроено серьезно, и его нежелание выносить эту проблему на рассмотрение ООН объяснялось тем, что оно не хотело, чтобы 130 членов ООН решали судьбу Родезии после того, как Смит будет свергнут. Великобритания пыталась выиграть время для защиты своих экономических интересов в Южной Африке и Родезии и считалась с необходимостью сохранить экономику Родезии в интересах африканцев и европейцев. Я добавил, что даже если бы все проблемы Южной Африки были решены, то и тогда все равно осталась бы более масштабная проблема, состоявшая в том, чтобы научить различные расы жить вместе в мире, который в результате развития технологии стал таким маленьким.

Я симпатизировал африканцам, но я также видел те трудности, с которыми пришлось бы столкнуться британскому премьер-министру, если бы он послал британские войска на подавление британских поселенцев, которые обладали полной автономией от метрополии на протяжении десятилетий, начиная с 1923 года. Проблема состояла в том, как и когда можно было добиться установления правления большинства в Родезии.

Одним из преимуществ встреч лидеров стран Содружества было то, что, невзирая на размеры страны, выступления лидеров оценивались по их содержанию. Многие руководители читали заранее подготовленные речи, я же ответил на только что прозвучавшие выступления и говорил, используя только тезисы. Я говорил искренне и выражал свои мысли без иносказаний. Это была моя первая речь на конференции премьер-министров стран Содружества наций, и я ощущал, что мои коллеги восприняли ее благожелательно.

Позднее, Вильсон написал в своих мемуарах: «Один за другим, африканские лидеры пытались доказать, насколько более африканскими являются они по сравнению со своими

соседями, – это было тяжело и несколько надоедливо. То же самое осуждение звучало в речах представителей государств Азии, Кипра, Карибского бассейна. Затем премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю экспромтом произнес речь, длившуюся около сорока минут. По уровню своей изощренности это выступление превосходило большинство речей, произнесенных на конференциях стран Содружества, на которых мне довелось присутствовать».

Присутствие на конференции в Лагосе позволило мне укрепить дружеские отношения с Гарольдом Вильсоном. Мне удалось принести пользу африканским лидерам, не нанося ущерба интересам Великобритании. Вильсон поздравил меня за кулисами зала заседаний и сказал, что надеется, что я буду присутствовать и на других конференциях стран Содружества. Ему нужен был какой-то противовес для некоторых лидеров государств, произносивших длинные и резкие речи. Конференция закончилась два дня спустя созданием двух комитетов по изучению последствий введения экономических санкций и рассмотрению особых нужд Замбии, которая требовала поддержки со стороны стран Содружества. Когда мы покидали город по пути в Аккру (Accra), столицу Ганы, меры безопасности по дороге в аэропорт были усилены, в связи с ростом напряженности в Лагосе на протяжении четырех дней, прошедших с момента нашего прибытия.

Через три дня после нашего прибытия в Аккру наши хозяева сообщили нам, что в Лагосе произошел кровавый переворот. Премьер-министр Абубакар и Чиф Фестус были убиты. Во главе переворота стоял майор, представитель народности ибо (Ibo), проживающей на востоке Нигерии, где были обнаружены запасы нефти. В ходе переворота было убито много мусульман народности хауса, проживающей в Северной Нигерии. Майор сказал, что он «хотел избавиться от прогнивших и коррумпированных министров и политических партий». В результате этого переворота во главе государства стал генерал-майор Д. Т. У. Агуйи-Айронс (J. T. U. Aguiyi-Irons). Вслед за этим переворотом последовали многие другие.

Президента Ганы Кваме Нкруму (Kwame Nkrumah) эта новость не обрадовала. Он сам едва избежал подобной участи два года назад, незадолго до моего визита в январе 1964 года. К 1966 году «искупитель» (Osagyefo), как называли Нкруму в Гане, достаточно пришел в себя от удара, чтобы устроить обед в мою честь, на котором присутствовали некоторые из его старших министров и молодой талантливый проректор университета. Этому человеку по имени Абрахам (Abraham) было около 30 лет, он закончил Ол соулз Колледж (All Souls' College) Оксфордского университета, получив высшую награду за изучение классической литературы. Нкрума им очень гордился. Он произвел на меня хорошее впечатление, но меня интересовало, почему страна, столь зависевшая от развития сельского хозяйства, посылала своих самых способных студентов изучать латынь и древнегреческий язык.

По прибытии в Аккру меня встречал министр администрации президента Кробо Эдусей (Krobo Edusei). Он заслужил печальную славу в качестве коррумпированного министра, купившего себе золотую раму для кровати. Эта история получила широкую огласку в мировой прессе. Кваме Нкрума разрядил скандальную ситуацию, ограничив полномочия Кробо устройством правительственных приемов. Вечером второго дня нашего пребывания в Аккре Кробо повез меня в ночной клуб. Он с гордостью сказал, что являлся владельцем этого клуба, и что все высокопоставленные лица, посещавшие Аккру, с удовольствием коротали здесь вечера.

Мы также отправились на автомобиле осмотреть высотную плотину на реке Вольта (High Volta dam), находившуюся примерно в трех часах езды от Аккры. По пути, во главе нашей колонны автомобилей ехала машина с громкоговорителями, из которых звучала ритмичная африканская песня, припевом в которой были слова: «Работать – это прекрасно» (Work is beautiful). Малыши, выходявшие из придорожных хижин, покачивались в такт ритму песни и выбегали к дороге, махая нам руками. Я поражаюсь их гибкости и грациозности.

Я был вторым по счету гостем, которого развлекали поездкой на прекрасной яхте, импортированной из Майами (Miami) в полностью собранном виде. Хозяева рассказали мне, что яхту транспортировали по железной дороге, а затем спустили на воду озера. На борту яхты нас сопровождали Кробо Эдусей и министр иностранных дел Ганы Алекс Куасон Саке (Alex Quaison Sackey), хорошо образованный и красноречивый человек. Когда мы плавали по озеру, угощаясь коктейлями и канапе на палубе, Раджа спросил Кробо, кто сшил его прекрасный костюм для сафари. Кробо ответил: «Его сшили в моей портняжной мастерской в Кумаси

(Kumasi). Вам следует однажды посетить ее, и там Вам пошлют точно такой же». Затем он стал говорить на другие темы. Он рассказал, что когда-то был почтовым служащим, зарабатывая 30 бобов (4 доллара США) в неделю, а теперь два его сына учились в Швейцарии, в Женеве. Он добавил, что человеку следует стремиться чего-то добиться в жизни. Куасон Саке, умудренный человек, который до того был Председателем Генеральной Ассамблеи ООН, чувствовал себя очень неудобно. Он то и дело пытался перевести разговор в другое русло, но Кробо было не удержать, и он угощал нас одним рассказом за другим. Меня интересовало, что случится с этими двумя странами. В тот период они подавали самые большие надежды в Африке, – это были страны, получившие независимость первыми: Гана в 1957 году, Нигерия – вскоре после того.

Месяц спустя, 24 февраля, в то время как Нкруму приветствовали в Пекине салютом из двадцати одного орудия, в Аккре произошел государственный переворот. Люди танцевали на улицах, когда армейские командиры арестовали ведущих членов правительства Нкрумы. Алекс Куасон Саке и Кробо Эдусей вместе с Нкрумой находились в Пекине. Когда они вернулись в Аккру, их поместили под домашний арест. Мои опасения за народ Ганы были обоснованы. Несмотря на наличие богатых плантаций какао-бобов, шахт по добыче золота и высотной плотины на реке Вольта, которая была способна вырабатывать огромное количество электроэнергии, экономика Ганы пришла в упадок, и страна так и не оправдала надежд, которую возлагали на нее в момент провозглашения независимости в 1957 году.

Новость о случившемся перевороте опечалила меня. Я никогда больше не бывал в Гане. Два десятилетия спустя, в 80-ых годах, Куасон Саке встретился со мной в Сингапуре. Он был арестован, а затем выпущен на свободу во время одного из бесчисленных переворотов. Он хотел приобрести в Сингапуре пальмовое масло в кредит, по поручению правительства Нигерии, которое обещало заплатить после проведения выборов. Я сказал, что это была частная коммерческая сделка, которую ему следовало заключить самостоятельно. Он зарабатывал на жизнь, используя свои контакты с лидерами соседних африканских государств. По его словам, в Гане царил хаос. Я спросил его о молодом способном проректоре университета Абрахаме. Куасон Саке сказал мне, что тот ушел в монастырь в Калифорнии. Мне сделалось грустно: если их наиболее способные, самые лучшие люди прекратили борьбу и искали убежища в монастыре, и не в Африке, а в Калифорнии, то восстановление страны будет долгим и трудным делом.

Я не испытывал оптимизма по поводу Африки. В течение менее чем десяти лет после получения независимости в 1957 году в Нигерии случился военный переворот, а в Гане – неудавшийся переворот. Я думал, что племенная лояльность африканцев была сильнее, чем сознание единого государства. Это было особенно заметно в Нигерии, где существовал глубокий раскол между северной мусульманской народностью хауса и христианскими или языческими народами юга. Как и в Малайзии, англичане наделили властью, особенно в армии и полиции, мусульман. В Гане не существовало подобного разделения страны на север и юг, и проблема была менее острой. Тем не менее, и там существовали явные племенные различия. В отличие от Индии, Гана не прошла через долгие годы подготовки, предшествовавшие созданию современного правительства.

На следующей конференции, проходившей в Лондоне в сентябре 1966 года, я познакомился со многими премьер-министрами государств, которые не присутствовали на специальной конференции в Лагосе. В течение двух недель, проведенных в Великобритании, я консолидировал позиции Сингапура среди британской общественности, укрепил свои хорошие отношения с Вильсоном и ключевыми министрами его правительства, а также с лидерами консервативной партии.

Проблема Родезии снова оказалась главной на конференции (как и на каждой последующей конференции, пока не было подписано соглашение на встрече в Лусаке в 1979 году). Африканские лидеры оказывали сильную поддержку африканцам Родезии. Они также хотели продемонстрировать свою проафриканскую позицию собственным народам. Кроме того, концентрируя внимание своих народов на Односторонней Декларации о провозглашении независимости Родезии, они отвлекали их от собственных неотложных экономических и социальных проблем. Из всех присутствовавших на встрече белых лидеров наиболее

либерально настроенным и симпатизировавшим африканцам и другим обездоленным был премьер-министр Канады Лестер Пирсон (Lester Pearson).

Я говорил о проблемах Юго-Восточной Азии. По моему мнению, Вьетнам был столкновением двух соперничавших идеологий, каждая из которых решила не сдаваться, понимая, что в этом случае будет потерян весь регион. Премьер-министр Австралии Гарольд Холт выразил свое недовольство, когда я сказал, что войска Австралии и Новой Зеландии в Южном Вьетнаме защищали там не только демократию и свободу во Вьетнаме, но и стратегические интересы своих стран. Но он быстро успокоился и согласился со мной, когда я добавил, что в интересах этих стран было и выживание Сингапура. Я вел себя независимо, ибо не хотел, чтобы меня рассматривали в качестве марионетки Великобритании, Австралии или Новой Зеландии, чьи войска защищали Сингапур. Я откровенно заявил, что вывод американских войск из Вьетнама имел бы катастрофические последствия для всего региона, включая Сингапур. Я высказал свои взгляды в такой форме, чтобы сделать их приемлемыми для африканских лидеров, основная часть которых выступала против американской интервенции во Вьетнаме. В результате, репутация Сингапура среди африканских и азиатских лидеров также улучшилась.

На следующей встрече, состоявшейся в январе 1969 года и также проходившей в Лондоне, Вильсон, в качестве председателя конференции, попросил меня открыть дискуссию о развитии сотрудничества между членами Британского Содружества наций. Я начал свое выступление с критики скупой западной помощи развивающимся странам, а затем продолжил речь, пытаясь проанализировать более глубокие причины, препятствовавшие прогрессу молодых государств. Чтобы сплотить свои народы в борьбе за свободу, первое поколение антиколониальных социалистических лидеров выдвинуло лозунги процветания, которые они не могли наполнить реальным содержанием. Кроме того, тяжким бременем на ресурсы молодых государств ложился демографический взрыв. Межнациональный мир, который поддерживался колониальными правителями, после независимости стало трудно сохранить, ибо власть оказалась в руках этнического большинства. Элита, завоевавшая народную поддержку до обретения независимости, теперь должна была продемонстрировать легитимность своей власти и, в ходе конкуренции с другими партиями, не могла удержаться от искушения сыграть на этнических, языковых и религиозных чувствах. Ущерб молодым государствам был нанесен еще и тем, что этнические меньшинства в этих странах, в основном индусы в странах Африки, оказались вытеснены либо в результате расовых беспорядков, либо законодательным путем. Зачастую они были владельцами магазинов и играли роль деревенских банкиров, зная, кто из жителей был, а кто не был платежеспособен. С этими обязанностями деревенских банкиров не могли справиться ни местная администрация, ни Корпус мира США (US Peace Corps), ни чиновники Британской добровольческой службы (British Voluntary Service). Слой профессионально подготовленных людей был очень тонким, и новые государства, в отсутствие твердой руки правителей и жесткой системы администрации, покатались вниз. Коррупция стала образом жизни, военные перевороты еще больше ухудшили ситуацию. Тем не менее, хуже всего было то, что большинство правительств предпочитало заниматься экономическим планированием и контролировать экономику, что душило свободное предпринимательство. К счастью, Малайзия и Сингапур этого не делали и, в результате, продолжали двигаться вперед. В своей книге «Лейбористское правительство 1964–1970 годов» (The Labour Government 1964–1970) Гарольд Вильсон упомянул, что я «с грубым реализмом описал экономические проблемы недавно возникших государств... По общему мнению, это было одно из наиболее замечательных эссе, объяснявших ситуацию в постимперском мире, из тех, что кому-либо из нас приходилось слышать».

Вильсон предложил проводить конференции, собиравшиеся раз в два года, попеременно в Лондоне и столицах стран Содружества. Он хотел провести следующую встречу в Сингапуре, другие лидеры согласились с этим. Я был счастлив оказать им гостеприимство. Для Сингапура было бы полезно привлечь к себе внимание всего мира. С учетом того, что у нас было два года на подготовку к встрече, это являлось удобным случаем, чтобы получить признание в качестве оазиса эффективности и рационализма в «третьем мире».

В январе 1971 года гости из стран Содружества прибыли в чистый, зеленый Сингапур,

располагавший эффективной сферой обслуживания. Дружелюбный и вежливый персонал отелей, магазинов, такси и ресторанов прикладывал все усилия, чтобы произвести наилучшее впечатление на гостей. Везде было чисто, все было хорошо организовано. Семьи прокоммунистических политзаключенных устроили антиправительственную демонстрацию около зала заседаний НКПС, где проходила встреча. Полиция спокойно рассеяла демонстрантов, что вызвало ропот недовольства в британской прессе, считавшей, что мы должны были позволить продолжать демонстрацию. Но офицеры, отвечавшие за обеспечение безопасности делегатов конференции, считали иначе.

Вскоре после того, как Тэд Хит стал премьер-министром Великобритании, он объявил, что Великобритания возобновит продажу оружия Южной Африки, которая была прекращена лейбористским правительством. Это вызвало яростную реакцию со стороны черных африканских лидеров, многие из которых угрожали выйти из Содружества наций, если бы Великобритания настаивала на своем решении. Вскоре после того, как Хит прибыл в Сингапур, он, по согласованию со мной, объявил, что Великобритания была согласна рассмотреть вопрос о продаже оружия Южной Африке в качестве отдельного вопроса повестки дня конференции. После двух заседаний, на которых присутствовали только лидеры государств, мы согласились создать группу по рассмотрению вопроса о поставках морских вооружений, которая должна была доложить о результатах своей работы Генеральному секретарю Содружества наций.

Хит чувствовал себя неуютно на этом мультирасовом собрании представителей стран «третьего мира». Это был его первый опыт подобных встреч. Африканские лидеры намеревались изолировать его. Немного застенчивый и скованный, он отличался от Гарольда Вильсона, дружески попыхивавшего своей трубкой. Хит казался жестким и напряженным, говорил с сильным оксфордским акцентом и резко отвечал, когда его провоцировали. К счастью, он хорошо знал меня и был уверен, что я гарантирую ему право быть услышанным.

В самом начале конференции я предоставил слово для выступления президенту Ботсваны сэру Серетсе Хама (Sir Seretse Khama). Я знал его как умеренного, уравновешенного и вдумчивого человека. Он был сыном короля Ботсваны и женился на англичанке, когда учился в Оксфорде. На протяжении многих лет правительство Южной Африки успешно оказывало давление на правительство Великобритании, пытаясь помешать ему унаследовать престол. Причиной тому был его брак с белой женщиной, что демонстрировало всю нелепость существовавшего в Южной Африке запрета на половые отношения между белыми и черными. На встрече он сказал, что Великобритания, конечно, должна была сама быть арбитром своих национальных интересов, но Содружеству наций решение о продаже вооружений Южной Африке могло принести только вред. Это была спокойная и убедительная речь.

Президент Танзании Джулиус Ньерере (Julius Nyerere) начал свою речь на высокой моральной ноте, заявив, что Южная Африка не являлась членом Содружества наций, потому что ее идеология была несовместима с существованием мультирасового Содружества наций. Он «искренне» просил Великобританию не помогать Южной Африке и не вынуждать африканские страны принимать ответные меры. Ньерере был неожиданно краток. Он правильно оценил Хита и решил, что будет лучше не читать ему проповедь. Из всех африканских лидеров Ньерере пользовался моим наибольшим уважением, — меня поразили его честность и искренность. Он передал власть своему преемнику в порядке, предусмотренном конституцией, поэтому в Танзании никогда не было такого хаоса, как в соседней Уганде.

Президент Малави Гастингс Банда (Hastings Banda) сказал, что ни один африканский лидер не собирался выходить из Содружества наций и разрушать его. По его словам, использование силы не могло привести к успеху: борцы за свободу Южной Африки воевали, начиная с 1964 года, и ничего не добились. Вместо использования силы, международной изоляции и бойкота он призвал к расширению контактов и диалога между черными и белыми. Африканские лидеры выказывали по отношению к нему открытое презрение, но он казался абсолютно спокойным. Я пытался умерить его риторические излишества, но если уж он входил в раж, то его было практически невозможно остановить. Он обладал своеобразным характером, носил темные очки даже в помещении и по вечерам, его сопровождала приятная молодая африканская женщина. На вид он был пожилым человеком, но говорил энергично, махая мухобойкой, чтобы подчеркнуть основные тезисы своей речи. С таким же успехом он мог бы

махать красной тряпкой перед сердитыми быками. Я не был уверен, понравилась ли эта речь Хиту или привела его в замешательство.

Хит выступил с аргументированным ответом. Продажа военно-морского оборудования Южной Африке была, в сущности, вопросом оборонной политики, и не имела ничего общего с поддержкой режима апартеида. Великобритания зависела от свободы мореплавания и свободы торговли. Половина поставок нефти в Великобританию и четверть объема ее торговли перевозилось по морскому маршруту, проходившему вокруг мыса Доброй Надежды. В военно-морском отношении Советский Союз представлял собой явную угрозу. (16 января, за 4 дня до речи Хита о продаже вооружений Южной Африке, два советских военных корабля, крейсер и миноносец, умышленно прошли мимо Сингапура примерно в два часа дня, по пути из Южно-Китайского моря в Индийский океан).

Речь президента Замбии Кеннета Каунды (Kenneth Kaunda) была драматичной. Он предупредил, что для британских национальных интересов имели значение не только Южная Африка и Индийский океан, но и многие другие части Африки. Перечисляя все те жестокости, которые белые поселенцы причинили африканцам, он неожиданно вскрикнул и закрыл глаза белым носовым платком. Те, кто видел этот жест впервые, были взволнованы. Но он повторял его часто, почти на каждой встрече стран Содружества, когда бы речь не заходила о господстве белых над африканцами. Это стало привычным опереточным жестом.

Президент Уганды Милтон Оботе отличался от Каунды и Ньерере. Когда он говорил о Родезии, Намибии и Южной Африке, его слова были полны глубокой ненависти и яда. Я чувствовал что-то зловещее в его голосе и выражении его глаз. Во время перерыва в работе конференции Оботе доложили, что в результате военного переворота власть в стране захватил генерал Иди Амин (Idi Amin). Оботе выглядел удрученным. Его затруднительное положение подчеркивало шаткость позиций весьма многих африканских правительств.

Последним выступавшим по проблеме Южной Африки был премьер-министр Фиджи, Рату Сэр Камисесе Мара (Ratu Sir Kamisese Mara). Хорошо сложенный, красивый мужчина ростом шесть футов шесть дюймов (198 см), он смотрелся как игрок в регби, каковым на самом деле и являлся. Он сказал, что ожидать от премьер-министра Великобритании заявления об отказе его правительства от продажи вооружений Южной Африки было бы нереалистично. Он сравнил это с чисткой луковой кожуры: вслед за прекращением поставок оружия Великобританией последовали бы поставки оружия Францией, затем Италией, и так далее. На этой разумной ноте мы и закончили заседание в четыре часа утра.

Я вспомнил, как коммунисты в профсоюзах долгими часами держали меня сидящим на твердых деревянных лавках без спинок. После того, как все мои измученные некоммунистические сторонники уходили, и мы оставались в меньшинстве, коммунисты приступали к голосованию. Лидеры стран Содружества сидели в удобных креслах, но термостат кондиционера был испорчен, и в ранние утренние часы в зале заседаний стало слишком холодно. Перерыв в заседании позволил бы лидерам пополнить запасы энергии и начать произносить еще более длинные речи. Я решил продолжать заседание, и все остались. Все африканские лидеры испытывали удовлетворение от того, что их слушали; ни один лидер не удержался от того, чтобы вставить в свою речь абзацы, предназначенные для домашней аудитории.

Когда через несколько часов возобновилась дискуссия по проблеме обеспечения безопасности в Индийском океане, все африканские лидеры отсутствовали, и заседание удалось завершить довольно быстро. За исключением немногих коротких периодов спокойствия, когда я поручал ведение заседания кому-либо из присутствовавших премьер-министров, мне пришлось высидеть все тринадцать заседаний конференции, – с 14 по 22 января. Было просто наказанием выслушивать повторявшиеся речи, не связанные друг с другом. С тех пор я испытываю симпатию к людям, которые председательствуют на международных конференциях, на которые делегаты приезжают с заранее подготовленными речами, намереваясь произнести их вне зависимости от того, что уже говорилось до них.

Несмотря на то, что на конференции удалось обсудить все пункты повестки дня, пресса в основном сконцентрировала свое внимание на противоречиях, возникших в результате продажи вооружений Южной Африке.

В частном порядке, за коктейлем, Хит выразил свое разочарование публичным обнародованием многих конфиденциальных и секретных разговоров, имевших место между главами правительств. Премьер-министр Канады Пьер Трюдо (Pierre Trudeau) согласился с этим, высказав сожаление, что африканские лидеры проявляли тенденцию к ведению дипломатии в стиле ООН. Я заметил, что это было неизбежно, ибо лидеры стран «третьего мира» оказывали влияние друг на друга на многочисленных международных конференциях, на которых риторика и преувеличения стали стандартными приемами. Я добавил, что все лидеры независимых государств первого поколения были харизматическими ораторами, но возглавляемые ими правительства редко добивались выполнения их обещаний.

В качестве председательствующего я получил возможность понять, что происходило в кулуарах конференции. Исход конференции определялся в ходе неформальных двухсторонних и небольших многосторонних встреч лидеров ключевых государств. Генеральным секретарем Содружества наций был Арнольд Смит, который в 1962 году дал в мою честь обед в Москве, где он был тогда послом Канады. Он обладал тонким знанием характеров и позиций лидеров, участвовавших в конференции. Вместе с ним мы в частном порядке беседовали с лидерами африканских стран, убеждая их в том, что они никогда не добились бы того, чтобы Тэд Хит публично отказался от своей позиции. Мы провели два заседания, на которых присутствовали только лидеры государств, чтобы добиться одобрения компромисса, которого добивался Смит. Во время этих небольших заседаний были приняты все решения конференции. В конце встречи, в итоге всех перипетий, Генеральному секретарю удалось заставить лидеров стран «третьего мира» понять, что внутренним содержанием Содружества являлось экономическое, социальное и культурное сотрудничество между его членами, успех которого зависел от финансирования со стороны старых развитых членов Содружества: Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии. Это сотрудничество прекратилось бы, если бы страны-доноры посчитали, что соотношение между расходами и выгодами от сотрудничества является для них неблагоприятным. Смит искусно и тактично убедил лидеров африканских и азиатских и стран не доводить дискуссию до критической точки. Министр иностранных дел Гайаны Сонни Рэмфел (Sonny Ramphal), который занял место Смита в 1975 году, демонстрировал еще большее искусство в том, чтобы позволять лидерам стран «третьего мира» заниматься риторикой, в то же самое время, так направляя развитие событий, чтобы поддерживать заинтересованность стран-доноров в участии в Содружестве наций.

Проблемы Родезии и апартеида занимали много времени на каждой конференции. Сейчас, не заглядывая в протоколы конференций, мне бы уже в большинстве случаев не удалось вспомнить, какие текущие вопросы волновали тогда лидеров государств. Но я сохранил в памяти незабываемые моменты встреч и разговоров, происходивших на каждой конференции. В 1973 году, в Оттаве, мне запомнился председательствующий, премьер-министр Канады Пьер Трюдо, канадец французского происхождения, который абсолютно свободно говорил на английском и французском и делал это подчеркнуто. Он сказал мне, что его мать была ирландкой, а отец – французом. Острый ум Трюдо был под стать его острому языку. Я наблюдал за его пресс-конференцией с восхищением. По мере того, как он переходил с английского на французский, выражение его лица и жесты становились французскими. Он был истинно двуязычным и двукультурным канадцем. Трюдо очень симпатизировал слабым мира сего и был всегда готов им помочь, но он бывал и достаточно жестким, как это случилось, когда он прекратил предоставление канадских стипендий сингапурским студентам, решив, что мы уже были в состоянии оплачивать их обучение сами.

Мне также запомнился присутствовавший на этой встрече премьер-министр Бангладеш Шейх Муджибур Рахман (Sheikh Mujibur Rahman), герой, который выступил против Пакистана и добился образования независимого государства Бангладеш на территории Восточного Пакистана. Он прибыл в Оттаву на своем собственном самолете. Когда я приземлился, то увидел на стоянке «Боинг – 707» с надписью «Бангладеш». Когда я улетал из Оттавы, самолет все еще стоял на том же самом месте. На протяжении восьми дней самолет не использовался, простаивал, не принося какого-либо дохода. Когда я уезжал из гостиницы в аэропорт, два огромных фургона загружались коробками и пакетами, предназначенными для погрузки в его самолет. На конференции Муджибур Рахман выступил с просьбой о предоставлении помощи

его стране. Любая фирма, занимающаяся формированием общественного мнения (PR-firm), посоветовала бы ему не оставлять свой специальный самолет в течение восьми дней на стоянке. В то время среди лидеров больших стран «третьего мира» было модно путешествовать на собственных самолетах. На заседаниях конференции все лидеры были равны, но лидеры влиятельных стран показывали, что они были «более равными». Они прибывали на больших частных самолетах: англичане – на своих «ДС-10» и «Кометс» (Comets), а канадцы на – «Боингах». Австралийцы присоединились к этой группе избранных в 1979 году, когда правительство Малкольма Фрейзера приобрело «Боинг-707» для австралийских королевских ВВС. Те африканские президенты, чьи страны были тогда в несколько лучшем положении, например Кения и Нигерия, также располагали индивидуальными самолетами. Я задавался вопросом, почему они не хотели показать миру, как они бедны и как отчаянно нуждаются в помощи. Наш постоянный представитель в ООН в Нью-Йорке говорил, что, чем беднее была страна, тем больший «Кадиллак» ее представители нанимали для своих лидеров. Так что я поступал правильно, прилетая на встречи обычными рейсовыми самолетами, что помогло Сингапуру сохранить статус государства «третьего мира» на протяжении многих лет. Тем не менее, к середине 90-ых годов Мировой банк отказал нам в просьбе отнести Сингапур к категории «развивающихся стран с высоким уровнем дохода», так и не воздав должное моей скромной манере путешествовать. Мы потеряли все льготы, которые предоставлялись развивающимся странам.

На конференции, проходившей в Кингстоне (Kingston), на Ямайке, в апреле 1975 года, председательствовал премьер-министр Ямайки Майкл Мэнли (Michael Manley) – светлокожий житель Вест-Индии. Он выполнял свои обязанности с некоторым щегольством, а говорил весьма красноречиво, но его взгляды показались мне донкихотством. Он ратовал за «перераспределение мирового богатства». Его собственная страна была богатым природными ресурсами островом площадью 2,000 квадратных миль, в центре которого располагалось несколько гор, на которых выращивали кофе и другие субтропические культуры. На острове располагались прекрасные курорты, построенные американцами в качестве своих зимних резиденций. Культура жителей Ямайки была очень расслабленной: люди много пели, танцевали и много пили. Тяжелый труд остался в прошлом вместе с рабством.

Одним воскресным вечером, когда Чу и я вышли из огороженной колючей проволокой территории вокруг гостиницы, в которой проводилась конференция, чтобы прогуляться по городу пешком, около нас остановилась проезжавшая мимо машина, и шофер закричал: «Мистер Ли, мистер Ли, подождите меня». К нам подошел житель Ямайки китайского происхождения, разговаривавший на местном карибском диалекте английского языка (Caribbean English). «Вы не должны забывать нас. Мы переживаем очень трудные времена», – сказал он и дал мне свою визитную карточку. Он был агентом по продаже недвижимости. По его словам, многие специалисты и деловые люди уехали в Америку и Канаду и предоставили ему продавать свои дома и офисные помещения. Он увидел меня по телевидению и очень хотел поговорить со мной. Китайцы, индусы и даже черные образованные жители Ямайки чувствовали, что, пока у власти находится левое социалистическое правительство Майкла Мэнли, у них нет будущего. Политика правительства была разрушительной. Я спросил его, что он собирался делать. Он ответил, что у него не было образования, так что он не смог бы уехать. Тем не менее, рано или поздно, все эти большие дома были бы проданы, другой недвижимости на Ямайке было не так уж много, и у него могло просто не остаться другого выхода, так что и варианта с отъездом он не исключал. Я пожелал ему удачи и завершил нашу короткую встречу, ибо заметил, что жесты сопровождавших меня черных офицеров службы безопасности Ямайки становились агрессивными. После этой встречи я читал новости с Ямайки с куда большим пониманием.

Для празднования серебряного юбилея правления королевы Елизаветы мы собрались на конференцию в Лондоне в июле 1977 года. Ситуация изменилась, – экономика Великобритании уже не была такой сильной, как прежде. В 1976 году Дэнис Хили попросил МВФ помочь Великобритании преодолеть некоторые трудности. Я помню, как мы стояли в очереди за архиепископом Кипра Макариосом, чтобы расписаться в книге посетителей на Даунинг-стрит, 10, перед тем как пройти в сад, чтобы присутствовать на параде, посвященном дню рождения

королевы. Архиепископ не взял ручку, предложенную британским офицером, а вытянул свою собственную, расписался и отошел. Когда я делал запись, я сказал солдату: «Архиепископ расписался красным». «Таким же красным, как и кровь на его руках», – ответил офицер, который служил на Кипре в те кровавые годы, когда британская армия была вынуждена заниматься подавлением движения националистов и киприотов, которые выступали против англичан и за союз с Грецией.

В 1979 году я совершил свой третий визит в Лусаку. Первый состоялся в 1964 году, во время моего турне по столицам 17 африканских государств, а второй – в 1970 году, когда я присутствовал на встрече неприсоединившихся стран. С того времени экономика Замбии пришла в упадок. Нас принимали в резиденции «Стэйт хаус» (State House), в которой я останавливался в 1964 году, которая когда-то была домом для гостей последнего колониального губернатора. Здание утратило свой шик. В парке стало меньше оленей и экзотических птиц, а сам дом уже не имел прежнего нарядного вида, присущего британским колониальным правительственным зданиям. Мы жили в тех же коттеджах, что и в 1970 году, расположенных вокруг конференц-зала, который был построен для Замбии Югославией, которая также являлась членом Движения неприсоединения. Конференц-зал и коттеджи с 1970 года использовались мало, и это было заметно. Тем не менее, в них только что был сделан дорогостоящий ремонт и установлена дорогая мебель, привезенная из Испании.

Обслуживание в коттеджах, в которых мы остановились, было ужасным. Хозяева использовали в качестве поваров молодых студентов. Наш повар умел готовить на завтрак только яичницу с беконом или яйца всмятку, бифштекс на обед и бифштекс на ужин. Крепкие спиртные напитки и вина имелись в большом количестве, намного превышавшем наши потребности.

В стране не хватало всего, магазины были пусты, импортные туалетные принадлежности отсутствовали, а их местных заменителей было мало. Чу видела женщин, стоявших в очередях за предметами первой необходимости. Единственным сувениром, который она смогла приобрести, было малахитовое яйцо. Оно напоминало нам о том, что экономика Замбии полностью зависела от меди, цена на которую не поспевала за ценами на нефть и другие импортные товары. Обмен валюты отсутствовал, а местная валюта быстро теряла свою стоимость. Главной заботой премьер-министра Замбии Кеннета Каунды была политика, отношения между белыми и черными, а не ускорение экономического роста Замбии. Каунда оставался на своем посту до 90-ых годов, когда, следует отдать ему должное, он провел честные выборы и проиграл их. После ухода Каунды положение в Замбии не слишком улучшилось.

Наиболее запомнившейся мне встречей на конференции в Мельбурне в октябре 1981 года была встреча с индусом в комнате, где подавали кофе. Кроме нас в комнате никого не было, и я спросил его, входил ли он в состав индийской делегации. Оказалось, что он был руководителем делегации Уганды, представлявшей президента Милтона Оботе, который не смог приехать сам. Я удивился этому (индусы преследовались Иди Амином на протяжении десятилетия и покинули Уганду) и спросил его, не вернулся ли он в Уганду. Оказалось, что нет. Его семья поселилась в Лондоне, и он являлся послом Уганды в Великобритании. Он покинул страну во время правления Иди Амина. Я спросил его, что случилось со спикером парламента Уганды, который в январе 1964 года принимал меня и мою делегацию в Доме парламента (Parliament House) в Кампале (Kampala). Спикер был сикхом и носил тюрбан, он с гордостью показывал нам каменное здание парламента. По случайному совпадению, бывший спикер должен был приехать в Мельбурн для встречи с ним на следующий день. Он был вынужден покинуть Уганду и поселился в Дарвине (Darwin), где стал судьей. Мне стало грустно. Уганда могла бы добиться куда большего, если бы такие люди не покинули страну. Сикхи могли придать динамизм экономике страны, так же, как они это делали во многих других странах, включая Сингапур. Он стал жертвой переворота, совершенного в 1971 году, когда Иди Амин сместил Милтона Оботе во время его пребывания в Сингапуре.

Два года спустя, в Дели, я сидел рядом с госпожой Оботе на королевском ужине. Она рассказала мне о еще одном аспекте случившейся в Уганде трагедии, вспоминая, как во время переворота 1971 года она со своими тремя детьми сбежала из Кампалы в Найроби (Nairobi). Их отослали назад. Они сбежали снова и провели годы в ссылке в Дар-эс-Саламе (Dar-es-Salaam).

Она вернулась в Уганду в 1980 году, через год после того, как Иди Амин был смещен. Милтон Оботе, который снова стал президентом страны, был теперь более мрачным и подавленным человеком. Из разговора с его женой я смог уловить масштабы произошедшей в Уганде катастрофы. Она обнаружила, что люди изменились и не хотели работать, чтобы обеспечить себя всем необходимым. После девяти лет зверств и беззаконий, совершавшихся в годы правления Иди Амина, люди просто захватывали все, что хотели. Они утратили все навыки цивилизованной жизни. Мне пришлось вспомнить эту историю, когда контингент сингапурской полиции в составе сил ООН информировал нас об увиденном в Камбодже в 1991–1993 годах. Если что-то и изменилось в Камбодже за 20 лет хаоса, то только в худшую сторону.

На той же конференции в ноябре 1983 года Маргарет Тэтчер обсуждала проблему возвращения Гонконга Китаю. Дэн Сяопин был непреклонен в отношении возврата Гонконга. Она пыталась убедить его продлить срок аренды Новой Территории (New Territories). Он дал ясно понять, что это было совершенно неприемлемо: Китай должен был восстановить свой суверенитет над Гонконгом в 1997 году. Тэтчер поинтересовалась, каковы были мои взгляды на этот вопрос. Она подняла этот вопрос, потому что губернатор колонии сказал ей, что срок договора на аренду Гонконга истекал. Я спросил ее, как далеко она была готова была зайти в решении этого вопроса, учитывая, что выживание Британского Гонконга зависело от позиции Китая. У нее не было готового ответа. Я думал, что было маловероятно, чтобы китайцы согласились на продление срока аренды, – это было вопросом национального престижа. В случае с Макао (Масао) португальцы просто продолжали управлять территорией, не поднимая этого вопроса перед Пекином.²¹ Она ответила, что губернатор сказал ей, что у него не было никаких законных оснований, чтобы продлить срок аренды Новой Территории после 1997 года, так что ей пришлось поднять этот вопрос самой.

Перед тем как покинуть Дели, я высказал Тэтчер свое мнение. Я сказал, что козырных карт на руках у нее было немного. Наилучшим выходом из положения было бы предоставить инициативу китайцам, сказав Дэн Сяопину, что Гонконг выживет и будет процветать, только если этого захочет Китай. Колония Гонконг, – собственно остров и полуостров Цзюлун, – не могла выжить без Новой Территории, которую Великобритания арендовала у Китая. Поэтому опираться на юридическую точку зрения, которая позволяла Великобритании продолжать удерживать колонию за исключением Новой Территории, было бы непрактично. Было бы намного лучше согласовать с Китаем такие условия, которые позволили бы Гонконгу процветать по-прежнему, но уже под китайским флагом.

Я с нетерпением ожидал встречи стран Содружества в Нассау (Nassau), на Багамских островах (Bahamas), в октябре 1985 года. Багамские острова были местом развлечения богатых американцев. Позднее я прочитал в английских газетах, что там получили широкое распространение наркотики, а преступность стала необузданной. Лондонская газета «Санди таймс» (Sunday Times) сообщила, что в этом был замешан премьер-министр сэр Линден Пиндлинг (Sir Lynden Pindling). Никто не подал на газету в суд за клевету. Чтобы доставить гостей на ужин, устроенный королевой на королевской яхте «Британия» (Britannia), Пиндлинг предложил лидерам государств отправиться из отеля на яхту на катере. Я решил поехать по дороге. Около пристани, у которой пришвартовалась королевская яхта, мы проехали мимо толпы демонстрантов с плакатами, осуждавшими Пиндлинга, на некоторых было написано: «Вождь-вор» (Chief is Thief). У вождя и других его гостей заняло намного больше времени добраться до яхты на катере, чем у нас – на автомобиле. То ли потому, что на море было волнение, то ли потому, что катер был не слишком быстроходным, гости опоздали, и королеве пришлось ждать больше часа. Королева обычно была весьма любезной и очень сдержанной в своих высказываниях, но она не привыкла ждать. Она сказала мне, что блюда будут ждать гостей слишком долго и утратят свой вкус. С основным блюдом так и получилось, но десерт был отличным.

Во время моего пребывания на Багамских островах мне довелось встретиться за обедом с президентом Шри-Ланки Джуниусом Джеявардене (Junius Jayewardene) и верховным судьей Багамских островов. Верховный судья говорил о широко распространившейся в стране

²¹ Прим. пер.: в 1999 году Португалия вернула Макао под юрисдикцию Китая

привычке нюхать кокаин и о том, что те, кто занимался распространением наркотиков, нажили огромные деньги. Контрабандисты прилетали на Багамские острова из Южной Америки на небольших самолетах. При попустительстве таможи и других официальных лиц наркотики транспортировались по морю и по воздуху в США. В ходе транзита значительное количество наркотиков попадало местному населению, и это разрушило многие семьи. В этом были замешаны высокопоставленные министры правительства. Покидая Нассау, я расстался с последними иллюзиями найти где-либо на планете райский остров.

Моей последней конференцией была встреча в Куала-Лумпуре в октябре 1989 года. Как и предыдущая встреча в Ванкувере, состоявшаяся в октябре 1987 года, она прошла спокойно, без обсуждения «горячих» вопросов. Я провел один из долгих вечеров на острове Ланкави, во время «вылазки» (неформальная встреча приехавших на конференцию на каком-либо курорте), беседуя с премьер-министром Беназир Бхутто (Benazir Bhutto) и ее мужем Азифом Задари (Asif Zadari). Меня интересовала политика и культура Пакистана. Она молодожаво выглядела, у нее была светлая кожа и точеное фотогеничное лицо. Задари был кипучим и общительным дельцом, заявившим мне, что он готов заключить любую сделку. Заключение хороших сделок было смыслом его жизни. Он занимался экспортом фруктов, недвижимостью и всем на свете. Я пообещал представить его некоторым импортерам фруктов, которые могли бы покупать его манго, что я и сделал, когда он посетил Сингапур, сопровождая свою жену на какую-то встречу в 1995 году. Он был симпатичным грубияном, но я никогда не думал, что он был способен убить своего брата, в чем его обвинило правительство Пакистана после того, как его жена была отстранена от власти.

Это была моя последняя конференция государств Содружества наций, поскольку в 1990 году я собирался уйти в отставку с должности премьер-министра. Первая конференция, состоявшаяся в 1962 году, проходила в другую эпоху и в другом составе. Содружество наций было тогда сравнительно небольшим клубом, члены которого имели глубокие исторические и родственные связи с Великобританией и старыми доминионами. Тогда они все еще имели тесные экономические и политические связи с новыми независимыми государствами, пользовались тарифными льготами в торговле с Великобританией – их основным торговым партнером. Когда премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан (Harold Macmillan), человек имперской эпохи, принадлежавший к поколению, воевавшему на Западном фронте во время Первой мировой войны, начал процесс интеграции Великобритании в Европу, старые белые доминионы были ошеломлены. Они почувствовали себя брошенными после участия в двух мировых войнах на стороне Великобритании. Премьер-министр Австралии сэр Роберт Мензис (Sir Robert Menzies) в ходе своего энергичного выступления разрушил заверения Макмиллана о том, что тесные связи Великобритании с Содружеством наций будут продолжаться и после вступления страны в Европейское Сообщество. «Я сам управляю федерацией, и знаю, как работают федерации. В них преобладают либо центростремительные тенденции, и в этом случае государства, входящие в федерацию, сближаются все сильнее и сильнее, как в Австралии; либо в них преобладают центробежные силы, и в этом случае государства отдаляются до тех пор, пока, в конечном итоге, федерация не разрушается. Но они никогда не бывают статичными. Каких-либо иных тенденций в подобного рода группировках не существует. Если Великобритания вступит в ЕС, ее связи с Содружеством наций ослабевут и атрофируются». Оглядываясь назад на то, что произошло за последние сорок лет, я вспоминаю пророческие слова Мензиса.

Великобритания и Европа стали ближе. Даже старые члены Содружества наций, невзирая на родство, больше не связаны между собой такими прочными эмоциональными связями, как в 60-ые годы. Расположенные на разных континентах, они пошли по разным дорогам. 25 лет спустя, в 1998 году, жители Великобритании все еще не пришли к согласию между собой относительно перехода к единой европейской валюте евро и (чего многие боятся и не хотят) к федеральному, наднациональному правительству Европы.

Уже в 1989 году, когда на конференции присутствовало более сорока лидеров государств, чувство того, что мы разделяли общие ценности, исчезло. Это был клуб, члены которого приходили и уходили неожиданно, в результате выборов или переворотов, зачастую не имея возможности даже попрощаться. Большинство горячих вопросов повестки дня носило

эфемерный характер: «Новый экономический порядок», диалог «Север – Юг»; развитие сотрудничества в направлении «Юг-Юг»; Родезия; апартеид, – все эти проблемы теперь стали достоянием истории. Тем не менее, каждая конференция выполняла какую-то роль. Лидеры государств могли выдвинуть на первый план и обсудить с другими лидерами определенные вопросы, заставить сторону, занимавшую неверную позицию, защищаться, как это случилось, когда Индия выступила в поддержку вьетнамской оккупации Камбоджи. Лицом к лицу госпожа Ганди не могла и, к ее чести, не стала защищать позицию Индии. Это произвело впечатление на других лидеров и повлияло на их отношение к этой проблеме. В посещении этих конференций был смысл, но я побывал на слишком многих из них, и теперь было время двигаться дальше.

Во время конференции стран Британского Содружества наций каждый глава правительства получал аудиенцию у королевы, являвшейся главой Содружества. Единственное исключение произошло на конференции, проходившей в 1971 году в Сингапуре, когда по каким-то причинам правительство Великобритании решило, что королева не станет присутствовать на встрече. Я впервые встретился с ней в сентябре 1966 года. Она удивительно хорошо умела без видимых усилий создать для своих гостей непринужденную атмосферу. Это было умение, доведенное до совершенства обучением и опытом. Она была доброй, дружелюбной женщиной и искренне интересовалась Сингапуром, потому что ее дядя, лорд Маунтбаттен (Mountbatten), рассказывал ей о времени, проведенном им в Сингапуре в качестве главнокомандующего сил союзников в Юго-Восточной Азии.

Когда я встретился с ней в Лондоне в январе 1969 года, она сказала, что сожалеет о решении Великобритании вывести войска из Сингапура. Ей было грустно наблюдать за тем, как подходила к концу важная глава британской истории. Она посетила Сингапур в 1972 году, чтобы восполнить свое отсутствие на конференции в 1971 году. Я постарался, чтобы она осмотрела все те места, о которых ей рассказывал лорд Маунтбаттен (Mountbatten), включая палату в здании муниципалитета, в которой он принял капитуляцию японцев, район Истана, где он жил, военное кладбище стран Содружества наций в Кранчжи (Kranji Commonwealth War Cemetery). На удивление большие толпы людей собирались на обочинах дорог в ожидании ее проезда. Люди окружали королеву, где бы она ни останавливалась и выходила из машины. Ее частный секретарь Филипп Мур (Philip Moore), который был заместителем посла Великобритании в Сингапуре в 60-ых годах, попросил меня не приказывать офицерам службы безопасности сдерживать толпу, так как люди были настроены дружелюбно. Королева чувствовала себя прекрасно и расслабленно, она была просто счастлива.

Чтобы отпраздновать свое посещение Сингапура, королева присвоила мне звание «Рыцаря большого креста ордена Святого Михаила и Святого Георгия» (Knight Grand Cross of the Order of St. Michael and St. George). Ранее, в 1970 году, премьер-министр Великобритании Гарольд Вильсон в новогоднем наградном списке представил меня к званию «Почетного кавалера» (Companion of Honour). Награждение таким высоким отличием молодого человека в возрасте 47 лет было делом необычным. Еще до того, как мне исполнилось 50 лет, я уже получил две британские награды, которые весьма ценились теми, кто вырос в бывшей Британской империи. Многолетние связи с Великобританией сформировали определенные ценности. Я получал награды от президента Египта Насера, императора Японии Хирохито (Hirohito), президента Индонезии Сухарто, президента Кореи Пак Чжон Хи (Park Chung Hee), принца Камбоджи Сианука и других лидеров. Но эти награды не несли такого же эмоционального подтекста, как британские. Я думаю, что использование титула «сэр», который был присвоен мне вместе со званием «Рыцаря большого креста ордена Святого Михаила и Святого Георгия» теперь вряд ли уместно. Тем не менее, я все равно был счастлив получить эти две британские награды, даже если теперь они больше не открывают двери в высшее британское общество, как это было во времена империи.

Глава 23. Новые отношения с Великобританией

24 сентября 1975 года подразделение шотландских стрелков «Гордон Хайландерз» (Gordon Highlanders) сыграло на барабанах и волынках прощальный марш, провожая корабль королевских ВМС Великобритании «Мермейд» (HMS Mermaid), покидавший военно-морскую

базу Сембаванг (Sembawang Naval Base). Это был небольшой фрегат водоизмещением 2,500 тонн, – все, что осталось от когда-то базировавшейся здесь эскадры кораблей и авианосцев британских королевских ВМС. Вскоре после этого последние британские военнослужащие покинули Сингапур. Их уход символизировал собой конец 150-летнего политического и экономического господства Великобритании в регионе.

Экономически в регионе уже преобладали Соединенные Штаты, Япония, Германия и страны Европейского Экономического Сообщества. Это означало, что нам нужно было строить отношения с этими государствами с нуля. Лично для меня это было трудной переменой. Я был связан с англичанами на протяжении всей своей жизни, хорошо знал британское общество и его лидеров. У меня вошло в привычку слушать новости Всемирной службы Би-би-си и читать британские газеты. У меня были друзья и знакомые и в лейбористской, и в консервативной партии. Мне было легко налаживать контакты с англичанами и находить с ними общий язык. После ухода Великобритании мне пришлось познакомиться с американскими лидерами, с иными стандартами и стилем американских средств массовой информации, попытаться понять американское общество, которое было и куда большим, и куда более разнообразным. С японцами, французами и немцами нам было еще тяжелее, ибо мы не говорили на их языке и не понимали их привычек.

Мы продолжали поддерживать старые связи с Великобританией, но одновременно развивали отношения с новыми важными центрами власти и богатства. Нам было грустно наблюдать за постепенным вытеснением экономики Великобритании Японией, Германией и Францией. Раз за разом экономический подъем в Великобритании замедлялся действиями профсоюзов, которые были вызваны не только экономической несправедливостью, но и классовым антагонизмом в обществе. Я считал, что большим препятствием для адаптации Великобритании к новым пост имперским условиям было существование в британском обществе классовых предрассудков, от которых Великобритания избавлялась очень медленно. После распада империи Великобритания нуждалась в переходе к обществу, основанному на меритократии. На деле, в стране существовал правящий класс, стремившийся продемонстрировать свое отличие от рабочего класса особым произношением, социальными манерами и привычками, членством в клубах, обществах выпускников престижных школ и университетов. В 1991 году председатель правления корпорации «Сони» (Sony) Акио Морита (Akio Morita) сказал мне, что его компания столкнулась с трудностями на своих фабриках в Великобритании, пытаясь заставить британских инженеров вникать в то, что происходило на конвейере. Японские инженеры начинали свою карьеру с самых низов, так что у них устанавливались приятельские отношения с подчиненными, которых они хорошо понимали. Британские инженеры, по его словам, предпочитали сидеть в кабинетах. Зная об этих недостатках, Маргарет Тэтчер на посту премьер – министра боролась с классовыми предрассудками и поощряла меритократию. Ее преемник Джон Мейджор (John Major) говорил о «бесклассовой» Великобритании. Программа «новых лейбористов» (New Labour), осуществляемая премьер – министром Тони Блэром (Tony Blair), также нацелена на то, чтобы избавить Великобританию от классовых предрассудков.

К еще худшим последствиям вела политика в области социального обеспечения (welfarism), которую лейбористы впервые стали проводить в 40-ых годах, и которую, в рамках двухпартийного консенсуса, поддерживали консерваторы. Эта политика снижала стимулы людей к труду и ложилась тяжелым бременем на экономику. Большинство лидеров двух основных партий, а также руководство либеральной партии (Liberal Party), знали о разрушительных последствиях этой социальной политики. Но до тех пор, пока премьер – министром не стала Маргарет Тэтчер, решением этой проблемы никто не занимался.

По мере ослабления влияния Великобритании на мировой арене международный кругозор молодых парламентариев и министров сужался. Некоторые мои старые друзья, британские военачальники, которые воевали в годы Второй мировой войны, а потом служили в Сингапуре, защищая нас во время «конфронтации» с Индонезией в период правления президента Сукарно, сравнивали старое поколение британских лидеров с дубами, обладавшими глубокими корнями и широкой кроной. Представителей молодого поколения лидеров они называли «бонсайскими дубами» (bonsai oak), которые по виду были явно дубовыми деревьями,

но уж очень миниатюрными, потому что их корневая система была намного слабее.

Великобритания с трудом приспосабливалась к новой ситуации. Именно партии консерваторов, под руководством Маргарет Тэтчер, за которой последовал Джон Мейджор, удалось преодолеть эти негативные тенденции. Британские предприниматели стали более уверенными в себе и возглавили процесс восстановления влияния Великобритании в Юго-Восточной Азии, в том числе и в Сингапуре. Лейбористская партия вернулась к власти в 1997 году, провозгласив свою приверженность принципам свободного рынка. Лейбористы заявили о намерении сократить долю правительственных расходов в ВВП и о своем стремлении развивать экспорт, поощрять торговлю и привлекать зарубежные инвестиции, чтобы создавать рабочие места в Великобритании. Триумф Маргарет Тэтчер и консервативной партии заключался в том, что им удалось изменить настроение людей в Великобритании. Это заставило и лейбористскую партию изменить свою платформу и стать партией «новых лейбористов».

Старые привычки и связи изменить сложно. Наши студенты по-прежнему едут в Великобританию для получения высшего образования. С ростом численности среднего класса в Сингапуре родители стали посылать детей в Великобританию и для получения школьного образования. К 90-ым годам в британских университетах и политехнических институтах обучалось примерно 5,000 сингапурских студентов. Выпускники Оксфорда и Кембриджа все еще преобладают в составе сингапурской элиты. В этом проявляется историческая инерция, наша запоздалая реакция на изменившуюся международную ситуацию. После того, как Великобритания вывела свои войска из Восточной Азии, единственной страной, сохранявшей там свое военное присутствие, была Америка. Нам следовало посылать больше студентов для обучения в США, чтобы научиться лучше понимать американцев, налаживать контакты с будущими американскими лидерами, обучавшимися в лучших американских университетах. Но еще и в 90-ых годах численность наших студентов в Соединенных Штатах была втрое меньше, чем в Великобритании.

Исторически, мы оказались запертыми в рамках британской системы образования. Наши профессиональная классификация привязана к официальным британским ассоциациям: доктора, адвокаты, бухгалтеры, архитекторы, инженеры и так далее. Профессиональные связи сохраняются на всех ступеньках общества. Тем не менее, в некоторых сферах, например в медицине, американцы превосходили англичан, потому что Америка тратит на нужды здравоохранения примерно 14 % ВВП, – вдвое больше, чем Великобритания. Мы постепенно налаживали контакты с американскими учреждениями в сфере здравоохранения, но наше базовое медицинское образование все еще является британским. Примерно такая же ситуация складывается и по другим специальностям.

В 80-ых годах, когда у власти Великобритании находилась Маргарет Тэтчер, объем торговли между Сингапуром и Великобританией значительно вырос. Когда Маргарет Тэтчер либерализовала движение капитала, объем британских инвестиций в Сингапуре увеличился. Характер этих инвестиций также изменился: теперь это были инвестиции в производство медикаментов, электронных изделий, авиационной и космической техники. К 90-ым годам Великобритания снова стала одним из крупнейших инвесторов в экономику Сингапура, занимая четвертое место по объему инвестиций после США, Японии и Голландии. Сингапурские предприниматели, в основном, инвестировали в странах Юго-Восточной Азии, но значительное число наших частных предпринимателей вкладывали деньги в Великобританию, особенно в сферу туризма. Одна из наших крупных компаний приобрела сеть отелей в Великобритании. Инвестиционная правительственная корпорация Сингапура также приобрела там сеть из 100 отелей, рассчитывая на то, что туризм в Великобритании будет развиваться и в дальнейшем, несмотря на террористическую деятельность Ирландской Республиканской Армии (IRA). Главным связующим транспортным звеном между Сингапуром и Европой все еще остается Лондон, куда ежедневно из Сингапура выполняется больше полетов, чем в любую другую европейскую столицу.

Когда в 1968 году Великобритания объявила о выводе своих войск из Сингапура, в газетах появилось немало пессимистических статей, включая статью в «Иллюстрейтед Лондон ньюз» (Illustrated London News), в которой вывод британских войск сравнивался с уходом римских

легионов из Британии, который проходил в ту эпоху, когда над Европой опускалась завеса варварства. Но это была неверная аналогия. Современные средства связи и транспорта способствовали тому, что численность англичан в Сингапуре сейчас выше, чем в колониальный период. Размеры британской общины в Сингапуре на сегодняшний день уступают только американской и японской. На сегодняшний день в Сингапуре насчитывается больше британских школ, чем в колониальную эпоху, в них получают образование дети из примерно 10,000 британских семей. Сотни инженеров, архитекторов и технических специалистов теперь приезжают, чтобы работать в Сингапуре. Они больше не проживают в эксклюзивных районах для экспатриотов, а живут и работают в тех же условиях, что и местные жители. Зарплата в Сингапуре находится примерно на том же уровне, что и в Великобритании. По мере того, как Сингапур становился одним из крупных мировых финансовых центров, многие британские банки и финансовые компании открывали здесь свои филиалы. Вся политическая и экономическая ситуация в городе изменилась до неузнаваемости.

В 1982 году лондонский Сити (the City of London) сделал меня своим почетным гражданином. Для меня, бывшего британского подданного, это была большая честь. На меня произвело большое впечатление то, как тщательно составлялся список приглашенных на эту церемонию. В него были включены все министры и губернаторы Великобритании, которые поддерживали со мной рабочие отношения по вопросам, связанным с Сингапуром. Меня также попросили составить список личных друзей, которых я хотел бы пригласить на церемонию. Так что я имел удовольствие встретиться с бывшими премьер-министрами, госсекретарями, военными, последним губернатором Сингапура и многими моими друзьями, которые собрались в Гайдхолле (Guildhall), чтобы разделить со мной радость по поводу этого события. Среди них были Гарольд Макмиллан, Джим Каллагэн, Гарольд Вильсон, Алек Дуглас-Хоум (Alec Douglas-Home), Алан Леннокс-Бойд и Дункан Сэндис (Duncan Sandys). Это был повод предаться ностальгии. В ответ на поздравительную речь во время церемонии я сказал: «Когда я ходил в школу в Сингапуре пятьдесят лет назад, мои учителя преподносили нам как само собой разумеющуюся истину, что Лондон был центром мира. Это был центр высокоразвитой финансовой и банковской системы, центр искусства, театра, литературы, музыки, культуры. Это был центр притяжения всего мира,... и это было так на самом деле. В сентябре 1939 года, через год после того, как британское правительство не стало выполнять своих обязательств перед чешским народом, оно решило выполнить свои обязательства перед польским народом. Так началась Вторая мировая война, и мир изменился раз и навсегда».

Частью церемонии была поездка в запряженном лошадьми экипаже из Вестминстера (Westminster) в Гайдхолл. Ее пришлось отменить из-за того, что в результате забастовки железнодорожников образовались заторы на дорогах. Проблемы во взаимоотношениях между рабочими и работодателями продолжали тормозить развитие Великобритании. Противостояние между Маргарет Тэтчер и профсоюзом горняков было еще впереди.

Долгие годы пребывания в правительстве и наши исторические связи с Великобританией позволили мне познакомиться со всеми британскими премьер – министрами: от Гарольда Макмиллана, до Тони Блэра.

Гарольд Макмиллан принадлежал к поколению моего отца. Он обладал внешностью и манерами вельможи эдвардианской эпохи, включая напускную вялость и высокомерное отношение к подобным мне молодым жителям колоний. Сэр Алек Дуглас-Хоум был наиболее приятным из всех премьер-министров, – он был настоящим джентльменом. Его манера выступать по телевидению скрывала то, насколько проницательным мыслителем и геополитиком он был на самом деле. Он искренне признавался в том, что считал, пользуясь счетными палочками, но в нем было больше здравого смысла, чем у многих министров-интеллектуалов, входивших в состав правящей партии и оппозиции.

Наиболее политически одаренным из них был Гарольд Вильсон. Мне повезло, что мы стали с ним друзьями еще до того, как он стал премьер-министром. Мне удалось убедить его продлить сроки британского военного присутствия к востоку от Суэцкого канала на несколько лет. Остатки британских войск находились в Сингапуре до середины 1975 года. Эти несколько лет имели большое значение для нас, ибо это позволило нам выиграть время и наладить отношения с Индонезией, не делая поспешных шагов, о которых мы могли бы впоследствии

пожалеть. Я многим обязан Вильсону за его твердую поддержку в тот период, когда Сингапур входил в состав Малайзии, да и в последующий период, как я уже упоминал ранее в своих мемуарах. Проблемы, с которыми он столкнулся в Великобритании, были глубоко укоренившимися: падение уровня образования и квалификации, снижение производительности труда из-за отсутствия сотрудничества между профсоюзами и руководством компаний. В 60-ых – 70-ых годах в лейбористской партии доминировали профсоюзы. В результате, лейбористы не могли заняться решением этих основных проблем, а потому от Вильсона ожидали половинчатых решений. Чтобы сохранить поддержку со стороны партии, ему приходилось делать политические зигзаги, из-за чего он подчас мог показаться коварным и непоследовательным.

В отличие от него, Тэд Хит был надежным и уравновешенным политиком. Я впервые познакомился с ним, когда он был министром в правительстве Макмиллана, ответственным за ведение переговоров об интеграции Великобритании в Европу. Я добивался от него защиты интересов Сингапура. Мы стали с ним друзьями в тот период, когда, после победы Вильсона на выборах в 1964 году, он являлся лидером оппозиции. Зачастую, во время моих визитов в Лондон, он приглашал меня в свою квартиру в Олбани (Albany), чтобы поговорить о Великобритании, Европе, Америке и Британском Содружестве наций. В обеспечении будущего Великобритании он отводил более важную роль Европе, чем Америке или Британскому Содружеству наций. Однажды приняв политическое решение, он уже не менял своей точки зрения, в Европу же он верил еще до того, как стал премьер – министром. Если бы меня спросили, с кем из британских премьер-министров и министров, с которыми я был знаком, я предпочел бы вместе оказаться в опасной ситуации, я бы выбрал Тэда Хита. Он бы боролся за выполнение намеченного плана до конца. К сожалению, у него отсутствовала способность воодушевлять людей и побуждать их к действию. В беседе один на один Хит оживлялся, но на экране телевизора он выглядел очень скованно, что является огромным недостатком в век телевидения. Мы остались с ним добрыми друзьями, время от времени встречаясь в Лондоне, Сингапуре и на различных международных форумах, например, в Давосе.

Когда в 1948 году Джим Каллагэн выступал перед Лейбористским клубом Кембриджского университета (Cambridge University Labour Club), я присутствовал в студенческой аудитории. Его представили как отставного младшего офицера королевских ВМС, который стал младшим министром. Он говорил уверенно и хорошо. Я познакомился с ним лично в середине 50-ых годов, во время участия в конституционных переговорах в Лондоне, и мы поддерживали контакты на протяжении многих лет. Так как он стал премьер – министром неожиданно, после отставки Вильсона в марте 1966 года, будучи уже довольно пожилым человеком, у него не было собственной программы действий. Действительно, Великобритания была в настолько тяжелом экономическом положении, что ему пришлось обратиться за помощью к МВФ. Так что программу действий приняли за него.

Я обратился к Джиму Каллагэну, когда он занимал должность премьер – министра, с просьбой разрешить Брунею, чьи иностранные дела все еще контролировала Великобритания, предоставить вооруженным силам Сингапура возможность проводить учения в джунглях на территории султаната. Британское министерство иностранных дел и по делам Содружества наций затягивало решение вопроса, не желая вмешиваться в деликатные отношения в сфере обороны, существовавшие между Сингапуром и Малайзией. Я доказывал, что Великобритания, так или иначе, вскоре утратит контроль над Брунеем, и Сингапур все равно получит возможность использовать этот тренировочный центр. Почему же тогда было не разрешить его использование в то время, когда Великобритания еще контролировала ситуацию, с тем, чтобы после обретения Брунеем независимости эти учения стали частью местного политического ландшафта? Он согласился, и в 1976 году мы основали тренировочный центр в джунглях Брунея.

Сталкиваясь с бесконечными экономическими проблемами, включая рост безработицы, лейбористское правительство Каллагэна стало на путь протекционизма. В апреле 1977 года Джордж Томсон, к тому времени ставший пэром и не являвшийся больше министром, прибыл ко мне в качестве личного посла Каллагэна, чтобы узнать, не собирался ли я поднять вопросы двухсторонних отношений с Великобританией на встрече государств Британского Содружества

наций в июне. Я ответил, что поднимать эти проблемы на праздновании серебряного юбилея царствования королевы было бы неуместно. Тем не менее, я заявил протест по поводу того, что Великобритания убедила Германию принять решение, блокировавшее ввоз в ЕС произведенных в Сингапуре карманных калькуляторов и черно-белых телевизоров. Это было сделано без предварительного обсуждения с нами. Я указал на то, что наши карманные калькуляторы были сделаны с использованием достижений американской технологии, далеко опережавшей британскую. Запрет на импорт калькуляторов из Сингапура означал, что жители Великобритании должны были переплачивать за точно такие же американские изделия. Такая же ситуация возникла и с черно-белыми телевизорами, производившимися японскими компаниями в Сингапуре. Эти торговые барьеры были позднее убраны, потому что они не способствовали сохранению рабочих мест в Великобритании.

Каллагэн однажды спросил меня: «Что за люди эти японцы? Они работают как муравьи, постоянно наращивают объемы своего экспорта, но ничего не импортируют». В отношении японцев он придерживался западного стереотипа, сложившегося в результате их антигуманных действий в период Второй мировой войны. В отличие от Тэтчер, он не рассматривал японские инвестиции в качестве одного из средств ре-индустриализации Великобритании. Он больше интересовался африканцами, индусами и другими членами Содружества наций. Его взгляд на мир был сфокусирован на короле и империи. Во время встреч глав государств Британского Содружества наций он предоставлял африканским лидерам любую возможность высказывать свои взгляды, особенно относительно апартеида в Родезии и Южной Африке. Он был типичным лидером британской лейбористской партии, выходцем из рабочего класса, чьи инстинкты всегда побуждали его выступать в защиту поработенных и угнетенных. Тем не менее, он проявлял изворотливость, когда дело касалось принятия жестких решений, к примеру, выполнения лейбористским правительством условий МВФ, на которых был предоставлен пакет помощи в тот момент, когда британская валюта оказалась под угрозой девальвации.

Сила Каллагэна заключалась в том, что при решении проблем он не суетился, не искал причудливых, вычурных решений. Он был глубоко предан профсоюзам, тем не менее, именно профсоюзы привели к падению его правительства.

Я познакомился с Маргарет Тэтчер на обеде на Даунинг-стрит, 10, в октябре 1980 года, когда премьер-министром Великобритании был Тэд Хит. Она была министром образования, и мы говорили о том, какой ущерб был нанесен Великобритании реформой школьного образования и введением общеобразовательной школы с совместным обучением детей, обладавших различными способностями. Уровень знаний способных учеников понизился, а остальных учеников – не повысился. Когда она была лидером оппозиции, я спросил Джорджа Томаса, тогдашнего спикера Палаты общин, что он о ней думал. Он сказал: «Она очень болеет за Великобританию и хочет проведения правильных мер. Она хочет развернуть страну на 180 градусов, и, я думаю, что она единственная, кто обладает силой воли, чтобы добиться этого». А когда я спросил тогдашнего премьер – министра Джима Каллагэна, что тот думал о ней, он сказал: «Она – единственный мужчина на скамье оппозиции». Эти взгляды лейбористского спикера и лейбористского премьер – министра подтвердили мое собственное мнение, что она на деле являлась убежденным, идейным политиком.

Когда в мае 1979 года Тэтчер победила на выборах, я порадовался за нее. Она выступала за свободный рынок и свободную конкуренцию. Во время ее пребывания в оппозиции я встречался с ней в Лондоне и в Сингапуре, который она посетила несколько раз, обычно по пути в Австралию и Новую Зеландию. В июне 1979 года, через месяц после того как она стала премьер – министром, между нами состоялась часовая дискуссия перед обедом на Даунинг-стрит, 10. Она была полна идей. В июле 1980 года она, в качестве лидера консервативной партии, написала мне письмо с предложением выступить в роли приглашенного докладчика с речью на партийной конференции в Брайтоне (Brighton) в октябре того года. Такое предложение представителю государства Британского Содружества наций было направлено впервые. Я ответил, что не мог принять такую честь ввиду моей многолетней связи с лейбористской партией, которая началась еще в 40-ых годах, когда я учился в Великобритании в университете.

Тэтчер была убеждена в своей правоте, полна энергии и уверенности в том, что сможет провести в жизнь свою экономическую политику, хотя у нее и не было иллюзий относительно тех трудностей, с которыми ей предстояло столкнуться в лице профсоюза горняков. Поэтому, когда в марте 1984 года началась забастовка шахтеров, я чувствовал, что она будет бороться до конца. Тем не менее, я не ожидал, что столь ожесточенные столкновения между бастующими и полицией продлятся целый год. Ее предшественники этого не выдержали бы.

В апреле 1985 года Тэтчер нанесла официальный визит в Сингапур. За обедом я поздравил ее с успехами в решении проблем «государства благосостояния»: «На протяжении почти четырех десятилетий сменявшие друг друга правительства Великобритании, казалось бы, полагали, что создание богатства происходит само по себе, и что единственным, что требовало внимания и изобретательности правительства, было перераспределение богатства. В результате, правительство проявляло изобретательность только в создании способов перераспределения дохода от более преуспевающих к менее преуспевающим членам общества. В таком общественном климате требуется премьер – министр с железными нервами, чтобы сказать избирателям правду, которая заключается в том, что создатели богатства являются ценными членами общества, заслуживающими почета и права оставлять себе большую часть заработанного... Мы использовали те преимущества, которые Великобритания оставила нам: английский язык, юридическую систему, правительство парламентского большинства и администрацию, лишенную партийных пристрастий. Тем не менее, мы тщательно избегали использования методов, свойственных „государству благосостояния“, потому что мы видели, как великий народ в результате уравниловки превратился в посредственный».

Тэтчер любезно ответила в сходной манере: «Мне приятно думать, что когда-то Вы учились у Великобритании. А теперь мы учимся у вас... Талант, инициатива, предприимчивость, риск, уверенность в себе, энергия, – сделали Сингапур моделью успеха для других государств, образцом, который позволяет сделать ясный вывод: нельзя наслаждаться плодами усилий, без того, чтобы сначала приложить усилия».

На следующий день несколько пролейбористски настроенных британских газет поместили репортажи о вспышке ярости, случившейся с министром здравоохранения теневого правительства лейбористов Фрэнка Добсона (Frank Dobson): «Мистеру Ли следовало бы держать свой глупый язык за зубами». А член парламента от лейбористской партии Аллен Адамс (Allen Adams) добавил: «Если мы возьмем эту страну (Сингапур) в качестве примера для подражания, то наша страна будет отброшена назад к 1870 году, когда люди работали круглые сутки на потогонных фабриках практически бесплатно».

Это были типичные старые лейбористы, мыслявшие стереотипами и не поспевавшие за развитием событий. В 1985 году валовой доход на душу населения в Сингапуре равнялся 6,500 долларов США, а в Великобритании – 8,200 долларов США. К 1995 году по доходу на душу населения Сингапур (26,000 долларов США) обошел Великобританию (19,700 долларов США). Наши рабочие не только зарабатывали больше британских, но также владели собственными домами и имели больше сбережений (в Центральном фонде социального обеспечения и на счетах в «ПОС-бэнк»), чем британские рабочие.

Когда в ноябре 1990 года Тэтчер ушла в отставку, она прислала мне прощальное письмо: «Как неожиданно поворачивается жизнь: кто мог бы себе вообразить, что мы оба уйдем с высших постов в наших государствах почти в один и тот же день после стольких лет совместной работы. Уходя, я хотела бы сказать Вам, какую огромную пользу я извлекла из наших отношений и как я восхищалась всем, что Вы отстаивали. В одном сомневаться не приходится: встречи стран Содружества наций были бы куда скучнее, не будь любого из нас!»

Мне пришлось работать с Маргарет Тэтчер больше, чем с любым другим британским премьер – министром, потому что она находилась у власти на протяжении трех сроков. Я считаю, что из всех премьер-министров, которых я знал, она предложила Великобритании наилучшую программу действий. Ее сила была в ее страстной вере в свою страну и в ее железной воле изменить ее. Она была убеждена, что свободное предпринимательство и свободный рынок приведут к свободному обществу. Она обладала здравым политическим смыслом, хотя у нее и была тенденция к излишней самоуверенности и убежденности в своей правоте. В разделенной на классы Великобритании ее недостатком являлось ее

происхождение, – она была «дочерью бакалейщика». Прискорбно, что британская элита все еще находилась во власти этих предрассудков, но ко времени ее ухода в отставку англичане стали придавать этим вопросам меньшее значение.

Тем не менее, Тэтчер подчас вызывала сильную антипатию со стороны премьер – министров старых британских доминионов с белым населением. На встрече глав правительств государств Британского Содружества наций, проходившей на Багамских островах в 1985 году, премьер – министры Канады и Австралии, Брайан Малруни (Brian Mulroney) и Боб Хоук (Bob Hawke) оказывали на Тэтчер сильное давление, пытаясь заставить ее ввести экономические санкции против Южной Африки. Все выступавшие со вступительными речами, кроме нее, осудили режим апартеида в Южной Африке. Тэтчер в одиночку выступала против введения дальнейших санкций против режима Претории (Pretoria), настаивая на продолжении диалога с ним. Я уважал ее за силу и способность бороться в полной изоляции. Она не позволила запугать себя и не сдалась. К сожалению, история была не на ее стороне.

Джон Мейджор был канцлером Казначейства, когда он сопровождал Маргарет Тэтчер на встречу глав правительств стран Британского Содружества в Куала-Лумпуре в октябре 1989 года. В мае 1996 года я снова встретился с ним на Даунинг-стрит, 10. У него была трудная задача. Маргарет Тэтчер использовала все свое влияние, чтобы добиться его избрания на пост лидера консервативной партии и премьер-министра и ожидала, что он будет продолжать проводить ее политику по отношению к Европе. Ее влияние в партии делало его жизнь сложной. Средства массовой информации также были не слишком любезны, списав его со счета в течение первых нескольких месяцев пребывания у власти. Поэтому, несмотря на то, что дела в экономике шли хорошо, это не помогло ему справиться с «новыми лейбористами» в мае 1990 года.

Я был поражен молодой энергией Тони Блэра, когда я впервые встретился с ним в Лондоне в мае 1995 года. Он был лидером оппозиции. Он был на год моложе моего сына Лунга. На встрече присутствовал Джонатан Пауэлл (Jonathan Powell), руководитель его канцелярии, он вел протокол и участвовал в беседе. Блэр интересовался тем, какие факторы обусловили различия между высокими темпами роста экономики в странах Восточной Азии и низкими темпами экономического роста в Великобритании и Европе в целом. Я предложил ему посетить Восточную Азию перед выборами и самому посмотреть на те огромные изменения, которые произошли в регионе. После того, как он занял бы свой пост, он был бы слишком скован рамками официального протокола.

В январе следующего года Блэр посетил Японию, Австралию, а затем и Сингапур, где он встретился с лидерами наших профсоюзов. Он своими глазами увидел те льготы и преимущества, которых наши профсоюзы добились для своих членов. Он проявил интерес к нашим индивидуальным пенсионным счетам в ЦФСО, средства которого также использовались для покупки жилья и оплаты медицинского обслуживания. Он не делал секрета из своих глубоких христианских убеждений, которые сделали его социалистом, или, как уточнил он, когда я искоса взглянул на него, социал-демократом. Он был достаточно искренним, чтобы повторить: «или социал-демократом». Это было нечто такое, что «старые лейбористы» (Old Labour) презирали. Его программа «новых лейбористов» (New Labour) не были позой. Он поинтересовался моим мнением относительно перспектив лейбористского правительства. Я сказал ему, что после прихода к власти у него будет трудная задача. Ему пришлось бы убедить «старых лейбористов» согласиться с его политикой. Лейбористская партия была намного старше его, и изменить ее было нелегко.

Через несколько дней после визита Блэра министр социального обеспечения теневого правительства Крис Смит (Chris Smith) посетил Сингапур, чтобы изучить нашу систему социального обеспечения. Несколько месяцев спустя близкий помощник Тони Блэра Питер Мандельсон (Peter Mandelson) приехал в Сингапур, чтобы присмотреться к нашей системе «Медисэйв» (Medisave), к системе медицинского страхования и к другим функциям ЦФСО. Блэр поразил меня как серьезный политик, желавший разобраться в причинах успешного развития стран Восточной Азии. Когда мы снова встретились в Лондоне осенью того же года, за ужином, он задал мне бесчисленное количество вопросов.

Выдержка, с которой он представлял себя самого и свою партию после грандиозной

победы на выборах в мае 1997 года, была результатом его самодисциплины. Я смотрел по телевизору его речь после победы на выборах и то, как он шел на Даунинг-стрит, 10. Это оказало хорошее влияние на его команду. Я был в Лондоне через месяц после его победы. Мы разговаривали на протяжении часа и снова не тратили времени на шутки. Он был сосредоточен на тех задачах, которые поставил перед своим правительством в своей предвыборной программе. Он был на подъеме, но не слишком ликовал по поводу своего прихода к власти в столь молодом возрасте. Мы разговаривали о Китае и о приближавшейся передаче Гонконга Китаю в конце июня. Его подход был прагматичным, он не хотел разгребать угли, зажженные Крисом Паттэном (Chris Patten). Он больше интересовался долгосрочными перспективами китайско-британских отношений. Как я и ожидал, он посетил церемонию передачи Гонконга Китаю и провел переговоры с президентом Цзян Цзэмином (Jiang Zemin).

Когда мы встретились через год, в мае 1998 года, на Даунинг-стрит, 10, он был полностью сосредоточен на неотложных проблемах, в особенности на ведении мирных переговоров в Северной Ирландии. У него нашлось время для обсуждения ряда других вопросов, но проблемы двухсторонних отношений не обсуждались, ибо их просто не было. Ситуация изменилась: в области обороны и безопасности Сингапур теперь уже не связан с Великобританией так же тесно, как с США, Австралией и Новой Зеландией. Мое поколение было англоцентричным, поколение моего сына уделяет больше внимания США. Лунг и его современники должны научиться понимать Америку. Они прошли подготовку в американских военных учебных заведениях, учились в аспирантурах таких университетов как Гарвард и Станфорд (Stanford). Мне пришлось жить в мире, в котором доминировала Великобритания (Pax Britannica), а поколению Лунга придется жить в мире, в котором доминирует Америка (Pax Americana).

Глава 24. Отношения с Австралией и Новой Зеландией

Неожиданное вторжение Японии в Сингапур в декабре 1941 года драматическим образом изменило представления австралийцев о Сингапуре. Примерно 18,000 австралийских военнослужащих, не имевших никакого боевого опыта, вместе с 70,000 британских и индийских солдат, безо всякой поддержки с воздуха, не смогли устоять против закаленной в боях японской императорской армии. К моменту капитуляции Сингапура в феврале 1942 года примерно 2,000 австралийцев было убито, более 1,000 ранено, и примерно 15,000 сдались в плен.

Более трети пленных умерло от недоедания, болезней и жестокого обращения, особенно на строительстве печально известной Бирманской железной дороги. Многие обелиски, стоящие на военном кладбище Содружества наций Кранчжи в Сингапуре, являются безмолвными свидетелями жертв, принесенных австралийцами за родину и короля. Захват в плен японской императорской армией тысяч австралийских солдат в Сингапуре навсегда останется в памяти австралийцев как катастрофа, уступающая только разгрому в Галлиполи (Gallipoli) в ходе Первой мировой войны. Но Сингапур расположен к Австралии намного ближе и является стратегически более важным для Австралии. Поэтому после Второй мировой войны Австралия продолжала поддерживать старые связи с Великобританией, а ее войска вернулись в Сингапур, чтобы помочь в подавлении коммунистических повстанцев в Малайе.

Австралийский воинский контингент располагался в Малайе до тех пор, пока Великобритания не объявила о выводе своих войск, расположенных к востоку от Суэцкого канала. Я убеждал премьер-министра Австралии Джона Гортон продлить сроки пребывания австралийских войск в Малайе. В январе 1969 года, на конференции премьер-министров стран Британского Содружества наций в Лондоне, Гортон провел предварительную встречу с британским министром обороны Дэнисом Хили, премьер-министром Новой Зеландии Китом Холиоуком, Тунку и мною, чтобы обсудить новую оборонительную доктрину Малайзии и Сингапура. Гортон очень волновался, его жесты и тон голоса показывали, что он не хотел брать на себя ответственность за оборону Малайзии и Сингапура. Он знал, что этот груз ляжет в основном на плечи Австралии, ибо Великобритания постепенно сокращала свое военное присутствие в регионе.

Мы пришли к соглашению отложить принятие решения до нашей следующей встречи в Канберре в июне того же года. К сожалению, в мае в Куала-Лумпуре начались межобщинные столкновения, которые затруднили участие Австралии в обеспечении обороны Малайзии и Сингапура. Я уже упоминал ранее, как были решены эти проблемы. Несмотря на сомнения Гортона, нам удалось договориться о заключении Оборонного соглашения пяти держав, которое мы скрепили путем обмена писем в декабре 1971 года. Более смелый и решительный министр обороны Австралии Малкольм Фрейзер был против того, чтобы сокращать военное присутствие Австралии из-за расовых беспорядков в Куала-Лумпуре. В конце концов, Гортон решил вывести австралийские войска из Малайи к 1971 году и расквартировать их в Сингапуре. Австралийцы опасались, что силы их воинского контингента могли оказаться недостаточными для выполнения возложенных на него обязанностей. Они знали, что, кроме них, в Сингапуре должен был остаться лишь небольшой контингент новозеландских войск. В случае кризиса они полагались только на поддержку США, с которыми Австралия и Новая Зеландия входили в состав военного союза АНЗЮС. (ANZUS – Australia, New Zealand, USA)

С самого начала у нас сложились хорошие личные отношения с руководителями Австралии и Новой Зеландии, потому что у нас были схожие взгляды на положение в регионе, – мы все понимали, что ситуация во Вьетнаме ухудшалась. У меня сложились хорошие отношения с Гарольдом Холтом и его преемниками, Джоном Гортоном и Вильямом Макмагоном (William McMahon). В 1972 году к власти в Новой Зеландии и Австралии пришли правительства лейбористов. Премьер-министр Новой Зеландии Норман Кирк (Norman Kirk) занял твердую позицию в вопросах обеспечения безопасности, а потому и отношение его страны к вопросам обороны не изменилось. Но премьер-министр Австралии Гаф Витлэм (Gough Whitlam) беспокоился о выполнении его страной своих оборонных обязательств во Вьетнаме, а также в Малайе и Сингапуре. Вскоре после победы на выборах в 1972 году он решил вывести войска Австралии из Сингапура и выйти из Оборонного соглашения пяти держав.

Когда в 70-ых годах мы обратились к Австралии с просьбой об использовании их полигонов для подготовки наших войск, австралийцы не пошли нам навстречу. Новая Зеландия, напротив, с готовностью согласилась предоставить нам такую возможность. Австралия изменила свою политику в 1980 году, разрешив нам провести наземные маневры, и в 1981 году, позволив провести военно-воздушные учения на базе ВВС Австралии. Когда в 90-ых годах премьер-министром Австралии стал лейборист Пол Китинг, он пошел дальше, и разрешил расширить масштабы учений сингапурских вооруженных сил в Австралии. Премьер-министр Джон Говард (John Howard), возглавлявший правительство либерально-национальной коалиции, продолжил эту политику. Стратегические цели Австралии и Сингапура похожи. Обе страны рассматривают военное присутствие США как жизненно важное для поддержания баланса сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С нашей точки зрения, оно является фактором обеспечения безопасности и стабильности в регионе, без чего быстрый экономический рост невозможен. На фоне единства мнений по этому основному вопросу наши разногласия по вопросам торговли и другим вопросам выглядели незначительными.

Я потратил годы, пытаюсь убедить Малкольма Фрейзера (Malcolm Fraser) открыть экономику Австралии для конкуренции и сделать страну частью региона. Я объяснял ему и министру иностранных дел Эндрю Пикоку, что Австралия уже стала важной страной региона, благодаря ее активному вкладу в решение проблем обороны и безопасности и предоставлению помощи другим странам. Но проводимая Австралией протекционистская экономическая политика отрезала страну от развивавшихся в экономическом отношении стран региона, которые не могли экспортировать свои сравнительно простые промышленные товары в Австралию из-за существовавших квот и высоких импортных тарифов. Умом они принимали мои аргументы, но, с политической точки зрения, у Фрейзера не было сил, чтобы противостоять профсоюзам или промышленникам, которые настаивали на продолжении протекционистской политики.

На встрече глав правительств стран Британского содружества Азиатско-Тихоокеанского региона в 1980 году в Нью Дели (New Delhi) Фрейзер выступал против протекционистской политики Европейского экономического сообщества (ЕЭС), которая привела к сокращению

экспорта австралийской сельскохозяйственной продукции в Европу. Я предостерегал его, что он вряд ли получит значительную поддержку развивающихся стран в этом вопросе, ибо они видели, что Австралия использует точно такие же меры, чтобы защитить те отрасли промышленности, которые утратили конкурентоспособность. Кроме того, Австралия становилась все менее и менее значимой для стран АСЕАН, которые при принятии серьезных политических решений практически не принимали ее в расчет.

Сменявшие друг друга австралийские правительства предпринимали шаги по сближению с Азией. Пол Китинг, сменивший на посту премьер-министра Боба Хоука (Bob Hawke), был убежден, что Австралии следовало включиться в экономическую систему стран Азии, и поэтому он лично активно проводил в жизнь политику сближения с азиатскими странами. Умный, обладавший хорошим пониманием экономики и развитым геополитическим чутьем, он на протяжении многих лет являлся министром финансов в правительстве Боба Хоука. Но его реальные возможности в качестве премьер-министра от лейбористской партии были ограничены могущественным влиянием австралийских профсоюзов на его партию.

Другим министром, прикладывавшим значительные усилия для сближения с азиатскими странами, был Гарет Эванс. Он обладал острым умом и, когда его задевали, острым языком, но в целом был человеком добрым. В качестве министра иностранных дел в правительствах Хоука и Китинга Эванс провел радикальные изменения во внешней политике Австралии. Он не хотел, чтобы страна оставалась экспортером сырья в Японию, в то время как японцы производили в Австралии автомобили и электронные изделия, используя собственную технологию. Эванс добился установления более близких личных отношений с министрами иностранных дел стран АСЕАН. Видимо, это стоило ему немалых усилий, ибо до тех пор австралийцы придерживались совершенно иных традиций. В рамках АСЕАН серьезные разногласия зачастую улаживались не за столом переговоров, а на поле для игры в гольф, так что ему приходилось играть в гольф со своими коллегами.

В ранние годы пребывания лейбористского правительства Хоука у власти я думал, что его азиатская политика была просто рассчитанной на публику рекламой. Тем не менее, когда Китинг также стал проводить эту политику, я пришел к выводу, что в Австралии действительно произошли серьезные изменения. Австралийцы пересмотрели основные предпосылки, на которых базировалась их политика. Они были выходцами из Великобритании и Европы, но их будущее все больше зависело от Азии. Они видели, что страны, экономика которых лучше всего дополняла австралийскую экономику, находились в Восточной Азии. Эти страны: Япония, Южная Корея, Китай, Тайвань и страны АСЕАН, – нуждались в импорте австралийской сельскохозяйственной продукции и полезных ископаемых, а огромные открытые пространства Австралии, ее поля для гольфа, курорты и пляжи были бы прекрасным местом для отдыха туристов из этих стран. Несмотря на то, что Америка является мощным союзником Австралии в политической и оборонной сфере, она также является ее конкурентом в качестве экспортера сельскохозяйственной продукции.

На конференции в Сиднее, организованной изданием «Острэлиэн файнэншел ревю» (Australian Financial Review) в апреле 1994 года, министр иностранных дел Гарет Эванс пригласил меня откровенно высказать свое мнение об Австралии. Я поймал его на слове. «Австралия, – сказал я, – была страной-счастливчиком, испытывавшей затруднения из-за собственного богатства». Австралию отличали высокий уровень потребления, низкий уровень сбережений, низкая конкурентоспособность, высокий дефицит платежного баланса, значительные размеры государственного долга, а большую часть ее экспорта составляли полезные ископаемые и сельскохозяйственная продукция. Я считал, что если австралийцы хотели завершить реструктуризацию экономики и конкурировать на мировом рынке, то проведение дополнительных реформ было неизбежно.

Редакция «Острэлиэн файнэншел ревю», которая пригласила меня на конференцию, позаботилась о широком освещении моих откровенных комментариев. Бульварная пресса была возмущена, но эта пресса сама являлась частью проблемы. Популярные средства массовой информации Австралии, включая Австралийскую радиовещательную корпорацию (Australian Broadcasting Corporation), которая в 1991 году показала телевизионный сериал о странах региона, изображали экономические достижения стран Восточной Азии как «адскую смесь

потогонных фабрик, секс-туризма и репрессивных режимов в странах „третьего мира“. Они полностью игнорировали реальность, которая состояла в том, что, например, растущее число жителей Тайваня возвращались домой после учебы и работы в Соединенных Штатах, привозя с собой американские знания и технологию, чтобы создавать на Тайване собственную „Кремниевую долину“ (Silicon Valley)».

Я ответил их средствам массовой информации, выступая в Австралийском национальном клубе прессы (Australian National Press Club) в Канберре. Австралийские средства массовой информации просто не проинформировали жителей страны о том, что регион, в котором проживало почти 2 миллиардами человек, сумел трансформировать себя из отсталой аграрной области в индустриальное, высокотехнологическое общество. Эти страны, включая Китай, ежегодно готовили миллионы инженеров и ученых. Научные исследования и разработки, проводимые в Японии, позволили японцам запустить спутники в космос и исследовать тайны геномной инженерии. Обо всех этих событиях в Австралии не сообщалось. Американские средства массовой информации, напротив, широко освещали индустриализацию и высокие темпы экономического роста в странах Восточной Азии. Несмотря на то, что австралийские ученые были хорошо осведомлены об этих процессах, широкая публика о них не знала. Это невежество делало трудным для любого австралийского правительства получить широкую поддержку населения для внесения изменений в экономическую и иммиграционную политику.

Вопрос о том, связана ли дальнейшая судьба Австралии с Азией, неожиданно вышел на первый план в ходе кризиса в Восточном Тиморе. Кризис был вызван драматическим заявлением министра иностранных дел Индонезии Али Алата, сделанным 27 января 1999 года, после заседания правительства под председательством президента Хабиби. На заседании было решено провести с народом Восточного Тимора «всенародное обсуждение», в ходе которого следовало определить, станет ли Восточный Тимор автономией или получит полную независимость. Это заявление изменило судьбу Восточного Тимора и привело к долгосрочным последствиям для Индонезии и Австралии. И австралийский министр иностранных дел Александр Довнер (Alexander Downer), и премьер-министр Джон Говард поддерживали хорошие отношения с президентом Хабиби. В отличие от Сухарто, Хабиби говорил по-английски и поддавался убеждению, особенно по проблеме Восточного Тимора.

Австралийские лидеры хотели избавиться от занозы, которую представляла собой проблема Восточного Тимора, портившая отношения между Австралией и Индонезией. Они предложили Хабиби «новокаледонский вариант». (В 1998 году французы предложили провести в своей колонии Новая Каледония референдум по вопросу о том, останется ли эта территория французской, или получит независимость после 15-летнего периода подготовки). Президент напомнил Ма Боу Тану (см. главу 17) как посол Австралии Джон Маккартни (John McCarthy) обсуждал с ним «новокаледонский вариант». Хабиби сказал Маккартни о своем несогласии предоставить Восточному Тимору 15-летний подготовительный период, в течение которого Индонезия продолжала бы поддерживать его экономически. Хабиби заявил: Если жители Восточного Тимора откажутся от предоставления статуса автономии, то им следует рассчитывать только на себя, Индонезия не собирается играть роль «богатого дядюшки». Хабиби сказал, что вслед за этим Говард прислал ему письмо, содержащее идеи, высказанные Хабиби, после чего, 21 января 1999 года, он набросал докладную записку ключевым министрам своего правительства. В ней он просил их изучить вопрос о том, будет ли целесообразно Народному консультативному собранию Индонезии позволить Восточному Тимору выйти из состава Республики Индонезия в достаточно цивилизованном порядке. Он приложил к своей записке письмо Говарда, в котором подчеркивалось, что общественность Восточного Тимора настаивала на проведении подобного акта самоопределения. Решение вопроса о предоставлении Восточному Тимору независимости или автономии заняло у Хабиби меньше недели. В мае в Нью-Йорке было подписано соглашение между Индонезией, Португалией и ООН о проведении референдума в Восточном Тиморе 8 августа 1999 года. В июне Совет Безопасности ООН принял резолюцию о направлении в Восточный Тимор Миссии помощи ООН в Восточном Тиморе (UN Assistance Mission to East Timor).

Тем не менее, в феврале 1999 года, вскоре после потрясающего заявления Али Алата, индонезийцы стали вооружать членов местной милиции, выступавших за сохранение

Восточного Тимора в составе Индонезии. Запугивание и убийства тех, кто выступал за независимость, стали повседневной практикой. Несмотря на все трудности, 30 августа Миссия помощи ООН все-таки провела референдум, в котором приняли участие почти все жители, имевшие право голоса. Когда 4 сентября были оглашены результаты референдума, и оказалось, что около 80 % избирателей проголосовало за независимость, Восточный Тимор превратился в настоящий ад. Страна подверглась систематическому, методическому опустошению, а ее население – изгнанию. 25,000 жителей сбежали в Западный Тимор, а остальные укрылись в горах.

Уступив колоссальному международному давлению, продолжавшемуся неделю, Хабиби пригласил для восстановления порядка международных миротворцев. Совет Безопасности ООН принял резолюцию о размещении на Восточном Тиморе многонациональных сил. Возглавлять эти силы пришлось, разумеется, Австралии. Австралийский порт Дарвин был ближайшей к Восточному Тимору базой для развертывания многонациональных сил. Австралийцы вновь столкнулись с тем, насколько эмоциональными были их соседи в Индонезии.

Публично правительство Индонезия заявило, что оно предпочло бы размещение на Восточном Тиморе войск стран АСЕАН. В частном же порядке, на более низком уровне, индонезийцы возражали против этого, намекая, что в этом случае были вполне возможны потери. Государственный секретарь США по вопросам обороны заявил, что США пошлют на Восточный Тимор только подразделения, занимающиеся обеспечением связи и тыла, но не боевые части. Возглавлять операцию пришлось Австралии. Не желая, чтобы эти силы рассматривались как армия, состоявшая из 4,000 белых австралийских солдат, поддержанных тысячей, главным образом, белых новозеландцев, Австралия обратилась за поддержкой к азиатским странам, в основном к странам АСЕАН. На встрече Азиатско-Тихоокеанского экономического совета в сентябре в Окленде, премьер-министр Австралии Джон Говард попросил об участии войск Сингапура в операции, и премьер-министр Го Чок Тонг согласился. Правительство Сингапура решило направить в Восточный Тимор военных врачей, военных наблюдателей, офицеров связи и тыла, и 2 десантных корабля, – всего 270 человек при населении 3 миллиона человек.

Через день после того, как ООН одобрила размещение международных сил в Восточном Тиморе, группа военнослужащих вооруженных сил Сингапура прибыла в Дарвин. Командующий миссией ВСС, полковник Нео Кيان Хон (Neo Kian Hong), вместе с командующим межнациональными силами генерал-майором Питером Косгроувом (Peter Cosgrove), вылетели в Дили (Dili), на Восточный Тимор, для встречи с представителями оперативного командования Индонезии по восстановлению порядка в Восточном Тиморе. Так что когда 20 сентября первая партия межнациональных сил прибыла в Дили, в группе Косгроува был и представитель Сингапура.

28 сентября 1999 года австралийский еженедельник «Буллетин» (Bulletin) написал: «Доктрина Говарда (премьер-министр сам ее так называет), заключается в том, чтобы Австралия играла в регионе роль „заместителя“ мирового полицейского – США». Это сообщение газеты вызвало немедленный ответ со стороны заместителя премьер-министра Малайзии Абдулы Лидавла (Abdullah Liadawl): «Нет никакой нужды в том, чтобы какая-либо страна играла роль лидера, командира или заместителя. Они (австралийцы) не считаются с нашими чувствами». Официальный представитель министерства иностранных дел Таиланда высказался более дипломатично, заявив, что было бы неприемлемо, если бы австралийцы назначили себя заместителями американцев по поддержанию безопасности в регионе. Напряженность стала спадать после того, как 27 сентября Говард заявил в парламенте, что Австралия не являлась заместителем США или любой другой державы, и что термин «заместитель» был придуман корреспондентом газеты «Буллетин».

Премьер-министр Малайзии Махатхир подлил масла в огонь во время своего участия во встрече Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, подвергнув критике действия австралийских войск как «чрезмерно властные», приведя в качестве примера действия австралийских военнослужащих, приставлявших дула автоматов к головам подозреваемых членов милиции. Он добавил: «Индонезия вложила в Восточный Тимор значительные средства, и международному сообществу следует позволить Индонезии использовать демократичные

методы правления и продемонстрировать жителям Восточного Тимора, что они могут извлечь пользу от интеграции в Индонезию». Лидер Восточного Тимора Жозе Рамос-Хорта (Jose Ramos-Horta), разделивший Нобелевскую премию мира (Nobel Peace Prize) с епископом Карлосом Бело (Carlos Belo), ответил, что Малайзия «очень плохо показала себя с точки зрения соблюдения прав человека в Восточном Тиморе. Ни у кого не получается наладить сотрудничество с командующим малайзийским контингентом. Это может привести к всеобщей компании гражданского неповиновения».

Этим заявлением Рамос-Хорта хотел отклонить предложение Генерального секретаря ООН о назначении представителя Малайзии командующим миротворческих сил ООН, которые должны были заменить межнациональные силы ООН в Восточном Тиморе в январе 2000 года. Он добавил: «Восточный Тимор не хочет быть частью АСЕАН, мы хотим быть частью Южно-Тихоокеанского форума». Лидеры Восточного Тимора пришли к выводу, что их наиболее надежным соседом являлась Австралия.

Австралия была втянута в конфликт в Восточном Тиморе. Во время Второй мировой войны австралийские войска, сражавшиеся там с японцами, получали помощь со стороны местного населения, которое японцы жестоко карали. Чувство вины австралийцев усугублялось тем, что премьер-министр Гаф Витлэм несколько раз встречался с Сухарто и согласился с его намерением оккупировать и аннексировать Восточный Тимор. (Индонезийцы говорили, что Витлэм даже поощрял Сухарто сделать это). В 1976 году, во время принятия резолюции ООН по Восточному Тимору, Австралия голосовала на стороне Индонезии. Сингапур тогда воздержался. Когда вслед за оккупацией, случившейся в 1975 году, последовали репрессии, бойцы сопротивления в Восточном Тиморе стали базироваться в Австралии. Этот очаг напряженности тлел на протяжении 24 лет.

Когда Пол Китинг встретился со мной в сентябре 1999 года, он предсказал, что Австралия окажется втянутой в продолжительный конфликт с Индонезией. Он добавил, что письмо, которое Говард направил Хабиби, могло разрушить те хорошие отношения с Индонезией, которые он кропотливо создавал. Эти отношения достигли своей наивысшей точки в 1995 году, когда Сухарто и он подписали пакт безопасности. Как он и предвидел, 16 сентября 1999 года, на следующий день после того, как Совет Безопасности ООН одобрил создание межнациональных сил для размещения в Восточном Тиморе, Индонезия разорвала пакт.

Развитие ситуации в Восточном Тиморе вдохновлялось австралийскими средствами массовой информации и общественностью, португальским правительством, заставлявшим Европейский Союз оказывать давление на Индонезию на каждой международной встрече, а также средствами массовой информации США, неправительственными организациями и деятелями Конгресса США. Они выступали с нападками на Индонезию на каждом международном форуме, что затрудняло ее положение. Хабиби полагал, что он сможет избавиться от этого груза с помощью своего предложения. Но ни Австралия, ни Европейский союз, ни США не требовали и не желали предоставления независимости Восточному Тимору. Хабиби не отдавал себе отчета в том, что индонезийские националисты никогда не простят ему предложения провести референдум, единственным результатом которого могло быть только провозглашение независимости Восточного Тимора.

Являлось ли предложение о самоопределении Восточного Тимора разумным или нет, Австралия поступила правильно, возглавив межнациональные силы ООН в Восточном Тиморе, чтобы прекратить совершавшиеся там зверства. В то время, как ни один азиатский лидер не выступил с поддержкой Австралии, все они понимали, что действия Австралии предотвращали дальнейшее ухудшение и без того катастрофической ситуации. Это была операция, которая дорого стоила Австралии в экономическом и политическом отношении. Ни одна страна региона, за исключением Австралии, не взялась бы за решение этой задачи. Если бы после того, как Австралия сыграла определенную роль в событиях, которые привели к референдуму о предоставлении независимости, она не повела себя подробным образом, это вызвало бы презрение к ней со стороны ее соседей. То, как твердо и спокойно генерал-майор Косгроув командовал межнациональными силами ООН в Восточном Тиморе, заслужило молчаливое одобрение многих лидеров региона. Как и ожидалось, толпы индонезийцев проводили ежедневные демонстрации у посольства Австралии в Джакарте. Граждан Австралии,

работавших в различных городах Индонезии, пришлось эвакуировать.

Я с замиранием следил за тем, как развивался кризис в Восточном Тиморе. Говард и Довнер основывали свою политику на действиях Хабиби, который стремился убедить народ Индонезии переизбрать его на пост президента, демонстрируя, что такие международные лидеры как Джон Говард высоко ценят его в качестве демократа и реформатора. Тем не менее, австралийские лидеры упустили из внимания те мощные силы, с которыми Хабиби должен был бороться: в Восточном Тиморе было более 5,000 могил индонезийских солдат; большие плантации кофе и других культур, разделенные на участки и переданных отставным офицерам вооруженных сил Индонезии; высокопоставленные офицеры вооруженных сил опасались, что провозглашение независимости Восточного Тимора может привести к подъему движений сепаратистов в Аче и других провинциях. Хабиби не мог уступить Восточный Тимор без серьезных последствий для себя.

Я подозревал, что милиция попытается повлиять на голосование, используя любые методы, но я никогда не думал, за две недели, прошедшие между обнародованием результатов референдума и прибытием сил ООН, они так систематически опустошат страну. Для вооруженных сил Индонезии потворствовать милиции не имело смысла, но в том, что произошло в Восточном Тиморе, вообще многое не имело смысла, поэтому Сингапур, как и другие страны АСЕАН, предпочитал стоять в стороне от проблем Восточного Тимора.

Когда Абдурахман Вахид стал кандидатом в президенты, 13 октября он заявил, что Австралия «плюнула нам в лицо» и предложил заморозить отношения с Австралией. Через десять дней после его избрания президентом он сказал: «Если Австралия хочет, чтобы 210-миллионный народ Индонезии принял ее, мы примем ее с открытым сердцем. Если они хотят отгородиться от нас, – так тому и быть». Посол Австралии напряженно работал над тем, чтобы сделать риторику более умеренной, но до того как отношения станут такими, какими они были до кризиса в Восточном Тиморе, потребуется еще некоторое время.

В ходе азиатского кризиса австралийцы прошли крещение огнем. Премьер-министр Джон Говард мог не вполне понимать, сколь опасно иметь дело с таким промежуточным президентом как Хабиби, но, когда настал решающий момент, Говард действовал так, как следовало действовать премьер-министру Австралии. Заручившись сильной поддержкой австралийских средств массовой информации и общественности, он послал австралийские войска во главе межнациональных сил ООН в Восточный Тимор, несмотря на угрозы со стороны членов милиции о возможности жертв среди австралийцев. Эти события с очевидностью подтвердили, что судьба Австралии больше связана с Азией, чем с Англией или Европой.

Моя первая встреча с Гафом Витлэмом в качестве премьер-министра Австралии произошла на встрече руководителей стран Британского Содружества наций в 1973 году в Оттаве. Витлэм был красивым человеком, очень заботившимся о своем внешнем виде. Он был сообразителен, но вспыльчив, а его остроумные ответы бывали импульсивны. Витлэм гордо заявил собравшимся лидерам, что он изменил жесткую иммиграционную политику Австралии и больше не станет требовать от жителей стран Азии, получивших образование в австралийских университетах, покидать страну после их окончания. Я критиковал его за это, указывая, что Австралия принимала только квалифицированных и получивших образование жителей Азии, что создавало серьезную проблему «утечки мозгов» для Сингапура и его бедных азиатских соседей. Витлэм был разъярен.

В весьма эффектной манере он также заявил об изменении направленности австралийской внешней политики и стремлении стать «хорошим соседом» в регионе и «хорошим другом» афро-азиатских стран. Я бросил вызов его заявлениям и привел в качестве примера установление квот на импорт рубашек в Австралию и ограничения на полеты «Сингапур эйрлайнз». Он принял это как личное оскорбление, и его ответы стали язвительными. Витлэм был новичком на встрече, где присутствовало немало моих старых друзей: премьер-министр Великобритании Тэд Хит, Канады – Пьер Трюдо, Новой Зеландии – Норман Кирк, Танзании – Джулиус Ньерере, Барбадоса – Эррол Барроу (Errol Barrow). Они высказались в поддержку моей точки зрения. Одним из последствий этого было то, что премьер-министр Новой Зеландии Норман Кирк, при поддержке Западного Самоа (Western Samoa), Тонга (Tonga) и Фиджи (Fiji) стал говорить от имени стран Южно-Тихоокеанского региона.

После этого Витлэм выступил с публичными нападка на меня. Он заявил, что, поскольку в Сингапуре проживало значительное число этнических китайцев, то советские корабли не станут заходить в Сингапур. Советский Союз немедленно направил на ремонт в Сингапур четыре советских плавбазы, чтобы проверить, являлись ли мы китайцами или сингапурцами. Я ответил, что Витлэму не следовало снова провоцировать Советский Союз, иначе в следующий раз они прислали бы в Сингапур ракетный крейсер или атомную подлодку.

Когда я вернулся в Сингапур из Токио, я узнал, что представитель Австралии в ООН попросил верховного комиссара ООН по делам беженцев заставить нас разрешить примерно 8,000 вьетнамских беженцев, которые прибыли на лодках, сойти на берег в Сингапуре по соображениям гуманности. На следующий день, 24 мая 1973 года, я пригласил посла Австралии в Сингапуре, чтобы заявить ему, что это было весьма недружественным актом по отношению к Сингапуру. Если бы беженцы сошли на берег, мы уже никогда не смогли бы заставить их покинуть Сингапур. Он объяснил, что из 8,000 беженцев Австралия была готова принять примерно 65 человек, которые получили образование в Австралии. Но отобрать тех 65 или 100 человек, которых Австралия готова была принять, они смогли бы только на берегу. Я спросил его, что случилось бы с оставшимися людьми, которые сошли бы на берег, а потом отказались бы вернуться на суда. В ответ он что-то невнятно пробормотал. Я сказал ему, что австралийское правительство было настроено недружелюбно по отношению к Сингапуру. На приеме в Канберре премьер-министр Австралии несправедливо упрекнул второго секретаря нашего посольства за наше отношение к беженцам. Я не считал Витлэма пострадавшей стороной, был готов предать гласности его маневры и разоблачить его лицемерную позицию по отношению к африканцам и азиатам. Посол Австралии в Сингапуре в замешательстве покрылся испариной. Мы не разрешили беженцам сойти на берег, Сингапур принял только 150 рыбаков и членов их семей, остальные отправились в Индонезию, а некоторые – в Австралию.

Это было очень напряженное время и для Австралии, и для Сингапура, иначе подобный «обмен любезностями» был бы невозможен. Вывод американских войск из Вьетнама и массовое бегство вьетнамцев на судах были драматическими событиями. Когда в ноябре 1975 года генерал-губернатор Австралии отправил Витлэма в отставку по обвинению в нарушении конституции и поручил Малкольму Фрейзеру сформировать переходное правительство для проведения всеобщих выборов, которые Фрейзер уверенно выиграл, мы вздохнули с облегчением.

Малкольм Фрейзер был огромным даже для австралийца. Я близко познакомился с ним, когда он был министром обороны в правительстве Гортон. Когда в середине января 1976 года мы встретились с ним в Куала-Лумпуре на похоронах Тун Разака, я воспользовался этой возможностью, чтобы обсудить с ним проблему размещения австралийских войск на Малайском полуострове и в Сингапуре. Он сказал, что о выводе войск не могло быть и речи. Он решил оставить эскадрилью самолетов «Мираж» (Mirage) и «Орион» (Orion) в Баттеруэрте (Butterworth). Его твердый подход к обеспечению безопасности и стабильности в регионе и его решимость не сдавать позиции меня обнадежили.

Фрейзер встретился с премьер-министром Махатхиром в 1982 году. Махатхир сказал, что, поскольку министр иностранных дел Вьетнама Нгуен Ко Тач (Nguyen Co Thach) открыто заявил, что Вьетнам предоставит базы советским войскам, если в этом возникнет необходимость, то со стороны Малайзии было бы глупо ликвидировать иностранные военные базы на своей территории. Он сказал, что, если австралийцы хотели оставить свои войска в Малайзии, то для Малайзии это являлось вполне приемлемым, но если они хотели вывести свои войска, то Малайзия ничего не могла с этим поделать. Фрейзер остался этим доволен, и австралийские самолеты остались в Баттеруэрте.

Взгляды Фрейзера были консервативными, но он не сумел исправить тот ущерб, который нанес Витлэм менее чем за три года своего правления, последовательно проводя политику «государство благосостояния», которая впоследствии легла тяжелым бременем на бюджет Австралии. Мы подружились и продолжали оставаться друзьями, хотя я и не соглашался с его протекционистской экономической политикой. Он отказывался открыть экономику страны для конкуренции, что в итоге защищало австралийских рабочих за счет потребителей. В конечном счете, лейбористским правительствам в конце 80-ых и 90-ых годах пришлось столкнуться с

трудной задачей постепенной ликвидации убыточных отраслей промышленности и отмены ограничений на импорт.

Когда в марте 1983 года лейбористская партия Австралии победила на всеобщих выборах, я опасался, что мы снова столкнемся с теми же проблемами, которые существовали в наших отношениях с Витлэмом. Но Боб Хоук был человеком совершенно иного склада, а руководство лейбористской партии сделало выводы из перегибов, допущенных во время правления Витлэма. Хоук рассуждал правильно, намеревался предпринять верные шаги, но всякий раз, отбирая какие-то льготы у одной отрасли экономики, он предоставлял субсидии какой-нибудь другой отрасли. Хоук был вторым по длительности пребывания на своем посту премьер-министром в истории Австралии. Он умел хорошо подать себя и свои доводы, и всегда очень заботился о том, как он выглядит на телеэкране.

Хоук осуществил вывод одной из двух эскадрилий самолетов «Мираж», но отложил решение о выводе второй эскадрильи. В марте 1984 года он принял решение о постепенном сокращении числа самолетов в оставшейся эскадрилье в течение 1986–1988 годов. Мне удалось убедить его осуществлять ротацию самолетов «Ф-18», дислоцировавшихся на базе в Дарвине, и ежегодно перебазировать их в Малайзию на 16 недель. Эта договоренность остается в силе и по сей день. Сохраняя свое присутствие в Баттеруэрте до 1988 года, австралийцы вносили вклад в обеспечение безопасности Малайзии и Сингапура, что создавало условия для поддержания стабильности и экономического роста в регионе на протяжении более 30 лет. После расовых волнений в Сингапуре в 1964 году и в Куала-Лумпуре в 1969 году австралийцы опасались оказаться вовлеченными в столкновения между Сингапуром и Малайзией или в конфликт между Индонезией, Малайзией и Сингапуром. К 1988 году австралийцы пересмотрели свои взгляды в сфере обороны, они больше не считали риск подобных конфликтов высоким и считали выгодным для себя, со стратегической и политической точки зрения, сохранять свое военное присутствие в регионе в рамках ОСПД.

Оглядываясь назад, я должен сказать, что из всех премьер-министров Австралии наилучшее впечатление на меня произвел Боб Мензис. Возможно, так случилось, потому что тогда я был моложе, и на меня было легче произвести впечатление. На встрече премьер-министров стран Британского Содружества наций в сентябре 1962 года в Лондоне я наблюдал за его виртуозной работой. Он имел солидный, начальственный вид, громкий голос; большая голова, покрытая седеющими волосами с густыми бровями и румяным выразительным лицом, была посажена на пышную широкую фигуру. От него исходила уверенность и властность поколения, преданного королю и империи. Когда же, несмотря на все его усилия, Великобритания все же решила вступить в «Общий рынок», он понял, что мир необратимо изменился, и чувства и родственные связи больше не могли перевесить собой геополитические и геоэкономические реалии пост имперского мира.

Другим впечатляющим австралийским лидером был Пол Хаслук (Paul Hasluck), министр иностранных дел (в 1964–1969 годах), который позднее стал генерал-губернатором (в 1969–1974 годах). Он был спокойным, уравновешенным, сдержанным, начитанным и хорошо информированным политиком. Я встретил его во время моего первого визита в Австралию в 1965 году, когда он входил в кабинет Мензиса. Я часто встречался с ним и когда Сингапур оказался вовлеченным в «конфронтацию» с Индонезией, и позднее, когда Великобритания объявила о выводе войск из Сингапура. Хаслук направлял внешнюю политику Австралии твердой и ловкой рукой, — он не желал бросать Малайзию и Сингапур, но проявлял осторожность, чтобы не испортить отношений с Индонезией, не дать ее руководству почувствовать, что, как он выражался, «против них сколачивают банду».

Связи Сингапура с Новой Зеландией, как и с Австралией, первоначально осуществлялись через Великобританию. Так как Новая Зеландия расположена на большом удалении от Азии, во время Второй мировой войны новозеландцы не чувствовали себя в опасности из-за возможного японского вторжения и относились к азиатам с меньшей подозрительностью. Они приняли у себя часть вьетнамских беженцев и с меньшим беспокойством относились к перспективе того, что на них хлынет поток беженцев в лодках. К 90-ым годам, после того как они столкнулись с растущей иммиграцией из стран Азии, эта позиция изменилась.

Во время моего первого визита в Новую Зеландию в апреле 1965 года я был удивлен тем,

до какой степени все их манеры и привычки напоминали британские. Я останавливался в небольших отелях, в которых горничные все еще носили передники, точно как английские горничные сразу после войны, и приносили «утренний чай» перед завтраком. Акцент жителей Новой Зеландии также больше походил на британский. Их поведение было более вежливым и сдержанным, в нем было меньше австралийского панибратства. Страна была зеленой, в отличие от коричневой и пыльной Австралии. На протяжении многих лет младшие отпрыски дворянских родов, не унаследовавшие имущества своих отцов в Англии, уезжали в Новую Зеландию, где становились владельцами огромных ферм, на которых они выращивали пшеницу и разводили овец и крупный рогатый скот для экспорта на родину. Этот добропорядочный образ жизни позволял им поддерживать благосостояние на высоком уровне. Новая Зеландия создала высокоразвитую систему социального обеспечения, а уровень жизни ее жителей до Второй мировой войны был одним из самых высоких в мире. После войны они разбогатели.

Новозеландцы придерживались образа жизни, основанного на развитии сельского хозяйства, несколько дольше, чем следовало. Австралия провела индустриализацию, Новая Зеландия – нет. В результате, многие яркие, честолюбивые молодые люди уехали в Австралию, Великобританию и Америку. В 80-ых годах Новая Зеландия решила изменить стратегию экономического развития и создать такие условия для талантливых молодых людей, которые удерживали бы их от эмиграции. Они также привлекали высокообразованных иммигрантов из стран Азии и в широких масштабах развивали индустрию туризма, рекламируя красоту своих сельских ландшафтов. Это была запоздалая попытка включиться в международную конкуренцию.

Одним из премьер-министров Новой Зеландии, находившихся у власти продолжительное время, был Кит Холиоук. Я впервые встретился с ним в 1964 году, в аэропорту Сингапура, когда город еще входил в состав Малайзии. Он был крепким человеком, с глубоким сильным голосом, раздававшимся из широкой, мощной груди. Холиоук был очень простым человеком безо всяких претензий, – он был фермером и гордился этим. Он не строил из себя интеллектуала, но обладал здравым смыслом, что, видимо, и позволило ему победить на четырех выборах подряд и занимать должность премьер-министра с 1960 по 1972 год. Он мне нравился, я уважал его за честность и убедился, что под давлением он сохранял невозмутимость и спокойствие.

После того как секретарь Британского Содружества наций Джордж Томсон встретился со мной в Сингапуре в 1967 году, чтобы сообщить мне о решении Вильсона вывести британские войска из Сингапура, я позвонил Холиоуку. Это было в ноябре, в Новой Зеландии стояло лето. Он сказал мне, что не думает, чтобы британцы изменили свое решение, – он уже пробовал их уговорить. Он пожелал мне удачи в моих попытках выиграть время. В завершении разговора он сказал: «Я сейчас в своем загородном доме на озере Таупо (Taupo). Сегодня солнечный день, здесь тихо и красиво. Вы должны приехать сюда в отпуск, чтобы отдохнуть от своей работы». Там, далеко, в южной части Тихого океана, он по-иному воспринимал опасность. Много лет спустя я принял его приглашение: в особняке Хука (Huka Lodge) у озера Таупо действительно было очень тихо.

Когда Норман Кирк стал лейбористским премьер-министром Новой Зеландии, мы встретились на конференции стран Содружества в Оттаве в 1973 году. Среди участников конференции он выделялся своей искренностью, прямоотой и серьезностью. По пути в Новую Зеландию в декабре 1973 года он посетил Сингапур. Однажды вечером, на закате, мы сидели на лужайке перед домом в Шри Темасек и обменивались мыслями о будущем. Было очевидно, что война во Вьетнаме приближалась к печальной развязке. Я спросил его, как он, со стороны, оценивал перспективы сохранения стабильности и развития Сингапура, а в чем усматривал источники потенциальной опасности. Он дал прямой и содержательный ответ. По его словам, Новая Зеландия являлась «странным посторонним человеком» (strange man out) – богатой, белой, демократической страной. Сингапур тоже был «странным человеком» (strange man in), – полностью западным, демократическим городом, который находился в самом центре Юго-Восточной Азии и был уникален. Успех Сингапура представлял собой главный источник опасности, которой он подвергался извне.

У нас сложились хорошие отношения, и мне было очень грустно, когда несколько месяцев

спустя, в августе 1974 года, он умер. Больше чем через 20 лет после того, как он сказал это, в 1996 году, Австралия и Новая Зеландия выразили желание участвовать в Азиатско-Европейской встрече глав правительств в Бангкоке на стороне азиатских стран. Премьер-министр Малайзии Махатхир возразил против этого, заявив, что они не являлись частью Азии. Это было его подсознательной реакцией, которую не разделяло большинство лидеров, участвовавших во встрече. Я думаю, что в скором времени географическая и экономическая логика преодолеют старые предрассудки, и Австралия и Новая Зеландия станут участниками этой конференции.

В декабре 1975 года Роберт Малдун (Robert Muldoon) одержал победу на выборах, после чего он оставался на посту премьер-министра до 1984 года. Он был тучным человеком с большой лысой головой. Выражение его лица было задиристым, что соответствовало его бойцовскому темпераменту. Он противопоставлял Новую Зеландию Австралии и обменивался словесными ударами со своими австралийскими коллегами, – Малкольмом Фрейзером и Бобом Хоуком, – чтобы напомнить им, что Австралии не стоило воспринимать особые отношения с Новой Зеландией как нечто самой собой разумеющееся.

Он хотел отделить спорт от политики и настойчиво защищал сборную Новой Зеландии по регби, которую критиковали за то, что она играла со сборной командой Южной Африки и принимала ее в Новой Зеландии. К его удивлению, в Новой Зеландии приезд южноафриканской команды сопровождался бурными протестами. На протяжении следующих нескольких лет я наблюдал за тем, как, встречаясь с руководителями стран Содружества наций, он постепенно понял, что, продолжение такой политики привело бы к международной изоляции Новой Зеландии. Поэтому на встрече, проходившей в 1977 году в Лондоне, после упорной защиты своей позиции, он поддержал декларацию, призывавшую к бойкоту режима апартеида в Южной Африке в области спорта. Игра не стоила свеч. Малдун не скрывал своих чувств, – в 1979 году он был одним из немногих руководителей на встрече стран Содружества наций в Лусаке, кто симпатизировал взглядам Тэтчер на отношения с Родезией и Южной Африкой. Тем не менее, он раньше Тэтчер увидел, что ход истории поворачивается против владычества белых в Африке. В отличие от Витлэма, Малдун никогда не старался представить себя белым афро-азиатом. Вместо этого он концентрировал свое время и ресурсы на островах южной части Тихого океана. Он был дипломированным бухгалтером, его голова была хорошо приспособлена для работы с цифрами и мелкими деталями. Его анализ экономических проблем звучал жестко, но он становился мягким, когда дело доходило до воплощения политики в жизнь. Когда цены на сельскохозяйственную продукцию упали, он принял меры для их поддержания. Когда промышленность Новой Зеландии столкнулась с трудностями, он усилил протекционистские меры по ее защите.

Тем не менее, уже его преемнику по лейбористской партии, Дэвиду Ланге (David Lange), пришлось начать трудный процесс уменьшения субсидий, болезненно воспринятый теми, кого они поддерживали. Ланге был необычным человеком – среднего роста, но весьма широким в обхвате. Он был легок в общении, быстро соображал и обладал хорошей памятью. Вскоре после того, как он победил на выборах в 1984 году, он посетил Сингапур по пути в Африку, где собирался провести переговоры об увеличении торговли с африканскими странами. Я выразил сомнения по поводу того, что это ему удастся. Он упрекнул меня за мой скептицизм, но позднее признал, что я был прав. Он обладал хорошим чувством юмора и заразительно смеялся.

Когда в 1972 году австралийцы объявили о выводе своего батальона из Малайзии в 1973 году, Новая Зеландия решила оставить свой воинский контингент, который оставался там на протяжении еще 17 лет. Новозеландцы были выносливы, чем заслужили прозвище «южнотихоокеанские гурки». Тем не менее, в июле 1984 года, когда на выборах победил Ланге и его лейбористская партия, политика Новой Зеландии радикально изменилась. Его партия заняла антиядерную позицию и стала бороться за создание в Тихом океане безъядерной зоны. Они были готовы поставить под сомнение оборонительный союз АНЗЮС с США, отказывая любому кораблю с ядерным двигателем или с ядерным оружием на борту входить в территориальные воды Новой Зеландии или в ее порты, чем они практически блокировали деятельность ВМС США. Это было разительной переменой по сравнению с их традиционной позицией. В октябре того же года, когда я встретился с Ланге в Сингапуре, я сказал ему, что атомные корабли часто проходили через Малакский пролив и Сингапурский пролив. Мы

отдавали себе отчет в том, что имелся риск ядерного инцидента, но понимали и то, что американское военно-морское присутствие обеспечивало стабильность в регионе на протяжении 30 лет. Я не убедил его, ибо для него и его партии безъядерный мир являлся единственной дорогой к безопасному будущему.

В 1986 году в Канберре Боб Хоук попросил меня убедить Ланге в том, что АНЗЮС в наилучшей степени отвечал долгосрочным интересам Новой Зеландии. Когда я посетил Веллингтон (Wellington), я снова доказывал Ланге, что его антиядерная политика была чрезмерно осторожной, но он не изменил своего мнения. Тогдашний лидер оппозиции Джим Болгер (Jim Bolger), напротив, согласился со мной, что такие маленькие страны как Сингапур и Новая Зеландия могли бы маневрировать и успешно развиваться только в том случае, если бы Соединенные Штаты продолжали поддерживать баланс сил в мире. Он добавил: «Антиядерная позиция Новой Зеландии только ускорит разрушение этого баланса». Тем не менее, когда в ноябре 1990 года он стал премьер-министром, общественное мнение сделало изменение этой политики невозможным для него, – новозеландцы решили на время отойти от проблем окружающего мира.

Являясь лейбористским премьер-министром, Ланге инстинктивно чувствовал, что ему следовало бороться за интересы низших классов. Тем не менее, в том, что касалось проведения экономических реформ и перехода к рыночной экономике, он поддавался убеждению, ибо его министр финансов, Роджер Дуглас (Roger Douglas), был убежденным сторонником свободного рынка и оказывал влияние на премьер-министра во время первого срока пребывания у власти.

Несмотря на это, во время второго срока пребывания у власти Ланге, под давлением министров своего правительства и коллег по партии, отказался от проведения наиболее непопулярных реформ. Это задержка продлила агонию новозеландских фермеров, производителей и потребителей.

В декабре 1984 года, безо всяких предварительных консультаций, Ланге объявил об отмене специального статуса для товаров сингапурского экспорта, которым они обладали благодаря Генеральной схеме льгот (ГСЛ – General Scheme of Preferences). В этом Новая Зеландия опередила Америку и Европейское сообщество. Наш министр иностранных дел пояснил ему, что, несмотря на то, что наши потери из-за утраты этого статуса в Новой Зеландии были бы минимальными, Сингапур серьезно пострадал бы, если бы примеру Новой Зеландии последовали американцы и европейцы. Ланге согласился с этими аргументами и восстановил специальный статус для сингапурских товаров.

Не обладая большими запасами золота, алмазов, угля, урана и других полезных ископаемых, которые обеспечивают австралийцам комфортную жизнь, новозеландцы не имеют ментальности жителей «страны – счастливчика». Когда в 80-ых годах цена экспортируемого продовольствия упала, Ланге и Дуглас уменьшили субсидии, выделявшиеся фермерам, что сделало экономику Новой Зеландии более конкурентоспособной. Большой заслугой премьер-министра Джима Болгера (Jim Bolger) является то, что, после возвращения его Национальной партии (National Party) к власти в 1990 году, он продолжил эту политику либерализации.

Я никогда не спорил ни с одним новозеландским лидером, даже с Бобом Малдуном, который в ходе дискуссии бывал горяч и агрессивен. На своем собственном опыте я убедился, что на новозеландцев можно положиться, – это люди, которые держат свое слово.

Глава 25. Лидеры и легенды Южной Азии

Молодым студентом я восхищался Неру (Nehru) и его целью построения светского, многонационального общества. Подобно большинству националистов из британских колоний, я читал его книги, написанные в течение долгих лет пребывания в британских тюрьмах, особенно его письма к дочери. Они были изящно написаны, а его взгляды и чувства резонировали с моими. Вместе с другими социал-демократами 50-ых годов я интересовался тем, кто станет для нас моделью развития: Индия или Китай. Мне хотелось бы, чтобы в этом состязании победила демократическая Индия, а не коммунистический Китай. Тем не менее, несмотря на достижения «зеленой революции», из-за быстрого прироста населения уровень и качество жизни в Индии

оставались низкими.

Я впервые посетил Дели (Delhi) в качестве премьер-министра в апреле 1962 года. Встреча с Пандитом Джавахарлалом Неру (Pandit Jawaharlal Nehru) состоялась в его доме. Это была бывшая резиденция одного из британских военачальников, – красиво спланированный двухэтажный дом с широкими верандами и просторным двором. Мы беседовали полчаса.

Во время обеда мы разместились за длинным столом, вероятно, унаследованным от англичан. Каждому гостю вместо тарелки был подан большой серебряный поднос, на который накладывалась пища из широкого ассортимента поданных к обеду блюд: риса, карри, овощей, мяса, рыбы, рассолов и приправ. Было необычно, что все ели руками, – ни Чу, ни я никогда в этом не практиковались. В то время как хозяева аккуратно брали пищу кончиками пальцев, мы рылись в своей еде запачканными соусом руками и выглядели очень неопрятно. Я почувствовал большое облегчение, когда подали серебряные чашки с водой и кусочками лимона, чтобы помыть засаленные пальцы перед десертом, который был восхитителен. Сидя напротив меня, Неру заметил испытываемое нами затруднение. Я объяснил, что, кроме палочек для еды, мы обычно пользовались вилками и ложками. К счастью, во время других приемов пищи в Дели нам подавали столовые приборы.

Неру заинтересовался тем, что я ему рассказал, и он пригласил меня еще раз встретиться с ним на следующий день. Мы проговорили в течение полутора часов. Я рассказал ему о демографическом составе населения Сингапура и Малайи, и о том влиянии, которое имели на население полуострова коммунисты. Это было результатом огромных успехов, достигнутых коммунистами Китая в преобразовании страны из коррумпированного, декадентского общества в дисциплинированное, чистое, динамичное, даже если и слишком уж регламентированное государство. Тем не менее, я считал, что коммунизм совершенно не подходит для стран Юго-Восточной Азии. Кроме того, независимый Сингапур оказался бы в катастрофическом положении из-за той враждебности, которую бы испытывали по отношению к нам наши соседи: малайцы в Малайе и яванцы и другие народы малайской расовой группы в Индонезии. Поэтому я считал, что наилучшим решением было бы объединение Сингапура с Малайей и Борнео. Тунку не хотел объединяться только с Сингапуром, – в этом случае, число китайских избирателей было бы равным числу избирателей – малайцев. Неру был приятно удивлен, встретив в моем лице китайца, столь решительно настроенного не допустить установления контроля коммунистов и Пекина над Сингапуром.

Я вновь посетил Неру в 1964 году, когда остановился в Дели, возвращаясь из своего турне по Африке. Утомленный человек со слабым голосом, с трудом сидевший на диване, был тенью прежнего Неру. Ему было сложно сосредоточиться. Нападение Китая на Индию через Гималаи нанесло удар по его надеждам на развитие афро-азиатской солидарности. Я покинул встречу опечаленный. Он умер через несколько месяцев, в мае.

Мои встречи с Неру в 60-ых годах позволили мне наладить контакты с его дочерью, – Индирой Ганди (Indira Gandhi). Когда Сингапур провозгласил независимость, мы попросили индийское правительство помочь Сингапуру вступить в афро-азиатские организации, и их дипломатические миссии оказали нам огромную помощь. В следующем году я посетил Индию, чтобы поблагодарить Индиру Ганди и заинтересовать ее правительство в развитии сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии. Молодая, энергичная и оптимистично настроенная Индира Ганди встретила меня в аэропорту в сопровождении почетного караула и отправилась вместе со мной в бывшую резиденцию вице-короля Индии, переименованную в «Раштрапати Бхаван» (Rashtrapati Bhavan).

К концу моего трехдневного визита, состоявшегося в 1966 году, у нас установились откровенные и дружеские отношения. Индира Ганди поделилась со мной, как сложно ей было работать с правительством, министров которого она не выбирала. Каждый министр гнул свою собственную линию. Наиболее влиятельные политики партии Индийский национальный конгресс (Congress Party) назначили Индиру Ганди на пост премьер-министра, пытаясь цинично использовать образ Неру на следующих всеобщих выборах. Несмотря на это, я полагал, что если бы ей удалось победить на выборах с достаточным перевесом, то она стала бы управлять страной по-своему.

Было грустно наблюдать за постепенным упадком страны, что было заметно даже по

резиденции «Раштрапати Бхаван». Посуда и столовые приборы были в ужасном состоянии: во время обеда один из ножей сломался у меня в руке, и чуть не отскочил мне в лицо. Кондиционеры, которые производились в Индии уже на протяжении многих лет, работали шумно и безрезультатно. Прислуга, одетая в красно-белую форму, убрала алкогольные напитки со столов в нашей комнате. Большую часть недели в Дели действовал «сухой закон». Однажды, возвращаясь после приема в «Раштрапати Бхаван», устроенного в нашу честь послом Сингапура, я вошел в лифт вместе с двумя индийскими атташе дипломатического корпуса, одетых в великолепные мундиры. Они стояли с заложенными за спину руками. Когда я выходил, то заметил, что они держали в руках какие-то бутылки. Я спросил об этом своего секретаря, который объяснил, что это были бутылки шотландского виски. Стало обычным делом раздавать на приемах, устраиваемых нашим посольством, шотландский виски «Джонни Уолкер» (Johnnie Walker) всем заслуживавшим внимания гостям, так что каждый атташе дипломатического корпуса получал по две бутылки. Их нельзя было купить в Индии, потому что импорт виски был запрещен. Политические лидеры лицемерно демонстрировали показной эгалитаризм, нося домотканую одежду, чтобы продемонстрировать свою близость к бедным, а сами одновременно потихоньку накапливали богатства. Это подрывало мораль административной элиты, как гражданской, так и военной.

Несколько дней пребывания в «Раштрапати Бхаван» и состоявшиеся встречи с высшими лидерами страны на приемах и различных заседаниях отрезвили меня. Посещая Индию в 1959–1962 годах, когда у власти был Неру, я думал, что Индия станет процветающим обществом и великой державой. Но к концу 70-ых годов я изменил свое мнение и считал, что, благодаря своим размерам, Индия могла стать великой военной державой, но отнюдь не экономически процветающим государством из-за удушающей индийской бюрократии.

Индийские официальные лица были более всего заинтересованы в подписании совместных коммюнике, в которых Сингапур должен был присоединяться к Индии в выражении беспокойства «по поводу серьезной угрозы миру в целом, и странам Юго-Восточной Азии в частности, в результате продолжающегося конфликта во Вьетнаме». Индийская политика неприсоединения склонялась в сторону Советского Союза, — это было ценой за регулярные поставки советского оружия и военной технологии.

Индира Ганди посетила Сингапур два года спустя, в мае 1968 года. В ходе всестороннего обмена мнениями я пришел к выводу, что у Индии не было средств для усиления своего влияния в Юго-Восточной Азии. Тем не менее, во время моего визита в Индию в 1970 году, я спросил ее, не намеревалась ли Индия усилить свою военно-морскую активность в Юго-Восточной Азии. Присутствовавший на встрече министр иностранных дел Индии Сваран Сингх (Swaran Singh) вмешался и сказал, что Индия была заинтересована в развитии экономических связей, но ее более всего беспокоило обеспечение безопасности западных морских путей. Я почувствовал, что главным источником военной угрозы индийцы считали Пакистан, опасаясь формирования военного союза между США, Китаем и Пакистаном.

Когда в 1977 году премьер-министром Индии стал Мораджи Десаи (Moradji Desai), я вскоре наладил с ним связи. Я познакомился с ним в 1969 году, когда он был заместителем премьер-министра Индии. Во время Лондонской конференции стран Британского Содружества наций в июне 1977 года я обедал с ним в резиденции посла Индии. Ему было за восемьдесят, и он строго придерживался вегетарианской диеты, включавшей только сырые орехи, фрукты, овощи, какая-либо приготовленная пища исключалась. Его обед в тот день состоял из изюма и орехов. К лежавшим перед ним шоколадным конфетам он даже не притронулся. Его посол не знал об этой строгой диете, ибо даже молоко должно было браться только непосредственно от коровы. И действительно, на региональной конференции стран Британского Содружества наций в Сиднее, проходившей в следующем году, премьер-министр Австралии Малкольм Фрейзер позаботился о том, чтобы иметь под рукой молочную корову. Десаи уверял меня, что того, что он ел, было вполне достаточно, и что вегетарианцы являются долгожителями. Он подтвердил этот тезис, прожив 99 лет. У него было специфическое чувство юмора и богатая память, но некоторые его идеи были довольно необычны. В декабре 1978 года, беседуя со мной в автомобиле по пути из аэропорта Дели в «Раштрапати Бхаван», он сказал, что тысячи лет назад индусы совершили космические полеты и посетили планеты, к которым американцы как раз

запускали тогда космические аппараты. Наверное, у меня было довольно скептическое выражение лица, ибо он подчеркнул: «Да, это – правда. Это – реинкарнация. Так записано в „Бхагавадгите“ (Bhagavad Gita)».

Индира Ганди проиграла на выборах 1977 года, но вернулась к власти в 1980 году. Когда я встретил ее на региональной встрече руководителей стран Содружества наций в Дели в сентябре 1980 года, она выглядела уже не такой энергичной. На основных направлениях внешней политики индийская политика пробуксовывала. Союз Индии с Советским Союзом не позволял наладить тесное сотрудничество с США и странами Европы. Из-за этого, а также из-за преобладания неэффективных государственных предприятий, слабости частного сектора, незначительных иностранных инвестиций, – экономика Индии хромала. Единственным ее достижением было то, что Индии удавалось прокормить население, которое росло быстрее, чем в Китае.

Когда в 1980 году Индия стала потворствовать вьетнамской оккупации Кампучии, признав установленный там режим, мы стали противниками на международных конференциях. Мы занимали противоположные позиции по данной проблеме, которая была критически важной для мира и стабильности в Юго-Восточной Азии. На встрече руководителей стран Содружества наций в Нью Дели в том же году Индира Ганди, будучи председателем конференции, в своей вступительной речи выступила против осуждения вооруженной интервенции. Я спокойно высказал противоположное мнение: вьетнамская и советская оккупация Камбоджи и Афганистана соответственно формировали новую доктрину оправданной интервенции, которая не подпадала под рамки, установленные Хартией ООН, создавая прецедент для открытой вооруженной интервенции. При составлении коммюнике наши официальные лица спорили до бесконечности. Согласованный проект документа не упоминал о Советском Союзе или Вьетнаме как агрессорах, но призывал оказывать политическую поддержку борьбе за независимость и суверенитет Афганистана и Кампучии. В своей заключительной речи Индира Ганди пообещала, что Индия приложит все усилия, чтобы убедить политиков (в Москве) вывести войска из Афганистана. Что же касается Кампучии, то Индия признала установленный там режим ввиду того, что он контролировал все провинции страны, что являлось «одной из обычных форм дипломатического признания правительства».

Когда она прислала мне приглашение посетить седьмую встречу неприсоединившихся стран в Дели, намеченную на март 1983 года, я отказался, написав в ответе: «Стремясь обеспечить подлинное единство, Движение неприсоединения не может оставаться безразличным к недавним нарушениям основных принципов национальной независимости, территориальной целостности и суверенитета, в особенности стран – членов движения...»

Тем не менее, я посетил общую, а не региональную встречу глав государств Содружества наций, проходившую в Дели в ноябре 1983 года, когда между нами вновь состоялась дискуссия о положении в Кампучии. Несмотря на эти разногласия, благодаря нашей долгой дружбе и хорошим личным отношениям между нами не возникло личной вражды.

Индира Ганди была самой жесткой женщиной премьер-министром, которую я когда-либо встречал. Она была женственной, но в ней не было никакой мягкотелости. Она была более решительным и безжалостным политическим лидером, чем Маргарет Тэтчер, госпожа Бандаранаике (Bandaranaike) и Беназир Бхутто. У нее было красивое лицо с орлиным носом и великолепной копной черных волос, зачесанных назад и перехваченных широкой белой полосой материи. Она всегда была изящно одета в сари. Она использовала некоторые свои женские черты, кокетливо улыбаясь мужчинам во время непринужденной светской беседы, но, как только мы переходили к переговорам, она проявляла такую твердость, что могла бы потягаться с любым кремлевским лидером. Она не была похожа на своего отца. Неру был человеком идей и концепций, которые он постоянно совершенствовал: атеизм, мультикультурное общество, быстрая индустриализация государства, развитие тяжелой индустрии по примеру Советского Союза. Прав он был или нет, но он был мыслителем.

Она же была практичным и прагматичным политиком, заинтересованным, в основном, в механизме власти: борьбе за власть и использовании власти. Грустной главой в ее многолетней политической деятельности был отказ от атеизма с целью завоевания голосов индуистов на севере Индии. Сознательно или бессознательно, она позволила индуизму выйти из подполья и

стать законной силой в индийской политике. Это неизбежно должно было привести к возобновлению индуистско-мусульманских столкновений, за которыми последовало разрушение древней мечети в Айдхья (Ayodhya). Вслед за этим была создана партия индуистов-шовинистов Бхарата Джаната партия (БДП – Bharatiya Janata Party), которая стала ведущей политической силой, а затем и наибольшей партией в парламенте в 1996 году и в 1998 году. Она была очень жесткой, когда Индии что-либо угрожало. Сикхи (Sikh) во всем мире были возмущены, когда она отдала приказ войскам войти в сикхский храм в Амритсаре (Amritsar). Наблюдая за тем, как были рассержены сикхи в Сингапуре, я подумал, что это может привести к политическим бедствиям, – ведь она осквернила самую большую святыню сикхской религии. Но она была не сентиментальна и считалась только с властью и мощью государства, которую она намеревалась сохранить. В 1984 году Индира Ганди поплатилась за это своей жизнью, погибнув от руки своего телохранителя – сикха.

Наши разногласия по кампучийской проблеме заставляли меня держаться в стороне до марта 1988 года, когда я попытался установить контакт с ее сыном Радживом Ганди (Rajiv Gandhi), тогдашним премьер-министром. С ним был заместитель министра иностранных дел Натвар Сингх (Natwar Singh), обладавший острым умом и умевший хорошо излагать непростую политическую позицию Индии. Раджив предложил, чтобы США установили дипломатические отношения с Вьетнамом и отменили экономические санкции, ибо он полагал, что Вьетнам намеревался вывести войска из Кампучии и сосредоточиться на восстановлении экономики. Он знал, как и мы, что Вьетнам испытывал серьезные экономические трудности. Я считал, что Вьетнам должен был заплатить цену за оккупацию Камбоджи, но надеялся, что через 10 лет возникнет иной Вьетнам, с которым Сингапур смог бы сотрудничать в сфере экономики. Я полагал, что, когда будет урегулирована кампучийская проблема, позиции Индии и Сингапура станут одинаковыми. Впоследствии так и произошло.

После переговоров Раджив Ганди и его жена Соня (Sonia) устроили для Чу и меня частный обед в его резиденции. Раджив был политически неискушенным человеком, оказавшимся посреди минного поля индийской политики. Из-за того, что его мать была убита в собственном доме, для обеспечения его личной безопасности предпринимались беспрецедентные меры. Он говорил, что считал эти меры едва ли не репрессивными, но, в конце концов, привык к ним. Я воспринимал его как пилота авиакомпании с весьма прямолинейным взглядом на мир. Во время нашей дискуссии он часто обращался к Натвар Сингху. Меня интересовало, кто служил ему проводником в дебрях индийской политики, – я был уверен в том, что многие хотели бы вести его за руку по своему собственному пути.

Только премьер – министр, исполненный добрых намерений, мог послать индийские войска в Шри-Ланку для подавления восстания тамилы (Tamils) на полуострове Джафна. Эти тамилы были потомками тамилы, покинувших Индию более тысячи лет назад, и отличались от индийских тамилы. Индийские солдаты проливали кровь в Шри-Ланке. Затем войска были выведены, и война возобновилась. В 1991 году молодая женщина – тамилка с полуострова Джафна приблизилась к Радживу во время предвыборного митинга, проходившего около Мадраса, якобы для того, чтобы украсить его гирляндой и взорвала себя и его. А ведь намерения у него были самые добрые.

В 1992 году правительство Нарасимха Рао (Narasimha Rao), сформированное партией Индийский национальный конгресс, находившейся в парламенте в меньшинстве, вынуждено было радикально изменить политику, чтобы привести ее в соответствие с требованиями, выдвинутыми МВФ в качестве условий предоставления экономической помощи. У Рао сложились хорошие отношения с премьер-министром Го Чок Тонгом, когда они встретились на Конференции неприсоединившихся стран в Джакарте в 1992 году. Он убедил его посетить Индию с делегацией деловых людей Сингапура. Его финансовый министр Манмохан Сингх (Manmohan Singh) и министр коммерции П. Чидамбарам (P. Chidambaram) посетили Сингапур, чтобы проинформировать меня об изменениях в политике и попытаться привлечь инвестиции из Сингапура. Оба министра ясно представляли себе как ускорить экономический рост Индии и знали, что необходимо было для этого сделать. Проблема была лишь в том, как осуществить эти меры при наличии оппозиции, которая была враждебно настроена по отношению к свободному предпринимательству, свободному рынку, внешней торговле и иностранным

инвестициям.

Рао посетил Сингапур в октябре 1991 года и обсудил со мной проблемы перехода Индии к более открытой политике. Я сказал, что наиболее трудным препятствием для этого являлось отношение индийских чиновников к иностранцам. Они считали, что иностранцы хотели эксплуатировать Индию, и им нужно было в этом препятствовать. Если он хотел, чтобы иностранные инвестиции потекли в Индию таким же широким потоком как в Китай, ему следовало изменить менталитет своих чиновников и сделать так, чтобы их задачей стало содействие инвесторам, а не регулирование их действий. Он пригласил меня посетить Индию для обсуждения идей и поиска решений с его коллегами и высшими государственными служащими.

В январе 1996 года я посетил Дели и выступил перед правительственными чиновниками в Индийском международном центре (India International Center), а также перед деловыми людьми, представлявшими все три Торговые палаты Индии. Я говорил о препятствиях, мешавших ускорению экономического роста Индии. В беседе со мной Рао признал, что многовековые опасения индийцев о том, что экономические реформы приведут к неравномерному распределению богатства, затрудняли проведение дальнейших преобразований. Чтобы улучшить положение народа, он влил в экономику большие средства, но был обвинен оппозицией в распродаже страны и закладывании государства в долг. Он особо подчеркнул две социальных проблемы: высокую рождаемость и низкие темпы жилищного строительства из-за недостатка средств. Он попросил премьер-министра Сингапура помочь ему в осуществлении жилищной программы. Я вынужден был развеять его надежды на то, что в результате осуществления успешной программы строительства жилья мы смогли бы решить жилищную проблему в Индии. Сингапур мог оказать Индии помощь в составлении планов, но найти средства для их осуществления и осуществлять эти планы Индия должна была сама.

Когда я встретился с Рао в 80-ых годах, он был министром иностранных дел в правительстве Индиры Ганди. Он принадлежал к поколению борцов за независимость, ему было почти восемьдесят лет, и он близок к тому, чтобы уйти на покой. Когда в 1991 году, в разгар предвыборной кампании, был убит Раджив Ганди, партия Индийский национальный конгресс избрала Рао своим лидером. Голосование, основанное на симпатиях к погибшему Радживу Ганди, принесло его партии наибольшее число мест в парламенте, но этого было недостаточно для завоевания абсолютного большинства. Рао все-таки стал премьер-министром и первые два из пяти лет своего правления продолжал проводить радикальные экономические реформы, но он уже не был энергичным молодым человеком, проводившим в жизнь свои собственные идеи. Действительный стимул развития экономики исходил от министра финансов Манмохана Сингха, который начал свою карьеру, занимаясь планированием экономики. Рао не хватало убежденности, чтобы, невзирая на сопротивление оппозиции, побудить народ Индии поддержать реформы.

Сочетание высоких темпов роста населения и низких темпов экономического роста на протяжении некоторого времени не позволит Индии стать богатой страной. Для того чтобы она смогла играть серьезную роль в Юго-Восточной Азии, ей необходимо решить свои экономические и социальные проблемы. Страны АСЕАН были бы заинтересованы в ускоренном росте индийской экономики, а также в помощи со стороны Индии в деле поддержания мира и стабильности в регионе.

Индия располагает большим количеством выдающихся ученых во всех отраслях науки, но, по ряду причин, те высокие стандарты, которые оставили англичане в Индии, снизились. Уже нет былой строгости в проведении экзаменов при поступлении в университеты, высшие школы, для получения профессиональной квалификации и при приеме на государственную службу. Широко распространился обман при проведении экзаменов. Университеты выделяют определенные квоты мест для членов парламента в округах, которые раздают или продают эти места избирателям.

Во времена британского господства для работы в Индийской государственной службе (ИГС – Indian Civil Service) отбирали лучших из лучших. Чтобы быть принятым на работу в эту элитную британскую службу индеец должен был обладать действительно выдающимися способностями. В 60-ых годах, во время одного из моих визитов в Индию я остановился в

резиденции «Раштрапати Бхаван». Однажды утром, перед началом игры в гольф, в резиденцию пришли позавтракать два индийских чиновника. Ранее они служили в ИГС, которая впоследствии стала Индийской административной службой (ИАС – Indian Administrative Service). Они произвели на меня сильное впечатление. Один из них объяснил, как несколько сот чиновников ИГС управляли 450 миллионами жителей Британской Индии, и управляли хорошо. Он с ностальгией говорил об уровне людей, которых отбирали для службы в ИГС. Чиновник весьма сожалел, что вступительные экзамены, которые ранее проводились только на английском языке, теперь можно было сдавать либо на английском, либо на хинди. Давление популистов не только снизило стандарты при приеме на службу, но и привело к плохому взаимодействию между чиновниками внутри нее.

Это вело к постепенному снижению качества когда-то элитной службы, члены которой столкнулись с трудностями, возникшими в ходе социально-экономической революции, уровень их благосостояния понизился. Во времена британского правления уровень жизни чиновников вполне соответствовал их положению. Генералы, адмиралы, маршалы авиации и высшие служащие ИГС играли в гольф. В 60-ых – 70-ых годах в Индии они не могли даже купить хороших, то есть импортных, мячей для гольфа, так как их импорт был запрещен. Я вспоминаю одно из наших посещений гольф клуба в Дели. Наше посольство порекомендовало нам привезти с собой несколько упаковок мячей для гольфа, чтобы раздать их членам клуба. Было грустно наблюдать за тем, как высшие индийские военные и государственные чиновники разрывали коробки с мячами и набивали ими свои сумки для гольфа.

Действительно, мячи для гольфа ценились настолько высоко, что кэдди²² врывались в любой дом и обшаривали любую неудобную местность, чтобы найти залетевшие туда мячи. Однажды, в 1965 году, играя в гольф в бывшем Королевском гольф – клубе Бомбея (Bombay), я срезал свой мяч так, что он попал в жилой район. Я услышал громкий звук от падения мяча на крышу из оцинкованного железа. Мой кэдди умчался, как я думал, для того, чтобы выяснить, не был ли кто-либо травмирован. Но нет, вскоре появился маленький мальчик с мячом для гольфа, но не для того, чтобы пожаловаться на нанесенный ущерб, а чтобы договориться о цене, которую он хотел получить за возврат мяча. Мне также было грустно наблюдать за тем, как кэдди собирали поломанные пластиковые и деревянные подставки для мячей и заостряли их наконечники, чтобы использовать их в игре снова и снова. В раздевалках прислуга снимала с посетителей носки и ботинки и надевала их, – было слишком мало работы для слишком большого числа рабочих рук.

Видимо, проблема заключалась в системе. Индия потратила десятилетия на государственное планирование и контроль, которые тонули в бюрократизме и коррупции. Децентрализованная система позволила бы расти и процветать большему числу таких центров как Бомбей и Бангалор (Bangalore). Другая причина заключалась в индийской кастовой системе, которая была врагом меритократии. Каждая каста требовала своей квоты во всех учреждениях, будь-то набор служащих в ИАС или прием студентов в университеты. Третьей причиной были бесконечные конфликты и войны с Пакистаном, которые делали беднее обе страны.

Дели, который я посетил в 60-ых годах, был большим развивавшимся городом с множеством открытых мест, не очень загрязненным и без большого количества трущоб. Дели 90-ых годов, с точки зрения охраны окружающей среды, был городом – кошмаром. Стоял январь, и в городе было не продохнуть из-за дыма от угля, сжигаемого в домах и на электростанциях. Повсюду были трущобы. Для обеспечения безопасности индийцы выстроили целый взвод солдат перед гостиницей «Шератон» (Sheraton), в которой я остановился. На дорогах были заторы. Город больше не был таким просторным, как ранее.

К тому времени как партия Индийский национальный конгресс под руководством Нарасимха Рао проиграла выборы в 1996 году, была сформирована коалиция, включавшая в себя 13 партий, в том числе несколько коммунистических партий, с целью помешать партии националистов-индуистов Бхарата Джаната партии придти к власти. Индийская демократия отошла от своих светских основ. Двигать дальше либерализацию экономики было сложно. Не была решена и более глубокая проблема. В публичном выступлении премьер – министр Индер

²² Прим. пер.: caddy – люди, прислуживающие во время игры в гольф

Кумар Гуджрал (Inder Kumar Gujral) упомянул результаты обзора, согласно которому Индия была второй наиболее коррумпированной страной в Азии. В 1997 году, выступая перед Конфедерацией индийской промышленности (Confederation of Indian Industry), он сказал: «Иногда я чувствую стыд и опускаю от стыда свою голову, когда мне говорят, что Индия – одно из наиболее коррумпированных государств мира». Индия – это страна еще не ставшая действительно великой, ее потенциал не используется в полной мере.

Я впервые посетил Шри-Ланку (Sri Lanka) в апреле 1956 года, по пути в Лондон. Я остановился в расположенном у моря отеле «Гал Фейс» (Galle Face Hotel), – их лучшим отеле британской эпохи. Я прохаживался по улицам Коломбо (Colombo), в котором было немало впечатляющих общественных зданий, многие из которых совсем не пострадали от войны. Так как генерал Маунтбаттен во время войны расположил свою ставку в Канди (Kandy), на Цейлоне, остров располагал большим количеством ресурсов и лучшей инфраструктурой, чем Сингапур.

В том же году Соломон Уэст Риджвей Диас Бандаранаике (Solomon West Ridgeway Dias Bandaranaike), лидер новой Партии свободы (Sri Lanka Freedom Party), победил на выборах и стал премьер – министром. Он пообещал сделать сингальский язык государственным, а буддизм – национальной религией. Он был так называемым «коричневым пукка – сахибом» (brown «pukka-sahib»), то есть сингалом, родившимся в христианской семье и получившим образование на английском языке. Он решил вернуться к своим корням и принял буддизм, а также стал поборником сингальского языка. Это стало началом упадка Цейлона.

Тогдашний глава правительства Сингапура, Лим Ю Хок пригласил меня встретиться с ним за ужином. Бандаранаике, щеголеватый человек небольшого роста, хорошо одетый, с хорошо поставленной речью, ликовал по поводу победы на выборах. Сингальское большинство вручило ему мандат доверия, чтобы превратить Цейлон в общество, основанное на местных ценностях и традициях. Это было реакцией против общества «коричневых сахибов» – политической элиты, которая, получив власть, во всем подражала англичанам, копируя их образ жизни. Премьер – министр сэр Джон Котелавала (John Kotelawala), которого сменил Бандаранаике, каждое утро катался на лошади. Казалось, Бандаранаике не беспокоило, что тамилы, жившие на полуострове Джафна, и другие национальные меньшинства в результате провозглашения сингальского языка государственным оказались бы в худшем положении; или те чувства, которые испытывали, в результате придания буддизму статуса государственной религии, тамилы-индуисты, мусульмане, и христиане – бургеры (потомки голландцев и местных жителей). Он был когда-то президентом Оксфордского союза (Oxford Union) и говорил так, будто все еще находился в Оксфордском дискуссионном клубе. Я не удивился, когда три года спустя он был убит буддийским монахом. Думаю, была своя ирония в том, что убийство совершил буддийский монах, который был недоволен медленными темпами становления буддизма в качестве государственной религии.

На последовавших за его гибелью выборах, в результате голосования, основанного на симпатии к погибшему мужу, его вдова, Сиримаво (Sirimavo) Бандаранаике стала премьер-министром. Она оказалась менее разговорчивым, но куда более жестким лидером. Когда я встретился с ней на Цейлоне в августе 1970 года, то обнаружил, что она была решительно настроенной сторонницей Движения неприсоединения. Цейлон выступал за вывод всех американских войск из Южного Вьетнама, Лаоса, Камбоджи, и за создание в Индийском океане зоны свободной от ядерного оружия и конфликтов великих держав. Будучи младшим по возрасту, я терпеливо объяснял различие между ее взглядами и моей внешнеполитической позицией. Если бы Южный Вьетнам попал в руки коммунистов, то возникла бы угроза Кампучии, Лаосу и Таиланду. Сингапуру также угрожала бы серьезная опасность. Подрывная деятельность коммунистов распространилась бы на Малайзию, а это привело бы к серьезным последствиям для Сингапура. Другие великие державы региона: Китай и Япония, – могли бы увеличить свои военно-морские силы. Поэтому мы не могли поддержать эту благородную идеологию, ибо это было чревато серьезными последствиями для нашего будущего. В результате, Сингапур считал необходимым оставаться в рамках Оборонного соглашения пяти держав, которое обеспечивало нашу безопасность.

Ее племянник Феликс (Felix) Бандаранаике был советником по международным

проблемам. Яркий, но не глубокий, он доказывал, что удачное географическое положение и история принесли Цейлону благословенный мир и безопасность, так что только 2.5 % государственного бюджета тратилось на оборону. Любопытно, что бы он сказал в конце 80-ых годов, когда более половины бюджета шло на закупку вооружений и содержание вооруженных сил, чтобы бороться с повстанцами – тамилами на полуострове Джафна.

Остров Цейлон был образцовым государством Британского Содружества наций. Англичане тщательно подготовили его к независимости. После окончания Второй мировой войны это была хорошая страна среднего размера с населением менее 10 миллионов человек. Население имело относительно высокий уровень образования, в стране было два приличных университета, – в Коломбо и в Канди, – где преподавание велось на английском языке. Цейлон располагал государственной службой, в которой работали в основном местные жители, а у населения имелся опыт представительской демократии, развивавшейся с начала 1930-ых годов, когда стали проводиться выборы в городские советы. Когда в 1948 году Цейлон получил независимость, он стал классической моделью постепенного перехода к независимости.

Увы, все пошло не так. Во время своих визитов, на протяжении многих лет, я наблюдал, как многообещающая страна приходила в упадок. Демократическая система, построенная по принципу «один человек – один голос», не решила проблемы межнациональных отношений, которая была главной. Восьмимиллионное сингальское большинство всегда имело возможность победить на выборах двухмиллионное тамильское меньшинство. Сингалы сделали свой язык государственным, провозгласили буддизм государственной религией в стране, где до того не было официальной религии. Будучи сторонниками индуистской религии, тамилы почувствовали себя уязвленными.

В октябре 1966 года, возвращаясь с конференции премьер – министров в Лондоне, я посетил Коломбо, чтобы встретиться с премьер – министром Дадли Сенанаяке (Dudley Senanayake). Он был благородным, несколько отстраненным и придерживавшимся фаталистских взглядов пожилым человеком. Когда мы играли в гольф в бывшем Королевском гольф – клубе Коломбо, он извинился за построенные на пространствах между лужайками хижины и пасшихся там коров и коз. Он сказал, что это было неизбежным следствием демократии и выборов: он не мог оправдать перед избирателями сохранение открытых, незастроенных лужаек в центре города. Он отправил меня на поезде в Нувара Элия (Nuwara Eliya), который когда-то был прекрасным горным курортом. Это был наиболее поучительный урок того, что случилось со страной после независимости. Пища, которую сервировали в специальном вагоне поезда, была несвежей. Поданные крабы испортились и воняли. Я немедленно пошел в туалет, и все вырвал, – это меня спасло. В Нувара Элия я остановился в резиденции бывшего британского губернатора. Дом обветшал. Возможно, когда-то это было прекрасно ухоженное здание с розами в саду (некоторые оставались до сих пор), который выглядел так, будто находился где-то в английских лесах. На высоте примерно полутора километров над уровнем моря ощущалась приятная прохлада. Я играл в гольф на когда – то прекрасном поле, но, как и в Коломбо, на нем также были построены хижины, паслись козы и коровы.

За обедом мудрый грустный старый сингал объяснил, что то, что случилось, было неизбежным результатом выборов. Сингалы хотели стать господствующей расой, они хотели занять прежде занимаемые англичанами должности управляющих чайными и кокосовыми плантациями и занимаемые тамилами высшие должности государственных служащих. Стране пришлось пройти через трагедию превращения сингальского языка в государственный язык. За это они дорого заплатили, переводя все и вся с английского языка на сингальский и тамильский. Это оказалось долгим и хаотичным процессом. В университетах преподавание велось на трех языках: на сингальском для большинства студентов, на тамильском – для студентов-тамилов с полуострова Джафна и на английском – для бургеров. В Университете Канди я обратился к проректору с вопросом о том, как три инженера, получивших образование на трех разных языках, станут вместе работать, к примеру, на строительстве моста. Он был бургером по происхождению и носил галстук с эмблемой Кембриджского университета, так что я понял, что он имел степень доктора наук. Он ответил: «Сэр, это является политическим вопросом, на который должны ответить министры». Я спросил его об учебниках. Он объяснил,

что основные учебники переводились с английского на сингальский и тамильский, всегда с опозданием на три – четыре издания.

Чайные плантации находились в плачевном состоянии; местные жители, которые были назначены на руководящие должности, не следили за ними так же хорошо, как их британские предшественники. Ввиду отсутствия строгой дисциплины сборщики чая срывали не только молодые побеги, но и старые листья, из которых хорошего чая не получить. Кокосовые плантации также пострадали. Все это было, как сказал старый сингал, ценой, которую люди должны были заплатить, чтобы научиться управлять страной.

Я не посещал Цейлон на протяжении многих лет, пока в 1978 году, на встрече глав-государств членов Британского Содружества наций в Сиднее не встретился с вновь избранным премьер-министром страны Джуниусом Ричардом Джеявардене. В 1972 году премьер – министр Сиримаво Бандаранаике изменила имя страны на «Шри-Ланка» и провозгласила ее республикой. Это не привело к повышению благосостояния страны, а чай все еще продавался под маркой «Цейлонского».

Подобно Соломону Бандаранаике, Джеявардене был по рождению христианином, который принял буддизм и нативизм, чтобы сблизиться с народом. Ему было за семьдесят, он пережил много взлетов и падений в политике (больше падений, чем взлетов), и философски смотрел на вещи, не стремясь к достижению высоких целей. Он хотел отойти от проводившейся на Шри-Ланке социалистической политики, которая разорила страну. Встретившись со мной в Сиднее, он прибыл в Сингапур, чтобы, как он сказал, вовлечь нас в развитие своей страны. Я был увлечен его практическим подходом и пообещал посетить Шри-Ланку в апреле 1978 года. Он сказал, что собирается предоставить автономию тамилам с полуострова Джафна. Я не понимал, что он не мог пойти на уступки в вопросе превосходства сингалов над тамилами. В итоге, это привело в 1983 году к началу гражданской войны и уничтожило всякие надежды на создание преуспевающей Шри-Ланки на многие годы, если не на поколения вперед.

У него были некоторые слабости. Он хотел создать национальную авиакомпанию, ибо полагал, что это было бы символом прогресса. В «Сингапур эйрлайнз» работал хороший капитан авиалайнера из Шри-Ланки. Он спросил, не мог ли я отпустить его домой. Я, конечно, мог, но каким образом простой пилот смог бы управлять авиакомпанией? Он хотел, чтобы авиакомпания «Сингапур эйрлайнз» помогла им в создании авиакомпании. Мы помогли. Я советовал ему, что создание авиакомпании не должно быть его приоритетом, потому что, чтобы наладить дело как следует, требовалось слишком много талантливых, хороших администраторов, в то время как он нуждался в таких людях для проведения ирригации, развития сельского хозяйства, строительства жилья, индустриального развития и реализации многих других проектов. Создание авиалинии было хорошим рекламным проектом, но этот проект не имел большой ценности для страны. Он настаивал на своем. В течение шести месяцев мы оказывали ему помощь в создании авиакомпании, направив 80 служащих компании «Сингапур эйрлайнз» на период от трех месяцев до двух лет. Мы также оказывали им содействие через нашу всемирную сеть агентств, помогая организовать представительства авиакомпании за рубежом, обучая служащих, развивая центры подготовки и так далее. Разумное руководство на самом верху отсутствовало. Когда бывший летчик, а ныне управляющий новой авиакомпанией, решил купить, вопреки нашим рекомендациям, два подержанных самолета, мы решили отойти от дел. Парк самолетов увеличился в пять раз, не хватало оборотных средств и обученного персонала, работа авиакомпании не отличалась надежностью, пассажиров было мало. Затея изначально была обречена на провал, так оно и получилось.

Использование Сингапура в качестве модели развития Шри-Ланки было лестно для нас. Правительство Шри-Ланки объявило, что введет принятую в Сингапуре схему лицензирования, чтобы уменьшить поток транспорта в центре города, но и эта схема не работала. В 1982 году они начали программу жилищного строительства, основанную на нашем опыте, но необходимое финансирование отсутствовало. Они основали зону свободной торговли, которая по площади была чуть меньше Сингапура. Эта затея могла бы иметь успех, но террористические акты «тамильских тигров» отпугивали инвесторов.

Самой большой ошибкой, которую сделал Джеявардене, оказалось распределение

целинных земель в сухой зоне. Используя иностранную помощь, он восстановил древнюю схему ирригации, основанную на использовании резервуаров, в которых сохранялась вода, отведенная с влажной стороны гор. К сожалению, он раздал эти земли сингалам, а не тамилам, которые исторически вели фермерское хозяйство в этой сухой зоне. Лишенные земли и территории, тамилы начали движение «тамильских тигров». Личный секретарь Джеявардене, преданный ему тамил с полуострова Джафна, сказал мне, что это было критической ошибкой. Последовавшая война привела к гибели 50,000 человек, еще большее число людей было ранено, погибли многие руководители. Война длится уже 15 лет, но каких-либо признаков ее прекращения еще не видно.

Джеявардене ушел в отставку в 1982 году. Он был усталым человеком, исчерпавшим набор возможных решений проблем Шри-Ланки. Последовавший за ним Ранасингх Премадаса (Ranasinghe Premadasa) был сингальским шовинистом. Он хотел, чтобы индийские войска покинули страну, что было неразумно, ведь они делали для Шри-Ланки грязную работу. Когда индийские войска были выведены, Премадаса оказался в еще худшем положении. Он пробовал вести переговоры с «тамильскими тиграми», но безуспешно, так как не желал идти на серьезные уступки.

Я встречался с ним несколько раз в Сингапуре после того, как он стал президентом и пробовал убедить его, что этот конфликт нельзя было разрешить силой. Единственным возможным было только политическое решение, которое рассматривалось бы как справедливое и тамилами, и остальным миром. Тогда Тамильский объединенный фронт освобождения (Tamil United Liberation Front) – умеренное конституционное крыло движения тамилы за самоуправление – не отверг бы его. Я доказывал, что его целью должно было стать лишение террористов народной поддержки. Этого можно было добиться, предложив тамилам автономию, при которой они могли бы осуществлять самоуправление путем проведения выборов. Но он был убежден, что сможет победить их. В 1991–1992 годах он послал армию Шри-Ланки для ведения крупномасштабных боев с «тамильскими тиграми». Успеха это не принесло. В 1993 году, во время первомайского парада, террорист – самоубийца приблизился к нему в составе уличной процессии и взорвал бомбу. Вместе с президентом погибло много других людей. Его сменила на Чандрика Кумаратунга (Chandrika Kumaratunga), дочь Сиримаво Бандаранаике. Она попробовала добиться своего и путем ведения переговоров, и силой оружия. Ей удалось захватить полуостров Джафна, но она не смогла уничтожить «тамильских тигров». Борьба продолжается. Печально, что страна, чье древнее название Серендип (Serendip) дало английскому языку слово «serendipity»²³ стала теперь синонимом конфликта, боли, горя, и безнадежности.

С Пакистаном Сингапур установил дипломатические отношения в 1968 году, но на протяжении многих лет торговые и иные связи не развивались. Мы придерживались разных позиций в вопросах международной политики до 80-ых годов, когда нашему сближению способствовали конфликты в Афганистане и Кампучии, за которыми стоял Советский Союз.

Президент Зия уль-Хак (Zia ul-Haq) посетил Сингапур в 1982 году, во время тура по странам Юго-Восточной Азии. Он сказал мне, что единственной целью его визита была встреча со мной, – человеком, создавшим современный Сингапур. Я ответил ему в обычной манере, что современный Сингапур был результатом работы команды людей. Мы обсуждали индо-пакистанские отношения. Наши отношения с Индией были тогда напряженными из-за разногласий по кампучийскому вопросу. Я согласился с Зия уль-Хаком, что именно советская стратегия и цели советской внешней политики привели к войне в Афганистане и Кампучии.

Он пригласил меня посетить Пакистан, что я и сделал в марте 1988 года. Он организовал встречу с размахом, как и президент Филиппин Маркос в 1974 году. Как только наш самолет пересек границу Пакистана неподалеку от Лахора (Lahore), к нашему самолету пристроились шесть истребителей «Ф-16», которые сопровождали нас до Исламабада (Islamabad). В аэропорту нас приветствовали девятнадцатью залпами орудийного салюта, был собран огромный почетный караул и сотни размахивавших флажками детей и танцовщиц в традиционных пакистанских костюмах. На меня произвел хорошее впечатление Исламабад,

²³ Прим. пер.: то есть способность случайно совершать счастливые открытия

который был намного чище и ухоженнее чем Дели. В нем не было грязи, трещин и запруженных людьми центральных улиц. Резиденция для гостей и гостиницы также были в лучшем состоянии.

Зия уль-Хак был крупным мужчиной, с прямыми, черными, тщательно зачесанными назад волосами, толстыми усами, сильным голосом и уверенной манерой держаться, присущей военным. Он строго придерживался мусульманских традиций и заставил пакистанских военных соблюдать «сухой закон», подобно всем жителям страны. Нас, как гостей, обеспечили пивом местного производства. За обедом Зия произнес речь, полную комплиментов по поводу успехов в развитии Сингапура, он также похвалил нас за противостояние с западной прессой. Он следил за обменом заявлениями между правительством Сингапура и западными средствами информации и радовался за нас. Ему часто доставалось от западной прессы, и он восхищался тем, что мы не сдавались. Он наградил меня пакистанским орденом «Великий лидер» (Nisham-I-Quaid-I-Azam).

На пресс-конференции, состоявшейся перед отъездом, я похвалил президента Зия уль-Хака за мужество в организации помощи афганским повстанцам. Если бы он был слабонервным человеком, который предпочел бы отвернуться в сторону, мир проиграл бы от этого. К сожалению, несколько месяцев спустя, еще до того, как мы сумели добиться прогресса в развитии наших отношений, Зия погиб в подозрительной авиакатастрофе.

В отношениях с Пакистаном снова наступил застой до тех пор, пока в ноябре 1990 года премьер-министром страны стал Наваз Шариф (Nawaz Sharif). Он был тучным человеком среднего роста, невысоким по пакистанским меркам, уже облысевшим, хотя ему еще не было пятидесяти. В отличие от семейства Бхутто, Наваз Шариф вышел не из прослойки элитных феодальных землевладельцев, а из буржуазного делового семейства в Лахоре. На протяжении многих лет, в период, когда Пакистан находился под властью военных, включая Зия уль-Хака, он создавал сталелитейные, сахарные и текстильные компании. В 1991 году он посетил Сингапур дважды: в марте, чтобы изучить причины нашего экономического прогресса, и в декабре, чтобы попросить меня посетить Пакистан и дать советы по поводу того, как сделать экономику страны более открытой. Он сказал, что в Пакистане были начаты смелые реформы, использовавшие опыт Сингапура в качестве модели.

Он произвел на меня впечатление человека, стремившегося к переменам, желавшего перевести Пакистан на рельсы рыночной экономики. Я согласился посетить страну в следующем году. По моей просьбе он прислал генерального секретаря министерства финансов Саида Куреши (Saeed Qureshi) в Сингапур, чтобы проинформировать меня. Мы провели три встречи по три часа каждая, обсуждая цифры и факты, которые он прислал ранее. Вскоре стало очевидно, что Пакистан сталкивался с тяжелыми проблемами. Налоговая база была узкой, поступления от налога на доход составляли только 2 % ВВП. Многие сделки по продаже земли не регистрировались, а уклонение от уплаты налогов было широко распространено. Правительство субсидировало сельское хозяйство, железные дороги и сталелитейные заводы. 44 % бюджета расходовалось на оборону, 35 % – на обслуживание внешнего долга, а 21 % оставался на управление страной. Дефицит бюджета составлял 8 % – 10 % ВВП, а инфляция измерялась двузначными цифрами. Международный валютный фонд обращал внимание правительства на эти данные. Решения были очевидны, но политически их было трудно осуществить, ибо в стране не было образованного электората, а законодательный орган находился в руках землевладельцев, которые манипулировали голосами необразованных фермеров – арендаторов. Это делало земельную реформу практически невозможной. Коррупция была необузданной, воровство государственной собственности, включая незаконное пользование электроэнергией, – массовым.

В феврале 1992 года я провел в Пакистане неделю. Я дважды встречался с премьер-министром Навазом Шарифом и ключевыми министрами, включая министра финансов и экономики Сартаджа Азиза (Sartaj Aziz), который был неудержимым оптимистом. После возвращения в Сингапур я послал Навазу Шарифу отчет с личным письмом, изложив в нем те меры, которые ему следовало предпринять.

Он был человеком дела, обладавшим неистощимой энергией. К примеру, он симпатизировал положению водителей такси и снизил налоги на такси, несмотря на то, что это

было не совсем справедливо по отношению к другим покупателям автомобилей. Будучи в прошлом бизнесменом, он верил в частное предпринимательство как в средство ускорения экономического роста и стремился приватизировать государственные предприятия. К сожалению, в Пакистане эти предприятия не продавались, их не выставляли на открытые тендеры. Дружба, а в особенности политические связи, определяли, кому и что достанется. Он лично всегда верил в то, что что-то может быть сделано для улучшения положения. Проблема состояла в том, что зачастую у него не было ни времени, ни терпения, чтобы всесторонне изучить вопрос перед тем, как принять решение. В целом, я считаю, что он был лучше подготовлен, чтобы управлять страной, чем лидер оппозиции Беназир Бхутто, которая вскоре сменила Наваза Шарифа. Он лучше понимал бизнес, чем она или ее муж Азиф Задари.

Возвращаясь домой, я остановился в Карачи (Karachi), чтобы встретиться с Беназир Бхутто. Она очень ядовито отзывалась о Навазе Шарифе и президенте Гуляме Ахмед Хане (Ghulam Ahmed Khan). Она сказала, что с ее партией обращались несправедливо; что правительство пыталось дискредитировать ее и ее партию путем судебных преследований ее коллег и ее мужа. По ее словам, коррумпированная полиция подстрекала правительство, и страной правила «тройка», состоявшая из военных, президента и премьер – министра. Она также заявила, что это она стояла за кампанией по дерегулированию экономики, и что это она приняла законодательство о приватизации.

Наваз Шариф посетил Сингапур в январе 1992 года, возвращаясь из Японии. Он хотел, чтобы я вновь посетил Пакистан и оценил, насколько успешно внедрились там мои рекомендации. Наваз Шариф приватизировал 60 % намеченных для приватизации предприятий, при этом объем иностранных инвестиций увеличился. Саид Куреши вновь предоставил мне необходимую информацию. Я обнаружил, что многими из моих рекомендаций они не воспользовались, – этого я и опасался. Еще до того, как у меня вновь появилась возможность посетить Исламабад, конфликт между президентом Гулям Ахмад Ханом и премьер-министром Навазом Шарифом привел к тому, что они оба ушли в отставку. Были проведены новые выборы, и премьер – министром страны стала Беназир Бхутто.

Вскоре после выборов, в январе 1994 года, я встретился с Беназир Бхутто в Давосе. Она ликовала и была полна идей. Она хотела, чтобы Сингапур участвовал в проекте строительства дороги из Пакистана в Среднюю Азию через Афганистан. Я попросил предоставить детальное предложение, которое мы могли бы рассмотреть. Она также хотела, чтобы мы изучили, насколько жизнеспособны были некоторые из «больных» предприятий в Пакистане, и взяли бы их в управление. Ее муж хотел развить еще более кипучую деятельность. Он хотел построить остров неподалеку от Карачи, чтобы создать там свободный порт и свободную зону торговли с казино. Экономически это был совершенно необдуманный проект. В Пакистане было столько свободной земли, зачем было там строить остров? Их подход отличался простотой: раз Сингапур преуспевал и имел много денег, то он мог вкладывать их в Пакистан и сделать Пакистан таким же преуспевающим государством.

В марте 1995 года Бхутто и ее муж посетили Сингапур. Она сказала, что учла мой совет, данный во время встречи в Давосе, и гарантировала, что все ее предложения будут хорошо продуманы. Бхутто предложила, чтобы Сингапур начал перемещать предприятия трудоемких отраслей промышленности в Пакистан. Я сказал, что ей придется сначала переубедить наших деловых людей. Потенциальные инвесторы каждый вечер наблюдали по телевидению за тем, как мусульмане убивали мусульман в Карачи с использованием тяжелого оружия и бомб и неизбежно задавались вопросом о том, стоило ли им ввязываться в этот конфликт. Я больше не ездил в Пакистан. В 1996 году Бхутто была смещена с поста премьер – министра президентом Легари (Leghari), которого она сама же и назначила. На следующих выборах в феврале 1997 года победил Наваз Шариф, он вновь стал премьер-министром.

Глубокие политические и экономические проблемы Пакистана оставались нерешенными. Слишком большая часть бюджета расходовалась на оборону. Непримируемая вражда лидеров партий продолжала отравлять политическую жизнь страны. Азифа Али Задари обвинили в убийстве брата его жены, Муртазы Бхутто (Murtaza Bhutto), супругам было предъявлено обвинение в коррупции. В деле фигурировали значительные суммы денег, следы которых вели в Швейцарию.

Проблемы Пакистана еще усугубились, когда в марте 1998 года Индия провела несколько ядерных испытаний. Две недели спустя Пакистан провел собственные испытания ядерного оружия. При этом обе страны испытывали экономические трудности, Пакистан даже в большей мере, чем Индия. Когда я встретил премьер – министра Пакистана Наваза Шарифа во время его визита в Сингапур в мае 1999 года, он заверил меня, что у них состоялись хорошие переговоры с премьер – министром Индии Ваджапай (Vajpayee), и что ни одна из сторон не собиралась разворачивать ракеты с ядерными боеголовками. Он высказал мнение, что, поскольку обе стороны обладали ядерным оружием, то полномасштабная война между ними стала невозможной. Дай Бог, чтобы так оно и было.

Пакистанцы – выносливый народ, среди них достаточно талантливых и образованных людей, чтобы построить современное государство. Увы, бесконечная война с Индией истощает ресурсы Пакистана и подрывает его потенциал.

Глава 26. Вслед за Великобританией – в Европу

Мои взгляды на европейцев во многом сформировались под влиянием взглядов англичан в 50-ых – 60-ых годах. Европейцы казались несколько странными и отличавшимися от более сплоченных и законопослушных англичан. Французы казались склонными к бунтам, революциям и изменениям конституции; немцы проявляли тенденцию к использованию силы для решения спорных вопросов. Но с тех пор, как премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан внес предложение о вступлении страны в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС – European Economic Community, ныне Европейский союз – European Union), я уже не сомневался, что вступление Великобритании в ЕЭС со второй или третьей попытки было делом времени. После того, как в 1968 году Великобритания заявила о выводе своих войск к востоку от Суэца, премьер-министр Гарольд Вильсон вновь обсудил это предложение с премьер-министром Шарлем де Голлем (Charles de Gaulle). Из этого опять ничего не вышло, но переговоры еще раз показали, насколько важной стала Европа для Великобритании.

Великобритания хотела присоединиться к европейским странам, чтобы вырваться из порочного круга замедленного экономического роста. По сравнению с экономикой Великобритании экономика Германии, Франции, стран Бенилюкса и даже Италии, – членов ЕЭС, росла быстрее. Было очевидно, что большие размеры рынка способствовали ускорению экономического роста. Я хотел наладить новые связи с Европой, чтобы Сингапур не оказался отрезанным от Европы после вступления Великобритании в ЕЭС.

Как это бывает со всеми бюрократическими организациями, заявления о принципах сотрудничества, сделанные на самом верху, не гарантировали его успешного развития. В 70-ых годах я столкнулся с протекционистской политикой «крепости Европа» (Fortress Europe) по отношению к товарам сингапурского экспорта. Я поехал в Брюссель в октябре 1977 года, чтобы встретиться с президентом Европейской комиссии (European Commission) Роем Дженкинсом (Roy Jenkins), с которым я сохранял связи еще с 60-ых годов, когда он был канцлером Казначейства Великобритании. Еще ранее я написал ему что то, как европейцы применили к Сингапуру правила Генеральной схемы льгот, дававшей развивающимся странам ограниченные льготы на экспорт товаров в Европу, негативно отразилось на экспорте наших электронных калькуляторов, зонтиков, проекторов и фанеры. Незадолго до того, даже импорт свежих орхидей встретил возражения голландских и итальянских цветоводов. Я добавил, что мы могли еще как-то понять, что у нас возникли проблемы с импортом текстиля и зонтиков, но проблемы с импортом калькуляторов и орхидей явились для нас полной неожиданностью. Дженкинс отнесся к нашим проблемам с симпатией, но в вопросе с зонтиками он помочь не мог. Как оказалось, они производились в том избирательном округе, в котором баллотировался президент Франции Жиска д'Эстен (Giscard d'Estaing).

С другими специальными уполномоченными Европейской комиссии я обсуждал, как предотвратить возникновение конфликта между Сингапуром и странами ЕЭС. Мы были готовы отказаться от производства тех товаров, которые затрагивали интересы европейских стран из-за постоянно высокого уровня безработицы на континенте. Я был встревожен, обнаружив, что список этих товаров был практически бесконечен. Любое государство ЕЭС, почувствовав свои

интересы хоть немного задетыми, обращалось в Брюссель с просьбой о принятии протекционистских мер и всегда получало искомое. Несмотря на это, ЕЭС отрицало, что оно являлось наиболее протекционистским из всех торговых блоков. Я привел в качестве примера ситуацию, в которой оказались две наиболее известные европейские МНК: «Филипс» и «Сименс», – которые обнаружили, что произведенные в Сингапуре электронные товары было легче экспортировать в Америку и страны Азии, чем в Европу.

Я привлек их внимание к двум основным вопросам. Во-первых, несмотря на успехи в экономическом развитии Сингапура, я просил преждевременно не лишать нас тех льгот, которые мы имели в рамках ГСЛ. Во-вторых, я доказывал, что выборочные протекционистские меры, направленные на блокирование импорта, вряд ли оказались бы эффективными в решении проблем ЕЭС. Я попытался убедить Дженкинса как президента ЕЭС, что ему следовало формализовать многообещающие отношения между ЕЭС и АСЕАН путем подписания договора об экономическом сотрудничестве, и что его визит в страны АСЕАН помог бы сделать эту задачу приоритетной для Европейской комиссии. Вместо этого, он направил в регион специального уполномоченного по делам промышленности Висконта Давиньона (Viscount Davignon). Дженкинс не любил путешествовать по Востоку, чьи перспективы он оценивал невысоко. Наконец, в 1980 году, с помощью министра иностранных дел ФРГ Ганса-Дитриха Геншера (Hans-Dietrich Genscher), страны АСЕАН добились подписания соглашения с ЕЭС об учреждении совместного Комитета по развитию сотрудничества (joint Co-operation Committee). Несмотря на это, страны АСЕАН продолжали сталкиваться с бесконечными протекционистскими барьерами, воздвигаемыми этой многосторонней организацией. Сельскохозяйственные субсидии и тарифы препятствовали экспорту нашего пальмового масла, а разного рода ограничения, связанные с обеспечением безопасности, охраной здоровья, охраной окружающей среды, практически свели на нет экспорт резиновых изделий из стран АСЕАН. В 1986 году, в результате пересмотра льгот по системе «ГСЛ», ЕЭС установило квоты на импорт произведенных в Сингапуре шарикоподшипников.

Европейские МНК были менее подвижны и динамичны, чем американские или японские корпорации. Они недостаточно использовали возможности глобальной кооперации производства, в результате которой готовые изделия изготавливаются из компонентов, произведенных в различных странах. Такой была ситуация в 80-ых годах, такой же она во многом оставалась и в 90-ых годах.

В мае 1969 года, чтобы наладить связи с французами, которые являлись движущей силой ЕЭС, я договорился о встрече с президентом Франции Шарлем де Голлем, которым я восхищался как великим лидером еще задолго до того. Как раз перед этим французские студенты вышли на улицы, требуя проведения конституционных реформ и увеличения числа мест в университетах, фактически подрывая легитимность власти президента Шарля де Голля. Визит был отложен. Де Голль назначил референдум, проиграл его и ушел в отставку. Мне так и не удалось встретиться с этим высоким, строгим, непреклонным человеком, чья автобиография поразила меня даже в английском переводе. Он восстановил славу французской нации и уважение французов к самим себе.

Вместо этого, в сентябре 1970 года я встретился с его преемником, Жоржем Помпиду (Georges Pompidou). Он был веселым, дружески настроенным человеком, получавшим удовольствие от общения с гостем из далекой и загадочной страны под названием Сингапур. Он подчеркнул, что Франция – это не только модная одежда, изысканные вина и экзотическая парфюмерия. Помпиду хотел, чтобы образ Франции 70-ых годов формировали высокотехнологичные изделия машиностроения, самолеты, высококачественная продукция химической промышленности. У него была склонность к философии, и он вовлек меня в дискуссию об отношении азиатов к золоту, продолжавшуюся минут двадцать. Его интересовало, будет ли золото цениться все так же высоко, после того, как оно утратило роль денежного эквивалента и стало просто товаром. Я всерьез полагал, что будет. На протяжении тысячелетий горький исторический опыт разрушений, опустошений и голода, вызванного засухой, наводнениями, войнами и прочими бедствиями убедил китайцев, что золото обладало неизменной, неразрушимой ценностью. Три с половиной года японской оккупации Сингапура были свежим напоминанием об этом. Я рассказал ему, что одного тахила золота (tahil –

несколько более одной унции) было достаточно, чтобы прокормить семью на протяжении месяца, а также приобрести лекарства и предметы первой необходимости, невзирая на гиперинфляцию. Мои воспоминания, казалось, подтвердили его мнение. Я сказал ему, что отношение к золоту являлось первобытным человеческим инстинктом. Его переводчик, князь Андронников (Prince Andronikov), русский эмигрант, перевел слово «первобытный» (primeval), как «примитивный» (primitive). Я возразил, что перевести следовало как «первобытный» (primeval), то есть ведущий свое начало с древнейших времен. Переводчик холодно взглянул на меня и ответил: «Совершенно верно, по-французски „primitif“ означает „первобытный“ (primeval)». Я чувствовал себя справедливо наказанным.

Пришедший на смену Помпиду Жиска́р Д'Э́стен был избран на пост президента в мае 1974 года. Я был в то время в Париже с частным визитом, и он принял меня через несколько дней после своего избрания на пост президента. Это была хорошая встреча, проходившая в Елисейском дворце и продолжавшаяся час с лишним. В отличие от Помпиду, который знал английский язык, но предпочитал говорить на французском, Валери Жиска́р Д'Э́стен решил разговаривать на английском. Рослый, с длинным лицом патриция, высоким лысым овалом черепа, он говорил с сильным французским акцентом, тщательно подбирая слова и выражаясь очень точно.

Он был французом до мозга костей во всем: в мышлении, в подходах, в логике. Его интересовало, почему Сингапур развивался, а другие страны – нет, он хотел узнать, что они упускали. Я ответил ему, что на то имелись три главных причины: во-первых, согласие и стабильность в обществе; во-вторых, заложенные в культуру населения стремление к достижению поставленных целей, трудолюбие и бережливость наших людей, которые всегда откладывали «на черный день» и для инвестиций в будущие поколения; в-третьих, глубокое уважение к образованию и знаниям. Он не считал, что это был полный ответ, и не был удовлетворен им.

Жак Ширак, премьер-министр правительства Жиска́р Д'Э́стена (Jacques Chirac), интересовался совершенно другими вещами. Философские дискуссии о том, что происходило в Азии, его не интересовали. Он интересовался тем, что можно было сделать для развития отношений между Францией и Сингапуром. Я постарался заинтересовать его в развитии сотрудничества не только с Сингапуром, но и со всеми странами региона, используя Сингапур в качестве отправной точки для этого. Тем не менее, потребовалось еще 10 лет, смена президента и нескольких премьер-министров, прежде чем мне удалось убедить французское правительство и предпринимателей, что Юго-Восточная Азия была перспективной частью планеты для вложения капитала.

Раймонд Барр (Raymond Barre) сменил Жака Ширака на должности премьер-министра в августе 1976 года. Барр – полный человек среднего роста – был профессором экономики. Он умел внимательно слушать. Он одобрял учреждение французских совместных предприятий и инвестиции за рубежом. Он поддержал мое предложение по созданию в Сингапуре центра технологий и услуг и сказал, что Франция могла бы сотрудничать с нами в области продажи товаров и услуг в регионе. Он предложил заключить между Сингапуром и Францией соглашение о торговле, инвестициях и технической помощи сроком на пять лет, которое бы включало в себя определенные показатели, которых мы должны были бы достичь. Он подходил к проблемам системно, с практической точки зрения, сосредотачиваясь на результатах. Тем не менее, французские предприниматели не были готовы к осуществлению этого начинания. Я разговаривал с группой предпринимателей в Национальной федерации французских работодателей (French National Employers' Federation). В конце обсуждения, продолжавшегося примерно час, их представитель сказал корреспондентам, что инвесторы знали о возможностях, имевшихся в Сингапуре, но, кажется, лишь немногие проявляли желание отправиться туда, потому что «это слишком далеко, и это – англоязычный регион». Он также добавил, что Франция не могла присутствовать повсюду одновременно, а потому концентрировала свои усилия на Африке. Действительно, французы сосредоточили свои усилия на франкофонной Африке. Даже в Азии их все еще притягивал Вьетнам, – они верили, что он будет франкофонным и склонным к сотрудничеству с Францией. Только в середине 80-ых годов, когда социалистический президент Миттеран (Mitterrand) и премьер-министр, сторонник

принципов Шарля де Голля, Жак Ширак решили, что Африка была еще не готова к развитию в той же мере, как Азия, мои усилия стали приносить плоды.

В июле 1981 года, по пути в Лондон, куда я ехал, чтобы присутствовать на свадьбе принца Чарльза, я остановился в Париже, надеясь встретиться с недавно избранным президентом Франсуа Миттераном. Чиновники французского МИДа (Quai d'Orsay) повели себя очень формально и не одобрили транзитного визита. Мне объяснили, что президент был занят, но добавили, что, Миттеран также должен был присутствовать на свадьбе, и потому встретится со мной в Лондоне, в резиденции посла. Чтобы смягчить отказ, премьер-министр Пьер Моруа (Pierre Mauroy) дал в мою честь завтрак.

Несмотря на оживленное движение транспорта на всем пути от гостиницы до аэропорта имени Шарля Де Голля, мы доехали до аэропорта быстро, сопровождаемые полицейским эскортом. Это был красивый летний день. Скоростные магистрали, обсаженные деревьями, и набережные, покрытые южными растениями, выглядели великолепно. Аэропорт имени Шарля Де Голля был современным и эффективно спланированным. Вскоре я приземлился в полном хаоса лондонском аэропорту Хитроу (Heathrow). Лабиринт подъездных путей привел меня от самолета к залу для официальных лиц. Затем мы поехали в отель «Найтсбридж» (Knightsbridge Hotel). Наш путь пролегал по неопрятным улицам, с круговыми развязками, обсаженными неухоженными газонами, заросшими сорняками. Контраст между Парижем и Лондоном был разительным.

Мне вспомнилось, как Чу и я впервые посетили Париж в июне 1948 года. Это был неухоженный город, переживший оккупацию, который очень плохо выглядел по сравнению с местами пострадавшим от бомбардировок, но чистым и опрятным Лондоном, – городом, в котором жили уверенные в себе люди, гордившиеся своей борьбой с нацистами и спасением человечества от тирании. Я также помнил хаос в Париже в мае 1958 года, непосредственно перед тем, как Шарль Де Голль снова стал президентом и сформировал Пятую республику. Вместе со своим министром культуры Молро (Malraux) они чистили Париж, смывали сажу со стен зданий, налаживали уличное освещение. Они давали людям надежду. А в это время Лондон становился все грязнее, по мере того как экономика Великобритании переживала кризис за кризисом. Я подумал, что, видимо, были свои преимущества в революционном изменении ситуации по сравнению с британским медленным, постепенным конституционным развитием. Англичане проводили бесконечные заседания по поводу строительства новых аэропортов вокруг Лондона, включая Станстед (Stansted) и Гэтвик (Gatwick), и не могли придти к какому-либо решению. Планирующие органы постоянно сталкивались с интересами местных жителей, стремившихся сохранить собственные удобства ценой прогресса всей нации. Даже сейчас, после эпохи Тэтчер, Хитроу все еще стоит как древний монумент, символизирующий недостаток смелости и решительности.

Из всех французских лидеров, с которыми мне приходилось встречаться, наиболее проницательным в оценке политических тенденций и характера различных общественных систем был президент Миттеран. Мы говорили с ним об угрозе, возникшей в результате агрессии Советского Союза в Афганистане. Он признал, что Советы добились успеха во Вьетнаме и на Ближнем Востоке, особенно в Сирии, но их влияние в других частях мира ослабевало. Они раздали много оружия, но приобрели мало друзей. Он был уверен, что объединенный Запад мог восстановить равновесие сил.

В течение первых двух лет президентства, вместе с премьер-министром Пьером Моруа, Миттеран проводил традиционную социалистическую политику. Он снизил процентные ставки по кредитам, увеличил кредитную эмиссию, чтобы уменьшить безработицу, национализировал несколько отраслей промышленности и банки. Французская экономика страдала от этого. И все-таки, несмотря на то, что ему было за семьдесят, идеология Миттерана была гибкой.

Он сменил премьер-министра и стал проводить более разумную политику, уменьшив эмиссию, обуздав инфляцию и восстановив устойчивый, если и не слишком быстрый экономический рост. Одним из достижений 14 лет его президентства было то, что он перевоспитал французских социалистов и сделал их правительственной партией.

Более серьезная дискуссия, продолжавшаяся более часа, состоялась между нами в сентябре 1986 года, когда его «Конкорд» сделал остановку для дозаправки в аэропорту Чанги.

Согласно дипломатическому протоколу я не был обязан встречать его, но мне хотелось увидеть этого серьезного, перспективно мыслящего человека. Проявив большую проницательность, Миттеран сказал, что советская империя была в таком состоянии, что одного простого несчастного случая было бы достаточно, чтобы отколоть Центральную Европу от Советского Союза. Он считал, что советский контроль над регионом основывался на равновесии сил, которое было в пользу Советов. Однако история показала, что этот баланс не являлся неизменным. В сфере идеологии власть Советского Союза начинала ослабевать. Третье поколение коммунистов считало, что оно могло извлечь пользу из западного опыта, и это ослабляло советскую систему.

Он искренне согласился со мной в том, что Европа имела бы куда больше веса на международной арене, если бы она смогла выступать единым фронтом. Это была его заветная мечта: Европа с 320 миллионами жителей и большими технологическими возможностями. Он верил, что английские и французские языки могли стать языками межгосударственного общения в Европе, причем французский мог бы играть такую же роль, как и английский. Миттеран полагал, что объединение должно было быть постепенным. Если бы вопрос стоял о выживании, то Европа, несомненно, полностью объединилась бы. С другой стороны, Европа всегда сопротивлялась бы тому, чтобы оказаться проглоченной американской цивилизацией. Он считал, что Европа будет бороться за сохранение своей европейской идентичности, ибо американизация, с ее ресторанами «быстрой еды» (fastfood) и поп-музыкой подрывала самые основы европейского образа жизни.

Он спросил меня о ситуации в Кампучии. По его мнению, процесс был на точке замерзания. Я не согласился с его мнением, потому что тогда у нас появились причины для оптимизма. Прогресс коммунизма в регионе достиг своего пика, когда Северный Вьетнам захватил Сайгон. С тех пор пустота коммунистических идеалов, агрессия Вьетнама в Кампучии и бедность, царившая во Вьетнаме, разрушили тот идеалистический образ, который коммунизм имел до того. Миттеран удивился, узнав, что уровень жизни во Вьетнаме был настолько низким, что люди были счастливы, получая продовольственные посылки от родственников из Америки и Франции.

Я сказал, что вьетнамцы совершили стратегическую ошибку, вступив в конфликт с Китаем. Продолжая оккупацию Кампучии, Вьетнам упускал возможности для экономического роста, в то время как другие страны АСЕАН вырывались вперед. Вьетнам уже отставал от стран АСЕАН на одно поколение, а к тому времени, как вьетнамцы решат, как избавиться от кампучийского бремени, они будут отставать уже на два поколения.

Я снова встретился с Миттераном во время официального визита в мае 1990 года. Он вышел на ступеньки Елисейского дворца, чтобы поприветствовать меня, – это было знаком уважения, как отметил наш посол. Миттеран снова выразил свое удивление по поводу неудач вьетнамцев, которых он считал «мужественными, находчивыми и образно мыслящими людьми». Я добавил, что вьетнамцы знали, что они – способные люди и видели, что тайцы, которые были менее трудолюбивы и хуже организованы, добились больших успехов, и, следовательно, причина неудач заключалась в их системе. Чтобы сменить систему, они нуждались в смене поколений людей, стоявших у власти. Он спросил меня, возможно ли было возникновение во Вьетнаме народного движения, которое могло бы привести к свержению существовавшей системы, как это случилось в странах Восточной Европы. Я так не считал, потому что во Вьетнаме существовала многовековая традиция власти императоров и сильных лидеров.

Миттеран вновь вернулся к краху советской империи и с удивительной прозорливостью предсказал возрождение «всякого рода националистических сил, которые долго подавлялись».

Весьма способным премьер-министром Франции был Эдуард Балладюр (Edouard Balladur), возглавлявший правительство сторонников Шарля де Голля, которое сосуществовало с президентом-социалистом Миттераном. Мы встречались несколько раз до того. Его дипломатический советник был послом в Сингапуре и моим личным другом, так что я знал, что Балладюр был очень способным человеком. Поэтому я удивился, когда познакомился с его несколькими странными взглядами на торговлю. Находясь в своем кабинете, в присутствии стенографистов, он разъяснил мне свою теорию, состоявшую в том, что либерализация и

переход к свободной торговле могли иметь существовать только между странами со схожей социально-экономической структурой, в противном случае различия между ними могли привести к искажениям и несправедливой конкуренции. Он привел в пример французскую текстильную промышленность, которая в течение 10–15 лет должна была прекратить свое существование из-за конкуренции с Китаем, Тайванем и Южной Кореей. Я не согласился с ним и доказывал, что протекционистская защита промышленности любой страны стала уже невозможной, она могла очень дорого обойтись государству. Компании стали глобальными, это было необратимым результатом развития технологии, особенно в области транспорта и связи. Фирмы получали сырье из одних стран, использовали трудовые ресурсы в других странах, строили заводы в третьих странах и продавали свою продукцию в четвертых.

Хотя он согласился с моими взглядами в целом, у него не было иного выбора, кроме как продолжать проводить протекционистскую политику из-за опасения потерять рабочие места. Такие опасения возникали всякий раз, когда компании перемещали свои предприятия за пределы Франции. Он согласился, что экономическая конкуренция должна быть честной и справедливой, добавив, что японские производители автомобилей играли не по правилам, обладая некоторыми преимуществами. Эти объяснения показались мне довольно эксцентричными и странными, ибо они исходили от человека, несомненно, обладавшего высокоразвитым интеллектом.

Подобные взгляды высказывал и Жак Ширак (Jacques Chirac), когда, в качестве мэра Парижа, он встретился со мной в Сингапуре в конце 1993 года. Находясь в Токио, он прочитал речь, произнесенную мною в октябре на форуме, устроенном газетой «Асахи» (Asahi Forum). Он нашел мое утверждение о европейском протекционизме абсурдным. По его мнению, Европа была самым открытым рынком в мире с самыми низкими тарифами. Настоящими протекционистами, по его мнению, были Япония и США. Поэтому он считал, что было нечестно обвинять Францию или Европейскую комиссию за блокирование Уругвайского раунда (Uruguay Round) переговоров из-за того, что европейцы не отказались от Общеввропейской сельскохозяйственной политики (Europe's Common Agricultural Policy). Я возразил ему, сказав, что, если не будет создано условий для свободной торговли, то миру следует готовиться к следующей войне. Китайцы создавали свою древнюю империю, ибо нуждались в установлении и поддержании порядка на обширной территории, населенной различными людьми, с тем, чтобы товары и услуги могли свободно передвигаться в пределах империи. Когда же весь мир оказался поделенным на различные империи, как это случилось перед Второй мировой войной, то причиной войны стала конкуренция за обладание большим количеством сырья, большим количеством рынков и большим богатством.

Затем мы обсудили проблемы французского сельского хозяйства и ход Уругвайского раунда переговоров в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле. Я слушал программу Би-би-си о тяжелом положении французских фермеров и сельских районов Франции в целом. Я считал, что это было частью общей технологической революции. Нельзя было вечно защищать французских фермеров, позволяя им сохранять неизменный образ жизни. Ширак парировал, что Франции было необходимо защищать свое сельское хозяйство, но он также подчеркнул, что разделяет мои взгляды на свободу торговли. Он добавил, что какого-либо иного пути, чтобы соблюсти интересы Франции в долгосрочной перспективе, кроме свободы торговли, не существовало, и потому Франция не являлась сторонником протекционизма.

Тогда, в качестве свидетельства специалиста, я привел высказывание бывшего директора ГАТТ Артура Данкеля (Arthur Dunkel) о том, что политика Франции являлась протекционистской. Тогдашний генеральный директор Питер Сазерлэнд (Peter Sutherland) разделял это мнение. Ширак сказал, что он не доверяет Сазерлэнду. Я парировал, упомянув, что президент ЕС Жак Делор (Jacques Delors), доверяет Сазерлэнду, на что Ширак быстро ответил, что он не доверяет и Делору!

Ширак сказал, что, раз мы не могли убедить друг друга, то было бы лучше, если бы мы согласились не соглашаться друг с другом. В конце концов, он так повлиял на позицию правительства Балладюра, что на Уругвайском раунде переговоров было заключено соглашение. Со времени нашей первой встречи в 1974 году Ширак и я стали друзьями, мы могли говорить друг с другом свободно и искренне, не обижаясь друг на друга.

Я был поражен тем глубоким интересом, который и Ширак, и немецкий канцлер Гельмут Коль (Helmut Kohl) проявляли к Китаю и странам Восточной Азии. Я обсудил этот вопрос с премьер-министром Го Чок Тонгом и предложил выступить с инициативой о проведении регулярных встреч между лидерами стран Европейского союза (ЕС) и руководителями стран Восточной Азии. Американцы регулярно встречались с лидерами стран Восточной Азии в рамках АТЭС и поддерживали контакты с ЕС через другие организации. При этом страны ЕС и страны Восточной Азии не имели никаких формальных контактов, которые могли бы способствовать развитию торговли, инвестиций и культурного обмена. Го Чок Тонг поднял этот вопрос в беседе с французским премьер-министром Эдуардом Балладюром, и в феврале 1996 года в Бангкоке была проведена первая встреча лидеров стран Европы и Азии. Посещая азиатские страны до встречи или после нее, многие европейские лидеры открыли для себя масштабы экономических преобразований в Восточной Азии. Было решено проводить встречи между лидерами ЕС и Восточной Азии раз в два года.

Я впервые столкнулся с немцами в аэропорту Франкфурта-на-Майне (Frankfurt) в апреле 1956 года. Самолет авиакомпании «Бритиш овэрсиз эйрвэйз корпорэйшен» «Аргонавт» сделал остановку в Риме, и я слушал мелодичные, хотя и вялые объявления по аэропорту через громкоговоритель, пока итальянские носильщики разбирали багаж. Прибыв во Франкфурт несколько часов спустя, я почувствовал, что воздух стал намного прохладнее и свежее, будто бы для того, чтобы соответствовать безапелляционному тону раздававшихся из громкоговорителей объявлений «Внимание, внимание!» (Achtung-Achtung). Объявления сопровождались настойчивыми и убедительными инструкциями, а в это время немецкие носильщики быстро выполняли свою работу. Это напомнило мне о различиях между немецкой и итальянской армиями, как явствовало из сводок с фронтов Второй мировой войны. Я читал об этом в сообщениях, которые передавались агентствами новостей союзников, работая редактором на телеграфе во время японской оккупации Сингапура.

Я посетил немецкого канцлера Вилли Брандта (Willy Brandt) в Бонне (Bonn) в сентябре 1970 года. Мы уже встречались с ним до того в Брюсселе, в 1964 году, во время празднования 100-летия Социалистического Интернационала. После моей речи на этом заседании он подошел ко мне, чтобы выразить свое сочувствие в связи с межобщинными столкновениями в Сингапуре, которые были организованы сторонниками правительства Малайзии, с целью запугать китайцев. Он пригласил меня посетить ФРГ. Я сравнил Сингапур с Западным Берлином, только без поддержки Федеративной Республики Германии в тылу. Брандт был бывшим мэром Западного Берлина и понимал всю сложность моего положения. Из всех европейских лидеров он проявлял наибольшее сочувствие к тяжелому положению Сингапура. Я пробовал убедить его не сбрасывать Юго-Восточную Азию со счетов, потому что я был уверен, что нам удастся справиться с коммунистической угрозой, нависшей над многими странами региона. Брандт имел привлекательную внешность: высокий, коренастый, с симпатичным дружеским лицом и хорошим голосом. Его реакции диктовались скорее интуицией, чем логикой, возможно, он позволял сердцу руководить головой. Он был старым добрым социалистом, всегда выступавшим в пользу уравнивания возможностей и результатов.

Гельмут Шмидт (Helmut Schmidt), который сменил Брандта в 1974 году, был здравомыслящим и практичным человеком, с четкими взглядами по всем ключевым вопросам. Он с презрением относился к той уклончивой позиции относительно отношений между Западом и Востоком, которую занимали те лидеры развивающихся стран, которые боялись критиковать Советский Союз. До того как стать канцлером, Шмидт занимал должность министра обороны, а затем, – министра финансов, поэтому на посту канцлера он хорошо владел экономическими, оборонными и стратегическими вопросами.

Шмидт и его жена Локи (Loki) посетили Сингапур в октябре 1978 года. За те три дня, которые они провели у нас, мы присмотрелись друг к другу и обнаружили много общего. Во время записи интервью для немецкой телевизионной станции ведущий был удивлен, что по многим вопросам мы говорили и думали почти одинаково. Я предложил Шмидту основать Немецко-сингапурский институт (German-Singapore Institute), где бы преподавались курсы инженерных наук и информационной технологии, чтобы помочь немецкому бизнесу обосноваться в регионе. Он согласился. Институт принес много пользы немецким инвесторам,

которые получили возможность принимать на работу технических специалистов, получивших подготовку на уровне немецких стандартов. Позднее, в этом институте обучались рабочие других стран «третьего мира».

Осенью следующего года, после моего визита в Бонн и Берлин, я написал в отчете правительству:

«Берлин выглядел более процветающим городом, чем во время моего предыдущего визита, состоявшегося в 1970 году. Но в нем отсутствует свободный дух, царящий в Бонне. Коммунисты оказывают удушающее влияние на население Западного Берлина. Это делается так, чтобы не вызывать протестов, не давать газетам повода для сенсаций, но в достаточной степени, чтобы постоянно оказывать давление на всех немцев, напоминая им, что в Западном Берлине находятся их заложники. Когда я проезжал мимо советского военного мемориала с часовыми, стоявшими подобно статуям, я вспомнил, что это они поставляли оружие, которое причинило так много страданий народам Индокитая и угрожало Таиланду. Без потока этого оружия не было бы вьетнамских войск в Кампучии и кампучийских беженцев в Таиланде. Нас спасает только то, что их система является ужасно неэффективной в производстве необходимых людям товаров и услуг. Регламентация ослабила дух их людей, подорвав их способности ко всему, кроме войны. Через какое-то время это будет осознано всеми, в том числе и их народами. Если Запад не позволит Советам воспользоваться их военным превосходством, то вся их система в 90-ых годах подвергнется серьезным испытаниям». Впоследствии так и получилось.

Я снова встретился со Шмидтом в Бонне, в январе 1980 года, после советского вторжения в Афганистан. Я находился там в составе группы лидеров, включавшей Генри Киссинджера, Тэда Хита и Джорджа Шульца, собравшихся для свободного обсуждения проблемы. Мы были единодушны в том, что следовало оказывать сопротивление Советскому Союзу любой ценой и поддерживать афганский народ.

Шмидт подал в отставку в 1982 году, потому что его социал-демократическая партия (СДП – Social Democrat Party) не поддерживала его политику восстановления финансовой дисциплины. Он продолжал активную деятельность, работая над статьями в газете «Ди цайт» (Die Zeit), а также председательствуя на конференциях «Интерэкшн кансил» (Interaction Council), – группы бывших мировых лидеров, ежегодно встречавшихся для обсуждения долгосрочных мировых проблем в совершенно беспристрастной атмосфере. Я стал членом его группы после того, как ушел в отставку в 1990 году.

Преемник Шмидта, Гельмут Коль, был гигантом, вероятно, самым большим и самым высоким руководителем государства в то время. Во время моего посещения Бонна в мае 1990 года он красноречиво говорил о воссоединении Германии, которое тогда вот-вот должно было произойти. Коль рассматривал его в контексте европейского единства. Он был уверен и оптимистично настроен относительно того, что сможет справиться с проблемами и затратами, необходимыми для воссоединения страны. Он отверг любые предположения о существовании «крепости Европа». Коль сказал, что Германия не станет потворствовать протекционизму, и был уверен, что немецкая промышленность сможет конкурировать с японской.

Я выразил озабоченность тем, что воссоединение Германии потребует такого количества труда и энергии, что у Германии мало что осталось бы для инвестиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Канцлер заверил меня, что он не потеряет интереса к Восточной Азии. Он вполне осознавал, что воссоединение Германии, которое должно было прибавить 20 миллионов восточных немцев к 60 миллионам жителей Западной Германии, вызовет опасения у ее соседей. Коль также сказал, что все хотели, чтобы объединенная Германия оставалась членом НАТО, и, хотя причины для этого были не всегда «дружественными», конечный результат должен был быть положительным: «Европейское единство и немецкое единство, – две стороны одной и той же медали».

У него были также весьма определенные взгляды относительно Китая. По его мнению, в Германии было множество глупцов (dummkoepe), которые хотели бы изолировать Китай из-за событий на площади Тяньаньмынь. Это было неверно. Коль согласился с политикой Сингапура относительно привлечения (engaging) Китая к сотрудничеству. Китай хотел утвердиться в Европе, особенно в Германии, где училось наибольшее число китайских студентов по

сравнению с другими европейскими странами; они должны были стать будущими реформаторами Китая.

В отличие от французов, немецкие промышленники и банкиры активно работали в Сингапуре и странах Восточной Азии с начала 70-ых годов, задолго до того, как у канцлера Коля развился личный интерес к региону. Вслед за Голландией, Германия была самым большим европейским инвестором в Сингапуре и нашим самым большим европейским торговым партнером. Коль посетил Сингапур в феврале 1993 года, через два с половиной года после объединения Германии. Он признал, что стоимость воссоединения с Восточной Германией оказалась выше, чем он ожидал. Тем не менее, его сопровождали более сорока наиболее видных представителей немецких деловых кругов. Я убеждал его не уступать Восточную Азию американцам и японцам. Коль сказал, что Германия не замыкалась на себе самой. Он хотел развития экономических и культурных связей со странами региона. Канцлер также пригласил меня посетить Германию для поддержания контактов между странами. Он хотел, чтобы сингапурские и немецкие предприниматели вместе инвестировали в Китае, Вьетнаме и других странах Восточной Азии. Я посетил его в мае 1994 года, чтобы проинформировать его о текущих событиях. Говоря о России, Коль отметил, что Европейский союз не относился к московским лидерам с должным уважением. Русские были гордыми людьми и чувствовали себя униженными и оскорбленными этим. Он был убежден, что, если не проводить правильной политики в отношении русских, то российские националисты и милитаристы вновь вернутся к власти и все начнется сначала.

В ноябре 1995 года Коль вновь посетил Сингапур и вновь выразил свое беспокойство в отношении России. Его европейские партнеры не понимали критической важности России для сохранения мира в Европе. Они должны были помочь России стать более сильным и демократическим государством, а не вернуться к диктатуре и политике экспансионизма. Европа нуждалась в России в качестве противовеса Китаю. По этим причинам Германия была главным источником финансовой помощи России. В 1989 году на долю Германии приходилось 52 миллиарда долларов, или более половины всей международной помощи, оказанной России. Американцы приводили его в отчаяние, — они все более и более замыкались в себе. Республиканцы были «так же плохи, если не хуже». Коль жаловался, что ни один республиканский кандидат не побывал в Европе во время президентской кампании, проходившей за год до того, а в годы «холодной войны» они это делали регулярно.

Коль хотел, чтобы я высказал свое личное мнение об официальных сообщениях, поступавших из Китая, Японии, Вьетнама, Индонезии, Малайзии, Индии, Пакистана, Бангладеш и Филиппин. Я дал ему откровенные ответы на его вопросы. Когда я говорил ему, что та или иная страна была совершенно безнадежной, он соглашался, и отвечал, что тоже не вкладывал бы туда капитал. Он был практичным и трезвым человеком, и наши оценки ситуации часто совпадали.

В июне 1996 года Коль пригласил Чу и меня отправиться на вертолете в Шпейер (Speyer), расположенный в его родной земле Рейнланд-Пфальц (Rhineland-Palatinate), в самом сердце Европы. В городе стоит роскошный собор XI века. Коль приезжал в этот винодельческий район Рейнской области с Миттераном, Горбачевым, Тэтчер и другими политиками. Его жена присоединилась к нам в его любимом ресторане «Дайдесхайм хоф» (Deidesheim Hof), где мы дегустировали его любимые блюда. В течение обеда он «угощал» меня воспоминаниями о его встречах с восточно-азиатскими лидерами, некоторые из которых ему понравились, другие же показались несколько колючими. Сухарто произвел на него впечатление скромного человека, и они стали близкими друзьями. Еще до того, как Коль стал канцлером, он посещал Сухарто в его доме. Пока он ждал Сухарто в зале, любуясь рыбками в аквариуме, какой-то человек в свитере и саронге подошел к нему, они вместе смотрели на рыбок и начали говорить. Немецкий посол, сопровождавший Коля, не заметил его. И только спустя некоторое время Коль понял, что это был сам президент. Сухарто пригласил его остаться пообедать, и они вместе провели четыре часа. Во время другого визита Сухарто взял его на свою ферму, чтобы показать разводимый там крупный рогатый скот, после чего Коль прислал ему из Германии племенного быка. В следующий раз, когда он встретился с Сухарто, президент пожал ему руку и сказал, что бык сделал первоклассную работу.

Коль продемонстрировал, как мало внимания он уделял форме. Все шестеро из нас путешествовали по Шпейеру не в роскошном лимузине «Мерседес», а в обычном микроавтобусе «Фольксваген» (Volkswagen). Когда я дал в его честь обед в Сингапуре, он приехал на обычном туристическом автобусе, как он сказал мне, чтобы лучше рассмотреть город.

Гельмут Шмидт и Гельмут Коль не были лучшими друзьями, и немецкие средства массовой информации были заинтригованы, как мне удавалось поддерживать хорошие отношения с обоими. Когда меня об этом спросили, я ответил, что моей обязанностью было поладить с любым немецким лидером, так что я не отдавал никому предпочтения. Коль иногда проигрывал в сравнении со Шмидтом, его непосредственным предшественником. Шмидт был интеллектуалом, всегда подбрасывавшим интересные идеи, которые он разъяснял с остротой и ясностью в «Ди цайт» и после того, как подал в отставку с поста канцлера. Средства массовой информации, напротив, описывали Коля как скучного и унылого человека. В результате, многие недооценивали его. Когда Коль пришел к власти, никто не ожидал, что он будет находиться на этом посту дольше любого другого немецкого канцлера, за исключением Бисмарка (Bismarck). Узнав его ближе, я рассмотрел за внешней неуклюжестью и громоздкостью ясный ум и острое политическое чутье. У него был сильный характер, решительный и последовательный в достижении поставленных целей. Его стратегическое мышление позволило ему свести счеты с прошлым Германии, и он был решительно настроен, чтобы прошлое никогда больше не повторилось. Именно отсюда проистекала его целеустремленная борьба за создание Европейского монетарного союза (European Monetary Union). Он считал это вопросом войны и мира и верил, что евро сделает процесс европейской интеграции необратимым.

Коль проиграл выборы в сентябре 1998 года. Он останется в истории великим немцем, вторично объединившим Германию, и великим европейцем, хотевшим, чтобы Германия стала частью наднациональной Европы, чтобы предотвратить повторение разрушительных европейских войн прошлого столетия. Он консолидировал франко-германские связи и подготовил евро для успешного старта 1 января 1999 года, несмотря на широко распространенный скептицизм и оппозицию. В первый же год существования евро курс общеевропейской валюты по отношению к американскому доллару понизился, но если евро, в конечном счете, преуспеет, то вклад Коля в создание европейского единства будет историческим. Его признание в том, что он был замешан в сборе секретных пожертвований на нужды своей партии, которые по закону должны были делаться гласно, не умаляет значение его вклада в построение новой Германии и нового ЕС.

Французские лидеры поразили меня уровнем своего интеллекта и глубиной политического анализа. Используя экономические ресурсы Германии в составе ЕС, французам удалось опередить немцев в усилении своего влияния на международной арене. Объединенная Германия не станет с этим мириться. Тем не менее, канцлер Коль слишком хорошо знал об опасениях, которые могли бы появиться, если бы Германия стала злоупотреблять своей мощью и весом.

Одним из серьезных препятствий для дальнейшего развития европейского единства является отсутствие общего языка. Шмидт разговаривал с Жискар Д'Эстеном на английском и отмечал, что между ними налажилось хорошее взаимопонимание. Миттеран и Ширак разговаривали с Колем через переводчика. Для меня всегда было трудно понять другого человека, если мы разговаривали через переводчика. Шмидт, Жискар Д'Эстен и Ширак разговаривали со мной на английском языке, и я мог понять их мысли лучше, чем разговаривая с Миттераном и Колем через переводчика. Из-за того, что я должен был ждать перевода того, что они мне сказали, мне было сложнее понять язык их жестов. Если человек говорит по-английски, пусть даже не идеально с грамматической точки зрения, я приспосабливаюсь к тому, как он мыслит. Паузы и заминки, сделанные в середине предложения, иногда изменяют его смысл, переводчик же переводит их на одном дыхании, и сомнения и колебания, скрывающиеся за паузами, исчезают. Пока европейцы не договорятся об общем языке, они не смогут тягаться с Америкой в том, что касается тех выгод, которые приносят однородность и размеры страны. Во всех странах ЕС английский язык преподается в качестве второго языка, но

ни одна из них не готова пожертвовать своим языком ради английского или какого-либо другого языка. В результате, при работе над большими проектами, взаимозаменяемость инженеров и управляющих из стран ЕС не будет такой же легкой, как у американцев.

Стремление французов сделать свой язык одним из ведущих языков международной дипломатии должно уступить место прагматизму. К концу 80-ых годов французские ораторы на международных конференциях начали говорить по-английски, чтобы лучше влиять на международную аудиторию. С развитием Интернета игнорирование превосходства английского языка может дорого обойтись. Тем не менее, в 90-ых годах дискуссии между французским и немецким управляющими, ведущими между собой беседу на английском языке, стали уже обычным делом.

Глава 27. Советский Союз: крах империи

В октябре 1957 года я был в Джесселтоне (Jesselton) (ныне Кота Кинабалу – Kota Kinabalu), в джунглях Британского Северного Борнео для слушания дела в суде, когда до меня дошло сенсационное известие: русские запустили спутник в космос. Это было впечатляющей демонстрацией превосходства советской технологии. Я принимал вызов коммунистической системы всерьез: Советы были агрессивны повсюду в Азии и, вместе с коммунистическим Китаем, поддерживали партизанское движение. Русские выросли в моих глазах еще сильнее, когда в апреле 1961 года они послали первого человека в космос. Это давало им основания заявлять, что будущее принадлежит им.

Мне было интересно узнать, что это за народ, и я решил воспользоваться возможностью посетить Москву в апреле 1962 года, после конференции стран Содружества наций в Лондоне. После стандартного официального тура по Москве я посетил Большой театр, где смотрел на выступление Стравинского во время его первого возвращения в Россию. Он дирижировал оркестром, исполнявшим балет «Петрушка». Советские должностные лица изолировали меня от людей на улицах, в магазинах и, кроме официальных лиц, я ни с кем не встречался.

Мое впечатление от Москвы и ее должностных лиц сводилось к серости и строгости. Я запомнил бабушку, точно соответствовавшую описанию в книгах, которые я читал: большую толстую женщину, сидевшую возле лифта на моем этаже в гостинице «Националь» (их лучший отель, где также остановился и Стравинский) и больше ничего не делавшую. Мне подали в номер огромный завтрак: икра, копченый лосось, ветчина и мясо, хлеб, масло, кофе, чай, водка, коньяк. Завтрак был сервирован на столе, покрытом темной бархатной скатертью. Когда я вернулся в тот вечер из театра, стол еще не был убран. Как меня и предупреждали до поездки в Москву, умывальник не имел пробки.²⁴ Я привез с собой твердый резиновый шар для этой цели, но он не подходил для умывальника, хотя, к счастью, подошел для ванной. Автомобиль представительского класса «Чайка» был ужасен. Сопровождавший меня чиновник работал в министерстве культуры и отвечал за связи со странами Юго-Восточной Азии, а самым высоким должностным лицом, с которым мне довелось встретиться, был заместитель министра иностранных дел Кузнецов (Kuznetsov). В Москве я ощущал витавшую в воздухе угрозу, но это было, наверное, плодом моего воображения. То, что Советский Союз – великая держава, было фактом.

Поэтому я поощрял моего старшего сына Лунга изучать русский язык, полагая, что, поскольку он увлекался математикой, это позволило бы ему читать публикации многих превосходных российских математиков. Я полагал, что Россия будет оказывать большое влияние на жизнь моих детей. Лунг потратил шесть лет, изучая русский язык с чешский профессором – эмигрантом, преподававшим в нашем Университете Наньян, затем – с корреспондентом ТАСС, а потом – с русскими студентами, изучавшими китайский язык. Наконец, британский дипломат прошел с ним курс подготовки к экзамену за общеобразовательную школу (O-level), который Лунг сдал с отличием.

Сингапур установил полные дипломатические отношения с Советским Союзом в 1968

²⁴ Прим. пер.: в Англии и англоязычных странах принято закрывать умывальник пробкой, набирать воду и умываться стоячей водой

году, но контакты между странами были минимальными. У русских не было ничего из того, что мы хотели бы купить, за исключением улова их рыболовного флота, который вел промысел в Индийском и Тихом океанах. Они создали совместное предприятие с одной из наших компаний, которое занималось консервированием рыбы, а также ремонтом судов в наших доках и пополнением припасов. Советы, тем не менее, были заинтересованы в Сингапуре из-за его стратегического положения. Это стало ясно во время моей вынужденной остановки в Москве в январе 1969 года.

Чу и я летели в Лондон самолетом «Скандинавиэн эйрлайнз систем» (Scandinavian Airlines System) через Гонконг, Ташкент и Копенгаген. Летчик объявил, что самолет не сможет приземлиться в Ташкенте из-за погодных условий и будет вынужден совершить посадку в Москве. Когда мы пролетали над Ташкентом, небо было совершенно ясным. На взлетной полосе московского аэропорта меня ожидали представители МИДа во главе с Ильей Ивановичем Сафроновым (Ilya Ivanovich Safronov), назначенным на должность советского посла в Сингапуре. Была холодная ночь, Чу поскользнулась на замерзшей взлетно-посадочной полосе, совершенно не подготовленной для встречи, и чуть не упала. Мой секретарь дрожал от холода, но согрелся в зале для официальных лиц коньяком. Все, чего они хотели добиться в результате этой сложной комбинации, было организовать встречу со мной человеку, отбывавшему в Сингапур в качестве их первого посла. Это был также весьма простой способ поразить меня размерами, мощью и возможностями страны.

Сафронов, который говорил по-китайски, служил до этого в Китае, и в его обязанности входило внимательно изучать то влияние, которое Китай мог оказывать на Сингапур. Вскоре после того, как он прибыл в Сингапур, он передал мне приглашение посетить Советский Союз от премьер-министра Алексея Николаевича Косыгина (Alexei Nikolayevich Kosygin).

В сентябре 1970 года я прибыл в Москву после полуночи, рейсом «Аэрофлота» из Каира. Меня встречал почетный караул высоких русских гвардейцев, освещенных прожекторами. Они передвигались подобно роботам и, когда меня попросили поприветствовать их по-русски, отвечали в унисон. Осмотр почетного караула завершился маршем, который был впечатляющей демонстрацией агрессивности и силы. Все это было задумано, чтобы произвести впечатление, и я действительно был впечатлен.

В Кремле я посетил тучного Председателя Верховного Совета Николая Подгорного (Nikolai Podgorny). Мы провели переговоры за завтраком. Подгорный говорил об улучшении культурных и экономических отношений между странами и не произвел на меня никакого впечатления. На следующий день мы полетели в Сочи (Sochi), а потом, по гористой дороге, пролежавшей вдоль побережья Черного моря, нас отвезли с нашей дачи для гостей в большой дом отдыха в Пицунде (Pitsunda), где нас приветствовал серьезный, но недружелюбный премьер-министр. Косыгин с гордостью показывал нам свою дачу, в особенности крытый бассейн с подогретой водой и большими раздвигающимися дверями, которые работали от нажатия кнопки. Я провел приблизительно два часа, разговаривая с ним перед обедом.

Косыгин проявил большой интерес к тем обстоятельствам, в которых происходило наше отделение от Малайзии. Он спросил: «Действительно ли Сингапур предпринял серьезные усилия, чтобы остаться в составе федерации?». Я уверил его, что мы старались изо всех сил, но между нами имелись фундаментальные различия в политических взглядах на проблемы межобщинных отношений. Он спросил, правильно ли было предположить, что идея федерации с Малайзией не была отброшена окончательно. Я упомянул о географических и семейных связях между двумя странами, но сказал, что после расовых беспорядков, имевших место в мае 1969 года в Куала-Лумпуре, вряд ли было реально строить планы нашего возвращения в федерацию. Лидеры Малайзии относились к Сингапуру с подозрением. Тогда он спросил о той поддержке, которую имели коммунисты (то есть маоисты) в Сингапуре. Я сказал, что в 1961–1962 годах их поддерживало максимум 33 % избирателей, а теперь, вероятно, порядка 15 % избирателей.

Из его жестов и вопросов о влиянии Пекина на этнических китайцев Сингапура я понял, что он не считал, что существование независимого Сингапура было в советских интересах. Он многозначительно упомянул об использовании наших предприятий для ремонта американских самолетов и судов, а также о посещении города для отдыха американскими военнослужащими,

воевавшими во Вьетнаме. Я возразил на это, что наши ремонтные предприятия были доступны для всех на чисто коммерческой основе. Он был заинтересован в использовании наших верфей и, намекая на оставшиеся от Великобритании военно-морские базы, высказал надежду на расширение экономических и политических отношений с Сингапуром. Он был готов посылать в Сингапур для ремонта все типы судов, включая советские военные корабли. Косыгин добавил, что его заместитель по вопросам внешней торговли посетит Сингапур, чтобы оценить перспективы развития торговли.

Косыгин поразил меня как человек тонкий и многозначительный. Он не упомянул о советском предложении по созданию азиатской системы коллективной безопасности, которое обсуждал со мной в Москве президент Подгорный. Так как я не проявил какого-либо энтузиазма по этому поводу, то Косыгин просто сказал, что СССР являлся и европейской, и азиатской державой. Поэтому русские естественно интересовались тем, что происходит в Юго-Восточной Азии, хотя некоторые и пытались отрицать их право быть азиатами.

Сопровождавший меня сотрудник МИДа, специалист по Китаю Михаил С. Капица (Mikhail S. Kapitsa), на протяжении всего визита вел большую часть бесед и зондирования по разным вопросам. Советское гостеприимство не знало пределов. В самолете по пути из Москвы в Сочи, вскоре после завтрака, нам подали икру, копченого осетра, водку и коньяк. Когда я сказал, что мои английские привычки позволяют мне пить по утрам только чай, еда и алкоголь были убраны. Сопровождавший нас министр сказал, что он тоже пьет чай по утрам и расточал комплименты по этому поводу.

Меня потряс их огромный военный мемориал в Волгограде (во время Второй мировой войны – Сталинград), сооруженный в честь героической защиты города. Работая редактором на телеграфе в оккупированном японцами Сингапуре, я читал сообщения военных корреспондентов об этом долгом сражении в 1943–1944 годах.²⁵ Великолепные настенные барельефы прославляли героизм советских войск и жителей города, проявленный во время обороны. Почти столь же незабываемым был их военный мемориал и кладбище в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург). Русские были храбрыми, жесткими и выносливыми людьми, которые вынесли страшные потери, причиненные германским вермахтом, сумели изменить ход войны в свою пользу и, в конце концов, закончили ее в Берлине.

Несмотря на все их гостеприимство и дружеское отношение, Чу и я подозревали, что наше помещение прослушивалось. После обеда, состоявшегося в первый день нашего пребывания в Москве, она сказала мне в нашей спальне, на даче для приема гостей: «Странно, что они уделяют мне так много внимания. Они, наверное, считают, что я имею на тебя очень большое влияние. Они уделяли очень мало внимания Радже».

На следующий день хозяева уделяли намного больше внимания Раджаратнаму, нашему министру иностранных дел, чем Чу. Это было настолько очевидно, что я даже задавался вопросом, не хотели ли они, чтобы мы знали, что они нас прослушивают. Все оставшееся время визита, даже находясь в ванной, я чувствовал, что они контролируют мои мысли.

После 1970 года между нами не было контактов на высшем уровне, не считая четырех визитов, совершенных заместителем министра иностранных дел Н.П.Фирюбиным (N. P. Firyubin) в период с 1974 по 1980 год. Я упрекнул его в том, что СССР не поддерживал АСЕАН, в то время как даже Китай высказал свою поддержку этой организации. Они подозревали, что АСЕАН являлась антисоветской и проамериканской организацией. Фирюбин был очень умным и приятным собеседником, но он не имел никаких полномочий для принятия решений. Когда мы в последний раз встретились в апреле 1980 года, он пытался сгладить то плохое впечатление, которое произвели советская поддержка оккупации Камбоджи Вьетнамом и их собственное вторжение в Афганистан. Он сказал, что Советский Союз борется за разрядку международной напряженности, и упомянул недавнее посещение руководителями Вьетнама столиц стран Юго-Восточной Азии в качестве проявления их миролюбивой политики. Вьетнам хотел обсудить с нами создание зоны мира, свободы и процветания. Он сказал, что Советский Союз поддерживал это предложение и будет делать все, чтобы поддерживать мир, безопасность и взаимное доверие. Я прямо возразил ему, что, если они действительно хотели мира, то

²⁵ Прим. пер.: здесь Ли Куан Ю ошибается – Сталинградская битва проходила в 1942–1943 годах

должны были заставить Вьетнам прекратить агрессию в Камбодже, которая так встревожила все страны Юго-Восточной Азии. Я также подчеркнул, что вторжение Советского Союза в Афганистан в декабре 1979 года напугало все страны Юго-Восточной Азии.

Примерно в этот же период мы узнали, что шифровальщик нашего посольства в Москве был скомпрометирован, вступив в связь с русской женщиной, и передавал ей секретные сообщения из посольства. Видимо, это было их обычной практикой в отношении посольств всех государств, как дружественных, так и враждебных. Не знаю, какую информацию они рассчитывали почерпнуть из чтения нашей корреспонденции с посольством, ибо все, к чему мы стремились, было избегать каких-либо неприятностей с Советами.

После вторжения Вьетнама в Кампучию советская пропаганда стала враждебной по отношению к Сингапуру, говоря о 25 миллионах китайцев, живших за пределами Китайской Народной Республики, как представителях Китая, опасной «пятой колонне» в странах их проживания. Я напомнил Фирюбину, что Советский Союз имел посольство в Сингапуре, а Китай – нет, и что ему было известно, что я не одобрял попыток китайского правительства поддерживать контакты с китайцами, проживавшими в регионе, через голову правительств стран Юго-Восточной Азии. Напротив, вьетнамская агрессия против Кампучии вызвала серьезные опасения в Таиланде и других странах по отношению к Китаю. Советский Союз должен был принять фундаментальное решение об изменении своей политики. Чем меньше проблем они создавали в Юго-Восточной Азии, тем меньше были бы возможности Китая оказывать влияние на эти страны.

После советского вторжения в Афганистан мы присоединились к бойкоту Олимпийских игр в Москве в 1980 году, заморозили программу культурного обмена и отсрочили все визиты советских экономических делегаций. Мы также отказались предоставлять средства обслуживания, ремонта и даже заправки их военно-морских и вспомогательных судов на наших гражданских верфях, а также отказались проводить техническое обслуживание советских самолетов, летавших в Индонезию.

Отношения между нами оставались замороженными на протяжении почти целого десятилетия, до начала проведения Горбачевым (Gorbachev) политики перестройки и гласности. Когда премьер-министр Николай Рыжков (Nikolai Ryzhkov) посетил Сингапур в феврале 1990 года, он представлял уже другое правительство и другую страну. У него не было ни уверенности в себе, ни даже походки лидера великой державы. Он попросил заместителя премьер-министра Он Тен Чиона предоставить заем в размере 50 миллионов долларов для закупки потребительских товаров в Сингапуре. Я не согласился с этим и приказал Он Тен Чиону не отвечать на эту просьбу. Если премьер-министр Советского Союза был вынужден обратиться к крошечному Сингапуру за займом в 50 миллионов долларов, то СССР, видимо, исчерпал свой кредит у всех больших государств. Государственные долговые обязательства Советского Союза ничего не стоили.

Рыжков посетил универмаг НКПС «Фэйрпрайс». Когда в тот же вечер я дал в его честь обед в Вилле Истана, он выразил свое удивление, что нашим рабочим был доступен такой широкий ассортимент мяса, фруктов и овощей, импортированных со всех континентов. Нехватка продовольствия в Советском Союзе в то время была в центре его внимания. Рыжков был дружелюбным и приятным собеседником, он признавал, что созданная Сталиным командная экономика и изоляция Советского Союза нанесли стране ущерб. Он сказал, что правительству удалось изменить ситуацию к лучшему, они поняли, что мир стал взаимозависимым, решили интегрироваться в систему международных экономических отношений, независимо от идеологических разногласий.

Рыжков пригласил меня посетить Советский Союз, что я и сделал в сентябре того же года. На этот раз церемония встречи в московском аэропорту была иной. Почетный караул больше не состоял из одинаковых гвардейцев ростом в шесть футов и три дюйма (190 см). Почетный караул состоял из военнослужащих разного роста, оркестр также был разношерстным. Слаженность движений, подобная работе часового механизма, уже отсутствовала, – русские больше не старались внушать страх посещавших их людям.

Рыжков опоздал на встречу со мной и искренне извинялся. Он задержался в Верховном Совете, пытаясь найти компромисс между двумя различными предложениями о переходе

советской экономики к рыночной системе. Он продемонстрировал полную потерю доверия к существовавшей системе и растерянность в вопросах перехода к рыночной экономике. Он сказал, что его правительство наблюдало за Сингапуром с большим интересом, потому что СССР пытался перейти к рыночной экономике, и их привлекали замечательные успехи Сингапура. Они также изучали опыт других стран, чтобы извлечь положительные уроки из их опыта управления экономикой. Я подумал о том, какими катастрофическими последствиями для такой огромной страны как Советский Союз, могли обернуться разговоры об изучении опыта рыночной экономики в других странах, в тот момент, когда государство находилось на последней стадии дезинтеграции.

Моя встреча с президентом Михаилом Горбачевым откладывалась несколько раз, потому что он был занят интенсивными дискуссиями, касавшимися следующих шагов по переходу к рыночной экономике. Советские официальные лица пытались оправдаться, но я приказал своему послу не волноваться. Мы были свидетелями конца империи. У меня было то преимущество, что я видел крах Британской империи в феврале 1942 года, когда японцы захватили Сингапур. Меня приняли в кабинете Горбачева в Кремле, когда он закончил одно из своих бесконечных заседаний, чтобы встретиться со мной в течение 30 минут. Все формальности были отложены, мы встретились в составе маленькой группы. С Горбачевым был только шеф протокола и переводчик, а со мной – только мой заместитель Го Чок Тонг и министр иностранных дел Вон Кан Сен (Wong Kan Seng).

У Горбачева не было уверенности в том, какие шаги следовало предпринять, чтобы решить почти неразрешимые проблемы. Я подумал, что он совершил фатальную ошибку, начав кампанию гласности до перестройки экономики, и что Дэн Сяопин проявил куда большую мудрость, поступив в Китае наоборот. Горбачев выглядел сосредоточенным, спокойным и искренним человеком, когда сказал, что каждая нация является уникальной, и ни одна страна не должна доминировать над другими государствами в военном отношении. Он сказал, что Советский Союз был занят перестройкой, которая сводилась к вопросу о выборе: выборе политико-экономических реформ и путей перехода к новой системе. Он добавил, что Советский Союз начал перестройку в 1917 году, но она пошла не по тому пути, так что теперь он пробовал опять. Он понял, что перестройка в Сингапуре началась много лет назад. Он высоко ценил развитие наших двухсторонних отношений.

Я сказал, что было удивительно то, насколько мирно проходили преобразования в Советском Союзе. Если бы ему удалось продолжить преобразования без насилия в течение еще 3–5 лет, то это было бы настоящим триумфом. Я также положительно отзывался о политике неприменения военной силы для решения проблем, что было бы бедственно для остального мира. Он ответил, что независимо от того, на какой стадии экономического или культурного развития находится страна, никто не может относить ее к разряду первой или второразрядной, потому что каждая нация является уникальной.

Покинув Кремль, я удивлялся тому, что такой достойный человек смог достичь самого высокого положения в такой зловещей системе. Лидер меньшего масштаба стремился бы решить проблемы Советского Союза, используя его огромные военные возможности, что причинило бы огромный ущерб остальному миру. В этом отношении США и всему миру действительно повезло.

Из моих дискуссий с китайскими лидерами я понял, что они имели совершенно иное представление о Горбачеве, как о лидере сверхдержавы, слушавшем советы ее врагов. Ему следовало насторожиться, когда средства массовой информации враждебных государств стали хвалить его, вместо этого он следовал их увещаниям и вызвал распад страны в результате проведения политики гласности, чего и добивались его противники. Поэтому, когда американские средства информации называли премьер – министра Китая Чжу Чжунцзи (Zhu Rongji) «китайским Горбачевым», тот немедленно отошел от всего, что хоть как-то могло напоминать Горбачева. Чжу Чжунцзи и другие китайские лидеры предпочитали напоминать Дэн Сяопина с его социалистическим реализмом, выразившимся в его знаменитом изречении, что «нет разницы, какого цвета кошка – черного или белого, – лишь бы она ловила мышей». Лишь немногие китайцы, будь то лидеры или простые люди, сочувствовали Горбачеву, когда его собственный народ выразил свое отношение к нему на президентских выборах 1996 года, на

которых он набрал менее 1 % голосов. Они видели в нем человека, который разрушил советскую империю так, как ЦРУ могло только мечтать.

Распад Советского Союза не затронул Сингапур, так как между нашими странами практически не было экономических связей. Первым признаком разрушения системы было то, что визиты советских рыболовных судов стали нерегулярными. Капитаны кораблей продавали рыбу в других местах, иногда в экстерриториальных водах, чтобы платить зарплату экипажу и оплачивать услуги верфей в тех странах, где ремонт их судов обходился дешевле. Контроль из Москвы больше не осуществлялся. Советская авиакомпания «Аэрофлот» также испытывала подобные трудности. Из-за отсутствия твердой валюты для оплаты авиатоплива, ее представители вынуждены были выпрашивать наличные в отделении «Московского народного банка» в Сингапуре, чтобы заплатить за горючее для обратного полета в Москву.

Несмотря на растущий хаос, с рейсами «Аэрофлота» в Сингапур стало прибывать множество туристов, которые покупали электронные товары для перепродажи в Москве в несколько раз дороже. Это были выгодные экскурсии для этих вольных торговцев. Вскоре стало прибывать больше женщин, чем мужчин. Поговаривали, что все, в чем они нуждались, был авиабилет и плата за проезд в такси в гостиницу, где клиенты мужчины обеспечивали их средствами для оплаты электронных товаров, которые они покупали в конце своего короткого визита. Наш посол в Москве был человеком высокой морали, он не одобрял этого и просил советское министерство внутренних дел не выдавать паспорта таким женщинам. Но наплыв этих предприимчивых молодых женщин не иссякал.

Когда я посетил Советский Союз в сентябре 1970 года и встретился с премьер-министром Косыгиным на его черноморской даче, советские лидеры были уверены, что будущее принадлежало им. Наблюдать за тем, как огромная, контролируемая империя стала неуправляемой, а затем разрушилась, было устрашающим зрелищем. Что-то подобное этому, наверное, происходило в Китае в последние десятилетия правления династии Цин. Разница заключается в том, что Россия все еще располагает ядерным оружием, которое дает ей возможность удержать любого агрессора, стремящегося к ее расчленению. И любой, кто считает, что с русскими покончено как с великой нацией, должен вспомнить об их ученых, работавших в космической и атомной области, шахматных гроссмейстерах, олимпийских чемпионах, которых они воспитали, несмотря на весь ущерб причиненный стране системой централизованного планирования. В отличие от коммунистической системы, русские – не те люди, которых можно выбросить на свалку истории.

Глава 28. Америка – главный борец с коммунизмом

В конце августа 1965 года, вскоре после потрясения, пережитого в результате отделения от Малайзии, я неожиданно столкнулся с серьезными личными проблемами. Состояние моей жены Чу резко ухудшилось, ей требовалась операция. Ее лечащий врач-гинеколог доктор Бенджамин Шиерс (Dr. Benjamin Sheares) порекомендовал ей обратиться к американскому врачу, который был лучшим специалистом в этой области. Я попытался убедить его приехать в Сингапур, но мне это не удалось. Врач настаивал, чтобы Чу приехала в Швейцарию, куда он направлялся по другим делам. Я обратился за помощью к Генеральному консулу США в Сингапуре и, через него, – к правительству США. Они не оказали мне помощи, – то ли не могли, то ли не хотели. Тогда я обратился к англичанам, чтобы добиться приема у ведущего английского специалиста, которого также порекомендовал Шиерс. Доктор согласился и немедленно прилетел в Сингапур, выразив понимание моего нежелания отправить жену за границу одну в тот момент, когда я не мог оставить Сингапур. Этот инцидент только усилил мое ощущение того, что мне будет нелегко сработаться с американцами, которых я знал не так хорошо, как англичан.

Я был рассержен и нервничал. В телевизионном интервью иностранным корреспондентам, которое я дал через несколько дней, я высказал свое недовольство американцами. Я выразил свое недовольство по поводу того, что американское правительство не смогло помочь убедить американского специалиста-медика приехать в Сингапур, чтобы оказать помощь близкому мне человеку. Затем я впервые публично упомянул о том, как за

четыре года до того агент ЦРУ пытался подкупить офицера нашего Специального департамента (Special Branch – контрразведка Сингапура).

В 1961 году ЦРУ предложило этому офицеру фантастическое вознаграждение и гарантии того, что, если бы его деятельность была раскрыта, или он столкнулся с трудностями, то они помогли бы ему и его семье выехать в Америку, где его будущее было бы обеспечено. Их предложение было настолько заманчивым, что офицеру потребовалось три дня на его обдумывание, но затем он все-таки решил рассказать об этом своему руководителю – Ричарду Корридону (Richard Corridon). Корридон сообщил об этом мне, и я приказал ему устроить западню. В результате им удалось поймать трех американцев с поличным в квартире на Орандж Гроув Роуд (Orange Grove Road) в тот момент, когда они готовились проверить нашего офицера Специального департамента, с помощью «детектора лжи». Один из них был сотрудником консульства США в Сингапуре и заявил о своем дипломатическом иммунитете; два других были офицерами ЦРУ, один из которых базировался в Бангкоке, а другой – в Куала-Лумпуре. Мы располагали достаточными доказательствами, чтобы упрятать их за решетку на 12 лет. Генеральный консул США, который ничего не знал об этой операции, подал в отставку.

Обсудив эту проблему с Кен Сви, Чин Чаем, Раджой и Пан Буном, я сказал послу Великобритании лорду Селкирку (Lord Selkirk), что мы освободим этих людей, а их противозаконная деятельность не будет обнародована, если американцы предоставят правительству Сингапура 100 миллионов долларов на нужды экономического развития. Американцы предложили один миллион долларов, но не правительству Сингапура, а ПНД, что было невероятным оскорблением. Американцы до этого купили и продали столь многих лидеров во Вьетнаме и других странах, что считали, что смогут покупать и продавать лидеров правительств где угодно. Нам пришлось освободить одного американца, обладавшего дипломатическим иммунитетом, но мы решили продержат двух оставшихся офицеров ЦРУ в заключении в течение года на основании законодательства о чрезвычайном положении (Emergency Regulations). В результате неоднократных обращений лорда Селкирка мы выпустили их через месяц, предупредив, чтобы впредь они не занимались подобной деятельностью. Мы надеялись, что предупреждения было достаточно, но опасались, что это могло быть и не так.

В ответ на публичное обнародование этой информации Госдепартамент США выступил с отрицанием того, что с американской стороны предлагались какие-либо взятки, и выразил сожаление по поводу моего заявления, назвав его «неудачным, бесполезным и просто играющим на руку Индонезии». «Американцы глупо отрицают бесспорные факты», – ответил я, обнародовав детали скандала и письмо, полученное от Госсекретаря США Дина Раска (Dean Rusk) 15 апреля 1961 года, в котором он писал:

«Дорогой премьер-министр,

Я был глубоко обеспокоен, узнав, что Ваше правительство уличило некоторых официальных лиц правительства США в противоправных действиях на территории Сингапура. Я хочу довести до Вашего сведения, что я глубоко сожалею об этом несчастном инциденте, который ухудшил дружеские отношения, существующие между нашими правительствами. Новая администрация США весьма серьезно относится к этой проблеме и намеревается рассмотреть деятельность официальных лиц США, применив к ним меры дисциплинарного воздействия.

Искренне Ваш, Дин Раск».

В 1961 году мое отношение к Америке и американцам было подытожено в моих инструкциях Корридону: «Расследуйте этот случай тщательно, обращая внимание на каждую деталь. Не оставляйте ничего без внимания, пока не доберетесь до сути дела. Но постоянно помните, что вы имеете дело не с врагами, а с друзьями, совершающими чудовищные глупости».

Предав огласке в своем интервью в августе 1965 года инцидент, случившийся за четыре года до того, я не только стремился выразить свое недовольство по поводу того, что американцы не оказали мне помощи. Я также хотел дать понять странам Запада, что, в том случае, если Великобритания выведет свои войска, в Сингапуре не будет американских военных баз. В этом случае Сингапур «будет налаживать связи с Австралией и Новой

Зеландией». Я хотел, чтобы британские войска оставались в Сингапуре, и боялся того, что после нашего неожиданного отделения от Малайзии англичане захотят вывести свои войска из Сингапура, как только закончится «конфронтация» с Индонезией.

Американцы производили на меня неоднозначное впечатление. Я восхищался их деловитостью, но разделял взгляды британской элиты того времени: американцев считали яркими, но нахальными; обладавшими несметными богатствами, но часто использовавшими их не по назначению. Американцы считали, что для решения любой проблемы достаточно было просто привлечь необходимое количество ресурсов. Это было неверно. Многие американские лидеры полагали, что для преодоления расовой, религиозной, национальной вражды, соперничества, междоусобиц и войн, уходящих корнями в глубь тысячелетий, достаточно было лишь привлечь побольше ресурсов. (Многие из них считают так до сих пор. Именно на этом основаны усилия американцев по построению мирного, мультирасового и мультирелигиозного общества в Боснии и Косово).

Американские методы борьбы с коммунизмом в Азии меня не впечатляли. Американцы беспринципно вели себя с лидером националистов Южного Вьетнама Нго Динь Дьемом. Они поддерживали его лишь до тех пор, пока он не отказался проводить их линию. После этого они отвернулись от него, и Дьем был убит своими же генералами. У американцев были хорошие намерения, но они вели себя властно, а их понимание истории было недостаточным. Я также опасался, что они могли рассматривать всех этнических китайцев в качестве вероятных сторонников коммунистов, только потому, что Китай был коммунистической страной.

Несмотря на это, Америка была единственной страной, обладавшей силой и решимостью остановить не прекращавшееся наступление коммунистов и поднять народы на борьбу с ними. При этом я хотел, чтобы Великобритания, Австралия и Новая Зеландия играли роль буфера между нами и американцами, ибо жизнь стала бы для нас очень сложной, если бы Сингапур превратился в подобие Сайгона или Манилы. В одиночку англичане в Малайзии не могли остановить наступление коммунистов в Юго-Восточной Азии, именно американцы смогли предотвратить распространение китайскими и вьетнамскими коммунистами партизанской войны на Камбоджу и Таиланд. Соединенные Штаты также поддерживали президента Индонезии Сукарно до тех пор, пока коммунисты не предприняли попытку государственного переворота в сентябре 1965 года. В целом, американская поддержка в борьбе против продолжавшегося наступления коммунистов была незаменимой.

Готовность американцев противостоять коммунистам где угодно, бороться с ними любой ценой успокаивала меня. Именно потому, что американцы были решительно настроены и хорошо подготовлены к борьбе против коммунистов, Неру, Насер и Сукарно могли позволить себе играть роль лидеров неприсоединившихся стран. Это было очень удобно для них, и я тоже стал на подобную позицию, поначалу даже не поняв, что подобный нейтралитет являлся роскошью, за которую платили американцы. Если бы Сингапур не прятался за спиной американцев, которые вместе с англичанами, европейцами, австралийцами и новозеландцами держали под контролем русских и китайских коммунистов, то мы не могли бы позволить себе быть столь критично настроенными по отношению к Китаю или России.

Я ясно высказался в поддержку американской интервенции во Вьетнаме. В мае 1965 года, когда Сингапур еще находился в составе Малайзии, я выступал на Азиатской Конференции социалистических лидеров (Asian Socialist Leaders' Conference) в Бомбее. В тот период Индия занимала нейтральную позицию и была критически настроена по отношению к действиям американцев во Вьетнаме. Я же в своей речи заявил, что «как жители Азии, мы должны поддержать право вьетнамского народа на самоопределение и освобождение от любых попыток доминирования со стороны европейцев. Как социал-демократы, мы просто обязаны настаивать на том, что жители Южного Вьетнама имеют право на жизнь, свободную от давления, осуществляемого с использованием военной силы, свободную от организованного террора, свободную от власти коммунистов. Поэтому мы обязаны найти такое решение, благодаря которому народ Южного Вьетнама, в первую очередь, вновь обретет свободу выбора, которая в настоящий момент ограничена либо действиями коммунистов, либо непрекращающимися военными действиями американцев».

Во многих выступлениях я подчеркивал, что правительства стран Юго-Восточной Азии

были просто обязаны использовать то время, которое выиграли для них американцы, ввязавшись в конфликт во Вьетнаме, чтобы решить проблемы бедности, безработицы и социального неравенства в своих странах. Я не знал о том, что помощник Госсекретаря США по странам Восточной Азии Вильям Банди (William Bundy) читал мои речи. Мы впервые встретились с ним в моем кабинете в марте 1966 года. Он заверил меня, что США намеревались действовать скрытно и не хотели размещать свои вооруженные силы в Малайзии. Американцы оказались втянутыми в конфликт во Вьетнаме в куда большей степени, чем рассчитывали первоначально, и не желали оказаться вовлеченными в конфликт и в других странах Восточной Азии.

Американцы хотели, чтобы англичане оставались в Малайзии в силу исторических причин, а также по соображениям своеобразного «разделения труда». США настаивали на том, чтобы Великобритания играла главную политическую роль, потому что она была единственным европейским государством, способным на это. Если бы Малайзия обратилась к США с просьбой о предоставлении экономической помощи, американцы были бы рады помочь, но они стремились не афишировать этого.

Я спросил его о реакции США на гипотетически возможный межнациональный конфликт между Сингапуром и Малайзией, который разжигали коммунисты. Банди настаивал, что США не хотели бы оказаться вовлеченными в него. Я подчеркнул, что американцам не следовало рассматривать всю китайскую диаспору в качестве монолитной группы, управляемой коммунистами КНР. Если бы американские политики рассматривали всех китайцев в Юго-Восточной Азии как потенциальных агентов Китая, то у китайцев не осталось бы иной альтернативы, кроме как стать китайскими шовинистами. Когда он поинтересовался моим мнением о положении во Вьетнаме, я ответил, что критическим фактором успеха являлась воля к сопротивлению. А вот ее-то и не хватало. Народ Южного Вьетнама следовало убедить, что у него имелись серьезные шансы на победу.

В начале 1966 года мы пришли к соглашению, что американские военные, проходившие службу во Вьетнаме, будут посещать Сингапур для отдыха и восстановления сил. Первая группа из ста военнослужащих прибыла в Сингапур в марте 1966 года и находилась в городе на протяжении пяти дней, проживая в многоквартирном доме в пригороде. Американцы прилетали в Сингапур из Сайгона три раза в неделю на гражданском самолете авиакомпании «Пан Америкэн» (Pan American). За год город посетило примерно 20,000 военнослужащих, что составляло примерно 7 % общего числа туристов, посетивших Сингапур. Мы не извлекали из этого значительных финансовых выгод, – это было способом продемонстрировать нашу поддержку борьбы американцев во Вьетнаме.

Банди снова встретился со мной в марте 1967 года. Я чувствовал, что ему можно доверять, – он был открытым и прямолинейным человеком. Банди не стремился произвести впечатление, он был абсолютно безразличен к своей одежде, – однажды я заметил, что на нем были носки с дырками. Но от него исходила спокойная уверенность в своих силах. Он знал, что я оказывал давление на англичан, пытаюсь сохранить их военное присутствие в Сингапуре, к этому же стремились и американцы. Он заверил меня, что Соединенные Штаты будут продолжать боевые действия во Вьетнаме, результаты которых обнадеживали, – из Вьетконга (Vietcong) дезертировали 20,000 бойцов. Он был уверен, что у республиканцев, которые в то время находились в оппозиции, также не было иного выхода, кроме как продолжать войну во Вьетнаме. Несмотря на то, что ситуация могла осложниться, президент Линдон Джонсон был настроен очень решительно и не собирался отступать, потому что США были убеждены, что их действия во Вьетнаме являлись большим вкладом в дело укрепления стабильности в Юго-Восточной Азии.

Банди пригласил меня нанести неофициальный визит в Вашингтон поздней осенью, когда пойдет на убыль обычный наплыв визитеров, связанный с ежегодным открытием сессии ООН. В этом случае у меня был бы шанс встретиться и поговорить с американцами, определявшими политику США и познакомиться с более широким кругом представителей американской элиты. Я сказал, что в тот период, когда Великобритания сокращала свои военные базы в Сингапуре, мой визит в Америку мог создать впечатление, что я испугался.

В июле 1967 года он прислал мне письмо, в котором упомянул о сообщениях из Лондона,

из которых следовало, что я, очевидно, «нанес серьезный удар членам парламента от лейбористской партии, у которых не было адекватного понимания реальной обстановки в Юго-Восточной Азии». Он также приветствовал мое краткое, но прямолинейное заявление, сделанное в телевизионном интервью Би-би-си о критической важности действий Америки во Вьетнаме. Отношение прессы к непопулярной политике США во Вьетнаме было настолько плохим, что американцы чувствовали облегчение, когда представитель независимой от США страны высказывался в поддержку этой политики. Банди предложил мне нанести официальный визит в США. Раджа был недоволен, что об этом визите было объявлено вскоре после публикации британской «Белой книги по вопросам обороны». Это могло создать впечатление, что мы нервничали, и я решил поехать в Вашингтон. У Билла Банди, очевидно, имелись свои причины для того, чтобы я посетил США именно в том году.

До того мне не приходилось бывать в Америке, за исключением поездки в Нью-Йорк в 1962 году, когда я выступал в Комитете ООН по деколонизации. До 1967 года у Сингапура не было дипломатической миссии в Вашингтоне, поэтому мне пришлось пройти интенсивный курс подготовки. Меня интересовали образ мышления американских политиков, настроения, царившие в Вашингтоне, и основные действующие лица американской политики. Я обратился за помощью к послам Великобритании, Австралии и Новой Зеландии. Я также написал своему старому другу Луи Херену (Louis Heren), которого я знал с 50-ых годов, который был тогда корреспондентом лондонской газеты «Таймс» в Вашингтоне. В своем письме он сообщил мне наиболее ценную информацию: «Для такой сверхдержавы как Соединенные Штаты все страны, за исключением Советского Союза и Китая, являются маленькими. Простите меня за такое сравнение, но по сравнению с ними Сингапур является малышом. За исключением отдела Госдепартамента США, занимающегося проблемами Восточной Азии и Тихоокеанского региона, Сингапuru уделяется очень мало внимания».

Тем не менее, он заверил меня, что я пользовался «репутацией разумного, рационального и надежного человека», в основном благодаря моей позиции по вьетнамскому вопросу. Неприятности, связанные с инцидентом, случившимся с агентами ЦРУ в Сингапуре, были в основном забыты. «Американская политика имеет три составляющих: администрация президента, Конгресс и пресса. Два последних имеют тенденцию смотреть на вещи через простую призму отношений между Востоком и Западом. Кто Вы: коммунист или сторонник США? Подход администрации президента весьма отличается от этого. В ней работает достаточно простаков, но имеются также и профессионалы высочайшего класса. Наиболее наглядным примером таких профессионалов среди чиновников, не входящих в правительство, являются Вильям Банди и Роберт Барнетт (Robert Barnett), один из заместителей Банди и признанный эксперт по Китаю, Волт Ростоу (Walt Rostow), специальный помощник президента по вопросам национальной безопасности». Среди других политиков, с которыми Херен рекомендовал мне встретиться, он назвал чрезвычайного и полномочного посла Аверелла Харримана (Averell Harriman) и Майка Мэнсфилда (Mike Mansfield), лидера большинства в Сенате США, – «хорошо информированного и влиятельного политика».

Он набросал мне короткое описание президента Джонсона, лучшее из тех, что мне пришлось читать до визита: «Странный человек, идущий окольными путями, манипулирующий людьми, иногда проявляющий жестокость. Сказав все это, я должен признаться, что являюсь одним из его немногочисленных поклонников. В нем горит огонь, в старом добром библейском смысле этого слова. Он хочет добра своей стране, особенно для бедных и негров... Вы можете доверять Раску и Макнамаре. Оба являются честными и приятными людьми, добрыми в старомодном смысле этого слова».

В октябре 1967 я прилетел в аэропорт имени Кеннеди (Kennedy Airport) в Нью-Йорке, а затем – в Вильямсбург (Williamsburg), где остановился в одном из реставрированных домов, обставленных античной мебелью, относившейся к тому периоду, когда Вильямсбург был столицей штата Вирджиния (Virginia). Чу и я совершили обзорную экскурсию по Вильямсбургу в запряженном лошадьми экипаже, которым правил черный кучер, одетый в костюм того периода. Это был исторический «Диснейлэнд». На следующий день мы полетели на вертолете в Белый Дом (White House). Дипломат, отвечавший за соблюдение протокола, попросил меня пожать левую руку президента Джонсона, ибо его правая рука была на перевязи. Когда мы

приземлились на лужайке перед Белым Домом, нас приветствовал почетный караул в полном составе, а затем я, как примерный бойскаут, пожал левую руку Джонсону.

В своей речи Джонсон использовал превосходные степени, превознося меня как «патриота, блестящего политического лидера и государственного деятеля новой Азии». Он похвалил Сингапур, как «яркий пример того, что может быть достигнуто не только в Азии, но и в Африке и в Латинской Америке, – везде, где люди работают, созидая жизнь, основанную на свободе и достоинстве». Я испытывал неловкость из-за таких экстравагантных похвал, сделанных совершенно не в британском стиле. В ответном выступлении я косвенно поддержал американские действия во Вьетнаме, но спросил, действительно ли американцы полагали, что их потомки унаследуют новый лучший мир, если они не проявят настойчивости (во Вьетнаме).

Сразу после приветственной церемонии состоялась встреча один на один между Джонсоном и мной. Он был высоким, огромным техасцем с громким голосом. Стоя рядом с ним, я чувствовал себя карликом. Джонсон был обеспокоен, проявлял раздражительность, но был настроен выслушать мои взгляды. Он испытывал облегчение оттого, что ему удалось найти политика из Юго-Восточной Азии, представлявшего страну, расположенную неподалеку от Вьетнама, который понимал его, симпатизировал ему и поддерживал его действия по сдерживанию коммунистов и предотвращению захвата ими Южного Вьетнама и распространению коммунистического влияния за его пределы.

Джонсон был очень прямолинейным. Он спросил меня, возможно ли было выиграть эту войну, и поинтересовался, были ли его действия правильными. Я сказал ему, что действия его были правильными, но выиграть войну в военном отношении было нельзя. Чего он мог добиться, так это того, что победа в войне не досталась бы коммунистам. Это создало бы условия для возникновения такого вьетнамского руководства, вокруг которого сплотился бы вьетнамский народ. Это было бы победой, потому что такое правительство обладало бы поддержкой народа, являясь при этом некоммунистическим. У меня не было сомнений, что в ходе свободных выборов люди проголосовали бы против коммунистов. Это развеселило его, хотя и не надолго.

Вечером того же дня, за ужином, проходившем в Белом Доме, Джонсон ответил на мой вопрос относительно того, насколько решительно американцы были настроены вести войну во Вьетнаме. «Да, Америка обладает решимостью и выдержкой для того, чтобы вести борьбу во Вьетнаме до конца... Я не мог бы сказать об этом с еще большей ясностью или большей уверенностью. В Азии есть поговорка, которая хорошо описывает нашу решимость. Вы называете это „ездить верхом на тигре“. Вы уже „поездили на тигре“, а мы еще поедем».

После ужина несколько американских сенаторов пригласили меня пройти с ними на балкон, выходящий на лужайку перед Белым Домом. Высокий, бледный, поджарый Майк Мэнсфилд, лидер большинства в Сенате, сенатор от демократической партии, представлявший штат Монтана (Montana), задал мне прямой вопрос: «Считаете ли вы, что убийство Дьема принесло больше пользы или вреда?». Я ответил, что это убийство причинило вред. В стране не было более способного руководителя, который мог бы его заменить. Наверное, существовали другие методы, чтобы заставить Дьема изменить его политику и методы руководства. Его убийство дестабилизировало ситуацию, и, что было еще хуже, сделало весьма неопределенными шансы на выживание любого вьетнамского лидера, который отстаивал бы интересы Вьетнама и отказывался бы следовать указаниям американцев. Он поджал губы и сказал, что, действительно, это убийство причинило вред. Затем он спросил меня, существовало ли какое-либо решение проблемы. Я ответил, что легких решений не было. Вьетнамский вопрос должен был быть разрешен в результате тяжелой, длительной, упорной и неблагодарной работы. Не дать коммунистам победить, способствовать возникновению в Южном Вьетнаме сильного руководства, – это уже было бы победой. Но это потребовало бы присутствия американцев во Вьетнаме на протяжении длительного времени. По выражению его лица я понял, что для американцев это было бы нелегко.

Государственный секретарь США Дин Раск был спокойным, вдумчивым человеком, который выглядел скорее как ученый, чем политик. Я высказал ему свою надежду на то, что следующий американский президент добьется такой победы на предстоящих выборах, что это позволит ему убедить вьетнамское руководство в Ханое в наличии у американского народа

терпения и решимости довести войну до победного конца. А если бы Америка вышла из игры, тогда все некоммунистические страны оказались под давлением, – Таиланд переметнулся бы в конфликте на противоположную сторону, а Малайзия оказалась бы втянутой в мясорубку партизанской войны. После этого, поставив во главе правительств этих стран братские коммунистические партии, коммунисты перерезали бы горло и Сингапуру. Китайской армии даже не нужно было бы вступать в пределы Юго-Восточной Азии.

Вице-президент США Губерт Хэмфри (Hubert Humphrey) высказывался довольно сдержанно. Он считал, что, за исключением «голубей» и «ястребов» в Сенате, 70 % – 80 % сенаторов поддерживали политику президента США во Вьетнаме. В оппозиции к этой политике находилось молодое поколение американцев, выросшее на протяжении 22 лет, прошедших с окончания Второй мировой войны. Это поколение не знало тягот войны или реальных экономических трудностей, именно они составляли ядро оппозиции в университетах. Он считал, что такие авторитетные люди как я, известные своей политической независимостью и представлявшие Движение неприсоединения, должны были высказывать свое мнение по данной проблеме и попытаться остановить эрозию общественного мнения в США. Хэмфри опасался, что, если подобные мне люди не будут оказывать Джонсону поддержку, то он окажется побежденным, и не во Вьетнаме, а в самих США. Мне нравился Хэмфри, который был политически искушенным человеком, но в его твердости я сомневался.

Госсекретарь США по вопросам обороны Роберт Макнамара (Robert McNamara) был светлоглазым, нетерпеливым и энергичным человеком. Он считал, что цели Америки и Сингапура полностью совпадали: обе страны хотели, чтобы Великобритания сохраняла свое военное присутствие в Сингапуре. Американцы не хотели, чтобы дело выглядело таким образом, будто Америка воевала во Вьетнаме в одиночку. Он заявил, что приобретение Великобританией американских самолетов «Ф-11» продемонстрировало существование прочных связей между Великобританией и Соединенными Штатами и подтвердило ее намерения выполнить свои военные обязательства в Юго-Восточной Азии. Это было сказано в октябре 1967 года, за месяц до того, как Великобритания девальвировала фунт стерлингов и приняла решение вывести свои войска, находившиеся к востоку от Суэцкого канала.

Главной темой встречи и в комитете по международным делам Белого Дома, и в сенатском комитете по международным отношениям, была ситуация во Вьетнаме. Я отвечал на вопросы американцев, но мои ответы вряд ли развеяли их беспокойство. Они хотели услышать от меня о таких решениях вьетнамской проблемы, которые можно было бы осуществить в течение года, до следующих президентских выборов в США. У меня таких решений не было.

В Гарвардском университете я разговаривал со студентами, а также встретился с директором Института политики (Institute of Politics) Гарвардского университета, специалистом по проблемам президентской власти в США профессором Ричардом Нейштадтом (Richard Neustadt). Я уже спрашивал Билла Банди о том, была ли возможность организовать для меня короткий отпуск в США, чтобы поближе познакомиться с американцами и их общественной системой. Я чувствовал, что мне следовало разобраться в них. У американцев были иные сильные и слабые стороны, нежели у англичан. Америка раскинулась на огромном континенте, в стране не было тесно связанного между собой круга людей, отвечавших за принятие решений, группировавшихся вокруг Вашингтона или Нью-Йорка. В Великобритании такая группа людей в Лондоне была. Люди, которые принимали решения в Америке, были разбросаны по всем 50 штатам, каждый из которых обладал собственными интересами и преследовал различные цели. Банди устроил мне встречу с Нейштадтом, который пообещал подготовить для меня специальный курс в Институте политики осенью 1968 года продолжительностью в один семестр.

Я находился в постоянном движении, произнося бесконечные речи перед представителями средств массовой информации и различными группами: Азиатским обществом (Asia Society), Советом по международным отношениям (Council of Foreign Relations) в Нью-Йорке, студентами в Гарварде и Сент-Луисе (St. Louis), Совету по международным отношениям (Foreign Relations Council) в Чикаго, прессой и телевидением в Лос-Анджелесе. Даже в Гонолулу (Honolulu), где я остановился в качестве гостя главнокомандующего вооруженными силами США на Тихом океане, мне пришлось произнести

речь. И только на курорте Мауна Кеа (Mauna Kea), расположенном на главном острове Гавайского архипелага, я смог расслабиться, целый день играя в гольф, а вечером, после ужина, любуясь закатом.

Сообщения из наших посольств в Вашингтоне, Канберре и Веллингтоне были благоприятны, но Кен Сви и Раджа были обеспокоены, что я высказывался слишком уж проамерикански, защищая интервенцию, предпринятую Джонсоном во Вьетнаме. Это могло оттолкнуть наших избирателей – этнических китайцев, поэтому они посоветовали мне придерживаться более нейтральной позиции. Когда я вернулся в Сингапур, я обсудил с ними этот вопрос и изменил тон своих выступлений, сделав его более критичным, но, в целом, продолжая ясно высказываться в поддержку американского присутствия во Вьетнаме. Я был убежден, что критика политики США во Вьетнаме нанесет ущерб президенту Джонсону и ухудшит его позиции в США. Это не входило в мои планы, ибо противоречило интересам Сингапура.

Десятидневный визит в США произвел на меня сильное впечатление. Я сказал своим коллегам в правительстве, что отношения Сингапура с Соединенными Штатами были, в отличие от наших отношений с Великобританией, поверхностными. Американцы рассуждали обо всем с точки зрения размеров и чисел, а в Юго-Восточной Азии Малайзия и Сингапур, по сравнению с Индонезией, были просто пигмеями.

После моего возвращения события неожиданно приняли решительный оборот. Великобритания девальвировала фунт стерлингов и в январе 1968 года объявила об ускоренном, к 1971 году, выводу своих войск. Через две недели силы Северного Вьетнама начали свое Новогоднее наступление (Tet offensive). Им удалось ворваться в более чем сотню городов и городков, включая Сайгон. Американцы были потрясены телевизионными сообщениями об этом наступлении. На самом деле, вьетнамское наступление было неудачным, но средства массовой информации убедили американцев, что это была катастрофа, с которой американцы не могли ничего поделать, и война для них была проиграна. Через два месяца, 31 марта Джонсон объявил: «Я не буду добиваться своего выдвижения в качестве кандидата от своей партии, и не соглашусь, если меня все-таки выдвинут». С этого момента Америка находилась в подавленном состоянии, мрачно ожидая нового президента, который смог бы уйти из Вьетнама, сохранив лицо.

С октября по декабрь 1968 года, как и планировалось, я взял короткий отпуск и провел его в Университете Британской Колумбии (University of British Columbia) и Гарвардском Университете, оставив во главе правительства Го Кен Сви. Я провел несколько недель в Университете Британской Колумбии. Находясь в клубе преподавателей университета в качестве гостя, я наблюдал за предвыборной президентской кампанией в США по телевидению. После победы Никсона я полетел из Ванкувера в Оттаву, чтобы встретиться с Пьером Трюдо, который ранее, в том же году, стал премьер-министром Канады. Затем я продолжил свое путешествие в Бостон и Гарвард, где я стал слушателем Института политики, который был филиалом Школы правительственного управления имени Д. Ф. Кеннеди.

В Эллиот-хаусе (Eliot House) Гарвардского университета, где я находился примерно с 200 студентами и 10 слушателями, я прошел курс «погружения» в американскую культуру. Нейштадт подготовил для меня широкую программу общения с американскими учеными в различных областях, в основном охватывавших сферу правительственного управления и политическую жизнь в Америке, проблемы экономики, производительности и мотивации. Программа была насыщенной и включала утренние дискуссии с одной группой, рабочий обед с другой группой, послеобеденный семинар и ужин с известными учеными. Во время ежегодного футбольного матча между Гарвардским и Йельским (Yale) университетами я почувствовал вкус к молодому задору американцев, дополненному усилиями организаторов. Эффективность организации моего обучения впечатляла. Ко мне был приставлен студент-выпускник, который занимался подбором материалов или организацией дополнительных встреч по моему желанию, в дополнение к уже намеченным. Служба безопасности нарушила нормальную жизнь в Эллиот-хаусе, устроив свой штаб в гостиной, чтобы круглосуточно обеспечивать мою безопасность. Я обедал в холле вместе со студентами, слушателями и руководителем учреждения Аланом Хаймертом (Alan Heimert). Меня поразили свободные, неформальные

отношения между преподавателями и студентами. Студенты отличались исключительными способностями, и один из преподавателей признался, что спорить с некоторыми из них бывало довольно трудно.

Преподаватели в Кембридже, в штате Массачусетс (Cambridge, Massachusetts), отличались от преподавателей в Кембридже, в Великобритании. Британские профессора 40-ых – 60-ых годов счастливо жили в своих «башнях из слоновой кости», вдали от суматохи Лондона и Вестминстера. Американские профессора, напротив, старались усилить свое влияние, налаживая связи с правительством. Во время правления администрации президента Кеннеди некоторые профессора постоянно перемещались между Бостоном, Нью-Йорком и Вашингтоном. Сильной стороной британских ученых этого периода было изучение прошлого, а не настоящего или будущего, ибо это было связано с догадками и предположениями. У них отсутствовало прямое взаимодействие с деловыми кругами и промышленниками, как это имело место в Гарвардской бизнес-школе (Harvard Business School). Американцы, в отличие от англичан, не ограничивались критическим исследованием прошлого. Сила американских ученых заключалась в исследованиях настоящего с целью предсказания будущего. Американские научно-исследовательские организации сделали футурологию уважаемой научной дисциплиной, получившую название «Исследования по футурологии» (Futuristic studies).

Я получил наибольшую пользу не от приобретенных знаний, а оттого, что мне удалось установить контакты и завязать дружеские отношения с учеными, которые не только являлись экспертами в вопросах современной политики, но также обладали доступом к «нервным узлам» американского правительства и деловых кругов. В Гарварде я был диковинкой: 45-летний азиатский политик, взявший отпуск, чтобы «подзарядить батареи» и подучиться в академии после 10 лет пребывания у власти. Поэтому они с готовностью устраивали для меня ужины, на которых я встречался с интересными людьми. Среди них были экономист Джон Кеннет Гэлбрейт (John Kenneth Galbraith), специалист по Японии, бывший посол США в Японии Эдвина Рейсхауэра (Edwin Reischauer), специалист по Китаю Джон Фэрбэнк (John Fairbank). Я также встретился со специалистом в области политических наук Массачусетского технологического института Люсьеном Паем (Lucien Pye), который исследовал коммунистическое партизанское движение в Малайе в 50-ых годах, и профессором МИТ Полом Самуэльсоном (Paul Samuelson), – автором знаменитого учебника по экономике. Последний объяснил мне, почему американцы все еще сохраняли такие малорентабельные отрасли промышленности как текстильная. Наиболее ценная дискуссия состоялась у меня с Рэем Верноном (Ray Vernon) из Гарвардской бизнес-школы. Он дал мне настолько практическое понимание экономики современного Гонконга и Тайваня (описанное выше), что я впоследствии возвращался к нему каждые четыре года, чтобы узнать что-то новое.

Я познакомился со многими свежими идеями и взглядами других высокообразованных людей, которые не всегда были правы. Они были слишком политически корректными. Гарвардский университет твердо стоял на либеральных позициях, ни один ученый не был готов признать, что между различными расами, культурами или религиями существовали врожденные различия. Они придерживались того взгляда, что все люди были равны, и что общество нуждалось только в правильной экономической политике и правительственных институтах, чтобы добиться успеха. Они были настолько яркими и способными людьми, что мне было сложно поверить, что они искренне придерживались этих взглядов и считали себя обязанными их поддерживать.

Преподаватели Гарвардского университета, с которыми я встречался за ужином, были остроумными людьми, обладавшими острым умом, они стимулировали дискуссию, хотя я и не всегда соглашался с ними. Наиболее язвительным был Гэлбрейт. За одним из ужинов я повстречался с Генри Киссинджером (Henry Kissinger). Было просто счастливой случайностью, что за ужином, на котором многие из присутствовавших либерально настроенных американцев подвергали острой критике войну во Вьетнаме, я занял противоположную позицию и пояснил, что позиция Америки была критически важной для будущего некоммунистических стран Юго-Восточной Азии. Киссинджер был очень осторожен, подбирая слова, чтобы оправдать американскую интервенцию во Вьетнаме. Окруженный «голубыми», он проявлял осторожность,

чтобы не выглядеть «ястребом». Он говорил медленно, с сильным немецким акцентом, и произвел на меня впечатление человека, который не менял своего мнения в зависимости от настроений текущего момента. Вскоре после этого Никсон объявил, что Киссинджер будет назначен на должность советника по национальной безопасности. К тому времени он уже покинул Гарвард. Перед тем как улететь в Сингапур, в декабре, я встретился с ним в Нью-Йорке, чтобы выразить поддержку продолжению американского вмешательства во Вьетнаме. Я сказал ему, что Америка вполне могла не допустить победы коммунистов.

Я хотел встретиться с президентом Джонсоном. Билл Банди был удивлен, что я хотел увидеть уходящего, а не вновь избранного президента. Я сказал, что Никсону потребуется некоторое время, чтобы разобраться с назначениями в своей администрации и определиться с повесткой дня, так что я смог бы вернуться для встречи с ним после того, как он освоится со своей работой. Джонсон, с которым я встретился, выглядел несчастным и меланхолично настроенным человеком. Он сказал, что сделал во Вьетнаме все, что мог, – оба его зятя служили в армии, и оба воевали во Вьетнаме. Ни один человек не смог бы сделать большего. Я оставил Джонсона безутешным.

Мой следующий визит в Америку состоялся в 1969 году. 12 мая я встретился с президентом Никсоном. Он уже встречался со мной в Сингапуре в апреле 1967 года, во время своего тура по странам Юго-Восточной Азии, который он совершил в ходе подготовки к президентским выборам, намеченным на следующий год. Он был серьезным, мыслящим человеком, много знавшим об Азии и мире. Никсон всегда стремился взглянуть на ситуацию в целом. Более часа я отвечал в своем кабинете на его вопросы. «Культурная революция» в Китае была в разгаре, и он спросил меня, что я думал о происходящем. Я сказал, что единственным способом получить сведения из первых рук являлись расспросы представителей старшего поколения сингапурцев, которым мы разрешали посещать родственников в провинциях Гуандун и Фуцзянь на южном побережье Китая. Насколько мы могли понять, Мао хотел переделать Китай. Подобно тому, как первый китайский император Цинь Ши-хуанди (Qin Shihuang), который в свое время сжег все книги, чтобы уничтожить память обо всех событиях, происходивших до его правления, Мао также хотел стереть старый Китай, чтобы создать новый. Но Мао писал свою картину не на чистом холсте, а по выложенной мозаикой картине китайской истории. Когда начнется дождь, все написанное Мао будет смыто, и вновь проступит мозаичная картина. У Мао была лишь одна жизнь, он не располагал временем или властью для того, чтобы уничтожить более чем 4,000-летнюю историю, традиции, культуру и литературу Китая. Даже если бы он сжег все книги, пословицы и поговорки выжили бы в фольклоре и памяти людей. Поэтому Мао был обречен на неудачу. (Годы спустя, уже уйдя в отставку, Никсон процитировал мои слова в своей книге. Он также процитировал мое высказывание о японцах. Я считал, что они обладали способностями и энергией, чтобы достичь чего-то большего, чем стать производителями и продавцами транзисторных радиоприемников. Только тогда я понял, что Никсон, как и я, имел привычку делать заметки после серьезной дискуссии).

Когда он спросил меня о причинах вражды между США и Китаем, я сказал, что для этой вражды не существовало естественных или серьезных причин. Естественным врагом Китая был Советский Союз, с которым у Китая была граница протяженностью 4 тысячи миль, которая была изменена в пользу Советского Союза всего лишь сто лет назад. Между ними были старые счеты, которые надо было свести. Граница между Америкой и Китаем была искусственной, проведенной по водам Тайваньского пролива. Эта граница была эфемерной и должна была исчезнуть со временем.

Когда мы встретились в Вашингтоне в 1969 году, Никсон снова стал расспрашивать меня о Китае. Я дал ему, в сущности, те же самые ответы. Тогда я не знал, что он уже сосредоточил свое внимание на Китае, с целью усилить позиции США в противостоянии с Советским Союзом.

Темой, обсуждение которой занимало большую часть времени, была ситуация во Вьетнаме. Никсон сказал, что Америка была большим, богатым, мощным государством, втянутым в партизанскую войну с Вьетнамом, – бедной, малоразвитой страной, не располагавшей практически никакой технологией. Америка потратила на войну во Вьетнаме миллиарды долларов, американские войска потеряли там 32,600 человек убитыми и 200,000

ранеными. Терпение американского народа и членов Конгресса США было практически исчерпано. С каждым днем усиливалось давление с требованием вывести американские войска из Вьетнама как можно скорее. Но Никсону следовало рассмотреть возможные последствия вывода войск для народа Южного Вьетнама, его правительства и армии, для соседей Вьетнама в Юго-Восточной Азии и американских союзников, включая Австралию, Новую Зеландию, Филиппины, Южную Корею, Таиланд, а также то, как это повлияет на ситуацию в мире в целом. Речь шла о том, могли другие страны верить обещаниям американцев. Несмотря на то давление, которое американское общественное мнение оказывало на Конгресс США, президенту следовало найти наилучшее решение этой проблемы. Я чувствовал, что ему хочется закончить войну во Вьетнаме из-за давления, оказываемого внутренней оппозицией, но он не хотел стать первым американским президентом, проигравшим войну. Он хотел выйти из положения, сохранив лицо.

Я выразил свое удивление по поводу утраты американцами веры в себя. Ускоренное окончание войны во Вьетнаме могло повлечь за собой непредсказуемые и угрожающие последствия не только для Вьетнама, но и для соседних стран, особенно для Таиланда, который полностью поддерживал США в ходе конфликта. Вывод войск должен был осуществляться продуманно и постепенно, с одновременным увеличением участия в боевых действиях армии Южного Вьетнама. Решение проблемы заключалось в том, чтобы подобрать группу южновьетнамских лидеров, которые занимались бы решением своих проблем с той же целеустремленностью и настойчивостью, которую демонстрировал Вьетконг. Конечная цель заключалась в превращении Южного Вьетнама в некое подобие Южной Кореи, в которой находилось от 30,000 до 50,000 американских солдат, что способствовало повышению боеспособности южнокорейских вооруженных сил из года в год. Для того чтобы вывод войск был успешным, вьетнамским руководителям в Ханое и руководству Вьетконга следовало дать ясно понять, что США располагали неограниченным временем для осуществления медленного, постепенного вывода войск, и что на президента США не будет оказываться давление с целью осуществления поспешного и пагубного по своим последствиям отступления. Ханой боролся с войной в самом Вашингтоне, ему невольно помогали многие члены Конгресса США, науськиваемые средствами массовой информации. Роль США должна была заключаться в том, чтобы помочь Южному Вьетнаму бороться самостоятельно. Если бы армия Южного Вьетнама воевала и проиграла войну, то Соединенные Штаты не несли бы за это ответственности, при условии, что они предоставили бы Южному Вьетнаму достаточное количество военной техники и времени. Другими словами, следовало «вьетнамизировать» войну. Никсон проявил интерес к этой идее. Встреча, которая по программе должна была занять полчаса, продолжалась час с четвертью. Ему нужны были аргументы, чтобы поверить, что он мог выйти из войны так, чтобы это не рассматривалось как поражение. Я считал, что это было возможно, и это подняло ему настроение.

Во время нашей следующей встречи с Никсоном 5 ноября 1970 года он выглядел усталым после напряженной промежуточной избирательной кампании. Он начал перечислять варианты решения вьетнамской проблемы. После этого он обратился к Китаю. Я высказал предположение, что ему следовало широко открыть двери для торговли с Китаем по всей номенклатуре товаров нестратегического назначения. США также не должны были блокировать вступление Китая в ООН, учитывая, что две трети членов ООН поддерживали вступление Китая в организацию. Негативное отношение Мао к США не должно было обескураживать Америку, я повторил, что у Соединенных Штатов не было общей границы с Китаем, а у русских – была.

Во время отдельной встречи в здании, примыкавшем к Белому Дому, Генри Киссинджер спросил меня о предложении русских об использовании ими доков военно-морской базы в Сингапуре. Как я и ожидал, он узнал от Тэда Хита об интересе, который проявил Косыгин к использованию военно-морской базы, пустовавшей после вывода британских войск. Я сказал об этом Хиту, чтобы побудить его не оставлять военно-морскую базу в спешке. Я заверил Киссинджера, что не стану принимать решение без того, чтобы вначале проинформировать о нем Великобританию и США. Интерес, проявленный русскими к базе, дал мне карты, которые я мог разыгрывать, – я надеялся, что американцы могли бы побудить австралийцев оставить

войска в Сингапуре. Я испытывал удовлетворение, потому что Великобритания, Австралия, Новая Зеландия и Малайзия входили, вместе с Сингапуром, в Оборонное соглашение пяти держав. Сингапур «вращался» вокруг Австралии и Новой Зеландии, а они сами «вращались» вокруг Соединенных Штатов, – это было в интересах Сингапура. «И в интересах Соединенных Штатов», – добавил Киссинджер. Я сказал, что, поскольку Сингапур не получал американской помощи, я мог выступать в качестве объективного, нейтрального лица в Юго-Восточной Азии. Киссинджер согласился с тем, что это в наибольшей степени отвечало интересам обеих стран.

Тем временем, Киссинджер через Пакистан связался с лидерами в Пекине. Он тайно посетил Пекин в 1971 году, чтобы подготовить почву для визита Никсона в феврале 1972 года. Когда в январе 1972 года Никсон объявил об этом визите, он удивил этим весь мир. Я чувствовал себя неловко, ибо ему пришлось сделать это без предварительных консультаций с кем-либо из азиатских союзников Америки, включая Японию и Тайвань. Этот визит, как выразился Никсон, действительно стал «неделей, которая изменила мир».

Когда я в следующий раз посетил Америку в апреле 1973 года, ситуация во Вьетнаме выглядела малоперспективно. Потери продолжали расти, до победы было все так же далеко, и Конгресс США оказывал давление на администрацию президента с целью добиться разрыва всех связей между Америкой и странами Юго-Восточной Азии. Чу и я встретились за обедом с Робертом Макнамарой, который тогда занимал должность президента Мирового банка, и его женой в их доме в Джорджтауне (Georgetown). Макнамара с мрачным видом сказал, что имелись тревожные сведения о том, что Никсон был замешан в попытках замять «уотергейтский скандал», и что ситуация могла стать для него очень трудной. У меня сложилось впечатление, что и Никсона, и страны Юго-Восточной Азии ожидали впереди неприятности.

Когда утром 10 апреля я прибыл в Белый Дом, президент приветствовал меня на крыльце. Он относился ко мне тепло и дружелюбно и всячески старался выразить свое одобрение моей последовательной публичной поддержки его позиции по вьетнамской проблеме, по которой он практически находился в одиночестве. Чтобы сфотографироваться для прессы, он провел меня в розовый сад Белого Дома, где мы любовались цветущими розами и райскими яблонями. Внутри Белого Дома Никсон сказал мне, что он не рассматривал Китай в качестве немедленной угрозы Америке. Китай мог стать силой, с которой Америке следовало бы считаться, только через 10–15 лет, когда его ядерная программа вышла бы на более высокий уровень развития. Он поинтересовался моим мнением о ситуации во Вьетнаме и об условиях перемирия, согласно которым Соединенные Штаты пообещали бы предоставить Вьетнаму помощь для восстановления Северного Вьетнама. Я ответил, что в сложившихся обстоятельствах это было бы наилучшим из возможных решений. Это позволило бы ослабить зависимость Северного Вьетнама от России и Китая. А если бы Америка не предоставила помощи для восстановления Северного Вьетнама, то он стал бы еще более зависимым от России и Китая.

Несмотря на то, что в тот период, сразу после переизбрания на второй срок, в условиях разгоравшегося «уотергейтского скандала», Никсона волновали многие другие вопросы, он устроил в Белом Доме ужин в мою честь. В Белом Доме существует особый ритуал для торжественных ужинов, который подчеркивает величие президента. Чу и я спустились по лестнице Белого Дома вместе с президентом и его женой, сопровождаемые несколькими офицерами дипломатического корпуса, одетыми в украшенные медалями мундиры с золотыми позументами. Внизу мы остановились, подождав, пока звуки фанфар привлекут всеобщее внимание. Когда мы спускались с последнего пролета лестницы, наступила полная тишина, – собравшиеся гости смотрели на нас. Затем президент, его жена, я и Чу выстроились в ряд, чтобы лично поприветствовать гостей. Это был тот же самый ритуал, в котором я принимал участие, когда в 1967 году Линдон Джонсон устроил ужин в мою честь. Но у Никсона был иной стиль, – он пожимал руку каждого гостя с энтузиазмом и говорил слова приветствия: «Рад снова видеть Вас», «Как приятно видеть Вас», «Как любезно с Вашей стороны». Между словами приветствия он вставлял несколько слов похвалы или короткий комментарий о каждом из гостей, в тот момент, когда я обменивался с гостями рукопожатиями. В середине этой церемонии он вскользь заметил мне: Никогда не говорите при встрече «Как дела?». Ведь Вы уже могли встречаться с этим человеком до того. Это продемонстрирует, что Вы не узнали его,

и он будет чувствовать себя оскорбленным. Всегда используйте нейтральные фразы типа «Как приятно видеть Вас», «Как здорово встретиться с Вами», «Как хорошо увидиться с Вами». А если Вы узнали человека, то скажите: «О, как давно мы с Вами не встречались. Как приятно встретиться с Вами снова». Он был профессионалом, но редко вел светскую беседу и никогда не шутил, в отличие от Рональда Рейгана, чья речь была насыщена шутками.

Помощник Госсекретаря США по странам Восточной Азии и Тихоокеанского региона Маршал Грин (Marshall Green) поинтересовался моими взглядами на американские инициативы в отношении с Китаем, подразумевая визит Никсона в Китай в феврале 1972 года. Я сказал, что всецело одобрял их, за исключением элемента внезапности. Не стань этот визит таким сюрпризом для всех остальных государств, его благоприятные результаты были бы еще лучше. А та внезапность, с которой состоялся этот визит, посеяла среди японцев и жителей стран Юго-Восточной Азии тревогу относительно склонности великих держав к неожиданным изменениям в политике, что могло затруднить положение небольших государств.

Грин объяснил мне, что японцам удавалось хранить секреты с большим трудом, — они сами говорили об этом. Он подчеркнул, что новые отношения с Китаем не изменили политики Америки по отношению к любой из стран региона. На Тайване поначалу были этим очень обеспокоены, но теперь стало ясно, что Соединенные Штаты по-прежнему будут выполнять свои обязательства, закрепленные в договоре с Тайванем. Руководство Кореи также было обеспокоено этим визитом, но теперь все поняли, что отношения Кореи с США совершенно не изменились. Вкратце, нормализация отношений с КНР не осуществлялась за чей-либо счет, конечным результатом этого процесса должно было стать укрепление стабильности в Азии.

Я ответил, что усиление контактов с западной цивилизацией и западной технологией повлияет на Китай, его нынешняя изоляция не могла продолжаться вечно. К примеру, из-за полной изоляции китайских людей от внешнего мира члены их команды по настольному теннису, посетившие Сингапур, не желали говорить ни о чем, кроме настольного тенниса. Я верил, что как только китайская экономика преодолеет барьер «удовлетворения минимальных потребностей», китайцы столкнутся с теми же проблемами, с которыми уже тогда сталкивался Советский Союз. Население Китая захотело бы иметь выбор доступных ему товаров, а с появлением возможности выбирать китайцы утратили бы свое стремление к равенству.

Грин заверил меня, что Соединенные Штаты намеревались играть важную стабилизирующую роль в Азии: «Наши вооруженные силы будут продолжать оставаться в регионе, и мы будем полностью выполнять наши обязательства по международным договорам». Это напомнило мне более ранние заверения Гарольда Вильсона и Дэниса Хили о том, что вооруженные силы Великобритании будут продолжать оставаться в Сингапуре. Я успокоил себя мыслью о том, что, поскольку Америка, в отличие от Великобритании, никогда не зависела от своей колониальной империи, чтобы поддерживать статус великой державы, то и экономических причин для вывода американских войск из Азии не существовало.

Когда 9 августа 1974 года Никсон подал в отставку, чтобы избежать импичмента, вызванного «уотергейтским скандалом», я стал опасаться за судьбу Южного Вьетнама. В качестве одного из последних шагов на посту президента Никсон подписал и придал законодательную силу законопроекту, устанавливавшему потолок в размере одного миллиарда долларов США для оказания американской военной помощи Южному Вьетнаму на протяжении следующих 11 месяцев. В течение нескольких дней, прошедших с момента его отставки, Палата представителей Конгресса США проголосовала за то, чтобы уменьшить размеры помощи до 700 миллионов долларов США. На плаху, на которой лежала голова президента Южного Вьетнама Тхиеу (Thieu), стремительно опускалось лезвие топора.

25 апреля 1975 года Тхиеу покинул Сайгон. 30 апреля, по мере приближения к городу наступающих войск Северного Вьетнама, с крыши американского посольства в Сайгоне взлетел вертолет. Это был момент, запечатленный на незабываемой фотографии, изображавшей охваченных паникой жителей Южного Вьетнама, цеплявшихся за перила вертолета. Несколько позже, в тот же день, танки армии Северного Вьетнама подъехали к ограде президентского дворца и символически сбили ворота с петель.

Хотя американская интервенция во Вьетнаме потерпела неудачу, она позволила выиграть время остальным странам Юго-Восточной Азии. В 1965 году, когда американские войска были

введены в Южный Вьетнам, вооруженные коммунистические повстанцы угрожали Таиланду, Малайзии и Филиппинам, а в Сингапуре все еще активно действовало коммунистическое подполье. Индонезия, отходившая от кошмара неудавшегося коммунистического мятежа, находилась в состоянии «конфронтации», – необъявленной войны, – с Малайзией и Сингапуром. Филиппины предъявляли территориальные претензии к Малайзии, заявляя права на штат Сабах в Восточной Малайзии. Уровень жизни населения был низким, а экономический рост – медленным. Действия американцев во Вьетнаме позволили некоммунистическим странам Юго-Восточной Азии привести свои дела в порядок. К 1975 году они были в куда лучшей форме для борьбы с коммунистами. Если бы Соединенные Штаты не предприняли интервенцию во Вьетнаме, воля этих стран к борьбе против коммунистов оказалась бы подавленной, и страны Юго-Восточной Азии, скорее всего, попали бы под власть коммунистов. Именно в годы вьетнамской войны были заложены основы процветающей рыночной экономики стран АСЕАН.

В течение нескольких недель, предшествовавших падению Сайгона, огромная армада маленьких лодок и суденышек, набитых беженцами, отправилась в плавание по Южно-Китайскому морю. Многие из них стремились попасть в Сингапур. Значительное число беженцев располагало оружием. Исполнявший обязанности премьер-министра Сингапура Кен Сви направил мне в Вашингтон срочное сообщение, в котором говорилось, что число беженцев достигло нескольких тысяч, а число судов – нескольких сотен. Он настаивал на принятии немедленного политического решения. Я дал понять, что нам следовало предотвратить высадку беженцев в Сингапуре и направить их в те страны, которые располагали куда большей территорией, чтобы принять их. Эта массовая операция началась 6 мая. Вооруженные силы Сингапура отремонтировали, переоснастили, заправили топливом и провизией и направили в открытое море 64 судна, на борту которых находилось более 8,000 беженцев. Капитаны многих судов умышленно испортили моторы, чтобы предотвратить высылку.

В момент, когда проводилась эта операция, в полдень 8 мая 1975 года, через 8 дней после падения Сайгона, я посетил президента США Джеральда Форда (Gerald Ford). Форд выглядел обеспокоенным, но не подавленным, он спросил меня о реакции в регионе на падение Вьетнама. Я был в Бангкоке в апреле, непосредственно перед падением Сайгона, – в Таиланде и Индонезии нервничали. Сухарто был спокоен и уверенно контролировал ситуацию. Я сказал ему, что вмешательство Конгресса США, в результате которого были приостановлены бомбардировки коммунистов, внесло вклад в капитуляцию Южного Вьетнама. Если бы не случился «уотергейтский скандал», бомбардировки продолжались бы, войска Южного Вьетнама не потеряли бы волю к продолжению войны, и ее исход мог бы быть иным. Когда бомбардировки прекратились, а помощь – существенно урезана, судьба правительства Южного Вьетнама была предопределена.

Форд спросил меня, в каком направлении Америке следовало двигаться дальше. Я ответил, что лучше всего было бы подождать, пока туман рассеется, и понаблюдать за тем, как будут разворачиваться события в Лаосе, Камбодже и Вьетнаме. Я верил, что Коммунистическая партия Лаоса «Патет Лао» (Pathet Lao) захватит контроль над Лаосом и попадет под контроль Вьетнама. В Камбодже «красные кхмеры» были заняты уничтожением тысяч противников коммунистов. (Я тогда еще не знал, насколько неразборчиво они убивали людей, включая всех представителей интеллигенции или тех, кто не принимал участия в их крестьянской революции). Я полагал, что Таиланд прибегнет к помощи Китайской Народной Республики, чтобы предохранить себя от вторжения вьетнамских коммунистов. Киссинджер спросил, поможет ли КНР Таиланду. Я считал, что поможет. Я высказал предположение, что лучше всего было бы сохранять хладнокровие и понаблюдать за развитием событий. Если бы на следующих выборах президентом США был избран политик, подобный Макговерну (McGovern), который пошел бы на уступки коммунистам, ситуация стала бы безнадежной.

Средства массовой информации изображали Форда тугодумом, бывшим игроком в американский футбол, который в прошлом слишком часто травмировал свою голову. На меня он произвел впечатление искушенного человека, обладавшего здравым смыслом, умевшего оценивать людей, с которыми он имел дело. Он проявлял искреннее дружелюбие и вел себя легко и непринужденно. После ужина, когда я, извинившись, отпросился в туалет, он настоял

на том, чтобы я зашел в его личную уборную. Мы поднялись на лифте, сопровождаемые его личной охраной. Там, в обширной приватной ванной, было установлено множество тренажеров для физических упражнений и поддержания президента в форме, на умывальниках были расставлены туалетные и бритвенные принадлежности. Я не мог себе представить, чтобы какой-либо европейский, японский лидер или руководитель страны «третьего мира» пригласил меня освежиться в свою ванную комнату. А Форд был просто дружелюбным человеком, который был рад гостю. Он был благодарен мне за то, что я был единственным политиком в Юго-Восточной Азии, который продолжал поддерживать Америку в тот момент, когда, после поспешной эвакуации Сайгона, ее позиции пошатнулись. Он не хотел специально произвести на меня впечатление, но у меня все-таки сложилось хорошее впечатление о нем как о солидном, надежном человеке.

Глава 29. Стратегическое партнерство с США

Когда Джимми Картер (Jimmy Carter) сменил на посту президента Джеральда Форда (Gerald Ford), это привело к резким изменениям в акцентах внешней и оборонной политики США. Картер был больше заинтересован в развитии отношений со странами Африки, чем со странами Азии. Друзья и союзники Америки в Азии были встревожены, когда он объявил о сокращении численности американских войск, размещенных в Корее. Картер считал, что американцы устали от войны во Вьетнаме и хотели забыть об Азии. Он сосредоточил свои усилия на примирении белых и черных американцев, а также хотел способствовать преодолению глубокой пропасти, разделявшей белых и черных в Южной Африке. Упор в его политике делался на соблюдение прав человека, а не на укрепление обороны и безопасности. Лидеры стран АСЕАН приготовились пережить четыре трудных года, ожидая, что же Картер предпримет на деле.

Во время нашей встречи в октябре 1977 года он детально планировал свое время. Пять минут было отведено на фотографирование, затем, – 10-минутная встреча один на один, за которой последовала 45-минутная дискуссия между двумя делегациями. Он придерживался этого плана с точностью до секунды. Меня изумило, что во время нашей 10-минутной встречи один на один он поднял вопрос о приобретении Сингапуром высокотехнологичных вооружений, – ракет типа «земля-воздух» «Ай хоук» (I-Hawk). Я не готовился к этому вопросу, ни один президент до него никогда не интересовался нашими скромными закупками вооружений, тем более вооружений оборонительного характера. Картера очень волновали вопросы ограничения распространения вооружений, особенно высокотехнологичного оружия, а ракеты «Ай Хоук» рассматривались им как высокотехнологичные для Юго-Восточной Азии. Я сказал, что Сингапур представлял собой очень компактную городскую цель, которая должна была быть плотно защищена. Имевшиеся у нас ракеты «Бладхаунд» (Bloodhound) устарели, но в случае, если бы Америка испытывала сложности с продажей ракет нам ракет «Ай Хоук», мы приобрели бы британские ракеты «Рапир» (Rapier), – это было не так уж важно. Чтобы не входить в дискуссию по этому вопросу, я сказал, что мы не станем обращаться с просьбой о приобретении ракет. Два года спустя американцы продали нам ракеты «Ай Хоук», после того как посол США в Сингапуре, бывший губернатор штата Северная Дакота (North Dakota) от демократической партии и сторонник Картера, поднял этот вопрос в Белом Доме.

Встреча официальных делегаций длилась 45 минут, ни секундой дольше. У Картера был список вопросов для обсуждения, который он вытянул из кармана рубашки примерно за 15 минут до конца встречи, чтобы убедиться, что удалось обсудить все вопросы. Все эти вопросы были несущественными, – не перечитав стенограмму встречи, я бы не смог сейчас вспомнить, что же мы тогда обсуждали. Его предшественники: Джонсон, Никсон и Форд, – всегда обсуждали глобальные вопросы. Их интересовала ситуация в Азии в целом, – ситуация в Японии, Южной Корее, на Тайване, в коммунистическом Китае и Вьетнаме, а также положение американских союзников: Таиланда и Филиппин.

Картер не обсуждал эти вопросы. Несмотря на это, я решил дать ему общее представление о важности той роли, которую играла Америка в обеспечении стабильности и условий для экономического роста в регионе, и попытаться убедить его не отходить от прежней политики

США, ибо это могло подорвать доверие некоммунистических стран, являвшихся друзьями Америки. Я не уверен, что произвел на него какое-либо впечатление. Если бы перед тем, в мае, я не встретился в Сингапуре с помощником Госсекретаря США по странам Азиатско-Тихоокеанского региона Ричардом Холбруком (Richard Holbrooke), я сомневаюсь, что мне вообще удалось бы встретиться с Картером. Холбрук хотел, чтобы кто-либо из лидеров стран региона убедил Картера сконцентрировать внимание на Азии, и полагал, что это мог бы сделать я.

Когда я уезжал, он подарил мне книгу в зеленом кожаном переплете, – свою автобиографию, – использовавшуюся во время предвыборной кампании, которая называлась «Почему – не самый лучший?» (Why-not the Best?) В книге уже имелась дарственная надпись: «Моему доброму другу Ли Куан Ю. Джимми Картер». Я был польщен, но несколько удивлен тем, что я был записан в «добрые друзья» еще до встречи с ним. Наверное, это было обычной практикой во время его избирательной кампании. Я просмотрел эту книгу, надеясь найти в ней какое-либо объяснение происходящему. Мне это удалось. Картер был родом из так называемого «библейского пояса» Америки, представителем возрождавшегося христианства. Две истории из этой книги остались в моей памяти. Однажды, когда он шел в воскресную школу, его отец дал ему монетку. Вернувшись, он положил на стол две монетки. Когда его отец обнаружил это, он отхлестал его. С тех пор он никогда не воровал! Для меня было загадкой, каким образом эта история могла помочь Картеру победить на выборах. Другая история была о том, как адмирал Риквер (Admiral Rickover) отбирал его для службы на атомной подводной лодке и спросил, какое место Картер занял среди студентов своего выпуска Военно-морской академии в Аннаполисе (Annapolis Naval Academy). Тот с гордостью ответил, что 59-ое. Тогда Риквер спросил: «Это было наилучшим результатом, на какой вы были способны?» Картер ответил: «Да, сэр», – а потом поправился: «Нет, сэр, я не всегда показывал самые лучшие результаты, на которые был способен». Тогда Риквер сказал: «А почему бы и нет?» Картер сказал, что он был потрясен этими словами, они и дали название его книге: «Почему – не самый лучший?» И Картер сделал их лозунгом своей жизни. Однажды я видел его по телевизору, шатавшимся по окончании марафонского забега, бывшего на грани истощения, готового упасть. Им двигало это самое желание показать самый лучший результат, на какой он только был способен, невзирая на свое физическое состояние в этот момент.

В октябре 1978 года у нас состоялась еще одна короткая встреча. Меня принимал вице-президент Уолтер Мондейл (Walter Mondale), и Картер появился, только чтобы сфотографироваться для прессы. Мы обменялись немногими словами, – он по-прежнему не интересовался Азией. К счастью, советники убедили его не выводить американские войска из Кореи.

Огромным достижением Картера было то, что ему удалось убедить египетского президента Анвара Садата (Anwar Sadat) и израильского премьер-министра Менахема Бегина (Menachem Begin) заключить мир. Я был поражен тем, что Картер запомнил каждый спорный колодец, изгородь и участок границы между двумя странами. Я подумал тогда о системе оценки способностей служащих, применявшейся нефтяной компанией «Шелл» (Shell). Они оценивали «вертолетное видение» (helicopter quality) сотрудников, то есть их способность видеть общую картину и выделять из нее важные детали. Картер концентрировался на каждой детали.

В 1979 году, в конце пребывания Картера на посту президента, его внимание к Азии привлекли три главных события. Во-первых, в конце января его посетил Дэн Сяопин. Он установил дипломатические отношения между КНР и США и предупредил о намерении Китая наказать Вьетнам за оккупацию Камбоджи. Во-вторых, Картер посоветовал шаху Ирана покинуть страну в условиях надвигавшегося народного восстания. В-третьих, 24 декабря 1979 года Советский Союз вторгся в Афганистан, чтобы поддержать коммунистический режим, неспособный удержаться у власти своими силами. Картера это настолько шокировало, что он сказал: «С глаз упала завеса». До этого он не видел, что представлял собой советский режим. В 1979 году, после подписания договора об ОСВ (SALT) в Вене, он обнимался с Брежневым (Brezhnev) и верил, что советские лидеры были разумными людьми, которые ответят на искренние миролюбивые жесты взаимностью.

Присутствие в американской администрации советника Картера по национальной

безопасности Збигнева Бжезинского (Zbigniew Brzezinski) весьма обнадеживало. Он обладал широким стратегическим взглядом на вещи и понимал важную роль Китая как в обеспечении общего баланса сил с Советским Союзом, так и в предотвращении того, чтобы Вьетнам окончательно стал орудием советской политики. Он мог весьма убедительно изложить свои взгляды на любом международном форуме, но был достаточно мудрым, чтобы проводить внешнюю политику своего президента, а не свою собственную. Соединенные Штаты и многие мусульманские государства щедро снабжали оружием, деньгами и наемниками силы сопротивления в Афганистане, которые, в конечном итоге, подрывали силы могущественного Советского Союза.

Холбруку удалось сделать первоначальные планы Картера по сокращению американского военного присутствия в Азии более умеренными, особенно это касалось желания Картера вывести 40,000 американских военнослужащих из Кореи после поражения, которое США потерпели во Вьетнаме. В декабре 1980 года, перед тем как Холбрук покинул свой пост, я написал ему: «В тот период времени, когда многие в администрации, в Конгрессе и в средствах массовой информации хотели забыть о Юго-Восточной Азии, Вы непрерывно работали над тем, чтобы восстановить уверенность в могуществе США и целях американской политики. Будущее теперь выглядит не таким угрожающим, как в 1977 году, когда мы впервые встретились».

Картер был хорошим, богобоязненным человеком, наверное, слишком хорошим, чтобы быть президентом. Американцы проголосовали за него, устав от «уотергейтского скандала». Тем не менее, после четырех лет набожных размышлений об американских недугах они с готовностью проголосовали за Рональда Рейгана (Ronald Reagan), который оптимистично смотрел на Америку и ее будущее и воодушевлял американцев на протяжении двух сроков пребывания на посту президента. Рейган был человеком простых, прямолинейных взглядов, сильным и преуспевающим лидером. Он оказался удачной находкой для Америки и для всего мира. Хорошо, что в ноябре 1980 года американцы проголосовали за голливудского актера, а не за фермера, выращивавшего арахис.²⁶

Я впервые встретился с Рейганом в октябре 1971 года, когда он посетил Сингапур в качестве губернатора Калифорнии. У него было с собой рекомендательное письмо от президента Никсона. Калифорния была родным штатом Никсона, и Рейган, очевидно, играл ключевую роль в избрании Никсона. В течение 30-минутной дискуссии перед обедом я понял, что он – человек сильных убеждений, решительный антикоммунист. Он говорил о войне во Вьетнаме и тех проблемах во всем мире, причиной которых был Советский Союз. Во время обеда, на котором присутствовали его жена, сын, а также помощник Майк Дивер (Mike Deaver), он продолжил разговор о советской угрозе. Он был настолько заинтересован в этой теме, что захотел продолжить дискуссию и после обеда. Его жена и сын оставили нас, и мы продолжили разговор в моем кабинете. Мы провели еще час, обсуждая стратегические проблемы, связанные с Советским Союзом и Китаем. Некоторые его взгляды шокировали. Он сказал, что во время блокады Западного Берлина американцам следовало не доставлять в город припасы по воздуху, а противопоставить русским танкам свои и потребовать, чтобы дорога на Берлин была открыта, в соответствии с требованиями Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину (Four-Power Agreement). Если бы русские не открыли дорогу, тогда следовало воевать. Я был ошеломлен таким черно-белым подходом.

10 лет спустя, в марте 1981 года, бывший президент Джеральд Форд посетил Сингапур, чтобы сообщить мне, что президент Рейган, инаугурация которого состоялась в январе того года, хотел встретиться со мной, и поскорее. Я получил еще одно послание, в котором меня спрашивали, не мог ли я приехать в июне, и я поехал. Когда я прибыл в Белый Дом около полудня 19 июня, Рейган тепло встретил меня на крыльце своей резиденции. У нас состоялась встреча один на один в течение 20 минут, перед обедом. Он хотел поговорить со мной о Тайване и Китае.

Я сказал Рейгану, что в интересах Америки было существование преуспевающего

²⁶ Прим. пер.: после смерти своего отца Картер унаследовал его ферму и занимался выращиванием арахиса в Плейнсе, в штате Джорджия (Plains, Georgia)

Тайваня, что позволило бы создавать постоянный контраст между условиями жизни на острове и на материке. Это имело бы далеко идущие последствия, и, через средства массовой информации и официальных лиц, посещавших обе страны, оказывало бы влияние в международном масштабе. Рейган спросил меня, действительно ли президент Цзян Цзинго нуждался в приобретении истребителей нового поколения. Цзян оказывал на него давление, добиваясь их приобретения, в деликатный для Рейгана момент. Рейган был критично настроен по отношению к Китайской Народной Республике во время избирательной компании, и был известен как верный сторонник Тайваня. Я знал, что для него было бы сложно внести неожиданные изменения в свою политику. Тем не менее, разрешение на продажу Тайваню самолетов нового поколения привело бы к ухудшению отношений с КНР. Я высказал свое мнение: поскольку КНР не предоставляла угрозы Тайваню в настоящий момент, то имевшихся тогда у Тайваня самолетов «Ф-5» было достаточно. Китай не занимался наращиванием своих вооружений, Дэн Сяопин хотел улучшить снабжение китайцев потребительскими товарами, потому что люди были деморализованы и лишены предметов первой необходимости после десятилетия «культурной революции». Тайваню следовало модернизировать свои самолеты не сейчас, а позднее.

За обедом к нам присоединились ключевые советники Рейгана: глава аппарата администрации Джим Бэйкер (Jim Baker), шеф ЦРУ Билл Кейси (Bill Casey), Майк Дивер, советник по национальной безопасности Ричард Аллен (Richard Allen) и Каспар Уайнбергер (Casper Weinberger), отвечавший за вопросы обороны. Основным предметом их интереса был Китай: отношения Китая с Тайванем и отношения Китая с Советским Союзом.

Он поинтересовался моим мнением об обращении КНР к Советскому Союзу по поводу пограничных проблем между двумя странами, последовавшим немедленно после визита Госсекретаря США Александра Хейга (Alexander Haig) в Пекин. С моей точки зрения, это было шагом, который должен был продемонстрировать США, что им не следовало воспринимать хорошие отношения с Китаем как нечто само собой разумеющееся. Тем не менее, я не верил, что КНР и Советский Союз могут далеко продвинуться в улучшении отношений, учитывая глубокие и серьезные различия в интересах двух стран. Обе страны являлись коммунистическими «евангелистами», боровшимися друг против друга за поддержку стран «третьего мира». Кроме того, Дэн Сяопину приходилось приспосабливаться к тем людям из своего окружения, которые не хотели слишком близких отношений с Америкой. Я полагал, что Дэн Сяопин был достаточно твердо настроен проводить политику, придававшую основной приоритет снабжению населения потребительскими товарами, а не увеличению военных расходов.

Коснувшись волнений в Польше, Рейган сказал, что русских должно было беспокоить перенапряжение ресурсов страны. Я сказал, что Советы были готовы пожертвовать экономикой, чтобы спасти свою «империю, раскинувшуюся на просторах Евразии». Слух Рейгана резануло слово «империя». Он сказал Ричарду Аллену использовать это слово более часто, описывая советскую сферу влияния. В своей следующей речи Рейган упомянул о Советах как об «империи зла».

В ходе последних 10 минут встречи, оставшись один на один, Рейган попросил меня передать президенту Цзяну, чтобы тот не оказывал на него давление по вопросу продажи высокотехнологичных вооружений в этот трудный для Рейгана период времени. Он попросил меня заверить президента Цзяна Цзинго, что он его не подведет. Рейган знал, что у меня с Цзяном были близкие отношения, и это помогло бы смягчить то разочарование, которое было бы вызвано его отказом. Я встретил Цзяна Цзинго через несколько дней и передал ему слова Рейгана о том, что это был неподходящий момент для продажи Тайваню таких высокотехнологичных вооружений как самолеты. Цзян спросил меня, почему его хороший друг Рейган не мог ему помочь. Я рискнул предположить, что Америка нуждалась в КНР для поддержания глобального баланса сил с Советским Союзом. Страны Западной Европы и Япония не желали тратить средства на вооружения в тех объемах, как того требовали США. Поэтому Рейгана интересовало, нельзя ли было путем передачи незначительных объемов военной технологии Китаю так модернизировать его военных потенциал, чтобы вкупе с огромными людскими ресурсами Китая это позволило увеличить давление на Советский Союз.

Цзян согласился с этим. Он принял к сведению, что у Рейгана существовала серьезная причина для отказа, и просил меня передать ему, что он его понимает. Цзян был удовлетворен, он доверял Рейгану.

Как и Цзян, Рейган полагался на интуицию: он либо верил человеку, либо нет. Он также был глубоко и сильно преданным человеком, как по отношению к своим друзьям, так и по отношению к своему делу. Его советники, включая первого Госсекретаря США Александра Хейга, говорили ему о важности использования коммунистического Китая в глобальной стратегии борьбы с Советским Союзом. Он принял их анализ к сведению, но испытывал дискомфорт по отношению к китайским коммунистам. Он унаследовал отношения с Китаем и знал, что должен был их поддерживать.

Я уезжал из Вашингтона, чувствуя себя более уверенно, чем во времена президента Картера. Рейган заражал людей вокруг себя своим природным оптимизмом и уверенностью в достижимости поставленных целей. Он с оптимизмом смотрел на любую проблему и был готов защищать свои убеждения. Что было еще более важным, он был способен вести за собой американский народ, зачастую вопреки мнению средств массовой информации. Когда я написал ему письмо, чтобы поблагодарить за обед, я получил от него содержательный ответ, в котором, в частности, говорилось следующее: «Я хочу улучшить отношения США с Китаем, и буду настойчиво работать, чтобы добиться этого, но не за счет наших старых друзей на Тайване. Я также не хочу, чтобы вы, наши партнеры в Юго-Восточной Азии, рассматривали наши отношения с Пекином как более важные для США, чем отношения с вами». Когда его администрация обнародовала решение США о продаже оружия Тайваню, то список вооружений не включал современных истребителей на том основании, что у Тайваня «не было военной необходимости в приобретении таких самолетов».

10 месяцев спустя, в апреле 1982 года, вице-президент Джордж Буш (George Bush) встретился со мной в Сингапуре перед посещением Китая. Он хотел узнать мое мнение относительно того, как подойти к проблеме отношений между КНР и Тайванем. Я сказал, что эта проблема была исключительно сложной. По моему мнению, китайские лидеры не верили, что этот визит мог ее разрешить, но они придавали большое значение соблюдению формы. КНР подвергли бы взгляды и характер Рейгана тщательному изучению. Они знали о его многочисленных визитах на Тайвань и дружбе с президентом Цзян Цзинго. Из-за этого для китайцев форма была так же важна, как и содержание. Они знали, что им не удастся вернуть Тайвань на протяжении долгого времени. Несмотря на это, чтобы избежать неприятностей, не следовало оспаривать тот принцип, что Тайвань является частью Китая. Я был уверен в том, что Дэн Сяопин нуждался в Америке. Он посетил Америку в 1979 году, чтобы нормализовать отношения, потому что он нуждался в том, чтобы Америка была на стороне Китая, или, по крайней мере, соблюдала нейтралитет в случае любого конфликта с Советским Союзом. Дэн также знал, что он имел дело с таким твердым лидером как Рейган.

Буш спросил меня о том, существовала ли в Китае внутренняя оппозиция развитию отношений с Соединенными Штатами. Я считал, что развитие отношений между Китаем и Америкой получило одобрение самого Мао, так что возражать против этого стали бы немногие. Дэн не только нормализовал отношения, но и пошел дальше, открыв страну для иностранцев. Это должно было иметь важные долгосрочные последствия. Сыновья китайских лидеров, как и многие другие китайцы, учились в Соединенных Штатах. Вероятно, 20 % выпускников или более остались бы в США, но остальные вернулись бы в Китай со свежими идеями. Китайцы знали, что они рискуют, открывая страну, поэтому это решение было очень важным, – они были готовы принять студентов, возвращавшихся домой с радикальными идеями, зараженных микробами перемен в обществе.

Трудной проблемой являлось то, что, в качестве кандидата в президенты, Рейган делал громкие заявления в поддержку Тайваня. Он повторил эти заявления даже после того, как Джордж Буш посетил Пекин в августе 1980 года, чтобы объяснить китайцам, что им следовало понимать и уважать позицию США по отношению к Тайваню. В будущем эта позиция должна была измениться, но не сразу. Тем не менее, я верил, что китайцы придавали большое значение преданности, они знали, что люди, которые предали своих друзей, предадут и их. Они были бы удивлены, если бы в результате оказываемого ими давления Соединенные Штаты пошли бы на

уступки в отношении Тайваня. Они добивались от Соединенных Штатов подтверждения принципа «единого Китая». Буш заверил меня, что Рейган не собирался поворачивать ход истории вспять, признав два отдельных государства и направив в них два посольства.

Я предложил, чтобы Соединенные Штаты пригласили премьер-министра Чжао Цзяня посетить Вашингтон, после чего Рейгану следовало посетить Пекин и изложить там свою позицию, как это сделал Буш. Американцам следовало убедить Пекин, что они проводили политику «единого Китая». Чтобы сделать это, Рейган должен был встретиться с Дэн Сяопином и убедить его, что это являлось основой американской позиции. Буш согласился, ибо Рейган умел убедительно выражать свои мысли. Буш добавил, что между Китаем и Соединенными Штатами было много общего. Рейган был «встревожен и являлся параноиком по отношению к Советскому Союзу», а события в Польше и Афганистане только способствовали этому. Рейган не любил коммунизм, но он видел стратегическую выгоду в развитии отношений с Китаем.

Ко времени моего следующего визита в Вашингтон в июле 1982 года Джордж Шульц (George Shultz) сменил Александра Хейга на посту Госсекретаря США. Я познакомился с Шульцем, когда он был секретарем Казначейства США при президенте Никсоне в начале 70-ых годов, и мы подружились. Хейг полностью выложился, чтобы создать «стратегический консенсус» против Советского Союза и согласился постепенно уменьшить объемы продажи вооружений Тайваню. Шульцу следовало найти правильные слова, чтобы высказать это обещание. Он задал мне несколько вопросов. Я сказал, что было мало смысла в том, чтобы оставить Тайвань беззащитным в военном отношении на милость Китая для того, чтобы использовать китайскую мощь против Советского Союза. Китайцы были бы настроены против Советов в любом случае. Шульц более трезво оценивал ценность Китая в общем балансе сил, направленных против Советского Союза. Он проводил намного более выверенную и взвешенную политику, которая не требовала от США отказа от обязательств по отношению к своему старому союзнику.

На этот раз Рейган снова отвел меня в сторону перед обедом для дискуссии один на один. Он обсуждал со мной отношения с Китаем и Тайванем, а также с Китаем и Советским Союзом. Я сказал, что ему не следовало предавать Тайвань, даже если он нуждался в поддержке Китая в противостоянии с Советским Союзом. Эти две задачи не противоречили друг другу, их можно было решать одновременно.

Он знал, что я уже встречался до того с высшими китайскими лидерами, как в КНР, так и на Тайване. Рейган также знал, что я был не только антикоммунистом, но и реалистом, поэтому он проверял на мне свои идеи. Я сказал ему, что тайванский вопрос следовало отложить в сторону, ибо он не мог быть решен в настоящее время, его следовало оставить для решения следующим поколением политиков. Подобное предположение было высказано Дэн Сяопином японцам в отношении территориального спора об островах Сенкаку (Senkaku). Я предложил Рейгану объяснить Пекину, что он был очень старым другом Тайваня и не мог просто списать его со счетов. Он спросил меня, следовало ли ему посетить Китай. Лично он не хотел ехать в Пекин и чувствовал, что в случае, если он все-таки поедет туда, он будет вынужден в ходе той же поездки посетить и Тайвань. Мне было странно это слышать. Я посоветовал ему не ездить на Тайвань, особенно в ходе поездки в Китай. Как я уже до того советовал Бушу, Рейгану следовало пригласить либо премьер-министра Чжао Цзяня, либо Генерального секретаря КПК Ху Яобана (Hu Yaobang) в Вашингтон, перед тем как посетить Китай самому. После того как один из них или оба посетили бы Соединенные Штаты, ответный визит в Китай был бы вполне уместен.

Позднее Рейган писал мне: «Наша частная беседа перед обедом 21 июля была для меня очень полезной. Я привык получать от Вас мудрые советы, и этот раз не был исключением. Ваша искренность и откровенность подтверждают силу нашей дружбы, которую я так высоко ценю».

В начале 1984 года премьер-министр Чжао Цзянь посетил Вашингтон и подчеркнул, что Китай был заинтересован в развитии более тесных экономических отношений с США. В мае Рейган посетил Китай. Вскоре после этого помощник Шульца Пол Волфовиц (Paul Wolfowitz) прибыл в Сингапур, чтобы проинформировать меня о визите Рейгана в Китай и обсудить некоторые аспекты визита, которые американцам было сложно понять. Это был удачный визит,

во время которого удалось добиться реального прогресса в экономической сфере. Рейган не пошел на уступки по глобальным вопросам, по которым китайцы с ним не соглашались. Дэн подчеркнул, что Тайвань являлся узлом в отношениях между США и КНР, который было необходимо развязать. Я сказал, что было хорошо, что у Дэн Сяопина была возможность самому оценить Рейгана. Китайцы поняли, что им придется работать с Рейганом на протяжении не одного, а двух президентских сроков. И действительно, Рейган был переизбран на второй срок.

После переизбрания Рейгана Шульц предложил, чтобы я нанес официальный визит в Вашингтон в начале октября 1985 года. Рейган был в хорошей форме. Он выглядел молодо, а волосы на голове и его сильный голос стали ничуть не хуже после четырех лет пребывания у власти и покушения, во время которого пуля, пробившая его грудь, едва не задела сердце. Рейгана не интересовали детали. Он дал ясно понять, что не желал возиться с деталями, которые могли затруднить понимание проблем в целом. Его сила заключалась в постоянстве и упорстве в достижении цели. Он знал, чего хотел и был намерен добиваться своей цели, окружая себя способными людьми, разделявшими его образ мысли и доказавшими способность добиваться успеха в избранной ими сфере. Он источал оптимизм и уверенность в себе. Те восемь лет, которые Рейган находился у власти, были хорошим периодом для Америки и всего мира. Его программа «звездных войн» (Star Wars) явилась таким вызовом президенту Горбачеву и Советскому Союзу, с которым они уже не надеялись справиться, – это способствовало развалу Советского Союза.

Как и прежде, во время встречи один на один, он поинтересовался моими взглядами относительно Китая и Тайваня. Рейган сказал, что он балансировал между КНР и Тайванем. Он дал ясно понять КНР, что США не бросят Тайвань: «США были и будут оставаться другом обеих стран». После этого он попросил меня убедить президента Цзяна Цзинго, чтобы Тайвань оставался членом «Азиатского банка развития» («АБР» – Asian Development Bank) после того как, вслед за вступлением КНР в «АБР», название «Тайбэй, Тайвань» было изменено на «Тайбэй, Китай». Цзян хотел выйти из «АБР», и Конгресс США угрожал прекратить оказание банку американской помощи, в случае, если Тайвань будет «исключен». Позднее, в Тайбэе, мне с трудом пришлось объяснять позицию Рейгана президенту Цзяну, но, в конце концов, здравый смысл восторжествовал. В январе 1986 года КНР стала членом «АБР», а название Тайваня было изменено на «Тайбэй, Китай».

Во время своего визита в Китай в предыдущем году Рейган заметил, что китайские руководители начали осознавать, что им следовало предоставить своим людям возможность самим улучшить свою жизнь. Я сказал, что это было данью тому, чего США удалось добиться на Тайване в результате свободного движения капитала, технологии, товаров и услуг. Я был убежден, что Дэн Сяопина информировали об огромных экономических успехах Тайваня, и он должен был задаться вопросом, каким образом люди, которых он рассматривал как банду «слабых, коррумпированных и никчемных бандитов» оказались на это способны. Видимо, Дэн полагал, что Соединенные Штаты помогли этим «бандитам» капиталом, технологией и знаниями и дорого дал бы за то, чтобы та же формула была применена и к Китаю. Дэн знал, что Америка могла бы сыграть неоценимую роль в модернизации Китая.

Во время моего официального визита мне была предоставлена честь выступить на совместном заседании палат Конгресса США. Законодатели самой мощной державы мира уделили свое время лидеру крошечного острова. Наш посол в США Томми К^о сообщил мне, что Рейган и Шульц способствовали тому, что спикер Конгресса Тип О'Нил (Tip O'Neill) пригласил меня. Мое выступление было посвящено проблеме, которая тогда являлась главной политической проблемой в США. Речь шла об использовании протекционистских мер для сохранения рабочих мест и контроля над растущим дефицитом США в торговле с бурно развивавшимися в экономическом отношении странами Восточной Азии. В течение 20 минут я говорил о том, что проблема свободы торговли, по существу, являлась вопросом войны и мира на планете.

Я доказывал, что государства возвышаются и приходят в упадок, и если государству, находящемуся на подъеме, обладающему избытком энергии, не позволяют экспортировать товары и услуги, то для такого государства единственной альтернативой становится

территориальная экспансия и захват территорий, населения и их интеграция в состав более крупной экономической системы. Именно поэтому государства создавали империи, которые они контролировали в качестве единых торговых блоков, – это был путь роста и развития, проверенный временем. После окончания Второй мировой войны мир, в этом отношении, изменился. ГАТТ, МВФ, Мировой банк установили новые правила игры в мире и позволили Германии динамично развиваться и достичь процветания, несмотря на то, что значительному числу немцев пришлось вернуться из Восточной Европы и разместиться на уменьшившейся территории Германии. Это же случилось и с японцами, которым пришлось покинуть Корею, Китай, Тайвань, страны Юго-Восточной Азии и разместиться на небольших Японских островах. Японцы и немцы оказались способны оставаться в пределах своих границ и добиться экономического роста, используя торговлю и инвестиции. Они сотрудничали и конкурировали с другими государствами и оказались способны добиться процветания без войны. Тем не менее, если блокировать торговлю товарами и услугами, то Китаю придется вернуться к использованию своего исторического опыта завоевания и поглощения друг другом небольших воюющих княжеств. Эти государства пытались установить контроль над все более и более обширной территорией и все более многочисленным населением до тех пор, пока не превращались в единую, громадную континентальную империю. Это строгое, логичное доказательство, возможно, убедило законодателей с интеллектуальной точки зрения, но многим из них было трудно согласиться с этим в эмоциональном плане.

Другой проблемой, которую Рейган поднял во время нашей дискуссии, было положение на Филиппинах. С тех пор как находившийся в изгнании лидер оппозиции Бениньо Акино был убит в аэропорту Манилы по возвращению из США в августе 1983 года, президент Маркос испытывал трудности. Маркос был хорошим другом и политическим сторонником Рейгана. Когда ранее Шульц обсуждал этот вопрос со мной, я сказал, что Маркос уже превратился в проблему, а не в ее решение. Он попросил меня откровенно поговорить с Рейганом, которому очень не нравилась перспектива отказаться от старого друга. Поэтому, в предельно мягкой форме, я описал Рейгану, как изменился Маркос с тех пор, как в 60-ых годах он был молодым активным борцом с коммунизмом. Он превратился в стареющего, снисходительного к себе правителя, позволявшего своей жене и друзьям грабить страну путем создания искусственных монополий и увеличения государственного долга. Кредитный рейтинг Филиппин и правительства Маркоса резко упал. Рейган был очень расстроен, выслушав мою оценку ситуации. Я высказал предположение, что главной проблемой являлось то, каким образом позволить Маркосу достойно уйти и передать власть новому правительству, которое навело бы порядок. Рейган решил послать к Маркосу эмиссара, который выразил бы беспокойство США по поводу ухудшавшейся ситуации.

Кризис на Филиппинах разразился 15 февраля 1986 года, после того как Маркос был обвинен в том, что добился своего переизбрания на пост президента мошенническим путем. Послу США на Филиппинах Стэплтону Рою (Stapleton Roy) были даны инструкции разузнать о моем видении ситуации. Я сказал, что Соединенным Штатам следовало иметь дело с Маркосом, независимо от того, был ли он избран конституционным путем или нет. При этом американцам не стоило отталкивать основную массу людей на Филиппинах, многие из которых проголосовали за Корасон Акино. Я сказал, что Америка не должна признавать результаты мошеннических выборов. США было необходимо оказать давление на Маркоса, чтобы заставить его провести новые выборы, а не обострять конфликт. По моему мнению, Акино нельзя было доводить до отчаяния, ибо она представляла собой «силы добра», и потому ее следовало поддерживать в «мобилизованном и динамичном состоянии».

На следующий день, 16 февраля, Корасон Акино объявила о своей победе на выборах и начале общенациональной программы гражданского неповиновения с целью свержения режима Маркоса. Действуя согласованно, пять государств АСЕАН выступили с похожими заявлениями, выразив свое беспокойство по поводу кризиса на Филиппинах, который мог привести к кровопролитию и гражданской войне, и призвали к мирному урегулированию ситуации.

Я сказал послу Рою, что Маркос должен был знать, что у него есть возможность уйти. Если бы он знал, что ему некуда деваться, он мог бы решиться идти до конца. 25 февраля Рой сообщил мне, что его правительство согласилось с моими взглядами, и спросил, не соглашусь

ли я координировать позицию стран АСЕАН по вопросу о предоставлении убежища Маркосу. Министр иностранных дел Сингапура Раджа сказал, что достичь консенсуса между всеми пятью странами АСЕАН было бы трудно. Через нашего посла в Маниле я немедленно послал Маркосу приглашение приехать в Сингапур. Это было предложение, которое, если бы он его принял, помогло бы разрядить сложившуюся тогда угрожающую ситуацию. В то же время, Рейган послал ему частное послание, в котором просил Маркоса не применять силу, а также обещал предоставить Маркосу, его родственникам и сподвижникам убежище на Гавайях. Маркос предпочел убежище на Гавайях убежищу в Сингапуре. В тот же самый день, 25 февраля, Акино была приведена к присяге в качестве нового президента Филиппин.

Спустя несколько дней после прибытия в Гонолулу (Honolulu) американская таможня проверила багаж Маркоса, в котором были чемоданы с новенькими филиппинскими песо. Почуввав неладное, Маркос прислал мне сообщение, в котором попросил о приезде в Сингапур. Акино, которая в это время уже была президентом, высказалась против этого, и Маркос остался на Гавайях, где ему пришлось выступать в роли ответчика на многочисленных судебных процессах.

Одним из разногласий, существовавших между США и президентом Акино, был вопрос о продлении срока аренды американских военных баз на Филиппинах. Акино решительно выступала против продления сроков аренды, надеясь, что США пойдут на большие уступки. Впоследствии это ударило по ней самой: когда она, наконец, заключила соглашение с США, Сенат Филиппин отверг его. Сенаторы заявили, что присутствие американских военных баз подрывало государственный суверенитет Филиппин.

Влиятельный лидер республиканцев сенатор Ричард Лугар (Richard Lugar), заседавший в комитете Сената США по международным отношениям, проявлявший особый интерес к вопросам обороны, посетил меня в Сингапуре в январе 1989 года после переговоров с президентом Акино в Маниле. Он спросил, не мог ли Сингапур помочь Соединенным Штатам в том случае, если бы им пришлось оставить базу в Субик-бэе (Subic Bay) на Филиппинах. Я сказал, что мы могли бы предложить США базы в Сингапуре, но заметил, что вся территория Сингапура была меньше, чем размеры американской базы в Субик-бэе. Мы также не располагали местом для размещения американских военнослужащих. Я убеждал его бороться за сохранение американских баз на Филиппинах, но добавил, что Сингапур был готов публично предложить США воспользоваться нашими базами, если бы это помогло филиппинскому правительству чувствовать себя в меньшей изоляции на международной арене и сделало его более покладистым в деле сохранения военных баз США в стране.

Наш посол в Маниле поднял этот вопрос с Госсекретарем Филиппин по международным делам Раулем Манглапусом (Raul Manglapus), который сказал, что Филиппины приветствовали бы такое публичное заявление. Я дал распоряжение государственному министру Сингапура по международным делам Джорджу Ео выступить в августе 1989 года с публичным заявлением о том, что Сингапур не возражал бы против расширения масштабов использования наших баз вооруженными силами США. После этого заявления Манглапус выступил с ответным заявлением, в котором подчеркнул: «Следует отметить и положительно оценить прямолинейную позицию Сингапура». Позднее, президент Акино сказала мне, что мои действия принесли пользу Филиппинам.

Малайзия и Индонезия были не в восторге от этого. Министр обороны Малайзии Ритауддин заявил, что Сингапuru не следовало нарушать статус-кво, сложившийся в регионе, путем расширения иностранного военного присутствия. Министр иностранных дел Индонезии Али Алатаас выразил надежду, что Сингапур будет продолжать поддерживать идею создания зоны свободной от ядерного оружия в Юго-Восточной Азии, добавив, что Индонезия будет выступать против предложения Сингапура, если оно приведет к созданию новой военной базы.

20 августа 1989 года, в транслировавшейся по телевизору речи на собрании, посвященном Национальному празднику Сингапура, я заявил, что речь не шла о создании новых военных баз с размещением на них большого контингента американских войск, — у Сингапура для этого просто не было места. Мы предлагали США получить доступ к использованию уже существующих баз, которые оставались бы под контролем сингапурского правительства, а не превратились бы в американские военные базы. Я также поддерживал идею созданию зоны

свободной от ядерного оружия и зоны мира, свободы и нейтралитета, что было предложено, соответственно, Индонезией и Малайзией. Тем не менее, если бы, например, на островах Спратли (Spratlys), оспаривавшихся сразу несколькими государствами, были обнаружены запасы нефти и газа, то такой зоны мира не существовало бы. Ранее, в августе того же года, я встретился с президентом Сухарто и премьер-министром Махатхиром в Брунее и разъяснил им суть нашего предложения.

Правительство США приняло наше предложение. 13 ноября 1990 года, за две недели до ухода в отставку с поста премьер-министра, находясь в Токио на коронации императора Акихито, я подписал соглашение о намерениях с вице-президентом США Дэном Куэйлом (Dan Quayle). Это соглашение оказалось более важным, чем США и Сингапур могли тогда предвидеть. Когда в сентябре 1991 года американцам все-таки пришлось оставить свои базы на Филиппинах, базы в Сингапуре стали точкой опоры США в Юго-Восточной Азии.

Позиция государств региона в отношении использования американцами военных баз в Сингапуре разительно изменилась в 1992 году, после издания Китаем географических карт, на которых острова Спратли были показаны как часть территории Китая. Три страны АСЕАН (Малайзия, Бруней и Филиппины) также считали эти острова своей территорией. В ноябре того же года Али Алатаас сказал, что Индонезия понимает выгоды от использования США военных баз в Сингапуре.

Я впервые встретился с Джорджем Бушем (George Bush) в июне 1981 года, когда он был вице-президентом в администрации Рейгана. Наши замечательные отношения не изменились, когда он стал президентом. Он был исключительно теплым и дружелюбным человеком. В 1982 году, когда Буш узнал, что я направляюсь в Вашингтон для встречи с Рейганом, он пригласил меня провести с ним время в Кеннебанкпорте, в штате Мэн (Kennebunkport, Maine), где он проводил свой летний отпуск. Я поблагодарил его, но отказался, потому что я должен был встретиться со своей дочерью Линь, которая тогда работала в Бостоне, в госпитале штата Массачусетс (Massachusetts General Hospital). Тогда он прислал мне сообщение с просьбой приехать вместе с ней, и было ясно, что он был вполне искренен. В результате, мы провели с ним выходные. Линь и я бегали трусцой вместе с Бушем, в сопровождении его охраны. Мы свободно разговаривали о политике и, в целом, хорошо провели время. Барбара Буш (Barbara Bush) была такой же дружелюбной, как и ее муж. Она была гостеприимной, обаятельной, общительной и абсолютно не претенциозной. Как и Буш, она была искренне рада, что друзья проводили выходные вместе с ее семьей, и мы чувствовали это.

В 1990 году, после того как Ирак оккупировал Кувейт, США, с целью наращивания своих сил в Персидском заливе, пришлось быстро перебросить в этот регион полмиллиона военнослужащих. Хотя наше соглашение о намерениях не было еще подписано, мы разрешили американским самолетам и кораблям, перевозившим живую силу и технику через Тихий океан, останавливаться в Сингапуре. Мы также послали бригаду врачей в Саудовскую Аравию, чтобы продемонстрировать нашу поддержку операции в Персидском заливе. Индонезия и Малайзия оставались нейтральными. Мусульмане, составлявшие большинство их населения, симпатизировали Саддаму Хусейну и народу Ирака и проявляли свою солидарность с ними.

Я посетил президента Буша в Белом Доме 21 января 1991 года, в тот момент, когда операция «Буря в пустыне» (Operation Desert Storm) приближалась к своему зрелищному завершению. Американские, британские и французские войска завершали окружение вооруженных сил Ирака. Мы провели вечер в его частной квартире с советником Буша по национальной безопасности Брэнтом Скоукрофтом (Brent Scowcroft), обсуждая арабо-израильские отношения в широком контексте. Я поздравил его с успехом в создании широкой коалиции сил в поддержку операции в Ираке, которая включала арабские государства: Египет, Сирию, Марокко и страны Персидского залива. Тем не менее, я отметил, что мусульманский мир поддерживал Саддама Хусейна, несмотря на то, что он был не прав. Израильтяне продолжали строительство все новых поселений на западном берегу реки Иордан (West Bank), и это разжигало страсти в арабском и мусульманском мире. Союзники и друзья Америки были встревожены, – где-то там, в будущем, обязательно должен был произойти взрыв. Я настаивал на том, чтобы Америка публично высказалась в поддержку такого решения проблемы Ближнего Востока, которое было бы справедливым с точки зрения и палестинцев, и

израильтян, чтобы продемонстрировать, что США не поддерживали Израиль независимо от того, был ли он прав или нет.

В следующий раз мы встретились с Бушем, когда он посетил Сингапур в январе 1992 года, по пути в Австралию и Японию. После событий на площади Тяньаньмынь 4 июня 1989 года отношения между США и Китаем ухудшились. Это был год президентских выборов в Америке, и Буш находился под давлением, в том числе и со стороны либералов в собственной республиканской партии. Чтобы поддержать свою политику в отношении Китая, он должен был добиться от Китая уступок в таких вопросах как освобождение находившихся в заключении лидеров акций протеста на площади Тяньаньмынь, нераспространение ядерного оружия и технологии создания ракет с большим радиусом действия, а также в вопросах торговли. Ему становилось все сложнее поддерживать свое вето на решение Конгресса США о лишении Китая статуса наибольшего благоприятствования в торговле (Most Favoured Nation status). В связи с планировавшимся визитом в Сингапур президента Китая Ян Шанкуня (Yang Shangkun), Буш хотел, чтобы я попросил его об освобождении заключенных, что явилось бы односторонней демонстрацией готовности Китая к примирению.

Двумя днями позже я встретился с президентом Ян Шанькунем и передал ему слова Буша. Ян Шанкунь сказал, что давление, которое США оказывали на Китай в связи с нарушениями в области прав человека, являлось оправданием для навязывания Китаю американской политической системы и американского понимания свободы и демократии. Для Китая это являлось неприемлемым. Когда в ноябре того же года Буш проиграл на выборах Биллу Клинтону, я почувствовал, что в основах и стиле американской политики грядут изменения. Клинтон пообещал что «Америка не будет нянчиться с тиранами от Багдада до Пекина». Многие из сторонников Клинтона действовали так, будто Китай был страной «третьего мира», зависевшей от американской помощи, а потому уступающей дипломатическому и экономическому давлению. Это не обещало легкой жизни ни Америке, ни Китаю.

Глава 30. Америка: новая повестка дня

История отношений Сингапура с США четко подразделяется на два периода: во время и после «холодной войны». Когда Советский Союз представлял собой угрозу для Америки и всего мира, у нас были хорошие отношения с администрациями и президентов-демократов, и президентов-республиканцев: от Джонсона в 60-ых годах до Буша в 90-ых годах. Наши стратегические интересы полностью совпадали, – США, как и мы, боролись против Советского Союза и коммунистического Китая. Кроме того, мы решительно поддерживали американское военное присутствие в Восточной Азии.

Падение берлинской стены в 1989 году ознаменовало собой начало конца «холодной войны», но эффект этих геополитических изменений стал ощущаться в политике администрации Клинтона только с 1993 года. С приходом в Белый Дом поколения активистов, выступавших против войны во Вьетнаме, вопросы демократии и прав человека, прежде игравшие вспомогательную роль, приобрели наибольшую важность. Правительство Соединенных Штатов поддерживало президента Российской Федерации Ельцина (Yeltsin), заявившего о намерении провести демократизацию своей страны. США говорили о России как о друге и союзнике, а о Китае – как о потенциальном противнике. Мы не имели разногласий с США относительно России, каковы бы ни были наши сомнения относительно ее демократического будущего, но мы отошли от враждебной риторики США по отношению к Китаю. Мы опасались, что такие враждебные заявления в адрес Китая и такие действия по отношению к Китаю, будто он являлся врагом, могли действительно превратить его во врага. Мы не хотели, чтобы это случилось, – ни одна страна в Юго-Восточной Азии не хотела бы нажить себе врага в лице Китая. В этот период Америка также хотела сократить свое военное присутствие в Юго-Восточной Азии, и Сингапур больше не был ей столь полезен, как ранее.

Многие американцы считали, что после краха коммунизма в Советском Союзе коммунистическая система в Китае также долго не продержится, и что моральным долгом Америки было положить ей конец. В Америке существовало два подхода по отношению к Китаю. Один, одобренный президентом Бушем, заключался в том, чтобы поощрять участие

Китай в процессе конструктивного сотрудничества, способствовать постепенным переменам в стране. Второй, одобренный американским Конгрессом, заключался в применении санкций и оказании политического и экономического давления с целью заставить Китай соблюдать права человека и проводить политические реформы. Конгресс США наложил некоторые санкции на Китай после событий на площади Тяньаньмынь, но вскоре на него стали оказывать давление с просьбой отменить статус наибольшего благоприятствования для китайских товаров, экспортировавшихся в Америку. Конгресс принял резолюцию об отмене статуса наибольшего благоприятствования до тех пор, пока в Китае не улучшится ситуация в области прав человека. Буш наложил вето на эту резолюцию, и с тех пор этот ритуал стал повторяться ежегодно.

Борьба за демократию и соблюдение прав человека всегда являлась частью внешней политики США, но во времена «холодной войны» тон в наших двухсторонних отношениях задавали общие стратегические интересы, заключавшиеся в сопротивлении коммунистической экспансии в Юго-Восточной Азии. У Сингапура были разногласия с администрацией Картера по вопросам демократии и прав человека, с администрациями Рейгана и Буша – по проблеме свободы прессы, но США не пытались преодолеть эти разногласия в агрессивной и конфронтационной манере.

Например, Патриция Дериан (Patricia Derian), помощник Госсекретаря США по гуманитарным проблемам и проблемам соблюдения прав человека в администрации Картера, встретила со мной в январе 1978 года, пытаясь убедить меня покончить с практикой содержания в заключении без суда. Я сказал ей, что оппозиция оспаривала этот закон в ходе каждой предвыборной кампании, и всякий раз подавляющее большинство избирателей голосовало за ПНД и за сохранение этого закона в силе. Сингапур был обществом, основанным на конфуцианской морали, которая ставит интересы общества выше интересов индивидуума. Моей основной обязанностью было обеспечение благосостояния наших людей, и мне приходилось принимать меры против подрывной деятельности коммунистов. Заставить же свидетелей выступать против них в ходе открытых судебных процессов было невозможно. Последуй я ее предписаниям, это могло бы плохо закончиться для Сингапура. Могли ли США сделать для Сингапура больше, чем они делали для беженцев из Южного Вьетнама, которые в то время плавали в лодках по Южно-Китайскому морю, подвергаясь опасностям нападений пиратов и штормовой погоды? Если бы Соединенные Штаты предоставили Сингапуру статус Пуэрто-Рико (Puerto Rico) и гарантировали, таким образом, будущее Сингапура, я бы следовал ее советам, но, в этом случае, случись что-либо с Сингапуром, это было бы заботой США. Дериан была настолько взволнована, что спросила, не позволю ли я ей закурить, несмотря на то, что посол США сказал ей, что я страдаю аллергией на табачный дым. Так как она не могла больше терпеть, я пожалел ее и провел на открытую веранду, где она смогла несколько успокоиться, подолгу затягиваясь сигаретами. 20 лет спустя посол Джон Холдридж (John Holdridge), который присутствовал на нашей встрече в 1988 году, написал в своих мемуарах следующее: «Ли Куан Ю, о котором я слышал несколько отзывов как о „последнем викторианце“, был, конечно, и верным конфуцианцем. Он и его последователи попытались привить конфуцианские ценности молодому поколению сингапурцев. С другой стороны, Дериан была ветераном движения за гражданские права на американском Юге, сопровождавшимся частыми стычками между демонстрантами и местными властями, – борьбы, которая была воплощением веры в „права человека“, закрепленной в Конституции США. Она категорически отклонила взгляды Ли на то, что благосостояние общества имеет приоритет перед правами индивидуума, и что заключенным в Сингапуре стоило лишь заявить об отказе от насилия, чтобы их выпустили на свободу. Они проговорили друг с другом около двух часов и так и не пришли к соглашению». Тем не менее, поскольку тогда наши страны преследовали общие стратегические цели, эти разногласия не были преданы гласности.

Другой инцидент случился в июне 1988 года, когда мы потребовали, чтобы дипломат посольства США был выслан из Сингапура за вмешательство в нашу внутреннюю политику. Этот дипломат подстрекал бывшего генерального поверенного (solicitor general), чтобы тот привлек недовольных чем-либо юристов с целью опротестовать результаты ПНД на приближавшихся выборах. Он также организовал встречу одного из юристов со своим руководителем в Госдепартаменте в Вашингтоне, который заверил юриста, что тот получит

политическое убежище в США, если будет в этом нуждаться. Госдепартамент США отверг эти обвинения и, в качестве ответной меры, потребовал высылки из страны вновь прибывшего сингапурского дипломата. В ходе дебатов в парламенте я предложил, чтобы этот вопрос был разрешен компетентным нейтральным международным комитетом, состоящим из трех экспертов. Если бы этот комитет решил, что действия американского дипломата являлись законной дипломатической деятельностью, то правительство Сингапура отозвало бы свой протест и принесло бы свои извинения. Представитель Госдепартамента США приветствовал мои заверения по поводу того, что Сингапур хотел положить конец этому спору, но ничего не сказал по поводу моего предложения. Дальше этого дело не пошло.

В 90-ых годах главными вопросами повестки дня американских политиков были вопросы соблюдения прав человека, проблемы демократии, а также вопрос о различиях между западными и восточными ценностями. Американцы оказывали давление на японцев с целью добиться от них увязки оказываемой Японией помощи с ситуацией в области соблюдения прав человека и демократией в странах-получателях помощи. В мае 1991 года либеральная, антивоенная и продемократически настроенная японская газета «Асахи Симбун» (Asahi Shimbun) пригласила меня в Токио, на форум, посвященный обсуждению проблем демократии и прав человека с видными специалистами по формированию общественного мнения. На форуме я заявил, что прошло уже пятьдесят лет с тех пор, как Великобритания и Франция предоставили независимость и конституции западного типа более чем сорока бывшим британским и двадцати пяти бывшим французским колониям. К сожалению, и в Азии, и в Африке, результаты были плохими. Даже Америка не добилась успеха в создании преуспевающей демократии на Филиппинах, своей бывшей колонии, которой они предоставили независимость в 1945 году, после почти пятидесяти лет опеки. Я высказал предположение, что до того, как общество сможет успешно использовать подобную демократическую политическую систему, народ должен достичь высокого уровня образования и экономического развития, создать значительный средний класс, а жизнь людей должна перестать быть борьбой за выживание.

В следующем году на форуме, организованном газетой «Асахи Симбун», вновь обсуждались проблемы демократии и прав человека и их влияние на экономическое развитие. Я сказал, что, поскольку различные общества развивались на протяжении тысячелетий по-разному, то их идеалы и общественные нормы неизбежно должны были отличаться. Следовательно, было нереально настаивать на том, чтобы американские и европейские стандарты в области прав человека конца двадцатого столетия применялись универсально. Тем не менее, с появлением спутникового телевидения, любому правительству стало трудно скрывать правду о творимых им жестокостях от собственного народа. Медленно, но неизбежно, сообщество государств найдет правильный баланс между невмешательством во внутренние дела других стран и моральным правом настаивать на более гуманном и цивилизованном отношении всех правительств к их собственным народам. По мере того как общество становится более открытым, будет происходить постепенное сближение взглядов различных народов и выработка единого мирового стандарта на то, что является приемлемым, что – неприемлемым, а негуманное, жестокое или варварское обращение с людьми будет осуждаться. (В случае с Косово, примерно шесть лет спустя, несмотря на то, что НАТО и значительное большинство стран – членов ООН осуждали варварское обращение президента Югославии Милошевича (President Milosevic) с албанцами Косово, тем не менее, отсутствовало единое мнение по поводу того, что это являлось достаточным основанием для вмешательства без санкции Совета Безопасности ООН. Россия, Китай и Индия, чье население составляет 40 % населения Земли, осудили бомбардировку Сербии странами НАТО в 1999 году).

Одно из интервью, которое я дал уважаемому американскому журналу «Форин аффэйерз» (Foreign Affairs), опубликованное в феврале 1994 года, произвело небольшой фурор среди американцев, интересовавшихся проблемой различий между западными и азиатскими ценностями. В своих ответах я избегал использования термина «азиатские ценности» ибо существует несколько отличающихся друг от друга систем азиатских ценностей. Вместо этого я говорил о конфуцианских ценностях, преобладающих в культурах Китая, Кореи, Японии и Вьетнама, – стран, которые использовали китайскую письменность и находились под влиянием

конфуцианской литературы. Кроме того, в Юго-Восточной Азии проживает примерно 20 миллионов этнических китайцев, чьи конфуцианские ценности не совпадают с индуистскими, мусульманскими или буддистскими ценностями народов Южной и Юго-Восточной Азии.

Азиатской модели как таковой не существует, но существует фундаментальное различие между обществами, основанными на конфуцианских ценностях и западных либеральных ценностях, между государствами Восточной Азии и западными государствами. В конфуцианских обществах люди верят, что индивидуум существует в контексте семьи, родственников, друзей и общества, и что правительство не может и не должно принимать на себя роль семьи. Многие на Западе полагают, что правительство способно выполнять обязанности семьи в тех случаях, когда семья терпит неудачу, например, в случае с матерями – одиночками. Жители стран Восточной Азии не приемлют такого подхода. Сингапур зависит от крепких и влиятельных семей в деле поддержания в обществе порядка и традиций бережливости, трудолюбия, уважения к старшим, послушания детей, а также уважения к образованию и науке. Такие ценности способствуют повышению производительности труда и экономическому росту.

Я подчеркнул, что свобода может существовать только в государстве, в котором существует порядок, а не там, где господствует анархия и непрекращающаяся борьба в обществе. В восточных государствах главной целью является поддержание строгого правопорядка, с тем, чтобы каждый мог наслаждаться свободой в максимальной степени. Некоторые явления, присущие американскому обществу, являются абсолютно неприемлемыми для азиатов, ибо эти явления представляют собой разрушение гражданского общества: оружие, наркотики, насилие, преступность, бродяжничество, вульгарное общественное поведение. Поэтому Америке не стоит без разбора навязывать свою систему ценностей другим обществам, в которых эта система не будет работать.

Люди должны понимать моральное различие между добром и злом. Зло существует, и люди являются злыми не потому, что они – жертвы общества. В интервью «Форин аффэйрз» я сказал, что многие социальные проблемы в США являются результатом эрозии моральных основ общества и снижения личной ответственности людей. Некоторые либеральные американские интеллектуалы разработали теорию о том, что их общество развилось до такой степени, что каждый индивидуум только выиграет, если ему будет позволено делать все, что он захочет. Такие теории поощряли американцев забывать о моральных и этических основах общества.

Во времена «холодной войны» это интервью осталось бы незамеченным, было бы воспринято как чисто интеллектуальные размышления. Но в условиях отсутствия солидарности, сформировавшейся в результате нашей общей оппозиции к коммунизму, это обнаружение моих взглядов продемонстрировало наличие глубоких различий между американскими и азиатскими подходами к преступлению и наказанию и к роли правительства.

Некоторые американцы считали, что эти взгляды сформировались у меня только после того, как в результате проведения политики «открытых дверей» Китай добился успехов в экономическом развитии. На деле, они явились результатом опыта, приобретенного в начале 50-ых годов. Тогда я обнаружил, что в Сингапуре существовали глубокие культурные различия между людьми, учившимися в китайских и английских школах. Те, кто получил образование, основанное на традиционных китайских ценностях, были более дисциплинированы, более вежливы и проявляли больше уважения к старшим. В результате, общество было более организованным. Те, у кого эти традиционные ценности были разбавлены английским образованием, были менее энергичны и дисциплинированы, а их поведение отличалось большей развязностью. Еще хуже было то, что получившие образование на английском языке испытывали недостаток уверенности в себе, ибо они не говорили на своем родном языке. Драматическое противостояние между возглавляемыми коммунистами студентами китайских средних школ и возглавляемым мною правительством обнажило значительные культурные и идейные различия между двумя системами ценностей.

Либерально настроенные американские ученые стали критиковать нас за нашу позицию в западной прессе, распространявшейся в Сингапуре. Мы не следовали их схеме развития и прогресса, согласно которой, страна, достигшая определенного уровня развития свободной

рыночной экономики и процветания, должна была стать более похожей на Америку – демократической, свободной и не имеющей ограничений свободы печати. Поскольку мы не соответствовали их нормам, то американские либералы не признавали, что правительство, за которое сингапурцы неоднократно голосовали, могло быть хорошим.

Ни один критик не мог обвинить правительство Сингапура в коррупции, кумовстве или безнравственности. В 90-ых годах такие организации, как базирующаяся в Гонконге «Политикал энд экономик риск консалтанси» (Political and Economic Risk Consultancy), занимающаяся оценкой риска для бизнеса, неоднократно присуждали Сингапуру ранг наименее коррумпированной страны в Азии. Расположенная в Берлине «Транспарэнси интернэшнэл» присвоила Сингапуру ранг седьмой наименее коррумпированной страны в мире, при этом Сингапур оказался впереди таких стран, как США, Великобритания и Германия. Сингапур отличался и отличается от «банановых республик», которые западные либералы обычно называют «авторитарными». Чтобы продемонстрировать свое отрицательное отношение к Сингапуру, американская пресса описывала Сингапур как «антисептически чистый» город, а сингапурскую эффективность она называла «бездушной».

Профессор политических наук Гарвардского университета Сэмюэл Хантингтон (Samuel Huntington), выступая в августе 1995 года в Тайбэе, противопоставил демократическую модель общественного устройства на Тайване сингапурской модели. Он процитировал заголовок из газеты «Нью-Йорк таймс», в котором суммировались различия между «чистым и прижимистым» (clean and mean) Сингапуром и «грязным и свободным» (filthy and free) Тайванем. Он пришел к следующему заключению: «Свобода и творчество, являющиеся результатом деятельности президента Ли здесь, на Тайване, переживут его. Честность и эффективность, которую старший министр Ли привил Сингапуру, вероятно, последуют за ним в могилу. В определенных обстоятельствах авторитаризм может дать хорошие результаты на протяжении короткого периода времени, но опыт ясно показывает, что только демократия способна обеспечить пребывание у власти хорошего правительства в долгосрочной перспективе».

Американцы и европейцы по праву торжествовали и ликовали, когда давление в области соблюдения прав человека и демократии, которое они оказывали на Советский Союз в соответствии с Хельсинскими соглашениями, помогло разрушить его. Но их надежды повторить этот процесс в Китае оказались нереалистичными. В отличие от русских, китайцы не считали, что культурные нормы Запада превосходили их собственные, а потому и не собирались их копировать.

В марте 1992 года, за ужином в Сингапуре, бывший канцлер Германии Гельмут Шмидт спросил меня, может ли Китай стать демократической страной и соблюдать права человека так же, как на Западе. Моя жена Чу, которая сидела рядом со Шмидтом, расхохоталась, услышав его предположение о том, что 1.2 миллиарда китайцев, 30 % которых неграмотно, могли бы голосовать на президентских выборах. Шмидт заметил ее непосредственную реакцию на абсурдность такого предположения. Я ответил, что история Китая на протяжении более 4,000 лет была историей династий правителей, чередовавшихся с периодами анархии, иностранных завоеваний, междоусобиц и диктатур. Китайский народ никогда не имел правительства, чья власть основывалась бы на подсчете голосов избирателей, а не на том, чтобы рубить головы подданных. Любая эволюция в направлении установления демократического правления должна быть постепенной. Почти все страны «третьего мира» являлись бывшими колониями, которые после десятилетий колониального правления, в условиях которого выборы и демократия отсутствовали, получили демократические конституции, написанные по образцу конституций их бывших правителей. Но ведь развитие демократических институтов в Великобритании, Франции, Бельгии, Португалии, Голландии, США заняло сотни лет!

История учит нас, что условиями развития либеральной демократии являются определенный уровень экономического развития, грамотность населения, растущий средний класс и политические институты, обеспечивающие свободу слова и права человека. Для этого также необходимо наличие гражданского общества, основанного на общих ценностях, которые побуждают людей с различными и даже противоречивыми взглядами сотрудничать друг с другом. В гражданском обществе, кроме семьи и государства, существует значительное число

институтов, в которых граждане принимают участие: добровольные ассоциации по защите особых частных интересов, религиозные организации, профсоюзы, профессиональные организации и другие организации взаимопомощи.

Демократия работает лишь в том случае, если люди обладают культурой, основанной на терпимости и приспособлении людей друг к другу, что позволяет меньшинству признать право большинства вести дела по-своему до следующих выборов, терпеливо и мирно ожидая своей очереди встать во главе правительства, предварительно убедив большинство избирателей поддержать его взгляды. Если же демократическая система внедряется в стране, народ которой привык сражаться до конца, как в Южной Корее, результаты окажутся не слишком хорошими. Жители Южной Кореи сражаются на улицах независимо от того, управляет ли ими военный диктатор или демократически избранный президент. Ссоры в Законодательном собрании Тайваня и потасовки на улицах отражают особую культуру его населения. Народы сами выработают свою собственную, более или менее демократическую форму правления, соответствующую их культуре и традициям.

В 1994 году, вскоре после развала Советского Союза, американцы почувствовали себя очень уверенно и попытались в одночасье установить демократию на Гаити путем восстановления свергнутого законно избранного президента. Через пять лет американцы тихонько покинули Гаити и, в частном порядке, признали свое поражение. В своей статье в «Нью-Йорк таймс» американский автор Боб Шакочис (Bob Shacochis) спрашивал: «Что же пошло не так? Оставляя в стороне вопрос о виновности руководства Гаити, творцам американской внешней политики следовало бы признать, что „искусственное оплодотворение“ демократией представляет собой процесс, связанный с риском. Преждевременно родившаяся демократия на Гаити не выживет без подлинной многопартийной системы, которая невозможна без устойчивого среднего класса. Средний класс не возникнет без жизнеспособной экономики, которая не может существовать без достаточно сильного и мудрого руководства, способного вывести страну из штопора». Поскольку американская администрация публично не признала своей неудачи и не проанализировала ее причин, то эту ошибку она совершила не в последний раз.

Во время нашей дискуссии со Шмидтом в марте 1992 года я подчеркнул, что с проблемой прав человека дело обстояло иначе. Современная технология превратила мир в большую деревню, и люди во всем мире наблюдают по телевизору за совершаемыми правительствами преступлениями в реальном режиме времени. Поскольку все народы и правительства хотят уважения со стороны других народов, то им приходится постепенно менять свое поведение так, чтобы не подрывать свою репутацию. Когда после этого Шмидт посетил Китай, я заметил, что он делал упор на вопросах соблюдения всеобщих прав человека, а не на проблемах демократии. Позднее, Шмидт писал в своей газете «Ди цайт», что Китай не мог мгновенно стать демократической страной, но при этом Западу следовало оказывать на Китай давление с тем, чтобы ситуация в области соблюдения прав человека стала приемлемой.

Заинтересованность Америки, стран Запада и даже Японии в развитии демократии и улучшения ситуации в области прав человека в Азии проистекает из их беспокойства относительно того, что случится в Китае, а не на Тайване, в Южной Корее, Гонконге или Сингапуре. Америка хотела, чтобы «тигры» Восточной Азии показывали Китаю пример свободных государств, чья процветающая экономика существует благодаря демократическим политическим институтам. В статье в «Нью-Йорк таймс», которую в 1995 году упомянул Хантингтон, указывалось, что Тайвань и Сингапур были наиболее процветающими китайскими государствами на протяжении 5,000 лет существования китайской цивилизации, и что одно из этих государств, вероятно, станет моделью будущего для континентального Китая. Это не так. Китай будет строить свое будущее по собственному плану, отбирая и внедряя те черты и методы системы управления, которые его руководство сочтет полезными для страны и совместимыми с китайским видением будущего. В китайском народе живет глубоко укоренившееся, сильное чувство страха перед хаосом. Ввиду огромных размеров страны китайские лидеры проявляют сверхосторожность, и потому будут тщательно проверять, пробовать и приспособливать любые изменения до того, как внедрить их в свою систему.

Центральным пунктом борьбы между США и Китаем по вопросам прав человека и

демократии стало возвращение Гонконга под юрисдикцию Китая. Через Гонконг США могут оказывать экономическое давление на Китай. Если США не будут удовлетворены тем, как Китай управляет Гонконгом, они могут аннулировать специальные экспортные квоты и другие льготы, предоставленные Гонконгу. Судьба шести миллионов жителей Гонконга никак не повлияет на судьбу Америки и мира, но судьба 1,200 миллионов китайцев в Китае (к 2030 году население, вероятно, достигнет 1,500 миллионов) будет определять баланс сил в мире. Американцы поставили перед Китаем вопрос о «демократии» в Гонконге, главным образом, для того, чтобы повлиять на будущее Китая, а не Гонконга. Подобно этому, американские либералы критикуют Сингапур не потому, что они обеспокоены состоянием демократии и ситуацией с соблюдением прав человека в отношении трех миллионов жителей Сингапура, а потому что считают, что мы подаем плохой пример Китаю.

С 1993 по 1997 год политика Клинтона по отношению к Китаю претерпела огромные изменения. Это явилось результатом кризиса, вызванного проведенными Китаем учебными пусками ракет в Тайваньском проливе в марте 1996 года и ответным решением США послать два авианосца с кораблями сопровождения к восточному побережью Тайваня. Это противостояние привело к тому, что и Китай, и Соединенные Штаты пересмотрели свои позиции. После интенсивных переговоров между высшими руководителями двух стран, отвечавшими за обеспечение безопасности, отношения стабилизировались. В октябре 1997 года президент Китая Цзян Цзэминь нанес успешный официальный визит в Вашингтон, а в июне 1998 года президент США Билл Клинтон совершил ответный визит в Китай. Он был приятно удивлен тем, что Цзян Цзэминь согласился провести телевизионную пресс-конференцию в прямом эфире, как это имело место во время его визита в Вашингтон. Когда Клинтон прибыл в Гонконг по пути из Пекина, он сказал, что президент Цзян Цзэминь – «сильный, очень энергичный человек, обладающий экстраординарным интеллектом. Он обладает качеством, которое является исключительно важным на данном отрезке истории, – у него богатое воображение. Он обладает воображением и способен представить себе будущее, которое отличается от настоящего».

Тем не менее, в течение нескольких месяцев это потепление в отношениях сменилось похолоданием, когда в отчете сенатского комитета, расследовавшего утечку секретной ядерной технологии, китайцы были обвинены в шпионаже. Утечки информации из «Отчета Кокса» (Cox Report) создали настолько враждебное настроение в Конгрессе США, что президент Клинтон даже не принял предложение заключить соглашение о вступлении Китая в ВТО, сделанное китайским премьер-министром Чжу Чжунцзи в Вашингтоне в апреле 1999 года. Через две недели после этого, в мае, в результате трагической ошибки, американские бомбы разрушили китайское посольство в Белграде. Отношения снова испортились. Столь нестабильные отношения между наиболее могущественной державой мира и следующей потенциально наиболее могущественной державой мира вызывают беспокойство у всех азиатов.

В ноябре 1999 года в отношениях между США и Китаем наметился многообещающий поворот, когда стороны пришли к соглашению относительно условий вступления Китая во Всемирную торговую организацию. Вступление Китая в ВТО значительно расширит его экономические связи с Соединенными Штатами и другими странами – членами ВТО в рамках системы установленных правил. Это приведет к развитию взаимовыгодных отношений между странами.

Время от времени с американской администрацией бывает трудно иметь дело, как это случилось в 1993–1996 годах, в течение первого срока пребывания у власти президента Клинтона. После инцидента с Майклом Фэем Сингапур неожиданно стал «персоной нон грата», ибо он не следовал американским предписаниям относительно того, как стать демократической и развитой страной. Но после валютного кризиса, начавшегося в июле 1997 года, в наших отношениях наметилось потепление. Соединенные Штаты обнаружили, что Сингапур являлся полезным партнером. Сингапур был единственной страной региона, которая, благодаря соблюдению принципа верховенства закона и наличию строгих правил регулирования и надзора за банковской системой, смогла благополучно пережить массовый отток капитала из этой области земного шара. На экономическом форуме стран Азиатско-Тихоокеанского региона, проходившем в Ванкувере в ноябре 1997 года, президент Клинтон принял

предложение премьер-министра Го Чок Тонга о проведении специальной встречи стран «большой семерки» и стран, пострадавших от кризиса. На этой встрече предполагалось обсудить экономические проблемы и вопросы предоставления помощи, необходимой для приведения в порядок банковских систем этих государств и восстановления доверия к ним со стороны инвесторов. Первая встреча министров финансов 22 государств состоялась в Вашингтоне в апреле 1998 года.

По мере того, как кризис в Индонезии углублялся, между ключевыми официальными лицами Казначейства и Госдепартамента США и официальными лицами Сингапура проходили регулярные консультации, направленные на то, чтобы остановить обвальное падение курса индонезийской рупии. В январе 1998 года, перед тем как направить заместителя секретаря Казначейства США Ларри Саммерса к президенту Сухарто, Билл Клинтон позвонил премьер-министру Го Чок Тонгу. В марте 1998 года Клинтон направил бывшего вице-президента Мондейла в качестве своего личного представителя, чтобы объяснить президенту Сухарто всю серьезность положения. Эти усилия потерпели неудачу, ибо Сухарто так никогда и не понял, насколько уязвимой стала экономика Индонезии после того, как он либерализовал движение капитала и позволил индонезийским компаниям одолжить в иностранных банках примерно 80 миллиардов долларов.

В разгар финансового кризиса Сингапур пошел на дальнейшую либерализацию своего финансового сектора. Принимаемые нами меры были результатом наших собственных убеждений, но они совпадали с рекомендациями МВФ и Казначейства США относительно развития свободного финансового рынка. Американцы хвалили Сингапур и приводили его в качестве примера страны со свободной экономикой.

В отношениях между Сингапуром и США будут периоды подъемов и спадов, потому что мы не сможем всегда следовать американским формулам и полностью соответствовать их модели прогрессивного общества. Сингапур представляет собой маленький, плотно населенный остров, расположенный в беспокойном регионе земного шара, поэтому им нельзя управлять так же, как Америкой. Тем не менее, эти различия между нашими странами невелики по сравнению с пользой от присутствия США в Азии, которое обеспечивает безопасность, стабильность и создает возможности для экономического роста. Америка способствовала ускорению темпов экономического роста, открыв свои рынки для экспорта из некоммунистических стран. Если бы Япония выиграла войну, мы были бы порабощены. Если бы Соединенные Штаты не вступили во Вторую мировую войну, и Великобритания продолжала оставаться главной державой в Азии, Сингапуру и всему региону не удалось бы так легко провести индустриализацию. Великобритания не позволяла своим колониям опередить себя в индустриальном развитии.

Когда Китай вступил в войну в Корее, угрожая миру и стабильности в Восточной Азии, американцы воевали с северокорейскими и китайскими войсками до тех пор, пока не установилось равновесие сил на 38-ой параллели. Американская помощь и инвестиции помогли восстановить Японию и позволили Тайваню и Южной Корее провести индустриализацию. С 1965 по 1975 год во Вьетнаме Соединенные Штаты не жалели ни денег, ни крови, чтобы остановить распространение коммунизма. Американские компании обосновались в Юго-Восточной Азии, чтобы создать ремонтные предприятия для обслуживания вооруженных сил США во Вьетнаме. После этого они построили промышленные предприятия, не связанные с войной во Вьетнаме, и экспортировали их продукцию в Америку. Это способствовало индустриализации стран Юго-Восточной Азии, включая Сингапур.

Великодушие американцев происходит из их врожденного оптимизма, основанного на вере в то, что рука дающего не оскудеет. К сожалению, в конце 80-ых годов, столкнувшись с проблемой дефицита бюджета и торгового баланса, американцы изменили свою позицию. Чтобы уменьшить торговый дефицит, Америка потребовала, чтобы Япония и другие «новые индустриальные страны» (НИС – Newly industrializing economies) открыли свои рынки, повысили курс своих валют, импортировали больше американских товаров и платили лицензионные платежи за объекты интеллектуальной собственности.

После распада Советского Союза американцы стали такими же догматиками и евангелистами, какими когда-то были коммунисты. Они хотели повсеместно насаждать концепцию демократии и прав человека, за исключением тех стран, где это вредило их

собственным интересам, например, в богатых нефтью государствах Персидского залива. Тем не менее, даже в этом случае, американцы остаются наиболее мягкой из всех великих держав и, определенно, куда менее властными, чем любая из потенциально великих держав. Поэтому, какими бы ни были прения и разногласия между нами, все некоммунистические страны в Юго-Восточной Азии предпочитают, чтобы в общем балансе сил в регионе доминировала Америка.

В 60-ых годах в своих сомнениях относительно того, как вести дела с американцами, я исходил из того, что они вели себя так, будто их богатство могло разрешить все проблемы. Многие американские официальные лица были неопытны и нахраписты, но я обнаружил, что иметь с ними дело было легче, чем я ожидал. Я мог понимать их без переводчика, а они легко понимали меня. Если бы я произносил свои речи только на китайском или малайском языках, помощник Госсекретаря США по странам Восточной Азии Билл Банди не смог бы прочесть их. Это и положило начало взаимоотношениям с рядом сменявших друг друга администраций США, которые начались с моей встречи с президентом Джонсоном в октябре 1967 года. Мне повезло в том, что я сумел сработаться с большинством американских президентов и их помощников, особенно с Госсекретарями США. С несколькими из них у меня сохранились дружеские отношения и после того, как они ушли в отставку. Работая вместе для достижения совместно поставленных целей, мы научились доверять друг другу, стали хорошими друзьями.

Тем не менее, политические процессы в Америке порой доставляют беспокойство ее друзьям. На протяжении 25 лет я стал свидетелем двух процедур импичмента, начатых против американских президентов: Никсона в 1974 году и Клинтона в 1998 году. К счастью, состоянию государства не был нанесен большой ущерб. Источником серьезного беспокойства является и та скорость, с которой меняется политика Вашингтона в результате смены основных политических лиц на американской политической сцене. Это делает отношения с Америкой непредсказуемыми. По мнению дружески настроенных дипломатов в Вашингтоне, новые лица приносят с собой новые идеи и действуют в качестве «смывного механизма», который предотвращает консолидацию и заострение правящей элиты. По моему мнению, только такое богатое и солидно обустроенное государство как Америка может позволить себе использование подобной политической системы.

Несмотря на открытость американского политического процесса, ни одно государство мира не знает, как Америка среагирует на кризис в какой-либо части планеты. Если бы я был жителем Боснии или Косово, я бы никогда не поверил, что американцы вмешаются в развитие ситуации на Балканах. Но они вмешались, и не для того, чтобы защитить фундаментальные национальные интересы Америки, а для поддержки прав человека и прекращения преступлений, совершенных суверенным правительством против своих собственных подданных. Жизнеспособна ли такая политика? Применима ли она во всем мире? События в Руанде, в Африке, не служат тому подтверждением. Поэтому американские друзья не устают напоминать мне, что их внешняя политика зачастую направляется не соображениями, касающимися стратегических национальных интересов, а американскими средствами массовой информации.

Несмотря на множество ошибок и недостатков, Америка достигла впечатляющих успехов. В 70-ых и 80-ых годах ее промышленность проигрывала японской и немецкой, но в 90-ых годах американцы перешли в неожиданное и мощное контрнаступление. Американские корпорации опередили остальной мир в использовании компьютеров и достижений информационной технологии. Они использовали достижения компьютерной революции, чтобы провести реструктуризацию своих компаний, сделать их менее иерархичными. США добились неслыханных успехов в повышении производительности труда, одновременно удерживая инфляцию на низком уровне, увеличивая прибыль и опережая европейцев и японцев в плане конкурентоспособности своих компаний. Сила Америки – в множестве талантливых людей, подготавливаемых в университетах, научных организациях и исследовательских лабораториях американских МНК. Они привлекают лучшие умы со всего мира, включая Индию и Китай в такие новые, быстрорастущие секторы экономики, как «Кремниевая долина». Ни одно европейское или азиатское государство не способно так легко привлекать и ассимилировать талантливых иностранцев. Это дает Америке огромное преимущество, – она, подобно магниту,

притягивает к себе лучших и наиболее способных людей со всего мира.

Европейцам потребовалось некоторое время для того, чтобы признать превосходство свободной американской рыночной системы, особенно ее корпоративной философии, базирующейся на повышении уровня прибыльности акционерного капитала (rates of return on equity). Основным мотивом деятельности американских управляющих является непрекращающийся поиск путей увеличения стоимости принадлежащих акционерам активов (shareholder value), путем повышения производительности и конкурентоспособности. Ценой, которую общество платит за использование такой системы, щедро вознаграждающей высокие результаты работы, является то, что американское общество является более разобщенным, чем европейское или японское. В отличие от Америки, в этих странах отсутствует класс обездоленных. Европейская корпоративная культура делает серьезный упор на обеспечении социальной гармонии и единства общества. В советы управляющих немецких компаний входят представители профсоюзов. Цена, которую они платят за это – более низкий уровень прибыльности акционерного капитала и более низкая стоимость принадлежащим акционерам активов. Японцы используют систему пожизненного найма и высоко ценят лояльность компании по отношению к работнику, и работника – по отношению к компании. Недостатком этой системы являются раздутые штаты и утрата конкурентоспособности.

Несмотря на это, в 90-ых годах многие европейские компании начали котировать свои акции на Нью-Йоркской фондовой бирже. Это требует от них концентрации на ежеквартальных результатах их деятельности и увеличении стоимости принадлежащих акционерам активов. Признав и приняв американские стандарты управления корпорациями, европейцы, тем самым, отдали дань уважения американцам.

Пока экономика правит миром, а Америка занимает лидирующие позиции в развитии технологии и инновационной сфере, ни Европейский союз, ни Япония, ни Китай не смогут потеснить Америку с занимаемых ею господствующих позиций.

Глава 31. Япония – родина первого «экономического чуда» в Азии

На протяжении последних шестидесяти лет мое мнение о японцах несколько раз менялось. До Второй мировой войны я знал японцев как вежливых и учтивых продавцов и зубных врачей. Они были чистоплотными, аккуратными, дисциплинированными, а их община держалась особняком. Я был совершенно не готов к восприятию тех зверств, которые они творили, захватив Сингапур в феврале 1942 года. Они были невероятно жестокими. Такими, за некоторым исключением, их сделала систематическая суровая политика военного правительства. Жители Сингапура пережили три с половиной года лишений и ужасов. На оккупированных японцами территориях в Юго-Восточной Азии погибли миллионы людей. Пленные англичане, голландцы, индийцы и австралийцы заживо сгнивали в плену или умирали от непосильной работы.

Неожиданно, 15 августа 1945 года поступил приказ императора о капитуляции. Из правителей и господ японцы превратились в образцовых, добросовестных и трудолюбивых военнопленных, занимавшихся уборкой улиц и относившихся к своим новым обязанностям серьезно и старательно. Потом они исчезли со сцены, и я только читал о трудностях, которые переживали японцы во время восстановления страны.

В 60-ых годах в Сингапур стали поступать высококачественные японские электротовары, а к 70-ым годам японцы снова были в седле. Мастерство японцев в производстве текстиля, нефтехимической продукции, электронных изделий, телевизоров, магнитофонов, фотоаппаратов, а также использование ими современных методов управления и маркетинга превратило Японию в великую индустриальную державу. По мере того как японцы становились все сильнее, они уже не кланялись так низко, как раньше.

На меня и людей моего поколения наиболее глубокий отпечаток от общения с японцами оставили ужасы, пережитые во время оккупации, – эти воспоминания не стереть из памяти. Впоследствии я познакомился с широким кругом японцев: министрами, дипломатами, деловыми людьми, редакторами газет, писателями и учеными. Некоторые из них стали моими хорошими друзьями, они – высокообразованные, эрудированные и очень гуманные люди.

Теперь я разбираюсь в людях намного лучше, чем в годы своей молодости. Из-за страха и ненависти, вызванных страданиями, пережитыми в годы японской оккупации, я испытывал злорадство, читая о голоде и страданиях, которые обрушились на японцев в их разбомбленных и сожженных городах. Это чувство сменилось невольным уважением и восхищением, по мере того, как они стойчески и методично приступили к восстановлению нации из пепла поражения. Японцы умело уклонились от выполнения большей части требований американской оккупационной администрации генерала Макартура, и сохранили те ключевые атрибуты, которые делали довоенную Японию сильной. Немногие военные преступники были посланы на эшафот, большинство же добилось реабилитации, и, уже в качестве демократов, некоторые из них победили на выборах и стали министрами. Другие продолжали работать как трудолюбивые патристически-настроенные бюрократы, преданные делу восстановления Японии в качестве миролюбивой, а не милитаристской державы, которая, впрочем, так никогда и не раскаялась, и не извинилась за совершенные преступления.

Впервые после войны мне пришлось столкнуться с японцами, когда мы обнаружили следы той хладнокровной резни, которую они устроили, захватив Сингапур в 1942 году. В феврале 1962 года, во время проведения строительных работ в Сиглапе (Siglap), пригороде на восточной оконечности острова, была случайно обнаружена братская могила с останками людей. Всего подобных мест захоронения было 40. Это освежило в памяти воспоминания о преступлениях, совершенных японцами в Сук Чине (Sook Ching), одном из памятных мест времен Второй мировой войны. Там, за двадцать лет до того, на протяжении первых двух недель с момента захвата Сингапура, японская военная полиция «Кемпейтай» (Kempeitai) окружила и уничтожила от 50,000 до 100,000 молодых мужчин – китайцев. Мне следовало поднять и обсудить этот вопрос с японским правительством, и я решил посмотреть своими глазами на обновленную Японию. В мае 1962 года я совершил свой первый визит в Японию, тогда еще не совсем оправившуюся от разрушительных последствий войны.

Министерство иностранных дел Японии разместило нас в «Империял-отеле» (Imperial Hotel), – здании, спроектированном американским архитектором Фрэнком Ллойдом Райтом (Frank Lloyd Wright), которое позднее было снесено. Это было добротное просторное невысокое здание, которое выглядело по-западному, оставаясь при этом японским. Из своего номера я рассматривал старый Токио, который я представлял себе очаровательным городом. В новом шумном Токио налицо были видны признаки бурно развивавшейся экономики, но он был отстроен хаотично и торопливо из пепла пожаров, уничтоживший город в результате ковровых бомбардировок американских «Б-29». Японцы дорого заплатили за эту беспорядочную и торопливую реконструкцию. Дорожная система была в плохом состоянии, улицы были узкими, без определенной планировки. Уже тогда на них возникали заторы, которые по мере увеличения количества автомобилей стали только хуже. Являясь народом с превосходным эстетическим чутьем, японцы отстроили весьма непривлекательный город, упустив возможность воссоздать элегантную, эффективно спланированную столицу, что было им вполне по силам.

Их национальная страсть к престижной игре в гольф бросалась в глаза. Министр иностранных дел Косака (Kosaka) пригласил меня сыграть в гольф в «Клубе трехсот» (300 Club), одном из наиболее дорогих в Японии, в котором насчитывалось только триста членов из числа политической и деловой элиты страны. У высших руководителей были дорогие импортные американские клюшки и мячи для гольфа. Клюшки, произведенные в Японии, были худшего качества, не обладали упругостью и хлесткостью удара. Тогда я думал, что это отражало пределы их технологии и способности японцев к имитации. Двадцать лет спустя японские клюшки для гольфа были одними из лучших и наиболее дорогих в мире.

Единственным важным вопросом, который я поднял с премьер-министром Хайято Икедой (Hayato Ikeda), был вопрос о «долге крови», то есть требование о компенсации за жестокости, совершенные в годы войны. Он выразил свое «искреннее сожаление о происшедшем» и не извинился. Он сказал, что японский народ хотел бы компенсировать «неправедные деяния, совершенные по отношению к душам ушедших». Он выразил надежду, что события прошлого не будут препятствовать развитию дружественных отношений между народами Японии и Сингапура. Вопрос о компенсации был оставлен открытым. Японцы не хотели создавать

прецедента, который вызвал бы поток требований о компенсации ущерба со стороны жертв войны в других странах. Икеда и официальные лица его правительства были очень вежливы и стремились разрешить этот вопрос до того, как он возбудит старую неприязнь. В конце концов, в октябре 1966 года, уже после обретения независимости, мы разрешили этот вопрос, получив компенсацию в сумме 50 миллионов долларов, половину – в виде кредитов, а половину – в виде безвозмездной помощи. Я хотел установить хорошие отношения с Японией, чтобы поощрять японских промышленников инвестировать в Сингапуре.

Несмотря на то, что мой следующий визит в Токио в апреле 1967 года был неофициальным, премьер-министр Эйсаку Сато (Eisaku Sato) принял меня. Он знал, что я не настаивал на получении компенсации и поблагодарил меня за решение этой проблемы. Он принял мое приглашение посетить Сингапур, и приехал в сентябре того же года, в сопровождении своей жены. Он был первым премьер-министром Японии, посетившим Сингапур после войны.

Сато поначалу держался весьма солидно и имел серьезный вид, но потом расплылся в дружеской улыбке. Когда он смеялся, то делал это от всей души, его смех был настоящим ржанием. Сато выглядел как самурай: он был среднего роста, крепкого сложения, в его лице и осанке чувствовалась сила. Однажды, за обедом, Чу спросила его, происходил ли он из рода самураев. Сато с гордостью дал утвердительный ответ, добавив, что его жена также происходила из рода самураев. У него был глубокий голос. Сато был немногословен, – на каждые три фразы, произнесенные его министром иностранных дел Такео Мики (Takeo Miki), приходилась одна, наиболее многозначительная фраза, сказанная им самим. Он занимал почетное место среди послевоенных лидеров Японии в качестве первого японского руководителя, получившего Нобелевскую премию мира.

Нам было приятно иметь дело друг с другом. После нашей встречи в Токио он знал, что у меня не было антияпонских настроений, – я стремился к сотрудничеству с Японией для содействия индустриализации Сингапура. Единственным упоминанием о японской оккупации, которое он сделал в своей речи, была фраза: «В истории Азии были периоды, во время которых случилось множество неприятных инцидентов». Это было огромным преуменьшением.

Годом позже, в октябре 1968 года, я нанес ответный официальный визит. Японский дипломатический протокол был исключительно формальным, и на церемонии встречи и проводов в аэропорту мне пришлось надеть черную шляпу, серые перчатки и темный костюм. Японцы были сторонниками формальной западной манеры одеваться.

Японские министры и официальные лица, включая премьер-министра, ожидали, что я буду ходатайствовать перед ними о предоставлении помощи, поскольку все знали о предстоящем выводе британских войск из Сингапура. Они знали, насколько серьезными и неотложными были наши проблемы, и были в значительной степени удивлены, что я не просил о предоставлении помощи, подобно другим лидерам развивающихся стран, посещавших Японию. Во время дискуссии с Сато и Мики я пришел к выводу, что японцы рассматривали Сингапур, с его отличным портом и развитой инфраструктурой, в качестве важного отправного пункта в развитии экономической активности Японии в Юго-Восточной Азии. Но для этого было необходимо, чтобы Сингапур поддерживал хорошие отношения с Индонезией и Малайзией.

Сато также формально поблагодарил меня за успешный визит в Сингапур наследного принца Акихито и принцессы Митико (Michiko), которые побывали в Сингапуре незадолго до того. Я пригласил их на ужин, а затем мы вышли на смотровую площадку на крыше моей резиденции Истана, чтобы полюбоваться созвездием Южный Крест (Southern Cross), которое нельзя было наблюдать из Японии. Поскольку гости свободно владели английским, между нами завязалась непринужденная беседа. Позднее, во время наших визитов в Токио, они оказывали гостеприимство Чу и мне.

Поскольку это был официальный визит, император и императрица Японии пригласили нас на обед в Императорский дворец. Главный дворец разбомбили во время войны, поэтому они принимали нас в одном из прилежавших к дворцу зданий. Нас ввели в гостиную, которая была убрана прекрасными коврами и просто, но элегантно обставлена креслами и столами, включая несколько изысканных маленьких столиков, на которых лежали подарки. Встреча лицом к лицу

с этим императором-полубогом была незабываемым моментом в моей жизни. В период японской оккупации Сингапура, на протяжении трех с половиной лет, император считался богом. Когда в 1943–1944 годах я работал у японцев редактором новостей в сингапурском «Катай билдинг» (Cathay Building), то вынужден был низко кланяться в сторону императорского дворца в Токио, чтобы выразить свое уважение к императору. А здесь перед нами сидел небольшой сутулый человек, выглядевший совершенно безопасным. На самом деле, он был приветлив и учтив и разговаривал шепотом. У императрицы было приятное округлое лицо, она была более плотного сложения и выглядела мягкой и нежной. Чиновники, отвечавшие за протокол, провели нас к месту, где проводилось церемониальное фотографирование. Затем нас усадили, и мы стали беседовать. Разговор касался несущественных моментов, за исключением того, что в подходящий момент император выразил свое сожаление по поводу страданий, причиненных народу Сингапура во время войны. Я кивнул, но ничего не ответил. Я не был готов к этому и потому решил, что лучше было сохранять молчание.

Теперь уже было бы трудно восстановить былое преклонение японцев перед императором, ибо императорский двор лишился окружавшего его мифа о божественном происхождении императора. В том, что представляет собой императорский трон, уже не осталось никакой тайны. Мы сидели и приглушенным голосом вели светскую беседу с бывшим императором-богом. Я был разочарован. Меня интересовало, что думал о своем императоре сидевший рядом с ним за обедом Сато, который принадлежал к поколению, которое почитало его как Бога.

Чу и мне приходилось посещать императора и императрицу по различным поводам еще не раз. Одним из последних моих визитов в должности премьер-министра было присутствие на его похоронах в феврале 1989 года. Официальные лица и руководители многих стран мира прибыли в Токио, чтобы отдать дань уважения главе возрожденной индустриальной державы. Это была традиционная японская торжественная церемония. В императорском саду Синдзюку (Shinjuku Imperial Garden) специально для этих похорон был построен без единого гвоздя великолепный синтоистский храм из прекрасной белой сосны. Все присутствовавшие были в темных костюмах и пальто, кашне и перчатках или в традиционной одежде. Мы сидели в открытой палатке, лицом к храму, дрожа от ветра, дувшего из Сибири. На протяжении двух с половиной часов мы страдали от пронизывающего, жестокого холода. Японцы продумали все до мелочей. Неподалеку располагалось закрытое помещение, в которое можно было зайти, – там было тепло и подавались горячие напитки и закуски, а сидения в туалетах были подогревы. Каждому присутствовавшему на церемонии были выданы теплые коврики и большие специальные и маленькие пакеты, которые, стоило только разорвать полиэтиленовую упаковку, чтобы обеспечить доступ кислорода к находившемуся внутри их химическому веществу, действовали в качестве грелок. Я положил маленькие пакеты в свои туфли, а большие – в каждый карман пиджака, брюк и пальто. Бедняга Чу была в китайском платье, в котором не было карманов. Я видел, как мой сосед подложил несколько пакетов на сиденье, чтобы держать спину в тепле. Это было более суровым испытанием, чем кланяться императору с крыши «Катай билдинг» в Сингапуре. Тогда я не мог даже вообразить себе, что я буду представлять Сингапур на похоронах японского императора, чтобы воздать ему дань уважения вместе с президентом США Джорджем Бушем и принцем Великобритании Филиппом, представлявших две великих державы, которые были без предупреждения атакованы императорской армией 7 декабря 1941 года. Все крупные державы и многие государства – получатели помощи были представлены президентами или премьер-министрами, а в некоторых случаях, – еще и монархами. Лидеры со всего мира собрались для того, чтобы выразить свое уважение к японцам, которые добились выдающихся успехов.

На протяжении последних 35 лет я лучше познакомился с Японией и ее лидерами. Мы нуждались в их помощи в проведении индустриализации. В свою очередь, японцы рассматривали Сингапур в качестве стратегического пункта в Юго-Восточной Азии, который они могли использовать для своей экономической экспансии в регионе. Сингапур также находился на критически важном для японских нефтяных танкеров морском пути из стран Персидского залива в Японию. В ходе переговоров с японскими премьер-министрами

регулярно обсуждались вопросы свободного прохода судов через Малаккский пролив, проблемы японских инвесторов в Сингапуре и странах Юго-Восточной Азии, проблемы безопасности в регионе, включая роль Китая, различные аспекты развития экономического сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Право свободного прохода судов через Малаккский пролив было наиболее важной проблемой для всех японских руководителей, с которыми я встречался в 60-ых – 70-ых годах. В 1967 году Сато впервые выразил свое беспокойство по поводу того, что большие танкеры могли оказаться неспособными пройти через Малаккский пролив, потому что в некоторых местах он был для них мелким. Я сказал, что это было не так опасно, поскольку эти части пролива могли быть надлежащим образом обозначены маяками и светящимися буйами. Используя передовую технологию, можно было углубить пролив и обозначить маршруты с помощью светящихся буйев. Сато был воодушевлен моим конструктивным подходом. Он был озабочен проблемами доступа Японии к рынкам сырья, особенно нефти, и к рынкам сбыта японских товаров. Именно из-за этого Япония была втянута во Вторую мировую войну. Тогда они располагали военными средствами для нанесения ударов, но после войны – уже нет. Следующий премьер-министр, Какуэй Танака (Kakuei Tanaka), также поднял эти вопросы в мае 1973 года, когда я посетил Токио. Я явно обнадежил его, когда сказал, что мы могли бы совместно работать над тем, чтобы противодействовать любым предложениям других стран региона о взимании платы за проход судов через проливы.

Два года спустя, во время моей встречи с премьер-министром Такео Мики (Takeo Miki), он выразил свою искреннюю благодарность за помощь, оказанную Сингапуром в ходе двух инцидентов, случившихся с японскими танкерами в Сингапурском проливе (Straits of Singapore) и вызвавших фурор среди наших соседей. В январе того года танкер «Шава Мару» (Shawa Maru) сел на мель в районе Буффало-рок (Buffalo Rock), в нескольких километрах от Сингапура, в результате чего образовалось нефтяное пятно длиной 20 километров (примерно 12 миль). Существовали опасения, что это приведет к значительному загрязнению побережья Индонезии, Малайзии и Сингапура. Управление сингапурского порта немедленно направило специальные суда, которым удалось уничтожить нефтяное пятно с помощью химикатов. В апреле того же года судно «Тоса Мару» (Tosa Maru) столкнулось с другим танкером у острова Святого Джона (St. John's Island), который находится в непосредственной близости от Сингапура, и раскололось пополам. К счастью, танкер уже слил нефть, поэтому кораблекрушение не повлекло за собой какого-либо загрязнения. Тем не менее, правительства Малайзии и Индонезии публично призвали ввести плату за проход судов через пролив, чтобы компенсировать ущерб, наносимый прибрежным государствам, а также призвали ограничить тоннаж судов, проходивших через Малаккский пролив. Для Японии это было настолько важным вопросом, что в ходе этого визита и заместитель премьер-министра Такео Фукуда (Takeo Fukuda), и министр иностранных дел Киичи Миядзава (Kiichi Miyazawa), каждый в отдельности, благодарили меня за помощь со стороны Сингапура.

Правительство Японии в большей мере, чем правительства других больших государств, оценивало развивающиеся страны по степени их важности для экономики Японии. Сингапур не располагал природными ресурсами, поэтому японцы оценивали нас невысоко. К примеру, чтобы добиться от японцев содействия в получении инвестиций для строительства нефтехимического завода, нам пришлось напомнить им, что они могли столкнуться с необходимостью уплаты сборов за проход своих судов через Малаккский пролив, в случае, если бы Сингапур присоединился к другим прибрежным государствам: Индонезии и Малайзии. Озабоченность Японии проблемой прохода судов через Малаккский пролив уменьшилась только после принятия Конвенции ООН по морскому праву (UN Convention on the Law of the Sea) в 1988 году, которая провозгласила право свободного прохода судов через международные проливы.

В период моего пребывания на посту премьер-министра я поощрял японские инвестиции в Сингапуре. Когда в сентябре 1967 года премьер-министр Сато посетил Сингапур, я публично заявил, что у Сингапура не было никаких возражений против японского капитала, технологии, управляющих и опыта, и что Япония была просто предназначена для того, чтобы вести остальные страны Азии по пути индустриализации. На заседании ассоциации крупных

японских промышленников (Keidanren) я заявил, что мы будем приветствовать создание любых предприятий, использующих преимущества, создаваемые более низкой заработной платой и стоимостью перевозок в Сингапуре. Год спустя наше Управление экономического развития открыло свое представительство в Токио, но в начале 70-ых годов японцы в значительной степени еще не были готовы к тому, чтобы перемещать свои фабрики за границу, они наращивали производственные мощности в самой Японии. Только в 80-ых годах, оказавшись под давлением со стороны американцев из-за растущего дефицита США в торговле с Японией, японцы приступили к производству товаров в Америке. А когда Европа закрыла свои рынки для японских товаров, они стали развивать производство в Европе, особенно в Великобритании, для экспорта в страны ЕС.

Типичной иллюстрацией осторожного и тщательного подхода японских компаний к инвестициям за границей было решение компании «Сейко» (Seiko) о строительстве завода в Сингапуре. В начале 70-ых годов мы потратили более трех лет, чтобы убедить компанию «Сейко» построить в Сингапуре часовой завод. Представитель УЭР в Токио Вон Мен Кван (Wong Meng Quang) окончил японский университет и хорошо понимал японский язык и культуру. Компания «Сейко» не верила, что в какой-либо из стран Юго-Восточной Азии имелись в наличии обслуживающие отрасли промышленности и достаточно образованная и подготовленная рабочая сила, которая соответствовала бы их требованиям в области точного машиностроения. Вону пришлось тяжело потрудиться, чтобы привлечь внимание японцев к Сингапуру и убедить их подготовиться к тому времени, когда производство дешевых кварцевых часов в Японии станет нерентабельным. Он постоянно работал с директором компании, отвечавшим за технологию и производство. После нескольких подготовительных поездок, многочисленных обоснований, бесконечных заверений в том, что мы окажем им любое содействие, японцы, наконец, приняли решение об инвестировании. Я открыл их фабрику в 1976 году. И уж если японцы проявляли осторожность и дотошность до принятия решения об инвестировании, то после того как это решение было принято, они полностью выкладывались для того, чтобы обеспечить успех предприятия. Японцы вскоре отбросили свои сомнения относительно уровня подготовки наших рабочих, начав в Сингапуре производство точных инструментов, промышленных роботов и систем автоматизации.

В 1969 году Сингапур проявил заинтересованность в строительстве нефтехимического завода. Я попросил Мики о поддержке со стороны его правительства, ибо мы знали, что, в отличие от американцев и европейцев, правительство Японии играло важную роль в принятии инвестиционных решений, и его поддержка зачастую играла решающую роль. В мае 1975 года я встретился с президентом «Химической корпорации Сумимото» (Sumimoto Chemical Corporation) господином Норишиге Хасегава (Norishige Hasegawa).

Он хотел, чтобы его компания приняла участие в подобном проекте, но сказал, что правительство его не поддерживало. Хасегава попросил меня добиться от премьер-министра Японии публичной поддержки участия компании в этом проекте. Премьер-министр Мики отказывался сделать это, ибо Индонезия, – крупный производитель нефти, – сама была заинтересована в строительстве нефтехимического завода. Я убеждал Мики не допустить того, чтобы Япония отказалась от выгодного инвестиционного проекта, уступив давлению богатых ресурсами стран. Я напомнил ему о той помощи, которую Сингапур оказал Японии в случае с двумя японскими нефтяными танкерами и выразил надежду, что он поддержит проект с участием корпорации «Сумимото». После этого Мики выступил с коротким заявлением, сказав, что, хотя данный проект и являлся частным, правительство Японии проявляло к нему серьезный интерес, и было готово содействовать его осуществлению.

Несмотря на это, только через два года, в мае 1977 года, преемник Мики Такео Фукуда (Takeo Fukuda), окончательно одобрил строительство сингапуро-японского нефтехимического комбината, официально назвав компанию «Сумимото» ведущим участником проекта с японской стороны. Без его личного участия этот проект мог бы так никогда и не материализоваться. В 1977 году сумма инвестиций в размере более одного миллиарда долларов рассматривалась как слишком большая, а нефтехимическое предприятие – как слишком капиталоемкое и высокотехнологичное для Сингапура. Тем не менее, и в этом случае, потребовалось личное вмешательство премьер-министра Ясухиро Накасонэ (Yasuhiro Nakasone)

во время его визита в Сингапур в 1983 году, чтобы дело сдвинулось с мертвой точки. Вскоре после этого началось осуществление проекта на условиях равного участия сторон. Проект разворачивался очень медленно, ибо завод начал работать в условиях избыточного предложения продукции на рынке. Постепенно предприятие стало прибыльным, и за этим последовало осуществление нескольких крупных инвестиционных проектов в области более глубокой переработки нефти.

Все японские премьер-министры, с которыми я встречался, – от Икеды в 1962 году до Миядзавы в 1990 году, – были очень способными людьми. Какуэй Танака (Kakuei Tanaka), с которым я встретился в мае 1973 года в Токио, выделялся из их среды как неограниченный алмаз. У него была репутация «бульдозера», человека с мозгом, подобным мощному компьютеру. Он был строительным подрядчиком, пробившимся наверх из низов. Будучи среднего, для японца, роста, плотного сложения, он представлял собой сгусток энергии. Прямолинейность и бесцеремонность отличали его от других премьер-министров, которые в большинстве своем были выпускниками Токийского имперского университета (Tokyo Imperial University) или других знаменитых учебных заведений. Эти люди становились правительственными чиновниками после того, как занимали высшие должности на государственной службе и становились членами руководства Либерально-демократической партии (ЛДП – Liberal Democratic Party). Танака никогда не учился в университете, но он более чем соответствовал занимаемой должности.

Было просто облегчением разговаривать с этим японским руководителем, который был готов высказывать свои взгляды без недомолвок даже по таким деликатным вопросам, как антияпонские настроения в Юго-Восточной Азии. В тот период для Японии это являлось проблемой: студенты в Бангкоке протестовали против японской экономической эксплуатации. Я сказал, что послать в Бангкок министра торговли и промышленности Японии Накасонэ, чтобы просто успокоить тайцев, было недостаточно. Если Танака не хотел, чтобы подобные проблемы в будущем усугубились, ему следовало продемонстрировать жителям Таиланда, Индонезии и Филиппин, что интересы японцев не ограничивались только добычей полезных ископаемых. Например, японцы могли предоставить этим странам помощь в проведении индустриализации. Мне приходилось повторять эти доводы нескольким другим японским министрам, но без особого успеха.

Через восемь месяцев, в январе 1974 года, я принимал Танаку в Сингапуре. Когда он спустился по трапу самолета, я увидел, что лицо его было перекошено, – губы и щеки свело судорогой на сторону. Безо всякого смущения он непринужденно объяснил, что у него были проблемы с лицевым нервом, и потребуется определенное время, пока все пройдет. От него исходила огромная уверенность в себе.

Танака ушел в отставку в конце 1974 года, в связи с выдвинутыми против него обвинениями в получении взяток при покупке самолетов «Локхид» (Lockheed). Тем не менее, он продолжал оставаться влиятельной фигурой в ЛДП, обладая решающим голосом, вплоть до своей смерти в 1993 году.

Такео Фукуда (Takeo Fukuda) был небольшим, аккуратным и изящным человеком, с шаловливым выражением на небольшом, с тонкими чертами, лице. Я встретился с ним в мае 1977 года, после того как он стал премьер-министром. По опыту предшествовавших встреч с ним в качестве министра я знал, что он обладал острым, глубоким умом и широким кругозором. Однажды, чтобы продемонстрировать, насколько неблагоприятным было положение Японии, он вынул из внутреннего кармана пиджака блокнот, чтобы назвать размеры японской экономической зоны по сравнению с американской. Там у него хранились все необходимые цифры и факты, включая площадь экономической зоны в квадратных милях, в соответствии с «Морским законом» (the Law of the Sea).²⁷

В августе, после участия во встрече стран АСЕАН в Куала-Лумпуре, Фукуда посетил Сингапур. Между нами состоялась непринужденная полторачасовая беседа. Наши министры пришли к соглашению об учреждении японо-сингапурского центра подготовки рабочих, а также договорились о том, что взносы японских компаний на развитие этого центра будут

²⁷ Прим. пер.: Речь идет, по-видимому, о 200-мильной морской экономической зоне

освободиться от налогов. Кроме того, японцы попросили, чтобы Сингапур поддержал введение пятилетнего подготовительного периода для приведения японских танкеров, проходивших через Малаккский пролив, в соответствие с требованиями правил, предписывавших, что минимальный просвет между килем судов и морским дном должен был составлять три с половиной метра (приблизительно четыре ярда). Несмотря на то, что Индонезия, Малайзия и Сингапур пришли к соглашению, что это правило должно было быть введено в действие в течение трех с половиной лет, я пообещал попытаться продлить этот срок до пяти лет. Это нам удалось.

После этого я выразил Фукуде свое недовольство по поводу того, что японские официальные лица высказывались о Сингапуре не как о развивающейся, а как об индустриально развитой стране, которая не имела права на получение японских льготных кредитов. Если бы японцы относились к Сингапуру как к индустриально развитой стране, которой он еще не являлся, то вскоре и ЕС, и США стали бы на подобные позиции. Сингапур утратил бы льготы, которыми пользовался согласно Генеральной схеме льгот, и другие преимущества до того, как оказался бы в состоянии конкурировать на равных. Фукуда взял это на заметку, и японцы прекратили поднимать этот вопрос. Несколько лет спустя, в середине 80-ых годов, статус Сингапура как развивающейся страны был поставлен под вопрос Европейской комиссией в Брюсселе.

Фукуда оставался важной фигурой в японской политике даже после того, как он сложил депутатский мандат в японском парламенте. В парламент по его избирательному округу был избран его сын, – настолько глубокой и прочной была лояльность японских избирателей. Когда он умер в 1995 году, Япония потеряла проницательного, опытного и мудрого лидера. Фукуда хорошо разбирался в глобальных проблемах конца двадцатого столетия и понимал, что Япония не может жить в изоляции.

Я посетил Японию с официальным визитом в октябре 1979 года, после того как Фукуду сменил Масаеси Охира (Masayoshi Ohira). Требования официального японского протокола изменились, – японцы больше не настаивали на том, чтобы я носил черную шляпу и серые перчатки. Нас разместили во дворце для гостей Асакаса (Asakasa Palace). В нашу честь император Хирохито и императрица устроили обед, а премьер-министр – официальный ужин.

У Охиры было широкое, улыбчивое лицо с надутыми щеками, он был смешлив. Окончив Университет Хитоцубаши (Hitotsubashi University), Охира работал в министерстве финансов, где проявил себя как осторожный и способный руководитель. Я привлек его внимание к тому показательному эффекту, который производило на соседей Сингапура сотрудничество с Японией в осуществлении таких проектов как создание японско-сингапурского центра подготовки работников, центра подготовки программистов, центра изучения Японии и совместного инженерного факультета в Университете Сингапура. Эти проекты тщательно изучались нашими соседями. Так как Сингапур преуспевал, то эти страны также поняли ценность образования и знаний, и с большей охотой сотрудничали бы с Японией и Сингапуром. Он согласился с моим предложением оказать помощь в сфере подготовки трудовых ресурсов, добавив, что эта тема была ему близка. Когда год спустя Охира неожиданно умер, я потерял друга.

Сменивший Охиру Дзенко Судзуки (Zenko Suzuki) посетил Сингапур и другие страны АСЕАН в январе 1981 года. Я убеждал его, что Япония должна была уделять особое внимание странам АСЕАН, подобно тому, как это делала Европа по отношению к Африке согласно Конвенции, подписанной в Ломе (Lome Convention). Судзуки полностью согласился со мной. Несмотря на то, что свой первый зарубежный визит японские премьер-министры традиционно совершали в Вашингтон, он решил сначала посетить страны АСЕАН. Лишь после посещения стран АСЕАН он отправился в Вашингтон, а затем – на встречу стран «большой семерки» в Оттаве. Он заявил, что Япония являлась неотъемлемой частью Азии, и, в качестве единственной высокоразвитой в промышленном отношении страны, несла особую ответственность за ситуацию в Азии и намеревалась сотрудничать с азиатскими странами.

Судзуки внес значительные изменения в позицию Японии. Без поддержки всемогущих японских бюрократов подобное изменение политики страны премьер-министром было бы немыслимо. Чтобы подчеркнуть важность развития отношений со странами АСЕАН, он

напомнил, что Советский Союз обращался к Японии за помощью в экономическом развитии Сибири. Несмотря на то, что Советы просили не смешивать политику с экономикой, в качестве условия оказания экономического содействия в развитии Сибири Япония выдвинула изменения в политике Советского Союза по отношению к Афганистану и Вьетнаму. Я одобрил его твердый подход в этом вопросе. Если бы Япония, Европа и Америка помогали Советскому Союзу покрывать провалы в работе коммунистической системы, то Советы продолжали бы создавать проблемы повсюду в мире. Без посторонней помощи через 15–20 лет они бы столкнулись с проблемами более серьезными, чем Польша. Судзуки согласился.

Будучи выпускником Института подготовки рыбаков (ныне Токийский Университет рыболовства) (Fisheries Training Institute, now Tokyo University of Fisheries), он являлся экспертом в этой области. Во время приятного ужина в его компании я был посвящен в таинства рыбной ловли и рыбной индустрии Японии. Многие метафоры, которые он использовал, были связаны с рыбой. Когда я предложил, чтобы Япония сосредоточилась на развитии трудовых ресурсов и подготовке работников в странах Юго-Восточной Азии с целью достижения ими японских стандартов квалификации и производительности, он согласился, сказав: «Если вы дадите человеку рыбу, он сможет насытиться только раз, если же вы научите его ловить рыбу...». Он решил выделить сто миллионов долларов для создания центров подготовки работников в каждой из стран АСЕАН, и одного центра на Окинаве (Okinawa), в Японии. Судзуки сказал, что ключом для развития современной экономики является подготовка людей, а не предоставление помощи и льготных кредитов.

Поскольку большинство японских премьер-министров после Сато не находились на этом посту дольше двух лет, мне было сложно наладить с ними прочные личные отношения. Тем не менее, смена премьер-министров и министров мало отражалась на высоких темпах экономического роста Японии. Зарубежные комментаторы относили это на счет власти и компетентности государственной бюрократии. Я считаю, что они недооценивали степень компетентности людей, занимавших должности премьер-министра и министров. Все они были подобраны из числа руководящих членов фракции ЛДП, и все являлись способными, опытными людьми, разделявшими общую точку зрения.

Преемнику Судзуки, Ясухиро Накасонэ (Yasuhiro Nakasone), удалось пробыть на посту премьер-министра в течение пяти лет, начиная с 1982 года. Накасонэ говорил по-английски, хотя и с сильным японским акцентом. У него был звучный голос, он говорил энергично и выразительно. В прошлом он был лейтенантом японского императорского флота (Japanese Imperial Navy) и гордился этим. Для японца он был высок (180 сантиметров), хорошо сложен, у него был высокий лысеющий лоб. Накасонэ был энергичен и очень собран. Раз в неделю он медитировал в храме на протяжении двух с половиной часов, сидя в позе «лотос», и рекомендовал мне заняться тем же. Я внял его совету и с помощью своего друга – буддиста, врача, получившего западное образование, научился медитировать, но только по полчаса, и лишь время от времени. Позднее я стал заниматься медитацией ежедневно, – это было полезнее транквилизаторов.

Накасонэ не отличался скромностью, присущей большинству японских лидеров. Когда я посетил его в марте 1983 года, он приветствовал меня, сказав, что был очень счастлив, ибо его мечта приветствовать меня в кабинете премьер-министра наконец-то сбылась. Он был озабочен реакцией стран АСЕАН на то, что он называл «небольшим увеличением японских оборонных расходов». Находясь во главе оборонного ведомства Японии, он не скрывал своих воинственных взглядов, считая, что Японии следовало быть готовой защитить себя. Теперь у него было оправдание, заключавшееся в том, что американский Сенат принял резолюцию, призывавшую Японию увеличить военные расходы. Он хотел заверить беспокоившихся соседей, что наращивание мощи сил самообороны Японии, позволявшее им, в случае опасности, обеспечить оборону трех проливов вокруг Японских островов (проливы Соя, Цугару и Цусима) (Soya, Tsugaru, and Tsushima) не означало, что Япония превращалась в милитаристскую державу. Накасонэ говорил, что это было политикой и предшествующих японских правительств, хотя и не декларировалось публично.

Когда он посетил Сингапур в 1983 году, я напомнил ему, что за десять лет до того, в том же самом кабинете, отставной генерал Ичиджи Сугита (Ichiji Sugita), который был

подполковником, помогавшим генералу Томоюки Ямашита (Tomoyuki Yamashita) планировать вторжение в Малайю, принес свои извинения за участие в этой операции. Он вновь посетил Сингапур в 1974–1975 годах вместе с уцелевшими коллегами-офицерами, чтобы передать сингапурским вооруженным силам свой опыт, приобретенный во время военной кампании в Малайе, включая завершающее наступление и захват Сингапура. Множество событий произошло в резиденции Истана с тех пор, как генерал Ямашита останавливался в ней после захвата Сингапура. Я считал, что нам следовало не замыкаться на прошлом, а совместно созидать будущее, свободное от подозрений. Он по-английски выразил свою «сердечную благодарность» за мою позицию.

Глубоко укоренившееся в сознании японского народа опасение оказаться втянутым в еще одну, заведомо бесперспективную и грозящую ужасными последствиями войну, замедлило осуществление решительной оборонной политики Накасонэ. Опросы общественного мнения показывали, что люди предпочитали, чтобы вопросы обороны не выдвигались на первый план. Его прямолинейный характер позволял нам свободно дискутировать, когда мы встречались за обедом или ужином в Токио еще и спустя долгое время после того, как он ушел в отставку с поста премьер-министра.

С конца 80-ых годов ЛДП стала утрачивать свои позиции. В изменившейся внутри- и внешнеполитической ситуации система, хорошо работавшая на протяжении тридцати лет, начала давать сбои. ЛДП подвергалась все более сильным нападкам в связи с распространением коррупции, а средства массовой информации сообщали об одном скандале за другим. Японские средства массовой информации решили разорвать удобное партнерство между политиками из ЛДП, крупными бизнесменами, особенно строительными подрядчиками, и высшими государственными служащими.

Нобору Такешита (Noboru Takeshita), который сменил Накасонэ на посту премьер-министра в 1987 году, был щеголеватым, невысоким мужчиной. Он окончил Университет Васеда (Waseda University), а не Тодай. В общении он был всегда формальным и мягким человеком. Его улыбчивое лицо не соответствовало образу изощренного политического бойца, которым он был на самом деле. По сравнению с Накасонэ, его стиль руководства отличался осторожностью, но свои обещания он выполнял.

Такешита занимал должность премьер-министра в тот период, когда японцы были полны надежд получить обратно у Советского Союза Курильские острова. Горбачев нуждался в международной финансовой помощи, и японцы были готовы проявить щедрость, но при условии, что они получили бы обратно свои четыре острова или, по крайней мере, твердое обязательство вернуть их в будущем. В феврале 1989 года, на похоронах императора Хирохито в Токио, Такешита сказал мне, что Советский Союз не смягчил своей позиции относительно оккупации островов. Позднее, он направил мне послание, попросив меня замолвить слово в поддержку возврата островов во время визита советского премьер-министра Рыжкова в Сингапур в начале 1990 года. Однажды я спросил премьер-министра Такео Мики, почему Советский Союз, обладавший огромной территорией на просторах Евразии, настаивал на владении этими четырьмя островами у побережья полуострова Камчатка. Лицо Мики потемнело, и он гневно и страстно сказал, что русские были жадными по отношению к территории. Я спросил его, что случилось с японскими жителями Курильских островов. Он с негодованием ответил: «Все японцы до единого были высланы обратно в Японию». Такешита разделял это страстное желание получить четыре острова обратно. Когда Рыжков посетил Сингапур, я поднял вопрос о возврате четырех островов. Его ответ был абсолютно предсказуем: никаких дискуссий по поводу четырех островов быть не могло, – острова являются советскими.

Во время двухлетнего пребывания Такешиты на посту премьер-министра возник скандал, связанный с компанией по трудоустройству под названием «Рекрут» (Recruit). Его ближайшего помощника обвиняли в получении денег на политические нужды. Тот совершил самоубийство, причинив большое горе Такешите, который ушел в отставку с поста премьер-министра.

После серии скандалов общественное мнение настаивало на том, чтобы на посту премьер-министра оказался человек с чистой репутацией. В 1989 году премьер-министром стал Тосики Кайфу (Toshiki Kaifu), несмотря на то, что он руководил одной из самых маленьких фракций ЛДП. Он был обаятельным, общительным человеком, получившим известность как

«Мистер Чистый» («Mr. Clean»). Он не обладал образованностью Миадзава, решительностью Накасонэ, бойцовскими качествами Такешиты, но у него был хорошо развит здравый смысл.

Во время двухлетнего пребывания на посту премьер-министра он столкнулся с проблемами, которыми Накасонэ, с его решительным подходом, был бы счастлив заниматься. Американцы хотели, чтобы Япония послала свои войска в Персидский залив для участия в военных действиях против Ирака. После консультаций с руководителями всех фракций, Кайфу, в конце концов, принял решение не посылать войска, а уплатить 13 миллиардов долларов в качестве вклада Японии в проведение этой операции.

Страны Запада воздали должное экономической мощи Японии и, начиная со встречи в Рамбуи (Rambouillet) в 1975 году, приглашал ее лидеров для участия во встречах стран «Большой пятёрки» (G-5). Тем не менее, пытаясь определить свою роль в качестве великой экономической державы, Япония столкнулась с препятствиями, наиболее серьезным из которых являлось отношение японских лидеров к преступлениям, совершенным в годы войны. Японцы плохо выглядели на фоне западных немцев, которые открыто признали свои преступления, извинились за них, выплатили компенсации жертвам войны и преподавали историю военных преступлений молодому поколению немцев с тем, чтобы предотвратить повторение ими старых ошибок. В отличие от них, японские лидеры все еще высказываются по этой проблеме уклончиво и двусмысленно. Вероятно, они не хотят деморализовать своих людей или нанести оскорбление своим предкам и императору. Какими бы ни были причины этого, сменявшие друг друга премьер-министры от ЛДП, не проявляли мужества в оценке прошлого.

Кайфу впервые порвал с этой традицией во время своей памятной речи в Сингапуре в мае 1990 года. Он выразил «искреннее раскаяние в совершенных японцами действиях, которые причинили невыносимые страдания и горе столь многим людям в Азиатско-Тихоокеанском регионе... Японский народ полон решимости никогда больше не повторить действия, имевшие такие трагические последствия...» Он говорил искренне, его речь отличалась реализмом, и ему не хватило совсем немного, чтобы принести извинения за совершенные преступления.

Я обратил внимание Кайфу на различия между немцами и японцами по отношению к военному прошлому. Когда немецкие промышленники и банкиры давали мне свои резюме, в них обязательно упоминалось об их участии в военных кампаниях в Сталинграде или Бельгии, где они были захвачены в качестве пленных русскими, американцами или англичанами, упоминалось звание, которое они имели и медали, которыми их наградили. В японских резюме период с 1937 года по 1945 год не упоминался, будто этих лет вовсе не существовало. Это указывало на то, что японцы не хотели говорить об этом. Не удивительно, что между японцами и людьми, с которыми они имели дело, опустился занавес, способствовавший росту недоверия и подозрений. Я высказал предположение, что японцам следовало бы изучить немецкий опыт преподавания истории молодому поколению с тем, чтобы не повторять те же ошибки. Кайфу сказал, что мои слова подействовали на него ободряюще, и заметил, что Япония постепенно менялась. Он сказал, что он был первым послевоенным премьер-министром Японии, не имевшим военного прошлого. В 1945 году он все еще был молодым студентом, в 60-ых годах – участвовал в процессе демократизации. Кайфу пообещал изучить вопрос о преподавании истории Второй мировой войны японской молодежи, и о внесении изменений в школьные учебники. Но он не занимал свой пост достаточно долго для того, чтобы выполнить эту задачу, – его сменил Киичи Миядзава (Kiichi Miyazawa).

Миядзава был невысоким, энергичным человеком, его круглое лицо имело пронизательное выражение, а широкие брови нахмуривались, когда он обдумывал ответ на вопрос. Прежде чем высказать осторожное и хорошо обдуманное мнение по какому-либо вопросу, он плотно сжимал губы. Он поразил меня тем, что являлся скорее ученым, нежели политиком. Миядзава мог бы вполне стать профессором Университета Тодай, который он закончил, если бы избрал академическую карьеру. Вместо этого он стал чиновником министерства финансов.

В 1991 году средства массовой информации процитировали мое высказывание, в котором я сравнил разрешение перевооружить японские вооруженные силы для участия в миротворческой операции ООН в Камбодже с тем, чтобы «давать шоколадный ликер алкоголику». Во время обеда, проходившего вскоре после того, как Миядзава занял должность

премьер-министра, на который я был приглашен вместе с лидерами ЛДП, он спросил меня, что я имел в виду. Я ответил, что изменить японскую культуру было нелегко. Японцы имели глубоко укоренившуюся привычку достигать совершенства и пределов возможного во всем, чем бы они ни занимались, будь-то составление букетов, изготовление мечей или ведение войны. Я не верил, что Япония была в состоянии повторить то, что она совершила в 1931–1945 годах, потому что теперь Китай обладал ядерным оружием. Тем не менее, если Япония действительно хотела играть на международной арене важную роль в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН, то ее соседи должны были чувствовать, что в качестве миротворческой силы она являлась надежной, заслуживающей доверия страной. Миядзава спросил, не являлось ли выраженное Кайфу «раскаяние» достаточным для этого. Я сказал, что это было хорошим началом, но этого было недостаточно, – необходимо было принести извинения. В своей первой речи в парламенте в качестве премьер-министра в январе 1992 года Миядзава выразил свое сердечное раскаяние и сожаление «по поводу невыносимых страданий и горя, пережитых народами Азиатско-Тихоокеанского региона». В отличие от Накасонэ, который был «ястребом», Миядзава был «голубем». Он всегда поддерживал союз между Японией и США и выступал против перевооружения вооруженных сил страны. Он свободно говорил по-английски, у него был значительный словарный запас, что облегчало откровенный обмен мнениями. Он всегда быстро высказывал свои возражения по поводу того, с чем был не согласен, но делал это неизменно вежливо. Мы были с ним добрыми друзьями за много лет до того, как он стал премьер-министром.

Миядзаву беспокоило то, как изменится Китай в результате бурного роста экономики. Подобно Сато в 1968 году, Мики в 1972 и Фукуде в 1977 году, Миядзава подолгу обсуждал со мной проблемы, связанные с Китаем. Даже тогда, когда Китай был закрыт для внешнего мира, а его экономика находилась в состоянии застоя, японские лидеры уделяли ему серьезное внимание. После того, как Дэн Сяопин стал проводить политику «открытых дверей», японцы стали уделять своему соседу все больше внимания, ибо экономика Китая росла на 8-10 % в год, и он мог бросить вызов доминированию Японии в странах Восточной Азии. Миядзаву беспокоило, что сильный Китай, лишенный присущих демократической системе власти системы балансирующих и противовесов, может создать угрозу безопасности стран Восточной Азии. Большинство японских лидеров считало, что в течение следующих 20 лет безопасность страны будет обеспечиваться в рамках соглашений с США, но Миядзаву и всех японских руководителей беспокоили перспективы обеспечения безопасности Японии в более отдаленном будущем. Их невысказанным опасением было то, что в один прекрасный день американцы могли оказаться неспособными поддерживать свое доминирующее военное присутствие в регионе и могли не захотеть защищать Японию. У них не было ясности относительно того, являлся ли Китай стабилизирующей или дестабилизирующей силой.

Я доказывал, что наилучшим решением проблемы было бы привлечение Китая к сотрудничеству, создание условий для того, чтобы он стал частью современного мира. Японии следовало предоставить возможность способным китайским студентам получать образование в Японии, завязывать отношения с молодыми японцами. Влияние США, Японии и стран Европы на лучших и наиболее способных китайцев позволило бы расширить их кругозор и заставило бы их понять, что, если Китай хотел расти и процветать, ему следовало стать законопослушным членом международного сообщества. Если же изолировать Китай и мешать усилиям китайцев в проведении экономических реформ, то это враждебно настроит их по отношению к более развитым странам.

Большинство японских лидеров считало, что, в случае кризиса, страны АСЕАН займут сторону Японии, но они не были уверены в том, какой будет реакция Сингапура. Они соглашались с тем, что, несмотря на то, что я был этническим китайцем, мои взгляды и политика по отношению к Китаю исходили из интересов Сингапура как государства Юго-Восточной Азии, и потому я не обязательно стал бы поддерживать Китай в случае любого конфликта. Тем не менее, японцы не были уверены в том, каким образом составлявшие большинство населения Сингапура китайцы и будущие лидеры Сингапура поведут себя, если Китай начнет оказывать на них давление. Думаю, что мне удалось развеять их сомнения.

Во время пребывания Миядзавы на посту премьер-министра мощная фракция,

возглавляемая молодым протеже Танаки Ичиро Азавой (Ichiro Ozawa), в ходе критически важного голосования в парламенте добилась отставки правительства. В отличие от других лидеров фракций ЛДП, Миядзава не был жестким, безжалостным бойцом. В ходе последовавших за этим выборов ЛДП утратила власть. Одним из результатов этого явилось то, что Морихиро Хосокава (Morihiro Hosokawa) стал первым премьер-министром Японии, недвусмысленно признавшим агрессию со стороны Японии во время Второй мировой войны и принесшим извинения за причиненные ею страдания. Он не занимал присущую ЛДП жесткую позицию по отношению к военным преступлениям японцев. Эти извинения были принесены только после того, как премьер-министром страны стал лидер второстепенной партии.

На следующий год премьер-министр Томиичи Мураяма (Tomiichi Murayama), представлявший Социал-демократическую партию Японии (Social Democratic Party of Japan), также принес извинения, и сделал это, выступая поочередно перед всеми лидерами стран АСЕАН во время турне по странам региона. В Сингапуре он публично заявил, что Японии было необходимо честно взглянуть на свои агрессивные и колонизаторские действия в прошлом. К 50-ой годовщине окончания войны в 1995 году он снова заявил о своем чувстве чистосердечного раскаяния и принес искренние извинения. Он сказал, что Японии следовало задуматься о страданиях, которые она причинила народам Азии. Он был первым японским премьер-министром, возложившим венок у мемориала гражданским жертвам войны в Сингапуре. Хотя мы его об этом и не просили, он сказал, что он сделал это для того, чтобы поддержать мир и стабильность в регионе в будущем. Он знал о существовании скрытых антияпонских настроений в странах региона и понимал необходимость углубления политических, экономических и культурных связей. Извинения, принесенные двумя японскими премьер-министрами, не принадлежавшими к ЛДП, ознаменовали собой бесповоротный разрыв с позицией предшествовавших правительств Японии, заключавшейся в отказе принести извинения за военные преступления. И хотя ЛДП, как таковая, не принесла извинений за совершенные военные преступления, эта партия входила в коалиционное правительство Мураямы, который их принес.

Когда член ЛДП Рютаро Хашимото (Ryutaro Hashimoto) стал премьер-министром Японии в 1996 году, в июле того же года, в свой день рождения, он посетил храм Ясукуни (Yasukuni Shrine) в качестве частного, а не официального лица. Он отдал дань уважения погибшим во время войны, включая генерала Хидеки Тодзио (Hideki Tojo), который был премьер-министром Японии в годы войны, и нескольким другим военным преступникам, которые были повешены за военные преступления. Такая двусмысленная позиция японских политиков оставляет открытым очень серьезный вопрос. В отличие от немцев, японцы не прошли через катарсис и не очистили свою систему от отравлявшего ее яда. Они не просветили свою молодежь относительно допущенных в прошлом ошибок. Во время празднования 52-ой годовщины окончания Второй мировой войны в 1997 году Хашимото выразил «самое глубокое сожаление», а во время визита в Пекин в сентябре 1997 года – «глубокое раскаяние». Тем не менее, он не принес извинений за совершенные военные преступления, как этого хотели китайцы и корейцы.

Я не понимаю, почему японцы так упорно не желают признать ошибки прошлого, извиниться за них и начать двигаться дальше. По каким-то причинам они не хотят принести извинения за совершенные военные преступления. Извиниться, — означало бы признать совершенные ошибки, а выражение сожаления и раскаяния просто является выражением их субъективных чувств. Японцы отрицают, что имела место резня в Нанкине (Nanjing); что корейские, филиппинские, голландские и другие женщины были насильно принуждены стать «женщинами для комфорта» (эвфемизм, означающее сексуальное рабство) для японских солдат на фронтах войны; что они проводили жестокие биологические эксперименты на живых китайских, корейских, монгольских, русских и других военнопленных в Маньчжурии. В каждом из этих случаев японцы неохотно признавались в совершении этих преступлений только после того, как на основе данных из их собственных архивов были предоставлены неопровержимые доказательства. Это питает подозрения относительно будущих намерений Японии.

Нынешняя позиция Японии является индикатором ее поведения в будущем. Если японцы стыдятся своего прошлого, то его повторение является менее вероятным. Генерал Тодзио,

который был казнен союзниками за военные преступления, в своем завещании сказал, что японцы были побеждены только потому, что противник располагал превосходящими силами. В войне, ведущейся высокотехнологичным оружием, Япония, учитывая размеры ее территории и численность населения, может стать значительной силой. Конечно, если бы конфликт между Японией и Китаем вышел за рамки использования обычных вооружений, Япония оказалась бы в невыгодном положении. Хотя это и маловероятно, но, если это случится, возможности Японии не стоит недооценивать. Если японцы, как нация, почувствуют себя в опасности, окажутся лишенными средств к существованию в результате того, что доступ к нефти или другим критически важным ресурсам и рынкам экспорта японских товаров будет закрыт, то я уверен, что они будут сражаться так же жестоко, как и в 1942–1945 годах.

Что бы ни готовило будущее для Японии и для Азии, если японцы хотят играть роль экономических новаторов и миротворцев в составе сил ООН, они должны принести извинения за военные преступления и окончательно покончить с этой проблемой. Азия и Япония должны двигаться вперед, а для этого необходимо большее доверие друг к другу.

Глава 32. Японские уроки

После Второй мировой войны несколько человек, принадлежавших к высшему японскому обществу, задались целью восстановить Японию, ее индустриальную мощь. Американские оккупационные силы под командованием генерала Макартура им не препятствовали. Когда коммунистический Китай вступил в войну в Корее, американцы изменили свою политику в отношении Японии, и стали помогать ее восстановлению. Японские лидеры не упустили своего шанса и, продолжая сохранять по отношению к американцам подчиненное, даже униженное положение, постепенно догоняли Америку: сначала в производстве текстиля, стали, судов, автомобилей и продукции нефтехимии, а потом – электрических и электронных товаров и, наконец, компьютеров. Их государственная система строилась на принципах элитизма. Подобно французам с их «гранд эколь» (Grandes Ecoles), старые японские императорские университеты и лучшие частные университеты отбирали лучших из лучших и развивали способности этих людей. Эти талантливые люди занимали высшие посты в сфере государственного управления и японских корпорациях. По своему уровню представители этой элиты, как деловой, так и административной, не уступали никому в мире. Тем не менее, японское «экономическое чудо» не было результатом усилий лишь немногих людей на самом верху. Все японцы были полны решимости доказать, на что они способны, и каждый человек, на любом уровне, старался достичь совершенства.

Вспоминается незабываемый пример того, как японцы гордились своей работой. В конце 70-ых годов, во время моего визита в Такамацу (Takamatsu), город на острове Сикоку, японский посол дал в мою честь обед в их лучшей, правда, всего лишь трехзвездочной гостинице. Блюда были превосходны. Когда подали десерт и фрукты, появился повар лет тридцати в безупречном белом колпаке и фартуке, чтобы продемонстрировать свое искусство обращения с ножом, очищая хурму и хрустящие груши. Это была виртуозная работа. Я спросил его, где он этому выучился, и он рассказал мне, что начинал он поваренком на кухне, занимаясь мойкой посуды, чисткой картофеля и нарезкой овощей. Пять лет спустя он сдал экзамены на должность младшего повара, десять лет спустя – стал шеф-поваром в этой гостинице и очень гордился этим. Гордость своей работой и желание превзойти других в своей профессии, будь то повар, официант или горничная, позволяет добиваться высокой производительности труда, а при производстве товаров, – почти нулевого брака. Ни одна азиатская нация не может тягаться с японцами в этом отношении: ни китайцы, ни корейцы, ни вьетнамцы, ни жители Юго-Восточной Азии. Они считают себя особым народом: вы либо родились японцем и, таким образом, принадлежите к этому магическому кругу, либо нет. Этот миф о принадлежности к избранному народу делает японцев огромной силой на любом уровне, будь-то нация, корпорация или бригада на предприятии.

Действительно, японцы обладают замечательными качествами. Их культура уникальна, они подходят друг к другу подобно кирпичикам из детского конструктора «Лего» (Lego). Если сравнивать людей поодиночке, то немало китайцев могло бы сравниться с японцами, скажем, в

игре в китайские шахматы или в «го». Тем не менее, если взять группу людей, особенно производственную бригаду на фабрике, тягаться с ними трудно. Однажды в 70-ых годах, вручая награду управляющему директору компании «Хичисон» (Nichison) господину Нобуо Хизаки (Nobuo Hizaki), я спросил, как бы он сравнил сингапурских рабочих с рабочими в Японии (они работали на одинаковом оборудовании). Он сказал, что производительность труда сингапурских рабочих составляла примерно 70 % от уровня производительности труда в Японии. Причиной этого являлось то, что японские рабочие были более квалифицированы, имели несколько специальностей каждый, обладали большей гибкостью, лучшей приспособляемостью, реже меняли работу и реже отсутствовали на рабочем месте. Необходимость учиться и переучиваться на протяжении всей своей жизни японские рабочие воспринимали как данность. Все рабочие считали себя «серыми воротничками», не разделяя себя на «белых воротничков» и «синих воротничков». Техники, бригадиры, мастера всегда были готовы запачкать свои руки работой. Я спросил его, через сколько лет сингапурские рабочие сравняются с японскими рабочими, – он считал, что это займет 10–15 лет. Когда же я стал настаивать, господин Хизаки сказал, что сингапурские рабочие никогда не достигнут уровня японских рабочих. Причин для этого было две. Во-первых, японские рабочие всегда подменяли своих коллег, которым необходимо было заняться другой срочной работой, а сингапурские рабочие делали только свою работу. Во-вторых, в Сингапуре существовало четкое разделение между рядовыми рабочими и управленцами, поэтому дипломированный специалист из университета или политехнического института сразу попадал на управляющую должность. В Японии же было не так.

В 1967 году, находясь с визитом в Японии, я посетил судовой верфь в Иокогаме (Yokohama), принадлежавшую компании «ИХИ» (Ishikawajima-Harima Industries), которая являлась нашим партнером по совместному предприятию на судовой верфи «Джуронг» в Сингапуре. Вице-президент компании доктор Шинто (Dr. Shinto) был крепким, энергичным, способным человеком и выдающимся инженером. Подобно другим рабочим, он был одет в рабочую форму его компании. Он носил резиновые ботинки и каску и выдал мне такие же, когда мы отправились осматривать верфь. Он знал здесь каждый дюйм и бегло объяснял мне все по-английски. Японские рабочие были очень дисциплинированными, трудолюбивыми, сплоченными и высокоэффективными работниками.

Когда мы вернулись в его кабинет, за завтраком, он объяснил мне различие между британской и японской системой управления. Японские управляющие и инженеры начинали свою карьеру на рабочих должностях, – прежде чем получить продвижение по службе, они должны научиться понимать рядового рабочего. Британский управляющий на верфи сидел в покрытом коврами кабинете и никогда не спускался в цех или на верфь к рабочим. Это плохо сказывалось на морали и производительности труда.

Спустя некоторое время, в том же году, я посетил верфи фирмы «Свон энд Хантер» в Тайнсайде, в Великобритании. Сэр Джон Хантер показывал мне верфь. Контраст с Японией был разительным. Сэр Джон носил прекрасно сшитый костюм и начищенные до блеска туфли. Мы приехали на верфь на «Роллс – Ройс» (Rolls Royce). Когда мы прошли по замасленному цеху, на нашу обувь налипла грязь, – такой грязи на верфи в Иокогаме я не заметил. Перед тем, как снова сесть в «Роллс – Ройс», я заколебался, а сэр Джон – нет. Он вытер подошвы ботинок о землю, а забравшись в автомобиль, – вытер оставшуюся смазку о толстый бежевый коврик. Он предложил мне сделать то же самое. Видимо я выглядел удивленным, потому что он добавил: «Они смывают грязь шампунем». Чтобы позавтракать, мы отправились не в его кабинет, а в гостиницу «Госфорт» (Gosforth Hotel), где нам подали превосходный завтрак. Затем мы отправились поиграть в гольф. Британские управляющие жили стильно.

Мой визит в мае 1975 года был первым посещением страны после нефтяного кризиса, разразившегося в октябре 1973 года. Я уже читал до того о всесторонних мерах, предпринимавшихся Японией для экономии энергии, и об успехах, достигнутых японцами в сокращении потребления нефти на единицу выпускаемой промышленной продукции. Я обнаружил, что все общественные здания, офисы, включая даже лучшие отели, сократили потребление энергии.

Тем летом температура в моем гостиничном номере, оборудованном кондиционером, не

опускалась ниже 25 градусов. Было довольно жарко, но в номере висело вежливое уведомление, призывавшее гостей воздержаться от чрезмерного пользования кондиционерами. Горничные усердно выключали свет и кондиционеры всякий раз, когда мы покидали наши номера. Я отдал распоряжение официальным лицам, ответственным за коммунальное хозяйство Сингапура, чтобы они изучили причины успехов, достигнутые японцами в сфере экономии энергии. Их отчет показал, насколько серьезно японцы, в отличие от американцев, подошли к этому вопросу. Предприятия, потреблявшие энергию сверх установленного лимита, ввели должности специалистов по экономии энергии и докладывали о достигнутых результатах в министерство международной торговли и промышленности (ММТП – Ministry of International Trade and Industry). Строительная индустрия также приняла меры для предотвращения потерь тепла через внешние стены и окна. Производители повысили экономичность предметов домашнего обихода: кондиционеров, осветительных приборов, водонагревателей, – и, таким образом, также снизили потребление электричества. Аналогичные меры принимались по отношению к промышленному оборудованию, – энергоемкость каждой машины должна была обязательно указываться.

Правительство установило налоговые льготы для предприятий, внедрявших энергосберегающее оборудование, а банки финансировали закупку и установку теплоизоляции и иного подобного оборудования, выделяя льготные кредиты. В 1978 году японцы создали Центр энергосбережения (Energy Conservation Center) для распространения информации об энергосберегающей технологии путем организации выставок, исследований и проверок расхода энергии предприятиями. Не удивительно, что Япония добилась самого низкого расхода электроэнергии на единицу произведенной продукции.

Я приказал нашим министрам принять подобные меры, где это было практично. Нам удалось снизить потребление электричества, но мы и близко не подошли к японским стандартам эффективности.

К концу 70-ых годов все восхищались тем, как Японии удалось преодолеть последствия нефтяного кризиса. Экономика Японии росла высокими темпами, в то время как в Западной Европе и Америке экономический рост замедлился. Многочисленные статьи и книги – бестселлеры восхваляли достоинства японцев. Тем не менее, японцы не смогли полностью стереть широко распространившихся стереотипов. Считалось, что они работали как муравьи, жили в домах, похожих на кроличьи норы, защищали свой внутренний рынок протекционистскими мерами, нескончаемым потоком экспортируя сталь, автомобили, телевизоры и электронные изделия с нулевым уровнем дефектов.

Именно от японцев я научился тому, как важно повышать производительность труда путем сотрудничества между рабочими и управляющими, понял реальный смысл развития трудовых ресурсов. В 1972 году мы сформировали Национальный совет по производительности (НСП – National Productivity Board). Мы добились определенных успехов, особенно после того, как Вон Квей Чеон (Wong Kwei Cheong), член парламента от ПНД и управляющий директор совместного предприятия, созданного с участием японской электронной компании, познакомил меня с достоинствами японской системы управления. Он помог нам основать НСП, в который входили, в качестве консультантов, представители частного сектора. Я связался с Японским центром производительности (Japan Productivity Center) с просьбой о помощи в создании собственного центра и встретился с его председателем Кохей Гоши (Kohei Goshi), – сухим немногословным, пожилым человеком, которому было за семьдесят. Он был аскетом, источавшим искренность и серьезность. По его мнению, повышение производительности труда являлось марафоном без финишной черты. С его помощью мы создавали систему по управлению производительностью труда на протяжении 10 лет. Нам постепенно удалось вовлечь профсоюзы и управляющих в совместную работу по ее повышению.

Японские управляющие абсолютно преданы своей работе. В 70-ых годах один японский инженер на судовой верфи «Джуронг» не сумел завершить важный проект по строительству нефтехранилища из-за ошибки, которую он совершил при расчете затрат. Он чувствовал глубокую ответственность за снижение годовой прибыли компании и покончил с собой. Мы были потрясены. Мы не могли себе представить, чтобы какой-нибудь житель Сингапура обладал таким же чувством личной ответственности.

Во всех крупных городах Китая и Вьетнама, в которых мне пришлось побывать, большие японские торговые компании разместили свои представительства для изучения того, какие из местных товаров можно было продать в других странах мира, и какие товары, в которых нуждался местный рынок, можно было импортировать из других стран. Они неустанно работали и хорошо информировали японские компании. Для сингапурских же компаний направить молодых руководителей на работу в такие развивающиеся страны как Китай или Вьетнам является проблемой.

Из-за высоких требований к самим себе японские компании редко признают сингапурских руководителей равными по качеству японским. После 20 лет работы совместного предприятия, созданного на судовой верфи «Джуронг» еще в 60-ых годах, должности генерального директора, финансового директора, главного инженера все еще занимали японцы. Почти все американские МНК в течение 10 лет с начала работы в Сингапуре назначали на высшие должности местных руководителей. Сингапурские руководители и инженеры знают, что в японских МНК продвигаться по службе тяжелее всего.

Высокие японские стандарты ответственности, надежности, профессионализма, знание японского языка являются труднопреодолимыми препятствиями. Это положение постепенно меняется, но очень медленно. В 90-ых годах одна из крупнейших японских МНК, «НЭК» (Nippon Electric Company), назначила жителя Сингапура своим генеральным директором. К этому времени более чем 80 % американских компаний и 50 % европейских компаний, работавших в Сингапуре, уже сделали это. Своеобразная культура японцев создает проблемы для их компаний, работающих за границей. Японцы нелегко принимают в свою корпоративную среду. В условиях глобализации экономики это станет препятствием для японцев, если они не изменятся, не станут более похожими на американцев и европейцев, не смогут сделать иностранцев частью своей корпоративной культуры.

Даже прожив в Японии десятилетия, сингапурские банкиры и деловые люди китайского происхождения редко заводят тесную дружбу со своими японскими партнерами, несмотря на свободное владение японским языком и приспособление к нормам японского общества. Они могут вместе поужинать или собраться в каком –нибудь общественном месте, но практически никогда не приходят друг к другу в гости.

Японцы не ведут дел с иностранными банками. Сингапурские банки в Японии ведут дела исключительно с сингапурцами или другими иностранцами. Когда большая японская компания создает предприятие в Сингапуре, она приводит за собой другие японские компании, обеспечивающие их нужды, включая японские супермаркеты, рестораны и другие атрибуты японского образа жизни.

Японцы были отрезаны от западной технологии и с большим трудом преодолевали отставание, во многом полагаясь на копирование чужих разработок, пока не достигли высочайшего технологического уровня. Поэтому японцы очень скупы, когда дело доходит до передачи их собственной технологии, как убедились на своем опыте жители Тайваня, Кореи и стран Юго-Восточной Азии. Нажив свои богатства сравнительно недавно, с большим трудом, японцы не желают раздавать их расточительным режимам «третьего мира», что принесло бы пользу не народам, а немногочисленным лидерам. То, что, поддавшись уговорам Америки, Япония стала крупнейшим в мире источником предоставления помощи, является маленьким чудом. Сингапурцы также преодолели множество трудностей, так что чувства японцев мне понятны. Мы также всегда предпочитали оказывать помощь в подготовке специалистов и предоставлять техническую помощь, а не раздавать денежные гранты, которые могли быть использованы не по назначению.

В 80-ых годах официальные лица из нашего министерства торговли и промышленности посещали своих коллег в огромном японском министерстве международной торговли и промышленности (ММТП), которые разработали курс послевоенного индустриального развития Японии. Их отчеты раскрывали глаза на многое. Японцы концентрировались на будущем, не оглядываясь на идилическую Японию эпохи парусных судов и самураев. Их стратегия заключалась в экономии энергии и поиске альтернатив нефти как источнику энергии, преодолении протекционизма в металлургии, производстве автомобилей и электроники путем перехода к развитию более наукоемких отраслей промышленности. До сих пор они догоняли в

своем развитии передовые страны, теперь они должны двигаться вперед по собственному пути, создавая новую технологию и новые товары. Стратегия ММТП в 80-ых годах заключалась в том, чтобы Япония, опираясь на развитие технологии, перешла к постоянному приобретению и использованию новых знаний, чтобы поставить эти знания на службу людям и обществу.

В ММТП нашим официальным лицам советовали, чтобы в 80-ых годах Сингапур, учитывая его географическое положение и окружение, готовился к возможной роли центра знаний и информации, чтобы дополнять Токио. Японцы считали, что условием успешной работы подобного центра должно быть наличие надежных, заслуживающих доверия людей. Мы приняли их совет близко к сердцу, тщательно изучили, что было необходимо для создания такого центра знаний и информации, и удвоили наше внимание к преподаванию точных наук, математики и информатики во всех наших школах. Мы провели полную компьютеризацию правительства, чтобы подтолкнуть к этому и частный сектор. Мы установили налоговые льготы, разрешив быструю амортизацию компьютеров. Это позволило нам оторваться от своих соседей и заложило основу для наших планов по созданию «интеллектуального острова» (intelligent island), на котором все дома и организации будут соединены между собой линиями оптико-волоконной связи, а сам город будет напрямую связан со всеми центрами знаний и информации: Токио, Нью-Йорком, Лондоном, Парижем и Франкфуртом, – а также с нашими соседями: Куала-Лумпуром, Джакартой, Бангкоком и Манилой.

Во время встреч с представителями Японской Торговой палаты (Japanese Chamber of Commerce) в Сингапуре я узнал, что японцы постоянно инвестировали в свои предприятия, непрерывно обновляя их. Чтобы оставаться конкурентоспособными на мировом рынке, они намерены приобретать наиболее передовую технологию для оснащения своей промышленности. Тем не менее, самое сильное впечатление на меня произвел тот акцент, который японцы делают на вложении капитала в людей, которые работают с этими машинами и управляют компаниями. Чтобы добиться наилучшего использования современного оборудования, они непрерывно обучают и переквалифицируют свои кадры. Такой подход гарантирует, что японцы всегда будут впереди.

Должностные лица ММТП объяснили мне, что главная сила любого предприятия заключается в его людях. Поэтому они вкладывали свой капитал в своих рабочих, которые работали в компании на протяжении всей жизни. Мы же, сингапурцы, были эмигрантами, и наши рабочие были приучены к британской системе, при которой рабочие переходят к тому работодателю, который больше платит.

Их система выплаты рабочим пособий, платы за отработанное сверхурочное время, премий и социальных льгот также была по-японски уникальна. Эти выплаты составляли больше половины основной зарплаты, в отличие от практики, принятой в Сингапуре. Поскольку дополнительные выплаты были так высоки, то компания, столкнувшись с экономическим спадом, могла немедленно урезать премии и пособия, сэкономив сразу от 40 % до 50 % затрат на заработную плату, и впоследствии, когда прибыли компании повысятся, восстановить выплаты.

Это сделало возможной систему пожизненной занятости. В хорошие годы рабочие и руководители делили прибыли, а в тяжелые годы, когда компания работала без прибыли, делили трудности. Рабочие сознавали, что долгосрочное состояние компании было критически важным для обеспечения их пожизненной занятости. Компании также обеспечивали работников медицинской и стоматологической помощью, жильем, включая общежития для холостяков, займами для приобретения жилья на льготных условиях, создавали условия для семейного отдыха, образования детей служащих. Они проводили прощальные и приветственные вечеринки, дарили подарки за долгосрочную службу, опционы для приобретения акций, а также производили выплаты в случае радостных событий и несчастных случаев. Нити, связывавшие работников с компаниями, были многочисленными и крепкими. Конечно, только большие компании и организации государственного сектора могли позволить себе использование системы пожизненной занятости. В случае экономического спада они перекладывали бремя сокращений и экономии на плечи маленьких компаний – поставщиков. Я хотел последовать их примеру, но, после обсуждения с сингапурскими предпринимателями, отказался от этой идеи. В Сингапуре отсутствует культура сильной лояльности рабочего к

своей компании. Кроме того, значительную часть экономики Сингапура составляли американские и европейские МНК, которые обладали культурой, отличной от японской.

Я пытался выделить те сильные стороны японцев, которые мы могли бы использовать, ибо они были основаны на системе или методах. За те 50 лет, которые прошли со времени моей первой встречи с японцами, когда они оккупировали Сингапур, я много встречался с их инженерами, руководителями предприятий и компаний, министрами и высокопоставленными государственными служащими. В итоге я стал доверять результатам исследований некоторых западных психологов, утверждавших, что средний коэффициент интеллектуального развития (IQ) японцев, особенно в области математики, превышает аналогичные показатели европейцев и американцев.

Несмотря на личный опыт, приобретенный в период оккупации Сингапура, когда я столкнулся с некоторыми чертами японского характера, из-за которых я стал бояться их, теперь я уважаю японцев и восхищаюсь ими. Их групповая солидарность, дисциплина, интеллект, трудолюбие и готовность жертвовать собой ради своей нации делают японцев огромной созидательной силой. Несмотря на практически полное отсутствие природных ресурсов, японцы всегда будут прикладывать дополнительные усилия, чтобы добиться невозможного.

Благодаря своей культуре они переживут любую катастрофу. Время от времени на Японию обрушиваются непредсказуемые силы природы: землетрясения, тайфуны и цунами. Они несут жертвы, потом поднимаются и отстраивают все заново. Поведение японцев в Кобе (Kobe), после страшного землетрясения 1995 года, впечатляло и давало тому наглядный пример. В 1992 году, после менее разрушительного землетрясения в Лос-Анджелесе (Los Angeles), в городе начались беспорядки и грабежи. Поведение японцев в Кобе было стоическим. Не было ни грабежей, ни беспорядков. Японские компании проводили собственные спасательные операции, обеспечивая людей продовольствием, жильем и одеждой, добровольческие организации оказывали помощь без всякого к тому принуждения. Даже представители якудза (yakuza – японская мафия) участвовали в этом. Спасательные операции правительства были медленными, железные дороги и автомобильные дороги пришли в негодность, телефон, вода и электроэнергия не подавались, но никто не заламывал руки, какими бы ужасными не были потери близких или понесенные убытки.

Когда я посетил Кобе в 1996 году, через полтора года после землетрясения, я был поражен тем, как быстро жизнь в городе пришла в норму. Японцы восприняли катастрофу как должное и приспособились к новому укладу жизни. Их культура действительно своеобразна, но им придется значительно измениться, чтобы вписаться в мир, в котором живут разные народы с различной культурой.

Японская парадигма развития, которая ставила целью догнать страны Запада, устарела. Она достигла своего апогея в конце 80-ых годов. Тогда стоимость ценных бумаг, котирувавшихся на Токийской фондовой бирже, была равна стоимости активов, котирувавшихся на Нью-йоркской фондовой бирже, а цена земельных участков в Токио превысила цену земли в Нью-Йорке. Когда же в 1990 году Центральный банк Японии (Bank of Japan) прекратил эту спекулятивную лихорадку, в экономике страны начался продолжительный спад.

Тем временем, на протяжении 90-ых годов, американская экономика прошла через период трансформации и реструктуризации, сокращая затраты и используя достижения в развитии информационной технологии, особенно Интернета. Япония и европейские страны остались в экономическом отношении далеко позади. Сейчас японцы разрабатывают новую парадигму развития, которая должна вобрать в себя все достижения информационной революции, а также, подобно американским корпорациям, сделать акцент на увеличении стоимости активов, принадлежащих акционерам (shareholder value) и повышении уровня доходности акционерного капитала (return on equity). В связи с глобализацией мировой экономики, Япония была вынуждена открыть свой внутренний рынок. Такие освященные веками традиции и методы как система пожизненной занятости, должны будут измениться. Тем не менее, я видел силу японского народа и качество японского образования. Возможно, в отличие от Америки, японцы не поощряют столь многих предпринимателей создавать новые компании, но их молодые мужчины и женщины не страдают отсутствием воображения, творческих способностей или

новых идей. Поэтому в течение следующих 5 – 10 лет Япония снова отвоеует утраченные было позиции.

Глава 33. Корея на распутье

У меня не осталось хороших воспоминаний о корейцах, потому что первыми корейцами, которых я встретил в своей жизни, были солдаты в японских мундирах. Корейцы входили в один из двух контингентов вспомогательных войск, прибывших в Сингапур вместе с японцами. Другой группой являлись жители Тайваня. Корейцы были такими же жесткими и властными, как и японские солдаты, а жители Тайваня использовались в качестве переводчиков, ибо они разговаривали на хоккиен, – основном диалекте китайского языка, использовавшемся в Сингапуре.

В послевоенное время динамичное экономическое развитие Южной Кореи помогло мне преодолеть предубеждения прошлого. Я посетил страну в октябре 1979 года, и президент Пак Чжон Хи принял меня в своей официальной резиденции – Голубом Доме (Blue House). Он был человеком аскетического вида, небольшого роста, худощавым, жилистым, с острым лицом и узким носом. Пак Чжон Хи был отобран японцами и получил подготовку в качестве военного офицера. Вероятно, он принадлежал к числу лучших представителей своего поколения.

Он хотел развития более тесных отношений со странами АСЕАН и надеялся, что я смогу ему в этом помочь. Он сказал, что перспективы поддержания мира на Корейском полуострове были плохими. Южная Корея не хотела еще одной войны, настаивая сначала на заключении мира, а уже потом – на воссоединении страны. Северная Корея хотела добиться воссоединения силой. Я спросил его, возможно ли было продлить американские гарантии безопасности Южной Кореи на период после 1981 года, который был назван президентом США Картером в качестве даты вывода американских войск из Кореи. Он ответил, что министр обороны в администрации Картера Браун (Brown) пообещал, что США будут обеспечивать безопасность Южной Кореи и после 1981 года и публично заявил, что безопасность Южной Кореи являлась для США жизненно важной. Я сказал, что данное Картером в 1976 году предвыборное обещание вывести войска из Кореи было популярно среди американцев, но, если бы настроение электората изменилось, то и Картер мог бы изменить свою позицию. Пак согласился, добавив, что ему было сложно приспособляться к политике США, на которую оказывали влияние проводившиеся каждые четыре года выборы.

Вечером, за ужином, он не участвовал в светской беседе. Разговор поддерживала его 20-летняя дочь, которая разговаривала по-английски. Пак сказал, что получил подготовку в качестве военного, и его делом было принятие политических решений, основанных на советах и рекомендациях экспертов, назначенных им на должности министров и высших официальных лиц.

Премьер-министр Южной Кореи Цой Кью Ха (Choi Kyu Nah) был способным человеком, получившим японское образование. Его жена также получила хорошее образование в Японии и не уступала ему в развитии интеллекта. Она и ее муж до сих пор читали японские романы и газеты. Представители корейской, как и тайваньской интеллигенции, до такой же степени находились под влиянием японцев, как я – под влиянием англичан. Пак Чжон Хи находился у власти на протяжении 18 лет и, опираясь на дисциплинированный и сплоченный народ, единодушно настроенный провести экономическую модернизацию, добился экономического процветания страны. Следуя японскому опыту, он ревниво охранял внутренний рынок и принимал агрессивные меры по развитию экспорта. Он поощрял, даже заставлял корейцев делать сбережения, лишая их таких предметов роскоши, как цветные телевизоры, которые корейцы массово экспортировали. На меня произвели впечатление его сильная воля и суровая решимость добиться процветания Кореи, – без него Корея могла бы никогда не добиться успеха в качестве индустриальной нации. Через 5 дней после того как я покинул Корею, Пак был убит своим ближайшим помощником, начальником разведки. Согласно версии правительства, это являлось частью заговора, направленного на захват власти. Корейская пресса сообщала, что начальник разведки боялся, что его сместят с должности после того, как Пак подверг критике его неудачные действия по подавлению волнений среди студентов и рабочих, участвовавших в

столкновениях с полицией в городе Пусан (Pusan).

Этот визит подтвердил мою оценку корейцев как людей жестких, способных к преодолению значительных трудностей. Сменявшие друг друга завоеватели, приходившие из степей Центральной Азии, останавливались на полуострове. Корейцы вели свое происхождение от монголов и имели явно выраженные особенности строения лица и тела, по которым было легко отличить их от японцев или китайцев. Они гордились своей историей и организовали для меня посещение Кенджу (Kyongju), древнего культурного центра, в котором находились гробницы царей династии Силла (Shilla), а в них – искусно сделанные произведениями искусства из золота и драгоценных камней.

Ненависть корейцев к японцам была велика. 35 лет безжалостного подавления японцами любых проявлений недовольства оставили глубокие шрамы на душах корейцев. Они не забыли о вторжениях японцев на протяжении последних 500 лет, каждое из которых они отражали. Даже среди тех представителей корейской элиты, которые были наиболее подвержены японскому влиянию, включая премьер-министра Цой Кью Ха и его жену, абсолютно свободно владевшими японским языком и отлично разбиравшимися в японской литературе и культуре, чувствовалась глубокая антипатия к своим прежним правителям. Японцы жестоко обходились с корейцами, сопротивлявшимся колонизации и японскому господству. Корейцы боролись и с китайским господством на протяжении тысячи лет, но такой же глубокой антипатии по отношению к китайцам у них не было. Корейцы позаимствовали китайскую письменность, а вместе с ней, – и учение Конфуция.

Корейские студенты в американских университетах доказали, что являются такими же способными, как японцы или китайцы. Тем не менее, несмотря на то, что корейцы являются физически выносливыми, они не могут сравниться с японцами в преданности своим компаниям и в достижении согласия между собой. Пока в Корее сохранялось военное положение, рабочие и профсоюзы сохраняли спокойствие; когда же оно было отменено, профсоюзы стали весьма воинственными, проводя забастовки и забастовки по-итальянски. Они требовали увеличения заработной платы и улучшения условий труда, независимо от того, как складывалась ситуация на рынках экспорта корейских товаров. Корейские профсоюзы и работодатели так и не смогли установить таких отношений сотрудничества, которые существуют между японскими компаниями и профсоюзами. Какими бы острыми ни были споры японских профсоюзов с компаниями относительно доли каждого, японские профсоюзы никогда не подрывали конкурентоспособность своих компаний.

Корейцы – внушающие страх люди. Когда они бунтуют, они так же организованы и почти так же дисциплинированы, как и полиция по борьбе с беспорядками, которая противостоит им. Полицейские в своих шлемах с пластиковыми щитками, закрывающими лицо, и пластиковыми щитами напоминают гладиаторов. Когда корейские рабочие и студенты на улицах вступают в столкновение с полицейскими, то они выглядят как солдаты на войне. Корейские забастовщики сидят на корточках на земле, слушая выступления ораторов, ритмично вскидывая руки со сжатыми кулаками в воздух. Корейцы – люди страстные, не идущие на компромиссы, и когда они борются с властью, то делают это энергично и не останавливаются перед насилием.

Я еще дважды посетил Южную Корею в 80-ых годах, чтобы встретиться с президентами Чон Ду Хваном (Chun Doo Hwan) и Ро Дэ У (Roh Tae Woo). В 1996 году я встретился в Сингапуре с президентом Ким Ен Самом. Все четыре корейских руководителя, от Пака до Кима, были глубоко обеспокоены геополитической уязвимостью своей страны, зажатой между тремя огромными и могущественными соседями: Китаем, Россией и Японией.

Когда я встретился с Чон Ду Хваном в Сеуле в 1986 году, я был поражен его озабоченностью и опасениями по отношению к Северной Корее. Мне это показалось странным. Население Южной Кореи вдвое превышало население Северной Кореи, она была неизмеримо богаче, имела доступ к современной военной технике, поставляемой из США. Должно быть, опыт коммунистического вторжения оставил на душах жителей Южной Кореи глубокие шрамы и непреходящий страх, вызванный свирепостью их северных братьев. Все министры иностранных дел Кореи, с которыми я встречался, со страхом говорили о военной мощи и военном искусстве Северной Кореи, невзирая на бедственное состояние ее экономики.

Другим вопросом, занимавшим доминирующее положение в моих дискуссиях с лидерами

Южной Кореи, были отношения в сфере торговли и инвестиций между «новыми индустриальными странами», в число которых входили Южная Корея и Сингапур, и развитыми странами Европы и Америки. Во время встречи с президентом Чон Ду Хваном в 1986 году я выразил свое беспокойство по поводу растущих протекционистских настроений в Европе и Америке. Если бы НИС не открыли свои рынки в такой же степени, в какой был открыт для них доступ на рынки Америки и Европы, то развитые страны посчитали бы такое положение нетерпимым, и протекционизм с их стороны усилился бы. Он согласился с тем, что НИС следовало провести либерализацию торговли. По его словам, Корея последовательно и систематически осуществляла программу мер по либерализации своего рынка, которую предполагалось завершить в течение двух лет. Я заметил, что даже после такой либерализации корейские импортные пошлины все еще были бы высокими, на уровне от 16 % до 20 %. Чон Ду Хван ответил, что Корея – небогатая страна, с доходом на душу населения ниже, чем в Сингапуре – всего лишь около 2,000 долларов США. Южная Корея несла тяжелое бремя военных расходов, а ее внешний долг составлял 46.5 миллиардов долларов. В 1986 году, выступая на обеде в Сеуле перед представителями четырех крупных ассоциаций деловых людей, я почувствовал, что большинство из них противилось идее либерализации корейского рынка. Два года спустя, во время обеда с представителями тех же четырех ассоциаций, я объяснял необходимость увеличения импорта товаров в Корею. Я доказывал, что корейцам и другим НИС следовало обсудить с индустриально развитыми государствами, входившими в Организацию по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР – OECD – Organisation for Economic Cooperation and Development), пути сокращения дисбаланса в торговле. На этот раз они были более восприимчивыми к этой идее, поняв, что в долгосрочной перспективе их позиция не являлась прочной.

Во время президентства Чон Ду Хвана массовые демонстрации и беспорядки парализовали жизнь в Сеуле, а к концу его президентского срока они стали постоянными. Ро Дэ У, ключевая фигура среди его помощников, умелыми действиями сумел снизить напряженность в обществе. Этим он обеспечил себе достаточную поддержку, чтобы не только выдвинуть свою кандидатуру на следующих президентских выборах, но и победить на них.

Ро Дэ У был спокойным и серьезным человеком. Когда мы впервые встретились в июне 1986 года, он был министром в кабинете Чон Ду Хвана. Он высоко отзывался о некоррупционном правительстве Сингапура. Его президент пробовал уничтожить коррупцию, но обнаружил, что это было нелегко. Он спросил, как нам удалось этого добиться. Я объяснил ему, как работала наша система, базировавшаяся, во-первых, на хорошей системе сбора информации; во-вторых, на беспристрастном, а не субъективном подходе; в-третьих, на полной поддержке расследования и судебного преследования коррупции со стороны высшего руководства страны. Я сказал, что, поскольку его Партия демократической справедливости (ПДС – Democratic Justice Party) не являлась коммунистической, то он не мог начать с нуля, разогнав существовавшую бюрократию, – ему следовало использовать ее. Он мог бы постепенно вытеснять старых высокопоставленных чиновников, менять их на молодых людей, не затронутых коррупцией, а также добиться от новых чиновников поддержания высоких стандартов честности и порядочности. Их труд следовало хорошо оплачивать. Тем не менее, я подчеркнул, что было крайне важно, чтобы высшее руководство страны было подвластно закону. Высшие эшелоны власти следовало очистить в первую очередь, – без этого борьба с коррупцией была бы пустой тратой времени.

В следующий раз я встретился с Ро Дэ У в 1988 году, когда он уже был президентом. Он спросил, как мне удалось оставаться у власти так долго, побеждая на одних выборах за другими. Я ответил, что люди знали, что я их не обманывал и искренне боролся за их интересы. Простые люди не могут разбираться во всех тонкостях экономических и политических проблем, поэтому они просто решают, кому из политиков можно доверять. Чтобы завоевать такое доверие, я никогда не сказал чего-либо такого, во что бы я не верил, и люди постепенно убедились, что я, – честный и искренний человек. Это было моим самым ценным достоянием. Это было также сильной стороной американского президента Рейгана. В его распоряжении были отличные помощники, готовившие речи. Он использовал их заготовки, их идеи, но пересказывал их своими словами, не позволяя своим помощникам «переговорить» себя,

Поэтому, когда Рейган произносил речь, то выглядел искренним и убежденным человеком. Я посоветовал Ро Дэ У не вступать в состязание в произнесении зажигательных речей с Ким Дэ Чжуном (Kim Dae Jung). Ро Дэ У еще до выборов продемонстрировал корейцам, что он умел сохранять спокойствие во время кризиса, проявляя сдержанность во время бунтов и беспорядков. Это были его сильные стороны, на которые он должен был опираться.

Ро Дэ У включил Ким Ен Сама, одного из двух главных лидеров оппозиции, в свою партию. Он позволил Киму стать первым избранным гражданским президентом в 1992 году. Ким сделал очищение от коррупции главным пунктом своей предвыборной программы. По обвинению в коррупции он уволил трех министров спустя три недели после их назначения на должность, снял с должности нескольких высокопоставленных судей, уволил и посадил в тюрьму нескольких высокопоставленных офицеров. Армия согласилась с этим. Несколько корейских газет и телевизионных компаний прислали своих корреспондентов в Сингапур для подготовки документальных фильмов и статей, посвященных законодательству и системе борьбы с коррупцией.

В 1996 году я встретился с президентом Ким Ен Самом во время его визита в Сингапур. Он был щеголеватым, хорошо одетым человеком и с гордостью сказал мне, что каждое утро пробегал трусцой несколько километров. Он также подчеркнул, что наши народы обладают общими взглядами на важность семьи как ячейки общества и поддержку семьи со стороны общественных структур. Я добавил, что наши наиболее важные общие интересы заключались в стратегическом присутствии США в Азии. Ситуация в Северной Корее изменилась самым драматическим образом. Ким описывал лидеров Северной Кореи как сумасшедших людей, способных на любые нерациональные действия. Их армия насчитывала 1.1 миллиона солдат, но их вооружения устарели, линии коммуникаций были слабыми, а система снабжения – уязвимой.

Когда Ким вступал в свою должность, он сказал, что не будет ворошить старое. Несмотря на это, в конце 1995 года, по мере того, как стало нарастать давление внутри страны, он изменил свою позицию, и заставил Национальное собрание (National Assembly) принять специальный закон. Этот закон снял ограничения на преследования за преступления, совершенные в ходе переворота 1979 года, убийства, мятежи, коррупцию и другие преступления, связанные с резней в Кванджу (Kwangju) в 1980 году, во время которой военные убили несколько сот гражданских демонстрантов. Два его предшественника были арестованы, им были предъявлены обвинения. Я был поражен, увидев их по телевизору в зале суда, под стражей, в тюремной одежде, наручниках, подвергаемых оскорблениям. Чон Ду Хван был приговорен к смертной казни, а Ро Дэ У – к 22.5 годам тюремного заключения за их роль в перевороте 1979 года и убийства, совершенные в Кванджу в 1980 году. Оба были также оштрафованы за получение взяток во время их пребывания на посту президента. Позднее, после обжалования, эти приговоры были смягчены: Чон Ду Хван был приговорен к пожизненному тюремному заключению, а Ро Дэ У – к 17 годам тюрьмы.

Вскоре после этого и сам президент Ким Ен Сам оказался вовлечен в огромный скандал, связанный с коррупцией. Это случилось, когда большой конгломерат «Ханбо груп» обанкротился, задолжав нескольким контролировавшимся правительством банкам миллиарды долларов. Сын президента был подвергнут судебному преследованию за получение взяток в размере около 7 миллионов долларов и приговорен к трем годам тюрьмы и штрафу в размере 1.5 миллиона долларов. Оппозиция обвиняла Ким Ен Сама в том, что он сам получал взятки от «Ханбо груп», и что он намного превысил установленные законом лимиты расходов на проведение своей предвыборной кампании. Президент Ким Ен Сам публично принес свои извинения по телевидению, но отказался обнародовать какие-либо детали. Позиции президента и правящей партии были подорваны получившими широкую огласку скандалами, включавшими коррупцию и неумелое руководство экономикой. Из-за назревавшего экономического кризиса Южной Кореи потребовалась помощь МВФ.

В декабре 1997 года на президентских выборах победил возглавлявший оппозицию ветеран Ким Дэ Чжун, в четвертый раз баллотировавшийся на пост президента. Он сколотил предвыборный альянс с первым руководителем Корейского Центрального Разведывательного Управления (КЦРУ – Korean Central Intelligence Agency) Ким Чжон Пилем (Kim Jong Pil),

который когда-то отдал приказ об его аресте.

В качестве видного диссидента Ким Дэ Чжун провел много лет в США, где превратился в ярого сторонника универсального соблюдения прав человека и использования демократии независимо от культурных ценностей того или иного общества. Будучи лидером оппозиции, он написал статью в журнале «Форин аффэйрз» в ответ на мое интервью с редактором журнала Фаридом Закария (Fareed Zakaria). Он не соглашался с тем, что различия в истории и культуре народов ведут к образованию различий, как во взглядах людей, так и в формах государственного управления. Журнал предложил мне подготовить ответ, но я отказался. Различия в наших взглядах не могут быть разрешены в ходе полемики, – они будут разрешены историей, развитием событий на протяжении следующих 50 лет. Для того чтобы проявились политические, экономические, социальные и культурные последствия проводимой политики, необходим промежуток времени, превышающий срок жизни одного поколения людей. Это процесс естественного отбора, своего рода социальный дарвинизм.

В качестве вновь избранного президента Ким Дэ Чжун согласился с помилованием Ким Ен Самом двух бывших президентов, отбывавших длительные сроки тюремного заключения по обвинению в предательстве, взяточничестве и, в случае с Чон Ду Хваном, убийстве. Их освободили в декабре 1997 года, в феврале 1998 года они присутствовали на церемонии принятия присяги президентом. После церемонии президент Ким Дэ Чжун пожал руки Чон Ду Хвану и Ро Дэ У, что явилось, по словам представителя президента, жестом «примирения и гармонии» в корейском обществе. Все это происходило на глазах 40-тысячной толпы. Восстановил ли этот политический театр доверие корейцев к их системе правления, пока остается под вопросом.

Политические институты Южной Кореи пострадали бы меньше, если бы, подобно тому, как это было сделано правительством Манделы (Mandela) в Южной Африке, корейцы свели все счеты с прошлым. «Комиссия по оправданию и примирению» (The Truth and Reconciliation Commission) в Южной Африке простила всех тех, кто совершил преступления во время правления режима апартеида, при условии, что они публично заявляли о своих прошлых проступках. Даже если это не способствовало достижению полного примирения, работа комиссии не углубила раскол в обществе.

Судебные процессы в Южной Корее уничтожили не только Чон Ду Хвана и Ро Дэ У, но также унизили людей, которые помогли создать современную Корею, полностью разочаровав людей и сделав их цинично настроенными по отношению ко всей системе власти. Потребуется некоторое время для того, чтобы корейцы стали снова уважать своих лидеров. Чон Ду Хван и Ро Дэ У играли по принятым в то время в Корее правилам, и по этим правилам они не являлись преступниками. Находясь под давлением американского общественного мнения, выступавшего против того, чтобы его преемником снова стал военный, Ро Дэ У позволил прийти к власти Ким Ен Саму. В результате последовавших событий военные лидеры, стоявшие во главе других государств, получили неверный сигнал относительно того, как опасно передавать власть в руки гражданских политиков, обращающихся за поддержкой к народу.

В 1999 году я присутствовал на встрече в Сеуле в качестве члена Международного совещательного совета (МСС) Федерации корейской промышленности (International Advisory Council to the Federation of Korean Industries). 22 октября на форуме состоялась дискуссия между членами МСС и руководителями корейских конгломератов. Эти конгломераты были корейской версией японских конгломератов (zaibatsu). В каждой крупной отрасли промышленности, где японские конгломераты добивались успеха, корейцы следовали за ними, конкурируя на основе использования более дешевой рабочей силы и более низких издержек производства. Подобно японцам, они делали упор на захват доли рынка (market share), игнорируя критерии прибыли и ликвидности (cash flow). Как и в Японии, вся внутренняя экономика Кореи, особенно высокий уровень сбережений их рабочих, создавали основу для получения конгломератами капитала под низкие проценты для целевого развития определенных отраслей промышленности.

С окончанием «холодной войны» внешнеполитическая ситуация изменилась. Подобно Японии, Корее пришлось провести либерализацию своего внутреннего рынка, особенно в финансовой сфере. Корейские конгломераты одолжили примерно 150 миллиардов долларов в иностранной валюте для быстрого развития производства в Корее и за рубежом: в Китае,

бывших коммунистических странах Восточной Европы, Российской Федерации и среднеазиатских республиках бывшего Советского Союза. Целью этих инвестиций было агрессивное расширение производства с целью захвата рынка, а не получение определенного уровня дохода на вложенный капитал. В конце 1997 года, когда конгломераты оказались неспособными выплатить причитающиеся проценты по займам, курс корейской валюты, вона, катастрофически понизился. МВФ пришел на помощь Корее. Три недели спустя Ким Дэ Чжун победил на президентских выборах.

Я сказал руководителям конгломератов, что Корея находилась на распутье. Корейцы не могли продолжать использовать старую парадигму развития, основанную на японской модели, потому что японцы сами зашли с ней в тупик. Корея и Япония теперь являлись частью интегрированной глобальной экономической и финансовой системы и должны были соблюдать правила игры, установленные США и Европейским Сообществом через МВФ, Мировой банк и ВТО. Они должны были стать такими же конкурентоспособными в реализации своих инвестиционных проектов, уделять такое же внимание получению прибыли, как и любая американская или европейская корпорация. Вопрос заключался в том, как восстановить конкурентоспособность экономики, найти выход из той ситуации, в которой они оказались, и повести дело по-новому. Исторически, корейские конгломераты были очень диверсифицированными, теперь же им следовало отбросить все вспомогательные виды деятельности и сосредоточиться на том, что они умели делать лучше всего, сделать это своим основным бизнесом. Кроме того, если корейцы хотели, чтобы их бизнес процветал, им были необходимы управляющие с предпринимательской жилкой.

Руководители конгломератов были удовлетворены моей точкой зрения на то, что кризис был вызван не недостатками конфуцианской культуры, а слабостями корейской системы ведения бизнеса, основанной на неформальных отношениях, и присущим ей недостаточным вниманием к уровню доходности акционерного капитала и прибыльности бизнеса. Все это усугублялось отсутствием открытой, прозрачной системы, одинаковых для всех правил игры и несоблюдением международных стандартов бухгалтерского учета. Гонконг и Сингапур, – общества, основанные на конфуцианских ценностях, – успешно пережили финансовый кризис, потому что в обеих странах была принята британская система законодательства, использовались международные стандарты бухгалтерского учета. В этих странах были приняты прозрачные методы ведения бизнеса, проводились открытые тендеры, контракты заключались на одинаковых для всех условиях, а банковские займы давались на рыночных условиях. Корея должна была последовать этому примеру. Корейская практика ведения бизнеса следовала японской, и была основана, в большей степени, на неформальных отношениях, и в меньшей – на формальных правилах и законах. Руководители конгломератов понимали необходимость проведения подобной реструктуризации, но не хотели отказаться от личного контроля над семейными корпоративными империями, которые они создавали на протяжении последних четырех десятилетий, и вручить судьбу компаний управляющим, которые привыкли к тому, что все деловые решения принимались основателями компаний.

После встречи МСС я посетил президента Ким Дэ Чжуна в Голубом Доме. Ему было за 70, он был коренаст, выше среднего роста для корейца его поколения. Он ходил медленно, прихрамывая, что было результатом ранения, полученного во время покушения на его жизнь в 1971 году, совершенного, как сообщалось, агентами КЦРУ. Выражение его лица было серьезным, даже торжественным, он изредка улыбался. Ким Дэ Чжун изложил ряд проблем, начав с взаимоотношений между Севером и Югом. Он методично перечислил все волновавшие его вопросы, и попросил, чтобы я дал критическую оценку провозглашенной им «солнечной политики» («sunshine policy») по отношению к Северной Корее. Целью этой внешней политики являлось, во-первых, предотвращение войны путем проведения решительной политики сдерживания; во-вторых, объединение двух корейских государств таким образом, чтобы не создавать угрозы и не наносить ущерба северокорейскому режиму; в-третьих, создание таких условий, в которых два государства могли бы взаимодействовать в экономической сфере и поддерживать связи между жителями двух стран.

Я сказал, что идея изменения Северной Кореи изнутри путем передачи техники, технологии, управленческих знаний и содействия развитию страны имела смысл. Северная

Корея могла бы поднять уровень жизни своих жителей и стать менее тяжелым бременем для Юга. Тем не менее, эти меры должны были сопровождаться развитием контактов между жителями двух стран, в особенности расширением обменов между научно-исследовательскими организациями, университетами, людьми, ответственными за формирование общественного мнения, чтобы изменить образ мышления жителей Северной Кореи.

Затем он попросил меня дать оценку отношениям между Китаем и Северной Кореей. Я высказал сомнения по поводу того, что хорошие личные отношения, существовавшие между старыми лидерами – Дэн Сяопином и Ким Ир Сеном (Kim Il Sung) – будут сохраняться и между Цзян Цзэмином и Ким Чен Иром (Kim Jong Il). Представители старого поколения были товарищами по оружию, вместе сражавшимися в годы Корейской войны, между представителями нынешнего поколения такого товарищества не существовало. Война и хаос на Корейском полуострове были не в интересах Китая. На деле, Китай хотел сохранения статус-кво, что позволяло торговать с Южной Кореей и получать инвестиции. Объединение двух корейских государств также было не в интересах Китая, ибо в этом случае Китай потерял бы «северокорейскую карту», которую он разыгрывал против США и Южной Кореи. Ким уже до того продумал все эти проблемы, он просто хотел услышать от меня подтверждение или опровержение собственных взглядов.

На меня произвела впечатление позиция Ким Дэ Чжуна по проблеме Восточного Тимора. Недавний кризис, случившийся в эпоху Интернета, сблизил страны Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Несмотря на то, что с географической точки зрения Восточный Тимор находится далеко от Южной Кореи, этот конфликт оказал опосредованное влияние и на нее. Ким Дэ Чжун сказал, что было бы хорошо, если бы все страны Азии выступали единым фронтом. Именно поэтому он решил послать войска (батальон в составе 420 человек) в Восточный Тимор, невзирая на то, что оппозиция в Национальном собрании выступала против этого. Для этого у Кима была еще одна причина: в 1950 году, во время Корейской войны, на помощь Южной Корее пришли 16 государств, в этой войне погибли сотни тысяч человек. Южная Корея не выполнила бы свой долг, если бы она не оказала ООН помощь в Восточном Тиморе. По моему мнению, объединение Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии в единый регион является просто делом времени. Две субрегиональные экономики переплетаются все сильнее и сильнее.

Корейские средства массовой информации ожидали, что между нами состоится дискуссия по поводу различий во взглядах на азиатские, то есть конфуцианские, ценности, а также на проблемы прав человека и демократии. Я заявил представителям прессы, что эти проблемы не обсуждались. Нам обоим было далеко за 70, и мы вряд ли изменили бы свои взгляды. История рассудит, кто из нас лучше разбирался в конфуцианской культуре.

Я обнаружил, что Ким Дэ Чжун был человеком, чей темперамент умили многочисленные кризисы. Он научился контролировать свои эмоции, чтобы добиться осуществления более важных целей. Во время пребывания в Японии он был схвачен агентами КЦРУ, подвергнут пыткам, и, вероятно, был бы убит, если бы не вмешательство американцев. Несмотря на это, чтобы победить на выборах 1997 года он сформировал альянс с бывшим директором КЦРУ Ким Чжон Пилем, а после победы на выборах назначил его премьер-министром.

Важной причиной переживаемых Южной Кореей политических, экономических и социальных трудностей является то, что переход от военного положения к всеобъемлющей демократии был слишком резким и неожиданным. У корейцев не было укоренившихся традиций использования закона для контроля над работой общественных организаций или законов, регулировавших деятельность профсоюзов и требовавших от них проведения тайного голосования перед проведением забастовок или других акций протеста. Когда мы пришли к власти в Сингапуре в 1959 году, то унаследовали от англичан целый свод законодательства, регулировавшего наказания за незначительные нарушения. Поэтому, когда чрезвычайное положение было отменено, в нашем распоряжении имелись средства для того, чтобы контролировать протесты общественности, не дать им выйти за рамки допустимого, нарушить законность и порядок в обществе. Если бы демократизация в Корее проводилась постепенно, если бы первоначально было принято необходимое законодательство, регулировавшее

проведение демонстраций и акций протеста, то люди были бы менее склонны к разного рода эксцессам при проведении акций протеста. Особенно это касается ожесточенной конфронтации между рабочими, студентами и полицией.

Возобновление «общественного договора» между корейским народом и его руководителями потребует некоторого времени. Руководству страны необходимо восстановить в народе веру в то, что правительство будет вести честную игру, регулируя отношения между рабочими и управляющими, между более и менее образованными, более и менее преуспевающими членами общества. В своем стремлении обеспечить высокие темпы экономического роста сменявшие друг друга президенты Кореи проводили политику, обеспечивавшую получение большого вознаграждения промышленниками, управляющими и инженерами по сравнению с рабочими. С ростом ВВП это вело к увеличению разрыва в уровне благосостояния. Как только «общественный договор» будет восстановлен, корейцы снова энергично двинутся вперед, ведь они – энергичные, трудолюбивые, решительные, способные и целеустремленные люди.

13 июня 2000 года, после нескольких фальстартов, президенты Северной и Южной Кореи, наконец, встретились в Пхеньяне (Pyongyang). Жители Южной Кореи были удивлены прямой телевизионной трансляцией встречи двух президентов, – лидер Северной Кореи Ким Чен Ир, неоднократно подвергавшийся нападкам в средствах массовой информации, демонстрировал обаяние, дружелюбие и чувство юмора. Волна эйфории захлестнула Южную Корею, даже скептики были под впечатлением. Но сомнения остались. Не был ли Ким Чен Ир тем самым человеком, который приказал убить министров Южной Кореи на церемонии возложения венков в Рангуне в 1983 году и взорвать южнокорейский авиалайнер в 1987 году?

В течение нескольких дней после этого визита Госсекретарь США Маделин Олбрайт посетила Пекин и Сеул. В Сеуле она заявила, что американские войска будут продолжать оставаться в Южной Корее. Тем не менее, если оттепель в отношениях между странами будет продолжаться, то ей следует ожидать, что Северная Корея станет оказывать давление, добиваясь от США их вывода, а от Южной Кореи – поддержки своих требований. А если Северная Корея прекратит работы над ракетной программой, то это устранил необходимость для развертывания американской системы противоракетной обороны, ибо ее целью является защита от ракетного нападения со стороны таких «государств-обманщиков» (rogue state) как Северная Корея, а не Китай.

Я встретился с президентом Цзян Цзэмином в Пекине вечером того же дня, когда в Корее проходила встреча на высшем уровне. Он был в приподнятом настроении, с удовольствием напомнив о рукопожатии лидеров двух стран, увиденном им по телевизору. Для этого у него были достаточные основания, ибо за две недели до того Ким Чен Ир совершил один из своих редких визитов в Пекин, чтобы обсудить этот вопрос с Цзян Цзэмином.

Глава 34. Гонконг: возвращение в Китай

Я впервые посетил Гонконг в 1954 году, на итальянском лайнере «Азия». Корабль пришвартовался в Гонконге на трое суток, что позволило нам с Чу побродить пешком по городу. Это был очаровательный город, расположенный на острове, напротив бухты, на берегу которой, со стороны Цзюлуна (Kowloon), быстро разрастались пригороды. За городским центром находился пик высотой около тысячи футов (350 метров), по склонам которого поднимались дороги и были разбросаны дома. Это была живописная картина.

Люди в городе жили трудолюбивые, товары были дешевыми, а сервис – отличным. Утром я посетил мастерскую, портной снял с меня мерку, и я заказал ему два костюма. После обеда я зашел в мастерскую на примерку, а вечером того же дня костюмы были доставлены в мою каюту. В Сингапуре портные не смогли бы этого сделать. Тогда я еще не понимал, что когда коммунисты «освободили» континентальный Китай в 1949 году, в числе одного-двух миллионов беженцев из Китая в город прибыли некоторые из лучших предпринимателей, специалистов и интеллектуалов из Шанхая и провинций Чжэцзян (Zhejiang), Цзянсу (Jiangsu) и Гуандун (Guangdong). Именно они сформировали ту широкую прослойку талантливых людей, которые с помощью наиболее инициативных и находчивых китайских рабочих, решивших, что

лучше покинуть Китай, чем жить под властью коммунистов, сделали Гонконг одним из самых динамичных городов мира.

Для остального мира Гонконг и Сингапур являются двумя похожими китайскими городами приблизительно одинакового размера. С моей точки зрения, между ними столько же различий, сколько и сходства. Гонконг располагал вдвое большей территорией и имел вдвое больше населения, жившего на острове, полуострове Цзюлун и Новой Территории. Ситуация, в которой оказался Гонконг в 1949 году, была в экономическом и политическом отношении намного хуже, ибо город полностью зависел от милости Китая. Народно-освободительная армия Китая (China's People's Liberation Army) могла в любой момент войти в город, будь такой приказ отдан. Тем не менее, несмотря на неопределенность и постоянное ожидание катастрофы, которая могла случиться в любой момент, Гонконг процветал. Сингапур не сталкивался с такими мрачными перспективами. Я испытывал облегчение от того, что мы не жили в обстановке такой неопределенности и под таким сильным давлением, как Гонконг. Даже после того, как в 1957 году Малайя обрела независимость, Сингапур был все еще связан с полуостровом экономически и физически, а люди и товары свободно перемещались в обоих направлениях. Только в 1965 году, после того, как нам предложили выйти из состава Малайзии, наше будущее стало выглядеть мрачно. В отличие от Гонконга, в Сингапуре не было полутора миллиона беженцев с материка. Вероятно, если бы в Сингапур прибыли беженцы, вместе с ними в город попали бы некоторые из числа лучших предпринимателей и наиболее трудолюбивых, находчивых и энергичных людей, что дало бы нам дополнительные преимущества. Действительно, подобный приток беженцев в 1949 году помог Тайваню, – без этого на Тайване не было бы тех способных людей, которые управляли Китаем до 1949 года. Под их руководством, с помощью США, Тайвань преобразился. Тогда, в 1949 году, когда происходили все эти события, я еще не понимал ни того, какую важную роль играют талантливые люди, особенно предприниматели, ни того, что образованные, талантливые люди являются теми дрожжами, которые заставляют общество расти, и преобразовывают его.

В следующий раз я посетил Гонконг в мае 1962 года. За восемь лет, судя по увиденным мною зданиям и магазинам, город ушел далеко вперед по сравнению с Сингапуром. После получения независимости в 1965 году я считал для себя обязательным посещать Гонконг практически ежегодно, чтобы наблюдать за тем, как жители города решали свои проблемы, посмотреть, чему у них можно было поучиться. Для меня Гонконг являлся источником вдохновения, примером того, чего может добиться общество, состоящее из трудолюбивых, решительных людей. Мне также хотелось привлечь некоторых предпринимателей, особенно промышленников, для создания в Сингапуре текстильных и иных предприятий. Средства массовой информации Гонконга были неблагосклонны к моей деятельности и печатали весьма критические материалы о Сингапуре, чтобы удержать своих жителей от переезда.

В феврале 1970 Университет Гонконга присвоил мне почетную степень доктора права. В своей приветственной речи я сказал: «Являясь первопроходцами модернизации общества, Гонконг и Сингапур могут сыграть роль катализатора, ускоряющего трансформацию окружающих их патриархальных аграрных государств... Я надеюсь, что они смогут стать не только центрами распространения современных методов производства, но, что более важно, социальных ценностей, дисциплины, навыков и знаний». Несколько десятилетий спустя эти слова сбылись.

После этого визита я направил письмо в адрес нашего Управления экономического развития. Я указывал, что, в результате политической неопределенности, возникшей в связи с ситуацией в Китае и тем, что в 1997 году истекал 99-летний срок аренды Великобританией Новых Территорий, Сингапур мог бы привлечь из Гонконга некоторых специалистов и квалифицированных рабочих. Мы, в свою очередь, могли помочь Гонконгу кредитами или поделиться опытом, если они в этом нуждались.

Я не переставал восхищаться людьми Гонконга, их способностью восстанавливаться после любой неудачи. Как и Сингапур, в 70-ых годах Гонконг сильно пострадал в результате нефтяного кризиса, но он быстрее приспособился к новым условиям. Магазины в Гонконге снизили цены, рабочие согласились со снижением заработной платы, а немногочисленные профсоюзы не вступали в борьбу с рыночными силами. А вот правительство Сингапура

вынуждено было смягчить удар, нанесенный инфляцией и экономическим спадом, стараясь предотвратить резкое снижение уровня жизни наших рабочих, помогая разрешить проблемы, возникшие между профсоюзами и руководством предприятий.

Люди в Гонконге полагались не на правительство, а на себя и на свои семьи. Они были трудолюбивы, пытались добиться успеха в бизнесе, – будь-то уличная торговля, изготовление сувениров или посредническая деятельность. Стремление добиться успеха было у них велико, а семейные и родственные связи – прочными. Задолго до того, как Милтон Фридман (Milton Friedman) привел Гонконг в качестве примера свободной рыночной экономики, я уже отметил для себя все преимущества существования весьма скромной системы социального обеспечения, а то и полного ее отсутствия. Это заставляло людей Гонконга стремиться добиться успеха. Между ними и колониальным правительством не существовало никакого «общественного договора». В отличие от жителей Сингапура, они не могли и не защищали своих коллективных интересов. Гонконг не являлся государством, – ему просто не позволяли стать государством: Китай никогда не допустил бы этого, а англичане и не стремились к этому. В этом состояло огромное различие между Гонконгом и Сингапуром.

Сингапур был просто обязан либо стать государством, либо прекратить свое существование. Правительство Сингапура было вынуждено субсидировать образование, здравоохранение, жилищное строительство, несмотря даже на то, что я пытался избежать разрушительных последствий социальной политики «государства благосостояния». К тому же, жители Сингапура не могли тягаться с жителями Гонконга в уровне мотивации и стремлении добиться успеха. Если жители Гонконга терпели в чем-то неудачу, они винили в ней только себя или неудачное стечение обстоятельств, собирались с силами и снова пробовали, надеясь, что на этот раз им повезет. У жителей Сингапура было иное отношение к жизни и правительству, – подобным тревогам и волнениям они предпочитали стабильную работу и свободу.

Если жители Сингапура терпели в чем-то неудачу, они обвиняли в этом правительство, ибо считали, что улучшение их жизни является его обязанностью. Они считали, что правительство обязано было не только гарантировать справедливые и одинаковые для всех правила игры, но и должно было, по ее окончании, наградить призами даже тех участников, чьи результаты были не слишком хороши. Когда жители Сингапура голосуют на выборах за депутатов парламента и министров, они ожидают в ответ распределения всех имеющихся в наличии благ.

Один поселившийся в Сингапуре предприниматель из Гонконга в разговоре со мной кратко сформулировал различия между нами. Когда в начале 70-ых годов он создавал в Сингапуре текстильную и швейную фабрики, он привез с собой из Гонконга нескольких управляющих, а также нанял несколько управляющих – жителей Сингапура. К 1994 году все управляющие-жители Сингапура еще продолжали работать на его предприятии, а все управляющие, привезенные им из Гонконга, начали свое собственное дело и конкурировали с ним. Они не видели смысла в том, чтобы, разбираясь в бизнесе не хуже его, продолжать на него работать. Чтобы начать свое дело, им требовалось лишь немного капитала, и, как только им удавалось его раздобыть, они сразу уходили. Жителям Сингапура не хватало этой предпринимательской жилки, желания рисковать, добиться успеха и стать крупным магнатом. В последние годы заметны радующие глаз перемены в этой области. В условиях быстрого экономического роста в регионе все большее число молодых специалистов стали заниматься предпринимательской деятельностью. Сначала они работали в качестве наемных управляющих, часть вознаграждения которых выражалась в акциях их компаний, а затем, приобретя хорошие знания в сфере бизнеса и уверенность в успехе, принимались за дело самостоятельно.

Нам удалось привлечь в Сингапур из Гонконга нескольких предпринимателей в сфере производства текстиля и одежды, пластмассовых и ювелирных изделий, резчиков по нефриту и слоновой кости, а также мастеров по изготовлению мебели. В 60-ых и начале 70-ых годов мы приветствовали их появление в Сингапуре, ибо они создавали рабочие места и источали оптимизм. Лучшие из них оставались в Гонконге, где вести дело было прибыльнее, чем в Сингапуре, но, как мы и надеялись, они создавали в Сингапуре филиалы своих компаний и присылали сюда своих младших сыновей, чтобы вести надзор за работой этих предприятий.

В августе 1984 года, после провозглашения Великобританией и Китаем Совместной декларации (Joint Declaration) относительно будущего Гонконга, я пригласил на торжества по случаю Национального дня Сингапура группу их ведущих бизнесменов и специалистов. В результате этой поездки группа крупных бизнесменов из Гонконга инвестировала более двух миллиардов сингапурских долларов в строительство самого большого в Сингапуре делового центра, состоявшего из офисных зданий, центра для проведения выставок и конференций, получившего название «Сантэк сити» (Suntec City). Именно там мы провели первую встречу министров стран, входящих во ВТО в декабре 1996 года, год спустя после того, как строительство было завершено. Этот центр был одним из многих «яиц», отложенных бизнесменами из Гонконга в городах, расположенных на побережье Тихого океана, в основном, в Северной Америке, Азии и Австралии. Средства массовой информации Гонконга считали, что Сингапур хотел снять сливки, переманивая из Гонконга наиболее талантливых людей, но это было не так, ибо в наших интересах было, чтобы, вернувшись под суверенитет Китая, Гонконг продолжал процветать. Совершив «набег» на Гонконг и переманив оттуда талантливых людей, мы получили бы сиюминутные выгоды. Напротив, если бы Гонконг процветал, это позволило бы нам развивать с ним деловое сотрудничество и получать от этого постоянную выгоду.

Британские правители Гонконга управляли им в соответствии со старыми имперскими традициями: надменно, оставаясь несколько в стороне, снисходительно относясь к местным жителям, в том числе и ко мне, ибо я был китайцем. Прежние губернаторы Гонконга назначались из числа служащих британской колониальной администрации. Этот порядок изменился после 1971 года, когда на должность губернатора был назначен Мюррей Маклехос (Murray MacLehose), работавший в британском министерстве иностранных дел, которое являлось куда более солидным учреждением. Перед назначением на должность он решил посетить Сингапур. Гонконг страдал от разъедавшей его коррупции, и он хотел посмотреть, каким образом нам удавалось держать ее под контролем. Он также хотел познакомиться с нашими достижениями в сфере образования, его особенно интересовал наш Политехнический институт, ибо в Гонконге подобного учебного заведения не было, – на техническое образование они практически не тратили средств. Он также проявлял заинтересованность в изучении нашей программы обеспечения жильем, желая улучшить ситуацию с жильем в Гонконге до того, как она станет критической.

В целом, во время правления англичан администрация в Гонконге была честной, за исключением примерно десятилетнего периода, предшествовавшего назначению Маклехоса на должность губернатора. В тот период коррупция в городе приобрела такой размах, что ему пришлось принять строгие меры, основанные на сингапурских законах и практике борьбы с коррупцией. Естественно, что правила игры в колонии создавали преимущества для британских деловых кругов. Британские банки («Гонконг энд Шанхай бэнк» и «Чартэрд бэнк») являлись уполномоченными эмитентами ценных бумаг. Британские торговые компании находились в привилегированном положении, но к концу британского правления эти привилегии сошли на нет, и многие из этих компаний были куплены китайцами Гонконга.

Перед тем как в 1987 году следующий губернатор Гонконга Дэвид Вильсон (David Wilson) приступил к исполнению своих обязанностей, он также посетил Сингапур, чтобы посмотреть, как население, состоявшее в большинстве из этнических китайцев, сумело самоорганизоваться и решало стоявшие перед ним проблемы. Он был дипломатом, специалистом по Китаю. Вильсон хотел познакомиться с сингапурским опытом обретения независимости. Я объяснил ему, что мы находились в иных обстоятельствах. Сингапур являлся частью Малайзии, получил независимость неожиданно, не стремясь к этому, и вынужден был взять свою судьбу в свои руки. Специальный административный район Сянган (SAR – Special Administrative Region of Hong Kong) должен был стать частью Китая. Любой руководитель, который встал бы во главе Гонконга, должен был понимать политику Китая, научиться находить общий язык с его лидерами, одновременно защищая интересы Гонконга; он не обладал бы полной свободой действий.

До 1992 года политика Великобритании в отношении Гонконга заключалась в том, чтобы консультироваться и согласовывать с Китаем любые предполагаемые изменения в политике до того, как обнародовать их. Эта политика была призвана обеспечить плавный переход Гонконга

под юрисдикцию Китая, – англичане называли это «прямым поездом» («through train»). Другими словами, в момент «переезда» из британского Гонконга 30 июня 1997 года в Гонконг китайский 1 июля 1997 года не должно было происходить смены «локомотива» или «вагонов». После шокирующих событий на площади Тяньаньмынь в июне 1989 года британское правительство решило, что ему следовало принять меры, выходявшие за рамки соглашений с Китаем, зафиксированных в Совместной Декларации 1984 года. Англичане хотели, чтобы их совесть была чиста относительно того, что они сделали все, что было в их силах, чтобы сохранить образ жителей Гонконга после возвращения города под юрисдикцию Китая.

Через шесть недель после событий на площади Тяньаньмынь мы предложили предоставить 25,000 семей жителей Гонконга право на получение вида на жительство в Сингапуре, при этом от них не требовалось переселяться в Сингапур до тех пор, пока у них в этом не было нужды. Эти виды на жительство были бы действительны на протяжении пяти лет, после чего их можно было продлить еще на пять лет. В тогдашней неопределенной ситуации это позволило бы предотвратить отток талантливых людей из Гонконга. У посольства Сингапура в Гонконге выстроились огромные очереди желающих получить анкеты, что чуть не привело к беспорядкам. Встретившись в январе 1990 года в Гонконге с губернатором Вильсоном, я заверил его, что, предложив предоставить вид на жительство жителям города, мы ни в коей мере не намеревались нанести ущерб Гонконгу. Мы готовы были предоставить Гонконгу кредиты и поделиться опытом, если в этом была нужда, и наоборот. Таким образом, и они, и мы могли бы извлечь выгоду, используя капиталы, опыт и навыки друг друга. Мы просто не ожидали такой реакции жителей Гонконга в ответ на наше предложение. Многие из обратившихся за видом на жительство людей не получили его, ибо у них не было необходимого образования или квалификации. На протяжении года мы выдали 50,000 видов на жительство, – вдвое больше, чем первоначально предполагалось. К 1997 году только 8,500 жителей Гонконга переехало в Сингапур. Гонконг вскоре отошел от шока, вызванного событиями на площади Тяньаньмынь, и дела в городе шли неплохо. Люди в Гонконге хорошо зарабатывали, – лучше, чем они зарабатывали бы в Сингапуре или в любой другой стране. В самом деле, многие из тех, кто эмигрировал в Канаду, Австралию и Новую Зеландию, позднее вернулись, зачастую оставляя свои семьи, чтобы работать в Гонконге.

Подобно своим предшественникам Вильсону и Маклехосу, Крис Паттэн (Chris Patten) также сделал остановку в Сингапуре в июле 1992 года по пути в Гонконг, чтобы поделиться со мной своими соображениями перед вступлением в должность. В ходе примерно часовой дискуссии я понял, что он хотел выйти за рамки того, о чем англичане договорились с китайцами, и спросил его: «А какие карты у Вас на руках? Что изменилось?» Вместо ответа на мой вопрос он просто повторил его: «Что изменилось?» У меня были плохие предчувствия по поводу задуманных им реформ, осуществление которых нарушило бы достигнутые договоренности. Журналисты из Гонконга прибыли в Сингапур, чтобы взять у меня интервью после разговора с Паттэном. Чтобы предотвратить любое искажение информации, вместо встречи с ними, я выступил с заявлением: «Я верю, что, если цели, которые он (Паттэн) ставит перед собой, не выходят за рамки Совместной декларации и Основного Закона (Basic Law), то он располагает прочной основой для того, чтобы управлять городом и двигаться вперед... Лучшим показателем его деятельности будет успешная работа системы управления Гонконгом в период после 1997 года».

В октябре 1992 года, после визита в Китай, я посетил Гонконг. Паттэн объявил об изменениях в избирательной системе: он собирался расширить число избирателей, участвовавших в выборах по функциональным избирательным округам, в которых правом голоса обладали деловые люди, специалисты и другие группы населения. Он предоставил избирательные права всем работавшим. Во время интервью представителям прессы я сказал: «Предложения Паттэна являются весьма заманчивыми с точки зрения углубления демократии... Они сделаны с большой изобретательностью. Эти предложения используют пробелы, оставленные в Основном Законе и Совместной декларации». Но я добавил, что: «Планы Паттэна больше напоминают программу действия националистического лидера, мобилизующего своих людей на борьбу за получение независимости и освобождение от колониального гнета, чем прощальную программу покидающего город колониального

губернатора». В частном порядке, когда я встретился с Паттэном в Доме Правительства (Government House), я предупредил его, что своими предложениями он, фактически, подрывал само значение понятия «функциональный избирательный округ». Он расширил рамки этих округов за пределы профессиональных групп специалистов и бизнесменов, для которых они создавались первоначально, включив в них всех работников, нанимаемых ими.

В середине декабря я возвратился в Гонконг, чтобы выступить с лекцией в университете Гонконга. В качестве ректора университета Паттэн председательствовал во время лекции. Отвечая на заданный из аудитории вопрос о предлагаемых им реформах, я прочитал выдержки речей, произнесенных в Палате лордов британского парламента двумя бывшими губернаторами, лордом Мюрреем Маклехосом и лордом Дэвидом Вильсоном, а также интервью политического советника Маргарет Тэтчер сэра Перси Крэдока (Sir Percy Cradock), который вел переговоры с китайцами. Все трое дали ясно понять, что действия Паттэна шли вразрез с тем, о чем они, в качестве членов британской делегации, договорились с китайским правительством в ходе переговоров. Я полагал, что было лучше высказать свою позицию в его присутствии, чтобы у него была, при желании, возможность ответить. Он промолчал.

Последние пять лет колониального правления Паттэн провел, путаясь в противоречиях, возникших между ним и китайским правительством. Китайцев рассердили действия Паттэна, и они заявили о своей готовности отказаться от соглашения в целом в том случае, если Великобритания хотела вести дела подобным образом. Они также заявили о своих намерениях отменить изменения, сделанные Паттэном. В июле 1993 года китайцы сформировали комитет по подготовке к работе в период после 1 июля 1997 года. В августе 1994 года Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП – National People's Congress) проголосовал за изменения в Законодательном совете (Legislative Council), городском и региональных советах и органах управления районами города. Губернатор и правительство Великобритании не приняли этого шага всерьез. В сентябре 1995 года Паттэн провел выборы, создал новые функциональные избирательные округа и расширил рамки электората, включив в число избирателей все работавшее население численностью 2.7 миллиона человек. Китайские руководители заявили, что они не признают результатов выборов, что политические структуры, созданные англичанами, не соответствовали Основному Закону и Совместной декларации и будут распущены, а Законодательный совет – создан заново. Губернатор полагал, что китайское правительство, в конце концов, смирится, потому что не согласиться с проводимыми им мерами означало бы пойти против желания людей, что могло дорого обойтись китайцам на международной арене.

Мне удалось понять образ мышления официальных лиц Великобритании в мае 1993 года, во время дискуссии с Малкольмом Рифкинсом (Malcolm Rifkind), тогдашним заместителем государственного секретаря по вопросам обороны, а позднее – министром иностранных дел. Англичане чувствовали себя обязанными гарантировать, чтобы к 1997 году демократия стала основой общественной жизни в Гонконге, и полагали, даже не проводя референдума, что этого же хотели и жители колонии. Я сказал, что, на деле, многие жители Гонконга хотели бы вообще никогда не иметь с Китаем ничего общего, но это было невозможно. Поэтому, если они хотели, чтобы Гонконг продолжал развиваться и процветать, необходимо было подобрать таких администраторов и потенциальных лидеров, которые знали бы, понимали бы своих китайских коллег, научились бы защищать особые нужды острова. Рифкинд сказал, что англичане пытались создать хорошо укрепленные конституционные структуры в Гонконге, которые бы затруднили разрушение демократии Китаем. По сути, англичане хотели создать систему, гарантировавшую свободы, которые на Западе воспринимались как само собой разумеющиеся, к примеру, свободу передвижения и свободу от несанкционированного ареста. Они полагали, что, если бы такая система была хорошо защищена, Китаю было бы трудно поломать ее. Я сказал, что их старания были напрасны. Высшее руководство Гонконга должно было приспособливаться к высшим интересам Китая. В оставшиеся четыре года было невозможно перевоспитать людей Гонконга в духе демократических ценностей и культурных традиций, которые до того никогда в городе не существовали. Это было состязание, в котором Великобритания не могла победить.

Я пришел к выводу, что англичане делали ставку на то, что американцы окажут давление

на Китай, используя проблемы демократии и соблюдения прав человека. В распоряжении американцев, действительно, имелись рычаги для оказания давления на Китай, – в 1992 году дефицит США в торговле с Китаем составлял 20 миллиардов долларов, к 1997 году он раздулся до 40 миллиардов долларов. Другим рычагом являлось ежегодное голосование в Конгрессе США по вопросу продления статуса наибольшего благоприятствования для китайских товаров, экспортируемых в США. Но Китай мог противостоять этому давлению, отказываясь сотрудничать с США в вопросах нераспространения ядерного оружия и ракетной технологии.

Западные средства массовой информации ратовали за использование Гонконга для демократизации Китая или, по крайней мере, за оказание давления на Китай путем проведения демократических преобразований в Гонконге. Поэтому они поддерживали запоздалые реформы, проводившиеся в одностороннем порядке губернатором Паттэном. Это побуждало некоторых политических деятелей Гонконга верить, что они могли действовать так, будто бы Гонконг мог стать независимым.

Куда более важным фактором, чем все эти политические игры между англичанами и американцами с одной стороны, и китайцами – с другой стороны, был неожиданный громадный прогресс, достигнутый в экономическом развитии Китая. После событий на площади Тяньаньмынь в 1989 году, когда западные инвесторы охладели к Китаю, китайские предприниматели из Гонконга, Макао и Тайваня стали развивать бизнес в Китае. Уже через три года дела у них пошли неплохо. Они продемонстрировали скептически настроенному миру, что связи, личные отношения, единство языка, общность культуры, отсутствие строгих правил, – компенсировали недостатки, имевшиеся в законодательной системе Китая. Китайцы зарубежья добились в Китае таких успехов, что в ноябре 1993 года, выступая на втором Всемирном конгрессе китайских предпринимателей (World Chinese Entrepreneurs' Convention), я предупредил их: если их инвестиции в Китае будут наносить ущерб экономике стран, гражданами которых они являлись, то это могло бы ухудшить их отношения с правительствами этих стран.

События на площади Тяньаньмынь, ввиду перспективы возвращения Гонконга под юрисдикцию Китая, повлекли за собой крах на рынке ценных бумаг и недвижимости. Восемь лет спустя настроение жителей Гонконга было иным, – они ожидали продолжения экономического роста вместе с процветающей экономикой Китая, который к тому времени добился коренного перелома в своей экономике. По мере приближения 1 июля 1997 года цены на фондовом рынке и рынке недвижимости Гонконга начали стабильно расти, отражая уверенность инвесторов в будущем. Такого поворота событий никто не предвидел. Те деловые люди Гонконга, которые остались в городе, а так поступили практически все из них, смирились с тем, что их будущее зависело от хороших отношений с Китаем. Если бы китайские бизнесмены продолжали вести свои дела через Гонконг, это позволило бы городу процветать до тех пор, пока Шанхай и другие прибрежные города Китая не улучшат свою инфраструктуру.

Я посетил Гонконг за неделю до перехода города под юрисдикцию Китая, намеченную на 30 июня 1997 года, и встретился с Дун Цзянь-хуа (Tung Chee-hwa). За шесть месяцев, прошедших с тех пор, как он был назначен руководителем Специального административного района Гонконг, он сильно изменился. Будучи весьма замкнутым человеком, который всю жизнь занимался делами семейной судоходной компании, он неожиданно попал в центр внимания средств массовой информации и часто подвергался расспросам дотошных журналистов. Дун Цзянь-хуа согласился с тем, что для успешно развивающегося Гонконга был необходим преуспевающий Китай. Это было разумной основой для управления Гонконгом. Я обнаружил, что представители деловой и профессиональной элиты Гонконга приспособились к тому, что город стал Специальным административным районом Китая. То же произошло и со средствами массовой информации Гонконга, выходившими на китайском языке. Даже наиболее критично настроенная по отношению к китайскому правительству газета, издававшаяся на китайском языке воинственным бизнесменом, выступившим с оскорблениями и нападками на премьер-министра Китая Ли Пэна, сменила тон. Пресса почувствовала те рамки, за которые не следовало выходить.

Тем не менее, губернатор Паттэн продолжал свои препирательства с Пекином до самого конца. Британские руководители бойкотировали церемонию принятия присяги

Законодательным собранием провинции, заявив, что это противоречило Совместной декларации. Китайские руководители не были приглашены на устроенную англичанами прощальную церемонию, на которую они не захотели бы явиться в любом случае. Китайцы хотели, чтобы контингент китайских войск вошел в Гонконг до прибытия Цзян Цзэминя на церемонию передачи власти в полночь 30 июня. Сначала англичане отказали, но, в конце концов, разрешили примерно пятистам военнослужащим с легким вооружением прибыть в город к 9 часам вечера. Когда за день до передачи города китайцы объявили, что они направят в Гонконг еще 4,000 военнослужащих к четырем часам утра 1 июля, покидавший город губернатор назвал это «ужасным известием». Это было бессмысленно, ибо китайский суверенитет над китайским Гонконгом восстанавливался в полночь 30 июня, так что к тому времени город являлся бы уже частью территории Китая.

Ранним утром 1 июля, после окончания церемонии передачи Гонконга Китаю, я слышал, как толпа людей, использовавших мегафоны, выкрикивала лозунги на протяжении 10–15 минут. Позднее я узнал, что в демонстрации принимало участие примерно 3,000 человек, сопровождаемых полицией, которая двигалась впереди колонны по опустевшим улицам. Лидер Демократической партии Мартин Ли (Martin Lee) обратился к толпе с балкона здания Законодательного совета с призывом продолжать борьбу за демократию. Революционная ситуация в городе отсутствовала. Международные средства массовой информации сообщили об этой ритуальной акции протеста.

Удивительно, но настроение в Гонконге было спокойным. Со времени подписания Совместной декларации в 1984 году прошло 13 лет, у людей было достаточно времени, чтобы подготовиться к этому событию. Какого-либо ликования по поводу воссоединения с родиной не было. Не было заметно ни скорби о покидающих город англичанах, ни бурных приветствий во время прощального парада или во время отплытия королевской яхты «Британия», которая утром того же дня отдала швартовы, увозя из Гонконга последнего губернатора. Благодаря Паттэну последние пять лет британского правления получили желчную окраску. Он пустил под откос «прямой поезд», – концепцию, в рамках которой китайцы согласились, чтобы избранный в 1995 году Законодательный совет продолжал управлять городом после воссоединения в 1997 году. Паттэн оставил после себя менее либеральное законодательство о выборах, чем то, которое город имел бы, не измени он его в одностороннем порядке.

Как только 1 июля 1997 года руководитель администрации Гонконга Дун Цзянь-хуа и высшие официальные лица приступили к осуществлению своих полномочий, они столкнулись с финансовым кризисом в Восточной Азии, хотя до 1998 года они об этом еще не знали. Второго июля Таиланд девальвировал бат, вызвав этим лихорадку, распространившуюся на весь регион, Россию, а потом и Бразилию. Так как курс гонконгского доллара был привязан к доллару США, Гонконгу пришлось повысить процентную ставку по кредитам. Это привело к падению стоимости недвижимости, ценных бумаг и активов, вызвав спад экономики и рост безработицы. Недовольство населения правительством возросло, а настроение людей Гонконга – изменилось. От колониального иностранного правительства они не ожидали ничего, кроме защиты от китайских коммунистов, а от китайского правительства, состоявшего из жителей Гонконга, они ожидали много большего. Сначала Гонконг был поражен вирусом «куриного гриппа», представлявшего особую опасность для стариков и детей. Правительству пришлось уничтожить миллионы кур на птицефермах, их владельцы потребовали компенсации, и получили ее. Затем красные морские водоросли вызвали гибель рыбы, разводимой рыбными фермерами, они также потребовали компенсации и также получили ее. Вслед за этим потерпела банкротство инвестиционная компания, теперь уже компенсацию получили инвесторы, разместившие свои активы в этой компании.

Прибыв в Гонконг для участия в конференции в июне 1999 года, я встретился там со многими обеспокоенными людьми, включая некоторых старых друзей и нескольких новых знакомых. Их анализ переживаемых проблем отличался ясностью, но решения этих проблем они не видели. Они указывали на то, что в заключительный период своего колониального господства англичане ослабили бразды правления. Не желая вступать в конфронтацию с населением и вызывать его протесты в результате проведения правительством непопулярных мер, они предпочитали уступать давлению различных групп населения. Так произошло, к

примеру, в случае с водителями такси, которые угрожали забастовкой, когда правительство объявило о своем намерении запретить использование дизельных автомобилей в качестве такси для снижения уровня загрязнения воздуха. Это приучало людей сопротивляться жестким мерам, проводимым правительством, и отвергать их, организовывая протесты. Теперь же, когда Гонконг стал частью Китая, глава администрации города не обладал достаточным политическим весом, чтобы противостоять подобным действиям. В отличие от британских губернаторов, которые, как что-то само собой разумеющееся, получали поддержку от Законодательного совета, Дун Цзянь-хуа столкнулся с членами Законодательного совета, ни один из которых не чувствовал себя обязанным поддерживать его политику. Официальные лица его правительства также не располагали мандатом, полученным от избирателей, что помогло бы им отстаивать свои взгляды в том случае, если они вступали в спор с избранными членами Законодательного совета.

Попытка Паттэна укрепить демократически избранный Законодательный совет потерпела неудачу, – Законодательный совет, избранный, когда Гонконг еще находился под колониальным управлением, был распущен. Среди интеллектуальной элиты Гонконга существуют глубокие разногласия относительно путей дальнейшего развития города и того, как заставить работать существующую систему управления. Старая система управления, которую использовали англичане, ослабела и не способна справиться с новой политической ситуацией. С одной стороны, существует группа деловых людей, прагматиков и профессионалов, которые хотели бы установления нормальных рабочих отношений с правительством в Пекине. Поэтому они отчаянно сопротивлялись проводившейся Паттэном политике. С другой стороны, существует группа ученых, представителей средств массовой информации и специалистов, которые выступают за то, чтобы использовать сильную, основанную на конституционных мерах, систему защиты против любых притеснений со стороны Китая. Эти люди ратуют за организацию поддержки со стороны международного сообщества, особенно со стороны США, для оказания давления на Китай с целью добиться от него невмешательства в дела Специального административного района Сянган. Прагматики не желали ввязываться в политическую драку самостоятельно, вместо этого обращаясь за поддержкой к политикам, на которых они вряд ли могли положиться в отстаивании своих интересов перед Пекином. Это была трудная ситуация, в которой немногие были готовы к тому, чтобы взять ответственность за руководство городом на себя. Ведь сделать это означало бы смириться с реальностью, а именно: интересы Гонконга могли быть соблюдены лишь в том случае, если бы его лидеры завоевали доверие пекинского руководства.

Население Гонконга должно уладить существующие противоречия между различными социальными группами. Политики, играющие на стороне профсоюзов и рабочих, должны договориться с такими работодателями как Ли Кашин (Li Ka Shing); руководители и специалисты должны достичь соглашения с низкооплачиваемыми служащими относительно того, кто и какие налоги должен платить, кто и какие субсидии получать на здравоохранение, образование и жилье. Только после того, как удастся сбалансировать эти различные групповые интересы, жители Гонконга смогут подняться над тем, что их разделяет, сформулировать свои коллективные интересы и бороться за них, но только в качестве Специального административного района Китая. Эта задача является вдвойне сложной, ибо жители Гонконга не считают себя китайцами. Те из них, кто родился в материковом Китае, называют себя китайцами Гонконга, те же, кто родился в колонии, называют себя жителями Гонконга. Когда правительство Специального административного района предложило поднять над городом китайский государственный флаг и ежедневно исполнять во всех школах национальный гимн, 85 % родителей были против этого. С другой стороны, во время десятой годовщины событий на площади Тяньаньмынь примерно 50,000 человек собрались на поминальную службу со свечами в руках. Я подозреваю, что они более опасались того, что могло случиться с ними в Гонконге, чем повторения того, что произошло на площади Тяньаньмынь. Напротив, когда разъяренные китайцы в Китае протестовали против бомбардировки американцами китайского посольства в Белграде в 1999 году, лишь горстка жителей Гонконга провела символическую демонстрацию у консульства США.

Одним из спорных решений, принятых Дун Цзянь-хуа, было обращение к Всекитайскому

собранию народных представителей с просьбой о пересмотре решения гонконгского суда последней инстанции. Основным Законом Гонконга предоставлял право въезда и проживания на территории Гонконга детям жителей Гонконга, рожденным в Китае. Суд постановил, что дети жителей Гонконга, включая незаконнорожденных детей, а также дети родителей, родившихся в континентальной части Китая и впоследствии получивших право на проживание в Гонконге, имели право постоянно проживать в городе. Жители Гонконга были встревожены, когда правительство сообщило, что более полутора миллионов человек получают право на проживание в городе. В марте 1999 года государственный секретарь Гонконга по вопросам юстиции обратился за разъяснением этого положения Основного Закона к постоянному комитету ВСНП по делам Гонконга. Постоянный комитет разъяснил, что правом постоянного проживания в Гонконге обладали только дети, у которых в момент их рождения хотя бы один из родителей являлся жителем Гонконга. Юристы, ученые и средства массовой информации отнеслись к этому решению критически, опасаясь, что правительство, тем самым, создало прецедент для вмешательства ВСНП в их судебную практику. Но большинство людей не интересовалось юридическими тонкостями и поддержало действия правительства.

21 октября 1999 года, выступая на лекции, посвященной четвертой годовщине Института политических исследований Гонконга (Hong Kong Policy Research Institute), научного учреждения, выполняющего некоторые разработки по заказу правительства Специального административного района, я говорил о том, что проблемы переходного периода оказались сложнее, чем ожидалось. Поддерживаемый американскими и британскими средствами массовой информации губернатор Паттэн преподавал Гонконгу интенсивный курс демократии и соблюдения прав человека. Цель этого курса состояла в том, чтобы «выгравировать» в умах людей принципы свободы слова, особенно свободы прессы, всенародных выборов с участием максимально широкого круга избирателей, «Билле о правах», защищающего основные фундаментальные права человека, понятие о верховенстве закона и независимости судебной системы. В конечном итоге, англичане хотели передать под юрисдикцию Китая такой Гонконг, в котором демократические изменения стали бы уже необратимыми. Это привело к тому, что многие в Гонконге полагали, что экономика позаботится о себе сама, что достаточно только обеспечить соблюдение прав человека и демократических норм, и все будет хорошо. А получилось все по-иному.

Как и жители любой другой страны, жители Гонконга обнаружили, что их наиболее насущными потребностями являлись выживание и благосостояние. Люди были разочарованы тем, что старая система, при которой каждый напряженно работал для собственного блага и практически каждый добивался успеха, больше не работала. Настроение и позиция людей изменились. Они должны были двигаться вперед. Поскольку предвыборная политическая деятельность не влекла за собой никакой ответственности, Законодательный совет превратился в место для политической рекламы с целью завоевания голосов избирателей на следующих выборах. Поскольку политические лидеры не несли ответственности за выполнение своих предвыборных обещаний, то эти обещания никогда и не подвергались проверке.

У Гонконга было два возможных пути вперед. Во-первых, законодатели могли занять более реалистичную позицию и начать работать в рамках Специального административного района Сянган, являвшегося частью Китая, тем самым, заявив о своем признании приоритета национальных интересов Китая. В этом случае Пекин, вероятно, позволил бы партии большинства прийти к власти после 2007 года, когда конституция должна быть пересмотрена. В противном случае, Пекин возьмет упрямых политиков измором. До 2007 года у людей есть время, чтобы определиться, по какому пути следовать. Старый Гонконг уже стал историей, а его будущее зависит от того, каким образом народ Гонконга будет защищать свои групповые интересы.

В течение часа, отвечая на вопросы собравшихся в международном конференц-зале 1,200 представителей средств массовой информации, деловой и политической элиты Гонконга, я высказал очевидное: если Гонконг станет просто еще одним китайским городом, то он не представляет для Китая никакой ценности. Гонконг представлял интерес для Китая ввиду наличия в городе развитых общественных институтов, управленческих знаний, высокоразвитого финансового рынка, одинаковых правил игры для всех, а также благодаря

космополитичному образу жизни в городе, использующем английский язык для ведения бизнеса. Это то, что делает Гонконг отличным от других городов Китая.

В Гонконге сталкиваются две противоположные тенденции. Чтобы быть полезным Китаю, город должен научиться работать с китайскими официальными лицами и понимать их образ мышления, а также экономическую и социальную систему страны, которая отличается от их собственной. Тем не менее, нельзя позволить, чтобы эти факторы стали оказывать определяющее влияние на Гонконг, иначе, он превратится просто в еще один китайский город. Он должен сохранить присущие ему характеристики, которые сделали его незаменимым посредником между Китаем и внешним миром, как это было во времена британского господства. Я ожидал, что мои жесткие заявления повлекут за собой критику со стороны средств массовой информации, но отношение аудитории было теплым, а средств массовой информации на следующий день – мягкой. Их сообщения заставили различные группы населения задуматься над выбором, который перед ними стоял. Они оказались в ситуации, совершенно отличной от той, которую предвидел Крис Паттэн, – «тяжелая рука» Китая совершенно не ощущалась. Напротив, мрачное настроение самих жителей Гонконга не позволяло им двигаться вперед, не давало поставить практически достижимые в новых обстоятельствах задачи и работать над их выполнением. Когда городом управляли британские официальные лица, у людей в Гонконге не было необходимости в том, чтобы действовать дружно и согласованно. Они были великими индивидуалистами и талантливыми предпринимателями, готовыми идти на большой риск, чтобы обеспечить высокое вознаграждение для себя и своей семьи. Теперь же, когда они столкнулись с серьезными альтернативами будущего развития, они обязаны сделать свой выбор в качестве особой группы китайской нации. В настоящий момент существует глубокая и широкая пропасть между стремлениями жителей Гонконга, желающими сохранить свою комфортную жизнь в процветающем городе с помощью демократической системы, и надеждами китайских лидеров, желающими видеть Гонконг не только безвредным, но и полезным для Китая.

На протяжении следующих 47 лет обе стороны должны стремиться к сближению друг с другом. Это может оказаться не таким сложным делом, как опасаются многие жители Гонконга. До того, как Китай и Гонконг станут единой страной в рамках одной общественной системы, вырастут еще два поколения людей. Если те перемены, которые произошли на протяжении жизни одного поколения людей после смерти Председателя Мао, будут продолжаться в том же темпе, то слияние Китая и Гонконга не должно быть таким уж трудным делом.

Глава 35. Тайвань: иная ипостась Китая

Внешняя изоляция, в которой оказался Тайвань, побуждала его развивать связи с Сингапуром в первые годы нашей независимости. С другой стороны, мы также стремились не оказаться в полной зависимости от Израиля в вопросе подготовки наших вооруженных сил. Первоначальные дискуссии между нами начались в 1967 году. Правительство Тайваня прислало высокопоставленного представителя, который встретился с тогдашним министром обороны Сингапура Кен Сви и мною. К декабрю того же года Тайвань уже направил нам предложение об оказании помощи в создании военно-воздушных сил. Мы были очень заинтересованы в том, чтобы готовить наших летчиков и морских офицеров на Тайване, так как Израиль не мог нам в этом помочь. Министерство обороны Тайваня оказывало нам большую помощь, но время от времени они намекали нам, что, если их министерство иностранных дел узнает о помощи, оказываемой Сингапуру в оборонной сфере, то потребует взамен дипломатического признания в той или иной форме. Мы дали ясно понять, что по этому вопросу мы не сможем пойти на уступки.

Когда в 1969 году Тайвань открыл в Сингапуре «Торговое Представительство Китайской Республики» (Office of the Trade Representative of the Republic of China), то между нами была достигнута четкая договоренность, что этот обмен торговыми представительствами не являлся формой взаимного признания государств или правительств. Мы не хотели оказаться втянутыми в дебаты, касавшиеся требования руководства Китайской Народной Республики (КНР) считаться единственным полномочным правительством всего Китая, включая Тайвань. Когда в

ООН проходило голосование по резолюции о приеме КНР в члены организации, делегация Сингапура проголосовала в пользу Китая, но воздержалась при голосовании по резолюции об исключении Тайваня из членов ООН. Наша политика должна была оставаться последовательной: мы считали, что существует «единый Китай», а воссоединение КНР и Тайваня является их внутренней проблемой, которую они должны разрешить между собой.

Развитие связей между Бюро национальным безопасности Тайваня (БНБ – National Security Bureau) и министерством обороны Сингапура привело к тому, что Тайвань предоставил в наше распоряжение несколько летних инструкторов, техников и механиков, чтобы помочь наладить работу подразделения, занимавшегося обслуживанием самолетов. Когда в мае 1973 года директор БНБ Тайваня предложил мне посетить остров, чтобы встретиться в Тайбэе с премьер-министром Тайваня Цзян Цзинго, сыном президента Чан Кай-ши (Chiang Kai-shek), я согласился. Премьер-министр Чан и его русская жена встретили Чу и меня в аэропорту и отвезли нас в наши апартаменты в «Гранд-отеле».²⁸ На следующий день мы полетели вместе с ним на «Боинге-707», предназначенном для официальных лиц, на авиабазу, где он устроил для нас длившиеся полчаса показательные полеты и воздушные бои. Затем мы вместе поехали на машине на расположенный на озере Сан Мун (Sun Moon Lake) курорт, где провели два дня, стараясь познакомиться друг с другом поближе.

Во время ужина в Тайбэе я встретился с министром иностранных дел, министром финансов, министром экономики, начальником Генерального штаба и директором БНБ Тайваня, и, таким образом, познакомился с ближайшими доверенными лицами и помощниками президента. Кроме хороших личных взаимоотношений с Цзян Цзинго, в основе наших отношений лежало то, что мы оба были антикоммунистами. Коммунистическая партия Китая была его смертельным врагом, а Коммунистическая партия Малайи (КПМ), которая была связана с КПК – моим смертельным врагом, так что у нас было общее дело.

Он плохо говорил по-английски, а его китайский язык (Mandarin) было тяжело понимать из-за сильного акцента, присущего уроженцам провинции Чжэцзян. Он понимал меня, когда я говорил по-английски и, используя мои знания китайского, мы смогли общаться без переводчика. Это было критически важно в налаживании личных контактов, которые позже переросли в хорошие личные отношения. Я рассказал ему о ситуации в Юго-Восточной Азии, о том, что соседи рассматривали Сингапур как «третий Китай», после КНР и Тайваня. Мы не могли отрицать наличия расовых, культурных и языковых связей с Китаем, но мы также боролись против малайских коммунистов, и это обнадеживало наших соседей на предмет того, что Сингапур не являлся «троянским конем» коммунистического Китая.

Позднее, наш торговый представитель в Тайбэе сообщил, что у премьер-министра Тайваня сложилось хорошее впечатление о Сингапуре и обо мне, – он был доволен, что ему удалось встретиться со мной. Одно обстоятельство, бесспорно, помогло нам: нас сопровождала наша дочь, которая тогда была еще молодой студенткой-медиком. Она получила образование на китайском языке и свободно говорила на нем. По ее поведению было сразу видно, что она – китаянка. Это оказало решающее воздействие на то, как Цзян Цзинго воспринимал меня, мою жену, мою дочь, и помогло нам определиться в отношениях между Сингапуром и Тайванем. В ходе последовавшего обмена письмами между Цзяном и мною завязалась близкая дружба.

Ни в Сингапуре, ни на Тайване в средствах массовой информации ничего не сообщалось о моем визите. Это было сделано по моей просьбе, чтобы избежать излишнего внимания и недовольства на международной арене.

Когда я снова посетил Тайвань в декабре 1974 года, премьер-министр Цзян Цзинго проявил личную заинтересованность в составлении программы моего визита. Он приказал выстроить для церемониального марша почетный караул, состоявший из моряков и морских пехотинцев, как это принято при встрече глав государств. Все это проходило безо всякой огласки. Он также лично сопровождал меня во время осмотра достижений Тайваня, включая

²⁸ Прим. пер.: в 1925–1937 годах Цзян Цзинго находился в СССР, где был известен под превдонимом «Николай Елизаров». Он окончил Университет трудящихся Востока, а затем работал в Свердловске на «Уралмашзаводе» в отделе кадров и редактором многотиражной газеты. Там он и познакомился с Фаиной Вяхревой, работавшей на заводе токарем и ставшей впоследствии его женой. В 1937 году супругам было разрешено вернуться в Китай

строительство автомагистрали «Восток-Запад», пролежавшей через труднодоступные горные районы.

Во время этого визита я поднял вопрос о подготовке наших вооруженных сил на Тайване, потому что в Сингапуре для этого просто не было места. Мы уже обсуждали этот вопрос с тайваньскими военными за несколько месяцев до того. Цзян Цзинго отнесся к нашей просьбе с пониманием. К апрелю 1975 года мы достигли соглашения о проведении вооруженными силами Сингапура учений на Тайване под кодовым названием «Старлайт» (Exercise Starlight). Это соглашение, первоначально заключенное сроком на один год, позволило нам проводить учения пехотных, артиллерийских, бронетанковых частей и подразделений коммандос, рассредоточенных по всей территории Тайваня, на соответствующих полигонах. При этом мы платили только за то, что потребляли, и ничего сверх того.

У Цзян Цзинго было светлое, округлое лицо, он носил толстые роговые очки и был довольно полным. Он был спокойным, тихим человеком, разговаривал мягким голосом. Цзян не выдавал себя за интеллектуала, но обладал практичным умом и острым «социальным интеллектом». Он хорошо разбирался в людях и окружил себя заслуживавшими доверия людьми, которые давали ему честные, зачастую нелестные советы. Он всегда тщательно обдумывал сказанное, не раздавал обещаний походя. Цзян Цзинго не мог свободно путешествовать за границей, поэтому я был для него дополнительным источником информации о развитии ситуации в Америке и окружающем мире. Он задавал острые, продуманные вопросы об изменениях на геополитической сцене. Во время каждого моего визита на Тайвань он сопровождал меня в моих поездках по острову на протяжении трех-четырех дней. Так было до тех пор, пока в середине 80-ых годов состояние его здоровья не ухудшилось. Во время свободных дискуссий со мной Цзян Цзинго проверял на мне свои взгляды и оценки политических событий, сформировавшиеся у него в результате чтения информационных отчетов. Он остро чувствовал свою международную изоляцию.

В период с 1973 по 1990 год я посещал Тайвань один-два раза в год, почти всегда останавливаясь по пути в Гонконге. Наблюдать за экономическим и социальным прогрессом китайцев на Тайване, экономика которого ежегодно росла на 8-10 %, было поучительно и вдохновляло меня. Начав с развития трудоемких производств, основанных на использовании дешевой рабочей силы: сельского хозяйства, производства текстиля, одежды, спортивной обуви, – Тайвань продолжал настойчиво двигаться вперед. Сначала на Тайване занимались пиратским переизданием дорогостоящих учебников по медицине, юриспруденции и другим дисциплинам, которые затем продавали по смехотворно низким ценам. К 80-ым годам эти учебники уже издавались по лицензии, на качественной бумаге и в твердых переплетах. К 90-ым годам Тайвань производил микросхемы, компьютерные платы, персональные компьютеры, портативные компьютеры (notebook) и другие высокотехнологичные продукты. Подобный прогресс я наблюдал и в Гонконге, – и в экономике, и в плане повышения благосостояния. Быстрый прогресс двух прибрежных китайских общин очень вдохновлял меня, я извлекал для себя полезные уроки и считал, что раз они смогли добиться этого, то и Сингапuru это тоже будет по плечу.

Китайцы на Тайване, свободные от смиренной рубашки коммунизма и централизованной плановой экономики, стремительно двигались вперед. На Тайване, как и в Гонконге, практически не было системы социального обеспечения, но, с началом проведения всенародных выборов в начале 90-ых годов, в этой сфере произошли изменения. Оппозиция в Законодательном собрании оказывала на правительство давление и заставила его ввести систему медицинского, пенсионного и иного социального обеспечения, что привело к тому, что государственный бюджет стал сводиться с дефицитом. В течение 90-ых годов, ввиду наличия в Законодательном собрании воинственной оппозиции, правительству было сложно ввести новые налоги, чтобы сбалансировать государственный бюджет. К счастью, тайваньские рабочие все еще относятся к своей работе лучше, чем их западные коллеги.

Цзян Цзинго и его министры больше всего гордились успехами в развитии образования. Каждый ученик на Тайване заканчивал, по крайней мере, девятилетнюю общеобразовательную школу, а к 90-ым годам примерно 30 % учащихся заканчивали университет. Министр финансов Тайваня К.Т.Ли (K. T. Li) жаловался на «утечку мозгов». Начиная с 60-ых годов, из 4,500

выпускников университетов, ежегодно уезжавших в Америку для продолжения образования и обучения в аспирантуре (Ph.D.), возвращались примерно 500. По мере того как Тайвань становился все более развитой в экономическом отношении страной, К.Т. Ли задался целью привлечь лучших из них вернуться на Тайвань. Особенно это касалось тех, кто работал в ведущих исследовательских лабораториях и крупных МНК – производителях электроники. Он построил недалеко от Тайбэя научный парк и предоставил им льготные кредиты для создания собственных предприятий по производству полупроводниковых материалов. Это дало толчок развитию компьютерной индустрии на Тайване. Эти люди располагали контактами в американской компьютерной индустрии и приобрели знания и опыт, что позволяло им не отставать от последних достижений в данной сфере и успешно продавать свои изделия. Они опирались на инженеров и техников, получивших образование на Тайване. Среди двух-трех миллионов человек, которые бежали на Тайвань с генералом Чан Кай-ши, было немало интеллектуалов, администраторов, ученых и предпринимателей. Они были тем катализатором, который превратил Тайвань в мощную экономическую державу.

Тем не менее, представители элиты, прибывшие на Тайвань из континентального Китая, знали, что в долгосрочной перспективе их положение станет сложным. Они являлись меньшинством, составлявшим около 10 % населения острова. Медленно, но неизбежно, в состав государственной бюрократии и офицерского корпуса вооруженных сил, первоначально состоявших из выходцев из континентального Китая и их детей, вливалось все больше коренных жителей Тайваня. Политический вес коренных жителей Тайваня должен был возрасти, – это было только делом времени. Цзян и его высокопоставленные помощники понимали это. Они отбирали среди коренных жителей Тайваня тех, кого они считали наиболее надежными людьми, которые продолжали бы проводить их политику противостояния китайским коммунистам, но при этом не вели бы дело к образованию независимого, отдельного от Китая Тайваня, который предавался анафеме китайскими коммунистами.

К середине 80-ых годов представители молодого поколения высокообразованных жителей Тайваня стали занимать высшие должности в официальной иерархии. Мы отозвали нашего торгового представителя на Тайване, который был выходцем из провинции Чжэцзян – родной провинции Цзяна. Его место занял человек, который умел говорить на местном диалекте минь (Min-nan), – одном из диалектов провинции Фуцзянь (Fujian). На наших глазах возникал новый Тайвань. Мы поддерживали отношения с коренными жителями Тайваня, занимавшими должности в органах государственного управления, связанными с Гоминданом, но держались подальше от тайваньских диссидентов, выступавших за независимость острова. Их организации являлись нелегальными, и некоторые из них были посажены в тюрьму по обвинению в мятеже.

В середине 80-ых годов я заметил, что состояние здоровья Цзян Цзинго значительно ухудшилось. Он уже не мог сопровождать меня во время поездок по Тайваню. В ходе наших бесед я пришел к выводу, что американская пресса и Конгресс США оказывали на него нажим, требуя провести демократизацию политической системы. Цзян отменил военное положение и приступил к процессу демократизации. Его сын Сяо-ву (Hsiao-wu), который был торговым представителем Тайваня в Сингапуре, посвящал меня в планы своего отца. Я говорил Цзян Цзинго, что для обеспечения безопасности Тайваня ему следовало заручиться поддержкой со стороны не только президента Рейгана, но также со стороны американских средств массовой информации и Конгресса США, потому что Рейган сам нуждался в их поддержке. Позднее, Цзян разрешил организациям неофициальной оппозиции, которая была легальной, участвовать в выборах в Законодательное собрание.

Цзян Цзинго умер в январе 1988 года. Он пользовался огромным уважением внутри страны, что помогало ему справляться с теми общественными силами, которые развернули свою деятельность после отмены военного положения. Я присутствовал на его похоронах, на которые прибыли, чтобы воздать ему дань уважения, многие японские и американские лидеры, бывшие премьер-министры и высокие официальные лица. Тем не менее, никого из официальных лиц, занимавших должности в тот период, на похоронах не было. Это были похороны в традиционном китайском стиле. Его тело, как и тело его отца, Генералиссимуса Чан Кай-ши, было похоронено на временном кладбище около Тайбэя, чтобы храниться там до момента окончательного погребения в будущем в родном уезде в провинции Чжэцзян, к югу от

Шанхая.

После этого к власти пришел вице-президент Ли Дэньхуэй (Lee Teng-hui). Я впервые встретился с ним, когда он был мэром Тайбэя, а позднее, – губернатором одной из провинций. Иногда мы вместе играли в гольф. Он был компетентным, трудолюбивым человеком, проявлял уважение к старшим, а особенно к президенту и министрам – выходцам из континентального Китая. В то время он был дружелюбным, скромным чиновником. Он был высокого роста, с седеющими волосами, носил толстые очки и широко улыбался. До того, как назначить его на должность вице-президента, Цзян Цзинго рассматривал кандидатуры нескольких других коренных жителей Тайваня, входивших в руководство Гоминдана, но посчитал их менее подходящими людьми для этой должности. Я предполагал, что он, очевидно, был абсолютно уверен в том, что Ли Дэньхуэй был надежным человеком, на которого можно было положиться в деле продолжения политики Цзян Цзинго, который не вел дело к провозглашению независимости Тайваня.

На протяжении нескольких лет президент Ли Дэньхуэй продолжал проводить традиционную политику Гоминдана, заключающуюся в признании «единого Китая» и отказе от провозглашения независимости Тайваня. Он решил заполучить поддержку достаточного числа представителей «старой гвардии» и представителей «новой гвардии», – выходцев из континентального Китая, – в составе Гоминдана, чтобы установить полный контроль над партией. Все занимавшие ключевые посты чиновники, которые не соглашались с ним или давали ему нелюбезные советы, были вскоре смещены. В их число входили премьер-министр Хао Пейцун (Hau Pei-tsun) и министр иностранных дел Фредрик Ченфу (Fredrick Chien Fu), который в 1995 году высказывался против визита Ли в Америку. Ли Дэньхуэй провел быструю демократизацию политической системы, позволившую назначить на ключевые должности большее число коренных жителей Тайваня и укрепить его контроль над Гоминданом и страной в целом. Представители «старой гвардии» в Гоминдане давно говорили мне, что они предвидели эти перемены и считали их неизбежными. Тем не менее, они не предвидели того, как быстро президент Ли осуществит передачу политической власти 90 %-ому большинству населения путем всенародных выборов в Национальную ассамблею (National Assembly) и Законодательное собрание. Он начал реформировать и саму партию Гоминдан, пока, в конце концов, многие члены не оставили ее, чтобы сформировать Новую партию (New Party), что серьезно ослабило контроль Гоминдана над властными структурами.

Как только президент Ли Дэньхуэй сумел консолидировать свои позиции, он стал высказывать свои мысли в выражениях, которые привели лидеров в Пекине к выводу, что ему хотелось бы удерживать Тайвань отдельно от Китая как можно дольше. В 1992 году президент Ли обнародовал свои условия воссоединения с Китаем. Под «единым Китаем» он понимал Республику Китай (Republic of China), а не Китайскую Народную Республику (People's Republic of China). Воссоединение нации, по его мнению, могло быть достигнуто только при условии существования «свободного, процветающего и демократического Китая», другими словами, коммунистический Китай должен был сначала стать таким же демократичным, как и Тайвань. Тогда я еще не знал, что это были жесткие, не подлежащие обсуждению условия, а не стартовый пункт для переговоров.

В апреле 1994 президент Ли Дэньхуэй дал интервью хорошо известному японскому журналисту Риотаро Шибэ (Ryotaro Shiba). Оно было опубликовано в японском журнале, и никаких опровержений по поводу этого интервью не опубликовано до сих пор. В интервью он заявил, что Гоминдан был партией пришельцев, и что народ Тайваня пережил много страданий в результате оккупации этих пришельцев, сформировавших правительство. Он добавил: «Моисея и его народ впереди поджидают трудности. „Исход“ может быть подходящим выходом из положения». Китай не мог проигнорировать заявление президента Тайваня, говорившего о Моисее, ведущем свой народ в «землю обетованную».

Коренные жители Тайваня затаили глубокую обиду на пришельцев с материка за инцидент, получивший название «2-28». 28 февраля 1947 года тысячи коренных жителей Тайваня были убиты войсками националистов за то, что выражали свое негодование против пришельцев с материка, которые вели себя не как освободители, а как повелители. Любое публичное упоминание об этой трагедии подавлялось, но она жила в памяти местного

населения, и, когда президентом стал коренной житель Тайваня, эти чувства вышли наружу. Следует отдать должное президенту Ли, который удерживал под контролем любые попытки свести старые счеты.

Переход к демократическим выборам «помог» разбередить старые раны и способствовал усилению раскола между коренными жителями Тайваня и пришельцами с материка. Чтобы завоевать симпатии 90 % населения, политики делали акцент на своем местном происхождении. Они вели предвыборную кампанию на местном диалекте минь и высмеивали своих оппонентов – пришельцев с материка за их неумение говорить на этом языке. Некоторые даже подвергали сомнению преданность Тайваню пришельцев с материка.

Представители старшего поколения лидеров – выходцев с материка чувствовали себя уязвленными этими нападка. Ученые – выходцы с материка помогли построить университеты и воспитали многих способных коренных жителей Тайваня. Такие выдающиеся лидеры – выходцы из материкового Китая, как премьер-министры И.С. Сан (Y. S. Sun) и Ю Ку-хуа (Yu Kuo-hwa), а также министр финансов К.Т. Ли разработали политику, благодаря которой Тайвань превратился из аграрной страны в индустриальную державу. Это они заложили фундамент для тех выдающихся успехов, которых добился Тайванем.

Еще более зловещим результатом предвыборной агитации явилось растущее вмешательство в политику триад (китайская мафия). Связи Гоминдана с триадами восходят еще к довоенной эпохе, когда генерал Чан Кай-ши использовал их в Шанхае для борьбы с коммунистами. Триады последовали за ним на Тайвань, где мафия укоренилась и процветала. Пока выборы носили формальный характер и не давали доступа к реальной власти, правительство было способно держать мафию под контролем. Когда же в конце 80-ых годов была проведена либерализация политической системы, и победа на выборах открыла доступ к реальной власти, триады быстро обнаружили, что они могут добиться избрания своих представителей в органы власти. К 1996 году 10 % депутатов Национальной ассамблеи и 30 % депутатов местных законодательных органов являлись членами секретных обществ, – мафия стала политической силой. Широко распространились коррупция и подкуп избирателей, поэтому, заполучив мандаты, избранники должны были возместить эти расходы.

Свободная пресса оказалась неспособной контролировать коррупцию («черное золото») или подавить триады, которые пресса сравнивала с сицилийской мафией. Триады стали настолько мощными, что, когда в 1996 году печально знаменитый главарь мафии был убит соперничающей бандой, то генеральный секретарь администрации президента публично воздал ему дань уважения, послав традиционный похоронный венок, чтобы получить поддержку сторонников покойного. На похоронах присутствовали заместитель спикера Законодательного собрания, другие видные депутаты, а также несколько лидеров оппозиции. Мафия проникла в строительную индустрию, сельскохозяйственные кооперативы и даже в бейсбольную лигу. Она проложила себе дорогу на ежегодные собрания акционеров компаний, акции которых котируются на бирже, проникла в богатые церковные общины, и даже начала набирать своих членов в школах.

В июне 2000 года, через две недели после своего назначения на должность, первый в послевоенной истории Тайваня министр юстиции, не являвшийся членом Гоминдана, Чен Диньнан (Chen Ding-nan), сказал: «Ситуация с коррупцией на Тайване, по сравнению со всеми другими странами Восточной Азии, является наиболее серьезной. На протяжении 50 лет на Тайване ничего не предпринималось для борьбы с коррупцией. Источником политики „черного золота“ на Тайване является Ли Дэнхуэй. Он знал о положении с коррупцией, но, кроме разговоров о необходимости борьбы с ней, не принимал никаких мер. Из-за того, что бывшие министры юстиции искренне верили словам господина Ли и пытались очистить общество, они вынуждены были уйти. Общественная атмосфера, культура, люди, – все это может легко оказывать воздействие на судей, полицейских и даже законодателей. Мы должны заставить их взять ответственность на себя».

Я принял президента Ли Дэнхуэя в Сингапуре в 1989 году, – это был первый визит президента Тайваня в страну, расположенную в Юго-Восточной Азии. Я оказал ему все личные почести, подобающие главе государства. Несмотря на то, что Сингапур тогда еще не установил дипломатических отношений с КНР, я решил, что в рамках официального протокола

официальные почести, подобающие главе государства, оказаны не будут. Не было ни государственных флагов, ни почетного караула, ни других церемониальных атрибутов визита на высшем уровне. Во всех публичных заявлениях мы упоминали о президенте Ли «с Тайваня» (from Taiwan), а не о «президенте Тайваня» (of Taiwan). Тем не менее, этот визит помог повысить его политический статус в регионе.

Поскольку я действовал в качестве связного между КНР и Тайванем, они избрали Сингапур местом своих первых переговоров в апреле 1993 года. Китайцы назвали их «переговорами Ван-Ку» (Wang-Koo Talks), в соответствии с именами руководителей, которые возглавляли «неофициальные» делегации сторон. Я встретился с лидерами обеих делегаций поодиночке и знал, что их президенты поручили им обсудить с противоположной стороной перечень вопросов, не совпадавших друг с другом. Представитель Тайваня Ку Ченфу (Koo Chen-fu) стремился урегулировать только такие технические вопросы как удостоверение подлинности документов и проверка утерянной заказной корреспонденции; его президент не хотел вести какие-либо дискуссии относительно либерализации торговли, а тем более, – переговоры о воссоединении. Представитель КНР Ван Даохань (Wang Daohan) хотел, чтобы обсуждение этих незначительных вопросов привело к содержательной дискуссии о воссоединении Китая с Тайванем. Как и ожидалось, переговоры не способствовали улучшению отношений.

Президент Ли Дэнхуэй является заядлым читателем, обладающим невероятной способностью к поглощению информации. Он получил образование в японской школе на Тайване в те времена, когда Тайвань еще был Формозой (Formosa), колонией Японии. Во время войны он был в числе немногих жителей Тайваня, избранных японцами для получения образования в японских университетах. Ли Дэнхуэй учился в Императорском Университете города Киото (Kyoto Imperial University), который уступал по престижности только Токийскому Императорскому Университету (Tokyo Imperial University). После войны он вернулся на Тайвань, чтобы завершить свое университетское образование в Тайбэе. Позднее, Ли Дэнхуэй дважды отправлялся для продолжения своего образования в Америку, получив докторскую степень (Ph.D.) в области экономики сельского хозяйства в Корнуэлле (Cornell).

Ли Дэнхуэй с гордостью сказал мне, что ежедневно читает четыре главные японские газеты и смотрит спутниковые трансляции японского телевидения НТК (NTC) из Токио. Даже книги он предпочитал читать не в английских оригиналах, а в японских переводах, – так ему было легче. Он был так глубоко погружен в японскую историю и культуру, что был не слишком высокого мнения о материковом Китае, рассматривая его глазами получившей японское образование элиты. Это касалось и истории, и культуры Китая, и его нынешних коммунистических лидеров. Он с презрением относился к коммунистическим лидерам Китая, публично называя их «дебилами», «тупицами» и «безмозглыми людьми». Китайские лидеры никогда не отвечали на эти «комплименты», но я был абсолютно уверен в том, что референты в Пекине старательно записывали эти реплики.

Президент Ли показался мне человеком, уверенным в себе, начитанным и хорошо информированным по любому интересовавшему его вопросу. Несмотря на это, из-за международной изоляции Тайваня он не мог понять, почему руководители иностранных государств не симпатизировали Тайваню в той же степени, что и японцы. Он придавал большое значение поддержке со стороны Японии. Ли Дэнхуэй также считал, что, если он будет следовать предписаниям американских либералов и Конгресса США в области демократии и соблюдения прав человека, то США будут защищать Тайвань от коммунистического Китая.

Я не мог понять позиции президента Ли. Один его старый друг объяснил мне, что японское образование вселило в Ли дух японского воина «бусидо» (bushido), и что он считал своей миссией вести народ Китая в «землю обетованную». Он также добавил, что Ли Дэнхуэй был набожным христианином, и поэтому, вдохновляемый духом «бусидо», он будет выполнять волю Божью любой ценой.

В июне 1995 года, после мощного лоббирования, президент Ли Дэнхуэй добился от Конгресса США единогласного принятия резолюции о выдаче ему визы для посещения Корнуэлла, – университета, где он учился. Этот визит и речь, произнесенная им в Корнуэлле, имели куда более серьезные последствия, чем конгрессмены могли себе представить. Я

опасался реакции со стороны Китая, но даже не представлял себе, насколько глубоким было недоверие Китая к президенту Ли, и того, насколько серьезно отнесутся китайцы к решению президента США разрешить этот визит. Позднее, в октябре того же года, я спросил премьер-министра КНР Ли Пэна, почему он был так убежден в том, что Ли Дэнхуэй стремился к провозглашению независимости Тайваня. Ли Пэн сказал, что китайские руководители просмотрели полную видеозапись выступления Ли Дэнхуэя в Корнуэлле. В ней он вообще не упомянул о «едином Китае», делая ударение на Тайване и называя его Китайской Республикой на Тайване (Republic of China on Taiwan). В марте 1996 года это привело к наиболее серьезной конфронтации между двумя сторонами со времен кризиса 1958 года в Цюмье (Quemoy). Китайцы развернули войска, провели военные маневры в провинции Фуцзянь, расположенной через пролив от Тайваня, и произвели пуски ракет в акваторию моря, прилегающую к важным морским портам на западном побережье Тайваня.

3 марта 1996 года, чтобы разрядить обстановку, я выступил с обращением к обеим сторонам: «Китайские лидеры называли меня своим старым другом, моя дружба с Тайванем имеет еще более длинную историю. Если одна из сторон пострадает, Сингапuru тоже будет нанесен ущерб, если же обе стороны пострадают, то Сингапuru будет нанесен двойной ущерб. Сингапур извлекает выгоду из процветания обеих сторон, их сотрудничества и взаимопомощи». Вице-премьер Китая, министр иностранных дел Сян Сишен сказал на пресс-конференции, что этот конфликт был внутренним делом Китая, и, несмотря на то, что я знаю о Тайване больше, чем большинство посторонних, данный конфликт был из разряда тех, которые посторонних не касались. Этот вежливый отказ не удивил меня, ибо он согласовывался с основным принципом китайского руководства: отношения с Тайванем являются внутренней китайской проблемой, которая должна быть разрешена непосредственно лидерами обеих сторон.

Тем временем, президент Ли Дэнхуэй развернул кампанию, в ходе которой связи Тайваня с Китаем всячески приуменьшались. С момента окончания войны в 1945 году до смерти Цзян Цзинго в 1988 году, в школах и университетах Тайваня преподавание шло на китайском литературном языке. Студенты изучали историю и географию континентального Китая, провинцией которого являлся Тайвань. Теперь же в школах больше внимания уделялось преподаванию истории и географии Тайваня, и в меньшей степени – Китая. Уже в 1989 году, вскоре после того, как умер Цзян Цзинго, я стал свидетелем неловкого положения, в котором оказался премьер-министр Тайваня Ю Ку-хуа, выходец из континентального Китая, сопровождавший меня во время визита в старый японский курорт Тайдун (Taitung), расположенный у горячих источников минеральных вод. После ужина местные тайваньские министры исполняли песни в сопровождении караоке на местном диалекте минь, которого он не понимал.

На протяжении 12 лет своего правления президент Ли Дэнхуэй постоянно разжигал сепаратистские настроения, которые до того лежали на Тайване под спудом. Он недооценил волю руководителей и народа континентального Китая удержать Тайвань в пределах своей зоны влияния. Ли мог проводить такую политику только при поддержке США. Действуя таким образом, будто бы поддержка со стороны США будет продолжаться вечно, он подталкивал народ Тайваня к мысли о том, что ему не следует вступать в серьезные переговоры с руководством Китая о будущем Тайваня. В результате его «вклада» в развитие отношений с Китаем проблема воссоединения стала для КНР самой главной.

Китайские лидеры внимательно наблюдали за кампанией по выборам нового президента Тайваня в марте 2000 года. Они были обеспокоены растущей поддержкой кандидата от Демократической прогрессивной партии (Democratic Progressive Party) Чэнь Шуйбяня (Chen Shui-bian). Он был коренным жителем Тайваня, сформировавшим эту партию и длительное время боровшимся за независимость Тайваня. За это он был посажен в тюрьму и подвергался наказаниям правительством Гоминдана при президенте Чан Кай-ши и его сыне, президенте Цзян Цзинго. 22 февраля 2000 года пекинские средства массовой информации опубликовали «Белую книгу» Госсовета КНР. В ней содержалось предупреждение о том, что, если Тайвань будет бесконечно откладывать обсуждение проблемы воссоединения, то Китай будет вынужден прибегнуть к силе. Эти предупреждения были прямо направлены против Чэнь Шуйбяня. 15 марта, за три дня до голосования, премьер-министр КНР Чжу Чжунцзи, во время

транслировавшейся в прямом эфире пресс-конференции, предупредил Тайвань, что для защиты своей территории Китай не остановится перед кровопролитием.

Чэнь Шуйбянь победил на выборах, набрав менее 40 % голосов, опередив независимого кандидата Джеймса Суна (James Soong), за которого проголосовало 36 % избирателей. Кандидат от Гоминдана Лянь Чжань (Lien Chan), занимавший должность вице-президента, потерпел сокрушительное поражение. Дело выглядело так, что президент Ли Дэнхуэй бросил Лянь Чжана на произвол судьбы, когда произнес невразумительную предвыборную речь в его поддержку. Несколько ближайших помощников президента Ли Дэнхуэя поддержали кандидатуру Чэнь Шуйбяня. Это только усугубило недоверие, испытываемое к Чэнь Шуйбяню китайскими руководителями. Они заявили, что будут выжидать, слушать, что он говорит и наблюдать за тем, что он делает. После того, как Чэнь Шуйбянь был провозглашен победителем, он выступил с примирительными заявлениями, но ни одно из этих заявлений не содержало никаких обязательств относительно возможного воссоединения с Китаем. Президент Цзян Цзэминь заявил, что переговоры могут возобновиться только на основе принципа «единого Китая». Чэнь сказал, что принцип «единого Китая» мог бы стать одним из пунктов дискуссии. 20 мая, во время инаугурации, Чэнь Шуйбянь сказал: Обе стороны обладают достаточной мудростью и воображением, чтобы совместно решать вопрос о будущем «единого Китая». Этим он не дал китайским лидерам никакого повода для немедленных действий против Тайваня, но сказанного было недостаточно для того, чтобы поколебать веру китайских руководителей в то, что он будет продолжать политику «эры Ли Дэнхуэя без Ли Дэнхуэя». Через два часа после окончания его выступления китайские руководители заявили, что Чэнь Шуйбянь говорил недостаточно искренне. Вероятно, в Пекине подождут до ноября 2000 года, чтобы узнать, кто станет следующим президентом США, и уже тогда определятся с планом собственных действий. Возможно, дело идет к драматическому противостоянию. Если новый президент будет выражаться двусмысленно и не согласится с тем, что Тайвань и континентальный Китай являются частями «единого Китая», как бы его не определяли, ситуация может стать нестабильной. Для любого пекинского лидера потеря Тайваня означала бы верную политическую смерть.

Новый президент Тайваня может выбирать между двумя вариантами действий: либо продолжать проводить политику Ли Дэнхуэя, что приведет к конфликту с Китаем, либо закрыть эту главу истории и начать новую, руководствуясь реализмом. Тайвань существовал отдельно от континентальной части Китая на протяжении более 100 лет, начиная с 1895 года. Китайцы на Тайване не в восторге от перспективы слияния с огромной массой 1,200-миллионного населения Китая. Они предпочитают свое правительство, отличное от китайского, свой образ жизни, более высокий уровень жизни, на который они поднялись благодаря упорному труду. Даже выходцы из континентальной части Китая, которые жили на острове с 1949 года и поддерживают идею воссоединения, не хотят, чтобы оно произошло в ближайшем будущем.

Соединенные Штаты, возможно, смогут удерживать Китай от применения силы на протяжении следующих 20–30 лет. В течение этого периода времени Китай, вероятно, сумеет нарастить свой военный потенциал до уровня, который позволит ему установить контроль над морскими проливами. Возможно, было бы мудрее еще до того, как баланс сил склонится в сторону континентального Китая, согласовать условия для будущего, а не немедленного воссоединения.

Предположим, что развитие событий пойдет по наихудшему сценарию: континентальный Китай применит военную силу и этим вызовет ответную реакцию со стороны Соединенных Штатов, которые победили бы НОАК, используя превосходство в военной технологии. «Закончится ли все на этом?» – такой вопрос я задал трем американским аналитикам вскоре после выборов на Тайване. Один из них ответил: «Это было бы только началом». Он хорошо продумал этот вопрос. Если бы американцам, используя средства современной военной технологии, удалось разбить китайскую армию, то нетрудно представить себе реакцию 1,200 миллионов китайцев, которые стремились бы в мощном едином порыве доказать, что они не являются трусами или низшей расой.

Если президент Чэнь Шуйбянь станет продолжать политику Ли Дэнхуэя по созданию отдельной и особой тайваньской национальной идентичности, то это подтвердит подозрения

Пекина, что он ведет дело к провозглашению независимости Тайваня. Это увеличит опасность форсированного решения Пекином проблемы воссоединения. Если Тайвань станет независимым государством, Ли Дэнхуэй войдет в историю Тайваня как герой. Если же Тайвань будет воссоединен с КНР силой, история будет не столь благосклонна к человеку, который принес китайцам Тайваня ненужные страдания и боль.

Китайцы по обе стороны пролива могут уменьшить остроту стоящих перед ними проблем путем постепенного снижения напряженности в отношениях между странами. Для мирного воссоединения Китая и Тайваня необходимо постепенное сглаживание, а не подчеркивание ныне существующих различий между ними. Обеим сторонам необходимо время для того, чтобы уменьшить социальные, экономические и политические различия между ними. Чувство принадлежности к китайской нации на Тайване слабее, чем в Гонконге. КНР обладает достаточным весом и размерами, чтобы смириться с этим и принять на вооружение открытый и великодушный подход, который поможет процессу воссоединения. Воссоединение путем применения силы оставило бы неизгладимые шрамы. С другой стороны, на руководстве Тайваня лежит ответственность за то, чтобы не вести дело к провозглашению независимости и умышленно не усугублять различия, существующие между двумя обществами.

Глава 36. Китай – «дракон с длинным хвостом»

Ни одна иностранная держава, за исключением Великобритании, не оказывала такого влияния на политическое развитие Сингапура, как Китай – земля предков для трех четвертей жителей города. Отношения между Китаем и Сингапуром были долгими, сложными и неравными. С момента основания Сингапура в 1819 году и до 1867 года правившая в Китае династия Цин не признавала китайцев, проживавших за границей. Эта политика изменилась в 1870-ых годах, когда Китай организовал консульства в Наньяне (дословно – «страны южных морей»), – странах, которые были тогда колониями Великобритании, Франции и Голландии. Эти консульства, включая консульство в Сингапуре, были задуманы не столько для защиты интересов китайцев, сколько для укрепления связей с ними и использования их лояльности к Китаю путем поддержки китайской культуры и образования, а также с целью получения от них финансовой поддержки.

В 1920-х годах Коммунистическая партия Китая (КПК) послала в Сингапур своего агента с целью организации коммунистического движения в регионе. Когда в 1930 году коммунисты провели в Сингапуре тайную встречу для организации Коммунистической партии Малайи (КПМ), на ней присутствовал легендарный лидер вьетнамских коммунистов Хо Ши Мин. Конфликт между Националистической партией Гоминдан (Гоминдан – Kuomintang Nationalist Party) и КПК, разгоревшийся в Китае, распространился и на их сторонников в Сингапуре и Малайе. Во время войны и Гоминдан, и КПК сражались в Китае против японцев. Так как КПК более решительно боролась против японцев, она пользовалась более широкой поддержкой китайских рабочих и крестьян.

Образование коммунистического Китая в 1949 году вызвало прилив патриотической гордости среди членов китайской общины. Китайцы ожидали, что в результате этого возникнет мощное китайское государство, которое покончит с чувством унижения и покорности, которое они испытывали, находясь под властью англичан и других европейцев. С другой стороны, это событие разбудило глубоко укоренившиеся опасения среди малайцев, индусов, англоязычных китайцев и находившихся в меньшинстве представителей китайской общины, поддерживавших Гоминдан. В 1949 году и Гоминдан, и КПК были запрещены в Сингапуре, но раскол между поддерживавшими их членами китайской общины не исчез.

Целью Китайской Народной Республики (КНР) было усиление лояльности к Пекину среди китайцев, живших за рубежом. В 1949 году в КНР была образована Комиссия по связям с китайцами за рубежом (Overseas Chinese Affairs Commission), организовавшая трансляцию радиопередач. Комиссия поддерживала развитие китайского образования за рубежом и поощряла живших в регионе китайцев направлять в Китай своих сыновей для образования и посылать денежные переводы родственникам. Комиссия также обратилась с призывом к специалистам: докторам, инженерам и учителям, – вернуться в Китай и помочь восстановлению

родины. Она вела подрывную деятельность против колониальных правительств и правительств стран, недавно получивших независимость: Индонезии, а позже – Малайи. «Радио Пекина» (Radio Beijing), «Жэньминь жибао» (People's Daily – «Народная газета» – орган ЦК КПК), «Пекинское ревю» (Beijing Review) регулярно выступали против образования Малайзии, называли ее неоколониалистским заговором, направленным против этнических китайцев.

Тунку и другие малайские лидеры опасались влияния Пекина на КПК и этнических китайцев в Малайе. Когда в 1963 году премьер-министр КНР Чжоу Эньлай направил мне и главам других правительств письмо с предложением уничтожить ядерное оружие, я мягко ответил ему, что подобное решение приветствовалось бы всеми государствами. Это происходило в тот период, когда Сингапур еще был самоуправляемой колонией, а не штатом Малайзии. Когда в 1964 году в Китае было обнародовано мое письмо к Чжоу Эньлаю, Сингапур был уже штатом Малайзии, и Тунку публично сделал мне выговор за то, что я «вступил в прямую переписку с правительством, которого Малайзия не признает, и которое на словах и на деле доказало свою враждебность Малайзии».

В январе 1965 года, во время выступления перед делегацией Индонезии в Пекине, премьер-министр Чжоу Эньлай осудил образование Малайзии. После получения независимости Сингапур не поддерживал дипломатических контактов с КНР. До 1970 года Пекин вообще не признавал существования независимого Сингапура. В транслировавшихся из КНР радиопередачах и выходивших там публикациях Сингапур упоминался в качестве «части Малайи». Малайзии для Пекина также не существовало, ибо она была «неоколониалистским заговором». Китайская пропаганда регулярно подвергала нападкам «власти Сингапура» за «преступное подавление народа Сингапура силой оружия». В 1966 году Всекитайская федерация профсоюзов (All China Federation of Trade Unions) направила телеграмму в адрес левых профсоюзов Сингапура с выражением негодования китайских рабочих по поводу «варварских актов подавления рабочих, совершаемых властями Сингапура, плетущимися в хвосте у американского и британского империализма». В 1968 году «Радио Пекина» подвергло меня персональным нападкам, назвав Ли Куан Ю «гончим псом американского и британского империализма».

В разгар китайской «культурной революции» нам приходилось конфисковывать огромное количество китайских марок с напечатанными на них «мыслями Мао», импортированных некоторыми китайскими книжными магазинами, а также тысячи экземпляров маленьких красных цитатников Мао, привозимых в Сингапур китайскими моряками, которые хотели распространять их. Даже сингапурское отделение «Бэнк оф Чайна» (Bank of China) оказалось вовлеченным в это безумие: клиентам банка стали раздавать пропагандистские памфлеты «культурной революции». Мы арестовывали и наказывали своих собственных граждан, которые занимались этими глупостями, но оставили в покое граждан КНР, чтобы не прерывать торговли с Китаем.

В конце 70-ых годов Пекин потихоньку изменил свою политику по отношению к Сингапуру. В столицах тех государств, где мы имели дипломатические представительства, китайцы стали приглашать наших дипломатов на приемы, посвященные Национальному празднику КНР. В то время приоритетом китайской политики являлось сплочение рядов правительств как можно большего числа государств против Советского Союза, чтобы ограничить распространение его влияния в Юго-Восточной Азии. Советское вторжение в Чехословакию в 1968 году и столкновения между китайскими и советскими войсками на реке Амур в 1969 году показали, что революционная деятельность Китая стала опасной для него самого, ослабив способность Китая противостоять советской агрессии.

К 1971 году Китай прекратил публичные нападки на правительство Сингапура. В том же году, во время празднования Национального праздника Сингапура, сингапурский филиал «Бэнк оф Чайна» вывесил на своем здании флаг Сингапура, – до тех пор ничего подобного не случалось. Баланс в торговле между КНР и Сингапуром был всегда в пользу Китая. В то время Сингапур был для КНР вторым по величине, после Гонконга, источником поступлений твердой валюты. Отрицательный баланс в торговле с Китаем не причинял нам особого беспокойства, потому что посредническая торговля была основой экономики Сингапура. Тем не менее, мы требовали, чтобы все китайские фирмы Сингапура, которые торговали с Китаем,

регистрировались в правительственном агентстве, контролировавшем торговлю с коммунистическими странами. Таким образом, лицензию на ведение торговых операций со стороны КНР необходимо было дополнить разрешением со стороны правительства Сингапура.

Первые контакты между странами были установлены в 1971 году в результате «пинг-понговой дипломатии» (Ping-Pong diplomacy). Мы разрешили сборной Сингапура по настольному теннису принять участие в Афро-азиатских Играх Дружбы по настольному теннису (Afro-Asia Table Tennis Friendship Games) в Пекине. Через несколько месяцев вторая делегация отправилась на соревнования Азиатского союза настольного тенниса (Asian Table Tennis Union). Затем мы приняли предложение Пекина направить китайскую сборную по настольному теннису с дружественным визитом в Сингапур в следующем году, через несколько месяцев после того, как президент США Никсон посетил Китай. Мы отклонили предшествовавшие этому предложения: о гастролях группы акробатов и о визите торговой делегации Пекина. Наш министр иностранных дел Раджа считал, что третий отказ был бы ненужным оскорблением китайцев. Во время проведения матча по настольному теннису я был возмущен, когда значительная часть аудитории освистывала команду Сингапура и выкрикивала лозунги в честь Мао. Я публично осудил этих инфантильных сторонников левых организаций как сингапурских «мини-Мао».

КНР также изменила свое отношение к китайцам, проживавшим за границей. В мае 1974 года, за год до падения Сайгона, премьер-министр Малайзии Разак направил делегацию в Пекин. По возвращении делегации правительство Малайзии прислало нам отчет о переговорах. Руководитель делегации задал премьер-министр Чжоу Эньлаю два вопроса: во-первых, об отношении КНР к китайцам, живущим за рубежом; во-вторых, о поддержке, оказываемой КПК со стороны КНР. Чжоу Эньлай ответил, что термин «китайцы, живущие за рубежом» являлся не совсем точным, так как многие из них уже стали гражданами государств, в которых они проживали. По его словам, они являлись очень консервативными по натуре людьми, и уже создали значительные проблемы в отношениях между КНР и этими странами. «Новый Китай» проводил новую революционную политику по отношению к «так называемым китайцам, живущим за рубежом». Он сказал, что КНР даже распустила Комиссию по связям с китайцами за рубежом, чтобы отбить у них охоту поразмышлять о возвращении в Китай. КНР не стала бы вмешиваться, если бы какая-либо страна, в которой проживали китайцы, стала бы закрывать китайские газеты или школы. Что же касалось КПК, то Чжоу Эньлай сказал, что «вопрос должен рассматриваться с точки зрения исторической перспективы». Он заявил, что КНР всегда поддерживала освободительные движения, боровшиеся против колониального гнета, и подчеркнул, что такое движение могло добиться успеха только в результате поддержки внутри страны, а не со стороны КНР. Следовательно, если страны Юго-Восточной Азии и Китай будут смотреть вперед, то они смогут добиться улучшения отношений и установления дипломатических отношений.

Начиная с 1969 года, КНР стала требовать, чтобы посещавшие страну китайцы обращались за визами, тогда как до того их въезд в Китай был свободным. Правительство КНР поняло, что, если Китай хотел установления нормальных дипломатических отношений со странами Юго-Восточной Азии, в которых проживали китайцы, то ему было необходимо отказаться от принципа «закона крови» (*jus sanguinis*), согласно которому любой человек, имевший отца-китайца, автоматически становился китайским гражданином.

В октябре 1971 года постоянный представитель Сингапура в ООН, принимая участие в голосовании о приеме КНР в члены организации, заявил: «Существует один Китай, и Тайвань является частью Китая... Из этого следует, что „тайванский вопрос“ является внутренней проблемой Китая, которая должна быть разрешена китайским народом, включая людей, живущих на Тайване». В тот период мы все еще не поддерживали каких-либо официальных контактов с КНР. После того, как в мае 1974 года правительство Малайзии установило дипломатические отношения с КНР, я подумал, что для Сингапура наступил подходящий момент, чтобы инициировать официальные контакты с правительством КНР. Я согласился с тем, чтобы в марте 1975 года Раджа посетил Китай.

Мы считали, что для китайцев наибольшую важность представлял вопрос об отношениях Сингапура с их злейшим врагом – Советским Союзом. В октябре 1974 года заместитель

министра иностранных дел КНР Сяо Гуанхуа (Qiao Guanhua) встретился в ООН с Раджой и задал ему вопрос о советских кораблях, которые ремонтировались в Сингапуре. Раджа ответил ему, что Сингапур – открытый порт и потому не отказывал судам ни одной страны, желавшей отремонтировать здесь свои корабли. Тем не менее, он также заверил Цяо, что мы не позволили бы кому-либо использовать Сингапур для подрывной деятельности против соседних государств и наших соседей, включая Китай. Раджа снова разъяснил нашу позицию на встрече с Чжоу Эньлаем. Он добавил, что, поскольку наши соседи проявляли особую чувствительность по поводу того, что большинство населения Сингапура составляли этнические китайцы, то мы могли бы установить дипломатические отношения с Китаем только после того, как это сделает Индонезия. Мы должны были предотвратить любые возможные подозрения относительно того, что родственные связи с Китаем оказывали влияние на политику Сингапура. Чжоу Эньлай ответил, что КНР уважает права Сингапура в качестве независимого государства. У нас была еще одна неотложная причина для нормализации отношений с Китаем, о которой китайцы могли догадываться: мы хотели искоренить подрывную деятельность коммунистов в китайских средних школах и Университете Наньян. Нам также необходимо было выиграть время, пока в составе населения сократилась бы доля жителей Сингапура, родившихся в Китае, а потому подверженных шовинистической пропаганде и способных оказывать влияние на различные организации, включая Китайскую коммерческую палату. Мы уже убедились, насколько сильным был «зов крови» у людей, родившихся в Китае.

Премьер-министр КНР Чжоу Эньлай передал мне приглашение посетить Китай через премьер-министра Таиланда Кукрита Прамая, посетившего Пекин в июне 1975 года. Я не ответил. В сентябре 1975 года, во время моей встречи с шахом Ирана в Тегеране, премьер-министр Ирана Ховейда (Hoveida) также передал мне приглашение Чжоу Эньлая, добавив, что времени для визита оставалось мало. Я понял это таким образом, что мне следовало поехать в Пекин в самом скором времени, иначе эта встреча могла и не состояться, – в прессе появлялись многочисленные сообщения о том, что Чжоу Эньлай подолгу находился в больнице. Я решил поехать, но еще до того, как нам удалось договориться о дате моего визита в мае 1976 года, Чжоу Эньлай умер. Мы выступили с сообщением о предполагаемом визите в середине апреля. Несколько дней спустя Раджа еще раз заявил о позиции нашего правительства: Сингапур станет последней страной-членом АСЕАН, которая обменивается дипломатическими представительствами с Китаем.

Этот визит в Китай мы готовили тщательнее и обдумывали детальнее, чем любой из моих зарубежных визитов. Мы знали от членов других делегаций, посещавших Китай, что китайцы подходят к этим визитам очень систематично и пытаются получить информацию от каждого члена делегации. Мы условились об общей позиции по ключевым вопросам со всеми высокопоставленными членами моей делегации. Во-первых, это был вопрос о дипломатическом признании и установлении дипломатических отношений. Мы не могли отказаться от нашей принципиальной позиции, что Сингапур должен был стать последней страной АСЕАН, установившей дипломатические отношения с Пекином, и мог пойти на это только после Индонезии. Во-вторых, это был вопрос о деятельности Советского Союза в Сингапуре. Мы не позволили бы Советскому Союзу вести любую деятельность, направленную против Китая, но экономика Сингапура была свободной, поэтому мы разрешили открыть в городе филиал «Московского народного банка» (Moscow Narodny Bank) для проведения торговых операций. Китайцы опасались, что русские покупали поддержку ведущих китайских бизнесменов. Мы решили заверить китайцев, что Сингапур относился к сильному Китаю без подозрений. Мы не стояли ни на просоветских, ни на прокитайских позициях, – мы занимали прозападную позицию, потому что это было в интересах Сингапура и его соседей. Мы были полностью осведомлены о деятельности Советского Союза в Сингапуре и странах региона и собирались и впредь внимательно следить за ней.

Мы ожидали, что китайцы будут настаивать на обмене офицерами связи или торговыми представителями, и решили дать ясно понять им, что это будет сделано только после того, как они обменяются подобными представительствами с Индонезией. Тем не менее, мы согласились бы с предложением, чтобы китайский представитель «Бэнк оф Чайна» работал в его сингапурском филиале. В то время как мы поощряли расширение торговли с Китаем и были

готовы допустить развитие таких относительно безобидных форм культурного и спортивного обмена как визиты команд по баскетболу, настольному теннису или трупп акробатов, но мы не хотели давать им никакого повода для ложных надежд относительно чего-то большего. Мы также не желали вступать в конфликт с Советским Союзом. Относительно Тайваня мы были готовы подтвердить нашу политику признания «единого Китая», а именно, – КНР. А самое главное, так как мы ожидали, что китайцы станут подчеркивать, что Сингапур являлся «родственным государством», то мы решили всячески подчеркивать нашу самобытность и независимость.

Я попросил китайскую сторону позволить продлить сроки моего визита, чтобы у меня была возможность увидеть в Китае как можно больше. Китайцы установили сроки визита с 10 по 23 мая 1976 года. Чтобы устранить всяческие подозрения относительно того, что мы ехали в Китай в качестве делегации родственников-китайцев, мы включили в состав нашей делегации, состоявшей из 17 человек, министра иностранных дел Раджаратнама (тамила, уроженца полуострова Джафна), парламентского секретаря Ахмада Маттара (малайца), которые должны были присутствовать на всех заседаниях. Сами переговоры должны были вестись на английском языке.

Поскольку прямого авиарейса из Сингапура в Пекин не было, делегация вылетела в Гонконг. Там мы пересели на поезд, который доставил нас к пограничному пункту Ло Ву (Lo Wu), где мы пешком пересекли границу с Китаем и пересели в специальный поезд, доставивший нас в Кантон (Canton). После обеда мы полетели на самолете британского производства «Трайидент» (Trident) в Пекин, где к нашему прибытию была приготовлена церемония встречи в аэропорту. После того как военный оркестр исполнил государственные гимны Сингапура и Китая, я осмотрел строй почетного караула из представителей всех родов войск Народно-освободительной армии Китая. Затем нас приветствовали примерно 2,000 школьников в цветных костюмах, которые размахивали китайскими и сингапурскими бумажными флагами и цветами, скандируя «Добро пожаловать» (Huan ying, huan ying) и «Сердечно приветствуем» (Re lie huan ying, Re lie huan ying). В аэропорту был установлен огромный транспарант, на котором по-китайски было написано: «Решительно поддерживаем народ Сингапура» (jian jue zhi chi xin jia po ren). Поддержки в адрес правительства Сингапура наши хозяева не высказывали. В отличие от церемонии встречи глав государств, с которыми у Китая были установлены дипломатические отношения, в «Жэньминь жибао» не была опубликована передовая статья, а в аэропорту меня не встречали представители дипломатического корпуса. За исключением этих моментов, они оказали мне все почести, предусмотренные официальным протоколом.

Премьер-министр Чжоу Эньлай умер в январе того же года, Дэн Сяопин попал в опалу, в Пекине его не было. Поэтому меня принял Хуа Гофэн (Hua Guofeng), который выглядел и действовал как жесткий руководитель службы безопасности коммунистической страны, которым он до того и являлся. Позиции сторон были заявлены во время официального банкета вечером 11 мая. Хуа Гофэн похвалил нас: «В сфере международных отношений Сингапур противостоит гегемонизму и проведению политики с позиции силы, выступает за мир и нейтралитет в Юго-Восточной Азии, активно развивает отношения со странами „третьего мира“ и вносит положительный вклад в развитие экономических отношений и торговли между странами». После этого он огласил стандартные обвинения в адрес «сверхдержавы – гегемониста», не прямо, но вполне очевидно обращаясь к Советскому Союзу, который продолжал проводить политику проникновения и расширения своего влияния в Юго-Восточной Азии после вывода американских войск из Вьетнама.

В ответном выступлении я сказал: «История свела вместе в Сингапуре китайцев, малайцев и индусов. Мы гордимся нашим наследием; на основе нашего общего опыта складывается своеобразный образ жизни. В силу географических факторов, наше будущее в большей степени зависит от наших соседей по Юго-Восточной Азии».

Между нами состоялись три официальные встречи общей продолжительностью семь часов. На первой встрече, состоявшейся 11 мая в Большом Дворце Народов и продолжавшейся три часа, Хуа Гофэн предоставил мне слово первому. Я изложил основные факты, относившиеся к Сингапуру. Малайзия и Индонезия подозревали, что Сингапур занимал

прокитайскую позицию, из-за того, что 75 % нашего населения составляли этнические китайцы. Американцы и русские также относились к нам с подозрением. Сингапuru приходилось бороться против этого упрощенного восприятия: раз большинство нашего населения составляли китайцы, то мы, якобы, должны были занимать прокитайскую позицию. Проблема заключалась в том, что часть нашего китайского населения действительно была настроена шовинистически. Это были представители старшего поколения жителей Сингапура, родившиеся в Китае, но они старели, и численность этой группы населения постепенно сокращалась. В городе жили также представители молодого поколения китайцев, получившие образование на китайском языке, которые не смогли выучить английский язык и найти хорошую работу. Хотя они не были так эмоционально привязаны к родине, как те жители, которые родились в Китае, они, в основном, были настроены прокитайски, а некоторые из них – прокоммунистически. Нам следовало следить за тем, чтобы они не причинили вреда Сингапuru.

Я добавил, что Сингапур не станет антикитайским. Чем сильнее становился Китай, тем более уравновешенным становился баланс сил между США, Советским Союзом и Китаем. Так было бы безопаснее и для всего мира, и для Сингапура. Если бы Китай пришел к выводу, что существование независимого Сингапура не противоречило интересам Китая, то многие разногласия между нашими двумя странами уменьшились бы. С другой стороны, если бы китайцы решили, что существование независимого Сингапура противоречило их интересам, или если бы Китай стремился привести к власти в Сингапуре коммунистическое правительство, то разногласия между нами усилились бы.

Вместо того, чтобы ответить на мои тезисы, Хуа Гофэн начал по бумаге излагать теорию «трех миров», которая в тот период представляла собой стандартное видение международной ситуации со стороны Китая. Язык выступления был по-революционному суров. По его словам, текущая международная ситуация должна была ускорить упадок сверхдержав и пробуждение стран «третьего мира». Соединенные Штаты и Советский Союз принадлежали к «первому миру», развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки и других регионов мира (включая Китай и Сингапур) – к «третьему миру», а развитые страны – ко «второму миру». Соединенные Штаты и Советский Союз боролись за мировую гегемонию, Соединенные Штаты перенапрягли свои силы, и русские хотели доминировать в мире. Пока это соревнование двух держав продолжалось, мир катился по направлению к новой войне, поэтому все страны мира должны были готовиться к подобному развитию ситуации. Тем не менее, Китай рассматривал и США, и Россию как «бумажных тигров», реальная сила которых не соответствовала их амбициям. Проводя политику экспансионизма и агрессии, русские должны были потерпеть поражение. Китай был озабочен тем, как бы в Азии «волка» (США) не сменил «тигр» (Россия). Его речь была произнесена на том неестественном языке, который использовался китайским радио и газетами для критики империалистов и ревизионистов.

12 мая, прямо перед началом второго раунда переговоров, китайский шеф протокола неожиданно примчался в наш пансион, чтобы сообщить, что нас примет Председатель Мао (Chairman Mao). Посещавшим Китай официальным лицам встречи с ним заранее, как правило, не назначались. После того как китайцы оценивали визитера, и приходили к выводу, что проведение такой встречи было бы целесообразно, они незадолго до встречи сообщали гостю, что он будет удостоен особой чести встретиться с великим китайским лидером. Моя жена и дочь были вызваны в нашу резиденцию прямо во время осмотра достопримечательностей Летнего дворца императрицы Довагер (Empress Dowager) без объяснения причин. Избранные члены нашей делегации: я, моя жена и дочь, Раджаратнам (министр иностранных дел), Хон Суй Сен (министр финансов) и К.Ч.Ли (министр культуры), – были доставлены в закрытую резиденцию Мао.

Кортеж автомобилей свернул в окруженный старыми стенами квартал напротив Большого Дворца Народов под названием Чжуннаньхай (Zhongnanhai), расположенный неподалеку от площади Тяньаньмынь. Мы проехали через покрытые лаком ворота в комплекс, застроенный невысокими виллами в китайском стиле, расположенными вокруг озера, остановились у одной из них, нас провели внутрь. В гостиной находился «великий кормчий» Мао Цзэ-дун (great helmsman Mao Zedong), одетый в светло-серый маоистский костюм, поддерживаемый двумя

помощниками. Мы обменялись рукопожатиям. Затем мы сели, приняв правильные позы, стараясь не скрещивать ноги, что, по китайским обычаям, является выражением непочтительности. На протяжении примерно 15 минут Мао говорил довольно-таки неразборчиво, и женщина средних лет с высоким голосом повторяла его слова на литературном китайском языке. В нескольких случаях она писала на листе бумаги большие китайские иероглифы и показывала их Мао, который подтверждал, что именно это он и имел в виду. Затем его речь переводили на английский. Тема беседы была несущественной. Китайцы оказали сингапурской делегации эту особую честь, чтобы показать, что они уделяли нам достаточно серьезное внимание. Мао больше не отличался тем острым интеллектом, который столь красноречиво описывали Никсон и Генри Киссинджер после встречи с ним в 1972 году. Я думал, что Мао было сложно не только внятно выговаривать слова, но и ясно формулировать свои мысли. Я предположил, что у него была болезнь Паркинсона, – в возрасте 82 лет он выглядел хрупким физически и умственно.

На следующий день главные китайские газеты, включая «Жэньминь жибао», поместили на первых полосах фотографию Мао, сидящего вместе со мной. На фотографии он выглядел лучше, чем на самом деле. Годы спустя журналисты и писатели спрашивали меня о том, каким он был. С предельной честностью я мог только ответить: «Не знаю». Человек, которого я видел, был тенью того человека, который командовал армией во время «Великого похода» (Long March), превратил партизанскую армию в могучую боевую силу, вел партизанскую войну с японцами, пока они капитулировали в августе 1945 года, нанес поражение националистической армии Гоминдана. В конце концов, начиная с 1949 года, Мао обеспечил пребывание КПК у власти. Он освободил Китай от бедности, деградации, болезней и голода, несмотря на то, что миллионы людей погибли от недоедания в результате проводившейся им политики «Большого скачка» (Great Leap Forward) в 1958 году. Тем не менее, он не освободил китайский народ от невежества и отсталости. «Китайский народ поднялся», – провозгласил Мао 1 октября 1949 года на площади Тяньаньмынь, но подняться высоко китайцам еще предстояло.

В тот же день, после обеда, у нас состоялась вторая встреча с Хуа Гофэном в Большом Дворце Народов. Он продолжал говорить на том же языке, что и накануне, рассказывая о том, что социалистический Китай твердо поддерживал борьбу стран «третьего мира» против империализма, колониализма и гегемонизма. Китай также поддерживал революционную борьбу во всех странах, при этом КПК поддерживала отношения со многими марксистско-ленинскими партиями во всем мире, но не вмешивалась во внутренние дела других стран. По его словам, отношения между партиями и отношения между государствами представляли собой нечто отдельное. Я не мог понять логики этих заявлений. Вместо прямого ответа Хуа Гофэн сказал, что действия правительства Малайзии по отношению к КПК и ее деятельности, и их отношения между собой являлись «исключительно внутренним делом Малайзии».

В отношении Индокитая он подчеркнул, что «интернациональным долгом» Китая являлась поддержка усилий народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи по отражению «агрессии США». Он сказал, что попытки Советского Союза вмешаться в конфликт и посеять разногласия между странами, вряд ли достигнут успеха, ибо эти государства не уступят дорого доставшуюся им независимость другой великой державе. Это был намек на борьбу в регионе между Китаем и Советским Союзом и проблемы, назревавшие в отношениях между Китаем и Вьетнамом.

На этом окончилась вторая официальная встреча, значившаяся в программе моего визита. На следующий день, после обеда, были запланированы «переговоры или отдых». Утро 13 мая ушло у нас на осмотр Великой китайской стены (Great Wall) и гробниц династии Мин. Было тепло, сухо и пыльно, нас мучила жажда. Экскурсия завершилась обильным китайским обедом в ресторане около гробниц династии Мин, во время которого я выпил много пива. Мы поехали обратно на лимузине «Красное знамя» (Red Flag), в котором не было кондиционера, и меня начало клонить в сон.

Когда мы прибыли в наш пансион Дяоюйтай, шеф протокола уже стоял у дверей, чтобы сообщить, что премьер-министр Хуа Гофэн ожидал нас и хотел встретиться со мной. Утром они не предупредили нас о том, что после обеда состоится встреча, иначе я не поехал бы на эту долгую, утомительную экскурсию. В программе визита говорилось, что после обеда должна

была состояться либо встреча, либо экскурсия в Храм Неба (Temple of Heaven). Поскольку они повезли нас на столь утомительный осмотр Великой китайской стены и гробниц династии Мин, мы посчитали, что после обеда у нас будет свободное время. Я устал от подъема на Великую китайскую стену и чувствовал сонливость после выпитого за обедом пива и 90-минутной поездки домой по жаре и пыли. Их тактика напомнила мне тактику коммунистов Сингапура, которые частенько пытались взять нас измором. Я поднялся наверх, принял холодный душ, выпил несколько чашек китайского чая и освежился, как мог. В 16 часов я спустился вниз на двухчасовую встречу.

Мы провели некоторое время, обсуждая тонкости межпартийных и межправительственных отношений. Я спросил: «Будете ли вы поддерживать Коммунистическую партию Индонезии, которая хочет освободить Сингапур, или считаете это несправедливой войной?» Он ответил: «Этот вопрос является гипотетическим, ибо такой проблемы не существует. Вторжение Индонезии в Восточный Тимор было ошибкой, – народ Восточного Тимора должен иметь право выбрать собственную социальную систему и правительство». Я настаивал: «Является ли правильным или ошибочным желание Коммунистической партии Малайзии, именующей себя Коммунистической партией Малайи, освободить Сингапур?» Он ответил: «Выбор собственной социальной системы и собственной формы правления является делом народа Сингапура». Я спросил: «Прав ли буду я, если скажу, что Китай не будет поддерживать освобождение Сингапура Коммунистической партией Малайи, ибо такое освобождение должно быть делом рук народа Сингапура, а не народа Малайзии?» Он выглядел озадаченным, потому что не знал, что Коммунистическая партия Малайи хотела освободить и Малайю, и Сингапур.

В этот момент Сяо Гуанхуа что-то в ярости набросал на листке бумаге и передал записку Хуа Гофэну. Как и подобало жесткому бывшему руководителю службы безопасности, он демонстративно отодвинул записку, не читая, и сказал, что он не знал ситуации, но добавил, что где бы коммунистические партии ни боролись за освобождение народов, они должны были победить, потому что история – на их стороне.

Я объяснил, что КПМ провозгласила себя коммунистической партией, целью которой было освобождение и Малайского полуострова, и Сингапура. Поэтому было бы полезно, чтобы на каком-то этапе КНР ясно заявила о своей позиции, – развитие отношений между правительством КНР и Сингапура является вполне нормальным. Тем не менее, любые межпартийные отношения должны строиться между КПК и Коммунистической партией Сингапура, стремящейся к освобождению Сингапура, но не с коммунистическими партиями иностранных государств, преследующими ту же цель, подобно Коммунистической партии Малайзии или Малайи.

Хуа Гофэн вновь повторил, что иностранная держава не может навязать социалистическую систему другой стране. Но это было не то, чего я боялся, я оказывал на него давление с тем, чтобы он подтвердил позицию Китая относительно того, что стремление Коммунистической партии Малайи освободить народ Сингапура было неверным в принципе. Он уклонился от ответа, сказав, что не знаком с предметом. Я вновь повторил свой вопрос, но Хуа Гофэн снова отказался прояснить свою позицию.

Вместо этого он перешел в наступление, подняв главный вопрос встречи, а именно: сотрудничество между Сингапуром и Тайванем в военной области. Хуа Гофэн начал мягко, сказав, что между народами Китая и Сингапура существовали давние, традиционные, дружеские отношения, а между народом Китая и жителями Сингапура китайского происхождения существовали отношения «подобные родственным». Он выразил надежду, что после моего визита эти отношения еще улучшатся. После этого он вдруг стал серьезным и строгим голосом сказал, что Сингапур поддерживает «отношения в военной области» с «кликкой Цзян Цзинго на Тайване». По его мнению, это противоречило позиции сингапурского правительства относительно признания «единого Китая» и неблагоприятно сказывалось на развитии отношений между нашими странами.

Я не стал защищаться, заявив, что Сингапур действительно стоял на позиции признания «единого Китая», и что Тайвань и континентальный Китай – единое государство. Тем не менее, в то время во главе Тайваня стояло националистическое правительство, сбежавшее туда из

Китая, поэтому мне приходилось иметь дело с теми, кто де-факто правил Тайванем. Если бы Тайванем управляла КНР, я бы обратился с просьбой о предоставлении полигонов для обучения войск к правительству КНР. Сингапуру необходимо было защищаться, но, из-за ограниченных размеров нашей территории, водного и воздушного пространства, мы вынуждены были проводить обучение наших войск в Таиланде, Новой Зеландии и Австралии. В 1975 году, перед началом полномасштабных учений наших войск на Тайване, министр иностранных дел Сингапура Раджаратнам сообщил министру иностранных дел КНР Сяо Гуанхуа, что эти действия ни в коей мере не означали изменения нашей позиции признания «единого Китая». Сяо Гуанхуа так до сих пор ничего и не ответил Радже. Хуа Гофэн подвел черту, заявив, что, ввиду существования в наших странах различных социальных систем, между ними имелись важные различия. Тем не менее, он подчеркнул, что это не имело значения, потому что в результате откровенного обмена мнениями обе стороны нашли много точек соприкосновения. Хуа выжал из меня столько, сколько смог.

Я сказал, что отчет о моей встрече с Председателем Мао в «Жэньминь жибао» не будет с восторгом встречен в странах Юго-Восточной Азии. Для Китая лучше было бы не посылать торговую миссию в Сингапур до тех пор, пока улягутся подозрения наших соседей, вызванные этой публикацией. Чем больше Китай будет демонстрировать, что Сингапур – «родственная страна», тем сильнее будут подозрения наших соседей. Сложность состояла в том, что в соседних с Сингапуром странах проживало значительное китайское меньшинство, которое играло непропорционально большую роль в экономике этих стран, и экономические успехи китайцев вызывали зависть и недовольство коренного населения. В тех странах, где они принадлежали к различным религиям, как это было в случае с мусульманским населением Малайзии и Индонезии, межнациональные браки были редкостью. Этим проблемам не было видно конца, и Китаю следовало с этим считаться, ибо это было важным, основополагающим фактором во взаимоотношениях между Китаем и другими странами Юго-Восточной Азии.

Хуа Гофэн сказал, что он уже очень ясно высказался в том плане, что «китайское правительство признает и уважает независимость и суверенитет Сингапура». Политика Китая по отношению к лицам китайского происхождения, проживавшим за рубежом, также была ясной: Китай не одобрял двойного гражданства. Китай поощрял этих людей принимать, по собственному желанию, гражданство тех стран, в которых они проживали. Все, кто поступили подобным образом, автоматически теряли гражданство Китая. Он был доволен, что подавляющее большинство жителей Сингапура китайского происхождения уже стали его гражданами и, вместе с людьми других национальностей (то есть «рас»), строили свою собственную страну. Традиционная дружба и «подобные родственным» отношения между народами Сингапура и Китая являлись благоприятной основой для развития отношений между странами. Его громоздкая, наполненная пропагандистскими клише риторика раздражала. Раджа считал, что ему не хватало изощренности и тонкости Чжоу Эньлая, который, по мнению Раджи, вел бы переговоры иначе, без использования коммунистического жаргона. Я был разочарован тем, что лидер такой огромной страны выглядел сильным и жестким, но был лишен тонкости. Хуа Гофэн просто стандартно излагал партийную линию по вопросам межнациональных отношений и позицию по отношению к лицам китайского происхождения. Пытаясь оправдать вмешательство Китая во внутренние дела Сингапура, Хуа Гофэн прибег к казуистике, пытаясь обосновать различия между межправительственными и межпартийными связями. Он также не признал существования противоречий между его теорией о том, что страна должна была быть освобождена изнутри, и китайской материальной и пропагандистской поддержкой Коммунистической партии Малайи, стремившейся освободить Сингапур силой. Сяо Гуанхуа и официальные лица министерства иностранных дел чувствовали себя неудобно, наблюдая за тем, как их премьер-министр безуспешно пытался запугать министров Сингапура.

В своей ответной речи на банкете два дня спустя я подчеркнул, что «Китай и Сингапур согласны в том, что им следует развивать отношения между странами, концентрируясь на тех вопросах, по которым существует согласие сторон, а не на тех, по которым существуют разногласия в результате различий между подходами стран к этим проблемам... Премьер-министр Хуа Гофэн сказал, что, в качестве социалистической страны, Китай поддерживает революционную борьбу во всех странах; но премьер-министр Хуа Гофэн также

сказал, что Китай не вмешивается во внутренние дела других стран, и что то, как правительство Сингапура обращается с коммунистами Сингапура, является его внутренним делом. Я верю, что на основе этого принципа невмешательства мы сможем развивать отношения между странами». Это публичное заявление должно было усилить мои позиции в противостоянии с Объединенным фронтом коммунистов Сингапура.

В тот же вечер, после банкета, премьер-министр Хуа Гофэн сопровождал меня по дороге из пансиона Дяюйтай на центральный железнодорожный вокзал Пекина. Мы ехали в лимузине «Красное знамя». На вокзале была устроена церемония проводов, во время которой тысячи школьников размахивали флажками и цветами, а также скандировали приветствия. Они разместили всех членов делегации, меня, а также охрану, персонал, отвечавший за соблюдение протокола и багаж в специальный поезд, в котором нам предстояло осуществить поездку по западным провинциям Китая.

Поезд отправился из Пекина в 22:15. В моем вагоне была самая большая ванна, которую я когда-либо видел. Меня удивляло, зачем кому-либо могла понадобиться ванна в поезде, который трясло и качало. Наверное, она была оборудована для Председателя Мао. Я проснулся в Тунчуане (Yangchuan), в провинции Шэньси (Shaanxi). После завтрака в поезде нас повезли по петлявшей в горах дороге в Дацай (Dazhai). Там перед нами выступил представитель революционного комитета, у которого был богатый опыт по части приема официальных делегаций. Мы прослушали хорошо поставленную речь о том, как революционный порыв преодолевает любые преграды. Ночь мы проспали в поезде, а проснулись в Сиане (Xian), где нам должны были показать недавние раскопки гробницы императора Цинь Ши-хуанди, – археологи как раз начали раскапывать терракотовых воинов.

Позднее, на приветственном ужине, устроенном революционным комитетом провинции Шэньси, мы услышали первую из многих речей, в которой, в соответствии с линией Хуа Гофэна, осуждался «капиталистический попутчик», проникший в КПК и пытавшийся восстановить капитализм. Я уже читал, что Дэн Сяопин был смещен со второй по значению должности в правительстве и осужден как «капиталистический попутчик». Когда я впервые услышал это выражение от Хуа Гофэна, я не обратил на это особого внимания, но, из-за постоянных повторов в каждом месте, которое мы посещали, я пришел к выводу, что это, должно быть, являлось серьезным вопросом. Этот остававшийся безмянным человек, должно быть, был важной персоной, раз его необходимо было вновь и вновь подвергать осуждению.

На следующее утро мы отправились в Яньань (Yenan), где находилась легендарная база 8-ой армии, и в лессовую пещеру, в которой учился Мао. В мемориальном музее, молодая женщина-гид, говорила с нами как рьяный евангелист и проповедник. Она говорила о Мао с религиозным чувством, будто бы он был Богом, а Чжоу Эньлай и другие «бессмертные» участники «Великого похода» – его архангелами. Под стеклом было помещено чучело небольшой белой лошади, на которой Чжоу Эньлай проделал часть пути во время «Великого похода». Речь гида была настолько навязчивой, что Чу и Линь вышли из зала, предоставив мне изображать интерес и давать вежливые ответы.

Мы провели ночь в Яньчане (Yangchialing) – самом большом городе поблизости от Яньани. От председателя революционного комитета префектуры мы вновь услышали неизбежные обвинения в адрес «капиталистического попутчика». Мы вернулись на самолете в Сиань и остановились в просторном комплексе, предназначенном для приема гостей, в котором мне выделили апартаменты с огромной ванной и гардеробной комнатами. Мне сказали, что они были построены специально для Председателя Мао. Проживание в этих шикарных пансионах было привилегией пекинских и провинциальных руководителей.

Затем мы полетели в Шанхай (Shanghai), где нас снова приветствовали танцующие школьницы в цветастых одеждах, с бумажными флажками и цветами. За ужином молодой председатель муниципального ревкома Шанхая выступил со страстным осуждением «коммунистического попутчика». Мы узнали, что среди всех городов и провинций Китая Шанхай был наиболее левацки настроенным. Город являлся базой радикалов, группировавшихся вокруг жены Мао Цзянь Цин (Jiang Qing) и «банды четырех», члены которой вскоре после смерти Мао были арестованы и посажены в тюрьму.

К моменту завершения турне по провинциям между китайскими официальными лицами и

членами моей делегации, говорившими по-китайски, возникли своего рода дружеские отношения. Они подшучивали друг над другом, помогая один другому за столом, с иронией произнося один из лозунгов Мао: «Полагаться на себя, помогать самим себе», – (zi li geng sheng), что означало – «помогать мне не нужно, я возьму блюдо самостоятельно». Лед между ними таял. За вымуштрованной, дисциплинированной внешностью коммунистических кадровых работников скрывались живые люди, которым нравились хорошее вино и пища, которыми они могли наслаждаться только во время визитов официальных делегаций.

Во время последнего ужина в ревкоме провинции Гуандун (Guangdong) и муниципальном ревкоме Гуанчжоу (Guangzhou) (Кантон) судьба сжалилась над нами: была произнесена лишь одна речь и высказано лишь одно, последнее осуждение в адрес «капиталистического попутчика», да и то абсолютно без всякой страстности и убежденности.

На следующее утро нам устроили красочные проводы на железнодорожном вокзале Кантона перед посадкой в специальный поезд, идущий в Шенчжень (Shenzhen). Теперь уже в последний раз сотни школьников, подпрыгивая на месте и размахивая бумажными флажками и цветами, нараспев проскандировали слова прощания. Меня интересовало, как они могли отрывать школьников от занятий ради этой показухи. Через два часа мы прибыли в Ло Ву. Пересекая границу с Китаем, мы почувствовали облегчение, что скандирования и лозунги остались позади.

Мы все стремились увидеть этот новый, загадочный Китай. Для этнических китайцев, живших в Юго-Восточной Азии, он обладал мистическим притяжением земли предков. Китайцы одевали своих детей в лучшие одежды для участия в церемониях встреч и проводов в аэропортах, на вокзалах, в детских садах и других местах, которые мы посещали. Они надевали эти цветные платица, свитера и курточки только в особых случаях, тщательно сохраняя их в гардеробах до следующего раза. Основная масса китайцев была одета в грубые, темно-синие или темно-серые, плохо подогнанные и одинаковые для мужчин и женщин жакеты в стиле Мао. Тогда мы еще не знали, что это были последние месяцы правления Мао. Он умер через четыре месяца, в сентябре того же года, после землетрясения в городе Таншан (Tangshan). Позднее, я радовался тому, что мне удалось лично увидеть Китай до того, как Дэн Сяопин начал проводить реформы, самому увидеть это насильственно насаждаемое однообразие в речах и одеждах, самому услышать эту отупляющую пропаганду.

Все, с кем мы встречались и говорили, давали одни и те же ответы на наши вопросы. В Пекинском университете я спросил студентов, что они собирались делать после выпуска. Ответы были стандартными: «Я буду делать то, что решит партия, чтобы принести наибольшую пользу народу». Было тревожно слышать, как молодые люди с высокоразвитым интеллектом отвечали, подобно попугаям. Ответы были политически корректными, но не искренними.

Это был странный мир. Я уже до того читал о Китае, особенно после визита Никсона. Тем не менее, от непрерывного обстрела гигантскими лозунгами, написанными или развешенными на стенах домов, от гигантских плакатов, установленных посреди пшеничных и рисовых полей, веяло сюрреализмом. Эти же лозунги гремели из громкоговорителей на вокзалах и в парках, звучали по радио, – это отупляло. Мы не обнаружили в людях подобного рвения, за исключением тех случаев, когда им приходилось, выражая притворное одобрение, говорить с нами о «культурной революции». Это было что-то вроде китайских «потемкинских деревень».

Дацай был показательной коммуной в горной, малопродуктивной провинции Шэньси на северо-востоке Китая. Китайские средства массовой информации годами восхваляли Дацай за регулярно собираемые сказочные урожаи. Дацин (Daqing) на северо-востоке страны был районом нефтяных промыслов. Лозунг Мао гласил: «Чтобы научиться сельскому хозяйству – изучайте Дацай, чтобы изучить промышленность – изучайте Дацин» (Nong ye xue Dazhai. Gong ye xue Daqing). Поэтому я и попросил китайцев показать мне Дацай.

Десять лет спустя они признали, что Дацай был сплошным обманом. Тамошние сказочные урожаи были результатом специальных добавок, повышавших урожайность. В Дацине «образцовые» рабочие не извлекали из нефтяных пластов максимально возможного количества нефти из-за плохой технологии, и месторождения приходили в упадок. Революционное рвение не могло заменить знаний ни в сельском хозяйстве, ни в добыче полезных ископаемых. Постулат маоистской эры «Лучше быть красным, чем специалистом» (Better Red than Expert)

являлся ошибочным и использовался для одурачивания людей.

В каждом провинциальном центре председатель революционного совета (или губернатор, как их стали называть после того, как официально закончилась «культурная революция») устраивал ужин в мою честь. И каждый из них произносил те же самые обвинения и ругательства в адрес «капиталистического попутчика», что являлось кодовым названием для Дэн Сяопина. Мы не понимали ни смысла происходящего, ни того иносказательного языка, который они использовали для обвинений в его адрес. Я наблюдал за лицами людей, невозмутимо читавших речь по бумаге. Переводчики заранее знали содержание речей и просто повторяли штампованные фразы на английском языке снова и снова. Меня интересовали их подлинные чувства, но никто из них себя не выдавал.

Впечатления были настолько противоречивыми, что потребовалось некоторое время, чтобы разобраться в них. Даже если китайцы подслушивали нас, как это делали русские в Москве в 1970 году, они этого не показывали. С нами была наша дочь Вей Линь (Wei Ling) – студент-медик третьего курса. Она окончила общеобразовательную Высшую школу для девочек Наньян (Nanyang Girls' High School), где на протяжении 10 лет она училась на китайском языке. После этого Вей Линь стала изучать медицину в нашем университете на английском языке. У нее не было проблем с языком, но ей было невероятно трудно понять, что китайцы имели в виду на самом деле. Когда в посещаемых нами провинциальных городах она в одиночку прогуливалась по улицам, вокруг нее собирались толпы любопытных, – их интересовало, откуда она. Она отвечала, что из Сингапура. Тогда ее спрашивали, где находится Сингапур. Присутствовавшие на банкетах женщины также интересовались ею. Она выглядела как китаянка, говорила на их языке, но вела себя иначе, – не стесняясь, свободно разговаривая в компании взрослых. По сравнению с ними она была хорошо одета, была более оживленной и общительной. Вей Линь казалась им прилетевшей с Луны, она и сама чувствовала, что отличается от них. На нее, как и на меня, оглушающе и отупляюще действовал непрерывный поток пропаганды, лившийся из радио– и громкоговорителей.

Впечатления моей дочери были настоящим открытием. Она изучала докоммунистическую историю и литературу Китая в китайской школе и ожидала увидеть исторические памятники, произведения культуры, чудесные ландшафты, особенно те, о которых упоминалось в отрывках, которые она учила в школе наизусть. Тем не менее, увидев рядом с носившими романтические названия горами и храмами нищету, она убедилась, что гордость китайцев тем, что Китай являлся наиболее старой из непрерывно существовавших на земле цивилизаций, являлась препятствием для того, чтобы догнать развитые страны. Сингапур был в лучшем положении, чем Китай, ибо не сталкивался с этим препятствием.

Ее удивляло то, насколько китайцы отличались даже от жителей тех восточноевропейских стран, которые она посетила со мной до того. Китайцы были и более изолированы от внешнего мира, и весьма тщательно проинструктированы относительно того, как давать политически корректные ответы. Так было в любой провинции, с любым официальным лицом, сколь бы низкую должность оно не занимало. У нее было не так уж много возможностей вступить в контакт с простыми людьми, – во время прогулок и пробежек ее сопровождал эскорт телохранителей, изолировавших ее от публики. Она порядком устала от постоянного чтения написанных большими иероглифами лозунгов типа: «Критикуй Конфуция, критикуй Дэн Сяопина», «Разгроми буржуазных экономистов» (sic!), «Да здравствует всепобеждающее учение Мао Цзэ-дуна!» Ее поражало безоговорочное послушание людей властям. К концу визита она была счастлива, что ее предки решили попытаться счастья в «странах южных морей».

До этого визита наше правительство строго придерживалось правила, запрещавшего жителям Сингапура моложе 30 лет посещать Китай. Вернувшись домой, я дал указание пересмотреть это правило, убежденный своими собственными наблюдениями и впечатлениями Линь, что лучшим способом уничтожить романтические идеи о великой родине, было бы послать людей в Китай, причем на возможно более долгий срок. Вскоре после этого ограничение было снято.

Меня поразили размеры Китая и огромные различия между его тридцатью провинциями. К чему я не был готов, так это к огромному разнообразию диалектов, с которыми я столкнулся. Понимать некоторых китайцев было тяжело. Премьер-министр Хуа Гофэн был уроженцем

провинции Хунань (Hunan) и говорил с сильным акцентом. Весьма немногие люди, с которыми я встречался, говорили на стандартном, общепринятом китайском литературном языке (Mandarin). Диапазон диалектов и акцентов, использовавшихся людьми, когда они говорили на китайском литературном языке, был слишком велик. К примеру, когда мы прибыли в Гуанчжоу, сопровождавший меня китайский переводчик (отличный переводчик!) не смог понять пожилого члена революционного совета, уроженца острова Хайнань (Hainan), несмотря даже на то, что тот говорил на литературном языке. Я понимал его, потому что в Сингапуре жило много выходцев с Хайнаня, которые говорили подобным образом, так что я переводил слова члена революционного совета с Хайнаня китайскому переводчику! Это лишь небольшой пример тех трудностей, которые приходится преодолевать китайцам, в их попытках объединить страну путем использования общего языка. Китай по территории и населению в полтора раза превышает размеры континентальной Европы. 90 % китайцев являются китайцами-ханьцами (Han Chinese), использующими единый алфавит. Тем не менее, они используют различные согласные и гласные звуки при написании одних и тех же слов, а употребляемые ими идиомы и сленг (slang) различаются не только в разных провинциях, но и в соседних городах одной и той же провинции. Китайцы пытались создать общепринятый язык, начиная со свержения династии Цин в 1911 году, но пройдет еще немало времени, прежде чем они добьются в этом успеха. С развитием спутникового телевидения, радио и мобильных телефонов китайцы, возможно, сумеют добиться этого на протяжении жизни следующих одного-двух поколений, да и то лишь в среде более образованных представителей молодого поколения.

На протяжении двухнедельного визита в Китай мы ежедневно пребывали в движении, сопровождаемые принимавшими нас хозяевами в различных провинциях, референтами МИДа по странам Юго-Восточной Азии, переводчиками, офицерами, отвечавшими за протокол, багаж и безопасность, которые находились рядом с нами на всем протяжении пути от Пекина до Гуанчжоу. К концу путешествия их компания стала нас утомлять. В их команде были официальные лица, которые говорили на любом языке и диалекте, на котором разговаривали мы. Пытались ли мы говорить на хоккиен, малайском, или английском, среди китайских официальных лиц всегда находился кто-то живший до того в Юго-Восточной Азии, или прослуживший много лет в Индонезии и говоривший на малайском, индонезийском бахаса или диалекте хоккиен как на родном языке. Таким образом, нас могли подслушивать и понимать. Нам не удавалось поговорить между собой на таком языке, которого бы они не понимали. В те редкие вечера, когда мы ужинали в узком кругу, мы весело проводили время, обмениваясь впечатлениями.

Во время каждой остановки заботившиеся о нас и наших нуждах пекинские официальные лица втягивали членов в наших делегаций в разговоры. Их целью было выяснить нашу позицию по различным вопросам и наше отношение к их позиции. Их подход отличался тщательностью. Представители нашей прессы рассказали нам, что они видели, как китайцы каждый вечер, до поздней ночи, обсуждали результаты и составляли детальные отчеты о своих разговорах и наблюдениях. Меня интересовало, кто будет читать эти отчеты, – по тому как серьезно они относились к их составлению, было очевидно, что кто-то должен был с ними знакомиться. Я пришел к выводу, что одной из причин их стремления к тому, чтобы я посетил Китай, было желание китайцев непосредственно встретиться со мной и оценить мой характер и взгляды.

Когда мы прощались с китайцами на железнодорожном вокзале в Гуанчжоу, китайский референт, отвечавший за страны Юго-Восточной Азии, высокий, нездорового вида человек лет пятидесяти, сказал К.Ч.Ли, что, понаблюдав за мной на протяжении двух недель, он пришел к выводу, что я – жесткий и твердый человек. Я воспринял это как комплимент. Когда они захлопали в ладоши в унисон, чтобы поприветствовать меня, я помахал им рукой. Я не захлопал в ладоши, как полагалось по их обычаям, – мне это казалось смешным. Так я дал им понять, что я – житель Сингапура и отличаюсь от них. Я не чувствовал себя одним из них, такой же была реакция Чу и Линь. Действительно, никогда еще мы так сильно не чувствовали, что не являемся китайцами, как во время того, первого визита.

Я неудобно чувствовал себя и тогда, когда, во время посещения китайских фабрик или выставок мне предлагали, по китайскому обычаю, кисть, китайские чернила на подносе и лист рисовой бумаги или чистую страницу в книге, чтобы я написал свой отзыв. Поскольку мое

знакомство с китайской кистью для написания иероглифов ограничивалось несколькими месяцами обучения в начальной школе, я вынужден был отказываться и просить обычную ручку, чтобы написать свой отзыв на английском языке.

Ощущение того, что я не являюсь китайцем, стало менее острым после того, как я перестал обращать внимание на различия в их манере говорить, одеваться и вести себя. Тем не менее, во время того, первого визита, китайцы и их манеры показались нам совершенно чуждыми. На юге Китая мы внешне могли сойти за одного из них, но даже там мы остро ощущали себя чужаками. Мне еще предстояло узнать, что китайское общество так до конца и не приняло многих наших молодых студентов, которые в 50-ых годах вернулись в Китай, чтобы внести вклад в дело революции. Они были «хуацяо» (hua qiao) или «заморскими китайцами» и всегда отличались от местного населения, держались особняком, считались «мягкотелыми» и не вполне «своими». Жаль, – ведь они вернулись в Китай, потому что очень хотели внести свой вклад в его развитие, стать частью китайского общества. К ним относились, вернее, должны были относиться иначе, чем к местным жителям, предоставляя недоступные последним льготы и привилегии, без которых жизнь была бы для приезжих слишком трудной. Из-за этих льгот и привилегий на них косо смотрели, – это было нелегко и для приезжих, и для местных жителей. Родственные чувства были вполне приемлемы при условии, что зарубежные родственники жили где-то далеко, иногда присылали поздравления или приезжали в гости, привозя подарки; но если родственник хотел остаться в Китае, то, за исключением тех случаев, когда он обладал какими-либо специальными знаниями или квалификацией, он становился обузой. Многие из тех, кто вернулся в Китай полными романтических, революционных идеалов, закончили свой путь, эмигрировав в Гонконг и Макао. Там они нашли более благополучную жизнь, более похожую на жизнь в Сингапуре и Малайе, которые они когда-то презирали и покинули. Многие из них обращались с просьбой вернуться в Сингапур. Наш Департамент внутренней безопасности настоятельно высказывался против этого, подозревая в них агентов КПМ, которые причинили бы нам неприятности. Это было совершенно неверно, – эти люди полностью разочаровались в Китае и коммунизме и были бы самой лучшей прививкой против вируса маоизма.

Внешне мы очень похожи на китайцев из южных провинций Китая. У нас общие культурные ценности, касающиеся отношений между полами, взаимоотношений в кругу семьи, уважения к старшим и других социальных норм, касающихся семьи и друзей. Тем не менее, наше видение окружающего мира и нашего места в этом мире весьма отличается. Китайцы – жители огромной страны, которые чувствуют себя абсолютно уверенными в том, что, стоит им привести дела в порядок, и их стране будет гарантировано место на самой вершине всемирной табели о рангах, – это только вопрос времени. Теперь, после того как китайцы восстановили свою самую старую в мире цивилизацию, насчитывающую 4,000 лет никогда не прерывавшейся истории, никто из них не сомневается в неизбежности такого исхода. У нас же, эмигрантов, оторвавшихся от родной земли, пересаженных на иную почву, подобная уверенность в себе отсутствует. У нас нет твердой уверенности в завтрашнем дне, мы живем в вечном беспокойстве относительно того, что еще уготовано для нас судьбой в этом нестабильном и быстро меняющемся мире.

Глава 37. Китай эпохи Дэн Сяопина

Моя встреча с вице-премьером Дэн Сяопином была незабываемой. В ноябре 1978 года щеголеватый, коренастый человек в возрасте 74 лет, ростом не выше 5 футов (152 см), одетый в бежевый костюм в стиле Мао, спустился по трапу самолета «Боинг-707» в аэропорту Пая-Лебар. Он торопливо обошел строй почетного караула, а затем отправился вместе со мной в Виллу Истана (Istana Villa), – резиденцию для официальных лиц в районе Истана. В тот же день после обеда мы встретились для официальных переговоров в моем кабинете.

Во время пребывания в Пекине я заметил в Большом Дворце Народов плевательницы, поэтому я распорядился, чтобы рядом с Дэн Сяопином были поставлены бело-голубые фарфоровые плевательницы. Я читал, что он регулярно пользовался ими. Специально для него я также поставил пепельницу, хотя в комнатах с кондиционированным воздухом в Вилле

Истана курить запрещалось. Это был жест уважения по отношению к великому человеку в истории Китая. Я также позаботился о том, чтобы вытяжной вентилятор в комнате был включен.

Я приветствовал его в качестве великого китайского революционера. Дэн Сяопин ответил, что уже бывал в Сингапуре, – в 1920 году, за 58 лет до того, он уже останавливался в Сингапуре на два дня по пути во Францию. Когда я находился с визитом в Пекине в 1976 году, Дэн Сяопин не мог встретиться со мной, – в тот период он был в опале. Он был побежден «бандой четырех», но, в конце концов, они сами потерпели поражение. Следующие два с половиной часа он говорил о советской угрозе. Все страны и народы, которые не хотели войны, должны были выступить единым фронтом против ее поджигателей. Дэн Сяопин процитировал Мао: «Мы все должны объединиться, чтобы справиться с „черепашьями яйцами“ (wang ba dan)». (Последнее выражение наш переводчик перевел как «сукины дети») Он дал всесторонний анализ советских маневров в Европе, на Ближнем Востоке, в Африке, Южной Азии и, наконец, в Индокитае. Во Вьетнаме Советы добились огромного успеха. Дэн Сяопин сказал, что некоторые не понимали, почему отношения между Китаем и Вьетнамом были настолько плохими, и почему Китай прекратил оказание помощи Вьетнаму, что не только не способствовало возвращению Вьетнама в сферу влияния Китая, но еще сильнее подтолкнуло Вьетнам в объятия Советского Союза. На самом же деле, вопрос был в том, почему Вьетнам считал для себя приемлемым полностью попасть в объятия Советского Союза, хотя это было не в его интересах. Ответ заключался в том, что во Вьетнаме «на протяжении многих лет упоенно мечтали об Индокитайской федерации». Эту идею вынашивал еще Хо Ши Мин, но Китай никогда не соглашался с этим, и Вьетнам рассматривал Китай как наибольшее препятствие для осуществления идеи федерации. В Китае пришли к выводу, что позиция Вьетнама не изменится и будет становиться все более антикитайской. Одним из проявлений этой политики было изгнание этнических китайцев из Вьетнама. После тщательного анализа ситуации было решено прекратить китайскую помощь Вьетнаму.

Дэн сказал, что объем китайской помощи Вьетнаму составил 10 миллиардов долларов, а в ценах сегодняшнего дня, – 20 миллиардов долларов. Когда Китай прекратил оказание помощи Вьетнаму, Советскому Союзу пришлось нести эту ношу в одиночку. Когда же Советский Союз не смог в одиночку удовлетворить нужды Вьетнама, он добился приема Вьетнама в СЭВ (Совет экономической взаимопомощи – коммунистический аналог ЕС), чтобы переложить этот груз на страны Восточной Европы. Вьетнамцы также «пускали шапку по кругу» обращаясь за помощью к Америке, Японии, Франции, странам Западной Европы и даже к Сингапуру. Он сказал, что через десять лет Китай снова подумает о том, как оторвать Вьетнам от Советского Союза. Про себя я подумал, что Дэн Сяопин являлся полной противоположностью американским лидерам, ибо он пытался заглядывать в будущее на долгосрочную перспективу.

Дэн Сяопин сказал, что реальной и неотложной проблемой было возможное широкомасштабное вторжение Вьетнама в Камбоджу. Он риторически спросил, что будет в этом случае делать Китай, и сам же ответил, что действия Китая будут зависеть от того, как далеко зайдет Вьетнам. Он повторил эти слова несколько раз, не принимая на себя конкретных обязательств нанести Вьетнаму ответный удар. Дэн сказал, что, если Вьетнам добьется успеха в восстановлении контроля над всем Индокитаем, то многие азиатские страны окажутся под угрозой. Индокитайская федерация будет расширять свое влияние, способствуя реализации глобальной стратегии Советского Союза, стремившегося к продвижению на юг, к Индийскому океану. В рамках этой стратегии Вьетнаму отводилась роль «азиатской Кубы». Советский Союз стремительно наращивал силы своего Тихоокеанского флота. На протяжении последних двух лет мир стал свидетелем серьезных потрясений, что было очевидно по событиям, происходившим во Вьетнаме, Афганистане, Иране и Пакистане, которые все указывали на стремление Советского Союза прорваться в южном направлении. По его словам, политика Китая заключалась в том, чтобы противостоять стратегическому развертыванию сил Советского Союза. Где бы Советский Союз ни наносил удар, будь-то Сомали или Заир, Китай всегда будет оказывать помощь по отражению нападения. Чтобы сохранить мир, страны АСЕАН должны были объединиться с Китаем и отразить агрессию Советского Союза и Вьетнама, игравшего роль «азиатской Кубы». Два переводчика, сопровождавшие его, не вели

подробный протокол беседы, лишь один из них сделал несколько замечок. Я пришел к выводу, что Дэн, должно быть, устроил такие же презентации в Куала-Лумпуре и Бангкоке, поэтому они знали его речь наизусть. Я спросил его, хотел ли он, чтобы я ответил ему сразу, либо отложить наш разговор до завтра, чтобы у него было время переодеться к ужину, а у меня – подумать над сказанным. Дэн предпочел поужинать.

За ужином он был общительным и дружелюбным, но все еще чувствовал себя напряженно. Возможное вторжение Вьетнама в Камбоджу сильно волновало его. Когда я попытался нажать на него, вновь спросив, каковы будут, в этом случае, действия Китая, особенно после того, как премьер-министр Таиланда генерал Криангсак занял сторону Китая, оказав Дэну такой теплый прием в Бангкоке, он снова пробормотал, что это будет зависеть от того, как далеко зайдут вьетнамцы. У меня сложилось впечатление, что, если вьетнамцы не переправятся через реку Меконг (Mekong), то это не будет представлять серьезной опасности, но если они перейдут через Меконг, – Китай что-то предпримет.

Дэн Сяопин пригласил меня вновь посетить Китай. Я сказал, что приеду после того, как Китай оправится от последствий «культурной революции». Дэн ответил, что это займет много времени. Я парировал, сказав, что у китайцев не должно было возникнуть каких-либо проблем с тем, чтобы начать движение вперед и добиться лучших результатов, чем Сингапур: ведь мы были потомками безграмотных, безземельных крестьян из провинции Фуцзянь и Гуандун, а они – потомками ученых, мандаринов (чиновников) и литераторов, которые остались в Китае. Дэн промолчал.

На следующий день я излагал свою позицию на протяжении часа, вернее, даже получаса, без переводчика. Я подытожил все, что он сказал о советской угрозе, упомянув о хорошо аргументированном отчете Лондонского Института стратегических исследований (International Institute of Strategic Studies). Я указал на то, что канцлер Германии Гельмут Шмидт, президент Франции Валери Жискар Д'эстен и американские лидеры в Вашингтоне, – все по-разному высказывались об угрозе, исходившей от Советского Союза.

Некоторые из них считали, что Советы расходовали слишком большую часть своих ресурсов на вооружения. В любом случае, такие маленькие страны как Сингапур могли только наблюдать за глобальными тенденциями, но не могли повлиять на конечный результат.

Нам приходилось анализировать ситуацию с региональной, а не глобальной точки зрения. Вывод американских войск из Вьетнама и Таиланда после окончания войны во Вьетнаме создал для нас проблемы. Было ясно, что американцы больше никогда не вступят в бой с коммунистическими повстанцами на азиатском континенте. Далее, нас интересовало то, как долго американские войска будут оставаться на Филиппинах, чтобы создать противовес растущей мощи советского флота в Индийском и Тихом океанах. В Сингапуре хотели, чтобы Соединенные Штаты оставались на Филиппинах.

Чтобы смягчить беспокойство Дэн Сяопина по поводу отношений Сингапура с Советским Союзом, я перечислил наших основных торговых партнеров: Японию, США, Малайзию и страны Европейского сообщества, – на каждого из которых приходилась от 12 % до 14 % нашего внешнеторгового оборота. На долю Китая приходилась 1.8 %, Советского Союза – 0.3 %, так что вклад Советского Союза в развитие нашей экономики был ничтожным. Меня также не стоило убеждать относительно гегемонистских устремлений русских. Я напомнил ему как в 1967 году, после посещения Абу-Симбела (Abu Simbel) и Асуана (Aswan) в Египте, во время моего возвращения в Каир на египетском самолете в сопровождении египетского министра, уже перед посадкой самолета в кабине летчика возникло замешательство. Министр извинился и прошел в кабину самолета. После того, как самолет приземлился, я узнал, что советский летчик другого самолета заявил диспетчерам аэропорта, что не понимает по-английски, и потребовал, чтобы его самолету разрешили приземлиться ранее, чем нашему самолету, в котором летела официальная делегация. Египетскому министру пришлось прокричать свои команды из кабины самолета, чтобы добиться приоритетной посадки самолета, перевозившего официальных лиц. Так что меня не стоило убеждать в высокомерии русских.

Китай хотел объединить страны Юго-Восточной Азии, чтобы изолировать «русского медведя», в то время как наши соседи хотели объединиться с нами, чтобы изолировать

«китайского дракона». В странах Юго-Восточной Азии не было «заморских русских», стоявших во главе коммунистических повстанцев, но были «заморские китайцы», поощряемые и поддерживаемые Коммунистической партией Китая и правительством Китая, и угрожавшие Таиланду, Малайзии, Филиппинам и, в меньшей степени, Индонезии. Кроме того, Китай открыто настаивал на особых отношениях с китайцами, проживавшими за рубежом, ввиду связывавших их кровных уз, и напрямую обращался к их патриотизму через головы правительств стран, гражданами которых они являлись, убеждая их вернуться и помочь Китаю в проведении «четырех модернизаций».

За несколько недель до того, в октябре, в Сингапуре находился с визитом премьер-министр Вьетнама Фам Ван Донг. Он сидел на том же месте, где сейчас сидел Дэн. Тогда я спросил его о причинах проблем в отношениях между Вьетнамом и этническими китайцами, или «народностью хоа» (Hoa people). Фам Ван Донг грубо ответил, что, как этническому китайцу, мне следовало бы знать, что этнические китайцы будут всегда поддерживать Китай, так же как вьетнамцы будут поддерживать Вьетнам, где бы они ни проживали. Меня не столько беспокоили мысли Фам Ван Донга, сколько то, что он, вероятно, наговорил лидерам Малайзии. Я напомнил другой инцидент, во время которого постоянный представитель Вьетнама в ООН заявил постоянным представителям четырех стран АСЕАН, что вьетнамцы относились к людям «народности хоа, как равным», но те оказались неблагодарными. В этом якобы и заключалась причина массового бегства 160,000 этнических китайцев из Ханоя в Китай через границу, тогда как китайцы на юге бежали из Вьетнама на лодках. Постоянный представитель Индонезии в ООН, забыв, что его коллеги из трех других стран АСЕАН сами были этническими китайцами, ответил на это, что вьетнамцы были слишком добры к «народности хоа», и что им следовало бы поучиться у Индонезии. Поэтому у Дэн Сяопина не должно было быть никаких сомнений в том, насколько подозрительно относились к Сингапuru его соседи.

Я добавил, что Фам Ван Донг возложил венок к Национальному монументу Малайзии (Malaysia's National Monument), а Дэн Сяопин отказался сделать это. Фам Ван Донг также пообещал, что Вьетнам не будет помогать повстанцам, Дэн этого также не сделал. Поэтому в Малайзии должны были относиться к нему с подозрением. Между малайцами-мусульманами и китайцами в Малайзии, между жителями Индонезии и проживавшими там этническими китайцами существовала затаенная подозрительность и вражда. Так как Китай занимался «экспортом революции» в страны Юго-Восточной Азии, то мои соседи по АСЕАН хотели, чтобы Сингапур объединился с ними, и не против Советского Союза, а против Китая.

Я сказал, что правительства стран АСЕАН рассматривали радиотрансляции из Пекина, предназначавшиеся для этнических китайцев, в качестве опасной подрывной деятельности. Дэн молча слушал, ему никогда и в голову не приходило, что действия Китая рассматривались подобным образом, а именно: Китай, большое иностранное государство, занимался подрывной работой среди жителей других стран через голову их правительств. Я сказал, что было весьма маловероятно, чтобы страны АСЕАН позитивно отнеслись к его предложению об организации объединенного фронта против Советского Союза и Вьетнама, и предложил ему обсудить пути решения этой проблемы. После этого я сделал паузу.

Выражение лица Дэн Сяопина и его жесты выражали испуг. Он знал, что я говорил правду. Внезапно он спросил: «Что же Вы хотите, чтобы я сделал?» Я был потрясен: никогда еще не встречал я коммунистического лидера, который был бы способен отклониться от первоначального плана переговоров, убедившись, что тот не соответствовал реальности, а уж тем более спросить меня, что бы я хотел, чтобы он сделал. Я ожидал, что он просто отодвинет в сторону мои соображения, как это сделал Хуа Гофэн в Пекине в 1976 году, когда я указал ему на непоследовательность политики Китая, поддерживавшего Коммунистическую партию Малайи, раздувавшую пожар революции в Сингапуре, а не в Малайе. Тогда Хуа Гофэн гневно ответил, что он не был знаком с деталями, но добавил, что «где бы коммунисты ни боролись, — они обязательно победят». С Дэном было не так. Он понял: чтобы добиться изоляции Вьетнама, ему следовало всерьез заняться этой проблемой. Я колебался, стоило ли говорить этому закаленному, мужественному революционеру, что ему необходимо было предпринять, но, поскольку он сам спросил меня об этом, я сказал: «Прекратите подобные радиотрансляции,

прекратите подобные призывы. Для этнических китайцев, проживающих в странах АСЕАН, будет лучше, если Китай не будет подчеркивать существование родственных отношений и играть на их этнических чувствах. Коренное население всегда будет настроено подозрительно по отношению к ним, независимо от того, станет ли Китай играть на родственных чувствах китайцев, или нет. Если же Китай будет делать это столь очевидно, то это только усилит подозрительность местного населения. Китай обязан прекратить радиотрансляции, ведущиеся компартиями Малайи и Индонезии из Южного Китая».

Дэн ответил, что ему потребуется время, чтобы подумать над моими словами, добавив, что у Фам Ван Донга он учиться не станет. Дэна также просили возложить венок к Национальному монументу Малайзии, который увековечивал память тех, кто убивал коммунистов Малайзии, – как коммунист, он не мог на это пойти. Дэн сказал, что Фам Ван Донг возложил венки, потому что он был «таким коммунистом и продавал свою душу». Дэн подчеркнул, что Китай высказывался честно, китайцы никогда не скрывали своих взглядов, а с тем, что они говорили, следовало считаться. Во время войны в Корее Китай выступил с заявлением: если американцы выйдут на рубеж реки Ялуцзян (Yalu River), то китайцы не станут сидеть, сложа руки. Американцы не обратили на это никакого внимания, но в вопросах внешней политики китайцы всегда говорили именно то, что думали. Что же касалось компартий, то, как перевел его переводчик, Дэну «было нечего добавить». На самом деле, Дэн сказал по-китайски, что он «утратил интерес повторять одно и то же снова и снова».

Он сказал, что повторявшиеся заявления Китая, касавшиеся его политики по отношению к китайцам, проживавшим за рубежом, преследовали двоякую цель. Во-первых, они были вызваны антикитайскими действиями Вьетнама; во-вторых – соображениями внутренней политики, которые являлись результатом действий «банды четырех» в период «культурной революции». Родственники китайцев, проживавших за рубежом, серьезно пострадали в этот период, многие были подвергнуты репрессиям и брошены в тюрьмы. Он хотел вновь заявить о позиции Китая по отношению к этническим китайцам, проживавшим за границей. Эта позиция состояла в том, что Китай поощрял их принимать гражданство страны проживания; желавшие сохранить китайское гражданство должны были соблюдать законы страны проживания; а двойного гражданства Китай не признавал.

Относительно Камбоджи он заверил меня, что заключение советско-вьетнамского договора о дружбе и сотрудничестве не окажет влияния на подход Китая к этой проблеме. Дэн сказал, что Китай не боялся того, что Вьетнам мог бы обратиться к Советскому Союзу с просьбой пригрозить Китаю, добавив, что Советский Союз не посмеет вступить в серьезную схватку с Китаем. У него был очень серьезный вид, когда он сказал, что Китай накажет вьетнамцев, если они нападут на Камбоджу, и заставит их дорого заплатить за это. Советский Союз поймет, что поддержка Вьетнама будет для него непосильным бременем. Затем он спросил меня, какой совет друзья (подразумевая Сингапур) могли бы дать Китаю относительно проблем, стоявших перед обеими странами.

Я ответил, что лидерам Камбоджи следовало обращать внимание на мнение международных кругов, если они рассчитывали завоевать их симпатии. Они же вели себя нерационально, совершенно не считаясь со своим собственным народом. Дэн ответил, что он также «не понимал» некоторых вещей, происходивших в Пномпене. Он ничего не сказал в защиту геноцида, осуществлявшегося «красными кхмерами».

В заключение я сказал, что, по словам Дэн Сяопина, для проведения «четырёх модернизаций» Китаю потребуется 22 года. Если на протяжении этого периода в Юго-Восточной Азии не будут возникать проблемы, то общая ситуация улучшится. Если же такие проблемы возникнут, как это уже случилось в отношениях с Вьетнамом и Камбоджей, то последствия этого будут неблагоприятными для Китая. Дэн согласился со мной. Он выразил надежду, что в странах АСЕАН будут царить единство и стабильность, и добавил, что это было сказано «от чистого сердца».

Из всех лидеров, которых мне приходилось встречать до того, Дэн Сяопин произвел на меня самое сильное впечатление. Несмотря на свой маленький рост (152 сантиметра), он был гигантом среди людей. В возрасте 74 лет, услышав нелицеприятные истины, он был способен изменить свое мнение. Два года спустя, после того как китайцы предоставили альтернативные

возможности для радиовещания братским коммунистическим партиям в Таиланде и Малайзии, их радиотрансляции прекратились.

За ужином я убеждал его бросить курить. Он сказал, указав на свою жену, что доктора уже говорили ей заставить его бросить курить, так что он старался курить поменьше. В тот вечер Дэн не курил и не пользовался плевательницей, – он знал, что я страдаю аллергией к табаку.

Перед его отъездом я заехал на 20 минут в резиденцию Вилла Истана, чтобы побеседовать. Дэн сказал, что был рад приехать и снова увидеть Сингапур через 58 лет после первого посещения. Город пережил огромные изменения, и он поздравил меня с этим. Я ответил, что Сингапур – маленькая страна с населением 2.5 миллиона человек. Он вздохнул и сказал: «Если бы у меня был один Шанхай, мне бы тоже удалось его быстро изменить, но у меня – целый Китай!»

Дэн Сяопин сказал, что хотел посетить Сингапур и Америку до того, как «присоединится к Карлу Марксу». Сингапур, – потому что во время окончания Первой мировой войны он уже был здесь по пути в Марсель, куда он ехал учиться и работать. Тогда город был колонией. А Америку, – потому что Китай и Америка обязаны говорить друг с другом. Только после того, как Вьетнам оккупировал Камбоджу, я понял, почему он так хотел посетить США.

По дороге в аэропорт я прямо спросил его, что он будет делать, если Вьетнам нападет на Камбоджу. Оставит ли он Таиланд в уязвимом положении и станет наблюдать со стороны, как тайцы будут подвергаться запугиванию, а затем будут вынуждены склониться на сторону Советского Союза? Дэн Сяопин сложил губы трубочкой, его глаза сузились, и он прошептал: «Это зависит от того, как далеко они зайдут». Я сказал ему, что он должен будет что-то предпринять после того, как премьер-министр Таиланда устроил ему такой открытый и сердечный прием в Бангкоке. Криангсак вынужден был полагаться на Китай, чтобы поддерживать некоторый баланс сил. Дэн обеспокоено посмотрел на меня и прошептал: «Это зависит от того, как далеко они зайдут».

В аэропорту он обменялся рукопожатиями с министрами и официальными лицами, обошел строй почетного караула, поднялся по трапу в «Боинг-707», затем обернулся и помахал на прощание рукой. Когда дверь за ним закрылась, я сказал своим коллегам, что сопровождавшие его лица приготовились получить нагоняй, – Дэн Сяопин завершил визит, к которому его не подготовили. За исключением небольших групп зевак, в городе не было ни шумных толп китайцев, ни торжествующих масс китайцев-жителей Сингапура, которые бы приветствовали его.

Несколько недель спустя мне показали статью о Сингапуре, напечатанную в «Жэньминь жибао». Линия газеты изменилась. Сингапур описывался в ней как город-сад, у которого стоило поучиться в плане озеленения, обеспечения населения жильем и развития туризма. Нас больше не называли «гончими псами американских империалистов». Мнение китайцев о Сингапуре изменилось еще больше в октябре следующего, 1979 года, когда в своей речи Дэн Сяопин сказал: «Я ездил в Сингапур, чтобы изучить, как они использовали иностранный капитал. Сингапур извлек выгоду из предприятий, основанных там иностранцами. Во-первых, иностранные предприятия платили государству налог в размере 35 % чистой прибыли. Во-вторых, рабочие получали зарплату. В-третьих, иностранные инвестиции создали сферу обслуживания. Все это приносило доход государству». Увиденное Дэн Сяопином в Сингапуре стало использоваться в качестве примера того, чего, как минимум, должен был добиться китайский народ.

В конце января 1979 года Дэн посетил Америку и договорился с президентом Картером о восстановлении дипломатических отношений без отказа США от поддержки Тайваня. Он также удостоверился в том, что Соединенные Штаты не присоединились бы к Советскому Союзу в случае, если бы Китай напал на Вьетнам и «наказал» его. Вот почему Дэн так сильно хотел посетить США.

Проводя свой отпуск в Гонконге за игрой в гольф, я встретил в доме губернатора в Фанлине (Fanling) эксперта по Китаю Дэвида Бонавиа (David Bonavia), до того работавшего в лондонской газете «Таймс» (Times). Он сказал, что предупреждение Дэн Сяопина в адрес Китая было пустой угрозой, потому что в Южно-Китайском море находился советский военный флот.

Я сказал ему, что я встретился с Дэн Сяопином три месяца назад, и он произвел на меня впечатление человека, который слов на ветер не бросает. Два дня спустя, 16 февраля 1979 года, вооруженные силы Китая нанесли удар по пограничным районам Северного Вьетнама.

Китай заявил, что эта военная операция носила ограниченный характер, и потребовал от Совета Безопасности ООН принять немедленные и эффективные меры по прекращению вооруженной агрессии Вьетнама против Камбоджи и оккупации Камбоджи Вьетнамом. Операция продолжалась один месяц. Китайцы понесли тяжелые потери, но продемонстрировали вьетнамцам, что, какую бы цену ни пришлось за это платить, китайцы были способны глубоко проникнуть на территорию Вьетнама, разрушая на своем пути города и деревни, а затем отойти на свою территорию, что они и сделали 16 марта 1979 года.

Во время китайского вторжения во Вьетнам Дэн публично заявил, что Китай был готов к возможной войне с Советским Союзом, и что урок Вьетнаму являлся также уроком Советскому Союзу. Советский Союз не напал на Китай. Западная пресса расценила китайскую карательную операцию как неудачную, но я считаю, что она изменила историю Восточной Азии. Вьетнамцы знали, что Китай нападет на них, если, вслед за Камбоджей, они нападут на Таиланд. Советский Союз не хотел оказаться втянутым в затяжную войну в отдаленной части Азии. Советы могли бы позволить себе провести быструю, решительную операцию против Китая, но китайцы лишили их этой возможности, заявив, что военная операция носила «карательный» характер и не ставила своей целью захват Вьетнама. Как Дэн Сяопин и предсказывал, Советскому Союзу пришлось взвалить на себя ношу по поддержке Вьетнама и нести ее на протяжении следующих 11 лет, – до 1991 года, пока Советский Союз не распался. Когда же это произошло, в октябре 1991 года, после 12 лет дорогостоящей и бесполезной оккупации, вьетнамцы согласились вывести войска из Камбоджи.

Во время моего второго визита в Китай в ноябре 1980 года я обнаружил многочисленные перемены. Люди, сделавшие головокружительные карьеры в период «культурной революции», были потихоньку отодвинуты на второй план, а их революционное рвение больше не выпячивалось наружу. Во время моего первого визита в Китай в 1976 году на меня произвел гнетущее впечатление постоянно исполненный чрезмерного рвения взгляд китайского чиновника, отвечавшего за соблюдение протокола. Теперь же, когда «культурная революция» была официально осуждена, у людей, казалось, гора с плеч свалилась.

Переговоры со мной вел премьер-министр Чжао Цзяян. Он отличался от Хуа Гофэна и Дэн Сяопина. Чжао Цзяян был среднего телосложения, у него были тонкие черты лица, а кожа казалась покрытой легким загаром. Я без труда понимал его, ибо он говорил на китайском языке без сильного провинциального акцента, у него был хороший, сильный голос. Он был выходцем из провинции Хэнань (Henan), находившейся к югу от Пекина. Хэнань была колыбелью китайской цивилизации и представляла собой огромную, когда-то богатую сельскохозяйственную область, которая теперь была беднее, чем прибрежные провинции.

Мы обсуждали камбоджийский вопрос и то, как подыскать альтернативу «красным кхмерам», которые являлись основной силой в партизанской войне против вьетнамцев. Чжао кивнул, соглашаясь с тем, что Пол Пот являлся неприемлемой политической фигурой для международного сообщества. Я признал, что, к сожалению, «красные кхмеры» являлись наиболее боеспособной силой, боровшейся с вьетнамцами. Чжао стал премьер-министром незадолго до того, и ему не доставало уверенности в себе, чтобы самостоятельно принимать решения по Камбодже и Вьетнаму без согласия Дэн Сяопина. Он показался мне человеком разумным, уравновешенным, без острых углов, а также идеологически незашоренным.

Китайская протокольная служба заранее получила копию речи, которую я собирался произнести на официальном обеде. Китайцы хотели, чтобы я убрал из нее абзац, в котором критиковалась их политика по отношению к Коммунистической партии Малайи и радиотрансляции, которые велись из Китая. Там говорилось следующее: «В течение многих лет Китай провоцировал и оказывал поддержку партизанскому движению в Таиланде, Малайе и Индонезии. Многие лидеры стран АСЕАН сумели заставить себя забыть об этих неприятных событиях в прошлом. К сожалению, некоторые остаточные проявления старой китайской политики продолжают портить отношения между Китаем и странами АСЕАН».

Когда после обеда переговоры возобновились, я упомянул об этом вопросе. Китайская

протокольная служба заявила, что эта часть речи являлась неприемлемой, и, если я хотел произнести речь, то эту часть речи следовало опустить, иначе никаких речей на банкете вообще не будет. Это было чем-то из ряда вон выходящим. Я уже раздал копии своей речи представителям прессы Сингапура, а они уже передали их иностранным корреспондентам, так что опустить какую-либо часть речи было невозможно. Чжао Цзыян ответил, что китайский народ не простил бы ему, если бы я выступил с этой речью, а он в своей речи не дал бы мне ответа на некоторые заявления, содержащиеся в моем выступлении. Он не хотел превращать «торжественный и дружеский банкет», устроенный в мою честь, в повод для обмена жесткими заявлениями, что повлекло бы за собой неблагоприятные международные последствия. По его словам, вопрос о том, что мне следовало говорить во время банкета, не стоял, он просто хотел предложить обеим сторонам воздержаться от речей. Если же, несмотря на это, мои взгляды были бы публично обнародованы, то он отнесся бы к этому с пониманием. Я согласился с тем, что речей на банкете не будет.

Чжао Цзыян начал с изложения китайских взглядов на советскую глобальную стратегию, заверив меня, что Китай пройдет свою часть пути, чтобы развеять подозрения и страхи Малайзии и Индонезии по отношению к Китаю. Целью советской стратегии было установление контроля над нефтяными ресурсами и морскими путями, включая Малаккский пролив, чтобы оказывать давление на Японию, Западную Европу и, в некоторой степени, на США. Поэтому развитие отношений между Советским Союзом и Вьетнамом преследовало достижение стратегических целей, а не получение сиюминутных выгод. Он сказал, что Малайзии и Индонезии никогда не удастся оторвать Вьетнам от Советского Союза. Это могло случиться только в том случае, если бы Вьетнам отказался от притязаний на гегемонию в регионе, и тогда он не нуждался бы в Советском Союзе; либо Советский Союз отказался бы от притязаний на глобальную гегемонию, в результате чего Вьетнам стал бы ему не нужен.

Проблема межпартийных отношений, по его словам, сложилась исторически и являлась, по своей сути, глобальной. Китай искренне стремился сделать так, чтобы эта проблема не оказывала негативного влияния на его взаимоотношения со странами АСЕАН, но для того, чтобы решить проблему взаимоотношений с коммунистическими партиями, требовалось время. Он готов был дать мне официальные заверения, что Китай решит эту проблему, но это случилось бы не мгновенно.

Чжао Цзыян сказал, что проблема отношений с китайцами зарубежья также сложилась исторически. Китай не одобрял двойного гражданства и поощрял китайцев, проживавших за границей, принимать гражданство страны проживания. Тем не менее, если этнические китайцы, проживавшие за границей, сохраняли китайское гражданство, то Китай не порывал связей с ними. Что же касается вклада, вносимого этническими китайцами в модернизацию Китая, то это не было официальной политикой правительства КНР. Он пообещал, что Китай предпримет шаги, чтобы уменьшить подозрения других стран относительно отношений с китайцами зарубежья. Тем не менее, обеим сторонам следовало уделять больше внимания более серьезным проблемам, чем эта. Что же касается Камбоджи, то он сказал, что у меня должна была состояться встреча с Дэн Сяопином для обсуждения со мной всех вопросов, которые я хотел бы поднять. Иными словами, Дэн обладал верховной властью.

На следующее утро я встретился в Дэн Сяопином в другом зале Большого Дворца Народов. Встреча длилась более двух часов. Дэн выглядел энергичным, деятельным, он был хорошо информирован и говорил большую часть времени. Он сказал, что мои переговоры с Чжао Цзыяном прошли хорошо, добавив, что генерал У Не Вин также не произнес речи на банкете, устроенном в его честь в Большом Дворце Народов, но, тем не менее, провел «хорошие переговоры» с китайцами. Так он дал понять, что отмена моей речи на банкете не окажет влияния на исход наших переговоров.

По словам Дэна, Китай был огромной страной с большим населением, он не нуждался в ресурсах других стран. Главной проблемой страны было преодоление бедности и отсталости, что являлось «великим начинанием, осуществление которого может потребовать полстолетия». Китай был перенаселен, у страны накопилось слишком много проблем, которые необходимо было решать. Он надеялся, что я разъясню «искреннюю и ясную» позицию Китая правительствам Индонезии и Малайзии. Китай хотел существования сильного союза стран

АСЕАН: «Чем сильнее, тем лучше». Отношения со странами АСЕАН, США, Японией и Западной Европой Китай строил в рамках своей «глобальной стратегии». Дэн добавил, что хорошо понимает позицию Сингапура относительно установления дипломатических отношений с Китаем только после того, как это сделает Индонезия. Расчет правительства Сингапура был верным и соответствовал «стратегическим соображениям» Сингапура.

Что касалось Камбоджи, то нам, по его словам, следовало согласовать два вопроса. Во-первых, политическое урегулирование проблемы Камбоджи должно было основываться на выводе вьетнамских войск из Камбоджи, иначе просто было не о чем говорить. Во-вторых, необходимо было обеспечить единство среди всех групп сопротивления внутри Камбоджи. «Красные кхмеры» хотели объединиться с другими силами сопротивления, они готовы были признать принца Сианука или, если Сианук этого не желал, Сон Сена, в качестве главы государства. Тут я возразил, что ни тот, ни другой этого не желали. В ответ Дэн подчеркнул, что без «красных кхмеров» ни о каком союзе говорить не приходилось, – политика Пол Пота была ошибочной, но любое политическое урегулирование в Камбодже должно было базироваться на «существующих реалиях». Я сказал, что одной из таких реалий было то, что, за исключением КНР, все остальные страны мира считали, что Пол Пот является убийцей и сумасшедшим, и что принц Сианук и Сон Сен правы в том, что не желали иметь дело с «красными кхмерами». Таиланд и Сингапур опасались, что другие страны станут рассматривать их в роли китайских марионеток, ибо они поддерживали правительство Демократической Кампучии, боровшееся за сохранение своего места в ООН.

По моему мнению, необходимо было решить две главных проблемы. Во-первых, проблему представительства Камбоджи в ООН, ибо вакантное место, в конце концов, занял бы Хенг Самрин. Во-вторых, следовало усилить вооруженное сопротивление вьетнамцам в Камбодже. Боевые действия велись в основном «красными кхмерами», но так не должно было продолжаться вечно. Малайзия и Индонезия должны были чувствовать себя спокойно относительно того, что продолжавшаяся поддержка Китаем правительства Демократической Кампучии не приведет к восстановлению влияния Китая в Камбодже. Обе страны верили аргументам Вьетнама, что действия стран АСЕАН помогали Китаю ослабить Вьетнам и тем самым позволяли Китаю усилить свое влияние в Юго-Восточной Азии. Президент Сухарто как-то сказал мне, что через десять лет Китай мог создать серьезные проблемы в регионе.

Вместо ответа Дэн Сяопин спросил, каким образом Малайзия и Индонезия могли изгнать вьетнамцев из Камбоджи. Я ответил, что ни ту, ни другую страну оккупация Камбоджи Вьетнамом не беспокоила, – они верили, что сильный Вьетнам мог бы противостоять экспансии Китая в южном направлении. Речь шла не о действительных планах Китая в регионе, а о его потенциальных возможностях, а также о том, насколько эти возможные действия отвечали бы интересам Китая. Малайзия и Индонезия рассматривали Китай в качестве страны, которая на протяжении последних 30 лет причинила им немало хлопот.

Дэн неоднократно просил меня внести вклад в усиление единства сил сопротивления в Камбодже. Китай построил «похожую на дворец» резиденцию для принца Сианука в Пекине. Дэн дружил с Сиануком, но они умышленно не разговаривали о политике. Я подвел итог: во-первых, Китай будет поддерживать и поощрять создание в Камбодже некоммунистических групп сопротивления вьетнамским оккупантам; во-вторых, Китай согласится с образованием независимого правительства Кампучии после вывода вьетнамских войск из страны, даже если Китай не будет иметь какого-либо влияния на это правительство. Дэн Сяопин согласился. На пресс-конференции в Пекине с участием иностранных корреспондентов я изложил эти два пункта, опровержения со стороны Китая не последовало.

Дэн попросил меня передать правительствам стран АСЕАН, что им не следовало полагать, что любая коммунистическая страна будет, тем самым, поддерживать хорошие отношения с Китаем. Наибольшую угрозу представлял собой Советский Союз, и необходимо было ясно представлять себе разрушительные последствия его глобальной политики. Дэн риторически спросил, какую пользу могла бы извлечь Индонезия, противодействуя китайской политике борьбы с глобальной советской стратегией. Поэтому уступки Индонезии и Малайзии со стороны Китая не разрешили бы проблему, ибо обе страны основывали свою политику на неверных стратегических предпосылках.

На этой ноте мы завершили переговоры и приступили к обеду, во время которого китайцы подали знаменитый деликатес, – медвежьи когти, тушенные в густом соусе. Это было лучшим блюдом, которое я когда-либо пробовал в Большом Дворце Народов. Повар специально постарался для гостей Дэн Сяопина, – медведи являются вымирающим видом в Китае.

Согласно китайскому протоколу мне устроили встречу с Хуа Гофэнгом. Он все еще оставался Председателем КПК и, таким образом, по должности был выше, чем Дэн Сяопин, занимавший должность заместителя Председателя КПК. Тем не менее, судя по рангам официальных лиц, присутствовавших на встрече, у меня не осталось сомнений в том, кому принадлежало последнее слово.

Премьер-министр Чжао Цзяян снова встретился со мной в Пекине в сентябре 1985 года. Он обратился ко мне как к «старому другу Китая». Так они называли тех, с кем хотели вести себя непринужденно. Затем он спросил меня о впечатлениях от тех мест, которые я посетил по пути в Пекин.

Его манера говорить побудила меня к тому, чтобы высказаться. Я сказал, что можно было бы рассказать ему о своих безобидных наблюдениях, опустив критические высказывания, но это не принесло бы ему никакой пользы. Сначала я рассказал ему о своих позитивных впечатлениях. Руководители в Шанхае были моложе, чем в 1976 году, они были полны сил и энергии; люди на улицах выглядели более довольными и зажиточными, были одеты в разноцветные одежды; повсюду велось строительство, а проблемы с дорожным движением еще не вышли из-под контроля. На меня произвел впечатление губернатор провинции Шаньдун (Shandong), – энергичный деятель, полный идей и амбициозных планов по модернизации инфраструктуры провинции. Он поделился планами строительства аэропортов в Цзинане (Jinan) и Яньтае (Yantai), а также предложил нашим бизнесменам принять участие в осуществлении трех деловых проектов; штат его сотрудников был хорошо организован.

После этого я перешел к изложению отрицательных впечатлений. К сожалению, старые дурные привычки китайцев не изменились. Я занимал должность премьер-министра на протяжении более двадцати лет, мне пришлось останавливаться во многих резиденциях для приема гостей, и по их состоянию я мог судить о состоянии администрации. Огромный комплекс для приема гостей в Цзинане произвел на меня впечатление ненужного расточительства. Мне сказали, что мои апартаменты с гигантской ванной были построены специально для визита Председателя Мао. То количество рабочих рук, которое требовалось, чтобы поддерживать этот комплекс в хорошем состоянии, можно было бы использовать с куда большей пользой для обслуживания отеля экстракласса. Поскольку гостей в резиденции было мало, и приезжали они редко, то персонал простаивал.

Дороги оставались плохими. Местами, 150-километровая (примерно 90 миль) дорога от Цзинаня до Цюйфу (Qufu), – города, где родился Конфуций, – прерывалась участками грязной проселочной дороги. Римляне построили дороги, которые прослужили 2,000 лет. В Китае было полно рабочей силы и камня, а потому было непонятно, почему провинциальная столица Цзинань и Цюйфу, – город, обладавший потенциалом для развития туризма, – соединяла грязная проселочная дорога. В Сингапуре было мало памятников истории и культуры, но, имея население 2.5 миллиона человек, город ежегодно принимал 3 миллиона туристов (в середине 80-ых годов). Китай богат историческими памятниками и развалинами древних монументов. Привлекая туристов прекрасной природой, свежим воздухом, свежей пищей, продавая им сувениры, подарки, оказывая услуги, можно было бы обеспечить занятость и доход многим людям. Китай, который тогда имел население около миллиарда человек, посещало около одного миллиона туристов в год: 800 тысяч китайцев, проживавших за рубежом и 200 тысяч иностранцев. Поколебавшись, я высказал предположение, что они могли бы направить некоторых руководителей в Сингапур, – там они не сталкивались бы с языковыми и культурными барьерами и смогли бы понаблюдать за нашим отношением к работе. Чжао приветствовал мое предложение. Он предложил, чтобы мы прислали наших управляющих высшего, среднего и низшего звена, чтобы они смогли оценить работу китайских рабочих на китайских предприятиях. Я сказал, что китайские рабочие могли бы без особого уважения отнестись к нашим руководителям, потому что сингапурцы были «потомками чернорабочих из провинции Фуцзянь». Позднее, китайцы направили в Сингапур несколько делегаций

руководителей государственных предприятий. Там они стали свидетелями иного отношения к работе, при котором основной упор делался на ее качество.

Чжао Цзянь сказал, что в экономической сфере перед Китаем стояло три главных задачи. Во-первых, создание инфраструктуры: строительство дорог, железных дорог, и так далее. Во-вторых, модернизация максимально возможного числа промышленных предприятий. В-третьих, повышение эффективности труда китайских руководителей и рабочих. Он остановился на проблеме инфляции (проблема инфляции была одной из причин волнений на площади Тяньаньмынь четыре года спустя). Он хотел расширения торгового, экономического и технического сотрудничества между Сингапуром и Китаем. Китай был готов подписать с Сингапуром соглашение о ежегодной переработке не менее трех миллионов тонн китайской нефти в течение трех лет, а также увеличить импорт химических и нефтехимических продуктов из Сингапура, при условии, что цены на них будут не выше мировых. Это положило начало участию Китая в развитии нашей нефтеперерабатывающей промышленности. Государственная нефтяная компания Китая открыла свое представительство в Сингапуре, через которое она вела свои дела и торговала нефтью.

В отношении Камбоджи Чжао сообщил мне, что вьетнамцы предложили ему вступить с ними в секретные переговоры. Китай отверг вьетнамское предложение, — оно было неискренним и было направлено на то, чтобы внести раскол между Китаем, странами АСЕАН и группами сопротивления в Камбодже. Ни о каком улучшении отношений между Китаем и Вьетнамом до тех пор, пока Вьетнам не принял бы на себя обязательств вывести войска из Камбоджи, не могло быть и речи. По его словам, Китаю приходилось отражать многочисленные вторжения вьетнамцев на китайскую территорию. 60 % вьетнамской армии, или 700 тысяч военнослужащих, было сковано на китайско-вьетнамской границе, но Китай также сосредоточил на границе несколько сот тысяч военнослужащих, и продолжал оказывать давление на Вьетнам. В отличие от той неуверенной манеры, в которой он обсуждал проблему Камбоджи в 1980 году, теперь Чжао говорил о Камбодже и Вьетнаме с уверенностью и не ссылаясь на Дэн Сяопина.

Мне устроили встречу с Дэн Сяопином. Он начал с шуток, сравнивая свой преклонный возраст с моим. Дэну было 81 год, а мне — 62 года. Я заверил его, что он не выглядел таким уж старым, но возраст его не беспокоил. По его словам, в Китае были приняты достаточные меры для смены руководства: «Даже если небо упадет на землю, в Китае найдутся люди поддержать его на своих плечах». Дэн Сяопин сказал, что внутреннее развитие Китая в любом аспекте шло достаточно хорошо, за последние пять лет многое изменилось. Десять старых руководителей ушли в отставку с постов членов Политбюро, их место заняли молодые руководители. Многие руководители старше 60 лет ушли в отставку со своих постов в Центральном комитете, и 90 новых, молодых руководителей, было избрано, чтобы заменить их. Эти изменения в руководстве происходили на протяжении семи лет, но их результаты были еще не вполне удовлетворительны, кадры нуждались в дальнейшей перестановке. Дэн добавил, что по-хорошему, ему также следовало бы уйти в отставку, но имелось несколько проблем, которые он сначала должен был решить.

Он снова повторил, что ему уже 81 год, и он был готов встретиться с Марксом. Таков уж был закон природы, и все об этом знают, за исключением господина Цзяна Цзинго (президента Тайваня). Он спросил меня, когда я последний раз встречался с Цзяном, и удалось ли тому решить проблему преемственности руководства. Только тогда я понял, что шутки о возрасте, с которых он начал беседу, были не случайны, а должны были подвести разговор к обсуждению проблем Тайваня и Цзяна. Я сказал, что последний раз встречался с Цзяном в январе, за восемь месяцев до того, что Цзян Цзинго болен диабетом, что, в общем-то, было хорошо известно, и что он также знал, что принадлежит к числу смертных. Дэн вслух поразмышлял о том, позаботился ли Цзян Цзинго о преемственности руководства. Я ответил, что, насколько я мог судить, он позаботился об этом, но я не мог сказать, кто, в конечном итоге, сменит его. Дэн опасался, что после ухода Цзяна на Тайване возникнет беспорядок и хаос. По крайней мере, в тот момент обе стороны соединяло чувство «единого Китая», а хаос мог привести к возникновению двух Китаев. Я спросил, каким образом это могло случиться. Он объяснил, что существовало два возможных сценария развития ситуации. Во-первых, существовали силы в

США и Японии, поддерживавшие независимость Тайваня. Во-вторых, Соединенные Штаты могли продолжать рассматривать Тайвань в качестве одного из своих «непотопляемых авианосцев». Правительство США во главе с президентом Рейганом не полностью изменило свою политику по отношению к Тайваню. Оно рассматривало Тайвань в качестве важной военной базы и хотело удерживать его в своей сфере влияния. Дэн Сяопин уже обсуждал проблему Тайваня с президентом Рейганом за год до того и пытался убедить его отказаться от политики использования Тайваня в качестве «непотопляемого авианосца». Дэн Сяопин указал, что у США был десяток других «непотопляемых авианосцев» по всему миру, а для Китая Тайвань был критически важен.

Он спросил Госсекретаря США по вопросам обороны Каспара Уайнбергера о реакции США на возможное развитие событий, а также о том, что следовало предпринять Китаю в случае, если бы Тайвань отказался вести переговоры о воссоединении, либо в случае провозглашения Тайванем независимости. Из-за наличия подобных вариантов развития событий Китай не мог отказаться от возможности использования силы для решения тайваньского вопроса, но Дэн пообещал сделать все от него зависящее, чтобы решить эту проблему и добиться воссоединения мирными средствами. Дэн сказал президенту Рейгану и государственному секретарю Джорджу Шульцу, что Тайвань являлся препятствием для развития американо-китайских отношений. В декабре прошлого года он попросил премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер передать президенту Рейгану послание с просьбой помочь Китаю добиться воссоединения с Тайванем во время его второго президентского срока. Он также сказал Шульцу и Уайнбергеру, что, если им не удастся решить этот вопрос подобающим образом и они допустят, что в дело вмешается Конгресс США, то это приведет к конфликту в американо-китайских отношениях. Возможно, Китай не обладал возможностями для нападения на Тайвань, но он мог заблокировать Тайваньский пролив, и тогда Соединенные Штаты могли оказаться втянутыми в конфликт. Он спросил американских лидеров, что они будут делать в этом случае, но руководство США отказалось отвечать на гипотетические вопросы. Тем не менее, подобный сценарий развития событий был реален.

Зная, что Цзян Цзинго и я были хорошими друзьями, он попросил меня передать его личные приветствия «господину Цзяну» во время моей следующей встречи с ним. Я согласился. Он надеялся, что сможет наладить сотрудничество с Цзяном, так как они оба учились в одном университете в Москве в 1926 году, хотя и в разных группах. Цзяну тогда было 15 или 16 лет, а Дэну – 22 года. (Через месяц, в Тайбэе, я лично передал Цзяну послание Дэн Сяопина. Тот молча выслушал меня и ничего не ответил.)

Дэн сказал, что ситуация в Камбодже была благоприятной. Я ответил, что то, что он говорил в 1978 году, до вторжения Вьетнама в Камбоджу, подтвердилось, – вьетнамцы увязли в Камбодже. Нам следовало продолжать помогать партизанам, чтобы вьетнамцы продолжали тонуть в этом болоте, в условиях отсутствия торговли, инвестиций, экономического развития и полной зависимости от Советского Союза. Я сказал, что успехи Китая в проведении экономических реформ не останутся незамеченными вьетнамцами, – они также могли бы отстроить свою собственную страну и торговать с остальным миром, вместо того, чтобы оккупировать соседнюю страну и страдать от этого.

Дэн высказал сожаление, что вьетнамские лидеры были не готовы следовать по китайскому пути. Он сказал, что «некоторые друзья» в Юго-Восточной Азии верили публичным заявлениям и пустым обещаниям вьетнамских лидеров. Действительным же мотивом действий лидеров стран Юго-Восточной Азии (имея ввиду Индонезию и Малайзию) было то, что они хотели использовать Вьетнам и пожертвовать Камбоджей, чтобы противодействовать Китаю, который они считали своим реальным врагом. Затем Дэн упомянул о Горбачеве. Китай потребовал от него ликвидировать три препятствия на пути советско-китайских отношений, первым из которых было прекращение военной помощи Вьетнаму и вывод вьетнамских войск из Камбоджи. Этого не происходило.

Когда я в следующий раз встретился с Чжао Цзяном 16 сентября 1988 года, он уже был Генеральным секретарем КПК. Он встретился со мной на вилле в Дяоюйтай, китайском комплексе для приема гостей, чтобы поговорить со мной об экономических проблемах Китая. Его взволновала прокатившаяся по Китаю за несколько недель до того, в конце августа – начале

сентября, волна панической скупки товаров. Китайцам следовало уменьшить объемы строительства, контролировать рост денежной массы, направляемой на потребление и замедлить темпы экономического роста. Он сказал, что если другие меры не дадут результатов, то правительство вынуждено будет принять меры партийной дисциплины. Видимо, это означало «наказать высоких должностных лиц». Наверное, паническая скупка товаров напомнила ему последние дни правительства националистов в 1947–1949 годах.

Затем он пригласил меня в ресторан в комплексе Дяоюйтай, чтобы отпраздновать мое 65-летие. За ужином он поинтересовался моим мнением о недавно посланном мне телесериале «Элегия Желтой реки» (Yellow River Elegy), который был подготовлен несколькими молодыми сотрудниками центра по подготовке программы реформ. В этом сериале Китай изображался страной, глубоко увязшей в феодальных традициях, суевериях и дурных привычках прошлого, страной, которая не сможет совершить прорыв и догнать современный мир, если не отбросит свои старые традиции.

Я нашел этот сериал чрезмерно пессимистичным. Для того чтобы провести индустриализацию и модернизацию, Китаю не следовало отказываться от основных культурных ценностей и убеждений. Тайвань, Южная Корея, Япония, Гонконг и Сингапур, – все эти страны стремились сохранить свои традиционные ценности. К их числу относятся: бережливость, трудолюбие, уважение к образованию, преданность семье, клану, нации, приоритет общественных интересов над личными. Следуя этим конфуцианским традициям, они смогли сохранить общественное согласие, поддержать высокий уровень сбережений и инвестиций, что обеспечило высокий уровень производительности труда и быстрые темпы экономического роста. Что Китаю действительно следовало изменить, так это непомерно централизованную систему управления, образ мышления людей и их отношение к делу, с тем, чтобы люди стали более восприимчивы к новым идеям, – безразлично китайским или зарубежным, – стремились проверить их на практике и приспособить к условиям Китая. Я привел в пример японцев, которые сумели успешно провести все эти преобразования.

Чжао Цзыян был обеспокоен тем, что быстрый рост экономики Китая сопровождался высоким уровнем инфляции, чего не было в «новых индустриальных странах» (НИС). Я объяснил ему, что, в отличие от Китая, НИС не надо было заниматься дерегулированием плановой экономики, в которой цены на основные предметы потребления были искусственно занижены.

От него исходила спокойная уверенность в себе, он обладал острым умом, способным быстро поглощать информацию. В отличие от Хуа Гофэна, Чжао Цзыян был джентльменом, а не головорезом. У него были приятные манеры, в нем не было ни резкости, ни властности. Тем не менее, чтобы выжить на вершине пирамиды власти в Китае, необходимо быть жестким и безжалостным, а для Китая того времени он был слишком либеральным в своих подходах к обеспечению законности и порядка в стране. Когда мы расстались, я еще не знал, что менее чем через год он станет никем.

На следующий день, 17 сентября 1988 года, я в последний раз встретился с Дэн Сяопином. Он выглядел загорелым после нескольких недель, проведенных в Бельдаите (Beldaithe), морском курорте для китайских руководителей, расположенном к востоку от Пекина. Дэн был полон энергии, его голос звучал громко. Я высоко отозвался об экономических успехах Китая. Он сказал, что на протяжении последнего десятилетия удалось добиться «довольно хороших результатов», но успешное экономическое развитие породило новые проблемы. Китаю приходилось бороться с инфляцией; очень важно было укрепить дисциплину. Центральное правительство должно было осуществлять эффективный контроль над страной, но так, чтобы это не противоречило политике «открытых дверей», которая сделала управление страной еще более важным. В противном случае, могли возникнуть анархия и «великий хаос в Поднебесной». Дэн считал, что Китай был большой, но технологически и даже культурно отсталой страной. На протяжении последнего десятилетия Китаю удалось решить проблемы с продовольствием и одеждой, теперь китайцы хотели достичь стадии «комфорта», для чего следовало увеличить достигнутый в 1980 году ВВП на душу населения в четыре раза, до уровня от 800 до 1000 долларов. Китаю следовало учиться у других стран, «включая Сингапур и даже Южную Корею». Я высказал комплимент по поводу значительных перемен в Китае, что

выражалось не только в том, что строились новые здания и дороги, но и, что было более важно, в том, что менялось мышление людей, их отношение к делу. Люди стали более критично, но и более оптимистично настроенными. Я сказал, что в результате его визита в США в 1979 году, сопровождавшемся ежедневными получасовыми телевизионными трансляциями из Америки, китайцы увидели условия жизни в Америке, что навсегда изменило их представления о ней.

Дэн сказал, что американцы отнеслись к нему очень вдумчиво. Он сказал Госсекретарю США Шульцу, что американо-китайские отношения развивались гладко, но серьезной проблемой в отношениях оставался Тайвань. Затем он спросил меня, знаю ли я о том, что мой соученик и Ваш добрый друг Цзян Цзинго неоднократно заявлял, что он (Цзян Цзинго) «оправдывается перед историей». Дэн явно хотел услышать от меня ответ на послание, которое он попросил передать Цзяну в прошлый визит. Я не ответил, потому что Цзян не дал мне какого-либо ответа. Дэн сказал, что, хотя США публично заявили, что они не хотят вмешиваться в решение проблемы воссоединения Китая с Тайванем, на деле, правительство США вмешивалось в этот вопрос. Для воссоединения существовало много препятствий, но самым большим из них оставались Соединенные Штаты. Он снова повторил сказанное им во время нашей прошлой встречи, что США использовали Тайвань в качестве «непотопляемого авианосца». Когда во время визита в Вашингтон в 1979 году Дэн нормализовал отношения с США, президент Картер согласился, что США выполнят три условия: аннулируют договор о совместной обороне с Тайванем; выведут американские войска с Тайваня; разорвут дипломатические отношения с Тайванем. Эти обязательства были выполнены. Тем не менее, Конгресс США неоднократно вмешивался в вопросы, относившиеся к Тайваню, принял «Закон об отношениях с Тайванем» (Taiwan Relations Act) и различные резолюции, являвшиеся вмешательством во внутренние дела Китая. Дэн говорил Рейгану и Шульцу, что они должны были пересмотреть свою политику поддержания на плаву «непотопляемого авианосца» США. Дэн подчеркнул, что до того, как отправиться на встречу с Карлом Марксом, он очень хотел бы гарантировать воссоединение Китая с Тайванем.

Глава 38. Китай за пределами Пекина

На протяжении 80-ых – 90-ых годов я посещал Китай практически ежегодно, пытаюсь лучше понять цели и стремления китайских лидеров. Наши отношения начинались с антагонизма, поэтому нам необходимо было время и более глубокое взаимодействие друг с другом, чтобы добиться установления доверительных отношений с Китаем. Китай занимался «экспортом революции», стараясь превратить Сингапур в коммунистическое государство, когда же китайцы начали бороться с Вьетнамом, они стали стремиться к улучшению отношений со странами АСЕАН. Именно в течение этого периода, с 1978 по 1991 год, наше восприятие друг друга изменилось, так как мы вместе, хотя и различными способами, боролись против оккупации Камбоджи Вьетнамом.

Во время каждого визита я проводил более недели в провинции, меня сопровождал кто-нибудь из младших китайских министров. Путешествуя с ними по Китаю на протяжении 8-10 дней в одном самолете для официальных лиц, проводя вместе много времени, мне удалось лучше понять образ мышления и менталитет китайских лидеров. Жены министров составляла компанию моей жене.

Во время одного из таких визитов, в 1980 году, я открыл для себя другой Китай. Моя дочь Вей Линь была приятно удивлена. Она уже до того побывала на экскурсии в Пекине и заметила, что настроение китайских людей, с которыми она встречалась, с тех пор как умер Мао, и была разгромлена «банда чейрех», стало более мягким и расслабленным. И официальные лица, и простые китайцы чувствовали себя в разговоре с ней более свободно и непринужденно. Я до сих пор помню некоторые из достопримечательностей, которые мы посетили, включая Чэнду (Chengde), – летнюю столицу императора царства Цинь Цян Лонга (Qian Long), и «Три ущелья» на реке Янцзы. Путешествие вниз по течению Янцзы от Чунцина (Chongqing) в Ичан (Yichang), расположенный на выходе из ущелья, заняло полтора дня (Чунцин – бывшая столица Чан Кай-ши во время Второй мировой войны, находившаяся в провинции Сычуань (Sichuan)). Огромные китайские иероглифы, выбитые высоко на отвесной поверхности гладкой скалы

тысячи лет назад, чтобы увековечить память о событиях и идеях, производили устрашающее впечатление. Они резонировали с историей народа, преодолевавшего огромные препятствия. Еще более потрясал вид людей, которые, как в незапамятные времена, буксировали по реке баржи и маленькие суда, подобно вьючным животным. Целые толпы людей с веревками на плечах и спинах тянули лодки вверх по течению на протяжении многих миль. Казалось, что время остановилось, и машины, использовавшиеся в других странах, до них просто не дошли.

В этом путешествии нас сопровождал заместитель министра иностранных дел Хан Ниалон (Han Nialong) и его жена. Они оба были способными, хорошо информированными и приятными в общении людьми. Он был на десять лет старше меня и обладал живым характером и острым умом. Небольшого роста, аккуратный, он со вкусом одевался в одежду западного стиля, часто носил жилет. Хан понимал английский язык и обладал острым чувством юмора. В течение времени, проведенного с ним во время моего второго визита, я смог расширить свои знания о Китае и получить немалое удовольствие. В МИДе он отвечал за отношения с Вьетнамом. В его лице вьетнамцы столкнулись с серьезным оппонентом, – он знал все, что касалось Вьетнама и Камбоджи. Стратегия Китая заключалась в том, чтобы оказывать давление на Вьетнам и истощать его силы, независимо от того, сколько времени это потребовало бы. Он был абсолютно уверен в том, что вьетнамцы, по выражению президента Рейгана, «позовут дядю» (сгу uncle), запросят пощады. Мы провели много времени за застольями, находясь на этом корабле. Наши хозяева предпочитали простую еду, и, после нескольких дней богатого праздничного застолья, мы испытали облегчение, когда по их просьбе подали простую лапшу. Несмотря на то, что нам предлагали богатое праздничное меню, мы отдали предпочтение более простой пище. Хан Ниалон был выходцем из одной из беднейших китайских провинций Гуйчжоу (Guizhou), где делают «маотай», – крепкий алкогольный напиток, по крепости превосходящий водку. Я с уважением отношусь к «маотай», чье замедленное воздействие не может смягчить даже обильная еда. «Маотай» тек рекой, но я предпочитал пиво.

Посещение университета в городе Ухань (Wuhan), одном из главных промышленных городов Китая на реке Янцзы, огорчило нас. Некоторые из профессоров, с которыми мы встретились, получили образование в Америке. Несмотря на то, что с возрастом их английский язык несколько «поржавел», они, бесспорно, были эрудированными и высокообразованными людьми. Линь, изучавшая тогда медицину, разговорилась в библиотеке со студентом – медиком, читавшим учебник биологии на английском языке. Она попросила взглянуть на книгу и обнаружила, что учебник был отпечатан в 50-ых годах. Линь не поверила своим глазам. Как они могли учиться по книгам, которые устарели на 30 лет? Но они отставали уже более чем на 30 лет, ибо, несмотря на проведение политики «открытых дверей» по отношению к Западу, валюты для покупки новейших книг и журналов у них не было, как не было и фотокопировальной машины. Потребуется много времени, чтобы преодолеть разрыв знаний с развитыми странами. «Культурная революция» отбросила Китай назад на целое поколение. Нынешние студенты, несмотря на процесс залечивания ран нанесенных «культурной революцией», все еще обучаются по устаревшим учебникам профессорами, использующими устаревшие методы обучения, без каких-либо технических средств. В результате, будет наполовину потеряно еще одно поколение. Конечно, наиболее талантливые из них добьются своего, невзирая на все эти трудности, но промышленное общество нуждается для своего развития не в немногих талантливых людях, а в высоком уровне образования всего населения.

После приветственного ужина в Ухане наши хозяева и все сопровождавшие их официальные лица куда-то исчезли. Мы заинтересовались тем, что произошло, и послали наших помощников найти их. Они сообщили, что все они собрались вокруг телевизора в гостиной, наблюдая за судебным процессом по делу «банды четырех». Это был момент возмездия людям, которые терроризировали их на протяжении многих лет, и которые теперь должны были получить по заслугам. Мы тоже вышли в гостиную понаблюдать за происходящим. Это была китайская версия сталинских процессов, насколько они были мне знакомы по книгам, за исключением того, что отсутствовали длинные разоблачающие признания, и никто не ожидал вынесения смертных приговоров. Напротив, Цзян Цин, жена Мао, выглядела свирепой и не собиралась сдаваться. Она говорила громко и почти что кричала высоким, пронзительным голосом, когда обращалась к судьям и ругала их. Она говорила, что,

когда Мао был у власти, судьи были его собаками, которые лаяли тогда, когда Мао говорил им. Как же смели они теперь судить ее? Она выглядела такой же смелой, воинственной и сварливой женщиной, как и при жизни Мао.

Оставшуюся часть путешествия «банда четырех» и злодеяния ее членов служили предметом бесконечных разговоров между членами нашей делегации и китайскими официальными лицами. Было ужасно, что такая древняя цивилизация могла быть доведена до такого безумия, носившего гордое имя «культурной революции».

Многое другое также пошло по неверному пути. Дружески настроенный по отношению к нам официальный представитель из провинции Фуцзянь, на юге Китая, сопровождая меня во время автомобильной поездки по Ухани, показал на почти законченное здание и сказал: «Это многоэтажный дом для принцев». Я не понял, что он имел в виду. Он объяснил, что «принцами» он называл сыновей высокопоставленных официальных лиц провинции и города. Он покачал головой и сказал, что это плохо отражалось на морали людей, но он ничего не мог с этим поделать. Не сказав ни слова, он дал понять, что они катились обратно в тот старый Китай, где обладание властью всегда означало пользование официальными привилегиями, а привилегии означали льготы для членов семьи, родственников и друзей.

Из других остановок во время путешествия нам запомнились Сямынь (Xiamen) и Гулань (Gulangyu) (Амой и Куланцу на фуцзяньском диалекте). Впервые за время поездок по Китаю мы слышали, как люди разговаривали на диалекте, похожем на тот, который используют жители Сингапура. Я потратил годы на изучение этого диалекта, чтобы использовать его в ходе предвыборной борьбы, и мне было приятно слышать, что люди разговаривали именно так, как учил меня мой учитель, говоривший с сямыньским акцентом на языке высокообразованных людей провинции Фуцзянь, которые перед войной тесно общались с западными бизнесменами и миссионерами.

На острове Гулань, расположенном рядом с Сямынем, нам показали два бунгало, принадлежавших правительству Сингапура. Они были куплены колониальным правительством перед Второй мировой войной для британских колониальных чиновников, направленных в Сямынь, чтобы изучать диалект хоккиен. Мы увидели два обветшалых здания, в каждом из которых жило четыре или пять семейств, насчитывавших значительно большее число людей чем то, для которого эти здания первоначально предназначались. Китайцы поспешили заверить нас, что они реставрируют здания и вернут их нам. (Министр финансов Сингапура Хон Суй Сен позже сказал мне, что он слышал ужасающие истории о владельцах зданий, которым возвращали их недвижимость и требовали вернуть задолженность по заработной плате тем, кто присматривал за зданиями, за все годы, начиная с 1949 года). Гулань был уникальным реликтом, сохранившим следы европейского влияния. В нем были представлены все стили европейской архитектуры. Некоторые дома принадлежали богатым китайским эмигрантам, которые вернулись туда перед самой войной, чтобы прожить там остаток своих дней. Они нанимали французских и итальянских архитекторов для строительства прекрасных домов с винтовыми лестницами и перилами из травертинского мрамора, мраморными статуями в закрытых помещениях и на открытом воздухе, словно это было во Флоренции или Ницце. До 1937 года Гулань был оазисом роскоши, пока его, как и Шанхай, не захватили японцы.

Наши хозяева указали нам через пролив на Чжинмен (Jinmen или Quemou) – остров, находившийся под контролем Тайваня. В ясный день его можно было видеть невооруженным глазом. То же самое говорил мне и президент Тайваня Цзян Цзинго, который при посещении Чжинмена показывал мне через пролив на Гулань. Всего лишь несколько лет назад, жители Тайваня запускали с Чжинмена на Гулань воздушные шары с продовольствием, кассетами популярных тайваньских поп звезд, включая Терезу Тен (Teresa Teng), и пропагандистские листовки. В 50-ых – 60-ых годах они обменивались артиллерийскими залпами, а в 80-ых – оскорблениями, используя громкоговорители.

Разница между уровнем жизни в Тайбэе на Тайване и Сямыне в Фуцзяне была огромной. Тайвань был связан с внешним миром, особенно с Америкой и Японией, движением капиталов, технологии, знаний, иностранных экспертов. Тайваньские студенты, возвращавшиеся после обучения в Америке и Японии, строили современную экономику. А на другой стороне пролива прозябали, гордясь сельскохозяйственными навыками, основанными на сельскохозяйственной

науке 50-ых годов. Практически полностью отсутствовала механизация на полях и фермах, дороги были в запущенном состоянии, а уровень жизни – низким.

Местная кухня была нам знакома, хотя она несколько отличалась от нашей. За обедом хозяева подали настоящее «баобинь» (baobing) – жареные побеги бамбука завернутые в блинчики, с необходимыми приправами и гарниром. Местный вариант «баобинь» отличался от сингапурской версии этого блюда. Их сладости также были нам знакомы, – например, восхитительный толченый арахис, скатанный наподобие маленьких швейцарских конфет, был вкуснее, чем тот, что делают в Сингапуре. Мы все знали, что Сямынь был местом, из которого приехало большинство наших предков. Где бы в провинции Фуцзянь не располагались их деревни, чтобы отправиться в путешествия в «страны южных морей», большинство из них приезжало в Сямынь, – город, открытый для иностранцев, чтобы там сесть на большие суда, которые увозили их на юг.

Из Сямыня мы полетели в Гуанчжоу (Кантон), откуда вернулись в Гонконг поездом. Монотонные и скучные речи о «коммунистическом попутчике» и другие пропагандистские клише «банды четырех» больше не звучали из громкоговорителей. Стиль одежды тоже стал менее строгим, – как только мы уехали из Пекина, сопровождавшие нас женщины – переводчицы переоделись в цветные блузы, брюки и юбки, чего в 1976 году не было. Маоистский Китай становился достоянием истории, а старые привычки китайцев возвращались. Некоторые из них были хорошими, а большинство, как мы обнаружили во время нашего следующего путешествия в 1985 году, – плохими: коррупция, nepotизм, кумовство, – язвы, которые всегда мучили Китай. Тем не менее, на сей раз, мы уезжали с куда более благоприятными впечатлениями. Наши хозяева были более раскованны, получали удовольствие от пищи и разговоров и могли свободно обсуждать бедствия десятилетия «Великой культурной революции». Руководители и официальные лица, с которыми мы встречались, были готовы к открытому и свободному обсуждению своих прошлых ошибок и будущих проблем. Стало меньше лозунгов, которыми был покрыт весь Пекин и другие города, и гигантских квадратных плакатов на пшеничных и рисовых полях. Теперь многочисленные скромные лозунги призывали людей упорно трудиться для осуществления программы «четырёх модернизаций». Общество становилось более естественным, похожим на другие страны.

Лидеры Китая знали о потерянном, в результате «культурной революции», поколении. Они отказались от веры в Мао в «перманентную революцию» и стремились к стабильным отношениям с другими странами, которые способствовали бы развитию экономического сотрудничества, чтобы помочь восстановлению Китая. Я думал, что современный Китай вряд ли возникнет на протяжении жизни еще одного поколения китайцев.

Каждая провинция Китая отличается от других в географическом, экономическом, образовательном плане, а также по уровню производительности, а потому и заботы их губернаторов различны. До того, как я посетил Дуньхуан (Dunhuang), который был началом Великого Шелкового Пути, чтобы осмотреть известные буддийские гроты, заброшенные на протяжении многих столетий, я даже не представлял себе, насколько пыльным, сухим и бесплодным является север Китая. Когда губернатор провинции Ганьсу (Gansu) организовал для нас экскурсию на верблюдах по «поющим пескам» неподалеку от Дуньхуана, я понял, что мы оказались на краю пустынь Гоби и Такламакан. Верблюды-бактрианы были роскошными косматыми двугорбыми существами, более изящными, чем одnogорбые верблюды-дромадеры, обитающие на Аравийском полуострове. Пейзаж с высокими песчаными дюнами был холоден и прекрасен, а жизнь людей была и остается тяжелой.

Во время этого турне мы поняли, почему так сильна провинциальная лояльность в столь обширной и плотно населенной стране. Диалекты, пища и социальные привычки людей из различных провинций весьма отличаются друг от друга. Члены китайской элиты не так хорошо знакомы друг с другом, как их коллеги в Европе, Японии и США. Хотя Америка и занимает целый континент, но ее население не так велико, а прекрасная система коммуникаций позволяет членам американской элиты регулярно встречаться и тесно взаимодействовать. Китай слишком густонаселен, и до 80-ых годов, когда китайцы построили аэропорты и импортировали самолеты, система коммуникаций между провинциями была так плоха, что они практически жили в разных мирах. В результате, каждый провинциальный лидер,

поднимавшийся к вершинам власти в Пекине, приводил с собой множество своих коллег из провинции, не вызывая нареканий окружающих, – провинциальные товарищи лучше понимали его, могли лучше сработаться с ним.

Между провинциями существует сильная конкуренция. Любой губернатор назубок знает любые статистические данные, относящиеся к его провинции: население, площадь обрабатываемой земли, количество выпадающих осадков, ежегодный объем производства сельскохозяйственной и промышленной продукции, а также место, которое провинция занимает по отношению к остальным 30 провинциям по каждому показателю, включая валовой национальный продукт. Такой же остротой отличается и конкуренция между городами. Каждый мэр города знает наиболее важные статистические данные по своему городу в сопоставлении с другими городами. Города и провинции ранжируются для того, чтобы поощрять конкуренцию между ними, которая иногда перехлестывает через край: некоторые руководители пытаются улучшить занимаемое ими место всеми средствами, вплоть до «торговых войн». Если бы, например, такая бурно растущая провинция как Гуандун нуждалась в импорте продовольствия для обеспечения притока рабочих из других провинций, то ее соседи могли бы отказаться продавать ей зерно. Провинция, в которой расположен высокоэффективный завод по производству мотоциклов, могла бы столкнуться со сложностями в продаже этих мотоциклов в других провинциях, которые хотели бы таким образом защитить свои собственные мотоциклетные заводы от конкуренции.

Я полагал, что коммунистическая система означала полную централизацию управления и контроля. Как оказалось, в Китае этого никогда не было. Начиная с правления самых ранних китайских династий, провинциальные власти обладали значительной независимостью в интерпретации указов императора, и, чем дальше от центра находилась провинция, тем больше была ее независимость. В поговорке «горы высоки, а до императора далеко» (*shan gao, huang di yuan*) выразился скептицизм и цинизм поколений китайцев, страдавших от произвола местных властей. Нам очень пригодился бы подобный опыт, когда мы приступали к осуществлению честолюбивого проекта в городе Сучжоу (*Suzhou*) в 90-ых годах.

Мне удалось до некоторой степени понять, как работает китайское правительство, – громоздкая, многоуровневая система с четырьмя уровнями управления: центральным, провинциальным, городским и районным. Теоретически, письменные директивы центра должны трактоваться и выполняться по всей стране одинаково. На практике, все происходит в атмосфере жестокой и непрекращающейся борьбы, – каждое министерство ревниво охраняет свои права и пытается расширить свои полномочия. Конфликты между министерствами и возникающие в связи с этим заторы в системе управления – не редкость. Между государственным служащим и политическим назначенцем не существует никакой разницы. Коммунистическая партия Китая обладает высшей властью, и любой, кто обладает хоть какими-то полномочиями, должен занимать определенное положение в партии. Для того чтобы сделать карьеру в государственных органах или преуспевать в частном бизнесе членство в партии неоценимо.

Общий уровень китайских руководителей впечатляет. Получив необходимую подготовку и накопив практический опыт работы в условиях рыночной экономики, они вполне смогут тягаться с высшими руководителями США, Западной Европы и Японии. Они обладают глубоким аналитическим умом и быстро соображают. Та тонкость, с которой они выражают свои мысли даже в случайной беседе, показывает остроту их ума, полностью оценить которую можно, только хорошо понимая китайский язык.

Я ожидал этого от руководителей в Пекине, но с удивлением обнаружил, что провинциальные должностные лица: секретари комитетов партии, губернаторы, мэры и высшие должностные лица, – также являются руководителями высокого класса. Толстая прослойка талантливых людей, рассеянных по целому континенту, впечатляет. Те из них, кто попал на самый верх, не обязательно на голову выше тех, кого они обошли. В такой густонаселенной стране как Китай удача играет существенную роль в продвижении к вершинам власти, даже при наличии тщательного отбора, который делает ударение на способностях и характере, а не на идеологической чистоте и революционном рвении, как в годы «культурной революции».

Один бывший партийный активист объяснил мне, как Отдел кадров КПК отбирает

наиболее талантливых людей. На каждого работника заведено персональное дело, которое начинается с табеля начальной школы, и содержит не только оценки, но также характеристику преподавателя, оценивающего его поведение, черты характера и отношение к делу. Каждая ступень карьеры сопровождается отчетами руководителей и коллег. При каждом повышении по службе, перед назначением, все кандидаты проходят аттестацию. В высших эшелонах пирамиды власти существует ядро численностью 5,000 – 10,000 человек, которые были тщательно отобраны и отсеяны Коммунистической партией Китая, а не правительством. Чтобы удостовериться, что эти оценки верны, специальная инспекционная комиссия из центра посещает провинции и города, оценивая лиц, проходящих аттестацию, а также интервьюируя активистов, перед тем как повысить их. В случае возникновения разногласий вопрос рассматривается в Пекине. Отбор ведется тщательно и всесторонне. Наконец, на самом верху, назначения делаются самим лидером, который должен оценить не только заслуги, но и лояльность кандидата. Именно Дэн Сяопин выбрал и назначил Чжао Цзяна на пост Генерального секретаря КПК, сделав его, номинально, человеком номер один в Китае. И именно Дэн Сяопин, после событий на площади Тяньаньмынь в 1989 году, пересмотрел свое решение, сместив его с этого поста.

Глава 39. Площадь Тяньаньмынь

В мае 1989 года мир наблюдал за причудливой драмой, разворачивавшейся в Пекине. По каналам спутникового телевидения велась ее прямая трансляция, потому что в городе присутствовало множество представителей западных средств массовой информации, готовившихся освещать встречу Горбачева с Дэн Сяопином. Значительное число студентов в организованном порядке собралось на площади Тяньаньмынь, напротив Большого Дворца Народов. Они несли плакаты и транспаранты, протестуя против коррупции, кумовства и инфляции; полиция относилась к ним либерально. Генеральный секретарь Коммунистической партии Китая (КПК) Чжао Цзян одобрительно отозвался о происходящем, сказав, что студенты выступали за реформы в партии и правительстве, и их намерения были хорошими. По мере того как толпа все увеличивалась, содержание лозунгов и транспарантов становилось все более критическим, антиправительственным и резким. В них подвергалось нападкам правительство, содержались личные выпады в адрес премьер-министра КНР Ли Пэна. Когда и за этим ничего не последовало, на плакатах появились сатирические стишки, высмеивавшие Дэн Сяопина. Когда я увидел это по телевидению, я почувствовал, что эта демонстрация закончится слезами, – в истории Китая еще не было императора, который, будучи подвергнут осмеянию, продолжал бы править страной.

События на площади Тяньаньмынь были странным эпизодом в истории Китая. По телевидению показывали Ли Пэна, читавшего декларацию о введении военного положения. Я смотрел выдержки из программ пекинского телевидения, транслировавшихся в Сингапур из Гонконга через спутник. В одном ярком эпизоде, предшествовавшем введению военного положения, были показаны представители студентов, грубо спорившие с премьер-министром Ли Пэном в Большом Дворце Народов. Студенты были в джинсах и футболках, Ли Пэн – в безукоризненно отглаженном костюме в стиле Мао. В этих теледебатах студенты победили Ли Пэна с большим перевесом. Драма достигла кульминации, когда солдаты попытались войти на площадь, но эта попытка была отбита. Наконец, в ночь на 3 июня на площадь въехали машины и бронетранспортеры. Весь мир наблюдал за этим по телевидению. Некоторые исследователи, скрупулезно просеявшие свидетельские показания, были убеждены, что на самой площади не было стрельбы, перестрелка произошла тогда, когда войска, сопровождавшие танки и бронетранспортеры, силой прокладывали себе путь через улицы, ведущие к площади.

Это было невероятно: Народно-освободительная армия Китая (НОАК) обратила оружие против собственного народа. Я чувствовал себя обязанным выступить на следующий день, 5 июня, со следующим заявлением: Мои коллеги в правительстве шокированы, потрясены и опечалены столь катастрофическим поворотом событий. Мы ожидали, что китайское правительство, используя армию для подавления гражданских беспорядков, прибегнет к минимуму насилия. Вместо этого, применение оружия и насилия стало причиной многих

смертей и увечий. Их применение было абсолютно непропорционально по отношению к тому сопротивлению, которое могло оказать безоружное гражданское население.

Если между значительной частью китайского народа, включая его наиболее образованных представителей, и правительством существуют разногласия, то это означает, что страну ожидают волнения, выражения народного недовольства, задержки в проведении реформ и простои в экономике. Ввиду огромных размеров Китая, это может привести к возникновению серьезных проблем и внутри страны, и в соседних государствах Азии.

Мы выражаем надежду, что в процессе достижения примирения верх возьмет мудрость, и народ Китая сможет возобновить движение по пути прогресса, которое началось со времени проведения политики «открытых дверей».

Я не стал осуждать китайское правительство, ибо не считал его репрессивным коммунистическим режимом советского типа. Очевидно, массовые демонстрации на протяжении двух месяцев накалили страсти.

Реакция китайских общин в Гонконге, Сингапуре и на Тайване на эти события значительно отличалась. Люди в Гонконге были испуганы и обеспокоены. Они наблюдали по телевидению за разворачивающейся трагедией практически круглосуточно; они были заодно со студентами, некоторые молодые люди из Гонконга даже разбили лагерь на площади Тяньаньмынь. Это происходило в период, когда Китай поощрял журналистов и визитеров из Гонконга и Тайваня к сближению с Китаем. Когда войска в Пекине открыли огонь по демонстрантам, жители Гонконга пришли в ужас от перспективы перехода их города под контроль такого жестокого правительства. Среди населения города имели место стихийные всплески гнева и отчаяния. Миллион человек вышли на улицу вскоре после того, как события на площади Тяньаньмынь были показаны по телевидению. У здания информационного агентства Синьхуа (Xinhua News Agency), игравшего роль неофициального представительства КНР в Гонконге, несколько дней продолжались демонстрации протеста. Жители Гонконга помогали участникам акции протеста в Пекине бежать из Китая на Запад через Гонконг. На Тайване испытывали чувство грусти и симпатии к студентам, но страха не было, как не было и демонстраций протеста или выражения скорби. Жители Тайваня не собирались переходить под власть Китая.

Жители Сингапура были шокированы. Лишь немногие считали, что существовала необходимость открывать огонь, но никто не вышел на демонстрацию. Люди знали, что Китай был коммунистической страной, отличавшейся от их собственной. Делегация студентов университетов направила письмо протеста в посольство Китая.

В этот весьма поучительный момент проявились различия в позициях, в восприятии и в степени эмоциональной причастности к происходящему трех групп этнических китайцев, чья политическая близость к коммунистическому Китаю была различной.

Если бы не та роль, которую сыграл Дэн Сяопин в принятии решения отдать НОАК приказ очистить площадь Тяньаньмынь, западные средства массовой информации восхваляли бы его, когда он умер в феврале 1997 года. Вместо этого, каждый некролог содержал острую критику грубой расправы, имевшей место 4 июня, и каждая телевизионная программа включала эпизоды событий на площади Тяньаньмынь. Не знаю, как китайские историки оценят его роль, я же считаю Дэн Сяопина великим лидером, изменившим судьбы Китая и всего мира.

Дэн был реалистом, практиком и прагматиком, а не идеологом. Он дважды становился жертвой маоистских чисток, но сумел вернуться к власти, чтобы спасти Китай. Еще за 12 лет до распада Советского Союза он знал, что централизованная плановая экономика не работает. Он разрешил в Китае предпринимательство и свободный рынок, начав с развития специальных экономических зон на побережье. Дэн был единственным руководителем в Китае, обладавшим политическим весом и силой, чтобы полностью изменить политику Мао. Как и Мао, Дэн боролся за то, чтобы разрушить старый Китай, но он сделал то, чего Мао сделать не смог. Дэн Сяопин построил новый Китай, используя свободное предпринимательство и свободный рынок «с китайскими характеристиками». Будучи ветераном войн и революций, он увидел в студенческих демонстрациях на площади Тяньаньмынь опасный процесс, угрожавший ввергнуть Китай еще на 100 лет в пучину хаоса и анархии. Он пережил революцию и распознал ранние признаки революции в событиях на площади Тяньаньмынь. Горбачев, в отличие от

Дэна, только читал о революции и не сумел распознать ранних признаков надвигавшегося краха Советского Союза.

20 лет спустя после провозглашения Дэном политики «открытых дверей» Китай демонстрирует явные признаки того, что его экономика станет самой большой и наиболее динамично развивающейся экономикой в Азии. Если Китаю удастся избежать хаоса и конфликтов, как внутренних, так и внешних, к 2030 году экономика страны достигнет гигантских размеров. Умирая, Дэн Сяопин оставил китайскому народу огромное и многообещающее наследство, без него Китайская Народная Республика потерпела бы крах, как и Советский Союз. Если бы Китай распался, западные средства массовой информации выражали бы свои симпатии китайцам, как они это делают по отношению к русским. Вместо этого, Западу приходится считаться с перспективой возникновения в течение следующих 30–50 лет мощного Китая.

Через 3 месяца после событий на площади Тяньаньмынь, 24 августа, Ху Пин (Hu Ping), министр торговли Китая, сопровождавший меня во время моего турне по китайским провинциям в 1988 году, посетил Сингапур. Премьер-министр Китая Ли Пэн хотел, чтобы он проинформировал меня об «инциденте 6–4» («6–4» – 4 июня, – сокращение, которое китайцы используют, чтобы упомянуть о значительных событиях, указывая месяц и день, когда они произошли). Ху Пин сказал, что ситуация стабилизировалась, но влияние этих событий на Китай было огромным. На протяжении 40–50 дней беспорядков правительство Китая утратило контроль над ситуацией. Студенты использовали проблемы коррупции и инфляции, чтобы сплотить людей вокруг себя. У китайской полиции не было достаточного опыта, и она не смогла справиться с подобными демонстрациями, поскольку у полицейских не было водометов и других специальных средств по борьбе с беспорядками.

Ху Пин также сказал, что к началу июня студенты стали вооружаться, воруя оружие и снаряжение у солдат НОАК (об этом мне читать не приходилось). Когда солдаты попытались войти на площадь Тяньаньмынь 2 мая, им воспрепятствовали; тогда войска были отведены назад и «подвергнуты перевоспитанию». 3 июня войска начали новое наступление. Некоторые солдаты были с оружием, но многие – без. Войскам был отдан приказ не стрелять, на деле, в патронных подсумках многих военнослужащих лежало печенье. Резиновыми пулями китайская армия не располагала. На следующий день после инцидента он лично проехал по улице Цаньан Роуд (Chang-An Road – «дорога вечного мира») на всем протяжении от Военного музея до комплекса для приема гостей Дяоютай и видел дымившиеся остатки 15 танков и бронетранспортеров. Войска проявляли величайшую сдержанность, оставляя свои машины и стреляя в воздух. Его министерство расположено неподалеку от площади, и его сотрудники наблюдали за демонстрацией, в которой принимали участие миллион человек. На деле, 10 % служащих его министерства и других министерств также присоединились к демонстрантам, – они также выступали против коррупции и симпатизировали студентам. Ху Пин настаивал, что жертвы имели место в тот момент, когда войска пытались пробиться на площадь Тяньаньмынь, а не на самой площади, как сообщала иностранная пресса.

Он сказал, что с тех пор иностранные бизнесмены и китайские служащие вернулись к работе. Ху Пин верил, что зарубежные друзья Китая постепенно разберутся в том, что произошло. Некоторые молодые китайцы были связаны с разведывательными службами западных стран, распространяя поступающую с Запада информацию и суждения с помощью современного оборудования. (Я понял его таким образом, что речь шла о факсах). Ху Пин сказал, что, несмотря на то, что после этих событий западные страны ввели санкции против Китая, Китай никогда не допустит иностранного вмешательства в свои внутренние дела. Кроме того, большинство иностранных государств, а также иностранные банки, не настаивали на ужесточении санкций, и контакты между ними постепенно восстанавливались. Он выразил надежду, что двусторонние отношения между Китаем и Сингапуром будут оставаться хорошими, ибо они базировались на прочной основе.

Я ответил, что «инцидент 6–4» явился шоком и для меня, и для народа Сингапура. Мы просто не ожидали, что против демонстрантов применят военную силу и огневую мощь в таких масштабах. Жители Сингапура привыкли почти каждый вечер наблюдать по телевизору за столкновениями южнокорейской полиции с рабочими и студентами, за избиением чернокожих

жителей ЮАР южноафриканской полицией, за израильянами, использовавшими слезоточивый газ, резиновые пули и другое вооружение против палестинцев. При этом иногда погибали один-два человека, а танки и бронетранспортеры никогда не использовались. Мы не могли поверить своим глазам: китайское правительство, которое в мае вело себя столь разумно, сдержанно и толерантно, неожиданно стало по-звериному жестоким, используя танки против гражданского населения. Жители Сингапура, особенно этнические китайцы, не могли этого понять, и испытывали острое чувство стыда из-за этих действий, оставивших глубокие шрамы на душах людей.

Китай должен был объяснить Сингапуру и остальному миру, почему необходимо было применять подобные меры для разгона демонстрации, почему для этого не нашлось иных способов. Внезапный переход от «мягкого» к «жесткому» подходу был необъясним. Конечно, проблемы у Китая возникли, в основном, не со странами Юго-Восточной Азии, которые не располагали ни капиталами, ни технологией, чтобы помочь модернизации Китая. У Китая возникли проблемы с Японией, странами Европы и особенно с США, которые, действуя через Мировой банк и МВФ, сделали для Китая много хорошего. Китаю необходимо было сгладить произведенное отрицательное впечатление. Я высказал предположение, что китайцам следовало обратиться за помощью в этом деле к некоторым американским фирмам по обработке общественного мнения (PR-firm). Американцы – эмоциональные люди, телевидение имеет на них огромное влияние. Сенаторы и члены Конгресса контролируют президента и распоряжаются деньгами, поэтому Китай должен уделять им серьезное внимание. К счастью для Китая, президент Буш жил в Китае на протяжении нескольких лет, знал страну лучше, чем большинство американцев, так что он пытался успокоить Конгресс.

Я предостерег китайцев, что, им не следовало прекращать направлять студентов за границу из-за того, что они создавали дополнительные проблемы, обмениваясь по факсу идеями со своими друзьями в Пекине. В этом случае Китай отрезал бы себя от зарубежных знаний и технологий, что нанесло бы неизмеримый ущерб.

Ху Пин заверил меня, что китайская политика по отношению к студентам и политика «открытых дверей» по отношению к окружающему миру останутся без изменений. Многие деловые люди с Тайваня приезжают в Китай, чтобы инвестировать. Китайская политика по отношению к Тайваню и Гонконгу также не изменится. Тем не менее, он сказал, что ситуация в Гонконге осложнилась. Провозглашаемые в Гонконге лозунги изменились, – вместо лозунга «народ Гонконга должен управлять Гонконгом» теперь провозглашался лозунг «народ Гонконга должен спасти Гонконг». Он не упомянул о том грандиозном выражении страха и солидарности, которое имело место во время демонстраций протеста жителей Гонконга против «инцидента 6–4», в которых приняли участие миллион человек.

От событий на площади Тяньаньмынь в моей памяти осталась грустная картина: Чжао Цзяян, стоящий посреди площади, забитой демонстрантами с повязками на головах, на которых были написаны лозунги, с мегафоном в руке. Почти что со слезами на глазах он уговаривал студентов разойтись, объясняя, что больше не сможет защищать их. Это было 19 мая. Увы, было уже слишком поздно: лидеры КПК решили ввести военное положение и, при необходимости, использовать силу для разгона демонстрации. В этот момент студенты должны были либо разойтись, либо их разогнали бы силой. Чжао Цзяян не проявил твердости, которая требовалась от лидера Китая в тот момент, когда страна стояла на грани возникновения хаоса. Организованным демонстрантам позволили стать мятежниками, которые не повиновались властям. Если бы с ними не поступили жестко, они бы вызвали подобные беспорядки по всей огромной стране. Площадь Тяньаньмынь – это не Трафальгарская площадь в Лондоне.

Китайские коммунисты восприняли советскую практику, согласно которой, сколь бы влиятельным ни был лидер, находясь у власти, с момента отставки он становился никем, а его имя никогда не упоминалось публично. Несмотря на то, что я хотел встретиться с Чжао Цзяном во время моих последующих визитов в Китай, я даже не мог заговорить об этом. Через несколько лет после событий на площади Тяньаньмынь я встретился с одним из его сыновей, который немного рассказал мне о том, как жил Чжао Цзяян после того, как впал в немилость. Ему пришлось переехать из района Чжуннаньхай, где жили все руководители партии, в дом, который занимал Ху Яобан (бывший Генеральный секретарь КПК), в бытность

свою заведующим Организационным отделом КПК. В течение первых нескольких лет у входа в дом постоянно дежурил охранник, а все передвижения Чжао Цзяна отслеживались. Со временем наблюдение стало не таким жестким. Ему разрешалось играть в гольф в китайском гольф клубе в пригороде Пекина, но не разрешалось играть в гольф клубе, принадлежавшем иностранному совместному предприятию. Ему разрешалось посещать внутренние провинции, но не разрешалось ездить в прибрежные провинции, чтобы свести до минимума контакты с иностранцами и связанную с этим огласку. Дети Чжао Цзяна жили за границей, за исключением одной дочери, которая работала в пекинском отеле. Условия его жизни были достаточно комфортными, его семье разрешалось посещать его. По советским меркам обращения с бывшими руководителями ему жилось не так уж плохо, – к нему относились лучше, чем Брежнев относился к Хрущеву, а Ельцин – к Горбачеву.²⁹

Человеком, которого ненавидели внутри страны и за рубежом за введение военного положения и насильственный разгон демонстрации на площади Тяньаньмынь, был премьер-министр Китая Ли Пэн. На самом деле, решение было принято Дэн Сяопином, которого поддерживали несколько ветеранов «Великого похода». Я впервые встретился с Ли Пэном в Пекине в сентябре 1988 года. Он занял должность премьер-министра, после того как Чжао Цзян стал Генеральным секретарем КПК. Ли Пэн был не таким общительным, как Чжао. Ему было за 60, он получил советское инженерное образование, обладал хорошим умом, был всегда хорошо информирован и не бросался словами. Он не был рубахой-парнем и мог почувствовать себя оскорбленным, даже если для этого не было реального повода. Я приспособился к его темпераменту, и мы неплохо ладили. После того как я узнал его лучше, я обнаружил, что Ли Пэн – умный, хотя и консервативный человек.

Ли Пэн был сыном видного деятеля КПК, и был усыновлен премьер-министром Чжоу Эньлаем. Он говорил безо всякого провинциального акцента, потому что всегда жил с семьей Чжоу Эньлая там, где была штаб-квартира КПК, – сначала в Яньане, а затем – в Пекине. Его жена была более общительной, обаятельной женщиной и приятной собеседницей. В отличие от жен большинства китайских руководителей, которые держались на втором плане, она часто играла роль хозяйки дома. Она говорила по-английски на бытовые темы, и Чу легко смогла общаться с ней без переводчика.

Во время нашей официальной дискуссии Ли Пэн спросил о том, как развивался сингапурский бизнес в Китае. Я сказал, что инвесторы из Сингапура сталкивались с многочисленными трудностями. Слишком многие из них потеряли деньги и разочаровались в Китае, распространилась молва, что в Китае царит беспорядок, поэтому приток инвестиций в Китай замедлился. Инвесторы не могли понять, почему китайские руководители не могли добиться дисциплины от китайских рабочих. Гостиницы, находившиеся в собственности предпринимателей из Гонконга и Сингапура, вынуждены были нанимать в качестве руководителей китайцев из Гонконга и Сингапура, чтобы добиться дисциплины от персонала, но и это не позволяло разрешить всех проблем. К примеру, рабочих, уволенных за воровство из гостиниц, приходилось восстанавливать на работе, потому что оставшиеся работники протестовали. Если Китай хотел добиться прогресса, трудовые отношения следовало изменить. Китайцы должны были позволить инвесторам управлять своими предприятиями, включая найм и увольнение рабочих.

Ли Пэн ответил, что Китай был не против того, чтобы иностранные инвесторы зарабатывали деньги, но политика Китая состояла в том, чтобы они не зарабатывали слишком много. (Я понял это таким образом, что, какими бы ни были первоначальные договоренности, если китайские власти считали, что прибыли инвесторов были слишком высокими, то они находили способ, позволявший перераспределить прибыль). Налоговая политика Китая в специальных экономических зонах была более благоприятной, чем в Гонконге, но он признал, что иностранные инвесторы сталкивались с низкой эффективностью работы правительства и бюрократизмом. Решить эти проблемы было сложно. На многих государственных предприятиях было занято слишком много людей, предприятия несли убытки, им приходилось заботиться об ушедших на пенсию работаниках. С введением свободного рынка китайская

²⁹ Прим. пер.: здесь с автором трудно согласиться

система оплаты труда стала просто абсурдной. Например, зарплата профессора хорошего университета составляла примерно 400 юаней, зарплата его дочери, работавшей вахтером на иностранном предприятии, была такой же, хотя никто не стал бы утверждать, что труд дочери был таким же ценным, как и труд ее отца. Всю систему оплаты труда следовало изменить, но правительство не могло повысить зарплату профессоров, потому что не располагало необходимыми для этого ресурсами. Ли Пэн сказал, что Китай многого добился с тех пор, как начал проводить политику «открытых дверей», но уровень инфляции был при этом высоким, и его приходилось контролировать путем сокращения инвестиций в строительство. Он был уверен, что курс на проведение реформ в Китае не изменится, а трудности будут преодолены.

Когда он спросил меня о ситуации с обеспечением безопасности в Восточной Азии, я нарисовал ему оптимистичную картину экономического роста и стабильности, конечно, при том условии, что ситуация в сфере безопасности не ухудшится. Соединенные Штаты и Китай сдерживали Советский Союз. Политика США заключалась в том, чтобы использовать свою собственную экономическую мощь и экономический потенциал Японии для обеспечения ее безопасности. Пока такой порядок вещей соблюдался, у Японии не было нужды перевооружаться. Япония не располагала ядерным оружием, но, если бы японцы не смогли больше полагаться на США, то Япония справилась бы с обеспечением своей безопасности в одиночку. В этом случае угроза безопасности всех стран Юго-Восточной Азии возросла бы. Большинство японских руководителей старшего поколения хотели продолжать партнерские отношения с США, что позволило Японии добиться процветания и обеспечить высокий уровень жизни ее народу. Существовала угроза того, что молодое поколение лидеров, у которых не было опыта прошедшей войны, могло считать иначе. Было бы особенно плохо, если бы им удалось возродить миф о том, что японцы являлись потомками богини Солнца.

Ли Пэн считал, что я недооценивал японскую угрозу. По его мнению, Китаю необходимо было проявлять бдительность по отношению к возрождению японской военной мощи. Несмотря на то, что Япония сама решила установить потолок военных расходов в размере 1 % ВВП, ее военный бюджет был примерно на 26–27 миллиардов долларов больше китайского. В Японии были лидеры, которые хотели бы отменить приговор истории, согласно которому Япония совершила агрессию по отношению к Китаю, странам Юго-Восточной Азии и южной части Тихого океана. Ли Пэн привел два примера: содержание японских учебников истории и посещение храма Ясукуни высшими руководителями Японии. (Храм Ясукуни построен в честь солдат, погибших на войне). Экономические успехи Японии стали источником средств для превращения ее в крупную политическую и военную силу, по крайней мере, так рассуждали некоторые японские лидеры. Его беспокойство относительно возможного возрождения японского милитаризма было реальным. В то же время, Китай постоянно был начеку относительно угрозы, исходившей от Советского Союза.

Два года спустя, 11 августа 1990 года, премьер-министр Ли Пэн посетил Сингапур. Перед этим он только что посетил Джакарту и восстановил дипломатические отношения с Индонезией. У нас состоялась встреча один на один, в присутствии только переводчиков и секретарей. До того я неоднократно заявлял, что Сингапур станет последней страной АСЕАН, которая установит дипломатические отношения с Китаем. Теперь, когда Индонезия восстановила дипломатические отношения с КНР, мне хотелось решить этот вопрос до своего ухода в отставку с поста премьер-министра в ноябре того же года. Ли Пэн отметил, что во время моего многолетнего пребывания на посту премьер-министра отношения между Сингапуром и Китаем развивались хорошо. Он также хотел бы урегулировать этот вопрос до моего ухода в отставку, и пригласил меня посетить Китай в середине октября.

После этого я упомянул о проблеме, которая затрудняла официальные переговоры об обмене посольствами, – это был вопрос об обучении наших войск на Тайване. Я не мог сказать, когда прекратятся учения наших вооруженных сил на Тайване. Сингапур был глубоко обязан Тайваню, в особенности покойному президенту Цзян Цзинго, чья помощь позволила нам решить проблему нехватки территории для подготовки войск. Мы не могли забыть о нашем долге. Сингапур платил Тайваню только за то, что потребляли и использовали во время обучения наши войска, и ни доллара сверх того. Между нами существовали особые взаимоотношения, – мы чувствовали свою близость друг к другу из-за связывавших нас

антикоммунизма, общего языка, культуры и предков. Ли Пэн выразил понимание того, что Сингапур был хотя и процветающим, но маленьким государством. Он добавил, что Китай не станет настаивать на том, чтобы точно определить дату прекращения подготовки войск Сингапура на Тайване.

После этой встречи в решении этой острой проблемы, из-за которой переговоры буксовали на протяжении многих месяцев, наметился прогресс. Меня уже не беспокоило, как в 1976 году, что китайское посольство в Сингапуре будет представлять угрозу для нашей безопасности, – ситуация в Сингапуре изменилась. Мы решили некоторые основные проблемы китайского образования, все наши школы были переведены на общегосударственную систему преподавания на английском языке. В Университете Наньян преподавание больше не велось на китайском языке, и его выпускники легко могли найти работу. Мы покончили с практикой подготовки целых поколений выпускников, которые испытывали трудности с поисками работы из-за языкового барьера.

После нашей дискуссии один на один состоялась встреча делегаций в полном составе, на которой Ли Пэн упомянул о событиях на площади Тяньаньмынь, как о «суматохе, случившейся в Китае прошлым летом». По его словам, некоторые страны ввели санкции против Китая, что стало причиной некоторых трудностей, но эти страны также нанесли ущерб и самим себе. Например, Япония ослабила санкции против Китая после встречи стран «большой семерки». Я сказал, что, в отличие от западных средств массовой информации, Сингапур не рассматривал события на площади Тяньаньмынь, как «конец света», но было очень жаль, что Китай нанес такой ущерб своей репутации. Ли Пэн ответил: «Китайское правительство утратило полный контроль над ситуацией». Будучи премьер-министром, он «даже не мог выйти на улицу. Этот хаос продолжался 48 дней».

Ли Пэн не принадлежит к числу беззаботных шутников, но в тот день он удивил всех, когда сказал, что хотел бы «пошутить» по поводу подготовки наших войск на Тайване. Он заявил, что наши войска могли бы проходить подготовку в Китае на лучших условиях, чем на Тайване. Это вызвало спонтанный взрыв смеха за столом переговоров. Я сказал, что первый день учений наших войск в Китае стал бы последним днем мира в Азии.

Два месяца спустя, 3 октября, я нанес свой последний визит в Пекин в качестве премьер-министра, чтобы подписать документы об установлении дипломатических отношений с Китаем. После того, как это было сделано, мы обсудили проблему оккупации Кувейта Ираком. Ли Пэн сказал, что Ирак нельзя было победить в ходе «молниеносной войны». (Когда с помощью современных вооружений в ходе операции «Буря в пустыне» иракская оборона была прорвана в течение нескольких дней, это, должно быть, явилось сюрпризом для китайских военных и гражданских руководителей).

Он сообщил нам, что за несколько недель до нашей встречи, по просьбе Вьетнама, вьетнамские лидеры: Нгуен Ван Линь (премьер-министр), До Мыой (секретарь компартии) и Фам Ван Донг (бывший премьер-министр и высокопоставленный руководитель, посещавший Сингапур в 1978 году), – провели переговоры в Чэнду, в провинции Сычуань, с Генеральным секретарем КПК Цзян Цзэмином и Ли Пэном. Они пришли к соглашению, что Вьетнам безоговорочно выведет свои войска из Камбоджи под наблюдением ООН, и что до проведения выборов страной будет управлять Национальный совет безопасности (National security council). Теперь Китай был готов пойти на улучшение отношений с Вьетнамом.

В октябре 1990 года я встретился с президентом Цзян Цзэмином. Он тепло принял меня, процитировав Конфуция: «Приятно встретиться с друзьями, прибывшими издалека». Он упустил возможность встретиться со мной во время своего посещения Сингапура в начале 80-ых годов и в 1988 году, во время моего визита в Шанхай, где он был в то время мэром. Цзян Цзэминь дважды посещал Сингапур. В первый раз он был в Сингапуре на протяжении двух недель. Цзян изучал опыт работы Управления экономического развития в деле привлечения инвестиций в Сингапур и развития промышленных зон. После этого ему было поручено создание специальных экономических зон в провинциях Гуандун и Фуцзянь. Второй раз он сделал транзитную остановку в Сингапуре. На него произвели глубокое впечатление городское планирование, порядок, чистота, организация дорожного движения и уровень обслуживания. Он запомнил наш лозунг: «Вежливость – наш образ жизни». Ему понравилось, что он мог

разговаривать с простыми людьми на улицах на китайском языке, что позволяло ему легко ориентироваться в городе. Цзян сказал, что после «инцидента 6–4» на Западе утверждали, что телевидение сделало возможным вмешательство во внутренние дела Китая. На Западе действовали в соответствии с западной системой ценностей. Он мог согласиться с тем, что в различных странах существовали различные взгляды на вещи, но не с тем, что лишь один из этих взглядов являлся правильным. По его мнению, концепции демократии, свободы и прав человека не являются абсолютными, ибо не существуют абстрактно, а связаны с культурой страны и уровнем ее экономического развития. Свобода прессы, как таковая, также не существовала – западные газеты принадлежали и контролировались различными финансовыми группами. Он упомянул о принятом Сингапуром в 1988 году решением ограничить распространение «Эйжиэн Уол стрит джорнэл» и сказал, что Китаю следовало сделать то же самое во время визита Горбачева. По его словам, во многих сообщениях западных средств массовой информации по поводу «инцидента 6–4» искажались факты.

Цзян Цзэминь сказал, что политика «открытых дверей», политика приверженности социализму, провозглашенная Дэн Сяопином, останется без изменений. Ввиду того, что я выразил сомнения относительно продолжения политики «открытых дверей», Цзян заверил меня, что ее осуществление будет «ускорено». Китайцы решили порвать с советской централизованной плановой системой. Он учился в Советском Союзе на протяжении двух лет и посещал страну 10 раз, и был хорошо знаком с трудностями, которые испытывала советская система. Китай хотел создать смешанную экономику, которая вобрала бы в себя лучшие черты централизованной плановой экономики и рыночной системы.

Цзян Цзэминь сказал, что Китай хотел поддерживать контакты с другими странами. Китаю было сложно накормить 1.1 миллиарда человек, обеспечение всей страны одним только зерном требовало огромных усилий. Когда он был мэром Шанхая, города с населением 12 миллионов человек, он сталкивался с трудностями в снабжении города овощами, – ежедневно их требовалось 2 миллиона килограммов. Он говорил о колоссальных потребностях Китая на протяжении часа. Беседа за ужином было оживленной. В памяти Цзяна хранилась колоссальная антология стихов и двусиший, заученных с детских лет. Он их охотно цитировал. Его высказывания были густо пересыпанными литературными аллегориями, многие из которых выходили за узкие рамки моих знаний в области китайской литературы, что добавляло работы переводчику.

Я ожидал встретиться с серым, стереотипным аппаратчиком компартии, а столкнулся с улыбчивым, обаятельным Председателем КПК. Цзян был среднего роста, коренастым, у него была светлая кожа, он носил очки. У него было широкое лицо, а волосы он зачесывал назад. Он был человеком номер один в Китае, Дэн Сяопин подобрал его на этот пост в течение нескольких дней после «инцидента 6–4», чтобы сменить Чжао Цзыяна. Он был очень умным, хорошо начитанным и обладал даром к языкам. Он свободно говорил по-русски, говорил по-английски и по-немецки, мог цитировать Шекспира и Гете. Цзян Цзэминь также сказал мне, что во время работы в Румынии он выучил и румынский язык.

Он родился в 1926 году в городе Янчжоу (Yangzhou), в провинции Цзянсу (Jiangsu), в семье ученого. Его дедушка был известным врачом и талантливым поэтом, живописцем и каллиграфом. Его отец был самым старшим сыном в семье. Дядя, который вступил в Коммунистический союз молодежи в возрасте 17 лет, погиб в возрасте 28 лет, в 1939 году, во время гражданской войны с националистами, и считался революционным героем. Отец Цзян Цзэминя отдал его на воспитание вдове погибшего дяди, у которой не было земли. Так что Цзян обладал безупречным революционным происхождением, когда он присоединился к коммунистической группе студентов в Нанкинском Университете (Nanjing) и Университете Цзяотун (Jiaotong) в Шанхае.

Он вырос в доме, который был полон книг, картин, в котором звучала музыка. Он умел петь, играть на пианино и получал удовольствие, слушая Моцарта и Бетховена. Между различными провинциями Китая существуют значительные различия в образовательном уровне. Провинция Цзянсу была «озерным краем» Китая, где на протяжении тысячелетий, благодаря ее прекрасному микроклимату, селились отставные чиновники и литераторы. Их потомки подняли уровень образования населения в регионе. В Сучжоу, в провинции Цзянсу,

который когда-то был столицей одного из государств в период «Весен и осеней» (примерно 770–476 год до нашей эры), была улица Чжон Енцзе (Zhuang Yuan jie).³⁰ «Чжон Ен» – это титул, который давался кандидату, занявшему первое место на устраивавшихся императором экзаменах, которые проводились в столице раз в три года. Руководители города Сучжоу с гордостью утверждали, что многие из них являлись выходцами с этой улицы.

Несмотря на то, что я был хорошо проинформирован, встреча с Цзян Цзэминем была для меня сюрпризом. Я не ожидал, что встречу со столь открытым китайским коммунистическим лидером. Во время двухнедельного визита Цзян Цзэминя в Сингапур в 1980 году, директор УЭР Эн Пок Ту (Ng Rock Too) выполнял при нем роль чиновника для поручений. Он набросал мне портрет Цзян Цзэминя и высказал свое удивление, что тот занял высшую должность в Китае. Он запомнил его как серьезного, трудолюбивого, сознательного и старательно относившегося к делу чиновника, – Цзян детально изучал каждую проблему, делал заметки и задавал серьезные вопросы. У Эн Пок Ту сложилось о нем высокое мнение, потому что, в отличие от других китайских официальных лиц, останавливавшихся в пятизвездочных отелях, Цзян предпочел трехзвездочную гостиницу, не находившуюся на фешенебельной улице Очард Роуд. И путешествовал он скромно: в автомобиле Эн Пок Ту, в такси или пешком. Цзян был бережливым, честным чиновником, но он не показался Эн Пок Ту изощренным политиком.

К концу своего двухнедельного визита Цзян посмотрел Эн Пок Ту прямо в глаза и спросил: «Вы не все мне сказали, у Вас должен быть какой-то секрет. В Китае земля, вода, энергия, рабочая сила, – дешевле. При этом Вы сумели привлечь такое большое количество инвестиций, а мы – нет. В чем же секрет Вашего успеха?» Без капли смущения Эн Пок Ту объяснил ему ту ключевую роль, которую играют политическая стабильность и экономическая эффективность. Он достал экземпляр отчета «Индекс делового риска» (Business Environment Risk Index) и показал, что Сингапуру был присвоен рейтинг 1А по шкале от 1А до 3С. Китай в этом рейтинге просто отсутствовал. Сингапур считался благоприятным местом для инвестирования, потому что в городе были созданы безопасные политические, экономические и иные условия. Угроза конфискации собственности отсутствовала, наше рабочее было трудолюбивым и производительным, забастовок почти не было, сингапурская валюта была конвертируемой. Эн Пок Ту прошелся по факторам, используемым при расчете ИДР. Ему не удалось полностью убедить Цзян Цзэминя, так что он дал ему экземпляр отчета с собой. Перед отъездом в аэропорт у них состоялась заключительная дискуссия в маленьком номере отеля, который занимал Цзян Цзэминь. Цзян сказал, что он, наконец, понял, в чем заключалась магическая формула успеха: УЭР обладало «уникальной технологией продажи уверенности в завтрашнем дне!». Эн Пок Ту подвел черту: «Я никогда не думал, что он станет человеком номер один в Китае. Он был для этого слишком хорошим человеком».

Между нами сложились хорошие отношения, Цзян был человеком общительным, а я – открытым и прямолинейным. С Ли Пэном мне приходилось быть очень осторожным, чтобы не сказать чего-нибудь лишнего даже в шутку. А Цзян знал, что у меня были хорошие намерения, и не обижался. У него была весьма нехарактерная для китайцев привычка держать гостя за предплечье и смотреть ему прямо в глаза, задавая прямой вопрос. Глаза были его «детектором лжи». Я предположил, что ему, вероятно, понравилось, что я не уклонялся от ответа, когда он задавал мне некоторые весьма каверзные вопросы о Тайване, Америке, Западе и о самом Китае.

Хорошие личные отношения позволяли более непринужденно решать сложные и деликатные проблемы. Я не мог так же свободно разговаривать ни с Хуа Гофэном, ни с Ли Пэном. Наверное, так можно было разговаривать с Чжао Цзыяном, да и то не в столь же свободной и располагающей манере.

Многие, включая меня, недооценили способностей Цзян Цзэминя удерживаться у власти из-за его дружелюбия и склонности к цитированию поэзии при каждом удобном случае. Очевидно, в его характере были бойцовские черты, которые его оппоненты обнаруживали, когда они мешали ему. Нет абсолютно никаких сомнений относительно его честности и преданности высокой цели, поставленной перед ним Дэн Сяопином, – продолжению

³⁰ Прим. пер.: период «Весен и осеней» получил свое имя по названию созданной в это время одноименной летописи, чье авторство приписывается Конфуцию

модернизации Китая и превращению Китая в процветающее, индустриальное государство с «социалистической рыночной экономикой». Он довольно пространно объяснял мне значение этого термина, сказав, что экономика Китая должна отличаться от западной рыночной экономики, потому что китайцы являются социалистами.

Когда я встретился с Цзян Цзэмином через два года, в октябре 1992 года, мы обсуждали международную ситуацию. Наша встреча проходила за несколько недель до выборов в США. Я высказал предположение, что, в случае победы Клинтона, Китаю будет необходимо выиграть время. Китайцам следовало предоставить Клинтону некое пространство для маневра, чтобы полностью изменить некоторые элементы политики, например, вопрос о предоставлении Китаю статуса наибольшего благоприятствования в торговле с США. Китаю следовало избегать прямой конфронтации с Америкой. Новый, молодой президент, который стремился бы продемонстрировать своим сторонникам, что он готов был действовать в соответствии со своими предвыборными обещаниями, мог бы создать проблемы и для Китая, и для Америки.

Цзян выслушал меня и ответил уклончиво. Он сказал, что читал мои речи, с которыми я выступал в Китае и других странах. Во время поездки Дэн Сяопина по южным провинциям Китая в январе того года Дэн упомянул о быстрых темпах развития стран Юго-Восточной Азии, особенно Сингапура. XIV съезд КПК, который намечалось провести в следующем месяце, должен был одобрить сформулированную Дэн Сяопином политику строительства «социализма с китайской спецификой». Для осуществления этой задачи Китай нуждался в мире и стабильности внутри страны и за рубежом. Цзян подчеркнул, что рыночная экономика в Китае будет развиваться, но это займет долгое время. Что касается демократии в Китае, то Восток находился под влиянием учения Конфуция и Мэн-цзы, поэтому проведение какой-либо «шоковой терапии» (внезапное введение демократии) в Китае, как это имело место в Советском Союзе, полностью исключалось. Что касалось тогдашней неблагоприятной ситуации в американо-китайских отношениях, то вину за это, по его словам, следовало возлагать не на Китай. Продавая Тайваню истребители и иное вооружение, Америка нарушала принципы коммюнике, подписанного США и Китаем в 1982 году. Тем не менее, руководство Китая не заостряло внимания на этом вопросе, не желая ставить президента Буша в неловкое положение во время его предвыборной кампании.

Цзян описал экономическую ситуацию в Китае, а затем спросил меня, на каком уровне, по моему мнению, следовало поддерживать оптимальные темпы роста ВВП в Китае. До того ставилась цель обеспечить ежегодный прирост ВВП в размере 6 %, на следующем партийном съезде предполагалось повысить темпы роста до 9 %. Я ответил, что на ранних этапах индустриализации Япония и «четыре маленьких дракона»³¹ добились темпов экономического роста, измерявшихся на протяжении продолжительного периода времени двузначными цифрами. Уровень инфляции при этом оставался невысоким. До нефтяного кризиса 1973 года экономика Сингапура росла ежегодно на 12–14 %, а уровень инфляции был низким. Оптимальный темп роста экономики Сингапура определялся не какой-то магической цифрой, а тем, насколько наши трудовые ресурсы и промышленные мощности недоиспользовались. Он также зависел от уровня инфляции и ставки процента по кредитам. Я добавил, что доктор Го Кен Сви (бывший министр финансов Сингапура, который помогал китайцам в качестве советника в создании свободных экономических зон) считал, что главной проблемой Китая была неспособность Народного банка Китая (НБК – People's Bank of China) контролировать кредитную эмиссию. Осуществляя кредитную эмиссию, каждый провинциальный филиал НБК находился под давлением органов управления провинциями. Кроме того, информация об объеме денежной массы на любую дату была недостаточной. Чтобы держать инфляцию под контролем, Китаю следовало строже контролировать денежную массу и не позволять провинциальным филиалам НБК проводить кредитную эмиссию без уведомления Центрального банка и разрешения с его стороны.

Цзян взял этот вопрос на заметку. Он сказал, что по образованию он был инженером по электрооборудованию, но начал изучать экономику и читал работы Адама Смита (Adam Smith), Пола Самуэльсона и Милтона Фридмана. Он был не единственным китайским руководителем,

³¹ Прим. пер.: Тайвань, Сингапур, Гонконг, Южная Корея

изучавшим рыночную экономику. Я посоветовал ему изучать деятельность Федерального резервного банка США (U.S. Federal Reserve Bank) и немецкого Бундесбанка (Bundesbank), – двух успешно работавших центральных банков. В борьбе против инфляции Бундесбанк добился больших успехов. Председатель правления Бундесбанка назначался канцлером ФРГ, но после назначения он был совершенно независим, и канцлер не мог приказать ему увеличить денежную массу или понизить ставку процента по кредитам. Китаю следовало добиться контроля над кредитной эмиссией и не слишком волноваться о том, чтобы не превысить предполагаемый идеальный темп экономического роста. К примеру, если провинция Гуандун могла расти более быстрыми темпами, чем другие провинции ввиду наличия тесных связей с Гонконгом, то ей не следовало в этом препятствовать, было необходимо поощрять распространение быстрого экономического роста в соседних провинциях путем улучшения дорог, железнодорожного, авиационного, речного и морского транспорта. Он сказал, что изучит эти вопросы.

Когда я в следующий раз встретился с Цзян Цзэмином в Пекине в мае 1993 года, он поблагодарил меня за то, что Сингапур создал условия для проведения «переговоров Ван-Ку» между «неофициальными» представителями Китая и Тайваня. Это была первая, начиная с 1949 года, встреча представителей сторон, воевавших друг с другом в ходе гражданской войны, хотя она и была «неофициальной». Тем не менее, Цзян сказал, что он считал «весьма странными и разочаровывающими» многочисленные сообщения о том, что Тайвань хотел вступить в ООН. Он считал, что со стороны Запада было неблагоразумно относиться к Китаю как к потенциальному врагу.

Я сказал, что стремление Тайваня вступить в ООН не поощрялось Соединенными Штатами. Дик Чейни (Dick Cheney), который был Госсекретарем США по вопросам обороны в администрации президента Рейгана до 1992 года, и Джин Кирпатрик (Jeanne Kirkpatrick), являвшаяся, в период правления Рейгана, постоянным представителем США в ООН, выступили в Тайбэе с заявлением о том, что вступление Тайваня в ООН было нереально. Они сказали, что Тайвань мог бы вступить в ЮНЕСКО, в Мировой банк и другие технические организации, но не в ООН. Я считал, что желание Тайваня вступить в ООН олицетворяло собой переходную стадию в политике президента Ли Дэньхуэя, который хотел порвать со старой позицией Гоминдана, заключавшейся в том, чтобы не вступать в какие-либо международные организации, ибо Тайвань не был полноправным членом ООН. (Позднее я увидел, что ошибался. Ли Дэньхуэй действительно надеялся, что Тайвань вступит в ООН и этим подтвердит независимый статус Тайваня в качестве Китайской Республики на Тайване.)

Я считал, что наилучшим выходом в развитии китайско-тайванских отношений было бы мирное и постепенное развитие экономических, социальных и политических связей между ними. К примеру, в 1958 году Китай и Тайвань обменивались артиллерийскими залпами через узкие проливы Чжинмен и Мацу (Matsu). Если бы Китай тогда добился успеха в воссоединении с Тайванем, то на сегодняшний день Китай находился бы в менее выгодном положении. Так как Китаю тогда не удалось добиться воссоединения, теперь он мог воспользоваться ресурсами 20-миллионного Тайваня, который приобрел экономические и технологические активы путем сотрудничества с Америкой. Цзян кивнул в знак согласия. Я высказал предположение, что, возможно, было бы лучше сохранять отдельный статус Тайваня. В этом случае Америка и Европа продолжали бы предоставлять Тайваню доступ к передовой технологии на протяжении еще 40–50 лет, а Китай мог бы и в дальнейшем извлекать выгоду из того, что мог ему дать Тайвань. Он покачал головой, не соглашаясь со мной.

Затем я сказал, что, если он хотел, чтобы США имели меньше рычагов давления на Китай, то ему следовало открыть доступ на китайский рынок большому количеству европейских МНК. В этом случае американские бизнесмены стали бы лоббировать свое правительство, побуждая его не предпринимать действий, которые подвергали бы опасности их интересы в Китае, опасаясь уступить свои позиции европейским и японским МНК. Цзян сказал, что это – хорошая мысль. Я добавил, что Америка и Европа не станут мириться с возникновением в Китае еще одной закрытой экономики японского типа, которая работала бы только на экспорт, при отсутствии импорта. Для того, чтобы Китай успешно развивался, он должен был использовать свой внутренний рынок с его потенциально огромными размерами, чтобы привлечь

иностранных инвесторов, которые могли бы продавать свои товары в Китае и, таким образом, сделать их «заложниками» успешного экономического роста Китая. Цзян Цзэминь согласился, что для такой большой страны как Китай было бы нереально развивать экономику, ориентируясь исключительно на увеличение экспорта. Китаю следовало увеличить размеры своего экспорта, и не только в США, но при этом следовало развивать открытый внутренний рынок. Цзян больше склонялся к мнению вице-премьера КНР Ли Ланьцинга (Li Lanqing) (отвечавшего за развитие торговли) чем к мнению вице-премьера Чжу Чжунцзи (отвечавшего за развитие промышленности). Чжу Чжунцзи считал, что местную промышленность следовало защищать, в определенной степени, протекционистскими мерами. Цзян сказал, что политика Китая состояла в том, чтобы учиться у различных стран и перенимать их передовой опыт не только в науке, технологии, организации производства, но также и в сфере культуры.

В октябре 1994 года между Цзян Цзэмином и мною произошла весьма оживленная встреча, касавшаяся Тайваня. В мае того же года президент Тайваня Ли Дэньхуэй сделал остановку в Сингапуре и попросил премьер-министра Го Чок Тонга передать предложение президенту Цзян Цзэминю. Предложение касалось организации судоходной международной компании, которая находилась бы в совместном владении КНР, Тайваня и Сингапура, и которая бы обслуживала торговлю между Китаем и Тайванем. (При этом доля Сингапура в этой компании была бы чисто номинальной). Все суда, обслуживавшие торговлю с КНР, предполагалось передать этой компании.

Го Чок Тонг написал Цзян Цзэминю письмо с изложением этого предложения, но Цзян не принял его. Тогда Го Чок Тонг и я решили, что Сингапур выйдет с предложением, которое позволило бы уладить разногласия сторон. Мы предложили создать компанию для обслуживания морских и авиаперевозок, зарегистрировать ее в Сингапуре, при этом КНР, Тайвань и Сингапур владели бы примерно равным числом акций компании. Эта компания предоставляла бы в аренду суда и самолеты, укомплектованные экипажами, причем число транспортных средств, принадлежащих Китаю и Тайваню, было бы равным. Через три года Китай и Тайвань должны были бы выкупить долю Сингапура. Президент Ли Дэньхуэй согласился с этим предложением во время нашей встречи на Тайване в середине сентября 1994 года.

Через несколько дней, 6 октября, я встретился с Цзян Цзэмином в Большом Дворце Народов. Он предложил, чтобы мы провели переговоры в узком кругу: он – с заместителем Председателя Госсовета (отвечавшим за отношения с Тайванем), а я – с послом Сингапура в Китае. Цзян сказал: «У нас есть переводчик, но давайте не будем терять времени. Вы будете говорить по-английски, я Вас пойму. Я буду говорить по-китайски, Вы поймете меня, а если нет, то мой переводчик нам поможет». Мы сэкономили время.

Я сказал, что президент Ли согласился с нашим предложением, но считал, что при его осуществлении возникнет много трудностей в мелочах, так что он хотел, чтобы Сингапур участвовал в их разрешении. Министр иностранных дел Тайваня хотел, чтобы сначала было открыто судоходное сообщение. Правительство Тайваня выделило специальную зону в Гаосюне (Kaohsiung) для создания международного транзитного грузового порта. После года успешной работы судоходной компании можно было приступить к авиаперевозкам.

Цзян сказал, что предложение премьер-министра Го Чок Тонга было высказано с добрыми намерениями, но являлось неприемлемым для Китая. Он не видел никакой причины, по которой обе стороны должны были прибегать к использованию какого-либо камуфляжа при осуществлении совместных проектов. Подобное мнение он слышал из многих источников. Затем он упомянул об интервью, которое Ли Дэньхуэй дал Риотаро Шибэ, опубликованное в японском журнале в апреле того же года. (В этом интервью Ли говорил о себе как о Моисее, ведущем свой народ из Египта в Землю Обетованную.) Цзян добавил, что попытка Ли присутствовать на Азиатских играх в Хиросиме (Hiroshima Asian Games) показала, что на него совершенно нельзя было положиться. Ли хотел существования «двух Китаев», или Китая и Тайваня. Чем дольше Китай вел с ним переговоры, тем шире становилась пропасть между двумя сторонами. Ли говорил одно, а делал – другое. Ли не должен считать, что он (Цзян) – глупец и не может разобраться в том, какова его истинная позиция. Цзян Цзэминь сказал, что руководители Китая тщательно взвешивали свои слова и выполняли обещанное, подразумевая,

что тайванские лидеры так не поступали. Он сказал, что руководители Китая придавали огромное значение доверию и справедливости, подразумевая, что Ли не обладал этими качествами. Цзян с гневом заявил, что Ли ублажал своих бывших колониальных хозяев (подразумевая Японию).

Его речь лилась таким непрерывным потоком, что, хотя я и не понимал отдельных фраз, которые он использовал и схватывал только суть того, что он говорил, я не останавливал его для уточнений. Цзян Цзэминь говорил очень страстно, подчеркивая серьезность своей позиции и глубину своих убеждений.

В тот момент я не понимал, что являлось источником сдерживаемого им гнева. Позднее, я обнаружил, что за три дня до нашей встречи, когда я находился в провинции Хэнань, президент Ли сказал в интервью «Эйжиэн Уол стрит джорнэл»: «В Пекине сегодня нет достаточно сильного лидера, некому сказать решающее слово. Дэн Сяопин еще жив, но мы не думаем, что он в состоянии думать и принимать решения. Дэн попытался сделать Цзян Цзэминя лидером, обладающим всей полнотой власти... После того как Дэн умрет, мы можем оказаться в ситуации, когда на сцену выйдет настоящий лидер. Мы не знаем, будет ли им кто-либо из тех, кого мы видим сегодня, или же кто-то из тех, кто сейчас скрыт от нас, но появится позже».

Глава 40. «Быть богатым в Китае – почетно»

В феврале 1992 года Дэн Сяопин отправился в широко освещавшееся турне по южным провинциям Китая. В Шеньчжэне он сказал, что провинция Гуандун в течение следующих 20 лет должна была догнать «четырёх азиатских драконов» (Гонконг, Сингапур, Южная Корея, Тайвань) не только в экономической сфере, но и по уровню развития социальной сферы, а также в поддержании общественного порядка. Он сказал, что в этой сфере Китай должен был добиться большего, чем эти страны, – только тогда стали бы очевидными отличительные черты «китайского социализма». Дэн добавил: «В Сингапуре поддерживается общественный порядок, правительство управляет городом, укрепляя дисциплину. Мы можем не только изучать их опыт, но и добиться большего, чем они». А в Китае похвала, исходившая из уст Дэн Сяопина, являлась истиной в последней инстанции относительно того, что считать хорошим, а что, – нет.

В 1978 году, за ужином, я сказал Дэн Сяопину, что китайцы Сингапура были потомками неграмотных безземельных крестьян, покинувших провинции Гуандун и Фуцзянь в Южном Китае. Ученые, чиновники и литераторы остались в Китае и оставили там свое потомство. Поэтому не было ни одного достижения, которого сумел добиться Сингапур, которого Китай не смог бы превзойти. Я понял, что Дэн принял вызов, который я исподволь подбросил ему тогда, за ужином, 14 лет назад.

После одобрения, высказанного Дэн Сяопином, несколько сот делегаций, в основном неофициальных, прибыли в Сингапур из Китая, вооруженные магнитофонами, видеокамерами и блокнотами, чтобы изучать наш опыт. Сингапур получил «благословение» их верховного лидера, так что китайцы «поместили нас под микроскоп» и изучали наш опыт в тех областях, которые они считали для себя привлекательными и хотели использовать в своих городах. Интересно, что сказали бы по этому поводу наши противники – коммунисты, с которыми мы боролись в 60-ых годах: лидер Коммунистической партии Малайи в Сингапуре «Плен» и лидер Объединенного фронта коммунистов Лим Чин Сион, – ведь Коммунистическая партия Китая была для них источником вдохновения.

Китайских лидеров беспокоили социальные язвы: проституция, порнография, наркотики, азартные игры и уголовная преступность, – распространявшиеся в специальных экономических зонах. Блюстители идеологической чистоты критиковали политику «открытых дверей». Дэн Сяопин ответил на это, что, когда открывают окна, то вместе со свежим воздухом в дом могут влететь комары и мухи, – но с ними можно справиться.

Вскоре после речи, произнесенной Дэн Сяопином, глава Департамента международных связей КПК обратился к послу Сингапура в Пекине с просьбой проинформировать его о том, «как нам удалось поддержать на высоком уровне моральные стандарты и общественную дисциплину». Ему особенно хотелось узнать «не столкнулся ли Сингапур с противоречиями между внедрением западной технологии, необходимой для развития экономики, и

поддержанием социальной стабильности». Китайцы наблюдали за Сингапуром на протяжении нескольких лет, в средствах массовой информации появлялись статьи, воздававшие должное развитию инфраструктуры, обеспечению населения жильем, чистоте, порядку, озеленению, социальной справедливости и гармонии, вежливости наших людей. К нам прибыла с 10-дневным визитом делегация, возглавляемая заместителем министра пропаганды Цу Вейченом (Xu Weicheng). Титул «заместитель министра пропаганды» не совсем точно отражал суть его работы, – на деле он был заместителем министра идеологии. Мы пояснили, что, по-нашему мнению, контроль над обществом не мог держаться только на дисциплине. Для того чтобы люди жили правильной в моральном отношении жизнью, необходимо обеспечить достойные условия: нормальное жилье и социальные блага. Люди должны согласиться только с основным принципом нашей системы управления – соблюдением законов, а также выполнять свой долг, помогая полиции в предотвращении и расследовании преступлений.

Делегация посетила все полицейские департаменты, ответственные за поддержание общественного порядка (особенно те отделы, которые занимались борьбой с наркоманией, проституцией и азартными играми). Они побывали и в агентствах, занимавшихся цензурой нежелательных видеофильмов, книг и журналов; в редакциях газет, радиостанций и телевизионных станций, где расспрашивали об их роли в информировании и образовании населения; в НКПС, в Народной Ассоциации, чтобы своими глазами посмотреть на те учреждения, которые заботились о нуждах рабочих.

Я встретился с Цу Вейченом в конце его визита. Он сказал мне, что его заинтересовало то, как мы использовали свободный рынок для ускорения темпов экономического роста; как нам удалось сочетать западную и восточную культуру в ходе внедрения западной науки и технологии; а, более всего, как нам удалось поддерживать расовую гармонию в обществе. Члены его делегации отвечали за вопросы идеологии и хотели поучиться у нас тому, как уничтожить социальные язвы.

Мы откровенно рассказали о тех социальных проблемах, которые мы решить не могли. Проституцию, азартные игры, наркоманию и алкоголизм можно было держать под контролем, но не уничтожить полностью. На протяжении всей своей истории Сингапур был морским портом, а это означало, что проституцию необходимо было контролировать, ограничив ее распространение некоторыми районами города, в которых женщины проходили регулярные медосмотры. Мы не могли уничтожить азартные игры, – это было пристрастие, которое эмигранты из Китая привозили с собой, куда бы они ни приезжали. Тем не менее, нам удалось уничтожить триады и организованную преступность.

В отношении борьбы с коррупцией Цу Вейчен высказал свои сомнения в том, что такие агентства как сингапурское Бюро по расследованию коррупции и Департамент по вопросам коммерции (Commercial affairs department) смогут успешно контролировать обширные «серые зоны» в Китае, где связи пронизывали собой все. Само понятие «коррупции» в Китае было иным. Кроме того, он подчеркнул, что партия обладала высшей властью в государстве, и ее члены могли быть подвергнуты взысканиям только по партийной линии. (Это означало, что примерно 60 миллионов членов партии не подпадали под действие принятых в Китае законов. С тех пор нескольких весьма высокопоставленных деятелей приговорили к смертной казни за контрабанду, а других – к длительным срокам тюремного заключения за коррупцию, но партийные лидеры все еще могут вмешиваться и отменять судебные решения). Цу Вейчен сказал, что не все методы, использовавшиеся в Сингапуре, можно было копировать в Китае, потому что китайская общественная система весьма отличалась от нашей. Он сказал, что, такие небольшие новые города как Шеньчжень, очевидно, смогут успешно использовать опыт Сингапура. Цу Вейчен добавил, что Китай всегда будет оставаться социалистическим государством, и китайцам следует осторожно и постепенно использовать наш опыт, потому что, в отличие от Сингапура, Китай не мог массово внедрять наш опыт в условиях существования серьезных различий между тридцатью провинциями страны. Он был поражен нашей некорруптированной и эффективной администрацией и поинтересовался, каким образом нам удалось сохранить высокие социальные и моральные качества людей. Я сказал, что все, что мы делали, сводилось к тому, чтобы усилить те культурные ценности, которые у людей уже были, их врожденные ценности, их чувство того, что правильно, а что – нет. Такие конфуцианские

ценности как преданность родителям, лояльность и справедливость, трудолюбие и бережливость, искренность по отношению к друзьям и преданность стране являются важными опорами юридической системы. Мы только усиливали эти традиционные ценности, поощряя поведение, которое им соответствовало, наказывая поведение, которое им противоречило. В то же время, мы решили уничтожить такие пороки как кумовство, фаворитизм и коррупцию, являвшиеся обратной, теневой стороной принятого в китайском конфуцианстве обязательства помогать семье. Сингапур – компактное общество, и его лидеры должны подавать пример честности и безупречного поведения. Мы считали, что уверенность людей в том, что правительство не собирается их обманывать и наносить им вред, является жизненно важной. Поэтому, какими бы непопулярными не были меры, предпринимаемые правительством, люди понимали, что эта политика не являлась результатом коррупции, кумовства или аморального поведения.

Цу Вейчен спросил, что следовало предпринимать правительству по отношению к попыткам изменить порядки в стране, поощряемым зарубежными странами. Я сказал, что проблема состояла не столько в прямом вмешательстве иностранцев в нашу внутреннюю политику, сколько в том косвенном и подспудном влиянии, которое зарубежные средства массовой информации и личные контакты с иностранцами оказывали на поведение наших людей и их отношение к жизни. С развитием технологии спутникового радио- и телевидения контролировать это влияние будет все сложнее. Мы могли только смягчить наносимый им вред, воспитывая и усиливая традиционные ценности наших людей. Я считаю, что семья вносит основной вклад в формирование личности ребенка на протяжении первых 12–15 лет его жизни. Если разумные ценности укоренятся в начальный период жизни человека, то позже он сможет сопротивляться отрицательному влиянию и давлению извне. К примеру, если католические священники воспитывают ребенка на протяжении первых 12 лет его жизни, то они обычно добиваются того, что он на всю жизнь остается католиком.

Когда делегация вернулась в Китай, ее отчет распространялся в качестве «Рекомендаций» (Reference News), который изучался членами партии. В брошюре, выпущенной в качестве отчета о поездке в Сингапур, Цу Вейчен изложил свое понимание моего подхода: «Чтобы хорошо управлять страной и изменить отсталые привычки населения, требуются продолжительные усилия. В самом начале необходим некоторый административный нажим, но наиболее важную роль играет образование». Год спустя, во время моего визита в Пекин, Ли Рийхуан (Li Ruihuan), член Политбюро ЦК КПК, отвечавший за вопросы идеологии, сказал мне, что это он организовал поездку делегации в Сингапур. Сам он посетил город в бытность свою мэром Тяньцзиня (Tianjin) и считал, что наш опыт стоило изучать.

Другой сферой, которая интересовала китайцев, была наша юридическая система. Сяо Ши (Qiao Shi), председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания Народных Представителей, занимавший третью по важности должность в китайской иерархии, также отвечал за разработку и принятие законодательства, необходимого для обеспечения верховенства закона в стране. Он посетил Сингапур в июле 1993 года с целью изучения наших законов. Он сказал, что, когда 1 октября 1949 года китайские коммунистические лидеры провозгласили Китайскую Народную Республику, они отменили все действовавшие тогда законы. После этого управление страной осуществлялось с помощью указов, законом стала политика партии. Только после провозглашения Дэн Сяопином политики «открытых дверей» китайские руководители осознали необходимость принятия законов для регулирования отношений в сфере коммерции. Сяо Ши сказал, что никто не станет сотрудничать с Китаем, если страна будет нестабильной и раздробленной. Для поддержания стабильности в долгосрочной перспективе Китай нуждался в соблюдении принципа верховенства закона. Я сказал, что Китай, вероятно, сможет создать систему законодательства в течение 20–30 лет, но потребуются намного больше времени, чтобы люди в массе своей осознали принцип верховенства закона и стали вести себя соответственно. Он ответил, что было необязательно, чтобы каждый понимал это, – как только высшее руководство страны начнет поступать в соответствии с законом, верховенство закона будет обеспечено. Он произвел на меня впечатление серьезного человека, тщательно продумывавшего стоявшие перед ним проблемы.

Китай в эпоху Дэн Сяопина был куда более открытой и желавшей учиться у окружающего

мира страной, чем это было на протяжении предшествующих столетий. Дэн Сяопин был достаточно мужественным человеком, занимавшим достаточно сильные позиции в партии и государстве, чтобы открыто признать, что Китай потерял многие годы в поисках революционной утопии. Это было освежающее время открытого мышления, энтузиазма и прогресса, что было радикальной переменой по сравнению с годами катастрофических кампаний и диких лозунгов. Дэн начал фундаментальные изменения, которые заложили фундамент для того, чтобы Китай смог догнать другие страны.

В сентябре 1992 года в сопровождении заместителя премьер-министра Сингапура Он Тен Чиона я посетил Сучжоу (Suzhou) – «китайскую Венецию». Город был обветшалым, а его каналы – грязными, но у нас родилась идея перестроить Сучжоу, сделать его прекрасным городом и построить рядом с ним новую промышленную и коммерческую зону. В городе имелись прекрасные сады в китайском стиле, разбитые вокруг вилл таким образом, что из каждого окна и каждой веранды открывался вид на сад камней, водоем или растения. Следы былого великолепия все еще были заметны в некоторых восстановленных особняках.

Однажды после обеда мэр Сучжоу Чжан Циншен (Zhang Xinshe) отвел меня в сторону и сказал: «Валютные резервы Сингапура составляют пятьдесят миллиардов долларов». Я спросил его: «Кто Вам сказал об этом?» Он ответил, что прочитал об этом в отчете Мирового банка. Он добавил: «Почему бы вам не инвестировать 10 % от этой суммы в Сучжоу и провести в городе индустриализацию по образцу и подобию Сингапура? Я гарантирую обеспечить особое отношение к инвесторам, так что все ваши инвестиционные проекты будут успешными». Я ответил: «Способные и энергичные мэры быстро уходят на повышение, а что же будет потом?» Он помедлил и ответил: «Пожалуй, у Вас могут быть сложности с моим преемником, но, спустя некоторое время, у него просто не будет другого выбора, кроме как следовать по проложенному мною пути. Население Сучжоу хочет, чтобы в городе было все то, что есть в Сингапуре, все, что они видели по телевизору, о чем читали: работа, жилье и город-сад». Я отвечал: «У Вас нет власти, чтобы выделить нам место, на котором мы могли бы построить Сингапур в миниатюре. Для этого Вам необходимы полномочия центрального правительства».

Я больше не размышлял об этом предложении, но в декабре того же года мэр Сучжоу появился в моем кабинете, чтобы сообщить, что он обратился с этим предложением в канцелярию Дэн Сяопина. Имелись хорошие шансы на то, что предложение будет одобрено, поэтому он попросил нас оформить его в виде плана. Он был тесно связан с сыном Дэн Сяопина – Дэн Пуфаном (Deng Pufang). Он Тен Чиюн задействовал нескольких архитекторов, чтобы подготовить проект того, как могли бы выглядеть отреставрированный старый Сучжоу и построенный рядом с ним современный промышленный город. Через несколько месяцев, во время визита Дэн Пуфана в Сингапур, я показал ему наброски плана реконструированного города вместе с новым близлежащим промышленным пригородом. Он отнесся к проекту с энтузиазмом, с его помощью удалось протолкнуть проект через канцелярию Дэн Сяопина. Когда премьер-министр Сингапура Го Чок Тонг посетил Пекин в апреле, он обсудил это предложение с премьер-министром Ли Пэном и Цзян Цзэмином.

В мае 1993 года я встретился в Шанхае с вице-премьером Чжу Чжунцзи, которому я уже писал до того о проекте развития Сучжоу, и разъяснил ему свое предложение о сотрудничестве. Я предлагал заключить межправительственное соглашение о технической помощи для передачи наших знаний и опыта (мы называли их «программным обеспечением» (software)) в сфере привлечения инвестиций с целью создания в Сучжоу промышленной зоны, деловых центров и строительства жилья на пустовавшей площадке общей площадью около 100 квадратных километров. Поддержка проекта осуществлялась бы консорциумом сингапурских и зарубежных компаний, которые создали бы совместные предприятия с правительством Сучжоу. Осуществление проекта заняло бы более 20 лет, и мы неизбежно столкнулись бы с трудностями, применяя наши методы в условиях Китая.

Сначала Чжу Чжунцзи подумал, что мое предложение было еще одной идеей, позволяющей нашим инвесторам подзаработать в Китае. Я объяснил, что мое предложение родилось в результате визитов многочисленных китайских делегаций, приезжавших в Сингапур, чтобы изучать наш опыт по кусочкам, но никогда не получавших представления о том, как работает наша система в целом. А если бы сингапурские и китайские руководители

работали бок о бок, то мы смогли бы передать им наши методы, наш опыт и нашу систему работы в целом. Чжу Чжунцзи согласился, что попробовать стоило. Он указал, что Сучжоу имел выход к реке Янцзы и находился в 90 километрах (примерно 56 милях) к западу от Шанхая – крупнейшего международного центра Китая.

Четыре дня спустя я встретился в Пекине с вице-премьером Ли Ланьцинем, который незадолго до того получил повышение. Он родился в провинции Цзянсу (Jiangsu), в городе, расположенном неподалеку от Сучжоу. Он всецело поддержал проект, потому что считал, что в Сучжоу было достаточно интеллектуалов, способных перенять и применить на практике опыт Сингапура. Ли Ланьцин сказал, что общность культуры, традиций и языка представляет собой преимущество для развития сотрудничества между Китаем и Сингапуром. Будучи прагматиком, он признал, что проект должен был быть экономически выгодным и обеспечивать разумный уровень отдачи на вложенный капитал. В его бытность заместителем мэра Тяньцзиня основным принципом сотрудничества был принцип «равенства и взаимной выгоды».

В октябре 1993 года из Пекина в Сингапур были отправлены две делегации для изучения работы нашей системы управления: одна из Госсовета КНР, а другая – из провинции Цзянсу. Только когда китайцы удостоверились, что основные части нашей системы подходят для китайских условий, они согласились с тем, чтобы начать передачу «программного обеспечения».

В феврале 1994 года в Пекине, в присутствии премьер-министра Китая Ли Пэна и премьер-министра Сингапура Го Чок Тонга, вице-премьер КНР Ли Ланьцин и я подписали соглашение об осуществлении проекта в Сучжоу. Я встретился с Цзян Цзэмином и подтвердил, что работы по осуществлению проекта могли начаться довольно скоро. Тем не менее, потребовалось бы не менее 10 лет, чтобы достичь значительного уровня развития промышленной зоны, – ведь создание промышленного района Джуронг в Сингапуре площадью всего 60 квадратных километров заняло у нас 30 лет.

Работы по созданию Индустриального парка Сучжоу (ИПС – Suzhou Industrial Park) начались с большим энтузиазмом, но вскоре мы столкнулись с трудностями. Существовало расхождение между целями, которые преследовало центральное правительство в Пекине и местные власти в Сучжоу. Высшее руководство в Пекине понимало, что суть проекта была в том, чтобы перенять сингапурский опыт планирования, строительства и управления комплексным промышленным, коммерческим и жилым районом, что могло бы привлечь первоклассных зарубежных инвесторов. А для местных официальных лиц в Сучжоу узкие местные интересы отодвинули основную цель проекта на второй план. Мы хотели продемонстрировать им как вести дело по-сингапурски, хотели передать им наше «программное обеспечение»: жесткую финансовую дисциплину; долгосрочное планирование; постоянную заботу о нуждах инвесторов. Их же интересовало «железо» (hardware): инфраструктура, дома, дороги, которые мы могли построить, и инвестиции в высокотехнологичные предприятия, которые мы могли привлечь, используя свою репутацию и связи с инвесторами по всему миру. Они не концентрировали свое внимание на изучении того, как создать благоприятный климат для бизнеса, не занимались отбором наиболее перспективных должностных лиц, которых следовало подготовить к тому, чтобы передать им дела в будущем. «Железо» принесло прямую и мгновенную выгоду городу Сучжоу, и его руководители поставили это себе в заслугу. Руководители в Пекине, в свою очередь, стремились перенять «программное обеспечение», чтобы извлечь выгоду от его распространения в других городах, используя сингапурский опыт создания благоприятных условий для развития бизнеса.

Вместо того, чтобы безраздельно уделять внимание развитию ИПС и сотрудничать с нами в осуществлении проекта, как было обещано, власти Сучжоу использовали связи с Сингапуром, чтобы развивать свою собственную промышленную зону – Новый район Сучжоу (НРС – Suzhou New District). Они ущемляли ИПС в плане выделения земельных участков и затрат на развитие инфраструктуры, которые они контролировали. Это делало ИПС менее привлекательным для инвесторов, чем НРС. К счастью, многие крупные МНК оценили наше участие в проекте и сделали выбор в пользу ИПС, несмотря на более высокую стоимость земли. Поэтому, несмотря на все трудности, мы добились существенного прогресса в развитии ИПС. В

течение трех лет удалось привлечь инвесторов к осуществлению более 100 инвестиционных проектов общей стоимостью почти три миллиарда долларов. Средний объем инвестиций, приходившийся в Сучжоу на один инвестиционный проект, был самым высоким в Китае. Осуществление этих проектов привело бы к созданию более 20,000 рабочих мест, 35 % которых требовали специального образования. Председатель управления Специальной экономической зоны заявил, что «в течение всего лишь трех лет ИПС стал первоклассным, по китайским меркам, проектом как с точки зрения темпов развития, так и с точки зрения стандартов, достигнутых в осуществлении проекта».

Этот прогресс был достигнут в условиях нараставших трудностей. Конкуренция между НРС и ИПС смущала потенциальных инвесторов и отвлекала внимание официальных лиц Сучжоу от главной цели проекта – передачи опыта. События достигли кульминации в середине 1997 года, когда вице-мэр Сучжоу, который управлял НРС, заявил на встрече с немецкими инвесторами в Гамбурге, что президент Цзян Цзэминь не поддерживал развитие ИПС, что немецким инвесторам будут рады в НРС, а потому Сингапур им был не нужен. Это делало наше положение ненадежным, – мы тратили впустую слишком много времени, энергии и ресурсов, преодолевая сопротивление местных властей.

Я поднял эту проблему с президентом Цзян Цзэмином в декабре 1997 года. Он заверил меня, что развитие ИПС было его главным приоритетом, и что проблемы на местном уровне будут решены. Несмотря на заверения, полученные на самом верху, местные власти не прекратили поддерживать НРС в конкуренции с ИПС. У нас были основания полагать, что они залезли в долги так глубоко, что, прекрати они активную поддержку НРС, это привело бы к серьезным финансовым трудностям. В июне 1999 года, после многочисленных переговоров, мы пришли к соглашению о перераспределении обязанностей в рамках совместного предприятия, созданного сингапурским консорциумом и властями Сучжоу. Сингапурский консорциум согласился сохранить за собой контрольный пакет акций, и контроль над реализацией проекта, и обязался к концу 2000 года завершить работы по осуществлению первой стадии проекта на площади 8 квадратных километров. После этого контроль над осуществлением проекта должен был перейти к властям Сучжоу, которые обязались завершить создание индустриального парка на площади 70 квадратных километров, используя первый участок освоения площадью 8 квадратных километров в качестве модели. Сингапурский консорциум обязался продолжать участвовать в проекте на правах младшего партнера на протяжении, как минимум, еще трех лет, до 2003 года, а также помочь китайским руководителям проекта организовать обслуживание инвесторов в ИПС.

Это был болезненный опыт. Обе стороны полагали, что явное сходство языка и культуры поможет уменьшить число проблем в отношениях между сторонами, каждая из которых ожидала, что поведение другой стороны будет похожим. К сожалению, хотя мы и не испытывали языковых проблем, наша культура ведения бизнеса полностью отличалась от китайской. Сингапурцы свято соблюдают контракты, – это нечто само собой разумеющееся, если мы подписываем соглашение, то делаем это окончательно и бесповоротно. Любые разногласия по поводу того, что означают те или иные подписанные документы, должны разрешаться судом или арбитражем. Мы уделяем большое внимание составлению документов на английском и китайском языках, причем обе версии имеют одинаковую силу. А для властей Сучжоу подписанный договор является выражением серьезных и искренних намерений, но отнюдь не всеобъемлющим обязательством, – его можно изменить или интерпретировать по-другому, в связи с изменившимися обстоятельствами. Мы полагались на законы и систему в работе; китайцы же руководствовались официальными директивами, которые часто не публиковались, а их интерпретация зависела от понимания официальными лицами на местах.

Возьмем, к примеру, проблему снабжения электроэнергией. Несмотря на то, что провинциальное правительство Сучжоу заключило с нами письменный договор, включавший обязательство снабжать ИПС электроэнергией в определенных объемах, оно не смогло добиться от соответствующих инстанций выполнения этого обещания. Чтобы решить эту проблему, мы получили разрешение от властей Сучжоу построить дизельную электростанцию. После того как электростанция была построена, нам заявили, что строительство дизельных электростанций не поощрялось ведомством, отвечавшим за снабжение энергией, поэтому

пользоваться ею запрещено. Официальные лица муниципалитета объяснили, что они не обладали каким-либо контролем над энергетическим ведомством, но ведь когда они согласились с нашими планами строительства электростанции, они уже знали, что энергетическое ведомство обладает всей полнотой власти в этой сфере, и не сказали нам, что мы должны были параллельно получить одобрение последнего. Потребовались месяцы переговоров, весь индустриальный парк оказался под угрозой закрытия, – только тогда вопрос был решен. Пять лет работы в Сучжоу дали нам хорошее понимание «гибкой» китайской деловой культуры и познакомили с запутанной, многоуровневой системой китайской администрации. Мы научились тонко разбираться в китайской системе управления и обходить препятствия и тупики, что позволило нам добиться того, что завершение нашего проекта не обернулось полным провалом, а увенчалось частичным успехом.

Система управления Китаем отличается исключительной сложностью. После двух столетий упадка, начавшегося с правления династии Цин, китайские руководители столкнулись ныне с задачей огромной сложности – необходимостью создания современной системы управления и изменения образа мышления и привычек официальных лиц, усвоивших традиции имперского чиновничества.

Китай все еще является бедной страной с множеством отсталых провинций. Для разрешения внутренних проблем страны необходим устойчивый экономический рост. По мере того как развитие Китая подходит к тому рубежу, когда страна будет обладать достаточным весом, чтобы навязывать свое влияние в регионе, Китаю необходимо будет определиться в судьбоносном вопросе: быть ли ему гегемоном и использовать свой вес, чтобы создать сферу влияния в регионе для обслуживания собственных экономических и политических интересов; или продолжать развитие в качестве добропорядочного члена международного сообщества, ибо, соблюдая правила игры на международной арене, Китай сможет добиться более высоких темпов экономического роста.

Китай неоднократно заявлял, что он никогда не станет гегемоном. Интересы всех и каждого требуют, чтобы к моменту выбора Китаю были представлены все необходимые стимулы для того, чтобы избрать путь международного сотрудничества, что позволило бы направлять энергию страны на протяжении последующих 50 – 100 лет в созидательное русло. Это означает, что Китай должен располагать экономическими возможностями, развиваться мирно, не нуждаясь в том, чтобы силой прокладывать себе доступ к источникам сырья или рынкам сбыта товаров и услуг. Такие многосторонние международные организации как ВТО создали систему справедливых и одинаковых для всех правил, позволяющих осуществлять свободный обмен товарами и услугами. В результате, любая страна может оставаться в пределах своих границ и повышать благосостояние своего народа путем развития торговли, инвестиций и иных форм обмена с другими странами. Следуя этим путем, немцы и японцы смогли восстановить свои страны после Второй мировой войны, несмотря на то, что территория этих стран сократилась, и им пришлось разместить соотечественников, высланных из бывших колоний и оккупированных территорий. Несмотря на сократившиеся размеры территории и уменьшившийся объем природных ресурсов, обе страны, получив доступ к международным рынкам через МВФ и ГАТТ, процветали как никогда ранее. Если у Китая не будет возможности пойти тем же путем, то миру придется смириться с существованием агрессивного Китая. В этом случае США будут не одиноки в своем беспокойстве относительно того, что предпримет Китай, когда он окажется способным бросить вызов современному мировому порядку, установленному Америкой и ее партнерами в Европе.

Коммунистическая партия Китая сталкивается с серьезными трудностями. Коммунизм потерпел неудачу в мировом масштабе, и китайский народ знает об этом. Но КПК не потерпела неудачу, ибо она освободила Китай, объединила его и позволила людям накормить и одеть себя. Несмотря на катастрофу, пережитую в период «большого скачка» (1958 год) и «культурной революции» (1966–1976 годы), китайцы гордятся тем, что иностранцы больше не могут безнаказанно нарушать суверенитет Китая, как это было в те времена, когда они пользовались правом экстерриториальности в рамках иностранных концессий.

Я столкнулся с интересным примером быстрых перемен, происходящих в Китае, когда в сентябре 1994 года я прибыл в аэропорт Чжэнчжоу (Zhengzhou) во внутренней провинции

Хэнань (Henan). В аэропорту поджидала очередь старых китайских лимузинов «Красное знамя». Я знал, что Хэнань не принадлежала к числу процветающих прибрежных провинций, но не ожидал, что они все еще пользовались лимузинами «Красное знамя». К моему удивлению, секретарь КПК Ли Чанчун (Li Changchun) и я были приглашены проследовать к новому «Мерседесу-600». Меня заинтересовало то, насколько фамильярно водитель и партийный секретарь разговаривали между собой. Позже, когда я остался наедине с водителем, я спросил, сколько он зарабатывает, работая шофером. Он ответил, что он, вообще-то, – владелец машины. Партийный секретарь Ли Чанчун хотел одолжить машину для обслуживания моего визита, и он решил сам поехать за рулем, чтобы встретиться со мной. Шесть лет назад он работал мастером на фабрике, но, после того как Дэн Сяопин провозгласил, что «быть богатым в Китае – почетно», он ушел в бизнес. Теперь у него – три фабрики, на которых занято примерно 5,000 рабочих, собирающих электронные изделия, а также три автомобиля, включая этот «Мерседес – 600».

Китай меняется быстро и бесповоротно. Правительство и КПК тоже меняются, но не так быстро, как экономика и общество в целом. Чтобы продемонстрировать народную поддержку, КПК разрешила проведение выборов в деревнях и районах. При избрании высших должностных лиц в провинциях членам партии, которые не были выдвинуты партийной организацией, разрешено выставлять свои кандидатуры, конкурируя с официальными кандидатами. В 1994 году губернатором провинции Чжэцзян (Zhejiang) стал кандидат, который победил на выборах выдвиженца компартии. Легитимность власти КПК основывается сегодня на тех благах, которые принесли рабочим и крестьянам реформы, начатые Дэн Сяопином в 1978 году. К числу этих благ принадлежит улучшение питания, жилищных условий, снабжения одеждой и потребительскими товарами, – в целом, более высокий уровень жизни, чем тот, что китайцы когда-либо имели на протяжении своей истории. Тем не менее, китайцы знают, что китайцы на Тайване, в Гонконге и Макао живут лучше, чем они, потому что их экономика основывается на принципах свободного рынка. До тех пор, пока КПК сможет добиваться результатов и улучшать условия жизни людей, никто не будет оспаривать легитимность ее власти. Так может продолжаться на протяжении жизни еще одного поколения китайцев. Политика КПК заключается в том, чтобы привлечь в партию самых лучших и наиболее способных людей. Многие из членов партии вступили в нее, чтобы избежать неудобств, связанных с отсутствием членства в партии, но к изучению теории марксизма-ленинизма-маоизма они относятся с прохладцей.

На протяжении следующих 50 лет китайцам необходимо добиться перемен в трех областях. Во-первых, в преобразовании плановой экономики в свободную рыночную экономику. Во-вторых, в превращении преимущественно деревенской страны в городскую. В-третьих, в трансформации общества, жестко контролируемого коммунистами, в гражданское общество. По ряду причин Китай может сбиться с нынешнего курса и не догнать развитые индустриальные страны. Первой и наиболее важной из этих причин являются отношения с Тайванем. Если китайские лидеры почувствуют, что Тайвань собирается провозгласить независимость и может быть потерян для Китая, они не станут предаваться отвлеченным расчетам, и могут предпринять действия, грозящие непредсказуемыми последствиями. Другой причиной является то, что на сегодняшний день 30 %-35 % из 1,300 миллионов китайцев проживают в небольших городках и городах. К 2050 году горожане будут составлять 80 % населения, они будут хорошо информированы и способны пользоваться средствами коммуникаций для организации массовых акций. Им это будет сделать проще, чем тем членам секты «Фалуныгун» (Falungong), которые, используя Интернет, организовали встречу 10,000 своих последователей в Пекине в апреле 1999 года, устроив сидячую демонстрацию вокруг резиденции лидеров КПК Чжуннаньхай. Политические структуры Китая должны позволить гражданам страны принимать более широкое участие в жизни общества и самим решать свою судьбу, иначе со стороны людей будет усиливаться давление, которое может дестабилизировать общество, особенно в период экономического спада.

Третьим фактором будет увеличение разрыва в уровне доходов, темпов экономического роста и качестве жизни между зажиточными прибрежными провинциями и отсталыми внутренними районами. Какие бы усилия не предпринимало центральное правительство по

строительству автомобильных и железных дорог, аэродромов и других объектов инфраструктуры с целью развития промышленности, торговли, инвестиций и туризма во внутренних районах, они все равно будут отставать. Это может усилить недовольство среди крестьян, вызывая серьезные трения и массовую миграцию. Кроме того, по мере заселения коренными китайцами (Han) пограничных районов страны: Тибетского и Синьцзян – Уйгурского автономных районов, провинции Цинхай (Tibet, Xinjiang, Qinghai), – могут возникнуть проблемы между ними и представителями национальных меньшинств.

Четвертым, и наиболее мощным фактором, будут изменения в мотивации и системе ценностей следующего поколения китайцев. Народ и правительство хотят построить современный, сильный и единый Китай, чего бы это ни стоило. Повышение уровня образования и расширение общения с внешним миром приведет к появлению людей, обладающих более обширными знаниями об окружающем мире, поддерживающих частые и многочисленные контакты с людьми из других стран. Они захотят, чтобы уровень и качество жизни, индивидуальные свободы людей в китайском обществе были такими же, как и в других развитых странах. Это стремление является мощной движущей силой, которую лидеры других государств используют, чтобы двигать нацию вперед. В частности, на образ мышления китайской интеллигенции будет оказывать большое влияние то, как будет осуществляться управление обществом на Тайване, в Японии, в Корее, – странах, культура и традиции которых сходны с китайскими.

Обострение некоторых проблем может привести к серьезным последствиям для Китая. Это кризис банковской системы и огромная безработица как результат реформирования государственных предприятий при отсутствии адекватной системы социального обеспечения. Это и старение населения, что приведет к тому, что поддержка престарелых родителей станет тяжелым бременем на плечах поколения людей, выросших в семьях с одним ребенком. Это, наконец, загрязнение окружающей среды.

Тем не менее, проблемой, грозящей наиболее пагубными последствиями, является коррупция. Коррупция стала частью китайской административной культуры, ее будет сложно уничтожить даже после проведения экономических реформ. Многие члены КПК и правительственные чиновники в провинциях, городах и районах коррумпированы. Еще хуже то, что коррумпированы многие официальные лица, которые по долгу службы должны заниматься поддержанием законности: сотрудники правоохранительных органов, прокуроры, судьи. Главной причиной этих проблем является разрушение моральных норм общества во время «культурной революции». Провозглашенная Дэн Сяопином в 1978 году политика «открытых дверей» расширила возможности для коррупции.

Руководство Китая хочет создать юридическую систему, включающую все необходимые для этого учреждения. Поскольку китайские лидеры понимают, что общественные институты, необходимые для соблюдения принципа верховенства закона в гражданском обществе не могут существовать в моральном вакууме, то они вновь и вновь подчеркивают важность учения Конфуция для воспитания населения. Власти также начали кампанию «трех лозунгов» («three stresses campaign»), пытаясь очистить ряды партии. Членам партии предлагается обсуждать проблемы учебы, политики, чести и достоинства. Тем не менее, до тех пор, пока официальным лицам платят нереально низкую заработную плату, подобные увещания будут производить незначительный эффект, несмотря на то, что наказания за коррупцию являются очень суровыми, включая длительные сроки тюремного заключения и даже смертную казнь.

Тем не менее, начиная с 1978 года, прагматичным, решительным и способным руководителям Китая удалось провести государственный корабль между всеми этими рифами. Им подчиняются, им доверяют, они располагают готовыми преемниками, такими же компетентными, находчивыми и даже более образованными, чем они сами. Если будущие лидеры Китая будут сохранять прагматичный настрой, им удастся преодолеть эти трудности.

За два с половиной десятилетия, прошедшие со времени моего первого визита в Китай в 1976 году, я видел, как менялась страна. Наибольшее удивление у меня вызывали не новые дома, автострады, аэропорты, а изменения в отношении людей к делу, в их привычках и их растущее желание высказывать свои мысли. В стране пишутся и издаются книги, которые в 70-ых – 80-ых годах считались бы подрывной литературой. Свободный рынок и современные

средства коммуникаций сделали общество более открытым и прозрачным. На протяжении следующих двух десятилетий они изменят Китай в той же степени, что и за два предшествующих.

Моя надежда на то, что Китай будет прогрессивно развиваться, зиждется на лучших и наиболее способных представителях молодого поколения, которые в последние годы учились или много путешествовали за рубежом. Более 100,000 китайцев обучаются сейчас в США, Японии, странах Западной Европы. Сегодняшние лидеры Китая в возрасте 60–70 лет прошли через школу войны с Японией и обучались в аспирантуре в России. Их образ мышления не претерпит серьезных изменений. Многие из их детей, получивших докторские степени в американских университетах, смотрят на мир совершенно иначе. У вице-премьера Сян Сишена, бывшего министра иностранных дел Китая, есть сын, Сян Нин (Qian Ning), который работал в редакции «Жэньминь жибао» и вскоре после событий на площади Тяньаньмынь отправился в США, чтобы изучать журналистику в университете Энн Арбор (Ann Arbor). Он учился в Америке на протяжении четырех лет, а, вернувшись, написал искреннюю книгу, которая была опубликована и продавалась в Китае. Впечатления человека с таким безупречным происхождением весьма показательны, ибо они отражают образ мышления молодого поколения китайцев, которым за тридцать. Он написал: «Я понял простую истину: мы, китайцы, по крайней мере, представители молодого поколения, можем жить совершенно иной жизнью... Китайские женщины снова получили свободу. Все, что они потеряли – это только цепи традиций, а взамен они обрели свободу. Я считаю, что, побывав в Америке, свои оковы теряют не только женщины. Мужчины и женщины, которым по 20–30 лет, получившие образование на Западе, в интеллектуальном плане наилучшим образом соответствуют нуждам китайской модернизации. Они познакомились с новыми идеями и знаниями в странах, которые значительно отличаются от их собственной. Через 20–30 лет их поколение изменит Китай. Вероятно, они уже поняли, что даже после того, как Китай будет восстановлен в качестве великой индустриальной державы, он уже не будет „Срединной империей“ (Middle Kingdom), центром вселенной, а станет лишь одним из развитых государств».

Американцам лучше занять по отношению к Китаю гибкую позицию. Китайцы – особый народ, с особой культурой и историей. Создавая современную экономику, стремясь к получению передовых технологий, Китай будет меняться, но скорость этих изменений будет соответствовать характеру китайского общества, которое будет стараться сохранить свои ценности и традиции, свою связь с прошлым. Бесконечная критика Китая по поводу недостатка демократии в стране или несоблюдения прав человека только настроит целое поколение китайцев враждебно по отношению к Америке и окружающему миру. Это – не преувеличение. Когда в мае 1999 года, в результате трагической случайности, было разрушено китайское посольство в Белграде, я поначалу подумал, что демонстрации, проходившие в Китае под лозунгами, напоминавшими лозунги времен «культурной революции», были организованы. Тем не менее, наше посольство в Пекине сообщило, что китайцы были действительно возмущены и оскорблены тем, что они восприняли, как попытку Америки запугать и подавить Китай. Провоцируя подобную реакцию, американцы вряд ли вносят вклад в дело укрепление мира и стабильности. Американцам придется понять, что для того, чтобы проведение некоторых реформ стало возможным, необходимо время; и проводиться подобные реформы будут не под давлением американских экономических или моральных санкций, не для того, чтобы соответствовать американским нормам, а самими китайцами и для достижения целей, поставленных самими китайцами.

Еще до бомбардировки посольства двусторонние отношения между США и Китаем уже были достаточно напряженными, после того, как президент Клинтон отверг серьезные уступки, сделанные премьер-министром Чжу Чжунци в апреле в Вашингтоне, на переговорах о вступлении Китая в ВТО. Когда я встретился с Чжу Чжунци в Пекине в сентябре, он подробно остановился на этом вопросе и сказал, что не станет отказываться от сделанных предложений, но взамен также потребует серьезных уступок. Четыре дня спустя, присутствуя в Шанхае на заседании глобального форума, проводимого журналом «Форчун» (Fortune Global Forum), Генри Киссинджер и я убеждали Роберта Рубина (Robert Rubin), секретаря Казначейства США, который ушел в отставку в июле после блестящего завершения своего шестилетнего срока,

поговорить с президентом Клинтоном. Несколько дней спустя я повторил то же самое Госсекретарю США по вопросам обороны Вильяму Коэну (William Cohen), посетившему Сингапур. Коэн, которого не надо было убеждать в выгодах членства Китая в ВТО, поднял этот вопрос с президентом.

15 ноября 1999 года, после пятидневных напряженных переговоров, проходивших в Пекине, Китай и США достигли соглашения. Премьер-министр КНР Чжу Чжунцзи, посетивший Сингапур через две недели после того, чувствовал себя расслаблено. Он приписывал успех переговоров вмешательству президента Цзян Цзэминя. Чжу Чжунцзи сказал мне, что вступление в ВТО было для Китая не вполне безопасным, тем не менее, если бы лидеры Китая не верили, что они смогут преодолеть эти проблемы, Цзян Цзэминь никогда бы не пошел на этот шаг. Ответственность за выполнение решения Цзян Цзэминя лежала на Чжу Чжунцзи, но принятие болезненных, хотя и необходимых мер облегчалось теперь тем, что решение о вступлении в ВТО было принято президентом.

Должно быть, и для Китая, и для США при достижении этого соглашения стратегические соображения играли такую же важную роль, как и экономические выгоды. Членство Китая в ВТО поможет ему провести реструктуризацию своей экономики, повысить ее конкурентоспособность и темпы экономического роста в долгосрочной перспективе, но при этом Китай должен будет стать законопослушным членом международного сообщества.

На протяжении последних сорока лет я наблюдал за тем, как изменились корейские, тайваньские и японские официальные лица и представители деловых кругов. Бывшие представители традиционной, изоляционистской и националистической элиты теперь полны уверенности в себе и непринужденно обсуждают американские и западные идеи. Многие из них получили образование в США и не испытывают вражды по отношению к американцам. Это не говорит о том, что жители Китая, осознающие статус своей страны как потенциально великой державы, изменятся так же, как и жители Тайваня. Будут ли китайцы настроены дружелюбно, нейтрально, либо враждебно по отношению к Америке, – зависит от Америки. Имея дело с древней цивилизацией, ожидать быстрых перемен неразумно.

Самой большой проблемой в отношениях между Америкой и Китаем будет тайванский вопрос, оставшийся в наследство от незавершенной гражданской войны в Китае. При новом президенте Тайваня Чэнь Шуйбяне, чья партия выступает за независимость острова, возросла опасность того, что все три страны, непосредственно вовлеченные в решение проблемы: КНР, Тайвань и США, – могут допустить просчеты. Любая ошибка может серьезно ухудшить перспективы экономического роста и развития Китая и стран Восточной Азии. При условии сохранения статус-кво и стремлении обеих сторон к воссоединению развитие ситуации можно будет контролировать.

Тем временем, используя членство в ВТО, китайская экономика сможет интегрироваться в мировую. С расширением и углублением контактов между людьми стереотипы в восприятии друг друга сменятся более реалистичными взглядами. Когда же в результате развития торговли, инвестиций, туризма, обмена знаниями и технологиями, благосостояние китайского народа и жителей других стран станет в большей мере зависеть друг от друга, это создаст более прочную основу для стабильного мира.

Китай располагает потенциалом для реализации своей цели по созданию современной экономики к 2050 году. С Китаем можно вести дела как с равноправным и ответственным партнером в сфере торговли и финансов, он может стать одним из крупнейших игроков на международной арене. Если Китай и дальше будет концентрировать свои усилия на повышении образовательного уровня населения и развитии экономики, то он вполне может стать второй, если не первой торговой державой мира, с куда большим весом на международной арене. Таков один из возможных вариантов развития Китая на протяжении следующих 50 лет, в результате чего он превратится в современную страну и вызывающего доверие, ответственного члена международного сообщества.

Глава 41. Передача эстафеты

Размышляя над тем затруднительным положением, в котором оказался президент

Индонезии Сухарто в 1998 году, когда он вынужден был уйти в отставку и передать власть вице-президенту, которого считал неспособным сменить его, я радовался, что ушел с поста премьер – министра в ноябре 1990 года. В тот момент я держал политическую ситуацию под контролем, а экономика была здоровой. Я был все еще полон энергии. Не уйди я тогда в отставку, я мог бы попасть в западню финансового кризиса (в 1997 году) в тот момент, когда мои силы и способности были уже не те. Вместо этого, последние девять лет я помогал моему преемнику, Го Чок Тонгу и его команде, состоявшей из молодых министров, взять на себя всю полноту ответственности за работу правительства Сингапура. Го Чок Тонг оставил меня в составе своего правительства в качестве старшего министра. Освободившись от груза повседневных вопросов, я получил возможность сосредоточиться на решении более серьезных и долгосрочных проблем, а способствовать принятию более взвешенных решений.

Анализ опыта развития азиатских стран привел меня к выводу: чтобы иметь хорошее правительство, нужно привлечь в него хороших людей. Какой бы хорошей не была система управления, плохие лидеры принесут своему народу вред. С другой стороны, я видел несколько государств, которые управлялись хорошо, несмотря на несовершенную систему управления, потому что во главе их стояли хорошие, сильные лидеры. Я также видел, как Великобритания и Франция дали конституции более чем восьмидесяти бывшим колониям, но это не привело ни к чему хорошему. Не конституции были тому виной, – так случилось потому, что предпосылки для существования демократической системы правления в этих странах отсутствовали. Ни одна из этих стран не имела ни гражданского общества с образованным электоратом, ни традиций подчинения власти человека, избранного на занимаемую должность. На воспитание подобных традиций нужны поколения, а в молодых государствах, где сохраняется традиционная преданность племенным вождям, эти вожди должны быть честными людьми, не заботящимися о своих собственных интересах, иначе страна придет в упадок, независимо от конституционных норм и ограничений. Поскольку лидеры, унаследовавшие эти конституции, не были достаточно сильными, постольку эти страны погрязли в пучине бунтов, переворотов и революций.

Главным, решающим фактором, обеспечившим успешное развитие Сингапура, было наличие в правительстве способных министров, которым помогали государственные служащие, обладавшие высокими моральными качествами. Всякий раз, когда в состав правительства входил какой-либо министр, не обладавший блестящими способностями, мне неизбежно приходилось подталкивать его, а впоследствии – рассматривать возникавшие проблемы и расчищать препятствия на его пути. В конце концов, конечный результат зачастую был не таким, каким он мог бы быть. Если же за дело отвечали правильно подобранные люди, то груз этих проблем сваливался с моих плеч. Мне достаточно было только поставить задачу, определить время, в течение которой ее необходимо было решить, – решение они находили сами.

Сингапuru повезло, что в такой маленькой развивающейся стране было достаточно талантливых людей. Их контингент пополнялся талантливыми мужчинами и женщинами, которые приезжали в Сингапур, чтобы получить здесь образование и оставались, чтобы работать или заниматься бизнесом. Неустанный поиск талантливых людей позволил восполнить их дефицит и обеспечить успешное развитие Сингапура. Нашей наиболее сложной задачей было найти людей, которые могли бы сменить меня и стареющих министров моего правительства.

Мои коллеги и я начали поиск молодых людей, способных сменить нас, в 60-ых годах. Мы не могли найти их среди политических активистов, вступавших в ПНД, поэтому нам приходилось искать способных, динамичных, надежных и твердых людей, где только было можно. Во время всеобщих выборов 1968 года ПНД выдвинула в качестве кандидатов несколько докторов наук, способных людей, преподавателей университетов, специалистов, в том числе юристов, докторов и даже высших администраторов. Во время промежуточных выборов 1970 и 1972 годов ПНД выдвинула еще несколько таких кандидатов. Мы вскоре обнаружили, что, кроме ума, позволявшего осмысливать факты и цифры для написания докторской диссертации или для работы по специальности, эти люди должны были обладать и другими качествами. Чтобы стать лидером, мало быть просто способным человеком, надо еще обладать комбинацией мужества, решимости, преданности, характера, а также способностью

вести за собой людей. Нам требовались активисты, которые умели бы и хорошо мыслить, и работать с людьми. И с каждым новыми выборами поиск таких людей становился все более и более настоятельной проблемой, потому что я видел, что мои коллеги заметно снижали обороты.

Однажды в 1974 году, тогдашний министр финансов Хон Суй Сен сказал мне: «Я надеюсь, что Вы позволите мне уйти в отставку после следующих всеобщих выборов». Он мотивировал это тем, что начинал сказываться возраст. Я был поражен. Как я мог позволить ему уйти? Кто стал бы выполнять его работу? Разговор, состоявшийся между нами за обедом, один на один, оказал на меня более сильное влияние, чем любой другой разговор, который я когда-либо вел в своей жизни. Он сказал, что доверие инвесторов базировалось на доверии к министрам, входившим в правительство, особенно ко мне. Тем не менее, инвесторы видели, что его карьера подходила к концу, они постепенно начинали смотреть на то, кто мог стать его возможным преемником. Они не видели никого среди молодых министров, кто потенциально мог бы стать министром финансов. Хон Суй Сен считал, что я мог работать еще на протяжении многих лет, но сам он – нет. Он встречался со многими управляющими американских корпораций, которые обычно уходят в отставку в возрасте 65 лет. За несколько лет до отставки управляющий должен представить правлению компании одного или несколько кандидатов, из которых правление должно выбрать его преемника. Тогда я решил, что мне не следовало дожидаться, когда проблема станет неотложной, – необходимо было передать Сингапур в руки компетентного человека до своей отставки.

Чтобы добиться этого, мне следовало найти или привлечь в правительство группу творческих и энергичных людей, способных руководить Сингапуром. Если бы я пустил это дело на самотек, полагаясь на поиск преемников среди активистов, которые сами вступали в наши ряды, то никогда не добился бы успеха. Мы решили привлечь в правительство лучших из лучших, но проблема заключалась в том, чтобы убедить их заняться политикой, добиться своего избрания в парламент, научиться привлекать людей на свою сторону и вести их за собой. Процесс был медленным и трудным, а процент отсева – высоким. Преуспевающие и способные руководители не являются прирожденными политическими лидерами, способными спорить, льстить, разбивать аргументы своих противников на массовых митингах, на телевидении и в парламенте.

Чтобы понять, насколько широко нам следовало забрасывать сеть в поисках талантливых людей, мне надо было просто не забывать о том, что лучшие министры, входившие в состав первых правительств Сингапура, не были уроженцами города. Три четверти из них пришло извне. Сеть, которая принесла, в качестве «улова», лидеров моего поколения, была заброшена в обширном море, раскинувшемся от Южного Китая до Малайзии, Южной Индии и Цейлона. Теперь нам приходилось рыбачить в маленьком пруду, и крупной рыбы попадалось поменьше.

На протяжении многих лет мои коллеги и я считали, что в ходе нормального политического процесса, в котором участвовали активисты из университетов, профсоюзов, партийных организаций, на первый план выдвигаются люди, которые продолжают нашу работу. К 1968 году мы поняли, что этого не произойдет. Наша первая команда сложилась в результате бурных, тяжелых событий периода Второй мировой войны, японской оккупации и коммунистических восстаний. Слабые трусливые и нерешительные люди отсеялись в процессе естественного отбора. Самим фактом выживания оставшиеся люди доказали свою способность находиться во главе оппозиции и руководить. Их убеждения заставляли их бороться сначала с англичанами, а позже – с коммунистами и малайскими ультра националистами. Во время регулярно повторявшихся кризисов между нами самими и народом возникли глубокие и прочные связи. Эти связи сохранились, и теперь нашей последней задачей являлось найти себе достойных преемников. Мао пытался решить эту проблему путем организации «Великой культурной революции», – в новых условиях она должна была заменить собой «Великий поход». Мы не могли искусственно воспроизвести в Сингапуре условия японского вторжения, оккупации и последовавшую за этим борьбу за независимость, а подошли к этой проблеме иначе, стремясь подыскать людей с нужным характером, способностями и мотивацией, надеясь, что, столкнувшись с неизбежными кризисными ситуациями, они выйдут из них испытанными лидерами.

Всеобщие выборы 1968 года стали важной вехой на этом пути: из 58 кандидатов 18 были новичками. Мы выиграли все места в парламенте и значительно повысили образовательный уровень наших депутатов парламента и министров. Более 40 % из них закончили университеты, а 55 % закончили общеобразовательную или среднюю школу. Те, кому не удалось окончить школу, были профсоюзными активистами, которые вынуждены были оставить школу из-за того, что их семьи были слишком бедными. При назначении министров правительства наши сторонники, работавшие с нами в самое трудное время, вынуждены были уступить дорогу свежим силам. В апреле, вскоре после выборов, на встрече с членами парламента, я сравнил партию с армией, которая нуждается в постоянном пополнении. Большинство призывников приходят в армию солдатами, некоторые – офицерами. Многие новобранцы дослужатся только до сержанта, и далеко не все офицеры станут генералами. Те, кто хорошо показал себя в деле, получают повышение, независимо от наличия у них университетских дипломов. Мне было необходимо подготовить почву для серьезных изменений в составе правительства. Интересы преданных сторонников были защищены «Законом о парламентских пенсиях» (Parliamentary Pensions Act), по которому все, кто в течение девяти лет являлся членом парламента, секретарем парламента или министром имели право на пенсию.

Из всех моих министров лучше всех умел подбирать людей Хон Суй Сен. Это он подобрал Го Чок Тонга на должность управляющего нашим национальным парокходством «Нептун ориент лайнз» в тот период, когда оно было убыточным. В течение нескольких лет Го Чок Тонг сделал его прибыльным. Это он подобрал доктора Тони Тана, который позже стал заместителем премьер – министра. Тони был преподавателем физики в университете Сингапура, а затем стал управляющим крупнейшего банка Сингапура «Овэрсиз чайниз бэнкинг корпорэйшен». Суй Сен заметил и С. Данабалана, с которым он вместе работал в УЭР и в банке «Дэвэлупмэнт бэнк оф Сингапур». Позднее С. Данабалаи занимал должность министра в нескольких важных министерствах.

Я постоянно наблюдал за людьми в высших эшелонах всех сфер жизни Сингапура, выискивая мужчин и женщин в возрасте 30–40 лет среди специалистов, коммерсантов, промышленников и профсоюзных деятелей, которых мы могли бы убедить выставить свои кандидатуры на выборах. Способности человека оценить достаточно просто, – достаточно проанализировать результаты, показанные во время учебы и работы. Характер человека измерить сложнее. Добившись в этом деле некоторых успехов, и потерпев куда большее число неудач, я пришел к выводу, что более важной, хотя и более трудной задачей, является оценка характера человека.

В 1970 году, когда на американском космическом корабле «Апполон-13» (Apollo 13), находившемся на расстоянии 300,000 миль от Земли, начались неполадки, я, как зачарованный, наблюдал за разворачивавшейся драмой. Одно неверное движение, сделанное любым из трех членов экипажа, находившихся на борту космического корабля, – и они никогда не смогли бы вернуться на Землю. На протяжении всего этого времени они оставались собранными и спокойными, полностью доверив свою судьбу и полагаясь на суждения людей, находившихся на Земле, тщательно выполняя все их инструкции. Для меня это было свидетельством того, что психологические и иные тесты, симулировавшие состояние космической невесомости и изоляции, проведенные специалистами американского космического агентства НАСА (NASA) на Земле, позволили успешно отсеять людей, склонных к панике. Я решил, мы нуждались в помощи психиатров и психологов в проведении тестирования наших кандидатов.

Они подвергали перспективных кандидатов от ПНД на должности министров психологическим тестам, призванным определить их характер, сообразительность, личные качества и ценность. Результаты этих тестов не носили окончательного характера, но они помогали отсеять явно непригодных людей, и были шагом вперед по сравнению с интуитивными суждениями, которые делались в ходе двухчасового интервью с кандидатами. Время от времени я не соглашался с психологами, особенно когда я видел, что тестируемый был умнее интервьюировавшего его психолога и мог «подделать» результаты тестов, не выказывая этого внешне.

Профессор психологии Лондонского университета Х. Д. Ейсенк (H.J. Eysenck), посетивший Сингапур в 1987 году, укрепил мою убежденность в полезности тестов по проверке

коэффициента интеллектуального развития (IQ), личных качеств и черт характера. Он привел в качестве примера американскую нефтяную МНК, в которой работало 40 психологов, участвовавших в приеме на работу и продвижении по службе 40,000 работников компании. Мы не располагали достаточным количеством подготовленных психологов для тестирования кандидатов на важные должности. После дискуссии с ним я потребовал от Национального Университета Сингапура готовить больше психологов, занимающихся изучением поведения людей, чтобы помочь в подборе на различные должности людей, обладавших необходимыми качествами.

Я также интересовался у руководителей МНК их системой подбора и продвижения высокопоставленных сотрудников. Я пришел к выводу, что одна из лучших систем была разработана и внедрена в англо-голландской нефтяной компании «Шелл» (Shell). В основном, они уделяли внимание тому, что они называли «текущей оценкой потенциала» (currently estimated potential) человека. Эта оценка определялась тремя факторами: способностью человека к анализу, развитием воображения, наличием здравого смысла. Вместе они составляли интегральный показатель, который в компании «Шелл» называли «вертолетным видением» (helicopter vision), отражавшим способность человека видеть факты и проблемы в более масштабном контексте, выделяя при этом критически важные детали. Проводившая оценку группа включала в себя людей, лично знавших кандидата. Эта группа могла достаточно точно ранжировать кандидатов, обладавших примерно одинаковыми способностями, согласно уровню их «вертолетного видения». В 1983 году, после того как мы испытали эту систему и убедились в ее надежности и практичности, она была принята и рекомендована для использования в органах государственной службы, заменив унаследованную нами британскую систему.

Некоторые люди лучше других видят и понимают людей, что позволяет им прекрасно интервьюировать и оценивать других. Одним из таких замечательных людей был Тан Тек Чви (Tan Teck Chwee), являвшийся председателем комиссии по отбору сотрудников государственной службы в 1975–1988 годах. Ни один кандидат при приеме на работу или повышении по службе не мог обмануть его. Это не имело ничего общего с высоким показателем коэффициента развития интеллекта Тана, а было связано, скорее, с различными аспектами его мышления, которые позволяли ему разобраться в характере человека, исходя из выражения лица, жестов и того, каким тоном он разговаривал. Бывший старший министр правительства Лим Ким Сан также обладал этим даром. Я включал его в состав каждой группы, проводившей оценку кандидатов ПНД для участия в предстоящих выборах. В своих оценках он полагался больше на интуицию, чем на рассудок, и в большинстве случаев оказывался прав. Го Кен Сви был полной противоположностью ему, он полагался на рассудок при полном отсутствии интуиции. Он частенько мог подобрать чиновника, расхваливая его прекрасные качества на основании автобиографии, а через полгода – год уже подыскивал ему замену. Он просто не мог рассмотреть человека, – психологи называют эту способность «социальным или эмоциональным интеллектом».

Мои попытки влить новую кровь в состав нашего руководства не всегда шли гладко. Несколько министров из числа «старой гвардии» были обеспокоены тем, как быстро их должны были сменить. То Чин Чай сказал мне, что я должен был прекратить разговоры о том, что «старая гвардия» стареет, потому что они старели не так уж быстро, а я своими разговорами якобы деморализовал их. Я не согласился с ним. Мы все старели и сбрасывали обороты, включая меня и его самого. В своем кабинете он ставил под столом обогреватель, чтобы греть ноги. Да и я сам видел свое отражение в зеркале. Я больше не чувствовал того неистощимого энтузиазма и интереса, который заставлял меня лично за всем смотреть и во все лично вникать. Все больше и больше я полагался на отчеты, фотографии и видеофильмы.

То Чин Чай и несколько других членов «старой гвардии» хотели, чтобы наши преемники пришли наверх тем же путем, что и мы, сделав карьеру в качестве политических активистов, а не путем отбора и вербовки. Кен Сви, Раджа, Ким Сан и Суй Сен не верили в то, что таким путем можно было подыскать себе преемников. После выборов, состоявшихся в декабре 1980 года, я решил дать «старой гвардии» понять, что курс на обновление был необратим, хотя его скорость зависела от того, насколько хорошо зарекомендуют себя новые члены парламента. Я не включил То Чин Чая в состав нового правительства. Меня беспокоило, что несколько старых

министров могли сплотиться вокруг него и попытаться замедлить процесс обновления. Я чувствовал, что один из старых министров, Он Пан Бун, разделял беспокойство То Чин Чая, к тому же мнению склонялось и несколько старых государственных министров и парламентских секретарей, включая Ли Кун Чоя, Фон Сип Чи (Fong Sip Chee), Чан Чи Сена (Chan Chee Seng) и Чо Ек Ена (Chor Yock Eng). Я был вынужден не включить То Чин Чая в состав правительства, чтобы предотвратить возможный раскол в руководстве. Мне было больно делать это после стольких лет совместной работы. Поддержка членов «старой гвардии» сделала возможными все наши достижения. Тем не менее, мы все несли ответственность за то, чтобы Сингапуром и дальше управляли способные, честные и преданные делу люди, а наша старая команда уже прошла пик своей формы, за которым начинался спад. Новые члены парламента, способные молодые люди, которые получили образование в престижных университетах за рубежом и в Сингапуре, назначались на ключевые позиции в течение 3–4 лет после вступления в ПНД. Ветераны считали, что они не должны были попадать на эти должности так легко, что им следовало ждать и учиться, но я не думал, что молодые и талантливые люди будут просто сидеть и ждать, они или добились бы своего, или ушли бы.

То Чин Чай обиделся. Я предложил ему должность посла в Лондоне, но он не захотел уезжать из Сингапура, чтобы не прерывать образование своей младшей дочери. Он нашел себе другую работу. То Чин Чай оставался в парламенте на протяжении еще двух созывов, критикуя меня и ПНД. Эта критика никогда не была достаточно острой для обвинений в нелояльности, но вызывала некоторые затруднения. Я не хотел публично ставить его на место.

После того, как я не включил в состав кабинета То Чин Чая, я сказал Он Пан Буну, что назначу его еще на один срок, но не позволю ему чинить каких-либо препятствий процессу обновления. Он понял меня, и мы избежали столкновений. Когда он вышел в отставку в декабре 1984 года, я написал ему письмо. Выразив благодарность за его работу с 1959 по 1984 год, я добавил:

«Я также благодарю Вас за помощь в подборе кандидатов для обновления состава правительства. У Вас были некоторые сомнения, Вы говорили, что только время и кризисы могут проявить скрытые дефекты человека. Я согласен с Вами. Вместе с Чин Чаем у Вас были сомнения относительно скорости обновления и того влияния, которое этот процесс имел на настроение членов парламента, принадлежавших к „старой гвардии“. Я нес ответственность за темпы и методы процесса обновления, хотя меня и обнадеживало то, что, Кен Сви и Раджа поддерживали меня. Молодая команда министров и депутатов парламента уже составляет большинство, как в правительстве, так и в парламенте, – пути назад нет. Я уверен, что молодые лидеры справятся со своими задачами, а если нет, – то отвечать за это буду я, вместе с Кен Сви и Раджаратнамом».

Наиболее болезненно я переживал отставку Кен Сви. В середине 1984 года он сказал мне о своем решении уйти в отставку ранее положенного срока по личным соображениям. Кен Сви не хотел участвовать в следующих выборах, считая, что он достаточно сделал, а теперь было время уходить. На протяжении нескольких лет после его отставки из правительства он был незаменим в качестве заместителя председателя Управления монетарной политики Сингапура. Кен Сви также учредил Инвестиционную корпорацию правительства Сингапура в качестве отдельной организации для инвестирования наших государственных резервов и сбережений.

«Старой гвардии» потребовалось некоторое время, чтобы освоиться с пополнением, а некоторые так никогда и не смирились с тем, что молодые люди занимали более высокие должности. Я понимал их чувства. Фон Сип Чи являлся видным членом ПНД еще в 50-ых годах, когда партия подвергалась опасности. Он стал депутатом парламента в 1963 году и занимал должность государственного министра с 1981 по 1985 год. Он не мог понять, почему он был менее достоин повышения и ошибочно полагал, что его «обходили», потому что он не имел университетского образования. Другие ветераны, – государственный министр Чан Джит Кун (Ch'ng Jit Koon) и парламентский секретарь Хо Ка Леон (Ho Kah Leong), являвшиеся выпускниками Университета Наньян, поддерживали новых министров и работали вместе с ними. Это была эмоционально тяжелая, но необходимая перемена, – я должен был сделать это, какими бы ни были мои личные чувства.

После партийной конференции 1980 года я повысил шесть молодых государственных

министров и ввел их в состав правительства. Это побудило других молодых талантливых людей согласиться занять должности государственных министров и испытать себя на этой работе. Кроме «вертолетного видения» им требовалось политическое чутье и характер, чтобы наладить контакты с лидерами массовых организаций. Я ввел в состав правительства тех из них, кто обладал этими качествами.

Мы интервьюировали более десятка людей, пока отбирали одного. Отсев был высоким, потому что, несмотря на все психологические тесты, нам никогда не удавалось точно оценить характер, темперамент и устремления человека. Чтобы добиться успеха, мужчина (или женщина) и его супруга должны быть готовы пожертвовать своим временем и личной жизнью. Работа в избирательном округе, выполнение официальных обязанностей и более низкий доход, чем тот, который они могли бы получать, не занимаясь политикой, делали политическую карьеру непривлекательной. А наиболее важным было то, что этот человек должен был обладать дополнительным качеством – способностью работать с людьми и умением убедить их поддержать свою политику.

В 1988 году я решил, что это будут последние выборы, в которых я буду участвовать в качестве премьер – министра. После победы я попросил молодых министров решить между собой, кого они поддержат в качестве премьер – министра. Было время, когда я помогал их избранию в члены парламента и назначал их министрами, теперь уже я хотел, чтобы они выбрали моего преемника, который бы пользовался поддержкой своих коллег. Я видел, как Дэн Сяопин потерпел неудачу со своими назначенцами: Ху Яобаном и Чжао Цзяном. Я также помнил, как потерпел неудачу Энтони Иден (Anthony Eden), выдвинутый Винстоном Черчиллем (Winston Churchill). Молодые министры выбрали Го Чок Тонга.

Го Чок Тонг не являлся прирожденным политиком. Он был высоким, долговязым, неуклюжим и говорил по-английски с сильным южно-китайским акцентом. В 1976 году, когда он стал членом парламента, он был застенчив и не обладал ораторским талантом. Тем не менее, он был способным, целеустремленным, энергичным человеком, интересовавшимся нуждами людей. Вскоре после того, как он был назначен членом правительства, я посоветовал ему брать уроки ораторского мастерства. Мы подыскали англичанку, которая учила его и нескольких других новых министров произносить речи в более расслабленной и естественной манере. Основываясь на моем личном опыте изучения китайского литературного языка и диалекта хоккиен, я знал, что изменить заложенные в детстве привычки тяжело.

Я рассказал Го Чок Тонгу о своем собственном опыте, о том, как на протяжении многих лет я часами занимался с учителями в перерывах между работой, чтобы улучшить свое знание языков. Мои старые учителя порекомендовали ему учителей китайского языка. Он настойчиво занимался, и его навыки общения стали намного лучше.

В 1990 году в правительстве вместе с Го Ток Чоном работали Он Тен Чион, С. Данабалан, Тони Тан, Ео Нинь Хон (Yeo Ning Hong), Ли Ек Суан, С. Джаякумар, Ричард Ху, Вон Кан Сен, Ли Сьен Лунг, Ео Чео Тон, Ахмад Маттар, Джорж Ео. Мне удалось подобрать честных, способных, преданных обществу людей. Несколько лет работы в составе правительства бок о бок с представителями «старой гвардии» полностью подготовили их к выполнению своих обязанностей. В ноябре того же года я ушел в отставку.

Я был премьер – министром на протяжении 31 года. Если бы я пробыл на этом посту еще один срок, я не доказал бы этим ничего, кроме того, что я был все еще способен выполнять эту работу. С другой стороны, если бы в оставшиеся годы мне удалось помочь своему преемнику лучше познакомиться с обязанностями премьер-министра и помочь ему лучше справляться с ними, то это было бы моим последним вкладом в развитие Сингапура. Я не страдал от чувства опустошенности. Го Чок Тонг не захотел занять мой старый кабинет в Истана Аннекс (Istana Annexe), который я занимал на протяжении 20 лет, – с тех пор, как я переселился из здания муниципалитета. Он решил оборудовать новый кабинет этажом выше. Я продолжал вносить вклад в работу правительства, участвуя в обсуждении вопросов в правительстве и проводя двухсторонние встречи с премьер – министром и другими министрами.

Стиль Го Чок Тонга и его манера работать с командой отличаются от моих. Он тщательно планирует различные шаги, необходимые для того, чтобы постепенно изменить общественное мнение в желаемом направлении. Эта тактика оправдала себя: на выборах, проходивших в

январе 1997 года, доля голосов, поданных за кандидатов ПНД в 36 округах, в которых проводились выборы, выросла с 61 % до 65 %. Партии удалось заполучить два из четырех мест в парламенте, проигранных в 1991 году. Премьер – министр Го Чок Тонг и его министры полностью овладели ситуацией.

Го Чок Тонг и его команда прошли испытание кризисом в середине 1998 года, когда вслед за экономическим коллапсом соседних государств курс сингапурской валюты снизился, а цены на недвижимость и курсы ценных бумаг упали на 40 %. Многие работавшие в Сингапуре МНК стали увольнять рабочих и перемещать свои предприятия в соседние страны, где издержки производства были ниже. Эта ситуация напоминала экономический спад 1985 года, когда из-за высокой заработной платы, налогов и других издержек производства заниматься бизнесом в Сингапуре стало слишком накладно. Тогда были приняты меры по снижению издержек производства, снижению налогов и платежей, на 15 % были сокращены взносы работодателей в ЦФСО. Команда Го Чок Тонга разработала похожий пакет мер, что позволило сократить издержки производства. Это было достигнуто путем уменьшения налогов и взносов работодателей в ЦФСО с 20 % до 10 %. К середине 1999 года в экономике наметилось оживление, сокращения работников пошли на спад. То, как хладнокровно и компетентно Го Чок Тонг и его команда управляли страной в условиях кризиса, укрепило доверие к ним со стороны инвесторов и управляющих международных инвестиционных фондов.

Глава 42. Моя семья

На меня производила впечатление та серьезность, с которой коммунисты относились к женщинам, с которыми были связаны их предполагаемые сторонники. Они знали, что жена может оказывать огромное влияние на мужа, его надежность и преданность делу. Они возражали против постоянной подруги моего политического секретаря Джек Ен Тона (Jek Yeun Thong), считая ее политически ненадежной. Он проигнорировал их возражения, и они, не поставив его в известность, исключили его из своей сети ячеек. Они были правы, – она не поддерживала их дело.

Мне повезло, – у Чу никогда не было никаких сомнений или колебаний относительно того, следовало ли мне продолжать борьбу, каковы бы ни были последствия этого. Она сказала мне, что абсолютно уверена в правильности моих суждений. Чу была для меня огромным источником силы и поддержки. Она обладает острой интуицией в оценке людей. В то время как я составляю свое мнение, основываясь преимущественно на анализе и доводах рассудка, она принимает решения, основанные больше на чувствах, и обладает удивительной проницательностью в понимании подлинных чувств и мыслей людей, скрывающихся за улыбками и дружественными фразами. Она часто бывала права в отношении того, кому нельзя было доверять, хотя и не всегда могла объяснить, почему. Возможно, к этому выводу ее приводили наблюдения за выражением лица человека, его улыбкой, глазами или жестами. Как бы там ни было, я привык воспринимать ее мнение о людях всерьез. Так, в начале 1962 года, когда я вел переговоры с Тунку об объединении с Малайзией, она высказала свои сомнения относительно того, сможем ли мы работать с Тунку, Разаком и другими лидерами ОМНО. Чу сказала, что они были людьми иного склада, характера и социальных привычек, и она не представляла себе, как министры ПНД смогут сработать с ними. Я ответил, что мы просто должны были работать с ними, потому что нам было необходимо объединиться с Малайзией, чтобы иметь более широкую базу для строительства государства. Прошло три года, и к 1965 году ее правота стала очевидной. Мы действительно были несовместимы, и они потребовали от нас выйти из состава федерации.

Во время встреч с руководителями иностранных государств она всегда помогала мне лучше понять подлинное отношение к нам, основываясь на том, как с ней вели себя и разговаривали жены лидеров. Я никогда не воспринимал ее взгляды как истину в последней инстанции, но и не отвергал их.

Она сэкономила мне много времени и усилий, исправляя проекты речей, которые я диктовал, и расшифровывая стенограммы моих интервью и выступлений в парламенте. Она хорошо знакома с моим словарным запасом и может угадать то, что я продиктовал, там, где не

могли разобрать стенографисты. Тем не менее, я никогда не обсуждал с ней политических вопросов, а она скрупулезно соблюдала правило, согласно которому ей не разрешалось читать секретные документы и факсы.

Со своей стороны, я знал, что она была профессиональным юристом и, в случае необходимости, могла обеспечить себя и вырастить детей самостоятельно, – это освобождало меня от волнений по поводу их будущего. Дети были источником радости и удовлетворения. Она вырастила их хорошо воспитанными, дисциплинированными, никогда не позволявшими себе использовать мое положение и влияние. Наш дом на Оксли Роуд был всего в 7 минутах езды от ее офиса на Малакка стрит (Malacca Street). Она практически никогда не присутствовала на деловых обедах с клиентами, вместо этого она всегда возвращалась домой, чтобы пообедать с детьми и пообщаться с ними. Когда она была на работе, в доме всегда были присматривавшие за детьми, надежные и долго прослужившие у нас «черно-белые» горничные из Кантона, которых так называли за их черные чулки и белые блузы. Когда дети бывали особенно непослушны, Чу пользовалась тростью. Я никогда не бил детей, – строгого упрека бывало достаточно. Мой отец часто применял насилие, поэтому я был противником использования физической силы в воспитании.

В 1959 году, когда я впервые стал премьер – министром, мы решили не жить в Шри Темасек – моей официальной резиденции в районе Истана. Дети были еще маленькими, и мы не хотели, чтобы они жили в роскошной обстановке, окруженные дворецкими и прислугой, готовой исполнить любое их желание. Это привило бы им нереальные представления о мире и их месте в нем. Глядя на то, как растут мои дети, я постоянно вспоминал о необходимости создания безопасной и здоровой окружающей среды, в которой им придется жить.

Все мои дети: сын Сьен Лунг (Hsien Loong – 1952 г. р.), дочь Вей Линь (Wei Ling – 1955 г. р.) и сын Сьен Ян (Hsien Yang – 1957 г.), – получили образование в китайских школах. Сначала они учились в Наньянском детском саду (Nanyang kindergarten), затем, на протяжении 6 лет, в Наньянской начальной школе (Nanyang Primary School). Мальчики продолжили образование в Католической высшей школе (Catholic High School), а затем – в Национальном колледже (National Junior College). Вей Линь поступила в Наньянскую высшую школу для девочек (Nanyang Girls' High School), а затем продолжила образование в Институте Раффлса (Raffles Institution). Способности детей были примерно одинаковыми: они хорошо успевали в точных науках и математике, посредственно в китайском языке, плохо в рисовании, пении, музыке и труде.

Мы настаивали на том, – и они согласились с нами, – что им следовало сдавать эти предметы на экзаменах за общеобразовательную школу. Все трое получили президентскую стипендию, войдя в число 5 – 10 лучших учеников их выпуска. Оба мальчика также получили стипендию ВС Сингапура. Это требовало от них прохождения обязательной военной подготовки во время университетских каникул, они также были обязаны прослужить в вооруженных силах Сингапура не менее 8 лет после окончания университета. Чу и я не настаивали, чтобы они изучали юриспруденцию, – мы считали, что им следовало самим определиться в том, что они могут и хотят делать. Лунгу нравилась математика, и он хотел изучать ее в университете, но не желал избрать ее в качестве своей профессии. Он изучал математику в Тринити Колледже (Trinity College), в Кембридже, окончил курс за два года вместо положенных трех, стал «вранглером» («wrangler» – высшее отличие для студентов – математиков), а затем с отличием окончил аспирантуру в области компьютерных наук. Он получил специальную подготовку в качестве артиллериста в Форт Сил (Fort Sill), в штате Оклахома, затем провел год в колледже командного и штабного состава в Форт Ливенворс (Fort Leavenworth), в штате Канзас. Наконец, он провел год, изучая гражданскую администрацию в Школе правительственного управления имени Д. Ф. Кеннеди в Гарварде.

Яну нравились инженерные науки. Нисколько не смущаясь достижениями брата, он также поступил в Тринити Колледж в Кембридже и заработал высшие отличия за изучение обоих курсов инженерных наук. После этого он получил подготовку в Форт Ноксе (Fort Knox) в качестве офицера бронетанковых войск. Затем он проходил подготовку для командного и штабного состава в Кэмберли (Camberley), в Великобритании, после чего изучал деловую администрацию в Станфордском университете, в Калифорнии.

Линь обожала собак и хотела стать ветеринаром. Чу отговаривала ее и рассказала ей, чем на самом деле занимался ее друг – ветеринар в Сингапуре: тот осматривал свиней на бойне, чтобы убедиться, что их мясо пригодно в пищу. Это определило ее выбор, – она получила президентскую стипендию, и решила изучать медицину в Университете Сингапура. Линь закончила его с отличием и стала лучшей студенткой выпуска. Она занималась детской неврологией и проработала три года в госпитале штата Массачусетс, а затем еще год – в детском госпитале Торонто (Toronto), в Канаде.

Лунг всегда интересовался тем, что происходило в стране, чем занималось правительство. Одиннадцатилетним школьником он сопровождал меня во время избирательных митингов, которые я посещал, пытаясь обеспечить общественную поддержку, накануне нашего вступления в Федерацию Малайзия. В возрасте 12 лет он был достаточно большим, чтобы запомнить панику и суматоху, царившую в городе во время расовых беспорядков 1964 года, и неожиданно введенный комендантский час, который застал его в Католической школе на Куинс стрит (Queen's Street), так что он не знал, как попасть домой. Водитель нашей семьи проявил находчивость и, в обстановке полного хаоса на дорогах, сумел довезти его до дома на автомобиле «Моррис – майнор» («Morris – Minor»), принадлежавшем моему отцу. Лунг изучал малайский язык, начиная с пятилетнего возраста, а после того как Сингапур вошел в состав Малайзии, начал учиться читать на джави, – малайском языке, использовавшем арабскую письменность. Чтобы практиковаться, он читал орган ОМНО, газету «Утусан мелаю», выходившую на джави, в которой печатались самые вздорные обвинения в мой адрес и в адрес ПНД. Политика была частью его внешкольного образования.

Со студенческих лет в Кембридже он знал, что хочет участвовать в созидании будущего Сингапура и заниматься политикой. После выпускных экзаменов по математике в Кембридже его наставник уговаривал Лунга не возвращаться для прохождения службы в вооруженных силах Сингапура и, вместо этого, заняться дальнейшим изучением математики в Кембридже, поскольку на экзаменах он показал исключительно высокие результаты. Президент Оксфордского и Кембриджского общества Сингапура, вручая ему награду как лучшему студенту 1974 года, сослался на письмо другого наставника из Тринити Колледжа. Тот писал, что Лунг получил «на 50 % больше наивысших отметок, чем следующий за ним кандидат... в истории экзаменов по математике такая разница между двумя лучшими студентами раньше не встречалась».

Когда я встретился с его наставником на церемонии выпуска, он сказал мне, что Лунг написал ему очень продуманное и взвешенное письмо с объяснением причин того, почему он не станет продолжать изучение математики, независимо от того, какими были его успехи. Я тут же попросил его наставника прислать мне копию письма, которое Лунг прислал ему в августе 1972 года:

«А теперь о причинах того, почему я не хочу стать профессиональным математиком. Для меня совершенно необходимо вернуться в Сингапур, чем бы я там ни занимался. Это важно не только потому, что, ввиду моего особого положения, покажи я пример „утечки мозгов“ за рубеж, – это страшно деморализовало бы людей в Сингапуре. Да и потом, Сингапур – моя родина и то место, где я хочу жить... Кроме того, математика вряд ли имеет какое-то влияние на то, что происходит вокруг и на то, что происходит в стране. В такой большой и развитой стране как Великобритания, это вряд ли имеет какое-либо значение, но в Сингапуре это будет значить для меня очень много. Это не говорит о том, что я должен буду уйти в политику, но, даже в качестве высокопоставленного гражданского или военного чиновника, я буду способен оказывать серьезное влияние на развитие событий, и смогу изменить ситуацию в лучшую или худшую сторону. Я бы предпочел делать что-либо в жизни самостоятельно, возможно, вызывая недовольство других людей, а не проявлять недовольство чьими-то действиями, не будучи в состоянии что-либо изменить».

Ему было только 20 лет, но он уже разбирался в своих наклонностях, и знал, в чем состоит его долг.

Жизнь не обходится без трагедий. В 1978 году Лунг женился на докторе Вон Мин Ян (Dr. Wong Ming Yang), гражданке Малайзии, с которой он встретился, когда она изучала медицину в Гертон Колледже (Girton College), в Кембридже. В 1982 году она родила их второго ребенка,

мальчика по имени Йипенг (Yipeng). Он был альбиносом и имел явно выраженные признаки инвалидности. Три недели спустя Мин Ян умерла от сердечного приступа. Мир, в котором жил Лунг, разрушился. Его теща позаботилась о детях, а Чу время от времени помогала ей. Им также помогала горничная, которую прислала жена моего брата Суана (Suan) Памелия (Pamelia), – чтобы помочь им в экстренной ситуации. Позднее, мы стали волноваться, что Йипенг плохо разговаривал и не общался с людьми. Когда Линь вернулась после стажировки по детской неврологии, которую она проходила в госпитале штата Массачусетс, она поставила ему диагноз – аутизм (autism). После нескольких лет обучения в подготовительной школе, а затем в школе для умственно отсталых детей, способности Йипенга в общении с людьми улучшились, и он смог пойти в обычную среднюю школу. Линь изменила ему диагноз на синдром Аспергера (Asperger's Syndrome – мягкая форма аутизма), его умственное развитие стало нормальным. Он оказался очень добродушным и самым послушным и любимым из всех моих внуков.

В декабре 1984 года, когда Лунг все еще не оправился от тяжелой утраты, тогдашний министр обороны и заместитель генерального секретаря ПНД Го Чок Тонг предложил ему баллотироваться в парламент. В то время Лунг был полковником Генерального штаба и Объединенного штаба ВСС. Го Чок Тонг, являясь министром обороны, был очень высокого мнения о политических способностях Лунга. Лунга беспокоило, что, будучи вдовцом, с двумя маленькими детьми, он не сможет заниматься семьей, посвящая много времени политической работе. Он обсудил этот вопрос с Чу и со мной. Я сказал ему, что, если он пропустит эти выборы, то ему придется ждать 4–5 лет, пока у него появится другой шанс. С каждым годом ему будет все сложнее приспособиться к другой жизни, в особенности научиться работать с людьми в избирательных округах и профсоюзах. А главное, он должен был научиться глубоко чувствовать заботы людей, доносить до них свои чувства и мысли и вести их за собой. В возрасте 32 лет Лунг вышел в отставку из ВСС, принял участие в декабрьских выборах и победил на них с большим отрывом.

Я назначил Лунга младшим министром в министерстве торговли и промышленности. Министр тут же поставил его во главе комитета, отвечавшего за развитие частного сектора, который должен был пересмотреть экономическую политику правительства в тот самый момент, когда в 1985 году в экономике Сингапура начался спад. Предложения комитета, советовавшего правительству принять строгие меры по сокращению затрат и повышению конкурентоспособности экономики, стали серьезным политическим испытанием для Лунга и других министров. В ноябре 1990 года, когда я ушел в отставку с поста премьер – министра, новый премьер – министр Го Чок Тонг назначил Лунга своим заместителем.

Многие из моих критиков считали, что Лунг был назначен на эту должность из-за того, что он – мой сын, говорили, что это попахивало кумовством. Напротив, на партийной конференции 1989 года, за год до ухода в отставку, я сказал, что для Лунга и Сингапура было бы лучше, если бы Лунг не пошел по моим стопам. На него смотрели бы как на человека, получившего власть по наследству, а не по заслугам. Он был еще молод, и было бы лучше, чтобы кто-нибудь другой сменил меня на посту премьер – министра. И тогда, если бы Лунг впоследствии доказал, что он достоин этой должности, то всем было бы ясно, что он занимает ее по заслугам.

На протяжении нескольких лет Го Чок Тонгу приходилось выносить насмешки иностранных критиков, утверждавших, что он просто «греет» место для Лунга. Тем не менее, когда Го Чок Тонг победил на вторых всеобщих выборах в 1997 году и консолидировал свои позиции в качестве самостоятельного политика, насмешки прекратились. В качестве заместителя Го Чок Тонга, Лунг зарекомендовал себя в качестве самостоятельного политического лидера, обладающего собственными взглядами, способного быстро справляться с разнообразными задачами во всех сферах деятельности правительства. Его внимание привлекает практически каждая сложная проблема, возникающая в любом министерстве, и министры, члены парламента и высшие государственные служащие знают об этом. Я мог бы продолжать оставаться на своем посту на несколько лет дольше, чтобы помочь ему в борьбе за лидерство. Я этого не сделал.

В январе 1992 года Чу и я находились в Йоханнесбурге (Johannesburg). В тот момент, когда я выступал с речью на конференции, из Сингапура позвонил Лунг. Я немедленно

перезвонил ему, опасаясь услышать плохую новость. Новость была ужасной: биопсия кишечного полипа показала, что у него был рак, лимфома. Новости, последовавшие вслед за этим, немного успокоили нас, – форма рака, от которой страдал Лунг, была промежуточной формой лимфомы, которая обычно хорошо излечивалась химиотерапией.

Лунг прошел трехмесячный курс интенсивной химиотерапии, уничтожившей раковые клетки, и практически выздоровел. Специалисты сказали, что, если болезнь опять не проявится на протяжении пяти лет, то выздоровление можно будет считать полным. Мы прожили эти пять лет в тревоге. Наступил октябрь 1997 года, и худшего не произошло. Так Лунг благополучно преодолел второй серьезный кризис в своей жизни.

В декабре 1985 года Лунг женился на Хо Чин (Ho Ching), с которой он познакомился, когда она работала инженером в министерстве обороны. Она получила президентскую стипендию в 1972 году и с отличием закончила инженерный факультет Университета Сингапура. Сейчас она практически руководит связанной с правительством компанией «Сингапур тэкнолоджиз». Это был удачный выбор. У них родилось два сына, а к двум детям Лунга от первого брака Хо Чин относится, как к своим собственным.

Сьен Ян женился на девушке из Сингапура Лим Суэт Ферн (Lim Suet Fern), которая изучала право в Гертон Колледже, в Кембридже, и также закончила его с отличием. У них три сына. Послужив 15 лет в ВСС, Ян был назначен на работу в компании «Сингапур телеком». Постоянный секретарь правительства предложил ему поступить на государственную службу в качестве административного служащего, с перспективой назначения на должность постоянного секретаря, а затем, возможно, на должность главы государственной службы. Ян предпочел пойти на работу в частный сектор и решил занять должность в компании «Сингапур телеком». Когда его назначили на должность генерального директора, мои критики снова обвинили меня в nepотизме. Для него лично и для всей системы продвижения по службе по заслугам (meritocracy), было бы катастрофой, если бы Ян был назначен на должность благодаря тому, что он – мой сын. На самом деле, его коллегам было виднее, кого назначить на должность генерального директора. Управляющим инвестиционными фондами также было лучше видно со стороны, – акции компании «Сингапур телеком» не упали в цене после его назначения. После нескольких лет работы Яна с председателями правлений и генеральными директорами крупных международных коммуникационных компаний все разговоры о фаворитизме прекратились.

Еще тогда, когда наши дети были школьниками, задолго до того, как в 1983 году я поднял вопрос о судьбе незамужних женщин с высшим образованием, Чу и я говорили своим детям, что, выбирая спутников жизни, им следовало иметь в виду, что их дети вырастут такими, как их супруги. Они женились на женщинах своего образовательного уровня.

Линь работает невропатологом, заместителем директора Национального института неврологии (National Neuroscience Institute), в госпитале Тан Ток Сен (Tan Tock Seng). Она не замужем, как и многие другие женщины ее поколения, получившие высшее образование. Она живет вместе с нами, как это принято в азиатских семьях, и много путешествует, посещая конференции по неврологии, углубляя свои знания в интересующей ее области лечения эпилепсии и умственной отсталости у детей.

В кругу своей семьи мы поддерживаем близкие отношения. Когда по воскресеньям дети приходят к нам на завтрак, младшие мальчики начинают баловаться и устраивают в доме ужасный беспорядок. Большинство людей обожают своих внуков и балуют их. Мы тоже любим своих внуков, но считаем, что родители их слишком балуют. Возможно, мы были слишком строги с их родителями, но это пошло им на пользу.

Мои три брата: Денис, Фредди и Сюан Ю, сестра Моника и я (Denis, Freddy, Suan Yew, Monica), – все очень обязаны нашей сильной, находчивой и решительной матери, которая добилась того, что мы получили наилучшее образование, исходя из наших способностей и ее возможностей. Денис пошел по моим стопам и изучал право в Фитцвильям Хаузе, в Кембридже (Fitzwilliam House). Впоследствии, вместе с Чу, мы занимались адвокатской практикой в адвокатской конторе «Ли энд Ли», а годом позже к нам присоединился Эдди Баркер, мой старый друг по Рафлс Колледжу и Кембриджу. Фредди стал биржевым маклером. Суан стал студентом – медиком, окончил Фитцвильям Хаус, в Кембридже и вернулся в Сингапур, чтобы

начать успешную частную практику. Моника рано вышла замуж. Они всегда помогали мне в беде, чем могли. Так было, когда Лунг потерял Мин Ян в 1982 году, и когда он заболел раком в 1992 году.

Я особенно близок со своими братьями. Я был не только старшим братом, но также помогал нашей матери решать серьезные семейные проблемы. Мой отец по характеру был человеком беззаботным, и уже в подростковом возрасте мать возлагала на меня обязанности главы семьи. Мои братья и сестры до сих пор относятся ко мне не только как к старшему брату, но и как к главе семейства. Все наше большое семейство сходится на семейный обед в нашем доме на Оксли Роуд, по крайней мере, два раза в год, в канун китайского Нового года, и на Новый год. Мы поддерживаем контакты и сообщаем друг другу обо всех важных событиях, например, о рождении внуков. Теперь, на шестом – седьмом десятке лет, доктора напоминают нам, как много общих генов унаследовали мы от своих родителей. Каждый раз, когда кто-нибудь из нас заболевает, они обследуют остальных родственников, чтобы удостовериться, что те не подвержены риску подобного заболевания. И мы счастливы, что трое из нас уже перешагнули семидесятилетний рубеж.

Глава 43. Эпилог

Шестилетним мальчишкой я ехал на запряженной волом телеге на деревянных колесах, обтянутых металлической полосой, без пружин и амортизаторов. Я наслаждался веселой ездой по ухабистой проселочной дороге, которая вела к каучуковой плантации моего дедушки. 50 лет спустя, в 1977 году, я перелетел на сверхзвуковом «Конкорде» из Лондона в Нью-Йорк за три часа. Технология изменила мир.

Мне пришлось петь четыре государственных гимна: британский – «Боже храни королеву» (God save the Queen), японский – «Кимигайе» (Kimigayo), малазийский – «Негара Ку» (Negara Ku) и, наконец, сингапурский – «Маджулах Сингапура» (Majulah Singapura), – таковы были политические сдвиги последних 50 лет. Иностранцы приходили и уходили: англичане, австралийцы и индийцы, потом японцы со своими союзниками корейцами и жителями Тайваня. После войны англичане вернулись и боролись с коммунистическими повстанцами. Затем Сингапур стал независимым, началась «конфронтация» между Индонезией и Малайзией. Меня затягивал водоворот политических событий и перемен.

Стали бы мои коллеги и я заниматься политикой, если бы в тот момент, когда мы сформировали Партию народного действия в ноябре 1954 года, мы заранее знали обо всех тех опасностях, с которыми придется столкнуться? Если бы мы понимали, насколько сложными и трудными будут проблемы, которые ждали нас впереди, мы никогда бы не ушли в политику с тем энтузиазмом, идеализмом и приподнятым настроением, которые царили в 50-ых годах. Мы ощущали гордость китайцев Сингапура и Малайи за успехи коммунистов в Китае. И все-таки мы, – маленькая группа представителей англоязычной колониальной буржуазии, – неспособные даже обращаться к широким массам китайцев, говоривших на диалектах китайского языка и составлявших большинство населения города, с головой ринулись в драку. Как мы вообще могли надеяться конкурировать с Коммунистической партией Малайи? Но мы об этом не думали, – мы просто хотели, чтобы англичане ушли.

Забывая о поджидавших нас опасностях, мы продолжали двигаться вперед. Наши духовные порывы были сильнее предостерегающих велений рассудка, – однажды ввязавшись в борьбу, мы втягивались в нее все сильнее и сильнее. Нам пришлось вступить в борьбу с коммунистами раньше, чем мы ожидали, столкнувшись с Объединенным фронтом рабочих, студенческих и культурных организаций, поддерживаемых вооруженным подпольем. Мы решили эту проблему путем слияния с Малайей в 1963 году, что привело к образованию Малайзии, но сразу обнаружили, что радикально настроенное малайское руководство ОМНО стремилось к созданию общества, в котором господствовали бы малайцы. Это привело к межобщинным столкновениям, бесконечным конфликтам и, в конечном итоге, к отделению и провозглашению независимости в 1965 году. Мы тут же оказались втянутыми в «конфронтацию» с Индонезией. Едва закончилась «конфронтация» с Индонезией в 1966 году, как в 1968 году Великобритания объявила о выводе своих войск из Сингапура. Мы решали одну

проблему только для того, чтобы столкнуться с еще более серьезной проблемой, и бывали моменты, когда ситуация выглядела безнадежной.

В те ранние годы пребывания у власти мы выучили несколько ценных уроков. Мы постоянно продолжали учиться, потому что ситуация постоянно менялась, и нам нужно было приспосабливать к ней нашу собственную политику. Мне повезло, что в составе правительства было несколько министров, которые были широко начитанными и образованными людьми. Их привлекали новые идеи, но они не позволяли этим идеям себя загипнотизировать. Кен Сви, Раджа, Суй Сен обменивались между собой книгами, которые мы читали. Когда мы начинали, мы были невежественны и политически невинны, но нас спасала осторожность, с которой мы проверяли и испытывали различные идеи, перед тем как внедрить их в жизнь.

Постоянные испытания закалили в нас дух товарищества. В критических ситуациях, которые следовали одна за другой, судьба каждого из нас зависела от его коллег. Мы доверяли друг другу, знали сильные стороны и слабости друг друга и были к ним снисходительны. Мы никогда не проводили опросов общественного мнения, чтобы узнать, к чему склонялось настроение публики. Наша задача состояла в том, чтобы убедить людей поддержать такие меры, которые могли бы обеспечить выживание Сингапура в качестве жизнеспособного общества, а не в качестве коммунистического или разделенного по расовому признаку города.

Мне повезло, – со мной работала сильная команда министров – единомышленников. Это были способные люди, преследовавшие общие цели, которые мы все разделяли. Костяк команды оставался неизменным на протяжении двух десятилетий. Кен Сви, Раджа, Суй Сен и Ким Сан были выдающимися людьми. Все они были старше меня и прямо говорили, что думали, особенно когда я ошибался. Они помогли мне оставаться объективным, уравновешенным и спасли меня от мании величия, которая легко могла развиваться за долгие годы пребывания на высших государственных должностях. Со мной также работали То Чин Чай, Он Пан Бун, Эдди Баркер, Ен Ньюк Линь (Yong Nyuk Ling), Кенни Бирн (Kenny Byrne) и Осман Вок, – способные, честные, преданные делу люди.

Когда мы начинали в 1959 году, мы мало что знали о том, как управлять обществом или как решать многочисленные экономические и социальные проблемы. Все, что у нас было – это горячее желание изменить несправедливое общество к лучшему. Чтобы сделать это, мы должны были победить в борьбе за политическую власть, а, победив в борьбе за власть, – сохранить поддержку наших людей, чтобы продолжать неоконченную работу.

Я искал способных людей и назначал их на должности министров и высших государственных чиновников, чтобы управлять честно, эффективно, быть отзывчивым к нуждам людей. Нам было необходимо удерживать рабочих на нашей стороне и, в то же самое время, заботиться об удовлетворении потребностей инвесторов, чей капитал, знания, навыки управления и выход на внешние рынки позволили бы нам зарабатывать на жизнь, лишившись традиционных рынков в Малайзии. Мы учились в процессе работы и учились быстро. Если и была какая-либо формула нашего успеха, то она заключалась в том, что мы постоянно учились, как сделать так, чтобы система работала, или сделать так, чтобы она работала еще лучше. Я никогда не был заложником какой-либо теории, мною руководили здравый смысл и реализм. Лакмусовой бумажкой, которую я применял к любой теории или схеме, было: «Будет ли она работать в реальной жизни?» Это была та золотая нить, которая протянулась через все годы моей работы. Если теория не работала, и результаты были плохими, то я больше не тратил на это времени и ресурсов. Я почти никогда не делал одну и ту же ошибку дважды и пытался учиться на ошибках других. Уже в первые годы пребывания у власти я открыл для себя, что среди тех проблем, над решением которых я бился, было очень мало таких, с которыми не сталкивались бы до меня другие правительства и не разрешали бы их. Поэтому я взял за правило искать и находить тех, кто уже имел дело со стоявшими перед нами проблемами, изучать, как они работали над их решением и каких результатов добились. Касалось ли это строительства нового аэропорта или изменений в наших методах обучения, я посылал за границу команду служащих, чтобы изучить опыт тех стран, которые добились в этом деле успеха. Я предпочитал взбираться наверх, опираясь на плечи тех, кто шел впереди нас.

Оглядываясь назад, можно сказать, что нам очень повезло в том, что Сингапур не пострадал от некоторых наших рискованных действий и политических шагов. Мы работали

вместе с коммунистами в составе Объединенного фронта и вполне могли быть смяты и уничтожены, как это случилось с социал-демократами в Польше и Чехословакии во время Второй мировой войны. Мы исходили из наивной веры в то, что логика «избирательной арифметики» постепенно сделает малайское общество менее разделенным по национальному признаку. Время же показало, что общие экономические интересы не позволяют полностью преодолеть национальные предрассудки. Столкнувшись с экономическими трудностями, я позволил построить нефтеперерабатывающий завод в Кеппеле, что создавало угрозу пожара для нашего главного экономического достояния – торгового порта. Беспорядки среди китайских учащихся средних школ в 50-ых годах произвели на меня такое неизгладимое впечатление, что мы откладывали вопрос придания английскому языку статуса официального языка с 1965 до 1978 года, что ухудшило экономические перспективы многих китайских студентов.

Я научился игнорировать критику и советы, исходившие от экспертов и квази-экспертов, в особенности от ученых в области социальных и политических наук. Они располагают множеством обожаемых ими теорий о том, как должно развиваться общество, чтобы приближаться к их идеалу, а в особенности, как сделать так, чтобы бедность исчезла, а благосостояние – повысилось. Я всегда старался быть правым по сути дела, не обращая внимания на политическую корректность. Корреспонденты западных средств массовой информации в Сингапуре проповедовали свои теории и критиковали мою политику, надеясь оказать влияние на правительство и избирателей. Хорошо, что народ оказался таким же прагматичным и реалистично мыслящим, как и правительство.

Я был бы другим человеком, если бы остался юристом и не ушел в политику. Мой опыт работы был бы меньше, а кругозор – уже. В качестве политика я вынужден был заниматься всей гаммой общественных проблем. Китайская поговорка говорит: «Как ни мал воробей, но и у него есть все пять органов чувств». Как ни мал Сингапур, его внутренние и внешние проблемы те же, что и у любой большой страны. Выполняя свои обязанности, я столкнулся с широкой гаммой проблем человеческого общества и приобрел такой взгляд на мир, которого у меня не было бы, останься я юристом.

Я никогда не позволял себе забыть об уникальном положении Сингапура в Юго-Восточной Азии. Чтобы выжить, мы должны были быть более организованными, работать более эффективно, быть более конкурентоспособными, чем другие страны региона, иначе была бы подорвана сама идея существования Сингапура в качестве связующего звена между развитыми и развивающимися странами. После того, как все проблемы были проанализированы и обговорены, я больше полагался на свою интуицию, решая, что подходило, а что не подходило для Сингапура. Я убедил наших людей свергнуть английских колонизаторов и воссоединиться с Малайей. Затем мы оказались отторгнутыми от Малайзии. После этого нашей задачей было сделать Сингапур преуспевающим и дать нашим людям будущее.

Сплоченная и целеустремленная группа лидеров, поддержанная практичным и трудолюбивым народом, который им доверял, сделала все это возможным. Ожидал ли я, что независимый Сингапур, размер ВВП которого в 1965 году составлял 3 млрд. сингапурских долларов, к 1997 году увеличит объем ВВП в 15 раз – до 46 млрд. сингапурских долларов в ценах 1965 года и займет, по данным Мирового банка, восьмое место в мире по размерам ВВП на душу населения? Мне часто задавали этот вопрос, и я отвечал: «Нет». Как я мог предвидеть, что наука и технологии, в особенности прорывы в сфере транспорта, телекоммуникаций и производства сделают мир таким маленьким?

История прогресса Сингапура – это отражение прогресса индустриальных стран, их изобретений, технологий, предприимчивости и энергии. Это часть истории человечества, посвященная поиску новых путей увеличения благосостояния и богатства. В 1819 году служащий «Ост-Индской компании» (East India Company) Стамфорд Рафлс обнаружил остров, населенный 120 рыбаками, и превратил его в центр на морском пути из Индии в Китай. Став коммерческим центром Британской империи в Юго-Восточной Азии в результате развития международной торговли, Сингапур процветал. Замена парусников на пароходы и открытие Суэцкого канала в 1869 году сделали судоходство более оживленным, что ускорило развитие Сингапура.

Во время японской оккупации 1942–1945 годов, в результате военных действий, судоходство значительно сократилось, город практически оказался блокированным. Резко сократились объемы торговли, стал ощущаться недостаток продовольствия и медикаментов, половина миллионного населения Сингапура покинула город, отправившись в Малайю и на острова Риау. Многие из оставшихся в городе жителей владели полуголодное существование. После победы союзников в августе 1945 года судоходство возобновилось, оно принесло с собой продовольствие, медикаменты и другие предметы первой необходимости, и рассеявшееся было население вернулось. Торговля и инвестиции восстановили экономику.

Каждый новый прорыв в технологической сфере: появление контейнеров, развитие пассажирских и грузовых авиаперевозок, спутниковой связи, межконтинентальных оптоволоконных линий связи, – двигал Сингапур вперед. В течение следующих 50 лет технологическая революция вызовет огромные изменения. Развитие информационной технологии, компьютеров, средств коммуникаций и многочисленных способов их применения, революция в микробиологии, генной инженерии, клонировании и воспроизводстве органов, – изменят жизнь людей. Жители Сингапура должны будут проявить находчивость в том, как воспринять и приспособить эти открытия, использовать их с пользой для себя и других.

Общение с иностранцами многому научило сингапурцев. Мы посылали наших самых способных учеников учиться за границу, в развитые страны, сначала за счет стипендий, выделяемых этими государствами, а потом за счет стипендий, выделяемых правительством Сингапура. Мы также заметили те растущие социальные трудности, которые развитые страны испытывали в результате своей либеральной социальной политики и политики в сфере благосостояния. Я извлекал выгоду из уроков, за которые платили другие. Я встретил много способных иностранных лидеров, которые учили меня и дополняли мое видение мира.

Собрать вместе команду людей, которые заменят меня и моих коллег, было почти так же трудно, как и сдвинуть Сингапур с места после провозглашения независимости. Второе поколение лидеров принесло с собой в правительство свежий порыв энтузиазма и энергии. Их опыт и идеи более соответствуют настроениям молодого поколения сингапурцев, они могут вести Сингапур в новое тысячелетие. Я получаю огромное удовлетворение, наблюдая за тем, как они становятся все увереннее в себе и ускоряют темп движения вперед.

Что готовит будущее Сингапuru? Из истории мы знаем, что города-государства выживали плохо. Греческие города-государства больше не существуют в качестве самостоятельных государств. Большинство из них не исчезло физически, но было поглощено, стало частью больших государств. Город-государство Афины исчезло, но город Афины выжил в составе Греции, и Парфенон остается живым свидетельством достижений жителей древних Афин. Другие города в больших странах были разрушены, их люди уничтожены или рассеяны, но нации, частью которой они были, выжили, и новые люди вновь населили и отстроили их. Исчезнет ли Сингапур как независимый город – государство? Остров Сингапур не исчезнет, но суверенное государство, которым он стал, оказавшееся способным идти своим собственным путем и играть свою собственную роль в мире, может исчезнуть.

С момента основания современного Сингапура Стамфордом Рафлсом прошло уже 180 лет, но на протяжении 146 лет, до 1965 года, город был всего лишь форпостом Британской империи. Сингапур процветал, потому что он был необходим и полезен остальному миру, являясь частью глобальной сети городов, в которых преуспевающие компании развитых стран основывали свой бизнес. Чтобы оставаться независимым государством, Сингапур нуждается в таком мире, где существует баланс сил, позволяющий маленьким государствам выжить, а не быть завоеванными и поглощенными большими странами.

Мир и стабильность в Азиатско-Тихоокеанском регионе зависят от стабильных отношений между США, Японией и Китаем. Китай и Япония являются конкурентами в сфере своих геополитических интересов. Японское вторжение и оккупация Китая в годы Второй мировой войны до сих пор осложняют взаимоотношения между ними. Японцы имеют больше общих интересов с американцами. Равновесие между США и Японией, с одной стороны, и Китаем – с другой стороны, будет определять структуру и контекст всей системы взаимоотношений между странами Восточной Азии. Если общее равновесие сил сохранится, то будущее региона является безоблачным, и Сингапур будет оставаться полезным для мира.

Начиная свою политическую деятельность в 50-ых годах, я не знал, что мы окажемся на стороне победителей в «холодной войне», что Сингапур будет пожинать плоды социально-экономического прогресса, который явился результатом стабильности, предприимчивости и связей с Западом. Нам пришлось жить в период колоссальных политических, социальных и экономических изменений. Наиболее трудным периодом были годы от провозглашения независимости в 1965 году, до вывода английских войск в 1971 году. Только тогда, когда основной контингент британских войск оставил Сингапур, и это не привело к высокой безработице, я почувствовал, что мы стали менее уязвимы.

Будущее является столь же многообещающим, сколь и неопределенным. Индустриальное общество уступает место обществу, основанному на знаниях, новая линия раздела пройдет в мире между теми, кто обладает знаниями, и теми, у кого их нет. Мы должны учиться и стать частью мира, основанного на знаниях. То, что мы преуспевали на протяжении последних трех десятилетий, не гарантирует, что так будет продолжаться и впредь. Тем не менее, наши шансы не потерпеть неудачу будут лучше, если мы будем придерживаться тех основных принципов, которые помогли нам преуспеть. Это – общественное согласие, достигаемое путем справедливого распределения плодов прогресса. Это – равные возможности для всех. Это – система продвижения по заслугам, при которой лучшее место занимает наиболее достойный. Последнее особенно важно, когда речь идет о людях, возглавляющих правительство.